RUSSKII VIESTNIK 1858
Vols. 14, 18, 19, 21, 23

Статьи историческія

(Изъ Русскаго Вѣстник[а]
13 Томов: 15, 19, 21, 23, 24)

3.

Авдотья Өедоровна Лопухина

(Посвящается В. И. Водовозову.)

Съ 1686 года Петръ болѣе и болѣе предавался всякаго рода военнымъ потѣхамъ. Въ 1688 году онъ пристрастился къ катаньямъ по водѣ, съ восторгомъ разъѣзжалъ онъ со старикомъ Брантомъ на дѣдовскомъ ботѣ по грязной Яузѣ и по тѣнистымъ прудамъ измайловскимъ. Наскучивъ Яузой, онъ спѣшилъ къ Переяславлю-Залѣсскому разгуляться на Переяславскомъ озерѣ, замѣчательномъ не столько по величинѣ, сколько по живописнымъ своимъ окрестностямъ.

Послѣ первой же поѣздки своей въ Переяславль, царь обратился къ матери съ просьбою вновь отпустить его туда для постройки судовъ. Нѣжно любя сына, Наталья Кириловна съ трепетомъ смотрѣла на его огненныя потѣхи; новая придуманная имъ забава водою приводила ее въ ужасъ; болѣе же всего боялась она частыхъ и продолжительныхъ его отлучекъ; до нея доходили уже слухи о замыслахъ царевны Софіи, которые становились болѣе и болѣе опасными для нея и ея семейства. Не въ состояніи будучи отказать просьбѣ сына, царица тѣмъ не менѣе не теряла еще надежды удержать рѣзваго Петра при себѣ, и поспѣшила его женить: нашла ему невѣсту, молодую, прекрасную, Авдотью Өедоровну Лопухину,

дочь окольничаго Өедора Абрамовича, одного изъ друзей своего дома, и 27 января 1689 г. отпраздновали свадьбу.

Женитьба Петра на двадцатилѣтней (1) прелестной дѣвушкѣ старинной фамиліи не могла нравиться Софіи. Соправительница *скорбнаго главой* царя Ивана стремилась къ одному—къ удаленію Петра отъ царскаго престола (2). Она старалась воспрепятствовать этому браку, но тщетно: Петръ былъ уже готовъ къ борьбѣ съ нею; уже близилось время паденія умной и честолюбивой Софіи.

Родъ Лопухиныхъ если не былъ изъ знатныхъ, то принадлежалъ къ числу самыхъ старинныхъ боярскихъ фамилій. Родоначальникъ Лопухиныхъ, Редедя или Редега, воинственный царь Касоговъ, зарѣзанъ въ единоборствѣ Мстиславомъ Тмутороканскимъ въ 1022 году. Дѣти его, названныя по крещеніи Юріемъ и Романомъ, служили великому князю. Правнукъ Романа Редегича, Михайло Юрьевичъ Сорокоумъ, имѣлъ сына Глѣба, родоначальника Глѣбовыхъ, Колтовскихъ, Лупандиныхъ и Ушаковыхъ. Правнукъ Глѣба Михайловича, Варѳоломей Григорьевичъ, по прозванью Лапоть, имѣлъ сына Василія Лопуху; отъ него-то и пошли Лопухины (3).

Лопухины давно уже пользовались особеннымъ благорасположеніемъ царицы Натальи Кириловны. Когда, по случаю крещенія Петра 29 іюня 1672 года, былъ столъ въ Грановитой Палатѣ для властей, царевичей, бояръ, окольничихъ и думныхъ людей, а царица угощала у себя, въ своихъ покояхъ, самыхъ ближнихъ, отца и Матвѣева: за поставцомъ, въ ея хоромахъ, сидѣлъ думный дворянинъ Абрамъ Никитичъ Лопухинъ. То былъ дѣдъ Авдотьи Өедоровны. Отецъ ея, Илларіонъ Абрамовичъ, сталъ называться Өеодоромъ послѣ бракосочетанія до-

---

(1) Авдотья Өедоровна родилась 30 іюля 1669 года. Родная сестра ея, Аксинья Өедоровна Лопухина, была замужемъ за Б. И. княземъ Куракинымъ, чрезвычайнымъ и полномочнымъ министромъ и посломъ въ 1724 г. въ Парижѣ, гдѣ и скончался онъ въ 1727 г. на 51 году отъ рожденія.

(2) «Окружающіе Петра увидавъ, что жена Ивана, царица Прасковья Өедоровна очреватѣла, склонили и своего государя къ понятію себѣ супруги.» *Житіе Петра*, 1788, стр. 71.

(3) Копіи съ гербовника (часть 3, отд. I, стр. 8), герба и родословной рода Лопухиныхъ, съ описаніемъ происхожденія сей фамиліи, выданы по указу его величества В. Г. Лопухину 1801 года февраля 13-го директоромъ герольдіи Козодавлевымъ. Копіи эти нынѣ хранятся у меня.

чери его съ царемъ; такъ точно былъ переименованъ въ 1684 году, по свидѣтельству Гордона, отецъ супруги царя Ивана Алексѣевича, Александръ Салтыковъ, въ Ѳеодоры.

Свадьбу Петра отпраздновали скромно (1): онъ вѣнчался даже не въ Благовѣщенскомъ соборѣ, а въ небольшой придворной церкви Св. апостолъ Петра и Павла Священствовалъ духовникъ его, протопопъ Меркурій.

По случаю бракосочетанія, всѣ родственники царицы были осыпаны подарками, возведены въ почетныя званія, и заняли важнѣйшія мѣста при дворѣ государя. Такъ напримѣръ, въ числѣ награжденныхъ былъ и стольникъ Алексѣй Кипріяновичъ, одинъ изъ двоюродныхъ братьевъ государыни. Въ апрѣлѣ 1693 года онъ получилъ жалованную грамоту «за его многую службу государямъ-царямъ Алексѣю, Ѳеодору и Петру Алексѣевичамъ... на многія земли въ Великолуцкомъ уѣздѣ», поступившія ему въ вѣчное, потомственное владѣніе. Въ іюлѣ 1698 года тотъ же Алексѣй Лопухинъ получилъ новую жалованную грамоту, втрое длиннѣе прежней (два съ половиною аршина): «за службу предковъ, сказано было въ ней, и отца его, и за его, которыя службы, ратоборство, и храбрость, и мужественное ополченіе и крови, и смерти, предки, и отецъ его, и сродники, и онъ показали въ прошедшую войну, въ коронѣ Польской и въ княжествѣ Литовскомъ, похваляя милостиво тое ихъ службу, и промыслы, и храбрость въ роды и роды», жалуемъ ему новыя угодья и пустоши въ Великолуцкомъ уѣздѣ «въ роды его неподвижно, чтобы царское жалованье и его вышеупомянутая служба, и храбрость, и мужественное ополченіе за благочестивую вѣру и за насъ великихъ государей, и за свое отечество послѣднимъ родамъ было на память» и т. д. (2).

7 августа 1689 года царю Петру угрожала страшная опасность. Противъ жизни его составленъ былъ заговоръ царевной Софіей. Къ счастію государя, онъ былъ вовремя предувѣдомленъ. Двое стрѣльцовъ прискакали къ нему въ Преображенское около полуночи. Царь покоился глубокимъ сномъ. Его разбудили. Стрѣльцы донесли о заговорѣ и наименовали главныхъ участни-

(1) *Древн. Росс. Вивл.*, XI, 194.

(2) Грамоты эти, отпечатанныя церковно-славянскими буквами, со штофными покровами и большими красными печатями, подарены намъ П. и Т. В. Лопухиными, послѣдними (по мужеской линіи) изъ сего рода.

ковъ, «умышлявшихъ смертное убійство на государя и государыню-царицу». Внезапно пробужденный, страшно перепуганный, Петръ, прямо съ постели, босой, въ одной сорочкѣ, бросился въ конюшню, вскочилъ на коня и скрылся въ ближайшій лѣсъ; туда принесли ему платье; онъ наскоро одѣлся, и, не теряя ни минуты, съ величайшею поспѣшностью пустился по дорогѣ къ Троицко-Сергіевой лаврѣ. Въ пять часовъ проскакалъ онъ шестьдесятъ верстъ... Столь же поспѣшно, въ ту же ночь, отправилась изъ Преображенскаго въ Троицкій монастырь царица Наталья Кириловна съ дочерью; съ ними поѣхала супруга Петра, Авдотья Ѳедоровна: она была беременна (1)...

Царевичъ Алексѣй Петровичъ, первенецъ-сынъ, какъ бы до дня своего рожденія уже былъ обреченъ на судьбу злополучную. Его отцу угрожаетъ смерть отъ ножей злоумышленниковъ, его мать въ страшномъ испугѣ, въ поспѣшномъ бѣгствѣ, вслѣдъ за мужемъ, ищетъ спасенія...

Авдотья Ѳедоровна разрѣшилась отъ бремени 18 февраля 1690 года. Новорожденный царевичъ былъ нареченъ именемъ своего знаменитаго дѣда.

Въ этотъ день былъ «у государей столъ, ради рожденія царевича Алексѣя» (2). Первый день жизни Алексѣя Петровича ознаменовался распрей и ссорами. Генералъ Гордонъ, приглашенный къ торжественному столу, долженъ былъ послѣ жаркаго спора удалиться изъ дворца, по настоятельному требованію Іоакима, ненавистника Нѣмцевъ. Онъ объявилъ рѣшительно, что иноземцамъ при такихъ случаяхъ быть неприлично; вся эта сцена, разумѣется, обидѣла генерала, оскорбила и царя Петра.

Первые годы супружеской жизни Авдотьи Ѳедоровны съ царемъ прошли спокойно. Молодые супруги жили согласно и любили другъ друга: такъ по крайней мѣрѣ можно судить по немногимъ письмамъ царицы къ мужу, найденнымъ и напечатаннымъ г. Устряловымъ въ приложеніяхъ ко II тому *Исторіи Петра I*.

«Государю моему радости, царю Петру Алексѣевичу, писала Авдотья Ѳедоровна еще въ 1689 году, здравствуй, свѣтъ мой, на множество лѣтъ! Просимъ милости, пожалуй, государь, буди

(1) Устряловъ *Исторія царствованія Петра I*, по разказу Гордона, II, стр. 59.

(2) *Древняя Росс. Вивл.*, XI. 185.

къ намъ изъ Переславля не замѣшкавъ. А я при милости матушкиной жива. Женишка твоя Дунька челомъ бьетъ.»

«Лапушка мой, здравствуй на множество лѣтъ! Да милости у тебя прошу, какъ ты позволишь ли мнѣ къ тебѣ быть?.. И ты пожалуй о томъ, лапушка мой, отпиши. За симъ женка твоя челомъ бьетъ.»

Въ 1693 году, въ бытность царя на Бѣломъ морѣ, Авдотья Ѳедоровна продолжала писать столь же нѣжныя письма. «Предражайшему моему государю-радости, царю Петру Алексѣевичу. Здравствуй, мой свѣтъ, на многія лѣта! Пожалуй, батюшка мой, не презри, свѣтъ, моего прошенія: отпиши, батюшка мой, ко мнѣ о здоровьи своемъ, чтобъ мнѣ, слыша о твоемъ здоровьи, радоваться. А сестра твоя царевна Наталья Алексѣевна въ добромъ здоровьи. А про насъ изволишь милостію своею напамятовать, и я съ Алешенькою жива. Женка твоя Дунька.»

Вмѣстѣ съ письмами Натальи Кириловны, Авдотья Ѳедоровна неоднократно посылала письма къ Петру отъ ихъ малютки сына. Г. Устряловъ не отыскалъ въ архивахъ, по крайней мѣрѣ не напечаталъ ни одного письма Петра къ его первой супругѣ. Въ письмахъ его къ матери мы также ничего не нашли, что̀ бы относилось къ ней. Тѣмъ не менѣе, смѣло можно сказать, что до смерти царицы Натальи (25 января 1694 года) отношенія Петра къ женѣ были самыя дружелюбныя, и что они жили въ любви и согласіи (1). Кромѣ царевича Алексѣя, государыня родила 3 октября 1691 года другаго сына, Александра, который скончался 14 мая слѣдующаго года, спустя семь мѣсяцевъ по рожденіи.

Родственники ея еще пользовались расположеніемъ и вниманіемъ царя. Такъ въ 1697 году въ числѣ знатнѣйшихъ молодыхъ вельможъ того времени, государь послалъ за границу роднаго брата своей жены, Абрама Ѳедоровича Лопухина. Въ числѣ тридцати девяти стольниковъ Лопухинъ отправленъ былъ въ Италію; къ нему приставили солдата Черевина. Солдаты были приставлены какъ для изученія морскаго дѣла, такъ и для надзора за прилежаніемъ баричей, которымъ объявлено, чтобъ они и не думали возвращаться въ Россію безъ письменнаго свидѣтельства заморскихъ капитановъ въ основательномъ изученіи кораблестроенія и мореплаванія, подъ

---

(1) *The History of Peter the Great* by Alexander Gordon. Aberdeen, 755. II. 280—284.

страхомъ потери всего имущества. Изъ числа этихъ деньщиковъ-шпіоновъ Григорій Скорняковъ-Писаревъ въ послѣдствіи игралъ важную роль въ судьбѣ царицы Авдотьи Ѳедоровны.

Но вскорѣ Петръ замѣтно охладѣлъ къ своей супругѣ, и уже неохотно съ нею переписывался. Авдотья Ѳедоровна пеняла ему съ огорченіемъ, какъ видно изъ слѣдующаго письма, обнародованнаго г. Устряловымъ:

«Предражайшему моему государю, свѣту радости, царю Петру Алексѣевичу. Здравствуй, мой батюшка, на множество лѣтъ! Прошу у тебя, свѣтъ мой, милости, обрадуй меня, батюшка, отпиши, свѣтъ мой, о здоровьи своемъ, чтобы мнѣ бѣдной въ печалѣхъ своихъ порадоваться. Какъ ты, свѣтъ мой, изволилъ пойтить, и ко мнѣ не пожаловалъ, не отписалъ о здоровьи не единой строчки. Только я, бѣдная, на свѣтѣ безчастная, что не пожалуешь, не пишешь о здоровьи своемъ. Не презри, свѣтъ мой, моего прошенія. А сестра твоя царевна Наталья Алексѣевна въ добромъ здоровьи. Отпиши, радость моя, ко мнѣ, когда ко мнѣ изволишь быть. А спросить изволишь милостію своею обо мнѣ, и я съ Алешенькою жива.»

Изъ этого письма, говоритъ г. Устряловъ (1), очевидно, что и по смерти царицы Натальи Кириловны, поддерживавшей согласіе между сыномъ и невѣсткою, Авдотья Ѳедоровна не теряла надежды на любовь мужа. Рѣшительный разрывъ послѣдовалъ, кажется, передъ отъѣздомъ царя за границу, по открытіи заговора Соковнина.

Около этого времени, въ мартѣ 1697 года, страшная опала поразила отца и дядей царицы. Бояре Ѳедоръ Абрамовичъ и братья его, Василій и Сергѣй, были сосланы на вѣчное житье въ Тотьму, Саранскъ и Вязьму. Чѣмъ прогнѣвили они государя— неизвѣстно. О причинѣ ихъ ссылки не могъ ничего узнать и г. Устряловъ, имѣвшій въ своихъ рукахъ всѣ достовѣрнѣйшіе документы того времени (2).

Тогда же рѣшено было удалить Авдотью Ѳедоровну въ монастырь: по крайней мѣрѣ, изъ Лондона царь прислалъ повелѣніе

---

(1) *Исторія царствованія Петра*, III, стр. 188—191.

(2) Въ запискахъ Желябужскаго ошибочно сказано Ѳедоръ Михайловичъ вмѣсто Ѳедора Абрамовича. Въ официіальномъ спискѣ палатнымъ людямъ 1705 года, г. Устряловъ нашелъ въ числѣ бояръ Ѳедора Абрамовича Лопухина, съ отмѣткою: «велѣно жить въ своей деревнѣ до указу».

боярамъ Л. К. Нарышкину и Т. Н. Стрѣшневу, также духовнику царицы, склонить ее къ добровольному постриженію (1).

« О чемъ изволилъ ты писать къ духовнику и ко Льву Кириловичу, и ко мнѣ, отвѣчалъ Стрѣшневъ 19 апрѣля 1698 года, и мы о томъ говорили прилежно, чтобы учинить во свободѣ, и она упрямится. Только надобно еще отписать къ духовнику, и сами станемъ и еще говорить почасту. А духовникъ человѣкъ малословный; а что ему письмомъ подновить, то онъ больше станетъ прилежать въ томъ дѣлѣ».

Петръ подтвердилъ свою волю, по возвращеніи изъ Лондона въ Амстердамъ, повелѣвъ и князю Ромодановскому, 9 мая 1698 года, содѣйствовать Стрѣшневу: «Пожалуй сдѣлай то, о чемъ тебѣ станетъ говорить Тихонъ Никитичъ, для Бога...»

18 іюля 1698 года, въ Вѣнѣ былъ данъ въ честь русскаго посольства великолѣпный обѣдъ... Явился заздравный кубокъ, наполненный мозельвейномъ; всѣ гости встали и пили здоровье императора, провозглашая его по очереди другъ другу, пока кубокъ не обошелъ всего стола. Во все это время гости стояли. Передъ обѣдомъ условились было, чтобы Лефортъ провозгласилъ такимъ же образомъ здоровье императрицы и потомъ Римскаго короля, баронъ же Кенигсакеръ здоровье царицы Московской: но ни то, ни другое пито не было, потому ли, что обрядъ былъ слишкомъ продолжителенъ, или, вѣроятнѣе, потому, что царь уже сомнѣвался, не была ли его жена въ заговорѣ съ Софіей...

Вѣсть о стрѣлецкомъ возстаніи достигла Петра. Эти поборники стараго порядка вещей, уже потерявшіе на висѣлицахъ и плахахъ множество изъ своихъ собратій, снова поднялись, чтобъ еще разъ испытать счастіе, и еще разъ, уже совершенно, пасть въ безплодныхъ усиліяхъ. Предводимые ярыми противниками Нѣмцевъ, полки Великолуцкихъ стрѣльцовъ двинулись къ Москвѣ. Они рѣшились растворить темницу Софіи и ей поручить правленіе государствомъ, въ ожиданіи совершеннолѣтія Алексѣя Петровича. Съ перемѣною правительства стрѣльцы надѣялись уничтожить нововведенія.

Стрѣльцы были побѣждены; главнѣйшіе казнены; для совершенія ужаснѣйшей кары надъ сотнями остальныхъ спѣшилъ самъ Петръ. 25 августа въ 6 часу пополудни вернулся онъ изъ-за границы, и въ тотъ же вечеръ успѣлъ побывать въ нѣсколькихъ

(1) *Донесеніе Гваріенты къ австрійскому двору*, 12 сент 1698 г.

домахъ, въ городѣ и въ Нѣмецкой слободѣ; навѣстилъ бояръ, повидался съ семействомъ Монсъ, и на ночь удалился въ Преображенское. Не посѣтилъ онъ только одной особы, которая нетерпѣливѣе всѣхъ, между страхомъ и надеждою, ожидала его возвращенія,—царицы своей, Авдотьи Ѳедоровны.

По приказу государя, ее продолжали убѣждать добровольно удалиться въ монастырь. Царица не соглашалась. 31 августа, въ домѣ почтмейстера Виніуса, Петръ бесѣдовалъ съ женой наединѣ, и въ продолженіи четырехъ часовъ, какъ свидѣтельствуетъ Гваріенти, тщетно убѣждалъ жену на согласіе. Корбъ, въ своемъ извѣстномъ дневникѣ (изд. 1700, стр. 74), увѣряетъ, вопреки общему слуху, что государь бесѣдовалъ не съ женою, а съ сестрой своею Натальей. Свидѣтельство Гваріенти, замѣчаетъ г. Устряловъ, вѣроятнѣе потому, что съ любимою сестрою царь безъ сомнѣнія видѣлся и прежде.

Какъ бы то ни было, но всѣ эти бесѣды не повели ни къ чему. Петръ прибѣгнулъ къ силѣ. Недѣли три спустя послѣ его свиданія съ женой, царевна Наталья Алексѣевна, исполняя волю брата, взяла отъ царицы ея сына, царевича Алексѣя, бывшаго осьми лѣтъ и семи мѣсяцевъ. Изъ кремлевскихъ палатъ Алексѣй былъ отвезенъ въ село Преображенское; а 25 сентября 1698 года, говоритъ Гордонъ, волею-неволею, въ самой простой каретѣ, безъ свиты, Авдотья Ѳедоровна отправлена въ Суздальско-Покровскій дѣвичій монастырь. Въ подлинныхъ актахъ того времени даже не записанъ день ея ссылки.

«Со всѣмъ почтеніемъ, пишетъ князь М. Щербатовъ, которое я къ сему великому въ монархахъ и великому въ человѣкахъ въ сердцѣ своемъ сохраняю, со всѣмъ чувствіемъ моимъ, что самая польза государственная требовала, чтобы онъ имѣлъ окромѣ царевича Алексѣя Петровича законныхъ дѣтей, преемниками его престола, не могу я удержаться, чтобы не охулить разводъ его съ первою его супругой, рожденною Лопухиной, и второй бракъ, по постриженіи первой супруги, съ плѣнницею Екатериною Алексѣевной, монархъ и не имѣлъ къ разводу сильныхъ причинъ, по крайней мѣрѣ я ихъ не вижу, окромѣ склонности его къ Монсовой и сопротивленіямъ жены его къ новымъ установленіямъ.»

Чѣмъ именно провинилась царица передъ своимъ мужемъ—остается тайною и до сихъ поръ. Не разъяснилъ этой тайны и авторъ *Исторіи царствованія Петра I*. Иностранные писатели, Вильбоа, Левекъ, Леклеркъ и другіе, увѣряютъ,

что гибели Лопухиной особенно содѣйствовалъ Александръ Меншиковъ, будто бы уже въ это время имѣвшій сильное вліяніе на умъ и волю государя. Вотъ что̀ говоритъ Вильбоа: «Гордая царица не любила Меншикова, какъ безвѣстнаго простолюдина, взятаго съ улицы и изъ-подъ пирожнаго лотка поставленнаго на ступеняхъ трона. На ея презрѣніе царскій фаворитъ отвѣчалъ ненавистью и умѣлъ подвигнуть государя къ ссылкѣ и заточенію Лопухиной.» Но это пустѣйшая выдумка: Меншиковъ въ это время не имѣлъ значенія, не игралъ еще той важной роли, какая выдалась ему въ послѣдствіи.

Въ іюнѣ 1699 года, по именному царскому повелѣнію, объявленному окольничимъ Семеномъ Языковымъ архимандриту суздальскаго Спасо-Ефимьева монастыря Варлааму, Авдотья Ѳедоровна была пострижена іеромонахомъ Иларіономъ въ келліи старицы Маремьяны, подъ именемъ инокини Елены.

Вотъ что̀ было сказано въ царскомъ указѣ 22 іюня 7207 года (1699): «Отъ великого государя царя и великого князя Петра Алексѣевича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца въ суздальскій Спасо-Ефимьевъ монастырь, архимандриту Варлааму, келарю-старцу Игнатію съ братіею. Какъ къ вамъ ся наша великого государя грамота придетъ, и окольничій нашъ Семенъ Ивановичъ Языковъ для какихъ нашихъ дѣлъ къ вамъ въ монастырь кого пришлетъ, и вы бы ему, окольничему нашему Семену Ивановичу, во всемъ были послушны. Москва. Скрѣпилъ дьякъ Григорій Посниковъ.»

Въ Москвѣ носилась молва, что остудила царя къ царицѣ золовка ея, царевна Наталья Алексѣевна; но, по замѣчанію г. Устрялова, едва ли и это справедливо: то былъ простонародный толкъ стрѣльчихъ, не знавшихъ дѣла. *Вѣроятнѣе,* пишетъ Александръ Гордонъ въ своей *The History of Peter* (1755, II. 281), что Авдотья Ѳедоровна отдалила отъ себя своего супруга безотвязною ревнивостью и упреками за привязанность его къ иностранцамъ; вся родня царицы питала къ иноземцамъ глубокую ненависть. Одинъ изъ ея братьевъ (не Абрамъ ли Ѳедоровичъ?) оскорблялъ даже Лефорта въ присутствіи царя. Такъ напримѣръ, разказываетъ шведскій резидентъ Кохенъ, 26 февраля 1693 года государь обѣдалъ у Лефорта. Въ жару спора Лопухинъ сталъ поносить генерала самыми непристойными выраженіями, наконецъ схватился въ рукопашную, и въ дракѣ сильно *измялъ прическу* великаго адмирала. Царь тутъ же заступился за своего любимца, и наказалъ оскорбителя пощечи-

нами. Справедливость сего факта подверждается свидѣтельствомъ г. Устрялова.

Непріязнь своихъ родственниковъ ко всему иноземному раздѣляла и Авдотья Ѳедоровна, но въ замыслахъ стрѣльцовъ она нисколько не участвовала: такъ удостовѣряютъ акты розыскнаго дѣла, тщательно изслѣдованные историкомъ Петра; притомъ же царь вознамѣрился постричь ее прежде бунта.

«Поясненіемъ загадки *вѣроятно* можетъ служить ссылка Лопухиныхъ вслѣдъ за казнію Соковнина, Циклера и Пушкина: *едва ли,* говоритъ г. Устряловъ, не подозрѣвалъ Петръ свою жену съ ея роднею если не въ соучастіи съ ними, то по крайней мѣрѣ въ тайномъ доброжелательствѣ къ ихъ многочисленной партіи. *Впрочемъ, безъ сомнѣнія,* были и другія причины: трудно согласиться, чтобы Петръ, безъ важныхъ побужденій, рѣшился отринуть отъ своего ложа такъ еще недавно любимую жену, даровавшую ему наслѣдника престола.»

Не скоро еще исторія Петра будетъ удовлетворять справедливымъ требованіямъ, если при разъясненіи столь важнаго событія, какова ссылка и постриженіе первой его жены, авторъ новѣйшей исторіи царствованія его долженъ безпрестанно прибѣгать къ догадкамъ, въ *вѣроятности* которыхъ очень и очень можно *сомнѣваться.*

Любопытно, что удаленіе Лопухиной изъ Москвы совпадаетъ съ другимъ, весьма интереснымъ событіемъ: въ это время Петръ сталъ стричь и подстригать бороды своихъ бояръ и объявилъ бородачамъ войну упорную и продолжительную.

Скучно, однообразно потянулась жизнь заточенной царицы вдали отъ мужа, родныхъ, страстно любимаго сына. Государь рѣшительно забылъ ее. Сестрамъ своимъ, также постриженнымъ за участіе въ послѣднемъ возстаніи стрѣльцовъ, царь опредѣлилъ содержаніе наравнѣ съ другими царевнами, жившими на свободѣ; дозволилъ имѣть при себѣ мамъ, казначей и постельницъ. Такъ напримѣръ, судя по Разметной книгѣ, отпечатанной Туманскимъ въ *Россійскомъ Магазинѣ* (1788, ч. I. 224—252), видно, что инокинѣ Сусаннѣ (Софьѣ Алексѣевнѣ) отпускалось въ 1700 году рыбы, хлѣбовъ, винъ, пряныхъ зелій на 5144 р., инокинѣ Маргаритѣ (Марѳѣ Алексѣевнѣ) на 2650 р.: нечего и говорить, что это были весьма большія деньги по тому времени. Въ той же книгѣ исчислены расходы по всему двору, не исключая истопничей палаты; но о царицѣ инокинѣ нѣтъ ни слова. Изъ подлинныхъ документовъ видно,

что при ней не было никакой особо назначенной прислуги. Не было назначено для нея ни одной копѣйки содержанія, не оставлено при ней ни одной постельницы: государь осудилъ ее на тяжкую долю простой монахини. Она терпѣла недостатокъ даже въ продовольствіи, и нерѣдко обращалась къ брату своему Абраму Ѳедоровичу и къ женѣ его съ тайными просьбами о присылкѣ вина и рыбы. «Хоть сама не пью, писала царица, такъ было бъ чѣмъ людей жаловать... Здѣсь вѣдь ничего нѣтъ: все гнилое. Хотя я вамъ и прискучила, да что̀ же дѣлать? Покамѣсть жива, пойте, да кормите, да одѣвайте нищую.» (1)

Дальнѣйшая судьба Авдотьи Ѳедоровны имѣетъ близкое отношеніе къ роковой судьбѣ ея единственнаго сына. Здѣсь не мѣсто говорить о воспитаніи, о супружеской жизни, о разрывѣ царевича съ отцомъ, о бѣгствѣ его за границу. Много еще остается вопросовъ неразгаданныхъ въ процессѣ Алексѣя Петровича. Будемъ надѣяться, что съ выпускомъ въ свѣтъ 6 тома ***Исторіи царствованія Петра I***, съ отпечатаніемъ громаднаго тома драгоцѣннѣйшихъ приложеній, подлинныхъ документовъ, относящихся къ сему дѣлу и доселѣ бывшихъ неизвѣстными, можетъ-быть разъяснятся подробности сего эпизода, и мы, на основаніи труда г. Устрялова, поминая слова Карамзина («судъ и осужденіе Алексѣя принадлежатъ къ числу тѣхъ событій, надъ которыми одно потомство имѣетъ право произнести свой приговоръ»), произнесемъ этотъ окончательный приговоръ о знаменитомъ процессѣ.

До 1718 года нѣтъ извѣстій объ Авдотьѣ Ѳедоровнѣ. Но за то этотъ годъ былъ самый черный, самый ужасный въ ея злополучной жизни.

3 февраля былъ обнародыванъ манифестъ. Въ немъ объявлялись всѣ *вины* царевича; все подведено было къ одному заключенію,—къ отрѣшенію его отъ престола. Въ началѣ сего акта государь, оправдывая себя, говоритъ, что имъ употреблены были всѣ возможныя мѣры къ пріуготовленію достойнаго себѣ преемника. Всѣ эти заботы, по словамъ манифеста, не повели ни къ чему, вслѣдствіе постоянной ***конверсаціи Алексѣя съ людьми зѣло непотребными***. Не послужили къ исправленію ни гнѣвъ, ни милость, ***ни отческія наказанія, ни любовное супружество съ Шарлотой Софіей***. Несмотря на то, что послѣдняя

(1) Устряловъ, т. III, стр. 190.

была *ума довольнаго и обхожденія честнаго*, Алексѣй жилъ съ нею въ явномъ несогласіи, *попрежнему* окружалъ себя людьми *съ замерзѣлыми и грубыми обыкностями*, и наконецъ, имѣя жену, взялъ *нѣкую бездѣльную и работную дѣвку* и съ оною жилъ *явно, беззаконно*. Манифестъ объявлялъ Алексѣя виновникомъ преждевременной смерти Шарлоты, обвинялъ въ скрытности, неблагодарности, въ обманѣ, съ которымъ изъявлялъ онъ желаніе идти въ монастырь, наконецъ въ *измѣнническомъ* бѣгствѣ къ государю чужеземному «съ женкой съ Ефросиньей, съ которою онъ беззаконно свалялся. И хотя онъ за все вышереченное *достоинъ былъ лишенія живота*, однакожь мы отческимъ сердцемъ о немъ соболѣзнуя, въ томъ преступленіи его прощаемъ.» Но желая спасти государство отъ правителя недостойнаго, Петръ лишилъ сына всѣхъ правъ на престолъ, даже и въ томъ случаѣ, *еслибы ни одной персоны въ царской фамиліи не осталось*.

Въ день объявленія сего манифеста, подсудимый царевичъ предсталъ въ кремлевскихъ палатахъ предъ отца, грознаго судью своего, въ торжественномъ собраніи свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ. Къ сожалѣнію, мы должны опустить описаніе этой разительной сцены, какъ не относящейся къ нашему очерку. Скажемъ только, что царевичъ, упавъ на колѣни, подалъ повинную во всемъ, присягой подтвердилъ свое отреченіе отъ престола, присягнулъ новому наслѣднику престола, четырехъ-лѣтнему царевичу Петру Петровичу, наконецъ обѣщалъ выдать всѣхъ своихъ *единомышленниковъ*.

Послѣ причащенія Св. Таинъ, царевича отвезли въ Преображенское. Здѣсь устроили коммиссію; ее наименовали *вышнимъ судомъ*. Слѣдователями и судьями Алексѣя были вѣрнѣйшіе, покорнѣйшіе слуги его отца: тайный совѣтникъ П. А. Толстой, гвардіи маіоръ Ушаковъ и капитанъ Румянцовъ.

Къ нимъ привозили всѣхъ *подозрѣваемыхъ* въ сообщничествѣ съ Алексѣемъ; они строго допрашивали ихъ, производя надъ насчастными жесточайшія, неописанныя истязанія...

Среди огородовъ села Преображенскаго, еще Карамзинъ съ ужасомъ находилъ подвалы, темные, подземные казаматы и длинные коридоры, въ которыхъ производились пытки, дѣлались, говоря словами Желябужскаго, *нещадные розыски*. «Тайная канцелярія, пишетъ Карамзинъ, день и ночь работала въ Преображенскомъ: пытки и казни служили средствами нашего

славнаго преобразованія государственнаго. Въ вертепахъ преображенскихъ лились потоки крови...»

4 февраля государь предложилъ допросные пункты. Подъ страхомъ казни, Алексѣй долженъ былъ отвѣчать на нихъ безъ утайки.»

Вслѣдствіе длинныхъ, спутанныхъ отвѣтовъ царевича, начались аресты оговоренныхъ имъ лицъ. Государь написалъ указъ князю Меншикову арестовать и прислать въ Москву Кикина и другихъ. Осторожный Кикинъ обѣщалъ камеръ-пажу Баклановскому 20.000 рублей (1), если онъ заблаговременно извѣститъ его объ опасности. Баклановскій прочиталъ указъ, стоя за спиной пишущаго государя, и тотъ же часъ отправилъ въ Петербургъ курьера. Петръ замѣтилъ поспѣшный выходъ Баклановскаго, посадилъ его въ тюрьму и велѣлъ своему посланному скакать во весь духъ. Оба вѣстника прибыли въ столицу въ одно время.

Тогда же, по именному указу государя, устроены по дорогѣ заставы, разставлены офицерскіе караулы. Безъ подорожныхъ, высочайше утвержденныхъ, никто не могъ ни пріѣхать въ Москву, ни выѣхать изъ нея.

8 февраля Кикина, Аѳанасьева и другихъ скованными зато-

---

(1) Александръ Васильевичъ Кикинъ, одинъ изъ ближайшихъ друзей царевича Алексѣя, былъ очень богатъ: въ одной Москвѣ у него было 125 большихъ лавокъ. Въ нихъ торговали его собственные крестьяне. Великолѣпныя каменныя палаты Кикина, находившіяся близь с.-петербургскаго адмиралтейства, были конфискованы въ 1716 году. Самъ Кикинъ, въ числѣ другихъ, за взятки и разныя злоупотребленія былъ высѣченъ, лишенъ чиновъ и сосланъ. Но Петръ находилъ въ немъ необходимыя для службы способности, и въ томъ же году простилъ Кикина, при чемъ бо́льшая часть его имѣній не была ему возвращена. Нужно замѣтить, что Кикинъ съ 1694 года употребляемъ былъ въ качествѣ шпіона вмѣстѣ съ Ушаковымъ, Писаревымъ, Румянцовымъ, Волковымъ и другими. Штелинъ, Голиковъ, Полевой и другіе разказываютъ преданіе о томъ, что будто бы А. В. Кикинъ три раза стрѣлялъ въ спящаго государя, и три раза пистолетъ осѣкался, послѣ чего онъ самъ повинился въ своемъ злодѣйскомъ умыслѣ, при чемъ Петръ простилъ его. Разказъ этотъ едва ли не одна изъ тѣхъ выдумокъ Штелина и ему подобныхъ баснословцевъ, которыя очень хорошо уничтожены изслѣдованіями г. Устрялова. Любопытенъ, какъ характеристическая черта того времени, слѣдующій фактъ: братъ Кикина, Петрѣ Васильевичъ, нещадно высѣченный кнутомъ за растлѣніе 13-лѣтней дѣвочки, пытанный за фальшивую подпись, тѣмъ не менѣе вѣдалъ въ 1704 году рыбными промыслами и мельницами во всей Россіи.

чили въ крѣпость. Ихъ допрашивали, они не отвѣчали на вопросы; въ тотъ же день Меншиковъ писалъ государю, «что онъ принужденъ былъ поднять *на дыбу* Афонасьева, а тогда онъ и сталъ во всемъ открываться. И въ томъ ваше величество не извольте на меня гнѣваться, что я онымъ поднятіемъ на дыбы постращалъ Афонасьева.»

Чтобъ имѣть понятіе объ острасткѣ, данной дворецкому царевича, и вообще чтобъ уяснить значеніе слова *розыскъ,* сдѣлаемъ маленькое отступленіе. Розыски значили пытки. Производились они обыкновенно въ *застѣнкахъ:* такъ назывались казаматы съ толстыми стѣнами, чтобы вопли терзаемыхъ не были извнѣ слышимы. Употребительнѣйшею пыткою была *виска,* или *дыба.* Вотъ наивный разказъ Котошихина объ этой первой низшей степени пытки. Нѣтъ сомнѣнія, что она дѣлалась точно такъ же и въ царствованіе Петра, какъ дѣлалась тридцать лѣтъ прежде, въ правленіе его отца. «Сымутъ съ вора рубашку, и руки его назади завяжутъ, подлѣ кисти, веревкою; обшита та веревка войлокомъ; и подымутъ его кверху, учинено мѣсто, что и висѣлица, а ноги его свяжутъ ремнемъ; и одинъ человѣкъ палачъ вступитъ ему въ ноги на ремень своею ногою, и тѣмъ его оттягиваетъ, и того вора руки станутъ прямо надъ головой его, а изъ суставовъ выдутъ вонъ. И потомъ сзади палачъ начнетъ бить по спинѣ кнутомъ изрѣдка, въ часъ боевой ударовъ бываетъ 30 или 40, и какъ ударитъ по которому мѣсту по спинѣ, и на спинѣ станетъ такъ, слово въ слово будто большой ремень вырѣзанъ ножомъ, мало не до костей. А учиненъ тотъ кнутъ ременный плетеный, толстый, на концѣ ввязанъ ремень толстый, шириною въ палецъ, а длиною будетъ въ пять локтей...» Когда спина обагрялась кровью, когда кожа, вмѣстѣ съ мясомъ, лоскутьями разлеталась въ стороны, горячимъ вѣникомъ вспаривали спину, нерѣдко растравляя раны солью, и вновь сыпались удары. «И буде съ первыхъ пытокъ не винятся, продолжаетъ Котошихинъ, и ихъ, спустя недѣлю времени, пытаютъ въ другой и въ третій разъ, и жгутъ огнемъ: свяжутъ руки и ноги, и вложатъ межь рукъ и межь ногъ бревно, и подымутъ на огонь; а инымъ, разжегши желѣзныя клещи накрасно, ломаютъ ребры» (1). Когда снимали съ дыбы, тогда палачъ вмѣсто костоправа вставлялъ руки въ суставы, схвативъ

---

(1) См. *Россія въ царствованіе Алексѣя Михайловича* изд. 1842 г. То же разказываетъ Перри въ *The state of Russia*, 1716, стр. 217—219.

ихъ и вдругъ дернувъ напередъ. Несмотря на всѣ эти муки, случалось, говоритъ преданіе, что когда одного, вытерпѣвшаго пытку, изувѣченнаго, окровавленнаго, вели назадъ, тогда другой, осужденный *на дыбу*, встрѣтивъ его, спрашивалъ: «А какова баня?» «Ничего, хороша! бывалъ отвѣтъ: для тебя еще остались вѣники!» Нерѣдко допрашиваемому привязывали голову къ ногамъ, въ веревку ввертывали палку и вертѣли до того, что голова пригибалась къ пяткамъ. Человѣкъ, сгибаясь *въ три погибели*, часто умиралъ, прежде нежели успѣвалъ признаться. Также допрашивали завинчиваньемъ ножныхъ и ручныхъ пальцевъ въ тиски, вбиваньемъ въ тѣло гвоздей... Для узнанія всей *подноготной*, забивали деревянныя спицы или гвозди за ногти. . . Нещадно сдавливали голову въ особо устроенномъ для сего станкѣ. . . Въ изобрѣтеніи пытокъ слѣдователи отличались остроуміемъ: допрашиваемаго поили соленою водою, сажали въ жарко-истопленную баню и не давали пить до тѣхъ поръ, пока тотъ не говорилъ, чтò имъ было нужно, или распаривъ его хорошенько въ банѣ, сѣкли несчастнаго сальными свѣчами, чѣмъ причиняли ужасныя терзанія.

Зная теперь, въ чемъ состояли розыски, перечислимъ имена главнѣйшихъ лицъ, схваченныхъ въ Петербургѣ и подвергнутыхъ розыску. Александра Кикина захватили въ кровати; онъ едва успѣлъ сказать женѣ «прощай», и его поволокли въ тюрьму. За нимъ арестовали: князя П. М. Голицына, гвардіи майора Салтыкова, Ивана Аѳанасьева, стряпчаго Богданова, Ѳедора Еварлакова, Ивана Кикина, сибирскаго царевича и Абрама Лопухина, роднаго брата заключенной царицы. 17-го февраля арестовали князя М. В. Долгорукаго, княгиню Львову, греческаго полка Елевферья. 20-го февраля къ Василью Долгорукому, въ сопровожденіи солдатъ, явился Меншиковъ. Онъ объявилъ его арестованнымъ. «Берите меня, сказалъ Долгоруковъ: совѣсть моя чиста; кромѣ головы, мнѣ нечего терять.» Тогда же арестованы Константинъ Баклановскій, гвардіи поручикъ Богдановъ и подъячій Протопоповъ.

Петербургскіе аресты были послѣдствіемъ московскихъ розысковъ. По отобраніи показаній отъ царевича, начались пытки его служителей. По новымъ оговорамъ арестовали: Дубровскаго и Семена Нарышкина. Арестованныхъ въ Петербургѣ скованными привозили въ преображенскія ямы. Въ застѣнкахъ палачи работали до изнеможенія.

Между тѣмъ государь, въ самомъ разгарѣ сего дѣла, не упу-

стилъ изъ виду и царицу Авдотью Ѳедоровну. Для развѣданія о ея поведеніи посланъ былъ искуснѣйшій *надсмотрщикъ* и вывѣдчикъ Григорій Скорняковъ-Писаревъ.

Посланный донесъ, что инокиня Елена въ стѣнахъ уединенной обители живетъ совершенно свободно, что она самовольно назвалась прежнимъ именемъ Евдокіи, что во время литургіи имя ея, какъ царицы, упоминается послѣ имени государя; что она ходитъ въ свѣтскомъ платьѣ и повелѣваетъ всѣми какъ государыня. Въ ея кельяхъ, доносилъ Писаревъ, собирались на долгія и таинственныя бесѣды епископъ Ростовскій Досиѳей, духовникъ ея Пустынной, казначей монастыря, управитель его Сурминъ и нѣкоторыя изъ монахинь. Окруживъ себя людьми преданными, Авдотья Ѳедоровна (1) отдала свое сердце генералъ-майору Степану Богдановичу Глѣбову, человѣку безграмотному (о чемъ есть свидѣтельство самого Петра), но мужественному, предпріимчивому, съ красотою физическою соединявшему ненависть къ преобразованіямъ и нововведеніямъ.

Всѣ монахини и упомянутыя лица подъ конвоемъ отправлены въ Преображенское. Еще съ дороги царица послала повинную: въ ней сознавала себя виновною въ ношеніи свѣтскаго платья, и съ чувствомъ собственнаго достоинства просила прощенія, «дабы не умереть безгодною смертію».

На повинную не было обращено вниманія: начались пытки и допросы. *Дознано* было: что инокиня Елена держала себя постоянно гордо, непослушнымъ грозила будущимъ государемъ Алексѣемъ Петровичемъ; ее уличили въ любви къ Глѣбову, въ томъ что она любила проводить съ нимъ вечера въ продолжительныхъ бесѣдахъ. Открылось, что протопопъ Пустынной еще въ 1707 году представилъ Глѣбова инокинѣ Еленѣ, что старица Капгелина (Капитолина) была вѣрною услужницей ихъ, что епископъ Досиѳей зналъ о возникшей дружбѣ; онъ же уговаривалъ Елену скинуть *невольническія* ризы. Тотъ же Досиѳей увѣрялъ, будто слышалъ разные голоса отъ чудотворцевъ, что Евдокія снова воцарится, и что воцареніе это воспослѣдуетъ въ тотъ же годъ. Когда

---

(1) При постриженіи ей было 25 лѣтъ; она находилась въ полномъ цвѣтѣ красоты и здоровья. Мы читали у Н. Г. Устрялова девять самыхъ страстныхъ и нѣжныхъ писемъ Лопухиной къ Глѣбову. Они можетъ-быть будутъ напечатаны въ приложеніяхъ къ VI тому *Исторіи царствованія Петра I.*

проходило назначенное время, и слова святыхъ не оправдывались, епископъ относилъ это къ грѣхамъ покойнаго боярина, отца царицы, Ѳедора Лопухина, будто бы глубоко погрязшаго въ аду. Обѣщалъ за него молиться, бралъ на украшеніе храма Господня деньги, и ежегодно доносилъ, что его предстательствомъ у алтаря Всевышняго, Лопухинъ вышелъ изъ ада по плечи, черезъ годъ по поясъ, черезъ годъ по колѣна и т. д.

Протопопъ Пустынной показалъ, что епископъ часто заходилъ къ суздальскому митрополиту Иларіону, что послѣдній не разъ укорялъ его «въ безвременномъ вечернемъ посѣщеніи Евдокіи». «Еще-де ты человѣкъ молодой, говорилъ Досиѳею Иларіонъ, и случаевъ всякихъ не знаешь.»

Иностранные писатели увѣряютъ, что епископъ хотѣлъ обвѣнчать Глѣбова съ Авдотьей Ѳедоровной.

Царевна Марья Алексѣевна (род. 1660 г. 18 января), уличенная въ перепискѣ съ Лопухиной, показала на ростовскаго епископа, будто не разъ онъ увѣрялъ ее въ ночныхъ видѣніяхъ ему царевича Димитрія; при чемъ передавалъ пророчества Св. Димитрія о близкой смерти государя и пр.

Преданный пыткѣ съ виски, огня и желѣза, Досиѳей сознался, что во всѣхъ предсказаніяхъ «лгалъ на святыхъ напрасно».

Что подобные обманы вовсе не были рѣдкостью въ то время, стóитъ вспомнить разказъ Голикова (т. 15, изд. 1843, стр. 25). «Подъ папертью церкви Василія Блаженнаго, говоритъ авторъ *Дѣяній*, близь московскаго Кремля, жилъ затворникъ, выставлявшій въ окно образъ Богоматери, яко бы плачущей о грѣхахъ человѣческихъ. Съ задней стороны образа, противъ глазъ, сдѣланы были двѣ лунки. Въ нихъ клалъ онъ грецкія губки, напитанныя водою. Все это искусно покрывалось китайкою. Въ зрачкахъ проколоты были двѣ скважинки. . . Когда отовсюду стекавшійся народъ въ нѣмомъ благоговѣніи падалъ ницъ передъ образомъ, монахъ прижималъ тѣ мѣста, противъ которыхъ лежали губки, и водяныя капли катились по щекамъ. . . Собравъ значительную сумму денегъ, затворникъ удалился въ пустыню и былъ въ послѣдствіи архимандритомъ въ Иверскомъ монастырѣ...» Въ отсутствіе Петра I изъ Петербурга, пріѣзжіе изъ Іерусалима монахи, какъ разказываетъ современникъ Нартовъ, продали императрицѣ за 1000 рублей несгараемый кусокъ полотна, будто бы принадлежавшій къ сорочкѣ Богородицы. Полотно

положено было царицей въ серебряный ковчегъ. «Это, Катенька, обманъ, сказалъ государь, увидавъ мнимую святыню: счастливы бродяги-старцы, что до меня убрались отсюда, а то бы я заставилъ ихъ прясть другой ленъ въ Соловкахъ. Такой же кусокъ полотна несгараемаго привезенъ мною изъ Голландіи». (1) Подобный же разказъ помѣщенъ Болтинымъ, въ его примѣчаніяхъ къ исторіи Леклерка (стр. 550). «Вѣкъ тогдашній, пишетъ Болтинъ, благовремененъ былъ пустосвятству, обману и подлогамъ: ханжи и лицемѣры чудесамъ не вѣрили, но пользу свою обрѣтали; бо́льшая часть народа вѣрили и обманщиковъ обогащали; нѣкоторые видѣли обманъ, но говорить не смѣли, и таковыхъ было не много. Сколько вещей обыкновенныхъ, простыхъ, ничего незначащихъ, приняты были за святыню, за предметъ почтенія, уваженія! Отъ времени Петра Великаго прекратилися таковыя чудотворенія; перевелися плутовства и плуты при духовенствѣ просвѣщенномъ.» Вотъ что̀ еще разказываетъ одинъ современникъ: «Пронесся слухъ, что вода невская поднимется наравнѣ съ сосною, стоявшею близь крѣпости... Сказали, что Богородица плачетъ, сожалѣя о неизбѣжномъ несчастіи города. Страхъ разнесся по народу. Графъ Головинъ пришелъ въ церковь во время службы и увидѣлъ самъ слезы, текущія изъ образа: отправилъ курьера къ царю со извѣщеніемъ о томъ... Монархъ по пріѣздѣ въ Петербургъ доказалъ графу Головину невозможность, чтобы Петербургъ былъ затопленъ... наутріе приказалъ срубить сосну и взять образъ ко двору. Тамъ, въ присутствіи многихъ бояръ осматривавъ прилежно образъ, нашелъ, что въ уголкахъ глазныхъ прорѣзаны были маленькія дирочки, а сзади доски противу глазъ вырѣзаны были ямки, въ коихъ положена была губка, напоенная деревяннымъ масломъ. Царь безъ труда доказалъ зрителямъ, какимъ образомъ зажигаемыя свѣчи передъ образомъ могли разогрѣвать застывшій елей и заставлять его капля по каплѣ точиться чрезъ прорѣзанныя тѣ скважинки...» Вотъ еще случай, описанный у Голикова: «Близь Троицы, на берегу Невы, стояла старая высокая ольха. Крестьянинъ одинъ, переведенъ будучи изъ Россіи въ чухонскую деревню и желая возвратиться на родину свою, вздумалъ пророчествовать, что въ наступающемъ сентябрѣ бу-

---

(1) *Сынъ Отечества*, 1819 г. № XXXII, стр. 263 — 264.

детъ столь великое наводненіе, что вода покроетъ то дерево. Разнесшійся о семъ слухъ навелъ страхъ простому народу, и многіе заблаговременно стали выбираться изъ города въ мѣста безопасныя. Дошло сіе до государя, который, будучи весьма раздраженъ симъ слухомъ, приказалъ строго изслѣдовать и найдти начальника тому. Сысканъ сказанный крестьянинъ, изобличенъ, задержанъ подъ карауломъ до исходу сентября, а по прошествіи сего, при собраніи всея черни, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ стояла ольха, высѣченъ кнутомъ.»

О царицѣ Евдокіи наведены были самыя тщательныя справки. Едва ли не со всѣхъ лицъ, чаще другихъ видѣвшихъ ее во время ея заточенія съ 1699 по 1718 годъ, были сняты самыя подробныя показанія; во всѣ мѣста, во всѣ монастыри, куда только ѣздила она на богомолье изъ Суздаля, всюду были разосланы шпіоны для развѣданій и допросовъ. До какихъ мелочныхъ подробностей требовались показанія, образцикомъ можетъ служить показаніе Симона, игумена Кузьмина монастыря, Владимірской губерніи (1). «Въ бытность мою, писалъ Симонъ, игуменомъ въ Кузьминѣ монастырѣ, пріѣзжала туда бывшая царица два раза лѣтнимъ временемъ; какого года, мѣсяца и числа, того онъ не упомнитъ; но во второй разъ, лѣтъ пять спустя послѣ перваго пріѣзда. А предъ пріѣздомъ царицы пріѣзжали ея слуги, и кельи для нея очищали, и въ церкви мѣста приготовляли, и монахамъ изъ келій выходить не приказывали. Въѣзжала бывшая царица въ монастырь въ каретѣ за стеклами послѣ полуденъ, подъѣзжала къ самой соборной церкви, входила въ нее ограждена красными сукнами скрытно: ни онъ, Симонъ, и никто изъ монаховъ того монастыря бывшую царицу никогда не видали. Въ церкви слушала вечерню, затѣмъ въ закрытой каретѣ подъѣзжала къ кельямъ, и туда входила, огражденная сукнами. Въ первый пріѣздъ останавливалась бывшая царица въ его игуменскихъ кельяхъ. Во второй разъ—въ братскихъ кельяхъ. Въ ночное время входила въ церковь, отправляла всенощное пѣніе и литургію, а были ль молебны, того онъ, Симонъ, не вѣдаетъ, потому что ни его, ни другихъ монаховъ того монастыря въ то время къ церкви не подпускали. Отправлялъ ту службу

---

(1) Любопытный документъ этотъ напечатанъ въ подлинникѣ въ 24-й книжкѣ *Временника*, Москва. 1856. Смѣсь, стр. 51 — 53. Онъ доставленъ редакціи изъ дѣла 1721 года (?) членомъ-соревнователемъ И. А. Чистовичемъ.

пріѣхавшій съ царицей города Суздаля, церкви Петра и Павла, попъ Гаврила Ѳедоровъ, бывшаго Суздальскаго собора ключаря Ѳедора Пустыннаго сынъ; на крылосѣ пѣли монахини, также пріѣзжавшія съ бывшею царицей, а числа и именъ монахинь онъ не знаетъ. Въ ея бытности онъ игуменъ отправлялъ вечерню, утреню и литургію въ другой трапезной церкви; послѣ литургіи, не выпуская его, Симона, съ братіей, въ той трапезѣ кормили, по приказу бывшей царицы, рыбою, поили медомъ, а какія были другія питья, того онъ не упомнитъ. Подчивали служители бывшей царицы Никита Клепиковъ, Григорій Стахѣевъ; остальныхъ не знаетъ. При выходѣ изъ трапезы, служители приказывали монахамъ съ игуменомъ кланяться потрижды въ землю, по направленію къ кельямъ, гдѣ останавливалась бывшая царица; тогда же давали игумену по гривнѣ, а монахамъ по шти денегъ. Онъ, Симонъ, въ тѣ оба пріѣзда носилъ въ навечеріи хлѣбъ; впускали его въ сѣни по докладу дневальныхъ, а въ сѣняхъ тотъ хлѣбъ, по приказу бывшей царицы, принимали отъ него монахини. Во второй пріѣздъ пущенъ былъ онъ предъ нее, и она, бывшая царица, спрашивала, на какія деньги строенъ иконостасъ; на что̀ Симонъ донесъ, что строенъ иконостасъ мірскимъ подаяніемъ и келейными деньгами; бывшая царица поблагодарила его за то и отпустила немедленно; а у руки ея онъ, Симонъ, не былъ; царица была одѣта тогда въ черномъ камчатомъ *мірскомъ* платьѣ, въ шубкѣ или кунтушѣ, того не усмотрѣлъ, да въ .. (1) шапкѣ. При выѣздѣ царицы изъ монастыря, игуменъ съ монахами провожали кареты за ворота, кланялись вслѣдъ потрижды въ землю, а дѣлали то по приказу служителей *спроста*. Да слышалъ де онъ отъ стороннихъ, что она, бывшая царица, была пострижена, и въ монахиняхъ было ей имя Елена; а знали ль о томъ монахи, того Симонъ не вѣдаетъ. А какъ де упомянутые слуги давали имъ милостыню, и въ то время приказывали имъ молить Бога о здравіи великаго государя царевича Алексѣя Петровича; а чтобъ молить Бога о ней, бывшей царицѣ, и о томъ, также и о *другихъ* (?) ничего не приказывали. На эктеніяхъ и молитвахъ онъ игуменъ ее, бывшую царицу, не поминалъ, равно не поминали іеромонахи и іеродіаконы того монастыря, и приказу о томъ ни отъ кого не было. Вкладовъ въ монастырь отъ царицы при немъ, Симонѣ, не было.

---

(1) Пропускъ въ *Временникѣ*.

А слышалъ онъ отъ гробоваго отъ старца Іоны, который умре назадъ тому лѣтъ десять, что до его игуменства бывшая царица пріѣзжала въ Кузьминъ монастырь; но сколько разъ, когда именно и что̀ дѣлала въ томъ монастырѣ, того Іона не сказывалъ. Пріѣзжали съ царицей слугъ человѣкъ десять; а кто такіе, какихъ чиновъ люди, того не знаетъ. Онъ, Симонъ, въ Суздаль, въ Покровскій дѣвичь монастырь, къ ней, бывшей царицѣ, никогда ни за чѣмъ не приходилъ, и митрополитъ Иларіонъ къ ней никогда ни за чѣмъ не пріѣзжалъ. Да обносилась де рѣчь сторонняя, что бывшая царица ѣздила въ Боголюбовъ монастырь, и къ Николѣ на Волосово, а бывала ль въ другихъ мѣстахъ, того не слыхалъ; и больше сказаннаго здѣсь, о ней, бывшей царицѣ, ничего онъ, Симонъ, не знаетъ.»

Суздальское розыскное дѣло увеличило число подсудимыхъ.

21-го февраля арестовали въ С.-Петербургѣ сенатора графа П. М. Апраксина, князя Богдана Гагарина (въ послѣдствіи повѣшеннаго за взятки), Алексѣя Волкова; дьяковъ: Михайлу и Ѳедора Вороновыхъ и Михайлу Воинова. 22-го февраля захвачены: Иванъ Нарышкинъ, Василій Глѣбовъ, секретарь Кикина Калмацкой, слуги и деньщики ихъ. Спустя нѣсколько времени, арестованы: Симоновскій архимандритъ Петръ, сенаторъ Михайло Самаринъ, княгиня Троерукова (1), Варвара Головина, Богданова, сенаторъ Михайло Долгоруковъ, Алексѣевна, Ѳедосья, Арина и другія служанки царевича Алексѣя. Всѣ они были свезены въ Преображенское.

Подозрительность государя дошла до невѣроятной степени: онъ усомнился было въ преданности перваго своего любимца Меншикова; съ трудомъ разсѣялъ фаворитъ это подозрѣніе.

5-го марта 1718 года обнародыванъ манифестъ о преступленіяхъ Кикина, Глѣбова, разстригли Досиѳея, Вяземскаго и др. Манифестъ прочитали въ большомъ собраніи именитѣйшихъ сановниковъ.

---

(1) Французскіе писатели ошибочно называютъ ее la princesse Trecurva: не Троекурова ли?

Вотъ слова этого манифеста:

МАНИФЕСТЪ ИЛИ ОБЪЯВЛЕНІЕ, КОТОРОЕ ЧТЕНО ВЪ СТОЛОВОЙ ПАЛАТѢ ПРИ ОСВЯЩЕННОМЪ СОБОРѢ, И ЕГО ЦАРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, ПРИ МИНИСТРАХЪ, И ПРОТЧЕГО ДУХОВНАГО И ГРАЖДАНСКАГО ЧИНА ЛЮДѢХЪ, ЛѢТА 1718, МАРТА ВЪ 5 ДЕНЬ (1).

Понеже всѣмъ извѣстно, какъ духовнымъ, такъ и мірскимъ особамъ, какъ въ прошломъ, 207, году, при бытности (въ Суздалѣ) окольничего Семена Языкова, царскаго величества, бывшая царица Евдокія въ Суздаль, въ Покровско-дѣвичій монастырь для нѣкоторыхъ своихъ противностей и подозрѣній постриглась, и наречено имя ей Елена.

А по нѣкоторому извѣстію, царскому величеству явилось, что она, бывшая царица, монашеское платье съ себя скинула, и ходила въ мірскомъ.

И его царское величество для подлиннаго о томъ извѣстія (и розыску), указалъ того монастыря духовныхъ, и протчихъ, и служителей розыскать отъ лейбъ-гвардіи поручику, господину Скорнякову-Писареву.

Котораго по розыску явилось, что бывшая царица, скинувъ съ себя

---

(1) Манифестъ этотъ былъ напечатанъ въ томъ же году. Въ силу указа императора Петра II, онъ былъ уничтоженъ вмѣстѣ съ манифестомъ 3 февраля 1718 о наслѣдствѣ Алексѣя, съ объявленіемъ о слѣдствіи и судѣ надъ нимъ 25 іюня 1718 г. и наконецъ съ уставомъ о наслѣдствѣ россійскаго престола 1722 года, февраля въ 5 день Манифестъ 3 февраля и уставъ 1722 года вошли въ *Полное Собраніе Законовъ* (Т. V и VI). Розыскное дѣло царевича Алексѣя, два раза напечатанное въ Спб. и Москвѣ въ 1718 году, было вполнѣ, безъ малѣйшихъ пропусковъ перепечатано М. П. Погодинымъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1829 г., ч. V. Мы сличали эту статью съ подлиннымъ розыскнымъ дѣломъ, съ экземпляромъ московскаго изданія въ октябрѣ 1718 года, хранящагося въ Публичной библіотекѣ. Итакъ только объявленіе о суздальско-розыскномъ дѣлѣ не было ни разу перепечатано. Современное изданіе его составляетъ необыкновенную библіографическую рѣдкость. Ни въ одной изъ здѣшнихъ публичныхъ библіотекъ (Имп. Публичной, академической, Румянцовскомъ музеумѣ), равно и въ большихъ частныхъ библіотекахъ, которыя намъ извѣстны, нигдѣ мы его не нашли. Н. Г. Устряловъ, не найдя сего манифеста въ Россіи, списалъ его въ вѣнскомъ архивѣ. Наша копія снята съ рукописи петровскихъ временъ, въ листъ, 18 страницъ убористаго уставнаго мелкаго письма, на грубѣйшей сѣрой бумагѣ. Рукопись эта помѣщена въ обширномъ сборникѣ Румянцовскаго музеума № 39 (въ описаніи музея А. Востоковымъ, Спб. 1842 г. стр. 48—56). Сборникъ озаглавленъ слѣдующимъ образомъ: «Выписки историческія въ мелкихъ статьяхъ по разнымъ предметамъ, изъ разныхъ мѣстъ полученныя, расположены по старшинству времени» (съ XIV по XVIII в.). Манифестъ о А. Ѳ. Лопухиной и прочихъ помѣщенъ на лист. 82—91. Ему предшествуетъ извѣстное письмо по дѣлу Хованскихъ, а слѣдуетъ дѣло 1720 года о найденныхъ въ Абовской киркѣ костяхъ епископа Генриха (1050 г.). Петръ приказалъ хранить ихъ за печатью командовавшему въ Финляндіи М. М князю Голицыну. По его приказу, докторъ московскаго полка осматривалъ мнимыя мощи, и по осмотрѣ найденъ полный скелетъ человѣка, да двѣ кости лишнихъ ручныхъ, да отломокъ изъ ребра кости говяжьей.

монашеское платье, ходила мірянкою, и въ таблицѣ, взятой изъ того монастыря, изъ Благовѣщенской церкви съ жертвенника, явилось то подлинно, по которой ее поминали царицею Евдокіей, а не монахинею Еленою.

А государыня царица и великая княгиня Екатерина Алексѣевна въ поминовеньѣ, въ той таблицѣ, не написана.

И по тому розыску ее, бывшую царицу, и того монастыря старицъ и духовныхъ, и мірскихъ, всѣхъ изъ Суздаля велѣно взять для розыску въ Москву.

И въ пути, не доѣзжая Москвы, февраля 15 числа, она, бывшая царица, написавъ своею рукою письмо къ царскому величеству съ онымъ господиномъ капитанъ-поручикомъ Скорняковымъ-Писаревымъ, прислала, а въ немъ написано:

«Всемилостивѣйшій государь! Въ прошлыхъ годахъ, а въ которомъ не упомню, при бытности Семена Языкова, по обещанію своему пострижена я была въ Суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ въ старицы, и наречено мнѣ было имя Елена; и по постриженіи въ иноческомъ платьѣ ходила съ полгода, а не восхотя быти инокою, оставя монашество и, скинувъ платье, жила въ томъ монастырѣ скрытно, подъ видомъ иночества мірянкою, и то мое скрытье объявилось чрезъ Григорія Писарева. И нынѣ я, надѣяся на человѣколюбныя вашего величества щедроты, припадая къ ногамъ вашимъ, прошу милосердія, того моего преступленья о прощеніи; чтобъ мнѣ безгодною смертію не умереть, а я обѣщаюся по прежнему быти инокою и пребыть въ иночествѣ до смерти своея, и буду Богу молить за тебя, государя. Вашего величества нижайшая раба, бывшая женка ваша Авдотья. Февраля 15 дня, 1718 года.»

И по привозѣ оныхъ въ Москву о вышеписанномъ розыскивано, и съ розыску показали: а именно:

Суздальскаго Спасскаго Ефимьева монастыря, іеромонахъ Иларіонъ сказалъ, что онъ ее, бывшую царицу, въ вышеозначенное время постригъ, и имя ей нарекъ во иноцѣхъ Елена.

Крылощанія старицы Вѣра и Елена, которыя при томъ обрядѣ (въ дѣйствѣ были) сказали, что при нихъ ее постригли, и они въ томъ дѣйствѣ были.

Старица казначея Маремьяна сказала, что ее, бывшую царицу, у нее въ кельѣ постригли.

Суздальскаго собора ключарь Ѳедоръ Пустынной, который у нея, бывшей царицы, былъ духовникомъ, своеручнымъ своимъ письмомъ объявилъ, что она была пострижена, и онъ исповѣдывалъ ее исповѣдью монашескою; а именно, какъ въ томъ его письмѣ написано, и съ него здѣсь копія:

«Царицу Евдокію въ монашескомъ платьѣ онъ видалъ, и вѣдалъ, что она пострижена, и имя ея въ иноцѣхъ Елена, и исповѣдывалъ ее монашескою исповѣдью. Сіе письмо писалъ Ѳедоръ Пустынной своею рукою.»

Да онъ же Ѳедоръ и Покровскаго монастыря протопопъ Герасимъ и попы Герасимъ же, Иванъ Кузьминъ, Иванъ Яковлевъ, Иванъ Андрѣевъ; дьяконы: Матвѣй Артемьевъ, Михайло Васильевъ, подьяконъ Иванъ

Пустынной, да старицы: казначея Маремьяна, келейная ея, бывшей царицы, старица жь Каптелина, и протчіе монастырскіе служители, и другія персоны, которыя по тому розыскному дѣлу прилучились, сказали именно, что она пострижена, а монашеское платье скинула, и ходила въ мірскомъ.

И они де, протопопъ и ключарь съ братіею, по той таблицѣ на жертвенникъ ее, бывшую царицу, царицею Евдокіею поминали, по ея приказу, боясь ея для того, что она многихъ уграживала, а именно:

«Казначеѣ Маремьянѣ: когда она, казначея, о снятіи платья чернеческаго и о неистовомъ ея житіи воспрещала, что сталъ къ ней ходить Степанъ Глѣбовъ безвременно, и она-де, бывшая царица, ей, казначеѣ, многажды говорила: «что все наше государево, и государь-де за свою мать заступится; что воздано стрѣльцамъ, вѣдь-де вы знаете; а сынъ-де мой уже изъ пеленокъ-де вывалился.»

«А протопопа Симеона за то велѣла постричь неволею, которому претили и смертнымъ страхомъ; и за такимъ страхомъ не смѣли больше ей претить и извѣщать.»

И по тому розыску, старица Каптелина разспрашивана о безвременныхъ Глѣбова пріѣздахъ днемъ и ночью; которая въ разспросѣ сказала, что хаживали къ ней многія изъ мірскихъ персонъ, въ томъ числѣ изъ царедворцевъ помянутый Степанъ Богдановъ сынъ Глѣбовъ. и ночью прихаживалъ; и съ нею наединѣ сиживалъ, и цѣловалися, и обнималися, а ее отъ себя отсылали.

Противу которыхъ ея разспросовъ Степанъ Глѣбовъ взятъ и разспрашиванъ; а въ разспросѣ своемъ винился, что ходилъ онъ къ ней, бывшей царицѣ, безвременно для того, что жилъ съ нею блудно года съ два; тогда какъ былъ у набору рекрутскаго въ Суздалѣ, и о томъ объявилъ своеручнымъ своимъ письмомъ. А въ немъ писано:

«Какъ-де онъ былъ въ Суздалѣ, у набора солдатскаго, тому лѣтъ съ восемь или девять, въ то время привелъ его въ келью, къ бывшей царицѣ Еленѣ, духовникъ ея Ѳедоръ Пустынной; и подарковъ къ ней чрезъ онаго духовника прислалъ онъ: два мѣха песцовыхъ да пару соболей косякъ баеберека (?) нѣмецкаго настоящій посылалъ, и сшелся съ нею въ любовь чрезъ старицу Каптелину; и жилъ съ нею блудно; и послѣ того, тому года съ два, пріѣзжалъ къ ней, и видѣлъ ее, а она въ тѣхъ временахъ ходила въ мірскомъ платьѣ, и онъ къ ней письма писалъ о здоровьи, и она къ нему присылала жь чрезъ служебниковъ своихъ и его; а которыя письма у него выняты, и тѣ писаны отъ нея, Елены, рукою старицы Каптелины (1); въ томъ числѣ и отъ нея Каптелины нѣкоторыя. А что въ тѣхъ письмахъ упоминалося о перстняхъ, и тѣ перстни, одинъ золотой съ печатью, на которомъ вырѣзанъ цѣп... (?) подъ короною, а другой съ лазуревымъ яхонтомъ, отдала, бывшая царица, ему, Степану; а противъ того взяла у него она, бывшая царица, перстень же съ лазуревымъ яхонтомъ.»

А противъ онаго его, Глѣбова, разпросу, бывшая царица въ томъ

---

(1) Девять подлинныхъ писемъ этихъ войдутъ въ снимкахъ въ альбомъ къ 6 тому *Истор. царств. Петра I* Н. Г. Устрялова.

его царскому величеству принесла повинную изустно, и чрезъ своеручное письмо, а въ немъ написано:

«Февраля въ 21 день, я, бывшая царица, старица Елена, привожена на гинеральной дворъ, и съ Степаномъ Глѣбовымъ на очной ставкѣ сказала, что я съ нимъ блудно жила, въ то время, какъ онъ былъ у рекрутскаго набору, и въ томъ я виновата; писала своею рукою я, Елена.»

Да у него жь, Глѣбова, выняты письма отъ нея къ нему въ томъ блудѣ; также и перстни у нихъ сысканы ея, бывшей царицы, у него, у Степана; а Степановы у нея.

А въ письмахъ, которыя выняты у Степана Глѣбова отъ бывшей царицы, написано:

Въ первомъ:

«Благодѣтель мой, здравствуй со всѣми на многія лѣта, пиши къ намъ про здоровье свое, слышать желаемъ; пожалуй, мой батюшка, мой свѣтъ, постарайся ты за меня, гдѣ надлежитъ, и какъ ты знаешь кѣмъ; только ты, ради меня, себѣ тѣсноты не чини, пожалуй. Пожалуй только кѣмъ можно сдѣлать, порадѣй, мой батюшка. кѣмъ-нибудь; хоть бы малая была польза моему бѣдству. Подай, мой батюшка, помощи, только я на тебя надѣюся, ты помоги мнѣ, да пиши пожалуй про все, что̀ у васъ дѣлается. Пожалуй, мой свѣтъ, походи за меня, какъ ты знаешь, только себѣ тѣсноты не чини, по тамощнему на мерку (?), (1) ты поступай какъ можно вамъ; изволь ты пожалуй Васильевну-то посылать побить челомъ, гдѣ ты знаешь, чтобъ она вмѣсто меня била челомъ, кому ты знаешь, кто бы мнѣ помогъ, горести моей; ты ее учи кому бить челомъ станетъ; а я, надѣяся крѣпко и твердо; пожалуй, мой батько, гдѣ твой разумъ, тутъ и мой, гдѣ твое слово, тамъ и мое; гдѣ твое слово, тутъ моя и голова; вся всегда въ волѣ твоей нынѣ и впредь; ей, неложно говорю; пиши ты про всѣхъ, прошу слезно у тебя, и молю неутѣшно, прошу, добивайся ты о себѣ, чтобы тебѣ на службѣ не быть; что ни дай, да отъ службы отступися какъ-нибудь; ей-ей, тебѣ денегъ пришлю сотъ съ семь (2), нарочно пришлю человѣка съ деньгами, только ты добивайся, чтобъ тебѣ не быть на службѣ: а письма твои дошли сохранно, Яковъ (3) дѣтина умный, въ своемъ письмѣ твои письма присылаетъ къ намъ; вѣрь ты ему, а мы ему вѣримъ.»

Во второмъ:

«Благодѣтель нашъ, здравствуй: что ты къ намъ пишешь безъ толку; не можемъ разсудить? Куда тебя зовутъ на новоселье, изволь пойдтить

---

(1) Нѣсколько словъ мы, при всѣхъ усиліяхъ, не могли разобрать, такъ связана и кудревата рукопись.

(2) Несмотря на жалобы, на бѣдность, которыя неоднократно высказывала заточенная царица въ письмѣ напримѣръ къ брату (см. выше), она имѣла деньги, получая ихъ отъ царевны Марьи Алексѣевны, и другой разъ даже рублей 400 она получила отъ своего сына.

(3) Яковъ Стахѣевъ — стряпчій, ревностный приверженецъ царицы Авдотьи Ѳедоровны.

ради меня, себѣ добра не теряй. Дай Богъ тебѣ всякое благо получить себѣ, кто бъ тебѣ не помогъ, а мы тебѣ, ей, не злодѣи; но Богъ видитъ нашу неправду, ей, отъ самой простоты поступаемъ мы. А ты пишешь къ намъ, что-де лукавствомъ и пронырствомъ не взять, что̀ же мнѣ дѣлать? Коли такову Богъ меня безчастную родилъ? Мнѣ кажется, я не лукава, а вамъ кажется, я лукава. Пишешь ты: о насъ не смѣешь ходить; пожалуй ходи, да добивайся себѣ благого, а я къ тебѣ часа (?) пришлю деньги два ста, своихъ пришлю триста рублевъ, откупайся какъ ты знаешь; и всѣмъ сули, не жалѣя денегъ, ей-ей, я пришлю своихъ триста, опричь твоихъ, пять сотъ пришлю, только добивайся себѣ пользы (1): кто бы тебѣ не помогъ, не опасайся ты брата моего (2), хотя бы кто и кромѣ его помощь тебѣ подалъ; отъ кого бы нибудь тебѣ пользу получить, мой братъ за это на тебя, ей-ей, не станетъ гнѣваться. Промышляй кѣмъ-нибудь себѣ, какъ Богъ тебя наставитъ, добивайся себѣ лучшаго: ты бы намъ подлинно все отписалъ; можно тебѣ нашему Якову вѣрить, онъ бы письмо, не затерявъ, прислалъ бы подлинно; а Яковъ твое письмо прислалъ въ своемъ письмѣ, ей, сохранно, ты ему вѣрь, вѣдь мы ему, ради тебя, и велѣли на Москвѣ-то жить, будто ради дѣла живетъ, ей ради твоей честности. А ты скоро бездушникъ насъ забылъ, а ты бы какъ написалъ письмо, далъ бы послать не мѣшкатно, вѣдь ѣзда безпрестанно есть; а Яковъ часто къ твоему двору приходитъ да отказываютъ. Чего вы ради опасаетеся? пожалуй отпиши? Что вы не пускаете его на дворъ, ей, ради меня, вамъ никакой траты вашему здоровью не будетъ; ей, не опасайтеся, что вы на дворъ нашихъ не пускаете. Чему-то вѣдь быть? Горесть моя нынѣ, кабы я была въ радости, такъ бы меня и въ дали сыскали, а то нынѣ горесть моя, забылъ скоро меня, не умилостивили тебя здѣсь мы ничѣмъ. Мало знать лицо твое, и руки твои и суставы рукъ и ногъ твоихъ, мало слезами моими обливали? они не успѣли угодное сотворить, знать прогнѣвали тебя нечѣмъ, что по ся мѣсто ты не хвалишься, гораздо тебѣ огорчилися мы, что забылъ, никого не пришлешь къ намъ, да и нашихъ къ себѣ на дворъ не пускаешь; какъ-то Яковъ уже насилу добился, чаю ходилъ не пять разъ? Насилу Богъ велѣлъ твои очи увидѣть, али ты то боишься, что ты ко мнѣ ходилъ, ей, мой свѣтъ, не бойся ни мало, сама я больше всѣхъ знаю, не бойся нынѣ и впредь, хотя кто не вѣдаетъ, что ты ко мнѣ и ходилъ, не бойся; всѣхъ вѣдь я знаю. Горько да мнѣ одной, а съ вами Богъ. Пожалуй отпиши, скоро ли тебѣ ѣхать-то съ Москвы? Добивайся токмо, чтобы тебѣ быть въ губерніи Московской, чтобы тебѣ ближе быть, какъ-нибудь добивайся себѣ пользы, какъ бы лучше тебѣ, такъ себѣ и дѣлай; али ужь набору не быть? Добивайся ты, мой батюшка, чтобы тебѣ сѣсть на воеводство? Можно это дѣло сдѣлать кня-

---

(1) М. Г. Даниловъ въ своихъ записках, изданныхъ въ 1842 году, подробно разказываетъ, къ какимъ средствамъ прибѣгали богатые русскіе дворяне, еще въ царствованіе Анны Ивановны, чтобы получать отпуски и увольненія изъ службы. Между прочимъ они давали взятки секретарямъ, писарямъ крѣпостными своими душами (стр. 34—38).

(2) Абрама Ѳедоровича Лопухина.

гинѣ Аннѣ Артамоновнѣ (1), да Тихономъ Никитичемъ (2). Ей ты бей челомъ, хоть почти ты ее чѣмъ, а и бей ты челомъ Ферафону; то какъ знаешь, такъ себѣ и промышляй. Я и сама не знаю, какъ тебѣ быть; какъ уже мнѣ съ тобой печали на свѣтѣ жить? Тому ли было думано? Зѣло, зѣло грустно и печально; батько мой, какъ-нибудь домогайся, какъ ты знаешь, а я часа къ тебѣ пришлю всего, съ чѣмъ тебѣ ѣхать. Еслибы ты близко былъ насъ, не такъ бы то и было, зѣло мнѣ горько о разлученіи: какъ-нибудь домогайся; а брату моему печаль, что мало я могу, также что сына моего нѣтъ, то-то онъ къ тебѣ не промолвилъ, не диви ты на него; домогайся какъ знаешь, пожалуй не забудь насъ.

«Братецъ, батюшка мой, здравствуй со всѣми своими, а мы въ великой тугѣ пребываемъ, а ты по ся мѣсто не хватишься о печальныхъ? Пожалуй, пиши про все, подлинно хорошенько, чтобы намъ разсудить, какъ быть.»

«А у насъ безпрестанно плачутъ горько, неутѣшно. Ты вѣрь Якову Стахѣеву. Нарочно, пожалуй, мой свѣтъ, пиши, пока ты на Москвѣ; что ты одинъ, али съ женою ѣдешь, за какимъ дѣломъ? Прошу и молю съ горестью, на сколько ѣдешь, пожалуй опиши подлинно? Добивайся ты, чтобы тебѣ хоть плату платить, хотя бы уже дома тебѣ жить, сули хоть ста четыре рублевъ, ктобъ нибудь тебѣ помощи подалъ; ей, ей, недосадно моему брату будетъ, также и мнѣ. Кто же вступился бы въ твои горести, или гдѣ бы тебѣ ближе быть у какого дѣла, али скажи, что ты скорбенъ. Дай, мой свѣтъ, плату, да живи дома, а я тебѣ, ей, ей, ей, не солгу, пришлю пять мѣшковъ денегъ, какъ-нибудь добивайся, съ недѣлю не умывайся, ей назовутъ тебя скорбнымъ. Поди, поди на новоселье, ради добра, за чѣмъ туда не идти? Что ты тамъ про монастыри пишешь, охъ воръ, еще ты къ ней не откинулъ ходить? Пожалуй ходи, только себѣ добивайся добра; вѣдь я тебѣ только не велѣла ходить по монастырямъ, а то ни куда тебѣ я не заказывала; знать, что ты пишешь про монастыри, за чѣмъ и въ монастырй тебѣ не ходить, ради добра, только зла не твори. За что ты мнѣ божился, а я не тебѣ вѣрю, по Богу, святителю Николѣ, ему вѣру крѣпку держу, что онъ наше моленье не презритъ. Съ тою правдою держися ты, живи смирнѣе, не забудь мою любовь къ тебѣ; а я уже только съ печали духъ во мнѣ есть. Рада бы была смертію, да гдѣ ее взять. Пожалуйте помолитеся, чтобы Богъ мой вѣкъ укротилъ, ей, рада тому. Да пишешь ты про архимандрита, и я ему ничего не говорила ни про что: такъ онъ вретъ, плюнь ты на него, не слушай ничего, ей, онъ про тебя не будетъ говорить, не

---

(1) Не сестра ли сенатора и президента юстицъ-коллегіи графъ Андрея Артамоновича Матвѣева, пользовавшагося особенною довѣренностью Петра I? Скончался въ 1728 году.

(2) Тих. Ник. Стрѣшневъ. Отъ него, по словамъ Корба, зависѣли всѣ опредѣленія, повелѣнія, указы, касавшіеся дѣлъ внутреннихъ, также и внѣшняго управленія Московіи. Его должность относительно дворянъ сходна съ обязанностію великаго констабля. На обѣдахъ тостъ за здоровье Тихона Никитича означаетъ то же, что тостъ за вѣрнѣйшихъ и безусловно преданныхъ слугъ Петра, стр. 215. *Diarium itineris in Moscoviam*. Viennae in fol. 1700.

бойся ты ничего. Вѣдь Яковъ нарочно, ради тебя, на Москвѣ-то живетъ. Онъ намъ вѣренъ, и ты ему вѣрь, пиши не опасайся ничего, а мы чаяли съ нею, что тебѣ на Москвѣ-то жить. Мы ради тебя хотѣли Якова на стряпню посадить, что мнѣ дѣлать, коли проста сердцемъ. Богъ видитъ мое лукавство и пронырство, что ты опредѣленъ виневать(?), ѣдешь ты туда на службу, или ради дѣла ѣдешь? пожалуй отпиши, пожалуй не круши меня, отпиши подлинно, не мѣшкавъ, дай скорѣй вѣдомость, чтобы съ печали, безразсудно не умереть мнѣ, что ты именно не отписалъ, кто тебя зоветъ на новоселье, вѣдь ты самъ знаешь, видя какой случай доброй, гдѣ себѣ чая блага, также и къ нему, ты такъ и поступай, а я вѣдь не буду про доброе сердитовать.»

Въ третьемъ:

«Свѣтъ мой, батюшка мой, душа моя, радость моя, знать уже злопроклятый часъ приходитъ, что мнѣ съ тобою разставаться; лучше бы мнѣ душа моя съ тѣломъ разсталась бы. Охъ, свѣтъ мой, какъ мнѣ на свѣтѣ быть, безъ тебя какъ бы живой быть? Уже мое проклятое сердце давно послышало, и что тошно давно мнѣ, все плакала. Но мнѣ съ тобою знать будетъ разставаться. Ей, ей, сокрушаюся! И такъ, Богъ вѣсть, каковъ ты мнѣ милъ. Уже мнѣ нѣтъ тебя милѣе, ей Богу! Охъ, любезный другъ мой, за что ты такъ милъ? Уже мнѣ ни жизнь на свѣтѣ. За что ты на меня, душа моя, былъ гнѣвенъ? Что ты ко мнѣ не писалъ? Носи, сердце мое, мой перстень, меня любя. А я такой же себѣ сдѣлала, то-то я у тебя брала. Знать ты, другъ мой, самъ этого пожелалъ, что тебѣ здѣсь не быть? И давно уже мнѣ твоя любовь знать измѣнила. Всѣ ты слушалъ слугъ, что я къ тебѣ пришлю, то и ты отпишеши ко мнѣ. Вотъ уже не на кого будетъ и сердитовать: для чего, батька мой, не ходишь ко мнѣ? что ты не ходишь, не далъ мнѣ на свою персону насмотрѣться? То ли твоя любовь ко мнѣ, что ты ко мнѣ не ходишь? Уже, свѣтъ мой, не къ кому будетъ и притти. Или тебѣ даромъ, другъ мой, я? Знать, что тебѣ я даромъ, а я же тебя до смерти не покину никогда, ты изъ разума моего не выдешь. Ты, мой другъ, меня не забудешь ли, а я тебя ни на часъ не забуду. Какъ мнѣ съ тобою будетъ разставаться? Охъ, коли ты ѣдешь, коли меня, батько мой, ты покинешь, охъ, другъ мой, охъ, свѣтъ мой, любонька моя! пожалуй, сударь мой, изволь ты ко мнѣ пріѣхать завтра къ обѣднѣ, переговорить кое-какое дѣло нужное. Охъ, свѣтъ мой, любезный мой другъ, лапушка моя, отпиши ко мнѣ. Порадуй, свѣтъ мой, хоть мало что, какъ тебѣ быть, гдѣ тебѣ жить; въ Владимірѣ или въ Юрьевѣ, али въ Москву ѣхать? Скажи пожалуй, отпиши, не дай мнѣ съ печали умереть, поѣдь лучше ты въ Москвѣ, нежели тебѣ таскаться по городамъ; пріѣдь ко мнѣ, я тебѣ нѣчто скажу. Послала къ тебѣ галстукъ я, носи, душа моя, ничего ты моего не носишь, что тебѣ не дамъ я, знать я тебѣ не мила, то-то ты моего не носишь. То ли твоя ко мнѣ любовь: охъ, свѣтъ мой, охъ, душа моя, охъ, сердце мое, надсѣлася по тебѣ, какъ мнѣ будетъ твою любовь забыть? будетъ какъ, не знаю я, какъ жить мнѣ, безъ тебя быть, душа моя,

ей тошно, свѣтъ мой, не что не знаю какъ уже, братецъ мой, батюшка, свѣтъ мой, какъ намъ тебя будетъ забывать? Охъ, свѣтъ мой, что ты не прикажешь ни про что, что тебѣ годно покушать, братецъ? А съ чѣмъ у тебя мѣшки тѣ пропали? Съ уздами ли, или съ инымъ чѣмъ? Скажи, сердце, буде досугъ, пріѣди хоть къ вечернѣ.»

А такихъ же, равнымъ образомъ, отъ нея же, бывшей царицы, къ нему, Глѣбову, писанныхъ еще шесть писемъ (1).

Да у него жь, Степана, выняты письма же о возмущеніи народа противъ царскаго величества (2).

Да послѣ повинной ея, бывшей царицы, спрашиваны тѣ жь старицы, поддьяконъ Иванъ Пустынной, и другіе: Чего ради, она монашеское платье скинула? На что они сказали: что къ ней-де, бывшей царицѣ, хаживалъ ростовской епископъ Досифей, который прежде сего бывалъ игуменомъ виновицкомъ (sic), и архимандритомъ въ Спасскомъ Ефимьевѣ монастыряхъ. И съ того времени, какъ онъ сталъ къ ней ходить, монашеское платье она съ себя скинула. Который обнадеживалъ ее, сказывалъ ей многія лживыя пророчества: яко бы онъ отъ образовъ слышалъ гласы, и видѣлъ святыхъ, которые будто бы являлися и сказывали. И онъ ей прямо то пророчествовалъ, что она будетъ по прежнему царицею, и съ сыномъ своимъ будетъ вмѣстѣ.

Также-де, когда былъ онъ же, епископъ Досифей, въ віновидскомъ монастырѣ игуменомъ, въ то время приходилъ къ ней же, бывшей царицѣ, и сказывалъ ей, что онъ молился, и будто ему гласы бывали отъ образовъ, и явилися ему многіе святые, сказывали, что она будетъ по прежнему царицею, и многіе письма онъ, Досифей, къ царицѣ писалъ, а къ нему отъ царицы писали. А когда былъ архимандритомъ въ Спасскомъ Ефимьевѣ монастырѣ, и когда ему будто бывало явленіе, въ то время, приходя къ ней ночью, сказывалъ.

А какъ-де онъ не ходилъ, до того времени бывшая царица была въ черноческомъ платьѣ. А какъ онъ, епископъ, сталъ ходить, и она черноческое платье скинула. Противъ чего она спрашивана: для чего она монашеское платье скинула? И она сказала, что какъ ей епископъ пророчествами и видѣньями святыхъ, и гласами отъ образовъ подтверждалъ, что будетъ попрежнему царицею и съ сыномъ вмѣстѣ будетъ царствовать, и она-де тому польстилась, и монашеское платье скинула.

А какъ онъ, Досифей, уже былъ епископомъ, и онъ къ ней, бывшей царицѣ, пріѣзжалъ въ монастырь, и служилъ, и поминалъ ее царицею Евдокіею, и сказывалъ, что онъ отъ святыхъ слышалъ гласы, отъ образовъ, что нынѣшняго года (въ которомъ ей сказывалъ) будетъ царицею по прежнему. А когда-де годъ пройде, и царица бывшая его, епископа,

---

(1) Всѣ они подобнаго же содержанія и относятся по времени къ 1708—1716 годамъ. Мы ихъ видѣли у Н. Г. Устрялова.

(2) Въ чемъ они состояли, почему не приведены въ семъ манифестѣ, гдѣ приведены самые рѣзкіе факты, и существовали ли они на самомъ дѣлѣ, намъ неизвѣстно, и ни въ одномъ изъ показаній лицъ, замѣшанныхъ въ суздальско-розыскномъ дѣлѣ о нихъ не упоминается.

спрашивала: для чего-де такъ не сдѣлалося? И онъ ей сказывалъ: за грѣхи-де отца твоего. И она де приказывала о грѣхахъ отцовскихъ молиться, и за то де ему денегъ много давала. Но онъ-де, взявъ деньги, сказывалъ, что роздалъ нищимъ, и маливался, и сказывалъ: что онъ его видѣлъ уже изъ ада выпущеннаго до пояса; а въ другой годъ тожь чиня, сказывалъ: что только по колѣна въ аду, и такія-де обманныя слова сначала и до сего дня ей, бывшей царицѣ, сказывалъ, и во многихъ письмахъ писалъ.

А Иванъ Пустынной сказалъ: «Прежде-де сего бывшій Иларіонъ митрополитъ суздальской, сказывалъ ему, Досифею, когда-де онъ, Досифей, пріѣзживалъ къ нему, Иларіону, для посѣщенія, «что для чего онъ къ ней, бывшей царицѣ, ходитъ такъ, и вступаетъ? Что-де ты человѣкъ молодой, и случаевъ всякихъ не знаешь, чтобъ онъ въ томъ себя не погубилъ, и ходить бы къ ней, бывшей царицѣ, пересталъ.» И противъ тѣхъ разспросныхъ рѣчей, онъ, епископъ Досифей, подалъ его царскому величеству, написавъ о томъ, о всемъ, своеручное повинное письмо, въ которомъ призналъ себя винна, что сказывалъ онъ ей, бывшей царицѣ, что она будетъ по прежнему царицею, и съ сыномъ будетъ жить, а гласовъ о томъ отъ образовъ не слыхалъ, и святые ему не явилися, и то не сказывали. А онъ ей, бывшей царицѣ, сказывалъ, и о томъ къ ней писалъ, будто онъ гласы отъ образовъ слышалъ, и святые ему явилися, и сказывали, что будетъ по прежнему царицею, что онъ говорилъ и писалъ, утѣшая ее, для того, что она того желала, и она къ нему писывала, и тѣ письма онъ дралъ. А такихъ же словъ, что видѣлъ отца ея, Ѳедора Лопухина, изъ ада выпущеннаго до пояса, а вдругоредь до колѣней, того онъ ей не сказывалъ, и денегъ за вышеписанное пророчество не биралъ. А говорилъ ей для того, чтобъ она Бога не отпала, для того что она ему говорила многажды, что она Богу молится много, Богъ ея не слушаетъ. А онъ, вѣдая, что она пострижена, и монашеское платье съ себя скинула, не воспрещалъ ей, и о томъ не доносилъ.

Въ Покровскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ былъ онъ, какъ ѣхалъ изъ Володиміра, изъ Рождественскаго монастыря, тому года съ четыре; и въ Благовѣщенской церкви служилъ. И по таблицѣ, которая ему сказана, дьяконъ о здравіи поминалъ; и онъ ее, бывшую царицу, царицею Евдокіею поминалъ же. Голициной княгинѣ Ностасьи (1) онъ сказывалъ: «что бывшая царица ходитъ въ мірскомъ платьи»; въ ту зиму, когда не стало царевны Ѳеодосіи Алексѣевны (2), для того, что она го о томъ спрашивала, и царскому величеству о томъ онъ не донесъ, надѣясь, что она о томъ донесетъ, потому что она живетъ при его величествѣ. А съ Степаномъ Глѣбовымъ у него знакомство было. И однажды, онъ съ нею, царицею бывшею, у него въ кельѣ были, и ужинали.

---

(1) Какъ увидимъ ниже, Голицина вмѣстѣ съ другими женщинами была подвергнута казни.

(2) Дочь царя Алексѣя Михайловича, родилась 1662 г. мая 28. Имянины ея праздновались 29 мая, скончалась 1713 года декабря 13

Онъ же, Досифей, сказалъ: какъ онъ былъ архимандритомъ, и въ то число говорилъ ему Афонасій Сурминъ,« что-де ты не говоришь бывшей царицѣ, что ходитъ къ ней Степанъ Глѣбовъ безвременно», и онъ ей о томъ говорилъ, и она его не слушала.

А противъ того Сурминъ спрашиванъ, и сказалъ: въ Покровскомъ Дѣвичьѣ монастырѣ былъ онъ правителемъ; и про Степана Глѣбова, что онъ къ бывшей царицѣ хаживалъ по ночамъ, вѣдалъ; и сказывалъ-де ему о томъ того монастыря протопопъ Симеонъ, который постриженъ, и онъ-де, Афонасій, о томъ говорилъ Досифею, когда былъ онъ архимандритомъ, чтобъ онъ ей поговорилъ: «что для чего онъ, Глѣбовъ, къ ней ходитъ безвременно?» И она-де, бывшая царица, его къ себѣ призывала, и ему говорила: «Для чего-де ты, воръ, такія слова говоришь? Знаешь-де ты, что у меня сынъ живъ, и тебѣ-де заплатитъ, и за то-де его отъ правленія того монастыря и откинули.»

А бывшій протопопъ Симеонъ, который нынѣ монахъ Симонъ, сказалъ: что онъ въ томъ монастырѣ протопопомъ былъ лѣтъ съ двадцать. И въ бытность-де свою, Афонасію Сурмину о томъ онъ говорилъ. И его-де за то отъ того монастыря его и отрѣшили, за что ему претили смертнымъ страхомъ, отъ чего онъ и постригся.

А въ вышеписанномъ повинномъ своеручномъ письмѣ оный разстрига, бывшій епископъ, о выпускѣ изъ ада Ѳедора Лопухина въ одинъ годъ до пояса, а въ другой годъ до колѣнъ, запирался, въ чему ему, Досифею, съ подъякономъ Иваномъ Пустыннымъ да со старицею Капталиною дана очная ставка, а съ оной очной ставки сказали:

Подьяконъ и старица Капталина то же, что̀ и въ разспросѣ; да къ тому подьяконъ пополнилъ, что-де онъ видѣлъ у бывшей царицы и тѣ письма, которыя писалъ онъ, Досифей, своею рукою, и онъ, Иванъ, ихъ читалъ.

А епископъ Досифей на очной ставкѣ сперва запирался, а потомъ сказалъ: что онъ въ томъ виноватъ, и такія слова о выпускѣ отца ея изъ ада говорилъ и къ ней, бывшей царицѣ, о томъ и писалъ, и къ тому и руку приложилъ.

И о томъ его льстивномъ пророчествѣ и всякомъ бездѣльствѣ объявлено архиреямъ русскимъ и греческимъ соборнѣ.

И оные архиреи русскіе и греческіе, слушавъ того его богопротивныя непотребства, архирейскаго сана извергли, и предали гражданскому суду.

А по изверженіи еще обличенъ, а именно:

Царевичъ Алексѣй Петровичъ объявилъ царскому величеству своеручнымъ письмомъ, а въ немъ написано:

Не доѣхавъ Либау (1), встрѣтилась ему царевна Марья Алексѣевна (2), и взявъ въ карету, по многимъ разговорамъ пришла рѣчь до матери его. И онъ-де молвилъ: жива ль де она? И она, Марья, между

---

(1) Въ началѣ 1716 года.

(2) Дочь царя Алексѣя Михайловича, родилась 1660 года, января 18, крещена февраля 19-го, скончалась 1723 года, марта 9-го, на 63-мъ году отъ рожденія. Смотр. *Древн. Росс. Вивл.* X. 236.

иными словами, сказывала, что было-де ей откровенье самой и инымъ: «что отецъ твой будетъ боленъ, и во время болѣзни его будетъ нѣкакое смятеніе, и придетъ же отецъ въ Троицкій монастырь на Сергѣеву память, и тутъ мать твоя будетъ же. И отецъ исцѣлится отъ болѣзни. И возьметъ ее къ себѣ, и смятенье утишится. Да повидайся ты-де съ Кикинымъ, онъ-де желаетъ тебя видѣть.»

И по тому письму царевна Марья Алексѣевна сказала: «что многія тѣ слова она съ нимъ, царевичемъ, говорила, которыя въ томъ письмѣ написаны, а о пророчествахъ слышала отъ бывшаго епископа Досифея, что̀ нынѣ разстрига Демидъ.»

А онъ, разстрига, сказалъ, что вышеписанныя пророчества онъ царевнѣ, Марьѣ Алексѣевнѣ, сказывалъ, и то все лгалъ.

Да онъ же, бывшій епископъ Досифей, что̀ нынѣ разстрига Демидъ, писалъ къ ней, царевнѣ Марьѣ Алексѣевнѣ, лестное, яко бы о видѣньяхъ святыхъ и о пророчествахъ, своеручное письмо, которое взято изъ комнаты ея, царевны; а въ немъ написано:

«Спасися, моя премилосердая государыня, родимая матушка, и здравствуй, свѣтъ мой! Прогнѣвалъ Господа Бога, и тебя, мою родную матерь, опечалилъ чрезмѣрною печалію, что такъ учинилъ, велію себѣ горесть сотворилъ, что лучше бы на свѣтѣ не былъ, зачѣмъ сперва не поѣхалъ, хотя бы что на пути не было. Однако бы лучше сихъ дней; каково мнѣ теперь, я не скрою отъ тебя, свѣта моего, зачѣмъ не поѣхалъ? До того было задолго съ самаго Рождества Христова не моглось, что къ смерти допустилася руда низомъ; съ мѣсяцъ было и больше; отнюдь нельзя было никуда вдаль выйдти ни на день отъ кельи отстать; за тѣмъ своимъ грѣхомъ скоро не поѣхалъ. А нынѣ, ей, лучше бы живъ не былъ, что тѣ дни зашли, а и ѣхать, кажется, легкимъ обычаемъ уже не по днямъ; а ждать долго второй недѣли. День больше недѣли не можется переждать; ужь не могу придумать. Домовыхъ людей потѣшилъ, тебя, свѣта моего, лишился. Сколько времени не вижу, а слышу. Какой я окаянной человѣкъ, и какой твой вѣрный слуга, прогнѣвалъ своихъ хранителей, что сею скорбію посѣщенъ, не въ великую безмѣрную тяжесть, только страмно при людѣхъ, буди о семъ воля Бога моего и угодниковъ его! А въ письмѣ, моя государыня, не прогнѣвайся, что либо замѣшкалъ. Сего мѣсяца 4-го числа, былъ въ Толскомъ монастырѣ, въ Ярославлѣ; и конюхъ нашъ твое государское письмо тамо мнѣ подалъ; и я въ пятое число и пріѣхалъ домой; а на утро и послалъ, о всемъ было писалъ, и для чего по ся мѣсто не дошло, про то Богъ вѣсть.

«А съ вѣрнымъ было человѣкомъ послалъ налегкѣ; поѣхали изъ таможни съ казною, обѣщалися отнюдь не задержать; а я было послалъ во шестый день сего мѣсяца, и писано было, кажется, про все, а паче, чтобы Ѳедоръ Степановичъ (1) тако лично бывалъ А а Ж (2) и будетъ извѣстнѣе про пустынниковъ. Доношу, они не вѣдаютъ про

---

(1) Ѳедоръ Степановичъ Журовскій, одинъ изъ приближенныхъ къ царевнѣ Марьѣ Алексѣевнѣ; о немъ смотр. въ концѣ манифеста.

(2) Объясненіе какъ этихъ буквъ, такъ и значеніе разныхъ намековъ Досифея, смотри ниже.

сіе, чають у отца; о посѣщеніяхъ истинно не знаю, какъ быть, поѣхалъ было сею зимою, и доѣхалъ до села Онкова, и часъ было заѣхать лошадей покормить, и тутъ предсталъ Димитрій и возвратилъ; и въ тѣ часы, передъ нами разбойники, вмѣсто насъ, иныхъ побили и ограбили, а насъ онъ, свѣтъ, охранилъ. Мы и возвратились назадъ; а уже такъ хочется съ ними повидаться, что единъ Богъ вѣсть. Потомъ я былъ у нихъ, какъ память была Ц. Ѳ. А. (1). Я сказался, что будто туда поѣхалъ, а былъ у пустынниковъ. Много было словъ, ей, не то, что нынѣ. И тогда лишь выѣхалъ, да забылъ четь. Я грѣшный нынѣ съ памятью сбираюсь. Какъ бы тамошняя радость обвеселила, не могъ быть по ся мѣсто въ цѣломъ умѣ. Да какъ тамо сподобишься быти; великую отраду получишь, здѣшнее все оставишь, то и мыслишь. И послѣ того письма у Димитрія я былъ; онъ всеконечно рекъ: «что скоро совершится». А я про Павла давно вѣдалъ, что уже былъ, да нѣтъ; чаялъ, что конецъ Павловъ совершится: не также ли къ тому приходить тѣмъ вершитися? Много вопіютъ: Господи милости подай! совершише, и дѣлу конецъ! И пустынники зѣло желаютъ объ немъ, чтобы Господь далъ исправиться ему въ житіи своемъ. Димитрій уже долго не будетъ, посланъ инымъ во охраненіе, зѣло скорбенъ, и скорбитъ неутѣшно о совершеніи строенія, что̀ продолжается. Виссаріонъ и прочіе всѣ тебѣ вопіютъ: «помози людямъ!» Ей, не лгу; у нихъ я услышалъ, что твои простертыя молитвы и доброе намѣренье велію пользу имъ подаютъ; не зазри, твой промыслъ они больше всего ставятъ. Ей, не лгу, какъ христіянинъ на свѣтѣ нарицаюся, что такъ я у нихъ слышалъ, и просятъ вашего всякаго исправленія, сколько можно подвигнитися. Не могу примѣръ указать, что сіе сотворите, какъ что мочно по симъ (2). О посѣщеніи нынѣ пустынниковъ прошу твоего государскаго разсужденія, что̀ творити? Какого бы на себя имъ пореченья не учинити, а утаиться нельзя?

«А въ Володиміръ ѣхать никоимъ образомъ не мочно: есть ли поѣхать, то всѣмъ образъ дать; а я изъ твоего разсужденія не выступлю. Ей, съѣлъ бы и погубилъ я себя, что сперва я не побывалъ, какъ твоя милость пріѣхала; какъ бы побывалъ, такъ бы не то все было. Я мню, что мнѣ супротивникъ запретилъ, пользы себѣ не учинилъ, а въ великую печаль себя привелъ. Горе несносное! Скорбь зазорная! Мочью бы въ тѣ поры ѣхалъ, да не лицо. Буди во всемъ Божья воля и твое разсужденье: безъ Божьей воли ничто, ей, не дѣлается. Грѣшный человѣкъ, твой богомолецъ, слезно припадаю къ честнымъ и святымъ твоимъ ногамъ; припадая, покланяюся и лобызаю, и прощенья прошу, и прочимъ поклонися всѣмъ до земли.»

«Сіе истреби.» (3)

---

(1) 29 мая память царевны Ѳеодосіи Алексѣевны.

(2) Нѣтъ никакого сомнѣнія, что умный и хитрый епископъ, имѣвшій сильное вліяніе на суевѣрную царевну, вымаливалъ у нея деньги.

(3) Царевна, дорожа письмами слѣпоуважаемаго ею епископа, не исполнила его остроумной просьбы, и тѣмъ бросила новый камень въ Досифея.

По вышеписанномъ письмѣ разстрига Демидъ въ разспросѣ своемъ сказалъ, что то письмо руки его; и писалъ онъ къ царевнѣ, Марьѣ Алексѣевнѣ. И разспросомъ своимъ въ томъ письмѣ скрытныя рѣчи толковалъ.

Въ письмѣ:

«Не поѣхалъ онъ къ ней за болѣзнію.»

Въ разспросѣ:

«Въ то время, какъ она прибыла изъ Карльсбада» (1).

Въ письмѣ:

«Конюхъ отъ тебя, государыня, прибылъ; и подалъ мнѣ письмо, въ Толскомъ монастырѣ сего мѣсяца, 4-го числа.»

Въ разспросѣ:

«О какой матеріи письмо сказать не упомнитъ.»

Въ письмѣ:

«И я въ пятое число пріѣхалъ домой на утро. И пославъ о всемъ, было писалъ. И для чего по ся мѣсто не дошло, про то Богъ вѣсть? А я съ вѣрнымъ было человѣкомъ послалъ налегкѣ. Поѣхали изъ таможни съ казной; обѣщалися отнюдь не задержать; а я было послалъ во шестый день сего мѣсяца, и писалъ было, кажется, про все.

Въ разспросѣ:

«О какой матеріи писалъ письмо, и съ кѣмъ послалъ изъ таможни не помнитъ» (2).

Въ письмѣ:

«А паче, чтобы Ѳедоръ Степанычъ тако лично побывалъ.»

Въ разспросѣ:

«Чтобъ переговорить съ нимъ, для его болѣзни.»

Въ письмѣ;

«Буквы: Азъ да азъ да живете въ кругу.»

---

(1) Въ началѣ 1716 года.

(2) При разспросахъ и во время ужаснѣйшихъ пытокъ епископъ Досиѳей былъ тверже и упорнѣе другихъ. Онъ не выдавалъ своихъ и никого *не обзывалъ* до послѣдней крайности.

Въ разспросѣ:

«Значитъ: Авдотья жива, бывшая царица.»

Въ письмѣ:

«И будетъ извѣстнѣе про пустынниковъ.»

Въ разспросѣ:

«Объ ней, бывшей царицѣ, что пустынницею ее называли.»

Въ письмѣ:

«Доношу, они не вѣдаютъ про сіе, чаютъ у отца.»

Въ разспросѣ:

«О царевичѣ Алексѣѣ, что онъ у государя. А царевна писала къ нему, что онъ уже дошелъ къ цесарю, и чтобъ съѣздить къ ней, бывшей царицѣ, и о томъ ей сказать.»

Въ письмѣ:

«О посѣщеніяхъ истинно не знаю, какъ быть.»

Въ разспросѣ:

«Писала къ нему царевна, чтобъ ему бывшую царицу посѣтить.»

Въ письмѣ:

«Поѣхалъ было зимою и доѣхалъ до села Онкова, и часъ было заѣхать лошадей покормить, и тутъ предсталъ Димитрій, и возвратились. и въ тѣ часы, передъ нами разбойники вмѣсто насъ; иныхъ побили и ограбили; а насъ онъ свѣтъ охранилъ. Мы и поворотили назадъ А ужь такъ хочется съ ними повидаться, что одинъ Богъ вѣсть. Лѣтомъ я былъ у нихъ, на память царевны Ѳедосіи Алексѣевны; а сказался, что будто туда поѣхалъ. А я былъ у пустынниковъ. Много было словъ, ей, не то, что̀ нынѣ. И тогда лишь выѣхалъ да забылъ четь. Я грѣшный, нынѣ съ памятью сбираюсь. Какъ бы тамошняя радость обвеселила, не могъ быть по ся мѣсто въ цѣломъ умѣ. Да какъ тамо сподобишься; великую отраду получишь, здѣшнее все оставишь, то и мыслишь.»

Въ разспросѣ:

«Что помянутой Димитрій; что-де то царевичь Димитрій, а ему онъ не явился; и въ Суздаль онъ, разстрига, не ѣздилъ, ниже и въ Ростовъ; и про все вышеписанное солгалъ.»

Въ письмѣ:

«Послѣ же того письма Димитрій былъ, всеконечно рекъ: что скоро совершится.»

Въ разспросѣ:

«Лгалъ на царевича Димитрія, будто ему сказывалъ, что совершится и то сказывалъ о смерти государя.»

Въ письмѣ:

«А я про Павла давно вѣдалъ, что уже былъ да нѣтъ его. Чаю что и отецъ Павловъ совершится, не такъ же ли къ тому приходитъ, тѣмъ же вершиться?»

Въ разспросѣ:

«То-де писалъ онъ къ царевнѣ о государѣ, что слышалъ онъ отъ святыхъ, что государь скоро умретъ. А про царевича Павла будто ему сказывали святые жь, что онъ умретъ. И то онъ все лгалъ, утѣшая царевну. А онъ про смерть царевича Павла (1) свѣдалъ только чрезъ письмо царевнино.»

Въ письмѣ:

«Много вопіющихъ: Господи милости, и дай совершиться, и дѣлу конецъ!»

Въ разспросѣ:

«То онъ писалъ, что желаетъ государю смертнаго конца. И яко бы и всѣ того съ нимъ мнѣнья. Онъ же и съ нею, царевною, объ этомъ говаривалъ.»

Въ письмѣ:

«И пустынники зѣло желаютъ объ немъ, чтобъ Господь далъ исправитися ему въ житьи своемъ.»

Въ разспросѣ:

«То-де желала бывшая царица, чтобъ взялъ ее къ себѣ по прежнему государь.»

Въ письмѣ:

«Димитрій уже долго не будетъ. Посланъ онъ инымъ въ охраненіе.»

Въ разспросѣ.

«Лгалъ, будто царевичъ Димитрій посланъ отъ Бога народъ охранять.»

---

(1) Екатерина Алексѣевна разрѣшилась отъ бремени царевичемъ Павломъ 2 января, 1717 года, въ Везелѣ. Царевичъ умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Царевичъ Алексѣй Петровичъ, какъ видно изъ журнала князя А. Д. Меншикова, не присутствовалъ при погребеніи родной тетки своей Натальи Алексѣевны (ум. 18 іюня 1716 г.), ни брата своего Павла. Онъ въ семъ случаѣ, разглагольствуетъ Голиковъ, походилъ на Тиверія, въ островѣ своемъ Капреѣ заключившагося. Только царевича Алексѣя отдаляла отъ общества ненависть къ обхожденію, вводимому его родителемъ, и сладострастіе. Т. VII, стр. 327. *Дѣян. Петра. I.* Изд. 1838 г.

Въ письмѣ:

«Зѣло скорбенъ, и скорбитъ неутѣшно о совершеніи строенія, что продолжается.»

Въ разспросѣ:

«То онъ писалъ о царевичѣ Димитріи; будто скорбитъ о народѣ и о совершеніи вышеписаннаго, что государю пресѣченіе вѣка нѣсть. И то онъ на царевича Димитрія лгалъ.»

Въ письмѣ:

«Виссаріонъ и прочіе всѣ тебѣ вопіютъ. «помози людемъ». Ей, не лгу! У нихъ я слышалъ: твои простертыя молитвы и доброе намѣреніе, велію пользу имъ подаютъ. Не зазри; твой промыслъ они больше всего ставятъ. Ей, не лгу, какъ христіянинъ на свѣтѣ нарицаюся, что такъ я у нихъ слышалъ, и просятъ вашего всякаго исправленія, сколько мочно подвигнуться; не могу примѣръ сказать, что сіе сотворите, какъ что мочно, по силѣ.»

Въ разспросѣ:

«То онъ писалъ, льстя ей и похваляя ее, и ставилъ ее больше святыхъ; и будто святые ему говорили, что ея молитвы доходнѣе къ Богу, нежели ихъ. А онъ о ея молитвахъ отъ святыхъ не слыхалъ, и все лгалъ.»

Въ письмѣ:

«О посѣщеніи пустынниковъ нынѣ прошу твоего государскаго разсужденія, что творити? Какого бы на себя пророчества не учинити, а утаиться нельзя.»

Въ разспросѣ:

«Писалъ онъ: велитъ ли царевна ѣхать къ бывшей царицѣ; а ему не хотѣлось ѣхать, для того что тайно ему ѣхать нельзя, а явно, чтобъ себѣ и бывшей царицѣ подозрѣнія не учинить.»

Въ письмѣ:

«Во Володиміръ ѣхать никоимъ образомъ немочно. естьли поѣхать, то всѣмъ образъ дать, а я изъ твоего разсужденія не выступлю.»

Въ разспросѣ:

«И такъ ей предлагая, что ему въ Володиміръ ѣхать не льзя, для того чтобъ ему въ Суздалѣ не быть для подозрѣнія. А ежели въ Володиміръ ѣхать; то въ Суздаль не заѣхать нельзя. А больше полагался на ея разсужденіе. Она повелѣла, то бъ онъ и поѣхалъ.»

Въ письмѣ:

«Ей, съѣлъ и погубилъ я себя, что сперва я не бывалъ, какъ твоя милость пріѣхала; какъ бы побывалъ, такъ бы не то все было. Я мню,

что мнѣ супротивникъ запретилъ, пользы себѣ не учинилъ, а въ великую печаль себя привелъ. Горе несносное! Скорбь зазорная! Мочью бы въ тѣ поры, уѣхалъ да не лицо. Буди во всемъ Божья воля и твое разсужденье. Безъ Божьей воли ничто ей не дѣлается.»

Въ разспросѣ:

«То онъ написалъ въ ту мѣру, ежели бъ онъ поѣхалъ въ то время, какъ пришла царевна изъ Карльсбада, то бъ онъ отъ очереди на Москвѣ отбился.»

Да онъ же, разстрига Демидъ, съ розыску сказалъ: «царевна Марья писала о царевичѣ Павлѣ, что онъ умре; и говорила ему, когда-де государя не будетъ, я-де царевичу рада, о народѣ помогать сколько силъ будетъ, и управлять съ нимъ, царевичемъ, государство; да она же говорила: или бы-де взявъ бывшую царицу, и съ нею жилъ; либо бы де умеръ.

А онъ-де, видя ея, царевнино, намѣренье, писалъ къ ней будто видѣньями: что государь скоро умретъ.

Да Ѳедоръ Журовской сказалъ: о Виссаріонѣ-де онъ слышалъ отъ него, разстриги, что онъ живалъ въ Ярославлѣ, въ стѣнѣ. И оттуда онъ ушелъ, куда не знаетъ. И будто Виссаріонъ видѣнья жь видѣлъ. А то сказывалъ разстрига Демидъ царевнѣ, что будетъ гнѣвъ Божій и смущенье: государь скоро умретъ, и тяжкія времена настанутъ, и тѣ времена не скоро пройдутъ. Царевна удивлялась и спрашивала: для чего то не сдѣлается, какъ сказалъ: въ другія времена? А въ иныя времена сказывалъ, по видѣньямъ же: что государь возьметъ бывшую царицу, и будетъ съ нею по прежнему жить, и будутъ два дѣтища. И будто пророчествовалъ Виссаріонъ, что бывшая царица Евдокія будетъ подъ охраненіемъ царевичинымъ; а царевича-де вышеписаннаго узнала, о чемъ и оный разстрига сказалъ.

Да объ ней же царевнѣ, Михайло Босой показалъ, что она по, пріѣздѣ своемъ изъ Карльсбада, посылывала его къ бывшей царицѣ съ подарками мирскаго платья, и при томъ приказывала: чтобъ бывшая царица о томъ не печаловалась, что царевичъ уѣхалъ къ цесарю; то-де учинилъ онъ хорошо. И про то, что бывшая царица ходила въ мирскомъ платьѣ, она, царевна, вѣдала.

И она, царевна Марья, во всемъ томъ себя виновной признала» (1).

Въ черновомъ спискѣ манифеста, видѣнномъ г. Устряловымъ, царь собственноручно приписалъ, что бывшая царица Евдокія пострижена «для нѣкоторыхъ ея противностей и подозрѣнія». Слова эти, впрочемъ нисколько не объясняющія, въ чемъ состояла ея противность, не были напечатаны. Виновные были

---

(1) Здѣсь кончается манифестъ, или объявленіе 5 марта. Такъ же кончается списокъ Н. Г. Устрялова, вывезенный имъ изъ вѣнскаго архива, такъ, разумѣется кончалось объявленіе и въ печатномъ экземплярѣ 1718 года. Самый приговоръ и росписаніе родовъ казней Глѣбова, Досиѳея и проч. былъ прочитанъ 15 марта, и не былъ напечатанъ.

приговорены къ лютѣйшимъ смертнымъ казнямъ, дабы смотря на нихъ казнились въ совѣсти всѣ подобные злотворцы.»

У Лобнаго Мѣста воздвигли высокій эшафотъ. Близь него выстроили стѣнку: на ней, съ именами виновныхъ, написаны были длинные списки ихъ преступленій.

Рано утромъ, 15 марта, Красная площадь покрылась народомъ: на крышахъ, заборахъ, галлереяхъ, стѣнахъ, всюду виднѣлись головы любопытныхъ. Вскорѣ толпа заволновалась. Изъ Кремля истомленные тюремнымъ заключеніемъ, истерзанные жесточайшими пытками, вышли въ длинной процессіи: генералъ-маіоръ Степанъ Богдановичъ Глѣбовъ, епископъ Досиѳей, Никифоръ Вяземскій, Александръ Кикинъ, казначей Суздальскаго монастыря Баклановскій и до пятидесяти священниковъ, монаховъ, монахинь и другихъ лицъ. Въ то время, когда Досиѳея, Вяземскаго, казначея и нѣкоторыхъ другихъ, живыхъ разрывали на части, когда треща ломались ихъ кости и лопались жилы, на высокій колъ сажали фаворита Авдотьи Ѳедоровны. Очевидецъ увѣряетъ, что въ числѣ зрителей былъ самъ великій монархъ. Онъ подошелъ къ Глѣбову, умиравшему въ неописанныхъ мукахъ, осыпалъ его рѣзкими упреками... Умирающій плюнулъ, упорно молчалъ и испустилъ духъ.

Сохранилось показаніе одного іеромонаха, присутствовавшаго при казнѣхъ 15 марта, что С. Б. Глѣбовъ страшно мучился и оставался живъ сидя на колѣ, въ теченіи почти цѣлыхъ сутокъ (1).

Когда палачи схватили Александра Васильевича Кикина и готовились разорвать желѣзными лапами, къ нему приблизился Петръ. «Скажи мнѣ, Кикинъ, что̀ побуждало тебя, при твоемъ умѣ, враждовать со мной и ненавидѣть меня?» «Что̀ ты говоришь о моемъ умѣ! хладнокровно отвѣчалъ Кикинъ: умъ любитъ просторъ, а у тебя было ему тѣсно.» Государь подалъ знакъ, и отъ Кикина осталось нѣсколько безобразныхъ кусковъ. Остальныхъ колесовали, рубили на плахахъ, вѣшали за ребра. Немногіе, въ томъ числѣ Баклановскій, наказаны кнутомъ либо высѣчены батогами.

Нельзя не замѣтить здѣсь кстати, что батоги означили палки, либо толстые прутья. Ими наказывали такъ: виновнаго клали на землю, одинъ палачъ прижималъ голову, другой садился на ноги, двое рястягивали руки, двое вооруженные батогами барабанили по оголенной спинѣ до тѣхъ поръ пока имъ не

(1) Со словъ Н. Г. Устрялова.

говорили «довольно». Когда палки разлетались въ щепки, брали свѣжія: когда палачи отбивались отъ рукъ, то есть уставали, ихъ смѣняли новые. Батожье сѣченье было простое, полицейское, исправительное наказаніе. Ему подвергались безъ суда какъ вельможи по приказу государя, такъ и холопы по волѣ вельможъ. Быть высѣченнымъ батогами не считалось безчестьемъ. Послѣ наказанія, виновные должны были цѣловать руку и колѣно экзекутора, благодаря его за кротость и милосердіе. Одинъ холопъ, замѣчаетъ нѣмецкій путешественникъ, укусилъ при этомъ случаѣ господина. Дерзкій умеръ подъ батогами. Вообще смерть подъ палками была дѣломъ не совсѣмъ рѣдкимъ. «Въ 1761 году, пишетъ аббатъ Шапъ, я былъ свидѣтелемъ наказанія батогами. Два холопа, сопровождаемые господиномъ, вели шестнадцатилѣтнюю, стройную, красивую дѣвушку. Красота ея бѣлаго личика невольно приковала мои взоры; превосходные волосы густыми прядями ниспадали на плечи; головка ея была опрокинута назадъ, глаза подернуты слезами, она молила о пощадѣ. Ее бросили на землю, въ мгновенье ока обнажили до пояса, и по спинѣ запрыгали палки. Послѣ наказанія дѣвушку подняли съ земли; она не могла держаться на ногахъ: спина была у ней изборождена широкими ранами, кровь обливала ея станъ... Она была наказана за то, что смѣла не исполнить *какое-то* приказаніе боярина своего.»

Но обращаюсь къ прерванному разказу. Иностранцы повѣствуютъ, что Глѣбовъ имѣлъ преданную и любящую супругу. Тщетно она молила о прощеніи его. Прощенія не было. Ея мужъ сидѣлъ на колѣ, и потухавшими очами страшно глядѣлъ на народное скопище. Жена не вынесла ужаснаго зрѣлища и потери супруга: она наложила на себя руки.

Надежда Кикина, по словамъ Голикова, получила послѣ казни мужа часть его имѣнія подъ роспиську. Современники разказываютъ иначе: будучи первою красавицей своего времени, жена Александра Васильевича скончалась въ 1720 году въ страшной бѣдности.

Авдотья Ѳедоровна Лопухина сослана въ Новоладожскій монастырь; подъ страхомъ смертной казни, съ ней запрещено было говорить. Царевна Марья Алексѣевна заточена въ одну изъ башень Шлиссельбургской крѣпости, гдѣ она и скончалась въ 1723 году. Иностранные писатели, неизвѣстно на чемъ основываясь, увѣряютъ, что царевна умерла отъ голода.

По совершеніи московскихъ казней, кому-то вздумалось поздравить его величество съ водвореніемъ спокойствія. «Если огонь встрѣчаетъ солому, отвѣтилъ государь, либо другой удобосгараемый матеріялъ, то онъ болѣе усиливается; но лишь только дойдетъ до желѣза или камня, то самъ собою тухнетъ.»

18 марта царь выѣхалъ изъ Москвы; за нимъ повезли Алексѣя, весьма слабаго отъ изнурительной лихорадки, тоски и тюремнаго заключенія; по ихъ слѣдамъ въ оковахъ, подъ конвоемъ, везли Абрама Лопухина, Пустыннаго, Якова Игнатьева, духовника царевичева, Дубровскаго и другихъ, сберегаемыхъ для новыхъ розысковъ.

2 мая допросы, пытки и розыски возобновились въ Петербургѣ, въ Петропавловской крѣпости. Особенно жестокимъ мученіямъ были преданы Лопухинъ и Игнатьевъ.

26 іюня 1718 года, царевича Алексѣя Петровича не стало. 30 онъ былъ похороненъ въ Петропавловскомъ соборѣ.

Только шесть мѣсяцевъ спустя послѣ загадачной кончины Алексѣя, дѣло его было рѣшено окончательно. Верховный судъ приговорилъ: А. Лопухина, протопопа Пустыннаго, Я. Игнатьева И. Аѳанасьева, Ѳ. Дубровскаго, гофмейстера царевичева Воронова и четырехъ служителей колесовать. Государь всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: первымъ шести отрубить головы, а остальныхъ высѣчь кнутомъ.

9 декабря 1718 года близь Петропавловской крѣпости исполненъ былъ приговоръ. Народъ въ громадныхъ скопишахъ окружалъ эшафотъ. Духовникъ Алексѣя, Яковъ Игнатьевъ, первый склонилъ голову подъ топоръ палача. За нимъ по очереди ложились Пустынной, Вороновъ, Аѳанасьевъ, Дубровскій. Лопухинъ послѣднимъ положилъ свою голову на плаху, обагренную кровью. Замѣчательно, что во все царствованіе Петра, гордый братъ царицы, негодуя на нововведенія, упорно устранялся отъ какой-либо службы. Тщетно монархъ предлагалъ ему должности почетныя: Абрамъ Ѳедоровичъ до самой смерти оставался непреклоненъ. Какъ онъ, такъ и его сотоварищи приняли смерть безстрашно: смѣло входили на эшафотъ, бросали прощальные взгляды на толпы молчаливаго народа, крестились и клали головы. Послѣ кровавыхъ пытокъ и тѣснаго заточенія, смерть казалась имъ лучшею долей, спасеніемъ отъ страданій. Только Дубровскій, состоявшій при царевичѣ въ качествѣ переводчика, показалъ малодушіе: громко кричалъ онъ, что гибнетъ

безвинно, что приговоръ несправедливъ; но вопли несчастнаго раздавались въ пустынѣ. Его втащили на плаху, разорвали рубашку, топоръ сверкнулъ, и палачъ подхватилъ за волосы окровавленную голову.

Лакеи были высѣчены кнутомъ и сосланы въ каторжную работу. Княгини Троекурова и Голицына нещадно наказаны кнутами. Князь Щербатовъ, по словамъ современника, былъ приговоренъ «къ снятію головы». Благодушная Екатерина успѣла склонить царскій гнѣвъ на милость: Щербатову отрѣзали языкъ, вырубили носъ, дали двадцать ударовъ кнутомъ и сослали въ каторгу. Князь М. Щербатовъ въ своемъ сочиненіи *О поврежденіи нравовъ въ Россіи* (стр. 13—14) сообщаетъ по сему случаю слѣдующій фактъ: «дѣдъ мой, князь Юрій Өедоровичъ Щербатовъ, не устрашился разгнѣваннаго государя Петра I, по дѣлу, царевичину за родственника своего, веденнаго на казнь, прощеніе просить; прося, что если не учинено будетъ милосердіе, дабы его самого въ старыхъ лѣтахъ сущаго лишить жизни, да не увидятъ очи его безчестія роду и племени своего, и пощаду родственнику своему испросилъ.» Мы выше сказали, въ чемъ состояла эта пощада. Князь Василій Долгоруковъ, царевичъ Сибирскій, князь Львовъ, Семенъ Нарышкинъ и другіе разосланы въ дальніе города Сибири и Восточной Россіи.

Въ 1721 году, три года спустя послѣ декабрьскихъ казней, Берхгольцъ видѣлъ еще на площади шесты съ воткнутыми на нихъ головами казненныхъ. Головы Абрама Лопухина и четырехъ его товарищей лежали на особо-устроенномъ эшафотѣ.

Всѣ слѣдователи и судьи, всѣ лица, способствовавшія къ веденію роковаго процесса, по окончаніи всѣхъ казней были осыпаны наградами; между другими былъ награжденъ главный виновникъ суздальско-розыскнаго дѣла, капитанъ поручикъ Григорій Скорняковъ-Писаревъ: онъ сдѣланъ начальникомъ Морской Академіи, а нѣсколько времени спустя, оберъ-прокуроромъ сената.

Въ царствованіе Екатерины I князь Меншиковъ, деспотически управлявшій всѣмъ и всѣми, изъ своекорыстныхъ разчетовъ убѣдилъ государыню завѣщать Россію сыну Алексѣя Петровича Петру II, а вмѣстѣ съ Россіей завѣщать юному наслѣднику супругу княжну Меншикову. Но противники честолюбца не дремали: то были: Скорняковъ - Писаревъ, Румянцовъ, Девіеръ, Толстой, Бутурлинъ, Ушаковъ и

нѣкоторые другіе, столь недавно принимавшіе рьяное участіе въ обвиненіи и судѣ надъ Алексѣемъ. Они страшились видѣть на престолѣ сына царевича, ими осужденнаго; предчувствовали месть какъ отъ него, такъ и отъ гонимой ими Авдотьи Ѳедоровны Лопухиной. Страхъ заставилъ ихъ дѣйствовать въ пользу старшей дочери Петра, Анны, и хлопотать объ удаленіи Петра II отъ наслѣдованія престола. Заговоръ не удался, Меншиковъ одержалъ верхъ, и надъ противниками его поручено совершить слѣдствіе «о ихъ продерзостяхъ, злыхъ совѣтахъ и намѣреніяхъ». Девіеръ, Писаревъ и ихъ сотоварищи были взяты въ тайную канцелярію: ихъ судили, допрашивали, пытали... То была какъ бы расплата за ихъ прежніе грѣхи. Нѣкогда грозные палачи, они сами дѣлались несчастными жертвами честолюбиваго, мстительнаго деспота Меншикова.

9 мая 1727 года умирающая Екатерина утвердила приговоръ надъ ними и вскорѣ умерла. По воцареніи Петра II изданъ былъ манифестъ. Въ немъ уже обвиняли Девіера, Писарева и прочихъ въ посягательствѣ на священную особу императора, въ злыхъ отзывахъ о царицѣ бабкѣ (1); наконецъ имъ ставили въ вину смерть Алексѣя. По приговору, Девіера лишили чиновъ, высѣкли кнутомъ и сослали въ Охотскъ; Толстаго подвергли такому же наказанію и заточили въ Соловецкъ; оберъ-прокуроръ сената Скорняковъ-Писаревъ нещадно выпоротъ кнутомъ и отправленъ въ Якутскъ, и т. д.

Въ день казни Григорія Писарева и Девіера съ *товарищами* освобождена была Авдотья Ѳедоровна послѣ двадцатидевятилѣтняго заключенія!

Сосланная въ 1718 году въ Старую Ладогу, вскорѣ послѣ смерти Петра, по указу Екатерины I, царица Авдотья Ѳедоровна перевезена была въ Шлиссельбургъ, гдѣ и содержалась до сего времени въ самомъ тѣсномъ заточеніи. «Въ 1725 году, пишетъ Берхгольцъ, обозрѣвая внутреннее расположеніе Шлиссельбургской крѣпости, приблизился я къ большой деревянной башнѣ, въ которой содержится Лопухина. Не знаю, съ намѣреніемъ, или нечаянно, вышла она и прогуливалась по двору.

---

(1) Толстой, Писаревъ и др. въ пыткахъ показали: «мы-де особенно страшились, чтобы въ воцареніе Петра Алексѣевича не получила бы силы его бабка: потому она стараго обычая человѣкъ, можетъ все перемѣнить по старому; и понеже-де она нраву гнѣвнаго, жестокосердаго, то захочетъ отомстить намъ за сына.

Увидя меня, она поклонилась и громко говорила; но словъ за отдаленностью нельзя было разслушать.»

9-го января 1728 года императоръ Петръ II выѣхалъ изъ С.-Петербурга въ Москву для коронаціи, и на пути своемъ, въ семи верстахъ отъ Москвы, занемогши 19 того же января, пролежалъ двѣ недѣли въ загородномъ домѣ грузинской царицы. Здѣсь произошла встрѣча царицы-бабки съ внуками. Воспоминанія о сынѣ, о прошедшихъ страданіяхъ такъ были сильны, что царица-бабка, заливаясь слезами, цѣлый часъ не могла промолвить слова.

Впрочемъ, вскорѣ послѣ того холодность поселилась между бабкою и внуками; причиною тому были, какъ полагать должно, неуживчивость царицы и ненависть ко всѣмъ нововведеніямъ. Одинъ случай еще болѣе охладилъ ихъ другъ къ другу: 24-го марта 1728 года подкинуто было письмо на имя государя, въ которомъ выхваляли поступки князя Меншикова, находившагося уже въ ссылкѣ; по строжайшемъ розысканіи оказалось, что оно было написано духовникомъ царицы-бабки. Виновникъ подвергся жестокому наказанію, и съ того же времени Авдотья Ѳедоровна почти вовсе не являлась уже ко двору. Въ офиціяльныхъ извѣстіяхъ сохранилось только свѣдѣніе, что она присутствовала при обрученіи Петра II съ княжною Долгоруковою (1).

Трогательно было свиданіе злополучной царицы съ ея вѣнценоснымъ внукомъ. Проливая радостныя слезы, цѣлуя, обнимая Петра, она вспоминала о его отцѣ, о нѣжно любимомъ Алексѣѣ...

Поборники старины были увѣрены, что освобожденная царица *милостиво спокоитъ ихъ отъ проклятыхъ повредителей* (такъ называли они участниковъ въ осужденіи царевича), *что по невѣрнымъ ихъ заслугамъ они получатъ достойно злое награжденіе.* Но надежды оправдались только въ половину. По пріѣздѣ Авдотьи Ѳедоровны, не только прощены были *всѣ*, сосланные по дѣлу 1718 года и дожившіе до амнистіи, но имъ возвратили ихъ имѣнія, и многихъ весьма щедро вознаградили. Лопухины снова явились при дворѣ. Но никто изъ нихъ не имѣлъ, да и не могъ имѣть вліянія на дѣла безъ связей, безъ

---

(1) Арсеньева *Исторія Петра II*, стр. 90—93. Реляція о высокомъ его императорскаго величества обрученіи 30 ноября 1729 года въ *Histoire d'Eudoxie Theodorowna.*

поддержки, безъ приверженцевъ. отвыкшіе отъ двора въ долголѣтней ссылкѣ, они, какъ и надо было ожидать, остались *на второмъ планѣ.*

Что же касается до Евдокіи, то ей уже было подъ шестьдесятъ лѣтъ. Измученная заключеніемъ, истомленная горемъ, она тяготилась шумомъ придворной жизни, скучала по монастырской кельѣ; ненавистенъ ей былъ и Петербургъ, созданіе рукъ человѣка, ей не любезнаго. Вотъ почему она поспѣшила въ Москву, гдѣ и поселилась въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. При ней составили особый дворъ, генералъ-майоръ Измайловъ былъ назначенъ гофмейстеромъ сего двора; на содержаніе царицы-бабки отпускалось 60.000 рублей.

Пророчество разстриги Досиѳея какъ бы оправдалось: инокиня Елена снова съ именемъ Евдокіи объявлена царицей. Надо думать, что отецъ ея, Ѳедоръ Лопухинъ, окончательно вышелъ тогда изъ ада.

Въ это же время приказано было отобрать манифесты и бумаги, относящіяся къ дѣлу царевича Алексѣя. И впредь тѣ бумаги строго-на-строго запрещалось не только держать, но и читать. Желая изгладить позоръ стыда, лежавшій на памяти его отца, юный монархъ объявилъ и судъ и осужденіе его несправедливымъ; съ коловъ и висѣлицъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ велѣно было снять головы казненныхъ сторонниковъ Алексѣя и предать ихъ честному погребенію.

Въ январѣ 1730 года, при одрѣ умершаго государя (1), нѣсколько партій спорили о томъ, кому передать престолъ. Одна изъ нихъ стояла за царицу Евдокію. «Ей, говоритъ дюкъ де-Лиріа, предлагали корону, но она отказалась, подъ предлогомъ своей старости и болѣзни.»

Ѳеофанъ Прокоповичъ, другой современникъ, утверждаетъ противное. «Въ пользу Евдокіи, говоритъ онъ, поданъ былъ только *одинъ голосъ.* Но и это предложеніе, какъ непристойное и происшедшее отъ человѣка, корыстей своихъ ищущаго, самимъ молчаніемъ притушили.» Вполнѣ довѣрять архіепископу, писавшему эти строки по воцареніи уже Анны Ивановны, также трудно.

При торжествѣ коронованія герцогини курляндской при-

---

(1) Еще прежде смерти Петра II скончалась его сестра, пятнадцатилѣтняя Наталья Алексѣевна.

сутствовала и царица Евдокія. Она сидѣла въ особо-устроенномъ мѣстѣ, откуда, какъ она и желала, посторонніе не могли ее видѣть. По окончаніи церемоніи, императрица подошла къ ней, обняла, поцѣловала и просила ея дружества. Обѣ плакали навзрыдъ. По отъѣздѣ государыни, толпа придворныхъ кинулась къ Евдокіи съ поздравленіями. Она ихъ ласково выслушала. «Много говорила со мною, пишетъ леди Рондо, много насказала любезнаго и звала къ себѣ ко двору. Вообще, какъ видно, царица не забыла ни аристократической вѣжливости, ни пріемовъ придворной жизни. Она толста, но несмотря на лѣта, на ея лицѣ остались слѣды прежней красоты. Евдокія держитъ себя важно, величественно, но всегда вѣжливо и ласково. Ея живые глаза какъ бы проникаютъ въ сердце того, съ кѣмъ она говоритъ.»

Авдотья Ѳедоровна Лопухина скончалась 27 августа 1731 года, на 62 году отъ рожденія, въ Москвѣ, гдѣ и погребена въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Она пережила своихъ недоброжелателей, гонителей, враговъ; пережила и все то, что̀ было дорого ея сердцу: сына, друзей, любимаго человѣка, которому въ злополучное время ссылки отдала свое сердце; наконецъ своихъ внуковъ: Петра и Наталью. Умирая, она говорила: «Богъ далъ мнѣ познать истинную цѣну величія и счастія земнаго!» (1)

---

(1) Намъ извѣстны два портрета царицы Авдотьи. Одинъ находится въ коллекціи портретовъ, картинъ, гравюръ и литографій П. Н. Петрова. Портретъ этотъ — гравюра изъ какого-то англійскаго изданія, отнюдь не позже первой половины прошлаго столѣтія. Форматъ гравюры—8°. Изображеніе, едва ли не идеализированное, исполнено рѣзцомъ (au burin), съ употребленіемъ пунктуровальной иглы. По обыкновенію того времени, овалъ портрета помѣщенъ въ гравированной же рамкѣ на пьедесталѣ; на фризѣ его надпись въ три строки: «Eudoxia, wife of Peter the Great, Emperor of Russia». Изображеніе по грудь, голова наклонена къ лѣвой сторонѣ; на волосахъ, причесанныхъ какъ-то кверху, положена металлическая съ каменьями и жемчугомъ невысокая корона; въ ушахъ большія, въ родѣ кисточекъ, серьги; лицо полное, круглое, глаза большіе, рѣсницы длинныя; нижняя губа довольно толста... вся физіономія, если вѣрить гравюрѣ, выражаетъ много наивности, беззаботности и апатіи. На полной шеѣ ожерелье; къ нему на жемчужной ниткѣ прикрѣплена какая-то подвѣска. Верхнее платье опушено горностаемъ; на плечахъ небрежно накинуто какое-то покрывало. Въ изданіи г. Фридебурга: *Россійскій царственный домъ Романовыхъ* (23 тетради, изд. 1854 года), помѣщенъ портретъ царицы Авдотьи

На правой рукѣ, у перваго отъ входа столба, стоитъ гробница, на которой поставлена надпись, вычеканенная на небольшой мѣдной высеребряной доскѣ, слѣдующаго содержанія: «1731 года мѣсяца августа 27-го числа, преставися раба Божія государя царя перваго императора Петра Алексѣевича супруга его первая Евдокія Ѳедоровна, родилась въ 17.. (?), въ монахиняхъ Елена.» Нельзя не замѣтить здѣсь кстати, что Авдотья Ѳедоровна была послѣдняя царская супруга изъ русскаго дворянскаго дома.

Мих. Семевскій.

Ѳедоровны Лопухиной, снятый съ портрета, находящагося въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Она изображена почти во весь ростъ, въ монашескомъ платьѣ; полная, свѣжая, совершенно въ русскомъ вкусѣ; лицо полузакрыто вуалью; на головѣ и плечахъ раскинутъ тяжелый капишонъ, платье подпоясано ремнемъ, на немъ висятъ четки; въ рукахъ молитвенникъ съ золотымъ образомъ, рукава платья обшиты мѣхомъ. Носъ небольшой, каріе довольно пріятные глаза устремлены на книгу, но улыбка, на устахъ царицы, обнаруживаетъ ея нерелигіозное настроеніе. Волосы закрыты, лицо апатичное, простое, дюжинное. Это типъ русскихъ красавицъ, во вкусѣ нашихъ предковъ. По замѣчанію Н. Г. Устрялова портретъ этотъ едва ли похожъ, напечатанный внизу снимокъ съ ея подписи вовсе не походитъ на ея подлинную подпись, но тѣмъ не менѣе изображеніе Лопухиной выполнено съ большимъ искусствомъ и стараніемъ.

ЗАПИСКИ ГИЗО

ВОДВОРЕНІЕ ІЮЛЬСКОЙ МОНАРХІИ (1)

Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps, par M. Guizot. Tome II.

II.

Люди, не терпящіе никакихъ сдѣлокъ съ настоящимъ, протестовали противъ порядка вещей, водвореннаго въ 1830 году во Франціи. Общество въ странѣ этой, говорили они, отличается демократическимъ характеромъ; въ немъ не существуетъ тѣхъ элементовъ, на которыхъ держится, напримѣръ, государственное устройство Англіи; оно можетъ подчиниться учрежденіямъ республиканскимъ или императорскимъ, но учрежденія конституціонныя не могутъ никогда найдти въ немъ для себя надлежащей опоры. Не безсмысленны ли же были усилія тѣхъ, которые жертвовали и достояніемъ своимъ и лучшими своими силами для упроченія конституціонной монархіи? Въ странѣ, гдѣ не существуетъ никакихъ общественныхъ отличій, они думали вызвать къ преобладанію одно сословіе и надѣлить его исключительными правами; думали дать участіе въ политической сферѣ однимъ гражданамъ и исключить изъ нея, безъ всякаго основанія, другихъ; думали внести въ страну условія, понятія, привычки, возникшія на другой почвѣ и нисколько не

1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 8-й.

ВСТУПЛЕНІЕ НА ПРЕСТОЛЪ

ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ

Первыя пять лѣтъ, послѣдовавшія за смертію Петра I, и даже весь этотъ періодъ времени до самаго воцаренія Екатерины II, представляется съ перваго взгляда цѣпью потрясеній и переворотовъ, не имѣющихъ между собою видимой связи. Есть что-то восточное, что-то мрачно-таинственное въ этихъ перемѣнахъ правительства, совершавшихся въ одну ночь, въ этомъ вмѣшательствѣ гвардейскихъ солдатъ, въ этихъ интригахъ иностранныхъ министровъ, въ этомъ мгновенномъ возвышеніи изъ ничтожества до высшихъ государственныхъ должностей однихъ, и въ мгновенномъ же паденіи, ссылкѣ, заточеніи, казни другихъ. Еслибъ эти жертвы и эти тріумфаторы не носили русскихъ именъ, съ младенчества намъ знакомыхъ, еслибы не Москва и Петербургъ были театромъ этихъ драмъ, то можно бы подумать, что мы читаемъ страницу изъ исторіи какой-нибудь средневѣковой республики италіянской, или слушаемъ преданіе о тайнахъ дворца какого-нибудь восточнаго повелителя.

Бурями и непогодами былъ окруженъ ростокъ посаженнаго Петромъ I сѣмени; но это сѣмя не умерло. Интриги, ссылки, низверженіе однихъ, возвышеніе другихъ составляютъ лишь драматическую обстановку русской исторіи XVIII вѣка, наружный покровъ ея, прежде всего кидающійся въ глаза, но не всю сущность, не весь серіозный смыслъ исторіи огромнаго государ-

ства. Бури качали вершину дерева, обламывали сучья, но корни продолжали свое питаніе, и дерево уцѣлѣло. Какъ же было бы иначе объяснить то, что черезъ десять какихъ-нибудь лѣтъ послѣ смерти Петра, въ эпоху полнаго разгула свирѣпой *бироновщины*, между переворотомъ, возведшимъ на престолъ Анну, и другимъ, низложившимъ малолѣтнаго Іоанна, является первый національный поэтъ, скоро потомъ учреждается первый національный театръ, ведутся блестящія войны, заключаются славные мирные договоры, и Россія,—это государство, по сужденіямъ иностранныхъ писателей, одряхлѣвшее прежде возмужалости,—обнаруживаетъ неотразимое вліяніе на сосѣдственные народы, расширяется во всѣ стороны, вноситъ элементы своей національности въ отдаленнѣйшія пустыни, омываемыя Восточнымъ океаномъ?..

Мы, Русскіе, должны внимательнѣе иностранцевъ смотрѣть на судьбы своего отечества и не ограничиваться въ его изученіи одними придворными переворотами. Не будемъ отрицать ихъ, напротивъ тщательно запишемъ ихъ, но постараемся отыскать серіозное значеніе, внутренній смыслъ происшествій, безъ коихъ исторія вообще, а наша въ XVIII вѣкѣ въ особенности, можетъ представить лишь интересъ занимательнаго романа или потрясающей драмы.

Кажется, принято уже за несомнѣнный фактъ, что въ исходѣ XVII вѣка въ Россіи смутно чувствовались отдаленные отголоски Запада. Начавъ развитіе свое въ сферѣ, отдѣленной отъ той среды, гдѣ вырабатывалась жизнь обще-европейская, отечество наше стояло однакожь на первой очереди въ числѣ народовъ, неодолимою силою притяженія привлекаемыхъ въ эту среду. Эта сила притяженія стала, хотя еще и весьма слабо, обнаруживать свое вліяніе, когда явился Петръ. Но то, что нѣкоторые начинали инстинктивно чувствовать, не сознавая, Петръ угадалъ и уяснилъ, усвоилъ и оплодотворилъ силою своей могучей воли, и повлекъ народъ свой по пути, неизбѣжно ему указанному судьбами исторіи. Такимъ образомъ инициатива нашего преобразователя предохранила, можетъ-быть, Россію отъ обиднаго вмѣшательства постороннихъ правительствъ; онъ вывелъ силою свой народъ на путь цивилизаціи, на который народы болѣе отсталые выводятся оружіемъ чуждыхъ завоевателей; но съ другой стороны, не соотвѣтствуя понятіямъ большинства націи, дѣло преобразованія казалось тягостнымъ и несноснымъ народу. Все было противъ Петра: сила преданій и вѣрованіе въ

старину, нигдѣ можетъ-быть столько не укоренившееся, какъ въ тогдашней Россіи; природная или взлелѣянная нашею исторіей безпечность и недѣятельность народа, словомъ: свойства народныя и его убѣжденія, инерція внутри государства и противодѣйствіе внѣшнихъ враговъ. Простолюдины бѣгали со службы и съ общественныхъ работъ; дворяне уклонялись отъ трудовъ служебныхъ; духовенство недовѣрчиво взирало на нововведенія, подозрѣвая въ нихъ посягательство на святыню; знатные люди оскорблялись требованіемъ отъ нихъ службы на ряду съ мелкимъ шляхетствомъ и разночинцами. Но непобѣдимая воля Петра крѣпчала по мѣрѣ сопротивленія; энергія его доходила до жестокости. Онъ удерживалъ войска подъ знаменами страхомъ мучительныхъ наказаній, насильно заставлялъ учиться грамотѣ, отнялъ значеніе у духовенства, попралъ боярскую спѣсь табелью о рангахъ.

Это было точно тяжелое время; Россія несла бремя своего величія, обливаясь кровавымъ потомъ! Сотни тысячъ поселянъ пали въ войнахъ, на общественныхъ работахъ; помѣщики, чаявшіе жить и умереть по дѣдовскому завѣту, на родномъ пепелищѣ, принуждены были отправляться за отдаленныя моря, и мало, можетъ-быть, оставалось знатныхъ родовъ, которые бы не оплакивали кого-либо изъ своихъ членовъ, сосланнаго, мучительно наказаннаго, или казненнаго. Понятно, что, при этомъ, пострадавшее лицо не казалось виновнымъ, и что его ближніе роптали...

Въ числѣ самыхъ близкихъ сподвижниковъ Петра, людей, которые составляютъ въ нашей исторіи Петрову плеяду, было весьма немного такихъ, которые горячо сочувствовали его дѣлу. Ромодановскіе, Апраксины, Трубецкіе, служили ему болѣе или менѣе честно и усердно, какъ служили ихъ отцы и дѣды его предкамъ, и невольно подчинялись его моральному превосходству; но понять все величіе его замысловъ они были не въ состояніи; такъ почтенный *Стародумъ* Петровыхъ временъ, честный, но упрямый князь Яковъ Долгоруковъ, говорилъ, что царь Алексѣй сдѣлалъ больше, чѣмъ сынъ его; въ области внутренняго управленія и уступаетъ ему только въ отношеніи къ внѣшней политикѣ. Такъ князь Дмитрій Голицынъ, человѣкъ, принадлежавшій уже къ болѣе-юному поколѣнію, покачивалъ головою, приговаривая: «Зачѣмъ всѣ эти иностранныя затѣи?.. Дѣды наши обходились и безъ нихъ!..»

Петръ могъ требовать полнаго повиновенія; но ни знанія,

ни опытности, ни, наконецъ, любви къ дѣлу, котораго важности никто не понималъ, не могъ онъ требовать отъ людей, которыхъ преданія коренились въ старинной почвѣ. Поэтому между своими потѣшными, гвардейскими солдатами, между учениками заведенныхъ имъ школъ, онъ отыскивалъ людей безродныхъ, способныхъ, трудолюбивыхъ, въ немъ одномъ полагавшихъ всю надежду; приближалъ ихъ къ себѣ, пріучалъ къ практической дѣятельности разнообразными порученіями, возвышалъ быстро, строго за ними присматривая, и наконецъ образовалъ, къ концу своего царствованія, цѣлую группу людей, болѣе или менѣе способныхъ, практически полезныхъ, безусловно преданныхъ дѣлу преобразованія, которымъ, во вниманіи къ этимъ качествамъ, онъ былъ иногда принужденъ прощать безнравственность частную и общественную. Таковы были: Меншиковъ, Шафировъ, Головкинъ, Толстой, Ягужинскій, Румянцевъ, Ушаковъ, Девіеръ, Макаровъ и др.

Другимъ элементомъ Петровой плеяды были вызванные имъ иностранцы, преимущественно Нѣмцы. Это были специялисты—каковы: Брюсъ, Вейде, Минихъ, Крюйсъ, Генингъ,—или люди, природными способностями, а чаще усидчивостію и терпѣніемъ пріобрѣтшіе необходимую въ дѣлахъ опытность; между послѣдними ярче всѣхъ сіяетъ Остерманъ.

Возвышенные Петромъ Русскіе и нѣкоторые изъ иностранцевъ образовали едвали не значительнѣйшую часть личнаго состава въ высшихъ управленіяхъ. Естественно, что на нихъ съ непріязнію смотрѣли представители старинныхъ фамилій, сливая и тѣхъ и другихъ въ одно понятіе *нѣмецкой партіи*—названіе, которое не лишено мѣткости. Но при жизни Петра обѣ эти партіи, какъ нѣмецкая, такъ и противоположная ей, не имѣли возможности сильно обозначиться: государь былъ справедливъ, равно награждалъ заслугу и строго наказывалъ злонамѣренность. Совсѣмъ иное началось съ его смертію. Самое восшествіе Екатерины I на престолъ было дѣломъ Меншикова, замѣтнѣйшаго изъ выслужившихся людей, и Бассевича, голштинскаго министра (1). Здѣсь уже, очевидно, произошло сліяніе обоихъ элементовъ, враждебныхъ родовой русской аристократіи. Въ то время какъ высшіе государственные сановники собрались во дворецъ разсуждать объ устройствѣ судебъ рус-

---

(1) *Eclaircissements* etc., составленные изъ подлинныхъ бумагъ Бассевича и помѣщенные въ т. IX *Магазина* Бюшинга.

скаго престола и въ лицѣ внука государева видѣли единственнаго преемника престола, — Меншиковъ, при содѣйствіи Бассевича, графа Толстаго и кабинетъ-секретаря Макарова, овладѣлъ казною, окружилъ дворецъ, съ собравшимися тамъ сановниками, гвардіею и, на основаніи словесно изъявленной будто бы государемъ воли, провозгласилъ Екатерину I императрицею.

Подобнаго необузданнаго произвола со стороны частнаго лица Россія еще никогда не видала. Бывали насилія со стороны любимцевъ, временщиковъ, но никогда ни одинъ изъ нихъ не простиралъ смѣлости до того, чтобы располагать престоломъ, и никогда иноземное вліяніе не подавало болѣе законной причины себя ненавидѣть!.. Но этого мало. Голштинскій дворъ, дворъ герцога, лишеннаго собственныхъ владѣній въ Германіи, казалось, сдѣлался въ Петербургѣ сильнѣе двора русской императрицы: интересы голштинскіе взяли верхъ надъ русскими, и мы, преслѣдуя ихъ, едва не были втянуты въ войну съ Даніею и Англіею. Съ тѣмъ вмѣстѣ на единственную отрасль стариннаго царскаго Дома, на юнаго царевича, никто не обращалъ вниманія; старшая дочь Петра, черезъ нѣсколько дней по выходѣ замужъ, начала подвергаться самымъ оскорбительнымъ поступкамъ со стороны своего мужа, который проводилъ цѣлые дни, выравнивая и обучая солдатъ (1).

Съ своей стороны Меншиковъ, сдѣлавшись первымъ совѣтникомъ императрицы, пріобрѣтя чрезъ новыя ея щедроты еще огромную прибавку къ несмѣтнымъ своимъ богатствамъ и полное всепрощеніе за всѣ свои старыя беззаконія, сдѣлался истиннымъ тираномъ всего государства. Все дѣлалось только имъ и чрезъ него; его благорасположеніе было источникомъ надеждъ, почестей, богатства; его гнѣвъ былъ равнозначащъ опалѣ, удаленію отъ двора, ссылкѣ и отнятію имѣній. Всѣ его трепетали и всѣ его ненавидѣли, а онъ, смѣясь надъ этою ненавистью, обдумывалъ планъ связать судьбу своего семейства съ судьбами царскаго дома; онъ вступилъ въ соискательство на герцогскій курляндскій престолъ, не обращая вниманія ни на права и вольности курляндскаго народа, ни на то, что его притязанія могли возжечь войну между Россіей, которая поддерживала ихъ, и Польшею, которой Курляндія была вассальнымъ леномъ (2). Погруженный въ

(1) *Gesch. des Russ. Staats* v. Herrmann, Hamb, 1849, 472, 482: депеши Лефорта, саксонскаго посланника, 14/3 мая 1726, 493, 1 февр. (20 янв.) 1727 и пр.

(2) Этотъ любопытный эпизодъ о соискательствѣ на курляндскій пре-

такіе обширные замыслы, онъ занимался текущими дѣлами безъ вниманія, дѣлалъ распоряженія наскоро, либо откладывалъ ихъ до другаго раза, и едва показывался въ коллегіи, гдѣ предсѣдательствовалъ, считая, что ему достаточно туда изрѣдка появиться съ грознымъ видомъ, пошумѣть и побранить, чтобы дѣла шли наилучшимъ образомъ... Они, напротивъ того, вовсе не шли; всеобщее утомленіе, повсемѣстная апатія замѣнила слишкомъ, можетъ-быть, напряженную дѣятельность Петрова времени. «Все лѣниво, все остановилось, писалъ Лефортъ, саксонскій посланникъ, черезъ полгода по вступленіи на престолъ императрицы: всѣ недовольны правительствомъ» (1). «Формою правленія въ это время, пишетъ знаменитый Минихъ, былъ самовластный произволъ князя Меншикова» (2).

Что̀ же дѣлала въ это время партія недовольныхъ, *партія Русскихъ*, какъ ее наивно называютъ иностранные писатели? Новое правительство было сначала ласково къ представителямъ знатныхъ фамилій. Такъ, оно вызвало изъ Украйны и старалось привлечь къ себѣ одного изъ героевъ петровскихъ войнъ, князя Михаила Михайловича Голицына; братъ его, Дмитрій, сдѣланъ членомъ вновь учрежденнаго верховнаго тайнаго совѣта; Рѣпнинъ—фельдмаршаломъ; одинъ изъ Долгоруковыхъ, Василій Владиміровичъ, замѣшанный по дѣлу царевича, возвращенъ изъ ссылки ко двору. Но Меншиковъ всегда находилъ благовидные предлоги удалять тѣхъ, коихъ могъ сколько-нибудь опасаться: Рѣпнинъ все время его могущества начальствовалъ въ Ригѣ, гдѣ и умеръ; Долгоруковъ не замедлилъ получить назначеніе на персидской границѣ; Голицынъ возвратился въ Украйну; значеніе его брата было парализировано большинствомъ членовъ верховнаго тайнаго совѣта, принадлежавшихъ къ противоположной партіи, и въ особенности вліяніемъ самого Меншикова.

столъ Меншикова и графа Морица Саксонскаго требуетъ еще подробнѣйшаго изученія.

(1) *Gesch. d. Russ. Staats*, 475. Чтобы быть справедливымъ, слѣдуетъ указать на докладъ верховнаго тайнаго совѣта, съ указаніемъ неудовлетворительнаго состоянія Россіи по разнымъ частямъ управленія и манифестъ объ исправленіи этихъ недостатковъ (см. *Царств. Екатерины I*, Арсеньева); но это была попытка, почти не имѣвшая результатовъ, а если она съ теченіемъ времени и оказала какія-либо послѣдствія, то уже подъ другими вліяніями.

(2) *Ebauche pour donnerune idée de la forme du gouvernement de l'Empire de Russie;* Copenhague, 1774.

Верховный тайный совѣтъ, высшее въ государствѣ правительственное мѣсто, учрежденъ былъ въ началѣ 1726 года. Какая была цѣль этого учрежденія? Нѣкоторые думаютъ, что, создавъ эту новую инстанцію, Меншиковъ, который, разумѣется, занялъ въ немъ самое видное мѣсто, думалъ еще на одну ступень отдѣлиться отъ толпы обыкновенныхъ слугъ царскихъ. Другіе, напротивъ, предполагаютъ здѣсь совершенно особыя цѣли; вотъ что̀ доносилъ своему правительству англійскій резидентъ въ 1726 году (1): «Учрежденіе это повидимому кладетъ первый камень зданію, которое главнѣйшіе русскіе намѣреваются исподоволь возводить, а именно... принять участіе въ управленіи государствомъ». «Можно полагать, продолжаетъ онъ, что дѣла пойдутъ желаемымъ образомъ до тѣхъ поръ, пока члены совѣта будутъ дѣйствовать единодушно; съ другой стороны, не трудно предвидѣть, что это есть первый шагъ къ измѣненію формы правленія... въ нѣчто, подобное англійскому... Таково по крайней мѣрѣ мнѣніе разсудительныхъ людей о послѣдствіяхъ новаго учрежденія.»

Что вся Россія негодовала на самоуправство Меншикова, что знать въ особенности была оскорблена этимъ чрезмѣрнымъ развитіемъ фаворитизма, и что многіе думали о томъ, какъ бы устранить подобное самоуправство и прекратить фаворитизмъ, это болѣе нежели вѣроятно, и догадки Кампредона, хоть и не во всей ихъ обширности, кажется, не лишены основанія. Но учрежденіе верховнаго тайнаго совѣта ни мало не устранило самоволія необузданнаго временщика: въ слѣдующемъ году членъ того же совѣта, графъ Толстой, содѣйствовавшій возведенію Екатерины на престолъ, одинъ изъ способнѣйшихъ сотрудниковъ Петра I, который простилъ ему участіе въ старинныхъ стрѣлецкихъ мятежахъ во вниманіи къ большому его уму; генералъ-полицеймейстеръ графъ Девіеръ; генералъ Ушаковъ, членъ всѣхъ важнѣйшихъ судныхъ коммиссій и исполнитель всѣхъ значительнѣйшихъ казней; Скорняковъ-Писаревъ, нѣкогда клевретъ самого Меншикова; старый воинъ, И. И. Бутурлинъ; наконецъ Нарышкинъ, родственникъ царскій, были подъ самымъ незначительнымъ предлогомъ, и безъ положительныхъ уликъ въ обвиненіяхъ болѣе важныхъ, въ сущности едва ли не за противодѣйствіе Меншикову, лишены чести и

(1) Депеша Кампредона $^{23}/_{12}$ февр. 1726.

имѣній, нѣкоторые биты кнутомъ, подвергнуты истязаніямъ и сосланы.

Такое теченіе дѣлъ глубже и глубже разъѣдало общественную рану. Характеры измельчались; личности сглаживались подъ вліяніемъ этого капризнаго произвола. Находились люди, дерзавшіе упрямо спорить съ Петромъ: никто не смѣлъ возражать Меншикову. Заслуженный и храбрый фельдмаршалъ Голицынъ писалъ къ брату своему Дмитрію, члену верховнаго совѣта, чтобъ онъ старался во всемъ угождать *свѣтлѣйшему*, не прекословить ему и слѣпо исполнять его волю (1).

Этотъ самый Дмитрій Голицынъ, человѣкъ впрочемъ рѣшительный и твердый, какъ его изображаютъ современники и какимъ мы его скоро увидимъ, былъ однимъ изъ угодливыхъ судей въ процессѣ Девіера. Что̀ же сказать о другихъ, ни по славнымъ семейнымъ преданіямъ, ни по богатству и связямъ, ни по личнымъ свойствамъ, не могшихъ выказать самостоятельности? Девіеръ, по свидѣтельству Лефорта, оставивъ на произволъ судьбы свои важныя обязанности генералъ-полицеймейстера, безвыходно толкался въ дворцовыхъ переднихъ между придворною прислугою (2), что однакожь не спасло его, какъ мы видѣли, отъ кнута и ссылки!

Процарствовавъ съ небольшимъ два года, императрица Екатерина скончалась въ маѣ 1727 года. Послѣ нея не могло возникнуть спора о престолонаслѣдіи, и всѣ немедленно присягнули Петру II; но ко всеобщему удивленію, совершенно неожиданно было при этомъ объявлено ея духовное завѣщаніе, въ которомъ, рядомъ съ распоряженіями о судьбахъ русскаго престола, выражены желанія, чтобъ императоръ вступилъ въ бракъ съ одною изъ дочерей князя Меншикова, чтобы были соблюдены голштинскіе интересы и былъ купленъ для голштинскаго посольства «приличный домъ, который будетъ навсегда свободенъ отъ всѣхъ тягостей и судебныхъ взысканій».

Можно вообразить, съ какимъ изумленіемъ слушало собраніе

---

(1) *Gesch d. russ. St.*, 483: деп. Леф. 11 іюня (31 мая) 1727.

(2) *Gesch. d. russ. St.*, 476. Лефортъ, въ депешѣ своей 23/12 іюня и 14/3 іюля 1725, выражается болѣе рѣзкимъ образомъ; вотъ его слова: «Welch eine Vertheilung der Rollen! Dewier, der Generalpolizeimeister, verrichtet die Geschäfte eines Adjutanten, oder vielmehr eines Kammerdieners, und lässt darüber die Angelegenheiten des Staates und die Geschäfte seines Amtes gehen, wie sie wollen!»

важнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ эти посмертныя попеченія объ удобствахъ помѣщенія ненавистныхъ иноземцевъ и о судьбѣ не менѣе ненавистнаго князя Меншикова! Распространился слухъ, что оно подложное (1), но это ничѣмъ однакожь не доказано; цесаревна Елисавета подписала его, какъ подписывала все и всегда вмѣсто покойной императрицы; что̀ же касается до участія Бассевича и Меншикова (2) въ его составленіи, то въ этомъ не могло быть сомнѣнія, и въ обоихъ случаяхъ оно не могло не нанести глубокаго огорченія національному русскому чувству.

Но торжество и русскаго, и иноземнаго временщиковъ было не продолжительно. Герцогъ голштинскій, поссорясь съ Меншиковымъ, долженъ былъ оставить Россію со всѣмъ своимъ дворомъ, и Меншиковъ, черезъ четыре мѣсяца послѣ вступленія на престолъ своего нареченнаго зятя, удаленъ изъ Петербурга, лишенъ чиновъ и имѣній и сосланъ въ Березовъ, мѣсто, прославленное знаменитыми изгнанниками.

Причины паденія его извѣстны, и едва ли позднѣйшія розысканія откроютъ въ этомъ что-либо, кромѣ придворной интриги; но причина ссылки его въ Сибирь гораздо серіознѣе: онъ былъ обвиненъ и едвали не уличенъ въ формальной государственной измѣнѣ! Вскорѣ по удаленіи его отъ двора, посланникъ нашъ въ Швеціи донесъ о существованіи между нимъ и шведскимъ правительствомъ преступной переписки, въ которой первый сановникъ русскій за деньги передавалъ непріязненному намъ двору государственныя тайны и хвалился служеніемъ шведскимъ интересамъ (3). Не знаемъ, что̀ открыло наряженное по этому доносу слѣдствіе, но ссылка Меншикова въ Березовъ совпадаетъ съ этимъ чудовищнымъ открытіемъ. Не осмѣливаемся произнести надъ нимъ при-

---

(1) *Gech. d. russ. Staats*, 497: деп. Лефорта 27/16 сент. 1727. «Comme la Princesse Elisabeth signait tout au nom de la Czarine, le Duc de Holstein et Mentzikow lui ont fait aussi signer le testament, dont la pauvre defunte n'a jamais rien su?»

(2) Участіе это доказано нынѣ положительно; изъ слѣдовавшихъ герцогу по духовному завѣщанію денегъ, Меншиковъ удержалъ въ свою пользу 60 т. р. въ уплату за оказанныя ему при составленіи этого акта услуги, (см. протоколы верховнаго совѣта, 29 іюля 1727 (*въ Чтеніяхъ Имп. Общ. исторіи и древностей* 1858, кн. 3).

(3) Протоколы верховнаго тайнаго совѣта, въ 3 книжкѣ *Чтеній* за 1858 годъ. Протоколъ 3 дек. 1727.

говора, но должны признаться, что нѣкоторыя предшествующія его дѣйствія, уступка Штетина, доведеніе Россіи почти до разрыва съ Польшею по поводу курляндскихъ дѣлъ представляются намъ шагами на такомъ пути, по которому человѣкъ прямо приходитъ къ государственной измѣнѣ.

И что̀ же однакожь? Помимо того мелодраматическаго интереса, который наброшенъ на его заточеніе, мы не можемъ запретить воображенію своему любоваться этимъ чуднымъ соединеніемъ ума и воли, которое представляетъ личность Меншикова. Это типъ, это олицетвореніе той героической и морально-безобразной эпохи, когда и жизнь человѣка была ничто, и личная свобода не имѣла никакого права заявлять себя, и когда, для осуществленія великой идеи, требовались отъ человѣка только неуклонная воля и непобѣдимая энергія. Чѣмъ крѣпче была закалена сталь, тѣмъ болѣе дорожилъ ею Петръ: Меншиковъ былъ имъ возвышенъ надъ всѣми, не взирая на свои доказанныя преступленія, а Яковъ Долгоруковъ, не взирая на свою суровую честность, не имѣлъ андреевской ленты! За то, гдѣ надо было сдѣлать что-нибудь невозможное, создать городъ и портъ посреди пучинъ морскихъ, возвесть столицу въ виду непріятеля, обезоружить воинственный народъ, подстрекаемый къ возстанію голосомъ побѣдоноснаго завоевателя,— для такихъ дѣлъ у Петра былъ одинъ только Меншиковъ!

Почти всѣ писавшіе о немъ видятъ совершенно новую сторону его характера во время его ссылки, удивляются его смиренію и твердости его души. Покорность волѣ небесъ и рѣшенію государя была характеристическою чертой тогдашнихъ нравовъ, и много можно насчитать примѣровъ подобнаго же христіянскаго смиренія (1); что же касается до твердости, съ которою Меншиковъ переносилъ свое несчастіе, то душа его, кажется намъ, была не изъ тѣхъ, которыя размягчаются и расплываются при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ: обнаруживать непреклонную энергію въ какой бы ни было сферѣ дѣйствія—было свойствомъ его природы. Намъ случилось видѣть портретъ его, сдѣланный въ Сибири (2). На лицѣ его нѣтъ той стереотипной,

---

(1) См. письмо графа Толстаго, простое и беззлобное, послѣ его осужденія по дѣлу Девіера, помѣщенное въ приложеніяхъ къ *Царствованію Екатерины I*, Арсеньева, и еще болѣе завѣщаніе князя В. Л. Долгорукова, приложенное въ концѣ этой статьи.

(2) Портретъ этотъ принадлежалъ г. Юни, умершему въ Москвѣ въ

важно-снисходительной улыбки, которая свойственна почти всѣмъ портретамъ прошедшаго вѣка; колоссальный парикъ не скрываетъ очертаній его лица; онъ изображенъ въ красной рубашкѣ и сѣромъ кафтанѣ; на похудѣломъ лицѣ сильно выдался орлиный носъ, широкій лобъ осѣненъ сѣдыми волосами, сѣдая борода ниспадаетъ съ скулистыхъ щекъ; изъ-подъ нависшихъ бровей строго смотрятъ глубоко впавшіе глаза. Таковъ въ самомъ дѣлѣ и былъ, вѣроятно, Меншиковъ.

Между тѣмъ Петербургъ торжествовалъ и прославлялъ паденіе страшнаго фаворита: «Прейде и погибе суетная слава сего прегордаго Голіаѳа! писалъ въ это время одинъ изъ членовъ военной коллегіи, Пашковъ: у насъ, за помощію Божіею все благополучно суть и такихъ страховъ нынѣ ни отъ кого нѣтъ, какъ бывали въ бытность князя Меншикова» (1). Радость эта доказываетъ недальновидность Пашкова и всѣхъ тѣхъ, очень многихъ, которые одинаково съ нимъ разсуждали. Они должны бы были подумать, что если такой баловень счастія, такой исполинъ фаворитизма, человѣкъ такъ неизмѣримо высоко передъ всѣми поставленный милостію трехъ государей, мгновенно палъ, палъ не передъ уликами въ беззаконіяхъ (2), а подъ наговоромъ двадцатилѣтняго фаворита и подъ приговоромъ двѣнадцатилѣтняго государя, то кто же можетъ считать себя безопаснымъ?

Этотъ двадцатилѣтній фаворитъ былъ князь Иванъ Долгоруковъ, бывшій при государѣ гофъ-юнкеромъ еще съ 1726 г., замѣшанный въ исторію Девіера и пощаженный тогда по неотступнымъ просьбамъ царевича. Какъ этотъ молодой человѣкъ, такъ и отецъ его, князь Алексѣй Григорьевичъ, бывшій вторымъ (3) гофмейстеромъ великокняжескаго двора, были неотлучно при будущемъ государѣ еще въ то время, когда многіе изъ придворныхъ не обращали на него большаго вниманія; изучили его нравъ, угадали его недостатки, рано начали имъ потворствовать, и не замедлили вполнѣ овладѣть имъ (4). Подъ ихъ сугубымъ вліяніемъ вступилъ Петръ и на престолъ.

1857 году, и копія съ него хранится у одной изъ правнукъ знаменитаго изгнанника, А. А. В—й.

(1) *Царств. Петра II*, Арсеньева.

(2) Ибо доносъ изъ Стокгольма едва ли былъ бы присланъ, еслибъ Меншиковъ не былъ уже удаленъ изъ Петербурга.

(3) Первымъ былъ Остерманъ.

(4) Князь Щербатовъ (*О поврежд. нравовъ*) объясняетъ начало не-

Князь Алексѣй Григорьевичъ, равно какъ и сынъ его, были люди хотя честолюбивые и хитрые, но незначительные по своимъ способностямъ, самонадѣянные, заносчивые. Милость къ нимъ юнаго государя скоро поставила ихъ въ число значительнѣйшихъ при дворѣ людей. При томъ они имѣли опору въ многочисленной и сильной роднѣ. Князь Алексѣй и его два брата, Иванъ и Сергѣй, родные племянники знаменитаго князя Якова Ѳеодоровича, оставившаго въ народѣ такую почтенную славу, посредствомъ брачныхъ своихъ союзовъ имѣли связь съ лучшими нашими фамиліями; двоюродный ихъ братъ, Василій Лукичъ, очень умный, очень искусный, очень хитрый и лукавый человѣкъ (1), постоянно употребляемый еще со временъ Петра I по дипломатическимъ дѣламъ; дальніе ихъ родственники: Василій Владиміровичъ, почтенный ветеранъ Петровыхъ войнъ, человѣкъ твердый въ мнѣніяхъ своихъ и словѣ, и его братъ Михаилъ,—вотъ группа, которую представляла въ то время фамилія Долгоруковыхъ. Преобладающими лицами въ ней были: по положенію своему при дворѣ, князь Алексѣй и его сынъ; по уму князь Василій Лукичъ; по характеру и значенію въ общественномъ мнѣніи, князь Василій Владиміровичъ. Этотъ послѣдній былъ изъ значительныхъ людей въ такъ-называемой *русской партіи*, патріотъ по тогдашнимъ понятіямъ, врагъ иноземцевъ, приверженецъ царевича Алексѣя, за что̀ и понесъ опалу Петра I. Василій Лукичъ, проведя бо́льшую часть своей жизни за границею, едва ли могъ раздѣлять подобный образъ мыслей; но будучи до чрезвычайности уклончивъ, онъ, кажется, неспособенъ былъ къ какимъ бы то ни было твердымъ убѣжденіямъ и служилъ одному кумиру, своему

измѣнной дружбы Петра къ Ивану Долгорукову тѣмъ, что сей послѣдній объяснилъ ему неоспоримыя его права на престолъ и завѣрилъ въ преданности всего рода Долгоруковыхъ его интересамъ. Объясненіе это кажется вѣроятнымъ; мысль Долгорукова не могла не запасть глубоко въ душу отрока, отъ котораго весьма вѣроятно скрывали многое до него касающееся.

(1) Изъ допросовъ въ слѣдственномъ дѣлѣ о князьяхъ Долгоруковыхъ видно, что, во время поѣздки его съ императрицею Анною въ Москву, онъ, желая ли заискать ея довѣренность или очернить непріятеля, наговорилъ, что будто бы Шафировъ сочинялъ отъ имени Петра II духовное завѣщаніе, которое было дѣйствительно сочинено, какъ увидимъ, самими Долгоруковыми и, въ числѣ другихъ, имъ самимъ, Василіемъ Лукичемъ.

личному интересу. Что касается до Григорьевичей и фаворита они тоже были за старину и противъ «Нѣмцевъ»,—видя экземпляръ этихъ послѣднихъ въ Остерманѣ, первомъ гофмейстерѣ и воспитателѣ царскомъ, соперникѣ своемъ по милости къ нему государя.

Остерманъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей, завѣщанныхъ Россіи Петромъ, однимъ изъ этой *плеяды*, въ которой прежде только Меншиковъ затмѣвалъ, а въ послѣдствіи только Минихъ оспаривалъ блескъ его имени. Уступая имъ обоимъ по силѣ характера и той непреклонности стремленій, которой все уступаетъ, онъ превосходилъ ихъ обоихъ тѣмъ свойствомъ ума, который называется практическимъ смысломъ. И Меншиковъ, и Минихъ, увлекаемые пылкостію своихъ желаній, слишкомъ надѣясь на свою мощь, избалованные можетъ-быть счастіемъ, требовали иногда отъ него больше того, что оно могло имъ дать: въ этомъ была ихъ сила и слабость; Остерманъ въ свою жизнь не сдѣлалъ ни одного шага, который не былъ бы глубоко обдуманъ. Никогда не теряя своего личнаго интереса изъ виду, онъ во все время долгаго своего правительственнаго значенія, нерѣдко значенія преобладающаго, поддерживалъ начало порядка и благоразумнаго прогресса. Должно пожалѣть, что въ царствованіе Петра II вліяніе его не долго оставалось господствующимъ; и если въ это царствованіе, равно какъ въ предшествующія и послѣдующія, поведеніе Остермана, какъ придворнаго, преданнаго непрестанной заботѣ о сохраненіи своего положенія, далеко не безукоризненно и мало внушаетъ къ нему сочувствія; если и относительно Меншикова, какъ въ послѣдствіи относительно Волынскаго, онъ является злымъ и мстительнымъ: то дѣйствія его, какъ государственнаго человѣка и администратора, достойны всякихъ похвалъ и подражанія. Съ безукоризненною честностію (1), качествомъ въ то время весьма рѣдкимъ, онъ соединялъ близкое знакомство съ дѣлами всякаго рода и неутомимую кабинетную дѣятельность: вся переписка съ нашими посольствами шла черезъ него; на депешахъ и теперь можно видѣть помѣты, замѣчанія, а иногда и цѣлые проекты отвѣтовъ, его рукою написанные; имѣя пріятелей между дѣловыми людьми, нерѣдко

(1) *Записки Дюка де Лиріа* въ переводѣ Языкова: депеша 10 янв. 1728 (30 дек. 1727). *Gesch. d. russ. St.*, 542: деп. Лефорта 6 февраля (26 янв. 1730).

Нѣмцами, во всѣхъ коллегіяхъ и управленіяхъ, онъ одинъ въ верховномъ совѣтѣ былъ всегда въ состояніи разрѣшить затруднительный вопросъ и подать дѣльное мнѣніе по всякому вѣдомству. За то можно сказать, что онъ былъ душою правленія, и когда случалось, что онъ не пріѣзжалъ въ совѣтъ, то его сочлены «поговоривъ между собою и выпивъ по рюмкѣ водки, говоритъ англійскій резидентъ Рондо, должны бываютъ разъѣхаться по домамъ» (1).

Прибавимъ къ этому, что Остерманъ, какъ человѣкъ, въ высшей степени искательный и предусмотрительный, всегда умѣлъ находить случаи быть полезнымъ для всѣхъ особъ царскаго дома, начиная отъ трехъ царевенъ старшей династіи, которыя, посреди нерасположеннаго къ нимъ двора, къ нему одному обращались съ своими просьбами и жалобами (2), и царицы-бабки, которой родственникамъ, Лопухинымъ, онъ поспѣшилъ сдѣлаться покровителемъ (3), до любимицы и сестры государевой, великой княжны Наталіи, которая до самой смерти своей была его надежною опорою и союзницею, и имѣла въ первое время сильное вліяніе на своего брата.

Таково было положеніе важнѣйшихъ при дворѣ лицъ, когда Петръ II вступилъ на престолъ: съ одной стороны люди дѣловые, полезные, отчасти иностранцы, отчасти питомцы Петровой правительственной школы, и во главѣ ихъ, горячо поддерживаемый великою княжною, Остерманъ со всѣмъ авторитетомъ его заслугъ и правительственной значительности, но и со всею скукою благоразумныхъ совѣтовъ, ученія и наставленій; съ другой, Долгоруковы, и за ними вся русская родовая знать, почти, можно сказать, все государство, съ лозунгомъ: «прочь иноземцевъ»!

Эта партія, можетъ-быть, съ большею радостью привѣтствовала вступленіе молодаго государя на престолъ, нежели другая, въ которой много было людей, участвовавшихъ въ судѣ царевича Алексѣя, и которая была преобладающею въ предшествовавшее царствованіе. Національная партія надѣялась восторжествовать въ свою очередь при государѣ, отецъ котораго былъ надеждою нѣкоторыхъ изъ ея членовъ, и который удалилъ

---

(1) Депеша $^{29}/_{17}$ сент. 1728.

(2) *Царств. Петра II*, Арсеньева. Въ Московскомъ Архивѣ иностр. дѣлъ хранится множество писемъ къ нему отъ герцогини Курляндской.

(3) *Gesch. d. russ. St.*, 521. деп. Лефорта 16 и 23 (5 и 12) дек. 1727.

Голштинцевъ и Меншикова и оказывалъ особую милость коореннымъ Русскимъ—Долгоруковымъ. Къ сожалѣнію, эта партія, заключавшая въ себѣ много достойныхъ почтенія личностей, была совершенно лишена практическаго знанія дѣлъ, которое было вполнѣ на сторонѣ ея противниковъ: В. Л. Долгоруковъ и Дм. Голицынъ, братъ его, фельдмаршалъ, и Вас. Влад. Долгоруковъ, самые видные въ ней люди, могли имѣть болѣе или менѣе замѣчательныя достоинства, какъ дипломаты или воины, или развитый умъ и твердыя убѣжденія, какъ старшій изъ Голицыныхъ; но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ рѣшительнаго голоса въ верховномъ совѣтѣ, гдѣ первая роль принадлежала Остерману, а потому мы и видимъ, что эта партія обратила все свое вниманіе и всѣ усилія на арену придворную, на увеселенія и забавы, на маленькія важныя дѣла, и увлекла туда за собою государя.

Но этого мало. Чтобы пріобрѣсть болѣе на него вліянія, они потворствовали слишкомъ рано, къ сожалѣнію, развившимся въ немъ дурнымъ наклонностямъ; они не удерживали, но напротивъ, разжигали въ немъ преждевременные порывы необузданнаго самовластія, которое онъ уже выказалъ въ отношеніи Меншикова; они же были его наставниками въ безпорядочной жизни. Каждодневно, при наступленіи ночи, онъ, вдвоемъ съ своимъ развратнымъ любимцемъ, тайкомъ выѣзжалъ изъ дворца, неизвѣстно гдѣ пропадалъ всю ночь, и лишь къ утру возвращался (1). Разумѣется, за тѣмъ большая часть дня отдавалась сну, и слѣдовательно торжественно объявленное государемъ намѣреніе засѣдать въ верховномъ совѣтѣ оставалось словомъ безъ значенія, равно какъ замѣчательная роспись занятіямъ и урокамъ, составленная Остерманомъ (2), покрывалась пылью забвенія вмѣстѣ съ книгами, глобусами и тетрадями...

И великая княжна и Остерманъ грустили, глядя на такой образъ жизни молодаго монарха; осторожно пробовали убѣждать его, но онъ уже не любилъ возраженій, уже пріученъ былъ Долгоруковымъ къ безусловному повиновенію. Однакожь Остерманъ, по чувству ли долга, или изъ боязни усиливав-

---

(1) *Gesch. d. Russ. St.* 520: деп. Лефорта 27/16 нояб. 1727.

(2) *Царствованіе Петра II,* Арсеньева. О намѣреніи государя присутствовать въ верховномъ тайномъ совѣтѣ было объявлено вслѣдъ за низложеніемъ Меншикова, 8 сент. 1727. См. *Полн. Собр. Зак.*, т. VII, № 5151.

шагося вліянія фаворита, рѣшился однажды высказать государю всѣ печальныя послѣдствія такого поведенія, какъ относительно собственной его особы, такъ и относительно отечества. Остерманъ употребилъ все свое краснорѣчіе, плакалъ, какъ это всегда бывало въ важныхъ случаяхъ; государь выслушалъ его со вниманіемъ, обнялъ, и въ ту же ночь отправился съ Долгоруковымъ кататься по городу (1).

Осторожный Остерманъ не рѣшался во второй разъ возобновлять объ этомъ рѣчь; великая княжна начинала терять прежнее вліяніе на брата; напротивъ того, при дворѣ стали замѣчать необыкновенное расположеніе императора къ его теткѣ, цесаревнѣ Елисаветѣ, блиставшей въ то время всѣмъ очарованіемъ шестнадцатилѣтней красоты, любительницѣ развлеченій, танцевъ, охоты, забавы, страстно государемъ любимой. Она съ своей стороны обратила милость его на своего каммергера Бутурлина, имѣвшаго въ послѣдствіи случай выказать на обширномъ поприщѣ свою незначительность (2), но въ то время останавливавшаго на себѣ вниманіе мужественною красотой своею. Государь полюбилъ его, а дворъ не замедлилъ привѣтствовать въ немъ новаго фаворита, соперника Ивану Долгорукову, соперника тѣмъ болѣе опаснаго, что онъ былъ готовымъ оружіемъ въ рукахъ Голицыныхъ, будучи зятемъ фельдмаршала.

Между тѣмъ еще въ октябрѣ 1726 года было объявлено манифестомъ намѣреніе юнаго государя отправиться въ Москву, для совершенія торжественнаго обряда коронаціи (3). Намѣреніе это не нравилось Остерману. Подобно всѣмъ людямъ своей партіи, онъ не любилъ древней столицы, гдѣ его значеніе терялось посреди всей этой знати, его чуждавшейся, посреди неизбѣжныхъ забавъ и празднествъ, отнимавшихъ у него время, а у государя послѣднюю охоту чѣмъ-нибудь заняться.

Многіе ожидали важныхъ послѣдствій отъ свиданія императора съ царицею-бабкой, которая была надеждою всѣхъ, не весьма впрочемъ многочисленныхъ, заклятыхъ враго́въ всякой

---

(1) *Gesch. d. Russ. St.* 520. «...Courir la prétentaine dans les boues.»

(2) Онъ командовалъ нашею арміею противъ Фридриха II. Лефортъ, саксонскій посланникъ, еще въ 1729 году писалъ о немъ: «...Ein Mensch, der das Pulver nicht erfunden, den aber Gott im Zorn zum General-major gemacht hatte.» (*Gesch. d. Russ. St.* 531.)

(3) *Полн. Собр. Зак.*, т. VII, № 5179.

новизны и всего иноземнаго. Остерманъ боялся этихъ послѣдствій и по понятіямъ своимъ и потому, что государыня-инокиня сильно покровительствовала его старому сопернику, Шафирову. Но его опасеніе оказалось напраснымъ; свиданіе это было довольно холодно и не имѣло рѣшительно никакихъ послѣдствій (1).

Между тѣмъ Голицыны, опираясь на расположеніе государя къ цесаревнѣ и на милость его къ Бутурлину, начинали подниматься; но Долгоруковы зорко за этимъ наблюдали. Остерманъ, съ своей стороны, видя, если не охлажденіе, то равнодушіе къ себѣ государя, не постыдился низойдти до заискиванія передъ двадцати-лѣтнимъ фаворитомъ, преслѣдовалъ его увѣреніями своей преданности, *плакалъ*... и наконецъ пріобрѣлъ его временную дружбу обѣщаніемъ дѣйствовать съ нимъ заодно противъ Бутурлина (2), который и былъ подъ болѣе или менѣе благовиднымъ предлогомъ удаленъ въ Украйну; что̀ же касается до цесаревны, то дворъ не безъ удивленія замѣтилъ 26 августа, на именинномъ балѣ у великой княжны, рѣзкое къ ней охлажденіе государя, а черезъ нѣсколько дней, въ день собственныхъ ея именинъ, онъ явился къ ней передъ самымъ ужиномъ и уѣхалъ тотчасъ послѣ стола (3).

Эта перемѣна въ обращеніи съ нею государя не сильно подѣйствовала на легкій нравъ цесаревны, которая только думала о забавахъ; но подобная же перемѣна въ отношеніи великой княжны, столь нѣжно имъ прежде любимой, эта незаслуженная холодность, эта такъ дурно вознагражденная горячая привязанность, глубоко уязвили ея сердце и подѣйствовали на ея здоровье. Она слегла осенью 1727 года; доктора лѣчили ее отъ чахотки, «но не въ этомъ ея болѣзнь, пишетъ горцогъ де-Лиріа, и одинъ только врачъ можетъ ее вылѣчить—ея братъ.» Этотъ врачъ не пришелъ къ ней на помощь, и великая княжна, «идеалъ всѣхъ честныхъ людей и перлъ русскаго двора», по словамъ того же де-Лиріа, скончалась, любя по прежнему и благословляя брата.

Со смертію великой княжны, вліяніе Долгоруковыхъ на государя сдѣлалось исключительнымъ; на нихъ посыпались новыя милости: князья Алексѣй Григорьевичъ и Василій Лукичъ были

---

(1) *Записки Д. Лир.*, 23.
(2) *Записки Д. Лир.*, 49, 62.
(3) *Записки Д. Лир.*, 40.

сдѣланы членами верховнаго тайнаго совѣта; князь Иванъ оберъ-каммергеромъ и андреевскимъ кавалеромъ; князь Василій Владиміровичъ фельдмаршаломъ и подполковникомъ гвардіи, и имѣнія, нѣкогда у него конфискованныя за участіе въ дѣлѣ цесаревича, возвращены ему. Голицыны съ негодованіемъ и злобою смотрѣли на это быстрое возвышеніе фамиліи, съ которою они соперничествовали, и была минута, когда, казалось, наступитъ и ихъ чередъ: государь полюбилъ сына князя Дмитрія, Сергія Дмитріевича, человѣка еще довольно молодаго, но уже пріобрѣтшаго почетную извѣстность на дипломатическомъ поприщѣ. Дворъ снова заговорилъ было о новомъ любимцѣ; но Остерманъ, вѣрный цѣнитель указаній придворнаго барометра, рѣшился угождать еще прежнему фавориту и поспѣшилъ дать его сопернику назначеніе къ берлинскому двору (1).

Не взирая однакожь на это и на многія другія угожденія, которыя дѣлалъ старый министръ безбородому фавориту, дружбы между ними не было, сближенія были случайныя, не прочныя, и выгодами этихъ сближеній пользовался всегда Долгоруковъ, Остерманъ же оставался при своемъ искательствѣ, трудахъ и огорченіи видѣть, какъ старанія его мало цѣнятся. Казалось бы, чтò за надобность была Остерману, продолжавшему пользоваться огромнымъ вліяніемъ на дѣла,—чтò за надобность была ему хлопотать о расположеніи фаворита? Онъ имѣлъ безспорно первое мѣсто въ правительствѣ,—зачѣмъ же ему было такъ настойчиво втираться въ толпу придворныхъ, и кстати ли было ему, старику, обремененному государственными заботами, человѣку холодному по природѣ, чуждому праздныхъ забавъ и въ молодости, недовѣрчивому, котораго улыбкамъ и увѣреніямъ въ свою очередь никто не вѣрилъ, вдобавокъ подагрику, вымаливать мѣсто на пирахъ и охотахъ царскихъ, когда онъ съ такимъ достоинствомъ занималъ мѣсто въ верховномъ совѣтѣ?.. Въ другой странѣ, въ другую эпоху, при другихъ понятіяхъ, это было бы справедливо; но Остерманъ вѣрно оцѣнивалъ свое положеніе. Свѣжъ еще былъ примѣръ Меншикова, котораго не спасло отъ ссылки несравненно возвышеннѣйшее положеніе!.. Тому же Долгорукову, который низвелъ Меншикова, стоило только внушить нерасположеніе въ государѣ къ Остерману, и нашлись бы судьи, которые обвинили

(1) *Зап. Д. Лир.*, 54, 63.

бы его въ злоупотребленіяхъ и въ оскорбленіи величества, и въ государственной измѣнѣ!

Между тѣмъ Долгоруковы все болѣе и болѣе достигали исключительнаго вліянія на молодаго монарха. Ежедневно онъ уѣзжалъ въ Измайлово, гдѣ князь Алексѣй и его братья, удаливъ его отъ всякаго посторонняго вліянія, въ застольныхъ бесѣдахъ, послѣ трудовъ псовой охоты, нарѣзывали на незрѣломъ его умѣ, свои политическія убѣжденія; говорили какъ его славные предки не рѣдко удалялись въ свои подмосковныя села отъ заботъ государственныхъ, предоставляя ихъ боярской думѣ; какъ упражнялись тамъ въ благородной соколиной и псовой охотѣ съ преданными царедворцами, все природными, родовитыми русскими вельможами, а не Нѣмцами и пришлецами со всего свѣта, которыми блаженной памяти Петръ Алексѣевичъ наполнилъ всѣ управленія, и съ которыми, не щадя драгоцѣннаго живота своего, изволилъ, какъ простой человѣкъ, трудиться. Такія рѣчи были по сердцу молодому государю!

Внушенія Долгоруковыхъ могли этимъ не ограничиваться. Не трудно было представить государю, равнодушному къ дѣламъ государственнымъ, обвиненіе царевича Алексѣя дѣломъ личной къ нему ненависти его родителя и, можетъ-быть, разшевелить чувства любви сыновней... Тогда, естественно, ему должны были сдѣлаться ненавистными всѣ участвовавшіе въ судѣ и обвиненіи царевича: Головкинъ, Остерманъ, Голицыны,— фамилія, которой четыре члена подписали его приговоръ (1), тогда какъ нѣкоторые изъ Долгоруковыхъ за него пострадали...

Поддаваясь все болѣе и болѣе подобнымъ внушеніямъ и увеселеніямъ, которыми эти внушенія сопровождались, Петръ по цѣлымъ мѣсяцамъ не возвращался въ Москву; дѣла останавливались: верховный совѣтъ не собирается», доносилъ дюкъ де-Лиріа своему правительству (2). Да и не кому было собираться: оба Долгоруковы почти безотлучно находились при государѣ, графъ Головкинъ страдалъ подагрою, Остерманъ былъ боленъ съ горя, а князь Голицынъ, подъ тѣнистыми аллеями своего Архангельскаго, посреди собранной тамъ его попеченіями прекрасной библіотеки, обдумывалъ новыя условія государственной жизни, и приготовлялъ къ нимъ много-

---

(1) «Объявленіе розыскнаго дѣла» и пр., въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1829 г.

(2) *Зап. Д. Лир.*, 56: деп. февраля 1729.

численныхъ своихъ кліентовъ... Всѣ пружины управленія окончательно ослабли. «Россія похожа теперь на корабль, котораго кормчій и матросы покоятся безмятежнымъ сномъ», доноситъ Лефортъ саксонскому двору (1). «При этомъ безпорядкѣ, пишетъ испанскій посланникъ (2), я дѣлаюсь совершенно не нужнымъ въ Россіи, гдѣ достаточно будетъ одного резидента или секретаря.» Онъ не скрывалъ своего мнѣнія и отъ нашего правительства, и говорилъ Остерману, единственному человѣку, въ которомъ подобныя мысли могли встрѣтить сочувствіе, что по теченію дѣлъ въ настоящее время, лишенъ будучи случаевъ видѣть когда-либо государя, онъ полагалъ, «что безполезно для короля держать его въ Россіи, и что это даже неприлично для королевскаго достоинства.» Не довольствуясь этимъ, де-Лиріа и имперскій посланникъ, графъ Вратиславъ, коллективно сообщали о томъ канцлеру... Конечно никогда русское правительство не испытывало подобнаго униженія, никогда не доходило до того, чтобъ иностранныя правительства, устами своихъ представителей, напоминали ему о его обязанностяхъ!.. Но если такое полное разслабленіе было въ столицѣ, въ высшихъ слояхъ управленія,—что̀ должно было происходить внутри Россіи, въ низшихъ сферахъ; какая безнаказанность, какой просторъ беззаконіямъ всякаго рода, утѣсненію, грабительству, дѣйствію необузданнаго произвола?...

Въ мартѣ мѣсяцѣ (1729), стали говорить при дворѣ и въ городѣ, что государь, во время поѣздокъ своихъ въ помѣстья Долгоруковыхъ, видаетъ жену и дочерей князя Алексѣя; а какъ одна изъ княженъ, именно Екатерина Алексѣевна, была очень хороша собою (3), то, соображая глубокое честолюбіе Василья Лукича и безграничную самонадѣянность князя Алексѣя, соображая безпримѣрную милость государя къ князю Ивану и преждевременную его развитость,—многіе, и при томъ благоразумнѣйшіе, стали сомнительно покачивать головою, и шопотомъ передавали другъ другу свои опасенія на счетъ воз-

---

(1) *Gesch. d. Russ. St.*, 529: деп. $^{27}/_{17}$ ноября 1728.

(2) *Зап. Д. Лир.*, 51, 56.

(3) *Письма леди Рондо*, 14. Сэръ Рондо, въ депешѣ отъ 20 ноября, пишетъ о ней: Elle a environs 18 ans, est très jolie et douée d'un grand nombre de belles qualités. Напротивъ того, саксонскій посланникъ Лефортъ, не упоминая о ея наружности, дѣлаетъ о ней отзывъ невыгодный.

можности родственнаго союза между государемъ и Долгоруковыми. Остерманъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые это предвидѣли и страшились.... Но лѣто прошло, а ничего формальнаго еще не случилось. 1-го сентября (1) былъ охотничій праздникъ; государь отправился въ отъѣзжія поля съ своими приближенными, въ числѣ которыхъ были мать и сестры фаворита. Никогда отсутствіе его не было столь продолжительно; онъ даже не возвратился ко дню своего рожденія (12 окт.), за то о бракѣ его съ Долгоруковою стали говорить громче: многіе полагали это уже дѣломъ рѣшеннымъ. И въ самомъ дѣлѣ, возвратясь въ Москву въ ноябрѣ, государь, 19 числа, формально объявилъ о своемъ намѣреніи вступить въ бракъ съ Екатериною Долгоруковою, и 30 числа, въ день празднованія Св. Андрея Первозваннаго, было совершено торжественное обрученіе.

Итакъ Долгоруковы, наконецъ, стояли на той высотѣ, которой, въ теченіе послѣдняго полувѣка, удалось достигнуть одному только князю Меншикову.... Какъ будто для большаго сходства съ бывшимъ нареченнымъ государевымъ тестемъ, они начали хлопотать у вѣнскаго двора о дарованіи Ивану Алексѣевичу княжества Ко́зельскаго (въ Силезіи), которое нѣкогда было даровано Меншикову.

Что̀ касается до фаворита, то счастіе продолжало сыпать на него лучшіе дары свои. Въ то время какъ его отецъ и другіе родственники съ такою заботливостію и усиліями возводили непрочное зданіе своего благосостоянія,—этотъ въ 20 лѣтъ уже пресыщенный баловень судьбы, скучая обществомъ, въ которомъ встрѣчалъ лишь слишкомъ знакомыя лица, скучая наставленіями вѣчно озабоченной, честолюбивой родни, нерѣдко уклонялся отъ обязанности сопровождать государя и, вполнѣ свободный въ его отсутствіи, предавался среди оглушенной Москвы самымъ грубымъ неистовствамъ: «окружась драгунами, часто по всему городу необычайнымъ стремленіемъ, какъ бы изумленный, скакалъ, по ночамъ въ чужіе домы вскакивалъ, гость досадный и страшный» (2). Но счастіе не уставало слѣдить за нимъ.

---

(1) Дюкъ де-Лиріа въ своихъ запискахъ (стран 63) показываетъ именно это число; у Арсеньева, въ его книгѣ *Царствованіе Петра II*, сказано 8 число; едва ли это не ошибка. 1-е сентября—день торжественный для охотниковъ; и врядъ ли государь отказался бы провести его въ отъѣзжемъ полѣ.

(2) *Описаніе кончины* и пр., Ѳеоф. Прокоповича. То же подтвержда-

Въ огромныхъ палатахъ Шереметева жила, послѣ смерти стараго фельдмаршала пятнадцатилѣтняя дочь его, сирота, прекрасная собою, одна изъ богатѣйшихъ невѣстъ Россіи (1). Родственники переговорили между собою, и свадьба была назначена. Фаворитъ царскій дѣлался однимъ изъ первыхъ русскихъ богачей. Но не въ этомъ еще заключалось все его счастіе: онъ не зналъ, и не могъ знать, какое сердце ему отдавалось; онъ узналъ его лишь тогда, когда страшная гроза разразилась надъ нимъ и надъ всѣмъ его родомъ, когда на нихъ «со всего свѣту бѣды совокупились», какъ выражается сама знаменитая страдалица. Они были обручены, но еще не обвѣнчаны, когда пронесся первый гулъ бури, умчавшей Долгоруковыхъ и ихъ фортуну; родственники молодой Натальи Борисовны убѣждали ее отдѣлить, пока еще есть время, судьбу свою отъ судьбы человѣка, обреченнаго гибели; другой женихъ просилъ руки ея; но не такъ говорило ея молодое, благородное сердце: «Какая радость, и честная ли это совѣсть, пишетъ она, когда онъ былъ великъ, такъ я съ удовольствіемъ за него шла, а когда онъ сталъ несчастливъ, отказать ему?» Она осталась вѣрна разъ данному слову, вѣрна святому долгу супруги; «любя мужа, все сносила, и еще его подкрѣпляла, и никогда не раскаивалась, для чего за него пошла, и не дала въ томъ безумія Богу». Такова была эта прекрасная женская личность; на ней съ любовію успокоивается взоръ, утомленный зрѣлищемъ всеобщей безнравственности.

Въ палатахъ царскихъ тоже разыгрывалась тайная, скорбная драма. Княжна Долгорукова съ своей стороны давно уже любила одного изъ кавалеровъ имперскаго посольства, Милезимо (2); но разчеты честолюбивой родни разрушили ея на-

---

етъ и кн. Щербатовъ (*О повр. нрав.*), сходясь почти въ этомъ одномъ съ знаменитымъ витіею, котораго онъ очень рѣзко и, кажется, вѣрно характеризуетъ.

(1) О красотѣ ея пишетъ герцогъ де-Лиріа въ своихъ *Запискахъ*, 71; во всемъ послѣдующемъ мы ссылаемся на собственныя ея записки, помѣщенныя въ *Сказаніяхъ о родѣ князей Долгоруковыхъ*.

(2) *Записки Дюка де-Лиріа*, 70; *Письма леди Рондо* въ русск. переводѣ; *Gesch. d. russ. Staats*, 533 и слѣд.: деп. Лефорта $^{26}/_{17}$ ноября, 8, 9 декабря (27, 28 ноября) и $^{15}/_{4}$ декабря 1729; Бантышъ-Каменскій въ своемъ *Словарѣ достопамятныхъ людей* говоритъ, основываясь на свидѣтельствахъ, найденныхъ имъ въ портфеляхъ Миллера, что государыня-невѣста любила своего однофамильца, князя Юрія Юрьевича, съ которымъ и думала сочетаться бракомъ. Но въ такомъ случаѣ, почему

дежды: Милезимо подъ благовиднымъ предлогомъ былъ немедленно отправленъ въ Вѣну. Между тѣмъ и чувства къ ней государя вдругъ быстро охладѣли. Измѣнила ли она своей сердечной тайнѣ, какъ пишетъ болтливая леди Рондо; представленія ли Остермана, старавшагося не допустить этого брака, возымѣли позднѣе дѣйствіе, — но внезапное охлажденіе государя къ своей невѣстѣ не укрылось отъ наблюдательныхъ взоровъ. Съ удивленіемъ замѣчали, что онъ почти никогда съ нею въ обществѣ не разговариваетъ, что онъ сдѣлался рѣзокъ въ обращеніи съ ея родственниками, и припоминали, что совершенно тѣ же обстоятельства предшествовали паденію Меншикова...

Съ другой стороны такъ же быстро возрасла милость государя къ Остерману, который началъ ежедневно бывать во дворцѣ, и къ которому государь нѣсколько разъ одинъ, какъ будто скрываясь отъ Долгоруковыхъ, пріѣзжалъ.

Можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ въ этихъ тайныхъ бесѣдахъ государя съ его старымъ наставникомъ обдумывалось низложеніе Долгоруковыхъ; можетъ-быть, въ то время, какъ вся Россія съ завистью смотрѣла на ихъ величіе, противъ нихъ сочинялись обвинительные акты, пріискивались улики, свидѣтели, подбирались надежные судьи и, вмѣсто новыхъ почестей и новыхъ богатствъ, ихъ ожидали застѣнки, Сибирь или позорная казнь. Все это осталось покрытымъ глубокою тайной, и неожиданная смерть государя разсѣкла спутанный узелъ этой драмы.

Наступило 6 января 1730 года. Государь прибылъ на обычное торжество водоосвященія, стоя на запяткахъ саней, въ которыхъ сидѣла его невѣста (1), и пробылъ съ непокрытою головой на льду и жестокомъ морозѣ около четырехъ часовъ. Возвратясь въ свои покои, онъ почувствовалъ головную боль, и въ тотъ же вечеръ легъ въ постель.

На другой день открылась оспа, которую тогдашніе доктора приняли было за лихорадку. Ему однакожь становилось уже лучше, такъ что 15 января отъ верховнаго тайнаго совѣта былъ разосланъ циркуляръ ко всѣмъ нашимъ резидентамъ при иностранныхъ дворахъ, въ которомъ именно говорится: «Оная оспа нынѣ совершенно выступила и уже созрѣла. Итакъ за Бо-

---

же бы этому браку не состояться послѣ смерти государевой? И почему князь Юрій женился на сестрѣ ея, Еленѣ, а она вышла за Брюса?

(1) *Письма леди Рондо*, 20.

жіею помощію, его императорскаго величества состояніе въ очевидно-вящее исправленіе приходитъ, и по разсужденіямъ докторовъ и по всѣмъ человѣческимъ видамъ надѣяться можно, что въ нынѣшній, яко 9 день, наибольшая опасность минула»(1). Собственная неосторожность, по свидѣтельству Манштейна (2), погубила государя: почувствовавъ себя лучше, онъ подошелъ къ окну и отворилъ его; съ этой минуты не было уже надежды на выздоровленіе, и 19 числа, въ три четверти четвертаго часа по-полуночи, онъ скончался (3).

Въ большей части русскихъ сочиненій, касавшихся сей эпохи, Петръ II представленъ юношей, подававшимъ большія надежды, съ прекрасною наружностію, съ быстрымъ и проницательнымъ умомъ и добрымъ сердцемъ. Изъ современныхъ свидѣтельствъ мы находимъ подобный отзывъ въ запискахъ княгини Н. Б. Долгоруковой, которая говоритъ: «Отнялъ (Господь) милостиваго государя, и великъ былъ плачъ въ народѣ». Графъ Минихъ пишетъ: «Онъ скончался.... къ великому сожалѣнію всей націи, которая его обожала...» Манштейнъ тоже упоминаетъ о всеобщемъ сожалѣніи Россіи и присовокупляетъ: «Россія и до сего времени считаетъ это царствованіе самымъ счастливымъ временемъ въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ». Наконецъ и герцогъ де-Лиріа такъ выражается: «Потеря его была не вознаградима для Россіи, потому что добрыя качества сего государя давали надежду на счастливое и славное царствованіе. Въ немъ было много ума, смѣтливости и скромности. Въ немъ не было замѣтно никакой наклонности къ какимъ-либо порокамъ, а пьянство, въ то время общее, совсѣмъ было ему не по вкусу. Собою онъ былъ очень красивъ и росту чрезвычайнаго по своимъ лѣтамъ.»

Но какъ же соединить эти посмертныя похвалы съ извѣсті-

---

(1) Не только 15, но еще и 12 января сообщалось нашимъ резидентамъ при иностранныхъ дворахъ о болѣзни государя; чѣмъ торжественно опровергается обвиненіе, выраженное въ манифестѣ 14 апрѣля 1739 года (*Полн. Собр. Закон.*, № 5532), о томъ, что Долгоруковы скрывали будто бы болѣзнь государеву даже до самой кончины. См. протоколы верховнаго совѣта соотвѣтствующихъ числъ.

(2) *Mém. de Manstein*, I. 36. Lyon, MDCCLXXII.

(3) Касательно этого часа показанія разнорѣчивы Мы руководствуемся протоколомъ верховнаго тайнаго совѣта, 19 января, въ *Чтеніяхъ*, а также манифестомъ, которымъ объявлялось о кончинѣ Петра (*Полн. Собр. Закон.* Т. VIII, № 5499).

ями тѣхъ же самыхъ писателей о царствованіи Петра? Мы не говоримъ о княгинѣ Долгоруковой, которая видѣла въ немъ благодѣтеля своей новой родни, и со смертію его теряла все, чѣмъ красно существованіе. Но Минихъ, Манштейнъ, де-Лиріа? Не сами ли же они говорятъ о дурныхъ наклонностяхъ Петра и совершенномъ его равнодушіи къ правленію? «Государственный корабль носится по прихоти волнъ и вѣтровъ, писалъ Лефортъ въ 1727 и 1728 годахъ (1): вездѣ бездѣйствіе, вездѣ застой, и трудно понять, какъ дѣйствуетъ огромная правительственная машина, къ которой никто не хочетъ прикоснуться!» И въ самомъ дѣлѣ, войско и флотъ не только терпѣли нужду во всякаго рода снабженіяхъ, но не получали заслуженнаго жалованья. По ходатайству разныхъ покровителей, офицеры и солдаты изъ дворянъ получали позволеніе не являться цѣлые годы на службу, считаясь въ ней и проживая въ Москвѣ, либо въ своихъ имѣніяхъ (2). Необузданный произволъ проникъ и во всѣ вѣтви управленія; губернаторы и воеводы, пользуясь указами 1726 и 1727 годовъ о подчиненіи имъ судебной власти, уничтожили всякую самостоятельность судовъ, и замѣнивъ, можетъ-быть, неудовлетворительныя ихъ дѣйствія собственными, не болѣе удовлетворительными, внесли въ самую идею о правосудіи принципъ произвола и личнаго вмѣшательства. Доходы государственные часто не доходили по назначенію, указанному росписаніемъ, и достаточно было приказанія какого-либо фаворита, чтобы вмѣсто напримѣръ адмиралтействъ-коллегіи они попадали въ руки какой-нибудь грузинской царевны. Неужели все это пророчило «счастливое и славное царствованіе»?

Правда, при Петрѣ II гораздо рѣже, чѣмъ при его грозномъ дѣдѣ и даже при императрицѣ, видимъ мы жестокія казни; страшныя административныя наказанія были смягчены обычаемъ; но казни при преобразователѣ производились по суду, на основаніи законовъ, или по крайней мѣрѣ по важной государственной необходимости, а какое великое беззаконіе рѣшило удаленіе отъ двора (мы не говоримъ ссылку въ Березовъ) Меншикова? Какія великія заслуги рѣшили возвышеніе

---

(1) *Gesch. des Russ. St.* 520, 524

(2) Объ этомъ см. любопытныя «Извлеченія изъ журналовъ адмиралтействъ коллегіи» въ *Морск. Сборн.* 1857 года.

(3) *Полн. Собр. Закон.* Т. VII №№ 4929 и 5017.

Алексѣя и Ивана Долгоруковыхъ?.. Пусть не было жестокости въ короткое царствованіе Петра II, но не было и справедливости; не жгли, не истязали людей во имя закона, но на законъ перестали и смотрѣть; вездѣ во всѣхъ инстанціяхъ рѣшала милость или вражда; это едва ли не хуже! Тотъ же Пашковъ, который такъ витіевато провозглашалъ блаженство, наступившее съ удаленіемъ грознаго Меншикова, писалъ въ послѣдствіи: «новые временщики привели великую конфузію, такъ что мы съ великимъ опасеніемъ бываемъ при дворѣ; всякій всякаго боится, а крѣпкой надежды нигдѣ нѣтъ.» Что еще можно прибавить къ этой печальной картинѣ?...

Но, скажутъ, все это было слѣдствіемъ малолѣтства государя и недобросовѣстности его окружающихъ. Положимъ, и выразимъ здѣсь горькій упрекъ этимъ окружающимъ, особенно Долгоруковымъ, за все зло, которое они сдѣлали Петру, зло, съ которымъ и позднѣйшія ихъ страданія насъ не примиряютъ; но посмотримъ однакожь, какіе задатки представлялъ характеръ молодаго монарха. Россія рукоплескала ему, когда онъ сказалъ Меншикову: «я научу тебя знать, что я императоръ!» Большая часть современниковъ видѣла въ этомъ признакъ могучей воли, признакъ дѣдовскаго характера. Но великій дѣдъ его умѣлъ выслушать грубыя возраженія честнаго Долгорукова; дѣдъ его былъ крутъ и неумолимъ, но единственно для осуществленія тѣхъ идей, которыхъ онъ былъ первымъ слугою: а то ли мы видимъ теперь?... Вступить въ права совершеннолѣтія и ими пренебречь; формально объявить о намѣреніи заняться дѣлами правленія (1) и никогда не показываться въ верховномъ совѣтѣ, это не позволяетъ предполагать признаки твердой воли въ Петрѣ II. Мы думаемъ напротивъ, что онъ начиналъ обнаруживать характеръ слабый и своенравный, сердце холодное и непостоянное. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ его привязанности къ сестрѣ, къ Остерману, къ цесаревнѣ, наконецъ къ невѣстѣ, имъ самимъ избранной, были привязанности мимолетныя и ненадежныя. И потомъ, когда минутное обаяніе проходило, онъ отворачивался съ жесткостію, безъ малѣйшаго со-

---

(1) 8 сентября былъ указъ о томъ, что рѣшенія верховною совѣта должны подлежать исполненію лишь утверждены будучи подписью государя (*Полн. Собр. Зак.*, Т. 171, № 5151), а 3 октября уже повелѣвалось довольствоваться, для исполненія по онымъ, подписью кабинетъ-секретаря, Степанова (№ 5173).

жалѣнія, а это несомнѣнный признакъ или холоднаго сердца, или мгновенно гальванизируемой слабохарактерности. Знаемъ, что многое можно было бы исправить въ немъ внимательнымъ просвѣщеннымъ воспитаніемъ; но при извѣстныхъ уже данныхъ мудрено, повторяемъ, было предвидѣть въ его царствованіи эпоху счастія и славы.

Возвращаемся къ изложенію событій.

Исходъ болѣзни государевой долженъ былъ рѣшить для Долгоруковыхъ вопросъ: быть или не быть? По нѣскольку разъ въ день подъѣзжали они къ Головинскому дворцу, гдѣ жилъ Алексѣй Григорьевичъ съ семействомъ, справляться о ходѣ болѣзни, о которой князь Иванъ присылалъ частыя, но не утѣшительныя свѣдѣнія: «государь въ жару, государь въ безпамятствѣ, доктора теряютъ всякую надежду!...» Начинались сѣтованія, слезы, разсужденія о томъ, что̀ будетъ съ ними, если государь скончается, и кто будетъ послѣ него государемъ?... Можно думать впрочемъ, что вопросъ личный стоялъ на первомъ планѣ; толковали, совѣтовались, строили разныя предположенія и наконецъ остановились на чудовищной мысли—возвести на престолъ царскую невѣсту... Конечно, уму здравому и спокойному не могли не представиться и вся нелѣпая беззаконность и вся безнадежность этого замысла; но въ послѣдніе года совершилось столько невѣроятнаго, столько невозможнаго!.. На первый разъ Долгоруковымъ надо было по крайней мѣрѣ обезпечить себѣ содѣйствіе всѣхъ своихъ однофамильцевъ; по этому немедленно послали звать уважаемаго за свои лѣта и заслуги Василія Владиміровича. Бывъ въ это время за городомъ, старый фельдмаршалъ прибылъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Михаиломъ, не ранѣе какъ на другой день, и прямо изъ дворца, гдѣ уже не могъ видѣть безнадежно больнаго государя, проѣхалъ въ Головинскій домъ. Ихъ провели въ спальню князя Алексѣя (1), гдѣ были, кромѣ самого хозяина, сынъ его Иванъ, братъ князя Сергѣй и Василій Лукичъ.

Когда двери были тщательно заперты, князь Василій Лукичъ осторожно развернулъ и прочелъ только-что полученное имъ письмо отъ датскаго посланника Вестфалена (2). «Слухъ носится,

(1) Изъ имѣющихся у меня выписокъ изъ слѣдственнаго дѣла о князьяхъ Долгоруковыхъ.

(2) Важное это обстоятельство открыто въ слѣдственномъ дѣлѣ, про-

писалъ Вестфаленъ, что его величество весьма боленъ, и ежели наслѣдство Россійской имперіи будетъ цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, то датскому королевскому двору съ Россіею дружбы имѣть не можно; а понеже его величества обрученная невѣста фамиліи вашей, то и можно удержать престолъ за нею, такъ какъ послѣ кончины Петра Великаго двѣ знатныя персоны, а именно Меншиковъ и Толстой, государыню императрицу Екатерину удержали, что и вамъ по вашей знатной фамиліи учинить можно и (потому еще), что вы больше (чѣмъ Меншиковъ и Толстой) силы и славы имѣете.»

«Государь опасно боленъ, сказали по окончаніи этого чтенія князья *Григорьевичи*, и если скончается, то надо стараться удержать престолъ за обрученною невѣстою, княжною Екатериною.» Такое притязаніе смутило почтеннаго фельдмаршала. «Неслыханное дѣло вы затѣваете, воскликнулъ онъ: кто захочетъ ей подданнымъ быть! Не только посторонніе, но и я самъ и прочіе нашей фамиліи, никто въ подданствѣ у ней быть не захочетъ! Княжна Екатерина съ государемъ не вѣнчана.»—Хоть не вѣнчалась, но обручалась, возразилъ князь Алексѣй. «Вѣнчаніе иное, а обрученіе иное. Да еслибъ она за его величествомъ и въ супружествѣ была, то и тогда бы во учиненіи ее наслѣдницею не безъ сумнѣнія было,» присовокупилъ фельдмаршалъ, припоминая возраженія нѣкоторыхъ при восшествіи на престолъ Екатерины I.

Григорьевичи однакожь продолжали настаивать, говорили, что надѣются склонить на свою сторону Головина и князя Д. Голицына, и выразили надежду на содѣйствіе гвардіи.

«Ты въ Преображенскомъ полку подполковникъ, а князь Иванъ майоръ: какъ не сдѣлаться по нашему? А еслибы кто вздумалъ сопротивляться, прибавили они: мы будемъ ихъ бить!» Это безумное покушеніе, въ которое хотѣли вовлечь старика, окончательно раздражило его. «Что̀ вы ребячье врете! воскликнулъ онъ, какъ тому можно сдѣлаться? И какъ мнѣ полку о томъ объявить? За это объявленіе меня самого обьютъ! Лучше хочу правду вамъ говорить, прибавилъ онъ вставая, а не манить,» и уѣхалъ съ братомъ изъ этого безумнаго собранія.

Силу возраженій фельдмаршала лучше всѣхъ понималъ князь

изводившемся надъ Долгоруковыми, и помѣщено въ сочиненіи г. Арсеньева *Царствованіе Петра II.*

Василій Лукичъ; но увлеченный настойчивостію своихъ родственниковъ и, къ сожалѣнію, не обладая ни сильнымъ чувствомъ правды, ни самостоятельностію, онъ остался съ Григорьевичами, и вмѣстѣ съ княземъ Алексѣемъ началъ диктовать Сергѣю Григорьевичу, отъ имени императора, въ пользу обрученной невѣсты, духовное завѣщаніе, которое было тутъ же переписано тѣмъ же княземъ Сергѣемъ; одинъ изъ этихъ экземпляровъ подписалъ князь Иванъ Алексѣевичъ, такимъ почеркомъ, «какъ его величество имя свое подписалъ», а другой предположено было, если представится возможность, поднести къ подписанію умирающаго государя, но если этой возможности не представится, рѣшились предъявить и тотъ, который подписанъ вмѣсто государя княземъ Иваномъ.

Самонадѣянный фаворитъ поѣхалъ во дворецъ съ обоими этими завѣщаніями; но государь былъ въ постоянномъ безпамятствѣ до самой кончины своей, и не было никакой возможности поднести къ его подписанію приготовленный актъ. Такимъ образомъ, говоритъ князь Щербатовъ, вся надежда Долгоруковыхъ «яко скудельный сосудъ разбилася».

Что сталось съ этими завѣщаніями? Манштейнъ, основываясь на извѣстіи, сообщенномъ ему однимъ изъ Долгоруковыхъ, полагаетъ, что когда государь скончался, то князь Иванъ вышелъ изъ его опочивальни съ подписаннымъ имъ самимъ, княземъ Иваномъ, завѣщаніемъ въ залу, гдѣ находились придворные, обнажилъ шпагу и воскликнулъ: «Да здравствуетъ императрица Екатерина!» но что встрѣченный неодобрительнымъ безмолвіемъ, вложилъ шпагу въ ножны и немедленно уѣхалъ домой, гдѣ и сжегъ обѣ бумаги. Извѣстіе это было повторено нѣкоторыми изъ позднѣйшихъ писателей, и хотя оно не поражаетъ невѣроятностію (что въ самомъ дѣлѣ было невозможно въ то время насилія?), но положительныя свидѣтельства опровергаютъ это извѣстіе. Ни о чемъ подобномъ не упоминается въ слѣдственномъ дѣлѣ Долгоруковыхъ (1), а ненависть къ нимъ Бирона конечно не преминула бы воспользоваться этимъ обстоятельствомъ; изъ допроса бывшаго фаворита видно, что князь Алексѣй пріѣхалъ на слѣдующее утро во дворецъ и вѣроятно, поразмысливъ хладнокровнѣе о нелѣпости своего замысла, взялъ оба духовныя завѣщанія и сжегъ ихъ, какъ по крайней мѣрѣ сказывалъ въ послѣдствіи.

---

(1) Сколько по крайней мѣрѣ можно судить по имѣющимся у насъ выпискамъ изъ онаго.

Верховный совѣтъ, котораго всѣ члены, разумѣется, находились во дворцѣ, не взирая на ночное время, немедленно собрался въ засѣданіе, и положилъ разослать повѣстки ко всѣмъ находившимся въ Москвѣ высшимъ воинскимъ и статскимъ чинамъ до полковника, чтобъ утромъ въ 10 часу явились въ собраніе совѣта. Въ этомъ важномъ засѣданіи участвовали графъ Головкинъ, канцлеръ, князь Василій Лукичъ и князь Василій Владиміровичъ, фельдмаршалъ, Долгоруковы, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ (1): эти, и только эти лица упомянуты въ протоколѣ верховнаго совѣта; между ними мы не находимъ осторожнаго, лукаваго Остермана, который, сказавшись больнымъ, не оставлялъ своей комнаты до совершеннаго окончанія всей этой политической драмы; не находимъ также князя Алексѣя Григорьевича, вѣроятно окончательно деморализированнаго неудачею съ духовнымъ завѣщаніемъ.

Съ другой стороны, основываясь на свидѣтельствѣ преосвященнаго Ѳеофана, можно думать, что нѣкоторые изъ высшихъ сановниковъ, вмѣстѣ съ чинами верховнаго совѣта, обсуждали въ эту достопамятную ночь вопросъ о томъ, кому наслѣдовать россійскій престолъ, послѣ чего *верховники*, оставшись одни, рѣшили другой вопросъ—объ измѣненіи формы правленія. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ болѣе сомнѣнію, что оба эти важнѣйшіе вопросы были разрѣшены нѣсколькими сановниками и придворными, а вовсе не «собраніемъ чиновъ», какъ можно было заключить по разказамъ нѣкоторыхъ писателей, что̀ радикально измѣняетъ характеръ происшествія.

Во всемъ этомъ дѣлѣ мы не можемъ видѣть ничего иного, какъ аристократическія стремленія одной партіи,—партіи, называемой иностранными писателями *русскою*, главою которой были Голицыны и Долгоруковы, сблизившіеся, по свидѣтельству Ѳеофана Прокоповича, въ послѣднее время и отложившіе взаимную зависть передъ общею опасностію. Самое рѣшеніе «чиновъ» ни въ какомъ случаѣ не могло быть рѣшеніемъ *народнымъ*, и мы думаемъ, что «собраніе» ихъ правильнѣе было назвать собраніемъ не «чиновъ», а лицъ, пріѣздъ во дворецъ имѣющихъ.

---

(1) Оба фельдмаршала засѣдали, повидимому, по особому приглашенію, потому что они сдѣланы членами в. т. совѣта, какъ это видно изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей того времени (№ 14 см. извѣстія изъ Москвы отъ 26 января), только 25 числа. То же замѣчаніе дѣлаетъ и авторъ *Сказанія о родѣ Долгоруковыхъ*.

Но посмотримъ, какъ происходили совѣщанія. Члены верховнаго совѣта и нѣкоторые изъ бывшихъ на-лицо сановниковъ удалились въ особую палату. Князь Василій Владиміровичъ пригласилъ было духовныхъ особъ, напутствовавшихъ покойнаго государя, остаться, съ тѣмъ, вѣроятно, чтобъ они приняли участіе въ совѣщаніи, но чрезъ нѣсколько минутъ вышелъ къ нимъ снова, прося возвратиться во дворецъ въ 10 часу (1).

Тогда начались пренія о престолонаслѣдіи. Единогласное свидѣтельство современниковъ заставляетъ принять, что едва ли даже не первымъ было при этомъ произнесено имя вдовствующей царицы-инокини. Не мудрено, что князь Василій Владиміровичъ, издавна ей приверженный и близкій по дѣлу царевича, а отчасти и по своей упорной любви къ старинѣ, желалъ бы поднести ей корону, но странно представить себѣ, чтобъ объ этомъ были серіозныя разсужденія. Какъ бы то ни было, но переходъ изъ келліи на престолъ не состоялся.

Повидимому, за недостаткомъ точнаго закона о престолонаслѣдіи естественнѣе всего было бы принять въ основаніе духовное завѣщаніе императрицы Екатерины; но мы уже говорили, что этотъ актъ не пользовался большимъ довѣріемъ. При томъ назначаемая онымъ наслѣдница престола, цесаревна Анна, неизбѣжно привезла бы за собою свою свиту, супруга своего, его министровъ, которые оставили неблагопріятное по себѣ воспоминаніе. То же самое можно было возразить и противъ сына ея (2), котораго малолѣтство, послѣ царствованія малолѣтнаго же государя, естественно, могло устрашать всѣхъ. Что̀ касается цесаревны Елисаветы, то, еслибы она имѣла въ это время какое-нибудь политическое значеніе, какую-нибудь партію, можно думать, что права ея восторжествовали бы; но она ни въ это время, ни долго послѣ, не думала о власти; удовольствія были единственною ея заботой, люди, ихъ раздѣлявшіе, были единственными ея приближенными. Она находилась въ это время за городомъ; небольшое число преданныхъ ей лицъ поспѣшили послать за нею, прося ее возвратиться какъ можно скорѣе въ Москву; но дѣла шли такъ быстро, что она не могла поспѣть вовремя, да и присутствіе ея едва ли измѣнило бы рѣшеніе собранія,

---

(1) *Описаніе* и пр. Ѳеофана Прокоповича.

(2) Въ послѣдствіи императоръ Петръ III.

которое имѣло причины искать наслѣдника не въ числѣ ближайшихъ къ престолу лицъ. Затѣмъ слѣдовала линія царя Іоанна Алексѣевича. Старшая дочь его Екатерина была въ супружествѣ за герцогомъ мекленбургскимъ, хотя и проживала постоянно при русскомъ дворѣ. Противъ нея было возраженіе то же, что и противъ герцогини голштинской—опасеніе иноземнаго вліянія; наконецъ произнесено было имя вдовствующей герцогини курляндской Анны. При этомъ, «тотчасъ чудное всѣхъ явилось согласіе», пишетъ преосвященный Ѳеофанъ, и верховный совѣтъ опредѣлилъ предложить ей русскую корону (1).

Полагая, безъ сомнѣнія, что вся цѣль совѣщанія уже достигнута, сановники разошлись, а члены верховнаго совѣта, оставшись одни, занялись второю половиною задуманнаго дѣла (2). Князь Дмитрій Голицынъ, обратясь къ своимъ сочленамъ, сказалъ: «Смертію почившаго императора прекратилось мужское поколѣніе Петра I. Россія много терпѣла отъ деспотическаго его управленія, чему не мало содѣйствовали иностранцы, въ большомъ количествѣ сюда привлеченные. Надо ограничить производъ хорошими узаконеніями и поднести императрицѣ корону съ нѣкоторыми условіями» (3). Предложеніе это, конечно, не было неожиданнымъ для членовъ верховнаго совѣта; оно-то, можно думать, и было поводомъ къ сближенію между Голицыными и Долгоруковыми; оно было завѣтною мыслію присутствовавшихъ, кромѣ одного графа Головкина, который, попавъ въ этотъ вихрь замысловъ и переворотовъ, не чувствовалъ въ себѣ

---

(1) Нѣкоторые современники полагаютъ, что при этомъ было сдѣлано и предложеніе въ пользу обрученной невѣсты Екатерины Долгоруковой, и приписываютъ устраненіе этого предложенія фельдмаршалу Долгорукову; но если, какъ видно изъ протокола верховнаго совѣта (какъ сказано выше), отецъ ея не присутствовалъ въ этомъ засѣданіи, кто же могъ упомянуть о ея мнимыхъ правахъ? Здѣсь, очевидно, недоразумѣніе и повтореніе тѣхъ обстоятельствъ, которыя происходили въ Головинскомъ дворцѣ, въ спальнѣ князя Алексѣя Долгорукова.

(2) «О перемѣнѣ формы или образа правленія... въ семъ же тогда собраніи, хотя не при всѣхъ, но по выходѣ оттуда многихъ прочихъ, говорено...» и далѣе: «тіи же то верховные господа... когда царевнѣ Аннѣ Іоанновнѣ императорская власть согласіемъ всѣхъ присутствующихъ присуждена стала, многихъ домой отпустили, а сами совѣтовали, какъ бы власть государеву сократить...» (*Описаніе* и пр. Ѳ. Прокоповича.)

(3) Текстъ этотъ приведенъ изъ *Memoires de Manstein*. Кажется, онъ записанъ вѣрно, потому что въ такомъ же смыслѣ передаетъ событіе и французскій резидентъ Magnan въ депешѣ 5 апрѣля (25 марта 1730 года.

силы ему противиться и даже возражать; поэтому предложеніе князя Дмитрія было немедленно принято, и приступлено къ начертанію условій, которыя должны были, по мнѣнію совѣта, ограничить произволъ и устранить иноземцевъ.

Между тѣмъ дворцовыя залы наполнились сановниками и генералитетомъ. Члены верховнаго совѣта вошли къ нимъ, и канцлеръ объявилъ о кончинѣ государя и объ избраніи Анны Іоанновны, требуя объявить, согласно ли собраніе съ рѣшеніемъ совѣта? Собраніе вполнѣ одобрило это рѣшеніе, и первенствующій членъ сvнода, архіепископъ новгородскій Ѳеофанъ, отъ имени всѣхъ присутствующихъ выразилъ полное согласіе, предлагая немедленно отслужить благодарственный молебенъ. Но предложеніе это было отклонено членами верховнаго совѣта, которые могли имѣть причины сомнѣваться, приметъ ли императрица предложенную ей корону съ ограниченіями.

Не сохранилось подлинника этихъ ограниченій, условій, или «кондицій россійскому правленію», какъ они наименованы въ сохранившейся запискѣ кн. В. Л. Долгорукова; они дошли до насъ въ запискахъ герцога де-Лиріа и Манштейна и въ депешахъ иностранныхъ министровъ, но съ различными варіантами; мы приводимъ тотъ текстъ, который кажется намъ вѣроятнѣйшимъ (1), и притомъ въ французскомъ переводѣ, не рѣшаясь возстановлять русскій оригиналъ такого важнаго документа.

I. Que l'Impératrice Anne ne régnerait que par les délibérations du Haut-Conseil.

II. Qu'elle ne déclarerait la guerre ni ne ferait la paix.

---

(1) А именно Манштейновъ, который перепечатанъ во многихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ; съ нимъ сходенъ и тотъ, который сообщалъ своему двору Маньянъ, за исключеніемъ одного только пункта 4-го, не отдѣленнаго у Манштейна отъ 3-го, а именно: «4) on ne conférerait aucun charge considérable sans le consentement du Conseil suprême.» Такимъ образомъ у Манштейна 7 пунктовъ, у Маньяна 8; впрочемъ вотъ и остальные тексты этого любопытнаго документа:

а) Другой текстъ того же французскаго резидента Маньяна:

1. Qu'elle ne se remariera jamais, ni à un Russe, ni à aucun étranger.

2. Qu'elle ne pourra, ni de son vivant, ni à l'article de sa mort, nommer aucun pour son successeur; cette autorité d'élire un successeur devant demeurer au pouvoir du Conseil Suprême.

III. Qu'elle ne metterait aucun nouvel impôt ni ne donnerait aucune charge de conséquence.

IV. Qu'elle ne punirait aucun gentilhomme sans qu' l fût bien convaincu de son crime.

V. Qu'elle ne confisquerait le bien de personne.

VI. Qu'elle ne pourrait disposer des terres appartenant à la couronne, ni les aliéner

---

3. Qu'elle ne tachera jamais d'entrer au Conseil Suprême, ni accorder aucune grâce, de quelque nature qu'elle puisse être, ni à qui que ce soit, et qu'elle ne pourra conférer d'autre charge que celle de Colonel.

4. Que lorsque la nécessité requerra la présence de la Princesse dans le Conseil, elle n'y aura que deux voix, qu'on lui donne en considération de la dignité suprême, et pour décider lorsque les opinions dans le Conseil seront différentes ou égales.

5. Qu'elle ne pourra jamais changer les membres du Conseil, ni en élire de nouveaux pour les places vacantes.

6. Qu'elle ne pourra jamais rechercher les comptes, ni autres affaires qui se font dans le Conseil, et que quand elle viendra à les savoir, elle ne pourra les annuler, empêcher ni rompre.

7. Qu'elle n'aura autre chose à faire qu'á confirmer ce que le Conseil lui présentera.

Этотъ текстъ по грубости своей формы не могъ быть представленъ для подписи императрицѣ. Но замѣчательны здѣсь 1-й и 2-й пункты, которые наводятъ на мысль, что можетъ-быть имѣлось въ виду при кончинѣ императрицы предложить ея наслѣднику еще новыя ограниченія.

b) По депешѣ 2 февр.

1. L'Impératrice aura une somme fixe pour les dépenses de sa maison, et elle n'aura que le commendement de la garde qui sera de service à son palais.

2. Il y aura un Conseil Suprême, composé de douze des membres les plus considérables de la noblesse qui réglera toutes les affaires de grande importance, telles que la paix, la guerre et les alliances. On nommera un trésorier qui rendra compte au Conseil Suprême de l'emploi qu'il aura fait des déniers de l'Etat.

3. Il y aura un Sénat de 36 membres qui examinera les affaires avant qu'elles soient portées devant le Conseil Suprême.

4. Il y aura une Assemblée de 200 personnes, de la petite noblesse pour maintenir les droits de cette classe dans le cas, où le Conseil Suprême voudrait y porter atteinte.

5. Il y aura nne Assembée de gentilshommes et de négotians qui veilleront à ce que le peuple ne soit pas opprimé.

VII. Qu'elle ne pourrait se marier, ne se choisir un successeur sans demander sur tous ces points l'agrément du Haut-Conseil.

Условія эти должны были отвезти въ Митаву генералъ Леонтьевъ, князь Михаилъ (меньшій) Голицынъ, братъ фельдмаршала, и князь Василій Лукичъ Долгоруковъ, и предложить ихъ къ подписи избранной императрицѣ (1). Верховный совѣтъ въ то же засѣданіе начерталъ и инструкцію этимъ тремъ

Этотъ текстъ, можетъ-быть самый замѣчательный, кажется менѣе всѣхъ прочихъ вѣроятенъ, ибо онъ совершенно противорѣчитъ видамъ исключительнаго господства верховнаго совѣта; скорѣе можно думать, что это одинъ изъ проектовъ, представленныхъ совѣту, о коихъ будетъ скоро упомянуто, или крайняя уступка, которую въ послѣдствіи сдѣлалъ верховный совѣтъ настойчивымъ требованіямъ шляхетства.

c) Текстъ, приводимый дюкомъ де-Лиріа въ его запискахъ сходенъ съ Манштейновымъ, кромѣ слѣдующихъ, прибавленныхъ у перваго, пунктовъ:

Que le grand Conseil sera composé de 8 membres qui gouverneront la monarchie.

Que la Czarine ne pourra pas donner un emploi quelquonque qui soit audélá du grade de Colonel.

Que les gardes et l'armée entière dépanderaient du grand Conseil.

Que la Czarine ne pourrait donner aucun emploi de la cour, soit à un Russe soit à quelque etranger, sans avoir préalablement consulté le grand Conseil.

d) По депешѣ саксонскаго резидента Лефорта отъ 2 марта (21 февраля):

1. Nicht zu heirathen und keinen Nachfolger zu ernennen.

2. Der hohe Rath soll aus nur acht Personen bestehen.

3. Keinen Krieg anzufangen und keinen Frieden zu schliessen.

4. Keine Stelle, bis auf den Obersten herab, ohne vorhergegangene Betrachtung zu vergeben. Dasselbe soll auch von den Hofbedienungen gelten, mögen sie nun Russen oder Ausländer übertragen werden.

5. Keine Güter zu verschenken und kein Geld aus der Staatskasse zu nehmen.

6. Die Garde und die Armee sollen unter dem hohen Conseil stehen.

7. Der Adel soll ohne rechtliches Erkenntniss weder seiner Güter entsetzt noch in seiner Ehre gekränkt werden.

8. Das Volk mit keinen neuen Auflagen zu belasten und alles was zum besten des Volks gereiche, genehm zu halten. «Und wenn ich nach abgeschriebenen Punkten nicht thue, so werde ich verlustig der russischen Krone.»

(1) Нѣкоторые источники приписываютъ этой депутаціи *представитель-*

депутатамъ, въ которой между прочимъ предписывалось просить государыню не брать съ собою ея камергера Бирона, уже извѣстнаго Россіи (1). Депутаты эти отправились изъ Москвы ввечеру 19 января (2).

Ни отправленіе ихъ, ни самая цѣль ихъ поѣздки не остались однакожь, какъ желалъ верховный совѣтъ, тайною; уже на другой день французскій резидентъ доносилъ своему двору объ избраніи Анны Іоанновны и о нѣкоторыхъ предложенныхъ ей условіяхъ, клонящихся къ ограниченію власти, прибавляя при этомъ слѣдующія замѣчательныя слова: «эти ограниченія даютъ поводъ сомнѣваться, приметъ ли герцогиня курляндская свое избраніе; вѣроятно впрочемъ, что великая прелесть властвованія и надежда сбросить когда-нибудь наложенное на нее иго склонятъ ее принять престолъ, который достался ей случайнымъ счастіемъ...»

И по Москвѣ, въ кругу по крайней мѣрѣ высшихъ сановниковъ, не замедлила распространиться тайная цѣль поѣздки Долгорукова съ товарищами. Далеко не всѣ раздѣляли образъ мыслей верховнаго совѣта, и всѣ безъ сомнѣнія находили, что онъ взялъ на себя слишкомъ много, задумавъ одною своею властію измѣнить форму правленія. Въ числѣ недовольныхъ былъ Ягужинскій, весьма вѣроятно узнавшій отъ своего тестя, Головкина, о распоряженіи верховнаго совѣта, котораго сей послѣдній, по своимъ понятіямъ, не одобрялъ, но которому по слабости характера не отважился явно противодѣйствовать. Ягужинскій былъ рѣшительнѣе стараго канцлера. Во время частыхъ пріѣздовъ вдовствующей герцогини курляндской въ

ный характеръ, говоря, что Долгоруковъ былъ депутатомъ отъ верховнаго совѣта, Голицынъ отъ сената, а Леонтьевъ отъ войска (по мнѣнію дюка де-Лиріа, генералитета по показанію Лефорта, или дворянства по извѣстію Манштейна). Не возможно приписывать такое значеніе этой депутаціи; во всемъ этомъ дѣлѣ главнѣйшую и, можно сказать, единственную роль игралъ верховный совѣтъ; въ его чрезвычайномъ засѣданіи, какъ видно изъ протокола этого засѣданія, было рѣшено отправленіе этой депутаціи такъ же какъ и цѣль ея отправленія.

(1) Эта инструкція тоже не сохранилась; что она была, это видно изъ собственноручной записки кн. В. Л. Долгорукова, имѣющейся въ Моск. Арх. Иностр. Дѣлъ. (См. *Выписки Малиновскаго.*) Касательно того, чтобъ Бирона не допускать въ Россію, почти всѣ современныя свидѣтельства согласны, а какъ о томъ не упомянуто въ *условіяхъ*, то вѣроятно это поручено особою инструкціею попеченіямъ депутатовъ.

(2) *Gesch. d. Russ. St.* 539.

Россію, онъ, какъ одинъ изъ приближеннѣйшихъ лицъ при Петрѣ I и его преемникахъ, былъ лично извѣстенъ ей, а потому, не медля ни мало, написалъ ей письмо, въ которомъ изъяснялъ, что желаніе верховнаго совѣта объ ограниченіи ея власти вовсе не есть желаніе всей Россіи; но совѣтовалъ подписать условія, которыя будутъ ей предложены княземъ Долгоруковымъ, съ тѣмъ, что по прибытіи ея въ Москву, когда обнаружится истинный образъ мыслей русскаго народа, она можетъ эти условія, какъ не соотвѣтствующія желанію большинства, уничтожить. Письмо это было поручено человѣку, къ которому онъ имѣлъ полную довѣренность, Сумарокову, состоявшему нѣкогда при дворѣ герцогини голштинской (1), который немедленно и отправился въ Митаву.

Есть извѣстія, что подобные гонцы были посланы къ новоизбранной императрицѣ не отъ одного Ягужинскаго: въ самомъ дѣлѣ нельзя было найдти болѣе благопріятнаго случая выразить свое усердіе къ ея интересамъ и напомнить о себѣ. Такъ резидентъ курляндскій, баронъ Левенвольдъ, пріятель Остермана въ Петербургѣ и Бирона въ Митавѣ, довелъ до свѣдѣнія императрицы о ея избраніи, какъ полагаютъ, еще прежде прибытія московскихъ депутатовъ (2). Такъ нѣкоторые думаютъ, что и дальновидный архіепископъ Ѳеофанъ отправилъ отъ себя гонца въ Митаву, съ поздравленіемъ и предложеніемъ своего содѣйствія, если государыня пожелаетъ возвратить права самодержавія (3).

---

(1) *Gesch. d. Russ. St.* 541.

(2) *Словарь достоп. людей,* Бантышъ-Каменскаго. Т. III.

(3) *Словарь духовныхъ писателей.* Догадка эта подтверждается еще привѣтственною рѣчью, произнесенною Ѳеофаномъ, по воспріятіи императрицею самодержавія; онъ говоритъ между прочимъ: «Въ такомъ же всенародномъ благополучіи и персональное во мнѣ самомъ обрѣтается блаженство, когда кого (*того?*) *вижду* и *поздравляю* на всероссійскомъ престолѣ, *отъ котораго многократнымъ благосклонности изъявленіемъ* (хотя кромѣ всякихъ заслугъ моихъ) *и прежде уже обрадованъ былъ.*» Подчеркнутыя слова этой рѣчи, напечатанной въ № 20 *Санктпетербургскихъ Вѣдомостей* 1730 г., ясно говорятъ, по крайней мѣрѣ, о томъ, что Ѳеофанъ былъ въ числѣ друзей герцогини курляндской. Въ рѣчи этой есть еще другое замѣчательное мѣсто: распространившись о бѣдствіяхъ, которыя нѣкогда переносила императрица, о потерѣ супруга, родителей и проч., лукавый и не слишкомъ смиренномудрый пастырь говоритъ: «что вспомянуть ужасно, сверхъ многихъ непріятныхъ приключеній *отъ неблагодарнаго раба* и *весьма безбожнаго*

Ни объ одномъ изъ двухъ послѣднихъ лицъ нѣтъ доказательствъ неоспоримыхъ; но по смыслу записокъ, оставленныхъ Прокоповичемъ о настоящей эпохѣ, можно заключить, что онъ коротко зналъ все, что̀ дѣлалось около него, и не оставался спокойнымъ зрителемъ; что̀ же касается до Левенвольда, то извѣщать герцогиню о всемъ, до нея касающемся, было прямою его обязанностію; при томъ дѣйствія ея, въ эти чрезвычайно важныя и совершенно необычайныя минуты, были такъ спокойны, основательны, что трудно допустить мысль, чтобы предложеніе князя Долгорукова съ товарищами застало ее совершенно врасплохъ.

Между тѣмъ три отправленные къ ней депутата «на частныхъ подводахъ, казалось, говоритъ Ѳеофанъ, летѣли паче, чѣмъ ѣхали.» Дѣйствительно они прибыли въ Митаву, по тогдашнему состоянію дорогъ и почтъ, очень скоро, въ 7 часу вечера 25 января (1), и въ тотъ же день были допущены во дворецъ, гдѣ донесли Аннѣ Іоановнѣ о кончинѣ государя, о ея избраніи, и наконецъ представили ей начертанныя верховнымъ совѣтомъ «кондиціи». Новая императрица, выразивъ свое огорченіе о неожиданной смерти племянника, приказала прочесть тѣ кондиціи и подписа̀ла собственноручно: «По сему обѣщаюсь все безъ всякаго изъятія содержать.» Обо всемъ этомъ спѣшилъ донести верховному совѣту В. Л. Долгоруковъ.

Донесеніе его, полученное изъ Митавы, сняло съ сердца *верховниковъ* тяжкое бремя. Въ самомъ дѣлѣ, неслыханное совершалось въ это время! Больше недѣли прошло послѣ смерти государя, а въ церквахъ продолжали молиться о его здравіи; всѣ знали о его кончинѣ, а между тѣмъ о ней формально не было еще объявлено!... Не было бы ничего удивительнаго, еслибы при такомъ положеніи дѣлъ произошли смуты и важные безпорядки.

Но наконецъ узелъ этотъ развязывался. Анна Іоанновна приняла престолъ, вмѣстѣ съ предложенными ей условіями; основаніе любимой мысли князя Д. Голицына утверждено, значе-

---

злодѣя, страхъ, тѣсноту и неслыханное гоненіе претерпѣвшую...» Кого онъ отдѣлываетъ? кто этотъ *неблагодарный рабъ?* Не Меншиковъ ли, который во время своихъ притязаній на курляндскую корону точно много огорчалъ герцогиню? Можно бы впрочемъ, кажется, оставить его въ покоѣ посреди березовскихъ снѣговъ.

(1) ***Выписка изъ Управленія*** и пр.

ніе верховнаго совѣта на вѣки упрочено на высотѣ недосягаемой!... Ѳеофанъ Прокоповичъ говоритъ, что лица не только верховниковъ, но и слугъ ихъ сіяли радостію! Имъ однако нужно было имѣть эту драгоцѣнную подпись, чтобы видѣть ее собственными глазами и показать ее всенародно. И это желаніе ихъ не замедлило исполниться: 1 февраля (1) генералъ Леонтьевъ привезъ подписанныя государынею кондиціи и рескриптъ отъ 28 января, въ которомъ она, увѣдомляя верховный совѣтъ о принятіи ею престола, писала между прочимъ: «А понеже къ тому моему намѣренію потребны благіе совѣты, какъ и во всѣхъ государствахъ чинится, того для, предъ вступленіемъ моимъ на россійскій престолъ, по здравомъ разсужденіи, изобрѣли мы за потребно для пользы Россійскаго государства и къ удовольствованію вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, дабы всякъ могъ ясно видѣть горячность и правое наше намѣреніе, которое мы имѣемъ къ отечеству нашему и вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, и для того, елико время насъ допустило, написавъ какими способы мы то правленіе вести хощемъ и подписавъ нашею рукою, послали въ верховный тайный совѣтъ, а сами сего мѣсяца въ 29 день конечно изъ Митавы къ Москвѣ, для вступленія на престолъ, пойдемъ.»

Такимъ образомъ императрица умалчивала о томъ, что измѣненіе формы правленія было ей предложено какъ необходимое условіе ея избранія, и принимала на себя иниціативу этого рѣшенія. Это было совершенно въ духѣ тайныхъ желаній совѣта. Но посреди его торжества было обстоятельство, долженствовавшее непріятно поразить его: князь Долгоруковъ отъ того же 28 января между прочимъ писалъ: «увѣдали мы, что вчерашняго числа (то-есть 27 января) пріѣхалъ въ Митаву съ Москвы Петръ Спиридоновъ г. Сумароковъ и живетъ здѣсь тайно. А понеже при отъѣздѣ нашемъ съ Москвы не только проѣзжіе, и почты всѣ удержаны, того для, мы его Сумарокова нашедъ, допрашивали и тѣ разспросныя рѣчи за его рукою, и найденныя у него письма, и его, Сумарокова, оковавъ послали...»

Утромъ 2 февраля отъ верховнаго совѣта были разосланы повѣстки, которыми знатное духовенство, генералитетъ и шляхет-

---

(1) *Зап. Дюка де-Лиріа*, 78. Донесеніе это было получено вѣроятно вечеромъ или ночью 1 февраля, потому что оно вскрыто въ засѣданіи совѣта 2 февраля, а повѣстки, говоритъ Ѳеофанъ, были разосланы о чрезвычайномъ собраніи, назначенномъ на 3 число. Оно показано у герцога де-Лиріа бывшимъ 2 числа ошибочно.

ство приглашались въ чрезвычайное собраніе, назначенное на слѣдующій день. Здѣсь былъ прочтенъ рескриптъ императрицы, потомъ подписанныя ею кондиціи. Князь Д. Голицынъ, по окончаніи чтенія, выразивъ надежду, что «отселѣ счастливая и цвѣтущая Россія будетъ» (1), объявилъ ,что каждый имѣетъ право изложить свое мнѣніе о настоящемъ дѣлѣ... Никто, какъ и можно было ожидать, не откликнулся на этотъ вызовъ, ни одобрительно, ни съ порицаніемъ, хотя рѣчь однакожь шла о дѣлѣ необъятной важности ; только изъ безмолвной толпы произнесъ кто-то, пишетъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, тихимъ голосомъ: «не вѣдаю, да и весьма чуждуся, отчего на мысль пришло государынѣ такъ писать?..» Этотъ тихій вопросъ былъ сдѣланъ весьма мѣтко: въ самомъ дѣлѣ, по собственному ли побужденію императрица отказалась отъ нѣкоторой доли власти, какъ представлялось это изъ прочитаннаго ея рескрипта, или была она къ этому наклонена верховнымъ совѣтомъ, какъ носились слухи?.. Въ этомъ состоялъ весь вопросъ; но это скромно выраженное сомнѣніе осталось и безъ отголоска и безъ отвѣта. Только князь Дмитрій Голицынъ повторялъ «до сытости» о великой милости, оказанной нынѣ государынею, и сочлены его «остро глазами посматривали» посреди безмолвнаго и повидимому безстрастнаго собранія.

Но каждый народъ имѣетъ свой складъ ума и свой характеръ, развитый природою или историческимъ воспитаніемъ: Россія не оставалась въ этомъ дѣлѣ равнодушною, какъ можно было бы подумать по зрѣлищу, представляемому этимъ собраніемъ, и выразила свое мнѣніе, какъ увидимъ въ послѣдствіи, хотя иначе, нежели выразило бы его подобное собраніе въ Англіи или Франціи. Князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій попросилъ времени, чтобы поразмыслить о всемъ происходившемъ. Духовенство напомнило, что пора наконецъ совершить благодарственное молебствіе. На то и на другое было верховнымъ совѣтомъ дано согласіе, и на этомъ первомъ богослуженіи діаконъ возгласилъ государыню «съ полнымъ монаршимъ титуломъ», съ самодержавіемъ, и такія же титулованія были разосланы во всѣ концы Россіи (2), а на слѣдующій день былъ отъ верховнаго совѣта обнародованъ манифестъ о кончинѣ императора Петра II, о *из-*

---

(1) *Описаніе кончины* и пр. Ѳеоф. Прокоповича.

(2) *Описаніе кончины* и пр. Ѳеоф. Прокоповича. Форма титулованія разослана 9 февраля (см. *Полн. Собр. Зак.* т. VIII, № 5501.); въ немъ

браніи Анны Іоанновны на царство «общимъ желаніемъ и согласіемъ всего народа» и о принятіи ею короны (1). Объ «условіяхъ» не было вовсе упомянуто.

Но еще до выхода изъ собранія произошелъ эпизодъ, не всѣми замѣченный. Когда статьи, подписанныя императрицею, были прочтены, князь Дмитрій Голицынъ обратился къ Ягужинскому и, подавая оныя, предложилъ ему прочесть ихъ и сказать свое мнѣніе. Ягужинскій смутился; Голицынъ тогда подозвалъ къ себѣ кабинетъ-секретаря Степанова и приказалъ ему «переговорить съ генераломъ яснѣе». Оба вышли въ другую комнату, куда черезъ нѣсколько минутъ явился фельдмаршалъ Долгоруковъ и арестовалъ Ягужинскаго (2).

Въ тотъ же вечеръ было арестовано еще слишкомъ 30 человѣкъ, а черезъ два дня Ягужинскаго разжаловали и лишили андреевскаго ордена, Леонтьева же произвели въ генералъ-лейтенанты, что̀, какъ справедливо замѣчаетъ французскій резидентъ, въ своей депешѣ отъ $^{18}/_{7}$ февраля, было дѣломъ весьма многозначительнымъ со стороны верховнаго совѣта.

Обстоятельство о письмѣ Ягужинскаго и поѣздкѣ Сумарокова въ Митаву не могло не обезпокоить сильно членовъ верховнаго совѣта. Ягужинскій былъ зять графа Головкина. Конечно, несправедливо было бы одного ставить въ отвѣтственность за дѣйствія другаго, но трудно было и не предположить между ними соглашенія. Притомъ не взирая на всегдашнее согласіе канцлера съ сильнѣйшимъ голосомъ, онъ съ самой кончины государя постоянно казался озабоченнымъ, смущеннымъ, и далеко не такъ, какъ Долгоруковы и Голицыны, былъ обрадованъ подписаніемъ условій императрицею. Упорная болѣзнь Остермана тоже не предвѣщала добраго; она была слишкомъ похожа на намѣренное уклоненіе отъ участія въ дѣлахъ, на явное неодобреніе, а неодобреніе такого человѣка, какъ Остерманъ, не могло не имѣть большой важности.

Но еще важнѣе были мнѣнія, которыя начали мало-по-малу высказываться въ разныхъ слояхъ русскаго общества. Задолго до формальнаго объявленія верховнымъ совѣтомъ (3 февр.)

императрица именуется «самодержицею»; но уже отъ 5 числа было указано именовать ее въ церковномъ служеніи и въ просьбахъ на высочайшее имя такимъ же титуломъ, какъ было при императрицѣ Екатеринѣ. (См. тамъ же, № 5500.)

(1) *Зап. Д. де-Лиріа* 78 *Gesch. d. Russ. St.* 541.

(2) *Полн. Собр. Зак.* № 5499.

о подписаніи императрицею условій, слухъ о нихъ распространился въ публикѣ (1), и это извѣстіе было встрѣчено не только безъ сочувствія, но съ весьма-замѣтнымъ неодобреніемъ. Всѣ современныя свидѣтельства въ томъ единогласны; не говоря о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, который можетъ быть заподозрѣнъ, мы ссылаемся на иностранныхъ посланниковъ, которые, не принимая непосредственнаго участія, могли писать только то, что̀ видѣли и слышали. Маньянъ писалъ 6 февр. (26 янв.): «Учрежденіе такого правительства не можетъ нравиться мелкому дворянству, которое очень многочисленно.» $^{13}/_{2}$ февраля онъ же писалъ: «Многіе изъ числа мелкаго дворянства, у котораго это нововведеніе должно отнять всякое значеніе, дали, говорятъ, почувствовать подъ рукою, что когда дойдетъ дѣло до присяги, то могутъ пройзоидти затрудненія, которыхъ не ожидаютъ.» Англійскій резидентъ еще болѣе опредѣленнымъ образомъ указываетъ на самыя причины неудовольствія шляхетства: «они лучше желаютъ, говоритъ онъ, имѣть одного господина, нежели нѣсколькихъ». Совершенно ту же мысль выражалъ много лѣтъ спустя, говоря объ этихъ событіяхъ, князь Щербатовъ, исторіографъ (2).

Эта мысль, такъ вѣрно схваченная мистеромъ Рондо, была въ устахъ рѣшительно всѣхъ, даже и тѣхъ, которые въ нѣкоторыхъ основаніяхъ были не далеки отъ идей верховнаго совѣта. Не далѣе какъ 4 февраля подана была совѣту записка за подписью 290 человѣкъ, между которыми насчитывалось много людей значительныхъ, а именно: Салтыковъ, родственникъ императрицы по ея матери; сынъ адмирала Апраксина; двое молодыхъ графовъ Головкиныхъ; одинъ изъ Лопухиныхъ (Степанъ), двоюродный братъ царицы Евдокіи; князья Алексѣй Михайловичъ Черкасскій (въ послѣдствіи канцлеръ), Никита Трубецкой, въ послѣдствіи генералъ-прокуроръ и фельдмаршалъ, Юсуповъ, Барятинскій, Шаховской и Вяземскій; президенты или члены коллегій: Макаровъ, Плещеевъ, Чернышевъ, Новосильцевъ, Ушаковъ, Измайловъ (3). Въ этой запискѣ были подвергнуты анализу не только настоящія обстоятельства, но и самыя основанія

---

(1) *Описаніе кончины* и пр., Ѳеоф. Прокоповича.

(2) *О поврежд. нравовъ.*

(3) Записку эту мы имѣли случай получить въ старинной современной копіи. Она и есть вѣроятно та самая, о которой говоритъ Дюкъ де-Лиріа (стр. 80): «февраля $^{15}/_{4}$ князь Черкасскій, вслѣдствіе дозволе-

государственныхъ учрежденій. Опровергая порядокъ, употребленный въ настоящемъ случаѣ верховнымъ совѣтомъ, въ ней говорится: «По закону естественному, избраніе должно быть согласіемъ всѣхъ подданныхъ: нѣкоторыхъ персонально, другихъ черезъ повѣренныхъ, а не четыремъ или пяти человѣкамъ.» Но какъ ни неправильно произведено это избраніе, оно «оставляется въ молчаніи, потому что народъ персоною ея величества доволенъ и никто не споритъ. Токмо сіе должно протестовать для предка, и сочинить на такой нечаянный случай законъ.» Вторымъ обвинительнымъ пунктомъ противъ членовъ верховнаго совѣта постановляется то, «что они дерзнули собою единовластительство отставить, а ввести аристократію,» скрывая, какія средства были употреблены для склоненія государыни къ подписи условій, и представляя, какъ будто это произошло по собственному побужденію ея величества. Такими дѣйствіями своими они, говорится далѣе, «самовольно власть себѣ похитили, выключа достоинства и преимущество всего шляхетства и другихъ становъ.» Затѣмъ составители записки обращаются къ изслѣдованію нѣкоторыхъ основныхъ вопросовъ: «по кончинѣ государя безнаслѣдственнаго имѣетъ ли кто надъ народомъ власть законодательствовать?» Вопросъ этотъ разрѣшается отрицательно, при чемъ объясняется, что какъ никакой законъ у насъ безъ согласія и подписи государевой не можетъ имѣть силы, то естественно, что во время междуцарствія никто не имѣетъ права перемѣнять существующіе законы, равно какъ обнародовать новые. «Притомъ же, говорится далѣе, къ перемѣненію правительства никакой нужды ни пользы нѣтъ, развѣ великій вредъ». Въ самомъ, дѣлѣ какую же изъ извѣстныхъ формъ правленія имѣлъ въ виду приложить верховный совѣтъ? Какая изъ нихъ можетъ соотвѣтствовать Россіи? Демократія, которая можетъ быть допущена въ «единственныхъ градѣхъ»,

---

нія, даннаго въ собраніи $^{13}/_{2}$ (1), подалъ верховному совѣту мнѣніе, подписанное слишкомъ 390 человѣками». Разность въ числѣ подписей можно тоже кажется почесть слѣдствіемъ ошибки. Сколько намъ извѣстно, ни на эту записку или мнѣніе, представленное совѣту, ни на возраженіе на него, сдѣланное верховнымъ совѣтомъ, никто изъ писавшихъ о сей эпохѣ не дѣлалъ ссылки, и кажется, что этотъ первый образчикъ политическихъ воззрѣній нѣкоторыхъ людей того времени вообще мало кому извѣстенъ.

(1) Мы уже указывали на эту ошибку Дюка де-Лиріа: не $^{13}/_{2}$, а $^{14}/_{3}$ было чрезвычайное собраніе.

неудобна въ обширныхъ государствахъ. «Въ областяхъ, хотя изъ нѣсколькихъ городовъ состоящихъ, но отъ нападеній непріятельскихъ безопасныхъ, какъ-то на островахъ, можетъ аристократическое быть полезно, а особливо если народъ ученіемъ просвѣщенъ и законы хранить безъ принужденія прилежитъ». Напротивъ того «великія и пространныя государства... особливо гдѣ народъ недовольно ученіемъ просвѣщенъ, и за страхъ, а не изъ благонравія, или познанія пользы и вреда, законъ хранитъ», въ такихъ государствахъ, говоритъ записка, потребно единовластіе, что̀ и подтверждаетъ примѣромъ Франціи, Испаніи и др., и наконецъ Римской республики, которая въ затруднительныхъ случаяхъ избирала диктаторовъ. Не довольствуясь этимъ, записка вдается въ изслѣдованіе самаго свойства всѣхъ формъ правленія: демократію отвергаетъ, какъ непримѣнимую по пространству Россіи, а потомъ сопоставляетъ свойства чистой монархіи съ аристократическимъ правленіемъ и находитъ, что Россія испытала ту и другую, что при государяхъ самодержавныхъ отъ Рюрика до Мстислава мы были грозны для сосѣдей, распространили свои границы, что и «науками народъ довольно просвѣщенъ былъ и торгами... довольно обогатился». Но «какъ скоро великіе князи дѣтей своихъ стали ровно дѣлить, и оные удѣльные, не повинуяся великимъ князьямъ, ввели аристократію», тогда наступила година бѣдствій, которая прекратилась со вступленіемъ на престолъ Іоанна III. Прослѣдя столь же оригинальнымъ воззрѣніемъ и дальнѣйшую исторію Россіи, записка восклицаетъ: «Не видѣли ль мы, какъ при самовластномъ (то-есть самодержавномъ), но молодомъ *и отъ правленія внутренняго удалившемся* (??) монархѣ, велику власть имѣющіе Мазепа дѣйствительно, а Гагаринъ намѣреніемъ подданства отложиться дерзнули?»

Результатомъ всѣхъ этихъ и многихъ другихъ соображеній, записка, представленная верховному совѣту, полагаетъ, что для Россіи пригодна одна только форма правленія—чистая монархія; однакожь какъ государыня императрица «есть персона женская, потребно нѣчто для помощи ея величеству учредить, а именно: 1) совѣтъ или сенатъ изъ 21 члена, которому оставляются атрибуты нынѣшняго верховнаго совѣта; 2) другое правительственное мѣсто для завѣдыванія дѣлами «внутренней экономіи» изъ 100 человѣкъ, которыхъ одна только треть попеременно присутствовала бы, а въ полномъ составѣ собиралась бы только въ концѣ года, или для разрѣшенія дѣлъ необыкновенной важ-

ности; 3) опредѣлять на важнѣйшія должности лицъ по избранію этихъ двухъ высшихъ правительственныхъ мѣстъ совокупно съ членами коллегій, баллотированіемъ, при чемъ трехъ кандидатовъ, получившихъ наибольшее число балловъ, представлять на утвержденіе государыни; 4) высочайшія предположенія касательно изданія новыхъ законовъ посылать во всѣ коллегіи на предварительное обсужденіе, ибо, сказано въ запискѣ, «Петръ Великій, хотя и мудрый государь былъ, но въ своихъ законахъ многое усмотрѣлъ, что̀ перемѣнить нужно; того ради лучше оное прежде изданія разсматривать, нежели издавъ перемѣнять, что съ честію монарха не согласуетъ»; 5) постановить, чтобъ въ высшихъ правительственныхъ мѣстахъ не находилось нѣсколько лицъ одной фамиліи; 6) въ тайной канцеляріи, независимо отъ лица, постановленнаго отъ правительства, быть двумъ отъ сената, «чтобъ смотрѣли на справедливость»; 7) пріискать лучшій противъ нынѣшняго способъ производства въ чины, устроить во всѣхъ городахъ училища, положить сроки военной и гражданской обязательной службы; отдѣлить природное шляхетство отъ выслужившагося; 8) распредѣлить съ большею равномѣрностію доходы духовенства, для того чтобы деревенскіе священники могли имѣть средства воспитывать своихъ дѣтей; 9) обратить вниманіе на улучшеніе состоянія купечества и промышленности; наконецъ 10) «пункты о наслѣдствѣ отставить, а сочинить о томъ достаточный законъ на основаніи уложенія».

Записка эта, странная во многихъ отношеніяхъ, въ нѣкоторыхъ замѣчательная, представлена была совѣту, согласно данному на то разрѣшенію въ собраніи 3-го февраля; она не измѣнила однакожь мнѣнія верховнаго совѣта, который желалъ ограниченія власти, но не собственной, и отвѣтствовалъ, что ему «надлежитъ все учрежденное учинить, не требуя ничьего совѣта», мнѣніе, которое подписали, кромѣ членовъ совѣта, ихъ друзья и единомышленники, всего 97 (1) человѣкъ.

Между тѣмъ мнѣніе общественное, какъ оно ни слабо было тогда, съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе выражалось противъ властолюбія и превышенія власти совѣта. Вслѣдъ за запискою, которой извлеченіе мы предъ симъ

(1) Въ числѣ этихъ 97 человѣкъ подписался одинъ изъ подписавшихъ «Произвольное разсужденіе...», а именно Иванъ Колтовской, противъ котораго въ имѣющейся современной копіи отмѣчено: «сей въ обоихъ»

представили, подана была другая—генераломъ Матюшкинымъ, потомъ еще третья—княземъ Куракинымъ (1); умы расшевелились, воображенія разыгрались; одни предлагали копію англійскихъ учрежденій, другіе шведскихъ, нѣкоторые даже польскихъ: «безконечное множество мелкихъ партій и подраздѣленій образуется ежедневно», пишетъ французскій резидентъ въ депешѣ отъ $^{13}/_{2}$ февраля. Были и такіе, которые, не довольствуясь письменными протестами, предлагали напасть на верховниковъ вооруженною рукою и перебить ихъ (2).

Все это раздражало членовъ верховнаго совѣта, которые, съ своей стороны, принимали мѣры къ собственной защитѣ, угрожали своимъ противникамъ и хватали тѣхъ, которые наиболѣе шумѣли, такъ что многіе, говоритъ преосвященный Ѳеофанъ, боялись дома ночевать и переходили изъ одного дома въ другой.

Но эти утѣснительныя мѣры не могли, конечно, внушить верховному совѣту большой довѣренности къ собственнымъ силамъ. Онъ, кажется, не находилъ въ самомъ себѣ и тѣхъ средствъ, которыя нужны, чтобъ обработать во всѣхъ подробностяхъ планъ преобразованія, набросанный имъ лишь въ общихъ чертахъ. Ни одинъ изъ Долгоруковыхъ, не исключая Василія Лукича, который впрочемъ былъ въ отсутствіи, не имѣлъ для этого надлежащихъ способностей и познаній; фельдмаршалъ Василій Владиміровичъ пользовался большимъ уваженіемъ, но болѣе за правдивый свой характеръ и военныя заслуги, нежели какъ государственный человѣкъ. Остерманъ упрямо сидѣлъ дома, хотя никто не вѣрилъ его болѣзни (3), и уклонялся рѣшительно отъ всякаго участія во всемъ происходившемъ. Головкинъ не хотѣлъ, да едва ли и въ состояніи былъ содѣйствовать въ этомъ случаѣ; фельдмаршалъ Голицынъ, храбрый воинъ и уваженія достойный человѣкъ, не имѣлъ государственнаго

---

(1) *Зап. Д. де-Лир.*, 80. Обѣ эти записки имѣли не много подписей. Въ сочиненіи Германа *Geschichte d. Russ. Staats*, названъ вмѣсто Куракина Долгоруковъ: это, очевидно, ошибка. Что же касается до записки, находящейся во французскомъ старинномъ переводѣ въ приложеніи къ Т. IV названнаго сочиненія, то она имѣетъ много сходства съ разсмотрѣнною нами, но менѣе любопытна, и можетъ-быть есть одна изъ поданныхъ Матюшкинымъ или Куракинымъ.

(2) *Описаніе кончины* и пр. Ѳеоф. Прокоповича.

(3) Депеша Маньяна 9 марта (29 февр.) 1730... le feldmaréchal Golitzine, étant allé rendre visite, il y a quelque temps, à Mr. Osterman qu'il croyait fort malade, et ayant été scandalisé de trouver le contraire...

ума. Оставался одинъ кн. Дмитрій Голицынъ, который и принужденъ былъ принять на себя всю эту огромную и трудную работу (1). Онъ почувствовалъ необходимость сблизиться съ важнѣйшими изъ лицъ, раздѣлявшихъ нѣкоторыя мнѣнія верховнаго совѣта, сдѣлать нѣкоторыя уступки ихъ требованіямъ; совѣтовался съ княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ Черкасскимъ, которому огромное состояніе и связи его съ Трубецкими, Нарышкиными и Салтыковыми давали большое значеніе (2). Но сближеніе это было не искренне: основаніемъ политическихъ убѣжденій Голицына были понятія исключительной аристократіи и рѣшительная непріязнь къ иностранцамъ; Черкасскій напротивъ, принадлежа по лѣтамъ своимъ къ поколѣнію, взросшему посреди вызванныхъ Петромъ иностранцевъ, не чувствовалъ къ нимъ отвращенія, а относительно формы правленія онъ былъ почитатель чистой монархіи, и записка, которую онъ представилъ верховному совѣту, выражала только крайнюю уступку, которую онъ дѣлалъ, не зная еще, какія тенденціи обнаружитъ императрица по своемъ прибытіи въ Москву, или даже, какъ полагаютъ нѣкоторые, просто была мистификаціей, которою онъ желалъ выиграть время и забавить верховный совѣтъ (3).

Столько же неуспѣшны были попытки Голицына сблизиться и съ прочими значительными лицами непріязненныхъ ему партій; да и какое сближеніе могло произойдти между людьми, не имѣвшими по большей части никакихъ твердо-сложившихся принциповъ, никакихъ выработанныхъ мыслію и наблюденіемъ убѣжденій, но хорошо понимавшихъ, что они обратятся въ ничто, если въ верховномъ совѣтѣ сосредоточится все? Голицынъ встрѣтилъ весьма сильныхъ противниковъ въ лицѣ молодаго Кантемира и Вас. Ник. Татищева, людей умныхъ, просвѣщенныхъ, оставившихъ почетную память въ литературѣ, честолюбивыхъ и предпріимчивыхъ. Первый изъ нихъ безъ сомнѣнія имѣлъ не малое личное побужденіе дѣйствовать противъ человѣка, способствовавшаго къ отнятію у него наслѣдства, и имѣя при

(1) Депеша Маньяна 13/2 февр.

(2) Онъ былъ женатъ сперва на Нарышкиной, а во второмъ бракѣ на кн. Марьѣ Юрьевнѣ Трубецкой, которую Берхгольцъ называетъ красавицей, и которая въ послѣдующихъ происшествіяхъ играла значительную роль; сестра ея Прасковья Юрьевна была за Петромъ Семеновичемъ Салтыковымъ, въ послѣдствіи графомъ и фельдмаршаломъ.

(3) *Зап. Д. де-Лир.*, 80.

томъ виды на дочь князя Черкасскаго (1). Дни проходили, а работа князя Голицына не только не подвинулась, но, можно сказать, и не начиналась. Поэтому, въ то время, какъ одни приготовлялись въ скоромъ времени увидѣть огромныя перемѣны въ государствѣ, другіе напротивъ начинали сомнѣваться, чтобъ и то, что̀ казалось уже сдѣланнымъ, могло удержаться, чтобы «кондиціи» не были уничтожены, и чтобы все не пришло въ прежній порядокъ (2).

Между тѣмъ императрица прибыла 9-го февраля (3) въ село Всесвятское, принадлежавшее тогда князю Грузинскому, и остановилась тамъ, дабы отдохнуть передъ торжественнымъ вступленіемъ въ древнюю столицу и дать время похоронить прахъ покойнаго государя, что̀ и было утромъ 11 февраля совершено (4).

Немедленно по прибытіи императрицы были посланы для содержанія караула при ея особѣ батальйонъ Преображенскаго полка и отрядъ кавалергардовъ. Пригласивъ въ свои комнаты офицеровъ этихъ войскъ, она ласково ихъ привѣтствовала и возложила на себя званіе полковника Преображенскаго полка и капитана кавалергардовъ, что̀ произвело, пишетъ де-Лиріа, въ войскахъ необыкновенный восторгъ, а членамъ верховнаго совѣта, вовсе не ожидавшимъ подобнаго начала, было весьма непріятно. Тѣмъ не менѣе члены этого высшаго правительственнаго учрежденія, сенаторы, нѣсколько лицъ изъ высшаго духовенства и представители отъ генералитета, 14-го числа прибыли, чтобы привѣтствовать государыню и просить о назначеніи дня для торжественнаго вступленія въ Москву.

Князь Д. Голицынъ говорилъ отъ имени прибывшихъ съ нимъ особъ привѣтствіе, а графъ Головкинъ поднесъ орденъ

---

(1) Княжна Черкасская была одною изъ самыхъ богатыхъ невѣстъ того времени; сынъ фельдмаршала Шереметева, женясь на ней, положилъ основаніе колоссальному состоянію своей фамиліи. О видахъ кн. Кантемира упоминается Щербатовымъ.

(2) Рондо $^{26}/_{15}$ февр.

(3) День прибытія императрицы въ Всесвятское показывается не одинаково; мы руководствовались офиціяльнымъ извѣстіемъ, помѣщеннымъ въ № 14 и 15 *С.-Петербугскихъ Вѣдомостей* 1730 года

(4) Число это показано г-мъ де-Лиріа и въ примѣчаніяхъ (18), сдѣланныхъ Языковымъ къ переводу его *Записокъ;* наконецъ въ *С.-Петербугскихъ Вѣдомостяхъ* того времени (№ 14) показано то же число; непонятно почему названо 12 у преосв. Ѳеофана въ его *Описаніи кончины* и проч.

Св. Андрея (1), а на слѣдующее утро государыня вступила въ столицу съ необыкновеннымъ торжествомъ, при стеченіи всего народонаселенія, при звонѣ колоколовъ, звукахъ военной музыки и громѣ орудій. Князь В. Л. Долгоруковъ съ товарищами ѣхали верхомъ возлѣ императрицыной кареты: это былъ послѣдній ихъ тріумфъ!

Царевна Анна, сдѣлавшись герцогинею курляндскою, продолжала сохранять весьма близкія сношенія съ русскимъ дворомъ, при которомъ постоянно находился курляндскій резидентъ Левенвольдъ; въ Митавѣ проживалъ въ званіи гофмаршала вдовствующей герцогини русскій сановникъ Бестужевъ-Рюминъ (2), управлявшій удѣльными имѣніями герцогини и бывшій въ то же время нашимъ дипломатическимъ агентомъ. Анна Іоанновна нѣсколько разъ и сама бывала послѣ своего замужества въ Россіи, гдѣ, кромѣ лицъ царской фамиліи, она имѣла родственниковъ, по матери, въ родѣ Салтыковыхъ, Ромодановскихъ (3); наконецъ со многими придворными домами и правительственными лицами, въ особенности же съ Остерманомъ, она имѣла постоянную, довольно-дѣятельную переписку. Болѣе нежели вѣроятно поэтому, какъ уже выше было замѣчено, что Ягужинскій былъ не единственнымъ лицомъ, вошедшимъ съ нею въ непосредственныя тайныя сношенія въ эти столь важныя для нея минуты; и наконецъ есть положительныя извѣстія, что о расположеніи умовъ вообще и образѣ мыслей вліятельнѣйшихъ людей она имѣла вѣрныя свѣдѣнія; что имъ въ свою очередь были извѣстны ея истинныя намѣренія (4), и что всѣ ея дѣйствія въ первое время основаны были на этихъ данныхъ, можетъ-быть внушены тайными ея доброжелателями. Во всякомъ случаѣ эти дѣйствія были очень искусны: совершенно законны и между тѣмъ направлены къ ослабленію вліянія верховнаго совѣта и ободренію его противниковъ, не разоблачая однакожь цѣлей императрицы. Ласковый пріемъ, оказанный ею гвардейскимъ офицерамъ, и принятіе

---

(1) Манштейнъ говоритъ, что государыня, принимая орденскіе знаки, сказала: «правда, я забыла ихъ надѣть». *Забыть* надѣть первый орденскій знакъ и при подобномъ случаѣ, кажется, мудрено.

(2) Отецъ будущаго графа и канцлера императрицы Екатерины.

(3) Сестра царицы Прасковьи Ѳеодоровны, Анастасія, была за Иваномъ Ѳеодоровичемъ Ромодановскимъ *(Росс. Родосл. Книга)*.

(4) *О поврежденіи нравовъ.*

номинальнаго начальства надъ ними, произвели сильное впечатлѣніе, какъ это засвидѣтельствовалъ испанскій посланникъ; но тѣ, которымъ оно было не пріятно, не имѣли никакаго права жаловаться. Не болѣе были имъ пріятны и назначенія, сдѣланныя императрицею въ дамскій ея штатъ; это были: княгиня Черкасская, жена человѣка, котораго можно было считать главою оппозиціи; ея сестра Салтыкова, которой мужъ, подполковникъ гвардіи, имѣлъ вліяніе на гвардейскіе полки; жена генерала Чернышева, члена военной коллегіи, подписавшаго записку 4 февраля; наконецъ баронесса Остерманъ. Назначеніе этихъ дамъ было очевиднымъ одобреніемъ поведенію ихъ мужей (1), и открывало имъ средство войдти въ непосредственныя сношенія съ императрицею.

Верховный совѣтъ съ своей стороны принялъ мѣры, чтобъ устранить эти сношенія, такъ что доступъ къ императрицѣ всѣхъ тѣхъ, къ кому онъ не имѣлъ довѣренности, былъ крайне затруднителенъ; такъ напримѣръ, преосвященный Ѳеофанъ пишетъ, что въ Всесвятское нельзя было проникнуть иначе, даже тѣмъ, кто отправлялся туда съ офиціяльнымъ привѣтствіемъ, какъ получивъ паспорты отъ верховнаго совѣта, которые каждый лично долженъ былъ предъявить у городской заставы, и что во время аудіенціи князь Василій Лукичъ, находившійся неотлучно при императрицѣ, не спускалъ глазъ съ представлявшихся ей особъ и за всѣми ихъ движеніями «остро наблюдалъ», опасаясь, чтобъ не было сказано слова или передано записки, противныхъ видамъ верховнаго совѣта. Это всечасное соглядатайство не уменьшилось и въ Москвѣ. Долгоруковъ поселился въ кремлевскихъ палатахъ, и помимо его и безъ его присутствія никто не могъ видѣть императрицу.

Такимъ образомъ верховный совѣтъ, по мѣрѣ того какъ почва, такъ сказать, выскользала изъ-подъ его ногъ, видѣлъ себя принужденнымъ прибѣгать къ мѣрамъ насилія и беззаконія; онъ пошелъ еще далѣе по этому пути. Возникъ вопросъ о формѣ присяги, въ какомъ смыслѣ должно было составить ее? Всѣ члены совѣта соглашались, что о самодержавіи, за силою подписанныхъ въ Митавѣ статей, не должно было упоминать; но одни требовали, чтобъ обѣтъ вѣрности былъ принесенъ «государынѣ

(1) Въ числѣ подписавшихъ записку, поданную (4 февр.) верховному совѣту, 158 человѣкъ принадлежало къ военному вѣдомству и кромѣ того 51 гвардейскій офицеръ и 42 кавалергарда.

и государству», другіе, а именно—князь Д. Голицынъ «государынѣ и верховному совѣту» (1). Слухъ объ этомъ не замедлилъ разнестись по Москвѣ, и это новое притязаніе верховнаго совѣта казалось всѣмъ, даже самымъ умѣреннымъ людямъ, безумнымъ беззаконіемъ.

Между тѣмъ какъ продолжались эти пренія, время уходило, и наступилъ день, назначенный для присяги. Св. Синодъ, не получая присяжныхъ листовъ, принужденъ былъ за ними послать въ верховный совѣтъ, естественно желая, особливо при настоящихъ обстоятельствахъ, предварительно знать, кому онъ самъ долженъ присягать и кому требовать клятвы отъ духовной паствы. Совѣтъ затруднялся, уклонялся, медлилъ, а между тѣмъ наступилъ часъ, назначенный для совершенія сего торжественнаго акта, и отъ совѣта было прислано о томъ напомнить духовенству. Медлить долѣе, значило бы произвесть неминуемое смущеніе въ народѣ, который уже наполнялъ церкви. Сановники тѣснились въ Успенскомъ соборѣ, а потому духовенство рѣшилось отправиться, и уже только тамъ получены были присяжные листы: въ нихъ о верховномъ совѣтѣ не упоминалось, а говорилось лишь о государынѣ и государствѣ. Всѣ присягнули по этой формѣ.

Между тѣмъ съ такими условіями возводимое верховнымъ совѣтомъ государственное зданіе было подрываемо со всѣхъ сторонъ. Супруга П. С. Салтыкова была дѣятельнѣйшимъ агентомъ между партіею, къ которой принадлежалъ ея мужъ, и императрицею (2). Герцогиня мекленбургская энергически настаивала, чтобы сестра ея расторгла узы, которыя хотѣлъ на нее наложить верховный совѣтъ. Остерманъ дѣятельно работалъ изъ глубины своей спальни, зорко слѣдя за

---

(1) *Выписки изъ Управл.*. и пр. *Записки Д. де-Лиріа*, *Описаніе кончины* и пр. Ѳ. Прокоповича.

(2) Въ любопытныхъ примѣчаніяхъ, которыми Языковъ обогатилъ свой переводъ записокъ герцога де-Лиріа, по поводу тайныхъ сношеній императрицы съ ея приверженцами (прим. 25), говорится: «Долгоруковы строго наблюдали, чтобы никто изъ знатныхъ людей не имѣлъ къ ней доступу, и не говорилъ съ ней наединѣ, также надзирали и за ихъ сношеніями съ нею. Но это затрудненіе преодолѣно было слѣдующимъ образомъ: Штатсъ-дама Прасковья Юрьевна Салтыкова, урожденная Трубецкая, была употреблена для узнанія мыслей знатныхъ людей скрытнымъ образомъ; для чего она ко многимъ пріѣзжала по ночамъ». И потомъ далѣе:

всѣми дѣйствіями *верховниковъ,* скрытно сносясь съ ихъ противниками и сообщая обо всемъ императрицѣ чрезъ жену свою. Съ своей стороны Черкасскій и друзья его, имѣя за себя несомнѣнное сочувствіе императрицы, стали настойчивѣе въ своихъ сношеніяхъ съ верховнымъ совѣтомъ, и послѣ каждой сдѣланной имъ уступки требовали новыхъ. Ягужинскій, которому уже предлагали свободу, отказался принять ее какъ милость со стороны верховнаго совѣта, требуя формальнаго суда и удовлетворенія за оскорбленіе. Наконецъ императрица медлила издать манифестъ о своемъ вступленіи на престолъ, говоря, что «ей недостаточно быть признанною осьмью лицами...» Дѣло верховнаго совѣта было, очевидно, проиграно!

Въ самомъ дѣлѣ, вся Москва была въ движеніи. Дома князя Черкасскаго, Никиты Трубецкаго, сенатора Новосильцова были съ утра до вечера наполнены недовольными вельможами, офицерами и шляхетствомъ, которые разсуждали, какимъ образомъ приступить къ низложенію верховнаго совѣта. На многочисленномъ собраніи, бывшемъ въ домѣ князя И. Барятинскаго, 23 февраля, было рѣшено подать императрицѣ формальное о томъ прошеніе, которое тутъ же и было написано и послано съ Татищевымъ въ домъ князя Черкасскаго, у котораго тоже былъ большой съѣздъ его единомышленниковъ (1). Мысль, сообщенная Татищевымъ, была принята, и князь Антіохъ Кантемиръ

«Каждый день къ ней приносили младенца, Биронова сына, котораго она отмѣнно любила; ему клали за пазуху записки объ успѣхахъ сего дѣла, и императрица, относивъ сего младенца на рукахъ въ свою спальню, прочитывала ихъ.

«Когда дѣло приведено было уже къ окончанію, новгородскій архіепископъ Ѳеофанъ, въ знакъ усердія, поднесъ ея величеству столовые часы, которые она принимать отрицалась, но онъ убѣдилъ ее принять ихъ. Потомъ она, взявъ Биронова сына, прочла за платье у него положенную записку и узнала, что въ тѣхъ часахъ подъ доскою положенъ планъ, который, прочитавъ, вышла, въ назначенный день, въ тронную залу и, противъ чаянія Долгоруковыхъ, взошла на тронъ, и тутъ множество знатныхъ особъ поднесли ей прошеніе о принятіи самодержавія.

«Она тронута бывъ толь лестнымъ для нея усердіемъ, хотѣла было поклономъ изъявить свое удовольствіе, но помянутая штатсъ-дама удержала ее за платье.»

Но кѣмъ писано и изъ какого источника почерпнуто это извѣстіе, г. Языковъ и самъ не знаетъ: онъ *нашелъ* его въ своихъ бумагахъ.

(1) ***Произвольное и согласное разсужденіе*** и проч. Къ этому любо-

тутъ же переписалъ на-бѣло это прошеніе, которое послано опять въ домъ Барятинскаго для подписи и немедленно возвращено для подписи друзьямъ Черкасскаго. Такимъ образомъ было набрано 167 подписей. Но не довольствуясь этимъ, молодой графъ Матвеевъ и Кантемиръ были посланы въ расположеніе гвардейскимъ полкамъ и кавалергардамъ, гдѣ собрали еще 95 подписей. Всю ночь и слѣдующій день разъѣзжали по Москвѣ друзья Черкасскаго и Салтыковыхъ, собирая подписи и отыскивая единомышленниковъ.

Императрица знала обо всемъ случившемся черезъ свою штатсъ-даму Салтыкову, и приготовилась разыграть наконецъ послѣдній актъ политической драмы, начатой верховнымъ совѣтомъ. Приверженцы ея, въ восьмомъ часу утра, 25 числа, всѣмъ собраніемъ, въ числѣ отъ 600 до 800 человѣкъ (1), отправились въ Кремль и отслужили тамъ молебенъ, а оттуда прошли во дворецъ.

Верховный совѣтъ не могъ, съ своей стороны, не знать обо всемъ происходившемъ и, видя угрожающую опасность, рѣшился захватить князя Черкасскаго; будучи объ этомъ предупрежденъ, князя, изъ предосторожности, пріѣхалъ во дворецъ не ранѣе какъ въ 10 часовъ, въ то уже время, когда всѣ его единомышленники наполняли переднія залы: между ними онъ былъ внѣ всякой опасности. Онъ немедленно прошелъ во внутренніе покои и просилъ у императрицы аудіенціи, которая, разумѣется, была безъ затрудненія разрѣшена, и къ которой былъ приглашенъ верховный совѣтъ.

Когда императрица вышла, старѣйшій изъ предстоявшихъ и чиномъ и едва ли не лѣтами, нѣкогда бояринъ, а въ то время фельдмаршалъ, князь И. Ю. Трубецкой поднесъ ей челобитную, которую государыня приказала себѣ прочесть. Трубецкой передалъ ее Татищеву (2). Челобитная эта выражала глубокую благодарность за соизволеніе подписать *предложенныя верховнымъ совѣтомъ* условія, но съ тѣмъ вмѣстѣ выражала и опасенія бѣдствій, коими нѣкоторыя изъ этихъ условій угрожаютъ

пытному документу приложено описаніе дѣйствій единомышленниковъ князя Черкасскаго въ ночь на 24 февраля и въ слѣдующій день и въ утро 25 числа, писанное современнымъ почеркомъ, которое можно слѣдовательно, кажется, считать достовѣрнымъ авторитетомъ.

(1) *Mém. de Manstein*; *Gesch. d. Russ. St.*; депеша Маньяна 16/5 марта; *Записки дюка де-Лиріа*, 85.

(2) Объ этомъ обстоятельствѣ указанные выше источники нѣсколько

отечеству; опасенія эти, говорилось далѣе, были представлены верховному совѣту съ просьбою разсмотрѣть внимательно указываемыя затрудненія и установить, «по большинству голосовъ, форму правленія надежную и твердую» (1), но верховный совѣтъ отказалъ въ этомъ, объявивъ челобитчикамъ, что безъ высочайшаго соизволенія ничего не можетъ перемѣнить. Посему нынѣ челобитчики всеподданнѣйше просятъ разсмотрѣть представленныя верховному совѣту мнѣнія: «назначивъ для сего по одному, или по два человѣка отъ каждаго семейства, и чтобы по обсужденіи всѣхъ статей установлена была такая форма правленія, которая изберется большинствомъ голосовъ, и представлена на высочайшее благоусмотрѣніе». Въ заключеніе было сказано, что прошеніе это подписано «не столь многими, какъ это могло быть, потому что мы боимся собираться во множествѣ» (2).

По окончаніи этого чтенія, князь Черкасскій хотѣлъ что-то сказать, но князь Василій Лукичъ прервалъ его и предложилъ императрицѣ удалиться въ другой покой, дабы обдумать отвѣтъ

разнорѣчатъ. Германъ, писавшій по большей части на основаніи депешъ Лефорта, полагаетъ, что челобитную поднесъ князь Юсуповъ; Манштейнъ называетъ графа Матвеева. Это явная ошибка: Андрей Артамоновичъ умеръ въ 1728 году, а сынъ его былъ въ то время малолѣтнимъ какимъ и скончался. Маньянъ и де-Лиріа называютъ князя Черкасскаго. Это вѣроятнѣе, такъ какъ Черкасскій былъ болѣе всѣхъ на виду изъ своей партіи. Но современникъ, описавшій событія этого дня и предшествующей ночи съ большою подробностію, именно упоминаетъ о фельдмаршалѣ князѣ Трубецкомъ, который, какъ старшій въ чинѣ изъ присутствовавшихъ и дядя (по ихъ женамъ) двухъ главныхъ дѣйствователей, Салтыкова и князя Черкасскаго, весьма естественно могъ быть при этомъ случаѣ уполномоченъ на первую роль. Только одно обстоятельство не совсѣмъ ясно: подъ мнѣніемъ верховнаго совѣта о *Произвольномъ Разсужденіи* между другими подписями стоитъ: «князь Иванъ Трубецкой»; это могъ быть его племянникъ Иванъ Юрьевичъ; но могъ быть и самъ фельдмаршалъ, увлеченный сначала идеями исключительной аристократіи, а потомъ преклоненный мужьями своихъ племянницъ: Колтовскій подписалъ же два противоположныя мнѣнія! Читать прошеніе могъ Татищевъ, какъ человѣкъ много въ это время хлопотавшій, и можетъ-быть даже писавшій черновую просьбу.

(1) Это, вѣроятно, указанія на записки, представленныя Матюшкинымъ, Куракинымъ, и ту, которая называется «произвольное разсужденіе» и пр.; отказъ совѣта лишь нѣсколько иначе здѣсь формулированъ.

(2) Текстъ этого прошенія намъ извѣстенъ изъ иностранныхъ источниковъ или позднѣйшихъ русскихъ сочиненій, оттуда же заимствованныхъ. А потому мы привели лишь извлеченіе изъ перевода, находяща-

на столь важное представленіе (1). Богъ знаетъ, чѣмъ разрѣшилось бы все это дѣло, еслибы государыня, согласясь на лукавое предложеніе хитраго дипломата, дозволила себя поставить въ эти минуты подъ исключительное вліяніе верховнаго совѣта!... Но герцогиня мекленбургская удержала ее. Всеобщій шумъ поднялся при этихъ словахъ Долгорукова; сотни голосовъ заговорили разомъ; шляхетство грозило; военные готовы были обнажить оружіе. Молодой Салтыковъ просилъ позволенія привести къ повиновенію сопротивляющихся волѣ ея величества. Все это волненіе смутило императрицу, хотя она и не могла ошибаться на счетъ благопріятнаго его характера. «Я здѣсь не въ безопасности», произнесла она. Эти слова и усилія нѣкоторыхъ сановниковъ, знакомыхъ съ обычаями двора, утишили наконецъ безпорядокъ. «Государыня, говорили ей, успокоившись, нѣкоторые изъ военныхъ, — мы вѣрные подданные вашего величества и рады положить за тебя свои головы; прикажи намъ истребить твоихъ злодѣевъ!...» Императрица приказала имъ слушаться распоряженій Салтыкова и оставаться спокойными. Затѣмъ взяла перо и утвердила прошеніе (2).

Но происшествія настоящаго дня этимъ не кончились.

Въ переднихъ комнатахъ шляхетство и прочіе присутствующіе были остановлены своими руководителями. Они объяснили, что такъ какъ государыня соблаговолила дозволить разсудить и представить ей мнѣніе о наилучшей формѣ правленія, то это можно рѣшить тутъ же, а именно: просить ее о принятіи ею полнаго самодержавія, по примѣру ея предшественниковъ. Предложеніе это, сдѣланное разгоряченнымъ умамъ, въ удачную минуту, было всѣми одобрено; къ императрицѣ послана депутація просить у нея новой аудіенціи, которая и была назначена въ тотъ же день послѣ полудня, а чтобъ у членовъ верховнаго совѣта отнять возможность какого бы то ни было противодѣйствія, они оставлены были обѣдать во дворцѣ.

гося въ русскомъ изданіи *Записокъ* Дюка Лирійскаго, который впрочемъ почти слово въ слово сходенъ съ французскимъ текстомъ, приведеннымъ въ депешѣ Маньяна.

(1) *Gesch. d. Russ Staats.* Тоже у Германа, который ссылается на донесеніе Лефорта; депеша Маньяна 9 марта (26 февраля); этотъ послѣдній и одинъ изъ кавалеровъ французскаго посольства, de Bussy, подробнѣе всѣхъ описали это происшествіе.

(2) Составитель свѣдѣній о дняхъ 23, 24 и 25 февраля, приложенныхъ къ *Произвольному Разсужденію*, показываетъ, что государыня подписала «учинить по сему».

Въ этотъ промежутокъ времени было написано другое прошеніе, въ коемъ выражалось желаніе, чтобы государыня правила самодержавно, какъ правили славные ея предки; чтобы верховный тайный совѣтъ былъ уничтоженъ; чтобы сенату возвращено было званіе и значеніе правительствующаго; чтобъ онъ состоялъ изъ 21 члена; чтобы въ должности сенаторовъ, также губернаторовъ и президентовъ коллегій, были назначаемы лица по избранію дворянства, *какъ было при Петрѣ I* (1), и наконецъ чтобы были приняты мѣры къ уменьшенію налоговъ.

Когда наступилъ часъ новой аудіенціи, князь Черкасскій поднесъ государынѣ вновь составленное прошеніе, которое громогласно прочелъ князь Кантемиръ. Императрица выразила собранію признательность за столь похвальныя чувства и сказала, что будетъ сдѣлано по его желанію, а потомъ обратилась къ верховному совѣту: «Такъ это не было желаніемъ народа, чтобъ я подписала условія, представленныя мнѣ въ Митавѣ? Сталобыть ты обманулъ меня, князь Василій Лукичъ?» Сказавъ это, она потребовала самыя условія. Онѣ были немедленно поданы графомъ Головкинымъ и тутъ же разорваны. «Государство Россійское, продолжала императрица,—изстари управлялось самодержавно, и я вступаю въ тѣ же права, которыми пользовались мои предки, *по преемству отъ которыхъ, а не по избранію*, какъ утверждалъ верховный совѣтъ, я вступила на престолъ, и всякій противящійся моей волѣ будетъ наказанъ какъ измѣнникъ.» Впрочемъ императрица прибавила, что она намѣревается властвовать съ кротостію, что благо ея подданныхъ есть пламенное желаніе ея сердца; что она всегда съ радостію будетъ внимать представленіямъ сената, и что строгія мѣры будутъ ею принимаемы лишь въ крайнихъ случаяхъ.

Присутствующіе громко выражали свое восхищеніе, говоритъ Манштейнъ,—и по всему городу раздавались радостныя восклицанія; но въ тотъ же вечеръ, продолжаетъ тотъ же писатель,—по небу разлилось кровавое зарево необычайнаго сѣвернаго сіянія, которое сильно смутило суевѣрный народъ....

---

(1) Производство по баллотированію было введено Петромъ I въ арміи, и соблюдалось во все время его царствованія, но чтобъ въ должности президентовъ коммиссій, губернаторовъ и пр., были назначаемы лица по баллотированію—этого мы ни откуда не видимъ. Баллотированіе, тамъ, гдѣ оно существовало въ 1726 году (*П. С. З.* VII № 4986), отмѣнено, потому что избраніе, сказано въ указѣ, *производится по страсти*.

Суевѣрный народъ былъ правъ въ этомъ случаѣ: это багровое сіяніе было зарею кровавой *бироновщины!*

Былъ правъ и старый олигархъ, Дмитрій Голицынъ, когда, видя разрушеніе любимыхъ своихъ надеждъ, онъ сказалъ: «Пиръ былъ изготовленъ, но гости были его недостойны; я знаю, что бѣда обрушится на мою голову; что̀ нужды,—я пострадаю за отечество. Я старъ, и смерть мнѣ не страшна, но тѣ, которые думаютъ насладиться моими страданіями, пострадаютъ тяжелѣе моего!» (1)

Этими словами противъ бироновщины мы заключимъ нашъ разказъ о вступленіи на престолъ императрицы Анны. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, насколько событія, изложенныя нами, находились въ соотвѣтствіи съ исторіею до-петровской Руси, мы не можемъ умолчать о нѣкоторыхъ внѣшнихъ вліяніяхъ, которыя обнаружились въ XVII вѣкѣ, и которымъ принадлежитъ извѣстная доля участія въ попыткѣ 1730 года.

На это имѣемъ нѣкоторыя положительныя указанія. Наша публичная библіотека очень богата рукописями, принадлежащими къ началу XVIII вѣка; между ними, кромѣ списковъ старинныхъ лѣтописей и переводовъ сочиненій незначительнаго содержанія, мы находимъ творенія наиболѣе уважавшихся въ то время публицистовъ, историковъ и мыслителей. Гуго Гроцій и Пуффендорфъ между ними господствуютъ; знаменитаго сочиненія перваго *De jure belli ac pacis* и втораго *De jure naturae et gentium*, мы находимъ множество экземпляровъ въ переводахъ, а иногда и въ подлинникахъ; много и другихъ книгъ государственнаго права, какъ напримѣръ *Правленіе гражданское, о его началѣ и власти*, много современныхъ трактатовъ, Статутъ литовскій, хроники, книги историческаго содержанія, сочиненія по римскому праву, тщательно переписанныя, хранились въ частныхъ библіотекахъ, знакомя нашихъ прадѣдовъ съ понятіями западной Европы. Не забудемъ упомянуть, что при Петрѣ I было много хорошихъ и серіозныхъ сочиненій переведено, напечатано и пущено въ оборотъ русской мысли: таково было напримѣръ сочиненіе упомянутаго Пуффендорфа «*Введеніе во всеобщую исторію*,» и при томъ, если справедливъ разказъ Голикова, государь былъ очень недоволенъ, что переводчикъ, извѣстный Гавріилъ Бужинскій, сократилъ или

(1) *Mém. de Manstein*, I. 58.

выпустилъ тѣ мысли, которыя показались опасными для русской публики, и приказалъ исправить переводъ совершенно согласно оригиналу. Изъ дѣла о Волынскомъ, между прочими любопытными подробностями, обнаруживается, что одинъ изъ наименѣе развитыхъ сподвижниковъ Петровыхъ, графъ Апраксинъ, тоже имѣлъ сочиненіе Липсія (не считавшееся опаснымъ въ это сильное и славное царствованіе), что творенія Макіавелли были знакомы многимъ Русскимъ, что въ царствованіе Анны не богатый архитекторъ, Еропкинъ, имѣлъ библіотеку (1), и что усердный служака, но вовсе не охотникъ до книжной мудрости В. А. Нащекинъ зналъ книгу Курція, которую и цитуетъ въ своихъ *Запискахъ*. Наконецъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ описываемой эпохи уже начиналось преслѣдованіе за излишнюю наклонность къ чтенію: однимъ изъ пунктовъ обвиненія противъ извѣстнаго Волынскаго было сочиненіе Юста Липсія (какое именно? не знаемъ), которое онъ будто бы перетолковывалъ, примѣняя злонамѣренно къ современнымъ обстоятельствамъ. Все это доказываетъ, что въ началѣ XVIII вѣка идеи Запада были нечужды образованнымъ Русскимъ.

Замѣтимъ также, что тогдашнія *С. Петербургскія Вѣдомости*, хотя и не анализировали совершавшихся за границею событій, однакожь довольно обстоятельно сообщали факты, и слѣдовательно могли знакомить читающую часть (весьма, конечно, небольшую!) русскаго общества съ положеніемъ дѣлъ въ Европѣ, содѣйствуя въ нѣкоторой мѣрѣ къ расширенію нашего умственнаго горизонта. Наконецъ обратимъ вниманіе еще на одно обстоятельство.

Послѣ смерти Карла XII, армія его и генералы, привыкшіе въ его время составлять въ государствѣ все, а остальныя сословія и учрежденія считать ни во что, немедленно провозгласили королевою сестру покойнаго короля Ульрику-Элеонору. Но сенатъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы возвратить утраченное свое значеніе; онъ торжественно объявилъ избраніе это неправильнымъ и созвалъ государственные чины, то-есть представителей всѣхъ сословій шведскаго народа, для разрѣшенія вопроса о престолонаслѣдіи; въ то же время онъ предалъ суду, какъ измѣнника, барона Герца, наперсника Карла XII, суду

(1) *Чтен. въ общ. истор. и древн*: 1858, № II.

неправильному и беззаконному, можетъ-быть, но замѣчательному какъ реакція противъ личнаго произвола, въ которомъ обвиняли этого министра. Депутаты отъ сословій, согласно конституціи шведской, собрались, провозгласили престолъ, за неимѣніемъ прямыхъ наслѣдниковъ, упраздненнымъ и потомъ приступили къ избранію; выборъ депутатовъ палъ также на сестру Карла XII, Ульрику-Элеонору, которая, постоянно проживая въ Швеціи, успѣла пріобрѣсть тамъ и друзей и всеобщую привязанность. Съ этимъ вмѣстѣ былъ обнародованъ актъ, которымъ опредѣлялось совершеннолѣтіе членовъ королевской фамиліи, положеніе, имѣвшее цѣлію предупредить возобновленіе временъ Карла XII, сдѣлавшагося государемъ съ неограниченною властію на шестнадцатомъ году; постановлялось, что важныя государственныя должности могутъ быть занимаемы только природными Шведами,—узаконеніе, направленное противъ барона Герца; что законы обязательны для гражданъ только тогда, когда они обсужены государственными чинами; что безъ ихъ согласія не могутъ быть увеличены налоги, ни объявлена война, что вновь избранная королева будетъ управлять государствомъ съ участіемъ и совѣтомъ сената; что въ случаѣ смерти государя безъ прямыхъ наслѣдниковъ будетъ производимо народными представителями свободное избраніе, что дворянинъ можетъ быть приговоренъ къ отнятію чести или жизни рѣшеніемъ только придворнаго совѣта, что президенты коммиссій опредѣляются по избранію, что войско должно присягать въ вѣрности королю и королевству и пр. Какъ самыя обстоятельства возведенія на престолъ королевы Ульрики, такъ и знаменитый актъ, содержаніе котораго мы привели имѣютъ слишкомъ явное сходство съ обстоятельствами вступленія на престолъ императрицы Анны и «кондиціями», предложенными ей отъ верховнаго совѣта, а потому весьма естественно предположить вліяніе шведскихъ событій на то, что приготовлялось въ Россіи. Вспомнимъ, что человѣкъ этого же времени, Волынскій, вздыхалъ о независимомъ положеніи польскихъ сенаторовъ и шляхетства вообще; что въ составленномъ имъ проектѣ о различныхъ преобразованіяхъ развиты нѣкоторыя изъ мыслей, указанныхъ въ *Произвольномъ Разсужденіи*: какъ-то объ усиленіи сената, объ освобожденіи его отъ опеки генералъ-прокурора, о распространеніи просвѣщенія, объ улучшеніи быта сельскаго духовенства, о прекращеніи замкнутости духовнаго сословія и пр.

Вспомнимъ наконецъ и слова Кампредона, по поводу учрежденія верховнаго тайнаго совѣта, приведенныя нами въ другомъ мѣстѣ, сообразимъ все это, и тогда намъ откроется логическая возможность идей и стремленій, которыя произвели описанный нами эпизодъ.

Мы объяснили, какъ могли, насколько вліяніе современныхъ западныхъ событій и идей расчистило путь описаннымъ выше событіямъ, совершившимся въ Россіи, но неужели это вліяніе было исключительное? Мы этого отнюдь не думаемъ и никакъ не раздѣляемъ мнѣнія тѣхъ, которые полагаютъ, что русское общество послѣ Петра I потеряло всякую національную самостоятельность. Въ нравахъ, въ обычахъ, въ образѣ жизни, въ семейныхъ отношеніяхъ, въ религіозныхъ понятіяхъ, словомъ, во всемъ томъ, что̀ составляетъ самое глубокое основаніе жизни обществъ, намъ открываются съ поразительною яркостію наши старинныя начала: ссылаемся въ этомъ на духовное завѣщаніе князя В. Л. Долгорукова, помѣщенное нами въ приложеніи. Кто не узнаетъ въ составителѣ его русскаго человѣка, кто не узнаетъ въ этомъ документѣ и русскихъ религіозныхъ понятій, и русскихъ семейныхъ отношеній, и всей обстановки старинняго русскаго быта? Именно въ этомъ-то, довольно трудно уловимомъ, соединеніи старинно-русскихъ основаній съ западно-европейскимъ напластаніемъ и состоитъ характеръ и общества, и общественныхъ явленій въ Россіи въ началѣ XVIII вѣка, и едва ли даже не во все его продолженіе. При Екатеринѣ II многіе вельможи считали себя совершенными Европейцами, но были въ главныхъ своихъ основаніяхъ коренными русскими людьми; при ближайшихъ преемникахъ Петра I, много было людей, которые съ отвращеніемъ смотрѣли на все иноземное, и однакожь, не сознавая того, во многомъ подчинялись вліянію западныхъ понятій. Таковы именно были значительнѣйшіе люди времени, къ которому относится нашъ разказъ: Трубецкіе, Черкасскіе, Долгоруковы, Голицыны, князь Дмитрій, напримѣръ, который изучалъ сочиненія Гроція и Пуффендорфа, и передъ которымъ однакожь меньшой братъ, фельдмаршалъ, не смѣлъ безъ позволенія сѣсть!

П. Щебальскій.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Завѣщаніе князя Василія Лукича Долгорукова (1).

Видя крайнюю слабость тѣла моего и признавая, что по вся дни прибавляется, и для того пишу сіе письмо къ сестрамъ и къ маткамъ моимъ государынямъ къ Аннѣ Лукишнѣ (2) и къ Аннѣ Яковлевнѣ (3) и молю ихъ , какъ матерей своихъ, ежели Богъ отлучитъ грѣшную мою душу отъ тѣла, чтобъ ради сына Божія, который страдалъ и умеръ за насъ, учинили по сему моему послѣднему завѣщанію.

Во-первыхъ образы Богородицы, такъ же угодника Христова Николая, такъ же образъ Честоховской Богородицы небольшой, и образъ Василія Великаго и три креста, четвертый который я ношу, въ немъ риза Пресвятыя Богородицы, а и въ вышеписанныхъ крестахъ есть мощи , пожалуйте бейте челомъ прилѣжно, чтобъ по смерти моей повелѣно было всѣ тѣ образы и кресты вамъ отдать, а вы извольте ихъ отдать племяннику моему князь Якову Александровичу (4), чтобъ послѣ меня были въ домѣ его; второе, самимъ Богомъ васъ матерей и сестеръ моихъ прошу бейте челомъ прилежно какъ можете, чтобъ грѣшное мое тѣло было отдано вамъ, а вы погребите его съ прародителями нашими, въ Богоявленскомъ монастырѣ и помяните по христіанскому нашему закону и вкладъ въ тотъ монастырь дайте по возможности, чтобъ поминали души: мою и жены моей (5), и ежели возможно положите грѣшное мое тѣло подлѣ гроба покойной жены моей; наслѣдникомъ по себѣ оставляю, движимому и недвижимому всему, что моево есть, племянника моего князь Якова Александровича, и молю его Бога ради

---

(1) Интересный этотъ документъ переписанъ съ копі,и которой ороограграфія здѣсь сохранена: прибавлены только нѣкоторые знаки препинанія, отсутствіе ихъ затруднило бы чтеніе.

(2) Кто эта Анна Лукишна, не знаемъ, и не могли найдти ни въ *Росс. родословн. книгѣ,* ни въ *Сказаніяхъ о родѣ кн. Долгоруковыхъ.* Не сестра ли его?

(3 Княжна Анна Яковлевна, дочь кн. Якова Өедоровича Долгорукова, была замужемъ за однимъ изъ Шереметевыхъ.

(4) Родной племянникъ князя Василія, сынъ его роднаго брата.

(5) Кто была жена его, не видно ни по *Росс. родословн. книгѣ,* ни по *Сказаніямъ о родѣ Долгоруковыхъ;* во время пребыванія своего въ Митавѣ, кн. Василій Лукичъ писалъ ей и часто посылалъ поклоны черезъ Макарова и другихъ,—значитъ жилъ съ нею дружелюбно. Дѣтей у нихъ не было.

поминать душу жены моей и мою грѣшную душу, вы , матери и сестры мои государини , извольте взять изъ пожитковъ моихъ себѣ по вещи, по какой изволите, такъ же и невѣсткѣ княгинѣ Авдотьѣ Ивановнѣ (1) и племянницамъ моимъ княжнѣ Катеринѣ Ивановнѣ (2), Аграфенѣ Александровнѣ (3) и княгинѣ Марьѣ Александровнѣ (4) извольте дать всякой по вещи, по какой вы изволите, чтобъ всѣ имѣли на память мою и жены моей; долги, чьи есть на мнѣ, ради Бога извольте заплатить, чтобъ на страшномъ судѣ я въ томъ не отвѣтствовалъ, не запамятуйте долгу Ильи Исаева (5), а у него помнится письмо моей руки въ томъ есть, а о другихъ долгахъ вѣдала покойная жена моя, можетъ быть что была у нее записка; карлицы, вы ведаете, что у меня и жены моей какъ дѣти, я васъ прошу для Бога держите ихъ по ихъ смерть, такъ какъ они были при женѣ моей, чтобъ они бѣдные сироты не въ бѣдности вѣки ихъ дожили и молилибъ Бога за душу покойной жены моей и за меня, и пожалуйте имъ изъ пожитковъ моихъ по вещи по какой вы изволите; вдову Астафевну прикажите довольствовать по ея смерть и пожалуйте ей что ни есть изъ оставшагося послѣ жены моей платья или инаго чего, что вы изволите , за вѣрную ея службу къ женѣ; дѣвушкѣ Аннѣ Архиповой, которая принята изъ дому Потемкина, прикажите дать изъ оставшагося послѣ жены моей платья или инаго чего, что вы изволите , за ея прилежную хотьбу въ послѣднюю болѣзнь за женою моею; людямъ моимъ всѣмъ, которые на жалованье , прикажите по смерти моей выдать жалованье , также мѣсячину и всякое пропитаніе всякому на цѣлый годъ по ихъ окладамъ не въ зачетъ, чтобъ они молили Бога за грѣшную мою душу также за душу жены моей; которые люди нынѣ со мною , пять человѣкъ , тѣмъ прикажите дать жалованье годовое и мѣсячину и всякое пропитаніе по ихъ окладу вчетверо за ихъ трудъ, что они были со мною во время моего несчастія и служили мнѣ; крестьянамъ моимъ всѣхъ деревень во всѣхъ податяхъ и въ работахъ дать льготу за цѣлый годъ, и ска-

---

(1) Кто это Авдотья Ивановна—тоже не знаемъ.

(2) Екатерины Ивановны не находимъ ни одной во всей фамиліи Долгоруковыхъ.

(3) Дочь его брата, кн. Александра Лукича, была замужемъ за Шереметевымъ.

(4) Родная сестра предыдущей.

(5) Илья Исаевъ былъ коммиссаромъ въ Ригѣ. При отъѣздѣ императрицы изъ Митавы, кн. Василій Лукичъ просилъ отпуска 10 т. изъ Риги; кромѣ этого знаемъ, что во время домогательствъ Меншикова на курляндскую корону, кн. Долгоруковъ, отправленъ будучи въ Митаву съ такою поспѣшностію, что долженъ былъ взять у кого-то на дорогу *6 рублахъ*, просилъ о выдачѣ ему заимообразно нѣкоторой суммы изъ рижскаго же казначейства. Вѣроятно къ одному изъ этихъ, а скорѣе ко второму, относятся приведенныя слова.

зать имъ чтобъ за то они молили Бога за душу покойной жены моей и за мою грѣшную душу. Ежели князь Якову Александровичу трудно, и не похочетъ имъ дать льготу вдругъ на цѣлый годъ, чтобъ хотя въ два года, во всякой по полугоду, и тогобъ учинилось цѣлый годъ, а лучшебъ вдругъ на цѣлый годъ, и я о томъ прошу; кабальнымъ моимъ людямъ и которые взяты изъ деревень въ повары и конюхи и выные чины, дать по смерти моей всѣмъ волю, ради Бога прошу о томъ князь Якова Александровича, чтобъ къ себѣ въ службу ихъ не неволилъ, которые къ нему не похотятъ, Богъ его пробавитъ и безъ нихъ, и для того далъ бы имъ волю, чтобъ они молили Бога за душу жены моей и за мою грѣшную душу; въ деревняхъ моихъ гдѣ есть церкви прошу приказать Бога ради вездѣ поминать душу жены моей и мою грѣшную душу; еще прошу князь Яковъ Александровича построить по смерти моей церковь каменную въ которой ни есть изъ деревень моихъ, въ которой деревни церкви нѣтъ поминовенія души жены моей и моей грѣшной души; еще прошу сестеръ матерей и государынь моихъ, чтобъ приказали нынѣ взять въ домъ мой нищихъ человѣкъ десять и велѣть ихъ изъ дому моего питать и одевать и чтобъ жили въ домѣ моемъ, и сказать имъ, чтобъ молили Бога за душу покой жены моей и за меня грѣшнаго. Сіе завѣщательное письмо мое за слабостію моею кратко и не порядочно писано, однакожь можете его по смерти моей въ приказѣ объявить, чтобъ по немъ видѣли послѣднее мое завѣщаніе. Писано у города Архангельска іюля 23 дня 1730 года (1). Подписалъ подлинную: Князь Василій княжъ Лукинъ сынъ Долгорукой.

---

(1) Князь Василій Лукичъ собирался, какъ видно, умирать въ 1730 году; но онъ не имѣлъ счастія умереть своею смертію. По поводу доноса, сдѣланнаго въ 1730 году канцеляристомъ Осипомъ Шишинымъ на бывшаго фаворита, какъ этотъ Долгоруковъ, такъ и другіе, находившіеся еще въ живыхъ участники замысла 1730 года и ихъ родственники были допрашиваны, *пытаны*, нѣкоторые казнены, въ томъ числѣ и кн. Василій Лукичъ. Распоряженія его, касательно имѣній своихъ, тоже не могли исполниться, потому что указомъ 15 іюля 1730 года они были конфискованы.

АРИСТОКРАТІЯ И ИНТЕРЕСЫ ДВОРЯНСТВА

МЫСЛИ И ЗАМѢЧАНІЯ ПО ПОВОДУ КРЕСТЬЯНСКАГО ВОПРОСА

Упраздненіе крѣпостнаго права, очевидно, влечетъ за собою преобразованіе въ общественныхъ и государственныхъ условіяхъ жизни не только крестьянъ, но и помѣщиковъ. Если это преобразованіе совершится въ такомъ направленіи, которое будетъ содѣйствовать улучшенію быта крестьянъ, то оно должно неминуемо сопровождаться улучшеніемъ и въ бытѣ помѣщиковъ: всѣ классы общества находятся въ самомъ тѣсномъ между собою взаимнодѣйствіи, и сколько-нибудь *прочное* благосостояніе одного класса, нравственное и матеріальное, невозможно безъ соотвѣтствующаго благосостоянія въ прочихъ классахъ; классъ же помѣщиковъ связанъ съ крестьянствомъ узами болѣе тѣсными, нежели другіе классы. Но какое бы ни произошло улучшеніе въ бытѣ помѣщиковъ, во всякомъ случаѣ очевидно для каждаго, что характеръ этого быта измѣнится вслѣдствіе реформы; она непремѣнно должна имѣть могущественное вліяніе на всю совокупность общественнаго и политическаго положенія дворянства. Крѣпостное право обусловливало собою не одну только хозяйственную дѣятельность помѣщиковъ; подъ вліяніемъ этого права сложились всѣ основанія нынѣшняго нравственнаго, юридическаго, гражданскаго и государственнаго быта дворянства, и образовались всѣ его отношенія къ народу. Вотъ почему

ГРАФЪ СПЕРАНСКІЙ

(1772—1839)

Время для полной біографіи и подробной оцѣнки заслугъ графа Сперанскаго еще не наступило. Дѣянія славнаго государственнаго мужа слишкомъ еще близки отъ насъ, личныя его отношенія еще не могутъ быть вполнѣ разъяснены по многимъ соображеніямъ, матеріялы для точнаго его жизнеописанія, по большей части, недоступны для біографовъ. Между тѣмъ, въ разное время были напечатаны нѣкоторыя свѣдѣнія о служебной дѣятельности и частной жизни Сперанскаго; свѣдѣнія эти составляли иногда особыя небольшія біографическія статьи, или являлись какъ отрывочныя указанія, или наконецъ входили какъ эпизоды въ изслѣдованія о другихъ лицахъ и предметахъ. Кромѣ того въ журналахъ нашихъ, особенно въ *Москвитянинѣ,* помѣщены были отрывки изъ неизданныхъ сочиненій и писемъ Сперанскаго. Въ необнародыванныхъ у насъ до сихъ поръ документахъ, принадлежащихъ его перу, или писанныхъ другими достовѣрными лицами, заключается не мало такихъ подробностей, которыя теперь, черезъ двадцать лѣтъ послѣ его смерти, могутъ уже явиться въ печати, также какъ и нѣкоторые изъ словесныхъ разказовъ тѣхъ изъ его современниковъ, которые, по общественному и личному своему характеру, заслуживаютъ полнаго довѣрія.

Чуждые всякаго притязанія на составленіе настоящей біографіи покойнаго графа, мы смѣемъ однако думать, что представляемый нами публикѣ очеркъ будетъ не безполезенъ, какъ полнѣйшее до сихъ поръ собраніе извѣстій, до него относящихся, извлеченныхъ изъ матеріяловъ печатныхъ и рукописныхъ, а также изъ достовѣрныхъ изустныхъ преданій. Въ спорныхъ пунктахъ мы старались извлекать факты наиболѣе вѣроятные и пользовались, по возможности, послѣдними, доказанными результатами сдѣланныхъ разысканій. Въ этомъ отношеніи, мы болѣе всего обязаны драгоцѣнной для біографа статьѣ барона М. А. Корфа: *О воспоминаніяхъ г. Булгарина, касательно графа М. М. Сперанскаго* (1). Въ статьѣ этой заключается множество фактовъ, указанныхъ съ строжайшею точностію и опредѣленныхъ при помощи критическаго разбора рѣдкихъ и любопытныхъ матеріяловъ, имѣвшихся у автора, и личныхъ его воспоминаній. Судя по статьѣ барона Корфа, остается только желать, чтобы почтенный авторъ ближе познакомилъ русскую публику съ дѣятельностію и личностію Сперанскаго, котораго такъ хорошо могъ узнать по своимъ отношеніямъ къ нему. Въ ожиданіи такого капитальнаго сочиненія, читатели благоволятъ удовольствоваться очерками въ родѣ того, который теперь имъ предлагается. Повторяемъ: мы имѣли въ виду только дать имъ возможность, не роясь въ десяткахъ книгъ, прочесть собраніе всѣхъ извѣстныхъ намъ свѣдѣній о Сперанскомъ, дополненное, на сколько это позволяютъ разныя соображенія, подробностями, не всякому доступными. Мы знаемъ, что мы не избѣжали ошибокъ; но онѣ вызовутъ поясненія, дополненія и поправки, и это уже одно останется не безъ пользы.

I.

Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, Владимірской губерніи, Покровской округи, въ селѣ Черкутинѣ, жилъ священникъ Богородицкой церкви Василій Михайловичъ. Сынъ его Михаилъ Васильевичъ былъ дьякономъ Николаевской церкви въ томъ же селѣ, и въ 1771 году былъ посвященъ въ санъ іерея при

---

(1) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144, стр. 575.

той же церкви. Въ первый день новаго 1772 года, Богъ далъ николаевскому священнику сына Михаила. Этотъ новорожденный былъ тотъ, кому суждено было, при одной помощи Богомъ данныхъ ему дарованій, быстро достигнуть высшихъ государственныхъ степеней, выйдти побѣдителемъ изъ жестокой борьбы съ невзгодами міра и умереть, завѣщавши исторіи свое славное имя. Это былъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій (1).

Первые годы жизни Сперанскаго составляютъ, какъ часто бываетъ, почти совершенный пробѣлъ въ біографіи его. Какъ ни прискорбенъ для насъ такой недостатокъ подробностей о дѣтствѣ и отрочествѣ его, мы должны ограничиться краткими свѣдѣніями, сообщенными барономъ Корфомъ и товарищемъ Сперанскаго по ученію, г. Вигилянскимъ. Свѣдѣнія эти относятся уже къ тому времени, когда Сперанскій поступилъ въ суздальскую семинарію. Можно полагать, что онъ поступилъ въ это заведеніе, имѣя лѣтъ около девяти отъ роду. Вскорѣ послѣ опредѣленія его въ школу *инфиму* (низшее отдѣленіе семинаріи), именно въ 1782 году, по спискамъ онъ значился уже подъ именемъ Михайлы *Сперанскаго*. Должно предполагать, что онъ названъ былъ такъ по *надеждамъ*, которыя подавалъ своими способностями и охотой къ ученію, и что фамилія эта была дана ему, по обыкновенію, тогдашнимъ епископомъ Іеронимомъ (2).

Г. Вигилянскій, товарищъ Сперанскаго, говоритъ, что онъ былъ силенъ физически, рѣзвъ, быстръ и задоренъ; послѣднее приписывали въ школѣ его рыжеватости; иногда онъ нарочно поддавался своимъ товарищамъ, но вдругъ, бывало, встрепенется, да *всѣхъ и положитъ*. По ученію онъ всегда былъ пер-

---

(1) Свѣдѣнія о времени рожденія и о происхожденіи Сперанскаго взяты нами изъ указаній въ статьѣ барона Корфа. До нея годъ рожденія Сперанскаго опредѣлялся разно, а семейству его давали разныя фамиліи: Надеждинъ, Уткинъ и чаще всего Грамотинъ, между тѣмъ какъ ни дѣдъ, ни отецъ его не имѣли особыхъ прозваній. М. П. Погодинъ (*Москвит.* 1848, № 8, стр. 36) приводитъ свидѣтельство Г. И. Спасскаго, что отецъ Сперанскаго былъ высокъ ростомъ и толстъ, почему черкутинскіе крестьяне дали ему, по народному обыкновенію, прозвище; его звали: Михайло *Ометъ;* онъ умеръ въ 1801 году. Мать Сперанскаго жила до 1824 года, и портретъ ея, въ скромномъ одѣяніи сельской попадьи, всегда занималъ видное мѣсто въ его кабинетѣ. Сестра его, жена протоіерея, была жива еще въ 1848 году. Кромѣ того, у него былъ братъ, умершій гораздо ранѣе. (Тамъ же.)

(2) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.

вымъ и учился отлично безъ большаго труда, благодаря своимъ прекраснымъ способностямъ (1). Отличные успѣхи его открыли ему доступъ въ другое, высшее заведеніе, изъ котораго онъ могъ выйдти на иное поприще, обширнѣйшее чѣмъ то, къ которому онъ, повидимому, долженъ былъ готовиться.

Вслѣдствіе высочайшаго рескрипта, 6 мая 1788 года, на имя митрополита Гавріила, въ замѣнъ санктпетербургской и новгородской семинарій, была учреждена Александроневская главная семинарія въ С.-Петербургѣ. Цѣль этого новаго учрежденія (преобразованнаго, по высочайшему указу 18 декабря 1797 года, въ духовную академію) была объяснена другимъ рескриптомъ отъ 10 мая и опредѣленіемъ святѣйшаго правительствующаго синода, отъ 21 іюля того же 1788 года, гдѣ именно пред писывается: въ главную семинарію присылать учениковъ и изъ другихъ епархій, «надежнѣйшихъ въ благонравіи, поведеніи и ученіи, и лучшаго передъ другими понятія», для образованія ихъ къ учительской въ высшихъ классахъ должности (2).

Вскорѣ послѣ учрежденія главной семинаріи, Сперанскій былъ назначенъ для поступленія въ нее, вмѣстѣ съ другими учениками суздальской семинаріи: Вышеславскимъ и Шиповскимъ, въ послѣдствіи переводчикомъ *Нумы Помпилія* Флоріана (3). Это было въ концѣ 1789 года. Мы не имѣемъ извѣстій о путешествіи Сперанскаго изъ Владиміра въ Петербургъ. Особенно было бы любопытно знать впечатлѣнія и провожденіе времени его въ Москвѣ. Былъ ли онъ въ университетѣ, какъ другой сверстникъ его Мартыновъ (4), ѣхавшій въ ту же главную семинарію изъ Полтавы? Успѣлъ ли онъ узнать кого-нибудь изъ молодыхъ людей, занимавшихся тамъ науками и литературой, подъ покровительствомъ Новикова и его Общества, тогда еще не совсѣмъ разстроеннаго? Молодой Карамзинъ былъ тогда въ Швейцаріи, но другихъ Сперанскій могъ видѣть.

Сперанскій пріѣхалъ въ Петербургъ, и поступилъ въ главную семинарію въ январѣ 1790 года (5). Изъ поступившихъ

(1) *Москвит.* 1848, № 8, стр. 37.
(2) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.
(3) *Москвит.* 1848, № 8, стр. 37. У Сопикова ч. IV, № 8690.
(4) *Современникъ,* 1856, № III, отд. 2, стр. 7, статья Е. Я. Колбасина.
(5) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.

туда вмѣстѣ съ нимъ студентовъ мы знаемъ: Вышеславскаго и Шиповскаго, о которыхъ сейчасъ говорили; Петра Андреевича Словцова и Ивана Ивановича Мартынова. Словцовъ былъ Сибирякъ, присланный изъ тобольской семинаріи (1). Мартыновъ пріѣхалъ изъ Полтавы (2). Сверстникомъ ихъ былъ также Ѳедоръ Ивановичъ Русановъ, въ послѣдствіи экзархъ Грузіи Ѳеофилактъ, замѣчательный не какъ проповѣдникъ, но какъ администраторъ (3). Кромѣ того, изъ Полтавы прибыли съ Мартыновымъ: Котляревскій, Илличевскій и Стефановскій (4). Всѣхъ пріѣхавшихъ изъ разныхъ семинарій студентовъ было тогда болѣе тридцати (5).

Мы знаемъ, что Сперанскій сохранилъ во вею свою жизнь чувство дружбы къ Словцову, съ которымъ нерѣдко переписывался. Отношенія его къ Мартынову также оставались всегда самыми пріязненными. Но при первомъ знакомствѣ его съ Сперанскимъ между ними царствовала какая-то холодность. Причиной тому было то, что Сперанскій уже въ то время пользовался между сверстниками значительнымъ авторитетомъ, который пугалъ скромнаго Мартынова и заставлялъ его чуждаться блестящаго, увѣреннаго въ себѣ Сперанскáго. Это недоразумѣніе было очень продолжительно. Наконецъ Сперанскій рѣшился выразить Мартынову свое удивленіе о томъ, что онъ такъ обѣгаетъ его, любимаго всѣми прочими товарищами. Мартыновъ былъ

---

(1) Дѣйствительный статскій совѣтникъ П. А. Словцовъ род. 1767 года, ум. 28 марта 1843. Извѣстія о немъ см. въ *Москвитянинѣ* 1844 года, № 10, стр. 385, и № 11, стр. 220. Въ первомъ сказано, что онъ учился съ Сперанскимъ, былъ потомъ учителемъ въ тобольской семинаріи, а въ 1789 году поступилъ въ канцелярію генералъ-прокурора. Тутъ, очевидно, какая-то ошибка, потому что Сперанскій вступилъ въ главную семинарію только въ 1790 году. Словцовъ служилъ въ Сибири съ 1808 по 1829 годъ и потомъ остался жить въ Тобольскѣ. Онъ писалъ много, преимущественно о Сибири; особенно замѣчательно его *Историческое описаніе Сибири*, 1838 года.

(2) Дѣйствительный статскій совѣтникъ И. И. Мартыновъ, род. 1771, ум. 20 октября 1833. Онъ извѣстенъ какъ журналистъ и переводчикъ греческихъ классиковъ, и былъ изъ полезнѣйшихъ дѣятелей въ первое время существованія министерства народнаго просвѣщенія.

(3) *Современникъ*, 1856, № 3, отд. 2, стр. 9.

(4) Иванъ Петровичъ Котляревскій, авторъ малороссійской пародіи на Виргиліеву *Энеиду*. Илличевскій успѣшно служилъ по гражданской части. Стефановскій былъ протоіереемъ въ Полтавѣ. Тамъ же, стр. 6.

(5) Тамъ же, стр. 8.

тронутъ этимъ откровеннымъ замѣчаніемъ, доказывавшимъ, что Сперанскій дорожитъ его пріязнію, и съ той же минуты сдѣлался самымъ его горячимъ другомъ и приверженцемъ Сперанскаго (1). Нѣтъ сомнѣнія, что Сперанскій много способствовалъ возвышенію своего школьнаго друга по службѣ въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія, имѣя уже тогда довольно значительныя связи и сдѣлавшись скоро самъ лицомъ извѣстнымъ въ петербургскомъ официяльномъ мірѣ.

Преподаватели, которыхъ пришлось Сперанскому слушать въ главной семинаріи, далеко не всѣ соотвѣтствовали тому, чего отъ нихъ могли требовать въ высшемъ учебномъ заведеніи. Мы имѣемъ свидѣтельство о томъ Мартынова. Онъ говоритъ, что преподаватель философіи былъ большой схоластикъ, что онъ думалъ скрыть свое незнаніе важничаньемъ и латынью. Другой какой-то учитель въ два года былъ въ классѣ разъ десять и отдѣлывался отъ объясненій пошлыми остротами, а преподаватель греческаго языка Жуковъ объявлялъ, что самъ можетъ поучиться у Мартынова, который вскорѣ и заступилъ его мѣсто. Другіе учители были удовлетворительнѣе этихъ (2).

Мы не знаемъ, пользовался ли Сперанскій, подобно Мартынову, публичными лекціями въ академіи наукъ и медицинскомъ институтѣ; тогда читали: математику — Котельниковъ, химію—Соколовъ, зоологію—Озерецковскій, физику—Петровъ, ботанику—Тереховскій. Несмотря на затрудненія поспѣвать и на эти лекціи и на семинарскія, Мартыновъ удосуживался бывать у Соколова на Васильевскомъ острову и у Тереховскаго на Аптекарскомъ (3). Весьма вѣроятно, что и Сперанскій бывалъ на нѣкоторыхъ изъ лекцій этихъ, извѣстныхъ въ свое время, преподавателей.

Кромѣ классныхъ занятій, ученики семинаріи говорили по очереди проповѣди въ разныхъ церквахъ. Когда Мартыновъ въ первый разъ испыталъ себя на этомъ поприщѣ, проповѣдь его, подходившая по тону къ обыкновенному разговору, имѣла большой успѣхъ. Всѣ товарищи вошли въ его комнату и поздравляли его; въ главѣ ихъ былъ Сперанскій, который поцѣловалъ Мартынова въ голову и воздалъ ему справедливую похвалу, очень порадовавшую молодаго проповѣдника (4). Не

(1) *Совр.* 1856 г., № 3, отд. 2, стр. 17.
(2) Тамъ же, стр. 9.
(3) Тамъ же, стр. 10.
(4) Тамъ же.

знаемъ, каковы были опыты въ этомъ родѣ самого Сперанскаго.

Нѣтъ сомнѣнія, что Сперанскій, при поступленіи въ главную семинарію, зналъ уже хорошо греческій и латинскій языки. Въ семинаріи выучился онъ французскому языку по книжному (1). Но отличные успѣхи его въ наукахъ доказываются тѣмъ, что съ 20 мая 1792 года онъ былъ уже въ семинаріи учителемъ математики (2). Въ послѣдствіи, когда Сперанскаго спрашивали однажды, почему онъ предпочелъ эту науку другимъ, онъ отвѣчалъ съ улыбкой: «потому что положительныя истины только въ одной математикѣ» (3). Ему было назначено тогда жалованья 150 рублей въ годъ. Но 19-го августа того же 1792 года онъ сталъ вмѣстѣ съ математикой преподавать физику и краснорѣчіе. Тутъ содержаніе его увеличилось еще 50 рублями. Наконецъ, 8 апрѣля 1795 года, къ прежнимъ его занятіямъ прибавилась еще каѳедра философіи. Тогда сталъ онъ получать самый высшій окладъ, по 275 рублей въ годъ. Того же числа назначенъ былъ двадцатитрехлѣтній Сперанскій префектомъ главной семинаріи, слѣдовательно занялъ должность весьма важную въ заведеніи, которое и въ нравственномъ отношеніи подчинилось вліянію молодаго ученаго.

Памятникомъ профессуры Сперанскаго на каѳедрѣ краснорѣчія осталась изданная уже послѣ его смерти, но написанная въ 1793 году, книга: *Правила высшаго краснорѣчія* (4). Въ ней авторъ, конечно, является сыномъ своего времени, не пролагаетъ новыхъ путей на избранномъ имъ поприщѣ, но многія дѣльныя замѣчанія доказываютъ глубину и ясность его воззрѣній, при которыхъ, и среди общихъ мѣстъ, неизбѣжныхъ въ то время при изложеніи такого предмета, высказывается самостоятельность автора. Языкъ также весьма замѣчателенъ для эпохи, когда преобразованіе его только что было начато Карамзинымъ.

Въ ту же эпоху, нѣсколько позже, именно въ 1795 году, написаны разныя мысли, заключающіяся въ уцѣлѣвшей тетради

---

(1) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.

(2) Всѣ свѣдѣнія о ходѣ ученой дѣятельности Сперанскаго въ главной семинаріи извлечены нами изъ статьи барона Корфа, помѣщенной въ *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.

(3) *Воспоминанія Ѳ. Булгарина*, ч. V, стр. 308.

(4) Книга эта напечатана въ С.-Петербургѣ, въ тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц. 1844, in-8, стр. 216 и 8.

подъ заглавіемъ *Досуги* (1) и, вѣроятно, отрывокъ *О силѣ, основѣ и естествѣ* (2). Отрывки эти извлеченія изъ размышленій Сперанскаго, которыя онъ имѣлъ обыкновеніе бросать на бумагу въ свободное время.

Досуги заключаютъ въ себѣ нѣсколько замѣтокъ на французскомъ языкѣ. Въ томъ числѣ есть одинъ, названный *Канвою для сочиненія романа: Отецъ Семейства*. Тутъ двойная интрига: у отца, добраго, но твердаго характеромъ, есть сынъ и дочь; дочь любитъ тайно и безнадежно молодаго человѣка, живущаго въ ихъ домѣ, а сынъ, неукротимый нравомъ и распутный, влюбляется въ какую-то незнакомку и неудачно пытается ее обольстить. Не успѣвши въ этомъ предпріятіи, онъ поселяется въ сосѣдствѣ, скрывая свое имя и прикидываясь ремесленникомъ. Отца огорчаетъ такое поведеніе сына. Съ объясненія между ними должно было начаться изложеніе романа.

Русскіе отрывки *Досуговъ* состоятъ изъ рубрикъ подъ заглавіями: *о времени, о пространствѣ, о порядкѣ, о сложности,* и разныхъ отдѣльныхъ замѣтокъ. Приводимъ изъ нихъ нѣкоторыя, чтобы дать читателямъ понятіе о воззрѣніяхъ молодаго Сперанскаго. Вотъ что̀ говоритъ онъ о различіи и сходствѣ добродѣтели врожденной, безсознательной, и добродѣтели разумной (3):

«О сердце! сердце! кто знаетъ, чего ты хочешь? То, что̀ называютъ въ семъ случаѣ сердцемъ, есть нравственное чувство добра и зла, есть природа, есть привычка перваго воспитанія. Сколько темныхъ и непонятныхъ словъ, чтобъ означить одну простую вещь! Когда говорятъ о человѣкѣ, что онъ дѣлаетъ добро по чувству, а не по размышленію, что онъ расположенъ къ добру природой, что онъ имѣетъ доброе сердце, подъ всѣми сими выраженіями что̀ разумѣютъ? Одно и то же: разумѣютъ добраго человѣка безъ началъ, безъ правилъ.

«Къ чему вводить новыя и химерическія способности въ природу человѣка? Разумъ и самолюбіе все изъясняютъ. И сія нѣжная душа, поражающаяся первымъ взглядомъ несчастнаго, и сіе важное размышляющее существо, взвѣшивающее обстоятельства и не прежде рѣшающееся на добродѣтель, какъ измѣривъ ее и приложивъ къ своимъ началамъ, движутся однимъ и

---

(1) *Сынъ Отечества*, 1844, № 1, стр. 23, и № 2, стр. 46.
(2) *Москвитянинъ*, 1842, № 1, стр. 183.
(3) *Сынъ Отеч.* 1844, № 1, стр. 24.

тѣмъ же разумомъ. Все различіе состоитъ только въ томъ, что правила перваго механическимъ упражненіемъ превращены въ привычку, а правила втораго безпрерывнымъ дѣйствіемъ размышленія сохранили начальный свой видъ. Первый рано началъ дѣлать добро, дѣлалъ его безъ размышленія, привыкъ къ нему, привыкъ быть чувствительнымъ и не примѣтилъ, какимъ образомъ укрѣплялась въ немъ сія привычка; онъ не знаетъ ея рожденія, не знаетъ начальныхъ стихій, изъ коихъ она составилась, и почитаетъ ее особеннымъ свойствомъ, то добротой сердца, то природнымъ расположеніемъ къ добру. Второй, можетъ-быть, столь же часто упражнялъ силы души своей въ добрѣ, сперва слѣпо и безъ познанія ихъ, потомъ съ размышленіемъ; отдѣлилъ чувствованія свои, нашелъ источникъ ихъ въ воображеніи и самолюбіи, открылъ таинственную игру сихъ способностей въ нашихъ впечатлѣніяхъ, подчинилъ ихъ разуму, постановилъ имъ правила, и съ сей минуты началъ дѣлать добро по началамъ. То, что̀ называютъ человѣкомъ чувствительнымъ, есть родъ машины, не понимающей хода собственныхъ колесъ своихъ; но человѣкъ добрый по началамъ не только знаетъ, что̀ онъ чувствуетъ, но знаетъ вмѣстѣ, что онъ долженъ чувствовать такъ, а не иначе, по природѣ своихъ способностей. Тотъ и другой могутъ равно быть добры. Но первый можетъ обмануться въ природѣ своихъ чувствованій, ибо не знаетъ ихъ начала и не умѣетъ повѣрить ихъ истинными отношеніями души его къ предметамъ, а другой можетъ охладить чувствованія размышленіемъ и пропустить важную минуту, въ которую должно дѣйствовать. Видали ли вы двухъ математиковъ, изъ коихъ одинъ дѣлаетъ выкладки по навыку, другой— по правиламъ и размышленію? Вотъ образъ человѣка чувствительнаго и человѣка съ началами. Повторимъ еще: человѣкъ чувствительный есть машина, заведенная воспитаніемъ, идущая по привычкѣ и безъ размышленія о причинахъ, ее движущихъ. Кто знаетъ: тѣ ли пружины напрягаютъ ея дѣйствія, которыя предуставлены къ сему концу, или вмѣсто ихъ дѣйствуютъ другія,—кто это знаетъ? и между тѣмъ *la machine va et l'horloge déraisonne quelque fois publiquement*. Тронуть сердце, возбудить чувство, въ краснорѣчіи значитъ то же, что̀ подвинуть страсти; но страсти основываются на чувствительности и воображеніи, и слѣдовательно на первыхъ привычкахъ воспитанія. Такимъ образомъ, всѣ выраженія сего рода можно привесть къ одному началу.»

Вотъ другой отрывокъ о добродѣтели и счастіи (1):

«Увѣрьтесь, друзья мои, что быть счастливымъ и быть добрымъ есть совершенно одно и то же. Одно только злоупотребленіе словъ раздѣлило два сіи состоянія, по существу и началу своему соединенныя. Еслибъ языкъ образовали философы, блескъ, честь, богатство не носили бы на себѣ прелестнаго имени счастія, но назывались бы просто блескомъ, честію, богатствомъ, вещами средними, изъ коихъ и добро и зло равно можетъ родиться.

«Одно и то же самолюбіе есть началомъ и добродѣтели и счастія. Счастіе въ нашей системѣ міра есть перевѣсъ ощущеній пріятныхъ надъ досадными. Добродѣтель есть тотъ же самый перевѣсъ совершенствъ надъ недостатками. Но пріятное ощущеніе всегда есть слѣдствіе внутренняго сознанія совершенства, и всегда досада предполагаетъ слабость, порокъ, недостатокъ. Раскроемъ нѣсколько сію важную истину.

«Напрасно нравоучители стѣснили добродѣтель въ понятіе однихъ только совершенствъ нравственныхъ.

«Счастіе есть связь пріятныхъ чувствованій, и потому мѣра его не есть минутное ощущеніе удовольствій, но разчетъ всѣхъ чувствованій горестныхъ и пріятныхъ отъ колыбели до гроба.

«Говорятъ, что добродѣтель безъ удачнаго сопряженія обстоятельствъ быть счастливою не можетъ. Но къ чему отдѣляютъ добродѣтель отъ благоразумія, раждающаго сіи удачные случаи или ими пользующагося? Тотъ не добродѣтеленъ, кто несчастливъ по внѣшнему положенію.»

«Заключаемъ наши выписки изъ *Досуговъ* строками, имѣющими особое значеніе, когда сопоставить ихъ съ позднѣйшею судьбой Сперанскаго, которому было суждено проникнуть въ глубину всѣхъ тайнъ нашего государственнаго устройства (2). «Какое зрѣлище для народа увидѣть въ первый разъ сіи могущественныя пружины, кои нѣсколько вѣковъ, непостижимымъ для него образомъ, двигали его волю! узрѣть сіе великое колесо правленія, что̀, обращаясь на таинственной оси, возвышало и низвергало съ собою счастіе милліоновъ! Если можно что-нибудь представить разительнѣе и великолѣпнѣе

(1) *Сынъ Отеч.* 1844, № 2, стр. 47.
(2) *Сынъ Отеч.* 1844, № 1, стр. 24.

его вида, это есть, ставъ въ центрѣ міра, смотрѣть на всѣ силы двигнутой природы и видѣть ходъ вселенной!»

Мы не знаемъ навѣрно, занимался ли Сперанскій въ главной семинаріи литературными трудами, переводами и т. п., подобно товарищу своему Мартынову, который работалъ тогда для издателей Богдановича и Миллера и участвовалъ въ журналѣ Клушина еще въ 1793 году (1). Въ 1795 году Мартыновъ вышелъ изъ духовнаго званія, поступилъ въ гражданскую службу и женился (2). Съ начала 1796 года онъ сталъ издавать журналъ подъ заглавіемъ: *Муза*, и г. Колбасинъ, біографъ Мартынова, догадывается, по его запискамъ, что стихотворенія этого журнала, подписанныя буквою *ъ*, принадлежатъ Сперанскому (3). Вотъ отрывокъ изъ одного изъ этихъ стихотвореній, ***И мое счастіе*** (4), посвященнаго И. И. М. (Мартынову):

Въ трудахъ находишь ты веселье,—
И я люблю ихъ, милой мой!
Лѣнива праздность и бездѣлье
Не подружилися со мной,
И вѣрно ввѣкъ не подружатся.—
Вѣдь мы не въ златѣ рождены,
Не талисманы намъ даны:
Такъ намъ ли, другъ мой! съ ними знаться?

Я должностью люблю заняться,
И для меня въ ней скуки нѣтъ.
Не смѣетъ скука быть съ трудами.
Приходитъ время—я съ друзьями
Иду домой другимъ во слѣдъ.
Меня родные принимаютъ,
Съ сердечной нѣжностью ласкаютъ,—
Душа моя восторги пьетъ.

Если дѣйствительно Сперанскій былъ сотрудникомъ этого журнала, издававшагося Мартыновымъ (5), и подписывался бук-

---

(1) *Соврем.* 1856, № III, Отд. 2, стр. 12 и 18.
(2) Тамъ же, стр. 24.
(3) Тамъ же.
(4) Тамъ же.
(5) *Муза*, ежемѣсячное изданіе на 1796 годъ. 4 части in 8, С.-Петербургъ. Съ эпиграфомъ: «sono pittor anche io» (И я тоже живописецъ).

вою *ъ*, то ему принадлежатъ пять стихотвореній (1) и одна статья въ прозѣ (2).

Въ *Музѣ* Мартынова участвовалъ и Державинъ (3). Изъ этого можно заключить, что издатель, а можетъ-быть и другъ его Сперанскій уже тогда познакомились съ знаменитымъ поэтомъ.

Вообще, дружба Сперанскаго съ Мартыновымъ была въ это время самая тѣсная. У Мартынова родился сынъ Аркадій, бывшій потомъ товарищемъ Пушкина, по первому курсу Царскосельскаго лицея; Сперанскій былъ его крестнымъ отцомъ (4).

Годъ изданія *Музы* (1796) былъ рѣшительнымъ для Сперанскаго. Онъ умѣлъ составить себѣ уже нѣкоторую репутацію не только между товарищами по семинаріи, но и у начальства, а также у другихъ значительныхъ лицъ (5). Въ это время былъ онъ отрекомендованъ митрополитомъ Гавріиломъ князю Алексѣю Борисовичу Куракину (6), служившему тогда управляющимъ третьею экспедиціей ревизіи счетовъ. Онъ опредѣлилъ его къ себѣ домашнимъ секретаремъ по обширнымъ частнымъ дѣламъ своимъ. Сперанскій далъ двѣнадцать уроковъ закона Божія дѣтямъ князя передъ первой ихъ исповѣдью, но кромѣ этого случая обязанность его исключительно состояла въ упомянутой нами перепискѣ, которая, впрочемъ, не мѣшала ему продолжать занятія по должностямъ въ семинаріи. Скоро Сперанскій долженъ былъ разстаться съ прежнею своею карьерой и вступить на поприще гражданской службы.

---

(1) Во 2-й части: *Весна* (стр. 178); *И мое счастіе* (стр. 256); въ 3-й части: *Къ Дружбѣ* (стр. 54), *Луга* (стр. 237); въ 4-й части: *Четыре времени года* (стр. 36).

(2) *Мысли при колыбели младенца,* въ 3-й части, стр. 84.

(3) Г. Колбасинъ полагаетъ, что Мартыновъ познакомился съ Державинымъ, потому что въ *Музѣ* явилась надпись къ его портрету. Но г. Колбасинъ пропустилъ болѣе важное доказательство, именно то, что въ 1-й части *Музы* помѣщены стихотворенія Державина: 1) *Хариты* (стр. 97), 2) *Надгробіе Шелехову* (стр. 100) и 3) *Анакреонъ* (стр. 225). По всѣмъ вѣроятіямъ ему же принадлежатъ стихи къ Суворову (стр. 99).

(4) *Соврем.* 1856, № IV, Отд. 2, стр. 124. Обстоятельство это подтверждаетъ догадку г. Колбасина о томъ, что Сперанскій подписывался въ *Музѣ* буквою *ъ*; она подписана подъ статьей *Мысли при колыбели младенца,* вѣроятно, относившейся къ его крестнику.

(5) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.

(6) Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, род. 19 сентября 1759, ум. 1829. Онъ былъ женатъ на Натальѣ Ивановнѣ Головиной (р. 1768, ум. 1831). У нихъ были: сынъ, князь

Баронъ Корфъ говоритъ, что «объ этихъ событіяхъ и этой эпохѣ его жизни сохранилось много любопытныхъ свѣдѣній, которыя, впрочемъ, могли бы найдти свое мѣсто только въ болѣе подробной біографіи.» Лишенные этихъ свѣдѣній, мы можемъ указать только на одну положительную причину рѣшимости Сперанскаго перемѣнить окончательно родъ своей карьеры послѣ вступленія на престолъ императора Павла I. Она разказана была самимъ Сперанскимъ въ Перми, въ 1813 году: «Жажда ученія, говорилъ онъ, побудила меня перейдти изъ духовнаго званія въ свѣтское; я надѣялся ѣхать за границу и образовать себя въ нѣмецкихъ университетахъ, но вмѣсто того завлекся службою...»

Если позволительно догадываться о другихъ причинахъ, которыя могли имѣть свою долю вліянія на рѣшеніе Сперанскаго въ этомъ случаѣ, то, кажется, можно предположить, что въ числѣ ихъ были примѣръ товарища его Мартынова, отсутствіе особенной склонности къ духовному званію, предложеніе князя Куракина, сдѣлавшагося, при самомъ воцареніи Павла I, сильнымъ лицомъ при дворѣ и, наконецъ, уже возникшая въ сердцѣ Сперанскаго привязанность къ молодой Англичанкѣ, о которой скоро мы будемъ говорить.

Какъ бы то ни было, Сперанскій подалъ 20 декабря 1796 года митрополиту Гавріилу прошеніе, въ которомъ изложилъ ходъ ученія и преподаванія своего въ главной семинаріи, и присовокупляя, что «должность свою проходилъ съ возможною ревностію и раченіемъ», говорилъ: «Нынѣ же нахожу я сообразнѣйшимъ съ склонностями и счастіемъ моимъ вступить въ статскую службу; того ради, ваше высокопреосвященство, всепокорнѣйше прошу сіе мое прошеніе принять и, изъ александроневской семинаріи меня уволивъ, снабдить аттестатомъ.»

Просьба Сперанскаго вскорѣ была исполнена (1). Въ новый 1797 годъ, когда ему исполнилось двадцать пять лѣтъ, онъ уже не принадлежалъ къ духовному вѣдомству и вступилъ на то поприще, гдѣ ожидали его и всѣ обаянія славы и почестей, и всѣ испытанія и горести, которыя такъ часто отравляютъ жизнь любимцевъ счастія и великихъ людей, какъ бы въ искупленіе ихъ блистательныхъ торжествъ.

Борисъ Алексѣевичъ (1783—1850), и двѣ дочери, графиня Елена Алексѣевна Зотова и Александра Алексѣевна Солтыкова.

(1) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.

II.

Въ 1797 году, 2-го января Сперанскій былъ переименованъ въ титулярные совѣтники изъ магистровъ богословія (1) и поступилъ экспедиторомъ въ канцелярію генералъ-прокурора (2), покровителя своего, князя Алексѣя Борисовича Куракина, только что поступившаго на это важное мѣсто (3).

Нѣтъ сомнѣнія, что такой ученый и даровитый молодой человѣкъ, какъ Сперанскій, долженъ былъ выдаваться изъ среды своихъ сослуживцевъ, чиновниковъ-рутинистовъ, старыхъ дѣльцовъ. Зная его трудолюбіе и удивительную способность къ работѣ, мы не должны слишкомъ удивляться тому, что онъ, при особомъ благоволеніи своего начальника, получилъ въ теченіи 1797 года чины: коллежскаго ассессора и надворнаго совѣтника (4). Во времена Павла I, награды нерѣдко слѣдовали одна за другою съ необыкновенною быстротой.

Несмотря на многочисленныя служебныя занятія, Сперанскій успѣвалъ продолжать свое образованіе. Живя въ домѣ князя Куракина, онъ въ совершенствѣ изучилъ французскій языкъ, помѣстивъ въ своей квартирѣ кадета Франца Ивановича Цейера, котораго удалось ему опредѣлить въ какую-то гражданскую должность, и который во всю свою жизнь оставался преданнѣйшимъ ему человѣкомъ (5). Вскорѣ одно изъ знаменательнѣйшихъ для его частной жизни обстоятельствъ побудило его коротко узнать и англійскій языкъ.

---

(1) *Словарь Дост. людей* Бантыша-Каменскаго, 1847 г., ч. III, стр. 284.

(2) *Спб. Вѣд.* 1848. № 144.

(3) Князь Куракинъ былъ назначенъ генералъ-прокуроромъ, вскорѣ по воцареніи Павла I, 4-го декабря 1796 года, и оставался въ этой должности до 8-го августа 1798, когда былъ уволенъ отъ службы. Онъ принялъ это мѣсто отъ графа Александра Николаевича Самойлова, который занялъ его въ январѣ 1793 года, послѣ смерти знаменитаго князя Александра Алексѣевича Вяземскаго, отправлявшаго должность генералъ-прокурора въ теченіи двадцати девяти лѣтъ, съ 1764 года.

(4) *Слов. Достоп. людей*, 1847 года, ч. III, стр. 284.

(5) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.

Мы знаемъ уже нѣкоторыя изъ дружескихъ связей Сперанскаго. Кромѣ нихъ, извѣстно, что онъ былъ при началѣ своей службы въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ Семизоровымъ и тремя братьями Скабовскими, которые были ему какъ-то съ родни. Смерть одного изъ нихъ сильно его огорчила (1).

Между тѣмъ ни служебныя дѣла, ни окончательное изученіе французскаго языка, которому Сперанскій предался одно время съ такимъ усердіемъ, что отростилъ бороду, чтобы не выходить и не развлекаться (2), ни другія занятія не помѣшали овладѣть его сердцемъ новому чувству, которымъ, можетъ-быть, было внушено потерянное потомъ разсужденіе: *Философія любви* (3).

Въ концѣ 80-хъ годовъ пріѣхала изъ Англіи въ Петербургъ съ тремя малолѣтными дѣтьми вдова бѣднаго сельскаго священника изъ окрестностей Ньюкасселя, г-жа Стивенсъ (Stevens), рожденная Планта, изъ фамиліи швейцарскаго происхожденія, издавна поселившейся въ Англіи. Г-жа Стивенсъ обладала прекрасными дарованіями и замѣчательнымъ образованіемъ, при помощи которыхъ надѣялась найдти себѣ мѣсто въ Россіи, оставшись послѣ смерти мужа безъ всякаго состоянія. Братъ ея, инспекторъ Британскаго Музея и авторъ очень хорошей *Исторіи Швейцарскаго Союза*, рекомендовалъ ее въ Петербургѣ законоучителю великихъ князей Александра и Константина Павловичей, протоіерею Андрею Аѳанасьевичу Самборскому, съ которымъ онъ подружился въ Лондонѣ, когда Самборскій жилъ тамъ въ качествѣ священника русскаго посольства. Черезъ посредство Самборскаго, г-жа Стивенсъ получила мѣсто въ домѣ графа Шувалова (4). Въ семействѣ Шуваловыхъ жила она съ дѣтьми своими и въ то время, которое мы теперь описываемъ (5).

Мы не знаемъ, когда именно и въ какихъ обстоятельствахъ

---

(1) *Москвит.* 1848, № 8, стр. 38.

(2) Тамъ же.

(3) Тамъ же.

(4) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.

(5) Графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ, сынъ извѣстнаго графа Петра Ивановича, любимца императрицы Елисаветы, дѣйствительный тайный совѣтникъ, род. 23 іюня 1744, ум. 24 апрѣля 1789. Онъ извѣстенъ какъ отличный французскій стихотворецъ; знаменитое его *Посланіе къ Нинонъ* многіе долго приписывали Вольтеру. Онъ былъ женатъ на графинѣ Екатеринѣ Петровнѣ Салтыковой (р. 1743, ум. 1816) и

познакомился Сперанскій съ Шуваловыми и семействомъ Стивенсъ. Одна изъ дочерей г-жи Стивенсъ плѣнила его, и любовь его встрѣтила взаимность въ сердцѣ молодой Англичанки. Въ 1797 году Сперанскій сдѣлался женихомъ и женился (1).

Въ слѣдующемъ 1798 году Сперанскій былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники и, съ оставленіемъ при прежней должности, пожалованъ герольдомъ ордена Св. Андрея Первозваннаго (2). Тогда же родилась единственная его дочь Елизавета Михайловна (3).

Въ этомъ же году 8 августа, князь Куракинъ былъ уволенъ отъ службы, и на мѣсто его назначенъ генералъ-прокуроромъ князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ (4). При этомъ новомъ начальникѣ получилъ Сперанскій въ 1799 году чинъ статскаго совѣтника (5). 7 іюля 1799 года мѣсто Лопухина занялъ Александръ Андреевичъ Беклешовъ (6). Сперанскій умѣлъ сдѣлаться необходимымъ человѣкомъ въ генералъ-прокурорскомъ управленіи, и, несмотря на частыя перемѣны начальниковъ, всѣ

имѣлъ дѣтей: графа Петра Андреевича (1771—1808) и графа Павла Андреевича (1777—1823), бывшаго генералъ-адъютантомъ и любимцемъ императора Александра; княгиню Прасковью Андреевну Голицыну (1767—1828) и княгиню Александру Андреевну Дитрихштейнъ (1775—1847). Сперанскій навсегда сохранилъ самыя дружественныя отношенія къ дому, гдѣ воспитывалась жена его, сверстница меньшихъ Шуваловыхъ. По смерти графа Павла Андреевича, который былъ женатъ на княжнѣ Варварѣ Петровнѣ Шаховской (нынѣ вдова князя Бутеры), Сперанскій былъ опекуномъ двухъ его малолѣтныхъ сыновей, и жилъ въ извѣстномъ ихъ имѣніи близь Петербурга, Парголовѣ (См. *Воспом. Ѳ. Булгарина*, ч. V, стр. 342).

(1) Въ это время Сперанскій выучился англійскому языку. *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.

(2) *Слов. Достоп. людей* 1847 г., ч. III, стр. 284.

(3) Въ началѣ 20-хъ годовъ Е. М. Сперанская вышла замужъ за Александра Алексѣевича Фролова-Багрѣева, въ послѣдствіи дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и сенатора. По своей матери, онъ былъ роднымъ племянникомъ канцлера князя Виктора Павловича Кочубея. И онъ и супруга его, напечатавшая нѣкоторыя свои сочиненія на французскомъ языкѣ, уже умерли. У нихъ былъ одинъ сынъ, Михаилъ Александровичъ, служившій въ военной службѣ, убитый на Кавказѣ А. Н. Х., и одна дочь въ замужствѣ за княземъ Кантакузеномъ.

(4) Свѣтлѣйшій князь П. В. Лопухинъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ I класса, род. 1753, ум. 6 апрѣля 1827.

(5) *Слов. Достоп. людей*, 1847, ч. III, стр. 284.

(6) А. А. Беклешовъ, генералъ отъ инфантеріи, род. 1 марта 1743, умеръ 24 іюля 1808.

они благоволили къ нему. Одинъ изъ нихъ говорилъ: «Не постигаю этого человѣка! Онъ, повидимому, слился со мною; сердца наши какъ будто соединились. Глядь! какъ налимъ, ускользнулъ изъ рукъ (1).» Говорятъ, что Сперанскій, заваленный дѣлами и мастерски излагавшій ихъ на словахъ и на бумагѣ, былъ и примѣромъ аккуратности и являлся съ докладами раньше всѣхъ другихъ товарищей. Они удивлялись ему, но тщетно старались сблизиться съ нимъ (2). Онъ предпочиталъ ихъ обществу свое семейство и занятія языками и науками; онъ готовился къ поприщу болѣе дѣятельному и блестящему, которое въ это время можетъ-быть только мечталось ему и такъ скоро должно было въ самомъ дѣлѣ передъ нимъ открыться.

Въ началѣ октября 1799 года, жестокій ударъ поразилъ Сперанскаго: онъ лишился своей нѣжно-любимой супруги, на которой былъ женатъ немного болѣе двухъ лѣтъ. Скорбь его была глубока и истинна, что̀ лучше всего свидѣтельствуется слѣдующимъ письмомъ его къ В. Н. Каразину (3):

«И время меня не утѣшаетъ. Вотъ третья недѣля наступаетъ, какъ я проснулся, и горести мои каждый день возрастаютъ по мѣрѣ того, какъ я обнимаю ужасъ моего состоянія. Тщетно призываю я разумъ, онъ меня оставляетъ; одно воображеніе составляетъ всѣ предметы моего размышленія. Минуты забвенія мелькаютъ иногда, но малость, самая малость, ничтожество ихъ разсыпаетъ, и я опять пробуждаюсь, чтобы чувствовать, чтобы находить ее вездѣ предо мною, говорить съ нею — приди ко мнѣ, о ангелъ мой, — да, теките, придите любезныя слезы, единое мое утѣшеніе. Нѣтъ, мой другъ, не могу еще я писать; еще я далекъ отъ истиннаго умиленія, все, что̀ могу я вамъ сказать, есть только то, что здѣсь я сохну и грущу болѣе, нежели въ городѣ. Причина сему очевидна. Сердце мое благодаритъ васъ за два письма.

«Принимаясь за перо, я чувствовалъ себя въ силахъ дать волю моему воображенію. Но вижу, что я обманулся; рано для меня это утѣшеніе.

«Пріѣхавъ въ городъ, первое мое движеніе будетъ ѣхать къ ней, поклониться моему ангелу. Столько разъ клялся я ей не разставаться.

---

(1) *Слов. Достоп. людей*, 1847, ч. III, стр. 284.
(2) Тамъ же.
(3) *Москвит.* 1842, № 6, стр. 339.

«Жестокое дитя, немилосердые друзья, одинъ ударъ, одно мгновеніе, и я бы разложился. Прахъ мой смѣшался бы съ нею. Нѣтъ, не могу еще я писать.

«Прощай, мой милый, добрый, единственный другъ. Я возвращусь въ понедѣльникъ, можетъ-быть къ вечеру, а вѣрно во вторникъ. Я возвращусь, она меня уже не встрѣтитъ, я поѣду искать ее.

«Стыжусь самого себя. Но не могу.»

Сперанскій остался вѣренъ памяти покойницы: всю свою жизнь онъ не рѣшился вступить во второй бракъ. Онъ остался твердъ въ своей рѣшимости, несмотря на то, что во время его высшихъ служебныхъ успѣховъ представлялись не разъ выгодныя партіи (1). Если не ошибаемся, сестра жены его, вскорѣ также овдовѣвшая, содѣйствовала воспитанію единственной дочери Сперанскаго.

Между тѣмъ наступилъ 1800 годъ. Служба Сперанскаго шла по прежнему, такъ какъ новая должность секретаря Ордена Св. Андрея, имъ тогда полученная (2), не могла ничего прибавить къ его служебнымъ обязанностямъ. Вѣроятно, въ усиленной работѣ по должности и по просвѣщенію собственнаго ума находилъ Сперанскій нѣкоторую отраду въ постигшемъ его несчастіи. Тогда же, повидимому, проникся онъ вполнѣ тѣмъ теплымъ религіознымъ чувствомъ, которое постоянно онъ питалъ въ себѣ въ послѣдствіи.

Въ этомъ же году, февраля 2-го, главный начальникъ Сперанскаго Беклешовъ былъ уволенъ отъ должности (3). На мѣсто его пожалованъ былъ Петръ Хрисанѳовичъ Обольяниновъ (4), занимавшій это мѣсто до кончины императора Павла, въ четырехлѣтнее царствованіе котораго смѣнилось пять генералъ-прокуроровъ. При такой скорой перемѣнѣ лицъ начальствую-

---

(1) *Воспом. Ѳ. Булгарина,* ч. V, стр. 325.

(2) *Слов. Достоп. людей,* 1847, ч. III, стр. 284.

(3) Черезъ нѣсколько дней по вступленіи на престолъ императора Александра I, Беклешовъ былъ вторично сдѣланъ генералъ-прокуроромъ, 16 марта 1801 года. Онъ былъ послѣднимъ генералъ-прокуроромъ и исправлялъ эту должность до 8 сентября 1802, когда, съ учрежденіемъ министерствъ, она была упразднена, и вмѣсто нея установлена должность министра юстиціи, которую первый получилъ Державинъ.

(4) По смерти Павла I, П. Х. Обольяниновъ поселился въ Москвѣ, гдѣ и былъ въ послѣдствіи долгое время губернскимъ предводителемъ дворянства. Онъ умеръ въ тридцатыхъ годахъ.

щихъ, такъ же быстро мѣнялись и правители генералъ-прокурорской канцеляріи, которые были одинъ послѣ другаго: Пшеничный, Духовницкій, Аверинъ и Безакъ (1).

Но экспедиторъ Сперанскій остался на службѣ и при Обольяниновѣ, по крайней мѣрѣ довольно долго сравнительно съ непродолжительностію управленія новаго генералъ-прокурора. Онъ получилъ въ это время орденъ Св. Іоанна Іерусалимскаго (2), первый знакъ тѣхъ отличій, которыя вскорѣ должны были осыпать его.

Въ началѣ 1801 года, мы находимъ статскаго совѣтника Сперанскаго предсѣдателемъ или членомъ коммиссіи снабженія С.-Петербурга хлѣбомъ. Мы не знаемъ, попалъ ли онъ въ коммиссію еще при императорѣ Павлѣ, какъ утверждаетъ Магницкій (3), или же поступилъ онъ туда немедленно по воцареніи Александра I, какъ говоритъ другой безыменный біографъ (4). Хотя послѣдній и полагаетъ, что Сперанскій перешелъ въ эту коммиссію съ цѣлію выждать и высмотрѣть, чѣмъ кончатся возникшія послѣ кончины Павла I перемѣны, но, кажется, Магницкій имѣетъ болѣе правъ на наше довѣріе, потому что такъ много лѣтъ и такъ коротко зналъ Сперанскаго. Во всякомъ случаѣ, служба его въ этой коммиссіи замѣчательна особенно, какъ фактъ его необычайно-многосторонней дѣятельности и доказательство разнообразія его способностей. Безъ этого, въ карьерѣ Сперанскаго, занимавшагося всѣми главными отраслями гражданской службы, гдѣ онъ являлся какъ законодатель, администраторъ, судья, преобразователь финансовъ и многихъ частей народнаго просвѣщенія, не доставало бы занятій высшею хозяйственною частію. Но и этого пробѣла не суждено встрѣтить въ удивительной службѣ Сперанскаго.

Какъ бы то ни было, новая эпоха наступила для Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ новое поприще открылось для двадцатидевятилѣтняго Сперанскаго. 12-го марта 1801 года вступилъ на престолъ Александръ I, и вся Россія съ восторгомъ и надеждой привѣтствовала юнаго монарха, обѣщавшаго ей въ первомъ своемъ манифестѣ царствовать «по законамъ и по сердцу бабки своей».

---

(1) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.
(2) *Слов. Достоп. людей*, 1847, ч. III, стр. 285.
(3) *Москвит.* 1843, № 4, стр. 484.
(4) *Москвит.* 1842, № 11, стр. 146.

III.

Со вступленіемъ на престолъ двадцатитрехлѣтняго государя, уже извѣстнаго качествами своего ума и сердца, Россія нетерпѣливо ожидала видѣть скорыя и необходимыя перемѣны въ системѣ внутренняго своего управленія. Такая общая надежда не мѣшала впрочемъ людямъ, имѣвшимъ право думать, что они будутъ призваны къ участію въ государственной дѣятельности, группироваться на два противоположные лагеря. Къ одному принадлежали тѣ, которые считали лучшимъ средствомъ для благоденствія Россіи — возвратиться съ немногими измѣненіями къ немногосложному, преимущественно коллегіяльному устройству въ сферѣ не только судебной, но и административной, которое учреждено было узаконеніями Петра Великаго, и еще болѣе развито и распространено уставами Екатерины II; дать какъ можно болѣе значенія сенату, какъ высшему мѣсту, имѣющему какъ бы делегацію верховныхъ правъ монарха въ извѣстныхъ границахъ, за предѣлами которыхъ требовалось уже разрѣшеніе государя; подчинить сенату коллегіи и высшія административныя лица; уничтожить лишнія учрежденія, затруднявшія и осложнявшія теченіе дѣлъ; составить сводъ указовъ и постановленій, имѣющихъ законную силу, раздѣлить ихъ по предметамъ, согласивъ ихъ потомъ между собою и сдѣлавши необходимыя изъясненія и дополненія, издать кодексъ законовъ, избѣгая, по возможности, сочиненія при томъ новыхъ. Таковы были въ главныхъ чертахъ желанія одной партіи. Она состояла изъ отчаянныхъ патріотовъ и изъ людей, помнившихъ вѣкъ Екатерины въ его блестящее время и думавшихъ, что такое устройство, при правленіи государя мудраго и добраго, должно быть идеаломъ для Россіи. Къ нимъ присоединялись и нѣкоторые изъ лучшихъ людей другаго поколѣнія, можетъ-быть, отчасти и инстинктивно, опасавшіеся нововведеній, предчувствуя, что при начертаніи уставовъ, совершенно новыхъ, извлеченныхъ изъ однихъ теорій и умозрѣній или изъ иноземныхъ законодательствъ, возникнетъ разладъ между закономъ и потребностями и привычками народа. Они опасались, что новое устройство администраціи, которое необходимо будетъ заим-

ствовано изъ системы организаціи ея въ другихъ государствахъ, осложнитъ административную машину, займетъ чиновниковъ множествомъ формальностей и безплодныхъ переписокъ, изъ-за которыхъ потеряется изъ виду существо дѣлъ, что бумажныя горы заслонятъ отъ проницательности правительства людей, имѣющихъ нужду въ его покровительствѣ, и что этимъ поколеблется въ государствѣ довѣріе къ правительственной мудрости и уваженіе къ распоряженіямъ правительства (1). Къ этимъ двумъ оттѣнкамъ консервативной партіи, безъ сомнѣнія, присоединялся и третій, менѣе разумный. Онъ состоялъ изъ людей знатныхъ, которые обижались уже при Павлѣ I скорымъ вызвышеніемъ людей не аристократической породы, или не высшаго круга. Они предчувствовали, что при системѣ нововведеній потребуются и люди новые, которые самою силой обстоятельствъ, хотя уже не по капризу фортуны, а по разумной необходимости, все-таки выдвинутся на первый планъ. Между тѣмъ, при одномъ подновленіи прежняго порядка, мудрствовать много было нечего, и эти знатные дюди, благодаря пріобрѣтеннымъ уже чинамъ и лентамъ, могли надѣяться одни засѣдать въ сенатѣ, предсѣдательствовать по имени въ коллегіяхъ или чваниться въ провинціи, въ качествѣ намѣстниковъ и губернаторовъ.

Другая партія состояла изъ людей, которые жаждали самыхъ широкихъ по тому времени преобразованій, административныхъ и законодательныхъ. Духъ времени уже леталъ надъ этими молодыми и пылкими умами и коснулся ихъ своимъ крыломъ. Они вѣрили уже не въ прошедшее, а въ будущее, которое имъ казалось такъ легко создать по идеалу, составившемуся въ ихъ благородной и воспріимчивой душѣ. Они гордились успѣхами своего вѣка, благоговѣли передъ завоеваніями ума человѣческаго, преклонялись передъ формами жизни европейской, недавно еще выработавшимися въ новыхъ видахъ. Примѣнить все это къ Россіи, которую многіе изъ нихъ считали не болѣе какъ грубымъ, неодушевленнымъ матеріяломъ, было ихъ единственнымъ пламеннымъ желаніемъ. Для исполненія его они были готовы пожертвовать наслѣдственными предразсудками, и безъ того уже

---

(1) Къ этому разряду должно причислить Карамзина, основываясь на мысляхъ, изложенныхъ имъ въ знаменитой запискѣ *О древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ*, написанной въ 1811 году, и о которой мы скажемъ въ свое время.

поколебленными въ нихъ при чудесахъ современной исторіи, которой потокъ на ихъ глазахъ вынесъ на вершину почестей и власти молодаго артиллерійскаго подпоручика, диктовавшаго теперь свою волю Европѣ.

Люди этой партіи должны были сдѣлать не мало ошибокъ и не могли избѣжать вполнѣ тѣхъ недостатковъ, которыхъ такъ боялись ихъ противники. Ломая старое, не всегда умѣли они ко времени подготовлять новое, согласное съ настоящими потребностями государства. Въ упоеніи собственныхъ успѣховъ и увѣренности въ непогрѣшимости своихъ предначертаній, часто недостаточно внимали они инымъ уважительнымъ требованіямъ. Спѣша исполнять завѣтныя свои мысли, иногда недостаточно обсуживали новыя мѣры. Но какъ было избѣжать такихъ погрѣшностей, и гдѣ ихъ не было при подобныхъ обстоятельствахъ? Каковы бы ни были ошибки и крайности новой системы, она была неизбѣжна, какъ историческій плодъ всего хода нашей государственной жизни, какъ проявленіе эпохи, когда необходимо должны были пасть остатки патріархальности въ государственномъ управленіи, оказавшейся несостоятельною уже въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II (1).

Итакъ, партія эта должна была восторжествовать и по духу времени, и по духу исторіи, и наконецъ по самому характеру молодаго государя, ученика Лагарпова и склоннаго къ преобразованіямъ, которыя онъ считалъ необходимыми и благодѣтельными. Онъ обѣщалъ царствовать «по сердцу и по законамъ» Екатерины, которой имя имѣло такую завидную популярность. Но странно ошибались тѣ, которые думали видѣть въ этихъ словахъ обѣтъ ограничиться однимъ возстановленіемъ и исправленіемъ «ея законовъ». Отъ такой системы вышелъ бы одинъ несвоевременный, опасный и непрочный застой.

Новые люди, молодые и исполненные лучшихъ намѣреній, сдѣлались совѣтниками и личными друзьями царя; Кочубей, Новосильцовъ, Чарторижскій, Строгановъ и проч.,—были имена этихъ людей, связанныя навсегда съ воспоминаніемъ о пер-

---

(1) О печальномъ положеніи дѣлъ въ послѣднее время царствованія Екатерины II см. письмо великаго князя Александра Павловича къ В. П. Кочубею, въ книгѣ барона Корфа *Восшествіе на престолъ императора Николая I,* 1857, изд. 1 для публики, стр. 4.

выхъ годахъ Александрова царствованія. Вскорѣ должно было присоединиться къ нимъ имя Сперанскаго.

Но не должно думать, что такія перемѣны при дворѣ удалили отъ государя людей, заслуженныхъ и опытныхъ, и совершенно лишили ихъ вліянія на многія дѣла. Государь не лишилъ себя ихъ содѣйствія, умѣлъ отличать ихъ заслуги, и многіе изъ нихъ пользовались его полнымъ довѣріемъ по частямъ, имъ порученнымъ.

Въ числѣ такихъ лицъ находился екатерининскій статсъ-секретарь Трощинскій (1). Онъ управлялъ почтовымъ вѣдомствомъ и удѣлами, и въ послѣднее изъ этихъ вѣдомствъ поступилъ въ 1801 году Сперанскій, въ качествѣ правителя дѣлъ (2). Сперанскій былъ тогда уже очень извѣстенъ въ мірѣ административномъ, и новый начальникъ хорошо зналъ его. Государя занимала въ это время мысль объ учрежденіи государственнаго совѣта, который и дѣйствительно былъ составленъ 30 марта 1801 года, въ видѣ первоначальномъ, и состоялъ изъ 12 членовъ, безъ раздѣленія на департаменты. Государь поручилъ Трощинскому образовать канцелярію совѣта, и, по избранію его, Сперанскій былъ назначенъ статсъ-секретаремъ въ государственномъ совѣтѣ (3) по части дѣлъ гражданскихъ и духовныхъ (4), при чемъ ему пожалованы: чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и ежегодный пожизненный пенсіонъ въ двѣ тысячи рублей (5).

Съ этого времени начинается изумительная дѣятельность Сперанскаго, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе охватывавшая самыя разнообразныя отрасли законодательства, высшаго управленія и государственнаго хозяйства. Слѣдующія десять лѣтъ его жизни поражаютъ всякаго громадностію его трудовъ, особенно, если вспомнить, что всѣ они, по большей части, не только исполнены по его указаніямъ и мыслямъ, какъ это не рѣдко бываетъ у другихъ, но дѣйствительно совершены имъ самимъ, вылились, такъ сказать, изъ-подъ его пера.

---

(1) Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій, дѣйствительный тайный совѣтникъ, род. 1754, ум. 26 февраля 1829.

(2) *Москвит.* 1843, № 4, стр. 484.

(3) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.

(4) *Слов. Достоп. людей,* 1847, ч. III, стр. 285.

(5) Тамъ же.

Приступая къ этому необычайному періоду въ жизни славнаго государственнаго дѣятеля, мы просимъ читателей вспомнить о скромныхъ размѣрахъ нашего очерка и не требовать отъ насъ труда, не соотвѣтственнаго ни съ цѣлію предлагаемой статьи, ни съ собственными нашими средствами. Произносить судъ надъ трудами Сперанскаго—для этого нужна работа нѣсколькихъ специялистовъ и нѣсколько томовъ. Мы ограничимся указаніемъ на главные труды Сперанскаго, постараемся размѣстить труды его и прочіе, касающіеся до него, факты въ послѣдовательномъ порядкѣ и приведемъ, по возможности, свидѣтельства о томъ, какіе были возбуждены толки и впечатлѣнія главными изъ его работъ, получившихъ силу закона. Еще разъ, мы не пишемъ исторію или даже біографію, а собираемъ только матеріялы и составляемъ простой очеркъ жизни Сперанскаго.

Сперанскій уже около года исправлялъ новую должность свою по государственному совѣту съ тою ревностію, которой опыты показалъ онъ въ прежней своей службѣ. Репутація его дѣлалась все обширнѣе и обширнѣе, когда воспослѣдовалъ манифестъ объ учрежденіи министерствъ, отъ 8 сентября 1802 года. Первый министръ внутреннихъ дѣлъ, В. П. Кочубей (1), имѣлъ надобность въ помощникѣ способномъ и опытномъ для приведенія въ ходъ новаго, чрезвычайно-важнаго и сложнаго административнаго вѣдомства, ввѣреннаго его управленію. Изъ трехъ предложенныхъ ему совѣтскихъ статсъ-секретарей, онъ избралъ Сперанскаго (2), который и былъ прикомандированъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ съ оставленіемъ и въ прежней должности по государственному совѣту (3).

Замѣтимъ здѣсь кстати черту, доказывающую постоянство чувствъ Сперанскаго. Министерство народнаго просвѣщенія, при своемъ учрежденіи, поручено было управленію графа Петра Васильевича Завадовскаго, котораго товарищемъ былъ назначенъ извѣстный писатель и любитель учености Михаилъ Никитичъ Муравьевъ. Муравьевъ рекомендовалъ министру, въ директоры департамента Мартынова и съ согласія графа предложилъ это мѣсто старому товарищу Сперанскаго. Первымъ дѣломъ обрадованнаго Мартынова было поспѣшить къ Спе-

---

(1) Князь Викторъ Павловичъ Кочубей, государственный канцлеръ' род. 1768, ум. 2 іюня 1834.

(2) *Москвит.* 1843, № 4, стр. 484.

(3) *Слов. Достоп. людей,* 1847, ч. III, стр. 285.

ранскому съ этимъ извѣстіемъ, которое онъ принялъ съ живѣйшею радостію (1).

Въ 1803 году Сперанскій сталъ управлять департаментомъ подъ начальствомъ Кочубея (2), и за особые труды по службѣ пожалованъ былъ табакеркой съ бриллiянтами и вензелемъ государя (3). Кочубей ближе и ближе узнавалъ необыкновенныя способности своего подчиненнаго, и Сперанскому открывалось еще болѣе обширное поприще отъ такого сближенія съ вельможей, бывшимъ, еще въ бытность государя великимъ княземъ, однимъ изъ его сердечныхъ друзей (4).

Учрежденіемъ государственнаго совѣта въ 1801 году и министерствъ въ 1802 было положено первое основаніе тѣхъ преобразованій, которыя партія движенія впередъ считала необходимыми для введенія въ управленіе Россіей государственныхъ элементовъ, существовавшихъ тогда въ другихъ европейскихъ странахъ. Но совѣтъ и министерства были только центры, изъ которыхъ должны были передаваться во всѣ мѣстности имперіи распоряженія высшаго правительства. Для полноты и стройности новаго порядка нужно было и учрежденія низшія, мѣстныя, остававшіяся еще въ прежнемъ видѣ, привести въ соотвѣтственность съ преобразованными высшими мѣстами суда и управленія. Мысль эта не могла не занимать сильно государя, которому нуженъ былъ для ея исполненія человѣкъ, обладающій особеннымъ даромъ организаціи и умомъ строго-систематическимъ. Кочубей рекомендовалъ императору уже извѣстнаго ему Сперанскаго, которому и было дано важное порученіе составить планъ образованія судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ имперіи (5). Такого высокаго довѣрія было достаточно, чтобы тогда уже убѣдиться, что Сперанскаго ждетъ быстрая и блестящая карьера.

Занятіе такимъ важнымъ трудомъ и обязанности по государственному совѣту не мѣшали Сперанскому дѣятельно приво-

---

(1) *Современн.* 1856, № 8, Отд. 2, стр. 30.

(2) *Слов. Достоп. людей,* 1847, ч. III. стр. 285.

(3) Тамъ же.

(4) См. письмо в. к. Александра Павловича къ В. П. Кочубею, о которомъ уже говорено выше.

(5) *Слов. Достоп. людей,* 1847, ч. III, стр. 285. «Образованіе судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ Имперіи», написанное Сперанскимъ, было введено не все вдругъ, а только по нѣкоторымъ частямъ и въ разное время. *(Восп. Ѳ. Булг.* ч. V, стр. 313).

дить въ порядокъ организацію министерства внутреннихъ дѣлъ, которую онъ началъ въ 1802 году, и которая служила образцомъ и для прочихъ министровъ (1). Приходилось образовать департаменты изъ коллегій, дать первоначальное направленіе правильному теченію дѣлъ, сочинять правила и формы для дѣлопроизводства, собирать статистическія свѣдѣнія, составлять отчеты и проч. (2). При всемъ этомъ необходимо было заготовлять множество проектовъ, докладовъ, положеній, указовъ объ устройствѣ полицій и по другимъ предметамъ. Сперанскій пробылъ семь лѣтъ въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, которое, по объему своему, въ послѣдствіи только сокращенному, было тогда болѣе многосложно и затруднительно для управленія имъ, чѣмъ всѣ прочія,—и вся эта тяжелая работа лежала на Сперанскомъ. Во всѣхъ многоразличныхъ законоположеніяхъ, писанныхъ Сперанскимъ, видно непреодолимое желаніе, устраняя всякое недоразумѣніе, могущее подать поводъ къ произволу, не только установить законность и справедливость, но и опредѣлить ее такъ ясно, чтобы не могло и быть причинъ къ кривымъ толкованіямъ, ведущимъ къ злоупотребленіямъ. Должно замѣтить, что кромѣ работъ, прямо принадлежавшихъ къ обязанностямъ Сперанскаго по службѣ, на него возлагались и посторонніе труды, такъ что почти всѣ важные государственные акты до 1812 года были произведеніями его искуснаго пера (3).

Едва ли не важнѣйшимъ изъ такихъ актовъ въ 1803 году былъ указъ 20 февраля о свободныхъ хлѣбопашцахъ (4). Онъ былъ первою попыткой внести нѣкоторый свѣтъ въ мрачный лабиринтъ крѣпостнаго права, мало-по-малу принявшаго, силой не законоположеній, а однихъ обычаевъ и обстоятельствъ, ужасающіе и даже ему самому не свойственные размѣры. Извѣстно, что когда въ государственномъ совѣтѣ, по волѣ государя, стали заниматься этимъ вопросомъ, почти всѣ были удивлены его возбужденіемъ, и никто не могъ указать, когда и какъ крѣпостное состояніе сложилось въ тѣ формы, которыя оно тогда представляло. Оно казалось до того естественнымъ и неприкосновеннымъ, что многіе не могли даже понять, о чемъ тутъ было

---

(1) *Москвит.* 1842, № II, стр. 147.
(2) *Москвит.* 1843, № 4, стр. 484.
(3) *Москвит.* 1842, № II, стр. 147.
(4) *Полное Собр. Зак.* т. XXVII, № 20.620.

толковать. Указъ 20 февраля былъ первымъ намекомъ на невозможность вѣчнаго сохраненія крѣпостнаго права и на надежду, что оно уничтожится. Онъ произвелъ волненіе не только въ мірѣ офиціяльномъ, гдѣ, если не ошибаемся, сенатъ силился противъ него протестовать, но и въ обществѣ (1), и наконецъ былъ дополненъ законоположеніями, которыя, ограждая интересы увольняемыхъ крестьянъ, окружили его такими формальностями, что почти невозможно было пользоваться имъ иначе какъ съ благотворительною цѣлію, и что даже крестьяне одной помѣщицы, принадлежавшей къ числу лицъ, возбудившихъ вопросъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, остались крѣпостными противъ ея собственной воли, вслѣдствіе одного лишь несоблюденія формальностей, оказавшагося послѣ ея смерти. Кажется, можно предположить, что съ этого времени Сперанскій, какъ редакторъ этого закона, нажилъ уже себѣ враговъ, особенно въ людяхъ, негодовавшихъ на слишкомъ быстрое возвышеніе незнатнаго человѣка, который пріобрѣталъ такое сильное вліяніе въ государственныхъ дѣлахъ.

Въ 1804 году вышло нѣсколько указовъ, писанныхъ, если не ошибаемся, также Сперанскимъ, которые возбудили ропотъ помѣщиковъ, привыкшихъ считать неоспоримыми своими правами даже такія вкравшіяся злоупотребленія, которыя правительство давно хотѣло пресѣчь. Дѣло шло о торгѣ рекрутами, для чего нѣкоторые помѣщики покупали крестьянъ безъ земли и продавали ихъ въ солдаты. Хотя такой ужасный обычай и былъ давно запрещенъ (2), но требовалось опредѣлить въ точности это запрещеніе особымъ указомъ. Дѣйствительно, правила о семъ изложены въ указѣ 7 сентября 1804 года (3). Но зло такъ сильно укоренилось, что были употребляемы разныя средства, которыми старались затемнить или обойдти законъ. Для совершеннаго пресѣченія чудовищнаго злоупотребленія воспослѣдовали въ 1804 году еще два указа. Первымъ, отъ 18

---

(1) Замѣтимъ между прочимъ, что Карамзинъ въ своей запискѣ *О древней и новой Россіи*, о которой уже упомянуто выше, оправдываетъ крѣпостное право, считая уничтоженіе его несправедливымъ и вреднымъ. Аргументы его совершенно подобны тѣмъ, которые мы слышали еще недавно, почти черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ сочиненія его записки.

(2) Слова указа 7 сентября 1804.

(3) *Полное Собр. Зак.* т. XXVIII, № 21.442.

ноября, было запрещено совершать на рекрутскія квитанціи купчія крѣпости (1); вторымъ, отъ 5 декабря, повелѣно было не принимать въ зачетъ квитанцій, купленныхъ послѣ запрещенія торговать ими (2). Мѣры эти возбудили неудовольствіе въ тѣхъ изъ помѣщиковъ, которые занимались этимъ недостойнымъ промысломъ, а другіе сочли для себя обидой законъ, относящійся до злоупотребленій, совершавшихся членами ихъ сословія. Такова часто бываетъ логика людей, проникнутыхъ сословными предразсудками!

Къ 1804 году принадлежитъ и другое твореніе Сперанскаго, свидѣтельствующее также о гуманности его воззрѣній. Мы говоримъ о важномъ законоположеніи, названномъ *Положеніе объ устройствѣ евреевъ*, обнародованномъ 9 декабря (3).

Заботясь объ устройствѣ ввѣренной ему части и исполненіи особо-поручавшихся ему дѣлъ, Сперанскій желалъ притомъ, по возможности, знакомить публику съ дѣйствіями министерства внутреннихъ дѣлъ, которыя, по самому своему предмету, болѣе чѣмъ распоряженія другихъ вѣдомствъ, должны были возбуждать любопытство русскихъ читателей. Съ этою цѣлію, съ 1804 года, онъ основалъ *Санктпетербургскій журналъ, издающійся отъ министерства внутреннихъ дѣлъ*, который выходилъ во все время служенія его по этой части, и потомъ до конца 1809 года (4). Тутъ помѣщались, кромѣ множества любопытныхъ статей, многіе офиціяльные документы, министерскіе отчеты и проч. (5). Съ этого времени началось преобразованіе нашего дѣловаго языка, который былъ нерѣдко, даже въ государственныхъ актахъ, тяжелъ, теменъ, неправиленъ (6). Мастерское перо Сперанскаго, постоянно завѣдывавшаго редакціей этого журнала, гдѣ было помѣщено столько собственныхъ его произведеній, послужило образцомъ и для другихъ, и необходимая реформа канцелярскаго слога совершилась.

Въ 1804 году ревностная служба Сперанскаго была награж-

---

(1) *П. С. З.* № 21.519.

(2) Тамъ же, № 21.543.

(3) Тамъ же, № 21.547.

(4) Журналъ этотъ составляетъ коллекцію изъ 23 частей, in-8°. См. *Роспись Смирдина* № 2029.

(5) *Воспом. Ѳ. Булгарина*, ч. V, стр. 311.

(6) Тамъ же.

дена пожалованіемъ ему аренды въ Лифляндіи на двѣнадцать лѣтъ (1).

Слѣдующій 1805 годъ прошелъ для Сперанскаго въ такихъ же занятіяхъ, какъ и предыдущій. Изъ замѣчательныхъ законодательныхъ актовъ этого года, написанныхъ имъ, должно указать, по важности ихъ предмета, особенно на слѣдующіе (2). Мая 2 обнародовано было *Предварительное положеніе о земскихъ повинностяхъ* (3), а 8 сентября *Примѣрное положеніе о составленіи рекрутскихъ участковъ* (4).

При громадныхъ трудахъ по службѣ, Сперанскій находилъ время и для занятій литературныхъ. Привыкшій къ трỳду, онъ и отдыхалъ за трудомъ. Такъ мы имѣемъ несомнѣнное свидѣтельство (5), что еще въ 1805 году онъ началъ переводить извѣстное твореніе Ѳомы Кемпійскаго *О подражаніи Іисусу Христу* (6). Замѣчательно, что товарищъ и пріятель его П. А. Словцовъ также перевелъ это сочиненіе; но переводъ его не былъ изданъ (7). Оба они высоко цѣнили Ѳому Кемпійскаго, котораго Сперанскій называетъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Словцову: *нашъ добрый Ѳома Кемпійскій*, и приводитъ изъ него цитату (8).

Скажемъ здѣсь кстати, что Сперанскій, чуждый предразсудковъ, былъ человѣкъ истинно-религіозный. Доказательствами тому могутъ послужить: твердость его духа и покорность волѣ Провидѣнія въ бѣдствіяхъ и многія напечатанныя письма его къ дочери, къ Словцову и къ другимъ лицамъ.

Въ 1806 году Сперанскій сталъ управлять второю экспедиціей министерства внутреннихъ дѣлъ, чтò продолжалось до 19 октября 1807 года (9), и получилъ владимірскій крестъ 3-й степени (10). Репутація его, какъ ученаго администратора и законодателя, была уже повсемѣстна. Въ это время имѣлъ онъ удо-

---

(1) *Слов. Достоп. людей*, 1847, ч. III, стр. 285.

(2) *Москвит.* 1843, № 4, стр. 484.

(3) *Полное Собр. Зак.*, т. XXVIII, № 21.737.

(4) Тамъ же, № 21.906.

(5) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.

(6) Этотъ переводъ напечатанъ въ первый разъ въ С.-Петербургѣ, въ 1819 году.

(7) *Москвит.* 1844, № 10, стр. 386.

(8) Тамъ же, стр. 388.

(9) *Слов. Достоп. людей* 1847, ч. III, стр. 285.

(10) Тамъ же.

вольствіе увидѣть особенное изъявленіе чувствъ, внушенныхъ его честною жизнію и полезною дѣятельностію. Въ печати появилась написанная А. Ѳ. Воейковымъ *Сатира къ С... объ истинномъ благородствѣ* (1), начинавшаяся и кончавшаяся панегирикомъ Сперанскому, котораго всѣ узнали подъ буквой С. по портрету его:

Сперанскій, другъ людей, полезный гражданинъ,
Великій человѣкъ, хотя не дворянинъ!
Ты славно побѣдилъ людей несправедливость,
Собою посрамилъ и барство и кичливость.
Ты свой возвысилъ родъ; твой гербъ, твои чины,
И слава—собственно тобой сотворены;
Твои послѣ тебя наслѣдуютъ потомки
Любовь къ отечеству, не титлы только громки.

Послѣ такого обращенія авторъ вычисляетъ пороки и смѣшныя стороны пустаго, надменнаго барства, чванящагося одною древностію рода, но не поддержаннаго собственными заслугами, которыми прославились на разныхъ поприщахъ: Румянцевъ, Орловъ, Репнинъ, Долгоруковъ, Еропкинъ, Шуваловъ, Муравьевъ, Херасковъ, Державинъ. Далѣе слѣдуютъ доказательства того, какъ нелѣпо гордиться знатностію происхожденія, не имѣя другихъ правъ на общее уваженіе. Піеса заключается слѣдующими стихами:

Межъ тѣмъ, Сперанскій, ты, трудясь, какъ муравей,
Чинъ знатный заслужилъ прилежностью своей;
Твоею доблестью отечество гордится:
Осмѣлится ль съ тобой дворянскій сынъ сравниться,
Который газы лишь и фейерверки жжетъ,
Или на псарнѣ жизнь прекрасную ведетъ?
Сперанскій, ты наукъ, словесности любитель,
Отъ сильныхъ слабому покровъ и защититель;
Ты духомъ дворянинъ! Трудися, продолжай,
Во слѣдъ за Сюлліемъ, за Кольбертомъ ступай;
Не орденской звѣздой, сіяй ты намъ дѣлами;
Превосходи другихъ душою, не чинами;
Монарху славному со славою служи,
Добромъ и пользою вселенной докажи,
Что Александръ къ дѣламъ людей избрать умѣетъ,
И ревностныхъ сыновъ отечество имѣетъ.

---

(1) Она явилась въ *Вѣстникѣ Европы*, т. XXIX, 1806 года, № 19, стр. 195. Въ позднѣйшихъ перепечаткахъ этой піесы въ разныхъ сборникахъ, вмѣсто С...., поставлено вымышленное имя: Эмилій.

Императоръ Александръ дѣйствительно счастливо избралъ многихъ людей и умѣлъ отличать ихъ заслуги, употребляя ихъ сообразно ихъ способностямъ, какъ то было съ Сперанскимъ. Въ 1807 году 29-го ноября учрежденъ былъ «комитетъ объ усовершенствованіи духовныхъ училищъ» изъ шести членовъ, въ число которыхъ былъ назначенъ Сперанскій. Онъ принялъ самое живое участіе въ дѣлѣ устройства такой части, которая была ему извѣстна по опыту, и не могла не быть ему особенно близка по чувству благодарности къ мѣстамъ перваго его образованія. По мысли Сперанскаго составленъ былъ утвержденный государемъ докладъ комитета о дарованіи церквамъ исключительнаго права продавать въ нихъ восковыя свѣчи,— и это послужило вѣрнѣйшимъ источникомъ средствъ для содержанія духовныхъ училищъ (1). Въ томъ же году Сперанскій получилъ аннинскую ленту (2).

Образъ жизни Сперанскаго въ эти годы былъ самый скромный и почти уединенный. Онъ жилъ въ отдаленной части Петербурга, у Таврическаго сада, цѣлое утро занимался дѣлами, обѣдалъ съ тремя друзьями, которые у него жили, и потомъ до поздней ночи занимался чтеніемъ всего того, что̀ могло ставить его постоянно въ уровень съ современнымъ состояніемъ наукъ, преимущественно философскихъ и политическихъ (3). Но наступила эпоха, когда Сперанскій долженъ былъ оставить свое спокойное уединеніе.

IV.

Въ 1808 году Сперанскій, уже хорошо извѣстный государю, особенно черезъ Кочубея, явился однажды къ Александру за болѣзнію министра внутреннихъ дѣлъ съ докладомъ по его министерству. До этой минуты, Сперанскаго преимущественно считали чрезвычайно полезнымъ редакторомъ и неутомимымъ труженикомъ, не вполнѣ еще зная или оцѣнивая другія, высшія его способности. Докладъ этотъ далъ государю истинное понятіе о необыкновенныхъ дарованіяхъ, свѣтломъ умѣ и знаніяхъ

(1) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144 и *Москвит.* 1855, № 3, стр. 94.
(2) *Слов. Достоп. люд.* 1847, ч. III, стр. 285.
(3) *Москвит.* 1843, № 4, стр. 484.

Сперанскаго, который привелъ его въ восхищеніе и ловкостію своего доклада и пріятностію чтенія (1). Съ этой минуты Сперанскій сдѣлался лицомъ, приближеннымъ къ особѣ государя. Въ сентябрѣ 1808 года Александръ сбирался ѣхать въ Эрфуртъ для свиданія съ Наполеономъ. Уже при первомъ свиданіи двухъ императоровъ въ 1807 году, въ Тильзитѣ, Наполеонъ успѣлъ очаровать Александра геніяльностію и смѣлостію своихъ политическихъ соображеній и сообщеніемъ ему величественной перспективы будущихъ плановъ, которые онъ замышлялъ, приглашая русскаго государя раздѣлить съ нимъ славу ихъ осуществленія. Александръ плѣнился не только величіемъ этихъ плановъ, но и умѣніемъ Наполеона избирать людей для ихъ исполненія. Государь горѣлъ желаніемъ найдти у себя такихъ же необходимыхъ сотрудниковъ; такимъ призналъ онъ Сперанскаго, хвалясь, что «нажилъ собственнаго Маре» (2), и назначилъ его къ отъѣзду при своей особѣ въ Эрфуртъ для доклада по гражданскимъ дѣламъ (3).

Придворные считали еще Сперанскаго только дѣльцомъ, не полагая, что онъ скоро можетъ сдѣлаться опаснымъ ихъ соперникомъ, а потому хвалили государю новый его выборъ (4). Поѣздка въ Эрфуртъ еще болѣе приблизила его къ императору и убѣдила Александра въ достоинствахъ новаго его любимца. Въ Эрфуртѣ Наполеонъ цѣлый часъ говорилъ съ Сперанскимъ въ присутствіи Александра и сказалъ потомъ государю: «Какого человѣка имѣете вы при себѣ! Я отдалъ бы за него королевство!» (5) Однажды, на балѣ государь спросилъ Сперанскаго: «какъ находитъ онъ чужіе краи въ сравненіи съ Россіей?» Сперанскій отвѣчалъ: «мнѣ кажется, государь, что здѣсь *установленія*, а у насъ *люди* лучше.» Государь съ удовольствіемъ сказалъ на это: «возвратясь домой, мы съ тобой много говорить объ этомъ будемъ» (6). Въ Эрфуртѣ Сперанскій получилъ отъ Наполеона табакерку съ его портретомъ, осыпаннымъ брилли-

---

(4) *Москв*. 1843, № 4, стр. 485.

(5) Маре (Maret), герцогъ Бассано, род. 1763, ум. 1839. Онъ былъ статсъ-секретаремъ Наполеона и неотлучнымъ его спутникомъ въ походахъ, во время которыхъ всѣ важныя дѣла проходили черезъ его руки, и имъ писались всѣ важные государственные акты.

(6) *Москвит*. 1843, № 4, стр. 485.

(7) Тамъ же.

(8) *Слов. Достоп. люд*. 1847, ч. III, стр. 286.

(9) *Москвит*. 1843, № 4, стр. 485.

янтами, а отъ короля прусскаго ленту Краснаго Орла (1). Государь пожаловалъ ему орденъ Св. Владиміра 2-й степени (2).

Въ 1808 году Сперанскій былъ сдѣланъ членомъ двухъ коммиссій: составленія законовъ и разсмотрѣнія лифляндскихъ дѣлъ (3). По возвращеніи изъ Эрфурта, въ октябрѣ того же года, начались тѣ особенныя, можно сказать дружескія, отношенія Сперанскаго къ государю, которыя вскорѣ возбудили во многихъ жестокую зависть. Государь сталъ проводить съ нимъ наединѣ цѣлые вечера, въ чтеніи его проектовъ, бесѣдахъ объ администраціи, законодательствѣ (4) и даже о предметахъ научныхъ и религіозныхъ (5). Декабря 16 Сперанскій былъ назначенъ товарищемъ министра юстиціи (6). Такимъ образомъ наступилъ 1809 годъ.

Скажемъ прежде всего объ обстоятельствахъ службы Сперанскаго въ этомъ году и затѣмъ уже сообщимъ извѣстія о трудахъ его за это время, которые совершались, такъ сказать, на глазахъ самого государя.

Въ 1809 году Сперанскій былъ пожалованъ въ тайные совѣтники (7), назначенъ членомъ главнаго правленія училищъ (8), канцлеромъ Абоскаго университета, и ему поручено устройство управленія вновь пріобрѣтенною Финляндіей (9). Онъ содѣйствовалъ сохраненію учрежденій и преимуществъ финляндскихъ, но отказался отъ диплома на финляндское дворянство, предложеннаго ему въ знакъ признательности края (10). Въ коммиссію духовныхъ училищъ, въ которую былъ преобразованъ учрежденный въ 1807 году комитетъ, Сперанскій представилъ проектъ первой части устава академическаго о внутреннемъ управленіи академіей, совершенно одобренный коммиссіей. Продолжать этотъ трудъ Сперанскій не могъ за другими дѣлами, почему онъ и былъ конченъ, по его указаніямъ,

---

(1) *Слов. Достоп. люд.* 1847, ч. III, стр. 286.

(2) Тамъ же, стр. 285.

(3) Тамъ же.

(4) Тамъ же.

(5) Письмо Сперанскаго изъ Перми въ 1813 году, о которомъ говорится ниже.

(6) *Слов. Достоп. люд.* 1847, ч. III, стр. 286.

(7) *Воспом. Ѳ. Булгарина*, ч. V, стр. 292.

(8) *Слов. Достоп. люд.* 1847, ч. III, стр. 286.

(9) *Москвит.* 1842, № 11, стр. 147.

(10) Тамъ же.

калужскимъ архіепископомъ Ѳеофилактомъ; но уставы академій, семинарій и духовныхъ училищъ, были обнародываны только въ 1814 году (1).

Къ этому же году принадлежитъ начало громаднаго труда Сперанскаго по коммиссіи составленія законовъ. Первыя двѣ части его сдѣлались извѣстны въ концѣ слѣдующаго года. Мы говоримъ о гражданскомъ уложеніи, разсмотрѣнномъ въ совѣтѣ и заключавшемъ въ себѣ законы: 1) о правахъ личныхъ и 2) правахъ на имущества (2). Въ послѣдствіи Сперанскій приготовилъ къ разсмотрѣнію и уложенія коммерческое и уголовное (3).

По занятіямъ своимъ въ главномъ правленіи училищъ Сперанскій подалъ полезныя мысли объ улучшеніи способовъ преподаванія и о средствахъ къ приращенію училищныхъ капиталовъ (4).

Въ 1809 году, 6 августа, вышелъ указъ о затрудненіяхъ гражданскимъ чиновникамъ получать чины 5 и 8 классовъ (5). Для производства въ эти чины потребовалось предварительное служеніе въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ опредѣленныхъ должностяхъ и выдержаніе особаго экзамена въ предметахъ, приличествующихъ званію гражданскаго чиновника, тѣми, которые не получили ученаго аттестата прежде. Указъ этотъ, въ свое время имѣвшій не одну полезную сторону, произвелъ почти общее неудовольствіе. Первыми его противниками были, разумѣется, тѣ, до которыхъ онъ прямо относился, и тѣ, которые имѣли въ перспективѣ подчиниться ему современемъ. Число тѣхъ и другихъ было огромно, а за ними возстало и общее мнѣніе, обрушившееся сарказмами и ненавистію на Сперанскаго, котораго знали за сочинителя этого указа (6).

Въ концѣ 1809 года, государь утвердилъ еще одно важное законоположеніе, написанное Сперанскимъ и обнародыванное

---

(1) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.

(2) Тамъ же.

(3) Тамъ же.

(4) *Москвит.* 1842, № 11, стр. 147.

(5) *Полн. Собр. Зак.*, т. XXX, № 23.771.

(6) Законъ этотъ въ послѣдствіи подвергся многимъ ограниченіямъ. Въ числѣ ихъ было правило о томъ, что отъ экзамена избавлялись чиновники, не имѣвшіе аттестата, но служившіе на Кавказѣ. Многіе, желавшіе получить 8 классъ, отправлялись въ этотъ край, и Кавказъ получилъ отъ того въ шутку названіе: «Кладбище титулярныхъ совѣтниковъ».

1 января 1810 года: «Образованіе государственнаго совѣта и главныхъ началъ, на коихъ онъ учреждается» (1). Это была организація высшаго учрежденія, не имѣвшаго до того времени точныхъ и подробныхъ правилъ. Образованіе государственнаго совѣта 1810 года, съ малыми прибавленіями и измѣненіями, существуетъ до сихъ поръ.

Учрежденіе это, хотя одобренное тогдашними государственными людьми, было также предметомъ жестокихъ нападокъ и сдѣлалось обвинительнымъ пунктомъ противъ Сперанскаго. Противники нововведеній называли образованіе совѣта подражаніемъ французскому, только потому, что въ обоихъ существовало сходное раздѣленіе департаментовъ, основанное на самомъ существѣ предметовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію совѣта. Другіе даже утверждали, что совѣтъ стѣсняетъ власть государя, несмотря на то, что всѣ дѣла вносились въ совѣтъ лишь по его волѣ и его рѣшеніемъ оканчивались (2).

Такъ прошелъ 1809 годъ. Чтобы показать читателямъ, что дворъ и почести не измѣнили Сперанскаго и не отвлекли его отъ религіозныхъ и философскихъ размышленій, которымъ онъ предавался среди служебныхъ трудовъ своихъ, приводимъ письмо его къ Словцову отъ 5 февраля 1809 года (3).

«Самъ ты видишь, любезный мой страдалецъ, что «трудно противъ рожна прати»; лучше покориться, бросить всѣ замыслы и ничего не надѣяться, не желать и не мыслить, какъ токмо о единомъ. Вѣрь, что Провидѣніе ведетъ тебя особенно: ибо всѣ человѣческіе способы и усилія, противные твоему влеченію, какъ бреніе, сокрушаются. Въ Москвѣ у Ключарева почтдиректора найдешь мое письмо. Совѣтую тебѣ съ нимъ познакомиться; онъ, можетъ-быть, утѣшитъ и нѣсколько подниметъ упадшій твой духъ силой вѣры. Другихъ утѣшеній представить тебѣ не могу: ибо, не взирая на разность положеній, и самъ ихъ не имѣю. Размысли, что̀ ты потерялъ? Случай къ гордости и пищу самолюбія; а болѣе ничего. Много можешь ты мнѣ сказать въ укоризну сихъ совѣтовъ; но истина не относится къ лицу, и я, который тебѣ совѣтую, въ твоемъ положеніи, можетъ-быть былъ бы еще прискорбнѣе и неутѣшнѣе.

---

(1) *Полн. Собр. Зак.* т. XXXI, 24.064.
(2) Письмо Сперанскаго изъ Перми въ 1813 году.
(3) *Москвит.* 1844, № 10, стр. 389.

Прощай; Богу, вѣрѣ, надеждѣ и любви, Единому Сущему, тебя поручаю.

«О деньгахъ не пекися, долгъ будетъ здѣсь заплаченъ.»

Въ 1810 году, 1-го января, было обнародывано, какъ мы уже сказали, новое образованіе государственнаго совѣта, раздѣленнаго на четыре департамента: законовъ, дѣлъ военныхъ, дѣлъ гражданскихъ и духовныхъ и государственной экономіи, а также учрежденныхъ при совѣтѣ: коммиссіи составленія законовъ, коммиссіи прошеній и государственной канцеляріи. Сперанскій назначенъ былъ 10-го августа 1810 (1) государственнымъ секретаремъ съ оставленіемъ товарищемъ министра юстиціи и въ прочихъ должностяхъ. Ближайшими сотрудниками Сперанскаго по должностямъ статсъ-секретарей въ департаментахъ совѣта сдѣлались: Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій, Семенъ Агаѳоновичъ Бижеичъ, Алексѣй Николаевичъ Оленинъ и Ѳедоръ Ивановичъ Энгель (2). Первый изъ нихъ занималъ важнѣйшее мѣсто по департаменту законовъ и былъ ближайшимъ сотрудникомъ и довѣреннымъ лицомъ Сперанскаго.

По силѣ новаго своего учрежденія, государственный совѣтъ приблизился къ значенію общаго, высшаго министерства (3), а Сперанскій, какъ производитель его дѣлъ, пріобрѣлъ *de facto* вліяніе первенствующаго министра (4). Такое высокое значеніе не могло не увеличить числа его враговъ и должно было еще болѣе ожесточить ихъ противъ Сперанскаго.

Всѣ новыя учрежденія, какъ послѣдовавшія уже, такъ и тѣ, которыя предполагалось осуществить въ послѣдствіи, истекали изъ общаго правила, которое выразилъ государь еще въ началѣ своего царствованія: «послѣ многихъ колебаній правительства, составить наконецъ твердое и на законахъ основанное положеніе, сообразное духу времени и степени просвѣщенія» (5). Правило это принялъ Сперанскій за исходный пунктъ всѣхъ работъ, которыя онъ предпринималъ и, можно сказать, производилъ вмѣстѣ съ государемъ. Первою необхо-

---

(1) *Слов. Достопамятн. людей,* 1847, ч. III, стр. 286.

(2) Свѣдѣнія эти взяты изъ современныхъ адресъ-календарей. Личный составъ совѣта почти не измѣнялся до 1812 года.

(3) *Москвит.* 1842, № II, стр. 147.

(4) *Москвит.* 1843, № 4, стр. 485.

(5) Письмо Сперанскаго изъ Перми въ 1813 году.

димостью было начать преобразованія съ правительственнаго центра, что̀ и произошло при новомъ устройствѣ государственнаго совѣта, такъ какъ государь не хотѣлъ приступить вдругъ къ общей реформѣ, хотя для нея былъ начертанъ цѣлый планъ (1), изъ котораго только немногія части были осуществлены до 1812 года.

Государственные труды Сперанскаго въ 1810 и 1811 годахъ такъ тѣсно связаны между собою, что мы отступимъ нѣсколько отъ принятаго нами до сихъ поръ порядка, сливши ихъ вмѣстѣ и раздѣливъ ихъ по предметамъ.

I. *Работы кодификаціонныя.* Въ 1810 году Сперанскій былъ назначенъ директоромъ коммиссіи составленія законовъ (2). Множество порученныхъ ему занятій препятствовали дать этому дѣлу тотъ ходъ, который бы онъ желалъ дать ему (3). Мы уже говорили о начертаніи и разсмотрѣніи въ совѣтѣ въ это время двухъ первыхъ частей гражданскаго уложенія; онѣ были произведеніемъ Сперанскаго. Онъ едва ли воспользовался двумя—тремя статьями изъ каждой сотни, составленной въ коммиссіи начальникомъ 1-го отдѣленія (гражданскаго) Г. А. Розенкампфомъ, труды котораго Сперанскій называлъ безобразными компиляціями (4). Третья часть была также приготовлена и требовала только окончательной отдѣлки (5).

II. *Работы по преобразованію высшихъ правительственныхъ мѣстъ.* Мы уже говорили о преобразованіи государственнаго совѣта, которое было началомъ введенія новаго, болѣе стройнаго порядка. Не входя ни въ какія подробности о множествѣ указовъ и распоряженій, изданныхъ въ 1810—11 годахъ, что̀ должно найдти свое мѣсто въ исторіи того времени и въ подробной біографіи Сперанскаго, мы ограничимся указаніемъ двухъ главнѣйшихъ, основныхъ актовъ этого рода, которыхъ исполненіе принадлежитъ Сперанскому.

1) *Манифестъ 25 іюля 1810 года о раздѣленіи государственныхъ дѣлъ на особыя управленія, съ присовокупленіемъ общаго учрежденія министерствъ, раздѣленнаго на а) образованіе министерствъ и б) наказы министрамъ* (6).

---

(1) Письмо Сперанскаго изъ Перми въ 1813 году.
(2) *Адресъ-календарь* 1811 года.
(3) Письмо Сперанскаго изъ Перми.
(4) Тамъ же.
(5) Тамъ же.
(6) *Полн. Собр. Зак.*, т. XXXI, № 24.307.

За неимѣніемъ съ 1802 года подробныхъ учрежденій и инструкцій по министерствамъ, происходили многіе безпорядки и замѣшательства, особенно отъ недостатка точнаго разграниченія и опредѣленія частей, подвѣдомственныхъ министрамъ. По желанію государя, Сперанскій исполнилъ трудъ, много способствовавшій къ устраненію этихъ недостатковъ и къ установленію правильныхъ сношеній мѣстъ и лицъ (1). Онъ же писалъ и наказы всѣмъ министрамъ, составленные во избѣжаніе личныхъ притязаній всякаго рода по каждому вѣдомству (2).

По новому учрежденію возникли два новыя главныя вѣдомства:

а) *Министерство полиціи*, учрежденное по причинѣ несоразмѣрнаго множества предметовъ, принадлежавшихъ вѣдѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ составѣ послѣдняго оставались три департамента: государственнаго хозяйства и публичныхъ зданій, мануфактуръ и внутренней торговли и почтовый. Министерство полиціи составили также три департамента: хозяйственный, исполнительный и медицинскій (3). Министромъ полиціи былъ сдѣланъ с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Александръ Дмитріевичъ Балашовъ (4).

б) *Главное управленіе ревизіи государственныхъ счетовъ* (*контроль*), основанное для порядка въ отчетности. Главноуправляющимъ сдѣланъ былъ тайный совѣтникъ Бальтазаръ Бальтазаровичъ Кампенгаузенъ (5). Въ началѣ, управленіе это входило въ составъ министерства финансовъ. Но указомъ 31-го іюля 1811 государственному контролеру повелѣно было устроить подвѣдомственныя ему счетныя экспедиціи на правилахъ, существовавшихъ для министерствъ (6).

2) Сперанскій приготовилъ также проектъ новаго образованія сената, приведя его въ связь съ учрежденіемъ министерствъ. Онъ былъ уже внесенъ въ совѣтъ, но встрѣтилъ множество возраженій, потому что многіе тогда не понимали несообразностей, происходившихъ отъ введенія новыхъ учрежденій, при

---

(1) Письмо Сперанскаго изъ Перми.
(2) Тамъ же.
(3) *Адресъ-календарь* 1811 года.
(4) Тамъ же.
(5) Тамъ же.
(6) *Полн. Собр. Зак.* т. XXXI, № 24.738.

сохраненіи другихъ старыхъ, имъ противорѣчившихъ. Сперанскій самъ подалъ государю записку о необходимости остановить исполненіе этого проекта, и государь согласился съ его доводами (1). Если мы не ошибаемся, мысль Сперанскаго состояла въ томъ, чтобъ обратить сенатъ исключительно въ высшую судебную инстанцію.

III. *Мѣры финансовыя.* Съ наступленіемъ 1810 года положеніе финансовъ, особенно при постепенномъ упадкѣ курса ассигнацій, представляло самую печальную картину. Сумма ассигнацій простиралась до 577.000.000 рублей (2). Внѣшній долгъ состоялъ изъ 100.000.000 (3). По государственной смѣтѣ расходы должны были простираться до 193.000.000, а доходовъ предполагалось до 127.000.000, слѣдовательно оказывался дефицитъ въ 65.000.000 рублей (4).

Проекты, которые составлялись для пополненія этого недостатка, состояли въ умноженіи ассигнацій, то-есть предлагали лѣкарство, которое было корнемъ самаго зла (5). Тогда, по порученію государя, Сперанскій составилъ свой финансовый планъ, который былъ разсмотрѣнъ въ особомъ комитетѣ и внесенъ въ совѣтъ, гдѣ онъ встрѣтилъ горячія возраженія, особенно подъ видомъ опасенія неудовольствій въ народѣ за возвышеніе налоговъ, составлявшее одно изъ главныхъ основаній плана (6). Однако дѣлать было нечего: планъ Сперанскаго восторжествовалъ, и начало приведенія его въ исполненіе ознаменовалось обнародываніемъ манифеста 2-го февраля 1810 года (7). Общія его положенія были слѣдующія: 1) Ассигнаціи признаны государственнымъ долгомъ. 2) Къ прекращенію выпуска ихъ приняты мѣры и 3) Подати и налоги увеличены.

Они были слѣдующіе:

а) Подушныя съ крестьянъ казенныхъ, удѣльныхъ и помѣщичьихъ, возвышены до 2 рублей асс. съ души.

б) Казенные крестьяне кромѣ того облагаются временно, по росписаніямъ губерній, податью въ 3 руб., 2 руб. 50 коп. и 2 руб. асс. съ души.

---

(1) Письмо Сперанскаго изъ Перми.
(2) *Полн. Собр. Зак.* Т. XXXI, № 24.197.
(3) Финансовый планъ Сперанскаго.
(4) Тамъ же.
(5) Письмо Сперанскаго изъ Перми.
(6) Тамъ же.
(7) *Полн. Собр. Зак.* Т. XXXI, № 24.116.

в) На мѣщанъ временно прибавлено по 5 руб. асс. съ души.

г) Иностранные ремесленники въ столицахъ должны платить: мастера 100 руб. асс., подмастерья 40 руб. асс., ученики 20 руб. асс. въ годъ.

д) На подати съ купеческихъ капиталовъ надбавлено еще ½ процента на рубль.

е) Съ крестьянъ, торгующихъ въ столицахъ, положено взимать по ¼ процента съ капитала, соотвѣтствующаго гильдіи, къ которой каждый можетъ быть отнесенъ, а съ тѣхъ, кто подъ гильдейскія правила не подходитъ, по 25 рублей асс.

ж) Въ столицахъ опредѣлено взимать по ½ процента съ домовъ по существующей оцѣнкѣ.

з) Цѣна соли возвышена отъ 40 коп. до 1 руб. за пудъ.

и) За выплавку мѣди повелѣно взыскивать, кромѣ десятинной подати, по 3 руб. съ пуда.

і) Гербовая бумага значительно повышена въ цѣнѣ.

к) При уплатѣ таможенныхъ податей положено, до изданія новаго тарифа, принимать не 2½ руб. за талеръ, какъ было прежде, но 4 рубля.

Всѣ эти прибавки налоговъ и податей (кромѣ лит. *з* и *і*) постановлено было ввести въ силу съ 1-го января 1810 года, а остальныя со дня полученія манифеста.

Кромѣ того, по манифесту 2-го февраля учреждены во всѣхъ губернскихъ и другихъ большихъ городахъ размѣнныя конторы: 1) для выдачи новыхъ ассигнацій на мѣсто старыхъ и 2) для промѣна безъ роста крупныхъ ассигнацій на мелкія. Цѣлью этого было постепенное уничтоженіе промѣна, за который платили отъ 10 до 20 процентовъ.

За тѣмъ этотъ манифестъ обѣщалъ обнародываніе распорядка государственныхъ приходовъ и расходовъ на 1811 годъ.

Таково было первое проявленіе на дѣлѣ финансоваго проекта Сперанскаго.

Манифестъ 2 февраля 1810 года возбудилъ множество осужденій и послужилъ, въ послѣдствіи, чуть ли не главнымъ обвинительнымъ актомъ противъ Сперанскаго, который, несмотря на укоры въ столь огромномъ повышеніи податей и налоговъ, оставался при убѣжденіи, что поступить иначе было нельзя, и что это былъ единственный способъ спасти государство отъ банкротства, способъ, которымъ доходы его отъ 125 милл. рублей, менѣе чѣмъ въ два года, дошли до 300 милл. руб-

лей (1). Если можно въ чемъ-нибудь винить Сперанскаго, то конечно только въ томъ, что возвышеніе податей и налоговъ пало всею своею тяжестію на низшіе классы и остановило равномѣрное развитіе народнаго благосостоянія: но было ли возможно Сперанскому дѣйствовать иначе при тогдашней обстановкѣ?

Правительство не остановилось на этомъ манифестѣ, и дальнѣйшія законоположенія 1810 — 11 годовъ доказываютъ, что оно твердо рѣшилось слѣдовать своей системѣ, относительно необходимости замѣнять податями и налогами выпускъ ассигнацій, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣло уничтожать.

Къ мѣрамъ перваго рода должно отнести, кромѣ разныхъ частныхъ распоряженій, слѣдующіе три указа, изъ которыхъ второй несомнѣнно принадлежитъ Сперанскому: 28 февраля 1810 года было повелѣно съ крестьянъ, записанныхъ въ городскія званія, взыскивать подати по обоимъ состояніямъ (2). 5 іюля 1811 года на удѣльныхъ крестьянъ наложенъ сборъ по одному рублю, болѣе прежняго, съ души (3). 17 августа 1811 года дворовыхъ людей было приказано приписывать къ городамъ или селамъ для платежа податей (4).

Кромѣ того правительство принимало многія мѣры къ своевременному и строгому взысканію податей, въ точной мѣрѣ числа народонаселенія. Такъ 17 мая 1811 года вышелъ манифестъ о новой народной переписи (5).

Что̀ касается до мѣръ къ прекращенію выпуска ассигнацій и уничтоженію ихъ по возможности, то онѣ состояли въ 1810 году въ слѣдующемъ:

13 апрѣля изданъ былъ манифестъ о преданіи сожженію ассигнацій на 510.900 рублей (6).

29 мая обнародыванъ другой манифестъ объ открытіи внутренняго займа въ 100 милл. рублей ассигнаціями, съ раздѣленіемъ на 5 частей. Для этого утверждены: а) Продажа части государственныхъ имуществъ, служившихъ всегда залогомъ ассигнаціямъ. б) Учрежденіе коммиссіи погашенія долговъ, въ

---

(1) Письмо Сперанскаго изъ Перми.
(2) *Полн. Собр. Зак.*, т. XXXI, № 24.136.
(3) Тамъ же, № 24.708.
(4) Тамъ же, № 24.746.
(5) Тамъ же, № 24.635.
(6) Тамъ же, № 24.197.

вѣдомствѣ которой должны были находиться выручаемыя за эту продажу суммы; въ займѣ этомъ 2 руб. ассигнаціями принимались за 1 руб. серебряный; и в) Сожженіе выкупленныхъ займомъ ассигнацій (1).

19 декабря состоялось повелѣніе объ отсылкѣ въ означенную коммиссію ассигнацій, поступающихъ въ банкъ и государственное казначейство, для превращенія ихъ въ облигаціи (2).

Другимъ важнымъ финансовымъ дѣломъ было преобразованіе монетной системы, сдѣлавшееся неизбѣжнымъ, послѣ того какъ ассигнаціонный рубль потерялъ три четверти своего первоначальнаго достоинства. Для этого былъ изданъ манифестъ 20 іюня 1810 года (3). Въ немъ было повелѣно: а) Монетною единицей признавать серебряный рубль лигатурнаго серебра 83⅓ пробы, такъ чтобы изъ 5 фунтовъ 6 золотн. серебра выходило 100 рублей. б) Монету раздѣлить на банковую и торговую, или рубль и полтину, размѣнную серебряную въ 20, 10 и 5 копѣекъ и размѣнную мѣдную въ 2, 1 и ½ копѣйки. в) Ускорить и усилить выпускъ серебряной монеты. г) Мѣдную монету перелить по новымъ образцамъ. д) Всякую переливку ея частнымъ людямъ запретить.

Въ законодательствѣ торговомъ воспослѣдовалъ 19 декабря 1810 года манифестъ о нейтральной торговлѣ морской и сухопутной по западной границѣ (4). Это новое законоположеніе имѣло цѣлію прекращеніе роскоши, сокращеніе привоза товаровъ и поощреніе внутренняго труда и промышленности. Въ связи съ нимъ находится «Учрежденіе таможеннаго управленія по Европейской Россіи» съ новымъ запретительнымъ тарифомъ, изданное 24 іюня 1811 года (5).

М. Лонгиновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

---

(1) *Полн. Собр. Зак.*, № 24.244.
(2) Тамъ же, № 24.465.
(3) Тамъ же, № 24.264.
(4) Тамъ же, № 24.464.
5) Тамъ же, № 24.684.

ГРАФЪ СПЕРАНСКІЙ[1]

(1772—1839)

V.

Прежде чѣмъ мы приступимъ къ разказу о событіяхъ, которыя произвели внезапный переворотъ въ судьбѣ Сперанскаго, мы должны сдѣлать отступленіе и упомянуть, хотя вкратцѣ, о трудѣ его, оставшемся въ рукописи. Мы говоримъ о его проектѣ государственной организаціи. Проектъ этотъ, безъ сомнѣнія, не можетъ возбуждать полнаго сочувствія: въ немъ много искусственнаго, и очень замѣтно вліяніе наполеоновскихъ идей. Но онъ представляетъ нѣкоторыя черты, или, лучше сказать, нѣкоторыя политическія мысли, характеризующія Сперанскаго какъ политическаго мыслителя, и оправдываетъ его отъ обвиненій въ демократизмѣ. Наши понятія о Сперанскомъ были бы не полны, еслибъ отъ него не осталось этого рукописнаго труда.

(1) Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ* № 19.

Во всякомъ государствѣ Сперанскій различаетъ двѣ формы правленія: внѣшнюю, состоящую изъ хартій, конституцій и проч., которыя опредѣляютъ офиціяльно отношенія силъ государства другъ къ другу, и внутреннюю, состоящую въ такомъ правильномъ распредѣленіи этихъ силъ, чтобы ни одна не могла взять верхъ надъ другою.

Первая форма не имѣетъ существеннаго значенія; при самой либеральной внѣшности, народъ можетъ быть въ порабощеніи, и наоборотъ. Правленіе Рима при цезаряхъ было деспотическое, несмотря на республиканскія формы. Англія пользуется полною свободой, оставаясь монархіей. Дѣло въ томъ, что если сила правительства при новыхъ формахъ остается прежнею, то ничто въ государствѣ не измѣнится.

Вторая, внутренняя форма, основывается на живыхъ силахъ народнаго быта. И та и другая имѣютъ одинъ и тотъ же источникъ своей силы — народъ. Онъ силенъ, когда прекратилась борьба разныхъ сословій, и всѣ они стали единодушны. Но ему тогда необходимы руководители просвѣщенные, независимые и преданные общимъ интересамъ. Отсюда раздѣленіе народа на два класса: высшій и низшій, различные по видимости, но неразрывно связанные въ сущности общими выгодами.

Идеаломъ высшаго класса была для Сперанскаго англійская аристократія; онъ считалъ нѣчто подобное возможнымъ въ Россіи и предлагалъ *возстановить* право первородства для лицъ первыхъ четырехъ классовъ. Но первенство этого высшаго класса не должно было основываться на гражданскихъ привилегіяхъ. По мнѣнію Сперанскаго, никакое сословіе не можетъ имѣть исключительныхъ правъ на какую-нибудь собственность, но всѣ подданные должны быть обезпечены въ обладаніи тѣмъ, что̀ они пріобрѣли.

Онъ считаетъ дробное раздѣленіе народа на нѣсколько сословій мечтательнымъ, взаимныя отношенія сословій ведущими къ борьбѣ между ними, при чемъ совершенно затрудняются успѣхи просвѣщенія и законности.

Отмѣну крѣпостнаго права, которое Сперанскій признаетъ противнымъ здравому смыслу и зломъ, по необходимости, временнымъ, полагаетъ онъ раздѣлить на два періода:

Въ первомъ должны быть опредѣлены работы, которыхъ помѣщики въ правѣ требовать отъ крестьянъ, при чемъ устанавливаются особые суды для разбора взаимныхъ ихъ притязаній. Тутъ крестьяне явятся уже только, какъ *glebae adscripti*. Этому

можетъ содѣйствовать: обращеніе подушной подати въ поземельную, означеніе въ купчихъ и другихъ актахъ не числа душъ, а количества земли, и т. п.

Ко второму періоду должны относиться нѣкоторыя второстепенныя распоряженія, и послѣ нихъ крестьянамъ должно быть возвращено древнее право перехода отъ одного помѣщика къ другому, чѣмъ и совершится окончательное ихъ освобожденіе.

Устройство органовъ законодательной, судебной и административной власти едвали не самая слабая часть въ проектѣ Сперанскаго. Отъ природы организаторъ, онъ черезчуръ уже заботился о симметріи. Для законодательства, суда и администраціи онъ думалъ устроить отдѣльные органы, начиная съ самой низшей степени, степеней же предлагалъ четыре: государство, губернія, уѣздъ, волость. Въ каждой волости онъ хотѣлъ открыть по окружному городу и въ каждомъ окружномъ городѣ учредить отдѣльные органы по законодательной, судебной и административной части. Можно подивиться, отчего, размышляя о сооруженіи своего многоэтажнаго зданія, и допуская четырехстепенныя раздѣленія и подраздѣленія государственнаго тѣла, Сперанскій не обратилъ вниманія на самое естественное раздѣленіе государства, основанное на исторіи. Это тѣмъ болѣе удивительно, что, какъ онъ самъ говоритъ, государство обширное должно, кромѣ обыкновенныхъ губерній, заключать въ себѣ области, то-есть такіе края, которыя, по пространству и числу жителей, не могутъ быть вполнѣ подчинены общей системѣ управленія. Но эти области, края, или какъ у насъ прежде говорилось, *земли* не играютъ никакой роли въ томъ устройствѣ, которое предполагалъ для Россіи Сперанскій.

Изъ предположеній относительно губернской администраціи считаемъ не лишнимъ привести слѣдующее: по проекту Сперанскаго, губернское правленіе и казенная палата соединяются въ одно губернское правительство, раздѣленное на экспедиціи; кромѣ того въ губерніи существуетъ губернскій совѣтъ, котораго члены избраны изъ мѣстныхъ поземельныхъ собственниковъ, безъ различія состояній: онъ собирается одинъ разъ въ годъ, и губернаторъ представляетъ ему финансовый отчетъ по губерніи за прошедшій годъ и такой же планъ на будущій, на основаніи котораго совѣтъ распредѣляетъ подати и налоги.

Послѣ этихъ замѣчаній, приступаемъ къ разказу о борьбѣ Сперанскаго съ своими противниками. Мы говорили уже о томъ, что при началѣ возвышенія Сперанскаго, многіе не счи-

тали его опаснымъ себѣ соперникомъ и даже одобряли выборъ государя. Сперанскаго считали полезнымъ человѣкомъ, потому что онъ принималъ на себя трудную работу, которая была не по вкусу людямъ, привыкшимъ пользоваться одними лишь благами жизни. Но такое положеніе дѣлъ не могло продолжаться, особенно когда увидѣли необыкновенную милость къ нему государя и исключительное вліяніе, которое Сперанскій пріобрѣлъ на государственныя дѣла. Число его недоброжелателей росло въ ужасающей степени. Въ числѣ ихъ были завистники, личные непріятели, противники нововведеній, искренніе, и по разчету, оскорбленные аристократы, крайніе лже-патріоты и алармисты. Такъ какъ они принадлежали къ высокой общественной сферѣ, то мнѣнія ихъ не могли не имѣть вѣса въ публикѣ; за ними увлеклись ихъ кліенты, родственники, нувеллисты, люди, которые готовы порицать что бы то ни было, наконецъ, легкомысленная, робкая и не свѣдущая толпа, такъ что укоры Сперанскому едвали не начали даже распространяться между народомъ.

Если разсмотрѣть теперь современныя свидѣтельства объ обвиненіяхъ, которыми осыпали Сперанскаго, нельзя не изумиться громадѣ клеветъ, распущенныхъ на человѣка, безъ сомнѣнія иногда ошибавшагося, но исполненнаго чистыхъ намѣреній, благородныхъ стремленій къ пользѣ отечества, и посвящавшаго ему всю свою жизнь и всѣ свои дѣйствительно великія дарованія. Говорили, что Сперанскій измѣнилъ Россіи и купленъ Франціей, что онъ якобинецъ, масонъ, находится въ связяхъ съ иллюминатами, что цѣль его разстроить государство, возбудить налогами неудовольствіе въ народѣ, что онъ для этого умышленно разстраиваетъ финансы, разоряетъ торговлю, раздражаетъ дворянъ и чиновниковъ, унижаетъ Россію, поддерживая древнія учрежденія Финляндіи, порицаетъ правительство, презираетъ все національное, обманываетъ государя насчетъ порученныхъ ему работъ. Религіозность Сперанскаго обратилась въ ханжество, радушіе—въ лицемѣріе, достоинство его поведенія—въ эгоизмъ и гордость, доходившую будто бы до самопоклоненія, которое онъ питалъ самъ къ себѣ какъ къ существу высшему, такъ сказать, посвященному въ тайны судебъ Провидѣнія. Можно себѣ представить, сколько подробностей должно было развиться на такія обширныя и разнообразныя темы.

Противорѣчія, высказывавшіяся въ этомъ случаѣ, объясняются

тѣмъ, что обвиненія эти образовались въ разныхъ категоріяхъ враговъ Сперанскаго, о которыхъ мы сейчасъ говорили. Они старались болѣе всего слѣдовать системѣ устрашенія и рисовать яркими красками неудовольствіе и ропотъ народа, неизбѣжные, по ихъ словамъ, при исполненіи плановъ, которые представлялъ Сперанскій (1), и которые, надобно прибавить, могли быть тѣмъ легче дурно истолкованы, что были принимаемы только мѣры отдѣльныя, и весь его планъ не былъ извѣстенъ (2).

Нѣтъ сомнѣнія, что Сперанскій, встрѣчавшій на каждомъ шагу затрудненія по дѣламъ государственнымъ со стороны тѣхъ, которые должны были бы ему содѣйствовать, огорчаемый безпрестанно распускаемыми о немъ клеветами, о которыхъ онъ не могъ не знать, не былъ въ состояніи воздерживаться отъ выраженія своего негодованія. Оно изливалось иногда на людей сильныхъ, и вотъ новая пища для недоброжелательства.

При этомъ должно вспомнить, что политическій горизонтъ Европы омрачался все болѣе и болѣе. Самъ же Сперанскій не имѣлъ никакой поддержки при дворѣ, кромѣ своихъ достоинствъ и познаній. Говоря въ послѣдствіи о своемъ несчастіи, онъ прибавлялъ: «Еслибы я былъ въ фамильныхъ связяхъ съ знатными родами, то, безъ сомнѣнія, дѣло приняло бы другой оборотъ. Кто хочетъ держаться въ свѣтѣ, тотъ долженъ непремѣнно стать на якорѣ изъ обручальнаго кольца (3).»

Главные недоброжелатели Сперанскаго въ Петербургѣ занимали высокія мѣста и имѣли огромный вѣсъ въ обществѣ. Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ былъ предсѣдателемъ военнаго департамента въ государственномъ совѣтѣ; по характеру и убѣжденіямъ, онъ не могъ не ненавидѣть человѣка гуманнаго, ученаго и либеральнаго, каковъ былъ Сперанскій. Почти то же можно сказать о министрѣ полиціи и петербургскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ Александрѣ Дмитріевичѣ Балашовѣ. Предсѣдатель коммиссіи финляндскихъ дѣлъ (4), баронъ (въ послѣдствіи графъ) Густавъ Максимовичъ Армфельдъ, генералъ отъ инфантеріи, поступившій въ русскую службу изъ швед-

---

(1) Письмо Сперанскаго изъ Перми.
(2) Тамъ же.
(3) *Воспом. Ѳ. Булгарина*, ч. V, стр. 343.
(4) См. *Адресъ-кал.* 1812 года.

ской въ 1811 году (1), какъ мы полагаемъ, могъ не любить Сперанскаго по аристократическимъ предразсудкамъ и можетъ-быть за вмѣшательство его въ распоряженія по финляндскимъ дѣламъ. Министръ финансовъ Дмитрій Александровичъ Гурьевъ (въ послѣдствіи графъ) нападалъ на Сперанскаго за сокращеніе штатовъ и департаментовъ министерства финансовъ, за ограниченіе произвола въ расходованіи суммъ по министерствамъ, за доказанную несвоевременность финансовыхъ мѣръ, которыя были предлагаемы отъ имени министра (2). Были и другіе враги Сперанскаго, высоко стоявшіе въ чиновномъ мірѣ. Изъ второстепенныхъ должно особенно упомянуть о подчиненномъ Сперанскаго, дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ Густавѣ Андреевичѣ Розенкампфѣ, начальникѣ перваго отдѣленія коммиссіи составленія законовъ, который не любилъ нововведеній Сперанскаго и сдѣлался ближайшимъ орудіемъ въ рукахъ враговъ Сперанскаго для его ниспроверженія. Можно себѣ представить, какъ много было у нихъ одномышленниковъ въ петербургскомъ чиновничьемъ мірѣ, преимущественно занятомъ личными видами на служебныя выгоды.

Совсѣмъ другой характеръ имѣла оппозиція Сперанскому въ Москвѣ, гдѣ могла проявиться извѣстная самостоятельность сужденія уже потому, что въ Москвѣ по большей части проживаютъ люди, независимые отъ служебныхъ отношеній. Дурны ли, хороши ли московскіе толки, но они происходятъ изъ другихъ менѣе корыстныхъ и болѣе невинныхъ источниковъ. Въ нихъ скорѣе слышно слово жизни, такъ какъ Москва есть средоточіе обитателей всей центральной Россіи, привозящихъ въ нее извѣстія о томъ, каковы на мѣстѣ результаты нѣкоторыхъ распоряженій, дѣлаемыхъ въ Петербургѣ, а priori и на бумагѣ. Такъ было и въ дѣлѣ Сперанскаго. Хотя Москва и была тогда мѣстомъ пребыванія падшихъ вельможъ, празднаго барства и всякаго рода старовѣровъ, которые нападали на нововведенія Сперанскаго исключительно во славу предразсудковъ, злоупотребленій и мраколюбія, но въ ней жила тогда наша литература, въ ней слышались и голоса искренніе, и мнѣнія людей, испытавшихъ на дѣлѣ неудобства нѣкоторыхъ правительственныхъ распоряженій. Въ Москвѣ, какъ и всегда, оказа-

---

(1) *Росс. родосл. книга* князя П. В. Долгорукова, ч. III, стр.
(2) Письмо Сперанскаго изъ Перми.

лось болѣе живыхъ элементовъ, чуждыхъ мелкаго разчета и формалистики. Это лучше всего доказывается именами людей, возстававшихъ тамъ на Сперанскаго. Еще болѣе доказывается это средствами, которыя они употребляли для ниспроверженія кредита Сперанскаго. Между тѣмъ какъ въ Петербургѣ враги его работали глухо во мракѣ и сплетали интриги, въ Москвѣ нашлись люди, которые прямо и откровенно высказали свое, быть-можетъ, ложное, но во всякомъ случаѣ искреннее убѣжденіе.

Люди эти были: Карамзинъ и Ростопчинъ.

Карамзинъ, какъ извѣстно, жилъ въ то время съ семействомъ въ Москвѣ, исключительно посвятивъ себя съ 1803 года, трудамъ по своей *Исторіи Государства Россійскаго*, этому безсмертному литературному памятнику Александровской эпохи. Въ началѣ 1810 года государь былъ въ Москвѣ и при общемъ пріемѣ, при дворѣ, сказалъ ему нѣсколько любезныхъ словъ, чѣмъ и ограничилось на этотъ разъ личное его знакомство съ исторіографомъ (1). Однако государь узнавалъ въ Петербургѣ о ходѣ его труда отъ друзей его, особенно отъ извѣстнаго поэта И. И. Дмитріева, бывшаго въ то время министромъ юстиціи. Онъ хотѣлъ показать Карамзину знакъ своего особеннаго вниманія, и въ томъ же году, 1-го іюля, Карамзинъ получилъ Владимірскій орденъ 3 степени (2), а въ октябрѣ чинъ коллежскаго совѣтника (3). Во время пребыванія двора въ Москвѣ достоинства Карамзина были оцѣнены сестрой государя, принцессой Ольденбургскою Екатериной Павловной, женщиной, которой плѣнительная наружность была истиннымъ выраженіемъ ея свѣтлаго ума и высокой души (4). Великая княгиня жила тогда въ Твери, гдѣ ея супругъ, принцъ Георгъ, имѣлъ постоянное пребываніе, какъ главный директоръ путей сообщенія. Любимая сестра государя имѣла въ Твери свой небольшой дворъ, о которомъ всѣ бывшіе тамъ вспоминаютъ съ особеннымъ удовольствіемъ: такъ одушевлялся онъ присутствіемъ великой княгини. Она пригласила Карамзина посѣтить ее въ Твери, и еще въ февралѣ 1810 года онъ провелъ тамъ шесть дней и читалъ отрывки изъ своей исторіи ей и гостившему у нея цесаревичу

---

(1) *Атеней*, 1858, ч. III, стр. 478.

(2) Тамъ же.

(3) Тамъ же, стр. 479.

(4) Въ послѣдствіи она была супругой короля виртембергскаго.

Константину Павловичу (1). Въ декабрѣ 1810 года Карамзинъ опять ѣздилъ въ Тверь на пять дней (2), а въ февралѣ 1811 на двѣ недѣли (3). Восхищенная умомъ и познаніями Карамзина, великая княгиня хотѣла, чтобъ исторіографъ изложилъ для государя размышленія свои о Россіи, которыя были плодомъ многолѣтнихъ изученій нашего прошедшаго. Съ другой стороны она возбуждала въ государѣ желаніе лично сблизиться съ Карамзинымъ. Въ началѣ апрѣля 1811 года Карамзинъ получилъ отъ И. И. Дмитріева письмо, въ которомъ другъ его извѣщалъ его, что государь ѣдетъ въ Тверь и желаетъ тамъ съ нимъ видѣться (4). Карамзинъ спѣшилъ исполнить волю императора и желаніе великой княгини. Онъ привезъ въ Тверь нарочно сочиненную записку *О древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніи* и отдалъ ее великой княгинѣ, которая, прочтя ее, нашла ее слишкомъ смѣлою, но рѣшилась при случаѣ передать ее государю. Государь пріѣхалъ и осыпалъ Карамзина милостивыми словами. Изъ «посвященія» исторіи извѣстно, съ какимъ участіемъ слушалъ государь чтеніе отрывковъ изъ нея. Но черезъ нѣсколько дней, говорятъ, обращеніе его съ Карамзинымъ сдѣлалось холоднымъ; онъ прочелъ записку и былъ непріятно пораженъ ею; въ ней слишкомъ ясно высказывалось порицаніе всей политической системы государя, и было много личныхъ намековъ противъ Сперанскаго. Однако Александръ былъ достоинъ слышать голосъ честнаго, глубокаго убѣжденія, какъ бы онъ ни былъ рѣзокъ и ошибоченъ. Государь побѣдилъ въ себѣ невольное чувство неудовольствія, обласкалъ опять Карамзина и на прощаньи звалъ его въ Петербургъ и предлагалъ квартиру въ Аничковскомъ дворцѣ (5). Когда Карамзинъ попросилъ великую княгиню о возвращеніи записки своей, она отвѣчала, что «записка въ другихъ рукахъ». У Карамзина не осталось и копіи, и до 1826 года записка пропадала (6).

---

(1) *Атеней*, 1858, ч. III, стр. 476.
(2) Тамъ же, стр. 479.
(3) Тамъ же, стр. 480.
(4) Тамъ же.
(5) Тамъ же.
(6) Отрывки изъ этой *Записки* напечатаны были въ *Современникѣ* 1837 года, т. V, стр. 89. Теперь есть надежда, что мы скоро увидимъ въ печати весь этотъ важный, теперь уже чисто-историческій документъ, который будетъ, какъ говорятъ, изданъ однимъ изъ ученѣйшихъ знатоковъ отечественной исторіи.

Карамзинъ начинаетъ свою *Записку* краткимъ очеркомъ исторіи до-петровской Руси. Очеркъ этотъ заключаетъ въ себѣ изложеніе того же взгляда, который проведенъ по всей *Исторіи Государства Россійскаго.* По призваніи Варяговъ, черезъ сто лѣтъ единовластіе возвеличиваетъ Русь славными войнами и основаніемъ городовъ, при чемъ христіянство смягчаетъ нравы Русскихъ. Такимъ образомъ слагается въ XI вѣкѣ самое обширное изъ государствъ того времени. Къ несчастію, удѣльная система пораждаетъ усобицы, ослабившія Русь, которая теряетъ уваженіе сосѣдей, а князья лишаются любви своихъ подданныхъ, подвергающихся притѣсненіямъ властителей, имѣющихъ въ виду одни личныя свои выгоды. Въ такомъ положеніи Батыю не трудно сокрушить государство. Русь испытываетъ всѣ ужасы татарскаго владычества, покорившаго ея сѣверъ, между тѣмъ какъ югъ завоевывается Литвой. Но, къ счастію, съ XIV вѣка возникаетъ Москва; Іоаннъ Калита дѣлается собирателемъ земли Русской; мудрой системѣ его слѣдуютъ его преемники; Русь оживляется и обогащается, при чемъ удѣлы ея на сѣверѣ опять сливаются въ одно цѣлое. Новгородъ, Тверь, Псковъ, Рязань входятъ въ составъ государства, части котораго не только соединяются, но и связываются между собой. Владѣнія его расширяются покореніемъ Казани, Астрахани и Сибири. Въ гражданскомъ бытѣ, при дворѣ, въ нравахъ является смѣсь обычаевъ восточныхъ и западныхъ, которую Русскіе считаютъ своею народною собственностію. Россія, усвоивавшая себѣ великія открытія въ области наукъ, начинаетъ дѣлать успѣхи на новомъ поприщѣ. Иностранныя державы ищутъ дружбы Россіи, которая начинаетъ войны только по необходимости, обращая вниманіе преимущественно на устройство своихъ внутреннихъ дѣлъ. Іоанны III и IV издаютъ сборники законовъ; учреждается земское войско. Народъ, чувствуя пользу самодержавія, забываетъ свои вѣча, своихъ сановниковъ и не жалѣетъ о нихъ при новомъ ходѣ дѣлъ. Въ рукахъ преступнаго Годунова, желавшаго заглушить укоры совѣсти и пріобрѣсти любовь народа мягкостію правленія, ослабляются бразды самодержавія, но его не уважаютъ и не любятъ, и онъ гибнетъ. Самозванецъ встрѣченъ радостно, но нововведенія и неуваженіе къ старинѣ губятъ его. Шуйскій, котораго власть ограничена властолюбивыми боярами, не можетъ прекратить смуты, и паденіе его также совершается. Россія боится избрать на царство единоземца, и царемъ дѣлается

Владиславъ, при чемъ начинается свирѣпствованіе Поляковъ. Мининъ и Пожарскій спасаютъ отечество. Россія избираетъ въ цари Михаила, избѣгая властителя изъ Рюриковичей, который былъ бы орудіемъ крамолъ родственниковъ своихъ. При Романовыхъ оказывается необходимость преобразованій при большей сложности государственнаго механизма. Учреждаются приказы, является уложеніе. Россія возвращаетъ нѣкоторыя потерянныя области и сближается съ опередившею ее Европой. Карамзинъ прибавляетъ: «Мы заимствовали, но какъ бы не хотя, примѣняя все къ нашему и новое соединяя съ старымъ.»

Главная мысль Карамзина въ этомъ очеркѣ заключается въ слѣдующихъ словахъ: «Россія основалась побѣдами и единоначаліемъ, гибла отъ разновластія и спаслась мудрымъ самодержавіемъ.»

Дальнѣйшее изложеніе событій въ *Запискѣ* Карамзина нѣсколько подробнѣе. Взглядъ его на Петра извѣстенъ. Онъ признаетъ въ немъ великаго человѣка, твердо упрочившаго власть самодержавную и доказавшаго свою геніяльность: воинскими подвигами, многими законоположеніями, введеніемъ искусствъ и наукъ, умѣньемъ выбирать людей, наконецъ самими ошибками своими, которыя носятъ въ себѣ печать такой силы, что многія изъ нихъ нельзя было бы потомъ и исправить. Но Карамзинъ упрекаетъ Петра за униженіе Русскихъ и прежнихъ ихъ обычаевъ, за разъединеніе высшаго класса и низшаго, за введеніе многихъ иностранныхъ учрежденій и чиновъ, за ослабленіе семейныхъ связей, за водвореніе начала космополитизма, за желаніе сдѣлать Россію Голландіей, за строгость казней, за униженіе духовенства, за постройку новой столицы. Однако самодержавіе, говоритъ онъ, сдѣлалось необходимостью и послѣ владычества временщиковъ при Екатеринѣ I и Петрѣ II, послѣ попытки ограничить власть Анны, принципъ его восторжествовалъ. Анна хотѣла править согласно съ мыслями Петра и достроить начатое имъ и послѣ него поврежденное уже зданіе. Ея царствованіе было ознаменовано полезными дѣяніями на поприщѣ военномъ и политическомъ, но части гражданская и законодательная остались въ упадкѣ, а безполезныя жестокости Бирона омрачили ея память. Елизавета, возведенная на престолъ при кликахъ: «смерть иноземцамъ!» царствовала счастливо; любимцами ея были по большей части люди добрые; сенатъ былъ возстановленъ, войны велись удачно, просвѣщеніе распростра-

нялось, вкусъ образовывался, и Русскіе хвалили ея правленіе, несмотря на корыстолюбіе графа П. И. Шувалова, на многія монополіи и на существованіе пытки и тайной канцеляріи, все еще грозной, хотя и менѣе прежняго ужасной. Екатерину II Карамзинъ называетъ второю образовательницей Россіи послѣ Петра. При ней власть смягчилась безъ ущерба своей силѣ, а духъ рабскаго страха исчезъ, и Русскіе пріучались безбоязненно мыслить, писать, говорить. Она умѣла избирать людей и заставить ихъ бояться не казней, а одной ея немилости. Такимъ образомъ Россія была спокойна и процвѣтала успѣхами знаній и разума. Главныя отрасли законодательства были исправлены Екатериной, а внѣшняя политика и воинскія предпріятія вѣка ея вознесли Россію на высокую степень. Дворянство служило безъ принужденія, привлекаемое однимъ честолюбіемъ, чѣмъ утвердилась зависимость дворянства отъ трона. Недостатки царствованія Екатерины были слѣдующіе: развращеніе нравовъ—въ высшемъ классѣ отъ примѣра двора, въ низшемъ—отъ умноженія питейныхъ домовъ; правосудіе не процвѣтало. Законы, основанные на идеалахъ умозрительнаго совершенства, отличались блескомъ, но не основательностію, и потому часто не могли быть исполняемы. Иностранцы завладѣли воспитаніемъ. Вельможи часто обманывали государыню. Послѣдніе годы ея жизни заслуживали болѣе осужденія, чѣмъ похвалы. Несмотря на все это, время Екатерины было счастливѣйшимъ временемъ для Русскихъ. Конецъ этой части *Записки* Карамзина заключаетъ въ себѣ разсужденіе о томъ, что лучше переносить съ терпѣніемъ тяжелое бремя и видѣть въ немъ дѣйствіе небеснаго гнѣва, чѣмъ стараться избѣгать его бѣдственными заговорами, которыми такъ богата наша исторія въ прошедшемъ вѣкѣ.

Приступая къ обозрѣнію послѣднихъ десяти лѣтъ, Карамзинъ спрашиваетъ у себя: «Какое имѣю право? Любовь къ отечеству и монарху; нѣкоторыя, можетъ-быть, данныя мнѣ Богомъ способности, нѣкоторыя знанія, пріобрѣтенныя мной въ лѣтописяхъ міра и въ бесѣдахъ съ мужами великими, то-есть въ ихъ твореніяхъ. Чего хочу? Съ добрымъ намѣреніемъ испытать великодушіе Александра и сказать, что̀ мнѣ кажется справедливымъ и что̀ нѣкогда скажетъ исторія.»

Сначала Карамзинъ описываетъ состояніе двухъ главныхъ партій, существовавшихъ при воцареніи Александра, и о которыхъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ. Опасаясь слишкомъ смѣлыхъ политическихъ нововведеній, онъ силится доказать

государю, что онъ даже не въ правѣ измѣнить коренные законы Россіи ихъ ограниченіемъ. Отдавая полную справедливость необыкновеннымъ достоинствамъ государя, авторъ говоритъ однако, что неудовольствіе царствуетъ и въ хижинахъ, и въ палатахъ. Причины тому—несчастныя обстоятельства Европы и ошибки внутренняго управленія. Слѣдуетъ политическая картина Европы въ 1801 году. Первою ошибкой было то, что мы угождали Бонапарту въ дѣлахъ германскихъ, гдѣ могли бы дать дѣлу другое направленіе, и въ то же время раздражали консула мелочами. Второю—заступничество за Австрію, безъ всякой надежды на собственныя выгоды, и потери, отъ того происшедшія. Третьею—тильзитскій миръ, гдѣ пользы Россіи были забыты, и мы должны были разорвать связи съ Англіей, начать войну съ Швеціей, и содѣйствовать упроченію силы Франціи. Слѣдствіемъ этого были: завоеваніе Финляндіи, ненависть Швеціи, умноженіе ассигнацій, дороговизна и ропотъ. Между тѣмъ союзъ съ Наполеономъ все-таки не могъ быть проченъ, несмотря на жертвы съ нашей стороны.

Переходя къ дѣламъ внутреннимъ, Карамзинъ показываетъ себя сторонникомъ партіи, желавшей установленія нѣсколько исправленнаго порядка екатерининскихъ временъ. Онъ не считаетъ нужнымъ верховные и государственные совѣты, кабинеты и тому подобныя учрежденія посредствующія, и полагаетъ, что достаточно одному сенату возвратить его прежнія права и значеніе. Публика, говоритъ онъ, не понимала пользы учрежденія государственнаго совѣта и министерствъ и видѣла въ нихъ только узаконеніе произвола безъ видимой пользы. Выходитъ проектъ наказа министрамъ, и въ немъ находятъ только нѣсколько словъ о главномъ дѣлѣ, а все остальное посвящено объясненію пустыхъ формальностей науки письмоводства, которыми славятся *наши новые законодатели.* Въ проектѣ заключаются правила вредныя, напримѣръ о томъ, что министръ не скрѣпляетъ указовъ, имъ неодобряемыхъ, или разсужденія голословныя, напримѣръ объ отвѣтственности министра за превышеніе власти и за неотвращеніе зла законными способами, тогда какъ предѣлы этой власти не опредѣлены, а законные способы съ точностію не указаны. Новое зло всегда чувствительнѣе стараго, привычнаго; вотъ почему въ Россіи легче сносили недостатки прежняго управленія, чѣмъ недостатки, оказавшіеся при послѣднихъ преобразованіяхъ. Главныя неудовольствія происходятъ у

насъ отъ любви правительства къ такимъ государственнымъ преобразованіямъ, при которыхъ сущность остается прежняя, но мѣняются имена и формы, способствующія болѣе и болѣе развитію необузданности произвола.

Послѣ этого Карамзинъ переходитъ къ важнѣйшимъ изъ частныхъ государственныхъ постановленій.

Въ 1806 году учреждена милиція изъ 600 тысячъ человѣкъ, для которыхъ не было заготовлено ни оружія, ни продовольствія, ни управленія. Армія не получила почти никакого подкрѣпленія, и заключенъ былъ тильзитскій миръ. Милицію распустили, произведя только ропотъ, умноживши пьянство и остановя надолго сельскія работы. Легче было собрать 150 тысячъ рекрутовъ.

Милліоны употреблены для основанія университетовъ, гимназій и школъ. Но у насъ есть профессора и нѣтъ учениковъ, а если и есть, то они не понимаютъ языка своего профессора. У насъ невозможно германское университетское устройство, потому что нѣтъ потребности въ адвокатахъ, пасторахъ и проч. Программы курсовъ самыя обширныя, а съ трудомъ находится русскій учитель, и въ цѣлой Россіи едвали есть сто человѣкъ, знающихъ правописаніе, отъ чего пишутъ безсмыслицы даже въ важнѣйшихъ актахъ. Профессора отвлекаются отъ ученыхъ занятій дѣлами по хозяйственной части заведеній и безполезными разъѣздами для осмотра училищъ. Лучше всего приступить къ улучшенію гимназій и умноженію въ нихъ числа казенныхъ воспитанниковъ.

Указъ объ экзаменахъ на чины 8 и 5 классовъ и вреденъ и произвелъ сильное неудовольствіе. Къ чему предсѣдателю палаты Гомеръ и Ѳеокритъ, а секретарю химія? *Между тѣмъ, самъ авторъ указа дѣлаетъ грамматическія ошибки.* Люди честолюбивые, но честные, будутъ выходить, вслѣдствіе этого указа, въ отставку, а корыстолюбцы останутся на службѣ. Отъ человѣка въ лѣтахъ нельзя требовать новыхъ условій, которыхъ не было при поступленіи его на службу. Гораздо лучше у начинающихъ службу требовать университетскіе аттестаты, особенно по наукамъ, относящимся къ роду ихъ будущей дѣятельности.

Указъ о запрещеніи продажи и купли рекрутовъ оскорбилъ дворянъ и привелъ въ отчаяніе зажиточныхъ крестьянъ. Люди дурныхъ помѣщиковъ счастливѣе въ полку, чѣмъ дома, а порочные иногда исправляются. Невозможность избѣжать рекрут-

ства, умножаетъ пьянство. Не лучше ли было бы строго слѣдить за извергами, которые безчеловѣчно и беззаконно торгуютъ своими крестьянами, и наказывать такія злоупотребленія, а не вовсе уничтожать обычай необходимый и въ извѣстныхъ размѣрахъ не противный нравственнымъ законамъ? Карамзинъ вообще не признавалъ важности законовъ и возлагалъ надежды свои на то, чтобы правительство слѣдило, дѣйствовало и наказывало своею властію.

Правительству приписывали намѣреніе освободить крестьянъ. Карамзинъ и тутъ не усматривалъ необходимости законодательныхъ мѣръ. По этому поводу Карамзинъ разказываетъ происхожденіе рабства, кабалы, исторію раздѣленія холопей и крестьянъ, переходовъ послѣднихъ и проч. Крестьяне помѣщичьи никогда не владѣли землей на правѣ собственниковъ, а при личномъ освобожденіи ихъ, по справедливости, должно совершить трудъ невозможный, чтобы разобрать потомковъ прикрѣпленныхъ крестьянъ отъ потомковъ холопей, за которыхъ, какъ за настоящую собственность, помѣщики должны получить особое вознагражденіе. Иначе приходится смѣло разсѣчь гордіевъ узелъ объявленіемъ ихъ свободы и правомъ монарха отмѣнять прежніе законы. Освобожденіе крестьянъ состоитъ въ подчиненіи ихъ власти правительства, а не помѣщика. Но они вовсе лишатся земли, составляющей неотъемлемую собственность помѣщиковъ, а потому или останутся на мѣстахъ, часто подчиняясь условіямъ корыстолюбивыхъ землевладѣльцевъ, которые ихъ щадить уже не будутъ, или же будутъ бродяжничать, при чемъ пострадаютъ доходы государства и земледѣліе. Споры ихъ будутъ ихъ разорять и обогащать судей. Въ состояніи ли правительство обойдтись безъ содѣйствія дворянъ въ сохраненіи общей безопасности государства? Если нѣтъ, то ею нельзя жертвовать изъ желанія сдѣлать добро одному сословію, которое къ тому же не сумѣетъ имъ воспользоваться при страсти своей къ пьянству и при системѣ винныхъ откуповъ. Должно не освобождать крестьянъ, а принять строгія мѣры противъ жестокихъ помѣщиковъ.

Указъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ былъ бы полезенъ, если бы было болѣе богатыхъ крестьянъ.

Войны и разрывъ съ Англіей произвели умноженіе ассигнацій, дороговизну, пониженіе курса и уничтоженіе равновѣсія между ввозомъ и вывозомъ товаровъ. Появился манифестъ о налогахъ. Слѣдствіемъ его были: еще бо́льшая дороговизна отъ

новыхъ налоговъ и новое паденіе курса отъ потери довѣренности къ ассигнаціямъ, которыя признаны были не деньгами, а государственнымъ долгомъ. Избѣжать такихъ послѣдствій можно было объявленіемъ, что расходы необходимы, а новыхъ ассигнацій выпускать не хотятъ, сокращеніемъ ненужныхъ штатовъ, уничтоженіемъ возможности одному лицу получать нѣсколько окладовъ, отмѣной выдачи столовыхъ денегъ, прекращеніемъ ссудъ богатымъ людямъ, разсылокъ разныхъ ревизоровъ, покупокъ для казны ненужныхъ ей домовъ, исполненія пустыхъ проектовъ.

Карамзинъ отвергаетъ нелѣпое мнѣніе многихъ о томъ, что совѣтники правительства имѣли въ виду тайную цѣль повредить въ этомъ случаѣ кредиту Россіи, и сдѣланныя ею ошибки приписываетъ *извѣстной хвастливости неосновательныхъ умовъ и не менѣе извѣстной охотѣ ихъ умничать.* Понимая довольно вѣрно вредъ бумажныхъ денегъ и судя довольно правильно о причинахъ дороговизны, пониженія курса и неравновѣсія между ввозомъ и вывозомъ товаровъ, Карамзинъ порицаетъ желаніе изъять ассигнаціи изъ обращенія и такимъ образомъ возстаетъ противъ мысли, въ которой заключалось спасеніе Россіи. Онъ только настаиваетъ на прекращеніи выпуска новыхъ ассигнацій и думаетъ, что тогда дороговизна пропадетъ *сама собой.* Онъ доказываетъ, что ассигнаціи тѣ же деньги, причемъ разказываетъ исторію мѣновыхъ знаковъ въ Россіи: кунъ, монеты и наконецъ ассигнацій, появившихся при Екатеринѣ II вслѣдствіи необходимости въ легкой монетѣ, говоритъ о возвышеніи цѣны металлической монеты какъ товара, о дороговизнѣ, происшедшей отъ умноженія числа денегъ, наконецъ о причинахъ рѣдкости серебра и неудовольствій по этому случаю. *Министры должны быть искренни передъ монархомъ, а не передъ народомъ,* и потому надо было въ 1810 году просто объявить, что отнынѣ фабрика бумажекъ останется безъ дѣла, а не пускаться въ излишнія толкованія. Еслибы купецъ объявилъ о своихъ векселяхъ то, что̀ было объявлено объ ассигнаціяхъ, то его векселей никто бы не принялъ, а ассигнаціи все-таки ходятъ, и если понизились въ цѣнѣ, то не отъ недовѣрія народа, а по закону соразмѣрности между вещами и деньгами. За то иностранцы усомнились имѣть дѣла съ Россіей, и курсъ все упадалъ, уменьшая цѣну нашихъ произведеній и возвышая стоимость иностранныхъ. (Какъ будто иностранцы усомнились имѣть дѣла съ Россіей, вслѣдствіе того, что, по вопросу объ ас-

сигнаціяхъ, правительственныя лица были искренни не только передъ монархомъ, но и передъ народомъ! Какъ будто довѣріе иностранцевъ можно было пріобрѣсти укрываніемъ истины, давно извѣстной имъ!) При манифестѣ 2 февраля 1810 года разослано было особое прибавленіе подъ заглавіемъ: *Разумъ манифеста.* Но разумъ этотъ долженъ заключаться въ самомъ актѣ государственномъ, а не въ твореніи *какого-нибудь школьника-секретаря*, съ важностію переставляющаго слова и толкующаго, что мѣдь, стоящая 40 руб., должна въ деньгахъ ходить за 16. Это поощряетъ къ переплавкѣ ея. Дороговизна увеличилась не только отъ множества ассигнацій, но и оттого что не вѣрятъ прекращенію ихъ выпуска, а также отъ новыхъ податей и новаго курса. Если удастся вынуть изъ обращенія ассигнацій на 200 милл., то откупщики разорятся, купцы разстроятъ свою торговлю, накопятся огромныя недоимки въ податяхъ и оброкахъ. Пока установится новый порядокъ, многіе обанкрутятся. Вдругъ уменьшить число ассигнацій такъ же вредно, какъ и вдругъ его увеличить. Нужно только не выпускать новыхъ, и несоразмѣрно съ числомъ ихъ возвысившіяся цѣны спадутъ сами, но постепенно, при благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Словомъ, по мнѣнію Карамзина, правительство не должно рѣшаться на радикальное лѣченіе недуга, причиненнаго выпускомъ ассигнацій. Карамзинъ хорошо понималъ, что наши банковыя установленія опирались на существованіе бумажныхъ денегъ, и немогли бы дѣйствовать при правильной денежной системѣ. Не имѣя вполнѣ яснаго понятія о значеніи правильной денежной системы для экономической жизни страны, онъ готовъ жертвовать денежною системой для того, чтобы государственный банкъ могъ существовать на основаніи своего устава.

Цѣль Коммиссіи погашенія долговъ, говоритъ онъ, есть униженіе цѣны серебра обѣщаніемъ черезъ нѣсколько лѣтъ уплатить серебряный рубль за два бумажные. Но какъ заготовить потребное количество серебряныхъ рублей для расплаты? Что̀, если цѣна ихъ къ тому времени не понизится до той степени, ка̀къ предполагаютъ? Коммиссіи нельзя желать успѣха, если желаешь пользы Государственному банку.

По новому тарифу вывозить позволено все, а ввозить запрещено многое. Нападая на этотъ тарифъ, Карамзинъ совершенно правъ, хотя онъ и не замѣчаетъ, что этотъ тарифъ былъ отча-

янною мѣрой, принятою въ послѣдней крайности. Еслибы курсъ нашъ упалъ, продолжаетъ онъ, въ соразмѣрности съ уменьшеніемъ цѣны ассигнацій, то мы могли бы безъ убытка торговать и торговаться съ Европой; но теперь иностранные купцы имѣютъ слишкомъ много выгодъ и могутъ разорить нашихъ. Для ввоза запрещены сукна, шелковыя и бумажныя ткани, но позволены алмазы, табакъ, сельди, соленые лимоны и т. п. Притомъ съ обнародываніемъ тарифа должно было назначить срокъ для продажи вновь-запрещенныхъ товаровъ и принять строгія мѣры противъ контрабанды. Полезнѣе всего открыть наши гавани для всѣхъ кораблей и стараться, чтобъ иностранцы переводили къ намъ свои капиталы и стали мѣнять охотно свои деньги на русскія ассигнаціи, не считая ихъ подозрительными векселями.

Коренной уставъ о правахъ купеческихъ степеней описываетъ права и выгоды купцовъ, но средства къ ихъ пріобрѣтенію обѣщаетъ изложить въ послѣдствіи, а до тѣхъ поръ угрожаетъ только возвышеніемъ купеческихъ податей. Должно надѣяться, что теперь, съ образованіемъ государственнаго совѣта, не встрѣтятся столь незрѣлыя законодательныя мѣры.

Попытки составить уложеніе послѣ Алексѣя Михайловича были дѣлаемы неоднократно: при Петрѣ I, Екатеринѣ I, Петрѣ II, Аннѣ, Елисаветѣ, Екатеринѣ II. При Александрѣ I учреждена новая коммиссія составленія законовъ; для нея нашли много работниковъ, но не нашлось человѣка, способнаго быть ея душой. Черезъ годъ предсѣдатель ея объявилъ государю, что трудъ пойдетъ медленно, что въ Россіи есть только указы, а не законы, и что велѣно переводить кодексъ Фридриха II. Неужели же указы не законы? Кодексы иностранные нужно знать всѣ, но только для общихъ соображеній. Наконецъ перемѣняется начальникъ, и выходитъ цѣлый томъ предварительной работы; но въ ней только слова и фразы изъ книгъ и ни одной мысли, почерпнутой изъ познанія особенныхъ условій Россіи. Начальникъ еще разъ перемѣняется; выходятъ новыя двѣ книги: *Проектъ Уложенія*. Оказывается, что это переводъ Наполеонова кодекса. Правда, иногда авторы обращаются напримѣръ къ *Кормчей книгѣ*, но во всемъ виденъ кафтанъ, сшитый по чужой мѣркѣ. Напримѣръ, въ Россіи нѣтъ правъ гражданина въ истинномъ смыслѣ, а есть только особенныя права состояній, между тѣмъ *Уложеніе* начинается главой о правахъ гражданскихъ. Самый переводъ часто искаженъ, а языкъ представ-

ляетъ безпрестанно неправильности, доходящія иногда до нелѣпости; противорѣчій множество. Все это сдѣлано наскоро, чуждо понятію Русскихъ, да и время ли вводить въ Россіи французскіе законы? «Для стараго народа не надобно новыхъ законовъ.» Возьмите *Уложеніе* царя Алексѣя Михайловича и всѣ послѣдующіе указы: вотъ содержаніе кодекса. Должно раздѣлить матеріялъ по главнымъ частямъ, гражданской и уголовной, раздѣлить обѣ части на статьи и подвести подъ каждую подлежащіе указы. Потомъ надобно согласить эти указы и сдѣлать нѣкоторыя необходимыя объясненія и прибавленія. Наконецъ, послѣдуетъ критика законовъ, особенно уголовныхъ, для отмѣны нѣкоторыхъ, несообразныхъ съ духомъ времени. При окончаніи работы не должно допускать въ текстѣ высокопарныхъ разсужденій, а излагать простыя начала и правила. Весь этотъ великій трудъ, для его единства, долженъ совершить одинъ человѣкъ; другіе могутъ быть только его помощниками и работниками. Если для такой работы не достаетъ людей и средствъ, должно просто издать полную сводную книгу законовъ и указовъ по частямъ суднымъ, согласивъ встрѣчающіяся противорѣчія. Тогда не придется, по крайней мѣрѣ, по одному и тому же дѣлу ссылаться на самыя различныя законоположенія и трудно отыскиваемые отдѣльные указы. Многія области Россіи имѣютъ свои собственные гражданскіе уставы; ихъ надо сохранить, понемногу готовя эти страны къ будущему единству въ гражданскихъ уставахъ во всей имперіи.

Нѣкоторыя частныя ошибки министровъ находятся въ постановленіяхъ о соли, о суконныхъ фабрикахъ, о прогонѣ скота, и также должны были раздражать общее мнѣніе, какъ и многія важныя государственныя мѣры. Безстрашіе, равнодушіе и грабежъ начальства и судовъ повсемѣстны, и нельзя говорить въ свое оправданіе, что люди всегда любятъ жаловаться; жалобы всей Россіи согласны между собой, и вреднымъ образомъ дѣйствуютъ на общее расположеніе умовъ.

Если внѣшнія опасности не помѣшаютъ твореніямъ *самолюбиваго, неопытнаго ума,* то заблужденія новой системы еще могутъ существовать долго. Но не печальна ли эта возможность? Какія средства для исцѣленія зла? Было время, когда можно было возвратиться къ системѣ Екатерины, но теперь уже нельзя торжественно признаться, что правительство заблуждалось цѣлыя десять лѣтъ.

Итакъ должно оставить новыя учрежденія и избрать достой-

ныхъ людей, которые нужнѣе формъ. Надо выбирать и возвышать ихъ только по достоинствамъ. Они нужны особенно для мѣстъ губернаторскихъ. Пятьдесятъ достойныхъ губернаторовъ обуздаютъ произволъ, ободрятъ всѣ классы народа, и совѣтъ и сенатъ будутъ отдыхать на лаврахъ. Всѣ части управленія должны быть подчинены начальнику губерніи, которая есть Россія въ маломъ видѣ. Званіе губернатора, отвѣчающаго за спокойствіе цѣлаго края, болѣе петербургскихъ сановниковъ, должно быть возвышено до степени прежнихъ намѣстниковъ, а министры обратятся въ то, чѣмъ должны быть,—въ секретарей государя; но надо умѣть не только выбирать людей, а и обходиться съ ними. Страхъ наказанія долженъ быть силенъ, особенно при утвердившемся безстрашіи чиновниковъ. Въ Россіи государь долженъ смотрѣть за судьями и не щадить преступниковъ. Министры должны также отвѣчать по крайней мѣрѣ за главныхъ чиновниковъ, ими избранныхъ. Тогда можно будетъ взыскивать и съ мнимо-недовольныхъ. Награды должны жаловаться рѣдко и съ разборчивостію; получа чины и ленты, люди требуютъ отъ государя денегъ, которыя раздаются несоразмѣрно заслугамъ и мѣстамъ, и еще чаще въ ущербъ истинно нуждающимся низшимъ чиновникамъ.

«Самодержавіе есть палладіумъ Россіи.» Орудіе его, двигающее составъ государственный, есть дворянство, которое верховная власть должна уважать, какъ сословіе отборныхъ своихъ слугъ. Въ потомственной средѣ его должно преимущественно искать монарху общественныхъ дѣятелей. «Не надлежитъ быть дворянству по чинамъ, а чинамъ по дворянству», по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ чинахъ. При частомъ производствѣ простолюдиновъ въ высокіе чины, необходимо слѣдующее зло: 1) ихъ надо обогащать, 2) дворянство оскорбляется и 3) нерѣдко выслужившіяся лица не будутъ имѣть хорошаго воспитанія, которое чаще дается дворянамъ. Притомъ простолюдинъ, «въ самой знатности боится презрѣнія, не любитъ дворянъ и мыслитъ личною надменностію изгладить изъ памяти людей свое низкое происхожденіе.» Хорошо, если государь самъ иногда будетъ являться въ собраніи дворянства, какъ глава его. Дворяне должны поступать на службу офицерами (кромѣ гвардіи), если знаютъ правильно русскій языкъ и первыя начала математики. Строгости военной службы въ мирное время надо смягчить и не утомлять войско вахтпарадами и т. п.

Духовенство также слѣдуетъ возвысить въ общемъ мнѣніи; пусть члены синода засѣдаютъ въ сенатѣ въ извѣстныхъ важныхъ случаяхъ. Священники не должны быть поставляемы безъ строгаго испытанія, а духовныя училища слѣдуетъ размножать и улучшать.

«Дворянство и духовенство, сенатъ и синодъ, какъ хранилище законовъ; надъ всѣми государь, единственный законодатель, единовластный источникъ властей, вотъ основаніе Россійской монархіи.»

Итакъ колебанія могутъ утихнуть, неудовольствія исчезнуть, злословіе умолкнетъ, ходъ вещей сдѣлается правильнымъ и проч., если люди станутъ важнѣе формъ, строгость къ преступленіямъ по должности усилится, заключится миръ съ Турціей, сдѣланы будутъ пожертвованія ложной чести для избѣжанія новой войны съ Наполеономъ, расходы уменьшатся бережливостью и прекращеніемъ выпуска ассигнацій, жалованье бѣдныхъ чиновниковъ увеличится, таможенные уставы приведутъ въ соразмѣрность ввозъ и вывозъ товаровъ, и дороговизна мало-по-малу уменьшится. Судьба Европы уже не зависитъ отъ Россіи, но бури не вѣчны, и будущее можетъ быть для нея счастливымъ.

Карамзинъ оканчиваетъ свою *Записку* словами: «Любя отечество, любя монарха, я говорилъ искренно. Возвращаюсь въ безмолвіе подданнаго съ сердцемъ чистымъ, моля Всевышняго, да блюдетъ царя и царство Россійское!»

Записка *О древней и новой Россіи* весьма пространно говоритъ о государственныхъ мѣрахъ временъ Александра I. Представленное нами сокращеніе есть не болѣе какъ остовъ ея и состоитъ только изъ обозначеній главныхъ пунктовъ, на которые Карамзинъ дѣлаетъ свои замѣчанія, вообще показывающія, что Карамзинъ не былъ государственнымъ человѣкомъ, но нерѣдко исполненныя проницательности, удивительной для неспеціялиста. Нечего говорить объ увлекательномъ его изложеніи, о силѣ и красотѣ его языка, о картинности образовъ. Смѣлость многихъ мыслей и выраженій вполнѣ объясняется тою искренностію, которая дышетъ во всякой строкѣ этого замѣчательнаго произведенія. Читая его, вы чувствуете, что это слова человѣка, убѣжденнаго въ ихъ истинѣ и горячо любящаго свое отечество.

Записка Карамзина заключаетъ въ себѣ, какъ видятъ читатели, прямыя порицанія системы Сперанскаго и многіе намеки

на вредъ, который причиняется его дѣятельностію. Мы видимъ въ ея авторѣ человѣка, ждавшаго отъ Александра, что онъ будетъ въ точномъ смыслѣ царствовать, «по сердцу и разуму бабки своей», то-есть возвратитъ Россіи, съ немногими улучшеніями и отмѣнами, учрежденія Екатерины, которой вскорѣ, по воцареніи ея внука въ 1801 году, написалъ онъ въ этой надеждѣ свое *Историческое похвальное слово* (1). Между-тѣмъ, въ теченіи десяти лѣтъ, онъ видѣлъ только уничтоженіе старыхъ и введеніе новыхъ порядковъ, противныхъ его убѣжденіямъ, и написалъ свой краснорѣчивый протестъ.

Читатели сами проведутъ параллель между воззрѣніями Карамзина и Сперанскаго и увидятъ ихъ существенную противоположность. Первый хочетъ возвращенія къ старому, нѣсколько исправленному порядку вещей, и не видитъ несостоятельности его; второй спѣшитъ пріискивать радикальное лѣченіе для зла, ясно сознаваемаго, и всѣ помыслы свои устремляетъ къ будущему. Одинъ смотритъ на дворянство какъ на привилегированное сословіе, члены котораго всѣ имѣютъ не права политическія, а нѣкоторыя служебныя и почетныя преимущества; другой считаетъ нужнымъ ограничить составъ дворянства и притомъ сдѣлать его самостоятельнымъ, связаннымъ интересами не только съ верховною властію, но и съ низшими классами народа. Такія же несходства существуютъ въ мысляхъ обоихъ публицистовъ по другимъ главнымъ вопросамъ Самое коренное и рѣзкое различіе въ двухъ этихъ воззрѣніяхъ составляютъ слѣдующія убѣжденія, служащія ихъ основаніями. Карамзинъ вѣритъ въ людей, а Сперанскій въ законы. Карамзинъ желаетъ увеличенія власти довѣренныхъ лицъ, требуетъ подчиненія всѣхъ частей управленія губернаторамъ, Сперанскій — точнаго и яснаго законодательства, ограничивающаго произволъ лицъ, облеченныхъ властію. Наше время не можетъ уже сомнѣваться въ превосходствѣ послѣдняго взгляда, испытавши такъ часто на дѣлѣ, что спасительны только твердые законы, выработанные просвѣщеніемъ изъ прочныхъ основъ народной жизни.

И Карамзинъ и Сперанскій увлекались крайностями, какъ всегда бываетъ въ случаяхъ, когда противоположное другому мнѣніе, особенно при началѣ борьбы между ними, держитъ въ рукахъ перо или дѣйствуетъ. Еслибы восторжествовало мнѣніе

(1) *Сочиненія* Карамзина. Изд. Смирд. 1848, ч. I, стр. 275.

Карамзина, насильственный поворотъ къ старому порядку произвелъ бы застой и безпорядокъ при новыхъ требованіяхъ усложнявшейся все болѣе и болѣе государственной и гражданской жизни Россіи, и неминуемо повелъ бы къ тѣмъ же реформамъ, но послѣ долговременныхъ колебаній и можетъ-быть бѣдствій. Система Сперанскаго должна была взять перевѣсъ по самому духу времени, и она превозмогла патріархальныя стремленія противной партіи. Она была неизбѣжна, а потому и колебанія въ ней не были такъ вредны, и были извинительнѣе. Однако справедливость требуетъ сказать, что эта новая система доходила также до злоупотребленія своего принципа, привязавшись къ формамъ и мелочамъ, и что она была приводима въ исполненіе только съ своей формальной стороны. Отсюда родилось, мало-по-малу, страшное увеличеніе числа служебныхъ мѣстъ и чиновниковъ, громадное умноженіе канцелярской переписки, всемогущество бумажнаго міра, уничтоженіе всякаго соприкосновенія администраціи съ жизнію, и развитіе самоувѣренной бюрократіи въ тѣхъ размѣрахъ, которые теперь всѣми сознаны и осуждены. Въ оправданіе Сперанскаго должно напомнить, что многіе планы его были исполнены только по частямъ, и притомъ именно по такимъ, которыя относились преимущественно до формальностей новыхъ учрежденій (1).

Мы видѣли, что дѣятельность Сперанскаго въ 1811 году продолжалась и довѣріе къ нему государя нисколько не поколебалось, несмотря на смѣлое порицаніе, высказанное въ первый

---

(1) Говорятъ, что когда Карамзинъ пріѣхалъ въ 1816 году въ Петербургъ для печатанія своей исторіи, онъ долго не получалъ рѣшенія по своему дѣлу. Наконецъ ему сказали, что оно не кончается, потому что все зависитъ отъ Аракчеева, который былъ тогда во всей силѣ и удивляется, что Карамзинъ къ нему не являлся. Карамзинъ поѣхалъ къ Аракчееву, который его принялъ чрезвычайно любезно, и вслѣдъ за тѣмъ велѣно было исторію Карамзина печатать въ Военной Типографіи и выдать автору 50.000 руб. на издержки по изданію. Оказалось, что Аракчеевъ былъ прекрасно расположенъ къ Карамзину за то, что исторіографъ былъ противникомъ ненавистнаго Аракчееву Сперанскаго. Извѣстно, какою милостію государя и довѣренностью его пользовался въ Петербургѣ Карамзинъ. Въ 1812 году, при отъѣздѣ своемъ въ армію, государь хотѣлъ взять съ собой Карамзина, но это почему-то не состоялось, и на мѣсто его поѣхалъ А. С. Шишковъ. Однажды государь хотѣлъ сдѣлать Карамзина министромъ народнаго просвѣщенія, но онъ просилъ уволить его отъ принятія этой должности.

разъ такъ открыто Карамзинымъ, и на благосклонное принятіе его записки Александромъ, который умѣлъ выслушивать то, что̀ внушалось убѣжденіемъ. Однако Сперанскій, окруженный врагами, испытывая безпрерывныя огорченія, преслѣдуемый клеветой, не однажды просилъ государя уволить его отъ должности государственнаго секретаря, бывшей причиною всѣхъ нареканій (1). Но государь не соглашался на его просьбу, и 1-го января 1812 года пожаловалъ ему Александровскую ленту (2).

Итакъ Сперанскій продолжалъ трудиться по прежнему. Въ 1812 году изъ предначертаній его также успѣли быть исполнены нѣкоторыя. Если не ошибаемся, слѣдующія важныя распоряженія сдѣланы были тогда при его участіи:

1) Января 18 открытъ департаментъ внѣшней торговли въ министерствѣ финансовъ, на мѣсто упраздненнаго департамента министра коммерціи (3).

2) Января 21 утвержденъ, съ немногими измѣненіями, на 1812 годъ тарифъ 1811 года (4).

3) Января 27 обнародывано учрежденіе военнаго министерства (5).

4) Января 27 обнародывано учрежденіе для управленія большой дѣйствующей арміи (6). Учрежденіе это, дѣйствующее донынѣ, было написано, при участіи Сперанскаго, близкимъ пріятелемъ его, флигель-адъютантомъ полковникомъ Алексѣемъ Васильевичемъ Воейковымъ, управлявшимъ канцеляріей военнаго министра Барклая-де-Толли, и носило въ публикѣ названіе *Желтой книги*, по цвѣту переплета.

5) Января 29 изданъ манифестъ о государственныхъ доходахъ и расходахъ на 1812 годъ (7).

6) Февраля 11 вышелъ манифестъ о преобразованіи коммиссіи погашенія долговъ (8). Въ немъ заключалось: а) Измѣненіе

---

(1) *Revue des deux Mondes*, 1856, livr. du 15 octobre.

(2) *Словарь Достоп. людей*, 1847, ч. III, стр. 287.

(3) *Полн. Собр. Зак.* т. XXXII, № 24.955.

(4) Тамъ же, № 24.960. О приведеніи въ дѣйствіе того учрежденія см. тамъ же, № 25.008.

(5) Тамъ же, № 24.971.

(6) Тамъ же, № 24.975.

(7) Тамъ же, № 24.976. Объясненія на этотъ манифестъ, см. тамъ же, № 24.999.

(8) Тамъ же, № 24.992. Объясненіе на него, см. тамъ же, № 25.011.

состава управленія коммиссіей и правилъ для образа ея дѣйствій; б) Постановленіе объ отнесеніи къ ея вѣдомству всѣхъ государственныхъ долговъ и уплатъ по нимъ и в) Положеніе объ усиленіи капитала ея, состоявшаго изъ суммъ, вырученныхъ за продажу государственныхъ имуществъ, временными прибавками въ податяхъ и новыми налогами. Прибавки въ податяхъ были слѣдующія: а) Подушная увеличена на 1 руб.; б) Оброчная на 2 руб.; в) Съ объявленныхъ купеческихъ капиталовъ плата возвышена 3-мя процентами и г) Учрежденъ сборъ съ помѣщицьихъ доходовъ по добровольному ихъ объявленію. Низшій сборъ начинался съ 500 руб. дохода и состоялъ изъ 1 процента; высшій составлялъ 10 процентовъ и взимался съ доходовъ, превышающихъ 18.000 руб. Новыми пошлинами обложены были: чай, пиво, гербовая бумага, паспорты, подорожныя, почтовые сборы и свидѣтельства крестьянъ на торговлю, а съ частныхъ горныхъ заводовъ пошлина удвоена.

7) Марта 12 состоялся, если мы не ошибаемся, послѣдній важный актъ временъ могущества Сперанскаго. Это было—высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта о возвышеніи податей съ иностранныхъ колонистовъ по разнымъ губерніямъ (1).

Между тѣмъ грозная туча находила на Россію; политическія обстоятельства принимали размѣры небывалые, и предчувствовалось начало послѣдней борьбы нашей съ Наполеономъ. Опасность грозила отовсюду, и враги Сперанскаго не теряли времени, чтобы готовить его паденіе. Сперанскаго громче и громче стали обвинять въ предательствѣ, скрытомъ будто бы во всѣхъ его дѣйствіяхъ, и представляли его удаленіе необходимымъ условіемъ для сохраненія спокойствія государства.

Громче всѣхъ, прямо и рѣшительно, заговорилъ графъ Ѳ. В. Ростопчинъ. При восшествіи на престолъ Александра I, онъ сдѣлался жертвой придворныхъ интригъ, удалился отъ дѣлъ и поселился въ Москвѣ (2). Въ 1810 году онъ былъ назначенъ оберъ-каммергеромъ, но оставался въ Москвѣ и не несъ никакихъ служебныхъ обязанностей (3). Въ то время онъ, какъ говорятъ, самъ писалъ къ И. И. Дмитріеву, что не принялъ бы такой

---

(1) *Полн. Собр. Зак.*, № 25.031.
(2) *Слов. Достоп. людей*, 1847, ч. III, стр. 121.
(3) Тамъ же, стр. 123.

должности, которая заставила бы его ѣхать въ Петербургъ и имѣть дѣло съ людьми, которыхъ убѣжденій онъ не раздѣляетъ. Въ Москвѣ Ростопчинъ имѣлъ огромный вѣсъ въ обществѣ знатностію, богатствомъ, любезностію, умомъ и просвѣщеніемъ, а въ публикѣ и въ народѣ пользовался настоящею популярностію, какъ горячій патріотъ въ словахъ, поступкахъ и сочиненіяхъ. Онъ, также какъ и Карамзинъ, заслужилъ особое благоволеніе великой княгини Екатерины Павловны и былъ въ короткой пріязни съ исторіографомъ. Въ смутныхъ обстоятельствахъ, которыми омрачалось уже самое начало 1812 года, въ эту эпоху толковъ, опасеній и томительной неизвѣстности, Ростопчинъ сдѣлался центромъ, около котораго группировались недовольные, оракуломъ въ кругу московской знати и высшаго дворянства, и принялъ на себя обязанность быть представителемъ устрашеннаго общаго мнѣнія Москвы. Онъ шелъ напрямикъ, соотвѣтственно своему независимому и открытому характеру, и безъ околичностей описалъ государю то, что̀ думалъ онъ и вмѣстѣ съ нимъ думала вся Москва, представлялъ грозящую опасность (1), и виновниками ея назвалъ Сперанскаго, Магницкаго, Бижеича и другихъ лицъ ихъ круга. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указывалъ на средства открыть ихъ заговоръ въ пользу Наполеона, котораго хотятъ пропустить въ Россію черезъ Курляндію, стянувъ всѣ войска, будто бы для защиты, въ Польшу и Финляндію, произведя притомъ въ народѣ неудовольствіе на правительство. Ростопчинъ совѣтовалъ довѣриться Балашову, для открытія всѣхъ тайнъ измѣны и заклиналъ государя избрать людей, способныхъ спасти Россію, безъ чего угрожалъ неминуемыми, страшными бѣдствіями престолу и отечеству.

Это происходило около половины марта 1812 года. Государь собирался ѣхать къ арміи (2) Этимъ случаемъ воспользовались враги Сперанскаго, чтобъ общими силами совершить его гибель. Говорятъ, что Армфельдтъ пустилъ въ ходъ записку, сочиненную Розенкампфомъ, если не ошибаемся, въ которой изложены были преступные замыслы Сперанскаго, скрытые въ государственныхъ актахъ, имъ сочиненныхъ, и цѣлію которыхъ было возбудить неудовольствіе и приготовить умы къ перевороту. Такимъ образомъ успѣли возбудить подо-

---

(1) *Словарь Достоп. людей*, стр. 124.
(2) Государь уѣхалъ въ армію 9 апрѣля.

зрѣнія въ чистотѣ намѣреній Сперанскаго, и было рѣшено удалить его, хотя на время. Враги Сперанскаго, говорятъ, имѣли какіе-то удачные для нихъ случаи, способствовавшіе имъ дать видимое вѣроятіе обвиненіямъ, взведеннымъ на Сперанскаго въ измѣнѣ.

Мы не беремся разказать съ точностію подробности о томъ, какъ именно произошло паденіе Сперанскаго. Показанія о томъ противорѣчатъ между собой.

17-го марта 1812 года (1), Сперанскій, возвратившись домой, нашелъ у себя въ кабинетѣ злѣйшаго своего врага, с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора и министра полиціи Балашова, который объявилъ ему повелѣніе объ его увольненіи отъ всѣхъ должностей и удаленіи въ Нижній Новгородъ. Сперанскій сохранилъ все присутствіе духа и съ твердостію встрѣтилъ несчастіе. Онъ присутствовалъ при опечатаніи бывшихъ у него государственныхъ бумагъ, приготовился наскоро къ отъѣзду, и написалъ нѣсколько прощальныхъ словъ тринадцатилѣтней своей дочери. Онъ не хотѣлъ тревожить и огорчать ее и потому съ ней не видѣлся передъ отъѣздомъ, а перекрестилъ только запертую дверь ея комнаты. Кибитка для него была готова; онъ сѣлъ въ нее, и лошади помчали его изъ Петербурга (2).

Въ тотъ же день былъ отставленъ, арестованъ и высланъ изъ Петербурга Магницкій, а Воейковъ переведенъ бригаднымъ командиромъ въ армію. Тогда же арестованъ былъ чиновникъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Христіанъ Андреевичъ Бекъ. Онъ былъ обвиненъ въ томъ, что, найдя однажды, черезъ Сперанскаго, случай представить государю мимо канцлера что-то найденное имъ въ *люстраціи*, получилъ позволеніе и впредь поступать такъ же, и нѣсколько разъ доставлялъ Сперанскому нѣкоторыя незначительныя политическія вѣсти (3). Поступокъ этотъ былъ растолкованъ какъ доказательство измѣны Сперанскаго и участія въ ней Бека (4).

---

(1) *Слов. Достоп. людей*, 1847, ч. III, стр. 287.

(2) *Revue des deux Mondes*, 1856, livr. du 15 octobre, page 821.

(3) Письмо Сперанскаго изъ Перми.

(4) На мѣсто Сперанскаго назначенъ былъ государственнымъ секретаремъ Александръ Семеновичъ Шишковъ. На мѣсто Магницкаго—статсъ-секретаремъ въ департаментѣ законовъ камергеръ князь Григорій Ивано-

Итакъ Сперанскій, могущественный государственный дѣятель, палъ жертвой духа времени, несчастныхъ обстоятельствъ и неумолимыхъ враговъ. И вотъ онъ на пути изгнанія, на пути Аристида и Камилла, на пути скорбномъ, но славномъ, потому что онъ тѣмъ скорѣе ведетъ великаго человѣка къ потомству.

VI.

Быстрое паденіе и ссылка Сперанскаго удивили всѣхъ, несмотря на то, что въ публикѣ давно уже ожидали его удаленія, зная, что противъ него дѣйствуетъ сильная партія. Можно себѣ представить, какіе разнородные толки, какія странныя догадки распространялись по этому случаю. Но главною причиной изгнанія его полагали болѣе или менѣе измѣну его отечеству, въ пользу грозившаго намъ Наполеона. Сперанскій не скрывалъ, что считалъ тильзитскій миръ необходимымъ для Россіи, которой нужно было купить, даже съ нѣкоторыми пожертвованіями, прекращеніе войны, чтобы на свободѣ заняться внутренними преобразованіями, которыя были для нея гораздо важнѣе, чѣмъ безплодные военные лавры. Карамзинъ развѣ не совѣтовалъ въ 1811 году рѣшиться на уступки Наполеону для той же цѣли? Но записка его не была извѣстна въ то время, и притомъ противъ него, какъ противъ частнаго человѣка, не могло существовать такого ожесточенія. Сперанскаго обвиняли и въ томъ, что онъ, во время эрфуртскихъ конференцій, совѣтовалъ жить въ мірѣ съ возмутителемъ покоя всей Европы, считая

вичь Гагаринъ, а на мѣсто Воейкова, по личному предложенію государя военному министру, подполковникъ Арсеній Андреевичъ Закревскій (нынѣ графъ). Съ другими лицами, имѣющими отношенія къ нашему разказу, произошли вскорѣ слѣдующія перемѣны: баронъ Армфельдъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта по департаменту государственной экономіи; Розенкампфъ сдѣланъ помощникомъ статсъ-секретаря въ томъ же департаментѣ, по части финансовъ. Графъ Ростопчинъ назначенъ московскимъ главнокомандующимъ. Извѣстно, какую значительную роль играли въ послѣдствіи Балашовъ и Гурьевъ, и какою властію облеченъ былъ Аракчеевъ. Бекъ вскорѣ былъ оправданъ и остался на службѣ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

умѣренность въ политикѣ относительно Наполеона дѣломъ государственной мудрости. Въ этомъ видѣли издавна подготовленный планъ: выиграть время и посѣять въ Россіи сѣмена неудовольствій, которыя помогли бы въ рѣшительную минуту исполненію его преступныхъ замысловъ. Тщетно стали бы указывать на составленный, по его мысли, запретительный тарифъ 1811 года, нанесшій сильный ударъ французской торговлѣ въ Россіи. Это былъ также разчитанный шагъ, чтобы дать Наполеону поводъ къ неудовольствіямъ противъ Россіи и благовидный предлогъ къ разрыву, когда планы Сперанскаго созрѣютъ. Сперанскій изучалъ Наполеоновскій кодексъ, уважалъ, по достоинству, этотъ превосходный юридическій памятникъ и извлекалъ изъ него все, что̀ могло быть полезно для его юридическихъ работъ. Явно, что это была попытка ввести въ Россію чуждый кодексъ народа, которому онъ доброхотствуетъ. Сперанскій видался съ иностранцами. Кто не видается съ ними въ Петербургѣ? Но для него эти свиданія обращались въ преступныя совѣщанія, гдѣ торговали честью и спокойствіемъ отечества. Какъ бы то ни было, истина не была извѣстна съ точностію публикѣ. Слишкомъ черезъ два мѣсяца послѣ его ссылки Карамзинъ писалъ къ брату: «Исторія Сперанскаго есть для насъ тайна: публика ничего не знаетъ. Думаютъ, что онъ уличенъ въ нескромной перепискѣ. Его всѣ бранили, теперь забываютъ. Ссылка похожа на смерть (1).» Свидѣтельства современниковъ говорятъ, что удаленіе его было привѣтствовано почти общимъ одобреніемъ и даже удовольствіемъ. Таково было расположеніе умовъ при тогдашнихъ грозныхъ политическихъ обстоятельствахъ.

Между тѣмъ Сперанскій приближался къ мѣсту своего изгнанія. Говорятъ, что маршрутъ его миновалъ Москву въ избѣжаніе непріятностей, которыя онъ могъ бы встрѣтить въ этомъ городѣ, гдѣ раздраженіе общественнаго мнѣнія противъ него дошло до невѣроятной степени. Его везли на Новгородъ, Тверь, Ярославль и Владиміръ, въ Нижній Новгородъ. Сынъ одного изъ тогдашнихъ значительныхъ лицъ въ одной изъ губерній, черезъ которыя везли Сперанскаго, разказывалъ намъ, что, будучи тогда еще мальчикомъ, онъ слышалъ объ одномъ странномъ распоряженіи, котораго исполненіе видѣлъ самъ. На коз-

---

(1) *Атеней*, 1858, ч. III, стр. 484.

лахъ экипажа, въ которомъ везли Сперанскаго, сидѣлъ солдатъ въ полной аммуниціи, такъ что поѣзду придавался, въ глазахъ народа, видъ какой-то торжественности, разчитанной для того, чтобъ успокоить волненіе умовъ и дать удовлетвореніе ненависти народа. Но въ то же время губернаторы получили предварительно предписанія: встрѣчать Сперанскаго со всѣми знаками уваженія, должными его прежнему сану, и оказывать ему всевозможное содѣйствіе въ пути.

На дорогѣ, Сперанскаго ожидало тяжелое испытаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ отрадное чувство, которое освѣжаетъ душу воспоминаніями. Онъ ѣхалъ по мѣстамъ, гдѣ протекло его дѣтство. Остановившись во Владимірѣ, онъ посѣтилъ тамошнюю семинарію. Въ классѣ философіи, онъ засталъ на каѳедрѣ протоіерея Пѣвницкаго, который былъ когда-то и его учителемъ; онъ подошелъ подъ его благословеніе. Старикъ благословилъ его и упалъ передъ нимъ на колѣни. По невольному чувству, сдѣлалъ то же и Сперанскій, и оба залились слезами (1). Оставляемъ читателямъ вообразить себѣ, что̀ волновало сердце Сперанскаго, когда онъ увидѣлъ опять родныя мѣста, которыя, за двадцать два года, онъ оставилъ бѣднымъ, неизвѣстнымъ юношей, и куда судьба занесла его знаменитымъ изгнанникомъ какъ бы для того, чтобъ еще сильнѣе дать ему уразумѣть тщету мірскихъ почестей и непрочность человѣческаго величія.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Нижній Новгородъ, Сперанскому суждено было испытать одну изъ тѣхъ радостей, которыя, къ счастію человѣчества, не въ состояніи отнять у изгнанника никакія жестокія гоненія. Дочь его ни за что не хотѣла разлучиться съ отцомъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ его отъѣзда, она рѣшилась слѣдовать за нимъ и вскорѣ пріѣхала съ своею гувернанткой въ Нижній Новгородъ (2). Этого соединенія достаточно было, чтобъ умирить растерзанную душу Сперанскаго. Твердость его и спокойствіе произвели необыкновенное впечатлѣніе въ городѣ. Люди не могли вѣрить, что можно сохранить такое присутствіе духа, испытавши такія превратности судьбы. Стали даже подозрѣвать, что немилость Сперанскаго мнимая, и что онъ, подъ видомъ ссылки, имѣетъ таііное порученіе удостовѣриться въ расположеніи умовъ внутри имперіи.

---

(1) *Москв.* 1848, № VIII, стр. 38.

(2) *Revue des deux Mondes,* 1856, livr. du 15 octobre, pag. 821.

Слухи эти способствовали тому почтительному пріему, который онъ встрѣтилъ (1). Сперанскій спокойно сталъ устраивать свой новый образъ жизни; но судьба готовила ему еще болѣе тяжкія испытанія.

Въ іюнѣ 1812 года Наполеонъ, предводительствуя войсками всей Европы, уже былъ въ предѣлахъ Россіи. Барклай началъ свое знаменитое отступленіе, ознаменованное столькими славными подвигами: Наполеонъ шелъ въ самое сердце Россіи. Враги Сперанскаго не удовлетворились его изгнаніемъ; они представили опаснымъ пребываніе его въ городѣ, близкомъ къ центру войны и куда стекались жители оставленной Москвы, и Сперанскій переведенъ былъ на жительство въ Пермь (2).

Такое явное доказательство подозрѣнія правительства насчетъ Сперанскаго не могло не быть новымъ для него оскорбленіемъ. Переведенный на жительство въ отдаленный и пустынный край, онъ испыталъ тамъ со стороны жителей то отчужденіе, которое было необходимымъ послѣдствіемъ новаго офиціяльнаго подтвержденія мысли, что Сперанскій важный государственный преступникъ, и что опасно съ нимъ имѣть сношенія. Онъ остался почти въ совершенномъ одиночествѣ, потому что и дочь свою рѣшился отправить въ Петербургъ, боясь подвергнуть ее суровости пермскаго климата и лишить ее средствъ къ образованію (3). Это было уже въ январѣ 1813 года, и ей отдалъ онъ, для врученія государю, знаменитое письмо свое, которое, по словамъ одного изъ его біографовъ, «не оставляетъ на немъ ни малѣйшаго подозрѣнія» (4).

Письмо это, изъ котораго мы извлекли уже столько объясненій дѣятельности Сперанскаго, заключаетъ въ себѣ краткій обзоръ ея по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія, почему и приводимъ перечень его содержанія. Всѣ работы Сперанскаго истекали изъ основной мысли государя, желавшаго «составить прочное, на законахъ основанное положеніе, сообразное духу времени и степени просвѣщенія Россіи.» Съ 1808 года началось приготовленіе и исполненіе общаго плана преобразованія. Но исполненіе это производилось только по частямъ, согласно волѣ государя. Такимъ образомъ непосвя-

---

(1) *Revue des deux Mondes*, 1856, livr. du 15 oct., p. 821.
(2) *Слов. Достоп. люд.* 1847, ч. III, стр. 287.
(3) *Revue des deux Mondes*, 1856, livr. du 15 octobre, pag. 822.
(4) *Слов. Достоп. людей*, 1847, ч. III, стр. 287.

щенные во всѣ тайны плана не могли основательно судить о достоинствѣ частныхъ мѣръ, изъ него извлеченныхъ. Слѣдуетъ краткое изложеніе необходимости преобразованія совѣта, министерствъ и сената, перечисленіе порицаній этихъ дѣйствій и причинъ этихъ порицаній (1). Работы законодательныя шли не такъ успѣшно, но и по нимъ сдѣлано много важнаго. Финансовыя мѣры 1810 года спасли тогда Россію отъ банкротства; но личныя страсти опорочивали и ихъ. Два года прошли благополучно. Если въ началѣ 1812 года были приняты нѣкоторыя мѣры неосновательныя, то они предложены были министромъ, а на Сперанскаго сложили враги его всю отвѣтственность. Слѣдуетъ исчисленіе трехъ главныхъ обвинительныхъ пунктовъ противъ Сперанскаго и его оправданіе. Въ два года, доходы государства возрасли отъ 125 милл. до 300 милл. Но во время самой перемѣны системы, выпущено было, по необходимости, 46 милл. новыхъ ассигнацій, а казначейство представило неправильный счетъ количества прежнихъ, бывшихъ въ обращеніи. Однакоже дальнѣйшій упадокъ ихъ курса остановился при новыхъ финансовыхъ мѣрахъ. Ропотъ отъ новыхъ налоговъ очень понятенъ и вездѣ существовалъ. Однако онъ не могъ быть опасенъ, и при начатіи войны прекратился. Не слѣдуетъ поддаваться системѣ ложныхъ страховъ и подозрѣній, распускаемыхъ изъ личныхъ видовъ; давать имъ значеніе пагубно и безславно. Неблагопріятные отзывы о ходѣ правительственныхъ установленій были слышны не отъ одного Сперанскаго; борьба старыхъ элементовъ съ новыми не могла не причинять ущерба успѣху дѣлъ. Дурные же отзывы о людяхъ, занимающихъ важныя мѣста, были слѣдствіемъ ихъ противоборства полезнымъ нововведеніямъ и клеветъ, которыя они распускали. Что̀ касается самого государя, Сперанскій привязанъ къ нему истинною любовію, всегда «имѣлъ дѣло съ однимъ его разумомъ и никогда не хотѣлъ обольстить его сердца». Для убѣжденія его, онъ сочинялъ «не докладныя записки, но цѣлыя книги». Неужели же онъ вдругъ измѣнился? Какія могли

(1) Мы представляемъ только самый краткій конспектъ письма Сперанскаго. Время и сущность предложенныхъ имъ мѣръ изложены выше, въ хронологическомъ порядкѣ, также какъ исчисленіе ихъ порицаній, оправданій Сперанскаго и другіе факты. Мы ссылались вездѣ на это письмо; подробно излагать его здѣсь было бы только не нужнымъ повтореніемъ.

быть причины? Гдѣ доказательства? Привязанность къ французской системѣ есть выдумка, которую легко опровергнуть бумагами Сперанскаго и указаніями его на козни, предшествовавшія войнѣ; онъ содѣйствовалъ открытію замысловъ Франціи порученіемъ, даннымъ графу Нессельроде, вступить изъ Парижа въ дипломатическую переписку, оказавшуюся столь полезною. Всѣ обвиненія на Сперанскаго противорѣчатъ фактамъ. Однако, подозрѣніе въ связяхъ съ Франціей составляетъ главную причину его изгнанія въ Нижній-Новгородъ и потомъ въ Пермь. Остальныя нареканія падутъ современемъ передъ очевидностью, но въ этомъ случаѣ Сперанскій связанъ тайной, которую можетъ и долженъ разорвать только самъ государь и оправдать его тѣмъ. Сперанскій могъ бы указать начало и цѣль веденныхъ противъ него интригъ, обличить ложь, но не хочетъ рекриминацій и притомъ знаетъ, что враги его сильны и находятся при дворѣ, между тѣмъ какъ онъ за 2000 верстъ отъ Петербурга. Исторія Бека не имѣетъ никакого значенія. Связей съ мартинистами и иллюминатами Сперанскій не имѣлъ, никогда не подчиняясь слѣпо чужимъ мнѣніямъ, но занимался изысканіями и размышленіями о мистической части ихъ ученія, результаты которыхъ и сообщалъ государю, по его желанію, указывая «на достоинство человѣческой природы, на высокое ея предназначеніе, на законъ всеобщей любви». Очернилъ ли кого-нибудь Сперанскій передъ государемъ? Нѣтъ, онъ старался питать въ душѣ его свойственную ей кротость. Такъ ли дѣйствуетъ честолюбецъ и врагъ своего государя? Въ награду прежнихъ трудовъ и претерпѣнныхъ горестей, Сперанскій проситъ, чтобы государь позволилъ ему провести остатокъ жизни «поистинѣ одними трудами и горестями преизобильной», въ маленькой своей деревнѣ. Если государь поручитъ ему окончаніе какой-либо части публичныхъ законовъ, онъ приметъ это съ радостію и исполнитъ съ усердіемъ, «не ища другой награды, кромѣ *свободы* и *забвенія*».

Мы не знаемъ, когда именно дошло это письмо по своему назначенію. Мы уже говорили, что оно повезено было въ Петербургъ дочерью Сперанскаго, такъ какъ другаго пути къ его доставленію у него не было. Вспомнивъ тогдашнія обстоятельства, по которымъ государь находился за границей, можно предполагать, что до самаго возвращенія его въ Петербургъ, послѣ взятія Парижа, оно хранилось у молодой Сперанской, не рѣшавшейся выпустить изъ рукъ ввѣренное ей отцомъ пись-

мо. Оттого, вѣроятно, оно оставалось долго безъ отвѣта, и Сперанскій не ранѣе какъ во второй половинѣ 1814 года могъ оставить Пермь.

Итакъ два года провелъ Сперанскій въ Перми, живя почти въ совершенномъ уединеніи. Въ доказательство того, какъ опасались сходиться съ нимъ, приведемъ слѣдующій случай. Въ 1814 году одно духовное лицо проѣзжало черезъ Пермь изъ Иркутска въ Петербургъ. Епископъ Іустинъ пригласилъ пріѣзжаго служить съ нимъ обѣдню въ какой-то праздникъ. Въ церкви пріѣзжій узналъ Сперанскаго, и видавши его еще въ Петербургѣ, поклонился ему. Потомъ, на завтракѣ у архіерея, они познакомились, и Сперанскій пригласилъ его къ себѣ. Проѣзжій спросилъ архіерея: можно ли туда отправиться? Отвѣтъ былъ: какъ угодно. На дальнѣйшіе разспросы Іустинъ отвѣчалъ, что не считаетъ благоразумнымъ открытое сообщеніе съ Сперанскимъ, и что онъ самъ не знаетъ, какъ передать ему порученіе отъ митрополита Амвросія. Однако проѣзжій отправился къ Сперанскому, который показалъ ему тетрадь, куда выписывалъ изъ Библіи тексты, приличные своему положенію; потомъ онъ подробно разспрашивалъ о Сибири и ея управленіи, и наконецъ сообщилъ гостю «первому, въ благодарность за посѣщеніе», что скоро надѣется оставить Пермь (1).

Несмотря на то, что Сперанскому назначена была пенсія въ шесть тысячь рублей (2), но повидимому она получалась неаккуратно, потому что онъ однажды былъ принужденъ продать брегетовскіе часы для своего содержанія (3). Ему оказывали одолженія Лазаревы, а одинъ изъ друзей его молодости, Аркадій Алексѣевичъ Столыпинъ (4), посѣтилъ его въ пермскомъ уединеніи и усладилъ его грустное одиночество (5).

Въ Перми Сперанскій возвратился съ любовію къ изученію Священнаго Писанія, прерванному служебными трудами въ Петербургѣ, и жизнь его получила то созерцательное направ-

---

(1) *Москвит.* 1848, № 8, стр. 41. Письмо къ государю Сперанскаго было передано, кажется, черезъ посредство г-жи Кремеръ.

(2) *Слов. Дост. людей,* 1847, ч. III, стр. 287.

(3) *Москвит.* 1843, № 4, стр. 486.

(4) Имя А. А. Столыпина достойно памяти нашей. Онъ былъ другомъ Сперанскаго и зятемъ Н. С. Мордвинова, то-есть близкимъ человѣкомъ къ двумъ знаменитымъ государственнымъ дѣятелямъ того времени.

(5) *Москвит.* 1843, № 4, стр. 486.

леніе, къ которому давно была въ немъ склонность (1). Тамъ же кончилъ онъ, начатый еще въ 1805 году, переводъ съ латинскаго подлинника книги Ѳомы Кемпійскаго *О подражаніи Іисусу Христу* (2), и присовокупилъ къ нему извлеченіе изъ прочихъ сочиненій этого писателя (3). Къ сожалѣнію, до сихъ поръ почти ничего не обнародовано изъ его тогдашнихъ писемъ, которыя могли бы послужить выраженіемъ тогдашняго состоянія его души (4).

Въ концѣ 1814 года Сперанскій получилъ разрѣшеніе на свою просьбу и переѣхалъ въ небольшую деревеньку, свое Великополье, въ восьми верстахъ отъ Новгорода (5). Тамъ соединилась съ нимъ его любимая дочь, и полное, свѣтлое счастіе въ мирномъ уголкѣ озарило жизнь этого человѣка, который въ изгнаніи своемъ, по словамъ одного изъ довѣренныхъ его лицъ, «очистилъ въ горнилѣ своей совѣсти побужденія своихъ дѣйствій и вѣрованій отъ всякой нечистой примѣси гордости и суетности, отдалъ себя на судъ Богу и вышелъ перерожденнымъ изъ этого опыта, сохранивши въ душѣ одну любовь къ Богу, отечеству и ближнимъ» (6). Сперанскій занимался въ Великопольѣ чтеніемъ преимущественно Тацита и Отцовъ Церкви, писавшихъ о жизни созерцательной (7), и обученіемъ своей дочери (8). Онъ всегда вспоминалъ съ удовольствіемъ о пребываніи въ Великопольѣ, «гдѣ нашелъ тихую пристань послѣ бурнаго плаванія». Исполнивъ долгъ государю и отечеству, по совѣсти и крайнему разумѣнію, онъ наконецъ могъ жить для себя и для своего семейства, быть полнымъ хозяиномъ своего времени, заниматься тѣмъ, что̀ составляло его радость и услажденіе. Все изученное, прочитанное и написанное имъ въ те-

---

(1) *Москвит.* 1842, № 11, стр. 148.

(2) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144. Переводъ этотъ имѣлъ 4 изданія. Послѣднее вышло въ Спб. въ 1845 году.

(3) *Москвит.* 1843, № 4, стр. 487.

(4) Къ этому порядку писемъ относится письмо къ П. А. Словцову, напечатанное въ *Москвитянинѣ* 1845, № 5, стр. 41. Мы не дѣлаемъ выписокъ, потому что оно должно быть прочитано вполнѣ, а для помѣщенія вполнѣ оно слишкомъ длинно по размѣрамъ нашей статьи.

(5) *Воспом. Ѳ. Булгарина*, ч. V, стр. 324.

(6) *Revue des deux Mondes*, 1856, livr. du 15 oct.

(7) *Москвит.* 1843, № 4, стр. 487.

(8) *Воспом. Ѳ. Булгарина*, ч. V, стр. 325. Оттуда же взяты всѣ другія цитаты словъ Сперанскаго о жизни въ Великопольѣ.

ченіи всей его жизни, онъ, такъ сказать, уложилъ въ порядкѣ въ своей памяти и составилъ выводы. Онъ былъ совершенно счастливъ, въ убѣжденіи, что государь помнитъ о немъ, что истина непремѣнно обнаружится и проникнетъ въ общее мнѣніе, и что оно наконецъ перестанетъ быть ему враждебнымъ. Такъ прошло около двухъ лѣтъ (1).

Въ 1816 году, 30 августа, въ день своихъ именинъ, государь вспомнилъ о своемъ прежнемъ сотрудникѣ и подписалъ слѣдующій указъ (2):

«Предъ начатіемъ войны въ 1812 году, при самомъ отправленіи моемъ къ арміи, доведены были до свѣдѣнія моего обстоятельства, важность коихъ принудила меня удалить отъ службы тайнаго совѣтника Сперанскаго и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Магницкаго, къ чему во всякое другое время не приступилъ бы я безъ точнаго изслѣдованія, которое, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, дѣлалось невозможнымъ. По возвращеніи моемъ, приступилъ я къ внимательному и строгому разсмотрѣнію поступковъ ихъ, и не нашелъ убѣдительныхъ причинъ къ подозрѣніямъ. Потому, желая преподать имъ способъ усердною службой очистить себя въ полной мѣрѣ, всемилостивѣйше повелѣваемъ: тайному совѣтнику Сперанскому быть пензенскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а дѣйствительному статскому совѣтнику Магницкому воронежскимъ гражданскимъ губернаторомъ».

Итакъ вотъ опять Сперанскій на поприщѣ общественной дѣятельности въ скромной, относительно прежней его карьеры, должности губернаторской, которую хотѣлъ такъ возвысить противникъ его Карамзинъ. Строгій критикъ дѣйствій Сперанскаго, вѣроятно, отдалъ въ этомъ случаѣ ему справедливость и призналъ, что совѣтъ о выборѣ людей на губернаторскія мѣста на этотъ разъ былъ блистательно исполненъ. Сперанскій принялъ съ благодарностію первый знакъ своего оправданія въ глазахъ государя и Россіи, отправился прямо къ мѣ-

---

(1) Эпохи переѣзда Сперанскаго изъ Нижняго-Новгорода въ Пермь и изъ Перми въ Великополье не опредѣлены съ точностію, и вообще свѣдѣній о его ссылкѣ еще мало обнародывано. Любопытно было бы напримѣръ знать, видался ли Сперанскій, живя въ Великопольѣ, съ Державинымъ, который проводилъ лѣто обыкновенно въ своей Званкѣ, которая также находится по близости Новгорода.

(2) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.

сту своего назначенія, сожалѣя однако о своемъ тихомъ убѣжищѣ, Великопольѣ (1).

Пенза не очень благопріятно приняла назначеніе изгнанника своимъ начальникомъ и встрѣтила его холодно и недовѣрчиво. Но вскорѣ предубѣжденія жителей разсѣялись: они невольно привязались къ этому необыкновенному человѣку, котораго издали привыкли воображать какимъ-то извергомъ, и въ которомъ увидѣли вскорѣ образецъ доброты, честности и справедливости, не говоря уже о привлекательности его ума (2).

Положеніе Сперанскаго улучшилось и въ денежномъ отношеніи. При назначеніи его въ Пензу, ему, кромѣ обыкновеннаго губернаторскаго содержанія, положено было продолжать выдачу шести тысячъ рублей, которыя онъ получалъ во время отставки, и вмѣстѣ съ тѣмъ возобновлена ему на 12 лѣтъ аренда, пожалованная въ 1804 году (3). Дочь Сперанскаго, при отъѣздѣ его въ Пензу, отправилась въ Петербургъ.

Въ Пензѣ Сперанскій, по обыкновенію своему, находилъ время учиться и заниматься не одними служебными дѣлами. Тамъ окончательно пересмотрѣлъ и исправилъ онъ свой переводъ Ѳомы Кемпійскаго, который вскорѣ былъ напечатанъ (4). Кромѣ того онъ сдѣлалъ тамъ и другія, по словамъ его, «новыя завоеванія»: въ три мѣсяца (5) изучилъ онъ съ помощію только Библіи и лексиконовъ нѣмецкій языкъ (6) и выучился поеврейски подъ руководствомъ ректора пензенской семинаріи Аарона и одного крещенаго еврея, жившаго въ Пензѣ (7).

Сохранились нѣкоторыя свидѣтельства о человѣколюбіи и добродушіи Сперанскаго, которыя наиболѣе привязали къ нему пензенскихъ жителей всѣхъ сословій. Онъ имѣлъ привычку гулять вечеромъ по городу пѣшкомъ. Однажды онъ увидѣлъ въ глухомъ переулкѣ толпу народа, которая окружала бѣдноодѣтую и плачущую женщину, говорившую полицейскимъ, что не можетъ, по своей бѣдности, починить тротуаръ передъ своимъ домикомъ, какъ они этого требовали. Сперанскій незамѣтно прошелъ черезъ толпу и спросилъ: сколько будетъ

---

(1) *Воспом. Ѳ. Булгарина* Ч. V, стр. 327.
(2) *Revue des deux Mondes*, 1856, livr. du 15 oct., page 825.
(3) *Слов. Достоп. людей*, 1847, ч. III, стр. 287.
(4) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.
(5) *Москвит.* 1842, № 11, стр. 149.
(6) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.
(7) Тамъ же.

стоить починка? Ему отвѣчали, что около двадцати рублей. Тогда онъ вынулъ пятидесяти-рублевую бумажку, отдалъ ее бѣдной женщинѣ и удалился (1). Въ другой разъ Сперанскій шелъ мимо палисада архіерейскаго дома и увидѣлъ, что какой-то архіерейскій пѣвчій, лежавшій въ этомъ палисадѣ, замѣтя проходящаго Сперанскаго, вскочилъ, побѣжалъ и спрятался въ высокой травѣ. Сперанскій подошелъ къ своему дому, бывшему рядомъ съ архіерейскимъ, и приказалъ жандарму сейчасъ привести къ нему этого мальчика, подозрѣвая, что онъ вѣрно дѣлалъ что-нибудь нехорошее, между тѣмъ какъ тотъ, лежа въ палисадникѣ, училъ урокъ. Мальчика привели съ книгой и тетрадями, испуганнаго и блѣднаго. Сперанскій пересмотрѣлъ его тетради и сдѣлалъ ему нѣсколько грамматическихъ вопросовъ, на которые онъ отвѣчалъ хорошо. Тогда Сперанскій сказалъ ему: «Ты хорошо поешь, хорошо и учишься. Но голосъ твой скоро спадетъ, а наука тебѣ пригодится всегда и вездѣ. Не переставай же учиться до окончанія курса. Вотъ тебѣ золотой на твои потребности, а когда будешь нуждаться, приходи ко мнѣ.» Сперанскій поручилъ этого пѣвчаго особому попеченію инспектора семинаріи В. Ѳ. Алядвина. Мальчикъ учился отлично, кончилъ курсъ студентомъ и съ пользой служилъ по гражданской части (2).

Религіозное настроеніе Сперанскаго доказываютъ слѣдующія письма его къ дочери. Вотъ что̀ писалъ онъ ей изъ Пензы 21 ноября 1816 года (3):

«Бываешь ли ты у обѣдни? Не пропускай сей доброй привычки. Есть въ самой атмосферѣ церкви нѣчто благоговѣйное, собирающее разсѣянныя мысли, нѣчто таинственное. Сіе и быть иначе не можетъ. Здѣсь курится непрестанно ѳиміамъ молитвъ отъ множества душъ чистыхъ, намъ неизвѣстныхъ, и освящаетъ собою святое мѣсто и въ немъ предстоящихъ».

Другое письмо помѣчено 25-мъ числомъ декабря того же года (4).

«Пишу къ тебѣ въ самый день свѣтлаго праздника Рождества Спасителя нашего. Въ сей самый день, тому 1816 лѣтъ назадъ, совершилось въ Палестинѣ великое чудо: Вѣчная Лю-

---

(1) *Москвит.* 1850, № 15, стр. 85.
(2) Тамъ же.
(3) *Москвит.* 1847, № 1, стр. 141.
(4) Тамъ же.

бовь, Сынъ Божій, явился на земли видимымъ образомъ. Съ того времени доселѣ чудо сіе въ милліонахъ людей, безъ различія пола, возраста и состояній, повторяется до конца вѣковъ. Та же самая любовь, тотъ же самый свѣтъ, освѣщающій каждаго человѣка, грядущаго въ міръ, таинственнымъ образомъ раждается въ каждой душѣ вѣрующей. Счастливъ, кто ощутилъ сіе рожденіе, кто нашелъ въ себѣ благословенную Дѣву Марію, отъ коей единой Христосъ Спаситель можетъ родиться. Ищи сей благословенной Дѣвы; ищи ее въ непрерывной молитвѣ, въ непрестанномъ держаніи въ умѣ и мысляхъ таинственныхъ словъ: Господи помилуй! и будь увѣрена, что сіе самое чудо и въ тебѣ совершится. Ты уже имѣешь въ себѣ лучъ сего свѣта; каждая добрая мысль есть причина раждающагося въ насъ Христа; каждое движеніе, каждый вздохъ къ небесному нашему Отцу, есть предчувствіе тайнаго присутствія Его Сына. Еслибы сей день я и вмѣстѣ съ тобой проводилъ, я не въ силахъ бы былъ ни сказать, ни пожелать тебѣ ничего лучшаго.»

Въ бытность свою пензенскимъ губернаторомъ, Сперанскій получилъ одну награду: 23 января 1818 года, «въ воздаяніе отличныхъ трудовъ» ему пожаловано было пять тысячъ десятинъ земли (1) въ Саратовской губерніи (2).

Сперанскій пробылъ въ Пензѣ около двухъ съ половиной лѣтъ, и оставилъ по себѣ самую лучшую память, такъ что время его управленія было тамъ названо «золотымъ вѣкомъ» (3).

Въ это время вниманіе правительства было обращено на Сибирскій край, гдѣ нужно было изслѣдовать злоупотребленія въ управленіи ея и составить планъ его преобразованія для предупрежденія безпорядковъ, которымъ столько способствуетъ отдаленность этой области. Эти важныя порученія возложены были на Сперанскаго (4), котораго необыкновенныя способности, какъ организатора, были такъ хорошо извѣстны государю. 22 марта 1819 года онъ назначенъ былъ сибирскимъ генералъ-губернаторомъ (5). Такимъ образомъ дарованія его были употреблены съ пользой, а между тѣмъ враги его мо-

---

(1) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.
(2) *Слов. Достоп. люд.* 1847, ч. III, стр. 288.
(3) *Воcп. Ѳ. Булгарина* Ч. V, стр. 328.
(4) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.
(5) *Слов. Достоп. людей,* 1847, ч. III, стр. 288.

гли быть спокойны на счетъ долговременнаго удаленія его отъ двора (1).

Прощаніе Сперанскаго съ Пензой было торжественно и трогательно. Жители радовались возвышенію любимаго начальника своей губерніи, которое служило доказательствомъ возвращенія къ нему довѣрія государя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сожалѣли о разлукѣ съ нимъ. 29 апрѣля данъ былъ въ честь Сперанскаго балъ въ залѣ благороднаго собранія. 7 мая всѣ жители собрались у перевоза черезъ Суру, гдѣ долженъ былъ переправляться ихъ бывшій губернаторъ. Толпы народа окружали то мѣсто, гдѣ былъ приготовленъ прощальный завтракъ. На прощаньи губернскій предводитель произнесъ Сперанскому рѣчь, въ которой «отъ лица всей губерніи изъявилъ ему благодарность за кроткое и правосудное управленіе». Присутствовавшіе плакали, и Сперанскій не могъ не заплакать самъ отъ такого трогательнаго изъявленія чувствъ (2). Вотъ каковъ былъ этотъ человѣкъ, котораго злоба и зависть ославили извергомъ.

Двухлѣтнее пребываніе Сперанскаго въ Сибири было для него тяжелымъ искусомъ, но принесло необыкновенную пользу этому краю, и наконецъ доставило Сперанскому возможность возвратиться изъ ссылки, сперва явной, а потомъ почетной.

Вся Сибирь составляла въ то время одно обширное управленіе (3). Иркутскимъ губернаторомъ былъ тогда извѣстный Трескинъ (4). Злоупотребленія всякаго рода давно уже укоренились на всемъ необъятномъ пространствѣ Сибирскаго края. Сперанскому пришлось бороться съ явнымъ противодѣйствіемъ мѣстныхъ властей, составившихъ общій союзъ, чтобы мѣшать исполненію благихъ намѣреній новаго начальника. Онъ писалъ изъ Тобольска своей дочери: «За меня народъ и ссыльные; все остальное поклялось погубить меня.» (5) Къ Аракчееву онъ писалъ: «Что̀ я сдѣлалъ, чтобы получить такое порученіе, не имѣя ни силы, ни полномочій, чтобъ его исполнить?» (6) Однако твердость духа и сила воли не оставляли его, и онъ успѣлъ побѣдить препятствія, нарочно ему воздвигнутыя. Въ

(1) *Слов. Достоп. людей*, III, стр. 288.

(2) *Моск. Вѣд.* 1819, № 43.

(3) Сперанскій смѣнилъ генералъ-губернатора, тайнаго совѣтника Ивана Борисовича Пестеля. (*Восп. Ѳ. Булг.* Ч. V, стр. 328.)

(4) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.

(5) *Revue des deux Mondes*, 1856, livr. du 15 oct. page 826

(6) Тамъ же.

октябрѣ Трескинъ былъ удаленъ отъ должности вслѣдствіе рескрипта отъ 19 сентября, въ которомъ Сперанскій былъ уполномоченъ, «впредь до окончательнаго усмотрѣнія, устранить Трескина на время отъ управленія губерніей, если, по производству дѣлъ и по обозрѣнію края, сіе найдено будетъ нужнымъ». (1) Другіе изъ значительныхъ чиновниковъ побоялись такого примѣра, а многіе невольно подчинились обаянію превосходства Сперанскаго, и сдѣлались полезными его сотрудниками въ дѣлѣ преобразованія Сибири (2). Ни жестокій климатъ, ни огромныя разстоянія, ни недостатки путей сообщенія не останавливали поѣздокъ Сперанскаго по всей Сибири для личнаго знакомства съ мѣстностями, ревизіи дѣлъ и облегченія участи несчастныхъ (3). Новые порядки, имъ заведенные, быстро успѣвали, по свидѣтельству Эрмана, Кастрена и другихъ путешественниковъ (4). Вся Сибирь узнала и полюбила Сперанскаго, и во всѣхъ концахъ ея сохранилась память о его кротости, справедливости, человѣколюбіи. Сибярики ходили къ Сперанскому какъ къ отцу, когда въ послѣдствіи пріѣзжали въ Петербургъ (5). Люди простаго званія благословляли его, ссыльные также, а уваженіе онъ успѣлъ пріобрѣсти даже отъ своихъ недоброжелателей.

Мы очень сожалѣемъ, что предѣлы нашего очерка не позволяютъ намъ привести здѣсь шести писемъ Сперанскаго къ его дочери, писанныхъ въ 1819 году изъ Тобольска, Томска и Иркутска. Они уже были напечатаны (6), и перепечатывать ихъ было бы совершенно неудобно. Но мы во всякомъ случаѣ приглашаемъ тѣхъ, которые незнакомы съ этими письмами, прочитать ихъ. Они найдутъ въ нихъ и выраженіе ясности души Сперанскаго, несмотря на тревоги, возбужденныя, въ его положеніи, возложеннымъ на него трудомъ, и краткія, но любопытныя свѣдѣнія о сибирскихъ нравахъ. Сперанскій смотритъ на Сибирь безъ увлеченій и пишетъ: «Сибирь есть просто Сибирь, то-есть: прекрасное мѣсто для ссылочныхъ, выгодное для нѣкоторыхъ частей торговли, любопытное и богатое для минера-

---

(1) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.

(2) *Revue des deux Mondes.*

(3) *Восп. Ѳ. Булг.* Ч. V, стр. 329.

(4) *Revue des deux Mondes*, 1856, livr. du 15 oct. page 827.

(5) *Восп. Ѳ. Булг.* Ч. V, стр. 329.

(6) *Москвит.* 1842, № 11, стр. 151. Еще одно письмо къ Словцову, см. *Москвит.* 1844, № 3, стр. 140.

логіи; но не мѣсто для жизни и высшаго гражданскаго образованія, для устроенія собственности твердой, основанной на хлѣбопашествѣ, фабрикахъ и внутренней торговлѣ.» (1) Онъ описываетъ нѣкоторые успѣхи гражданственности и просвѣщенія: балы въ Томскѣ и Иркутскѣ, учрежденіе благотворительнаго общества и ланкастерской школы въ Иркутскѣ и пр. Между прочимъ онъ обѣщаетъ издать таблицу, которая «удивитъ просвѣщенную Европу» и докажетъ, что въ Россіи одинъ преступникъ на 20 т. жителей (2). Замѣчательны также многія мысли Сперанскаго о разныхъ предметахъ, напримѣръ порицаніе мысли переводить Св. Писаніе на русскій языкъ и мнѣніе его о языкѣ славянскомъ (3).

Близкое знакомство съ Сибирью дало возможность Сперанскому не только исправить мѣстные безпорядки тамошней администраціи, но и составить планъ *Учрежденія Сибирскихъ губерній* съ слѣдующими къ нему уставами и положеніями. Порученіе, ему данное, было кончено, и, совершивши такой подвигъ, онъ считалъ себя въ правѣ просить позволенія пріѣхать въ Петербургъ. Встрѣтивши не мало препятствій къ тому, Сперанскій однако нашелъ заступника въ князѣ Александрѣ Николаевичѣ Голицынѣ, который представилъ государю одно изъ его частныхъ писемъ, гдѣ онъ жаловался на болѣзнь, разлуку съ дочерью, и скорбѣлъ отъ безнадежности лично оправдаться въ мнѣніи государя (4). Время тяжелыхъ испытаній для Сперанскаго прошло; ему было позволено пріѣхать въ Петербургъ, и въ началѣ 1821 года онъ выѣхалъ изъ Сибири съ твердою надеждой уже не возвращаться въ отдаленныя губерніи (5).

VII.

Девять лѣтъ не видѣлъ Сперанскій государя. Они разстались, когда Россіи грозили опасности отъ нашествія всей Европы. Теперь обстоятельства перемѣнились, Европа намъ

---

(1) *Москвит.* 1842, № 11, стр. 152.
(2) Тамъ же, стр. 156.
(3) Тамъ же, стр. 158.
(4) *Москвит.* 1843, № 4, стр. 487.
(5) *Слов. Достоп. людей*, 1847 года, ч. III, стр. 288.

была обязана освобожденіемъ отъ насилія Наполеона, и Сперанскій долженъ былъ явиться передъ лицомъ своего государя, когда она называла его своимъ миротворцемъ.

Сперанскій самъ разказывалъ нѣкоторыя подробности о первомъ свиданіи своемъ съ Александромъ послѣ многолѣтней разлуки. Государь встрѣтилъ его милостиво и съ чувствомъ. Сперанскій хотѣлъ благодарить его, но взглянувъ на него, залился слезами и не могъ сказать ни слова. Государь обнялъ его и сказалъ: «Забудемъ прошлое». — Нѣтъ, государь, отвѣчалъ онъ сквозь слезы,—я помнилъ всегда и никогда не забуду вашихъ милостей и вашей благости. Вы человѣкъ, слѣдовательно могли ошибиться (1).

Говорятъ, что Сперанскому было тогда предложено управленіе какимъ-то министерствомъ, но что онъ отъ него отказался (2). Государь назначилъ его членомъ государственнаго совѣта по департаменту законовъ (3).

Вскорѣ, по представленію Сперанскаго, учрежденъ былъ сибирскій комитетъ, котораго онъ назначенъ былъ членомъ (4). Почти въ то же время возобновлены были работы по изготовленію третьей части гражданскаго уложенія (правъ по обязательствамъ и договорамъ) въ Коммиссіи составленія законовъ. Рескриптомъ отъ 3 ноября 1821 года Сперанскій былъ «поставленъ въ сношеніе съ коммиссіею», для полученія всѣхъ свѣдѣній и пособій по разсмотрѣнію проектовъ уложеній (5). Самое управленіе этою коммиссіей три раза (въ 1822, 1823 и 1824 годахъ) было временно поручаемо Сперанскому, во время отлучекъ князя П. В. Лопухина (6). По возвращеніи въ Петербургъ, Сперанскому пожаловано было 3486 десятинъ земли въ Пензенской губерніи (7), и дочь его сдѣлана фрейлиной (8).

Въ 1822 году іюня 22 обнародыванъ былъ трудъ Сперанскаго, совершенный имъ въ Сибири: *Учрежденіе для управ-*

---

(1) *Восп. Ѳ. Булг.* ч. V, стр. 330.
(2) *Москвит.* 1843, № 4, стр. 487.
(3) *Слов. Дост. людей*, 1847, ч. III, стр. 288.
(4) Тамъ же.
(5) *Спб. Вѣд.* 1848, № 144.
(6) Тамъ же.
(7) *Слов. Дост. людей.* 1847, ч. III, стр. 288.
(8) Она вскорѣ вышла замужъ за А. А. Фролова-Багрѣева. Г-жа Багрѣева была писательница. Она между прочимъ написала книгу: *Les pélerins Russes à Jérusalem.* 2 vol. Bruxelles, 1855.

ленія сибирскихъ губерній, при которомъ приложены 6 уставовъ: 1) объ управленіи инородцевъ, 2) объ управленіи Киргизъ-Кайсаковъ, 3) о ссыльныхъ, 4) объ этапахъ, 5) о сухопутныхъ сообщеніяхъ, 6) о городовыхъ казакахъ, и три положенія: 1) о земскихъ повинностяхъ, 2) о хлѣбныхъ запасахъ и 3) о долговыхъ обязательствахъ между крестьянами и инородцами (1).

Вслѣдствіе этого учрежденія, Сибирь раздѣлена на Западную и Восточную, составляющія два отдѣльныя управленія. Раздѣленіе это существуетъ и донынѣ (2).

Въ 1823 году Сперанскій былъ сдѣланъ членомъ двухъ комитетовъ: для управленія военныхъ поселеній и для составленія учрежденія Войску Донскому (3).

Главныя занятія Сперанскаго въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I были по дѣламъ государственнаго совѣта, то-есть преимущественно по дѣламъ, такъ сказать, текущимъ (1), если можно такъ выразиться о занятіяхъ департамента законовъ. Вообще вліяніе его на государственныя дѣла уже не возобновлялось, и онъ никогда не могъ возвратить прежняго неограниченнаго довѣрія къ себѣ государя, при перемѣнившейся тогда системѣ въ управленіи (2). Онъ не получилъ даже никакихъ знаковъ отличія, и въ концѣ 1825 года мы находимъ его младшимъ изъ членовъ государственнаго совѣта (4).

12 декабря 1825 года, по полученіи изъ Варшавы отъ цесаревича окончательнаго отреченія отъ престола, великій князь Николай Павловичъ наконецъ рѣшился принять императорскую корону. Онъ продиктовалъ своему адъютанту В. Ѳ. Адлербергу главныя статьи для манифеста о восшествіи сво-

---

(1) *Полн. Собр. Зак.* т. XXXVIII, №№ 29.124—29.134.

(2) Первыми генералъ-губернаторами при новомъ раздѣленіи Сибири были: въ Восточной—тайный совѣтникъ Лавинскій, въ Западной—генералъ-лейтенантъ Капцевичъ. По представленію послѣдняго произошли многія измѣненія въ уставахъ о ссыльныхъ, о путяхъ сообщенія и Киргизахъ. (См. *Слов. Дост. людей*, 1847, ч. II, стр. 97 и 100.)

(3) *Слов. Дост. людей*, 1847, ч. III, стр. 289.

(4) *Москвит.* 1842, № 11, стр. 149.

(5) *Revue des deux Mondes*, 1856, livr. du 15 oct., page 828.

(6) *Восп. на пр. импер. Николая* I, изд. I, стр. 115. Имя Сперанскаго подписано послѣднимъ подъ журналомъ совѣта 13 декабря 1825 года.

емъ на престолъ. Для совѣщанія объ окончательной формѣ, о введеніи и заключеніи манифеста былъ призванъ Карамзинъ, который, возвратившись домой, набросалъ на бумагу свои мысли и вскорѣ принесъ свою рукопись къ новому государю. Но ему суждено было еще разъ столкнуться на пути своемъ съ прежнимъ противникомъ, и это было уже въ послѣдній разъ. Онъ нашелъ у государя Милорадовича и князя А. Н. Голицына, которые предлагали поручить сочиненіе проекта манифеста Сперанскому. Карамзину однако было предложено представить и свой проектъ, но онъ при такихъ обстоятельствахъ отклонилъ это соперничество, полагая, что такое дѣло должно быть предоставлено одному, и редакція манифеста поручена была Сперанскому (1).

Сперанскій находился въ числѣ 68 членовъ верховнаго уголовнаго суда, составленнаго 1 іюня 1826 года для сужденія лицъ, которыя участвовали въ событіяхъ, ознаменовавшихъ печальный день 14 декабря 1825 года (2). Ему приписываютъ редакцію всеподданнѣйшаго доклада этого суда, вслѣдствіе котораго присуждено 121 лицо къ разнымъ наказаніямъ, указомъ 10 іюля 1826 года (3).

Въ 1826 году, 31 января послѣдовалъ замѣчательный указъ объ уничтоженіи коммиссіи составленія законовъ и учрежденіи втораго отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи для успѣшнаго въ немъ совершенія трудовъ по составленію уложенія отечественныхъ законовъ, которые государь принялъ «въ непосредственное свое вѣдѣніе» (4). При этомъ главное распоряженіе работъ и доклады по нимъ были поручены Сперанскому (5).

Въ этомъ же году Сперанскій былъ назначенъ членомъ комитета объ устройствѣ университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній и получилъ владимірскую ленту (6). Въ 1827 году, подъ предсѣдательствомъ его учрежденъ былъ комитетъ о составленіи уставовъ вексельнаго и торговой несостоятельности, также учрежденія коммерческихъ судовъ, а ревностная служба его награждена алмазными знаками ордена Св. Александра Нев-

---

(1) *Восш. на престолъ имп. Николая I*, изд. 1-е, стр. 95, 105 и 106.
(2) *Полн. Собр. Зак.*, т. I, № 381.
(3) См. печатные акты того времени.
(4) *Полное Собр. Зак.*, т. I, № 114.
(5) *Слов. Достоп. людей*, 1847, ч. III. стр. 289.
(6) Тамъ же, стр. 290.

скаго и чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника (1). Въ 1828 году Сперанскій сдѣланъ предсѣдателемъ думы о знакѣ отличія безпорочной службы, и ему пожалованы: табакерка съ портретомъ государя, осыпанная бриллiянтами, и аренда въ пять тысячъ рублей серебромъ (2). Въ 1829 году онъ назначенъ былъ предсѣдателемъ комитета о составленіи рекрутскаго устава (3).

Но главнымъ трудомъ Сперанскаго съ 1826 по 1830 годы было управленіе вторымъ отдѣленіемъ собственной канцеляріи, гдѣ готовились матеріялы для *Свода Законовъ* и составлялся важнѣйшій сборникъ для изученія нашего прошедшаго, *Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи,* въ которое вошли въ хронологическомъ порядкѣ всѣ законоположенія отъ *Уложенія царя Алексѣя Михайловича* до настоящаго времени. Тутъ, подъ руководствомъ Сперанскаго, трудились: М. А. Балугьянскій, баронъ М. А. Корфъ, Д. Н. Замятнинъ, К. И. Арсеньевъ, гг. Куницынъ, Плисовъ, Клоковъ и другія лица, получившія извѣстность по службѣ и ученымъ занятіямъ (4). Подробное и ясное изложеніе этихъ трудовъ находится въ небольшой, изданной Сперанскимъ, книгѣ *Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ Законовъ* (5). Счастливый выборъ Сперанскаго болѣе всего содѣйствовалъ успѣху этого громаднаго труда, исполнявшагося съ необыкновенною энергіей, безъ которой и блестящія дарованія не достигаютъ своей цѣли. Менѣе чѣмъ въ четыре года были собраны изъ всевозможныхъ вѣдомствъ и архивовъ реэстры и узаконенія разнаго рода, сличены и повѣрены тексты и напечатаны въ числѣ 30.920 нумеровъ, въ 45 томахъ, in-4° (6), съ приложеніемъ штатовъ, табелей, рисунковъ и указателей хронологическихъ и алфавитныхъ, дѣлающихъ это драгоцѣнное собраніе одною изъ удобнѣйшихъ для употребленія книгъ. Изданіе *Полнаго Собранія Законовъ* напечатано было въ нарочно-заведенной при отдѣленіи въ 1827 году превосходной

---

(1) *Слов. Достоп. люд.* III, стр. 290.
(2) Тамъ же.
(3) Тамъ же.
(4) См. *современные адресъ-календари.*
(5) Спб. 1833, in-8°, стр. 200 и VII.
(6) Это было первое собраніе, въ которомъ заключаются законоположенія съ 3 октября 1649 по 12 декабря 1825. Второе собраніе съ 1825 года продолжается и понынѣ ежегодно выходящими томами.

типографіи (1) и разослано по присутственнымъ мѣстамъ, вслѣдствіе указа отъ 5 апрѣля 1830 года (2). Въ 1830 году, въ награду за исполненіе такого важнаго дѣла, аренда, полученная Сперанскимъ въ 1828 году, удвоена (3).

Параллельно съ этимъ трудомъ, второе отдѣленіе собственной канцеляріи совершало, подъ руководствомъ Сперанскаго, и другой, который останется всегда самымъ прочнымъ памятникомъ нашей исторіи во второй четверти XIX вѣка. Это было составленіе *Свода Законовъ Россійской Имперіи*, которое, какъ трудъ, заключающій въ себѣ всѣ существующія законоположенія, расположенныя систематически, представлялъ еще болѣе затрудненій, чѣмъ *Полное Собраніе Законовъ. Общему Своду* предшествовало составленіе частныхъ историческихъ сводовъ по разнымъ, напередъ принятымъ, отдѣламъ законодательства, и ревизія и исправленіе всѣхъ статей сводовъ по каждому отдѣлу въ особыхъ комитетахъ (4). Такимъ образомъ конченъ былъ и въ началѣ 1833 года изданъ *Сводъ Законовъ* въ 15 томахъ in-8° 20 января, въ засѣданіи государственнаго совѣта, государь снялъ съ себя андреевскую звѣзду и надѣлъ ее на грудь совершителя этого великаго труда; тогда же по статуту получилъ Сперанскій ленту Бѣлаго Орла (5). Черезъ нѣсколько дней, 31 января, обнародованъ былъ манифестъ объ изданіи *Свода Законовъ* и о введеніи его въ законную силу съ 1 января 1835 года (6).

Сперанскій остался докладчикомъ по второму отдѣленію собственной канцеляріи, которая продолжала, до самой его смерти, заниматься редакціей новыхъ законовъ и изданіемъ продолженій къ *Своду* и *Полному Собранію Законовъ* (7). Но на него возлагались и другія важныя порученія. Въ 1833 году онъ былъ назначенъ членомъ комитета объ устройствѣ запасныхъ магазиновъ народнаго продовольствія (8); въ 1835 ему повелѣно

---

(1) *Обозр. Ист. Свѣд. о Св. Зак.*, стр. 148.

(2) *П. С. З.*, т. V, № 3.588.

(3) *Слов. Достоп. людей*, 1847, ч. III, стр. 290.

(4) Тамъ же, стр. 158 и 169.

(5) *Слов. Достоп. людей* 1847, ч. III, стр. 290.

(6) *Полное Собр. Зак.*, т. VIII, № 5.947.

(7) Извѣстно, что каждый годъ выходятъ и понынѣ систематическія прибавленія къ *Своду Законовъ*, который отъ времени до времени является новыми, пополненными изданіями. Всѣхъ было три: въ 1832, 1842 и 1857 годахъ. По смерти Сперанскаго управленіе II Отдѣленіемъ было поручено Д. Н. Блудову (нынѣ графу).

было присутствовать въ государственномъ совѣтѣ, кромѣ департамента законовъ, и въ департаментѣ дѣлъ Царства Польскаго (1), и быть членомъ комитета для изысканія средствъ къ уменьшенію расходовъ по министерству финансовъ (2), а въ 1836 году, подъ его предсѣдательствомъ, былъ составленъ комитетъ объ устройствѣ столичной полиціи (3).

Около этогоже времени Сперанскому было поручено преподаваніе высшаго законовѣдѣнія наслѣднику престола, нынѣ царствующему Государю Императору (4). Никто не имѣлъ правъ на такую честь болѣе того, кто успѣлъ совершить великій трудъ, который въ теченіи 125 лѣтъ былъ тщетно предпринимаемъ въ Россіи (5).

Такъ протекли послѣдніе годы жизни Сперанскаго, посвященные пользѣ отечества (6).

Въ 1837 году Сперанскій получилъ алмазные знаки ордена Св. Андрея (7), а въ 1838 году сдѣланъ предсѣдателемъ департамента законовъ въ государственномъ совѣтѣ (8) на мѣсто князя И. В. Васильчикова, назначеннаго предсѣдателемъ совѣта послѣ умершаго графа Н. Н. Новосильцова (9). Въ томъ же году началъ онъ составлять *Руководство къ познанію законовъ*. Къ сожалѣнію, трудъ этотъ, имѣвшій цѣлію доставить учащемуся юношеству способъ къ изученію отечественнаго законодательства и предпринятый по порученію государя,

---

(1) *Слов. Достоп. людей*, 1847, ч. III, стр. 290.

(2) Тамъ же, стр. 291.

(3) Тамъ же.

(4) Тамъ же.

(5) *Москвит*. 1843, № 4, стр. 488.

(6) Пишущій эти строки неоднократно видѣлъ Сперанскаго, особенно въ 1835 и 1836 годахъ, когда учился въ Царскосельскомъ лицеѣ вмѣстѣ съ единственнымъ внукомъ его М. А. Фроловымъ-Багрѣевымъ. Кто хоть разъ видѣлъ Сперанскаго, тотъ никогда не забудетъ его прекрасной, величавой наружности. Осанка, ростъ, прекрасное, открытое чело, украшенное серебряными сѣдинами, свѣтлый взглядъ, выраженіе глубокомыслія, доброты и ясности душевной, въ чертахъ его лица, поражали невольно при первой съ нимъ встрѣчѣ, а ласковость рѣчей и обращеніе превосходятъ всякое описаніе. Недавно изданный въ портретной галлереѣ г. Мюнстера портретъ Сперанскаго довольно похожъ. Но намъ кажется, что небольшой портретъ его, изданный въ 1845 году, вѣрнѣе дастъ понятіе о выраженіи привлекательнаго лица Сперанскаго.

(7) *Слов. Достопамятныхъ людей*, 1847, ч. III, стр. 291.

(8) Тамъ же.

(9) См. современные *адресъ-календари*.

остался не конченнымъ, за смертію автора (1). Онъ былъ напечатанъ въ 1845 году (2). Всѣ органы тогдашней критики воздали должную хвалу глубинѣ и ясности воззрѣній и мастерскому изложенію этого сочиненія.

1 января 1839 года Сперанскому исполнилось шестьдесятъ семь лѣтъ, и въ этотъ день воздана была послѣдняя почесть его безсмертнымъ трудамъ: за совершеніе *Свода Военныхъ Постановленій* онъ былъ пожалованъ графомъ Россійской Имперіи (3). Онъ страдалъ уже тогда тою болѣзнію, которая скоро должна была свести его въ могилу. Друзья и почитатели Сперанскаго, дорожившіе сохраненіемъ его имени, желали, чтобъ онъ просилъ государя о передачѣ внуку своего титула и фамиліи, которые съ нимъ должны были угаснуть. Но Сперанскій, какъ говорятъ, не хотѣлъ утруждать государя такою просьбой.

Между тѣмъ болѣзнь Сперанскаго усиливалась, и доктора теряли всякую надежду спасти его. 11 февраля 1839 года смерть похитила у Россіи одного изъ славнѣйшихъ ея сыновъ (4), шестидесяти семи лѣтъ 1 мѣсяца и 11 дней отъ роду.

Смерть Сперанскаго была общественною, невознаградимою потерей, и вѣсть о ней опечалила въ одно мгновеніе весь Петербургъ. Толпы народа приходили проститься съ тѣломъ великаго человѣка; купцы заперли лавки въ гостиномъ дворѣ. Такъ успѣлъ заслугами своими расположить къ себѣ великій человѣкъ то общественное мнѣніе, которое когда-то, въ ослѣпленіи страстей своихъ, осыпало его укоризнами и проклятіями.

Похороны Сперанскаго были великолѣпны. Государь провожалъ бренные останки того, кто болѣе всѣхъ его сотрудниковъ прославилъ его царствованіе. Несмѣтныя толпы людей всѣхъ состояній шли за пышнымъ катафалкомъ, ввезеннымъ въ

---

(1) *Слов. Достоп. людей,* 1847, ч. III, стр. 292.

(2) Спб. 1845, in-12° стр. 170, съ портретомъ автора.

(3) *Слов. Достоп. людей,* 1847, ч. III, стр. 291. Девизъ его графскаго герба былъ: *Sperat in adversis* (надѣется въ несчастіи).

(4) Тамъ же. Сперанскій умеръ въ домѣ своемъ на Сергіевской, недалеко отъ угла Моховой, принадлежавшемъ потомъ Э. Д. Нарышкину. Мы жили тогда почти рядомъ съ этимъ домомъ и помнимъ очень хорошо печальную процессію его похоронъ.

тѣ же ворота Александро-Невской лавры, въ которыя, за полвѣка, Сперанскій входилъ нерѣшительно скромнымъ семинаристомъ, жаждущимъ знаній и богатымъ однѣми надеждами.

Тамъ, на Новомъ кладбищѣ находится могила славнаго государственнаго мужа, окруженная послѣдними жилищами другихъ, дорогихъ потомству людей, которые всѣ служили съ честію русской землѣ, русскому слову, русской мысли, любили горячо и прославили свое отечество. Тамъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, одна отъ другой, надгробныя надписи укажутъ вамъ мѣста вѣчнаго покоя Ломоносова, Жуковскаго, Гнѣдича, Сперанскаго, Карамзина. Смерть сблизила гробы двухъ послѣднихъ и въ вѣчности примирила противниковъ, равно достойныхъ признательной и благоговѣйной памяти потомства.

Начиная нашъ очеркъ, мы сказали, что время подробной оцѣнки заслугъ Сперанскаго еще не наступило. Но если насъ спросятъ, какое именно значеніе прежде всего представляетъ общая физіономія этого величественнаго лица, мы отвѣтимъ на это тѣмъ же, что̀ вынесетъ изъ статьи нашей самъ читатель, если только намъ удалось хоть нѣсколько выразить въ ней то, что̀ намъ кажется.

Вполнѣ сознавая существованіе исторической преемственности всѣхъ жизненныхъ явленій, нельзя не признать, что есть эпохи, когда въ ходѣ ихъ представляются необходимые, спасительные, но крутые повороты. Для новаго времени нужны и люди новые, даже опережающіе свой вѣкъ, люди иного закала, кладущіе основаніе новаго порядка вещей, совершенію котораго они служатъ провозвѣстниками. Къ числу такихъ немногихъ избранныхъ людей въ сферѣ государственной принадлежитъ у насъ Сперанскій. Онъ современникъ той эпохи, когда наше государственное зданіе во многихъ отношеніяхъ обветшало, и когда слѣдовало быстро удовлетворять новымъ, со всѣхъ сторонъ возникавшимъ потребностямъ времени. Выразителемъ ихъ явился Сперанскій; своимъ геніемъ онъ могъ обнять всю со-

вокупность ихъ и указалъ на мѣры, не терпѣвшія отлагательства и давшія Россіи возможность выдержать тяжкій 1812 годъ. Сильный дарованіями и убѣжденіями, онъ первый проговорилъ у насъ сознательно слово истинной законности, поддерживалъ и развивалъ свою завѣтную мысль, пострадалъ за ревностное служеніе ей и совершилъ свое предназначеніе въ размѣрахъ, возможныхъ для его времени. Онъ первый изъ *насъ,* людей новаго поколѣнія; онъ проложилъ дорогу лучшимъ дѣятелямъ нашего поколѣнія, которыхъ онъ законный родоначальникъ. Вотъ его лучшее право на нашу признательность, вотъ его главное, высокое значеніе. Такъ по крайней мѣрѣ смотрѣли мы на него, когда писали нашъ очеркъ, слабую дань памяти великаго человѣка.

Михаилъ Лонгиновъ.

ЮВЕНАЛЪ[1]

(Посвящено памяти Д. И. Мейера.)

I.

Въ исторіи человѣчества не рѣдко встрѣчаются такъ-называемыя мрачныя эпохи, когда правдѣ бываетъ мало мѣста, когда честный и живой человѣкъ считается чуть не преступникомъ, или по меньшей мѣрѣ человѣкомъ безпокойнымъ и положительно вреднымъ для общественнаго порядка.

Такія эпохи чаще всего являются на двухъ предѣлахъ исторической жизни народовъ, передъ наступленіемъ эпохи процвѣтанія и послѣ нея.

Въ первомъ случаѣ, этотъ нравственный застой, озлобляющійся противъ жизни и правды, имѣетъ опору себѣ въ гражданской и умственной незрѣлости народа; а она, особенно при неблагопріятныхъ условіяхъ для народнаго развитія, продолжается иногда цѣлыя столѣтія, и въ эти длинныя эпохи люди съ талантомъ или гибнутъ нравственно или физически разрушаются.

---

(1) Изъ двухъ публичныхъ лекцій, читанныхъ 9-го и 23 марта, въ большой залѣ С.-Петербургскаго университета.

Положеніе людей, зрѣлыхъ умственно и нравственно, бываетъ въ такія времена очень печально. На свои благородныя стремленія они находятъ мало отзыва въ обществѣ; преслѣдуемые то презрѣніемъ, то подозрѣніями, они безплодно тратятъ бóльшую часть своихъ силъ подъ опекой людей, умственно и нравственно не зрѣлыхъ. Но печальная дума этихъ людей умѣряется, по крайней мѣрѣ, при мысли, что они живутъ въ переходную эпоху, что въ ихъ народѣ достаточно умственныхъ и нравственныхъ, хотя и скрытыхъ до времени, силъ, необходимыхъ для того, чтобы наконецъ достигнуть зрѣлости и лучшаго быта.

Всегда и вездѣ, особенно въ такое переходное время, передовые люди не рѣдко обращались къ литературѣ, и въ ней начинали раздаваться живые голоса, проникнутые пламенною любовью къ правдѣ и благу, неподкупнымъ доброжелательствомъ къ родной странѣ. Эту любовь, по выраженію поэта, писатель не рѣдко проповѣдуетъ «холоднымъ словомъ отрицанья». Это—

> Та любовь, что̀ добрыхъ прославляетъ,
> Что̀ клеймитъ злодѣя и глупца...

Во всякомъ случаѣ, однако, безусловный пессимизмъ въ такое переходное время, представляющее историческій выходъ къ лучшему,—явленіе ненормальное, болѣзненное.

Но въ тысячу кратъ печальнѣе и мрачнѣе эпохи нравственнаго застоя, которыя являются на другомъ, противоположномъ концѣ жизни народа, и заканчиваютъ собой его исторію. Тогда отъ великой поры прошедшаго остаются только одни воспоминанія, настоящее невыносимо тяжело, и нѣтъ уже никакого исхода къ лучшему будущему. Ужасна участь людей съ умомъ возвышеннымъ и благороднымъ, которымъ суждено жить въ такое безотрадное время. Они глубоко чувствуютъ весь ужасъ и всю безвыходность положенія того общества, къ которому они сами принадлежатъ, и это дѣлаетъ личность такихъ людей вполнѣ трагическою. Литература и въ этомъ случаѣ представляетъ для благороднаго человѣка лучшую, хотя и не очень удобную сферу дѣятельности, и вотъ почему, иногда, въ мрачную историческую эпоху, одиноко свѣтитъ имя писателя, не имѣющаго ничего общаго съ окружающимъ его міромъ.

Въ такое безотрадное время суждено было жить Ювеналу. То была самая мрачная пора эпохи римскихъ цезарей. Въ исторіи нѣтъ другаго примѣра такого страшнаго нравственнаго паденія цѣлой націи, пережившей одну изъ самыхъ блестящихъ эпохъ человѣческаго величія. Безконечный рядъ казней, среди безконечныхъ оргій; легіоны рабовъ и ссыльныхъ,—центуріоновъ, готовыхъ всякому продать римскую корону,—донощиковъ и шпіоновъ, которые тучнѣли на счетъ своихъ жертвъ: вотъ что̀ увидѣлъ поэтъ въ тѣ годы своей жизни, когда западаютъ въ душу человѣка первыя впечатлѣнія.

Къ сожалѣнію, намъ почти неизвѣстна жизнь Ювенала. У древнихъ авторовъ мы напрасно будемъ искать полной и вѣрной характеристики этого писателя. Тогда еще не понимали значенія исторіи литературы. Римскіе филологи, или такъ называемые грамматики, не обращали почти никакого вниманія на личность авторовъ и, при изученіи ихъ, большею частію исключительно останавливались на этимологіи разныхъ словъ, ими случайно употребленныхъ. Грамматики не старались собрать преданія о жизни своихъ литературныхъ знаменитостей, или дѣлали это безъ всякой критики, и не умѣли возвыситься отъ простаго слова или факта до идеи. Впрочемъ, не будемъ обвинять ихъ за это слишкомъ строго, тѣмъ болѣе, что подобные филологи и теперь не перевелись на свѣтѣ.

Мы имѣемъ древнюю біографію Ювенала, которая наполнена цѣлымъ рядомъ отрывочныхъ, перепутанныхъ и невѣрныхъ замѣтокъ, такъ что очень трудно отыскать въ нихъ историческую правду (1). Зато нравственная личность Ювенала очень ярко отражается въ его сатирахъ; онъ вполнѣ оправдываетъ собою слова Лессинга, что жизнь поэта—его творенія.

---

(1) Въ старинныхъ манускриптахъ, въ которыхъ дошли до нашего времени сатиры Ювенала, сохранились отрывки изъ нѣсколькихъ его біографій. Главная изъ нихъ, обыкновенно печатаемая въ изданіяхъ сатиръ Ювенала, приписывается то грамматику Пробу, то Светонію (изъ его сочиненія *de Poëtis*), но безъ достаточнаго основанія. Нѣтъ сомнѣнія, что эта біографія написана въ древности, но несомнѣнно и то, что она дошла до насъ не въ первоначальномъ своемъ видѣ, а въ позднѣйшемъ и очень неудачномъ извлеченіи. Кромѣ того, у Свиды и въ древнихъ схоліяхъ къ Ювеналу можно найдти нѣсколько скудныхъ извѣстій о его жизни, но авторитетъ ихъ очень шатокъ. Попытки составить изъ всѣхъ этихъ отрывочныхъ замѣтокъ полную біографію Ювенала не привели да и не могутъ привести къ удовлетворительному результату.

Ювеналъ родился при императорѣ Клавдіи (въ 42 г. по Р. Х.), въ небольшомъ городѣ Кампаніи, Аквинумѣ (Aquinum), и былъ сынъ или пріемышъ (incertum—filius, an alumnus) богатаго отпущеника. Отъ него, вѣроятно, поэтъ получилъ въ наслѣдство, въ окрестностяхъ Тиволи, помѣстье, о которомъ онъ упоминаетъ въ своей XI сатирѣ. Ювеналъ (прибавляетъ древній его біографъ) очень долго, до половины своей жизни, упражнялся въ декламаціи, и она, какъ мы увидимъ, не мало повредила его литературнымъ трудамъ.

Декламаціи составляли, особенно въ періодъ имперіи, главный предметъ въ римскомъ воспитаніи. Наставникъ, или риторъ, обыкновенно предлагалъ своимъ ученикамъ тему для сочиненія. Эти школьныя темы большею частію отличались очень страннымъ характеромъ и не имѣли ничего общаго съ окружающимъ міромъ: задавали, напримѣръ, написать рѣчь мага или жреца во время моровой язвы, рѣчь пирата къ матросамъ захваченнаго имъ корабля, и т. д. Такую тему молодой человѣкъ долженъ былъ изложить самымъ цвѣтистымъ слогомъ, со всѣми возможными и даже невозможными риторическими украшеніями. Такимъ образомъ Римлянинъ съ самаго ранняго возраста привыкалъ къ напыщенной, неестественной рѣчи, и вотъ одна изъ главныхъ причинъ того непріятнаго риторства, которымъ проникнуты произведенія даже лучшихъ римскихъ авторовъ этой эпохи.

Ювеналъ перешелъ отъ безжизненныхъ декламацій къ живой сатирѣ въ то время, когда другіе нерѣдко кончаютъ свою литературную дѣятельность. Онъ уже пережилъ въ эту пору нѣсколько царствованій,—пережилъ Клавдія, Нерона, видѣлъ кровавую усобицу за власть между Гальбою, Отономъ и Вителліемъ. Наконецъ, Римъ отдохнулъ нѣсколько въ правленіе первыхъ Флавіевъ, Веспасіана и Тита, но какъ бы для того, чтобы еще болѣе почувствовать весь ужасъ деспотизма, когда на римскомъ тронѣ явился Домиціанъ.

Это одна изъ самыхъ чудовищныхъ личностей, даже между римскими цезарями. Это былъ человѣкъ очень властолюбивый, очень даровитый и очень тщеславный, свирѣпый, но скрытный, умѣвшій до времени затаивать свою злобу, и въ то же время очень трусливый. Вообще, онъ много напоминаетъ собою Тиберія: не даромъ мемуары Тиберія составляли любимое чтеніе Домиціана. Подобно Тиберію и Нерону, онъ не разомъ обнаружилъ свою жестокость. Всѣ эти цезари сначала какъ будто

приглядывались къ тому, что̀ ихъ окружало, и потому первые годы ихъ правленія миновали тихо, мирно и даже не безславно. Но не проходило двухъ-трехъ лѣтъ, и они начинали свирѣпствовать. Въ этомъ фактѣ кроется, конечно, историческая причина. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти люди, свирѣпые уже по природѣ, испорченные лестью и воспитаніемъ, очень скоро убѣждались въ томъ, что ихъ народъ—нѣмая толпа рабовъ, готовая терпѣливо и равнодушно сносить самый необузданный произволъ.

Я нахожу глубоко вѣрнымъ слѣдующее, впрочемъ, очень обыкновенное замѣчаніе Гиббона о римской монархіи. Правительственная власть, говоритъ знаменитый англійскій историкъ, съ тѣми элементами, которые вошли въ составъ римскаго принципата, можетъ принять колоссальные, ужасающіе размѣры, если въ самомъ обществѣ не будетъ достаточно нравственныхъ средствъ для ея ограниченія. Вотъ почему эпохи страшнаго деспотизма въ то же время эпохи глубокаго нравственнаго паденія цѣлой націи. Клавдій, Неронъ и Домиціанъ, которые ожесточили душу Ювенала, переполнили ее сатирой и злобой, были прямымъ, самымъ логическимъ и необходимымъ результатомъ своего вѣка. Иначе прокураторы, то-есть губернаторы римскихъ провинцій, передавая приказанія Домиціана, не могли бы начинать свои циркуляры словами: «богъ и властелинъ нашъ повелѣваетъ тако.» Домиціанъ, какъ извѣстно, не дождался своей посмертной апоѳеозы; онъ еще при жизни торжественно объявилъ себя богомъ, и сенатъ и народъ раболѣпно преклонились передъ этимъ новымъ для человѣка титуломъ.

Римскій богъ началъ свою политическую карьеру съ того, что привлекъ на свою сторону чернь и войско. Онъ очень легко достигъ этого тѣмъ, что забавлялъ народъ великолѣпными зрѣлищами (въ циркѣ и въ амфитеатрѣ) и даровою раздачей хлѣба, а войску увеличилъ жалованье. Такова обыкновенная политика цезарей.

Затѣмъ послѣдовали безпрерывныя казни. Между прочимъ, богатство не рѣдко было въ это время единственною виной человѣка. Богатые люди часто были обвиняемы въ оскорбленіи величества или въ какомъ-нибудь другомъ, небываломъ преступленіи, и выводились на казнь только для того, чтобы деньгами ихъ покрылись расходы на увеселенія народа. Значительная часть конфискованнаго имущества отдавалась обыкновенно

доносчикамъ, и это было лучшее средство поощрить ихъ дѣятельность и усердіе.

Особенно въ послѣдніе годы своего пятнадцатилѣтняго царствованія, Домиціанъ свирѣпствовалъ съ такою оскорбительною для человѣчества жестокостію, что и теперь нельзя безъ отвращенія и ужаса читать страшную повѣсть его правленія. Нѣсколько слабыхъ попытокъ освободить Римъ отъ этого тирана только безплодно увеличили число жертвъ и казней. Тяжелое было время!

Въ эту-то пору Ювеналъ началъ писать сатиры. Ему было за сорокъ лѣтъ, и уже изъ этого видно, что его произведенія не служили выраженіемъ минутнаго юношескаго порыва: это было негодованіе вполнѣ зрѣлаго человѣка, невольное проявленіе гнѣва, который накипѣлъ въ душѣ поэта въ долгіе годы отчаянія.

Время Домиціана было, конечно, не литературное. Въ этотъ страшный вѣкъ и могли только безопасно писать такіе поэты, какъ Марціалъ и Стацій, которые не стыдились называть Домиціана великимъ человѣкомъ и обращаться къ нему въ своихъ произведеніяхъ съ самою грубою лестью. Казалось бы, что если не нравственное чувство, то простой литературный тактъ долженъ былъ удержать отъ подобной низости такого остроумнаго и первокласснаго писателя, какъ Марціалъ, но не такъ было.

И вотъ, среди этой услужливой литературы, неожиданно раздался благородный и гнѣвный голосъ Ювенала. Раздался, впрочемъ, этотъ голосъ сначала не всенародно, для немногихъ. Сатирикъ, не подвергая себя крайней опасности, разумѣется, не могъ выступить съ своимъ бичующимъ протестомъ въ такое время, когда безчестныя дѣла вели къ почестямъ, а задушевное, патріотическое слово считалось преступленіемъ. Припомнимъ здѣсь смерть благородныхъ историковъ: Арулена Рустика и Гереннія Сенеціона, которыхъ Домиціанъ велѣлъ казнить подъ самымъ ничтожнымъ предлогомъ. Въ то же время Эпиктетъ и другіе философы были изгнаны изъ Рима, какъ люди, опасные для общественнаго порядка и спокойствія... Такъ иногда на офиціяльномъ языкѣ называется душный и смрадный застой.

Ювеналъ могъ сначала, и то тайкомъ, читать свои сатиры только друзьямъ. Эта осторожность, однако, не помогла. Шпіоны, которые при Домиціанѣ составляли весьма значитель-

ную часть римскаго народонаселенія, донесли, кому слѣдуетъ, что явился новый писатель, съ убѣжденіями, несогласными съ видами правительства, что онъ пишетъ сатиры и въ одной изъ нихъ неуважительно отозвался даже о Парисѣ. Парисъ этотъ—личность весьма замѣчательная: это одинъ изъ самыхъ типическихъ клевретовъ Домиціана, отъ которыхъ зависѣла участь почти цѣлаго міра; въ сущности же это былъ пантомимъ, то-есть балетный танцоръ, большой любимецъ римской публики и, вмѣстѣ съ тѣмъ, временщикъ. Онъ пользовался неограниченнымъ вліяніемъ при дворѣ (1).

Въ одной изъ своихъ сатиръ, именно въ седьмой (ст. 82 и слѣд.), Ювеналъ выставилъ, конечно, очень извѣстный въ Римѣ фактъ, что, при содѣйствіи Париса, легче всего получить почетное и доходное мѣсто. Обращаясь къ современнымъ писателямъ, поэтъ говоритъ, что напрасно они толпятся въ прихожихъ знати, и совѣтуетъ имъ испытать счастья въ прихожей Париса.

Ювеналъ, какъ мы увидимъ, дорого поплатился за свою остроту, но надобно замѣтить, что и танцоръ-вельможа, котораго онъ задѣлъ, вскорѣ кончилъ свою блистательную карьеру очень трагически. Отъ Париса, между прочимъ, были безъ ума римскія дамы, и въ числѣ его почитательницъ самое видное мѣсто занимала супруга цезаря, Домиція. Она, должно-быть, уже слишкомъ далеко простерла свою любовь къ пантомимному искусству, потому что Домиціанъ удалилъ ее отъ двора а Париса, въ припадкѣ ревности, закололъ на улицѣ кинжаломъ. Цезарь велѣлъ казнить даже тѣхъ, которые усыпали цвѣтами то мѣсто, гдѣ погибъ любимый актеръ.

Впрочемъ, эта катастрофа случилась уже позже, а въ то время какъ Ювеналъ вывелъ въ своей сатирѣ Париса, онъ былъ

---

(1) При Неронѣ также жилъ въ Римѣ пантомимъ Парисъ и былъ въ большой силѣ, но Ювеналъ, очевидно, не его имѣлъ въ виду въ VII сатирѣ. Поэтъ былъ въ это время еще очень молодъ, и если писалъ, то исключительно школьныя декламаціи. Здѣсь необходимо разумѣть Париса Домиціанова вѣка. Подробнѣе объ этихъ Парисахъ говорится въ *Пропилеяхъ*, т. IV, въ моей статьѣ ***Римскія пантомимы***. Замѣтимъ еще, что мѣсто о Парисѣ, принадлежавшее первоначально одному изъ раннихъ произведеній Ювенала, уже позже внесено имъ въ VII сатиру, которая, какъ видно изъ перваго стиха, появилась при Траянѣ. Мы держимся того мнѣнія, что именно этого императора нужно разумѣть здѣсь подъ словомъ *Caesar*.

еще въ полной силѣ, и потому не удивительно, что поэтъ пострадалъ за свое обличительное слово: онъ былъ сосланъ въ Египетъ (1).

Наконецъ, и самъ Домиціанъ сошелъ со сцены: онъ погибъ при одной изъ тѣхъ придворныхъ революцій, которыя были такъ обыкновенны въ Римской имперіи. Нѣсколько клевретовъ Домиціана задушили его въ самомъ дворцѣ. Въ этомъ заговорѣ

---

(1) Заподозрѣнный нѣкоторыми учеными фактъ о ссылкѣ Ювенала въ Египетъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, и вполнѣ подтверждается пятнадцатою сатирой, гдѣ поэтъ говоритъ объ этой странѣ, какъ очевидецъ. Но въ древней біографіи Ювенала прибавлено еще, что онъ былъ посланъ туда восьмидесятилѣтнимъ старикомъ, и притомъ съ званіемъ префекта когорты. Такое показаніе съ перваго раза поражаетъ своею невѣрностію и странностію. Очевидно, оно произведеніе фантазіи досужаго грамматика, который перемѣшалъ годъ смерти Ювенала съ годомъ его ссылки. Притомъ, кому же могло придти на умъ сдѣлать префектомъ когорты восьмидесятилѣтняго старика? Трудно даже предположить, что Ювеналъ когда-нибудь служилъ въ войскѣ, если обратить вниманіе на XVI его сатиру. Наконецъ, если вѣрить на слово грамматику, то нужно принять, что Ювеналъ былъ сосланъ при Адріанѣ, но такой выводъ совершенно противорѣчитъ другимъ показаніямъ, которыя мы находимъ въ древней біографіи римскаго сатирика. Такъ, напримѣръ, біографъ прямо называетъ пантомима Париса виновникомъ ссылки Ювенала, а такого пантомима при Адріанѣ не было. Затѣмъ грамматикъ говоритъ, что Ювеналъ занимался декламаціями почти до половины своей жизни (ad mediam fere aetatem), слѣдовательно — до сорокалѣтняго возраста, когда онъ началъ писать сатиры, а сорокъ лѣтъ поэту исполнилось въ началѣ царствованія Домиціана. Несмотря на явное противорѣчіе и запутанность показаній древняго грамматика, они до сихъ поръ еще повторяются учеными, и притомъ не только Низаромъ и Борбергомъ, но Гейнрихомъ, Франке и др. Нѣтъ сомнѣнія, какъ это утверждалъ уже Юстъ Липсій, что Ювеналъ былъ сосланъ въ Египетъ Домиціаномъ. Къ этому же времени должно отнести первыя шесть сатиръ Ювенала, за исключеніемъ четвертой. Начало VII сатиры явно указываетъ на оживленность, которую римская литература получила при Траянѣ. Это мнѣніе уже принято нѣкоторыми учеными, напримѣръ Веберомъ, и мы увѣрены, что современемъ оно сдѣлается преобладающимъ въ наукѣ. Прибавимъ еще одно замѣчаніе. Говоря о заслугахъ Римлянъ въ сатирѣ, Квинтиліанъ (*Inst. Or.* X, 1 § 95), очевидно, намекаетъ на Ювенала въ слѣдующихъ словахъ: «и теперь есть у насъ знаменитые (въ этомъ родѣ) писатели, имена которыхъ будутъ раздаваться и въ потомствѣ.» Изъ этихъ уклончивыхъ словъ ясно видно, что Ювеналъ не пользовался расположеніемъ Домиціана, къ которому Квинтиліанъ былъ близокъ, какъ воспитатель его племянника. Иначе, что же могло заставить римскаго критика умолчать о Ювеналѣ?

участвовала Домиція и начальникъ преторіанской гвардіи Петроній Секундъ.

Римъ снова ожилъ, и въ этотъ разъ на довольно долгое время. Между прочимъ, свободно вздохнули и римскіе писатели.

Очень любопытно слѣдить за разными проявленіями того восторга, съ которымъ литература привѣтствовала въ эту пору новую эпоху. Это, конечно, была лучшая эпоха въ исторіи римскаго принципата: она началась Нервою, который вскорѣ взялъ себѣ въ соправители Траяна, и кончилась Маркомъ Авреліемъ.

Этотъ восторгъ не могъ подавить въ Тацитѣ, современникѣ Ювенала, мрачнаго чувства, при воспоминаніи о прежнемъ тяжеломъ времени. Вотъ что̀ писалъ Тацитъ вслѣдъ за смертью Домиціана:

«Да, мы поистинѣ представили собою большое доказательство терпѣнія, и какъ прежній вѣкъ видѣлъ крайній предѣлъ свободы, такъ мы видѣли крайній предѣлъ рабства,— когда розыски отняли у насъ возможность даже говорить и слушать. Мы утратили бы, вмѣстѣ съ словомъ, самую память, еслибы столько же было въ нашей власти забывать, сколько — молчать.

«Но теперь, продолжаетъ благородный историкъ, бодрость снова къ намъ возвращается. При самомъ зарожденіи новаго, благодатнаго вѣка, Нерва умѣлъ соединить то, что̀ прежде казалось несоединимымъ — императорскую власть и свободу, а Траянъ съ каждымъ днемъ увеличиваетъ благоденствіе государства. Общественное благосостояніе основано теперь не на однихъ только надеждахъ и желаніяхъ, но на твердой увѣренности въ томъ, что эти желанія исполнятся. Однако, по свойству слабости человѣческой, лѣкарство дѣйствуетъ медленнѣе, чѣмъ немочь, и какъ тѣло растетъ медленно, а разрушается быстро, такъ точно гораздо легче подавить таланты и науку, чѣмъ воззвать ихъ къ жизни (1)...»

Ювеналъ также ободрился. Онъ, по прежнему, съ тяжелымъ чувствомъ презрѣнія смотритъ на римское общество, но съ довѣріемъ обращается къ новому правительству. «Вся надежда и опора литературы, говоритъ онъ (2), теперь въ одномъ только цезарѣ. Онъ одинъ въ это трудное время обратилъ вниманіе

(1) *Agricola*, конецъ II и начало III главы.
(2) Въ началѣ VII сатиры.

на печальныхъ Каменъ, послѣ того какъ прославленные и всѣмъ извѣстные наши поэты стали брать на откупъ — кто баню въ Габіяхъ, а кто пекарню въ самомъ Римѣ, и голодная муза, покинувъ долины Аганиппы, переселилась въ прихожія богачей.» Отрадно было поэту обратиться въ молодому поколѣнію съ такими словами (1): «трудитесь, юноши, на васъ устремлены взоры благодушнаго императора; онъ поощряетъ васъ къ дѣятельности и только ищетъ повода благотворить вамъ.»

Надежды Ювенала на новое правительство оправдались только отчасти. Траянъ былъ, конечно, однимъ изъ лучшихъ цезарей, и вполнѣ заслужилъ титулъ «Optimus», которымъ почтили его Римляне, но онъ почти все время своего царствованія провелъ въ войнахъ, и постоянно стремился къ увеличенію и безъ того необъятнаго Римскаго государства. Нельзя отрицать, что онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ отличный администраторъ, заботился о воспитаніи своихъ подданныхъ, увеличилъ число школъ въ Римѣ, учредилъ новую общественную библіотеку, но царствованіе его не вызвало къ дѣятельности ни одного замѣчательнаго писателя, потому что Тацитъ, Ювеналъ, Марціалъ и Квинтиліанъ созрѣли для литературы еще въ предшествующую эпоху. За то эти прежніе дѣятели могли теперь открыто выступить съ тѣми самыми произведеніями, за которыя имъ еще такъ недавно грозила тюрьма, казнь и ссылка.

Вмѣстѣ съ свободой рѣчи исчезла, какъ это обыкновенно бываетъ, тайная литература, которая, составляя запретный плодъ, уже тѣмъ самымъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе общества въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ литература привилегированная, но въ то же время стѣсненная до самыхъ узкихъ размѣровъ, не допускающихъ ни свѣтлой мысли, ни живаго слова. Ювеналу, который между тѣмъ былъ возвращенъ изъ ссылки, также открылась теперь возможность издать въ свѣтъ свои сатиры. Во всю свою остальную жизнь, которая, по всей вѣроятности, прошла очень спокойно (2), онъ не переставалъ трудиться для литературы и, какъ это легко доказать, постоянно просматривалъ прежнія свои произведенія, многое въ нихъ измѣнялъ и дополнялъ. Онъ даже не успѣлъ кончить свой

---

(1) Ibid. ст. 20.

(2) Мы уже замѣтили, что Ювеналъ умеръ восьмидесятилѣтнимъ старикомъ. Это было въ 121 или 122 г. по Р. Х.

заключительный литературный трудъ: послѣдняя, шестнадцатая, сатира Ювенала набросана поэтомъ въ видѣ эскиза, который, безъ сомнѣнія, современемъ долженъ былъ получить болѣе изящную и правильную форму.

Нельзя впрочемъ не замѣтить, что послѣднія произведенія Ювенала, начиная съ двѣнадцатой сатиры, носятъ на себѣ слѣды утомленія и какой-то вялости. Видно, что въ поэтѣ исчезла его прежняя энергія и впечатлительность. Многословіе этихъ сатиръ обличаетъ въ авторѣ человѣка преклонныхъ лѣтъ; съ другой стороны не только спокойный и умѣренный, но и вялый тонъ этихъ сатиръ объясняется тѣмъ, что онѣ писаны въ такое время, когда душа поэта уже не раздражалась постоянными оргіями цезарской власти. Нѣтъ сомнѣнія, что лучшими своими произведеніями, то-есть начальными сатирами, Ювеналъ обязанъ Домиціану: тѣ сатиры, которыя сложились подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ его деспотизма, отличаются необыкновенною силой.

II.

Первая сатира, безспорно, одно изъ лучшихъ, изъ самыхъ выдержанныхъ, искреннихъ и глубоко прочувствованныхъ произведеній Ювенала. Онъ рисуетъ здѣсь общую картину римскихъ нравовъ, и въ то же время объясняетъ, что̀ заставило его сдѣлаться сатирикомъ. Мы воспользуемся этою сатирой, чтобы ближе узнать Ювенала, какъ человѣка и писателя.

Поэтъ начинаетъ эту сатиру насмѣшкой надъ однимъ обычаемъ, который задолго до него вошелъ въ моду: это публичныя чтенія. Въ древнемъ мірѣ этотъ обычай имѣлъ больше значенія, чѣмъ въ наше время, потому что тогда̀, при отсутствіи книгопечатанія, авторамъ мало представлялось другихъ средствъ познакомить публику съ своими произведеніями. Правда, что уже въ періодъ Цицерона существовали въ Римѣ книгопродавцы-издатели. Они держали цѣлые толпы переписчиковъ и выставляли въ своихъ лавкахъ, во множествѣ экземпляровъ, сочиненія любимыхъ авторовъ. Въ вѣкъ Августа особенною дѣятельностію отличались книгопродавцы братья Созіи. Но, во всякомъ случаѣ, знакомство съ новою книгой было въ это время дѣломъ не очень легкимъ. Вотъ почему публичныя чтенія

быстро распространились въ Римѣ съ самаго начала періода имперіи. Вскорѣ, однако, это полезное учрежденіе получило въ Римѣ безобразный характеръ. Публичныя чтенія, уже во время Горація, рѣдко представляли образованному человѣку случай провести время пріятно и съ пользой. При отсутствіи публичныхъ интересовъ, публичныя чтенія сдѣлались поприщемъ для самолюбія и тщеславія. Каждый бездарный поэтъ, написавъ какое-нибудь тощее произведеніе, спѣшилъ пригласить своихъ друзей, родныхъ и кліентовъ на литературную бесѣду, и эти публичныя чтенія, наконецъ, такъ размножились, что иногда въ продолженіе цѣлаго мѣсяца безъ нихъ не проходило ни одного дня. Не удивительно, что въ вѣкъ Ювенала литературные вечера окончательно всѣмъ наскучили. Къ тому же, это время, какъ мы уже замѣтили, особенно отличалось, за весьма немногими исключеніями, отсутствіемъ оригинальности и творчества въ литературѣ. Поэты или брали содержаніе для своихъ произведеній почти исключительно изъ Гомера и греческихъ трагиковъ, а это были сюжеты, давно знакомые римской публикѣ, или, какъ Папиній Стацій, старались блистать легкими и пустыми импровизаціями. Для того чтобы привлечь слушателей въ аудиторію, употреблялись всѣ возможныя средства. Если читалъ богатый человѣкъ, то зала наполнялась его друзьями, и въ особенности должниками и кліентами. Послѣднимъ нерѣдко платили за это деньгами или натурой. Кромѣ того, есть поводъ думать, что въ Римѣ существовалъ многочисленный классъ особаго рода промышленниковъ, которые, за извѣстную плату, всякому предлагали свои услуги и, вмѣстѣ съ кліентами читающаго, производили въ залѣ страшный шумъ, безпрестанно прерывая чтеца громкими одобрительными восклицаніями и хлопаньемъ. Зато съ писателями, которые не отличались ни богатствомъ, ни знатностію, римская публика не очень церемонилась. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, Плиній-Младшій горько жалуется на то, что многіе изъ приглашенныхъ на публичное чтеніе остаются за дверями залы и проводятъ время въ пустыхъ разговорахъ. При этомъ, говоритъ Плиній, они справляются по временамъ, вошелъ ли читающій въ залу, окончилъ ли вступленіе, и лишь когда узнаютъ, что бо́льшая часть рукописи прочитана, тогда только, и то медленно и какъ бы нехотя, входятъ въ залу. Но и тутъ они не въ состояніи высидѣть до конца и начинаютъ расходиться, одни украдкой, незамѣтно, другіе

открыто и не стѣсняясь приличіями. Такъ ли, прибавляетъ Плиній, бывало въ прежніе годы (1)?

Ювеналъ также, по свидѣтельству его біографа, раза два или три, и притомъ съ большимъ успѣхомъ являлся передъ римскою публикой съ своими сатирами, но вообще онъ, какъ видно, не очень жаловалъ эти чтенія.

«Неужели, такъ начинаетъ поэтъ свою сатиру (2), я навсегда останусь только слушателемъ? Неужели я никогда не отплачу, я, котораго такъ часто терзала безконечная *Өезеида* съ своимъ охрипшимъ авторомъ, Кодромъ? Неужели совершенно безнаказанно одинъ будетъ читать мнѣ свои національныя комедіи, а другой—элегіи? безнаказанно отнимутъ у меня цѣлый день огромный *Телефъ* или *Орестъ*, который исписанъ и на поляхъ, и на оборотѣ свертка, и все еще не конченъ (3)?

«Никому не знакомъ такъ хорошо свой собственный домъ, какъ мнѣ эти общія мѣста, которыми наполнены произведенія нашихъ поэтовъ, эти рощи Марса и пещеры Вулкана, что̀ въ сосѣдствѣ съ Эоловыми скалами (4). Какъ воютъ вѣтры, какія тѣни мучитъ въ подземномъ царствѣ Эакъ, откуда Язонъ привезъ похищенное имъ золотое руно, сколько ясеней мечетъ кентавръ Монихъ, вотъ чѣмъ постоянно оглашаются обсаженныя платанами залы Фронтона (5), гдѣ мраморныя стѣны растрескались, а колонны полопались отъ безпрестанныхъ чтеній. И этого жди отъ лучшаго, и отъ самаго ничтожнаго поэта!

«Но вѣдь и я когда-то отдергивалъ руку изъ-подъ ферулы

---

(1) См. *Пропилеи*, т. V, стр. 125.

(2) Необходимость обойдтись по возможности безъ длиннаго комментарія требовала ввести нѣкоторыя объяснительныя слова въ самый текстъ моего перевода. Впрочемъ, я старался передать латинскій подлинникъ съ возможною точностію, и собственныя мои вставки, которыхъ очень немного, надѣюсь, нисколько не измѣняютъ его колорита.

(3) Подъ *Өезеидой* разумѣется здѣсь огромная поэма, при чтеніи которой авторъ ея, плохой поэтъ Кодръ, охрипъ. Имя Кодра, вѣроятно, вымышленное. *Телефъ* и *Орестъ*—заглавія трагедій, отъ которыхъ, безъ сомнѣнія, Ювеналу пришлось много страдать на публичныхъ чтеніяхъ.

(4) Подъ Эоловыми скалами нужно разумѣть здѣсь Липарскіе острова, а подъ пещерой Вулкана—Гіеру, одинъ изъ острововъ этой группы. Теперь онъ называется Волькано.

(5) Фронтонъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ меценатовъ своего вѣка, который благосклонно предлагалъ поэтамъ свою залу для публичныхъ чтеній.

(линейки), и я когда-то писалъ школьныя декламаціи, въ которыхъ совѣтовалъ Суллѣ, сложивъ съ себя диктаторство, сдѣлаться частнымъ человѣкомъ и спать себѣ спокойно. Глупо скромничать и беречь бумагу, обреченную и безъ того на погибель, когда вездѣ, на каждомъ шагу, встрѣчаешь въ Римѣ столько поэтовъ!

«Отчего же, однако, мнѣ вздумалось ратовать на томъ полѣ, куда направилъ своихъ коней отецъ римской сатиры Луцилій, великій питомецъ Аврунки (1)? Если у васъ есть время, и вы готовы благосклонно выслушать мои доводы, то я вамъ изложу ихъ.

«Когда все дѣлается противъ природы, безсильный кастратъ женится, а Мелія, римская матрона, всенародно выходитъ, съ обнаженною грудью, на арену амфитеатра, держитъ въ рукѣ охотничье копье и вонзаетъ его въ этрусскаго вепря; когда тотъ самый человѣкъ, подъ бритвой котораго, какъ я былъ еще юношей, скрыпѣла моя жесткая борода, какъ бы вызываетъ своими богатствами на споръ съ собой всѣхъ нашихъ патриціевъ; когда Кристинъ (2), частица нильской черни, рабъ изъ Канопа, поправляетъ плечомъ съѣхавшій плащъ изъ тирскаго пурпура и выставляетъ на показъ свои потные пальцы, обремененные драгоцѣнными лѣтними перстнями (3),—когда я вижу все это, то трудно не писать сатиру.

«Кто же на столько нѣженъ къ этому безчестному городу, кто на столько желѣзный человѣкъ, чтобы совладать съ собой, когда повстрѣчается ему новая, пышная лектика (4),

---

(1) Аврунка, то-есть Суесса Аврунка, небольшой городъ Кампаніи, откуда былъ родомъ Луцилій, предшественникъ, въ сатирѣ, Горація, Персія и Ювенала.

(2) Кристинъ, любимецъ Домиціана, былъ привезенъ рабомъ изъ Египта. Въ Римѣ онъ сдѣлался въ послѣдствіи донощикомъ, всадникомъ и сенаторомъ. Такимъ онъ является у Ювенала въ IV сатирѣ, ст. 108.

(3) Въ подлинникѣ сказано, что Кристинъ «играетъ лѣтними перстнями на потныхъ пальцахъ и не можетъ выносить тяжести другихъ своихъ, еще болѣе огромныхъ, колецъ съ драгоцѣнными камнями.». Этими словами Ювеналъ обозначаетъ роскошь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изнѣженность Кристина. Кромѣ лѣтнихъ перстней, у него, какъ видно, были еще зимніе, тяжести которыхъ онъ не могъ вынести лѣтомъ. Но и лѣтніе перстни Кристина, то-есть вставленные въ нихъ драгоцѣнные камни, были такъ тяжелы, что отъ нихъ потѣли его руки.

(4) То-есть носилки, обыкновенный римскій экипажъ.

переполненная подъячимъ Маѳономъ (1)? А вотъ и шпіонъ: Онъ сдѣлалъ доносъ на своего сильнаго друга, и вскорѣ отниметъ послѣднее, что̀ еще осталось у нашей обглоданной знати (2).

«Говорить ли, какимъ гнѣвомъ горитъ моя изсохшая печень, когда грабитель-опекунъ, который довелъ до слезъ и отчаянія (3) бѣдныхъ сиротъ, огромною ватагой своей челяди давитъ народъ по римскимъ улицамъ, или когда ссыльный проконсулъ Марій, осужденный безплоднымъ, пустымъ приговоромъ, — что такое безчестіе, если деньги цѣлы?—начинаетъ пировать съ двухъ часовъ пополудни и наслаждается себѣ, при гнѣвѣ боговъ, а ты, побѣдоносная провинція, ты плачешь (4)?

«И мнѣ не думать, что это достойно сатиры (5)? и мнѣ не

---

(1) Стряпчій (causidicus) Маѳонъ такъ отъѣлся, что едва умѣщается на своихъ носилкахъ.

(2) Неизвѣстно, о комъ здѣсь рѣчь. Можетъ-быть, о Регулѣ, одномъ изъ самыхъ страшныхъ доносчиковъ, которыхъ такъ много было при Домиціанѣ. У Ювенала прибавлено еще, что это такой доносчикъ, «котораго боится Массъ, задабриваетъ подарками Каръ, и къ которому напуганный Латинъ подослалъ Ѳимелу». Массъ и Каръ также доносчики, извѣстные изъ Тацита и писемъ Плинія-Младшаго. Латинъ и Ѳимела, актеръ и актриса, можетъ-быть мужъ и жена. Впрочемъ, происшествіе, на которое дѣлаетъ здѣсь намекъ римскій сатирикъ, намъ неизвѣстно. Затѣмъ слѣдуетъ мѣсто, которое вполнѣ отличается античною безцеремонностію, и потому мы опустили его въ нашемъ переводѣ.

(3) Вмѣсто обыкновеннаго чтенія *prostantis*, мы приняли здѣсь чтеніе *plorantis*.

(4) Марій Прискъ былъ обвиненъ въ томъ, что ограбилъ провинцію Африку. Этотъ процессъ замѣчателенъ тѣмъ, что его вели Плиній-Младшій и Тацитъ. Они, разумѣется, употребили всѣ усилія, все свое краснорѣчіе для того, чтобы выставить въ яркомъ свѣтѣ преступленія, которыми запятналъ себя Марій Прискъ. Сенатъ, подъ предсѣдательствомъ Траяна, цѣлые три дня разбиралъ это дѣло (въ январѣ 100 г. по Р. Хр.), и въ одномъ изъ этихъ засѣданій Плиній (онъ описалъ этотъ процессъ въ своихъ письмахъ) говорилъ противъ Приска болѣе пяти часовъ сряду. Прискъ былъ осужденъ. Его приговорили удалиться изъ Италіи и отдать награбленныя деньги, но онѣ не были возвращены въ провинцію, а поступили въ государственное казначейство. Этимъ объясняются слова Ювенала о побѣдоносной провинціи, которой пришлось плакать. Съ другой стороны, у Марія Приска довольно осталось денегъ для того, чтобы вести роскошную жизнь и блаженствовать *въ отставкѣ подъ судомъ*. Этотъ стихъ Грибоѣдова какъ нельзя больше соотвѣтствуетъ выраженію Ювенала: «fruitur, diis iratis».

(5) У Ювенала сказано: «и мнѣ не думать, что все это достойно

карать всего этого? Но чѣмъ же лучше миѳологическіе сюжеты, всѣ эти басни о Геркулесѣ, о Діомедѣ, о мычаніи, которое раздавалось въ критскомъ лабиринтѣ, объ отрокѣ Икарѣ и о летящемъ кудесникѣ Дедалѣ?

«Когда самъ мужъ продаетъ свою жену съ тѣмъ, чтобы получить наслѣдство отъ ея милаго, этотъ мужъ, который порой такъ хорошо умѣетъ смотрѣть въ потолокъ, или, уткнувъ свой носъ, храпѣть, но не спать за стаканомъ вина (1); когда смѣетъ разчитывать на почетную должность въ войскѣ человѣкъ, который растратилъ все богатство своихъ предковъ на конюшни и продолжаетъ летать на быстрой колесницѣ по Фламиніевой дорогѣ (2).... то невольно беретъ тебя желаніе тутъ же, на самомъ перекресткѣ, писать огромную сатиру....

«Вотъ шесть рабовъ несутъ открытыя носилки, а на нихъ, въ подражаніе Меценату (3), развалился дѣлатель фальшивыхъ завѣщаній. Обманомъ, небольшимъ клочкомъ бумаги да наслю-

---

венузинской лампы», то-есть достойно сатиры, въ родѣ тѣхъ, какія, при свѣтѣ лампы, писалъ Горацій, уроженецъ города Венузіи.

(1) Эта торговля женами (lenocinium mariti) была въ Римѣ самымъ обыкновеннымъ явленіемъ. Плутархъ разказываетъ очень забавный анекдотъ, который хорошо рисуетъ римскіе нравы. Однажды, какой-то Гальба угощалъ у себя Мецената, и замѣтивъ, послѣ обѣда, что онъ очень нѣжно посматриваетъ на его жену, притворился спящимъ. Одинъ изъ рабовъ Гальбы вздумалъ воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы стянуть со стола бутылку вина, но Гальба вдругъ открылъ глаза и гнѣвно сказалъ своему слугѣ: «развѣ ты не знаешь, негодяй, что я сплю только для Мецената?» Это знаменитое «non omnibus dormio» вошло въ Римѣ въ пословицу.

(2) Вслѣдъ за этими словами въ подлинникѣ прибавлены еще слѣдующія: «ибо *самъ онъ*, подобно юному Автомедонту, держалъ въ рукахъ вожжи, рисуясь передъ своею *милой въ шинели*.» Это одно изъ оченьтемныхъ мѣстъ въ сатирахъ Ювенала. Отъ перестановки знаковъ препинанія въ древнемъ текстѣ, оно можетъ получить также слѣдующій смыслъ: «ибо юный Автомедонтъ правилъ конями въ то время, какъ *самъ онъ* рисовался передъ своею милой въ шинели. Думаютъ, что подъ словомъ *самъ* должно разумѣть здѣсь Нерона, при которомъ страсть къ лошадямъ и ристалищамъ очень усилилась въ Римѣ, а подъ *милою въ шинели* — Спора. Отношенія къ нему Нерона извѣстны. Замѣтимъ еще, что Фламиніева дорога — теперешнее *Корсо*.

(3) Меценатъ былъ извѣстенъ въ Римѣ своею изнѣженностію, которая, впрочемъ, отчасти объясняется тѣмъ, что онъ очень долго страдалъ изнурительною лихорадкой и вообще былъ человѣкъ очень болѣзненный. Римскіе денди, какъ видно, подражали, въ своихъ наружныхъ пріемахъ, Меценату даже долгое время спустя послѣ его смерти.

ненною печатью онъ добылъ себѣ и богатство и счастье.... А вотъ и знатная матрона.... Когда мужу захочется пить, она подастъ ему мягкаго каленскаго вина и тутъ же подмѣшаетъ въ него ядъ. Лучше всякой Локусты (1), она учитъ своихъ еще неопытныхъ родственницъ, не обращая вниманія на толки въ народѣ, хоронить почернѣлые трупы своихъ мужей.

«Рискни на дѣло, за которое слѣдовало бы тебя сослать на островъ Гіаръ (2), или посадить въ тюрьму, если ты хочешь сдѣлаться чѣмъ-нибудь. Честность въ наше время прославляется только риторами.... и мерзнетъ. Преступленіямъ обязаны эти люди своими садами, дворцами, дорогими столами, стариннымъ серебромъ и кубками съ богатымъ золотымъ чеканомъ (3). Кому даютъ спокойно уснуть соблазнители своихъ жадныхъ невѣстокъ, или эти гнусныя невѣсты (4) и отроки-прелюбодѣи? Если природа отказала въ стихѣ, то родитъ его негодованіе, — пусть этотъ стихъ будетъ хоть изъ тѣхъ, какіе пишу я или Клувіенъ (5).

«Все, что дѣлаютъ люди со времени потопа Девкаліонова: ихъ желанія, страхи, гнѣвъ, веселье, радости, суета — вотъ что составитъ пестрое содержаніе моей сатиры (6). И когда же масса пороковъ была обильнѣе? когда бóльшій просторъ открывался для корысти? когда страсть къ игрѣ сильнѣе овладѣвала душой человѣка? Теперь отправляются у насъ къ игральному столу не просто съ кошелькомъ, а мечутъ кости,

---

(1) Это извѣстная римская отравительница. При ея помощи, Агриппина освободилась отъ Клавдія, а Неронъ — отъ Британника.

(2) Одинъ изъ Кикладскихъ острововъ, въ Эгейскомъ морѣ, служившій, при императорахъ, мѣстомъ ссылки.

(3) Въ подлинникѣ сказано: «и козломъ, который выдается на чеканѣ кубка». Здѣсь, конечно, разумѣется золотой кубокъ съ художественными рельефами, сюжетъ которыхъ былъ заимствованъ изъ вакхическаго культа.

(4) Подъ гнусными невѣстами разумѣются здѣсь тѣ самые люди, которыхъ Ювеналъ выше назвалъ «милыми въ *шинели*».

(5) Это совершенно неизвѣстный и, разумѣется, бездарный поэтъ, надъ которымъ здѣсь мимоходомъ смѣется Ювеналъ.

(6) Мы нѣсколько сократили это мѣсто. Въ подлинникѣ, къ приведеннымъ словамъ прибавлены еще слѣдующія: «Все, что дѣлаютъ люди съ тѣхъ поръ, когда дожди подняли равнину моря, и Девкаліонъ, поднявшись въ своемъ ковчегѣ на гору, вопросилъ оракула, когда размягченные камни мало-по-малу согрѣлись душой, и Пирра представила нагихъ женщинъ новому поколѣнію мужей», и проч.

поставивъ подлѣ себя цѣлый сундукъ съ деньгами. И какія битвы увидишь ты тамъ, гдѣ рабъ-казначей является оруженосцемъ! Развѣ это не больше чѣмъ простое сумашествіе проигрывать въ одинъ вечеръ по сту тысячъ сестерцій, и отказывать въ одеждѣ продрогшему отъ холода рабу? Кто въ прежнее время строилъ столько виллъ? кто изъ нашихъ дѣдовъ одинъ, безъ гостей, имѣлъ за своимъ столомъ по семи перемѣнъ (1)?

«Самый день прекрасно раздѣленъ у насъ по роду занятій: сначала утреннія поздравленія, а потомъ форумъ съ своимъ юристомъ, Аполлономъ (2), и съ статуями тріумфаторовъ, а между ними осмѣлился помѣстить свои титулы не знаю какой-то Египтянинъ или откупщикъ, передъ изображеніемъ котораго позволительно творить всякія пакости. Затѣмъ усталые старинные кліенты расходятся изъ прихожихъ своихъ патроновъ. Приходится бѣднякамъ купить кочанъ капусты да немного дровъ. А между тѣмъ, ихъ патронъ, ихъ царь (3), будетъ пожирать все лучшее, что̀ только производятъ лѣса и море, и одинъ, безъ гостей, возляжетъ на свои пустыя ложа. Да, наши богачи на одномъ обѣдѣ, гдѣ наставлено столько красивыхъ, огромныхъ и старинныхъ блюдъ, проѣдаютъ отцовское наслѣдство.

«Не будетъ больше параситовъ на свѣтѣ! Но кто же будетъ въ состояніи вынести такую грязную роскошь? Какова должна быть глотка, которая влагаетъ въ себя цѣлыхъ кабановъ, животное, созданное для многолюдныхъ пировъ!

«За то и наказаніе не заставляетъ долго себя ждать. Оно настигаетъ тебя въ то время, какъ ты, распухнувъ отъ жирнаго обѣда, тотчасъ послѣ него отправляешься въ баню и несешь туда съ собой непереваренннаго павлина. Оттого и умираютъ

---

(1) Здѣсь мы выпустили превосходную и очень живую сцену раздачи *спортулъ* кліентамъ. Мы еще будемъ имѣть случай воспользоваться этою сценой.

(2) Здѣсь идетъ рѣчь о такъ-называемомъ Форумѣ Августа. Между прочими украшеніями этой площади, на ней, при Августѣ, была поставлена статуя Аполлона изъ слоновой кости. Онъ здѣсь, въ шутку, называется юристомъ потому, что подлѣ его изображенія, вѣроятно, находился трибуналъ претора. Бѣдному Аполлону каждый день приходилось выслушивать множество процессовъ, и онъ поневолѣ долженъ былъ сдѣлаться юристомъ.

(3) Это было обыкновенное названіе патроновъ на языкѣ римскихъ кліентовъ.

у насъ люди внезапно, и старики не успѣваютъ передъ смертью сдѣлать завѣщанія... И вотъ, разгуливаетъ по всѣмъ обѣдамъ свѣжая, нисколько не печальная новость, и снова тянется погребальная процессія, и глумятся надъ покойникомъ разсерженные друзья, которые разчитывали на наслѣдство....

«Потомству нечего прибавлять къ нашимъ нравамъ. Наши внуки будутъ и желать и дѣлать то же, что̀ и мы. Да, порокъ достигъ крайняго предѣла, дальше онъ идти не можетъ. Пользуйся же, писатель, попутнымъ вѣтромъ, распусти всѣ паруса твоей сатиры!

«Но, можетъ-быть, спросятъ при этомъ: гдѣ же у меня талантъ, равносильный такому содержанію, гдѣ у меня эта простота, эта прямота рѣчи прежнихъ поэтовъ, которые писали все, чего только хотѣлось ихъ душѣ, когда она пылала негодованіемъ, — гдѣ эта прямота, которую я даже не смѣю назвать настоящимъ ея именемъ (1)?

«— Что̀ же за дѣло, скажутъ мнѣ, проститъ или не проститъ твоимъ словамъ какой-нибудь Муцій (2)? Да, попробуй вывести въ сатирѣ Тигеллина (3), и ты будешь свѣтить въ той иллюминаціи, гдѣ люди горятъ, стоя, и дымятъ привязаннымъ къ столбу горломъ, или оставишь за собой широкую борозду на аренѣ амфитеатра (4).

---

(1) Я думаю, нѣтъ необходимости объяснять, что подъ прямотой рѣчи Ювеналъ разумѣетъ здѣсь свободу слова.

(2) Этимъ именемъ сатирикъ означаетъ здѣсь вообще вельможу. Муціи Сцеволы, въ періодъ республики, принадлежали къ очень замѣтнымъ членамъ римской аристократіи. Луцилій не щадилъ ихъ въ своихъ сатирахъ. См. I сатиру Персія, ст. 115.

(3) Тигеллинъ пользовался огромнымъ вліяніемъ при Нероновомъ дворѣ. Ювеналъ означаетъ здѣсь его именемъ вообще временщика.

(4) Это мѣсто драгоцѣнно, какъ воспоминаніе поэта о мученической смерти первыхъ христіянъ. Это было послѣ огромнаго пожара, при Неронѣ. Tacit. *Ann.* XV, 44. Христіянъ обвинили въ томъ, будто они подожгли Римъ, и начались свирѣпыя казни. Между прочимъ, Неронъ устраивалъ въ своихъ садахъ иллюминаціи изъ живыхъ людей, при чемъ на нихъ надѣвали рубашки пропитанныя разными горючими веществами. Эта страшная одежда называлась *tunica molesta*. Въ слѣдующихъ словахъ говорится о другой казни, очень обыкновенной въ древнемъ Римѣ, а именно о битвахъ людей, осужденныхъ на казнь, съ дикими звѣрями на аренѣ амфитеатра. Растерзанные трупы обыкновенно волочили по аренѣ, при чемъ они, по выраженію поэта, оставляли за собою *широкія борозды*; складывали ихъ въ особое мѣсто, которое называлось *spoliarium*.

«Итакъ, какой-нибудь отравитель трехъ своихъ дядей будетъ спокойно лежать на пуховикахъ своей высоко-поднятой лектики и оттуда презрительно смотрѣть на насъ?

«— Да, если онъ встрѣтится съ тобой, то зажми ротъ. Не то онъ сдѣлается твоимъ обвинителемъ; укажешь на него пальцемъ, — и ты погибъ! А можешь ты, поэтъ, безопасно обратиться къ миѳологическимъ сюжетамъ; ты можешь, ничѣмъ не рискуя, свести въ битвѣ Энея съ свирѣпымъ Турномъ. Вѣдь никого не тревожитъ раненый Ахиллъ или Гиласъ, утонувшій вмѣстѣ съ своею урной (1). Когда Луцилій гремѣлъ своею сатирой, какъ бы обнаженнымъ мечомъ, то краснѣлъ тотъ, чья совѣсть оцѣпенѣла отъ злодѣйствъ, и потъ выступалъ у него на груди, отъ тайнаго сознанія своихъ преступленій. Вотъ откуда и гнѣвъ, и слезы! Итакъ, поэтъ, обдумай все это до начала битвы. Поздно каяться въ ней тому, кто уже надѣлъ шлемъ.

«Попробую, что̀ позволительно у насъ говорить хоть о тѣхъ, чей прахъ ужь зарытъ на Фламиніевой или на Латинской дорогѣ« (2).

Въ этой сатирѣ личность Ювенала рисуется очень живо, и притомъ съ лучшей своей стороны. Повторимъ, что это одно изъ самыхъ искреннихъ и выдержанныхъ произведеній римскаго сатирика. Всѣ они вызваны благороднымъ негодованіемъ. Смѣлый, честный гнѣвъ сатирика не рѣдко принимаетъ у Ювенала величественные размѣры и грандіозный характеръ; но нельзя не согласиться съ нимъ самимъ, что это еще не поэзія.

Теперь уже прошло время безотчетнаго поклоненія классической литературѣ. Настала пора спокойнаго анализа древнихъ авторовъ. Потому, при всемъ сочувствіи, которое воз-

---

(1) Это былъ прекрасный юноша, любимецъ Геркулеса. По греческимъ преданіямъ, Гиласъ былъ похищенъ нимфами въ то время, какъ черпалъ воду изъ одного источника. Древніе поэты очень любили выводить его въ своихъ произведеніяхъ. *Cui non dictus Hylas puer?* говоритъ Виргилій.

(2) Еще законами XII таблицъ запрещено было хоронить въ самомъ городѣ, и уже съ тѣхъ поръ кладбищами въ Римѣ служили большія дороги. Потому, въ особенности вблизи отъ городскихъ воротъ, онѣ были уставлены надгробными памятниками.

буждаетъ въ насъ благородная личность Ювенала, мы не можемъ не видѣть слабой стороны въ его произведеніяхъ.

Вообще, должно замѣтить, что онъ съ гораздо-бо́льшимъ успѣхомъ овладѣлъ матеріяломъ сатиры, чѣмъ ея формой. Въ большей части произведеній Ювенала нѣтъ и слѣда гармоническаго развитія преобладающей идеи, нѣтъ въ нихъ округленности и художественной цѣльности, которыя составляютъ необходимое условіе произведеній искусства. Вмѣсто этого мы не рѣдко встрѣчаемъ въ произведеніяхъ римскаго сатирика цѣлый рядъ общихъ мѣстъ, безъ всякой внутренней связи. Вся сила такой сатиры заключается въ ея рѣзкомъ, гнѣвномъ и грозномъ тонѣ, а это самое придаетъ хотя рельефный, но иногда односторонній характеръ картинамъ, которыя рисуетъ Ювеналъ.

Сатиры Ювенала волнуютъ, дѣйствуютъ на нервы читателя, но не возвышаютъ его надъ грязною дѣйствительностію. Мы видимъ, что страшная эпоха, со всею своею нравственною уродливостію, совершенно какъ бы охватила собою поэта (1), и онъ не въ состояніи отрѣшить себя отъ своего вѣка, не въ состояніи возвыситься надъ нимъ, посмотрѣть на него свободными глазами. Сквозь житейскую тину нигдѣ не просвѣчиваетъ у Ювенала идеалъ, который составляетъ такую существенную принадлежность поэзіи. Ювеналова сатира не возвышается до комизма; негодованіе, овладѣвшее имъ, поработило себѣ его душу; оно мучитъ и раздражаетъ его и не разрѣшается въ этотъ спасительный смѣхъ, свидѣтельствующій, что душа одержала верхъ надъ предметомъ негодованія.

Притомъ изложенію Ювенала, въ большей части его сатиръ, много вредитъ декламація, которая вообще наложила свою печать почти на всѣ произведенія римской литературы. Юве-

---

(1) Въ особенности непріятно поражаетъ въ Ювеналѣ цинизмъ его, независимо отъ грязныхъ картинъ, которыя онъ долженъ былъ рисовать, чтобы сколько-нибудь исчерпать свою тему. Ювеналъ любитъ циническія выраженія и картины, и не рѣдко прибѣгаетъ къ нимъ даже тамъ, гдѣ вовсе не было въ нихъ нужды. Отзывы его о римской женщинѣ, несмотря на то, что она опозорила себя своимъ развратомъ, постоянно отличаются самою непристойною рѣзкостію (въ особенности въ VI сатирѣ) и какою-то непримиримою ненавистію. Эту черту въ характерѣ Ювенала Веберъ старается извинить тѣмъ, что римскій поэтъ не былъ счастливъ въ супружествѣ. Разумѣется, это одно только предположеніе.

налъ постоянно увлекается риторическими блестками, или, вѣрнѣе, не можетъ отъ нихъ освободиться. Многословіе, повтореніе, или—употребимъ выраженіе древнихъ риторовъ—*амплификація* одной и той же мысли, все это производитъ не очень пріятное впечатлѣніе на читателя Ювеналовыхъ сатиръ. Но, съ другой стороны, человѣку, который говоритъ отъ души, невозможно постоянно оставаться риторомъ, и приведенная нами первая сатира Ювенала служитъ лучшимъ доказательствомъ того. Его гнѣвъ большею частію не искусственный, не поддѣльный; онъ взятъ не изъ школы, а изъ жизни, и должно прибавить, что этотъ честный гнѣвъ, какъ всякій сильный и благородный порывъ, овладѣвающій душой человѣка, порой возвышается у Ювенала до художественнаго паѳоса.

Эта-то смѣсь истиннаго, глубокаго чувства съ реторикой—невольною данью, которую знаменитый писатель заплатилъ своему вѣку—и составляетъ настоящій характеръ Ювеналовой сатиры.

Во всякомъ случаѣ, она не выдерживаетъ строгой эстетической критики. Но это нисколько не мѣшаетъ намъ глубоко чтить Ювенала, какъ писателя, который, въ эпоху полнаго нравственнаго паденія цѣлой, когда-то великой націи, умѣлъ сохранить въ душѣ чувство чести и правды, и заклеймилъ въ своихъ сатирахъ вѣчнымъ позоромъ Домиціана и его вѣкъ.

Домиціанъ, повидимому, очень заботился о своей репутаціи въ потомствѣ. Онъ строго запрещалъ писать о своихъ казняхъ въ офиціяльной газетѣ, которая издавалась въ Римѣ, со времени Юлія Цезаря, и расходилась во множествѣ экземпляровъ по римскимъ провинціямъ. Онъ выгонялъ философовъ изъ Рима, жестоко преслѣдовалъ всякое свободное слово, и могъ надѣяться, что только голоса льстецовъ дойдутъ о немъ до потомства.

Надежды Домиціана, благодаря въ особенности Ювеналу, не сбылись. Уже много вѣковъ прошло со времени царствованія этого цезаря, и нѣтъ мѣста въ цѣломъ образованномъ мірѣ, гдѣ бы имя его до сихъ поръ не возбуждало отвращенія и ужаса.

Между тѣмъ въ числѣ немногихъ любезныхъ намъ именъ, мелькающихъ свѣтлыми точками въ мрачное время, называемое Домиціановымъ вѣкомъ, ярко блеститъ имя Ювенала. Онъ не поэтъ, онъ даже рѣдко является писателемъ-художникомъ, но не имѣя высокихъ качествъ геніяльнаго писателя, тѣмъ

не менѣе занимаетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ во всемірной литературѣ. Вѣковая слава его есть слѣдствіе того, что потомство никогда не забываетъ честныхъ голосовъ, особенно, если они раздавались въ эпохи деспотизма и нравственнаго застоя.

Не одни поэты и писатели-художники занимаютъ почетное мѣсто въ литературѣ. Кромѣ идеаловъ, въ ея область входятъ и другіе элементы, и принадлежатъ ей законно и неотъемлемо. На литературѣ лежитъ обязанность служенія не только чистому искусству, но и общественнымъ интересамъ (что̀, впрочемъ, не исключаетъ художественности), и въ этой сферѣ на первомъ планѣ является сатира. Она можетъ имѣть огромное нравственное значеніе въ особенности тамъ, гдѣ народъ еще не успѣлъ или, вслѣдствіе историческихъ условій, не могъ развить и обнаружить свои внутреннія силы, тамъ, гдѣ эти силы еще дремлютъ.

Я разумѣю, конечно, не ту мелкую, самолюбивую сатиру, въ которой какой-нибудь моралистъ подозрительнаго свойства рисуется передъ публикой и заботится только о томъ, чтобы рельефнѣе выставить на показъ свою собственную, не рѣдко ничтожную и, во всякомъ случаѣ, нисколько не интересную личность; я разумѣю здоровую и сильную сатиру, къ которой мы, Русскіе, скажу это къ нашей чести, постоянно выказывали и выказываемъ едвали не больше сочувствія, чѣмъ всѣ другіе народы Европы. Почти всѣ наши лучшіе и замѣчательные писатели были по временамъ сатириками. Даже въ до-петровскій періодъ литературы, лишь только русскій писатель сбрасывалъ съ себя оковы схоластики и условной морали, и обращался къ народу съ живымъ словомъ, оно тотчасъ превращалось въ благородное обличеніе и въ мѣткую сатиру. Мы имѣемъ полное право примѣнить къ себѣ слова Квинтиліана: *satira tota nostra est* (1), и въ этомъ наша великая нравственная сила! Она движетъ юное общество впередъ, уничтожаетъ въ немъ возможность самодовольнаго примиренія со всею обстановкой еще не установившейся гражданственности, примиренія, которое необходимо ведетъ къ застою.

Для того чтобы на пути умственнаго и нравственнаго развитія сдѣлать шагъ впередъ, необходимо уяснить себѣ несо-

(1) То-есть, сатира вся наша.

стоятельность пройденныхъ шаговъ. Это собственно дѣло науки, уясняющей намъ наши взгляды на окружающій міръ, расширяющей нашъ умственный кругозоръ. Но въ этихъ высшихъ своихъ сферахъ наука доступна не многимъ, а для массы, по крайней мѣрѣ у насъ, науку до нѣкоторой степени замѣняетъ сатира. Горе народу, у котораго нѣтъ сатиры, который, особенно въ пору своей гражданской незрѣлости, успокоивается на китайской мысли, что онъ дошелъ до полнаго совершенства!

Въ эпоху Ювенала, когда «порокъ достигъ крайняго предѣла и остановился, потому что дальше идти было ему нельзя», сатира, разумѣется, не могла оказать того вліянія, какое она имѣетъ у народа, подобнаго нашему, у народа съ великими, но еще не вполнѣ заявившими себя нравственными силами. Римское общество, въ вѣкъ Домиціана, представляло собою разлагавшійся трупъ, который не могла оживить Ювеналова сатира.

Замѣчательно, что въ подобныя эпохи паденія мораль сатиры обыкновенно дѣлается безпощадною и предъявляетъ такія требованія, которыя выполнить нѣтъ никакой возможности даже нравственно-развитому обществу. Такая мораль обыкновенно превращается въ пышную, пустую и холодную фразу, и конечно не находитъ никакого отголоска въ обществѣ уже потому, что источникъ ея не въ любящемъ сердцѣ гражданина, а въ головѣ ритора. Онъ и не заботится о томъ, чтобы требованія его были выполнены, и такъ же холодно проповѣдуетъ свою мораль, какъ другіе принимаютъ ее. Таковъ, напримѣръ, Персій, таковъ въ особенности Сенека и цѣлый рядъ римскихъ стоиковъ періода имперіи, которые обратились къ обличительной дидактикѣ и съ мнимой высоты своей безжизненной, условной морали требовали отъ человѣка отвлеченнаго совершенства.

Много нужно было имѣть глубокой любви къ добру и правдѣ, чтобы, подобно Ювеналу, хотя порой устоять противъ холоднаго риторства!

III.

Для нашего времени главное значеніе сатиръ Ювенала историческое. Онѣ очень интересны и важны для насъ тѣмъ, что живыми, яркими, хотя и нѣсколько густыми красками рисуютъ почти всѣ стороны римскаго быта въ ту тяжелую эпоху, которой

политическій смыслъ такъ проницательно и глубоко-вѣрно разъяснилъ намъ Тацитъ. Эти два писателя служатъ необходимымъ и самымъ лучшимъ дополненіемъ одинъ другаго.

«Все, что̀ дѣлаютъ люди (говоритъ Ювеналъ въ I сатирѣ), ихъ желанія, страхъ, надежды, наслажденія, радости, суета, все это составитъ пестрое, смѣшанное содержаніе моей сатиры.» Ювеналъ сдержалъ свое слово. Въ его произведеніяхъ проходятъ передъ нами, какою-то нестройною, дикою толпой, всѣ сословія, всѣ классы римскаго общества, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше поражаютъ насъ своею, едва вообразимою, нравственною уродливостію.

Чтобы дополнить сдѣланный выше очеркъ римскаго правительства въ эпоху Домиціана, я остановлюсь на IV сатирѣ Ювенала, гдѣ выступаетъ на сцену Домиціанъ и, рядомъ съ нимъ, римскій сенатъ. Мы сейчасъ увидимъ, въ какомъ униженномъ положеніи находилась въ это время высшая правительственная коллегія Римскаго государства.

Поэтъ начинаетъ свой разказъ пародіей на эпиковъ и, по обычаю ихъ, дѣлаетъ слѣдующее воззваніе къ музамъ: «Начинай, Калліопа! Ты можешь спокойно присѣсть. Нечего выдумывать, дѣло идетъ объ истинномъ происшествіи. Начинайте же вашъ разказъ, дѣвы Піериды. Пусть мнѣ, о музы, поможетъ хоть то, что я назвалъ васъ дѣвами (1).

«Въ то время, продолжаетъ сатирикъ, какъ послѣдній изъ Флавіевъ терзалъ и безъ того полуживой міръ, и Римъ былъ рабомъ *плѣшиваго Нерона*,—такъ въ этомъ мѣстѣ Ювеналъ называетъ Домиціана,—одинъ бѣдный рыбакъ поймалъ близь Анконы, въ Адріатическомъ морѣ, огромнаго ромба... Поймалъ и испугался. Испугался онъ не рыбы, а того, что простой, частный человѣкъ неожиданно сдѣлался обладателемъ такого сокровища. И вотъ, бѣднякъ рѣшается принести эту лакомую рыбу въ даръ *первосвященнику-Домиціану*. Да и что̀ было дѣлать? Продать ромба? но никто не осмѣлился бы купить его. Различные сыщики и шпіоны, которыми наполненъ былъ даже морской берегъ, тотчасъ бы завели дѣло съ бѣднымъ рыбакомъ. Они не задумались бы объявить, что эта рыба бѣглая, что она откормлена въ садкахъ цезаря, исчезла оттуда и должна возвратиться

(1) Ювеналъ такъ же мало вѣритъ въ свой даръ эпика, какъ и въ дѣвственность музъ. Этотъ дурной комплиментъ музамъ, очевидно, имѣетъ связь съ невысокою деликатностію Ювенала къ женщинѣ вообще.

къ прежнему своему господину. Если вѣрить Пальфурію и Армиллату (1), то даже всякая дорогая рыба, гдѣ бы она ни плавала, собственность цезаревой казны.»

Домиціанъ жилъ въ это время, по обыкновенію, въ своей альбанской виллѣ. Туда отправляется рыбакъ, и наконецъ его допускаютъ къ цезарю. «Прими, говоритъ ему вѣрноподданный, эту драгоцѣнность, которая слишкомъ огромна для кухни частнаго человѣка. Пусть этотъ день будетъ объявленъ праздникомъ. Приготовь, о цезарь, свой желудокъ для принятія этой пищи и отвѣдай ромба. Ясно, что сама судьба сохранила его для твоихъ дней. Да, эта рыба сама хотѣла того, чтобъ ее поймали.»

Домиціанъ выслушалъ эту рѣчь благосклонно. «Нѣтъ той лести, прибавляетъ поэтъ, которой бы не повѣрилъ человѣкъ, когда власть его признана и объявлена равною божеской власти.»

Дѣло, однако, этимъ не кончилось. Возникъ вопросъ: что̀ дѣлать съ ромбомъ? кромѣ того, для такой огромной рыбы нельзя было отыскать достаточно-большаго блюда. И вотъ, Домиціанъ посылаетъ въ Римъ гонцовъ звать сенаторовъ, для совѣщанія объ этомъ важномъ государственномъ вопросѣ.

«Въ Римѣ все пришло въ смятеніе. Лица сенаторовъ, и безъ того блѣдныя, еще болѣе поблѣднѣли.»

Затѣмъ слѣдуетъ у Ювенала очень любопытная характеристика римскихъ вельможъ. Онъ называетъ ихъ по именамъ и все это имена, большею частію опозоренныя въ исторіи.

«Первый, на крикъ гонца: currite, jam sedit! (бѣгите, *онъ* уже сѣлъ) схватилъ свою аболлу (плащъ), и спѣшитъ Пегасъ (2). Онъ только что былъ назначенъ управителемъ (villicus) перепуганной столицы. Что̀ же другое, какъ не прикащики, были въ это время префекты (губернаторы)? Это былъ (по природѣ своей) честный человѣкъ, строгій блюститель закона, хотя и убѣжденный въ томъ, что въ его ужасный вѣкъ справедливость была оружіемъ очень ненадежнымъ. За нимъ является пріятный, добродушный и

---

(1) Пальфурій Сура и Армиллатъ извѣстные доносщики, при Домиціанѣ. Первый изъ нихъ былъ стоикъ. Оба они, говоритъ Гейнрихъ, вѣроятно принадлежали къ законовѣдамъ и старались поддержать самодержавіе цезарей теоріей распространенія такъ-называвшихся *jura fisci*.

(2) Пегасъ — знаменитый римскій юристъ.

краснорѣчивый старичокъ Криспъ (1). И кто могъ быть полезнѣе Криспа для человѣка, подъ властію котораго находились и моря, и земли, и народы, еслибы при Домиціанѣ, этой язвѣ и гибели человѣческаго рода, можно было открыто порицать жестокость и подавать честный совѣтъ? Но что̀ могло быть свирѣпѣе слуха этого тирана? Участь самыхъ близкихъ къ нему людей была сомнительна даже тогда, когда они разговаривали съ нимъ о погодѣ. Вотъ почему Криспъ никогда не старался плыть противъ теченія, и не былъ онъ человѣкъ съ свободною, задушевною рѣчью, — гражданинъ, готовый заплатить жизнью за правду. Такъ прожилъ онъ много лѣтъ и увидѣлъ восьмидесятую весну, обезопасивъ себя этимъ оружіемъ даже при дворѣ Домиціана.»

Вслѣдъ за Криспомъ, поспѣшно прибылъ въ виллу Домиціана Ацилій съ своимъ сыномъ (2), а за ними — Рубрій (3). Наконецъ, «является и чрево Монтана» (4), Монтанъ, весь обратившійся въ «медленно двигающееся, отъ тучности, чрево», и раздушенный Кристинъ (5), «отъ котораго несло разными ароматами сильнѣе, чѣмъ отъ двухъ похоронъ» (то-есть набальзамированныхъ покойниковъ).

«Является и Помпей (6), который еще свирѣпѣе, чѣмъ Кри-

---

(1) Вибій Криспъ оставилъ по себѣ дурную память. При Неронѣ онъ былъ доносщикомъ. (Tacit. *Hist.* II, 10; IV, 41.) Ювеналъ изображаетъ здѣсь Криспа такимъ, какимъ зналъ его при Домиціанѣ. Отзывъ сатирика совершенно согласенъ съ словами Квинтиліана (V, 13, 48), который называетъ Криспа «vir jucundi et elegantis ingenii».

(2) Ациліи, отецъ и сынъ, оба были сенаторы. Послѣдній былъ казненъ Домиціаномъ за годъ до его собственной смерти.

(3) Рубрій Галлъ, вѣроятно, тотъ самый, о которомъ упоминаетъ Тацитъ *Hist.* II, 51 и 99. Ювеналъ прибавляетъ, что на немъ тяготѣло какое-то давнишнее и тайное преступленіе (offensae veteris reus atque tacendae). Древній схоліастъ, при объясненіи этого мѣста, говоритъ, что Рубрій когда-то находился въ связи съ племянницей Домиціана, Юліей, дочерью Тита, которая потомъ сдѣлалась любовницей самого цезаря.

(4) Монтанъ, какъ видно изъ 136 стиха этой сатиры, уже при Неронѣ былъ знаменитъ своимъ аппетитомъ и гастрономическими наклонностями. Его не должно смѣшивать съ благороднымъ Курціемъ Монтаномъ, о которомъ упоминаетъ Тацитъ *Ann.* XVI, 28; у Ювенала, по мнѣнію Вебера, рѣчь объ отцѣ этого Монтана.

(5) Тотъ самый, о которомъ упомянуто въ I сатирѣ ст. 27.

(6) Онъ извѣстенъ только изъ этого мѣста, какъ одинъ изъ страшныхъ доносщиковъ при Домиціанѣ.

стинъ, губитъ людей и доводитъ ихъ до казни своими доносами. Являются и Фускъ (1), что̀ берегъ свое тѣло для коршуновъ Дакіи, и хитрый Вейентонъ съ смертоноснымъ Катулломъ» (2). «Этотъ Катуллъ, прибавляетъ Ювеналъ, ужасное чудовище, замѣчательное даже въ нашъ вѣкъ. Онъ былъ слѣпъ, льстецъ и страшный клевретъ Домиціана,— человѣкъ прямо съ моста, человѣкъ, которому бы просить милостыню гдѣ-нибудь на большой дорогѣ, при повозкахъ, ѣдущихъ въ Арицію, и посылать имъ вслѣдъ воздушные поцѣлуи (3). Никто больше слѣпаго Катулла не восторгался рыбой. Онъ много наговорилъ, обратясь въ лѣвую сторону, а ромбъ лежалъ отъ него направо. Точно такъ онъ (въ угоду Домиціану) восхищался и битвами гладіаторовъ, и театральными машинами, уносившими отроковъ до самаго навѣса (4).

«Не уступаетъ Катуллу и Вейентонъ, и какъ бы пораженный священнымъ трепетомъ, вдохновленный самою Беллоной, онъ (изъ лести и со страха) начинаетъ даже предсказывать. Эта рыба, говоритъ онъ, пророчитъ тебѣ, Домиціанъ, великій и славный тріумфъ! Ты захватишь въ плѣнъ какого-нибудь царя, или британскій вождь Арвирагъ (5), пораженный, упа-

---

(1) Корнелій Фускъ былъ, при Домиціанѣ, начальникомъ (префектомъ) преторіянцевъ. Онъ погибъ въ походѣ противъ Даковъ.

(2) Фабрицій Вейентонъ и Катуллъ Мессалинъ упоминаются и другими писателями, какъ страшные изверги. О нихъ говоритъ, между прочимъ, Плиній *Epp.* IV, 22. Здѣсь особенно хороша характеристика слѣпаго Катулла, который «ничего не боялся, никогда не краснѣлъ и и ни разу не испыталъ чувства жалости».

(3) Римскіе нищіе обыкновенно промышляли на мостахъ и на большихъ дорогахъ. Арицiя лежала на Аппіевой дорогѣ, при *clivus Aricinus*, гдѣ экипажи, по необходимости, замедляли свой ходъ. Вотъ почему это мѣсто привлекало множество нищихъ, которые привѣтствовали проѣзжихъ воздушными поцѣлуями. Это былъ обыкновенный жестъ, употреблявшійся для выраженія благоговѣнія къ богамъ и къ знатнымъ лицамъ. Откуда глаголъ *adorare*, то-есть *manum ori admovere*.

(4) Римскіе театры строились безъ крышъ. Ихъ замѣнялъ навѣсъ, который охранялъ зрителей отъ солнечныхъ лучей и отъ дождя. Въ этомъ мѣстѣ рѣчь, вѣроятно, идетъ о піесахъ, въ которыхъ представлялось похищеніе Ганимеда или полетъ Икара, и т. п. Вотъ, безъ сомнѣнія, отроки, о которыхъ здѣсь говорится.

(5) Римлянъ очень занимали въ это время войны ихъ съ Британцами. Льстивое предсказаніе Вейентона о тріумфѣ надъ ними Домиціана, безъ сомнѣнія, сбылось бы, еслибъ онъ не вызвалъ изъ Британіи Агриколу. (Tacit. *Agric.* c. 13—40.) Объ Арвирагѣ не упоминаетъ ни одинъ изъ

детъ съ своей боевой колесницы. Эта рыба — звѣрь чужеземный. Развѣ ты не видишь, какъ его боковыя перья вытянулись къ спинѣ? Недоставало только Вейентону упомянуть о родинѣ ромба и о томъ, сколько ему лѣтъ.»

— «Какое же твое мнѣніе? спрашиваетъ Домиціанъ.—Разрѣзать ромба что ли? «Да будетъ отъ него далекъ такой позоръ, отвѣчаетъ Монтанъ.—Нужно приготовить глубокое блюдо съ тонкою стѣнкой и обширнымъ круглымъ дномъ. Для такого блюда необходимо найдти немедленно опытнаго художника, какого-нибудь новаго Прометея.»

«Мнѣніе Монтана, продолжаетъ поэтъ, одержало верхъ, и оно было вполнѣ достойно этого человѣка. Онъ помнилъ еще роскошь прежняго двора, помнилъ полунощные пиры Нерона, когда гости его, разгоряченные фалернскимъ виномъ, чувствовали все новый и новый позывъ къ наслажденіямъ. Ни у кого въ мое время не было такой опытности во всемъ, что̀ относилось къ съѣстному. Монтану стоило только отвѣдать, чтобы тотчасъ угадать, были ли устрицы съ Цирцейскаго мыса, или изъ Лукринскаго озера, или съ британскаго берега, и взглянувъ на черепаху, онъ тотчасъ же могъ назвать ея родной берегъ.»

«Наконецъ, всѣ встаютъ, совѣщаніе закрыто, и сенаторы получаютъ приказаніе удалиться. *Великій вождь* собралъ ихъ въ свой альбанскій дворецъ. Испуганные, они поспѣшили туда, какъ будто цезарь хотѣлъ сообщить имъ что-нибудь о Каттахъ и дикихъ Сикамбрахъ (1); какъ будто, съ разныхъ концовъ міра, привезены были быстрыми гонцами страшныя вѣсти.»

«О, къ чему, мрачно заключаетъ Ювеналъ свою сатиру, къ чему Домиціанъ не посвятилъ такимъ ничтожнымъ дѣламъ всѣхъ дней своего свирѣпаго царствованія, въ которое онъ безнаказанно, и не вызвавъ мести, отнялъ у Рима столько доблестныхъ и знаменитыхъ людей! Но онъ и самъ палъ, послѣ того какъ сдѣлался страшенъ для черни. Вотъ что̀ сгубило Домиціана, обагреннаго кровью своихъ вельможъ (2).»

Многіе воображаютъ до сихъ поръ еще, что римская имперія—катастрофа. Но что̀ же это за катастрофа, которая про-

---

древнихъ историковъ. Вѣроятно, онъ сдѣлался британскимъ вождемъ уже послѣ удаленія Агриколы.

(1) И тѣ, и другіе принадлежали къ самымъ воинственнымъ племенамъ древней Германіи.

(2) О смерти Домиціана мы уже сказали выше.

должается цѣлыя столѣтія, не вызывая реакціи? Имперія возникла и необходимо должна была возникнуть въ Римѣ потому, что идея самоуправленія потеряла, наконецъ, свой смыслъ для массы народа. Возвратъ къ отжившимъ свой вѣкъ политическимъ формамъ былъ, повидимому, возможенъ и очень легокъ. Римская монархія не была наслѣдственною. Вслѣдъ за смертію каждаго изъ своихъ цезарей, Римляне имѣли законное право и полную возможность возстановить республику. Отчего же этого не случалось? Отчего въ самыя мрачныя эпохи цезарскаго деспотизма почти никто изъ нихъ не думалъ объ этомъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ благородныхъ мечтателей? Оттого, что, для выхода изъ этого положенія, кромѣ политической возможности, необходима была возможность нравственная, а ея-то и не доставало Римлянамъ. Они напоминаютъ намъ собою безпутнаго, когда-то богатаго, но промотавшагося барина, который самъ проситъ и требуетъ, чтобы надъ нимъ учредили опеку. Но, въ Римѣ, въ эту пору уже трудно было найдти хорошихъ и добросовѣстныхъ опекуновъ.

Среди такого падшаго общества легко и даже необходимо должны были явиться Тиберіи, Нероны и Домиціаны. Передовые люди древняго Рима, и въ числѣ ихъ Ювеналъ и Тацитъ, хорошо понимали, что не эти цезари были главными виновниками того ужаснаго положенія, въ которомъ находилась ихъ родина. Еслибы въ римскомъ народѣ сохранились какіе-нибудь слѣды нравственнаго чувства, то, разумѣется, такіе правители были бы невозможны. Во всякомъ случаѣ, безпощадный судъ потомства, карающій этихъ недостойныхъ правителей, долженъ быть не менѣе строгъ и въ отношеніи къ ихъ подданнымъ.

Печальную, горькую думу возбуждаютъ въ душѣ историка не только Домиціаны, но и такіе цезари, какъ Траянъ и Маркъ Аврелій. Несмотря на все свое доброе желаніе, несмотря на свою желѣзную волю, они не могли остановить Римъ на краю той бездны, къ которой онъ уже давно стремился, и гдѣ суждено было ему погибнуть.

Ювеналъ, вмѣстѣ съ другими благородными людьми своей эпохи, глубоко презиралъ современный ему римскій народъ. Поэтъ особенно сильно выразилъ это чувство въ томъ превосходномъ мѣстѣ десятой сатиры, гдѣ рѣчь идетъ о казни Сеяна.

Это событіе, какъ извѣстно, относится къ царствованію Тиберія. Сеянъ былъ въ это время начальникомъ преторіянской

гвардіи и пользовался безграничнымъ довѣріемъ своего монарха. Этотъ подозрительный, хитрый, суевѣрный и развратный старикъ, по совѣту временщика, оставилъ даже Римъ и дѣла, и послѣдніе годы своей жизни провелъ на островѣ Капри, окруженный халдеями, гадателями и женщинами.

Десятилѣтнее пребываніе Тиберія на островѣ Капри составляетъ одну изъ самыхъ скандалезныхъ страницъ въ исторіи римской имперіи. Этимъ временемъ рѣшился воспользоваться Сеянъ и провозгласить себя императоромъ: въ томъ, по крайней мѣрѣ, обвиняли его. Сеянъ, говорятъ, очень разчитывалъ на народъ, который его любилъ и, разумѣется, былъ не прочь освободиться отъ Тиберія. Но Тиберій перехитрилъ Сеяна, и вмѣстѣ съ нимъ погибло множество его приверженцевъ.

Ювеналъ не былъ очевидцемъ этой катастрофы, но зналъ о ней по свѣжему еще преданію. Онъ чрезвычайно живо и вѣрно описываетъ рабское чувство, обнаруженное при этомъ Римлянами, ихъ непостоянство и вѣроломство, и это внезапное превращеніе любви въ ненависть къ Сеяну, въ ненависть, источникомъ которой былъ страхъ Тиберія.

«Могущество, говоритъ поэтъ, возбуждаетъ много зависти и нерѣдко губитъ человѣка; топитъ (mergit) его длинный перечень почетныхъ титуловъ. Нерѣдко статуи сходятъ съ высокихъ своихъ подножій, и неистово влечетъ ихъ толпа. Тогда топоръ рубитъ самыя колеса тріумфальныхъ колесницъ, рубитъ и даже ломаетъ голени мѣдныхъ коней. Чѣмъ же они-то, бѣдные, виноваты?»

«Вотъ трещитъ огонь, и въ пламени голова, которую такъ боготворилъ народъ, и съ шумомъ плавится колоссальная статуя Сеяна, а потомъ изъ этой статуи, изъ этого изображенія человѣка, бывшаго, послѣ Тиберія, первымъ человѣкомъ въ цѣломъ мірѣ, сдѣлаютъ горшки, тазы и сковороды.»

«Укрась твой домъ лавромъ, веди въ Капитолій большаго бѣлаго быка (1): по римскимъ улицамъ влекутъ крючьями Сеяна на всенародное позорище. Всѣ въ восторгѣ!»

«Какія были у него истерзанныя губы, какое страшное лицо! Повѣрь мнѣ, я никогда не любилъ этого человѣка; но что̀ же, однако, за преступленіе, отъ котораго онъ погибъ? гдѣ доносчикъ на Сеяна, гдѣ доказательства, гдѣ свидѣтели его вины?

---

(1) Это были обыкновенные знаки, которыми выражалось сочувствіе къ какому-нибудь событію и вообще радость.

Ничего этого не было. Съ острова Капри привезено въ сенатъ многорѣчивое, длинное посланіе Тиберія (1). Прекрасно! послѣ этого нечего спрашивать о преступленіи Сеяна; но что же дѣлаетъ эта толпа, что дѣлаютъ эти потомки великаго Рима? Толпа, какъ всегда, слѣдуетъ за удачей и ненавидитъ осужденныхъ. Еслибы счастье улыбнулось Сеяну (2), еслибы ему удалось погубить стараго Тиберія въ безопасномъ его убѣжищѣ, то немедленно тотъ же самый народъ провозгласилъ бы Сеяна цезаремъ. Этотъ народъ уже давно сложилъ съ себя государственное бремя, съ тѣхъ поръ, какъ мы, на выборахъ, никому больше не продаемъ нашихъ голосовъ. Онъ, который когда-то раздавалъ власть, консульскіе пуки и легіоны, теперь онъ живетъ тихо и только озабоченно жаждетъ даровой раздачи хлѣба да зрѣлищъ въ циркѣ.»

«Слышно, что еще многимъ придется погибнуть. Мнѣ повстрѣчался у жертвенника Марса (на Марсовомъ полѣ) пріятель мой Брутидій (3). Онъ былъ очень блѣденъ. Боюсь я, сказалъ онъ, чтобы Тиберію, какъ побѣжденному Аяксу, не показалось, что народъ не сильно за него вступился, чтобы Тиберій не вздумалъ за это мстить. Поспѣшимъ же на берегъ Тибра и станемъ топтать ногами трупъ цезарева врага, пока онъ тамъ лежитъ (4). Но пусть это видятъ наши рабы, а не то кто-нибудь изъ нихъ напугаетъ своего барина и, накинувъ веревку, потащитъ его, за шею, на расправу.»

Говоря о римскомъ народѣ, я имѣлъ до сихъ поръ преимущественно въ виду низшіе его слои; но для того, чтобы вѣрно судить о нравственномъ состояніи общества въ вѣкъ Ювенала, необходимо обратить вниманіе на высшіе, на такъ-называемые

---

(1) Все это исторически вѣрно. Рескриптъ Тиберія сенату дѣйствительно былъ очень длиненъ. Діонъ Кассій, который подробно описываетъ исторію казни Сеяна (LVIII, 2 и слѣд.), говоритъ то же самое и кромѣ того обозначаетъ самое содержаніе этого письма.

(2) Въ подлинникѣ сказано: «еслибы Нурція поблагопріятствовала Этруску», т.-е. Сеяну, который родомъ былъ изъ Вольсиній въ Этруріи. Нурція—этрусское имя Фортуны.

(3) Брутидій Нигеръ былъ эдиломъ въ 22 г. и старался открыть себѣ дорогу къ почестямъ доносами. Tacit. *Ann.* III, 66.) Выраженіе Ювенала «Brutidius meus», очевидно, заключаетъ въ себѣ оттѣнокъ презрѣнія его къ этому человѣку.

(4) Трупъ Сеяна цѣлые три дня валялся на набережной Тибра и во все это время подвергался поруганію черни.

образованные классы этого народа, которые были исключительными представителями древней цивилизаціи.

Главная ихъ типическая черта—это кліентство или, вѣрнѣе, огромные размѣры, какіе оно приняло въ разсматриваемое время.

Кліентство является въ Римѣ при самомъ его началѣ. Это учрежденіе имѣло тамъ большое значеніе во все то время, когда только одна часть римскаго народа пользовалась политическими правами, а другая была еще лишена этихъ правъ. Кліентство считалось въ эту пору выше даже родственныхъ связей, и, возникнувъ изъ убѣжденія въ томъ, что сильный долженъ защищать и охранять слабаго, имѣло какъ бы религіозную основу.

Но уже задолго до Ювенала, еще въ періодъ республики, оно утратило свой первоначальный характеръ, и подъ словомъ *кліентъ* начали понимать всякаго бѣднаго и незначительнаго человѣка. Въ Римѣ, каждый изъ такихъ людей непремѣнно имѣлъ своего покровителя, или патрона.

Кліентъ непремѣнно каждый день являлся къ своему милостивцу съ утреннимъ поздравленіемъ, проводилъ нѣсколько часовъ въ его прихожей, а потомъ обыкновенно сопровождалъ своего патрона на форумъ и всюду, куда ему вздумалось бы отправиться. Римскіе богачи имѣли множество такихъ кліентовъ, и потому обыкновенно являлись на улицѣ съ огромною свитой.

Сначала кліенты обѣдали за столомъ своихъ патроновъ, но потомъ, съ увеличеніемъ числа кліентовъ, это оказалось неудобнымъ, и, вмѣсто обѣда, имъ начали ежедневно выдавать такъ-называвшуюся *спортулу*. Это, какъ показываетъ самое слово, была небольшая корзинка съ съѣстными припасами, а иногда, вмѣсто нихъ, кліентъ получалъ незначительную сумму денегъ.

Чѣмъ ниже падали въ Римѣ нравы, тѣмъ больше развивалось тамъ кліентство и наконецъ охватило собою всѣ классы римскаго общества. Римскіе кліенты, въ вѣкъ Ювенала, имѣли уже не по одному патрону, какъ прежде, а множество патроновъ, и цѣлое утро переходили изъ дома въ домъ, собирая тамъ, не безъ шума и брани, свои обычныя спортулы.

Въ одной изъ своихъ сатиръ (1), Ювеналъ живо описываетъ

(1) Въ первой сат. ст. 95 и слѣд.

сцену раздачи *спортулъ*: «Вотъ, говоритъ онъ, на самомъ порогѣ выставлены спортулы на расхищеніе толпѣ людей, одѣтыхъ въ тогу. Патронъ, однако, сначала смотритъ тебѣ въ лицо, и дрожитъ, чтобы ты не явился подставнымъ кліентомъ и не потребовалъ себѣ спортулы подъ чужимъ именемъ. Когда тебя признáютъ, ты ее получишь. При этомъ патронъ приказываетъ своему глашатаю вызывать поименно даже нашихъ аристократовъ, этихъ потомковъ баснословныхъ Троянцевъ, потому что и они, вмѣстѣ съ нами, бѣдными кліентами, трутъ пороги богачей. Дай, говоритъ патронъ своему слугѣ, дай сначала претору, а потомъ трибуну.

«Когда въ концѣ года, продолжаетъ поэтъ (1), даже знатные люди сводятъ счеты, сколько барыша принесла имъ спортула, на сколько увеличила ихъ доходы, то что̀ же остается дѣлать бѣднымъ кліентамъ, у которыхъ отсюда и тога, и обувь, и хлѣбъ, и дрова.»

«Вотъ тянется густой рядъ носилокъ, и самъ мужъ обводитъ по всѣмъ патронамъ свою усталую или беременную жену. Иной требуетъ спортулу для жены, которой тутъ нѣтъ, и хитритъ уже всѣмъ извѣстною продѣлкой, указывая, вмѣсто нея, на закрытую и пустую лектику. «Здѣсь моя Галла», говоритъ онъ раздавателю спортулъ. «Отпусти поскорѣе. Къ чему же ты медлишь?»—Галла, высунь голову. «Не безпокой ея, она спитъ.»

Иногда, впрочемъ, патроны приглашали своихъ кліентовъ къ обѣду, но дѣлали это не изъ участія къ нимъ, а больше для потѣхи. Ювеналъ, въ своей пятой сатирѣ, превосходно описалъ одинъ изъ такихъ обѣдовъ. Поэтъ съ большимъ негодованіемъ говоритъ здѣсь о тѣхъ униженіяхъ и обидахъ, которыя кліенты терпѣли отъ своихъ патроновъ для того, чтобы поѣсть на чужой счетъ.

«Если патрону, пишетъ Ювеналъ (2), вздумается пригласить къ себѣ на обѣдъ, въ два мѣсяца разъ, своего забытаго кліента, чтобы за столомъ не оставалось пустаго мѣста, то говоритъ

---

(1) Ibid., ст. 117.

(2) Ст. 15 и слѣд. Здѣсь мы опять должны повторить, что, представляя выдержки изъ пятой сатиры Ювенала, мы не имѣли въ виду дословной передачи ея на русскій языкъ, такъ какъ это не согласно съ условіями публичной лекціи. Впрочемъ, мы старались какъ можно точнѣе передать не только мысль поэта, но и способъ его выражаться.

ему: приходи ко мнѣ. И это верхъ желаній для кліента! Для какого-нибудь Требія это достаточный поводъ отправиться къ своему патрону съ ранняго утра. И что̀ же это за обѣдъ? Вино такое, въ какомъ не моютъ даже шерсти. И отъ такого вина ты изъ порядочнаго, приличнаго гостя превращаешься въ пьянаго жреца. Дѣло начинается бранью, а затѣмъ, для потѣхи патрона, между кліентами и ватагой его отпущениковъ нерѣдко загарается битва на бутылкахъ. И вотъ, ты ужь бросаешь стаканами въ своихъ враговъ и, раненый, отираешь скатертью кровь съ своего лица.»

«Самъ патронъ пьетъ старое вино, стаканъ, который у него въ рукахъ, изъ янтаря и украшенъ бериллами, а тебѣ не довѣряютъ золотаго бокала, или если и довѣряютъ, то тутъ же приставятъ къ тебѣ слугу. Онъ сначала сосчитаетъ драгоцѣнные камни, которые вдѣланы въ этотъ бокалъ, а потомъ все время будетъ наблюдать за твоими острыми ногтями.

«И не только вино, даже воду вы пьете за такимъ обѣдомъ не ту, какую патронъ. Притомъ, подаетъ тебѣ ее какой-нибудь скороходъ изъ Гетуліи или костлявая рука чернаго Мавра, съ которымъ бы тебѣ не захотѣлось встрѣтиться въ полночь, когда ты ѣдешь по Латинской дорогѣ, обставленной надгробными памятниками. Въ то же время патрону прислуживаетъ цвѣтъ Азіи, рабъ, купленный за огромную цѣну. Она больше, чѣмъ сколько стоило все имущество Сервія Туллія и воинственнаго Анка Марція, словомъ, больше, чѣмъ весь скарбъ древнихъ римскихъ царей. Если тебѣ захочется пить, то ты обратись къ своему африканскому Ганимеду, а дорогой рабъ не захочетъ, да и не умѣетъ прислуживать бѣднякамъ.

«Смотри, съ какимъ ворчаньемъ слуга положилъ передъ тобой хлѣбъ. Его едва можно надломить: это какіе-то заплеснѣвѣлые куски затвердѣвшей муки, отъ которыхъ раскачаются какіе угодно зубы. Раскусить такой хлѣбъ нѣтъ никакой возможности. И тутъ же поставятъ пшеничный хлѣбъ, бѣлый, мягкій,—это для патрона. Смотри, не забудь попридержать свою руку и оказывай должное уваженіе къ этому произведенію пекарнаго искусства. Вообрази, однако, что у тебя достанетъ смѣлости для того, чтобы протянуть руку къ этому лакомству: тотчасъ же явится слуга, который заставитъ тебя положить его назадъ. Не угодно ли тебѣ, дерзкій кліентъ, скажетъ онъ, набивать свой желудокъ вотъ изъ этой корзины? Развѣ ты не знаешь, какого цвѣта твой хлѣбъ?»

«Посмотри, какъ широко растянулся на блюдѣ великолѣпный омаръ, обложенный со всѣхъ сторонъ спаржей, какъ онъ гордо смотритъ оттуда своимъ хвостомъ на кліентовъ, когда величественно приближается къ столу, несомый на поднятыхъ рукахъ огромнаго слуги. Это для патрона. А тебѣ въ то же время подаютъ на блюдечкѣ небольшаго рака и полъ-яйца—кушанье, въ родѣ того, какое ставятъ на могилахъ для покойниковъ.»

«Патронъ поливаетъ свою рыбу венафрскимъ масломъ (1), а тощій кочанъ капусты, который подаютъ тебѣ, сильно отзывается ночникомъ. Да, въ соусники кліентовъ наливается то самое масло, изъ-за котораго никто не хочетъ мыться въ банѣ съ Нумидійцемъ Бокхаромъ, и которое даже, какъ увѣряютъ, дѣлаетъ тѣло человѣка безопаснымъ отъ укушенія змѣй.»

Затѣмъ Ювеналъ перечисляетъ много и другихъ контрастовъ въ кушаньяхъ, подаваемыхъ за столомъ патрону и его кліентамъ, и заключаетъ свою сатиру слѣдующими благородными словами (ст. 156):

«Можетъ-быть, ты думаешь, что патронъ жалѣетъ денегъ на твое угощеніе. Нѣтъ, это онъ дѣлаетъ, чтобъ опечалить тебя. Какой же фарсъ, какой комедіантъ забавнѣе обжоры-паразита, когда онъ плачетъ о томъ, что его не накормили? Все это дѣлается для того, чтобы ты излилъ свою желчь въ слезахъ и наконецъ заскрежеталъ долго стиснутыми зубами. Тебѣ кажется, что ты человѣкъ свободный и гость твоего патрона, а онъ думаетъ, и совершенно справедливо, что ты весь находишься подъ обаяніемъ ароматовъ его кухни...»

«Человѣкъ, который съ тобой такъ обращается, поступаетъ умно. Если ты можешь, то и долженъ все выносить. Современемъ ты самъ станешь подставлять свое лицо для побоевъ, попривыкнешь къ нещаднымъ ударамъ и сдѣлаешься вполнѣ достойнымъ и такого обѣда, и такого патрона.»

Приведенныя подробности изъ римскаго быта невольно поражаютъ насъ своимъ оскорбительнымъ характеромъ. Мы видимъ, что въ Римѣ, въ эпоху Ювенала, не было и тѣни того, даже внѣшняго, наружнаго благородства, которое составляетъ первый признакъ и необходимое условіе европейскаго общества. Тѣмъ безуспѣшнѣе мы будемъ искать въ современникахъ

---

(1) Венафръ—городъ Кампаніи.

Ювенала, разумѣется, въ массѣ, а не въ отдѣльныхъ, исключительныхъ личностяхъ, чувства чести и человѣческаго достоинства.

Услужливость римскаго кліента—а кліентами были чуть не всѣ Римляне—обратилась въ какое-то раболѣпное прислужничество. Это не та услужливость, составляющая характеръ и Европейца,—услужливость, или учтивость свободная, ровная, которая тотчасъ принимаетъ гордый видъ, если ее разумѣютъ не такъ, какъ слѣдуетъ, и исчезаетъ въ ту минуту, когда перестаетъ быть взаимною, обоюдною.

Въ Римѣ, напротивъ, мы видимъ какой-то поворотъ къ Азіи или, по крайней мѣрѣ, къ Византіи. Рабство, со всѣми своими гнусными видоизмѣненіями и оттѣнками, окончательно заклеймило собою, въ эпоху Ювенала, римское общество и проникло во всѣ его слои. Какимъ другимъ именемъ назвать это униженіе, этотъ позоръ не только бѣдняка, но и человѣка богатаго, знатнаго, который съ шумомъ и бранью собираетъ каждое утро свою обычную дань, нѣчто въ родѣ милостыни, и унижается передъ своими безчисленными патронами и ихъ слугами для того, чтобы получить спортулу?

«Царями»—это самое употребительное названіе патроновъ на языкѣ римскихъ кліентовъ—царями этой голодной и жадной толпы являются, въ разсматриваемый вѣкъ, нѣсколько спѣсивыхъ богачей, большею частію отпущениковъ, разбогатѣвшихъ всѣми неправдами: это были самые типическіе представители императорскаго Рима.

Къ сожалѣнію, я не могу представить здѣсь съ такою же подробностію всѣхъ другихъ сторонъ римскаго быта, такъ живо и нещадно-ярко выставленныхъ въ сатирахъ Ювенала.

Вотъ, напримѣръ, эгоистъ-богачъ, который тратитъ огромныя деньги на свои нечеловѣческія прихоти, и въ то же время отличается полнымъ, самымъ циническимъ равнодушіемъ ко всему, въ чемъ только проявляется умственная жизнь, начиная съ литературы до воспитанія своего сына. Вотъ любопытный типъ искателя наслѣдствъ, а вотъ и ханжа-философъ. Онъ стоикъ и, разумѣется, безпощадный моралистъ; по выраженію Ювенала, онъ «надѣлъ на себя личину Курія и проводитъ жизнь въ вакханаліяхъ.» Вотъ римская женщина, унизившаяся своимъ развратомъ до гетеры; римская знать, благородная тѣломъ, а не духомъ, знать, для которой услужливые Греки выдумали небывалую генеалогію. Все это большею ча-

стію потомки баснословныхъ Троянцевъ. Это, однако, не мѣшаетъ имъ грабить провинціи, поддѣлывать завѣщанія, пьянствовать въ тавернахъ «съ палачами, разбойниками, гробовщиками и съ бѣглыми рабами», или выходить на арену амфитеатра и тамъ всенародно биться съ дикими звѣрями,—«добровольно», прибавляетъ поэтъ, «когда ихъ не принуждаетъ къ тому никакой Неронъ» (1). Вотъ, наконецъ, цѣлый Римъ, совершенно утратившій свою національность и подчинившійся безусловному вліянію Грековъ, а вотъ и самые Греки...

Здѣсь я долженъ остановиться не надолго, и указать на ожесточенную ненависть Ювенала къ этимъ просвѣтителямъ его родины.

Въ этомъ отношеніи онъ служитъ крайнимъ, послѣднимъ представителемъ извѣстной партіи, считавшей родоначальникомъ своимъ Катона-Старшаго. Отъ Катона до эпохи Домиціана, слѣдовательно въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, мы постоянно замѣчаемъ въ римской литературѣ борьбу двухъ началъ,—національнаго съ пришлымъ, иноземнымъ. Эта борьба постоянно раздѣляла римскихъ писателей на два враждебные лагеря. Одни изъ нихъ, составлявшіе огромное большинство, не переставали указывать на греческую цивилизацію, какъ на источникъ и необходимую подпору всей умственной жизни Римлянъ, а другіе преслѣдовали это иноземное вліяніе горькимъ упрекомъ, какъ главную причину порчи римскихъ нравовъ.

На чьей сторонѣ была правда? Теперь, относительно Рима, мы можемъ обсудить этотъ интересный для насъ вопросъ безпристрастно и хладнокровно.

Нѣтъ сомнѣнія, что сильное и рѣшительное вліяніе Греціи на Римъ, которое началось съ шестаго вѣка его существованія, имѣло и свои невыгодныя послѣдствія. Къ этому мнѣнію начинаютъ теперь склоняться лучшіе изслѣдователи римской старины (2).

Иноземная реформа коснулась только высшихъ классовъ римскаго общества и совершенно подчинила ихъ греческому

---

(1) См. VIII сат. passim.

(2) Напримѣръ, Моммзенъ. Въ своей *Röm. Gesch.* т. I, стр. 860 и слѣд., онъ превосходно говоритъ о вредномъ вліяніи, которое оказала на нравы Римлянъ новая греческая комедія, перенесенная на ихъ сцену.

вліянію, греческой модѣ (1). Необходимымъ ея слѣдствіемъ было, между прочимъ, и то, что Греки, которые въ это время были нисколько не похожи на своихъ предковъ, наводнили собою столицу Италіи и совершенно завладѣли воспитаніемъ римскаго юношества. Они поселили въ немъ если не презрѣніе, то, по крайней мѣрѣ, холодность ко всему національному, этотъ первый признакъ народа, еще не достигшаго полной умственной зрѣлости, или уже кончающаго свою историческую жизнь.

Римляне, вслѣдствіе различныхъ политическихъ условій, которыхъ мы уже отчасти коснулись выше, не могли особенно сильно чувствовать это чужеземное иго въ дѣлѣ мысли и народнаго образованія. Кромѣ того, по самому складу своего ума, они отличались необыкновенною способностію усваивать себѣ все чужое, такъ что не только Греція, но даже Азія и другія страны оказали на Римъ свое вліяніе, а потому самая религія этого государства обратилась подъ конецъ римской исторіи въ какую-то гостепріимную смѣсь всѣхъ возможныхъ вѣрованій.

«Не могу я, Квириты, говоритъ онъ (2), не могу я долѣе выносить Рима, послѣ того какъ онъ совершенно превратился въ греческій городъ.» И вслѣдъ за тѣмъ поэтъ представляетъ характеристику Грековъ, уже за долго до него завладѣвшихъ вѣчнымъ городомъ: «Одинъ, оставивъ высокій Сикіонъ, другой—Амидонъ, третій—Самосъ, тотъ—Андросъ, а тотъ—Траллы или Алабанду, — всѣ эти люди стремятся въ Римъ, на холмъ Эсквилинскій или на тотъ, что̀ получилъ свое имя отъ поросшаго на немъ кустарника (Виминальскій). Все это нутро (viscera) знатныхъ домовъ и наши будущіе властелины. Умъ ихъ быстръ, дерзость отчаянная и рѣчь текучѣе, чѣмъ у оратора Изея. Скажи мнѣ, за кого ты считаешь такого человѣка? Онъ все, онъ принесъ къ намъ съ собой, кого угодно. Онъ грамматикъ, риторъ, математикъ, живописецъ, парикмахеръ, авгуръ, канат-

(1) Замѣчательно, напримѣръ, какъ Діонисій Галикарнасскій, во введеніи къ своей *Римской Археологіи*, вездѣ силится доказать, что Римляне тѣ же Греки, что всѣ римскія учрежденія греческаго происхожденія, и что самый латинскій языкъ въ сущности языкъ греческій. Услужливый Грекъ зналъ, что, въ періодъ Августа, можно было сильно угодить Римлянамъ подобными учеными выводами.

(2) Въ знаменитой своей III сатирѣ ст. 60. Эти слова говоритъ собственно не Ювеналъ, а другъ его, Умбрицій; но очевидно, что онъ выражаетъ задушевную мысль поэта.

ный плясунъ, врачъ, магъ — онъ все знаетъ. Голодный Грекъ, если это тебѣ угодно, полѣзетъ на самое небо.»

Это одинъ изъ тѣхъ патріотическихъ голосовъ, какіе, еще въ прошломъ вѣкѣ, раздавались и въ нашей литературѣ противъ французскихъ и всякихъ другихъ выходцевъ. Почти всѣ наши лучшіе, передовые писатели были въ этомъ случаѣ Ювеналами, хотя они постоянно отдавали полную и должную справедливость просвѣщеннымъ и добросовѣстнымъ иностранцамъ, которые такъ много содѣйствовали сближенію Россіи съ Европой.

Но римскій сатирикъ имѣлъ нѣкоторое право негодовать на непрошенныхъ образователей своей родины, тѣмъ болѣе, что въ разсматриваемое время она легко могла обойдтись и безъ нихъ. Притомъ, какъ мы уже замѣтили, Греки, «стремившіеся на холмъ Эсквилинскій», были,— какъ это часто водится, разумѣется, съ исключеніями, — люди никуда негодные въ своемъ отечествѣ, спекулянты и шарлатаны. Многіе изъ нихъ взялись за воспитаніе римскаго юношества только потому, что видѣли въ этомъ свою выгоду. Они вполнѣ достигли своей цѣли: Римлянамъ не суждено было возвратиться къ національности и положить ее въ основу своего развитія. Римское государство представляетъ явленіе поучительное тѣмъ, что, несмотря на свое всемірное владычество, всегда и почти во всемъ носило на себѣ печать подражательности.

Мы должны, однако, замѣтить, что, справедливо вооружаясь противъ преобладанія выродившагося греческаго элемента въ римской жизни, Ювеналъ въ то же время очень ложно понималъ національность. Онъ видѣлъ ее въ отжившей и при томъ въ отдаленной, полумиѳической старинѣ, и постоянно является намъ глашатаемъ и передовымъ бойцомъ той не очень разумной партіи, которая, какъ видно, имѣла въ Римѣ не мало послѣдователей, и которую, для ясности, можно назвать *сабинофильскою*. Ювеналъ самый рѣзкій типъ римскаго сабинофила. Дѣйствительно, хотя онъ вполнѣ сочувствуетъ блестящей порѣ Рима, но постоянно требуетъ возврата къ какой-то древней сабинской простотѣ, къ баснословному золотому вѣку римской патріархальности, и не хочетъ знать, что это патріархальное время было вѣкомъ грубости и дикости нравовъ, вѣкомъ полнаго отсутствія всякой цивилизаціи.

Но, повторяемъ, Ювеналъ имѣлъ полное право негодовать на чужеземное иго, поработившее мысль и чувство его родины,

ибо въ его время непосредственное вліяніе Грековъ на Римлянъ способствовало только окончательной порчѣ римскихъ нравовъ. Мы вполнѣ понимаемъ задушевную мысль римскаго поэта, когда онъ говоритъ намъ, что не можетъ быть образователемъ народа тотъ, кто не живетъ съ нимъ одною жизнію, не сочувствуетъ его стремленіямъ, не знаетъ его нуждъ и стоновъ. Кромѣ своего космополитическаго значенія, наука, и въ особенности ея пропаганда черезъ литературу и школу, необходимо имѣютъ значеніе мѣстное, народное. Для того чтобы наука, принадлежащая всему міру, вполнѣ обнаружила свое цивилизующее начало на какомъ бы то ни было отдѣльномъ народѣ, ей должно пройдти черезъ любящую душу человѣка, принадлежащаго къ той же націи, на которую онъ хочетъ дѣйствовать.

Діонисій Галикарнасскій, Діонъ Кассій, Плутархъ и другіе Греки, которые, въ періодъ цезарей, искусственно примкнули къ Римлянамъ и едвали достаточно изучили ихъ языкъ, своими греческими писаніями ничего не могли дать въ наукѣ этому народу, кромѣ простаго факта и дешевой морали. Какъ образователи римскаго народа, они были ничтожны, и во всякомъ случаѣ должны уступить первенство туземнымъ авторамъ.

Титъ Ливій, Тацитъ, Горацій, Ювеналъ—вотъ писатели, изученіе которыхъ и теперь способно возвысить душу человѣка, вотъ люди, которые могли благотворно дѣйствовать и на своихъ соотечественниковъ, если литература вообще могла еще имѣть для нихъ какое-нибудь нравственное значеніе.

Но римскій міръ уже видимо находился въ агоніи. Литература и наука, разумѣется, должны были утратить для него весь свой великій смыслъ въ ту пору. Міръ не могъ существовать на своихъ прежнихъ основахъ: онъ долженъ былъ или погибнуть, или обновиться новою идеей, новою жизнію.

Ужасная картина римскаго общества, изображенная Ювеналомъ, была бы не полна и невыносимо печальна, еслибы, къ досчастію и спасенію человѣчества, рядомъ съ Неронами и Домиціанами, рядомъ съ ихъ клевретами и подданными, отупѣвшими отъ эгоизма, разврата и рабства, мы не встрѣтили въ бѣдныхъ, гонимыхъ, страждущихъ классахъ римскаго народа зародыша иной жизни, не встрѣтили другихъ людей, представителей святой идеи, которой суждено было разсѣять ложь и мракъ дряхлаго, отжившаго свое время язычества.

«Вотъ, по шумнымъ римскимъ улицамъ боязливо пробирается въ толпѣ бѣдная женщина. Она спѣшитъ въ эргастулу, въ острогъ римскаго сибарита. Тамъ прикованъ желѣзною цѣпью къ стѣнѣ истерзанный рабъ. Онъ чужой для этой женщины, но онъ человѣкъ — и женщина спѣшитъ, она жаждетъ уврачевать, исцѣлить его раны, омыть ихъ своими слезами...»

Вы понимаете, вы глубоко чувствуете, что это совершенно новое явленіе среди императорскаго Рима, среди того общества, которое изображаетъ Ювеналъ. Кто же эта женщина? Это не Лида, не Фрина, не роскошная римская матрона, нѣтъ — это существо, блещущее всѣмъ обаяніемъ внутренней красоты, лучшее Божіе созданіе на нашей землѣ, это христіянка!

Христіянство въ вѣкъ Ювенала было уже фактъ очевидный, общенародный, хотя и не понятый еще римскимъ правительствомъ. Скромные, бѣдные христіянскіе храмы были уже разсѣяны въ эту пору на всемъ пространствѣ имперіи, отъ Испаніи до крайнихъ предѣловъ Египта.

Римскіе цезари, хотя еще смутно, но уже почуяли въ этомъ новомъ явленіи опаснаго себѣ врага. Недаромъ Неронъ жегъ въ своихъ садахъ послѣдователей Христова ученія. Уже сдѣлалось очевидно, что оно не могло ужиться и готово было вступить въ открытый бой со всею ложью и позоромъ тогдашняго времени.

Ювеналъ мимоходомъ и довольно равнодушно упоминаетъ въ одномъ только мѣстѣ о страшныхъ казняхъ первыхъ христіянъ, которые, по его выраженію, «горѣли стоя и дымили привязаннымъ къ столбу горломъ», или, зарытые до половины въ землю, отъ нестерпимой боли «разводили руками глубокія борозды на аренѣ амфитеатра» (1). Даже Тацитъ не понялъ этихъ людей и считалъ ихъ какими-то опасными и вредными фанатиками (2). Современникъ Ювенала и Тацита, Плиній-Младшій, который, по волѣ Траяна, произвелъ слѣдствіе надъ христіянами, писалъ о нихъ, въ донесеніи къ своему императору, между прочимъ, слѣдующія слова (3): «Они имѣютъ обычай въ извѣстные дни сходиться до разсвѣта, славить Христа, какъ Бога, и другъ друга обязывать клятвой не на преступленіе какое-нибудь, а

(1) 1 сат. ст. 155.
(2) Tacit. *Ann.* XV, 44.
(3) Plin. *Epist.* X, XCVII.

на то, чтобы не красть, не грабить, не прелюбодѣйствовать, не нарушать данпаго слова, не задерживать обманомъ того, что ввѣрено въ видѣ залога. Потомъ они расходятся и снова сходятся для молитвы и общей трапезы. Впрочемъ, я (продолжаетъ Плиній чрезъ нѣсколько строкъ) не нашелъ ничего въ ихъ ученіи, кромѣ гнуснаго суевѣрія, превышающаго всякую мѣру.» «Зараза этого суевѣрія (говоритъ другъ Траяна въ заключительныхъ словахъ своего письма) распространилась не только по городамъ, но по деревнямъ и селамъ. Это, кажется, можно исправить и остановить.»

Но ни Траянъ, ни Плиній не остановили этой, какъ они выражались, заразы. Ни угрозы, ни казни, ничто не могло поколебать первыхъ христіянъ. Когда Плиній заставлялъ ихъ преклоняться передъ изображеніемъ цезаря или передъ истуканомъ языческаго бога, они упорно отказывались отъ этого и твердо, радостно шли на казнь.

Много вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, а светочи Нероновыхъ садовъ еще и до сихъ поръ освѣщаютъ міръ. И чѣмъ болѣе взоры міра будутъ обращены къ этимъ свѣточамъ, тѣмъ свободнѣе будутъ дѣйствовать наши, болѣе счастливые, Ювеналы; борьба ихъ противъ вѣковой косности и застоя будетъ все болѣе и болѣе успѣшна, миролюбива и плодотворна, и наконецъ все меньше и меньше будутъ они находить пищи для своей сатиры.

Н. Благовѣщенскій.

ПИСЬМА

О КРЕСТЬЯНАХЪ И ЗЕМЛЕДѢЛІИ

ВО ФРАНЦІИ[1]

IV. НОРМАНДІЯ.

Департаменты Ла-Манша, Кальвадоса, Орны, Эры, Нижней Сены.

Нѣтъ провинціи во Франціи, которая пользовалась бы такою дурною славой, какъ Нормандія. Въ самомъ дѣлѣ, изъ всѣхъ бурговъ ея несется рѣзкій запахъ висѣлицы, и нѣтъ репутаціи болѣе укоренившейся, какъ репутація Нормандцевъ, прослывшихъ висѣльниками. Вы не можете себѣ представить, какое множество народныхъ поговорокъ, пословицъ, забавныхъ преданій лежитъ въ основаніи этой дурной славы, отъ которой они долго еще не въ состояніи будутъ избавиться. Молва гласитъ, что они родятся не только съ длинными искривленными пальцами,—ясный намекъ на ихъ наклонность къ присвоенію чужой собственности,—но и появляются на свѣтъ съ конопляным сѣмечкомъ въ одной рукѣ и съ жолудемъ въ другой. Изъ коноплянаго сѣмечка, какъ извѣстно, выйдетъ пенька, а изъ пеньки веревка, изъ жолудя выйдетъ дубъ, а изъ дуба висѣлица. Конопля носитъ названіе «нормандскаго салата». «Про-

(1) См. *Русскій Вѣстникъ*, №№ 3, 5, 12 и 17-й.

Г. АБУ О РИМСКОМЪ ВОПРОСѢ

La Question romaine, par M. Edmond About. Bruxelles. 1859.

Папская власть переживаетъ въ настоящее время весьма трудную для себя эпоху, которой можно отыскать нѣкоторую аналогію въ прошедшей ея исторіи. Въ XIV и XV вѣкѣ, католическая Европа, сознавая страшныя злоупотребленія, которыя господствовали въ церкви, и если не были, конечно, произведены одними папами, то по крайней мѣрѣ находили въ нихъ себѣ твердую опору, старалась ограничить власть римскихъ первосвященниковъ. На многихъ соборахъ былъ поднимаемъ этотъ вопросъ въ томъ или другомъ видѣ; лица, извѣстныя глубокими познаніями и возвышеннымъ характеромъ, посвящали труды свои осуществленію реформы въ этомъ смыслѣ. Значительная часть западной Европы отдѣлилась тогда отъ католицизма, но римскій первосвященникъ остался по прежнему безусловнымъ распорядителемъ духовныхъ судебъ тѣхъ странъ, которыя сохранили вѣрность ему. Но въ XIV и XV вѣкѣ вопросъ шелъ о духовной власти папы, и не могъ касаться свѣтской или такъ-называемой временной власти его, такъ какъ реформація не нашла себѣ сочувствія въ Италіи: теперь онъ идетъ пока о свѣтской власти папы, но нельзя не видѣть, что ха-

рактеръ духовной власти папы долженъ подвергнуться важному измѣненію, если будетъ удовлетворительнымъ образомъ разрѣшенъ вопросъ о секуляризаціи Папскихъ Владѣній. Конечно, значеніе этого вопроса теперь далеко не то, какимъ оно было тогда: въ исходѣ среднихъ вѣковъ онъ интересовалъ всю Европу, тогда какъ въ XIX вѣкѣ онъ интересуетъ преимущественно только Италію, хотя очевидно, что окончательное разрѣшеніе его не можетъ быть достигнуто безъ значительнаго поворота во взглядахъ всей католической Европы на значеніе папы. Несомнѣнно одно, что до тѣхъ поръ, пока свѣтская власть папы не будетъ разрушена, Италія не получитъ прочнаго политическаго устройства.

Со временъ Макіавелли и до самыхъ послѣднихъ дней всѣ лучшіе писатели и государственные люди Италіи одинаково приписывали папской власти то раздробленіе, то политическое безсиліе, тѣ внутренніе безпорядки которыми страдала эта страна. И естественно. Можетъ ли папа сочувствовать стремленіямъ италіянской націи къ успѣху, въ политическомъ устройствѣ, когда католицизмъ, утверждающій непреложность человѣческихъ уставовъ церкви наравнѣ съ божественными ея началами, переноситъ и на свѣтскія дѣла Папскихъ Владѣній принципъ неприкосновенности существующаго порядка, и старается подавить свободу вездѣ, гдѣ ни господствуетъ онъ? Можетъ ли папа искренно желать автономіи Италіи и политическаго ея могущества, когда, по самому свойству папской власти, всѣ эти временные интересы должны разсматриваться ею лишь какъ служебное средство для достиженія іерархическихъ цѣлей? Можетъ ли папа хотя сколько-нибудь внимать интересамъ страны, когда интересы эти противорѣчатъ его собственнымъ видамъ, какъ главы католическаго міра? Судьба поставила папу во главѣ Италіи, но черезъ это не сдѣлала его италіянскимъ государемъ. Взоры его обращены ко всему міру, ибо тамъ, а не на скромномъ поприщѣ Римской области развивается его настоящая дѣятельность, и подданные его, со всѣми законными своими потребностями, со всѣми благородными своими стремленіями, должны уничтожаться предъ этимъ всемірнымъ значеніемъ своего государя. Они должны служить не болѣе какъ пьедесталомъ для этой громадной власти, въ которой невозможно не видѣть наслѣдія древней Римской имперіи, съ ея всемірнымъ владычествомъ. И если мы замѣчаемъ, что свѣтскіе властители обыкновенно теряютъ способность заботиться объ интересахъ своей страны, коль

скоро начинаютъ поддаваться даже самому отдаленному искушенію идеи владычества надъ другими народами, то во сколько разъ сильнѣе римскія преданія о всемірномъ господствѣ должны дѣйствовать въ совѣтахъ папскаго престола, когда эти римскія преданія находятъ себѣ могущественную опору во внѣшнемъ пониманіи вселенскаго характера христіянской церкви, и слѣдовательно во сколько разъ менѣе способнымъ долженъ становиться папа къ тому, чтобы внимать голосу жителей своей маленькой области, этой весьма незначительной доли католическаго міра? Благосостояніе ихъ или нищета, успѣхи на пути нравственнаго и умственнаго развитія или совершенное невѣжество, мало занимаютъ правительство римскаго первосвященника, лишь бы только его подданные давали ему средства поддерживать съ должнымъ величіемъ санъ свой за вратами Рима. Если же страна, выведенная, наконецъ, изъ терпѣнія, поднимается для того, чтобы найдти законное удовлетвореніе своимъ потребностямъ, чтобъ искоренить злоупотребленія, находящія себѣ опору въ папѣ и окружающемъ его духовенствѣ, то вся католическая Европа готова спѣшить на помощь римскому престолу. По убѣжденіямъ ея, неограниченная свѣтская власть папы въ Римской области необходима для того, чтобы сохранить за нимъ то независимое положеніе, безъ котораго не можетъ существовать глава католическаго міра.

Очевидно, поэтому, что вопросъ о такъ-называемомъ отдѣленіи свѣтской власти папы отъ его власти духовной не можетъ быть разрѣшенъ на почвѣ Италіи, но весьма близко интересуетъ значительную часть Европы. Въ этомъ заключается главнѣйшая его трудность. Когда императоръ Французовъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, взялъ въ свои руки дѣло италіянской независимости и свободы, наивно было ожидать, чтобъ онъ могъ привести это дѣло къ окончательному разрѣшенію. Вопросы, подобные этимъ, разрѣшаются не пушками и не на поляхъ сраженій, а всѣмъ ходомъ исторіи, переворотомъ въ мнѣніяхъ и вѣрованіяхъ цѣлыхъ поколѣній. Съ другой стороны несомнѣнно, однако, что Наполеонъ III могъ бы значительно подвинуть вопросъ этотъ впередъ, еслибы исполнилъ въ точности программу, которая съ такою пышностію провозглашена была имъ въ началѣ войны. Свѣтская власть папы опирается вовсе не на добровольную преданность къ нему его подданныхъ, а на то содѣйствіе, какъ мы замѣтили сейчасъ, которое постоянно готова оказывать ей католиче-

ская Европа. Австрія идетъ во главѣ ея, и войска этого государства, въ теченіи почти всего нынѣшняго столѣтія, энергически охраняли римскій престолъ, точно такъ же, какъ и престолы прочихъ италіянскихъ государей, отъ уступокъ справедливымъ желаніямъ ихъ подданныхъ. Императоръ Наполеонъ возвѣстилъ всей Европѣ, что онъ намѣренъ разрушить австрійское преобладаніе на полуостровѣ и предоставить страну эту самой себѣ. Нельзя было сомнѣваться, что италіянскія правительства, лишенныя опоры вѣрныхъ своихъ союзниковъ, должны были бы въ подобномъ случаѣ значительно измѣнить свою политику; не имѣя болѣе въ своемъ распоряженіи чужеземныхъ штыковъ, они принуждены были бы ввести лучшее управленіе въ своихъ владѣніяхъ. Страны, окружающія Римъ, Тоскана, Модена, Парма, Неаполь,—въ которыхъ народонаселеніе уже давно тяготится системою своего управленія и требуетъ либеральныхъ учрежденій, достигли бы, вѣроятно, осуществленія своихъ желаній. Въ нихъ водворилось бы конституціонное правительство, и еслибы правительство это дѣйствовало съ такимъ же благоразуміемъ и уваженіемъ ко всѣмъ правамъ, какъ дѣйствовало правительство въ Піемонтѣ, еслибъ оно такъ же сильно содѣйствовало нравственному и матеріяльному развитію народонаселеній, то это было бы, конечно, не маловажнымъ ударомъ для свѣтской власти папы. Все безобразіе свѣтскаго господства черныхъ рясъ и всѣхъ этихъ красныхъ и лиловыхъ чулковъ обнаружилось бы еще поразительнѣе, и это было бы, можетъ-быть, самымъ лучшимъ средствомъ убѣдить католическую Европу, до чего свѣтское владычество папы не согласно съ духомъ нашего времени и потребностями народа, подвластнаго папѣ, какъ свѣтскому государю.

Неудачное разрѣшеніе, или лучше сказать, совершенное отстраненіе вопроса, не можетъ, впрочемъ, побуждать къ молчанію о немъ. Напротивъ, теперь болѣе нежели когда-нибудь любопытно бросить взглядъ на состояніе Римской области, которому суждено, быть-можетъ, по силѣ обстоятельствъ, еще долго оставаться неизмѣннымъ. Таинственность, окружавшая до сихъ поръ римское правительство, наиболѣе способствовала ему въ томъ, что общественное мнѣніе во многихъ странахъ Европы все еще не выразилось противъ него съ тою рѣшительностію, съ какою оно должно было бы выразиться; по крайней мѣрѣ это вполнѣ справедливо по отношенію къ Фран-

ціи. Вообще надо замѣтить, что нѣтъ страны въ западной Европѣ, въ которой было бы распространено такъ мало свѣдѣній о положеніи Италіянскаго полуострова, какъ во Франціи. Въ то время, какъ въ Германіи и Англіи появляются безпрестанно обстоятельныя сочиненія, посвященныя этому предмету, въ то время какъ журналы почти ежедневно наполняются корреспонденціями изъ разныхъ италіянскихъ городовъ, съ подробностію рисующими положеніе страны, французская публика ограничивается скудными и отрывочными свѣдѣніями о томъ, что происходитъ за Альпами. Извѣстная нота графа Реневаля (14 мая 1856 года), въ которой онъ рисовалъ розовыми красками положеніе Римской области, и которая надѣлала такъ много шуму во всей Европѣ, осталась почти безъ отвѣта въ его собственномъ отечествѣ. Только-что окончившаяся война породила, правда, множество брошюръ, относящихся къ этому предмету; болѣе двадцати изъ нихъ лежатъ, въ эту минуту, передъ нашими глазами, но мы были бы въ крайнемъ затрудненіи, еслибы намъ захотѣлось заимствовать изъ нихъ какія-либо, хотя сколько-нибудь основательныя, свѣдѣнія о положеніи и потребностяхъ италіянскихъ государствъ. Посреди этой всеобщей бѣдности политической литературы объ италіянскомъ вопросѣ, книга г. Эдмонда Абу, заглавіе которой мы выписали въ началѣ нашей статьи, не могла пройдти незамѣченною. Авторъ ея пользуется большою извѣстностію въ своемъ отечествѣ. Мы не станемъ разсуждать о томъ, въ какой степени извѣстность эта имъ заслужена, но во всякомъ случаѣ, еслибы онъ даже пользовался ею рѣшительно безъ всякаго права, винить въ этомъ слѣдуетъ не его, а французскую публику, которой приходятся теперь какъ нельзя болѣе по вкусу романы и повѣсти г. Абу. Книга, о которой говоримъ мы теперь, отличается всѣми недостатками, замѣчаемыми и въ другихъ произведеніяхъ того же самаго писателя: всюду видно желаніе блистать эффектами, скорѣе забавлять, чѣмъ поучать общество; каждая страница наполнена остротами и каламбурами дурнаго тона, особенно непріятными въ сочиненіи, которое занимается серіознымъ вопросомъ. Несмотря на эти недостатки, въ книгѣ г. Эдмонда Абу собрано много интересныхъ свѣдѣній. Мы постараемся извлечь изъ нихъ самое существенное, и дополнимъ ихъ подробностями изъ другаго, недавно вышедшаго сочиненія, болѣе серіознаго по содержанію, чѣмъ памфлетъ

французскаго писателя (1). Нужно ли упоминать объ одномъ обстоятельствѣ, которое можетъ возбудить особенный интересъ къ разбираемой нами книгѣ? Несмотря на то, что она подверглась судебному преслѣдованію во Франціи, вслѣдствіе громкихъ жалобъ католическаго духовенства, говорятъ, что французское правительство не осталось безъ нѣкотораго участія въ ея составленіи. Г. Эдмондъ Абу одинъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, которые привыкли грѣться на солнцѣ придворныхъ милостей; съ самаго начала онъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ парижскимъ оффиціяльнымъ міромъ; романы его печатались большею частію въ *Монитерѣ*, гдѣ появились также и первыя главы занимающаго насъ теперь его сочиненія о римскомъ вопросѣ. На основаніи этихъ данныхъ, очень многіе въ началѣ войны, и въ томъ числѣ газета *Times*, были убѣждены, что онъ рѣшился посвятить перо свое событіямъ, совершающимся на полуостровѣ, по совѣту самого французскаго правительства, которое хотѣло расположить въ извѣстномъ смыслѣ общественное мнѣніе страны. Предоставляемъ судить читателямъ, на сколько справедливо это подозрѣніе: послѣднія событія, кажется, совершенно его опровергаютъ, но кто можетъ поручиться, что въ странѣ, гдѣ политика такъ много зависитъ отъ произвола одного лица, она не можетъ идти въ послѣдствіи совершенно другимъ путемъ, чѣмъ намѣревалась идти вначалѣ?...

Книга г. Эдмонда Абу есть не что иное, какъ поразительная картина злоупотребленій, безпорядковъ и притѣсненій, укоренившихся въ Папской области, подъ сѣнію намѣстника Св. Петра и многочисленнаго, лѣниваго и по большей части невѣжественнаго духовенства. Состояніе страны этой, дѣйствительно, крайне бѣдственно, и замѣчательнѣе всего, что само римское правительство нисколько не думаетъ этого скрывать. Дѣло только въ томъ, что, въ то время какъ страна главнымъ образомъ обвиняетъ его въ своемъ матеріяльномъ и нравственномъ паденіи, римское правительство слагаетъ на страну отвѣтственность за всѣ терзающія ее бѣдствія. Графъ Реневаль, прожившій долгое время въ Римѣ, не задумывается стать открыто на сторону этого послѣдняго мнѣнія: «Это—нація, въ которой господствуетъ поразительное разобщеніе—такъ

---

(1) *Geschichte Italiens von der Gründung der regierenden Dynastieen bis zur Gegenwart*, von Reuchlin, вошедшая въ составъ *Staatengeschichte der neuesten Zeit*, Бидерманна.

рисуетъ онъ римскій народъ, — воодушевляемая пламеннымъ честолюбіемъ, не имѣющая ни одного изъ тѣхъ качествъ, которыя составляютъ могущество и величіе другихъ народовъ, лишенная энергіи, воинственнаго духа, потребностей ассоціаціи, всякаго уваженія къ закону и къ общественнымъ отличіямъ.» Мы надѣемся, что читатели наши станутъ на сторону противоположнаго мнѣнія.

Г. Эдмондъ Абу представилъ въ книгѣ своей изображеніе— довольно впрочемъ поверхностное — различныхъ слоевъ римскаго общества. Нельзя не сознаться, что заключенія, къ которымъ пришелъ онъ, тоже не весьма отрадны. Низшіе классы въ самомъ Римѣ отличаются крайнею бѣдностью и тѣми пороками, которые съ нею неразлучны. Съ самаго 1815 года правительство не сдѣлало ничего, или почти ничего, для того, чтобы распространить хотя какое-нибудь образованіе между жалкими своими подданными: въ Римѣ процвѣтаютъ нѣкоторыя семинаріи, въ которыхъ учится молодежь, посвящающая себя духовному званію; что̀ же касается до свѣтскихъ учебныхъ заведеній, то ихъ весьма немного, и находятся они въ крайне-несчастномъ положеніи. Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы правительство нисколько не заботилось объ умственномъ и нравственномъ состояніи народа. Заботы эти выражаются въ томъ, что оно издаетъ для него отъ времени до времени книги духовнаго содержанія, но многія изъ нихъ походятъ на тотъ катехизисъ, видѣнный г. Гладстономъ въ Неаполѣ, отъ безнравственности котораго содрогнулся знаменитый англійскій государственный человѣкъ. Цѣль ихъ — охранять дѣтское невѣдѣніе простаго человѣка, распространять младенческую невинность въ массахъ и поддерживать убѣжденіе, что для ихъ собственной душевной пользы необходима опека со стороны духовенства. Монахи многочисленныхъ духовныхъ орденовъ, находящихся въ Римѣ, особенно заботятся о томъ, чтобы поддержать въ низшихъ классахъ римскаго народонаселенія это безгрѣшное невѣдѣніе самыхъ необходимыхъ и общедоступныхъ вещей. «Капуцинъ, говоритъ г. Абу, находитъ себѣ входъ въ каждое жилище: онъ даетъ женѣ лоттерейные билеты, пьетъ съ мужемъ вино, присматриваетъ за дѣтьми, а иногда даже и производитъ ихъ. Римскіе плебеи увѣрены, что никогда не умрутъ съ голоду; имъ позволяется сколько угодно нищенствовать и воровать; въ замѣнъ этого отъ нихъ требуется только, чтобъ они были преданы католи-

ческой религіи, падали ницъ передъ духовенствомъ, унижались передъ знатными и не дѣлали революцій.» Если отъ низшаго сословія обратимся къ среднему, то очутимся лицомъ къ лицу съ одинаково-нерадостнымъ зрѣлищемъ. Собственно говоря, средняго класса въ Римѣ не существуетъ, да и какъ бы могъ онъ тамъ образоваться? Въ другихъ государствахъ Европы къ рядамъ его принадлежитъ все, что̀ живетъ трудомъ и знаніемъ, все, что̀ успѣло съ помощію этихъ двухъ могущественныхъ орудій составить себѣ богатство и независимое положеніе въ обществѣ. Но въ Римѣ эти орудія не существуютъ или по крайней мѣрѣ не имѣютъ тамъ никакой дѣйствительной силы. Трудъ? Но онъ подвергается нареканію и возбуждаетъ къ себѣ презрѣніе въ странѣ, въ которой духовенство подаетъ примѣръ бездѣйствія и считаетъ своею обязанностію благосклонно смотрѣть на лѣнь, видя въ ней лишь доказательство умѣренности и отсутствія эгоистическихъ стремленій: нищета считается вѣдь главною христіянскою добродѣтелію, и проповѣдуется вѣдь церковію презрѣніе къ земнымъ благамъ, а церковное правительство не должно ли содѣйствовать проповѣди, дѣлая по мѣрѣ силъ своихъ невозможнымъ для своихъ подданныхъ не исполнять ея. Полезными признаются одни лишь труды духовнаго званія, и только тотъ имѣетъ право на уваженіе, кто занимаетъ какое-либо мѣсто въ церковной іерархіи. Образованіе? Но подъ этимъ словомъ правительство понимаетъ только такое знаніе, которое проникнуто церковнымъ характеромъ. Всякое свѣтское знаніе считается заблужденіемъ ума, а нерѣдко и положительно преслѣдуется, и на страницахъ *Index librorum prohibitorum* ежегодно выставляются творенія, которыя доставили своимъ авторамъ повсемѣстную славу въ Европѣ. Могъ ли, поэтому, образоваться средній классъ въ Римѣ, когда не достаетъ тамъ двухъ самыхъ главныхъ элементовъ, составляющихъ его силу? Поэтому *mezzocato*, человѣкъ средняго сословія, человѣкъ трудящійся, возбуждаетъ къ себѣ глубокое презрѣніе въ высшихъ сферахъ общества, въ рядахъ духовенства и аристократіи. Адвокаты, между которыми находятся весьма достойные люди, какъ напримѣръ гг. Росси, Кетти, Лунати, не встрѣчаютъ себѣ нигдѣ хорошаго пріема. Знатныя лица пользуются при нуждѣ ихъ услугами, но не только не считаютъ себя обязанными имъ, а какъ будто сами дѣлаютъ имъ одолженіе, прибѣгая къ ихъ совѣтамъ. Къ тому же адвокаты не отли-

чаются надлежащимъ смиреніемъ и были сильно замѣшаны въ революціи 1848 года; этого достаточно, чтобы навлечь на нихъ особенное преслѣдованіе духовенства. «Адвокаты *были* нашею язвой, теперь мы начинаемъ отъ нея вылѣчиваться,» говорилъ кардиналъ Антонелли герцогу Грамону, намекая этимъ *прошедшимъ временемъ*, что большинство этого класса людей находится въ ссылкѣ или заточеніи. Медики тоже не въ лучшемъ положеніи. Вообще получить хорошее медицинское образованіе въ Римѣ крайне трудно, ибо правительство способствуетъ, кажется, съ своей стороны, всѣми зависящими отъ него мѣрами, упадку этой важной отрасли знаній. «Намъ нужно получить двѣ докторскія степени, говорилъ одинъ изъ римскихъ лѣкарей автору разбираемой нами книги, — одну теоретическую, другую практическую. Между первымъ и вторымъ экзаменомъ мы упражняемся въ гошпиталяхъ, но прелаты, имѣющіе высшій надзоръ за образованіемъ, не дозволяютъ лѣкарю, ради нравственности, прежде чѣмъ онъ не выдержалъ послѣдняго своего экзамена, присутствовать при родахъ. Мы учимся акушерству на куклахъ и на нихъ набиваемъ себѣ руку. Черезъ шесть недѣль я получу, наконецъ, всѣ требуемыя степени, и тогда буду лихимъ акушеромъ, даромъ что никогда не видалъ, какъ рожаютъ женщины.» Когда наконецъ, послѣ разныхъ препятствій и мытарствъ, молодой человѣкъ получаетъ званіе медика, положеніе его въ обществѣ нисколько не дѣлается завиднымъ. Онъ не имѣетъ доступа въ такъ-называемые порядочные дома, ему платятъ за визитъ самую ничтожную цѣну — 2 павла (30 к. сер. на наши деньги), на него смотрятъ свысока, единственно только потому, что онъ честнымъ трудомъ добываетъ себѣ пропитаніе, тогда какъ, надѣвши рясу, могъ бы пользоваться большимъ почетомъ, не дѣлая ровно ничего. Въ такомъ упадкѣ находятся въ Римѣ либеральныя профессіи. Что касается до промышленнаго и торговаго класса, то положеніе его не можетъ быть блестящимъ, уже по той весьма естественной причинѣ, что съ давнихъ поръ промышленность и торговля пришли въ Папской Области въ крайній упадокъ. А между тѣмъ въ странѣ этой онѣ могли бы развиваться блестящимъ образомъ! Съ обѣихъ сторонъ омывается она морями — Адріатическимъ и Средиземнымъ, — и на прибрежьи каждаго изъ нихъ обладаетъ отличными портами, на востокѣ—Анконою, на западѣ—Чивита-Веккіею. Внутри страна отличается замѣчательнымъ плодородіемъ: на нѣкоторыхъ, луч-

шихъ участкахъ пшеница даетъ самъ-пятнадцатъ, на среднихъ— самъ-тринадцатъ, и самъ-девятъ на участкахъ низшаго качества. Горы покрыты оливковыми деревьями, лучшими во всей Европѣ; во многихъ мѣстахъ растутъ пальмы и апельсинныя рощи; растительность такъ обильна, что скотъ иногда круглый годъ пасется въ чистомъ полѣ, не зная хлѣва. Виноградныхъ лозъ весьма много, и отличаются онѣ такими разнообразными качествами, что въ Папской области можно было бы выдѣлывать всевозможныя вина и самаго лучшаго свойства. Мы не станемъ высчитывать всѣхъ даровъ, которыми природа такъ щедро надѣлила владѣнія римскаго первосвященника, ибо это завлекло бы насъ слишкомъ далеко; къ тому же, какая польза пересчитывать ихъ, когда они остаются почти безъ всякаго употребленія? Можно проѣхать иногда цѣлые десятки верстъ, особенно въ областяхъ, прилежащихъ къ Риму, и не встрѣтить ни одного воздѣланнаго поля, не увидать ни одной, какой бы то ни было, фабрики. Но на кого падаетъ отвѣтственность за такое поразительное и преступное бездѣйствіе? Главнымъ образомъ теперь падаетъ она, конечно, на народъ, который не умѣетъ или не хочетъ воспользоваться природными богатствами, разстилающимися передъ его глазами, но съ другой стороны, справедливость требуетъ замѣтить, что еслибы, несмотря на внушенія своихъ пастырей, онъ и захотѣлъ предаться дѣятельности, то неминуемо встрѣтилъ бы себѣ на каждомъ шагу затрудненія. Нѣтъ страны, въ которой бы существовало столько всевозможныхъ привилегій, сколько въ Римѣ: продажа соли, табаку, сахару, свѣчъ, даже плодовъ и овощей на рынкахъ принадлежитъ только избраннымъ лицамъ или корпораціямъ, имѣющимъ на то особое дозволеніе отъ правительства. Къ этому присоединяется еще, что пути сообщенія крайне плохи. Нерѣдко приходится видѣть, что въ одномъ городкѣ или деревнѣ хлѣбъ продается по 2½ копѣйки за фунтъ, а въ другомъ, находящемся не болѣе какъ на разстояніи четырехъ миль отъ перваго, по 1½ копѣйки; въ мѣстечкѣ Соннино литръ вина стоитъ 14 копѣекъ, а въ двухъ миляхъ отъ него, въ Пальяно, литръ того же самаго вина продается по 5 копѣекъ. Одинъ изъ самыхъ лучшихъ городовъ Папской области, Болонья, соединяется съ Римомъ такими отвратительными дорогами, что письма получаются тамъ изъ Рима позднѣе, чѣмъ изъ Вѣны и Парижа. Каждый день отправляется почта изъ Болоньи за границу, и только четыре раза въ недѣлю отходитъ она въ столицу госу-

дарства. О желѣзныхъ дорогахъ нечего и говорить: только въ самое послѣднее время соединили онѣ Римъ съ Чивита-Веккіей, да и то еще инженеры не могли нѣсколько мѣсяцевъ построить станцію: тутъ мѣшалъ мужской монастырь, тамъ женскій, а въ другомъ мѣстѣ загородная вилла какого-нибудь кардинала, не соглашавшагося продать ее ни за какія деньги. Изъ этого видно, съ какими огромными затрудненіями должна бороться въ Папской области торговля и промышленная дѣятельность. Посреди всеобщей бѣдности, нѣсколько, можно сказать, процвѣтаетъ только одинъ классъ, — классъ фермеровъ, или, какъ называются они въ Римѣ, сельскихъ купцовъ. Они берутъ на аренду огромныя помѣстья, принадлежащія римской аристократіи, воздѣлываютъ землю, пасутъ на ней свой скотъ и по окончаніи срока выплачиваютъ обыкновенно землевладѣльцу наемную цѣну чистыми деньгами. Классъ этихъ людей—самый богатый, изъ всѣхъ тѣхъ, разумѣется, которые живутъ собственнымъ трудомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, одинъ изъ самыхъ образованныхъ. Въ 1848 году люди этого класса не жалѣли своего состоянія, доставшагося имъ, можно сказать, пóтомъ и кровью, для того чтобы поддержать республиканское правительство, водворенное на мѣстѣ правительства клерикальнаго. Одинъ изъ нихъ, въ то время, окончилъ даже на свой счетъ постройку моста Лариччіа, одного изъ лучшихъ произведеній новѣйшей архитектуры. Завидное положеніе, въ которомъ находятся фермеры, эти сельскіе купцы, доказываетъ, что римскій народъ вовсе не такъ неспособенъ къ порядочной дѣятельности, вовсе не такъ безнадежно зараженъ всяческими пороками, какъ увѣряетъ г. Реневаль и люди одинаковаго съ нимъ образа мыслей. Къ несчастію, этотъ классъ людей достаточныхъ, трудолюбивыхъ, образованныхъ, не многочисленъ въ Римѣ и нисколько не опровергаетъ общаго правила, что средняго сословія, въ настоящемъ значеніи слова, тамъ не существуетъ. Гдѣ образованіе находится въ упадкѣ, торговля, промышленность стѣснены различными тягостными условіями, и лѣность, вкоренившись въ массѣ націи, находитъ себѣ покровительство въ высшей власти, —там нельзя, конечно, встрѣтить много гражданъ, которые честному труду обязаны положеніемъ своимъ въ обществѣ.

Остается, слѣдовательно, только аристократія. Дѣйствительно, въ Римѣ существуетъ нѣсколько фамилій,—Корсини, Боргезе, Лудовизи, Доріа, Граціоли и многія другія,—знатное про-

исхожденіе которыхъ не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію, которыя доселѣ сохранили и свои богатства, и свою аристократическую спѣсь. Нѣкоторыя изъ нихъ получаютъ отъ 400 до 500 тысячъ франковъ ежегоднаго дохода; дворцы, картинныя галлереи ихъ великолѣпны и открыты почти каждый день для посѣщенія и осмотра иностранцевъ; пышность ихъ, когда дѣло доходитъ до того, чтобы задать какое-нибудь празднество, не знаетъ себѣ сравненія,—сто́итъ, для примѣра, вспомнить только о князѣ Боргезе, который, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, по случаю возвращенія папы Пія VII, израсходовалъ въ одинъ день 1.200.000 франковъ на пиръ, данный имъ римской черни. Но въ то же время можно указать на римскую аристократію какъ на самый поразительный примѣръ того, до какого ничтожества можетъ низойдти это сословіе, когда утрачивается всякая законная причина для его существованія. Кажется, римскіе аристократы сами убѣдились, что назначеніе ихъ состоитъ только въ томъ, чтобы чваниться своимъ происхожденіемъ, давать балы и праздники, и проводить затѣмъ свою жизнь въ самомъ позорномъ бездѣйствіи. Многіе знатные владѣльцы отличнѣйшихъ картинныхъ галлерей не знаютъ никакого толка въ тѣхъ сокровищахъ, которыми они обладаютъ. Въ другихъ странахъ, гдѣ также сохранились потомки нѣкогда славныхъ, но утратившихъ въ послѣдствіи всякое политическое и общественное значеніе, родовъ, они истрачиваютъ свои силы, за неумѣніемъ употреблять ихъ инымъ, лучшимъ образомъ, на чувственныя наслажденія. Въ Римѣ губитъ аристократію не этотъ животный разгулъ: вліяніе духовенства, лежащее всею своею тяжестью на римскомъ высшемъ сословіи, сдѣлало изъ лицъ, принадлежащихъ къ нему, какихъ-то автоматовъ. Римскіе аристократы люди довольно кроткіе и миролюбивые; они не гнетутъ народа, не злодѣйствуютъ; но клерикальное воспитаніе и постоянная опека со стороны клерикальнаго правительства высосали изъ нихъ всю жизнь. Гоголь въ своемъ *Римѣ* нѣсколькими геніальными чертами схватилъ самую сущность воспитанія и образа жизни тамошней знати. Г. Эдмондъ Абу говоритъ гораздо подробнѣе о томъ же самомъ предметѣ, но подробныя описанія эти прибавляютъ очень мало къ краткому очерку нашего геніальнаго художника.

«Вотъ молодые дворянчики, говоритъ авторъ, гуляющіе по Корсо, каждый между двумя іезуитами. Они поражаютъ своею красивою наружностію, несмотря на черное платье и неизмѣнный бѣлый галстукъ, и всѣ они воспитаются одинаково подъ тѣнью огромной, съ широкими

полями, шляпы своего наставника. Голова ихъ походитъ уже на вычищенный садъ, откуда тщательно вырваны всѣ мысли; сердце ихъ чуждо всякихъ страстей, и хорошихъ, и вредныхъ. Когда они выдерживаютъ послѣдніе экзамены и получаютъ дипломъ въ своемъ невѣжествѣ, то тотчасъ же одѣваются по лондонской модѣ и отправляются на публичное гулянье. Съ утра до ночи странствуютъ они по Корсо, по аллеямъ Пинчіо, въ виллахъ Боргезе и Памфили, и пѣшкомъ и верхомъ, съ лорнетомъ или палкою въ рукахъ, и странствуютъ безъ цѣли до тѣхъ поръ, пока не наступитъ время женить ихъ. Не пропуская ни одной обѣдни, ни одного представленія въ театрѣ, они и смѣются, и зѣваютъ, крестятся и аплодируютъ съ одинаковою апатіей и безстрастіемъ. Всѣ они внесены въ списки двухъ или трехъ конгрегацій, и не посѣщаютъ ни одного клуба. Игра въ карты не прельщаетъ ихъ, они не содержатъ танцовщицъ, не любятъ пить и никогда не запутываются въ интригахъ.

«Въ одно прекрасное утро имъ минуетъ двадцать пять лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ Американецъ съ успѣхомъ перепробовалъ уже два ремесла, составилъ себѣ состояніе, выигралъ процессъ, спорилъ о религіозныхъ вопросахъ, освободилъ негра и, пожалуй, даже покорилъ какой-нибудь островъ. Англичанинъ въ эти года имѣлъ уже время получить двѣ ученыя степени, сопровождалъ какое-нибудь посольство, основалъ контору, объѣхалъ всю Европу, говорилъ рѣчи на митингахъ.... Римскій князь ничего не видалъ, ничего не слыхалъ, не сдѣлалъ, не выстрадалъ, ничему не научился и ничего не любилъ. Отворяется, обыкновенно, монастырская рѣшотка, выходитъ оттуда молодая дѣвушка, столь же неопытная, какъ онъ, и вотъ эти два невинныя существа преклоняются передъ священникомъ, который разрѣшаетъ имъ плодить такихъ же невинныхъ, какъ они сами....

«Думаете ли вы, что подобный бракъ будетъ сопровождаться несчастіями? Нисколько. А между тѣмъ молодая женщина весьма не дурна. Но небесный сводъ, разстилающійся надъ Римомъ, гаситъ, кажется, въ самомъ зародышѣ пламень страсти. Молодая супруга римскаго князя начнетъ съ того, что народитъ ему множество дѣтей; хотите ли знать за тѣмъ, какъ будетъ она проводить свои дни зимою? Вставанье съ постели, туалетъ, дѣти, мужъ, отнимаютъ у нея часть утра. Съ часу до трехъ она дѣлаетъ визиты; въ три часа отправляется въ виллу Боргезе, въ четыре переѣзжаетъ на *Monte Pincio*, а передъ обѣдомъ прогуливается по Корсо. Все высшее общество собирается утромъ въ этихъ трехъ мѣстахъ; еслибы какая-либо изъ значительныхъ римскихъ дамъ не появилась тамъ, то на другой день отправились бы къ ней узнавать объ ея здоровьи. Наступаетъ вечеръ,—всѣ возвращаются домой, обѣдаютъ, одѣваются и ѣдутъ въ гости.... Одна очень умная женщина говорила мнѣ про римскіе салоны: «Входя въ нихъ, я чувствую, что становлюсь глупа; ничтожество охватываетъ меня съ самой передней.»

Интересы политическіе и общественные совершенно не касаются римской аристократіи, какъ-будто составляютъ область другаго міра, откуда извѣстія рѣдко долетаютъ до ея ушей. Такъ

проходитъ, день за день, безмятежная и безцвѣтная жизнь римскихъ знатныхъ фамилій, пока какое-нибудь неожиданное, грозное событіе не нарушитъ ихъ апатіи. Въ 1848 году случилось одно изъ подобныхъ событій. Римская знать разсѣялась тогда изъ города, потомъ снова, вслѣдъ за папою, возвратилась въ свои дворцы, и воспоминаніе о минувшихъ многознаменательныхъ дняхъ сохранилось въ ней развѣ только по памятнику, который маркизъ Памфили воздвигнулъ въ честь Французовъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ они проливали кровь согражданъ его.

Вотъ въ какомъ положеніи находятся въ Римѣ низшіе классы, среднее сословіе и аристократія. Какое же сдѣлать изъ этого заключеніе? Согласиться ли съ тѣмъ, что римское народонаселеніе не способно ни къ какому, ни къ политическому, ни къ гражданскому возрожденію, что оно осуждено вѣчно прозябать подъ игомъ самаго страннаго изъ правительствъ, которыя существуютъ въ теперешней Европѣ? Мы думаемъ, что подобное мнѣніе было бы крайне несправедливо. Вопервыхъ, все сказанное нами до сихъ поръ относится болѣе къ самому Риму и его окрестностямъ, то-есть къ мѣстностямъ, наиболѣе извѣстнымъ европейскимъ путешественникамъ, и надъ которыми они удобнѣе могли дѣлать свои наблюденія. Римскія легатства и провинціи, области, находящіяся за Апеннинами и прилежащія къ Адріатическому морю, обращали на себя до сихъ поръ несравненно менѣе вниманія, а между тѣмъ положеніе ихъ имѣетъ много особеннаго. Вліяніе духовенства не пользуется въ нихъ—разумѣется, относительно—такою силой, какъ въ самомъ центрѣ католицизма; въ городахъ сохранились остатки муниципальнаго управленія, весьма ничтожные конечно, но которыми народонаселеніе умѣетъ дорожить и отстаиваетъ ихъ со всевозможнымъ упорствомъ; богатые землевладѣльцы, проводящіе всю жизнь въ деревняхъ, обладаютъ несравненно бо́льшимъ пониманіемъ своихъ интересовъ и бо́льшимъ, вообще, образованіемъ, чѣмъ аристократическія фамиліи, никогда не покидающія своего мѣста около папскаго престола. Мы не думаемъ проводить рѣзкую черту между народонаселеніемъ этихъ провинцій и народонаселеніемъ самаго Рима и прилежащихъ къ нему областей, но всетаки несомнѣнно, что тамъ заключается много элементовъ для благоустроенной гражданской и политической жизни, и римское правительство достойнымъ образомъ исполнило бы свою

задачу, еслибы способствовало правильному и постепенному развитію этихъ элементовъ. Въ то время, какъ въ прилежащихъ къ Средиземному морю частяхъ Папскихъ Владѣній потребовались бы чрезвычайныя усилія центральной власти для того, чтобы пробудить дѣятельность въ жителяхъ, ибо ничего нельзя ожидать тамъ отъ ихъ собственной инициіативы,—въ Мархіяхъ, въ Романьи, Умбріи, нужно было бы только, чтобы власть эта своимъ враждебнымъ жизни вліяніемъ не парализировала матеріяльнаго и нравственнаго развитія народонаселенія. Съ самаго начала XVI вѣка, съ тѣхъ поръ, какъ провинціи, о которыхъ говоримъ мы, окончательно сдѣлались достояніемъ папскаго престола, онѣ никогда не примирялись съ клерикальнымъ правительствомъ и оказывали ему, хотя и не слишкомъ энергическое, но постоянное противодѣйствіе. Очевидно, поэтому, что изображеніе различныхъ классовъ римскаго общества, сдѣланное нами выше, не можетъ быть приложено съ полною справедливостію ко всей странѣ, что участь, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ ея областей была бы вовсе не такова, какъ теперь, еслибы господствовала тамъ иная форма правленія. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стóитъ только бросить взглядъ на то, какимъ образомъ устроено римское правительство, и до какой степени устройствомъ своимъ оно мѣшаетъ всякому преуспѣянію общества, находящагося подъ его покровомъ.

«Въ теченіи всего послѣдняго времени, говоритъ италіянскій писатель Раналли, подданные папы пользовались тишиною безъ спокойствія, сномъ безъ отдохновенія, и имѣли государя безъ правленія.» Слова эти какъ нельзя лучше изображаютъ состояніе Римской области. Одинъ изъ отличнѣйшихъ государственныхъ людей Англіи (1) говорилъ въ прошедшемъ году, въ засѣданіи парламента, что вообще всякое правительство можетъ исполнять двоякаго рода задачу: вопервыхъ способствовать развитію политической и гражданской свободы страны, ничѣмъ не стѣсняя свободной инициіативы гражданъ, и вовторыхъ, заботиться о сохраненіи порядка и безопасности внутри государства. Первое изъ этихъ условій, сказалъ онъ, по различнымъ обстоятельствамъ, выполняется не вездѣ въ Европѣ; что же касается до втораго, то почти всѣ европейскія правительства заботятся о немъ съ

(1) Лордъ Джонъ Россель.

одинаковою ревностію. И дѣйствительно, австрійское владычество въ Италіи, вслѣдствіе тяжелаго политическаго гнета, водвореннаго имъ тамъ, возбудило противъ себя всеобщее негодованіе. Но помимо политическихъ вопросовъ, австрійское владычество заботилось о матеріяльномъ благосостояніи подчиненныхъ ему italiянскихъ областей, объ огражденіи въ нихъ общественной безопасности и порядка. Знаменитый государственный человѣкъ, о которомъ мы упомянули сейчасъ, утверждаетъ, что только три страны въ Европѣ: Турція, Неаполь и Римъ, не подходятъ въ настоящее время подъ это правило. Дѣйствительно, въ Римской области жители не только не пользуются никакими политическими правами, ни малѣйшею свободой рѣчи или дѣйствій, но въ то же самое время не обезпечены ничѣмъ ни въ личной безопасности своей, ни въ своихъ правахъ частной собственности. Правительство тамъ убѣждено, что не оно существуетъ для народа, а, напротивъ, народъ существуетъ для него, долженъ посильными трудами доставлять ему содержаніе, а затѣмъ уже можетъ самъ, какъ хочетъ, охранять имущество свое отъ ночныхъ грабежей и свою жизнь отъ ночныхъ и дневныхъ разбоевъ.

Какимъ же образомъ устроена эта удивительная система римскаго управленія, заботящаяся не о безопасности, а о душевной пользѣ подданныхъ? Исходитъ она, разумѣется, отъ лица самого папы, который, уже по самому принципу своей власти, признается непогрѣшимымъ и единственнымъ распорядителемъ судебъ подвластнаго ему народа. Г. Эдмондъ Абу не счелъ нужнымъ распространяться о личности Пія IX, сидящаго теперь на римскомъ престолѣ, и поступилъ весьма благоразумно: что̀ можно было бы сказать новаго объ этомъ человѣкѣ, который столь же неповинно съ своей стороны разыгрывалъ когда-то роль приверженца либеральныхъ идей, какъ теперь разыгрываетъ роль поборника самаго неуступчиваго деспотизма? Знаменитый, нѣкогда, папа находится совершенно въ рукахъ партіи, представителемъ которой служитъ теперешній государственный секретарь въ Римскихъ владѣніяхъ, кардиналъ Антонелли. Авторъ разбираемой нами книги говоритъ довольно подробно о жизни и дѣятельности кардинала и нарисовалъ ихъ, вообще, весьма мрачными красками: самое мѣсто, гдѣ протекли его первые дни, долженствовало, по его мнѣнію, воспитать въ немъ тотъ характеръ, который онъ внесъ, въ послѣдствіи, въ отправленіе своихъ общественныхъ обязанностей. «Онъ ро-

дился въ логовищѣ, говоритъ г. Абу. Деревня его, Соннино, извѣстна въ исторіи преступленій гораздо болѣе, чѣмъ извѣстна Аркадія въ исторіи добродѣтели. Это гнѣздо коршуновъ укрывается между горъ, на границѣ Неаполитанскаго королевства. Лѣса, въ которыхъ деревья покрыты вьющимися растеніями, глубокіе овраги, мрачные гроты, составляютъ пейзажъ, представляющій всѣ удобства для совершенія злодѣйства. Дома въ Соннино, старые, дурно построенные, лѣпящіеся одинъ надъ другимъ и почти необитаемые для человѣка, служатъ складомъ для награбленной добычи, магазиномъ для хищничества. Бодрое и сильное народонаселеніе занималось нѣсколько столѣтій сряду вооруженнымъ разбоемъ и доставало себѣ пропитаніе съ ружьемъ въ рукахъ. Новорожденные вдыхали въ себя вмѣстѣ съ горнымъ воздухомъ презрѣніе къ законамъ, всасывали съ молокомъ матери жадность къ чужому достоянію....» Авторъ продолжаетъ въ этомъ тонѣ, но мы не выписываемъ далѣе, полагая, что наши читатели не будутъ увлечены яркостью его красокъ и этою печальною наклонностью къ мелодраматическимъ преувеличеніямъ, которая такъ сильно укоренилась теперь во французской литературѣ. Простая истина несравненно дороже: изъ нея оказывается, что отецъ Антонелли сначала былъ пастухомъ, потомъ занялъ мѣсто управителя въ какой-то деревнѣ и сдѣлалъ себѣ небольшое состояніе. Тотъ изъ сыновей его,—Джіакомо,—который занимаетъ теперь въ Римѣ мѣсто государственнаго секретаря, получилъ воспитаніе въ Главной римской семинаріи. Окончивши тамъ курсъ наукъ, онъ, вопреки совѣтамъ начальства, не принялъ монашескаго обѣта и переходилъ, въ званіи домашняго секретаря, отъ одного прелата къ другому. Его тонкій умъ, вкрадчивый характеръ, прилежаніе къ труду, обратили на него вниманіе многихъ важныхъ лицъ, и съ той минуты передъ Антонелли, сыномъ бѣднаго пастуха, открылась блестящая карьера въ Римѣ. Уже при Григоріѣ XVI онъ занималъ весьма важныя должности: папа этотъ, какъ извѣстно, былъ упрямымъ противникомъ всякихъ нововведеній и терпѣлъ около себя только такихъ людей, которые раздѣляли на этотъ счетъ его образъ мыслей. Антонелли умѣлъ подладиться подъ характеръ правителя и всемогущаго министра его, кардинала Ламбрускини. Когда же, послѣ его смерти, въ 1846 году, по голосу новаго первосвященника, въ Римѣ началось движеніе, которое долженствовало, по мнѣнію многихъ, привести къ свободѣ не только

это государство, но и всю Италію, Антонелли не задумался отказаться отъ своихъ прежнихъ убѣжденій и соединиться съ либеральною партіей. Во все то время, когда Пій IX былъ героемъ италіянскихъ патріотовъ, Антонелли не переставалъ занимать около него самое видное мѣсто и отказался отъ мѣста этого только тогда, когда положеніе папской власти сдѣлалось не совсѣмъ безопаснымъ. Удаленіе его отъ политическихъ дѣлъ не было, впрочемъ, продолжительно. Въ концѣ 1848 года Антонелли появляется въ Гаетѣ, вслѣдъ за удалившимся туда папою, и занимаетъ при немъ званіе государственнаго секретаря *in partibus:* съ этихъ поръ онъ непрерывно и до самаго послѣдняго времени находился во главѣ управленія. Изъ этихъ нѣсколькихъ словъ видно, что всѣми успѣхами своими Антонелли обязанъ вкрадчивости своего характера, умѣнью ладить со всѣми лицами и со всѣми партіями и отсутствіемъ убѣжденій. Такихъ свойствъ недостаточно, конечно, для репутаціи настоящаго государственнаго человѣка, и сто́итъ только взглянуть на то положеніе, въ которомъ находился Римъ въ послѣднее время, дабы убѣдиться, что Антонелли вовсе не заслуживаетъ ея. Онъ умѣлъ только отлично устроить свое собственное положеніе и положеніе всѣхъ своихъ родственниковъ: самъ онъ кардиналъ, первый министръ, имѣетъ огромное состояніе, не имѣвши прежде ровно ничего; одинъ изъ его братьевъ — губернаторъ банка и ссудной казны, второй — глава муниципальнаго совѣта въ Римѣ, третій занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ полиціи, четвертый не занимаетъ никакого мѣста, но положеніе его, быть-можетъ, тѣмъ завиднѣе, ибо онъ находится неотлучно при особѣ кардинала и исполняетъ всѣ тайныя его порученія. Обстановка эта какъ нельзя болѣе выгодна, и счастливымъ смертнымъ, пользующимся ею, остается только желать, чтобы жизнь ихъ текла такъ же безмятежно, какъ протекала она до сихъ поръ. Самому кардиналу не болѣе пятидесяти трехъ лѣтъ. «Онъ еще не старъ, говори́тъ г. Эдмондъ Абу. Тѣлосложеніе его крѣпкое, и здоровье его — здоровье настоящаго горнаго жителя. Ширина его лба, блескъ глазъ, орлиный носъ и вообще вся верхняя часть его фигуры возбуждаетъ нѣкоторое удивленіе. Смуглое лицо свидѣтельствуетъ несомнѣнно объ умѣ. Но огромная челюсть, длинные зубы, жирныя губы указываютъ на самые грубые инстинкты. Когда онъ прислуживаетъ папѣ въ религіозныхъ церемоніяхъ Святой Недѣли, онъ поражаетъ своимъ презрительнымъ и надменнымъ видомъ. Онъ жи-

ветъ въ самомъ Ватиканѣ, надъ покоями Пія IX. Римляне спрашиваютъ, въ видѣ каламбура, кто выше—папа, или Антонелли? Всѣ классы общества одинаково его ненавидятъ. Самъ Кончини не возбуждалъ къ себѣ столько вражды. Кардиналъ единственный человѣкъ, на счетъ котораго сходятся всѣ мнѣнія.»

«Этотъ счастливый смертный, замѣчаетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, страдаетъ только одною слабостью, очень, впрочемъ, извинительною въ его положеніи,— страхомъ смерти. Одна высокая и красивая женщина, которую онъ удостоивалъ своихъ нѣжностей, разказывала мнѣ: «Когда я являлась на свиданіе, онъ бросался на меня какъ сумашедшій и страстно ощупывалъ мои карманы. Только удостовѣрившись такимъ образомъ, что у меня не было спрятаннаго оружія, онъ вспоминалъ, что мы — друзья.»

Таковъ характеръ государственнаго человѣка, отъ котораго зависитъ въ настоящее время все управленіе въ Римѣ. Стóитъ взглянуть теперь, какъ устроена самая система этого управленія (1). Вся страна раздѣлена на нѣсколько провинцій, вовсе неравныхъ между собою по пространству. Нѣкоторыя изъ нихъ, именно провинціи Урбино и Пезаро и легатства: Болонья, Анкона, Феррара и Форли, управляются кардиналами-легатами (красными чулками), остальныя монсиньйорами, то-есть прелатами (лиловыми чулками). Не всѣ правители эти пользуются одинаковою властію, — часто, даже въ той же самой области, одинъ изъ нихъ имѣетъ или гораздо болѣе или менѣе правъ, нежели его предшественникъ, ибо опредѣленіе этихъ правъ зависитъ совершенно отъ произвола папы. Кардиналы и монсиньйоры завѣдываютъ полиціею, войсками (карабинерами), предсѣдательствуютъ въ провинціяльныхъ совѣтахъ, изрекаютъ административнымъ путемъ, *via sommaria*, судебные приговоры, могутъ также по произволу освобождать виновныхъ отъ исполненія произнесенныхъ надъ ними судебныхъ приговоровъ. Такъ какъ провинціи или легатства иногда весьма обширны, то раздѣляются они въ свою очередь на округи, которыми управляютъ губернаторы. Эти должностныя лица предсѣдательствуютъ въ муниципальныхъ совѣтахъ, которые собираются только съ ихъ дозволенія и могутъ разсуждать только

---

(1) Нѣкоторыя подробности объ этомъ предметѣ можно найдти въ упомянутомъ выше сочиненіи г. Рейхлина: *Geschichte Italiens*.

о тѣхъ предметахъ, о которыхъ разсуждать дозволено имъ правительственною властію. И кардиналы, и монсиньйоры, и губернаторы почти совершенно свободны отъ отвѣтственности за свои дѣйствія: правительство не можетъ слѣдить за ними, ибо поневолѣ должно смотрѣть на все ихъ же собственными глазами, народонаселеніе не защищено отъ ихъ беззаконій никакими правами, печать не пользуется даже тѣнью свободы. Слѣдствіемъ этого происходитъ, конечно, самый безграничный произволъ: если и не встрѣчается теперь, быть-можетъ, правителей въ родѣ кардинала Маттеи, который, при Григоріѣ XVI, сожигалъ въ Равеннѣ рукою палача не нравившіяся ему приказанія римскаго правительства и оставался, несмотря на то, безнаказаннымъ, то тѣмъ не менѣе беззаконія всякаго рода не только не уменьшились, но можетъ-быть возросли въ послѣднее время. Карабинеры публично разказывали въ 1848 году, какъ они силою таскали въ дома легатовъ и монсиньйоровъ тѣхъ женщинъ, на которыхъ эти достойные начальники обращали свои нечестивые взоры. «Всѣмъ извѣстно, замѣтилъ на дняхъ въ парламентѣ лордъ Джонъ Россель, что римскіе кардиналы сами первые готовы издѣваться надъ управленіемъ, которое идетъ такъ дурно въ ихъ рукахъ. Еще весьма недавно, на вопросъ, сдѣланный одному болонскому легату, каково идутъ дѣла въ его области, тотъ отвѣчалъ: «Очень хорошо; жители весьма довольны; мнѣ кажется, впрочемъ, что во всей Болоньѣ только два лица преданы папскому правительству, — я да мой помощникъ; въ помощникѣ, однако, я не совсѣмъ увѣренъ.» Съ другой стороны извѣстно, что эти же самые кардиналы смотрятъ на всякое выраженіе неудовольствія по поводу ихъ распоряженій, какъ на невѣрность церкви и богоотступничество.

По высшимъ сановникамъ можно составить себѣ нѣкоторое понятіе объ ихъ подчиненныхъ. Свѣтскія лица совершенно исключены изъ управленія: только духовное званіе даетъ право на всѣ правительственныя мѣста. Всѣ сколько-нибудь важныя должности—министровъ, префектовъ, посланниковъ, членовъ высшихъ судебныхъ трибуналовъ президента и вицепрезидентовъ государственнаго совѣта и консульты финансовъ, генералъ-директора полиціи, директоровъ всѣхъ благотворительныхъ и учебныхъ заведеній,—заняты лицами духовнаго званія. Безполезно доказывать, что въ этомъ заключается главное зло, которымъ страдаетъ римское управленіе: духовенство рѣшительно неспособно исполнять различныя обязанности, принимаемыя имъ на себя, ибо не

имѣетъ ни охоты, ни требующихся на то свѣдѣній; оно уважаетъ только каноническіе законы и не питаетъ ничего кромѣ презрѣнія къ гражданскимъ законамъ; оно само чувствуетъ, наконецъ, неловкость своего положенія, и чѣмъ сильнѣе укореняется въ немъ сознаніе этого, тѣмъ съ большею надменностью пользуется оно своею властію.

Можно было бы удивляться, какимъ образомъ католическое духовенство, считающее въ своихъ рядахъ очень много людей достойныхъ и высокообразованныхъ, оказывается до такой степени неспособнымъ къ управленію свѣтскими дѣлами; съ перваго взгляда это представляется даже невѣроятнымъ, и потому мы видимъ, что многіе готовы производить изъ вольнодумства всѣ нападки, которымъ подвергается римская клерикальная администрація, готовы называть противниковъ папскаго правительства вольтеріянцами и энциклопедистами. Но опытъ не одной только Папской области, а многихъ другихъ странъ, ясно свидѣтельствуетъ въ пользу великаго начала секуляризаціи. Истинный служитель слова не можетъ хотѣть свѣтской власти; призванный дѣйствовать словомъ и убѣжденіемъ, онъ не измѣнитъ своему призванію и не обратится къ пособію меча. Властолюбіе есть качество, совершенно противоположное духовному званію и совершенно искажающее его, когда случается, что люди духовнаго званія заражаются этимъ качествомъ. Духовный человѣкъ, носящій власть, въ сущности перестаетъ уже быть духовнымъ, и только носитъ личину человѣка духовнаго: поэтому-то нѣтъ среды въ человѣческомъ обществѣ, въ которой было бы такъ распространено лицемѣріе, какъ въ атмосферѣ, окружающей духовныя лица, облеченныя свѣтскою властію или вообще вмѣшивающіяся въ свѣтскія дѣла. Это фактъ, засвидѣтельствованный исторіей и легко объясняющійся изъ самаго существа понятій о духовномъ званіи и свѣтской власти. Значеніе государственной власти совершенно искажается въ рукахъ духовенства. Государственная власть должна ограждать внѣшній порядокъ въ человѣческомъ обществѣ, наблюдать за внѣшнею стороной человѣческой жизни, заботиться о томъ, чтобы подданные могли здѣсь на землѣ жить по-человѣчески. Свѣтская власть легко можетъ удержаться въ этихъ предѣлахъ; если она посягаетъ на святыню совѣсти, на свободу внутреннихъ движеній человѣческой души, или тѣхъ внѣшнихъ дѣйствій человѣка, которыя безвредны для его ближнихъ, то это можетъ быть лишь временнымъ

заблужденіемъ, но никакой свѣтскій судъ не можетъ долго питать въ себѣ безумное притязаніе замѣнить собою Страшный Судъ Божій. Совершенно противное мы видимъ тамъ, гдѣ правительствуетъ духовенство. По высокому призванію своему, оно считаетъ и должно считать своимъ назначеніемъ заботу о духовномъ, вѣчномъ благѣ людей, о благѣ ихъ будущей жизни. Принимая въ свои руки управленіе свѣтскими дѣлами, оно не можетъ не перенести этого взгляда на свою свѣтскую дѣятельность. Оно равнодушно смотритъ на свои свѣтскія правительственныя обязанности и въ замѣнъ того старается употреблять свѣтскія средства для достиженія духовныхъ цѣлей. Не исполняя обязанностей свѣтскаго правительства, оно вступаетъ на ложный путь при исполненіи своихъ духовныхъ обязанностей, и усиливается служить дѣлу, которое *не отъ міра сего*, земными средствами, искажающими его. Полиція должна заботиться о безопасности гражданъ, о неприкосновенности ихъ собственности; въ рукахъ духовенства она становится блюстительницей душевной пользы ихъ. Она святотатственно вторгается въ область религіи, а между тѣмъ своего настоящаго дѣла не дѣлаетъ; воры и разбойники пользуются свободой дѣйствовать безнаказанно, а дѣйствія и мысли, совершенно безвредныя или даже полезныя, подвергаются стѣснительному надзору и бываютъ встрѣчаемы недоброжелательно, на томъ основаніи, что стремленіе самостоятельно мыслить и дѣйствовать изобличаетъ недостатокъ смиренія. Покорность монастырскаго послушника требуется отъ каждаго подданнаго, и въ то же время тотъ, кто оказываетъ покорность правительству, не пользуется отъ него никакою защитой. Потерять имущество, потерпѣть незаслуженное наказаніе, не значитъ еще погубить свою душу; духовное правительство, пекущееся о спасеніи душъ своихъ подданныхъ, очень легко смотритъ на эти бѣдствія, тѣмъ болѣе, что въ своей земной жизни само нисколько не испытываетъ, какъ велико неудобство всѣхъ этихъ бѣдствій. Никакой свѣтскій деспотизмъ не можетъ представить такого извращенія естественнаго хода дѣлъ. Физическая сила употребляется на такія дѣла, которыя могутъ быть совершены лишь духовною силой; вслѣдствіе того, съ одной стороны, духовная сила слабѣетъ, потому что дѣло ея возлагается на физическую силу, а съ другой стороны, физическая сила, принимая на себя задачи, для нея недостижимыя, не исполняетъ того, что̀ могло бы быть ею исполнено. Полиція становится небеснымъ учрежденіемъ,

религія — земнымъ. Физическая и духовная силы мѣняются ролями, и обѣ тратятся безплодно, не исполняя ни та, ни другая своего назначенія. Поэтому-то въ высшей степени несправедливо думать, что идею сукуляризаціи защищаютъ противники церкви. Напротивъ, осуществленіе этой идеи необходимо для того, чтобы церковь стала церковью, а государство государствомъ, чтобы Божіе было отдано Богу, а кесарево кесарю.

Несообразность теперешняго устройства Папскихъ Владѣній такъ очевидна, что не одни только подданные папы протестовали и протестуютъ противъ него, но Европа нѣсколько разъ старалась вмѣшательствомъ своимъ измѣнить его. Такъ, напримѣръ, въ знаменитомъ меморандумѣ 1831 года, представленномъ четырьмя главными державами, настоятельно требовалось ввести свѣтское управленіе въ Римскомъ государствѣ. Въ 1848 году произведена была даже значительная реформа въ этомъ смыслѣ, но вскорѣ прежній порядокъ вещей возстановленъ былъ вмѣстѣ съ реакціей, начавшеюся не только въ Папскихъ Владѣніяхъ, но и на всемъ полуостровѣ. Лицемѣрное правительство нашло самое вѣрное средство обойдти требованія народа: лица свѣтскаго званія, которымъ вручало оно временно, и вынужденное только настоятельною необходимостію, управленіе дѣлами, отличались такою неспособностью, что несчастное общество начинало вспоминать о правленіи клерикаловъ, какъ о сравнительно-лучшемъ для себя времени.

Ошибочно было бы, впрочемъ, думать, что въ Папскихъ Владѣніяхъ вовсе нѣтъ учрежденій, которыя ограничивали бы произволъ духовныхъ должностныхъ лицъ. Въ каждой значительной провинціи находится консульта (административный совѣтъ), которая состоитъ изъ четырехъ лицъ свѣтскаго званія, и съ которою легаты и монсиньйоры должны совѣщаться о всѣхъ важныхъ дѣлахъ; но члены этого совѣта назначаются самимъ папой и не иначе, какъ по представленію легата. Такъ, напримѣръ, въ провинціяхъ существуютъ провинціяльные, въ городахъ — муниципальные совѣты, но стóитъ взглянуть только на ихъ устройство, на кругъ ихъ дѣйствій, чтобы понять, какъ обманчивы эти призраки гражданскаго самоуправленія. Каждый округъ состоитъ изъ общинъ, которыя сами избираютъ членовъ своихъ совѣтовъ, и выборы эти происходятъ обыкновенно слѣдующимъ образомъ: не всѣ жители общины имѣютъ право подавать голоса, а только тѣ изъ нихъ, которые получили отъ полиціи и приходскаго свя-

щенника свидѣтельство въ благонамѣренности своей и хорошемъ поведеніи. Очевидно, слѣдовательно, что съ самаго начала избиратели находятся совершенно въ рукахъ правительства, или, лучше сказать, правительство допускаетъ къ выборамъ только тѣ лица, въ которыхъ оно вполнѣ увѣрено. Избранные такимъ образомъ общинные совѣтники представляютъ папѣ или его легату списокъ кандидатовъ для муниципальнаго совѣта. Списокъ этотъ обыкновенно весьма великъ; такъ, напримѣръ, въ Болоньѣ въ него вносится 156 лицъ, тогда какъ нужно назначить не болѣе одиннадцати членовъ. Муниципальные совѣты участвуютъ точно такимъ же образомъ въ выборѣ главнаго провинціяльнаго совѣта каждой области. Казалось, папскому правительству нечего было бы опасаться встрѣтить какую-либо оппозицію со стороны устроенныхъ на подобномъ основаніи мѣстныхъ властей, но подозрительность его успокоивается не такъ легко. И въ муниципальныхъ, и въ провинціяльныхъ совѣтахъ къ избраннымъ членамъ оно присоединяетъ еще довольно значительное число членовъ, назначенныхъ имъ самимъ, и притомъ эти правительственные совѣтники никогда не мѣняются, тогда какъ одна треть избранныхъ должна черезъ каждые два года подвергаться смѣнѣ. Для довершенія картины нужно замѣтить, что въ муниципальныхъ совѣтахъ предсѣдательствуютъ губернаторы, а въ провинціяльномъ—кардиналъ, безъ согласія которыхъ совѣты эти не могутъ заниматься никакимъ важнымъ дѣломъ, не могутъ принять никакого самостоятельнаго рѣшенія. Если прибавить къ этому совершенное безмолвіе печати, то, безъ сомнѣнія, каждый читатель составитъ себѣ надлежащее понятіе о значеніи этого муниципальнаго управленія, на которое папское правительство любитъ указывать каждый разъ, какъ считаетъ необходимымъ оправдываться передъ общественнымъ мнѣніемъ цивилизованной Европы.

Послѣ обозрѣнія административнаго управленія, необходимо упомянуть въ нѣсколькихъ словахъ о судебномъ устройствѣ Римской области. Можно сказать, что это самая больная сторона Рима, что нигдѣ безпечность и безобразіе клерикальнаго управленія не выставляется въ болѣе-отвратительной наготѣ. О независимости судебнаго сословія отъ посторонняго вліянія, и преимущественно отъ вліянія правительственной власти, о великомъ правилѣ этомъ, признанномъ теперь почти во всей западной Европѣ, не можетъ быть и рѣчи въ Папскихъ Владѣ-

ніяхъ. И тутъ, точно такъ же какъ и въ администраціи, вошло въ неизмѣнное обыкновеніе замѣщать судейскія должности только лицами духовнаго званія. Такъ какъ жалованье, соединенное съ этими должностями, весьма незначительно, то обыкновенно замѣщаются онѣ или тѣми членами духовенства, которые только вступаютъ на общественное поприще, или же, чаще всего, тѣми, которые запятнали себя какимъ-нибудь важнымъ проступкомъ, а потому отправляютъ ихъ засѣдать въ судѣ, какъ въ изгнаніе. Судьи духовнаго званія, наполняющіе собою трибуналы Римской области, не имѣютъ никакого понятія о законѣ. Бóльшая часть изъ нихъ отличаются хуже чѣмъ подозрительною репутаціей, и благодѣтельное пастырское правительство нисколько не тревожится этимъ: въ 1845 году, деканъ Гросси, занимавшій одно изъ самыхъ важныхъ мѣстъ въ главномъ аппелляціономъ судѣ, былъ публично уличенъ въ подлогѣ какихъ-то бумагъ, за что̀ былъ отставленъ, правда, отъ должности, но съ сохраненіемъ полной пенсіи. Можно сказать утвердительно, что римскіе судьи ревностно заботятся только объ одномъ—награбить себѣ, по возможности, кое-какое состояніе и не возбудить ничѣмъ противъ себя неудовольствія высшаго духовенства.

Что̀ касается до судебнаго порядка, то онъ устроенъ слѣдующимъ образомъ: въ главномъ городѣ каждой провинціи находится трибуналъ какъ для уголовныхъ, такъ и для гражданскихъ дѣлъ. Засѣданія его, разумѣется, не публичны; если тяжущіяся стороны не довольны его приговоромъ, то могутъ подавать жалобу въ высшій аппелляціонный трибуналъ, засѣдающій въ Римѣ и извѣстный подъ именемъ: *Sacra Romana Rota.* Въ этомъ главномъ судилищѣ находится двѣнадцать прелатовъ, называющихся *uditori.* Каждый изъ нихъ имѣетъ одного помощника и двухъ секретарей, *segreti,* которые разбираютъ бумаги, относящіяся къ процессу, и составляютъ изъ нихъ докладныя записки для своихъ патроновъ. *Rota* изрекаетъ приговоры свои, не стѣсняясь никакими законами, никакими правилами; она можетъ руководствоваться безразлично совѣстью и примѣрами прошедшаго; чаще всего руководствуется она произволомъ. Члены этого трибунала не вступаютъ въ переговоры съ тяжущимися сторонами, но такъ какъ дѣло зависитъ, главнымъ образомъ, не столько отъ нихъ, сколько отъ ихъ помощниковъ и секретарей, составляющихъ доклады, то на умилостивленіе этихъ всемогущихъ лицъ обращается, обыкновенно, главное вниманіе. Имъ публично да-

ются празднества, угощенія, и это такъ вошло въ нравы, что рѣшительно никого не удивляетъ, и никто не находитъ этого даже предосудительнымъ. Все сказанное нами относится только къ одной сторонѣ римскаго судопроизводства: что̀ же касается до дѣлъ, въ которыхъ замѣшаны духовныя лица, до такъ-называемыхъ религіозныхъ преступленій: святотатства, богохульства и т. д., то они подлежатъ особому суду мѣстныхъ епископовъ. Высшимъ аппелляціоннымъ трибуналомъ надъ всѣми этими епископскими судами служитъ извѣстный *Santo Ufficio*, судъ инквизиторскій, засѣдающій постоянно въ столицѣ государства.

Всѣ политическіе процессы поступаютъ на обсужденіе такъ-называемыхъ исключительныхъ судовъ, назначаемыхъ въ Римѣ самимъ папою, а въ провинціяхъ кардиналами-легатами. Бываетъ, впрочемъ, очень часто, что легаты предсѣдательствуютъ и въ обыкновенныхъ трибуналахъ, въ тѣхъ случаяхъ особенно, когда имъ хочется составить приговоръ въ извѣстномъ смыслѣ. Всѣ старанія ихъ направлены къ тому, чтобы политическій и гражданскій порядокъ, существующій въ Римѣ, ничѣмъ не былъ нарушенъ, и чтобы существующія злоупотребленія были переносимы съ совершенною покорностію и смиреніемъ. Это считается основнымъ правиломъ, передъ которымъ должно совершенно умолкнуть чувство пастырской кротости и снисходительности. Папское правительство отличается неумолимою строгостью къ такъ-называемымъ политическимъ преступленіямъ и расточаетъ свое милосердіе лишь на тѣ обыкновенныя злодѣянія, ежедневно совершающіяся въ государствѣ, отъ которыхъ терпятъ личная безопасность и имущество гражданъ. Лишь только выражаетъ кто-либо малѣйшее неудовольствіе противъ господствующаго порядка, какъ попадается немедленно подъ надзоръ полиціи, подъ такъ-называемое *precetto*. Лица, имѣвшія несчастіе подвергнуться ему, надолго, иногда на всю жизнь, бываютъ обречены на нѣчто въ родѣ монастырскаго послушанія: они должны при заходѣ солнца немедленно возвращаться домой и не покидать его до утра, не могутъ выѣзжать за городъ, даже для прогулки, полиція можетъ во всякое время посѣщать ихъ и слѣдить за исполненіемъ своихъ предписаній. Число лицъ, находящихся подъ *precetto*, огромно и увеличивается съ каждымъ днемъ. Г. Эдмондъ Абу увѣряетъ, что въ одномъ Витербо, при народонаселеніи въ 14.000 человѣкъ, ихъ не менѣе 250; въ другихъ обширнѣйшихъ городахъ ихъ конечно несравненно болѣе. Всякое отступленіе отъ упомянутыхъ нами поли-

цейскихъ правилъ подвергаетъ виновнаго тюремному заключенію, что можетъ, конечно, считаться одною изъ самыхъ послѣднихъ степеней наказанія, ибо римскія тюрьмы ужасны. Несчастные преступники десятками заключаются тамъ въ небольшихъ комнатахъ, не имѣютъ воздуха, обременены цѣпями и должны довольствоваться отвратительною, не рѣдко даже вредною пищей. Главная тюрьма Римской области, Пальяно, превосходитъ можетъ-быть всѣ прочія дурнымъ своимъ устройствомъ. Въ 1856 году, заключенные въ ней преступники, выведенные изъ терпѣнія бѣдственнымъ положеніемъ своимъ, рѣшились бѣжать, хотя едвали могли разчитывать на успѣхъ своего предпріятія: бо́льшая часть этихъ несчастныхъ, дѣйствительно, были перестрѣляны въ то время, какъ пробирались по крышамъ тюрьмы. Но не однѣ только тюрьмы ожидаютъ въ Римской области тѣхъ, кто осмѣливается возвышать свой голосъ противъ существующихъ злоупотребленій: смертная казнь употребляется тамъ, быть-можетъ, еще чаще, чѣмъ даже въ Неаполѣ. Особенно относится это къ адріатическимъ провинціямъ, гдѣ политическій надзоръ за гражданами принадлежалъ, до послѣднихъ событій, пополамъ папскому и австрійскому правительствамъ. Несомнѣнные факты показываютъ, что въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ въ Анконѣ подверглись за политическія преступленія смертной казни 60, въ Болоньѣ 180 человѣкъ. Австрійское военное начальство, господствовавшее въ этихъ городахъ, не хотѣло ничего знать о законахъ, распоряжалось въ Римской области какъ бы въ своей собственной странѣ. Одинъ изъ достойнѣйшихъ италіянскихъ патріотовъ, г. Фарини, разказываетъ въ недавно-изданной имъ брошюрѣ случай, который можетъ дать понятіе объ австрійскомъ судопроизводствѣ. «Въ 1852 году, въ Феррарѣ, говоритъ онъ, жилъ молодой человѣкъ благороднаго происхожденія, прекрасно воспитанный, бывшій у всѣхъ на хорошемъ счету, по имени Гаэтано Унгарелли. Молодой человѣкъ этотъ былъ схваченъ по приказанію австрійскаго генерала, вмѣстѣ съ семью другими лицами, по обвиненію въ политическомъ заговорѣ. Ему сдѣлали допросъ о немъ самомъ, объ его сообщникахъ, ихъ планахъ и образѣ мыслей: онъ отвѣчалъ, что въ свои года не могъ еще имѣть долгой политической жизни и не знаетъ ничего, въ чемъ бы могъ упрекнуть себя. Тогда попытались тронуть его, говоря ему о родственникахъ, которые будто бы умоляли на колѣняхъ о немъ австрійскаго генерала. Затѣмъ прибѣгли къ угро-

замъ, но все одинаково безполезно: молодой человѣкъ молчалъ. Отъ угрозъ перешли скоро къ исполненію ихъ и принесли орудія бичеванія; Унгарелли просилъ, чтобъ его избавили отъ подобнаго позора; ему отвѣчали, что онъ долженъ въ такомъ случаѣ сдѣлать откровенное сознаніе. Въ теченіи двухъ часовъ онъ былъ подвергаемъ тѣлесному наказанію, которое нарочно прерывали отъ времени до времени. Вся эта сцена происходила въ присутствіи его друга, Доменико Малагутти, которому приписывали также составленіе какого-то возмутительнаго письма. Унгарелли и Малагутти были одинаково приговорены къ смертной казни. Фельдмаршалъ Радецкій смягчилъ это наказаніе для перваго изъ нихъ, осудивши его на двѣнадцать лѣтъ *carcere duro* и каторжную работу. Несчастный былъ дѣйствительно скованъ одною цѣпью съ отъявленными злодѣями въ анконской гавани, гдѣ онъ пробылъ восьмнадцать мѣсяцевъ, потомъ былъ переведенъ въ тюрьму Пальяно. Что касается до Доменика Малагутти, то онъ былъ разстрѣлянъ.»

Строгость римскаго правительства и достойнаго союзника его, правительства австрійскаго, неумолима, какъ мы уже замѣтили выше, только къ политическимъ преступленіямъ. Что касается до обыкновенныхъ уголовныхъ преступленій, то тутъ, напротивъ, господствуетъ непростительная слабость и проявляется незлобивость, свидѣтельствующая лишь о томъ, какъ мало интересуется папское правительство благосостояніемъ и безопасностію своихъ подданныхъ. Отъявленный разбойникъ имѣетъ множество средствъ укрыться отъ преслѣдующаго его правосудія: всякая церковь, монастырь, всякое церковное владѣніе, можетъ служить ему надежнымъ убѣжищемъ (asylum). Всѣмъ извѣстно, какимъ разгуломъ пользуются въ Римѣ бандиты, благодаря непроходимымъ дорогамъ и безпечности вооруженной силы. При Григоріѣ XVI римское правительство принуждено было вести съ ними по всей формѣ дипломатическіе переговоры и даже предлагало предводителямъ этихъ разбойничьихъ шаекъ богатыя пожизненныя пенсіи, если только они откажутся отъ своего страшнаго ремесла (1). Но даже въ томъ случаѣ, когда отъявленный преступникъ подвергается заслуженной казни, наказаніе его нисколько не служитъ спасительнымъ примѣромъ для народа. Правительство

(1) Рейхлинъ *Geschichte Italiens*, 115.

пользуется такою дурною репутаціей, что, когда оно даже съ полною справедливостію распредѣляетъ свои кары, всякій готовъ видѣть въ лицахъ, подвергающихся имъ, несчастныя и невинныя жертвы. Народу очень хорошо извѣстно, что при производствѣ слѣдствія употребляются пытки и тѣлесныя наказанія. Въ 1856 году самъ болонскій трибуналъ долженъ былъ публично осудить жестокія средства, *violenti e feroci*, которыми стараются вынудить сознаніе у обвиненныхъ. Къ тому же, въ то время какъ политическіе процессы рѣшаются въ нѣсколько часовъ, обыкновенные уголовные процессы длятся нерѣдко десять или пятнадцать лѣтъ; публика забываетъ, конечно, какое преступленіе совершилъ идущій на казнь, и почти всегда на пути своемъ онъ слышитъ: *poveretto!* съ выраженіемъ неподдѣльнаго къ нему сочувствія. Нужно прибавить къ этому возмутительное лицепріятіе, которымъ отличаются римскіе суды: клерикальная партія, проповѣдующая, по ученію Евангелія, всеобщее равенство и братство на землѣ, старается всѣми силами поддержать сословное различіе въ самой столицѣ католицизма. Въ то время какъ человѣкъ бѣдный и незнатный подвергается самымъ строгимъ наказаніямъ, для человѣка богатаго и извѣстнаго своимъ происхожденіемъ существуютъ всевозможныя послабленія. Доказательства этого разсыпаны обильно во всѣхъ, самыхъ безпристрастныхъ сочиненіяхъ о Римѣ, и мы жалѣемъ только, что г. Абу, какъ нарочно, выбралъ изъ нихъ наиболѣе неудачныя и неосновательныя. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ, что герцогъ Чезарини Сфорца убилъ, въ порывѣ гнѣва, своего слугу за грубость и отдѣлался только заключеніемъ на мѣсяцъ въ монастырь. Герцогъ поспѣшилъ протестовать противъ этой клеветы, ибо положительно доказано, что убійство совершено было имъ по печальной неосторожности и безъ всякаго злаго умысла. Онъ напечаталъ недавно въ *Times* письмо, адресованное къ нему самимъ г. Эдмондомъ Абу, въ которомъ французскій писатель сознаетъ свою ошибку и величаетъ герцога главою либеральной партіи, покровителемъ земледѣлія, другомъ прогресса, врагомъ клерикальнаго правленія и своимъ естественнымъ союзникомъ — похвалы, встрѣченныя, надо замѣтить, съ явнымъ презрѣніемъ тѣмъ лицомъ, къ которому онѣ относятся. Легкомысліе г. Абу нисколько не уменьшаетъ, впрочемъ, достовѣрности той истины, что знатное лицо въ Римѣ всегда имѣетъ средства уничтожить слѣды своего преступленія, или укрыться отъ отвѣтственности

за него. Но если убійство такъ часто находитъ въ Римѣ средства избѣгнуть достойной кары правосудія, то воровство пользуется еще большею безнаказанностію: оно совершается открыто, на широкую руку и, позволительно думать, даже съ содѣйствіемъ полиціи. Г. Эдмондъ Абу привелъ въ своей книгѣ достаточное количество разказовъ о томъ, какъ друзья и знакомые его были ограбливаемы среди бѣлаго дня, на большой дорогѣ, и получали на всѣ свои жалобы одинъ и тотъ же неизмѣнный отвѣтъ: «Che volete? что̀ хотите? бѣдность очень велика!» Безполезно было бы приводить здѣсь эти разказы, ибо всякій, посѣщавшій Римскія Владѣнія, можетъ черпать ихъ десятками изъ своихъ собственныхъ воспоминаній. Но самою полною безнаказанностію пользуется, сравнительно съ прочими, сословіе административное. Довольно упомянуть о процессѣ маркиза Кампаны, надѣлавшемъ такъ много шуму въ свое время, чтобы понять, до какой степени безстыдства можетъ дойдти грабежъ римскихъ высшихъ чиновниковъ. Кампана былъ директоромъ ссудной казны (monte di pietà): то былъ человѣкъ образованный, отличавшійся изящнымъ вкусомъ и имѣвшій особенную страсть къ коллекціямъ драгоцѣнныхъ вещей, обращавшихъ на себя вниманіе своею стариной или изящною отдѣлкой. Коллекціи эти поглащали почти всѣ, весьма значительные, его доходы, и вскорѣ онъ очутился безъ денегъ. Кампана рѣшился прибѣгнуть къ займамъ, но у кого же было лучше занять, какъ не у той же самой ссудной казны, которой онъ былъ директоромъ? И дѣйствительно, онъ занялъ 100.000 франковъ, подъ залогъ, съ вѣдома тогдашняго министра финансовъ, монсиньйора Галли. Вскорѣ способъ этотъ до того понравился Кампанѣ, что онъ рѣшился снова взять денегъ изъ кассы, но на этотъ разъ безъ всякаго уже залога и никому не говоря о томъ, то-есть покусился на чистое воровство. Въ теченіи двухъ лѣтъ, между 1854 и 1856 годами, похитилъ онъ такимъ образомъ 2.647.730 франковъ, и потомъ въ 1857 году еще 2.587.200 франковъ. Хищничество директора ссудной казны не могло конечно оставаться для всѣхъ тайною, несмотря на всѣ его старанія скрыть его; но возможно ли было подвергать отвѣтственности Кампану, когда онъ давалъ такіе превосходные пиры, когда домъ его открытъ былъ съ утра до ночи для всей римской знати? Въ прошедшемъ (1858) году, однако, кардиналъ Антонелли замѣтилъ, что скандалъ зашелъ слишкомъ далеко, и рѣшился положить ему конецъ: къ тому же маркизъ

Кампана былъ одинъ изъ немногихъ чиновниковъ свѣтскаго званія, не возбуждалъ къ себѣ, слѣдовательно, особеннаго сочувствія духовенства, и мѣсто, занимаемое имъ, давно уже прельщало роднаго брата кардинала. Кампана былъ уличенъ въ хищничествѣ и отданъ подъ судъ: пренія тянулись очень долго, и адвокатъ его, позволившій себѣ въ рѣчи нѣкоторыя смѣлыя выраженія о многихъ другихъ злоупотребленіяхъ въ Римѣ, былъ отставленъ на нѣсколько мѣсяцевъ отъ должности. Виновный былъ присужденъ къ каторжной работѣ на двадцать лѣтъ, но приговоръ этотъ былъ вскорѣ замѣненъ заключеніемъ въ какой-то монастырь, гдѣ онъ живетъ теперь въ совершенномъ спокойствіи.

Ежедневно происходятъ въ Римѣ явленія, совершенно противныя духу современной цивилизаціи, всѣмъ понятіямъ, принятымъ въ остальныхъ европейскихъ обществахъ. Вѣротерпимость не извѣстна даже по имени въ столицѣ католицизма, и иновѣрцы, особенно несчастные Евреи, подвергаются гоненіямъ, которыя характеромъ своимъ напоминаютъ средніе вѣка. Г. Эдмондъ Абу разказываетъ много случаевъ, подтверждающихъ это: удовольствуемся для примѣра нѣкоторыми. Евреи не имѣютъ права въ Папской Области пріобрѣтать себѣ землю для воздѣлыванія, и если изрѣдка это удается имъ, то не иначе, какъ подъ чужимъ именемъ. Одинъ изъ нихъ прибѣгнулъ къ этому способу и нѣсколько времени отлично велъ свои дѣла: хитрость его не долго оставалась, однако, тайною, и лишь только узнали сосѣди, кто настоящій владѣлецъ земли, какъ начали грабить его со всѣхъ сторонъ самымъ наглымъ образомъ. Тотъ, кто далъ Еврею свое имя для пріобрѣтенія земли, не могъ или не захотѣлъ подавать жалобу и вообще принимать какія-либо мѣры противъ того грабежа, которому она подвергалась. Мѣры эти, впрочемъ, не могли быть слишкомъ сложны или обременительны: надлежало только нанять нѣсколькихъ сторожей, но Евреи, по римскимъ законамъ, не могутъ нанимать себѣ христіянъ въ услуженіе. Несчастный землевладѣлецъ отправился къ начальнику французскаго гарнизона въ Римѣ, генералу Гюйону, откровенно объяснилъ ему все дѣло и просилъ заступничества. Генералъ началъ хлопотать очень ревностно: ему обѣщали сдѣлать исключеніе въ пользу Еврея, о которомъ идетъ рѣчь, не отнимать у него земли, позволить ему нанять сторожей, — но дни шли за днями, земля болѣе и болѣе терпѣла отъ грабежа, а обѣщаніе не испол-

нялось. Генералъ Гюйонъ рѣшился тогда прибѣгнуть къ болѣе энергическимъ мѣрамъ, — онъ прямо объявилъ кардиналу-министру внутреннихъ дѣлъ, что не выйдетъ отъ него до тѣхъ поръ, пока желанное разрѣшеніе не будетъ у него въ карманѣ. Министръ долженъ былъ уступить этимъ настоятельнымъ просьбамъ и вынесъ изъ кабинета своего бумагу, на которой обозначено было имя сторожа, долженствовавшаго поступить къ Еврею. Владѣлецъ земли былъ, конечно, въ восторгѣ и не зналъ мѣры своей благодарности французскому генералу,—но что̀ же оказалось? Сторожъ, имя котораго стояло въ министерскомъ дозволеніи, давно уже умеръ! Въ то же самое время полиція дала знать Еврею, что его ожидаютъ весьма непріятныя послѣдствія, если онъ вздумаетъ еще разъ обращаться съ просьбою къ г. Гюйону. Таковы гарантіи, которыми пользуется собственность Евреевъ въ Папскихъ Владѣніяхъ. Но не одна только собственность,—всѣ прочія, самыя законныя права ихъ не внушаютъ ни малѣйшаго къ себѣ уваженія. Въ городѣ Ченто, Феррарской области, богатый Еврей, г. Падова, былъ женатъ на весьма-красивой женщинѣ, тоже, разумѣется, Еврейкѣ. Черезъ нѣсколько времени она не захотѣла жить съ своимъ мужемъ, бѣжала отъ него и рѣшилась выйдти замужъ за христіянина. Кардиналъ Опиццони самъ совершалъ бракосочетаніе. Г. Падова обратился съ жалобою къ высшему правительству, но ему отвѣчали весьма грубымъ образомъ, что жидовскіе браки не признаются римскимъ закономъ. Сто́итъ упомянуть за тѣмъ объ исторіи Мортары, надѣлавшей въ свое время такъ много шуму, и тогда сдѣлается вполнѣ понятнымъ, почему, несмотря на нѣкоторыя либеральныя мѣры Пія IX, несмотря на то, что онъ разрушилъ ворота Гетто, позволилъ Евреямъ ходить днемъ по улицамъ, и не сгоняетъ уже ихъ насильно одинъ разъ въ недѣлю слушать христіянскія проповѣди въ церкви, — число ихъ уменьшается въ Римѣ съ каждымъ годомъ. При Григоріѣ XVI ихъ было тамъ 12.700, теперь же, по послѣднимъ исчисленіямъ, находится только 9.200 человѣкъ.

Скажемъ, въ заключеніе, нѣсколько словъ о финансовомъ состояніи Папскихъ Владѣній. Г. Эдмондъ Абу представилъ о немъ много любопытныхъ свѣдѣній въ своей книгѣ, которыя заимствованы имъ главнымъ образомъ изъ сочиненія маркиза Пеполи: *О государственномъ долгѣ Римской области.* Мы видимъ изъ нихъ, что едвали въ какой-либо другой странѣ налоги отличаются такою обременительностію. Въ Болоньѣ, на-

примѣръ, сельская поземельная собственность платитъ 160 фр. съ каждыхъ 100 фр. дохода, подлежащаго налогу: фискъ, такимъ образомъ, не ограничивается тѣмъ, что поглощаетъ весь доходъ, но ежегодно беретъ еще часть капитала. Правительство, мягкосердечное къ бандитамъ, считаетъ жестокость своею обязанностію, когда дѣло идетъ о взысканіи податей: въ 1855 году, напримѣръ, почти вся южная Европа терпѣла отъ болѣзни винограда, и въ то время какъ во всѣхъ другихъ странахъ правительства старались помочь несчастнымъ собственникамъ, въ Римѣ налогъ на виноградъ въ этомъ самомъ году простирался до 4.862.500 фр. Но такъ какъ съ владѣльцевъ виноградниковъ дѣйствительно нечего было взять, то всѣ общины должны были нести отвѣтственность за правильность и полноту сбора этого налога. Ввозъ и вывозъ товаровъ обложенъ самыми тягостными пошлинами: папское правительство взимаетъ по 10 процентовъ съ общей цѣнности всѣхъ вывозимыхъ и по 16 со всѣхъ ввозимыхъ товаровъ. Скотоводство крайне затруднительно въ Римѣ, ибо должно платить по 7 р. с. съ головы при продажѣ, еще больше того въ случаѣ вывоза. Лошади платятъ по 5 процентовъ со своей цѣнности каждый разъ, какъ они продаются, такъ что если одной лошади случится перемѣнить двадцать владѣльцевъ, то правительство получитъ съ нея то же самое, во что̀ она обошлась первому своему хозяину.

Таковы тягости, обременяющія торговлю и промышленность Римской области: можно было бы привести много другихъ примѣровъ, но и тѣ, которые приведены нами, говорятъ, кажется, довольно краснорѣчиво. Папское правительство не задумывается, правда, утверждать при всякомъ удобномъ случаѣ, что подданные его платятъ налоговъ не болѣе какъ по 9 фр. съ человѣка. Можно возразить на это, вопервыхъ, что объ умѣренности налоговъ никакъ нельзя судить по цифрамъ, что она познается только по сравненію съ общимъ богатствомъ народа. «Несравненно лучше платить много и быть богатымъ, какъ англійская нація, справедливо замѣчаетъ авторъ разбираемой нами книги. Что̀ сказали бы, напримѣръ, о правительствѣ королевы, если бы послѣ того, какъ торговля, промышленность, земледѣліе, всѣ отрасли народнаго богатства страны, пришли бы въ совершенный упадокъ, оно стало хвастаться тѣмъ, что каждый англійскій подданный платитъ не болѣе 9 фр. налога!» Но не говоря уже объ этомъ, совершенно несправедливо, будто Римляне платятъ столь умѣренную сумму: дѣло въ томъ, что

правительство считаетъ тутъ только одни прямые налоги, платимые государству, и не считаетъ налоговъ косвенныхъ, точно такъ же, какъ провинціяльныхъ и муниципальныхъ тяжестей. Что̀ касается до первыхъ, то они обременительны до послѣдней степени, ибо самые необходимые продукты, — вино, хлѣбъ, мука, мясо, овощи, сѣно, дрова,—обложены болѣе или менѣе высокою податью. Какъ высоки суммы, платимыя каждою провинціей или городомъ для собственнаго своего содержанія, можетъ дать совершенно достаточное понятіе одинъ примѣръ: Болонья платитъ ежегодно около 2.200.000 фр. прямыхъ налоговъ и 2.400.000 франк. провинціяльныхъ тяжестей, слѣдовательно, болѣе чѣмъ ту же самую сумму. Нужно ли говорить, что налоги и подати распредѣлены самымъ несправедливымъ образомъ и падаютъ преимущественно на промышленное, торговое населеніе и бѣдныхъ землевладѣльцевъ?

Государственные расходы Римской области простираются среднимъ числомъ ежегодно до 46 милліоновъ франковъ. Изъ нихъ 25 милліоновъ идетъ на уплату публичнаго долга, возрастающаго съ поразительною быстротой; 10 милліоновъ на швейцарскую гвардію и на несчастныхъ папскихъ солдатъ, *papalini*, какъ ихъ называютъ, которые никогда не участвуютъ въ войнахъ, а служатъ только для того, чтобы сопровождать религіозныя церемоніи да давить народъ при малѣйшемъ неудовольствіи съ его стороны; 3 милліона на тюрьмы, тоже не совсѣмъ необходимыя для народнаго благосостоянія и кромѣ того извѣстныя во всей Европѣ своимъ отвратительнымъ устройствомъ. Затѣмъ 2 милліона идутъ на министерство юстиціи, 250.000 фр. на публичныя работы, 1.500.000 фр. на благотворительныя заведенія и только 400.000 на народное просвѣщеніе. Такимъ образомъ изъ 46.000.000 фр. только 4.000.000 идутъ на то, что̀ могло бы дѣйствительно быть полезнымъ для народа, но и эта ничтожная сумма расхищается по большей части безъ всякой пользы. Слѣдуетъ ли удивляться, послѣ того, что при отвратительной администраціи, при всеобщемъ застоѣ промышленности и торговли, при бѣдности и праздности народонаселенія, Римское государство только и существуетъ займами? Государственный долгъ простирается теперь до 359.403.756 франковъ, и въ этой суммѣ содержаніе иностранныхъ,— французскихъ и австрійскихъ—войскъ обошлось до сихъ поръ болѣе чѣмъ въ 22 милліона фр. Бюджетъ прошедшаго года показываетъ дефицитъ въ 12 милліоновъ.

Какъ же устроено управленіе римскими финансами? Каноническое право строго запрещаетъ членамъ католической церкви заниматься какими бы то ни было денежными сдѣлками, оборотами, банкирскими дѣлами, торговыми и промышленными предпріятіями, а между тѣмъ все управленіе это, начиная съ самой должности министра финансовъ, находится въ рукахъ духовныхъ лицъ. Это послѣднее злоупотребленіе возбуждало наиболѣе неудовольствія противъ себя, и одною изъ первыхъ мѣръ Пія IX, въ исходѣ 1847 года, было учрежденіе такъ-называемой консульты финансовъ. Въ послѣдствіи, въ *Motu proprio* 1849 года, учрежденіе это было еще разъ подтверждено самымъ опредѣленнымъ образомъ: «Консульта, сказано въ немъ, будетъ подавать свой голосъ при опредѣленіи всѣхъ статей дохода, а равно будетъ контролировать и расходы. Съ мнѣніемъ ея будутъ согласоваться при назначеніи новыхъ налоговъ, при измѣненіи налоговъ существующихъ, при распредѣленіи ихъ, будутъ совѣщаться съ нею о средствахъ поднять торговлю и вообще обо всемъ, чтò можетъ служить къ увеличенію народнаго богатства.» Разумнымъ словамъ этимъ суждено до сихъ поръ оставаться только словами. Они были сказаны въ 1849 году, а консульта была собрана въ первый разъ только въ 1853 году, но съ тѣхъ поръ и до самаго послѣдняго времени она имѣла только номинальное значеніе. Обязанность ея состоитъ въ томъ, чтобы безмолвно соглашаться на всѣ мѣры папскаго правительства; никто не спрашиваетъ ея мнѣнія, а если она и подаетъ его въ нѣкоторыхъ случаяхъ безъ спросу, то мнѣніе это не имѣетъ рѣшительно никакой силы.

Таково политическое и гражданское состояніе Римской области въ настоящее время. Злоупотребленія, господствующія во всѣхъ отрасляхъ администраціи и судебнаго устройства, такъ возмутительны, положеніе общества, страдающаго отъ нихъ, такъ бѣдственно, что честные и просвѣщенные приверженцы папской власти, въ Европѣ, все рѣже рѣшаются возвышать теперь свой голосъ въ ея защиту. Они знаютъ, что дѣло, которое хотѣли бы они отстаивать, окончательно проиграно въ глазахъ всѣхъ лицъ, не зараженныхъ католическимъ суевѣріемъ и не слѣпо убѣжденныхъ въ непогрѣшимости папы *quand-même*. На дняхъ современное состояніе Римской области было предметомъ долгаго и серіознаго обсужденія въ собраніи, гдѣ власть римскаго первосвященника имѣетъ, правда, весьма мало поклонниковъ, но гдѣ безграничная свобода преній и уваженіе

ко всѣмъ высказываемымъ мнѣніямъ давали полную возможность этимъ немногимъ представить безпрепятственно апологію Пія IX и его министровъ. Мы говоримъ о засѣданіи 28 іюля въ англійскомъ парламентѣ (1). Два ирландскихъ католика, г. Бауйеръ (Bowyer) и г. Мегиръ (Maguire) явились ревностными защитниками теперешняго римскаго правительства и того политическаго и гражданскаго порядка, который оно поддерживаетъ въ своемъ государствѣ. По мнѣнію ихъ, Италія не можетъ имѣть правительства, которое болѣе отвѣчало бы политическимъ ея потребностямъ и ревностнѣе заботилось бы объ ея благосостояніи. Великое достоинство его заключается во-первыхъ въ томъ, что оно вполнѣ національно. Имѣлъ ли бы Римъ какое-нибудь значеніе въ Европѣ, еслибы намѣстники Св. Петра не избрали его своею столицей? Что̀ могло бы спасти его въ противномъ случаѣ отъ того, чтобы не низойдти ему на равную ступень съ Болоньей, Феррарой, Моденой, Пармой и другими городами полуострова? «Папы всегда были опорою національной партіи, воскликнулъ г. Бауйеръ. Юлій II говорилъ венеціянскому посланнику: «Во всей Италіи только два національныхъ государя—герцогъ капуанскій и моя тіара.» Герцога капуанскаго уже нѣтъ, а тіара еще цѣла, и до сихъ поръ не лишилась своего прежняго величія!» Во всемъ, что̀ ставится теперь просвѣщенною Европой въ упрекъ папской власти, г. Бауйеръ видитъ, напротивъ, ея великую заслугу. Онъ не отрицаетъ, что управленіе Римской области находится въ рукахъ духовенства, но что̀ же, спрашиваетъ онъ, въ томъ дурнаго? Человѣкъ свѣтскій исполненъ мірскихъ и эгоистическихъ интересовъ; онъ увлекается ими то въ ту, то въ другую сторону, духовное же лицо стоитъ выше всѣхъ земныхъ страстей и умѣетъ сохранить невредимымъ свое безпристрастіе. Другой католикъ, г. Мегиръ, не ограничился только общими разсужденіями; онъ обратился къ самымъ фактамъ. «Не стану возражать на всѣ клеветы, которыми вошло въ обыкновеніе осыпать папское правительство, сказалъ онъ. Замѣчу только, что въ послѣдніе годы оно улучшается съ каждымъ днемъ, что это правительство вполнѣ хорошее, прогрессивное, и г. Гладстонъ лучше ладилъ бы съ финансами, еслибъ онъ былъ не англійскимъ, а римскимъ канцлеромъ казначейства.» Доказательство

(1) См. *Times*, Friday, July 29, 1859.

такого страннаго мнѣнія г. Мегиръ видитъ въ томъ, что финансы Рима находились бы въ блестящемъ положеніи, еслибы республиканская партія не оставила послѣ себя на 7 милліоновъ ф. ст. (42 милліона руб. сер.) ассигнацій, потерявшихъ почти всякую цѣнность. Онъ забываетъ только при этомъ объяснить, почему республиканцы умѣли внушить довѣренность къ своимъ ассигнаціямъ, не прибѣгая для этого, какъ положительно теперь извѣстно, ни къ какимъ насильственнымъ мѣрамъ. Точно такъ же и во всемъ остальномъ: г. Мегиръ указываетъ на значительное число воспитанниковъ въ римскихъ семинаріяхъ, не говоря ни слова о томъ, какого рода воспитаніе получаютъ они тамъ; указываетъ на количество миль, на которыя простирается телеграфъ, забывая, что въ наше время телеграфъ не рѣдкость почти во всѣхъ странахъ Европы. Но главные доводы, которыми оба названные нами члена палаты общинъ думали извинить теперешнее папское правительство, заключаются въ бѣдственномъ состояніи римскаго народонаселенія. Римскій народъ, по ихъ мнѣнію, до такой степени зараженъ лѣностію, безпечностію и всевозможными пороками, что нелѣпо было бы желать для него того самоуправленія, которое производитъ такія чудеса въ Англіи. «Благородный лордъ, проведшій такъ много времени въ Италіи, замѣтилъ г. Бауйеръ, обращаясь къ лорду Джону Росселю, казалось, долженъ былъ бы знать, что̀ такое италіянскій народъ. Онъ не можетъ не знать, что Италіянцы вовсе не похожи на Англичанъ. Когда онъ говоритъ о необходимости для жителей Римской области устроить самимъ свое управленіе и выразить свободно и безпрепятственно, въ чемъ заключаются ихъ потребности, то забываетъ, конечно, что политическія партіи будутъ болѣе деспотически тяготѣть надъ народонаселеніемъ, чѣмъ теперешнее правительство. Можетъ ли послѣ этого говорить благородный лордъ о спокойномъ выраженіи общественнаго мнѣнія, какъ будто бы дѣло шло о парламентскихъ выборахъ въ Миддльсексѣ? Все это вигскія теоріи, вовсе неприложимыя къ италіянскому обществу, сложившемуся совсѣмъ при другихъ условіяхъ, чѣмъ общество нашей страны.»

Не трудно было, конечно, опровергнуть эти софизмы. Не трудно было изобличить эти устарѣвшія замашки всѣхъ деспотическихъ правительствъ въ родѣ римскаго, которыя, прикрываясь мнимымъ невѣжествомъ и неспособностію къ политической жизни своихъ подданныхъ, на этомъ основаніи счи-

таютъ себя въ правѣ нисколько не заботиться объ ихъ благѣ. Разумное и благонамѣренное правительство должно опираться въ подвластномъ ему обществѣ на самый просвѣщенный классъ людей. Вопросъ въ томъ, находится ли такой классъ въ Римской области. Знаменитѣйшіе государственные люди Англіи, наиболѣе знакомые съ состояніемъ италіянскаго полуострова, не задумались отвѣчать на него утвердительно. «Грустно слышать мнѣніе, замѣтилъ г. Гладстонъ, будто бы въ Италіи, и особенно въ Папскихъ Владѣніяхъ, находятся только двѣ партіи — одна крайняя республиканская, а другая слѣпо привязанная къ папской власти и готовая отстаивать всѣ ея злоупотребленія; что будто бы тамъ нѣтъ партіи умѣренно-либеральной или вигской, какъ выразились сейчасъ умышленно. Если подъ вигскою партіей подразумѣвать ту, которая привержена къ разумной, конституціонной свободѣ, то смѣло утверждаю, что она существуетъ въ Римской области. Ряды ея, правда, мельчаютъ съ каждымъ днемъ, но происходитъ это отъ того, что, вслѣдствіе невыносимыхъ гоненій, она находитъ невозможнымъ оставаться въ своемъ отечествѣ и переселяется въ другія страны, гдѣ болѣе свободы для мысли и дѣйствій. Нельзя не замѣтить при этомъ, что во всей Европѣ приверженцы крайнихъ политическихъ теорій и поклонники абсолютизма готовы съ радостью и заодно осыпать насмѣшками мысль о существованіи въ Италіи класса людей, привязаннаго къ разумнымъ либеральнымъ учрежденіямъ. Еслибы классъ этотъ пользовался вліяніемъ на правительство Римской области, дѣла пошли бы тамъ вовсе не такъ, какъ идутъ они теперь, и приверженцы папы убѣдились бы, что нападки на управленіе его происходятъ не отъ вражды къ католической религіи. Касательно самого себя, по крайней мѣрѣ, могу увѣрить, что я очень уважаю папу и желаю только, чтобы у него постоянно былъ подъ носомъ парламентъ, въ родѣ, напримѣръ, парламента піемонтскаго, который мѣшалъ бы этому непогрѣшимому лицу дѣлать каждый день непростительные промахи.» Лордъ Пальмерстонъ отвѣчалъ однимъ только доводомъ на рѣчи двухъ упомянутыхъ нами ирландскихъ членовъ, но доводомъ неопровержимымъ. «Римское правительство, замѣтилъ онъ, не имѣетъ рѣшительно никакого оправданія въ глазахъ просвѣщенной Европы. Если оно такъ хорошо и такъ прогрессивно, какъ хотѣлъ увѣрить насъ почтенный джентльменъ (г. Бауйеръ), то чѣмъ же объяснить то несомнѣнное обстоя-

тельство, что давно было бы оно низвергнуто, еслибы только не опиралось на чужеземныя войска? Оно само нисколько не обольщаетъ себя на этотъ счетъ, а кому же, кажется, какъ не ему, знать лучше настоящее расположенiе умовъ въ Римской области? Не въ характерѣ людей низвергать безъ причины какое бы то ни было правительство. Говорятъ, правда, что человѣкъ, по природѣ своей, будто бы разрушительное животное, но вѣдь все-таки не въ такой же степени. *(Смѣхъ.)* Напротивъ, мы видимъ, что если правительство хорошо, то даже въ томъ случаѣ, когда оно возбуждаетъ противъ себя неудовольствiе меньшинства, большинство, здравымъ смысломъ своимъ, сдерживаетъ это неудовольствiе. Въ 1848 году, напримѣръ, нашей собственной столицѣ угрожало возмущенiе; что̀ же случилось? Сотня тысячъ благомыслящихъ гражданъ вооружились не пистолетами, не кинжалами, а простыми палками, и городъ остался такъ же спокоенъ въ этотъ день, какъ днемъ ранѣе и днемъ позднѣе. То же самое происходило бы и въ Римѣ, еслибы тамъ было дѣйствительно хорошее правительство.»

Мы упомянули, кажется, обо всемъ, что̀ находится любопытнаго въ книгѣ г. Эдмонда Абу: остается сказать только нѣсколько словъ о тѣхъ средствахъ, которыя онъ считаетъ наиболѣе дѣйствительными для преобразованiя Римской области. Г. Абу — истый Французъ, съ ногъ до головы; понятно, слѣдовательно, что средства эти состоятъ, по его мнѣнiю, въ одномъ — въ устройствѣ хорошаго правительства. Еслибы только вмѣсто теперешняго римскаго управленiя поставлено было другое, въ родѣ, напримѣръ, того, которое существуетъ во Францiи, все пошло бы отлично, и Римская область превратилась бы внезапно въ страну, цвѣтущую всякимъ довольствомъ. Мы далеко не раздѣляемъ столь сладостныхъ надеждъ. Мы знаемъ, что хотя въ Римской области есть классъ людей, сознающихъ бѣдственное положенiе страны и достаточно просвѣщенныхъ для того, чтобы помочь ему, все-таки большинство народонаселенiя сильно заражено тѣми недостатками, которые обыкновенно развиваются при отсутствiи всякихъ политическихъ интересовъ и всякой полезной гражданской дѣятельности. Если оно не разъ возставало единодушно противъ тяготѣвшаго надъ нимъ гнета, то только оправдывало этимъ слова, сказанныя недавно г. Гизо̀: «Есть степень дурнаго правительства, которой народы, большiе и малые, невѣжественные и просвѣщенные, одинаково

не переносятъ въ наше время» (1). Но нельзя не сознаться, что никакое правительство, можетъ-быть, не обязано нести такой строгой отвѣтственности за общество, подвластное ему, какъ правительство римское. Римскій народъ не могъ трудиться надъ своимъ благосостояніемъ; всѣ сѣмена жизни были подавляемы въ немъ ревнивыми пастырями. Но еслибъ и ожили эти сѣмена, римскій народъ не могъ бы измѣнить правительственную систему въ смыслѣ болѣе сообразномъ съ своими потребностями, ибо система эта постоянно опиралась на чужеземную помощь, служившую ей всѣми своими силами.

Владѣнія папы состоятъ изъ областей, весьма различныхъ между собою и по матеріяльнымъ богатствамъ и по степени развитія народонаселенія: адріатическія провинціи стоятъ въ этомъ отношеніи несравненно выше тѣхъ, которыя находятся по ту сторонъ Апеннинъ. Обязанныя одинаково съ ними изнывать подъ бременемъ дурнаго правительства, не разъ провинціи эти поднимали знамя возмущенія: духъ оппозиціи Риму никогда не умиралъ въ нихъ, и еще за долго до начала послѣдней войны графъ Кавуръ говорилъ, что онѣ достаточно созрѣли для того, чтобы пользоваться либеральными учрежденіями. Недавнія событія, кажется, подтвердили это мнѣніе: вся Романья, значительная часть Умбріи и Мархій, поспѣшили свергнуть съ себя власть папы и, предоставленныя самимъ себѣ, умѣли сохранить порядокъ и уваженіе къ закону. Будемъ надѣяться, что Европа поможетъ имъ въ этомъ дѣлѣ и по крайней мѣрѣ положитъ конецъ насильственному сохраненію въ сердцѣ Италіи невозможнаго порядка вещей, посредствомъ иноземной вооруженной силы. Очищеніе Папскихъ Владѣній отъ французскихъ войскъ будетъ мѣрою болѣе полезною для Италіи, болѣе надежною и болѣе гуманною, чѣмъ рѣзня при Маджентѣ и Сольферино...

Ев. Ѳеоктистовъ.

(1) *Mémoires*, tome II, 293.

ЖЕНЩИНА И ЛЮБОВЬ

ПО ПОНЯТІЯМЪ Г. МИШЛЕ

L'amour par M. J. Michelet. Paris 1859.

Въ обществѣ, гдѣ нѣтъ еще, или нѣтъ уже серіозныхъ интересовъ, политической жизни и общественной дѣятельности, самые разговоры людей, сходящихся вмѣстѣ, принимаютъ характеръ пустой и мелкій. Виною бытъ страны, ея государственное устройство. Когда человѣку интересоваться нечѣмъ, когда у него нѣтъ ни политической, ни общественной дѣятельности, когда литература ничтожна, о чемъ остается говорить? Тогда въ гостиныхъ возникаютъ обыкновенно такіе вопросы, которые или давно разрѣшены жизнію, или вовсе не разрѣшимы. Намъ часто случалось слышать, особенно въ старые годы, постоянныя, длинныя, скуку наводящія пренія о томъ, что̀ такое любовь? кто выше, мущина или женщина? можетъ ли существовать дружба между мущиной и женщиной, и какова наконецъ должна быть любовь, страстная или разумная? Очевидно, что на такіе вопросы не можетъ быть дано ни утвердительныхъ, ни отрицательныхъ отвѣтовъ. На нихъ можно отвѣчать только другими вопросами: каковъ мущина? какова женщина? какова обстановка жизни? какова среда? каковы характеры? Всѣ выше поименованные вопросы похожи на слѣдующій: двое мущинъ могутъ ли быть дружны до конца своей жизни? Одна жизнь

даетъ отвѣтъ на такія задачи, потому что обстоятельства обусловливаютъ ихъ рѣшеніе, а всякое преніе по этому поводу похоже на толченіе воды и на многоглаголаніе отъ праздности.

То же самое многоглаголаніе объ отвлеченныхъ сентиментальныхъ предметахъ возникаетъ съ необычайною плодовитостію въ литературахъ, вымирающихъ или находящихся въ переходномъ состояніи. Въ такія эпохи появляется множество книгъ, трактующихъ не о серіозномъ чувствѣ, а о чувствованьицахъ и утонченныхъ, донельзя, теоріяхъ сердечныхъ и другихъ ощущеній и отношеній, словомъ, о всякомъ сентиментальномъ вздорѣ. Сентиментальничанье всегда какъ-то странно соединяется съ грубымъ матеріялизмомъ, и приторно чувствительныя книги появляются въ одно время съ книгами содержанія вольнаго и изъ рукъ вонъ неприличнаго. Такъ напримѣръ во Франціи, еще до первой революціи, съ одной стороны читались пастушескіе романы Флоріана, идилліи Кино, отвлеченно-религіозныя стихотворенія Жанъ-Батиста-Руссо, нѣжно сладкія поэмы Делиля, съ другой произведенія Кребильйона младшаго, стихотворенія Пирона и романы Вольтера.

Почти то же самое совершается и теперь во французской литературѣ. Рядомъ съ книгой г. Мишле *De l'amour*, о которой мы хотимъ поговорить, являются романы подобные Фанни и новое сочиненіе г. Прудона: *De la justice dans la révolution*, въ послѣдней части которой онъ говоритъ о женщинахъ вообще и о многихъ женщинахъ знаменитыхъ по праву въ исторіи Франціи, съ такимъ изумительнымъ цинизмомъ и такою неслыханною грубостію выраженія, которая едва ли не перещеголяетъ площадную брань.

Книга г. Мишле надѣлала много шуму, была прочитана съ жадностію, и вызвала во всѣхъ французскихъ журналахъ большіе и подробные о себѣ отчеты; мы послѣдуемъ этому примѣру и постараемся разказать *словами* г. Мишле все содержаніе его произведенія. Начнемъ съ предисловія, въ которомъ авторъ разказываетъ, что̀ именно заставило его взять перо въ руки и написать свой трактатъ о любви.

«Въ первый разъ, въ 1836 году, говоритъ онъ, при видѣ мутнаго литературнаго потока, который заливалъ насъ, я захотѣлъ разказать исторію. Я весь былъ погруженъ въ средніе вѣка. Я написалъ тогда наудачу нѣсколько страницъ о женщинахъ среднихъ вѣковъ и, къ счастію, остановился.

«Въ 1844 году довѣренность молодаго поколѣнія и, смѣю сказать, всеобщая симпатія окружали меня на моей каѳедрѣ исторіи и нравственности. Я увидѣлъ и узналъ многое. Я познакомился съ общественными нравами, я сознаалъ необходимость *серіозной* книги о любви. Въ 1849 году, когда соціальная трагедія сокрушала всѣ сердца, въ воздухѣ распространился ужасающій холодъ. Казалось, что вся кровь отхлынула отъ жилъ нашихъ. При видѣ этого явленія, которое какъ будто было признакомъ изсякновенія всякой жизни, я призвалъ себѣ на помощь ту небольшую долю теплоты, которая еще оставалась. Я воззвалъ на помощь закону къ нравамъ, говорилъ объ *очищеніи* любви и семейныхъ отношеній... Люди, всегда недовѣрчивые и замкнутые, боящіеся насмѣшки пуще всего, открылись мнѣ безъ боязни (я никогда не смѣялся). Блестящія, свѣтскія дамы, тѣмъ болѣе несчастныя, что ихъ окружалъ этотъ свѣтъ и этотъ блескъ, другія богомольныя, любознательныя, строгія и—скажу ли?—даже монахини переступили мнимыя границы приличія и пренебрегли общественнымъ мнѣніемъ, какъ дѣлаютъ больные. Я сохранилъ старательно и съ уваженіемъ, которое они заслуживаютъ, эти странныя, неоцѣненныя и трогательныя признанія. Не я сдѣлалъ первый шагъ къ обществу; общество пришло ко мнѣ. Такимъ образомъ я пріобрѣлъ обширныя знанія. Тайны нашей человѣческой природы, которыхъ я не могъ бы угадать, мнѣ вдругъ открылись. Въ нѣсколько немногихъ лѣтъ я узналъ больше, чѣмъ бы могъ когда-нибудь узнать, вглядываясь въ монотонное зрѣлище, которое представляютъ наши гостиныя каждый вечеръ. Я узналъ, я увидѣлъ тайникъ сердецъ... Этой толпѣ я отдалъ свое сердце — ужь никакъ не меньше. Что̀ же отдала она мнѣ взамѣнъ?»

Итакъ, передъ нами плодъ не только долголѣтнихъ наблюденій (книга г. Мишле, какъ мы видимъ зрѣла, еще съ 1836 года), но еще и результатъ всѣхъ признаній, которыя удалось пожать автору, благодаря всеобщей довѣренности къ его извѣстному и славному имени. Книга г. Мишле о любви не есть, стало-быть, мимолетный плодъ досуга и извѣстнаго настроенія ума. Это очень важно, при оцѣнкѣ сочиненія, и мы спѣшимъ это заявить нашимъ читателямъ. Посмотримъ теперь, что̀ же дала г. Мишле толпа въ замѣнъ его сердца.

«Однажды утромъ, продолжаетъ онъ, когда я работалъ у себя, необузданный молодой человѣкъ, котораго не могло остановить приказаніе не принимать, ворвался въ домъ мой, постучался въ дверь и вошелъ.

«— Милостивый государь, сказалъ онъ,—извините мое несвоевременное посѣщеніе; вы не разсердитесь, я принесъ къ вамъ новость. Хозяева извѣстныхъ кафе, нѣкоторыхъ домовъ, извѣстныхъ публичныхъ баловъ, жалуются на ваше ученіе. Ихъ заведенія, говорятъ они, пустѣютъ. Молодые люди заразились страстію къ серіознымъ разговорамъ. Они забываютъ свои прежнія привычки. Они начинаютъ ужь любить не такъ... Публичные балы, того и гляди, закроются. Всѣ

эти люди, которые до сихъ поръ наживали деньги, благодаря молодежи, опасаются нравственной революціи, которая разоритъ ихъ.»

«Я взялъ его за руку и сказалъ ему:

«— Если то, что вы сказали сбудется, я объявляю вамъ, что это мой тріумфъ и моя побѣда Я не хочу иного успѣха. Въ тотъ день, когда молодые люди станутъ безукоризненно-нравственны, свобода будетъ спасена! Пусть достигну я моимъ ученіемъ такого результата, и я *положу его какъ вѣнецъ моей жизни на мою могилу.*»

«Онъ ушелъ. Оставшись одинъ, я сказалъ себѣ: рано или поздно, я воздамъ имъ приношеніемъ. Я имъ напишу книгу объ *освобожденіи отъ нравственнаго рабства*, *книгу объ истинной любви.*»

Книга эта теперь въ рукахъ нашихъ. Она, по собственнымъ словамъ автора, написана для молодаго поколѣнія, съ цѣлью перевоспитать его, поднять нравственность, спасти свободу, совершить нравственное преобразованіе: задача огромная, неслыханная, высокая! Посмотримъ же, что̀ есть въ этой книгѣ? Начиная свои разсужденія и размышленія о женщинѣ, г. Мишле почти вездѣ отдаетъ ей преимущество надъ мущиной. По нашему мнѣнію, это не совсѣмъ справедливо, уже потому, что мущину и женщину сравнивать невозможно. Они сходны только въ одномъ, что онъ и она—люди, что Богъ вложилъ въ нихъ одинаково безсмертную душу. За тѣмъ сфера ихъ дѣятельности различна, различна и ихъ организація, часто рознятся и ихъ способности, наклонности и въ особенности характеръ. Быть-можетъ—и мы ужь никакъ не будемъ спорить объ этомъ—умъ мущины глубже, шире и яснѣе; нравственная сила его (какъ и физическая), безъ сомнѣнія, гораздо крѣпче. Но эти преимущества не такъ значительны, чтобы *совершенно* поработить женщину мущинѣ. У нея есть другія качества, которыми она въ свою очередь можетъ похвалиться. Чувствительность и нѣжность сердца, такъ-сказать чутье его, способность совершенно особенная, съ помощію которой женщина, лишенная вовсе ума, можетъ понять многое, необычайная впечатлительность и воспріимчивость, и многія другія особенности ума и сердца, которыя трудно перечесть, вознаграждаютъ съ избыткомъ недостатокъ глубины въ умѣ и нравственной силы. Сравнивать мущину и женщину невозможно уже и потому, что они дополняютъ другъ друга. Таковъ отчасти и смыслъ текста Писанія: *не хорошо человѣку быть одному, сотворимъ ему помощницу*. Дѣйствительно, не хорошо мущинѣ жить одному, и еще менѣе возможно это женщинѣ. Старый холостякъ и старая дѣвица пріобрѣтаютъ огромное количество

недостатковъ и легко заражаются эгоизмомъ, мертвящимъ всѣ лучшія стороны души человѣческой. Счастливый бракъ облагораживаетъ самыя пошлыя натуры. Не говоря уже о страстной любви, всякая привязанность дѣйствуетъ на человѣка благодѣтельно, нравственно подымаетъ его, дѣлаетъ его мягче и лучше. Эта истина до такой степени извѣстна и принадлежитъ къ такимъ азбучнымъ понятіямъ, что развивать ее нѣтъ никакой нужды.

Приступая къ возможно-подробному изложенію содержанія книги г. Мишле, мы будемъ постоянно говорить словами его и со строгою добросовѣстностію слѣдить за нимъ, чтобы дать читателямъ самое вѣрное понятіе о воззрѣніяхъ и мнѣніяхъ автора; иногда намъ придется переводить почти буквально; если что-нибудь покажется читателямъ неяснымъ, даже лишеннымъ смысла, мы просимъ ихъ вспомнить, что вина падаетъ не на насъ. Переводчикъ и компиляторъ, передающій въ сжатой формѣ мысли автора,—рабъ его.

«Долго, говоритъ г-нъ Мишле, женщина была какъ бы нѣма. Она ничего не говорила. Посмотрите, въ одной индійской поэмѣ, на горесть любовника, который не можетъ сорвать слова съ прекрасныхъ устъ своей возлюбленной. Онъ не знаетъ, любимъ ли онъ. Что она такое, лицо или вещь? Во имя тѣхъ, кого ты любишь, не заговоришь ли ты, наконецъ?

«— Какъ мнѣ знать, о господинъ мой!...»

«Но вотъ она заговорила. О счастіе! Она живое лицо! Изъ мрачной роковой глубины отозвалась ея воля. Она можетъ ненавидѣть — тѣмъ лучше, стало быть она можетъ и любить! Я хотѣлъ ее такою! Этотъ первый, живой порывъ прельщаетъ, а не пугаетъ меня. Объяснимся, прекрасная Клоринда. Избави меня Богъ вступить съ вами въ поединокъ. Я лучше хочу, чтобы вы меня ранили; но увы! вы уже ранены сами! Строгая къ вамъ природа осудила васъ на это для того, чтобы васъ постоянно излѣчивали..

«Если первыя слова женщины показались намъ словами возмущенія, кто можетъ ошибиться въ томъ, что они не болѣе какъ крики боли этой бѣдной страдалицы при первомъ волненіи пробужденія?..»

Изъ Индіи, г. Мишле переходитъ къ новѣйшему обществу и продолжаетъ такъ:

«Шумъ и блескъ литературнаго успѣха очень увеличили въ нашихъ глазахъ совершившуюся въ обществѣ перемѣну. Все это волненіе только внѣшнее. Женщина осталась тою же, какъ и была. Если сказать правду, между нами мущинами (мы не скажемъ это женщинамъ), мы были смѣшны, когда мы сердились и бранились. Этотъ поединокъ только кажущійся. Женщины нисколько не принимали участія въ тѣхъ воин-

ственныхъ крикахъ, которые раздавались во имя ихъ. Какъ скоро у нихъ нѣтъ услужливыхъ пріятельницъ, которыя ихъ научаютъ сражаться, онѣ остаются добры, миролюбивы и желаютъ только быть любимыми.»

Изъ страннаго и непонятнаго дѣленія всѣхъ женщинъ на женщинъ и ихъ пріятельницъ, мы можемъ догадаться, что рѣчь идетъ о литературѣ 30 и 35 годовъ, когда во Франціи раздались первыя требованія эманципаціи женщинъ: слѣдуя за г. Мишле, мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ этотъ и спѣшимъ дальше. Что̀ такое женщина? Вотъ какъ опредѣляетъ ее этотъ знаменитый писатель:

«Женщина и ребенокъ—это аристократія прелести и граціи... Женщина ничего такъ не дѣлаетъ какъ мущина. Она думаетъ, говоритъ и дѣйствуетъ иначе. Мало того, она органически создана иначе. Она даже ѣстъ и дышетъ иначе, и выражаетъ свои чувства въ безмолвномъ краснорѣчіи, одними вздохами высоко подымающейся и опускающейся груди. Насѣкомыя и рыбы нѣмы; птица ужь поетъ; мущина говоритъ. Но женщина выше птицы и мущины; она лучше чѣмъ говоритъ, и лучше чѣмъ поетъ. Ея чарующій языкъ состоитъ въ страстныхъ вздохахъ. Мы, мущины, понимаемъ ее. Какія мужскія рѣчи сравнятся съ безмолвіемъ женщины, намъ столько понятнымъ?....

«Несмотря однакоже на всѣ эти совершенства женщины, на все ея обаяніе и всемогущую власть надъ мущиной, она существо слабое, и что еще болѣе достойно сожалѣнія и нѣжнѣйшаго участія, существо вѣчно-больное. О женщинахъ говорятъ, что онѣ капризны. Какая клевета! Онѣ только больны! Когда около женщины нѣтъ доброй, заботливой матери, которая бы ухаживала за ней, ей надо добраго мужа, услугами котораго она могла бы пользоваться и злоупотреблять ими (dont elle puisse user et abuser).

«Во всякую минуту дня она зоветъ его за дѣломъ и безъ дѣла. Что̀ съ ней? А кто ее знаетъ? Она взволнована. Ей страшно. Ей холодно. Ей приснилось что-то. Можетъ-быть будетъ гроза, она ужь ее чувствуетъ. «Дай мнѣ твою руку—успокой меня» — Но, другъ мой, мнѣ надо работать. «Такъ приходи же скорѣе, нынче я не могу обойдтись безъ тебя.»

Да это не женщина, а божеское наказаніе, скажетъ благомыслящій читатель. «Какъ люди ошибаются, отвѣчаетъ г. Мишле, какіе мущины прозаики! это только грація, поэзія, дѣтство. Это не женщина, это птичка. Это такъ мило.» Но быть-можетъ это минутное ея настроеніе? «О нѣтъ, говоритъ опять г. Мишле, какъ скоро женщина не крестьянка, она всегда такая, да и какъ же это можетъ быть иначе, вѣдь она всегда больна. Природа создала ее для вѣчнаго страданія и постоянной болѣзни. (Экая, подумаешь, природа мачиха, а говорятъ еще, будто

она премудра,—хороша премудрость!) Что съ ней дѣлать, то-есть съ женщиной? Ее надо, по совѣту автора, укладывать спать пораньше, сидѣть надъ ней, пока она уснетъ, и не довольно ли будетъ награжденъ тотъ, кто услышитъ, какъ она пролепечетъ во снѣ: «Боже мой! Я вручаю тебѣ мое сердце, тебѣ и моему мужу!»

За этимъ слѣдуетъ опять вопросъ, который, какъ тѣнь отца Гамлета, преслѣдуетъ г. Мишле по всей его книгѣ. Кто въ семейной жизни долженъ имѣть перевѣсъ, мущина надъ женщиной или женщина надъ мущиной? «Это цѣлая наука и цѣлое искусство, отвѣчаетъ онъ. Мы скажемъ объ этомъ только первое слово. Пусть другіе углубляются въ этотъ предметъ и разрабатываютъ его.»

Не лучше ли попроще? Это не наука и не искусство, а простыя отношенія, устроенныя самою природою. Тамъ, гдѣ воспитаніе и общество не исказили женщину, не развратили мущину, наука и искусство не нужны для опредѣленія отношеній мужа и жены: они устраиваются сами собою. Они также не нужны и для охраненія неприкосновенности брака. Тамъ, гдѣ женщина не дитя, гдѣ она вступаетъ въ бракъ, сознательно, свободно избирая мужа, мущинѣ не придется воспитывать ее, еще менѣе запирать и ревниво беречь ее. Гдѣ мущина не покупаетъ женщины, или не продаетъ себя ей за приданое, тамъ, за немногими исключеніями, онъ любитъ ее. Всего этого нѣтъ во Франціи, и потому г. Мишле взялъ на себя трудъ разказать подробно, какъ надо кормить, холить, лѣчить, любить (въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова) то существо, что-то среднее между ребенкомъ и идіотомъ, которое онъ называетъ женщиной. Кстати мы здѣсь предупреждаемъ читателей, что наша задача все становится труднѣе, все деликатнѣе, такъ что мы принуждены многое обойдти, многое совсѣмъ выпустить изъ книги, содержаніе которой мы излагаемъ. Элементъ клиники не совсѣмъ удобенъ и даже не совсѣмъ удобопонятенъ простымъ смертнымъ, не имѣющимъ претензіи, подобно г. Мишле, знать медицину и физіологію, также основательно, какъ любой докторъ. Къ тому же медицинскія подробности не всегда возможны и приличны, внѣ специяльнаго медицинскаго журнала.

«Должна ли женщина заниматься работой? спрашиваетъ г. Мишле. Нѣтъ. Любить—вотъ ея работа, вотъ цѣль ея жизни; она создана, чтобы любить, любить одного, любить вѣчно. Посмотрите только на нее, она спитъ. Пять часовъ утра. О чемъ она думаетъ, чего хочетъ она? Она

думаетъ одно, она хочетъ одного: она вся твоя, вся въ тебѣ. И теперь, когда она высказалась, попытаемся за нее сформулировать мысль ея, не сказать ли, законъ ея. Да, ея законъ, законъ любви: «мы, женщина, царица всей земли, повелѣваемъ мущинѣ измѣнить порядокъ на землѣ, сдѣлать изъ нея обитель правды, мира, счастія и свести небо на землю!» Сотвори для нея этотъ рай, а она тебѣ дастъ твой собственный. Призваніе женщины: передѣлать сердце мущины, насытить его любовію. Она будетъ для тебя всѣмъ: дочерью, сестрою, матерью. Въ тѣ минуты, когда, смущенный, ты не будешь находить путеводной звѣзды, посмотри на женщину и ты найдешь эту звѣзду въ глазахъ ея.»

Мы позволимъ себѣ небольшое замѣчаніе. Намъ кажется невозможнымъ предположеніемъ со стороны автора, чтобъ это дитя, эта птичка, это безсловесное и неразумное существо вдругъ могло принять на себя столько различныхъ ролей и стать наконецъ путеводною звѣздой мущины. Вѣдь это было бы осьмое чудо свѣта. Впрочемъ, слѣдуя по стезямъ г. Мишле, мы увидимъ и не такія чудеса.

И вотъ эта путеводная звѣзда начинаетъ свою полезную дѣятельность, какъ супруга, когда изъ восьмнадцатилѣтней дѣвочки дѣлается замужнею женщиной (г. Мишле хочетъ, чтобы женщина вступала въ бракъ восьмнадцати лѣтъ, а мущина въ двадцать ввосемь). Жена во всемъ ввѣряется мужу, вѣритъ безусловно, что онъ знаетъ все лучше чѣмъ она и чѣмъ весь свѣтъ, знаетъ больше чѣмъ ея отецъ и мать, которыхъ она оставляетъ, всплакнувъ немного, *но безъ особеннаго сожалѣнія.* Она вручаетъ свое сердце, свою особу, и ужь не только не будетъ расходиться съ нимъ во мнѣніяхъ, но ему отдастъ всѣ свои вѣрованія и помышленія. Она вступаетъ въ новую жизнь, не имѣющую никакого отношенія къ ея прошлому. «Пусть, говоритъ она, этотъ первый день брака будетъ днемъ моего рожденія. Я вѣрю чему ты вѣришь; твое отечество мое отечество; и твой Богъ мой Богъ.» А ты, мущина, желай, чего она желаетъ въ эту минуту, и поймай ее на этомъ словѣ. Передѣлай ее, возсоздай ее, *сотвори ее.* Возьми ее, какъ берутъ нѣжное, малое дитя.

И такъ путеводная звѣзда оказывается на дѣлѣ несостоятельною и возвращается къ своему первообразу, къ птичкѣ, къ дитяти, къ существу безсловесному и безсмысленному.

Затѣмъ слѣдуетъ опять вопросъ (вѣдь ихъ множество), должна ли быть жена богата или бѣдна и изъ какой именно націи? «Она должна быть бѣдна, отвѣчаетъ авторъ, потому что

нѣтъ богатой дѣвушки, которая была бы послушна. Къ тому же богатыя предъявляютъ такія притязанія насчетъ домашняго бюджета, что часто тотъ, кто думалъ обогатиться посредствомъ женитьбы, оказывается на дѣлѣ бѣднякомъ. Богатая не приметъ идей, привычекъ и образа жизни своего мужа. Она захочетъ подчинить его своимъ идеямъ и своимъ привычкамъ, и ссора вспыхнетъ. Незамѣтное и сладостное соединеніе двухъ жизней въ одну не совершится, а гдѣ нѣтъ этого, тамъ нѣтъ и брака.

Странное соединеніе, когда одинъ изъ двухъ требуетъ отъ другаго совершеннаго подчиненія не только въ привычкахъ и образѣ жизни, но даже въ идеяхъ; это ужь и не подчиненіе, а совершенное уничтоженіе одного изъ двухъ. Намъ кажется, насколько опытъ научилъ насъ, что тогда только есть соединеніе двухъ жизней въ одну, когда есть разумное равенство отношеній, то-есть обоюдныя уступки. Когда женщина не дитя, она, выходя замужъ, выбирая себѣ друга и покровителя, должна принять твердое намѣреніе жить не для себя одной, а для него, и всячески стараться о его спокойствіи, и нравственномъ и матеріяльномъ. Когда мущина беретъ жену не изъ выгодъ, не для себя одного, не для своихъ однихъ эгоистическихъ цѣлей, онъ непремѣнно принимаетъ намѣреніе сдѣлать ея счастіе и уступить ей въ случаѣ нужды все, что̀ можно уступить, не измѣняя своимъ убѣжденіямъ и правиламъ. Изъ обоюдныхъ уступокъ двухъ разумныхъ и развитыхъ существъ и создается то гармоническое цѣлое, тотъ тѣсный союзъ, на который и церковь проливаетъ свои благословенія, и который есть истинное, величайшее человѣческое счастіе. Всему этому учитъ насъ жизнь, но вѣдь это, въ сущности, проза, а г. Мишле любитъ заоблачную поэзію и требуетъ во имя ея иного. Онъ хочетъ поглощенія одного другимъ, уничтоженія одного въ другомъ. Бываютъ такіе случаи, мы не отрицаемъ. Но когда это совершается незамѣтно, добровольно, вслѣдствіе превосходства въ одномъ изъ двухъ нравственной силы и воли, которая неодолимо притягиваетъ одного и заставляетъ его уничтожиться, такъ-сказать, въ личности другаго, мы называемъ это нравственною необходимостью, закономъ природы. Но когда то же самое совершается вслѣдствіе требованій, мнимыхъ правъ и притязаній одного на другаго, то, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ уже употребить другое незавидное названіе. Это не болѣе, какъ нравственное насиліе, позорное рабство, противное природѣ всякаго человѣка, и слѣд-

ственно возбуждающее негодованіе, возмущеніе, а часто и ненависть. Избави Богъ всякаго отъ такого насильственнаго уничтоженія одного въ другомъ, кто бы онъ ни былъ, потому что мужъ, несмотря на то, что онъ мущина, не всегда избѣгаетъ этой жалкой участи, какъ во Франціи, такъ и въ другихъ странахъ.

«Жена должна быть бѣдна, потому что тогда, говоритъ г. Мишле, *она богата доброю волей*. Она любитъ и вѣритъ—великое слово! Чего остается желать для нея? Чтобъ она поняла того, кого любитъ.»

Опять поэзія; но мы, опять признаемся, любимъ прозу и еще болѣе любимъ отыскивать за всѣми фразами тайный смыслъ ихъ, и потому, хотя и съ сожалѣніемъ, дерзаемъ перевести пышныя слова эти на простой, обыкновенный, всѣмъ понятный языкъ. По нашему, это значитъ: женщина должна быть бѣдна, потому что тогда она будетъ въ совершенной зависимости отъ мужа. Въ этомъ только случаѣ онъ вполнѣ господинъ и повелитель ея и можетъ дѣлать изъ нея, что̀ ему угодно. Она, конечно, по увѣренію г. Мишле, останется и *царицей земли, и царицей всѣхъ людей*, и *путеводною звѣздой*, — все это такъ, никто о томъ и не споритъ — ну, а предосторожность на всякой случай терять изъ виду не слѣдуетъ. Если хотите властвовать, то женитесь на бѣдной, господа; женитесь на бѣдной, оно удобнѣе и мудрите тогда, сколько хотите, угнетайте въ волю: куда пойдетъ она, вѣдь у ней нѣтъ куска хлѣба! Какая, подумаешь, эта проза злодѣйка, какъ разъ изъ поэзіи слѣлаетъ что то ужь черезчуръ не красивое, да и не слишкомъ благородное!

Опять вопросъ. Кого взять въ жены? Нѣмку, Англичанку, Испанку или Италіянку? Нѣмка нѣжна и любяща, чиста помыслами; она дитя, которое создаетъ рай. (Мы никакъ не можемъ съ этимъ согласиться, но г. Мишле непремѣнно угодно видѣть дитятю, или птичку не только въ Нѣмкѣ, но и во всякой женщинѣ. Это его пунктъ помѣшательства, его конекъ, — у каждаго есть свой, — и мы охотно за нимъ оставляемъ его.) Англичанка цѣломудренна, мечтательна, честна, тверда, вѣрна домашнему очагу, любитъ уединеніе; она идеалъ жены. Страстная Испанка захватываетъ сердце мущины; Итальянка своею красотою, живымъ воображеніемъ, трогательною простотою очаровываетъ и побѣждаетъ. Но мущинѣ нужна душа, которая бы отвѣчала его душѣ проблесками ума и любви, которая бы обновляла его сердце прелестною живостію, веселостію, неожиданными выходками, рѣчами женщины, пѣніемъ птички. Мущинѣ

нужно Француженку. Француженка въ пятнадцать лѣтъ столь же *развита*, какъ Англичанка въ восьмнадцать, въ отношеніи организаціи. ***Католическое воспитаніе, въ особенности католическая исповѣдь рано развиваютъ ее въ этомъ отношеніи; музыка дѣлаетъ то же самое*** (?!). Англичанка учится музыкѣ съ трудомъ, Италіянка и Нѣмка любятъ музыку для музыки, но Француженка любитъ музыку, потому что это любовь, проявляющаяся въ искусствѣ. Доказательствомъ этому служитъ то, что лишь только она познакомится съ любовью, какъ это фортепьяно, на которомъ она столько играла, тотчасъ закрывается.

Нельзя сказать, чтобы доказательство было убѣдительно. По нашему мнѣнію, это доказываетъ только, что Француженка, живя дома въ неволѣ, занимается музыкой или отъ скуки, или по принужденію, и лишь только выходитъ замужъ, какъ бросаетъ всѣ свои дѣвическія занятія, потому что они далеко не составляли ея насущной потребности. То же самое, къ крайнему прискорбію, мы можемъ видѣть и въ русскихъ барышняхъ, воспитанныхъ по французской или пансіонской программѣ. Всякому случалось видѣть русскихъ дѣвушекъ, прекрасно повидимому воспитанныхъ; онѣ отлично играютъ на фортепьяно, прелестно поютъ, говорятъ на нѣсколькихъ языкахъ, почитываютъ нравственныя книжки для дѣвицъ и непремѣнно абонированы на *Journal des Demoiselles*; онѣ прилично одѣты, прилично болтаютъ въ гостиной и уже такъ скромны, что о нихъ ходятъ въ обществѣ истинно умилительные анекдоты дѣтскости и наивности. Въ семействѣ, когда ужь имъ минетъ за двадцать лѣтъ, онѣ безучастны ко всему и все слывутъ за ребенка. Посмотрите на нихъ года два послѣ замужства; въ провинціи онѣ часто обращаются въ толстыхъ, неопрятно одѣтыхъ женщинъ, которыя постоянно бранятся съ прислугой и становятся рьяными хозяйками, отъ которыхъ страдаютъ цѣлыя поколѣнія слугъ и крестьянъ. Въ столицахъ то же самое направленіе проявляется, правда, приличнѣе; оно болѣе замаскировано; чаще же всего оно измѣняется, но мужу не легче жить съ пустою свѣтскою женщиной, щеголихой, львицей, или женщиной нервною и раздражительною, лежащею по цѣлымъ часамъ на кушеткѣ въ ожиданіи поклонниковъ или посреди толпы ихъ. Справедливость требуетъ однако замѣтить, что въ послѣдніе годы все рѣже и рѣже можно встрѣтить такихъ женщинъ, но сказать, что онѣ совершенно вывелись, къ несчастію, невозможно. Такое гибельное направленіе въ женщинахъ есть, конечно, слѣдствіе недостатка образо-

ванія, отсутствія всякаго, какого бы то ни было, интереса, совершенное отсутствіе умственнаго и нравственнаго развитія, словомъ, слѣдствіе воспитанія на французскій ладъ. Въ послѣдніе годы воспитаніе нашихъ дѣвушекъ нѣсколько измѣнилось; измѣнились къ лучшему и самыя женщины; по крайней мѣрѣ, такъ намъ кажется. Мы просимъ извиненія за это длинное отступленіе, которое невольно напросилось на перо. Нельзя довольно часто напоминать о томъ пагубномъ вліяніи, которое имѣла и еще имѣетъ система воспитанія, ставящая себѣ задачей не образовать и развить женщину, а взростить невинное (будто бы) дитя, незнакомое съ свободой и волею, насколько они предоставлены женщинѣ обществомъ, даже еслибъ она была и не замужемъ, незнакомое съ понятіями о добрѣ и злѣ, и потому годное, можетъ-быть, для какого-то заоблачнаго міра, но ужь во всякомъ случаѣ не для жизни и дѣйствительности.

Наговорившись вдоволь о томъ, что̀ такое женщина, г. Мишле приступаетъ къ описанію дня брака и называетъ его *роковымъ*.

«Ни законъ церкви, ни законъ гражданскій не защищаютъ женщины и не покровительствуютъ ей въ этотъ день: оба они противъ нея. Церковь считаетъ женщину воплощеннымъ искушеніемъ, первою союзницей демона; католическая церковь только терпитъ бракъ, но предпочитаетъ ему жизнь безбрачную, жизнь цѣломудренную. Женщина—существо нечистое. Униженная такимъ образомъ, она, по необходимости, должна стать рабою существа болѣе чистаго, мущины. Она—тѣло, онъ—духъ.

«Гражданскій законъ не менѣе строгъ къ ней, онъ признаетъ ее несовершеннолѣтнею навсегда и осуждаетъ на вѣчную неполноправность, налагаетъ на нее вѣчное запрещеніе. Мущина поставленъ надъ нею вѣчнымъ опекуномъ. Если же она совершила проступокъ и преступленіе, то съ ней поступаютъ, во имя закона, какъ съ совершеннолѣтнею, и наказываютъ такъ же строго, какъ и мущину.»

Такимъ образомъ, по словамъ г. Мишле, мужъ долженъ быть единственною защитой жены; въ немъ одномъ ея спасеніе, и вотъ онъ берется описывать намъ мужа, мужа-идеалъ, мужа воспитателя, преобразователя, покровителя. Мы сожалѣемъ, что не можемъ передать ту главу, въ которой съ мельчайшими подробностями описанъ первый день супружества. Довольно, если мы скажемъ, что молодой мужъ, по увѣренію автора, часто оказывается человѣкомъ необыкновенно грубымъ, предающимся необузданной страстности, человѣкомъ, который не задумавшись спѣшитъ заподозрить свою молодую жену не только въ притворствѣ, но еще и въ обманѣ. Часто одно ея

смущеніе подаетъ ему поводъ къ такимъ оскорбительнымъ предположеніямъ. «Кто ее знаетъ, думаетъ мужъ, быть-можетъ у нея были ужь интриги!» Г. Мишле жарко вступается за женщину. «Пусть мущина обдумаетъ, восклицаетъ онъ, что если онъ въ такія минуты судитъ женщину, то и она въ свою очередь судитъ и осуждаетъ его!» Онъ непремѣнно долженъ ободрить ее и даже сказать нѣсколько фразъ, которыя г. Мишле заготовилъ заранѣе и услужливо предлагаетъ. Вся эта глава даетъ намъ нѣкоторое понятіе не о Француженкѣ, а о Французѣ, о его отношеніи къ женщинѣ, и ближе знакомитъ насъ съ нравами, рисуетъ намъ такую печальную картину, что ей не хотѣлось бы вѣрить. И однако книга г. Мишле не вызвала съ этой стороны не только опроверженій, но даже ни одного намека французскихъ писателей о преувеличеніи, ни одного упрека за то, что частные рѣдкіе случаи приводятся какъ нѣчто обыкновенное.

За картиной первыхъ отношеній супруговъ слѣдуетъ описаніе ихъ дома; чего только нѣтъ въ немъ, хотя по словамъ автора, онъ и не стоилъ большихъ денегъ! Вѣдь онъ не пишетъ, по собственному признанію для богатыхъ, не пишетъ и для бѣдныхъ, которые не *имѣютъ времени любить*. Г. Мишле не задумавшись отнимаетъ у бѣдныхъ и эту единственную, не скажемъ, роскошь, а усладу и поддержку ихъ труженической, горькой жизни и забываетъ, что любовь есть неотъемлемое право каждаго. Посмотримъ однако, для какого рода небогатыхъ людей онъ соорудилъ домъ свой, который, какъ и слѣдовало ожидать, онъ называетъ гнѣздомъ: извѣстно, что для птицы гнѣздо необходимо.

Вопервыхъ этотъ домъ долженъ быть за городомъ, и въ немъ никто не долженъ жить, кромѣ молодыхъ супруговъ. Онъ съ верху до низу устланъ коврами, положимъ обыкновенными, но за то съ двойною и тройною подкладкой, чтобы маленькая ножка мягко утопала въ нихъ. Мебели дома разнообразны, онѣ и высоки и низки, и широки и узки, чтобы жена могла по волѣ принимать самыя различныя, прихотливыя позы. Какъ же иначе? Вѣдь она будетъ вести жизнь сидячую, уединенную, и самъ г. Мишле называетъ ее *плѣнницей*, прибавляя къ этому незаманчивому слову эпитетъ: *добровольною;* вѣроятно, это сдѣлано съ тѣмъ, чтобы смягчить непривлекательный смыслъ слова. Кромѣ того, домъ долженъ быть въ изобиліи снабженъ комодами, шкафами, полками, потаенными ящиками, полками въ стѣ-

нахъ, потому что женщины любятъ копошиться, убирать и прятать, тѣ особенно, которымъ скрывать и прятать нечего. Около дома непремѣнно долженъ быть тѣнистый садъ, съ рѣдкими растеніями и плещущимъ фонтаномъ или ручьемъ живой воды. Около дома же предполагается навѣсъ изъ чугуна или цинка, гдѣ въ дождливые или жаркіе дни жена могла бы пріютиться и работать при шумѣ бьющаго фонтана. Ключи отъ всего надо отдать ей; она не только будетъ наблюдать за хозяйствомъ, но должна сама лично заняться имъ, ибо ни горничной, ни кухарки ей имѣть не дозволяется: одна только молодая, здоровая крестьянка приставлена будетъ къ ней, чтобъ исправлять всю черную тяжелую работу хозяйства. За мужемъ остается главный бюджетъ и высшій надзоръ за всѣмъ, какъ за женой, такъ и за хозяйствомъ. Женщины, по словамъ автора, не любятъ мущинъ, которые отрекаются отъ права повелѣвать и ревниво блюсти свою верховную власть. По очаровательному противорѣчію, онѣ желаютъ быть хозяйками, но вмѣстѣ съ тѣмъ желаютъ, чтобы мужъ былъ настоящимъ хозяиномъ, то-есть верховнымъ повелителемъ, главою, и чтобъ онъ соединялъ въ себѣ и выказывалъ *твердость* и *достоинство*.

Теперь мы позволимъ себѣ спросить: для какого состоянія доступно обладаніе такимъ домомъ, и что̀ онъ долженъ стоить, вездѣ, и тѣмъ болѣе во Франціи? Гдѣ найдти необитаемый домъ, гдѣ бы могло помѣститься только одно семейство, притомъ домъ съ садомъ и со всѣми причудами и затѣями роскоши? Что̀ все это должно стоить? А г. Мишле пишетъ не для богатыхъ!

Жить вдвоемъ, а не втроемъ, аксіома—для сохраненія домашняго мира и тишины, по словамъ г. Мишле, и потому онъ удаляетъ служанку-крестьянку въ нижній этажъ и ограждаетъ второй двойными дверями, чтобъ она не могла подглядѣть или подслушать чего-нибудь. А горничная? восклицаетъ удивленная молодая. Какъ же обойдусь я безъ нея? Горничная, лакей, дворецкій, докторъ, всѣ эти должности и многія другія на манеръ придворныхъ должностей, которыя всѣ поименованы, будетъ исполнять самъ мужъ. Да вѣдь онъ занятъ, работаетъ, ему некогда? Какіе пустяки! Самый занятый изъ людей имѣетъ въ своемъ распоряженіи огромное количество времени, какъ скоро дѣло идетъ объ удовольствіи. Развѣ онъ не находитъ четырехъ часовъ утромъ, чтобы болтать на биржѣ или *въ судѣ*

или въ кафе, и шести часовъ вечеромъ, чтобы просиживать въ театрѣ, не слушая піесы? Для всего этого у него есть время: неужели у него не достанетъ времени, чтобы быть счастливымъ? Мужъ и жена служатъ другъ другу. Она готовитъ обѣдъ, причемъ говоритъ, подавая блюдо: «откушай, другъ мой, руки мои прикасались къ этому!» Это конечно очень трогательно, но кромѣ этого занятія есть ли у нея другія? Конечно есть. Ея постоянное занятіе состоитъ въ томъ, чтобы предаваться любви, а его въ томъ, чтобы лично служить ей одной. Одѣвать ее, укладывать спать, няньчится, даже кормить извѣстными блюдами и строго наблюдать за ея діэтой и гигіеной. «Пусть онъ спѣшитъ быть во всемъ ея господиномъ и повелителемъ, потому что скоро не онъ, а она будетъ госпожей и повелительницей. Поглощеніе одного другимъ совершится съ неизбѣжностію судьбы, и ты сталъ бы несчастнѣйшимъ изъ людей, ты, молодой человѣкъ, еслибы не умѣлъ вложить въ нее свою душу. Бѣдная! Въ ея собственной душѣ потемки! *Дѣвушкой она научилась только тому, что̀ надо забыть.* Ея доброе сердце, дѣвственная натура, ея прелесть только погубятъ обоихъ васъ, и вашего ребенка, и ваше будущее, если ты съ перваго же дня не присвоишь себѣ полной власти надъ нею. Для твоего и ея существованія, нравственнаго и физическаго, останься господиномъ (вѣдь она желаетъ и хочетъ этого) и покори ее себѣ совершенно.»

Для достиженія этой цѣли, то-есть нравственнаго на жену вліянія, мужъ, созданный досужею фантазіей г. Мишле, долженъ предаться физическимъ надъ нею наблюденіямъ и даже вести журналъ ея физической жизни. Такимъ образомъ онъ будетъ умѣть сносить ея капризы, потому что вѣдь это не капризы, а только страданія больной, а если онъ будетъ отъ нея требовать чего-либо, то вовремя, въ пору. «Женщинъ обвиняютъ слишкомъ часто и совершенно напрасно: въ нихъ нѣтъ ни холодности, ни кривлянья, ни притворства, но самыя любящія изъ нихъ до того нервны, что страдаютъ дѣйствительно. Онѣ какъ птички. У меня (разумѣется у г. Мишле) былъ соловей, который любилъ меня, но не могъ вынести, чтобъ я до него дотронулся.»

«Въ эти первые мѣсяцы супружества уходъ за женой не труденъ. Ея физическая жизнь подъ дыханіемъ счастія и надежды пышно распускается. Пусть она живетъ деревенскою жизнью: не много занимается работой дома и въ саду, пожалуй, не болѣе какъ до легкаго пота

лица; пусть она ходитъ, гуляетъ, бродитъ въ тѣнистомъ саду, лишь бы не засиживалась долго на одномъ мѣстѣ; пусть она купается въ холодной водѣ, пусть она купается въ волѣ, на свободѣ, одна, въ чистомъ воздухѣ и на солнцѣ. Растенія, воспитанныя въ тѣни, хилы и блѣдны. Одежда наша, защищая насъ отъ солнца, отца жизни, дѣлаетъ насъ такими же.»

Что̀ это такое? Ужели этотъ воспитатель, преобразователь оказывается на дѣлѣ только докучною служанкой, назойливымъ докторомъ и ненавистнымъ тюремщикомъ? Ужели воспитаніе оканчивается мелочными и неудобоисполнимыми предписаніями медицинскихъ средствъ для сохраненія свѣжести кожи, румянца лица, аппетита, для поддержанія силъ и другихъ подобныхъ тѣлесныхъ совершенствъ, будто дѣло идетъ о содержаніи и откормленіи на славу рѣдкаго, только-что полученнаго издалека животнаго, выписаннаго домовитымъ хозяиномъ. О нѣтъ! Г. Мишле хочетъ, чтобы мужъ давалъ уроки женѣ своей, но чему именно, онъ этого не обозначаетъ; онъ говоритъ только, что она чувствительна къ похваламъ и не любитъ, когда ее бранятъ. Если мужъ слишкомъ строгъ и назоветъ жену: madame, она смущается и готова заплакать. Она бросается на шею своему учителю, и этимъ оканчивается урокъ. Это очаровательное обученіе, говоритъ г. Мишле, оставляетъ желать только одного, сказать ли, чего именно?.. Пока вы ее учили, она думала о другомъ, она ничего не поняла или все поняла навыворотъ, и это не отъ того, чтобъ у нея не доставало ума. Часто женщина бываетъ очень умна, но она любитъ доходить до всего сама и не любитъ ничего воспринимать. Странная вещь! восклицаетъ г. Мишле, существо, созданное для воспринятія, принимаетъ съ такимъ трудомъ, хотя и желала бы того, сѣмена умственнаго развитія!

«Несмотря однако на эту неспособность къ развитію, оно мало-помалу проявляется въ женщинѣ посредствомъ любви и сознанія того, что она ее внушаетъ. Бѣда въ томъ, что мущина не знаетъ, что̀ именно нужно этому деликатному созданію, столь несходному съ нимъ. Онъ поучаетъ, держитъ длинныя рѣчи, утомляетъ и вовсе не замѣчаетъ, что она не слѣдитъ за его выводами и напрасно силится слушать. Если жь онъ не такъ заносчивъ и не надѣется на себя, онъ пытается дѣйствовать на нее посредствомъ чтенія и не вѣдаетъ, что еще не написана та книга, которую бы женщина могла читать. Нѣтъ книги, которая бы вполнѣ годилась для молодой женщины. Молодыя женщины не приготовлены ни по своей организаціи, ни по своему воспитанію къ этой неудобосваримой пищѣ. Природа, которая предназначила ихъ для цѣли болѣе возвышенной и болѣе нѣжной, отказала имъ въ грубой

силѣ переваривать желѣзо, камни, яды,—въ силѣ, которая извлекаетъ изъ всего этого только хорошее и можетъ поддерживать жизнь даже отравами, какъ Митридатъ. Когда я говорю объ ядахъ, я и не думаю о тѣхъ безнравственныхъ вещахъ, которыя онѣ могли бы вычитать. Чистота женщины такова, что отвергла бы ихъ. Я говорю объ этомъ мірѣ вредныхъ понятій, вредныхъ по самому своему ничтожеству, я говорю о пошлыхъ и безполезныхъ вещахъ, которыя дѣлаютъ умъ прозаичнымъ. Книга достойная женщины, гдѣ найду я ее? Книгу святую, книгу нѣжную, но не разслабляющую!»

Итакъ далѣе—на цѣлыхъ двухъ или трехъ листахъ, которыхъ мы не имѣемъ терпѣнія переводить, тѣмъ болѣе, что всѣ они испещрены восклицательными знаками, звонкими словами, пышными фразами, въ которыхъ повторяется все та же мысль. Послѣ всего этого глава кончается афоризмомъ, о которомъ рѣчь шла и прежде.

«Женщина, говоритъ г. Мишле, не только равна намъ (мущинамъ), но во многихъ отношеніяхъ выше насъ. Рано или поздно она всему научится. Вопросъ состоитъ въ томъ: должна ли она научиться всему въ первую пору любви! Ахъ! сколько бы она потеряла! Молодость! свѣжесть! поэзію! Ужели ей такъ хочется стать старухой!»

Охъ! ужь эта поэзія! Чего только не сваливаютъ на нее и особенно въ книгѣ г. Мишле! Насъ, женщинъ, не безъ основанія упрекаютъ въ нелогичности и непослѣдовательности выводовъ, — мы согласны, что это слабая сторона женскаго ума. Но скажите на милость, какая женщина рѣшилась бы написать выше приведенную страницу изъ сочиненія г. Мишле. Отнимая у женщины всякую способность не только учиться и понимать, но даже запоминать и повторять, какъ попугай, то, чему ее учатъ, г. Мишле смѣло утверждаетъ, что женщина и равна мущинѣ, и выше его. И не одно это, а тысячи противорѣчій, нелогическихъ выводовъ, которыми преисполнена книга г. Мишле, происходятъ, конечно, не отъ недостатка логики и здраваго смысла — кто можетъ заподозрить въ этомъ знаменитаго французскаго историка? — а отъ ложнаго положенія, въ которое онъ поставилъ самъ себя. Самая книга г. Мишле не болѣе какъ ложь; каждая ея страница грѣшитъ противъ правды. Объяснимся. Г. Мишле человѣкъ гуманный, пламенный защитникъ и ревнитель свободы, свободы политической, личной и религіозной. Вся его ученая и литературная дѣятельность о томъ свидѣтельствуетъ. Взявшись за перо, чтобы писать о любви и женщинѣ, ему невозможно было забыть всю свою

прошлую дѣятельность, отказаться отъ гуманности, забыть даже и о томъ, что онъ человѣкъ образованный и родился во Франціи,—странѣ, гдѣ хвалятся, кичатся своимъ уваженіемъ къ женщинѣ. А между тѣмъ г. Мишле взглянулъ на нее и не поевропейски, да и не почеловѣчески. Не случайно вся книга его испещрена восточными цитатами; гдѣ было ему и искать подтвержденія своихъ мнѣній, какъ не на Востокѣ! Вѣдь не англійская, не германская литература (исключая развѣ книги Риделя) могли бы закрѣпить мнѣнія г. Мишле. Одинъ Востокъ могъ подать за него свой голосъ. Не случайно на каждой страницѣ встрѣчаются будто бы поэтическія сравненія женщины съ животнымъ, съ растеніемъ. Онъ свелъ женщину до уровня животнаго, хотя и очень красиваго, какъ напримѣръ, птичка. Но ему невозможно признаться или даже сознать этотъ варварскій и восточный образъ мыслей: отсюда противорѣчія, отсюда нелогичность выводовъ, непонятная, при первомъ бѣгломъ чтеніи, въ такомъ умномъ и ученомъ человѣкѣ. Какъ бы низко ни стояло во Франціи образованіе и развитіе женщины, до чего бы ни унизилъ ее семейный деспотизмъ и самое французское законодательство, у Француженки нельзя отрицать ни быстроты пониманія, ни особенной живости ума, ни поразительной воспріимчивости. Напротивъ, Француженка, по своей подвижной натурѣ, одарена всѣми этими качествами съ избыткомъ, и только гнетъ монастырскаго воспитанія, суровость ревнивыхъ матерей, деспотизмъ мужа и систематическое въ ранней молодости преслѣдованіе проявленія въ ней воли искажаетъ ее до того, что она становится въ восьмнадцать лѣтъ не больше какъ разряженною куклой, а въ тридцать пять опасною кокеткой и часто изумительно владѣющею собою лицемѣркой. (Исключенія найдутся вездѣ, мы говоримъ о массѣ.) «Богъ собралъ всѣ тряпки міра, сказалъ кто-то, и создалъ изъ нихъ Француженку!» Нѣтъ, не Богъ собралъ эти тряпки, а воспитаніе, нравы, обычаи страны. Сами Французы собрали ихъ и нарядили въ нихъ женщину, чтобы тѣмъ прикрыть ея пустоту, ничтожество, ея умственную и нравственную неразвитость или искаженіе. Они вложили въ нее страсть эту и помирились съ нею, считаютъ ее необходимою принадлежностію женщины, ея законнымъ правомъ. Попробуйте сказать Французу, что есть женщины, которыя не любятъ нарядовъ, онъ отвѣтитъ вамъ, что это невозможно, и улыбнется недовѣрчиво. Мало того, женщина, не любящая нарядовъ и не жертвующая для

нихъ всѣмъ... Да развѣ это женщина? Это или уродъ, безобразный какъ смертный грѣхъ, или педантъ въ юбкахъ; въ такомъ случаѣ женщина нестерпима и ужь, разумѣется, лишена всякой граціи, прелести и притягивающей, обольстительной силы.

Католическія монахини, воспитательницы французскихъ дѣвицъ, сошлись съ г. Мишле, и считаютъ, что чтеніе вредно или безполезно; спрашивается, какое развитіе, какіе интересы возможны при такихъ условіяхъ? Не одна ли страсть къ тряпкамъ, къ наслажденіямъ, къ удовольствіямъ, къ удовлетворенію всѣхъ физическихъ влеченій, начиная съ комфорта и роскоши и кончая чѣмъ-нибудь болѣе непохвальнымъ, разовьется въ женщинѣ? Сами Французы, придавая столько значенія внѣшней обстановкѣ жизни, внѣшнему блеску, однимъ приличіямъ, поощряютъ къ этому женщину, вталкиваютъ ее, такъ сказать, въ эту гибельную колею.

Какъ бы странны однако (чтобы не сказать болѣе) ни казались намъ воззрѣнія г. Мишле на женщину, мы не должны забывать, что до сихъ поръ онъ говорилъ о восьмнадцатилѣтней, неразвитой дѣвушкѣ, едва вступившей въ супружество. Во второй половинѣ своей книги онъ описываетъ рожденіе ребенка. Всѣмъ извѣстно, что эта новая, тѣсная связь скрѣпляетъ союзъ между мужемъ и женою, даже и тогда, когда въ этомъ союзѣ и былъ бы замѣтенъ недостатокъ любви. Какъ часто случается, что въ супружествѣ, заключенномъ по доводамъ разсудка, даже изъ матеріяльныхъ или общественныхъ выгодъ, любовь возникаетъ именно послѣ рожденія перваго ребенка! Г. Мишле взглянулъ на дѣло иначе: онъ называетъ ребенка *соперникомъ* и заставляетъ молодую мать, обращаясь къ мужу, лепетать подѣтски: «Но другъ мой, если *онъ* (ребенокъ и притомъ будущій) не захочетъ, чтобъ я любила тебя, что̀ жь мнѣ будетъ дѣлать?» Мужъ, конечно, огорчается при этомъ внезапномъ открытіи, а она принимается утѣшать его, говоря, что быть-можетъ *маленькій тиранъ* не захочетъ требовать этой жертвы..

Какое странное пристрастіе къ сооруженію тюремъ, гдѣ бродятъ добровольныя плѣнницы, къ созданію маленькихъ и большихъ повелителей и тирановъ! Какое пристрастіе къ выраженіямъ, прекрасно впрочемъ обрисовывающимъ характеръ Французовъ, которые, обожая свободу, говорятъ постоянно о сильной власти (gouvernement fort), и обожая женщину употребля-

ютъ слова: господинъ и повелитель, мужъ характера твердаго и достойнаго, строгій руководитель, менторъ и вождь, и прочее!

Мы пропускаемъ двѣ большія главы, въ которыхъ разказывается подробно рожденіе ребенка, болѣзнь матери и ея выздоровленье. Непонятно, для кого это написано. Медики, акушеры, вѣроятно, знаютъ все это лучше, чѣмъ г. Мишле, а для массы публики все это ужь очень спеціяльно, да и какъ-то не совсѣмъ ловко читается. Кто-то сказалъ, что и тутъ есть своя поэзія. Правда, что эти страницы пересыпаны фразами, которыя будто бы лепечетъ жена, и которыя всѣ до одной запечатлѣны пошлостію или даже идіотизмомъ. Напримѣръ: Ахъ! мы ужь не двое!.. Я тебѣ сказала всѣ мои маленькія тайны!.. Я преобразилась въ тебя!.. и т. д.

Жизнь супруговъ измѣняется. Мужъ, который былъ доселѣ горничною, остается ею, но не беретъ на себя обязанности няньки. Приходится взять настоящую няньку и впустить въ завѣтныя комнаты крестьянку, исправлявшую черныя работы. И вотъ изъ двухъ, ихъ становится пятеро. Это бы еще перенесть можно, но вотъ что ужасно: мать поглащена колыбелью. Она забываетъ мужа, и вся отдается своему ребенку. Мужъ волей или неволей принужденъ отказаться отъ своихъ правъ на жену, и между ними совершается нѣчто въ родѣ добровольнаго развода.

Мы не можемъ опустить заглавія слѣдующей за симъ главы. Она называется: *La papillone.* Если мы не ошибаемся, Фурье называлъ такимъ образомъ женщину въ ту эпоху ея жизни, когда она начинаетъ искать приключеній. Г. Мишле называетъ этимъ словомъ то семейное раздвоеніе, которое слѣдуетъ, по его мнѣнію, за рожденіемъ ребенка. Жена посвящаетъ себя исключительно обязанностямъ кормилицы и няньки, а мужъ, предоставленный самому себѣ, ищетъ развлеченія и занятій въ дѣлахъ и въ свѣтѣ.

Такимъ образомъ проходитъ восемь, десять лѣтъ; и сына—потому что дѣло идетъ о сыновьяхъ (дочерей не имѣется, и о возможности ихъ существованія ни разу не упомянуто въ сочиненіи г. Мишле)—отдаютъ въ школу. Ужасное положеніе! По словамъ г. Мишле, благодаря сыну, все было оставлено; забыты искусства, чтеніе (хотя изъ предыдущаго этихъ занятій мы не усмотрѣли). Какъ бы то ни было, сына нѣтъ ужь въ домѣ. Слезы, рыданія, громадная выставка чувствительности. Въ довершеніе несчастія ребенокъ скоро привыкаетъ къ школь-

ной жизни, и когда мать приходитъ навѣстить его въ рекреаціонные часы, онъ принимаетъ ее холодно и завистливо посматриваетъ изподтишка на играющихъ товарищей. Несчастная, все—по увѣренію г. Мишле, мать возвращается домой, безъ словъ, безъ слезъ, безъ дыханія! Вотъ удобная минута для сближенія съ мужемъ, но мущина часто ничего не понимаетъ, онъ тупъ, онъ занятъ дѣлами, онъ привыкъ къ свѣту и не умѣетъ воспользоваться этою минутой. Г. Мишле по этому случаю совѣтуетъ мужу принять жену въ свои объятія, прилѣпиться къ ней и жить съ нею, только съ нею, не оставлять ея ни на минуту.

Все это очень мило, очень чувствительно, очень поучительно, разрумянено, если не опоэтизировано. Описывая красоту женщины въ тридцать лѣтъ, чѣмъ ужь г. Мишле не называетъ ее, и *розой* и *царственною лиліей*. А намъ кажутся всѣ эти сравненія не вѣрны, и намъ приходитъ въ голову, что такую малодушную, ничтожную женщину, ничтожную жену и мать, можно сравнить только съ восьми-пудовымъ ядромъ, привязаннымъ къ ногамъ пловца. Дѣйствительно, что̀ можетъ быть тяжеле для мущины серіознаго, занятаго, борющагося (въ чьей жизни нѣтъ борьбы?), какъ имѣть дѣло съ этимъ прихотливымъ, безсердечнымъ и неразумнымъ ребенкомъ? А ужь пора, кажется, выйдти изъ дѣтства. Какого гиганта, какого силача, и нравственно и физически, ни изведутъ мало-по-малу эти слезы, приторныя нѣжности, истерики, капризы, неотвязныя приставанья,—словомъ, эти бури въ стаканѣ воды! Вѣдь и камень протачиваетъ капля воды, постоянно падающая въ одну точку!

Между тѣмъ дѣятельность мужа опредѣлилась: онъ или адвокатъ, или архитекторъ, или занимаетъ гражданскую должность, и въ довершеніе всѣхъ благъ это служитъ поводомъ къ новымъ смутамъ, къ новымъ недоразумѣніямъ. Какимъ образомъ? Что̀ это еще за напасть? Вы и не придумаете, благомыслящій читатель. Жена, изволите видѣть, любила *человѣка*, любила въ немъ *безконечное человѣческаго духа;* конечно, прекрасно и пріятно достичь виднаго положенія въ обществѣ, занять въ немъ извѣстное и почетное мѣсто, но все было выше *любить человѣка, а не архитектора или адвоката*, то-есть любить существо, способное на все, а не на что-нибудь особенное. Не знаемъ, по какому странному случаю именно въ этомъ мѣстѣ подъ перо г-на Мишле подвернулась слѣдующая фраза, на которую онъ, какъ неизмѣнный другъ и защит-

никъ женщины, конечно возстаетъ, но которую мы позволимъ себѣ повторить съ истиннымъ удовольствіемъ. «Женщина (то-есть женщина, описываемая г. Мишле)—наказаніе праведника.» И не одного только праведника, прибавимъ мы отъ себя, но любаго грѣшника. Послѣ такихъ терзаній не надо, кажется, и ада. Всякій согласится съ нами, если мы ко всему этому выпишемъ слѣдующія строки г. Мишле, дорисовывающія его женщину:

«Еще хуже, если съ женой говорятъ о дѣлахъ; въ присутствіи женщины дѣла не должны существовать. Она сама хочетъ быть первымъ, главнымъ существеннымъ дѣломъ, и всякое другое дѣло ей ненавистно. Она не цѣнитъ, да и знать не хочетъ, сколько надо ума, таланта, способностей, чтобъ успѣшно заниматься дѣлами. Какъ скоро мужъ начинаетъ говорить о своихъ намѣреніяхъ, о своихъ трудахъ, о своихъ надеждахъ, она зѣваетъ и отворачиваетъ голову. Словомъ, она хочетъ быть богата, но не хочетъ знать о томъ, какъ добывается это богатство. Чтò дѣлать мужу? Его женитьба, его увеличившееся семейство и хозяйство принуждаютъ его работать, трудиться трудомъ часто неблагодарнымъ, о которомъ ему и помянуть нельзя. А она? Она ходитъ и бродитъ, праздная и безучастная, полная пренебреженія къ той работѣ, за которою онъ сохнетъ!»

Какая картина! Ярко выдается она изъ книги г. Мишле потому именно, что запечатлѣна правдою. Чего и ожидать другаго отъ жены-дитяти, жены-птички! Но г. Мишле стоитъ за нее горою и относитъ эту страницу скорѣй ко всѣмъ женщинамъ, чѣмъ къ своему идеалу, созданному впрочемъ по одному и тому же съ ними рецепту.

Тутъ слѣдуетъ опять то же, какъ и прежде, непонятное дѣленіе женщинъ—на женщинъ и ихъ пріятельницъ, которыхъ оказывается огромное количество. Такъ какъ домъ, первоначально замкнутый и представлявшій нѣчто среднее между тюрьмою и сералемъ, отворенъ наконецъ для знакомыхъ, благодаря дѣловой дѣятельности мужа, то и предвидятся новыя бѣды. Женщина г. Мишле внушаетъ тотчасъ зависть всѣмъ своимъ пріятельницамъ. Она пользуется всеобщимъ уваженіемъ, она еще не пала, она безукоризненна, и потому всѣ пріятельницы спѣшатъ поколебать ея добродѣтель. Начинается штурмъ, и первое, чтò потихоньку пробирается въ крѣпость, это романы г-жи Сандъ. Напрасно! Прочитавъ романы г-жи Сандъ, чтò увидитъ женщина г. Мишле? По словамъ его, она увидитъ презрѣннаго, конечно, мужа, но еще болѣе презрѣннаго любовника. Очевидно, что это не можетъ поколебать ея

добродѣтель. Бѣда не въ этомъ, а въ томъ, что въ ней самой происходитъ что-то странное, и хотя она, по привычкѣ, вкоренившейся въ ней съ первыхъ дней брака, исповѣдуется всякій день мужу, который даетъ ей отпущеніе грѣховъ, цѣлуя ее, — исповѣдь не помогаетъ. Она смутно чувствуетъ какія-то искушенія, какое-то поползновеніе къ запретному плоду, и понимаетъ, что она окружена обольщеніями и опасностями. Часто самъ мужъ бываетъ невинною причиной ея паденія, и вотъ какимъ образомъ.

«Если мужъ знатенъ и вліятеленъ, она окружена дворомъ и становится честолюбива за него. Она дѣлается цѣлью всѣхъ интригъ. Знатныя, уважаемыя, богомольныя, дѣлающія добро дамы вводятъ къ ней въ домъ молодаго человѣка, сына или внука своего, которому не достаетъ только свѣтскаго лоска, чтобы быть очаровательнымъ. Онъ отлично учился и имѣетъ блестящія способности и совершенно *преданъ* ея мужу, готовъ помогать ему. Всѣ окружающіе только и говорятъ, что о молодомъ человѣкѣ, будто твердятъ заученую роль. Какая-то родственница говоритъ утромъ: «какъ онъ милъ!» а пріятельница, хотя и въ шутку, говоритъ вечеромъ: «А я такъ влюблена въ него!» Горничная, причесывая госпожу свою, гораздо смѣлѣе. Она скажетъ ей просто, что онъ влюбленъ, умираетъ отъ любви къ ней. Горничная очень хорошо знаетъ, что если интрига удастся, то госпожа будетъ въ рукахъ ея, и что тогда она можетъ безнаказанно обкрадывать весь домъ.

«Если мужъ бѣденъ и самъ нуждается въ протекціи, то дѣло идетъ еще скорѣе. Тогда подкупъ смѣлѣе и дерзче. Пріятельница, при первомъ словѣ бѣдной женщины, о томъ, что ей скучно, непремѣнно скажетъ ей, что мужъ ея человѣкъ неспособный, и что съ нимъ она цѣлую свою жизнь будетъ прозябать въ какомъ-нибудь безвѣстномъ уголку. Положимъ, что жена возстанетъ на это; тогда батарея перемѣнится. Мужу надо найдти покровителя, который бы вывелъ его въ люди. Находится и покровитель. Ему скажутъ, что *она* влюблена въ него, *ей*, что онъ влюбленъ въ нее. Старая, но вѣрная метода. Какое-нибудь легкое кокетство съ ея стороны, въ видахъ помочь мужу выслужиться, завязываетъ интригу. Предпріимчивая дерзость, почти насиліе заканчиваютъ ее и заставляютъ женщину сдѣлать рѣшительный шагъ.

«Вы скажете: да это не правда, или *случается въ низшихъ классахъ общества. Напротивъ того;* только наши дамы скрытнѣе дѣвушекъ и не выдадутъ своей тайны. Жена плачетъ,—она рѣшается все разказать мужу. Ей ставятъ на видъ, что это значитъ сдѣлать скандалъ, погубить себя, погубить дѣтей; притомъ покровитель человѣкъ злой и способенъ испортить всю будущность мужа. Лучше покориться и молчать. Онъ въ такомъ случаѣ, быть-можетъ, что-нибудь сдѣлаетъ для мужа и для дѣтей твоихъ. Дѣйствительно, на другой день любовникъ является. Онъ въ отчаяніи, что былъ счастливъ, и убьетъ себя, если

не получитъ прощенія. Онъ уже вчера просилъ за мужа. Дѣло однако затягивается, и всѣ эти блестящія надежды и обѣщанія оканчиваются ничѣмъ. Она готова умереть отъ угрызеній совѣсти и позднихъ сожалѣній. Я бы на твоемъ мѣстѣ написала ему, говоритъ ей пріятельница, я бы напомнила ему его обѣщанія. Это ужасно, что онъ забылъ ихъ послѣ всего того, что̀ ты для него сдѣлала. Она пишетъ—и тѣмъ губитъ себя окончательно. Теперь она въ рукахъ ихъ, и съ ней начинаютъ обращаться и говорить иначе. Ее просили, теперь ей приказываютъ. У нея явился немилосердый повелитель. Въ такой-то день, въ такой-то часъ будь тамъ, приходи сюда, и она приходитъ. Страхъ огласки и тотъ магнетизмъ, который притягиваетъ птичку къ змѣѣ, притягиваетъ и ее. Она плачетъ, а онъ смѣется, и она кажется ему еще прекраснѣе съ слезами на глазахъ. Но когда она ему наскучитъ, она по крайней мѣрѣ будетъ свободна? Нисколько. У пріятельницы осталось ея письмо. Она заставитъ ее искать другихъ покровителей, и такимъ образомъ, проданная и перепроданная, она идетъ далѣе по той же дорогѣ. Если эта пріятельница, тиранъ ея, переступитъ всѣ границы и выведетъ ее изъ себя, она въ минуту негодованія скажетъ: «Я все разкажу!»—Полно, говоритъ пріятельница, надъ тобою будутъ смѣяться, кто тебѣ повѣритъ? А еслибъ и повѣрили, такъ смѣху будетъ еще больше. — «Есть однако правосудіе!» — Вздоръ, моя милая! Въ судахъ присяжные требуютъ доказательствъ, которыя были бы яснѣе солнца, и не одинъ изъ нихъ позавидуетъ обвиненному. *Таково общественное мнѣніе во Франціи.* Судьи всегда отправляются отъ этой мысли, что даже та, которая всего болѣе сопротивляется, въ сущности согласна.»

Остановимся здѣсь и не будемъ продолжать перевода. Нашъ прямой и честный русскій языкъ не годится для полусловъ, неспособенъ подъ гибкою и изящною фразой скрыть грубый и непристойный смыслъ. Есть такія выраженія и такія фразы въ книгѣ г. Мишле, которыхъ перевести по русски невозможно, хотя онѣ и читаются по французски весьма удобно. И въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, французскій языкъ разработанъ съ любовью какъ писателями XVIII вѣка, такъ и писателями нашего XIX столѣтія Другъ послѣ друга трудились они на этомъ полѣ и довели до совершенства искусство сказать неприличное совершенно прилично и притомъ въ щегольской, пожалуй поэтической формѣ. Языкъ нашъ—языкъ молодой и сильный, свѣжій какъ юность; въ немъ найдутся неисчерпаемыя богатства для выраженія тончайшихъ оттѣнковъ мысли и чувства, но онъ не любитъ гнуться послушно, вмѣщать въ одномъ выраженіи двоякій смыслъ, унижаться до старческой болтовни, приправленной приличнымъ цинизмомъ выраженій, или посредствомъ оборота замаскировывать настоящее значеніе рѣчи. Французскій

языкъ — царь всѣхъ языковъ въ этомъ отношеніи, и особенно удобенъ для того, чтобы скрыть подъ пышною фразой не только ничтожество или неприличіе содержанія, но даже и чистую простую безсмыслицу. Чтобъ избѣжать этого, мы часто должны были удерживаться отъ перевода многихъ фразъ г. Мишле, потому что такъ-называемая поэзія его книги оказалась бы въ переводѣ на русскій языкъ чистѣйшею галиматьей. Кажется, довольно впрочемъ и тѣхъ выписокъ, которыя мы приводили, смягчая или поясняя ихъ.

Читая послѣднюю страницу, приведенную нами изъ сочиненія г. Мишле, какъ не спросить: гдѣ мы? что̀ это за нравы? Если все это правда, какъ увѣряетъ г. Мишле, такъ что подобные случаи, говоритъ онъ, не составляютъ исключеній, а напротивъ весьма обыкновенны, то какъ не подивиться развращенію нравовъ, умерщвленію въ обществѣ не только чувства, страсти, но даже простой, весьма обыкновенной честности? Письмо, одна записка дѣлаетъ женщину рабой ея пріятельницы, которая, благодаря этой случайности, губитъ ее изъ своихъ корыстныхъ видовъ. Замѣчательна и сама женщина. Ужь не страсть, не увлеченіе, не любовь, а только корыстная сдѣлка съ ея стороны и грубое насиліе съ другой губятъ ее навѣки. Г. Мишле оправдываетъ женщину, снимаетъ съ нея обвиненіе въ проступкѣ и сваливаетъ все на ея организацію, слабость, неожиданность испуга и другія еще болѣе странныя, чтобы не сказать достойныя всякаго презрѣнія, причины.

Ужь не подумать ли, что въ пылу увлеченія г. Мишле оклеветалъ французскую женщину и французское общество? И однако его нельзя заподозрить въ недостаткѣ благосклонности и расположенія къ нимъ. Онъ одинъ изъ самыхъ яростныхъ патріотовъ, и торжественно провозглашаетъ превосходство французской женщины и французской націи надъ всѣми другими!

Но это только начало или, лучше сказать, одна сторона супружескихъ несчастій. Г. Мишле продолжаетъ пересчитывать другіе случаи, въ которыхъ честь женщины подвергается искушеніямъ, и мы, по необходимости, должны слѣдить за нимъ.

Французскія женщины, говоритъ онъ, такъ привязаны къ мужьямъ своимъ, что большею частію влюбляются только въ тѣхъ, къ кому мужъ чувствуетъ особенную дружбу. Такъ напримѣръ жены негоціантовъ любятъ почти всегда прикащика мужа, или его любимаго ученика, или наконецъ молодаго род-

ственника. Это заходитъ такъ далеко (любовь къ мужу), что даже дѣти отъ втораго брака почти всегда похожи на перваго мужа!

Но оставимъ это и возвратимся къ исчисленію приключеній той четы, къ которой прилѣпился г. Мишле, и жизнь которой онъ подробно описываетъ. Жена его, конечно, по своему идеальному характеру, не принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ женщинъ, и потому ея романъ разыгрывается нѣсколько иначе. Молодой племянникъ мужа (опять родственникъ) пріѣхалъ еще мальчикомъ изъ южной Франціи. Она его любитъ и лелѣетъ какъ сына. Но вотъ ему минуло пятнадцать лѣтъ, и онъ проводитъ въ семействѣ дяди всѣ вакаціи. Онъ бѣгаетъ съ теткой по саду; онъ ловитъ ее и цѣлуетъ одинъ разъ, другой разъ: она смущается, теряетъ голову, остается въ его объятіяхъ гораздо дольше, чѣмъ бы слѣдовало, и возвращается къ смѣющемуся мужу, блѣдная и встревоженная. Съ этого дня она становится осторожнѣе, но характеръ ея измѣняется. Она то смѣется, то задумывается; оставшись одна, она предается размышленіямъ и уходитъ въ садъ. Но въ саду происходитъ такой любопытной разговоръ, что мы рѣшаемся передать его буквально. Разговоръ, съ кѣмъ это? съ молодымъ человѣкомъ? Нѣтъ, онъ ушелъ съ мужемъ; съ кѣмъ же? съ розою? Да, съ розою! Вы не вѣрите, но вѣдь это и есть та поэзія, которой преисполнена вся книга, до избытка, до пресыщенія, до истощенія всякаго терпѣнія. Самая глава эта носитъ замысловатое названіе: *роза—директоръ совѣсти*. Странно! г. Мишле какъ-то въ былые, старые годы сильно не любилъ католическаго духа, вліянія католическихъ поповъ, и постоянно возставалъ на директоровъ совѣсти, духовныхъ вождей, и на католическую, мелочную исповѣдь, насильственно врывающуюся во всякія, даже самыя откровенныя отношенія жены и мужа. Онъ даже написалъ по этому поводу книгу, подъ названіемъ: *Католическій попъ, женщина и семейство*. Теперь у него является два директора совѣсти, правда, это ужь не католическіе попы, хотя характеръ одного изъ нихъ созданъ по образу и по подобію католическаго попа. Это мужъ. Онъ не болѣе, какъ великій нравственный инквизиторъ, и даже, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, къ нему перешло, вмѣстѣ съ правами католическаго попа, и его обыкновенное орудіе для наказанія, а именно: *дисциплина*. Другой директоръ совѣсти, вѣроятно для поэтической обстановки, или изъ поэтической вольности, роза, расцвѣтшая въ саду, роза, съ которою такъ

часто, еще съ первыхъ дней супружества, бесѣдуетъ женщина. Да и то сказать, съ кѣмъ говорить ей, вѣдь она всегда одна и заключена въ тѣсное пространство садика, украшеннаго фонтаномъ, какъ обитательница гарема. Вотъ что̀ говоритъ роза, какъ въ любой восточной поэмѣ. Извѣстно, что восточныя поэмы не обходятся безъ разговаривающихъ цвѣтовъ.

«—Не срывайте ея, сударыня. Она станетъ нѣмою внѣ лона природы, она засохнетъ на груди вашей, упоивъ и отуманивъ васъ своимъ благоуханіемъ. Нагнитесь и слушайте; вотъ что̀ она говоритъ:

«— Вы движитесь, вы созданы для движенія, а я остаюсь неподвижною на моемъ стеблѣ. Вы не налюбуетесь мною, моимъ спокойствіемъ, я царица розъ. Я такова потому, что всегда вѣрна себѣ, всегда проникнута гармоніей. Я не бездѣлушка, чтобъ украшать мною вашу голову. Я серіозное созданіе, проявленіе могучей жизни, я вмѣстѣ орудіе и твореніе для совершенія тайны. Кратокъ мой вѣкъ, и я спѣшу совершить великое дѣло: воспроизвесть божественную породу, обезсмертить розу. И вотъ почему я—роза Божія. У меня есть стебель, и я остаюсь твердо при немъ. Избавьте меня отъ чести умереть на груди вашей. Оставьте меня въ моей чистотѣ, при моемъ плодородіи. Подражайте мнѣ.

«— Какъ ты хорошо разговариваешь! Какъ бы я желала походить на тебя, и быть, какъ ты, Божіею розой... Но послушай, роза, ужели ты думаешь, что по совѣсти мнѣ надо признаться?.. И въ чемъ признаться?.. Облачко... туманъ... которые едва замѣтны для меня самой, словомъ сущая бездѣлица! И для того, чтобъ успокоить себя, ужели я должна пронзить его сердце?

«— Вы однако обѣщались, все повѣрять ему...

«— О роза! ты знакома съ любовью цвѣтовъ, но незнакома съ любовью женщины! Какъ скоро я ему выскажусь, мое чувство получитъ внезапную силу, новый жаръ... Признаться—значитъ—удвоить чувство.

«— Какъ вы больны! Вы защищаете свою тайну, вы ее храните и лелѣете, будто ребенка. Вы дрожите, что она обнаружится, увидитъ бѣлый день...»

И прочее, прочее, все въ томъ же духѣ и родѣ. А многіе французскіе критики и читатели утверждаютъ, что книга Мишле преисполнена необычайной поэзіи! Нѣтъ, мы отвергаемъ это и отдаемъ это на судъ нашей публики. Это не поэзія, а старческая болтовня, приторное сентиментальничанье, аффектація выраженій и повсемѣстное злоупотребленіе словъ. Нѣтъ поэзіи и въ этомъ домѣ, который съ такою заботливою претензіей описываетъ авторъ; напрасно онъ устилаетъ его коврами, мягкими какъ пухъ, въ которыхъ тонетъ маленькая ножка его женщины-птички, напрасно наполняетъ его затѣйливыми и вычурными мебелями, окружаетъ тѣнистымъ садомъ, розами, лиліями и всевозможными цвѣтами, между которыми плещетъ фонтанъ. Нѣтъ

поэзіи въ этомъ домѣ и садѣ, нѣтъ ея и въ этомъ союзѣ, гдѣ жена лепечетъ несвязныя, глупыя рѣчи, съ безсознательностію птички и розы въ двадцать лѣтъ, и съ неразумностію дитяти въ тридцать; гдѣ мужъ, поочередно исполняя должность горничной и страстнаго любовника, и исполняя всегда должность энтузіаста не скажетъ слова на человѣческомъ языкѣ, а говоритъ восклицаніями и полусловами, часто совершенно лишенными смысла. Въ его напыщенныхъ рѣчахъ нѣтъ тѣни чувства, а слѣдственно и поэзіи. Неужели фальшивый паѳосъ, трескотня реторики—поэзія! Неужели поэзія обитаетъ только тамъ, гдѣ есть мягкіе ковры и плещущіе фонтаны. Да вѣдь это только изящная обстановка, декорація и больше ничего. Поэзія въ чувствѣ, поэзія въ воззрѣніи и въ впечатлѣніяхъ мыслящаго существа. Мыслящее существо чувствуетъ, выражаетъ свои впечатлѣнія, любитъ и тѣмъ самымъ оживляетъ тѣсный уголокъ, какъ бы онъ бѣденъ ни былъ, и разливаетъ въ немъ ту неуловимую поэзію, присутствіе которой все преображаетъ. Мысль и чувство человѣка вносятъ поэзію въ самую прозаическую обстановку, въ самую обыкновенную и мелкую дѣятельность, и притомъ присутствіе ея нигдѣ не проявляется такъ живо и такъ ярко, какъ на почвѣ дѣйствительности, скажемъ больше, она невозможна безъ дѣйствительности. Иначе это не будетъ поэзія, а только фраза безъ содержанія, пустой наборъ словъ, одна реторика! И въ какомъ изобиліи все это встрѣчается на каждой страницѣ книги г. Мишле! Въ ней все есть кромѣ поэзіи—и увы!—здраваго смысла! Возвратимся однако къ окончанію романа женщины г. Мишле. Послѣ своего оригинальнаго разговора съ розой, она возвращается домой и признается мужу, что любитъ его племянника.

«Онъ (мужъ) съ пронзеннымъ насквозь сердцемъ сохраняетъ мужество *посреди смерти* (чего? или кого?) и оцѣниваетъ ея героическую честность. Онъ боится только, чтобъ она не умерла отъ избытка добродѣтели и горести.»

Она однако не умираетъ, но говоритъ слѣдующія слова, которымъ мы не можемъ пріискать достойнаго эпитета:

«— Воля моя такъ слаба, что она ускользаетъ и исчезаетъ совершенно. Что̀ я говорю? Воля увлекаетъ меня, и ея станетъ развѣ на то только, чтобъ утопиться. Какъ я наказана за мою гордость! Я слабѣе нашего ребенка, когда онъ лежалъ въ колыбелѣ. Я умоляю тебя, поступай со мной какъ съ ребенкомъ, потому что я дитя. Ты былъ слишкомъ добръ со мной, будь строгъ, будь моимъ господиномъ и повелителемъ. Накажи меня, измучь мое тѣло, чтобъ исцѣлить мою душу. Надо, чтобъ я бо-

ялась тебя. Пусть умретъ моя воля; я отказываюсь отъ нея и вручаю ее тебѣ! ты моя воля, ты моя душа! Не оставляй меня ни на минуту, чтобы я могла спрашивать у тебя, чего я желаю, и чего я могу желать.

«— Другъ мой, отвѣчаетъ мужъ, мало того, что ты просишь меня, спроси у меня, могу ли я сдѣлать то, чего ты хочешь! Ужели ты не понимаешь, что въ твоей обожаемой особѣ все мнѣ *также священно какъ гробница моей матери?* Гдѣ взять мнѣ рѣшимость, силу, для такого варварскаго поступка?

«— Но если это мнѣ нужно и спасительно? Саломонъ сказалъ: «страхъ есть начало премудрости». Я чувствую, что мнѣ надо бояться, что мнѣ должно смириться. Я буду любить тебя вдвое. Г-жа***, а она *такъ горда и такъ прямодушна*, говорила мнѣ недавно: «Та, которая хотя однажды склонилась подъ рукой мужа, которая испытала силу руки его, которая просила пощады, молила о прощеніи, любитъ его еще больше за его строгую нѣжность, любитъ его за самое воспоминаніе этой прошедшей минуты, за то, что̀ произошло между ними и можетъ возобновиться опять.»

Нѣтъ! не будемъ возвращаться къ этимъ варварскимъ обычаямъ старины, восклицаетъ г. Мишле; великій Боже! я сочетался съ душой, съ мыслящимъ существомъ, и сдѣлаю изъ него вещь!.. превращу его въ ничто!.. Несмотря однако на это благое и мудрое рѣшеніе, г. Мишле черезъ нѣсколько страницъ наивно разказываетъ нѣсколько случаевъ, когда обманутые мужья не хотѣли побить своихъ женъ, отчего эти жены сошли съ ума! Онъ приводитъ опять восточную цитату, которая гласитъ: «не бейте женщину даже цвѣткомъ, хотя бы она совершила сто проступковъ», и прибавляетъ нѣсколько восклицаній въ родѣ слѣдующихъ: Бить женщину! Боже великій! женщину! царицу любви! что̀ не мѣшаетъ ему на той же самой страницѣ написать слѣдующую тираду, которую мы переводимъ буквально:

«Средневѣковыя женщины, даже и теперь женщины извѣстныхъ породъ, терпѣливо выносили и выносятъ супружескую дисциплину. Что касается до нашихъ женщинъ, то онѣ такъ нервны, что такая попытка могла бы быть опасна. Иная умретъ, если до нея дотронутся. Женщина должна быть пощажена даже и тогда, когда она виновна. Въ одномъ только случаѣ, при видѣ ея совершеннаго отчаянія, которое подвергаетъ ея жизнь и разсудокъ опасности, если она умоляетъ о томъ, можно даровать ей легкое тѣлесное наказаніе, облегчающее душевное страданіе. Дѣтское наказаніе нисколько невредное, даже полезное, предписываемое какъ возбуждающее средство, въ русскихъ баняхъ, можетъ быть употреблено, чтобы заставить ее вѣрить, что она искупаетъ свою вину. Дѣти не боятся такого наказанія. Я часто видалъ, какъ нашаливившій ребенокъ прибѣгалъ къ матери, и добровольно подвергался наказанію, увѣренный въ томъ, что она не злоупотребитъ имъ.»

Что сказать послѣ этихъ неслыханныхъ совѣтовъ и разсужденій? Только одно сказать можно. Французы говорятъ: il faut avoir le courage de ses opinions; зачѣмъ г. Мишле не послѣдовалъ этому мудрому и во всякомъ случаѣ болѣе честному правилу, чѣмъ всѣ противорѣчія, оговорки, восклицанія и извилистыя уловки рѣчи, къ которымъ онъ прибѣгъ? Зачѣмъ было дѣлать столько восклицаній, называть женщину *царицей*, говорить, что она *священнѣе могилы матери*? Сказать бы просто: она неразумна какъ дитя, плутовата какъ невольница, тупа какъ животное, и чтобъ исправить ее, ее надо и бить и... сѣчь! Чего бы кажется проще. Въ этомъ признаются и Турки, и Арабы, и Татары, и негры, и другіе народы Азіи и Африки. Да, конечно, а гуманность? а образованіе? а Европа? а XIX вѣкъ? Бѣда, право, да и только, какъ-то неловко вымолвить все это просто, отказаться отъ своего человѣческаго достоинства и добровольно свести себя на степень кочующаго дикаря или коснѣющаго въ невѣжествѣ обитателя Востока, признающаго за законъ одну только грубую физическую силу.

Разказывая многія другія супружескія несчастія, г. Мишле совѣтуетъ, по этому поводу, и другія лѣкарства, менѣе, конечно, энергическія. Впрочемъ мудрено было бы идти дальше. Такъ, напримѣръ, если жена ваша влюбится въ человѣка южнаго племени, везите ее на югъ. Встрѣчая много черноокихъ и черноволосыхъ юношей, она вылѣчится отъ страсти къ такому роду красоты. Если же, наоборотъ, она полюбила голубоокаго, бѣлокураго человѣка, спѣшите на сѣверъ. А если полюбила, спросимъ мы, человѣка съ каштановыми волосами и темными, но не черными глазами? Куда везти ее? Вѣдь этой породы нѣтъ въ одномъ мѣстѣ; она, какъ извѣстно, разсѣяна повсюду, и за ней придется гнаться изъ края въ край. Прочитавъ всю книгу г. Мишле, мы уже не дивимся этому понятію о любви, столь матеріяльно грубому: это единственный логическій выводъ изъ его сочиненія, самая сущность его! Эта книга преисполнена грубаго матеріялизма, который авторъ напрасно старается маскировать посредствомъ мистическихъ фразъ въ родѣ слѣдующихъ: *откровеніе душъ*, *причащеніе любви*, *огонь на алтарѣ чувства*. Также напрасно онъ злоупотребляетъ лучшими словами, найденными для выраженія высокихъ идей! Это походитъ на черную ткань, сшитую бѣлыми нитками, и никого, ни даже самаго простодушнаго изъ читателей, не введетъ въ заблужденіе. Всякій увидитъ сразу, какого рода

смыслъ, часто весьма грубый и грязный, скрывается подъ этими выраженіями. Эта блестящая дымка прикрываетъ соръ и даже грязь.

Намъ невозможно слѣдить далѣе за г. Мишле и его теоріей любви, да мы и не видимъ въ этомъ особенной нужды. Мы уже слишкомъ много выписывали и переводили, и боимся, не утомили ли читателей. Скажемъ въ заключеніе, что г. Мишле, быть-можетъ самъ того не подозрѣвая, сошелся въ своемъ взглядѣ на любовь и на женщину съ другимъ, очень извѣстнымъ французскимъ писателемъ. Г. Мишле, одаривъ женщину поддѣльными совершенствами и сочиненною прелестію, преслѣдующій вездѣ, даже въ спальнѣ, даже въ подробномъ описаніи болѣзней и родовъ, эту, какъ кладъ въ руку, не дающуюся ему поэзію, имѣетъ, какъ мы видѣли, претензію поставить женщину очень высоко во мнѣніи всѣхъ. Для этой цѣли онъ и надѣлилъ ее разными, имъ изобрѣтенными, особенностями, какъ напримѣръ тою, что женщина вѣчно больна, вѣчно страдаетъ. Да и мало ли что̀ еще, всего не перескажешь да и будешь въ невозможности пересказать по неприличію содержанія и самаго изложенія. Г. Мишле воображаетъ, что онъ уважаетъ женщину, и хочетъ внушить всѣмъ, конечно по своему, это къ ней уваженіе. Если истинное его воззрѣніе и прорывается, то помимо его воли. Онъ убѣжденъ, что написалъ книгу въ защиту, мало того, въ восхваленіе и прославленіе женщины. Несмотря однако на все это, единственное назначеніе женщины, по мнѣнію г. Мишле, единственная цѣль ея существованія—это любить въ очень тѣсномъ смыслѣ этого слова, родить и быть кухаркой мужа. Мы уже видѣли, какъ почтенный авторъ бьется изо всѣхъ силъ, чтобъ опоэтизировать, обоготворить это назначеніе женщины. Г. Прудонъ, заклятый врагъ поэзіи, ненавидящій не только сладкую, разрумяненную форму для выраженія мысли, но сильно придерживающійся грубости выраженій и любящій называть всякую вещь ея именемъ, взглянулъ на женщину, какъ того и ожидать слѣдовало, проще, а потому проще и яснѣе высказалъ свое мнѣніе. «Женщина, говоритъ онъ, или кухарка, или куртизанка». Если очистить книгу г. Мишле отъ всѣхъ восклицаній, отъ знаковъ удивленія, восхищенія и вопроса, отъ фразъ и перифразъ, то получимъ то же самое съ измѣненіемъ частицы *или* на частицу *и*. Итакъ, два замѣчательные писателя Франціи сошлись въ своемъ взглядѣ на женщину. Г. Мишле—идеалистъ, гуманистъ, поэтъ, энтузіастъ, и г. Прудонъ,—матеріа-

листъ, ироническій скептикъ и неумолимый, трезвый прозаическій критикъ запѣли на одну ноту. Оба эти мыслители не удостоили вспомнить о старой, какъ вселенная, истинѣ, что женщина создана по образу и подобію Божію. Кажется, это не значитъ съ новѣйшими эмансипаторами женщины кричать о ея неотъемлемомъ полноправіи во всѣхъ сферахъ дѣятельности, до сихъ поръ предоставленныхъ однимъ мущинамъ. Библія, древняя книга, гласитъ объ этомъ первоначальномъ понятіи *людей дѣтей* о ихъ матери.

Не говоря уже о Прудонѣ, какъ не остановиться на томъ, что во всемъ французскомъ обществѣ не высказалось удивленія, или хотя бы недоумѣнія по поводу книги г. Мишле? Напротивъ того, она разошлась въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, и общественное мнѣніе было скорѣе за нее, чѣмъ противъ нея. Правда, что критики, которыхъ появилось огромное количество во всѣхъ журналахъ, были написаны не совсѣмъ въ пользу, не совсѣмъ въ похвалу сочиненія, но онѣ не носили того характера, котораго бы слѣдовало ожидать отъ передовыхъ людей передовой націи, какъ привыкли называть Францію. Симптомъ немаловажный, свидѣтельствующій о нравахъ Франціи, о господствующихъ въ ней мнѣніяхъ и ея гуманности. Всѣ критики были преисполнены ума, остроумія, блеска, иногда даже серіозныхъ замѣчаній о томъ, что теорія супружества, построенная г. Мишле, немыслима въ дѣйствительности; всѣ онѣ были оживлены забавными шутками, а нѣкоторыя изъ нихъ и возраженіями противъ грубыхъ, изъ рукъ вонъ, выходящихъ уроковъ обращенія съ женщиною, преподаваемыхъ г. Мишле молодому поколѣнію, для котораго, по собственному сознанію, онъ писалъ. Въ этихъ критикахъ были подняты всевозможные вопросы; не коснулись только одного, самаго главнаго, самаго существеннаго, а именно: положенія женщины въ семействѣ, какъ его рисуетъ авторъ, и воззрѣнія г. Мишле, въ которомъ высказывается глубочайшее презрѣніе къ женщинѣ. Оно выдается ярко, въ каждомъ словѣ, въ каждой мысли! Никто не обратилъ вниманія на то, что г. Мишле постоянно употребляетъ мѣстоименіе: *онѣ*, и притомъ такъ, какъ будто дѣло идетъ о какой-то особой породѣ новооткрытыхъ животныхъ, которыхъ привычки, нравы, особенности жизни заботливо изучаются рьянымъ натуралистомъ. Г. Мишле постоянно описываетъ ихъ чутье, инстинкты; разказываетъ, какъ можно ихъ запугать, учитъ, какъ пріучить (сдѣлать ручными), какъ овладѣть, иногда

посредствомъ страха, неожиданности, физическаго влеченія и многихъ другихъ вещей, о которыхъ намъ говорить неудобно. Онъ разказываетъ даже о томъ, какія бываютъ чудныя прихоти у этого звѣрка. Онъ напримѣръ любитъ красть. Вы смѣетесь, читатель; право такъ. И кого же онъ обкрадываетъ? Иногда садъ сосѣда, иногда свой собственный. Онъ любитъ тихонько стащить оттуда сочный плодъ и тихонько съ жадностію съѣсть его. При этомъ авторъ восклицаетъ въ умиленіи, какъ старая барыня, увидя любимую болонку, утащившую кость втихомолку, украдкой: милочка! Г. Мишле прибавляетъ великодушно, ставя себя на мѣсто мужа: «Daignez me voler, madame, volez moi de préférance!» Самая глава эта заканчивается поэтическимъ восклицаніемъ: о солнце! о роза! о море! Вы догадываетесь, конечно, что солнце, роза и море, никто другой, какъ звѣрокъ, обкрадывающій собственный садъ, виновата, садъ своего мужа!

Кажется, изъ всего предыдущаго ясно, что дѣло не въ томъ, что женщину можно и должно, по убѣжденію г. Мишле, бить и сѣчь, вѣдь это только слѣдствіе, нисколько не удивляющее и не возмущающее, потому что оно выходитъ раціонально изъ воззрѣнія. Возмутительны не предлагаемыя для исправленія женщины средства, а самый взглядъ на нее; важно не слѣдствіе, а причина. Если женщина—особая, идіотизмомъ заклейменная порода, нѣчто низшее, чѣмъ негръ, похожее на звѣрка и совершенно подобное птичкѣ, то какъ не учить ея, какъ учатъ кингсъ-чарлей, пуделей, чижей, снигирей? какъ подчасъ и не похлестать ее розгой? Безъ этого, звѣрка не выучишь. Все это логично, понятно, и какъ нельзя болѣе разумно, все вытекло раціонально изъ исходной точки. И однако ни одинъ изъ французскихъ писателей-критиковъ не взглянулъ на дѣло съ этой стороны, и всякій поспѣшилъ съ французскою изысканною вѣжливостью и французскими тонкими шуточками вступиться за женщину, съ извѣстной точки зрѣнія, и напечатать нѣсколько фразъ противъ *жестокаго обращенія* съ *нею*. Вѣдь есть теперь уже и общество противъ жестокаго обращенія съ животными. Слѣдуетъ надѣяться, что если ученіе г. Мишле распространится во Франціи, то въ Англіи составится, вѣроятно, общество противъ жестокаго обращенія съ женщиной (французскою разумѣется).

Несмотря на то что съ перваго взгляда кажется, что книга г. Мишле построена на облакахъ, а не на землѣ, въ ней, если по-

смотрѣть на нее со вниманіемъ, найдется дѣйствительная почва. Конечно, его теорія любви невозможна, его идеальные супруги нелѣпы (мы смиренно просимъ у него извиненія), жизнь ихъ вдвоемъ, въ отчужденіи отъ всего міра и отъ общества, немыслима (какъ будто г. Мишле не знаетъ, что взаимная любовь двухъ лицъ, лишенныхъ всякой дѣятельности и занятій, скоро вымираетъ, какъ растеніе безъ почвы). Все это такъ, но за то нравы, которые г. Мишле—описываетъ, не могли быть изобрѣтены имъ, выдуманы, какъ его теорія любви; иначе книга не читалась бы во Франціи и, конечно, вызвала бы тысячу опровержeній со стороны критиковъ. Стало-быть они таковы, или почти таковы. Г. Мишле—авторитетъ во Франціи, онъ извѣстный писатель, мыслитель, всѣми уважаемый, и мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести его свидѣтельство въ защиту себѣ. Многіе упрекали насъ въ томъ, что говоря о Франціи, о ея обществѣ и нравахъ, мы неосторожно или преднамѣренно наложили слишкомъ черныя краски. Мы могли бы въ подтвержденіе словъ нашихъ привести безчисленныя выписки изъ сочиненій французскихъ писателей. Не говоря уже о романистахъ, каковы Бальзакъ, Сулье, часто самъ Жоржъ-Сандъ, можно заглянуть въ болѣе серіозныя сочиненія, справиться съ Токвилемъ и другими, которые говорятъ о женщинахъ. Въ книгѣ г. Кузена *Jaqueline Pascal* подробно разказано монастырское воспитаніе, которое почти не измѣнилось во Франціи съ тѣхъ поръ. Но всего вдругъ вспомнить нельзя, и мы ограничимся на этотъ разъ выписками изъ разбираемой нами книги. Г. Мишле, какъ мы уже замѣтили, нельзя упрекнуть въ недостаткѣ любви къ Француженкамъ; его книга проникнута ею, и Француженкѣ, между всѣми женщинами міра, онъ отдаетъ пальму первенства. Посмотримъ же, что онъ говоритъ о женщинахъ своего отечества.

Въ его сочиненіи есть весьма странный, но какъ нельзя болѣе характеристическій пробѣлъ. О дочеряхъ не говорится вовсе, и идеальные супруги г. Мишле не имѣютъ ихъ; описывая радости, печали матери, авторъ вездѣ разумѣетъ сына. Г. Мишле прекрасно сдѣлалъ, что упустилъ дочь изъ вида; иначе какую бы печальную картину ему пришлось прибавить ко всѣмъ другимъ неутѣшительнымъ картинамъ, которыя онъ выставилъ напоказъ! Во многихъ странахъ Европы, не говоря уже объ Азіи, роль дочери въ семействѣ незавидна: явное пристрастіе неразвитыхъ матерей къ сыновьямъ, проявляется въ

семейномъ быту оскорбительно. Не случалось ли вамъ напримѣръ слышать, что такая-то ваша знакомая родила дѣвочку, и при этомъ ужасномъ извѣстіи залилась слезами отъ горя и досады? Другая только-что не гонитъ со свѣта дочь свою, потому что она не выходитъ замужъ. Третья жалѣетъ для нея денегъ и оставляетъ ее часто безъ всякаго состоянія, чтобы все отдать сыну. Самый законъ во многихъ странахъ очень несправедливъ къ женщинѣ, предоставляетъ ей самую ничтожную часть изъ родительскаго состоянія и лишаетъ ее вовсе права наслѣдства послѣ родственниковъ. Между тѣмъ чья судьба должна быть больше обезпечена въ матеріяльномъ отношеніи, какъ не судьба женщины, которая не можетъ зарабатывать себѣ средствъ существованія, и еще менѣе составить себѣ положеніе и богатство. Она не можетъ ни служить, ни заниматься ремеслами, ни вступать въ торговыя предпріятія. Французскій законъ въ этомъ отношеніи нѣсколько гуманнѣе: сестры наслѣдуютъ наравнѣ съ братьями, но за то не могутъ самостоятельно располагать своимъ состояніемъ, развѣ только въ исключительныхъ случаяхъ, да и то съ ограниченіями. Но законъ не измѣняетъ семейнаго быта и нравовъ страны. Французскія дѣвушки богаче другихъ, но за то онѣ зависимѣе, угнетены матерью и почти всегда холодно относятся къ своему семейству. Г. Мишле зналъ все это, и потому свою идеальную женщину лишилъ дочерей, чтобы не выказать ее крайне неидеальною. Какъ однако ни избѣгалъ онъ этого щекотливаго пункта, ему поневолѣ приходилось говорить нѣсколько разъ объ отношеніяхъ дочери къ матери, потому что его идеальная женщина была же дочерью и не могла не имѣть матери. Мы будемъ переводить слова г. Мишле буквально, съ добросовѣстною вѣрностію.

Дѣло идетъ о молодой только-что вышедшей замужъ женщинѣ.

«Она чувствуетъ себя свободною, хотя ты и господинъ ея. Свободною отъ кого? Сказать ли? Отъ своей матери, которая хотя и любитъ ее, но обходится съ нею до двадцати, даже до тридцати лѣтъ какъ съ дѣвочкой. *Французскія матери ужасны.* Онѣ обожаютъ своего ребенка, но постоянно враждуютъ съ нимъ, уничтожаютъ его блескомъ, прелестію, неограниченною волей собственной личности. Онѣ граціознѣе, красивѣе, моложе, гораздо моложе своихъ дочерей. Пока дочь при матери, она всякій день съ горестію можетъ слышать, какъ мущины говорятъ между собою: «дѣвочка не дурна, но какое сравненіе съ матерью: мать гораздо лучше». Богатыя и бѣдныя

матери дурно кормятъ дочь свою. Но мать вся грація, вся умъ и блескъ. Ей не нужно свѣжести. Дочери же свѣжесть была бы нужна. Дурной уходъ дѣлаетъ ее блѣдною, щедушною, худою. Бѣдная дѣвушка до самаго замужства живетъ этою *неблагодарною* жизнью.»

И въ другомъ мѣстѣ:

«Всѣ матери обманываютъ себя (будто-бы?), всѣмъ говорятъ съ какою-то напыщенностью: «Ахъ! я обожаю мою дочь!» А что онѣ для нея дѣлаютъ?—Ничего. Онѣ не готовятъ ея къ замужству ни морально, ни физически. За одно только ихъ можно похвалить. Обыкновенно онѣ хорошо *стерегутъ* ее, и гораздо лучше, чѣмъ мущины это воображаютъ. Онѣ хотятъ, чтобъ она вошла въ замужство дѣвственная и невинная, даже, если это возможно, преисполненная невѣдѣнія, такъ чтобы мужъ былъ очарованъ, найдя въ женѣ своей такую дѣвочку. И въ самомъ дѣлѣ это такъ удивляетъ его, который былъ знакомъ только съ потерянными женщинами, что онъ *увѣренъ*, что она притворщица. Это невѣдѣніе очень однакоже естественно и понятно подъ вліяніемъ *безпокойной, ревнивой матери*, особенно если дѣвочка не имѣла пріятельницъ.»

Кажется, довольно: и къ этой картинѣ семейнаго счастія подъ кровомъ родителей и даже подъ кровомъ молодаго мужа, можно развѣ прибавить еще слова того же г. Мишле, что отцы отдаютъ очень часто своихъ дочерей замужъ поневолѣ, за богатыхъ стариковъ, и вообще за тѣхъ, кто имъ не нравится.

«Разумѣется, прибавляетъ г. Мишле, что этому слабому существу не подъ силу бороться съ отцомъ, матерью и со всѣмъ семействомъ; она поддается, и ее поневолѣ доводятъ до роковаго дня.»

Чего и ожидать отъ брака, до котораго доводятъ поневолѣ, и отъ дня, который дѣйствительно можно назвать роковымъ; чего ожидать, говоримъ мы, какъ не самыхъ печальныхъ послѣдствій, разказанныхъ такъ живо г. Мишле! Замѣчательно, что любовь не играетъ ни главной, ни даже второстепенной роли въ этихъ разказахъ о паденіи женщины. Главная роль принадлежитъ честолюбію, тщеславію, *удобному случаю*, схваченному налету, въ ту минуту, когда ревнивый глазъ мужа не слѣдитъ за женою. Первая минута свободы, такъ-сказать украденная, заставляетъ ее тотчасъ обмануть мужа; иногда бываетъ и хуже, она обманетъ его просто, такъ, неизвѣстно почему, или лучше, потому что таково было въ эту минуту ея настроеніе, ея расположеніе. Г. Мишле разказываетъ, что подобныя супружескія несчастія случаются часто вездѣ и всегда, лишь только можно женѣ ускользнуть отъ ревниваго глаза мужа и его надзора.

Мы не будемъ приводить всѣхъ такихъ приключеній, а ограничимся только однимъ:

«Молодая женщина ждетъ своего мужа, котораго обожаетъ, и который возвращается къ ней изъ путешествія. Столъ накрытъ для ужина; сама она полна нетерпѣнія и волненія. Мужъ задержанъ на дорогѣ и посылаетъ близкаго друга извѣстить ее объ этомъ и успокоить. Погода ужасная. Пріятель пріѣзжаетъ къ ней измокшій, продрогшій. Она тронута и принимается угощать его; оба теряютъ голову, и *довѣрчивый* мужъ обманутъ.»

Намъ особенно нравится эпитетъ *довѣрчивый;* въ чемъ же проявляется эта особенная довѣрчивость? Неужели жь въ томъ, что не должно посылать близкаго друга извѣстить жену о чемъ бы то ни было? Когда мы были въ Крыму, одинъ Татаринъ съ южнаго берега бранилъ при насъ жену свою за то, что она не хотѣла въ его отсутствіи принять Русскаго, очень хорошо ему знакомаго. И однако Татаринъ, по правиламъ своей религіи и нравамъ своихъ соотечественниковъ, не пускалъ мущинъ въ домъ свой и придерживался обычаевъ сераля. Повторяемъ, что случаи, приведенные г. Мишле, не могутъ составлять исключенія, потому уже, что все его воспитаніе жены мужемъ основано на системѣ недовѣрія, подозрѣнія и необходимости всякихъ предосторожностей. Отсюда совершенное заключеніе, садъ съ высокими стѣнами, домъ—крѣпость, съ двойными дверями, удаленіе не только знакомыхъ, но и семейства. Отсюда мужъ, исправляетъ должность горничной и лакея. Не вѣрьте восклицаніямъ и восторженнымъ выходкамъ: все это только полицейскія мѣры. Извѣстно, что лакей и служанка не бываютъ неподкупной честности, и что Аристидовъ между ними найдти невозможно. Отсюда уединеніе вдвоемъ, чтобы повидимому предаться взаимной любви, а въ сущности, чтобы мужу было спокойнѣе спать *sur les deux oreilles*, какъ говорятъ Французы. И все это въ продолженіи по крайней мѣрѣ первыхъ десяти лѣтъ супружества. Потомъ, по необходимости, цѣпь оттягивается, и въ сорокъ лѣтъ женщина г. Мишле дѣлается свободнѣе. Она уже не подъ ферулой мужа. Она помогаетъ ему въ занятіяхъ, пишетъ письма, выходитъ изъ дому и является почти полною хозяйкой и часто даже управляетъ мужемъ. Мы говорили то же самое, утверждая, что Француженки начинаютъ жить самостоятельно съ 35 или 40 лѣтъ, когда умѣли пріобрѣсть, необходимое во французскомъ обществѣ и семействѣ, искусство хитрить и лицемѣрить. Чтобъ управлять Французомъ, который, кромѣ своей наклонности къ

деспотизму, боится больше всего на свѣтѣ *быть смѣшнымъ*, безъ этого обойдтись невозможно. Замѣтимъ кстати, что во Франціи едва ли обманутый мужъ такъ смѣшонъ, какъ тотъ, который подъ башмакомъ жены своей. Для осмѣянія этого есть народная, весьма употребительная въ среднихъ классахъ Франціи, поговорка: *une femme qui porte cullotte.* Предоставляемъ читателямъ судить самимъ, сколько надо женщинѣ самообладанія, терпѣнія, ловкости и притворства, чтобы при такихъ условіяхъ достичь до нѣкоторой свободы дѣйствій, и незамѣтно взять въ руки бразды правленія. Прибавимъ, что въ 40 лѣтъ, большинство Француженокъ достигаетъ этой цѣли.

Г. Мишле называетъ книгу Бальзака *Du mariage* книгой мертвою (un cadavre). Мы совершенно согласны съ нимъ, но не можемъ не замѣтить, что̀ Бальзакъ предлагаетъ почти тѣ же способы, какъ и г. Мишле, чтобы предохранить мужа отъ несчастія быть обманутымъ, и если книга Бальзака мертвая, то и книга г. Мишле ужь никакъ не живая. Она отзывается старческимъ безсиліемъ и старческою болтовнею, риторствомъ, желаніемъ во что̀ бы то ни стало сказать что-нибудь новое и между тѣмъ твердитъ старое, и притомъ на старый ладъ. Все что въ ней, съ перваго бѣглаго взгляда, кажется поэтичнымъ и нѣжнымъ, оказывается, при внимательномъ взглядѣ, ложнымъ и выдуманнымъ; но за то правда этой книги противнѣе всякой лжи и наполняетъ душу отвращеніемъ и негодованіемъ. Отъ нея вѣетъ испорченностію нравовъ, развратомъ распадающихся обществъ, матеріализмомъ, который овладѣваетъ ими въ такія эпохи. Эта неудачная попытка обоготворить матерію, опоэтизировать грубыя матеріяльныя наслажденія. Попытка не новая! не одинокая! Не одна книга во Франціи въ настоящее время появилась съ этою цѣлью. Мы могли бы насчитать цѣлый рядъ такихъ книгъ, выходящихъ подъ разными формами, то въ видѣ романа, то въ видѣ поэмы, то въ видѣ драмы и пожалуй исторіи. Это, по нашему мнѣнію, характеристическій признакъ настоящаго состоянія Франціи.

Много говорили въ похвалу послѣднихъ главъ книги г. Мишле; дѣйствительно, онѣ лучше предыдущихъ. Въ нихъ есть и здравый смыслъ, и пріятно написанныя страницы, которыя могутъ быть прочтены съ нѣкоторымъ удовольствіемъ. Описаніе потери любимаго человѣка, въ годы старости и одиночества, трогательно. Кромѣ того, послѣднія главы сочиненія проще и естественнѣе прежнихъ, и это не случайно, а происхо-

дитъ отъ того, что на женщину старуху г. Мишле посмотрѣлъ какъ на человѣка; вотъ почему страданія ея трогаютъ читателя. Но и тутъ мы не совсѣмъ раздѣляемъ взглядъ автора и его выводы. Такъ, напримѣръ, мы не можемъ помириться съ тѣмъ‘ чтобы женщина прекрасныхъ свойствъ, проживъ долгую жизнь и потерявъ наконецъ мужа, могла очутиться совершенно одинокою. Гдѣ дѣти? семья? старыя друзья? Ихъ нѣтъ, потому что ихъ не было прежде, въ молодости. Поглощенная одною любовью, она мало любила дѣтей и не нажила друзей. Идеальные супруги г. Мишле жили вдвоемъ, изъятые изъ общей жизни своего отечества, своего общества, своего семейства наконецъ, и очень понятно, что когда одинъ умираетъ, то другому не только нѣтъ никакого утѣшенія и опоры, но нѣтъ даже возможности продолжать существованіе. Нравственно ему жить нечѣмъ. Удивляемся, какимъ образомъ такой умный и талантливый человѣкъ, какъ г. Мишле, не понялъ, что тѣмъ именно и дорога любовь, что она, соединивъ двухъ въ одно, возбуждаетъ того и другаго къ новой живительной дѣятельности, къ дѣятельности, обновляющей силы человѣка и тѣмъ самую любовь его, въ продолженіи многихъ, долгихъ лѣтъ. Любовь потому чувство высокое и живительное, что ея пламенное дыханіе одушевляетъ лѣниваго, заснувшаго, уставшаго, и даетъ ему силы для дѣятельности; а онъ увлекаетъ за собою ту, которую любитъ, и если самое дѣло недоступно ей, то она по крайней мѣрѣ сочувствуетъ ему. Любовь тогда только живетъ до гроба, когда идетъ объ руку съ жизнью и не хочетъ разстаться съ нею. Любовь есть жизнь, и потому, лишь только человѣкъ откажется отъ живой среды, гдѣ ему суждено дѣйствовать, чтобы предаться одной эгоистической любви, она умираетъ, и тѣмъ заставляетъ его жестоко обмануться. *Вѣра безъ дѣлъ мертва есть,* говоритъ Писаніе; точно то же можно сказать и о любви. Такая любовь мертвитъ, разслабляетъ, высасываетъ силу и душу изъ человѣка, гаситъ въ немъ огонь благородныхъ стремленій и потомъ умираетъ сама, оставляя послѣ себя одинъ пепелъ и тлѣніе, одну усталость и разочарованіе. Истинная любовь внушаетъ человѣку желаніе жить для другихъ, а не для самого себя, придаетъ ему мужество и волю для жизненной борьбы: словомъ, любовь есть участіе двухъ во всемъ, а не изъятіе двухъ изо всего. Понимать любовь иначе, такъ какъ понялъ ее г. Мишле, значитъ не знать ее вовсе, или что̀ еще хуже, исказить этотъ лучшій даръ неба, обезобразить его до

того, что вмѣсто блага онъ становится зломъ, вмѣсто источника нравственной жизни источникомъ нравственной смерти обоихъ.

Несмотря однако на относительное достоинство послѣднихъ главъ книги г. Мишле, одна изъ нихъ носитъ названіе: *Старуха не существуетъ.* Въ ней авторъ пытается доказать, что старуха не стара, а еще молода. Въ этомъ есть малая часть правды, несмотря на кажущуюся несообразность такого положенія. Мы признаемся, что нигдѣ, кромѣ Франціи, намъ не удавалось видѣть такихъ щегольскихъ, прилично лѣтамъ разряженныхъ старушекъ, въ которыхъ изящная утонченность манеръ и пріемовъ сильно напоминала грацію молодости. Это результатъ всей жизни, обращенной на изученіе и усвоеніе гармоніи позъ и рѣчей, наряда къ лицу, словомъ всѣхъ внѣшнихъ преимуществъ. Француженки кокетливы даже и въ старости, и того и гляди, что, умирая, такъ сложатъ руки и примутъ такую позу, что иной засмотрится, и всякій воскликнетъ: «какъ она еще хороша!»

Скажемъ въ заключеніе, что цѣль г. Мишле была, по его собственному сознанію, заставить молодыхъ людей бросить шумную, пустую и разсѣяннную холостую жизнь и вступить въ бракъ, чтобы наслаждаться всѣми семейными радостями. Онъ увѣряетъ, что во Франціи, все меньше находится людей желающихъ жениться, и чтобы поощрить ихъ къ этому, онъ написалъ свою книгу «О любви».

Ремесло и жена—вотъ настоящая свобода! восклицаетъ онъ.

Мы отдаемъ на судъ самихъ читателей, на сколько г. Мишле достигъ своей цѣли; не скажутъ ли они, что, желая попасть въ цѣль, онъ далъ сильный промахъ и миновалъ ее совершенно?

Евгенія Туръ.

УЙЛЬЯМЪ ЧАННИНГЪ

(Посвящается памяти Т. Н. Грановскаго.)

Всѣ называютъ нашъ вѣкъ чисто промышленнымъ и практическимъ, и конечно не безъ основанія. Быть-можетъ никогда еще не было сдѣлано такъ много важныхъ открытій, которыя раздвинули горизонтъ понятій, развили промышленность до не бывалыхъ размѣровъ, измѣнили взаимное положеніе странъ и дали имъ новое значеніе. Наука служитъ теперь непосредственно жизни, всякое новое открытіе примѣняется къ практической цѣли и доставляетъ съ неимовѣрною быстротою положительные результаты. Удивленные и увлеченные новыми, безпрестанно умножающимися изобрѣтеніями, мы твердимъ съ упоеніемъ: девятнадцатый вѣкъ — вѣкъ практическій! Но при этомъ забываютъ, что упущенъ изъ виду другой характеръ нашего времени, еще болѣе достойный уваженія и сочувствія, характеръ гуманности. Дѣйствительно, исторія не говоритъ ли намъ, что никогда еще умъ и сердце людей не были проникнуты такою любовію къ ближнимъ, не были преисполненны такой заботливости о человѣкѣ, объ униженномъ и страдающемъ братѣ, находящемся въ непрерывной борьбѣ съ двумя равно сильными, равно опасными врагами, недостаткомъ и невѣжествомъ? Люди, привыкшіе жить, если не посреди роскоши, то по крайней

мѣрѣ въ довольствѣ, мало знаютъ, что̀ такое настоящая нужда, и сколько, не говоря уже о физическихъ лишеніяхъ и страданіяхъ, она унижаетъ нравственно человѣка, выбившагося изъ силъ въ борьбѣ съ нею. Упадокъ духа есть зародышъ всѣхъ прочихъ тяжкихъ нравственныхъ бѣдствій; онъ пораждаетъ презрѣніе къ себѣ, которое ведетъ человѣка прямо къ пороку и разврату или повергаетъ его въ безвыходное отчаяніе, гдѣ гибнутъ лучшія силы души. Такимъ образомъ удовлетвореніе законныхъ, необходимыхъ физическихъ потребностей тѣсно связано съ развитіемъ нравственной стороны человѣка. Все это было понято въ нашъ практическій вѣкъ, и если человѣчество сдѣлало гигантскіе шаги на пути открытій, и изобрѣтеній, то едва ли отстало оно и въ дѣлѣ любви къ ближнему. Заботы о бѣдныхъ классахъ общества, объ улучшеніи ихъ физическаго и нравственнаго благосостоянія, о ихъ воспитаніи, о поддержаніи въ нихъ нравственнаго чувства, являются постоянною цѣлію многихъ филантропическихъ обществъ во Франціи, Америкѣ и особенно Англіи. На этомъ полѣ *эгоистическая, практическая* Англія, какъ привыкли называть ее, сдѣлала наиболѣе успѣховъ. Англійское общество, высоко-нравственное и религіозное, предалось съ особенною ревностію этой дѣятельности, и намъ сто̀итъ только развернуть любой романъ, или какое-нибудь путешествіе въ эту страну *промышленниковъ* и *торгашей*, чтобъ увидѣть въ лицахъ до чего дѣло человѣколюбія срослось съ англійской жизнію. Мы всѣ вообще, и особенно Французы, упорствуемъ въ своемъ взглядѣ на Англію, и обращаемъ все свое вниманіе на одну сторону ея общественной жизни, которая правда, бросается въ глаза, и не хотимъ замѣтить другую. Коварный Альбіонъ! восклицаютъ Французы; эгоистическая Англія! говоримъ мы, и остаемся довольны, тѣмъ болѣе, что англійскіе журналы и англійскіе романы еще болѣе сбиваютъ насъ съ толку, и первые своею оппозиціею, другіе своими нападками подтверждаютъ наши ошибочныя понятія. Англійская журналистика, этотъ всемогущій органъ политической и общественной жизни, казнитъ съ злою ироніею и съ горячимъ негодованіемъ слабыя стороны своего отечества, и къ нашему крайнему удовольствію и радости, публично открываетъ на показъ тайныя раны, злоупотребленія, бѣдствія, скрывающіяся внутри его. Читая ея горячія выходки, въ которыхъ она не щадитъ ничего, и смѣло выставляетъ на видъ зло, проистекающее изъ нѣкоторыхъ общественныхъ учрежденій и обычаевъ, мы забываемъ,

или просто не хотимъ понять, что англійскіе журналы прежде всего обличители: они убѣждены, что безъ обличенія, безъ свѣта гласности и сознанія нѣтъ прогресса. Какъ часто, имѣя въ виду одну благородную цѣль свою, они преувеличиваютъ язвы своей родины, и требуя суда и расправы, новыхъ учрежденій, новыхъ постановленій, новыхъ преобразованій, забываютъ сколько было уже совершено ихъ, сколько ихъ совершается каждый день, и что невозможно взяться за все разомъ, что для этого не достанетъ силъ страны, какъ бы могущественна и крѣпка она ни была. Журналы идутъ своею дорогой; они безпрестанно возбуждаютъ и просвѣщаютъ общественное мнѣніе и подстрѣкаютъ дѣятельность государственныхъ людей; они безъ малодушныхъ опасеній выставляютъ передъ цѣлымъ свѣтомъ темныя стороны своего отечества, именно вслѣдствіе полноты сознанія, что сила добра въ немъ не можетъ быть подавлена зломъ, а напротивъ съ каждымъ днемъ должна все болѣе и болѣе торжествовать надъ нимъ. То же можно сказать и о многихъ романахъ Диккенса. Кто изъ насъ не помнитъ его *Hard Times*, и еще болѣе *Bleak House*? Читая эти произведенія, мы, по весьма странному свойству, радуемся при видѣ язвъ Англіи и постоянно твердимъ весьма неразумную фразу: «Ужь если они сами это пишутъ, такъ чтòжь у нихъ дѣлается?» Въ этомъ-то и состоитъ наша огромная ошибка. Мы вездѣ, по странному устройству нашей головы, хотимъ непремѣнно видѣть ложь и скрытность. Въ Англіи этого вовсе нѣтъ; только тотъ говоритъ прямо и рѣзко о своихъ недостаткахъ, кто сознаетъ свои достоинства.

Госпожа Бичеръ-Стоу, въ описаніи своего путешествія въ Англію, разказываетъ небольшой разговоръ, котораго она была свидѣтелемъ, на офиціяльномъ обѣдѣ лордъ-мера; разговоръ этотъ объяснитъ намъ не только вліяніе литературы на англійскія учрежденія, но еще и подтвердитъ мысль, нами высказанную, о томъ, что писатели Англіи преувеличиваютъ ея недостатки. «Господинъ Тальфуръ, пишетъ она, членъ гражданскаго суда, провозгласилъ тостъ за литературу обѣихъ странъ (Англіи и Америки), соединяя ее общимъ именемъ литературы англо-саксонской. Онъ намекнулъ на автора *Дяди Тома* и на Диккенса, говоря, что тотъ и другой воспользовались вымысломъ, чтобъ обратить вниманіе родной страны на страдающія и угнетенныя массы. Г. Тальфуръ человѣкъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ; лицо его полно веселости и дышитъ здоровьемъ. Онъ пользуется всеобщимъ уваженіемъ и любовію, какъ по благородству души и

горячему участію, которое онъ принимаетъ въ благосостояніи бѣдныхъ классовъ народа, такъ и по литературнымъ заслугамъ своимъ. Диккенсъ отвѣчалъ Тальфуру съ веселостію и граціею, такъ ему свойственными. Вице-президентъ Будъ, который говорилъ вмѣсто отсутствующаго лорда-канцлера, защищалъ государственную канцелярію, и не указывая прямо и явно на *Холодный Домъ* Диккенса, очевидно говорилъ по этому поводу. Смыслъ его рѣчи былъ тотъ, что обвиненія, взводимыя Диккенсомъ на гражданскій судъ, были преувеличены; что дѣйствительно число судей было ограничено въ сравненіи съ числомъ тяжбъ, но что въ недавнее время произошли важныя измѣненія, и теперь можно надѣяться, что вновь поступившія дѣла будутъ окончены безъ большой потери времени. Диккенсъ въ своемъ отвѣтѣ остроумно коснулся этого увѣренія и сказалъ, что ему тѣмъ болѣе пріятно это слышать, что и у него есть тяжба, которая очень интересуетъ его. Я слышала, какъ послѣ этого, Диккенсъ вступилъ въ разговоръ съ однимъ изъ членовъ гражданскаго суда, который увѣрялъ его въ томъ же самомъ, и сказалъ утвердительно, что въ настоящее время, не черезмѣру запутанная гражданская тяжба можетъ быть окончена въ теченіи трехъ мѣсяцевъ. Этотъ маленькій эпизодъ показалъ мнѣ, что гражданскій судъ не былъ нечувствителенъ къ нападкамъ Диккенса (1), но я должна прибавить, что тонъ разговора былъ самый дружелюбный, и что въ этомъ отношеніи Англичане народъ замѣчательный. Здѣсь подымаются всякіе вопросы, спорятъ обо всемъ; но тѣ, о которыхъ идетъ рѣчь, одарены благоразуміемъ и не сердятся за правду нарисованной картины. Диккенсъ безжалостно разоблачилъ слабыя стороны публичныхъ и частныхъ англійскихъ учрежденій, и несмотря на это, никто не возстаетъ на него, никто не называетъ его клеветникомъ родной страны. Онъ не щадитъ лорда Дедлока (2) и смѣло высказываетъ, что̀ у него лежитъ противъ него на сердцѣ, и однако ни одинъ изъ членовъ англійской аристократіи не дуется на него за это. Въ этомъ случаѣ сравненіе между англійскимъ и американскимъ обществомъ не будетъ въ пользу послѣдняго.»

Вотъ что̀ пишетъ г-жа Бичеръ-Стоу, а ее, какъ Американку,

---

(1) Извѣстно, что вся завязка романа: *Холодный Домъ*, основана на процессѣ, которой тянется безконечно.

(2) Одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ *Холодномъ Домѣ*, не внушающее къ себѣ ни малѣйшаго сочувствія.

нельзя заподозрить въ пристрастіи къ Англіи и Англичанамъ; самый пріемъ, оказанный въ Англіи г-жѣ Бичеръ-Стоу, служитъ явнымъ доказательствомъ гуманныхъ убѣжденій общества, и даетъ понятіе о томъ серіозномъ направленіи, которое въ немъ господствуетъ. Стоитъ только прочесть описаніе частныхъ посѣщеній г-жи Бичеръ Стоу, чтобъ убѣдиться, что самыя знатныя, самыя богатыя фамиліи постоянно заботятся о бѣдныхъ; всякая мать семейства принадлежитъ къ какому-нибудь комитету для бѣдныхъ, или къ обществу для вспоможенія работниковъ и устройству школъ первоначальнаго образованія для ихъ дѣтей. Горячее сочувствіе, которое соединяетъ общество, какъ скоро дѣло коснется до образованія рабочихъ классовъ, до ихъ благосостоянія, и вообще до ихъ быта, достойно всякаго уваженія: первыя государственныя лица принимаютъ въ этомъ дѣятельное участіе, такъ же какъ принцъ Альбертъ и сама королева, имя которой стоитъ во главѣ многихъ наиболѣе полезныхъ и дѣятельныхъ человѣколюбивыхъ обществъ. Нельзя пересчитать всѣхъ заведеній для бѣдныхъ, и трудно вполнѣ оцѣнить духъ разумной практичности, который въ нихъ господствуетъ; мы ограничимся разказомъ объ одномъ изъ нихъ, для того только, чтобы дать понятіе о томъ, какъ общество не упускаетъ самаго незначительнаго частнаго случая, и умѣетъ извлечь изъ него общую пользу. Нѣкто г. Нэшъ, человѣкъ очень бѣдный, замѣтивъ двухъ маленькихъ воришекъ, счелъ своимъ долгомъ наставить ихъ на путь истинный. Мальчики отвѣчали ему въ свое оправданіе, что одна необходимость заставляетъ ихъ прибѣгать къ кражѣ изъ-за куска хлѣба. Тогда г. Нэшъ предложилъ имъ обѣдать у него. Скоро вѣсть эта разнеслась по околотку, и тѣ изъ дѣтей, которыя болѣе другихъ сознавали постыдное ремесло свое, поспѣшили оставить его и пришли къ г. Нэшу, который скоро не имѣлъ уже возможности прокормить вновь прибывшихъ. Узнавъ это, добрые люди околотка поспѣшили подать свою помощь, и въ скоромъ времени образовалось общество для вспоможенія и исправленія воровъ-дѣтей, которыя показывали искреннее желаніе перемѣнить свое поведеніе. Для новообращенныхъ, во избѣжаніе злоупотребленій, было придумано испытаніе. Всякій новоприбывшій долженъ былъ, въ продолженіи четырнадцати дней, ѣсть хлѣбъ и воду и сидѣть совершенно одинъ въ комнатѣ, дверь которой была постоянно отворена, чтобы дать ему возможность уйдти, тотчасъ, еслибъ это вздумалось ему. Кто оставался, тотъ, входилъ въ составъ школы, гдѣ воспитывался до совершеннолѣтія, послѣ

чего снабженный всѣмъ нужнымъ былъ отправляемъ для водворенія въ колоніяхъ. Результаты были самые утѣшительные: почти всѣ дѣти, тамъ воспитанныя, дѣлались честными переселенцами, и земледѣліе доставляло имъ не только довольство, а еще и относительное богатство. Лордъ Шефсбери, одинъ изъ главныхъ членовъ этого общества, получалъ часто письма отъ своихъ питомцевъ, и вотъ одно изъ нихъ:

«Добрый лордъ, я бы желалъ, чтобы вы прислали къ намъ другихъ дѣтей изъ вашей школы, и употребили все свое вліяніе надъ тѣми, которыя еще въ тюрьмахъ. Какъ скоро я куплю себѣ ферму, то назову ее вашимъ именемъ.»

И сколько другихъ учрежденій въ томъ же духѣ и родѣ! Религіозное направленіе въ нихъ господствуетъ; оно служитъ главнымъ орудіемъ спасенія несчастныхъ. По нашему мнѣнію, развитіе благотворительности въ Англіи едва ли не равняется съ ея промышленностію, и если первые и знаменитѣйшіе государственные люди засѣдаютъ на митингахъ, и берутъ должность на всемірной выставкѣ, то они не пренебрегаютъ въ то же время являться и на экзамены въ ragged school (школы оборванцовъ), гдѣ дѣти нищихъ получаютъ первыя понятія о религіи и нравственности, и элементарныя познанія. Жены и дочери первыхъ лордовъ королевства помогаютъ въ этомъ отцамъ и мужьямъ своимъ. Въ этомъ отношеніи Франція далеко отстала отъ Англіи: мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы благотворительность не получила тамъ никакого развитія, но она является тамъ большею частію только, какъ исполненіе долга. Она не сдѣлалась потребностію общеетва и не проникла въ его нравы.

По нашему мнѣнію, только Сѣверная Америка можетъ выдержать, въ этомъ отношеніи, сравненіе съ Англіей. Гуманность направленія, христіянскій духъ любви къ ближнему отличаетъ ея литературу. Можетъ-быть въ ней нѣтъ еще сильныхъ талантовъ, можетъ-быть она не блещетъ силою творчества, но въ лучшихъ ея произведеніяхъ протекаетъ глубокое нравственное чувство. Это чувство есть необходимое условіе литературнаго успѣха въ обществѣ. И мы говоримъ не объ одной только такъ-называемой изящной литературѣ. Америка породила много мыслителей, которыхъ вся жизнь посвящена развитію идей благотворительности, горячей любви къ ближнему, распространенію нравственныхъ понятій. Имя Чаннинга занимаетъ тутъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Онъ принадлежалъ къ унитаріямъ; но дѣятельность его не ограничивалась тѣсными рамами секты, она имѣла въ виду

все человѣчество, и въ этомъ отношеніи Чаннингъ составляетъ общее достояніе.

Чаннингъ принадлежалъ къ тѣмъ рѣдкимъ людямъ, глубокій умъ которыхъ соединяется съ высокимъ нравственнымъ чувствомъ, которые умѣютъ придать каждой мысли обаяніе нравственной прелести. Сочиненія его переведены теперь во всей Европѣ и пріобрѣли ему громкую извѣстность. Мы хотимъ познакомить съ нимъ нашихъ читателей. Задача испугала бы насъ, еслибы дѣло шло только о философѣ, или государственномъ человѣкѣ; но въ дѣятельности Чаннинга была цѣлая сфера, которая касалась вопросовъ нравственныхъ, положенія человѣка въ обществѣ, отношеній его гражданскихъ и семейныхъ. Вопросы эти не могутъ быть чьею-нибудь исключительною принадлежностію: они составляютъ достояніе всякаго, кто чувствуетъ любовь къ добру и уваженіе къ истинѣ. Къ тому же самая личность Чаннинга исполнена такой поэтической граціи, запечатлѣна такимъ возвышеннымъ характеромъ, что невольно возбуждаетъ общее участіе и неотразимо привлекаетъ къ себѣ женское сердце и женское перо.

I.

Чаннингъ родился въ Ньюпортѣ, главномъ городѣ штата Родъ-Эйланда, расположенномъ на островѣ, по имени котораго называется штатъ. Островъ этотъ, самый большой изъ близь лежащихъ острововъ штата, омывается съ одной стороны волнами Атлантическаго океана, а съ другой водами большого залива, долгое время служившаго портомъ для множества кораблей всѣхъ странъ и націй. Природа острова роскошна и разнообразна; отвѣсныя скалы, покрытыя лѣсами горы и зеленѣющія долины, и въ особенности цѣлительныя свойства его климата, привлекаютъ сюда много путешественниковъ. Ньюпортъ построенъ на склонѣ горы, надъ самымъ заливомъ, въ который могутъ входить самые большіе корабли и безопасно оставаться тамъ; народонаселеніе Ньюпорта первоначально образовавалось изъ американскихъ выходцевъ, подвергавшихся гоненію въ другихъ штатахъ за свои религіозныя убѣжденія; оно скоро перемѣшалось съ иностранцами, моряками, искателями приключеній и богатства, которые принесли съ собою не совсѣмъ чистые нравы континентальной Европы, понятія XVII вѣка, привычку и любовь къ роскоши, рѣзко

отличавшіяся отъ суровости, строгости и простоты, свойственной пуританамъ и унитаріямъ. Такая разнородность элементовъ не могла не породить борьбы, и городъ раздѣлился на двѣ враждебныя партіи. Семейство Чаннинга принадлежало къ унитаріямъ и пользовалось особеннымъ уваженіемъ. Отецъ Чаннинга, человѣкъ безукоризненной честности, искренно преданный своей религіи и отечеству, искренно любившій свое семейство, хотя онъ управлялъ имъ не безъ строгости, занималъ должность генералъ-прокурора въ ньюпортскомъ судѣ. Мать Чаннинга, Люси Эллери, была женщина живая, умная и безстрашная; она соединяла любящее сердце съ честностію правилъ и рѣдкимъ благоразуміемъ, что̀ примиряло съ нею и заставляло прощать ей рѣзкія выходки, въ которыхъ она не щадила ничьего самолюбія, высказывая правду. Оставшись рано вдовою, потерявъ все свое состояніе, она умѣла сохранить живость характера, дѣятельность, веселость, воспитала всѣхъ дѣтей и достигла до глубокой старости въ домѣ сына своего Уйльяма Чаннинга, которому досталось на долю рѣдкое счастіе лелѣять и покоить мать свою въ продолженіи цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ. Первыя впечатлѣнія молодаго Чаннинга принадлежатъ къ самымъ завѣтнымъ воспоминаніямъ всякаго Американца: ему не было и восьми лѣтъ, когда отецъ взялъ его съ собою, чтобы присутствовать при провозглашеніи союзной конституціи; около того же времени, онъ живо помнилъ это, ему пришлось видѣть самого Вашингтона въ домѣ отца, гдѣ собирались всѣ лучшіе и умнѣйшіе люди Америки. Уйльяму Чаннингу не было тринадцати лѣтъ, когда онъ лишился отца; его замѣнилъ дѣдъ, отецъ его матери, Эллери, которому онъ конечно обязанъ развитіемъ лучшихъ сторонъ своего ума и сердца; безкорыстіе и безпристрастіе своего ума, горячую любовь къ Богу, высокое понятіе о долгѣ и обязанностяхъ гражданина, онъ почерпнулъ въ урокахъ дѣда. Въ продолженіи своей долгой жизни, Чаннингъ не только сохранилъ о немъ нѣжное воспоминаніе, но еще живо напоминалъ его складомъ своего ума, непоколебимою твердостію правилъ, и рѣдкою мѣткостію и разумностію сужденій, всегда умѣренныхъ, но проникнутыхъ горячимъ убѣжденіемъ. Первые годы дѣтства и юности Чаннинга протекли такимъ образомъ подъ самыми благопріятными условіями; его дѣдъ и мать принадлежали къ тѣмъ рѣдкимъ людямъ, для которыхъ теоріи не имѣли никакой цѣны, если онѣ не переходили въ практику, если онѣ не управляли всѣми дѣйствіями

ихъ жизни. Примѣръ ихъ сильно подѣйствовалъ на его молодую душу и мягкое сердце, и это не удивительно: доброе сѣмя падало на добрую почву. Дѣйствительно, молодой Чаннингъ былъ одаренъ отъ природы всѣмъ тѣмъ, что̀ такъ радостно шевелитъ сердце матери, что̀ заставляетъ и воспитателя возлагать лучшія свои надежды на дѣтскую голову. Рѣдкое благоразуміе соединялось въ немъ съ рѣдкимъ для его лѣтъ умомъ; сердце его было необыкновенно любящее, характеръ мягкій, тихій и сосредоточенный. Постоянная его задумчивость не мѣшала ему однако быть веселымъ въ кругу дѣтей; способность разсуждать и соображать развилась въ немъ необычайно рано. Шести лѣтъ отъ роду, отецъ взялъ его съ собою въ церковь, гдѣ долженъ былъ говорить одинъ извѣстный проповѣдникъ. Онъ изобразилъ своимъ слушателямъ человѣческое общество въ такихъ мрачныхъ краскахъ, говорилъ такъ ожесточенно о людскихъ порокахъ и низостяхъ, и такъ утвердительно доказывалъ, что Богъ отвратилъ лицо свое отъ грѣшниковъ, которымъ нѣтъ теперь спасенія, что маленькій Чаннингъ перепугался. Онъ былъ убѣжденъ, что придя домой, отецъ соберетъ все семейство и будетъ требовать отъ нихъ совершенной перемѣны образа жизни. Ничего подобнаго не случилось, и удивленію маленькаго Чаннинга не было границъ, когда выйдя на улицу, онъ услышалъ, что отецъ его очень спокойно насвистывалъ какую-то пѣсню. «Э! такъ это неправда, сказалъ онъ самъ себѣ, и стало-быть этому не надо вѣрить.» Въ продолженіи всей жизни своей, онъ больше вѣрилъ добру, чѣмъ злу, и никогда не отчаивался въ исправленіи заблудшаго или погибшаго; высокое и благое природы человѣческой было ему вѣрнымъ залогомъ того нравственнаго совершенства, въ которое онъ такъ пламенно вѣровалъ, и къ которому онъ неутомимо стремился какъ въ себѣ, такъ и въ другихъ. Онъ вѣрилъ въ него, не только въ отношеніи къ человѣку, но и къ человѣческому обществу, и передъ смертью сказалъ замѣчательныя слова: «Повѣрьте, что міръ этотъ, несмотря на мракъ, который находитъ на него порою, несмотря на все, что̀ приписываютъ ему дурнаго, все еще прекрасенъ. Что касается до меня, то чѣмъ болѣе я живу, тѣмъ яснѣе вижу свѣтъ, который проникаетъ постоянно сквозь туманъ; я убѣжденъ, что свѣтъ этотъ идетъ отъ того солнца, которое *Тамъ*.»

Умъ молодаго Чаннинга очень рано обратился къ отвлеченнымъ предметамъ; онъ закалялъ на этомъ трудномъ и скользкомъ пути свое развивающееся мышленіе. Изъ древнихъ онъ находилъ

большое удовольствіе въ чтеніи стоиковъ, имѣлъ къ нимъ особенное сочувствіе и съ жадностію прочелъ всѣ философскія книги, которыя могли ближе познакомить его съ тайнами человѣческаго духа. Два философа, родина которыхъ была Шотландія, особенно привлекали его; то были Фергюсонъ и Готчесонъ; они показали ему назначеніе человѣка, научили вѣрить въ его усовершенствованіе и раскрыли передъ нимъ смыслъ тѣхъ отношеній, въ которыхъ человѣкъ долженъ находиться къ Высшему Существу. Съ пятнадцати-лѣтняго возраста эти мысли овладѣли Чаннингомъ, и онъ самъ разказывалъ въ послѣдствіи, какъ, бродя однажды по берегу небольшой рѣчки, осѣненной плакучими ивами, и по лугамъ сосѣднихъ долинъ, онъ былъ внезапно пораженъ великолѣпіемъ природы, чувствомъ красоты, разлитой повсюду, отъ цвѣтка до шумѣвшихъ невдалекѣ морскихъ волнъ, и таинственною связью Провидѣнія съ человѣкомъ. Все существо Чаннинга было потрясено въ эту минуту жаждою нравственной красоты, любовью къ прекрасному, въ чемъ бы оно ни выражалось, въ природѣ ли, въ поэзіи ли, или нравственныхъ свойствахъ человѣка. «Въ эту минуту, говорилъ онъ, я желалъ бы умереть: я сознавалъ, что чувства, волновавшія меня, нашли бы себѣ просторъ и волю развѣ только въ небѣ; но я понималъ, что надо жить для дѣятельности, что стремленія моей души должны осуществиться на дѣлѣ. Мнѣ было пятнадцать лѣтъ, удивительно ли, что всѣ мои помыслы обратились на женщину? Мнѣ чудилось, что она управляетъ человѣческимъ обществомъ, что еслибъ она захотѣла отдаться добру, а не суетности, все бы въ мірѣ измѣнилось къ лучшему. Я написалъ тогда же длинное письмо, въ которомъ подробно развилъ мои мысли. Посланіе это назначалось ей,—и при этомъ онъ указывалъ на жену свою,—но я не осмѣлился отдать ей его.»

Не замѣчательны ли эти первыя волненія, первые восторги, первый порывъ любви? Любовь, навѣянная красотою природы, и проникнутая сознаніемъ благости Зиждительнаго Промысла, любовь, какъ самое вѣрное орудіе къ нравственному воспитанію общества и какъ лучшая путеводная нить въ жизни, не говоритъ ли все это о не совсѣмъ обыкновенномъ складѣ ума и сердца въ пятнадцатилѣтнемъ юношѣ? Такъ ли обыкновенно проявляется любовь въ молодомъ человѣкѣ, такія ли мысли навѣваетъ она на горячую юношескую голову? Мечтать о женщинѣ какъ о добромъ началѣ, какъ о существѣ, призванномъ преобразовать

общество силою добродѣтели,—не есть ли это свойство натуры чистой и одаренной необыкновенно поэтическимъ чувствомъ?

Чаннингъ былъ уже достаточно развитъ, когда четырнадцати лѣтъ вступилъ въ Гарвардскій университетъ, неподалеку отъ Бостона. Этотъ университетъ былъ основанъ по образцу всѣхъ англійскихъ университетовъ; воспитанники пользовались совершенною свободой, и обязанности ихъ состояли только въ томъ, чтобы являться на лекціи, на акты и въ церковь. Чаннингъ жилъ у своего дяди, и такъ какъ университетскій курсъ не былъ слишкомъ обширенъ, то студенты пополняли его, собираясь между собою и занимаясь обоюднымъ преподаваніемъ. Эти собранія носили названія клубовъ. Чаннингъ былъ выбранъ членомъ четырехъ такихъ обществъ и пріобрѣлъ весьма скоро особенное вліяніе на всѣхъ своихъ товарищей. Онъ велъ жизнь уединенную, не посѣщалъ общества, много занимался и учился съ большимъ прилежаніемъ. Онъ всегда былъ расположенъ къ мечтательности, и ему случалось по цѣлымъ часамъ предаваться ей, такъ что онъ долженъ былъ употребить всю силу воли, чтобы бороться съ этою заманчивою наклонностію. Поэзія и особенно Шекспиръ имѣли для него всегда особенную прелесть. Изученіе древнихъ языковъ и чтеніе поглощали у Чаннинга много времени; всѣ эти усиленныя занятія не лишали его однако веселости, онъ отличался особенною ловкостію въ тѣлесныхъ упражненіяхъ, особенною живостію разговора, нѣсколько насмѣшливаго и остроумнаго, хотя въ насмѣшкѣ его не было ни малѣйшаго желанія уколоть и оскорбить. Всѣ эти качества привлекали къ нему товарищей. «Мы любили и уважали его, разказываетъ Стери, мелкая зависть и соперничество въ отношеніи къ нему были намъ незнакомы, хотя онъ съ самаго вступленія въ университетъ до выпуска постоянно считался первымъ студентомъ въ курсѣ. Я думаю, что онъ не имѣлъ ни одного врага между товарищами; всѣ мы гордились его талантами и его репутаціей, и были увѣрены, что онъ сдѣлается человѣкомъ замѣчательнымъ.»

Этотъ отзывъ товарища получаетъ еще бо́льшую цѣну, если взять во вниманіе то опасное вліяніе, которое тогдашнее общество могло имѣть и имѣло на умы молодаго поколѣнія. Нравы студентовъ были далеко не безукоризненны, и многіе изъ нихъ, увлеченные молодостію и соблазнами жизни, едва не погибли. Чаннингъ былъ очень бѣденъ; боясь задолжать и тѣмъ еще больше запутать дѣла нѣжно-любимой матери, онъ не посѣщалъ общества, и соединенный тѣсною дружбою только съ не-

многими изъ своихъ товарищей, предавался исключительно умственнымъ занятіямъ; въ послѣдствіи онъ самъ признавался, что порокъ всегда внушалъ ему непреодолимое отвращеніе. Университетская жизнь оставила въ немъ самыя пріятныя воспоминанія; она кипѣла умственною дѣятельностію, и всѣ великіе вопросы находили горячее сочувствіе въ небольшомъ кружкѣ, къ которому принадлежалъ Чаннингъ, и изъ котораго въ послѣдствіи вышло нѣсколько замѣчательныхъ людей, стяжавшихъ извѣстность и славу. Событія политическаго міра возбуждали страстные споры и пренія, и намъ кажется, что въ нихъ заключается тайна преждевременной зрѣлости сужденій, замѣтной въ восьмнадцатилѣтнемъ Чаннингѣ. Дѣйствительно, какъ было уму не зрѣть и не крѣпнуть среди этой безпрерывной борьбы мнѣній и живаго участія въ нихъ всего молодаго поколѣнія, родившагося вскорѣ послѣ славной войны за независимость, въ которой отцы ихъ покрыли себя славою? Федеральное устройство Соединенныхъ Штатовъ не успѣло еще тогда утвердиться на прочныхъ основахъ, и подавало не мало поводовъ къ опасеніямъ и спорамъ.

Оставивъ университетъ, Чаннингъ возвратился въ Ньюпортъ и жестоко почувствовалъ свое одиночество. Вотъ отрывокъ изъ письма его (къ другу его Шо), въ которомъ, несмотря на прочное и основательное умственное развитіе, видна младенческая простота сердца и задушевная искренность первыхъ юношескихъ впечатлѣній. «Какъ часто думаю я о нашемъ кружкѣ, собиравшемся вокругъ вашего камина, о нашихъ безсонныхъ зимнихъ ночахъ, которыя мелькали такъ быстро, благодаря сигарамъ, орѣхамъ и задушевной бесѣдѣ; а дружба наша между тѣмъ росла и крѣпла. Я помню и прогулки наши при свѣтѣ мѣсяца. Какъ бывало весело бродили мы сплетясь руками. Мы увлекались и горячо спорили, но за то, наши примиренія получали новую цѣну, а дружескій союзъ нашъ становился все тѣснѣе и тѣснѣе. Ахъ, Уйльямъ, воспоминанія этихъ минутъ умрутъ только со мною. Я много плакалъ и чувствую, что счастливые дни мои миновали, и мнѣ остается только горевать о нихъ. Теперь мои прогулки одиноки, нѣтъ дружескаго голоса, который поддержалъ бы меня, нѣтъ родной души, которая бы раздѣлила мои печали и радости. Правда, я живу съ лучшею изъ матерей, съ добрыми братьями и сестрами, но увы! лишенъ друга. Море не далеко отъ насъ, и мнѣ еще не случалось видѣть природы прекраснѣе этой; огромные утесы, грозный шумъ валовъ, разби-

вающихся съ пѣною о берегъ, безконечность океана, все это возбуждаетъ во мнѣ и радость, и ужасъ. Я каждый день хожу туда, сравниваю себя съ этими волнами, то бѣгу на встрѣчу къ нимъ, то простираю къ нимъ руки, и порою желалъ бы, чтобъ онѣ увлекли меня съ собою. Душа возносится къ Творцу природы, и въ этомъ храмѣ я могу только преклоняться и благоговѣть передъ нимъ. Какая разница въ моемъ положеніи! Въ коллегіумѣ я имѣлъ друзей, близь которыхъ могъ отдохнуть, когда жизнь казалась мнѣ мрачною, и я забывался. Здѣсь я могу только лелѣять мою грусть.»

Это выраженіе дѣтскихъ чувствъ, при воспоминаніи о которыхъ Чаннингъ невольно улыбался въ послѣдствіи, даетъ намъ мѣру его чувствительности, его поэтической настроенности и сердечной простоты. Они не изгладились въ немъ даже и послѣ, когда трудная и озабоченная жизнь политическаго дѣятеля и глубокомысленнаго писателя, замѣнили неясныя стремленія юности. Доказательства этого сохранились въ его обширной перепискѣ. Въ приведенномъ письмѣ Чаннингъ, увлекшись чувствомъ, будто забываетъ о другой болѣе серіозной и зрѣлой сторонѣ своего характера, и не высказываетъ другу своему того, что̀ занимало его въ это время. Прочитавъ эти строки, можно подумать, что предаваясь безплоднымъ и дѣтскимъ сожалѣніямъ о школьной жизни, грезамъ и поэтическимъ мечтамъ, онъ жилъ настоящимъ и прошедшимъ, мало думалъ о будущемъ. Изъ біографіи Чаннинга мы видимъ противное. Будущность постоянно занимала его; онъ не переставалъ думать о выборѣ дѣятельности, и въ скоромъ времени извѣстилъ друга своего Шо о своемъ рѣшеніи.

Вотъ что̀ писалъ онъ:

«Я перемѣняю образъ жизни; новый горизонтъ открывается моему взору, новое поле дѣятельности ждетъ меня. Я хочу развить въ себѣ энергію, сбросить усталь съ души, заглушить дѣятельностью мое горе; одинъ Богъ знаетъ, успѣю ли я въ этомъ; но я хочу исполнить долгъ свой и остаюсь равнодушнымъ къ тому, что будетъ со мною. Я благословляю собственное несчастіе, если оно произойдетъ отъ постоянныхъ усилій жить и дѣйствовать по внушенію долга. Да, Шо, я буду пасторомъ, пастыремъ стада Іисусова; я хочу посвятить себя преобразованію этого порочнаго общества, вразумленію его. Твой и мой путь разойдутся; развѣ могила соединитъ насъ, и мы падемъ ницъ у одного и

того же судилища, и оба, я надѣюсь, насладимся однимъ небомъ и вмѣстѣ восхвалимъ благость Всевышняго...

«Еще бывши въ коллегіумѣ, я лелѣялъ въ тайнѣ эту мысль; слово религія было для меня равнозначительно слову счастіе, и я чувствую, что чѣмъ религіознѣе становлюсь я, тѣмъ счастливѣе.»

Такимъ образомъ, не имѣя еще девятнадцати лѣтъ отъ роду, Чаннингъ рѣшился посвятить себя служенію религіи и человѣчеству. Достигнуть этого было однако не совсѣмъ легко; чтобы сдѣлаться пасторомъ, надо было заняться богословскими науками, а состояніе матери Чаннинга было такъ незначительно, что онъ не могъ продолжать учиться и жить на ея счетъ. Это значило бы обременить собою и безъ того многочисленное семейство. Въ этой крайности онъ рѣшился искать мѣста преподавателя и скоро вступилъ въ должность учителя, въ семейство Рандольфа, съ которымъ уѣхалъ въ Виргинію. Отъѣздъ Чаннинга огорчилъ всѣхъ его родныхъ; вотъ что пишетъ объ этомъ старшій братъ его Франсисъ:

«Уйльямъ оставилъ насъ и все мое счастіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Вы не можете себѣ представить, что это за молодой человѣкъ! Любезность его очаровательна, и я не найду никогда ему подобнаго. Напрасно ищу я между тѣми, кого коротко знаю, души столь чистой, такого благороднаго ума и возвышенныхъ чувствъ.»

Поѣздка и пребываніе въ Виргиніи должны были оставить неизгладимые слѣды на душѣ и характерѣ Чаннинга, и мы сожалѣемъ, что имѣемъ слишкомъ мало матеріяловъ для характеристики этой важной эпохи въ его жизни. Все должно было въ этой странѣ или оттолкнуть или прельстить его; онъ былъ молодъ, сердце его было свѣжо и неиспорчено и открыто всѣмъ впечатлѣніямъ. Къ тому до сихъ поръ онъ велъ жизнь уединенную и семейную; онъ не зналъ общества, его обаянія, его притягивающей силы. Предупредительная любезность, радушное гостепріимство жителей Виргиніи тотчасъ расположили его въ ихъ пользу и подали поводъ къ сравненіямъ, невыгоднымъ для суровыхъ, разсчетливыхъ до скупости жителей сѣверныхъ штатовъ. Женщины Виргиніи одарены особенною красотою; ихъ сообщительность, непринужденность ихъ обращенія, живой характеръ и умъ, изощренный свѣтскимъ навыкомъ, должны были имѣть свою заманчивую прелесть, которой трудно было не покориться тому, кто еще не жилъ и не понималъ жизни. Съ другой стороны роскошная при-

рода юга, не могла не произвести на Чаннинга своего чарующаго дѣйствія, тѣмъ болѣе, что онъ и на сѣверѣ былъ страстнымъ ея поклонникомъ.

Сколько причинъ для новыхъ ощущеній, новыхъ чувствъ и быть-можетъ доселѣ незнакомыхъ ему искушеній! Сначала Чаннингъ обращаетъ особенное вниманіе на природу, и вотъ что̀ пишетъ онъ къ Шо:

«Зачѣмъ нѣтъ тебя со мною! Мы вмѣстѣ бродили бы по долинамъ, наслаждались бы видомъ этой страны, гдѣ все дѣвственно, роскошно и плодоносно, гдѣ рука человѣка изрѣдка даетъ замѣтить себя въ небольшихъ участкахъ воздѣланной земли. Мы вмѣстѣ предавались бы отдыху подъ персиковыми деревьями или виноградными лозами!... Какъ я люблю деревню! Я брожу по полямъ свободный какъ воздухъ, сбросивъ всѣ условія общества и упиваясь свѣжимъ дыханіемъ весны; бросаюсь на траву, это мягкое ложе, которое природа устроила для тѣхъ, кто любитъ ее. Я чувствую, что всѣ мои способности обновляются и разцвѣтаютъ.»

Вотъ его первыя впечатлѣнія. Столь же благопріятны были и тѣ, которыя относились къ обществу, котораго онъ повидимому не чуждался въ началѣ. Скоро однако все измѣняется. Изъ веселаго, остроумнаго и восторженнаго молодаго человѣка, Чаннингъ превращается въ мрачнаго аскета и начинаетъ безъ милосердія мучить себя. Прежде всего политическія мнѣнія юга поразили его; они были діаметрально противоположны его мнѣніямъ. Желая вполнѣ ознакомиться съ ними, Чаннингъ пристально слѣдилъ за преніями въ Ричмондѣ. Сравнивая собственные принципы съ мнѣніями самыхъ талантливыхъ людей Ричмондскаго конгресса, краснорѣчиво защищавшихъ свои убѣжденія, онъ утвердилъ за собою то безпристрастіе мнѣній, ту вѣрность воззрѣній и трезвость сужденія, которыя съ тѣхъ поръ остались навсегда отличительною чертою его политической и литературной дѣятельности. Но что все это въ сравненіи съ тѣмъ негодованіемъ и скорбію, которыя потрясли душу его, когда онъ познакомился въ Виргиніи со всѣми условіями невольничества! Оно нанесло глубокую рану его чувствительному сердцу, его уваженію къ человѣческому достоинству, и рана эта не излѣчилась въ продолженіе всей его жизни. Вотъ нѣсколько строкъ его по этому поводу:

«Невольничество никогда не позволитъ мнѣ поселиться въ Виргиніи; у меня не достаетъ словъ, чтобы выразить всю мою ненависть къ нему. Господинъ и невольникъ! Нѣтъ, никогда природа не

могла создать такихъ отношеній, никогда не могла она установить подобной зависимости... Если вы хотите, я могу дать нѣкоторое понятіе о положеніи и характерѣ негровъ въ Виргиніи, хотя это такой позорный предметъ, что я добровольно не могу на немъ долго останавливаться. Мнѣ придется изобразить вамъ порокъ, соединенный со всѣми низостями и со всѣми страданіями. Гибельное учрежденіе рабства дѣйствуетъ одинаково пагубно, какъ на негровъ, такъ и на бѣлыхъ.»

Мы замѣтимъ при этомъ, что взглядъ Чаннинга на положеніе негровъ не сходится съ тѣмъ взглядомъ, который такъ недавно вызвалъ изъ-подъ пера благородной и великодушной женщины ужасающія душу картины рабства и страданій. Чаннингъ нигдѣ не скрываетъ, что негры погружены въ глубокое невѣжество, въ бездну пороковъ и лжи, словомъ, что ихъ нравственное состояніе, можно сказать утвердительно, безпримѣрно хуже ихъ матеріяльнаго положенія. Такія лица, какъ Дядя Томъ и другіе, едва ли возможны при такомъ страшномъ нравственномъ упадкѣ, и это заключеніе, по нашему мнѣнію, говоритъ еще сильнѣе, еще громче за освобожденіе этой несчастной породы. Дѣйствительно, что можетъ быть прискорбнѣе зрѣлища цѣлыхъ поколѣній, цѣлаго народонаселенія, погибающаго физически и нравственно, закоснѣлаго въ невѣжествѣ, отупѣвшаго въ пьянствѣ, развратѣ и лжи? Ни религіознаго, ни нравственнаго, ни даже человѣческаго чувства въ этихъ тысячахъ, милліонахъ рабовъ; въ нихъ не пробудились даже первыя понятія о добрѣ и злѣ! Какъ ни несчастливъ Дядя Томъ, но онъ не такъ несчастливъ, какъ тѣ рабы, которые шесть дней въ недѣлю работаютъ изъ страха тѣлеснаго наказанія, а въ седьмой, пользуясь *свободой*, напиваются до полу-смерти, — людей несчастныхъ, у которыхъ, какъ у животныхъ нѣтъ ни дѣтей, ни семейства, которые не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о святости узъ, соединяющихъ мужа съ женою, отца съ сыномъ, людей, которые однимъ лишь устройствомъ тѣла, да и то не совсѣмъ, напоминаютъ о томъ, что и они принадлежатъ къ великому семейству, созданному по образу и подобію Божію.

Цѣлый годъ провелъ Чаннингъ въ Виргиніи, и вся его переписка свидѣтельствуетъ объ его постоянныхъ заботахъ изучить до малѣйшихъ подробностей жизнь, привычки и характеръ негровъ. Онъ дошелъ до убѣжденія, и высказываетъ его безъ страха и безъ утайки, что физическое благосостояніе негровъ замѣтно улучшается, что между владѣльцами есть много людей добрыхъ

и сострадательныхъ, но что тѣмъ не менѣе, нельзя не только примириться, но и не возмущаться безпрестанно, при видѣ такого богопротивнаго и человѣкоубійственнаго учрежденія, которое позоритъ и развращаетъ одинаково какъ господина, такъ и невольника. Владѣльцы негровъ, преданные чувственнымъ наслажденіямъ, затѣямъ причудливой роскоши, или вовсе не развиты нравственно, или развиты неправильно, и Чаннингъ не столько презираетъ, сколько жалѣетъ ихъ. Нельзя жить безнаказанно посреди рабовъ; эта жизнь налагаетъ свою печать на лучшаго изъ людей и всего болѣе способствуетъ вѣчной лѣни, умственному безсилію и нравственному растлѣнію. Годъ, проведенный Чаннингомъ въ Виргиніи, былъ замѣчателенъ во многихъ отношеніяхъ и особенно по тому внутреннему разладу съ собою, на который въ перепискѣ его мы находимъ только неясные намеки. Натура Чаннинга—натура гармоническая и вмѣстѣ съ тѣмъ многосторонняя; его сужденія всегда разумны, никогда не заходятъ за границы строгой и справедливой умѣренности и правды, никогда не колеблются и не впадаютъ изъ крайности въ крайность. Но въ эту пору его жизни, мы не видимъ еще всѣхъ этихъ рѣдкихъ качествъ его, напротивъ, мы не можемъ не замѣтить, что онъ вовлеченъ въ какую-то страстную борьбу съ собою, въ которой казнитъ себя безпощадно. Мы не знаемъ, вслѣдствіе чего произошло все это, но видимъ, что онъ внезапно покидаетъ очаровавшее его сначала общество, запирается у себя, занимается преимущественно чтеніемъ стоиковъ и доходитъ до несвойственной ему суровости, которая проявляется въ излишней требовательности въ отношеніи къ самому себѣ, и въ безпрерывныхъ испытаніяхъ, которымъ онъ себя подвергаетъ. Положивъ себѣ цѣлію торжество духа надъ плотію, Чаннингъ хотѣлъ закалить себя и пріучить себя ко всякимъ лишеніямъ. Онъ спалъ на полу, гулялъ ночью по холоду, почти безъ одежды, и почти ничего не ѣлъ. Несмотря однако на всѣ эти истязанія или быть-можетъ именно вслѣдствіе ихъ, мы видимъ, что онъ страдаетъ, мучится и испытываетъ томящую тоску. Эта горячка души, борьба воли съ влеченіями сердца или молодости, безпокойное броженіе ума, всего рѣзче сказываются въ слѣдующемъ письмѣ его, единственномъ ключѣ къ уразумѣнію его тогдашняго состоянія:

«Я жилъ одинъ, пишетъ онъ позднѣе, по бѣдности не могъ покупать книгъ и проводилъ дни и ночи въ моей комнаткѣ подъ чердакомъ, одинъ одинехонекъ, кромѣ тѣхъ часовъ, которые посвящалъ преподаванію. Въ этомъ уединеніи я работалъ,

какъ уже никогда мнѣ не доводилось работать въ послѣдствіи. Мало-по-малу здоровье мое уступило этимъ безустаннымъ усиліямъ; не имѣя подлѣ себя ни души, которой бы я могъ повѣрить мои завѣтныя мысли и тайныя чувства, и избѣгая общества, я пережилъ умственную и нравственную борьбу, перечувствовалъ такія потрясающія умъ и сердце ощущенія, что не могъ даже спать и совершенно разстроилъ свое здоровье. Я исхудалъ и сдѣлался скелетомъ, но благодарю Бога теперь, когда вспоминаю о этихъ одинокихъ, полныхъ тоски дняхъ и ночахъ. Если я когда-нибудь боролся всею силою души, чтобы достигнуть правды, чистоты и добродѣтели, то конечно въ эту пору жизни моей. Тогда-то, посреди тяжкихъ испытаній и лишеній, великій вопросъ былъ рѣшенъ мною: долженъ ли я былъ *руководиться высшими или низшими влеченіями моей натуры?* сдѣлаюсь ли я жертвой страстей и свѣта, или свободнымъ сыномъ Божіимъ и его служителемъ? Я чувствую еще и теперь тайное довольство собою при мысли, что выдерживая борьбу эту, стремясь съ самосовершенствованію, я былъ одинъ, и никто не могъ угадать, что̀ происходило во мнѣ. Впрочемъ не всякій ли день случается нѣчто подобное? Величайшій подвигъ можетъ совершиться подлѣ насъ, быть-можетъ подъ самымъ нашимъ кровомъ, и остаться для всѣхъ тайной. Въ городѣ, извѣстномъ легкостію и распущенностію нравовъ, одинъ человѣкъ въ тиши и одиночествѣ готовился на служеніе правды и благочестія.»

Видно по всему, что борьба эта была ужасна, она не только истощала силы тѣла, но еще и духа. Упадокъ умственной дѣятельности, чрезмѣрное утомленіе, постоянно мрачное настроеніе духа и какая-то болѣзненность сердца овладѣваетъ имъ; веселый, добрый, остроумный Чаннингъ заслоненъ новымъ лицомъ, печальнымъ и угрюмымъ, свидѣтельствующимъ о пережитой борьбѣ. Но какъ бы то ни было, побѣда одержана. Онъ возвращается къ матери, худой, больной, печальный, но уже ясный духомъ. Въ теченіи всей послѣдующей жизни онъ не впадетъ уже въ подобное искушеніе, ему не придется выдерживать новую борьбу и казнить себя страданіемъ. Опытъ сдѣланъ, и съ этой минуты онъ идетъ дальше спокойнымъ путемъ, разумно и умѣренно развивая въ себѣ различныя стороны ума и сердца. Мы не можемъ однако, говоря объ этомъ нравственномъ кризисѣ въ жизни Чаннинга, не привести его письма къ другу его Шо, гдѣ высказывается очень ярко тогдашнее состояніе его духа:

«Я пишу къ тебѣ, чтобъ облегчить мое слишкомъ полное серд-

це; у насъ наступила весна, и какое-то томленіе овладѣло мною. Еще недавно я сознавалъ въ себѣ бодрость орла, и едва ли не въ звѣздахъ свивалъ гнѣздо свое; я стремился въ высшія сферы, и вотъ я опять упалъ съ этого неба, и порывъ, одушевлявшій меня, исчезъ. Я потерялъ энергію души; во мнѣ уцѣлѣли только болѣзненное воображеніе да чувствительность, доходящая подъ часъ до безразсудства.

«Всю жизнь мою я долженъ былъ бороться съ нею. Спроси обо мнѣ у всѣхъ, меня окружающихъ: всѣ скажутъ тебѣ, что я стоикъ; я и самъ такъ думалъ, но во мнѣ скрывалось пламя, которое когда-нибудь уничтожитъ меня... Я вздыхаю о тихомъ счастіи... да, мнѣ остается только вздыхать о немъ, ибо я сознаю, что мое непостоянство и моя страстность будутъ ему помѣхою.»

Несмотря однако на эту внутреннюю муку, которая очень часто сопутствуетъ правильному и плодотворному развитію, Чаннингъ не покидалъ науки и постоянно и прилежно занимался не только богословіемъ, но еще исторіей и философіей, которыя помогали ему уразумѣть великую задачу человѣческаго усовершенствованія. Склонный къ мечтательности, онъ особенно предался ей въ эту пору своей жизни и до того увлекся теоріями и утопіями, бывшими тогда въ ходу, что едва не вступилъ въ общество, имѣвшее цѣлію равенство состояній и раздѣлъ собственности. Насмѣшки брата его и друга его Шо, строгіе, логическіе доводы и возраженія дѣда его Эллери, не допустили его привести въ исполненіе этотъ безкорыстный, но безплодный и необдуманный планъ. То была юношеская пора въ жизни Чаннинга, пора его увлеченій и заблужденій, но какъ не замѣтить, сколько въ нихъ благородства и самоотверженія! Счастливъ тотъ, кто хотя однажды въ жизни, какъ Чаннингъ, можетъ увѣровать въ возможность подобныхъ благихъ начинаній на пользу общую, кто можетъ какъ онъ облегчить свое сердце, при видѣ людскихъ несчастій, недостатковъ и бѣдствій, надеждою на лучшее! Въ этомъ отношеніи, Чаннингъ могъ вспомнить о своей юности съ чувствомъ отраднымъ: у него не было недостатка въ энтузіазмѣ, въ порывѣ, въ стремленіи на благо общее. Онъ самъ сознавалъ это и вотъ что писалъ къ Шо:

«Я чувствую, что благородный энтузіазмъ овладѣлъ мною; онъ течетъ въ жилахъ моихъ, трепещетъ въ каждомъ нервѣ; грудь моя дышитъ ускоренно подъ вліяніемъ какого-то невыразимаго

чувства, и какое-то божественное вдохновеніе воодушевляетъ меня.»

Уступивъ доводамъ дѣда, Ченнингъ не могъ однако вдругъ совладѣть съ собою, и больше чѣмъ когда-нибудь предался мечтательности; но и это было не продолжительно. Скоро онъ понялъ всю опасность подобной наклонности, и испугавшись, что она увлечетъ его съ поля дѣйствительности въ сферу безплодныхъ грезъ и уничтожитъ въ зародышѣ его силу, употребилъ всю свою энергію, чтобы вырвать съ корнемъ то, что̀ онъ называлъ гибельною привычкой.

«Я сознаіъ, говоритъ онъ, что долженъ преодолѣть себя, если только хочу стать человѣкомъ и сдѣлаться полезнымъ для другихъ. Борьба была тяжела, но я побѣдилъ себя; я безпрестанно занимался чѣмъ-нибудь, и не имѣлъ свободной минуты.»

Въ послѣдствіи подавая совѣты молодымъ людямъ, онъ выражался такъ:

«Займитесь чѣмъ бы то ни было, и не позволяйте себѣ предаваться мечтательности. Я говорю это вамъ по собственному опыту, потому что въ продолженіе многихъ лѣтъ моей жизни, я былъ самъ мечтателемъ и предавался грезамъ по цѣлымъ часамъ. Вскорѣ однако я рѣшился избавиться отъ этой болѣзни; молитва и разнородныя занятія помогли мнѣ одержать надъ собою побѣду.»

Двадцати лѣтъ Ченнингъ оставилъ Виргинію, гдѣ ему суждено было вынесть такія тяжелыя внутреннія испытанія, и возвратился въ Ньюпортъ къ матери. Семейство его не могло не замѣтить перемѣны, которая совершилась въ немъ; онъ уже не походилъ на прежняго студента съ блестящими глазами, съ легкою походкой, съ восторженною рѣчью на устахъ. Теперь серіозное и блѣдное лице его, задумчивость и слабость изобличали въ немъ душу, познакомившуюся съ страданіями и сознавшую свою силу. Тотчасъ по возвращеніи домой, онъ принимается съ жаромъ за дѣятельность и старается быть полезнымъ въ той скромной сферѣ, куда поставила его судьба. Въ ожиданіи болѣе обширнаго поприща, онъ довольствуется тѣмъ, что̀ случилось у него подъ рукой, занимается воспитаніемъ брата и сестеръ, также какъ и одного изъ дѣтей Рандольфа. Въ то же самое время онъ не забываетъ и мать свою, утѣшаетъ и поддерживаетъ ее въ безпрестанныхъ заботахъ и затруднительныхъ домашнихъ обстоятельствахъ. Мы опять встрѣчаемъ Ченнинга и на берегахъ моря, и на его родныхъ поляхъ и долинахъ, но уже не одного,—

теперь онъ бродитъ вмѣстѣ съ сестрами и братьями, вмѣшивается въ ихъ игры, чтобы познакомиться съ ними ближе, узнать ихъ короче, открыть себѣ доступъ къ ихъ юному сердцу и дѣйствовать благотворно на развитіе ихъ ума и нравственности. Дѣятельность его не ограничивается семействомъ—онъ мало-по малу распространяетъ ее на сосѣдей и знакомыхъ; день его принадлежитъ другимъ, а часть ночи онъ посвящаетъ собственнымъ занятіямъ. Проведя такимъ образомъ около полутора года въ Ньюпортѣ, онъ получаетъ наконецъ мѣсто при коллегіумѣ, въ которомъ нѣкогда воспитывался. Должность его не была обременительна, и онъ имѣлъ достаточно свободнаго времени, чтобы сблизиться съ извѣстными профессорами по части богословія, и пользуясь ихъ совѣтами, съ новыми усиліями приняться снова за изученіе этого предмета. Онъ постоянно жалуется на недостаточность англійскихъ книгъ, хотя изъ его писемъ видно, что онъ прочелъ все, чѣмъ Англія и Америка могли ссудить его по его предмету, не забылъ и французскихъ духовныхъ писателей и философовъ деистовъ, и ознакомился со множествомъ протестантскихъ сочиненій, къ какой бы сектѣ они ни принадлежали. Несмотря на все это, въ своей прекрасной статьѣ о Фенелонѣ, онъ сожалѣетъ о бѣдности духовной литературы и въ особенности о недостаточности сочиненій по части исторіи церкви. Мы должны впрочемъ замѣтить тутъ же, что умъ Чаннинга принадлежалъ къ числу такихъ, которые очень мало поддаются прочитанному, которые не принимаютъ ни одной мысли на вѣру, но повѣряютъ ее своимъ собственнымъ строгимъ мышленіемъ. Чаннингъ неутомимо слѣдилъ за тѣмъ, чтобы развить въ себѣ эту способность и принималъ иногда съ излишнею, быть-можетъ, осторожностію мысли другихъ, какимъ бы громкимъ авторитетомъ онѣ ни прикрывались. Въ его памятной книжкѣ осталось много слѣдовъ этого неусыпнаго надзора за собою. «Читать легко, говоритъ онъ, но мыслить трудно. Только посредствомъ размышленія, мы можемъ такъ усвоить себѣ мысли другихъ, что онѣ сольются съ нашими мыслями и сдѣлаются частію насъ самихъ. Мое несчастіе состоитъ въ томъ, что я много читалъ и мало думалъ; теперь я буду дѣлать наоборотъ, потому что предпочитаю ясность и опредѣленность понятій поверхностному знанію, какъ бы обширно оно ни было. Какъ часто познакомившись съ словомъ, мы воображаемъ, что поняли идею и замѣняемъ опредѣленіе синонимомъ! Какъ часто анализируя слова, я открывалъ ускользавшія отъ меня до тѣхъ поръ понятія! Никогда не надо

употреблять слово, не давъ ему точнаго опредѣленія, потому что обманчивыя и невѣрныя аналогіи легко сбиваютъ насъ съ толку. Я положилъ своею непремѣнною обязанностію безустанно и упорно искать истины и правды—но какъ часто впадалъ я въ заблужденіе, потому что избѣгалъ труда самостоятельныхъ изслѣдованій!...

«Я не буду читать произведеній легкаго поэтическаго вымысла, которыя только ослабляютъ умственную дѣятельность, и ограничусь произведеніями той поэзіи, которыя возвышаютъ и укрѣпляютъ душу....

«Умъ мой часто смутенъ; тысяча неясныхъ мыслей мучатъ меня; въ эти минуты лучше оставить книги и прекратить работу мысли. Бываютъ минуты, когда умъ не способенъ къ серіозной работѣ, и силы его, уступая болѣзни тѣла, истощаются какъ и оно; тогда отдыхъ необходимъ. Несмотря однако на это, должно строго отличать эту очень естественную усталость, эту болѣзнь ума, отъ лѣности, которая увеличивается, если ей даютъ долю. Было бы желательно превозмочь и физическую слабость, и я думаю, что можно достигнуть этого. Ужели невозможно пріучить себя ко вниманію, котораго не могло бы одолѣть никакое страданіе? Не случается ли мнѣ извинять мою лѣность состояніемъ моего здоровья?

«Мнѣ надо отстать отъ привычки читать множество пустыхъ книгъ; онѣ ослабляютъ силы ума и отвлекаютъ отъ всякаго серіознаго занятія. Порядокъ и послѣдовательность необходимы при занятіяхъ, и когда однажды составленъ планъ для нихъ, не должно отступать отъ него ни подъ какимъ видомъ, какъ бы это дорого ни стоило. Я хочу во что бы то ни стало достигнуть ясности понятія; для этого надо отдѣлить отъ всякой науки то, что̀ собственно не относится къ ней, и какъ можно яснѣе опредѣлить настоящій ея предметъ. Когда я на время отложу въ сторону книги, надо попытаться отвлечь и умъ мой отъ предмета моихъ занятій, чтобъ и онъ могъ свободно и спокойно насладиться созерцаніемъ внѣшняго міра....

«Гораздо лучше размышлять самому, чѣмъ прибѣгать къ другимъ и узнавать ихъ мысли объ извѣстномъ предметѣ. Такимъ образомъ мы откроемъ истину тамъ, гдѣ она ускользнула бы отъ насъ, если бы мы взглянули на предметъ съ точки зрѣнія, заимствованной у другихъ. Наши правила не должны зависѣть ни отъ воспитанія, ни отъ привычекъ; я хочу наблюдать самъ, прежде чѣмъ воспользуюсь чужими наблюденіями. Можетъ ли соз-

даться самостоятельность взгляда, если мы будемъ постоянно учиться у другихъ, какъ и что надо думать? Умъ, высшій моего, долженъ только поддерживать мою слабость, но ни какъ не мѣшать мнѣ употреблять въ дѣло мои способности. Слѣпая вѣра въ книги распространила изъ поколѣнія въ поколѣніе столько же по крайней мѣрѣ заблужденій, сколько и истинъ. Съ нею изсякаетъ потокъ живой мысли, и умомъ овладѣваютъ несвойственныя ему идеи. Умственная независимость самый вѣрный путь къ истинѣ. Быть-можетъ количество знанія будетъ меньше, за то качество его будетъ лучше. Истина, почерпнутая изъ авторитетовъ, или та, которую мы не усвоили себѣ упорною, самостоятельною работой, производитъ слабое впечатлѣніе...

«Прежде чѣмъ составлять гипотезы, надо обсудить и обдумать факты, на которыхъ онѣ основаны; мнѣ бы надо было записать тѣ истины, которымъ я сочувствую, и потомъ опять обдумать ихъ и оцѣнить безъ предубѣжденій и предразсудковъ. Я долженъ опасаться, чтобы желаніе быть оригинальнымъ и самостоятельнымъ не увлекло меня и не привело къ заблужденію. Честолюбіе такъ же пагубно, какъ и предразсудки; любовь къ истинѣ есть единственное правило, которое должно руководить мною и только тѣ истины, которыя непосредственно касаются жизни, достойны особеннаго изученія.

«Я рожденъ для дѣятельности, и мое назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы быть полезнымъ обществу, стараясь распространить истинныя понятія о религіи, и симъ совершенствуясь въ нихъ; слѣдовательно мнѣ должно стараться воспринять главнѣйшія ея истины, а не теряться въ хаосѣ энциклопедическихъ знаній, которыя до сихъ поръ только сбивали меня съ настоящаго пути. Ученость—только средство, и я не долженъ дѣлать изъ него цѣли и заниматься отвлеченными науками, которыя мнѣ не нужны; это значило бы терять напрасно время...

«Такъ какъ я сознаю, что умъ мой полонъ предразсудковъ и предубѣжденій во всемъ, что̀ касается политическихъ вопросовъ, то я не буду ни съ кѣмъ говорить о нихъ по крайней мѣрѣ годъ времени, исключая самыхъ близкихъ друзей. То же самое я сдѣлаю и въ отношеніи къ исторіи, и буду молчать обо всемъ, чего не знаю основательно.

«Мнѣ должно наблюдать и за сердцемъ, иначе оно будетъ увлечено, и исполнившись энтузіазмомъ, заставитъ меня принять заблужденіе за истину Христову. Религіозные разговоры могутъ быть очень полезны для меня, если я не закрою сердца для оче-

видности, если я искренно буду искать правды, если я терпѣливо буду слушать другихъ и не буду прерывать ихъ изъ желанія блеснуть самому. Я не долженъ выставлять на показъ мои религіозныя чувства, не долженъ говорить о своей опытности, словомъ, было бы хорошо, еслибы мнѣ удалось вычеркнуть мое я изъ моихъ разговоровъ.... Призываю благословеніе Всевышняго на всѣ мои занятія.»

Мы привели эти отрывки, какъ доказательства анализа, практическаго смысла и холоднаго разума Чаннинга, который нисколько не исключалъ въ немъ другихъ болѣе пылкихъ способностей ума и чувствъ сердца. Мысли эти особенно замѣчательны потому, что молодому философу было не болѣе двадцати двухъ лѣтъ, когда онъ вносилъ ихъ въ свою записную книжку; онѣ даютъ мѣру его характера и кромѣ того обличаютъ самообладаніе, особенный складъ ума, желаніе идти впередъ и въ наукѣ, и въ мышленіи, и въ нравственномъ развитіи. Вотъ еще выдержки оттуда же, въ которыхъ изображается другая сторона его тогдашняго настроенія.

«Какая-то апатія охватила умъ мой, даже воображеніе и чувство отуманились; во мнѣ изсякло возбуждающее начало. Ничто не трогаетъ меня, и однако я страдаю; это болѣзненная агонія; я не могу ни дѣйствовать, ни чувствовать, и однако эта безчувственность и равнодушіе не зависятъ отъ меня самого. Я окованъ и задавленъ, какъ Энсилодъ, бременемъ горы; хочу поднять ее, и при каждомъ усиліи чувствую, что она съ новою тяжестію падаетъ на грудь мою.»

Несмотря однако на это состояніе, Чаннингъ окончилъ свой богословскій курсъ и получилъ позволеніе говорить проповѣди. Въ 1802 году онъ сказалъ свою проповѣдь, взявъ текстъ изъ Дѣяній Апостольскихъ: *У меня нѣтъ ни серебра, ни золота, но что есть у меня, то я и даю вамъ.* Ожиданія, возбужденныя Чаннингомъ, были очень велики, и онъ вполнѣ оправдывалъ ихъ. Общественное мнѣніе возложило на него лучшія надежды; два бостонскіе прихода предложили ему мѣсто пастора. Онъ принялъ тотъ изъ нихъ, въ которомъ было меньше дѣла, потому что здоровье его было разстроено, и физическія силы совершенно истощены. Въ 1803 году Чаннингъ былъ посвященъ, и одинъ изъ друзей его, который въ ту пору былъ еще очень молодъ, разказывалъ въ послѣдствіи, что эта церемонія сдѣлала на присутствующихъ весьма тяжелое впечатлѣніе. Исхудалая фигура Чаннинга, его блѣдное лице, слабый и глубоко тронутый голосъ,

что-то неземное въ выраженіи предсказывали преждевременную смерть. Что касается до самого Чаннинга, то онъ былъ проникнутъ сознаніемъ великости своихъ новыхъ обязанностей, своимъ ничтожествомъ передъ ними, и такъ изображалъ свои чувства въ письмѣ къ дядѣ:

«Я становлюсь печаленъ, когда замѣчаю, что друзья мои такъ сильно обо мнѣ безпокоятся. Что я наконецъ такое? И какъ ничтожны мои способности въ сравненіи съ тѣмъ участіемъ, которое я возбуждаю! Какъ мало способенъ я оправдать надежды, на меня возложенныя! Я преисполненъ священнаго ужаса при мысли о великости моего долга. Церковь Божія, искупленная кровію Сына, вѣчные интересы человѣчества, какіе это великіе предметы! Молитесь, чтобы на меня снизошла благодать, и чтобъ я не оказался не достойнымъ ея.»

II.

До сихъ поръ мы видѣли, что Чаннингъ, вполнѣ понимавшій важность своего назначенія, только приготовлялъ себя къ нему, стараясь правильно развить свой умъ, обогатить его знаніями и воспитать свое нравственное чувство. Онъ видѣлъ, что одинъ умъ безъ чистоты душевной, безъ просвѣтлѣнія духовнаго, безъ убѣжденій, согрѣтыхъ горячею любовію, не можетъ сильно дѣйствовать на людей и массу. Мы описывали, какъ онъ боролся съ собою, вырывая съ корнемъ все, что̀ ему казалось недостойнымъ человѣка, въ высшемъ и лучшемъ значеніи этого слова. До сихъ поръ онъ только мечталъ о дѣятельности и жилъ болѣе въ отвлеченной сферѣ мысли, мало знакомой съ жизнію внѣшнею. Посмотримъ его теперь на томъ пути, который онъ избралъ, посмотримъ его лицомъ къ лицу съ тѣми обязанностями, о которыхъ онъ составилъ себѣ такое высокое понятіе.

Чаннингъ поселился въ Бостонѣ, и характеръ его дѣятельности опредѣлился съ самаго начала. Сколько видимъ мы благородныхъ натуръ, мечтающихъ о благѣ общемъ, строящихъ возвышенныя теоріи, думающихъ пересоздать человѣчество, принести своимъ ближнимъ облегченіе въ страданіяхъ и несчастіи! И что жь? Лишь только такіе люди встрѣчаются съ голою и часто жестокою дѣйствительностію, съ человѣческими пороками, гру-

быми инстинктами, невѣжествомъ и предразсудками, они останавливаются передъ ними въ малодушномъ испугѣ. Умъ ихъ пораженъ, сердце сжато, воля уничтожена, мужество исчезло. Они отступаютъ, складываютъ руки и опомнившись, принимаются опять за мечты и проекты, которымъ никогда не суждено сбыться, и которые, что̀ еще печальнѣе, вполнѣ удовлетворяютъ ихъ. Какъ многіе живутъ и умираютъ наслаждаясь и удовлетворяясь однѣми мечтами, живутъ въ возможномъ и ненавидятъ дѣйствительность! Мы зовемъ такихъ людей мечтателями. Въ Чаннингѣ былъ также сильно развитъ этомъ элементъ, но заслуга его именно и состоитъ въ томъ, что онъ преодолѣлъ его своимъ практическимъ здравымъ смысломъ и неутомимою дѣятельностію. Горячая любовь его къ людямъ была такъ велика, что побѣдила ту раздражительную чувствительность, вслѣдствіе которой ему невозможно было вначалѣ видѣть страданія или нравственное паденіе человѣка, и пришлось бы отвернуться отъ людскихъ бѣдствій и немощей, еслибъ онъ уступилъ ей. Онъ превозмогъ эту слабость, и въ совершенствѣ исполнялъ свои двоякія обязанности, обязанности пастора и филантропа. Едва только сдѣлался онъ пасторомъ, какъ сблизился со всѣми слоями общества, высшими и низшими; но особенное вниманіе его было обращено на рабочій классъ. Онъ прилежно изучалъ его потребности, нравы и воспитаніе. Онъ идетъ далѣе: знакомится съ нищетой, съ людьми, отупѣвшими отъ лишеній или искаженными развратомъ, старается изслѣдовать причины, повергшія ихъ въ нищету, и не пугаясь ужасающей обстановки, входитъ въ близкія отношенія къ обнищавшимъ семействамъ работниковъ, превозмогаетъ въ себѣ невольно пробуждающееся отвращеніе при видѣ грязнаго порока, протягиваетъ ему руку и предлагаетъ нравственную и физическую помощь. Ничто не ускользаетъ отъ его зоркаго глаза, отъ его женски-чувствительнаго сердца; онъ не забываетъ даже и тѣхъ несчастныхъ женщинъ, которыя проводятъ свою позорную жизнь въ убѣжищахъ разврата. У него является мысль устроить общество, имѣющее цѣлію доставить работу тѣмъ изъ нихъ, которыя искренно раскаялись и твердо рѣшились зарабатывать честнымъ образомъ кусокъ хлѣба. Въ это же время онъ придумываетъ планъ соединить богатыхъ съ бѣдными, такъ чтобы каждое богатое семейство взяло на себя обязанность заботиться о бѣдномъ семействѣ. Заботы эти не должны были быть только матеріяльныя, но нравственныя, заботы о томъ, чтобы не подвергая бѣдныхъ унизительной зависимости,

возбуждать въ нихъ волю и энергію для новой борьбы съ обстоятельствами. Онъ предлагаетъ завести школы первоначальнаго образованія и не забываетъ при этомъ даже и негровъ. Бостонъ былъ въ этомъ отношеніи счастливымъ городомъ; язва рабства не позорила его учрежденій, но свободные негры, посѣлившіеся въ немъ, подвергались глубокому униженію; никто о нихъ не заботился; напротивъ, всѣ презирали ихъ. Ихъ положеніе обратило на себя особенное вниманіе Чаннинга; онъ не покорился общему мнѣнію, считавшему ихъ паріями, недостойными никакого участія; онъ пошелъ наперекоръ тому, и старался внушить своимъ согражданамъ, что это пренебреженіе жестоко и преступно. Проповѣди Чаннинга, обращенныя то къ рабочему классу, то къ молодымъ людямъ, предназначавшимъ себя въ пасторы, обличаютъ глубокое всестороннее изученіе природы, потребностей и пороковъ низшихъ классовъ. Онѣ обнимаютъ всѣ стороны жизни, кипятъ мыслями, благими стремленіями, горячимъ желаніемъ распространить религію, просвѣщеніе и нравственность. Молодое, едва возникшее общество Бостона, несмотря на свое меркантильное направленіе, не было чуждо любви къ литературѣ, поэзіи и особенно къ публичному краснорѣчію; страсть произносить и слушать рѣчи развита и теперь во всей Америкѣ. Легко можно себѣ представить, какое вліяніе имѣли на общество проповѣди Чаннинга, въ которыхъ каждое слово было прочувствовано, проникнуто непоколебимымъ убѣжденіемъ, каждая мысль согрѣта любовію! Сосредоточенный и застѣнчивый въ частной жизни, Чаннингъ высказывался вполнѣ на каѳедрѣ; тамъ не боялся онъ говорить о своихъ страданіяхъ и радостяхъ; съ трогательнымъ простосердечіемъ и безъ всякаго самолюбія онъ дѣлился съ слушателями плодами своихъ наблюденій надъ происшествіями вседневной жизни; онъ старался передать имъ тѣ утѣшенія, которыя внушали ему его вѣра и собственное сердце. Дѣйствительно, когда мы читаемъ его рѣчи, исполненныя такой нѣжности, такой правды, лишенныя всякой изысканности, отзывающіяся событіями и впечатлѣніями общественной и политической жизни, эти рѣчи, поражающія насъ ясностію взгляда, здравымъ смысломъ, силою мышленія,—мы понимаемъ безъ труда, какое вліяніе онѣ должны были производить на слушателей. Скоро стеченіе публики на бесѣды Чаннинга было такъ велико, что небольшая приходская церковь не могла вмѣщать слушателей, и пришлось строить другую, болѣе помѣстительную церковь.

Казалось бы, что посреди этой дѣятельной жизни, Чаннингъ, отдавшись другимъ, долженъ былъ позабыть о себѣ. Это уже не была жизнь въ скромномъ домѣ матери, или въ комнаткѣ подъ чердакомъ въ Виргиніи, гдѣ постоянно слѣдя за собою, онъ могъ до тонкости анализировать себя. Наклонность эта не уничтожается однако въ немъ нисколько; напротивъ, можно думать что она развивается еще болѣе. Онъ замѣчаетъ, напримѣръ, что успѣхъ проповѣдей доставляетъ ему особенное удовольствіе, что онъ далеко не холоденъ къ этому говору похвалъ, достигающему до него со всѣхъ сторонъ; и лишь только замѣчаетъ онъ это, какъ ужь онъ испуганъ. Онъ называетъ непростительнымъ честолюбіемъ то, въ чемъ всякій другой видѣлъ бы только законное сознаніе собственныхъ силъ.

«Я не могу строго порицать васъ, говоритъ онъ въ письмѣ къ одному молодому пастору, потому что часто испытывалъ самъ то чувство, о которомъ вы говорите. Не разъ склонялся я подъ тяжестію своего бремени.... Молодому человѣку, привыкшему къ одинокой жизни, трудно взойдти на каѳедру, то-есть на самое видное мѣсто въ мірѣ, къ которому онъ не могъ достаточно себя приготовить. Ему будетъ невозможно побѣдить самую сильную страсть — честолюбіе, а оно такъ противно духу христіянскаго ученія и исполненію обязанностей, возложенныхъ на насъ нашимъ священнымъ саномъ, что мы не будемъ въ состояніи заглушить въ себѣ жгучіе укоры встревоженной совѣсти.»

Изъ этихъ строкъ мы видимъ ясно, что Чаннингъ былъ недоволенъ собою, а это чувство въ такой чистой и высокой натурѣ, какова была его натура, могло породить только нестерпимое внутреннее страданіе. Дѣйствительно, онъ впалъ въ уныніе; имъ овладѣлъ упадокъ духа; это, при безпрерывныхъ занятіяхъ, совершенно истощило его силы, и разстроило и безъ того уже очень слабое здоровье. Онъ рѣшился отказаться отъ должности пастора, и лишь настоятельныя просьбы старшаго брата, котораго онъ уважалъ и любилъ, могли перемѣнить это рѣшеніе. Тогда онъ прибѣгъ къ болѣе вѣрному средству и обратился къ своему семейству съ просьбою пріѣхать къ нему; жизнь съ людьми близкими и милыми была ему необходима. Повинуясь этому приглашенію, все его семейство собирается немедленно вокругъ него, и благодѣтельное его вліяніе сказывается тотчасъ. Домъ одушевляется; живой и откровенный характеръ его матери, шумная веселость молодыхъ сестеръ, дружба старшей сестры Анны вливаютъ отраду въ его истомленную душу. Правда въ

началѣ, занятый какимъ-нибудь важнымъ вопросомъ или озабоченный своими обязанностями, онъ по цѣлымъ часамъ сидитъ молча и не принимаетъ участія въ общемъ разговорѣ, но это не продолжительно. Семейство Чаннинга, гдѣ царствовалъ миръ, согласіе и любовь, было безгранично къ нему привязано, да и могло ли быть иначе? Его кротость, нѣжная заботливость о матери, братьяхъ и сестрахъ, его безграничная преданность имъ, не могли не трогать ихъ. Онъ отдалъ весь домъ свой въ распоряженіе семейства, отдалъ и всѣ свои деньги и неусыпно заботился о ихъ благосостояніи.

«Вы не можете себѣ представить, какъ я счастливъ, что имѣю такого брата, говорилъ о немъ въ это время, братъ его Францискъ; это яркій свѣтъ нашего міра — онъ озаряетъ, согрѣваетъ и указываетъ путь всѣмъ намъ.»

Мы не безъ намѣренія остановились на этихъ семейныхъ подробностяхъ, какъ на замѣчательной чертѣ въ характерѣ Чаннинга; это рѣдкое соединеніе семейныхъ добродѣтелей съ любовью къ человѣчеству и стремленіемъ къ другимъ высшимъ цѣлямъ, не всегда встрѣчается въ одномъ лицѣ и свидѣтельствуетъ о необычайно-богатой натурѣ. Связь, соединяющая дѣтей съ родителями, представляла по мнѣнію Чаннинга трогательный образецъ тѣхъ узъ, которыя соединяютъ всѣхъ насъ съ нашимъ общимъ отцомъ, Отцомъ небеснымъ, и никогда восторженное слово его не получало такой силы, какъ когда онъ вдохновенно доказывалъ, что въ этомъ союзѣ съ Творцомъ заключается все вeличіе человѣческой природы и вся благость и любовь Всевышняго. Его любовь къ Богу принимаетъ особливо трогательный характеръ въ минуты испытанія; онъ не былъ избавленъ ихъ. Въ 1810 году онъ потерялъ брата Франциска, а послѣ лишился сестры своей Анны. Оба они были старше его, и онъ былъ обязанъ имъ лучшими чувствами сердца, первыми пріятными воспоминаніями своей молодости; до конца жизни они сохраняли на него сильное вліяніе, и онъ почти всегда уступалъ ихъ просьбамъ и совѣтамъ. Вѣра Чаннинга въ безсмертіе души укрѣплялась еще болѣе, когда ему приходилось оплакивать потерю людей близкихъ и любимыхъ; будущая жизнь становилась ему тогда понятнѣе, и если такъ можно выразиться, осязательнѣе. Вотъ что̀ пишетъ онъ къ своему другу, извѣщая его о смерти любимой сестры:

«Никогда еще будущая жизнь праведниковъ не представлялась мнѣ въ такомъ трогательномъ и привлекательномъ видѣ;

я представляю ее себѣ какъ постоянный размѣнъ нѣжнѣйшей привязанности и высшихъ наслажденій. Друзья наши, покидая тѣло, не покидаютъ лучшихъ человѣческихъ свойствъ, и ужь конечно не теряютъ своей привязанности къ тѣмъ, кого оставили. Зачѣмъ думаютъ, что они не заботятся и не сожалѣютъ о тѣхъ, кого столько любили на землѣ? Ужели эта благословенная, полная чистоты симпатія, которую испыталъ и самъ Христосъ, недостойна неба? Небо, гдѣ нѣтъ мѣста для чувствъ сердца, гдѣ праведники позабыли бы друзей, гдѣ имъ не было бы позволено глубоко имъ сочувствовать, не манило бы меня къ себѣ. Возможно ли перенести мысль, что связь, соединяющая тѣхъ, кто страдаетъ на землѣ, съ тѣми, кто уже на не небѣ, разорвана?»

Къ этому же времени его жизни, относятся слѣдующія строки его памятной книжки:

«Богъ посылаетъ намъ не одно испытаніе, семейство наше уменьшается. Ужели порвалась и связь, соединявшая насъ на землѣ? Ужели мы разлучены навѣки? Милая моя Анна, не удаляйся въ загробную жизнь, не взявъ меня съ собою. Будемъ думать о томъ, какъ бы слѣдовать за друзьями; пусть мертвые живутъ въ нашемъ сердцѣ. Будемъ говорить и мыслить, какъ прилично безсмертнымъ созданіямъ.»

Потеря брата наложила на Чаннинга новую обязанность, Братъ его оставилъ вдову и дѣтей, и Чаннингъ несмотря на свое небольшое состояніе, настоялъ на томъ, чтобы семейство это жило въ его домѣ; онъ старался всѣми силами утѣшить жену брата, успокоить ее, и помогалъ ей въ воспитаніи дѣтей. Старшему изъ нихъ, мы обязаны подробною біографіей Чаннинга, котораго онъ любилъ и уважалъ какъ отца, и которому онъ слѣдуетъ въ жизни, поставивъ себѣ главною цѣлію освобожденіе негровъ. Имя его извѣстно всей Америкѣ, какъ имя одного изъ самыхъ страстныхъ аболиціонистовъ.

Въ 1814 году, Чаннингъ, будучи тридцати четырехъ лѣтъ отъ роду, женился на двоюродной сестрѣ своей Руѳи Гибсъ, съ которою его связывала съ дѣтства самая нѣжная привязанность; къ ней-то было адресовано письмо, писанное имъ по шестнадцатому году, въ которомъ онъ развивалъ свои юношескія мечты о назначеніи женщины. Войдя въ зрѣлыя лѣта, окрѣпнувъ умственно, развившись вполнѣ, Чаннингъ не измѣнилъ ни своихъ желаній, ни своихъ понятій о женщинѣ; женщина навсегда осталась въ глазахъ его образцемъ, идеаломъ поэтической чистоты, прелести

и граціи. Онъ вѣрилъ, какъ и въ первую пору молодости, что женщина, какъ мать, жена и другъ, могла бы имѣть огромное вліяніе на общество и пробудить въ немъ высшіяи благороднѣйшія стремленія, что благодѣтельнымъ вліяніемъ этимъ, она спасла бы его отъ язвы матеріялизма и нравственной порчи. Отъ того мы видимъ, что Чаннингъ, неспособный къ осужденію и къ рѣзкимъ приговорамъ, говоритъ почти всегда съ несвойственною ему горечью о суетности, тщеславіи и пустотѣ женщинъ, которыя поставили себѣ единственною задачею въ жизни удовлетвореніе эгоистическихъ цѣлей и потребностей, пораждаемыхъ праздностію и скукою. Чѣмъ больше онъ уважалъ женщину, тѣмъ больше его оскорбляло преступное ея непониманіе своего высокаго назначенія, ея пренебреженіе къ своему долгу и малодушныя страсти, которымъ она предавалась. Ему казалось, что женщина, особенно одаренная красотою и граціей, создана для добра, а не для зла, и что цѣлыя общества, плѣненныя ею, погибаютъ отъ ея неразвитія, невѣдѣнія и равнодушія.

«Я думаю, писалъ онъ къ сестрѣ, что вы, женщины, лучше и выше насъ; безъ васъ земля показалась бы скучна и печальна. Женщина принесла съ собою изъ рая улыбку и нѣжность, которыя несравненно дороже, чѣмъ всѣ легкіе зефиры и розы безъ шиповъ, которыя будто бы тамъ остались.»

Однажды, смотря на маленькую дѣвочку, мать которой была подругой его дѣтства, онъ сказалъ:

«Какъ эта дѣвочка напоминаетъ мнѣ мать свою, на которую я бывало смотрѣлъ съ восторгомъ, когда она бѣжала изъ пансіона, разсыпавъ по плечамъ свои бѣлокурые волосы. Она казалась мнѣ тогда такъ чудно прекрасна, что мнѣ легче теперь составить себѣ понятіе о блаженствѣ ангеловъ, чѣмъ было понять въ то время, какого рода духъ обиталъ въ этой дивной формѣ.»

Говорить ли послѣ этого о томъ, какъ взглянулъ Чаннингъ на свои отношенія къ женѣ? Онъ желалъ найдти въ ней не только друга, но еще и помощника въ исполненіи своихъ обязанностей. Если мы обратимъ вниманіе на одну изъ проповѣдей его, сказанную имъ два года послѣ женитьбы, то придемъ къ заключенію, что онъ не ошибся въ выборѣ и былъ счастливъ. Говоря о святости брака, онъ описываетъ невыразимое блаженство союза, въ которомъ два существа, заботясь съ неисчерпаемою нѣжностію о счастіи другъ друга, стремятся вмѣстѣ съ тѣмъ и къ другой высшей цѣли: взаимному нравственному усовершенттвованію, которое приготовляетъ людей къ другой, лучшей жизни.

Чаннингъ потерялъ своего перваго ребенка; онъ горько оплакивалъ эту потерю, и она была поводомъ къ глубоко-прочувствованнымъ строкамъ въ его перепискѣ. Скоро однако мы видимъ его опять отцомъ семейства, человѣкомъ вполнѣ счастливымъ, еслибы разстроенное здоровье не отравляло его жизни и наконецъ не принудило его сперва оставить паству, а потомъ и семейство, и ѣхать въ Европу вмѣстѣ съ женою. Къ сожалѣнію, записки Чаннинга даютъ намъ мало подробностей объ этомъ путешествіи; изъ нихъ мы только видимъ, что онъ смотрѣлъ глазами поэта на роскошную природу Италіи, на суровую величавость Альповъ и тихую прелесть озеръ Англіи. На берегахъ ихъ онъ познакомился съ Уордсвортомъ и съ Кольриджемъ, страстная и возвышенная поэзія котораго была ему такъ симпатична. Чаннингъ путешествовалъ какъ наблюдатель, изучалъ нравы, понятія и учрежденія чуждаго ему до тѣхъ поръ Стараго Свѣта, и какъ христіянинъ не забывалъ нигдѣ, что всѣ люди соединены тѣсными узами братства. Въ католическихъ земляхъ онъ взглянулъ съ уваженіемъ на многое въ ихъ религіи, поклоненіе лику святыхъ особенно отвѣтило тайнымъ потребностямъ его души, и по возвращеніи въ Америку онъ не замедлилъ передать прихожанамъ свои мысли по этому предмету.

«Связь, достойная сочувствія, говорилъ онъ, достойная уваженія, соединяетъ современнаго католика съ тѣми людьми, которые, по своему благочестію и мудрости, достигли безсмертной славы. Да, соединить мысли и привязанности людей, теперь живущихъ, съ отжившими, пробудить ихъ глубокое почтеніе къ нравственной высотѣ великихъ и славныхъ умовъ всѣхъ вѣковъ, дѣло не малое. Эта сторона католицизма наиболѣе поразила меня въ моемъ путешествіи по католическимъ странамъ; правда, ихъ религіозныя церемоніи возбудили во мнѣ грустное чувство, но за то, когда я смотрѣлъ на стѣны ихъ храмовъ, гдѣ святые люди временъ давно минувшихъ были изображены, погруженные въ экстазъ, или представлены въ мученіяхъ смерти, которую они претерпѣвали во имя правды, съ мужествомъ, покорностію и вѣрою, я чувствовалъ, будто и я становлюсь лучше, и былъ исполненъ неизъяснимаго умиленія. Не слова священника, а голосъ этихъ усопшихъ праведниковъ достигалъ до моего сердца. Мысль, что святые эти были католики, не входила мнѣ въ голову; я не причислялъ ихъ къ какой-нибудь частной церкви, а смотрѣлъ на нихъ, какъ на послѣдователей Христа, какъ на представителей религіозной силы и величія души человѣческой. Они на-

учили меня тому, что̀ можетъ вынести человѣкъ, страдая за истину, сколько онъ можетъ возвыситься надъ самимъ собою, сколько мысль, обращенная къ Богу и будущей жизни, можетъ проникнуть наше существо, слиться съ нимъ и проявиться въ дѣйствительности. Какъ не пожелать, чтобъ и въ нашихъ храмахъ поученія пасторовъ обратились на этотъ предметъ! Почему и намъ, съ каѳедры, не разказывать нашимъ слушателямъ о жизни и доблестяхъ этихъ святыхъ людей прошлыхъ вѣковъ?»

Мысль, высказанная Чаннингомъ, была приведена въ исполненіе, и теперь въ церквахъ унитаріевъ пасторы повѣствуютъ для поученія прихожанъ жизнь и смерть мучениковъ.

Путешествіе Чаннинга по Европѣ было прервано и отравлено новымъ несчастіемъ; вѣсть о смерти старшаго сына настигла его въ Римѣ, и онъ тотчасъ поспѣшилъ оставить Европу и возвратился въ Америку, подъ вліяніемъ невольной, но очень понятной боязни за другихъ близкихъ и милыхъ ему лицъ. Это чувство безсознательнаго страха, слѣдствіе нравственнаго потрясенія, такъ овладѣло имъ, что онъ спѣшилъ съ страстнымъ нетерпѣніемъ въ Америку, въ домъ свой, гдѣ несмотря на недавнюю утрату, нашелъ столько любви и преданности, что пишетъ къ сестрѣ своей слѣдующія строки: «Какъ я счастливъ, что могу писать къ тебѣ изъ этого милаго роднаго мнѣ мѣста. Соедини свое сердце съ моимъ и благодари милосердаго Отца, который хранилъ меня и мою милую Руѳь на землѣ и морѣ и благополучно привелъ насъ опять къ вамъ. Тотчасъ по пріѣздѣ, мы конечно глубоко почувствовали наше несчастіе, и эта невозвратная потеря заставила насъ на время позабыть тѣ дарованныя намъ блага. Но теперь я болѣе чѣмъ когда-нибудь знаю всю ихъ цѣну и изобиліе. Мое счастіе почти превышаетъ мои силы; оно слишкомъ велико для этого міра, гдѣ все проходитъ и измѣняется ежечасно; въ особенности оно, быть-можетъ, слишкомъ велико для моего нравственнаго усовершенствованія.

«Здоровье мое улучшилось, и усталость путешествія, которой я такъ опасался, была мнѣ очень полезна.»

Въ первое воскресенье по своемъ возвращеніи, Чаннингъ явился на каѳедрѣ, къ неизъяснимому удовольствію своихъ слушателей, нетерпѣливо ожидавшихъ его слова.

«Посреди великолѣпныхъ сценъ, которыя Богу угодно было дозволить мнѣ видѣть, говорилъ онъ, посреди неописанныхъ картинъ природы и красоты искусства, любезная родина моя

являлась мнѣ, одѣтая блескомъ, и привлекала мое неослабное сочувствіе. Невидимыя узы, которыя казались мнѣ еще крѣпче и сильнѣе отъ разстоянія, манили меня безпрерывно черезъ океанъ, къ привязанностямъ, дружбѣ и тихимъ наслажденіямъ моего домашняго очага.»

Послѣ этого трогательнаго изліянія личныхъ чувствъ своихъ, Чаннингъ передаетъ своимъ слушателямъ часть своихъ впечатлѣній во время путешествія.

«Наблюденія, сдѣланныя мною, говоритъ онъ между прочимъ, привели меня къ убѣжденію, что было бы безразсудно искать благосостоянія человѣчества въ политическихъ переворотахъ и революціяхъ. Его нельзя ожидать и отъ государственныхъ людей или правительственныхъ мѣръ, словомъ, внѣшняя перестройка общества не поведетъ ни къ чему. Учрежденія, страдающія внутреннею порчею, будутъ замѣняться такими же, если еще не худшими учрежденіями, пока корень этой порчи будетъ жить въ сердцѣ людей и народовъ. Избавленіе лежитъ въ нравственномъ переворотѣ, который можетъ быть совершенъ только силою, присущею христіянскимъ началамъ.»

Не долго однако Чаннингъ могъ продолжать бесѣдовать съ своею паствой; вскорѣ здоровье его опять растроилось; онъ все рѣже и рѣже являлся на каѳедрѣ, и долженъ былъ просить себѣ въ товарищи другаго пастора. Посѣщенія бѣдныхъ прекратились почти совершенно. Лѣтомъ онъ напрасно искалъ уединенія и отдохновенія въ своемъ скромномъ уголкѣ близь Ньюпорта; крайняя слабость не позволяла ему никакого напряженія силъ. Будучи не въ состояніи говорить съ каѳедры, онъ собиралъ вокругъ себя всѣхъ тѣхъ, кто, какъ онъ самъ, былъ ревностно занятъ мыслію о нравственномъ воспитаніи низшихъ классовъ, и изучалъ съ ними причины ихъ нравственнаго и физическаго упадка и страданій. Между этими лицами главное мѣсто занимаютъ два пастора, Тукерманъ и Фолленъ, о которыхъ Чаннингъ отзывался, какъ о лучшихъ друзьяхъ своихъ. Фолленъ былъ Нѣмецъ, удалившійся вслѣдствіе политическихъ причинъ въ Америку, гдѣ Лафайетъ благосклонно принялъ его и познакомилъ со всѣми своими друзьями. Фолленъ явился въ свое новое отечество съ значительнымъ запасомъ юридическихъ знаній; его пламенное сердце, его глубокая вѣра въ прогрессъ расположила съ самаго начала въ его пользу Чаннинга. Фолленъ выучился поанглійски и сперва давалъ уроки нѣмецкой литературы въ Гарвардскомъ коллегіумѣ; въ послѣдствіи, по собствен-

ному побужденію и по примѣру своего друга, принялся за изученіе богословія и сдѣлался пасторомъ. Тукерманъ, другой изъ близкихъ къ Чаннингу людей, былъ ему особенно полезенъ въ его дѣятельности для низшихъ классовъ; свѣдѣнія его и опытность по этой части дѣлали его драгоцѣннымъ сотрудникомъ. Чаннингъ учился вмѣстѣ съ Тукерманомъ и потомъ въ продолженіи сорока семи лѣтъ жилъ съ нимъ почти неразлучно, какъ съ братомъ. Въ первой молодости Тукерманъ, обладая веселымъ и общительнымъ характеромъ, увлекся обольщеніями жизни и сошелся съ лицами, которыя не заслуживали уваженія и не были близки Чаннингу. Позднѣе онъ уступилъ однако просьбамъ матери своей, женщины добродѣтельной и нѣжной, совершенно измѣнился и избралъ также карьеру пастора. Онъ поселился въ деревнѣ, но не находя достаточно пищи для своей дѣятельности, перебрался въ Бостонъ, гдѣ вполнѣ посвятилъ себя бѣднымъ, и особенно тѣмъ изъ нихъ, которые отъ нищеты впали въ порокъ и глубокое униженіе. Неутомимые его труды увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Вотъ что̀ говоритъ о немъ Чаннингъ.

«Сначала онъ не смѣло входилъ въ убѣжища нищеты, не смѣло предлагалъ тамъ свои услуги, но это длилось не долго. Бѣдные инстинктивно поняли воодушевлявшую его любовь; Тукерманъ любилъ бѣдныхъ и прежде, не зная ихъ, но когда онъ вошелъ въ болѣе тѣсныя съ ними сношенія, его участіе къ нимъ стало такъ глубоко, что казалось новая, неизсякаемая струя любви открылась въ немъ. Онъ посѣщалъ самыя страшныя обители нищеты, съ бо̀льшимъ рвеніемъ чѣмъ любимцы судьбы посѣщаютъ великихъ міра сего. Тайна его успѣха на этомъ поприщѣ состоитъ преимущественно въ томъ, что онъ упорно отыскивалъ въ каждомъ человѣкѣ его хорошую сторону, и прилѣплялся къ ней, развивая ее. Онъ съ радостію схватывался за самое ничтожное проявленіе добра въ самомъ развращенномъ человѣкѣ, и если ему случалось пробуждать въ немъ струну чувства, добраго воспоминанія о прошломъ, или сожалѣнія и стыда, онъ былъ счастливъ и почерпалъ новое мужество для новыхъ усилій и трудовъ. Онъ, какъ врачъ надъ утонувшимъ, ловилъ чуткимъ слухомъ малѣйшее біеніе жизни.»

Изъ этого отрывка можно судить, съ какою ревностію Тукерманъ помогалъ Чаннингу въ устройствѣ общества, исключительно назначеннаго для вспоможенія и воспитанія бѣдныхъ. Общество это касалось самыхъ важныхъ вопросовъ общественнаго устройства, какъ напримѣръ учрежденія кредита, ссудной

казны, измѣненія гражданскихъ законовъ, основанія школъ и ж иищъ для бѣдныхъ. Тукерманъ сдѣлался душою, главою этого общества и въ послѣдствіи представилъ отчеты, которые содержали въ себѣ поучительный разказъ объ испытаніяхъ, нравственныхъ страданіяхъ и бѣдствіи неимущихъ классовъ, равно какъ и о томъ, что̀ было уже для нихъ сдѣлано. Эти отчеты по своимъ изумительнымъ результатамъ сдѣлались извѣстными даже въ Англіи.

Чаннингъ не забылъ тюрьмъ, и вотъ отрывокъ изъ письма его къ дѣвицѣ Роско, дочери извѣстнаго англійскаго филантропа, посвятившаго всю жизнь на преобразованіе пенитенціярной системы:

«Жалость, которую внушаетъ мнѣ преступникъ, подавляетъ во мнѣ всякое негодованіе. Когда я разсуждаю, какъ тѣсно соединены между собою всѣ сословія общества, какое вліяніе они имѣютъ другъ на друга, какъ низшіе классы зависятъ отъ высшихъ, отъ которыхъ они очень часто заимствуютъ свои пороки, и какая огромная отвѣтственность за всякое преступленіе падаетъ на общество, допускающее преступника до искушенія, но не дающее ему никакихъ средствъ оградить себя отъ него, когда я разсуждаю обо всемъ этомъ, то не понимаю и удивляюсь, какимъ образомъ говорятъ, что мщеніе противъ преступниковъ законно. Наказаніе опредѣляется духомъ времени, и по мѣрѣ того какъ смягчаются нравы, смягчается и оно. Въ вѣкѣ варварскомъ оно ужасно, но когда общество проникнется истиннымъ духомъ христіянства, то наказаніе сдѣлается только исправительною мѣрою...»

И въ другомъ письмѣ:

«Что можетъ сдѣлать законодательство для исправленія преступника? Не слишкомъ ли преувеличиваютъ во всемъ этомъ роль правительства? Не вѣрнѣе ли, что не распоряженіями государственной власти, а горячимъ участіемъ, которое обнаруживаютъ частныя лица, преступникъ можетъ быть доведенъ до самосознанія, и главное до пониманія, чѣмъ онъ можетъ сдѣлаться. По этому главная цѣль должна состоять въ томъ, чтобы въ тюрьмѣ онъ былъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ людей образованныхъ и достойныхъ. Исправленіе преступника невозможно до тѣхъ поръ, пока такіе люди не явятся, не войдутъ въ личныя къ нему отношенія, потому что тутъ именно необходимы личныя усилія, а не вліяніе цѣлой ассоціаціи. Надо, чтобы заключенный созналъ участіе, которое онъ возбуждаетъ, надо, чтобъ онъ чувствовалъ, что въ немъ уважаютъ человѣческую природу, и что

есть люди, которые вѣрятъ въ добро, присущее ей; безъ этого начало возрожденія не будетъ возбуждено въ немъ. Нѣсколько дней тому назадъ, я говорилъ съ заключенными, насколько мнѣ это позволило мое слабое здоровье и силы; двое изъ нихъ были совершенно уничтожены мыслію, высказанною имъ однимъ проповѣдникомъ, будто грѣшникъ не можетъ измѣнить состояніе своего сердца. Я всегда желалъ поручать заключенныхъ людямъ благочестивымъ и умнымъ, и ужасаюсь мысли, въ какія руки они иногда попадаютъ.»

Еще замѣчательнѣе мысли Чаннинга по поводу рабочихъ классовъ; постараемся изложить вкратцѣ эти мысли, проникнутыя самою широкою гуманностію. Такъ называемые друзья человѣчества говорили и писали много о томъ же предметѣ, но никто еще не умѣлъ такъ говорить о работникѣ, и съ работникомъ, какъ Чаннингъ. Прочтите только его сочиненія: *О самовоспитаніи, О воздержаніи, О нравственномъ развитіи рабочаго класса.* Съ какою любовію онъ протягиваетъ руку работнику, помогаетъ ему пройдти съ нимъ вмѣстѣ всѣ ступени нравственнаго воспитанія и наконецъ достигнуть той высоты, которой всякій человѣкъ можетъ и долженъ достигнуть! Онъ доказываетъ, что въ работѣ, какая бы ни была она, нѣтъ ничего тяжкаго и еще менѣе унизительнаго, и научаетъ находить въ ней источникъ самодовольства, смотрѣть на нее, какъ на воспитаніе въ себѣ добрыхъ началъ. Онъ не воспламеняетъ воображеніе рабочихъ людей, подобно французскимъ теоретикамъ, несбыточными надеждами и обѣщаніями, онъ не говоритъ имъ о легкомъ трудѣ, о пріятной и неутомительной работѣ; по мнѣнію Чаннинга, трудъ тяжелъ, но онъ облагораживаетъ человѣка. Борьба съ неволею, налагаемою на человѣка неумолимыми физическими законами, голодомъ и холодомъ, борьба съ природой, вотъ что̀ составляетъ его величіе. Міръ, въ которомъ заранѣе все было бы приготовлено, и нужды удовлетворены, произвелъ бы самую презрѣнную породу людей. Безъ сопротивленія, безъ усилій воли, человѣкъ ничего не значитъ; трудъ—великая школа, въ которой вырабатывается характеръ. Конечно нужда и страданіе—воспитатели строгіе, но благодѣтельные. Трудъ не есть только орудіе, оплодотворяющее нашу прекрасную землю, покоряющее моря, порабощающее грубую матерію для удовлетворенія нашихъ нуждъ; трудъ есть еще источникъ нашей дѣятельности, мужества, терпѣнія, воли, упорства въ достиженіи цѣли. Горе тому, кто не научился работать! Самыя наслажденія такого несчастнаго созданія обращаются во

вредъ ему и ускользаютъ отъ него, потому что отдыхъ и удовольствія имѣютъ цѣну и прелесть тогда только, когда они смѣняютъ работу. Нѣтъ усталости утомительнѣе той, которая овладѣваетъ человѣкомъ преданнымъ праздности, и не умѣющимъ пользоваться умомъ своимъ. Итакъ если рабочій классъ хочетъ и можетъ возвыситься, то не презрѣніемъ къ труду, не желаніемъ выйдти изъ своего званія, не желаніемъ занять мѣсто богатыхъ. Чаннингъ убѣжденъ, что бѣдствія неизбѣжны тамъ, гдѣ одинъ классъ притѣсненъ и живетъ на счетъ другаго класса. Народныя смуты не приносятъ счастія, напротивъ—всегда найдутся лица, которыя будутъ умѣть обратить ихъ въ пользу, для своихъ эгоистическихъ цѣлей. Несмотря на свои демократическія убѣжденія, Чаннингъ заботится не о томъ, чтобы вооружить народъ опасною для него властію, а о томъ, чтобы просвѣтить его образованіемъ, воспитать его умъ и сердце, замѣнить въ немъ страсть размышленіемъ, внушить ему самоуваженіе и предостеречь его отъ честолюбцевъ, которые пользуются его ошибками, заблужденіями и страданіями, какъ пьедесталомъ для своей власти. По его мнѣнію есть только одно средство для человѣка возвыситься въ обществѣ — это возвышеніе нравственное; только тогда достигается истинная идея равенства. Богъ не положилъ для человѣка счастія въ однѣхъ только внѣшнихъ вещахъ, въ богатствѣ и почестяхъ; истиннаго счастія человѣкъ долженъ искать въ самомъ себѣ; онъ найдетъ его въ образованіи, въ твердости воли, въ исполненіи долга. Всего этого можетъ достигнуть самый бѣдный работникъ, точно такъ же какъ и первый богачъ: пусть онъ размышляетъ, читаетъ, работаетъ, дѣлаетъ добро — и задача его исполнена. Любимая мысль Чаннинга состояла въ томъ, чтобы соединить со всякою работой возможность умственныхъ упражненій, и онъ съ неописанною радостію встрѣчалъ каждое механическое открытіе, какъ осуществленіе этого плана. При содѣйствіи машинъ, работникъ могъ бы работать меньше, а остальное время посвящать чтенію, размышленію, семейной жизни, такъ благодѣтельно развивающей сердце. Имѣя въ виду нравственное и умственное развитіе, Чаннингъ содѣйствовалъ учрежденію литературныхъ обществъ въ Бостонѣ, гдѣ работники могли каждый вечеръ пользоваться книгами, журналами и изустными уроками. Успѣхъ тѣхъ изъ сочиненій Чаннинга, которыя были назначены для рабочаго класса, былъ изумителенъ; они пріобрѣли извѣстность и популярность и въ самой Англіи, откуда общество работниковъ прислало ему благо-

дарственный адресъ. Чаннингъ былъ до глубины души растроганъ, глаза его блистали радостію, и онъ повторилъ нѣсколько разъ, читая его: «вотъ это честь! да, великая для меня честь!»

Въ это время, въ Америкѣ, было уже много школъ для первоначальнаго образованія; но многія лица, увлеченныя излишнею ревностію, требовали обязательныхъ пожертвованій для учрежденія высшихъ школъ. На это Чаннингъ отвѣчалъ такъ:

«Было бы несправедливо принуждать одинъ классъ общества воспитывать на свой счетъ дѣтей другаго класса; богатые стали бы жаловаться, и не безъ причины. Отъ гражданина можно *требовать* только того, что̀ строго-необходимо для спокойствія и безопасности всего общества. Но тутъ мы видимъ совершенно другое. Наши общинныя школы содержатся на счетъ богатыхъ — изъ этого заключили, что и новыя, высшія учебныя заведенія должны также существовать на ихъ счетъ. Размысливъ, мы убѣдимся въ совершенно противномъ: наши общинныя школы основаны не столько въ безкорыстныхъ видахъ усовершенствованія человѣка, сколько для поддержанія порядка и спокойствія въ обществѣ. Образованіемъ поддерживается уваженіе къ законамъ, сохраняются въ чистотѣ нравы молодыхъ людей, и очевидно, что то и другое можетъ быть гораздо важнѣе для богатаго, нежели для бѣднаго человѣка; имущество его имѣетъ гораздо болѣе гарантій въ обществѣ благоустроенномъ, нежели въ томъ, которое можетъ ежеминутно подвергнуться потрясеніямъ. Но высшее образованіе, о которомъ теперь заботятся для дѣтей бѣднаго сословія, вовсе не составляетъ предмета жизненнаго интереса для богатыхъ классовъ. Тутъ уже идетъ дѣло не о гражданинѣ, а о человѣкѣ, не о безопасности и благоустройствѣ государства, одинаково важныхъ для всякаго, а о благѣ своихъ ближнихъ. Очень можетъ даже быть, что цѣль эта будетъ достигнута въ ущербъ матеріяльнымъ интересамъ общества, и поэтому мы не имѣемъ никакого права заставлять богатыхъ поддерживать вновь учреждаемыя заведенія подъ тѣмъ предлогомъ, что это необходимо для государства. Принципъ, оправдывающій сборъ налоговъ и основаніе общинныхъ школъ, не приложимъ къ тѣмъ учрежденіямъ, которыя имѣютъ въ виду нѣчто благороднѣе, чѣмъ одну политическую цѣль....

«Одно изъ самыхъ гибельныхъ ученій нашего времени, есть то, которое старается доказать, что обязанность нравственнаго воспитанія общества и человѣка должна лежать на государствѣ. Это совершенно ложно. Государство существуетъ для того, чтобы

люди могли безопасно жить въ обществѣ и могли безпрепятственно направлять свои усилія для общественнаго и частнаго блага. Общественный прогрессъ зависитъ не отъ правительственныхъ мѣръ, а отъ той силы, которая заключена въ сердцѣ каждаго человѣка. Я сравню правительство съ основаніемъ и стѣнами фабрики, которыя поддерживаютъ и окружаютъ находящіяся въ ней силы, но сами не могутъ назваться силою.»

Теорія Чаннинга рѣзко разграничиваетъ государство и общество. Первый долгъ государства, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ, чтобы безпристрастно защищать права гражданина, кто бы онъ ни былъ, богатый или бѣдный, словомъ строгая справедливость должна быть его главнымъ отличіемъ. Обществу, то-есть отдѣльнымъ лицамъ, которыя его составляютъ, достается роль милосердія и филантропіи въ самомъ широкомъ, христіянскомъ смыслѣ этого слова. Чаннингъ особенно заботился о свободномъ развитіи и независимости личности, и ничего такъ не боялся, какъ стѣсненія ея. Онъ былъ убѣжденъ, что жизнь общества тѣсно связана съ неприкосновенностію правъ частнаго человѣка, съ развитіемъ личности, и что общество, ограничивая индивидуальную свободу, совершаетъ преступленіе, слѣдствія котораго пагубны для него самого и для государства. Но если Чаннингъ такъ уважалъ права личности, то рядомъ съ этимъ онъ давалъ самое широкое значеніе долгу. Если онъ лишалъ государство права вмѣшиваться въ филантропическую дѣятельность, то онъ настойчиво требовалъ ея отъ частныхъ лицъ. «Иначе, говорилъ онъ, не замедлитъ послѣдовать неизбѣжное, гибельное столкновеніе.»

Въ 1830 году силы совершенно измѣнили Чаннингу; онъ принужденъ былъ оставить Бостонъ и искать убѣжища на югѣ, на Антильскихъ островахъ, гдѣ провелъ всю зиму и часть лѣта. Но и тамъ, въ уединеніи, его занимаютъ все тѣ же великіе вопросы:

«Я не видалъ здѣсь ни одного нищаго, пишетъ онъ къ другу своему Тукерману; невольничество и пауперизмъ несовмѣстны. Я пришелъ къ заключенію, что съ этой точки зрѣнія невольничество и система Оуэна (Owen) сходятся. Общая всѣмъ пища на общія деньги, общая всѣмъ работа на общей землѣ; различіе состоитъ только въ томъ, что по системѣ Оуэна община замѣняетъ владѣльца... Зло, происходящее отъ рабства, нельзя измѣрить, и однако какъ не отвратительно подобное учрежденіе, оно, надо признаться, ни допускаетъ развитія крайней нищеты. О сиротахъ, старикахъ и изувѣченныхъ забо-

тятся здѣсь столько же, какъ и о тѣхъ, которые работаютъ. Цѣль Оуэна состоитъ въ томъ, чтобы, посредствомъ умѣреннаго труда, доставить благосостояніе всѣмъ людямъ; онъ думаетъ достигнуть ея, поглащая личность общиной, а я желалъ бы достигнуть того же, предоставляя болѣе развитія личности, расширяя ея нравственныя и умственныя способности. Менѣе чѣмъ когда-нибудь поддаюсь я теперь обольщенію искусственныхъ системъ и полагаю всѣ надежды въ распространеніи просвѣщенія, въ энергіи, безкорыстіи, симпатіи и терпимости, которыя должны развиться и руководить массами.

«Вы спросите у меня, что̀ я дѣлаю? Мало, хотя я и не лѣнюсь. Мысль моя поглащена настоящимъ положеніемъ общества. Я чувствую, что наступаетъ для насъ новая эпоха, что приближается развитіе того, что лежало до сихъ поръ въ зародышѣ; я не сомнѣваюсь въ этомъ, и хотѣлъ бы помочь людямъ уразумѣть нашъ вѣкъ, для того, чтобъ они могли принять дѣятельное участіе въ добрыхъ его начинаніяхъ и бороться съ зломъ; — но вѣдь это слишкомъ великое и трудное дѣло!»

Вотъ еще отрывокъ изъ другаго письма его:

«Этотъ островъ могъ бы быть, благодаря своему климату и плодоносной почвѣ, счастливѣйшимъ уголкомъ земнаго шара. Будемъ надѣяться, что наступитъ время, когда эта благословенная Богомъ земля, не будетъ только пріютомъ насилія и чувственности. Нынче воскресенье; я гулялъ по высотамъ берега, откуда взглядъ мой могъ обнять окрестныя поля, луга, и безконечное, блестящее море; я глубоко почувствовалъ, какую печать безобразія налагаетъ преступленіе людей на природу. Съ этимъ вмѣстѣ я сознаѣлъ и всю благость Провидѣнія, которое примѣшиваетъ добро къ злу. Я благодарилъ Бога за учрежденіе воскреснаго дня, при видѣ невольниковъ сосѣднихъ плантацій, которые наслаждались часами отдыха; видъ этихъ людей глубоко тронулъ меня. Что бы ни говорили о нихъ, судьба ихъ ужасна. Самое благораствореніе климата обращается во вредъ имъ; въ нашихъ странахъ зима и частыя грозы прерываютъ земледѣліе; здѣсь нѣтъ зимы, грозы очень рѣдки, и бѣдный негръ работаетъ круглый годъ безъ отдыха, исключая воскресенье. На этомъ островѣ число негровъ, несмотря на то, что они сыты, и сравнительно живутъ въ большомъ довольствѣ, уменьшается каждый годъ. Въ этомъ лежитъ несомнѣнное доказательство, что въ положеніи ихъ скрывается страшное зло.»

Чаннингъ жилъ на островѣ Сенкруа, въ домѣ, терраса котораго

примыкала къ бѣднымъ хижинамъ негровъ. Владѣлецъ ихъ, человѣкъ добрый и человѣколюбивый, разорившись въ спекуляціяхъ, отдалъ свои земли и своихъ негровъ въ аренду, и эти несчастные жестоко страдали подъ игомъ безпощаднаго арендатора, страдали тѣмъ больше, что привыкли къ человѣческому, кроткому управленію своего прежняго господина. Часто они приходили къ Чаннингу толпами, и разказывали ему раздирающую душу повѣсть своихъ страданій и униженія. Скоро, однако, Чаннингъ замѣтилъ, что въ этихъ разказахъ и жалобахъ было много преувеличеннаго и ложнаго; это было весьма понятно: ложь тѣсно связана съ рабствомъ, она необходимое его слѣдствіе. Это открытіе огорчило Чаннинга, и онъ опять высказываетъ мысль, что разказы о страданіяхъ негровъ преувеличены, что ихъ положеніе не такъ тяжко, какъ полагаютъ; это однако не мѣшаетъ ему въ то же время сознать глубоко, сколько кореннаго зла и порчи лежитъ въ учрежденіи невольничества. Слова его за освобожденіе негровъ получаютъ новый вѣсъ въ глазахъ всякаго образованнаго человѣка, тѣмъ болѣе, что онъ не увлекался чувствительностію и благоразумно отличалъ правду отъ преувеличенія и лжи.

Лѣтомъ въ 1831 году, Чаннингъ возвратился въ Бостонъ, и по своему обыкновенію спѣшилъ передать своимъ слушателямъ отчетъ въ томъ, чтò онъ видѣлъ, и чтò перечувствовалъ. Рѣчь эта особенно замѣчательна по тому жару, съ которымъ она написана; картина бѣдствій и униженія негровъ изображена такимъ пламеннымъ перомъ, что не можетъ не тронуть самаго хладнокровнаго изъ читателей.

Между тѣмъ приближалось время важныхъ событій. Мы не будемъ входить въ подробности извѣстной всѣмъ борьбы южныхъ штатовъ съ сѣверными, по поводу освобожденія негровъ, и скажемъ только нѣсколько словъ о томъ, какое участіе принималъ въ ней Чаннингъ. Самое тяжкое испытаніе ждало его въ эту эпоху его общественной дѣятельности; но онъ, какъ и всегда, остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ и строгости своихъ правилъ, и безъ малѣйшей уступки прошелъ невредимо сквозь собравшуюся вокругъ него бурю. Дѣло состояло вотъ въ чемъ. Чаннингъ столько же сильно ненавидѣлъ и презиралъ рабство, сколько любилъ человѣчество и уважалъ неприкосновенность личности. Онъ думалъ, что должно принимать всѣ мѣры къ освобожденію негровъ, но никакъ не возбуждать ихъ къ насильственнымъ возстаніямъ. Въ то самое время какъ онъ заботился о распространеніи между ними нравственныхъ и религіозныхъ по-

нятій, другіе, болѣе нетерпѣливые, дѣйствовали иначе. Нѣкто Гаррисонъ съ другомъ и сотрудникомъ своимъ Нэппомъ принялись за изданіе политической газеты *Освободитель*. Скоро многіе одномыслящіе съ ними люди пристали къ нимъ, и такимъ образомъ составилось общество, которому было предназначено такое видное мѣсто въ будущемъ, и которое до сихъ поръ еще борется съ южными штатами и получило европейскую извѣстность, подъ именемъ аболиціонистовъ. Многіе граждане Сѣверной Америки, въ особенности богачи, купцы, словомъ консерваторы, приняли въ этомъ вопросѣ сторону плантаторовъ и обвиняли аболиціонистовъ въ томъ, что они возбуждаютъ негровъ къ возстанію и проповѣдуютъ насильственныя мѣры. *Освободитель*, сдѣлавшійся въ это время журналомъ сильнымъ и популярнымъ, горячо защищался и отвѣчалъ на это обвиненіе, описывая страшное положеніе негровъ, клеймя позоромъ не только учрежденіе невольничества въ южныхъ штатахъ, но еще и самыхъ владѣльцевъ. Эти пламенные и отчасти не совсѣмъ благоразумные друзья освобожденія говорили, писали, раздавали брошюры. Скоро борьба разгорѣлась; перо было оставлено, и дѣло дошло до кровопролитія, въ которомъ всегда торжествуетъ право сильнаго. Цѣлыя толпы гражданъ, движимыя безумными страстями и ненавистью, всюду преслѣдовали аболиціонистовъ, и въ нѣкоторыхъ городахъ дошли до такого исступленія, что сожигали дома, служившіе имъ мѣстомъ сборища. Чаннингъ, связанный узами дружбы со многими изъ аболиціонистовъ, особенно съ Фоллеромъ, никогда не хотѣлъ однако быть членомъ этого общества, главнымъ образомъ потому что онъ не любилъ дѣйствовать въ ассосіаціи. Ему казалось, что при всѣхъ своихъ высокихъ и чистыхъ цѣляхъ, она слишкомъ тяготитъ надъ личною независимостью и порабощаетъ ее. Къ этому присоединялась увѣренность, что аболиціонисты, требуя насильственнаго освобожденія негровъ, больше вредятъ дѣлу, чѣмъ подвигаютъ впередъ этотъ великій вопросъ, въ которомъ Чаннингъ положилъ всю свою душу. Онъ былъ оскорбленъ дѣйствіями главныхъ членовъ этого общества, которые, увлекаясь нетерпимостью, доходили въ своихъ сочиненіяхъ до такой крайности, что не имѣли даже оправданія въ святости своей цѣли. Рѣшительный отказъ Чаннинга соединиться съ ними возстановилъ всѣхъ ихъ противъ него. Они обвинили его въ недостаткѣ твердыхъ убѣжденій, въ равнодушіи, и приписывали отказъ его боязни уронить себя во мнѣніи противной партіи, и потерять популярность, которою онъ

до сихъ поръ пользовался. Въ то же самое время противная партія упрекала Чаннинга въ пристрастіи къ неграмъ; постоянныя усилія его для ихъ освобожденія были въ глазахъ этой партіи преступленіемъ, которое она никогда не могла забыть. Даже прихожане Чаннинга были противъ него въ эту минуту, и осуждали его образъ дѣйствій съ своей точки зрѣнія, говоря, что ему неприлично заниматься такою презрѣнною породой, едва достойною названія людей, какъ негры. Все высшее общество Бостона раздѣляло это мнѣніе, и Чаннингъ увидѣлъ себя вдругъ совершенно покинутымъ. Ему приходилось выдерживать одному, безъ опоры и помощи, буйныя нападенія и негодованія всѣхъ партій. Сердцу его нанесена была въ это время не одна рана: лица ему близкія, люди особенно уважавшіе его въ продолженіи многихъ лѣтъ, отступились отъ него; многіе изъ нихъ не совѣстились даже прямо высказывать враждебное къ нему расположеніе. Несмотря на внутреннее страданіе, Чаннингъ не смутился духомъ и обнаружилъ при этомъ необыкновенную силу характера. Повидимому холодно и спокойно продолжалъ онъ идти своею дорогой, продолжалъ перомъ и словомъ доискиваться цѣли освобожденія. Въ 1835 году борьба эта достигла крайнихъ размѣровъ; понятія спутались, трудно было доискаться истины во враждебныхъ и крайнихъ мнѣніяхъ той и другой партіи. Самые сильные умы, увлеченные потокомъ страсти, впали въ гибельныя заблужденія; Чаннингъ поспѣшилъ бросить на вѣсы свою разумную рѣчь и вѣрный, безпристрастный взглядъ на вещи. Онъ издалъ свое знаменитое сочиненіе, сочиненіе *О рабствѣ*, которое читается теперь во всей Европѣ, и переведено на нѣмецкій и французскій языки. Съ спокойствіемъ и ясностію, которыми отличаются всѣ его сочиненія, онъ изучаетъ этотъ важный вопросъ, обозрѣваетъ его со всѣхъ сторонъ, представляетъ необходимыя и страшныя послѣдствія невольничества, рисуетъ печальную картину преступленій и бѣдствій, въ которыя равно вовлечены какъ владѣльцы, такъ и рабы. Потомъ онъ предлагаетъ мѣры, которыя по его мнѣнію могли бы облегчить задачу освобожденія негровъ. Въ этомъ сочиненіи онъ сказалъ правду многимъ и не пощадилъ аболиціонистовъ; обращаясь къ нимъ, онъ доказываетъ, сколько ихъ безразсудное рвеніе повредило дѣлу. Всего этого было слишкомъ довольно, чтобъ еще болѣе вооружить противъ него обѣ партіи, и аболиціонистовъ, и плантаторовъ. Книга подвергалась гоненію въ южныхъ штатахъ, да и въ самомъ Вашингтонѣ продавалась тайкомъ, и однако, несмотря на это,

она разошлась въ огромномъ количествѣ экземпляровъ и читалась съ жадностію. Изъ переписки Чаннинга мы видимъ, что онъ былъ очень доволенъ вниманіемъ публики къ его труду.

Въ это самое время, промышленное и практическое общество Бостона, испуганное изступленіемъ южныхъ штатовъ и угрозою ихъ отложиться отъ федеральнаго союза, рѣшилось высказать имъ свою симпатію и тѣмъ успокоить страшное волненіе, объявшее весь югъ. Въ Бостонѣ собрался митингъ, и нѣкоторые округи южныхъ штатовъ прислали адресъ, въ которомъ требовали, чтобы аболиціонистамъ запрещено было собираться, говорить рѣчи и издавать сочиненія. Аболиціонисты, политическое и общественное существованіе которыхъ подвергалось вслѣдствіе этого неминуемой опасности, требовали права защищаться передъ сенатомъ. Ихъ просьба была уважена, и замѣчательнѣйшіе члены общества, во главѣ которыхъ былъ неукротимый Гаррисонъ, явились въ комитетъ, назначенный для этой цѣли, и въ которомъ засѣдали самые враждебные имъ люди. Аболиціонисты ожидали открытія засѣданія, когда между ними внезапно появился Чаннингъ; продолжительное волненіе и глухой ропотъ ободренія прошли по залѣ, когда онъ подошелъ къ Гаррисону, и протянулъ ему руку на миръ и союзъ. Когда засѣданіе открылось, Чаннингъ занялъ скромное мѣсто позади аболиціонистовъ, и въ продолженіи нѣсколькихъ дней помогалъ имъ, совѣтами, мѣткими замѣчаніями и дѣльными возраженіями, бороться съ противниками. Побѣда осталась за аболиціонистами; опасеніе за свободу книгопечатанія, за свободу слова и личной независимости были побудительными причинами, заставившими Чаннинга примкнуть къ обществу, мѣры и дѣйствія котораго онъ часто не оправдывалъ, и которое еще такъ недавно преслѣдовало его своими упреками и гнѣвными выходками. Такимъ образомъ чего не могли сдѣлать ни просьбы друзей, ни навѣты враговъ, ни общественное мнѣніе, явно негодовавшее на Чаннинга, то сдѣлало убѣжденіе, что южные штаты не правы, что притязанія ихъ противны здравому смыслу, и что посягнуть на права аболиціонистовъ значитъ уничтожить всякую индивидуальную свободу. Но и въ этомъ важномъ случаѣ, протягивая руку аболиціонистамъ, Чаннингъ не отказался отъ самостоятельнаго образа дѣйствій и только гораздо позднѣе вступилъ съ ними въ тѣсный союзъ.

Съ этихъ поръ, несмотря на свое желаніе не вмѣшиваться въ политическіе вопросы, Чаннингъ противъ воли былъ увлеченъ неодолимымъ потокомъ. Въ 1837 году, ему пришлось про-

тивиться присоединенію Техаса къ федеральному союзу. Его жаркій протестъ былъ основанъ на убѣжденіи, что государство, какъ и частное лицо не можетъ дозволить себѣ поступать противъ законовъ справедливости, и что на всѣхъ гражданахъ союза лежитъ священная обязанность хранить неприкосновенно честь и правду республики. Видя, что одни молчатъ, боясь пострадать въ предстоявшихъ выборахъ, другіе, опасаясь вступить въ борьбу съ большинствомъ, всегда алчнымъ къ пріобрѣтенію и готовымъ защищать его всѣми софизмами, Чаннингъ взялся за перо и напечаталъ письмо къ знаменитому Кле (Clay), въ которомъ доказывалъ очень ясно всю опасность и беззаконность новаго пріобрѣтенія. Письмо это произвело впечатлѣніе; каждая строка его обличала человѣка честнаго, здравомыслящаго, который умѣлъ говорить мужественно и сильно, и разоблачать тайныя интриги, не увлекаясь прикрывавшими ихъ громкими словами; присоединеніе Техаса къ Союзу было отложено на неопредѣленное время, и это беззаконное и безнравственное дѣло совершилось послѣ смерти Чаннинга, и ему не пришлось скорбѣть о корыстолюбіи своей родины.

Въ томъ же году издатель одного аболиціонистскаго журнала былъ убитъ въ Иллиноэ, и типографія его разграблена и разрушена. Чаннингу казалось, что настала минута, когда городу Бостону слѣдовало публично отказаться отъ всякихъ сношеній съ партіей, способной къ такимъ насиліямъ и преступленіямъ. Просьба объ этомъ, подписанная множествомъ гражданъ, во главѣ которыхъ стояло его имя, была передана гражданскому начальству, но оно, боясь возбудить новое волненіе и смуты, отказалось принять ее. Чаннингъ не терялъ надежды и напечаталъ въ одномъ изъ бостонскихъ журналовъ краснорѣчивое письмо, въ которомъ яркими красками изображалъ позоръ своего роднаго города. Начальство колебалось, и наконецъ рѣшилось принять просьбу. Пять тысячъ гражданъ собралось для преній по этому поводу. Чаннингъ говорилъ первый, изложилъ намѣренія собранія и между прочимъ произнесъ слѣдующія замѣчательныя слова:

«Знаю, многіе скажутъ, что не здѣсь мое мѣсто, что голосъ мой долженъ раздаваться только въ священныхъ стѣнахъ храмовъ. Но неужели и здѣсь нѣтъ святыни? Не было ли ея въ сердцахъ отцовъ нашихъ, когда подъ этими самыми сводами они призывали благословеніе Божіе на борьбу свою за независимость родины? Нѣтъ такого мѣста, которое не освятилось бы

святостію начинаній. Ничто въ мірѣ не заставило бы меня придти сюда и принять участіе въ борьбѣ партій, еслибы великіе вопросы милосердія, законности, правды, не были подняты моими согражданами, соединившимися здѣсь, чтобы противодѣйствовать насилію и убійству, и защищать свободу мысли и слова. Я чувствую, что мѣсто мое здѣсь, и сознаю, что поступаю какъ прилично человѣку, гражданину и христіянину.»

Слова Чаннинга благодѣтельно подѣйствовали на собраніе, и онъ былъ выбранъ редакторомъ постановленій, принятыхъ для охраненія личной независимости и свободы. Это положило основаніе дальнѣйшему сближенію Чаннинга съ аболиціонистами; его первоначальныя мнѣнія нѣсколько измѣнились; онъ надѣялся сначала, что безпристрастное изложеніе страшныхъ послѣдствій невольничества убѣдитъ владѣльцевъ содѣйствовать великому дѣлу освобожденія. Теперь онъ начиналъ понимать, что ошибался, и что ихъ упорное сопротивленіе лежало не въ непониманіи вопроса, еще менѣе въ безучастіи къ нему, а только въ опасеніи потерять матеріяльныя выгоды, соединенныя съ нимъ. Негодованіе его было велико, но онъ старался умѣрить его, и вотъ что̀ онъ писалъ между прочимъ къ одному изъ друзей, объясняя свой взглядъ на образъ дѣйствій плантаторовъ:

«Вы нашли въ владѣльцахъ больше сочувствіе къ нашему дѣлу, чѣмъ можно было ожидать, и я понимаю это. Враги рабства, слишкомъ увлекаясь своими благородными стремленіями, отказываютъ владѣльцу во всякомъ человѣческомъ чувствѣ. Я никогда не впадалъ въ это заблужденіе. Глубокое впечатлѣніе, произведенное на меня изученіемъ противорѣчій человѣческой природы, странная смѣсь величія и мелочности, странное соединеніе чувствительности и жестокости въ одномъ и томъ же человѣкѣ, не позволяли мнѣ раздѣлять это мнѣніе. Ничто такъ не поражало меня при изученіи исторіи, какъ преступленія добродѣтельныхъ людей, и потому, считая учрежденіе рабства преступленіемъ, я однако не могу отказать въ уваженіи нѣкоторымъ владѣльцамъ.»

Чаннингъ былъ неутомимъ на этомъ поприщѣ. Въ 1840 году онъ долженъ былъ совершенно оставить свою должность пастора, потому что слабое его здоровье не позволяло ему даже говорить проповѣди съ каѳедры. Если прихожане его потеряли въ немъ идеалъ пастора, и вмѣстѣ съ тѣмъ отца и друга, то Америка и Европа пріобрѣли замѣчательнаго государственнаго человѣка и глубокомысленнаго писателя. Съ этой минуты, онъ не переставалъ издавать сочиненія; многія изъ нихъ расходились въ Англіи

въ огромномъ количествѣ экземпляровъ. Престарѣлый, всѣми уважаемый Кларксонъ, распространитель идеи освобожденія негровъ, въ порывѣ энтузіазма и младенческой простоты, прислалъ Чаннингу прядь своихъ волосъ, въ знакъ своей любви къ нему. Законъ объ уничтоженіи невольничества въ колоніяхъ, принятый вскорѣ англійскимъ парламентомъ, доставилъ Чаннингу одну изъ тѣхъ минутъ блаженства, воспоминаніе о которыхъ сохраняется на всю жизнь.

Въ этомъ краткомъ очеркѣ жизни Чаннинга мы должны были поневолѣ коснуться его политической дѣятельности, и теперь не безъ удовольствія возвращаемся къ нему, какъ къ писателю, человѣку и семьянину. Мы говорили уже, сколько онъ былъ привязанъ къ мѣсту своего рожденія, къ острову Родъ-Эйланду и Ньюпорту; по мѣрѣ того, какъ приближалась старость, какъ здоровье все больше и больше измѣняло ему, онъ жилъ бо́льшую половину года близь Ньюпорта. Тамъ, окруженный семьей, онъ привлекалъ подъ кровъ свой многочисленныхъ друзей, знакомыхъ, даже иностранцевъ, которые, пріѣзжая изъ Европы, спѣшили узнать лично этого замѣчательнаго человѣка. Домъ его былъ радушно открытъ для всѣхъ, и Чаннингъ скоро сталъ центромъ обширнаго круга людей, искренно къ нему привязанныхъ или глубоко уважавшихъ его. Тихая семейная жизнь, прогулка по берегу моря, литературныя занятія, задушевный обмѣнъ мыслей съ людьми близкими, серіозные разговоры и пренія съ посѣтителями, услаждали послѣдніе годы жизни Чаннинга. Госпожа Мартино, Англичанка, видѣвшая его въ эту пору жизни, говоритъ, что въ первыя минуты знакомства, застѣнчивая холодность пріемовъ Чаннинга непріятно поражала посѣтителя, но мало-по-малу онъ втягивался въ разговоръ, одушевлялся и являлся какимъ былъ въ самомъ дѣлѣ—человѣкомъ кроткимъ и умнымъ, преисполненнымъ снисхожденія и терпимости, всегда готовымъ подѣлиться съ другими доброю мыслію или уяснить тѣ великія истины, осуществленіе которыхъ было задачею всей его жизни.

«Слушая Чаннинга, пишетъ она, нельзя не удивляться ему; всѣ разговоры его проникнуты возвышенною мыслію, хотя его скромность и простота его обращенія не обличаютъ ни малѣйшихъ притязаній на роль проповѣдника и учителя. Сначала голосъ его будто отзывается сухостію его пріемовъ, но мало-по-малу онъ измѣняется, становится мягокъ и симпатиченъ, такъ что продолжаешь его слушать, когда онъ пересталъ уже говорить.

Онъ самъ знаетъ, что пріемы его, при первой встрѣчѣ, холодны и сухи, и очень сожалѣетъ объ этомъ. Онъ любилъ проводить съ нами день на воздухѣ: по утру въ саду, въ полдень въ долинѣ, прилегающей къ морю; это была любимая прогулка всего семейства Чаннингъ. То были мѣста, гдѣ онъ самъ провелъ безмятежные дни своего дѣтства и юности, гдѣ впервые долетѣли до его чуткаго слуха тѣ таинственные голоса, возвѣстившіе ему о невидимомъ мірѣ, въ которомъ съ тѣхъ поръ витаетъ его мысль.»

Радушное гостепріимство Чаннинга было особенно пріятно его тещѣ, страстно любившей общество. Сосѣдство Ньюпорта не мало способствовало тому, что вокругъ Чаннинга собиралось не рѣдко весьма многочисленное общество. Въ подобныхъ случаяхъ характеръ его являлся съ лучшей стороны; серіозное настроеніе мыслителя, сухость отшельника, озабоченность государственнаго человѣка, исчезали совершенно и вмѣсто ихъ являлся веселый и любезный хозяинъ, котораго живой, разнообразный и поучительный разговоръ неодолимо приковывалъ вниманіе присутствующихъ. По свидѣтельству родныхъ и друзей Чаннинга, разговоръ этотъ нельзя было никакимъ образомъ сравнивать съ его сочиненіями — онъ былъ несравненно ихъ выше. Чаннингъ былъ человѣкъ живаго слова и бралъ перо только по необходимости; онъ даже не могъ долго писать и послѣ получаса занятій выходилъ въ садъ, гулялъ, разговаривалъ съ домашними, и освѣжившись такимъ образомъ, уходилъ снова къ себѣ и опять принимался за перо. Отказавшись отъ должности пастора, Чаннингъ бесѣдою поддерживалъ свое нравственное вліяніе на общество; умъ его былъ постоянно занятъ великими вопросами, и онъ развивалъ ихъ иногда по цѣлымъ часамъ, по видимому безъ усталости и усилія. «Я часто думалъ, говоритъ другъ и товарищъ его, пасторъ Дьюэй, что еслибъ было возможно записать слово въ слово все, что̀ скажетъ Чаннингъ въ продолженіе дня, то это доставило бы ему такую же извѣстность, какъ его сочиненія. Разговоръ съ нимъ, мысль, имъ высказанная, порою одно мѣткое слово его врѣзывалось въ память такъ сильно, какъ будто оно было замѣчательнымъ происшествіемъ.»

Настоящее призваніе Чаннинга состояло конечно въ изустномъ преподаваніи; онъ въ высшей степени обладалъ силою слова, способностію трогать и увлекать. Слабое здоровье лишило его скоро возможности вести даже дружескія, задушевныя бесѣды; онѣ истощали его, и ему приходилось умолкать и слу-

шать другихъ. Но если порою, даже въ минуты крайней слабости, случалось посѣтить его кому-либо изъ близкихъ, особенно симпатичныхъ ему друзей, если затрогивали при немъ близкій его сердцу вопросъ, онъ оживалъ и одушевлялся. Его блѣдное болѣзненное лицо покрывалось румянцемъ, темно-сѣрые глаза его блестѣли и отражали всѣ впечатлѣнія, волновавшія его душу. Не надо однако думать, чтобы Чаннингъ постоянно вращался только въ сферѣ отвлеченныхъ или политическихъ вопросовъ; онъ также охотно говорилъ о литературѣ, и искусствѣ, не былъ лишенъ даже въ извѣстной степени комизма и умѣлъ придавать веселый и насмѣшливый колоритъ своему разговору. Всѣ знавшіе его согласны, что трудно было найдти человѣка умнѣе, любезнѣе и привѣтливѣе его въ обществѣ.

Въ уединеніи своемъ, въ окрестностяхъ Ньюпорта, Чаннингъ написалъ свое большое сочиненіе: «*О сущности наукъ нравственныхъ, религіозныхъ и политическихъ*», котораго къ сожалѣнію не успѣлъ окончить; къ этому же времени относится такое обиліе рѣчей, трактатовъ, писемъ, что надо удивляться, какъ, при истощенномъ здоровьѣ, его ставало на все это. Онъ признавался, что ему случалось писать съ усталостью, сходною съ усталостью больнаго, котораго бы принудили взнести на гору тяжкую ношу.

«Я чувствую однако, прибавлялъ онъ при этомъ, страстное желаніе писать, ибо сознаю, что передалъ другимъ только часть того, что̀ мнѣ хотѣлось бы сказать. Вся жизнь моя, кажется мнѣ, была приготовленіемъ къ совершенію того дѣла, котораго я не сдѣлалъ и быть-можетъ не успѣю сдѣла̀ть, на этомъ свѣтѣ».

Не останавливаясь по прежнему на его сочиненіяхъ, ограничимся выписками изъ его частной переписки и летучими замѣтками, внесенными въ памятную книжку.

«Мнѣ кажется, пишетъ онъ, что чѣмъ больше я живу, тѣмъ больше люблю жизнь; способность любоваться этою землей и этимъ небомъ я считаю уже великимъ благодѣяніемъ. Природа всегда была моимъ лучшимъ другомъ; она доставляетъ мнѣ не только наслажденіе, но еще и глубокое торжественное сознаніе блаженства. Иногда я чувствую одиночество даже и посреди людей; съ природой же, среди рѣкъ, долинъ, горъ, я постоянно дома. Я привѣтствую съ благодарностію начало каждаго дня и удивляюсь самъ себѣ, замѣчая, какое удовольствіе доставляетъ мнѣ видѣнный мною столько разъ восходъ солнца. Сладостное сіяніе неба, какъ люблю я тебя! Земля, которую столько лѣтъ,

я попираю ногами, съ какою любовію я смотрю на нее! Сію минуту я глядѣлъ на зелень, разстилающуюся передъ моимъ домомъ, покрытую каплями росы, которая блистала въ тѣни ближайшихъ деревьевъ, и вдругъ почувствовалъ такое умиленіе, какого мнѣ не случалось испытывать въ мои молодые годы. Древніе называли землю нашею матерью, мнѣ это не нравится; она слишкомъ молода, свѣжа, полна жизни, и это сравненіе нейдетъ къ ней. Правда, я вѣрю, что есть другой міръ, который еще прекраснѣе этого, но люблю наше первое жилище и не могу подумать безъ сожалѣнія, что мнѣ придется разстаться съ этимъ солнцемъ, съ этимъ небомъ, съ этимъ океаномъ и съ этими полями.»

Вотъ другое изъ его писемъ къ женщинѣ, сердце которой было растерзано недавнею скорбію.

«Ваше письмо налагаетъ на меня трудную обязанность; помочь больной душѣ очень мудрено, потому именно, что нравственныя болѣзни тѣсно связаны съ физическимъ недугомъ. Кромѣ того внутреннее страданіе истекаетъ отъ особенности нравственной природы каждаго, которую другая натура не всегда можетъ вполнѣ понять. Я однако думаю, что это отчужденіе отъ всѣхъ, это истощеніе силъ измученной души, случается часто и можетъ быть нѣсколько понятно другимъ. Сказать ли вамъ, что я испыталъ его, пережилъ минуты мрачнаго отчаянія и познакомился съ безотраднымъ одиночествомъ сердца? Я говорю вамъ это для того, чтобы вы знали, что я въ состояніи понять ваше тайное страданіе и желаю облегчить его. Восторжествовать надъ скорбію души, такъ живо описанною вами, можно только посредствомъ собственной, внутренней силы, которую должно пробудить въ себѣ. Посторонняя помощь тутъ ничего не значитъ. Часто симпатія и нѣжность, если только онѣ не особенно разумны, только еще болѣе развиваютъ нашу духовную слабость. Надо, чтобъ усиліе вытекло изъ насъ самихъ, и чтобы мы довѣрились собственнымъ силамъ. Вы можетъ-быть возразите мнѣ, что болѣзнь души заключается именно въ этомъ недостаткѣ силъ, и спросите какъ оживить, откуда взять ихъ. Я отвѣчу вамъ, что это обманъ, что въ самомъ дѣлѣ въ насъ самихъ заключена неизмѣримая сила и самое страданіе, описанное вами, носитъ несомнѣнную печать твердости вашего духа. Когда я вижу сердце, изливающее безконечную слабость на предметы своей привязанности, требующее любви взаимной, я узнаю тутъ существо, предназначенное къ безконечному разви-

тію, которое состоитъ въ уразумѣніи благости Бога, въ поклоненіи ему, въ любви ко всему тому, что̀ велико и прекрасно на землѣ. Въ чемъ еще можетъ нуждаться такая душа? Только въ самосознаніи, въ самоуваженіи, только въ глубокой увѣренности, что въ ней заключается такая сила любви, которая составитъ ея безконечное счастіе, если она сама не исказитъ этого дара и не потеряетъ его по собственной винѣ.

«Еслибъ я былъ призванъ въ качествѣ утѣшителя къ чувствительной и развитой женщинѣ, которая была бы поражена въ нѣжнѣйшихъ своихъ привязанностяхъ и страдала подъ бременемъ отчаянія, я сказалъ бы ей: «Поймите, уважайте себя, цѣните данныя вамъ способности; сознайте, что духъ вашъ исходитъ отъ Бога и не можетъ быть принесенъ въ жертву отчаянію или земному разочарованію; поймите какъ было бы несправедливо отдать его исключительной привязанности къ человѣку и тѣмъ остановить его стремленіе къ безконечному усовершенствованію. Поймите, что вы созданы для безконечной, безпредѣльной любви; не давайте же изсякнуть въ себѣ этому неисчерпаемому чувству. Быть-можетъ вы призваны страдать въ продолженіе всей вашей жизни: будьте добросовѣстно вѣрны тому долгу, который налагаетъ на васъ испытаніе, и вы все больше и больше закрѣпите узы, соединяющія васъ съ Божествомъ и съ его нетлѣнною, духовною семьею. Вы достигнете того мгновенія, когда вы насладитесь любовію болѣе чистою, дружбой болѣе тѣсною, чѣмъ та любовь и дружба, которыя даны намъ на землѣ. Я не буду порицать въ васъ желанія умереть; смерть есть великое благо, но только для тѣхъ, въ комъ корень зла мало-по-малу уничтожился, и кто научился жить не для себя, а для другихъ. Какъ былъ бы я счастливъ, еслибы могъ пробудить и въ васъ и въ себѣ эту способность самопожертвованія и безкорыстной любви! Какъ бы желалъ я познакомить васъ ближе съ нашимъ духовнымъ происхожденіемъ, съ нашимъ внутреннимъ могуществомъ, съ живою вѣрою въ Божественное начало, въ которомъ вся сущность нашего бытія, познакомить васъ съ благостію Бога къ Его образу и подобію. Ничто не можетъ повредить намъ, если мы сами не измѣнимъ себѣ, если мы съ благоговѣніемъ сознаемъ величіе нашей души. Воспитывая въ себѣ эти чувствованія, прилѣпляясь къ нимъ, мы сильны и свободны; забывая ихъ, мы дѣлаемся рабами обстоятельствъ и людей.»

Какая глубина мысли и чувства, какое знаніе человѣческаго сердца и вмѣстѣ съ тѣмъ какое нѣжное, деликатное сочувствіе къ

страданію другаго! Чаннингъ пишетъ съ тѣмъ задушевнымъ чувствомъ, съ какимъ могла бы писать женщина, и между тѣмъ разсуждаетъ какъ философъ. Несмотря на простоту выраженія, письмо это говоритъ о самыхъ высокихъ истинахъ, которыя мы нерѣдко забываемъ посреди круговорота жизни, между тѣмъ какъ съ его существованіемъ онѣ были слиты нераздѣльно. Вотъ еще другой отрывокъ изъ письма его къ молодому человѣку, гдѣ Чаннингъ высказываетъ оригинальный взглядъ свой на вещи и представляетъ въ новомъ свѣтѣ самые повидимому незначащіе вопросы обыденной жизни:

«Ваши благородныя стремленія позволяютъ мнѣ надѣяться, что вы посвятите жизнь свою великимъ вопросамъ и не удовольствуетесь монотонными и обиходными житейскими заботами и занятіями. Мнѣ кажется однако, что я замѣтилъ въ васъ нѣкоторыя склонности, и считаю своимъ долгомъ предостеречь васъ отъ нихъ. По моему мнѣнію, не должно во всемъ поддаваться свѣтскимъ обычаямъ, такъ же какъ не должно безъ нужды враждовать съ ними. Оригинальность, особенно когда она искусственна и изобличаетъ претензію на независимость въ отношеніи къ вещамъ и обычаямъ совершенно невиннымъ, есть или глупость, или не нужная и напрасная трата силъ, или доказательство упрямства и суетности. Общество во многомъ справедливѣе частнаго лица; истинная снисходительность должна учить насъ покоряться многимъ даже химерическимъ уставамъ. Слово человѣка, который уживается съ безвредными обычаями, получитъ новый вѣсъ, если ему придется когда-нибудь защищать принципъ, противный общественному мнѣнію. Я желалъ бы видѣть въ васъ человѣка непоколебимыхъ, исполненныхъ духа правды и милосердія правилъ, и повѣрьте это достаточно возвыситъ васъ надъ толпою; но я не хотѣлъ бы, чтобы вы воевали съ вещами, неимѣющими никакого значенія, и обращали на себя вниманіе общества безполезными странностями. Мудрость не состоитъ въ томъ, чтобъ идти своею тропинкой, когда есть большая, удобная дорога. Что касается до одежды, избѣгайте всего, что̀ бросается въ глаза, избѣгайте тщеславія; оно выражается одинаково какъ въ поклоненіи модѣ, такъ и въ презрѣніи къ установленнымъ обычаямъ. Самая приличная одежда будетъ та, которая идетъ къ нашему характеру и не оскорбляетъ врожденнаго чувства красоты и изящества. Это письмо заставляетъ меня улыбнуться; я становлюсь учителемъ по части модъ и свѣтскихъ пріемовъ; ужь не лишнее ли это? Нельзя ли обратить ко мнѣ слова: «Врачъ! сперва вылѣчись самъ!»

Вотъ другое письмо Чаннинга по поводу робости и застѣнчивости, отъ которыхъ онъ самъ такъ страдалъ въ молодости:

«Какая тайна заключается въ этомъ ложномъ стыдѣ, въ этомъ недовѣріи къ самому себѣ? Мы боимся даже тѣхъ, кого не уважаемъ, мало того, кого презираемъ. Это не признакъ постыднаго чувства трусости, потому что ее испытывали люди, въ высшей степени одаренные мужествомъ. Это и не скромность, потому что я замѣчалъ то же самое чувство въ людяхъ честолюбивыхъ и самонадѣянныхъ. Съ перваго взгляда это можно, пожалуй, принять за признакъ эгоизма, за доказательство того, что человѣкъ безпрерывно занятъ однимъ собою и постоянно безпокоится о томъ мнѣніи, которое составятъ на его счетъ другіе; однако мы видимъ ложный стыдъ и застѣнчивость въ людяхъ, лишенныхъ себялюбія. Да, это тайна; изучите ее, прошу васъ; я думаю, что въ этомъ изученіи заключается возможность восторжествовать надъ этимъ чувствомъ. Говорятъ, что человѣкъ ужь овладѣлъ предметомъ, когда онъ вполнѣ изучилъ его. Я думаю, прежде всего надо разсмотрѣть, есть ли этотъ ложный стыдъ и застѣнчивость врожденное намъ чувство, или оно происходитъ отъ жизни? Мнѣ кажется, врожденное, потому что мы видимъ его въ дѣтяхъ. Вы замѣчаете, какъ мнѣ хочется, чтобы вы побѣдили зародившійся въ васъ недостатокъ; признаюсь, я самъ никогда не могъ понять его причины, хотя не разъ испыталъ надъ собою его несносное вліяніе. По моему есть два способа избавиться отъ этого недостатка. Вопервыхъ жить въ свѣтѣ и бороться съ врагомъ на его собственномъ полѣ; какъ можно болѣе сближаться съ людьми и не избѣгать тѣхъ, которые внушаютъ намъ страхъ. Не такъ ли изъ рекрута выходитъ опытный солдатъ? Другой способъ борьбы серіознѣе; онъ состоитъ въ развитіи чувства самоуваженія, въ рѣшимости не казаться только, но быть вполнѣ достойнымъ уваженія другихъ, въ разумномъ довѣріи къ себѣ, и въ пониманіи, что мы не становимся ни лучше ни хуже, отъ того, что̀ думаютъ о насъ другіе. Другіе или мало занимаются нами, или даже неспособны и понять насъ. Оказывая должное вниманіе и участіе къ людямъ, надо однако составить себѣ непреложныя и твердыя правила, проникнуться ими и дѣйствовать всегда на ихъ основаніи, будетъ ли за насъ или противъ насъ общественное мнѣніе. Не переставая отдавать справедливость добрымъ качествамъ тѣхъ, передъ кѣмъ мы робѣемъ, должно не отвращать глазъ отъ ихъ слабостей или недостатковъ, и восторжествовавъ надъ

собственнымъ честолюбіемъ, возвыситься до сознанія въ себѣ той божественной искры, которую вложило въ насъ Провидѣніе. Я испыталъ самъ дѣйствительность этого чисто-нравственнаго лѣкарства, и недостатокъ, о которомъ мы говоримъ, нельзя отнести къ неизлѣчимымъ; если онъ не уничтожается совершенно, то конечно умѣряется такъ, что ужь не подавляетъ насъ своею тяжестію.»

Желая избавить своего молодаго друга отъ ничтожной слабости, Чаннингъ показываетъ ему вѣрный путь къ пріобрѣтенію положительныхъ и высшихъ достоинствъ. Подъ опасеніемъ утомить читателей, мы не можемъ воздержаться отъ желанія привести еще два письма, изъ которыхъ въ одномъ онъ высказываетъ свои мысли о *Донъ-Кихотѣ*, а въ другомъ, по поводу смерти Байрона, говоритъ нѣсколько замѣчательныхъ словъ о геніяльности:

«Съ удовольствіемъ, пишетъ онъ, прочелъ я вашу статью по поводу *Сна въ лѣтнюю ночь*, въ которой вы говорите и о *Донъ-Кихотѣ*. Сочиненіе это никогда не производило на меня полнаго впечатлѣнія, потому именно, что я принималъ въ героѣ слишкомъ большое участіе, заставлявшее меня возмущаться тѣми униженіями, которымъ онъ подвергался. Я такъ уважаю рыцаря Донъ-Кихота, такъ ему сочувствую, что не могу смѣяться надъ нимъ и конечно готовъ стать на его сторону и помочь ему отразить тѣхъ, которые на него нападаютъ. Ясно ли созналъ авторъ мысль свою, когда онъ принимался за перо? Въ началѣ романа Донъ-Кихотъ является безумцемъ, и читатель нисколько не приготовленъ къ великимъ свойствамъ его души. Ужели въ началѣ Сервантесъ дѣйствительно хотѣлъ изобразить такимъ своего героя, но описывая его похожденія былъ незамѣтно увлеченъ творчествомъ и достигъ высшей точки созерцанія? Не знаю, какого мнѣнія другіе, но мнѣ всегда казалось, что въ этомъ романѣ начало не гармонируетъ съ концомъ: я слишкомъ люблю Донъ-Кихота, и не могу наслаждаться описаніемъ его потѣшныхъ приключеній.

«Не могу вамъ выразить впечатлѣнія, которое произвело на меня извѣстіе о смерти Байрона. Я всегда надѣялся, что, переживъ горячку молодости, онъ одумается, раскается и докажетъ міру, что въ геніяльности и религіи есть что-то общее, что̀ ихъ связываетъ. Теперь онъ тамъ, куда не достигаютъ наши упреки. Такой поразительный примѣръ искаженія таланта долженъ примирить съ безвѣстностію всѣхъ тѣхъ, которые не одарены умственнымъ богатствомъ.

«Вы спрашиваете, что я думаю о мнѣніи Мура, который пытается доказать, что геніяльные люди не способны къ семейнымъ привязанностямъ. Я съ нимъ не согласенъ. Я конечно не сомнѣваюсь въ томъ, что геніяльность не избавляетъ насъ отъ пороковъ, но это условіе не есть необходимое и не лежитъ въ самой натурѣ генія. Развѣ между людьми ограниченными, точно такъ же, какъ и между одаренными великими талантами, нельзя насчитать очень много людей развратныхъ и закоснѣлыхъ? Муръ, кажется, вѣритъ, что геній есть не что иное, какъ горячка, безуміе, упоеніе. Какъ можно такъ дурно понимать божественное происхожденіе генія! Знаю, что человѣческое сердце потрясено порою до самой сокровенной глубины, и что въ эти минуты душа залита потокомъ мыслей и чувствъ, но истинно геніяльный человѣкъ всегда умѣетъ управлять собою... Я думаю, что геній, въ высшемъ значеніи этого слова, есть не что иное какъ широкая и спокойная сила. Подобно Творцу вселенной, онъ создаетъ стройное, цѣлое; въ основаніи самыхъ фантастическихъ созданій его лежитъ истина, и самыя мрачныя картины его освѣщены лучомъ красоты. Что же касается до мысли, будто геній отвращается отъ дѣйствительности, потому что онъ стремится къ идеалу, то это совершенно ложно; противное мнѣніе будетъ справедливѣе. Тотъ, кто сознаетъ и любитъ все прекрасное, равно любитъ его, какъ въ великомъ, такъ и въ скромномъ его проявленіи; онъ любитъ его не по сравненію, а одинаково наслаждается цвѣткомъ, который распустился у ногъ его, и вѣчно сіяющими надъ нимъ звѣздами.»

Чаннингу было пятьдесятъ лѣтъ отъ роду, когда вѣсть о французскомъ переворотѣ 1830 года достигла до него; онъ былъ такъ взволнованъ и потрясенъ, что ему было необходимо подѣлиться мыслями и чувствами съ друзьями, высказать согражданамъ публично, съ каѳедры, свой взглядъ на новое положеніе дѣлъ въ Европѣ. Участіе въ нихъ Лафайета особенно интересовало его. Онъ оставилъ свое мирное убѣжище близь Ньюпорта и отправился немедленно въ Бостонъ. Грусть овладѣла имъ однако, когда онъ увидѣлъ, что бостонское общество, поглощенное торговыми и меркантильными интересами, оставалось равнодушно къ переворотамъ, совершавшимся за океаномъ. Даже молодое поколѣніе не стояло въ этомъ отношеніи выше прочихъ. Однажды, принимая у себя молодаго человѣка, онъ сказалъ ему съ несвойственною ему горечью: «А вы, вы тоже, какъ и вся молодежь, такъ опытны и благоразумны, что васъ не трогаютъ перевороты

Европы?» — Правда, отвѣчалъ ему молодой человѣкъ, что во всемъ городѣ вы одни только молоды. «Да, сказалъ ему Чаннингъ, сжимая ему руку, я вѣчно буду молодъ, когда дѣло идетъ о счастіи человѣчества.»

Его особенно тревожила мысль, что религіозныя убѣжденія Франціи очень шатки; онъ не могъ молчать и началъ серіозную переписку съ Сисмонди и барономъ-Жерандо, въ которой съ замѣчательною ясностію ума излагаетъ свои политическія мнѣнія, опираясь на религію. Религія, по мнѣнію Чаннинга, есть основаніе всему хорошему и твердому, какъ въ обществѣ, такъ и въ частной жизни. Мы не можемъ вдаваться въ подробное изложеніе его теоріи и ограничимся лишь нѣсколькими отрывками, которые могутъ дать нѣкоторое понятіе о цѣломъ.

«Еслибы мнѣ пришлось въ немногихъ словахъ изобразить наилучшую страну въ мірѣ, я бы сказалъ, что это та, въ которой человѣческая природа можетъ свободно достигнуть своего высокаго развитія. Самая лучшая и самая счастливая изъ странъ есть та, въ которой государственныя учрежденія позволяютъ каждому свободное употребленіе своихъ силъ, гдѣ находится наиболѣе умственнаго развитія, свободы мысли, преданности и любви, воображенія и вкуса, промышленности и энергіи, частныхъ добродѣтелей, благочестія и добросовѣстности. Богатства тогда только цѣнны, когда они служатъ указателями, что человѣкъ энергически пользуется данными ему отъ природы силами, съ цѣлію изощрять свои способности. Человѣкъ, лицо, вотъ лучшее достояніе всякой страны, — и главная обязанность государства состоитъ въ томъ, чтобъ отстранить всѣ препятствія къ усовершенствованію и развитію его природы.

«Мысль, что добродѣтели составляютъ основу счастія народовъ, мысль не новая, я знаю это, но приближается время, когда ее поймутъ лучше чѣмъ понимали до сихъ поръ. Новый духъ пробуждается въ Европѣ; вездѣ чувствуются страшныя потрясенія; общество требуетъ иной организаціи, и только одна нравственная сила можетъ поддержать учрежденія Стараго Свѣта. Устарѣлыя средства, которыми держался порядокъ, я говорю о войскѣ, суевѣріи, блескѣ и роскоши двора, потеряли свое значеніе и силу, и не отъ случайныхъ причинъ, но отъ развитія человѣческаго разума, отъ прогресса. Суевѣріемъ и невѣжествомъ невозможно сдерживать массы; вмѣсто ихъ надо дѣйствовать посредствомъ истинной религіи, возвышенной нравственности; иначе будущность міра очень мрачна. Нѣтъ сомнѣнія,

что правительства слабы, они потеряли довѣренность подданныхъ; народъ сталъ самосознательнѣе и привыкъ дѣйствовать единодушно, и если начала порядка не замѣнятъ грубой, внѣшней силы, если правительства не преобразуются сами, чтобы преобразовать общество, то мы можемъ считать себя наканунѣ всѣхъ ужасовъ революціонной эпохи. Можетъ-быть эти размышленія основаны на поверхностномъ знаніи современныхъ событій, но я не сомнѣваюсь, что мы живемъ теперь въ переходной эпохѣ. Мы должны вынесть изъ нея такое убѣжденіе, что законность составляетъ главную опору государства, и что благосостояніе народа имѣетъ свои корни въ нравственномъ совершенствованіи, въ религіозномъ чувствѣ и въ духѣ гуманности, который проникаетъ весь народъ и объемлетъ все человѣчество...»

Новыя испытанія постигли Чаннинга; въ 1834 году онъ потерялъ нѣжно любимую мать, достигшую въ его домѣ до преклонной старости; въ перепискѣ его сохранились по этому случаю страницы, дышащія юношескою чувствительностію; мать его была постоянно самымъ близкимъ, самымъ лучшимъ его другомъ. Смерть эта открыла для Чаннинга цѣлый рядъ потерь. За матерью сходитъ въ могилу его другъ Уорчестеръ, потомъ и Фолленъ. Смерть послѣдняго особенно поразила Чаннинга своимъ трагическимъ характеромъ. Фолленъ возвращался изъ Нью-Йорка на пароходѣ, который былъ уже недалеко отъ пристани, когда на немъ вспыхнулъ пожаръ, и онъ пошелъ ко дну со всѣми пассажирами; только четверо изъ нихъ спаслись. Узнавъ объ этомъ несчастіи, Чаннингъ впалъ въ конвульсіи, но скоро преодолѣлъ себя, и въ послѣдствіи, въ проповѣди, обращенной къ своимъ прихожанамъ, отдалъ должную честь рѣдкимъ добродѣтелямъ своего погибшаго друга. Не болѣе году спустя послѣ смерти Фоллена, очередь дошла до Тукермана, который, истощенный уже безпрерывными и тяжкими трудами, не могъ перенести смерти нѣжно любимой жены. Этотъ рядъ несчастій долженъ былъ нанести смертельный ударъ чувствительному сердцу Чаннинга; мы видимъ однако противное. По мѣрѣ того, какъ онъ жилъ и старѣлся, любовь его къ Богу все росла и крѣпла, и достигла размѣровъ страстнаго энтузіазма. Съ ясною покорностію приносилъ онъ свои скорби Всевышнему, и вѣра наполняла его непонятнымъ для иныхъ спокойствіемъ.

Великое свойство этого человѣка заключалось въ томъ, что развитіе его не прекращалось до самаго конца жизни. Въ ту эпоху, когда способности человѣка, какъ бы ни были онѣ велики,

начинаютъ притупляться, повинуясь законамъ природы, въ немъ онѣ оставались совершенно свѣжими, мало того, въ немъ пробуждались даже новыя способности. Такъ напримѣръ, незадолго до смерти, Чаннингъ пристрастился къ музыкѣ, къ которой прежде оставался совершенно равнодушенъ: «Я чувствую, говорилъ онъ, что музыка шевелитъ во глубинѣ моей души какія-то новыя, до сихъ поръ спавшія въ ней струны. Я испытываю особенное наслажденіе, не похожее ни на что̀ другое; въ немъ есть что-то таинственное, необъяснимое, и подъ его чарующимъ вліяніемъ я постигаю, что откровеніе о безсмертіи нисходитъ на душу христіянина.»

Вообще Чаннингъ никогда такъ не цѣнилъ жизни какъ на ея закатѣ; тогда только онъ, казалось, понялъ вполнѣ ея обаяніе; дружескія отношенія, семейныя узы дѣлались ему необходимѣе и получали новую прелесть; самыя простыя знакомства были для него исполнены особенной заманчивости, и что-то отрадное заключалось для него въ сближеніи съ новыми лицами. Казалось, онъ искалъ случая излить избытокъ своей любви на все его окружавшее.

«Какія мы загадочныя созданія, пишетъ онъ незадолго до своей смерти, чаша жизни кажется мнѣ все слаще и слаще, по мѣрѣ того, какъ я дохожу до того, что̀ называютъ горечью дна. Я созерцаю съ особенною любовію это чудное мірозданіе, и все больше и больше довѣряюсь надеждѣ въ отношеніи къ будущности обществъ. Мнѣ чудится порою, будто я до сихъ поръ еще не былъ знакомъ съ сладостію жизни, и это такъ; только подъ конецъ ея мы научаемся находить прекрасное тамъ, гдѣ не умѣли видѣть его прежде, и открываемъ новые міры, не выходя изъ нашего стараго дома...

«Преданный исполненію своихъ обязанностей, окруженный дивною природой, въ кругу близкихъ мнѣ людей, я почти не занимаюсь наукой и мало-по-малу прихожу къ убѣжденію, что любовь выше разума, или лучше, что умственное развитіе не имѣетъ цѣны, если оно не прошло черезъ горнило любви. До сихъ поръ я еще не могъ отдѣлаться отъ своей внѣшней холодности, но чувствую, что даже и этотъ ледъ начинаетъ таять.»

Чаннингу было болѣе шестидесяти лѣтъ, когда онъ писалъ эти строки, и всякому будетъ понятно, почему на вопросъ, въ какую пору жизни человѣкъ бываетъ счастливѣе, онъ отвѣчалъ: «въ шестьдесятъ лѣтъ.»

Въ 1842 году, Чаннингъ вмѣсто того, чтобы по своему обыкновенію провести лѣто въ окрестностяхъ Ньюпорта, уступилъ своему желанію видѣть прославленныя долины, прилегающія къ Юніатѣ и Сускеганнѣ. На пути онъ заѣзжалъ во многіе города, говорилъ проповѣди и рѣчи, обращаясь преимущественно къ бѣдному классу народонаселенія. Люди всѣхъ сословій, всѣхъ партій сбѣгались слушать его слово, и путешествіе это походило на безпрерывный рядъ тріумфовъ.

Однажды, опасаясь жаровъ, Чаннингъ рѣшился ѣхать ночью въ лодкѣ и заразился лихорадкой; это принудило его остановиться въ Леноксѣ, въ Массачусетсѣ, странѣ прелестной, особенно любимой артистами. Мѣстоположеніе Ленокса живописно; онъ окруженъ горами, озерами, долинами, гдѣ пасутся многочисленныя стада быковъ, составляющія главную отрасль промышленности жителей; общество города Ленокса пріятно:—все это прельстило Чаннинга, и онъ провелъ тутъ два мѣсяца въ радушномъ и образованномъ семействѣ г-на Седвига. Госпожа Седвигъ знала до сихъ поръ Чаннинга только по его сочиненіямъ; она искренно привязалась къ нему и записывала всѣ его разговоры во время его пребыванія въ ихъ домѣ. По словамъ ея, онъ особенно любилъ дѣтей, и въ его голосѣ, говоритъ она, въ самыхъ словахъ его слышалось что-то высоко-чистое, будто принадлежавшее другому, не здѣшнему и лучшему міру. Перваго августа, день въ который празднуется годовщина освобожденія негровъ въ англійскихъ колоніяхъ, Чаннингъ вызвался говорить проповѣдь. Она была его послѣднею.

«День былъ чудесный, пишетъ г-жа Седвигъ, всѣ были довольны и радостны. Никогда не забуду я того впечатлѣнія, которое произвелъ на меня Чаннингъ своею рѣчью. Лицо его сіяло торжественною красотою, и когда онъ произнесъ трогательное заключительное воззваніе, оно освѣтилось, какъ будто свыше нашло на него вдохновеніе.»

Вотъ это воззваніе:

«Я началъ рѣчь свою словомъ надежды, и словомъ надежды закончу ее. Я говорилъ вамъ о великой язвѣ, которая пятнаетъ наше отечество и позоритъ насъ передъ лицомъ націй, и несмотря на то, я не отчаиваюсь и надѣюсь на будущее. Въ мірѣ зараждается теперь новая жизнь. Самъ Богъ далеко и широко посѣялъ свое слово, оно не можетъ остаться безплоднымъ. Новое разумѣніе христіянскаго духа, новое уваженіе къ человѣчеству, новое чувство братства и сознаніе узъ, которые связуютъ всѣхъ

людей съ ихъ общимъ Отцомъ, вотъ что открываю я въ стремленіяхъ нашего вѣка. Мы видимъ ихъ, и ужели мы не чувствуемъ ихъ? Подъ этою силой падетъ угнетеніе, сокровенно работающее общество возобновится, и общій миръ возникнетъ изъ всеобщей войны! Могущество эгоизма, которое кажется намъ непобѣдимымъ, уступитъ этой божественной силѣ. Пѣсня ангеловъ: *И на землѣ миръ*, водворится между нами. Да пріидетъ оно, царствіе небесное, о которомъ мы непрестанно молимся; да пріидетъ Спаситель рода человѣческаго, который пролилъ кровь свою на крестѣ; да примиритъ онъ человѣка съ человѣкомъ и небо съ землею! Да пріидетъ предсказанный вѣкъ любви и добра, котораго такъ жаждутъ наши души. Да пріидетъ благословеніе Отца Предвѣчнаго и снизойдетъ на скромные усилія дѣтей Его, попрать насиліе и угнетеніе, распространить свѣтъ и свободу, миръ и радость, правду и ученіе Сына Его по всей землѣ!»

Усиліе, которое сдѣлалъ Чаннингъ произнося эту проповѣдь, истощило послѣднія его силы; онъ впалъ въ крайнюю слабость и въ продолженіи нѣсколькихъ дней не могъ вымолвить ни слова. «Когда ему стало получше, говоритъ г-жа Седвигъ, онъ садился на диванъ и слушалъ наши разговоры, но самъ не могъ принимать въ нихъ участія.»

Какъ скоро его здоровье нѣсколько поправилось, онъ оставилъ Ленoксъ и доброе семейство Седвигъ, и отправился по дорогѣ къ Бостону; это было въ сентябрѣ, когда американская природа особенно великолѣпна, и лѣса ея убраны роскошными отливами золота и пурпура. Увлекаясь красотою мѣстоположенія, Чаннингъ уклонился отъ прямаго пути и заѣхалъ въ Вермонтскій штатъ, окруженный цѣпью горъ, замѣчательныхъ своимъ дикимъ величіемъ. Двадцать лѣтъ назадъ посѣщалъ онъ тѣ же самыя мѣста, любовался ихъ отвѣсными скалами, темными лѣсами сосенъ, таинственнымъ, невозмутимымъ молчаніемъ безпредѣльныхъ долинъ. На этотъ разъ ему не суждено было испытать тѣже самыя впечатлѣнія. Пріѣхавъ въ Беннингтонъ, лежащій у подножія горъ, онъ опять занемогъ лихорадкой, которая вскорѣ приняла такіе размѣры, что врачи рѣшились увѣдомить семейство Чаннинга о грозившей ему опасности. Оно поспѣшило собраться.

Въ продолженіе двадцати шести дней страхъ и надежда поперемѣнно овладѣвали близкими къ Чаннингу лицами; наконецъ всѣмъ имъ стало ясно, что нельзя ожидать счастливаго исхода. Къ болѣзни присоединилась необычайная дѣятельность мозга и

бодрость духа, которыя пожирали остатки силъ больнаго. «Помогите мнѣ, говорилъ Чаннингъ, помогите мнѣ отдѣлаться отъ этихъ безчисленныхъ образовъ и видѣній, которые меня преслѣдуютъ.» Самая ночь не спасала его отъ нихъ, и сонъ его былъ полонъ грезъ, въ которыхъ воплощалась овладѣвшая имъ безраздѣльно мысль о вѣчныхъ интересахъ человѣчества. Онъ говорилъ объ этомъ съ одушевленіемъ и часто высказывалъ всѣмъ окружавшимъ его свои планы, для осуществленія завѣтныхъ, наиболѣе дорогихъ ему идей, истина которыхъ была ему очевиднѣе, сказывалась яснѣе при приближеніи смерти. За три дня до своей кончины, онъ почувствовалъ, что ослабѣваетъ совершенно, подозвалъ доктора и сказалъ ему съ яснымъ спокойствіемъ, никогда его не покидавшимъ: «Я чувствую, что мнѣ все хуже и хуже; я бы желалъ, если на это будетъ воля Божія, воротиться домой.» Потомъ онъ помолчалъ, очевидно выдерживая какую-то внутреннюю борьбу и прибавилъ: «чтобы умеретъ тамъ; но такъ и быть! Все хорошо, все прекрасно!»

Въ воскресенье, 2 октября, онъ просилъ тѣхъ, кто сидѣлъ около него, идти въ церковь, но когда ему отвѣтили, что хожденіе за больнымъ есть тоже служеніе Богу, онъ отвѣчалъ: «правда, это правда!» успокоился и попросилъ прочесть ему поученіе Христа на горѣ. Когда чтеніе окончилось молитвой Спасителя: *Отче нашъ,* онъ сказалъ: «Довольно, эти слова пролили невыразимое утѣшеніе въ мою душу; они преисполнены божественнаго духа ученія Христова.» Послѣ этого онъ говорилъ мало и тихо, едва слышнымъ голосомъ; послѣднія слова его, которыя удалось разслышать одному изъ присутствовавшихъ, были: «Духъ бесѣдовалъ со мною!»

По мѣрѣ того, какъ день склонялся къ вечеру, черты лица Чаннинга измѣнялись. Его обернули къ окну, изъ котораго видны были покрытыя лѣсомъ горы и зеленѣющія долины; когда отдернули занавѣсы окна, свѣтъ упалъ на лицо его. Солнце только-что зашло, и весь горизонтъ пылалъ еще яркими красками заката. Дыханіе его прерывалось, и онъ безъ усилія, даже безъ вздоха, заснулъ послѣднимъ сномъ; лицо его было обращено къ востоку. Онъ отошелъ въ тотъ самый часъ, который любилъ посвящать молитвѣ, и въ день, установленный въ воспоминаніе о воскресеніи Христовѣ. Чаннингу было семьдесятъ три года отъ роду.

Тѣло его было перевезено въ Бостонъ и встрѣчено слезами всѣхъ тѣхъ, которые въ продолженіе сорока лѣтъ считали его

своимъ другомъ, опорой, путеводителемъ. Жители Бостона поднесли адресъ г-жѣ Чаннингъ, въ которомъ просили позволенія похоронить ея мужа на общественный счетъ.

«Все общество, пишетъ докторъ Дьюэй, одинъ изъ друзей Чаннинга, глубоко сознало, что не стало великаго человѣка, что угасло солнце, такъ долго сіявшее свѣтомъ яснымъ и благотворнымъ; всѣ, которые знали и любили его, были поражены горемъ и едва понимали, что̀ происходило вокругъ нихъ. Они не могли примириться съ мыслію о своей потерѣ. Намъ казалось, что свѣтъ, исходившій отъ него и слившійся съ жизнію каждаго изъ насъ, не могъ перестать озарять насъ; что мудрость его не могла быть у насъ похищена; его вліяніе на всѣхъ было такъ естественно, что казалось закономъ природы, который не могъ уничтожиться».

Но не одни друзья Чаннинга, не одинъ Бостонъ и Родъ-Эйландъ оплакивали смерть его; вся Америка приняла участіе въ этой общественной скорби. Когда гробъ Чаннинга вынесли изъ церкви, раздался колоколъ католическаго собора; при этихъ звукахъ всѣ поняли, что Чаннингъ не принадлежалъ никакой сектѣ, никакой партіи, что надъ его могилой осуществилось отчасти его горячее, завѣтное желаніе, что онъ былъ членъ великой, всемірной, христіянской церкви.

III.

Что можно прибавить отъ себя къ разказу о такой жизни? Она краснорѣчиво говоритъ сама за себя. Кто глубоко вдумается въ этотъ характеръ, кто проникнется величіемъ этой личности, постигнетъ высокія начала, управлявшія дѣятельностію этого человѣка, въ которыхъ онъ не измѣнилъ ни разу въ теченіе своей долгой безукоризненной жизни, тотъ, вѣроятно, испытаетъ двоякое чувство: чувство гордости, что и онъ принадлежитъ къ многочисленному человѣческому семейству, изъ среды котораго выходятъ порою подобныя личности, и чувство глубокаго сознанія собственнаго ничтожества и слабости, въ сравненіи съ ними. Принимаясь за перо, чтобы въ немногихъ словахъ очертить характеръ Чаннинга, трудно подняться на ту нравственную высоту, съ которой можно вглядѣться въ него и оцѣнить вѣрно всѣ совершенства его души, ума и сердца. Мы

не безъ робости приступаемъ къ этой попыткѣ и заранѣе отклоняемъ отъ себя мысль исполнить задачу эту съ должнымъ искусствомъ. Если что̀ можетъ извинить насъ въ этомъ случаѣ, то развѣ чувство непреодолимой симпатіи и уваженія, которыми мы проникнуты къ характеру и принципамъ американскаго писателя.

Жизнь Чаннинга можетъ показаться весьма монотонною тѣмъ, кто не привыкъ всматриваться въ спокойныя, запечатлѣнныя какою-то неземною ясностію натуры, кто не привыкъ угадывать въ нихъ тѣ свойства, которыя даютъ имъ силу огромнаго вліянія на современниковъ и потомство, несмотря на тѣсные предѣлы ихъ дѣятельности. Еще менѣе будетъ она интересовать тѣхъ, кто любитъ въ біографіи искать внѣшнихъ происшествій, переворотовъ судьбы, волненій необузданной страсти. Такіе люди вѣроятно не дочтутъ до конца скромныя страницы, въ которыхъ мы силились изобразить великую, но съ перваго взгляда ничѣмъ не поражающую личность Чаннинга. Въ самомъ дѣлѣ, не только разказъ о его жизни, но и самыя его сочиненія говорятъ прежде всего сердцу и неодолимо увлекаютъ его. Только вчитавшись въ его простыя, простымъ языкомъ написанныя строки, только вдумавшись въ нихъ, можно понять его умъ, широкій и глубокій, просвѣтленный духомъ христіянскаго ученія, украшенный наукой, окрѣпнувшій въ работѣ мысли. Чаннингъ обладалъ способностію такъ уяснять мысль свою себѣ и другимъ, что подъ перомъ его упрощаются самые запутанные, самые сложные вопросы, дѣлаются ясными самыя отвлеченныя воззрѣнія; онъ былъ одаренъ въ высшей степени дорогимъ для моралиста и философа качествомъ не заходить въ чуждую сферу, какъ бы близка ни была она его предмету. Въ его сочиненіяхъ нѣтъ страсти; ея нѣтъ и въ немъ самомъ, слѣдовательно нѣтъ и заблужденій, нѣтъ и колебаній, нѣтъ и увлеченій, которыя необходимо ведутъ къ крайностямъ и нетерпимости. Вездѣ и всегда Чаннингъ строго справедливъ — это отличительная его черта. Всѣ мнѣнія его, выработанныя долгимъ и труднымъ мышленіемъ, запечатлѣны правдою и глубокою искренностію; отъ того они такъ далеко проникаютъ въ сердце. Каждая строка его согрѣта любовію къ Богу и къ человѣку, безпредѣльнымъ уваженіемъ къ безсмертной душѣ. Недостатокъ страсти, если только это есть недостатокъ въ характерѣ и сочиненіяхъ Чаннинга, восполняется съ избыткомъ благороднымъ энтузіазмомъ, который проходитъ въ нихъ широкою струею. Струя эта не изсякаетъ въ немъ и подъ старость, напротивъ, она расширяется и кипитъ свѣжими

силами. То же самое скажемъ мы и объ его убѣжденiяхъ, мало того и о немъ самомъ какъ о человѣкѣ. До послѣдней минуты жизни вѣрный самому себѣ, своимъ началамъ, онъ не останавливается въ своемъ развитiи, все болѣе уясняетъ себѣ задачу жизни, становится все лучше, все выше, чувствуетъ все живѣе и глубже. Рѣдкiй и поучительный примѣръ! Самое убѣдительное доказательство того, о чемъ твердятъ намъ давно всѣ моралисты, что счастiе заключено въ насъ самихъ, что оно заключается въ правильномъ и полномъ развитiи ума и сердца! Кто идетъ путемъ совершенствованiя, тотъ знакомъ съ тѣмъ яснымъ внутреннимъ спокойствiемъ, котораго никакiе удары судьбы не въ силахъ разрушить. Посреди самыхъ страшныхъ минутъ скорби, чувствуется какое-то внутреннее просвѣтлѣнiе, какая-то увѣренность, какая-то покорность судьбѣ, покорность не тупая, а разумная и утѣшительная. Чаннингъ понялъ еще въ молодости, что счастiе лежитъ въ удовлетворенiи высшихъ способностей души, въ достиженiи высокаго назначенiя человѣка, въ благотворномъ развитiи свойствъ, данныхъ ему отъ природы. Но понять, не значитъ еще достигнуть; особенно невозможно достигнуть этого въ молодости, потому именно, что она не имѣетъ еще времени открыть и воспитать въ себѣ этотъ источникъ спокойствiя, довольства собою, безъ гордости и самообожанiя. Мы въ молодости не успѣваемъ еще изъ этого, едва замѣтнаго родника живой воды произвести потокъ, которому назначено увлекать насъ все больше и больше въ высокiя сферы человѣческаго духа. Немногiе достигаютъ такой нравственной высоты, но Чаннингъ вполнѣ достигъ ея и отъ того въ шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ, потерявъ многихъ близкихъ и дорогихъ людей, онъ не утратилъ ни своей чувствительности (вспомнимъ его отчаянiе при вѣсти о смерти его друга Фоллена), ни сознанiя своего счастiя. Вся жизнь Чаннинга есть высокiй урокъ. Этотъ урокъ заключается не въ однѣхъ только его теорiяхъ, а въ необыкновенномъ согласiи этихъ теорiй съ его жизнiю, съ его правилами и всѣми поступками. Мысль и дѣло тѣсно связаны, мало того, они слились неразрывно въ жизни Чаннинга; едва вырабатывалась его мысль, какъ онъ съ рѣдкою настойчивостiю проводилъ ее въ жизнь и сообразовалъ съ нею свои поступки. Какъ упорно, какъ мужественно, не жалѣя ни силъ, ни здоровья, ни репутацiи, ни даже привязанностей друзей, если мы только припомнимъ отказъ его вступить въ союзъ съ аболицiонистами, онъ преслѣдуетъ цѣль свою! Но этого мало. Обыкновенно случается, что служенiе ве-

ликому общественному дѣлу увлекаетъ, поглащаетъ человѣка, такъ что за дѣлами общими онъ забываетъ нерѣдко свое частное, скромное дѣло. О многихъ государственныхъ людяхъ и мыслителяхъ было замѣчено, что они не были нѣжными мужьями и заботливыми отцами семейства, конечно не изъ пренебреженія, а потому, быть-можетъ, что не стаетъ человѣческихъ силъ на такую обширную и разнородную дѣятельность. Не таковъ Чаннингъ. Онъ борется съ плантаторами, пишетъ и говоритъ въ пользу освобожденія негровъ, знакомится съ людьми всѣхъ сословій, проникаетъ въ убѣжища нищеты и разврата, и проливаетъ свѣтъ христіянскихъ истинъ на самыя грубыя, мрачныя натуры; онъ не забываетъ и высшаго бостонскаго общества, живетъ въ немъ, проповѣдуетъ ему непреложныя истины высокой нравственности; но въ то же время онъ является заботливымъ и почтительнымъ сыномъ, добрымъ братомъ, нѣжнымъ мужемъ, разумнымъ, но страстно любящимъ отцомъ, отцомъ не только дѣтей своихъ, но и осиротѣвшихъ дѣтей брата. Посмотрите только на его отношенія къ матери и ко всей семьѣ, на его отношенія къ друзьямъ; его домъ—ихъ домъ, его скудныя деньги—ихъ деньги, его сердце, но оно давно, съ юности полно неисчерпаемой любви къ близкимъ и далекимъ, къ семьѣ, друзьямъ и человѣчеству. Сердце широкое и благородное, гдѣ одна привязанность не мѣшаетъ и не исключаетъ другой. Нѣтъ долга, который бы казался ему великъ и святъ, и котораго бы не исполнилъ онъ добросовѣстно въ теченіи жизни. Едва ли найдется другое лицо, столь полное нравственныхъ совершенствъ въ соединеніи съ младенческою простотою, съ смиреніемъ истинно христіянскимъ, съ умомъ истинно великимъ! Да, это лицо великое; какая святость жизни, какая чистота молодости! Слѣдя за жизнью Чаннинга, невольно задумаешься, какимъ образомъ исполняя свои обязанности съ такою неумолимою честностію, съ такою горячею ревностію и любовію, онъ былъ постоянно строгъ къ себѣ, и никогда не былъ строгъ къ другимъ, и не требовалъ отъ нихъ и половины того, что̀ исполнялъ самъ. Онъ не зналъ нетерпимости и рѣзкости приговоровъ. Любовь, это великое начало всего высокаго и прекраснаго, благихъ начинаній и благихъ дѣлъ, этотъ необходимый элементъ всякой полезной человѣчеству дѣятельности, спасаетъ Чаннинга отъ фанатизма и нетерпимости, потому что въ его стойкой и непреклонной натурѣ могли бы развиться оба эти недостатка. Любовь ведетъ его съ колыбели до могилы по пути нравственнаго

усовершенствованія къ глубокому сознанію внутренняго довольства и счастія. Отсюда невозмущаемая кротость его, ясность и миръ, которые онъ распространяетъ вокругъ себя, притягивая къ себѣ лучшихъ людей всѣхъ партій, всѣхъ сектъ, всѣхъ мнѣній. Любовь заразительна; кто любитъ, тотъ любимъ, и Чаннингъ представляетъ опять блистательное этому доказательство. Даже католицизмъ, ожесточенный врагъ всего, что̀ не принадлежитъ къ нему, столь извѣстный своею нетерпимостію, не могъ враждовать съ Чаннингомъ. Католическій епископъ Чеверосъ былъ его другомъ, католики сбирались слушать его проповѣди, и наконецъ колоколъ католическаго собора, примѣръ единственный въ исторіи этого духовенства, издалъ заунывные похоронные звуки при погребеніи Чаннинга. Всякій, хорошо знакомый съ духомъ римской церкви, пойметъ, сколько надо было внушить любви, уваженія, всеобщихъ сожалѣній, какимъ надо было обладать могущественнымъ вліяніемъ, чтобъ одержать такую побѣду надъ католическою исключительностію и нетерпимостію.

При первомъ взглядѣ, кажется, что цѣльная натура Чаннинга не допускаетъ контрастовъ, а между прочимъ, они находятся въ ней, какъ во всякой другой богато одаренной натурѣ. Не надо быть очень проницательнымъ, чтобы не видать, что въ Чаннингѣ соединяются два совершенно противоположные характера, что въ немъ два лица, которыя какъ-то чудно уживаются въ немъ, мало того, составляютъ то гармоническое цѣлое, которому мы такъ удивляемся. Чаннингъ былъ сосредоточенъ, задумчивъ; онъ любилъ уединеніе и тихую деревенскую жизнь, въ немъ была даже застѣнчивость, самая характеристическая черта тѣхъ, которыхъ мы привыкли называть *мечтателями*. Мы видѣли, что Чаннингъ самъ сознавалъ это, что онъ силился, но былъ не въ силахъ передѣлать себя, и съ пятнадцати лѣтъ до преклонной старости остается мечтателемъ, другомъ людей, природы, человѣкомъ съ сердцемъ женски-нѣжнымъ и поэтически настроеннымъ. Не такова другая сторона его характера: онъ человѣкъ воли твердой и непреклонной, шедшей упорно къ своей цѣли; въ молодости онъ учился усидчиво и прилежно; въ немъ особенно были развиты практическія способности, и мы видимъ, что онъ доказалъ это блестящимъ образомъ при учрежденіи стольких школъ, обществъ вспоможенія и воспитанія для рабочаго класса. Жизнь Чаннинга кипитъ жаждою дѣятельности, но дѣятельность эта не лихорадочная, не судо-

рожная, она не бросается во всѣ стороны, не выходитъ никогда за предѣлы возможнаго и разумнаго. Мудрая умѣренность во всемъ, здравый практическій смыслъ, крѣпкій и сильный разумъ, рѣдкая справедливость и мѣткость сужденій, безпристрастіе во всемъ и ко всему, вотъ качества, которыя сдѣлали изъ Чаннинга замѣчательнаго гражданскаго дѣятеля. Мы бы сказали, что Чаннингъ былъ идеалъ мудрой умѣренности, золотой середины, еслибъ эта фраза не опошлилась и не выражала совсѣмъ другаго понятія; люди, равнодушные къ общему дѣлу, люди бездарные или, что̀ еще хуже, такіе, которые держатся въ сторонѣ, въ ожиданіи чѣмъ кончится борьба партій, чтобы пристать къ побѣдителямъ, такъ часто величали себя людьми золотой середины и мудрой умѣренности, что мы не хотимъ сказать того же о Чаннингѣ.

Что̀ прибавить еще? Признаемся, никогда перо наше не казалось намъ такъ слабо, анализъ такъ незначителенъ, какъ въ сію минуту. Повторимъ, чѣмъ начали: Чаннингъ говоритъ много уму, но еще болѣе сердцу. Читая его, испытываешь что-то особенное, неподдающееся опредѣленію. Какое-то незнакомое чувство сердечнаго умиленія проникаетъ въ душу, какой-то дивный свѣтъ озаряетъ умъ, надежда и вѣра въ будущее охватываютъ все существо. Чаннинга нельзя не уважать и не любить, и какъ не сказать, что благословенна и почтенна та страна, гдѣ такой человѣкъ могъ развиться, дѣйствовать и быть оцѣненъ по достоинству; гдѣ не принадлежа ни къ какой партіи посреди множества партій, ни къ какому обществу посреди множества обществъ, онъ жилъ и дѣйствовалъ отдѣльно и свободно, повинуясь собственнымъ убѣжденіямъ и правиламъ, и собирая вокругъ себя всѣ партіи, всѣ секты, всѣ общества? Въ жизни онъ не зналъ ничего выше убѣжденія: онъ дѣйствовалъ во имя его, не робѣя передъ судомъ общественнаго мнѣнія, не добиваясь ни славы, ни почестей, ни уваженія, и все пришло къ нему и не въ одномъ только его отечествѣ, а вездѣ, гдѣ живутъ люди, умѣющіе понимать и цѣнить великую душу, широкое сердце и благородный умъ.

Евгенія Туръ.

ПОѢЗДКА ВЪ ИСПАНІЮ

I.

Отъ Байоны до Мадрида.

Не извѣстно почему, на Испанію привыкли смотрѣть какъ на хорошенькую женщину, которой прощается и позволяется многое: въ ея невѣжествѣ всѣ видятъ наивность, въ капризахъ—грацію, въ отсутствіи правилъ—увлекающую страстность натуры. Это исключительный подсудимый, при видѣ котораго разбивается безпристрастіе судьи. Едва только путешественникъ оставляетъ за собою Пиренеи, онъ забываетъ общій европейскій масштабъ, которымъ мѣряется цивилизація страны: его глаза ищутъ на горизонтѣ далекихъ линій Сіерры съ группами пальмъ и пиній, а вблизи хорошенькихъ лицъ, живописныхъ костюмовъ и веселыхъ танцевъ подъ звуки кастаньетъ. Кажется, никто не хочетъ вѣрить, чтобъ Испанія была способна къ европейской общественной жизни; какъ-то недовѣрчиво принимаются вѣсти о новыхъ успѣхахъ страны, объ ея умственномъ движеніи. Извѣстный періодъ интереснаго положенія королевы, новое министерство, непремѣнно съ военнымъ генераломъ во главѣ, надежды въ теченіи первой недѣли его управленія и разоча-

рованіе въ теченіи второй, новые случаи разбоевъ — вотъ извѣстія изъ Испаніи, которыя сдѣлалась стереотипными; читатель смотритъ на нихъ какъ на давно-знакомую журнальную рекламу, и хладнокровно перевертываетъ страницу. Даже изъ тѣхъ, кто постоянно слѣдитъ за рѣчами англійскаго парламента, многіе не краснѣя признаются въ полномъ невѣдѣніи о дѣлахъ полуострова, и пожалуй, удивятся вашему вопросу: политическія партіи, журналистика, администрація, развѣ есть что-нибудь подобное за Пиренеями? Все, что совершается тамъ, покрыто какимъ-то туманомъ; изъ-за горъ явственно слышатся только звуки кастаньетъ и отчетливо рисуются Аламбра и Алькасары; пріѣзжающіе оттуда иностранцы не считаютъ приличнымъ говорить о чемъ-нибудь, кромѣ красоты Андалусянокъ, или въ восторгѣ повторяютъ на разные лады слова Карамзина: «тамъ шумятъ гордыя пальмы, благоухаютъ миртовыя рощи, и величественный Гадалкивиръ медленно катитъ свои воды»...

Справедливо ли такое равнодушіе, — на этотъ вопросъ можно отвѣчать не иначе, какъ изображеніемъ нынѣшняго состоянія Испаніи. Но еслибъ я былъ Испанцемъ, меня оскорбляли бы теперешніе отзывы о полуостровѣ, точно такъ же, какъ мнѣ будетъ грустно, если г. Дюма въ описаніи своего путешествія по Россіи придетъ въ восторгъ только отъ прекрасной охоты на нашихъ медвѣдей, или отъ любви нашихъ дамъ къ его романамъ. Пожалуй, для собственнаго спокойствія я могу еще сложить всю вину на французскій характеръ г. Дюма; Испанцамъ не остается и этого утѣшенія: путешественники, безъ различія націй, очень деликатно обходятъ всѣ вопросы, кромѣ Андалусянокъ и красотъ природы, но за то пользуюся тѣми и другими съ крайнею невоздержностію. У меня подъ руками два послѣднія описанія Испаніи; одно изъ нихъ принадлежитъ Нѣмцу, другое Французу, но въ обоихъ слышится одинъ и тотъ же мотивъ: восторгъ отъ полудикихъ остатковъ прошедшаго и скорбное сожалѣніе о томъ, что это прошедшее начинаетъ исчезать передъ силою новой гражданственности.

Профессоръ теологіи во Фрейбургѣ (баденскомъ) Альбанъ Штольцъ, въ 1857 году, описалъ свою поѣздку въ Испанію подъ оригинальнымъ заглавіемъ: *Spanisches für die gebildete Welt*. Вся книга есть не что иное, какъ панегирикъ католическому вліянію на полуостровѣ; усердіе баденскаго теолога даже сильно преувеличиваетъ настоящее положеніе вещей и побуждаетъ его кстати и некстати нападать на Англію почти на каждой страницѣ.

Какъ строгій систематикъ, авторъ всюду чувствуетъ присутствіе папскаго благословенія: католически варится шоколатъ въ Испаніи, въ католическомъ невѣжествѣ пребываетъ народъ; бой быковъ и разбойники совершенно удовлетворительны съ точки зрѣнія католицизма; даже у мантилій ученый теологъ отнимаетъ ихъ восточный характеръ и видитъ въ нихъ выраженіе религіозной скромности. По мнѣнію Штольца, только и есть на свѣтѣ два великіе народа: Испанцы и Нѣмцы, — разумѣется, кромѣ впавшихъ въ грѣхъ протестантизма. Кажется, какъ будто онъ захватилъ съ собою въ дорогу только одну краску и ею рисуетъ всю картину, не обращая вниманія на тѣни и перспективу. Изрѣдка впрочемъ эпидемическій восторгъ Штольца нарушается сѣтованіями о закрытіи монастырей въ Испаніи. Сочувствуя вполнѣ горести автора, можно однако напомнить ему, что въ 1845 году закрыты только мужскіе монастыри, но женскіе оставлены для всеобщаго утѣшенія.

Другой писатель Антуанъ Латуръ издалъ въ 1855 г. два тома *Этюдовъ объ Андалусіи* и въ 1858 небольшую книжку *La baie de Cadix*. Авторъ, въ качествѣ воспитателя герцога Монпансье, постоянно видѣлъ праздничную Испанію, поющую и пляшущую передъ балкономъ инфанта, — и этотъ праздничный, полу-торжественный тонъ слышится постоянно въ его книгѣ. Если Штольцъ всю картину рисуетъ розовою краскою, то Латуръ избираетъ въ картинѣ только тѣ предметы, къ которымъ приходится эта краска, оставляя другіе нетронутыми. Отъ этого нѣкоторые этюды французскаго путешественника вышли очень удачны, но они далеко не исчерпываютъ всѣхъ сторонъ андалусской жизни. При чтеніи книги Латура, вамъ все кажется, что онъ писалъ ее въ тѣни померанцевъ, настроенный любовно ко всему окружающему, вдыхая запахъ масличныхъ деревъ; онъ видѣлъ одинъ ландшафтъ Испаніи и очень рѣдко обращалъ вниманіе на общественную жизнь ея. Что совершается среди этой обстановки, чѣмъ занято общество, — эти вопросы не интересуютъ автора; книга Латура можетъ удовлетворить художника, но далеко не каждаго мыслящаго человѣка. Правда, авторъ довольно часто обращается къ исторіи испанской, но исключительно имѣетъ въ виду исторію монументальную и литературную; въ его этюдахъ слышно только сочувствіе къ прошедшему страны и сожалѣніе о томъ, что въ ней готовъ установиться новый болѣе здоровый порядокъ.

Послѣ этого многіе, можетъ-быть, скажутъ: если западная

Европа мало интересуется Испаніей, если западные путешественники говорятъ только о картинахъ ея природы, — то русская публика еще съ бо́льшимъ правомъ можетъ довольствоваться одною художественною стороною испанской жизни; наши торговыя сношенія съ Испаніею не слишкомъ значительны, въ дипломатическихъ вопросахъ намъ приходится сталкиваться очень рѣдко, наконецъ въ исторіи двухъ обществъ встрѣчается немного общаго.... Все это справедливо. Но у насъ есть другая связь и другой интересъ относительно Испаніи. Мы не можемъ не сочувствовать странѣ, въ которой обозначилось въ послѣднее время замѣтное движеніе впередъ, сказалась новая жизнь, пробудилось самосознаніе. Какъ бы важны ни были наши внутренніе вопросы, какъ бы сильно ни сосредоточивались мы на нихъ, — мы никогда не откажемъ во вниманіи и въ симпатіи всякому живому движенію, всѣмъ улучшеніямъ, гдѣ бы они ни совершались. Въ этихъ стремленіяхъ и надеждахъ далекихъ странъ мы слышимъ что-то родное, и потому способны понять ихъ.

Вотъ почему я думаю, что нѣсколько словъ о нынѣшней Испаніи и о ея политическомъ состояніи не лишены интереса для русской публики. Мнѣ предстоитъ видѣть страну въ одну изъ любопытныхъ минутъ: готовящіеся выборы въ ко̀ртесы привели въ движеніе всѣ пружины парламентарной системы, духъ партій долженъ былъ «возмутить воду», а при этомъ всѣ свѣтлыя и темныя стороны политической жизни полуострова высказываются рѣзче и явственнѣе. Понятно, что при такихъ условіяхъ рѣшившись говорить объ Испаніи, я обращу преимущественное вниманіе на ея общественные вопросы и надѣюсь, что никто не посѣтуетъ на меня за это: въ нашей литературѣ есть уже описаніе Испаніи, и мнѣ кажется излишнимъ повторять его снова, во всѣхъ подробностяхъ.

Согласно главной цѣли моего путешествія, мнѣ слѣдовало бы начать съ объясненія политическихъ партій въ Испаніи; но я позволю себѣ сказать предварительно нѣсколько словъ о переѣздахъ по Испаніи и о томъ, что̀ случилось мнѣ видѣть на пути отъ Байоны до Мадрида. Начну съ желѣзныхъ дорогъ.

Начатыя съ цѣлью вовсе непромышленною, а ради забавы и удовольствія небольшою линіею отъ Мадрида до Аранхуэса, желѣзныя дороги получили въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ болѣе серіозное направленіе: въ этотъ періодъ времени построено болѣе 700 километровъ, такъ что общая длина всѣхъ испан-

скихъ ferro-carriles, открытыхъ для публики, составляетъ въ настоящее время около 900 километровъ. Изъ нихъ только дорога отъ Мадрида до Аликанте, существующая съ прошлаго года, имѣетъ значительное протяженіе, именно 455 километровъ; остальныя одиннадцать линій (1) рѣдко превышаютъ 40 килом., — это первые начатки будущихъ большихъ путей, которые должны сосредоточиться около Мадрида. Отсюда года черезъ два окончится большая линія черезъ Сарагоссу до Барселоны, дорога до Гадалахары почти готова, а лѣтъ черезъ шесть пройдетъ она чрезъ Бу́ргосъ до Байоны. Въ апрѣлѣ 1859 года откроется почти готовая дорога отъ Севильи до Кордовы (130 килом.), скоро начнутся работы между Севильей и Ка̀дисомъ и между Ко̀рдовой и Гранадой, такъ что въ непродолжительномъ времени сѣверная и андалусская системы дорогъ будутъ окончены, и останется соединить ихъ черезъ Ламанчу или черезъ Мурсію. Нѣкоторые участки между Мадридомъ и Сарагоссою, какъ слышно, уже готовы и ждутъ для своего открытіи 19-го ноября, дня рожденія королѐвы; до этого срока отложено также открытіе водопровода въ Мадридѣ. Обычай нѣсколько странный — откладывать общеполезное дѣло до извѣстнаго торжественнаго случая; онъ нѣсколько напоминаетъ множество Victoria-Streets въ Лондонѣ, и слова Моррея по этому случаю: «Ея величеству, конечно, не можетъ быть пріятно, что, называя ея именемъ нѣсколько улицъ, муниципалитетъ заставляетъ ея подданныхъ блуждать по городу.» Пріятно напиться чистой воды въ день рожденія королевы, но еще пріятнѣе было бы напиться ея нѣсколькими днями раньше.

Приведенныя выше цифры доказываютъ быстроту постройки желѣзныхъ дорогъ въ Испаніи, — этимъ страна обязана частной предпріимчивости иностранныхъ капиталистовъ и одного изъ сарагосскихъ негоціантовъ, г. Саламанки. Правительство продало частной компаніи дорогу до Аранхуэса, согласившись потерять при этомъ 96 миліоновъ реаловъ (6.300.000 руб. сер.), такъ что теперь вся линія отъ Мадрида до Аликанте принад-

(1) Перечислю ихъ здѣсь: 1) Аранхуэсъ–Толедо; 2) Валенсіа-Ха̀тива: 3) Валенсіа–Грао; 4) Таррагона–Реусъ; 5) Барселона–Марторель; 6) Барселона–Гренольерсъ; 7) Барселона-Тарраса; 8) Барселона-Аренисъ по направленію къ Перпиньяну); 9) Аларъ-Рейноса (на линіи Сантандеръ-Вальядолидъ); 10) Хересъ-Трокадеро; 11) Гихонъ-Лангрео (въ Астуріи).

длежитъ барону Ротшильду, графу Морни, г. Саламанкѣ и другимъ членамъ компаніи, заплатившей по 170.000 франковъ за километръ. Эта цѣна, конечно, не можетъ служить общею нормою, потому что Мадридо-аликантская линія не представляла большихъ затрудненій со стороны природы, и дорога имѣетъ только одинъ рядъ рельсовъ. И несмотря на низкую покупную цѣну, французскіе капиталисты не получаютъ достаточнаго процента, — такъ неудаченъ былъ выборъ Аликанте.

Гораздо болѣе ожидаютъ отъ линіи мадридо-байонской, сооруженіе которой начато уже компаніей Credit-Mobilier. Г. Исааку Перейра предстоитъ осуществить слова Лудовика XIV: «не будетъ болѣе Пиренеевъ» — къ счастію только для торговыхъ сношеній. Надо отдать справедливость Испанцамъ: не довѣряя мирнымъ наклонностямъ императорской Франціи, они однакожь довѣрчиво смотрятъ на Французовъ, которые приносятъ свои капиталы на развитіе испанской промышленности; разработка рудниковъ, преимущественно добываніе свинца и желѣза, ремесла и нѣкоторыя фабрики находятся исключительно въ рукахъ Французовъ. Сначала спасаясь за Пиренеи отъ coup d'état, а потомъ добровольно, они приходятъ ежегодно толпами и встрѣчаютъ всегда самый радушный пріемъ. Въ настоящее время желѣзныя дороги составляютъ почти исключительно монополію Французовъ.

Но эта монополія досталась не даромъ. Желѣзныя дороги встрѣчали и встрѣчаютъ множество препятствій, неизвѣстныхъ въ другихъ странахъ,—оппозицію со стороны аристократіи, недостатокъ въ работникахъ и неумѣніе ихъ обращаться съ самыми простыми орудіями. Намъ случалось видѣть начатыя работы въ Кастиліи: Испанцы очень граціозно носятъ землю въ небольшихъ соломенныхъ корзинахъ и никакъ не хотятъ привыкнуть къ прозаичекой телѣжкѣ объ одномъ колесѣ. Приходится выписывать изъ Франціи этотъ незатѣйливый экипажъ и вводить его въ употребленіе; Баски понимаютъ скоро его выгоды, но Кастильцы до сихъ поръ крѣпко стоятъ за свои корзинки и неохотно разстаются съ ними. Неудивительно, что дорога отъ Мадрида до Аранхуэса стоила большихъ суммъ: земля приносилась въ корзинахъ, локомотивы и вагоны нужно было разбирать по частямъ и привозить на спинѣ муловъ.

Но кромѣ оппозиціи соломенныхъ корзинокъ, существуетъ еще другая, болѣе сильная, со стороны такъ-называемой аристократіи... я затрудняюсь въ пріисканіи ей эпитета. Трудно представить себѣ что-нибудь деревяннѣе и неспособнѣе испанскихъ грандовъ.

Вслѣдствіе послѣднихъ переворотовъ они лишены послѣднихъ своихъ привилегій,—о крѣпостномъ правѣ исчезло давно уже всякое преданіе,—и теперь «будируютъ», удаляясь въ веселый городъ Парижъ или оставаясь въ Мадридѣ вздыхать о добромъ старомъ времени. Связь ихъ со страною разорвана совершенно, въ общемъ народномъ движеніи они являются далеко не на первомъ мѣстѣ, и въ дѣлѣ желѣзныхъ дорогъ не упускаютъ случая вредить имъ по мѣрѣ силъ своихъ; не охотно подчиняясь закону объ экспропріаціи, гранды затрудняютъ постройку дорогъ всѣми зависящими отъ нихъ средствами.

Такимъ образомъ компаніямъ приходится брать съ боя каждый километръ, и несмотря на то, заработная плата въ Испаніи такъ низка и деньги такъ дороги, что цѣна километра не превышаетъ 200 000 фр., тогда какъ во Франціи она доходитъ иногда до 660.000 (линія отъ Марсели до Авиньйона) и рѣдко падаетъ ниже 400.000.

Говоря о желѣзныхъ дорогахъ, нельзя не обратить вниманія на два обстоятельства, которыя тѣсно связаны съ ними. Вопервыхъ, частная компанія будетъ заботиться объ оживленіи промышленности страны. По этому предмету я сообщу здѣсь нѣсколько свѣдѣній, переданныхъ мнѣ однимъ изъ агентовъ Crédit-Mobilier,—ассоціаціи, дѣятельно участвующей въ нашихъ русскихъ дорогахъ. Прежде всего компанія заботится о томъ, чтобы привлечь какъ можно болѣе товаровъ на свою линію; пассажиры въ интересахъ желѣзныхъ дорогъ играютъ второстепенную роль. Поэтому изъ пяти или шести директоровъ, которымъ ввѣряется управленіе линіей, самая важная должность directeur du commerce. Ему предстоитъ изучить страну и эксплуатировать ее сколько возможно; не ограничиваясь тѣми мѣстами, чрезъ которыя проходитъ дорога, необходимо учредить удобныя сообщенія съ ближайшими пунктами, поддержать въ нихъ извѣстную промышленность, иногда создать ее вновь посредствомъ пониженія цѣнъ провоза и проч. Такъ напримѣръ, положимъ, что гдѣ-либо, близь линіи желѣзной дороги, производится ломка мрамора или простаго камня, но эта промышленность въ упадкѣ, по ограниченности сбыта: желѣзная дорога на первыя десять лѣтъ установляетъ очень низкую цѣну за провозъ,—и вотъ камень въ огромномъ количествѣ идетъ въ отдаленные пункты, и компанія отправляетъ съ нимъ цѣлые поѣзды. Въ другомъ случаѣ компанія устраиваетъ шоссе и мосты, учреждаетъ своихъ коммиссіонеровъ въ разныхъ городахъ,—въ ея рукахъ тысячи средствъ для привлеченія товаровъ, тогда

какъ въ отношеніи къ пассажирамъ ей остаются одни только trains de plaisir. Вотъ почему новыя желѣзныя дороги отступаютъ часто отъ прямой линіи и имѣютъ въ виду захватить бо́льшую часть промышленныхъ пунктовъ, чтобы расширить такимъ образомъ свой бассейнъ и сосредоточить около себя промышленныя силы страны. Конечно, гораздо дешевле вести дорогу черезъ ланды, какъ это сдѣлала компанія du Midi, но за то къ такой дорогѣ не прирастаютъ вѣтви, она остается какъ бы безъ корня. Можетъ-быть, въ этомъ и состояла ошибка мадридо-аликантской желѣзной дороги: поспѣшили соединить столицу съ однимъ изъ портовъ Средиземнаго моря и избрали для того самую прямую линію, но за то идущую по странѣ мало-промышленной и даже мало-земледѣльческой.

Но кромѣ оживленія торговли и промышленности испанской, предоставленіе желѣзныхъ дорогъ Французамъ будетъ имѣть и другое слѣдствіе, весьма важное: Испанія, рано или поздно, приметъ французскую систему монеты, мѣръ и вѣсовъ, которая единогласно признана самою удобною. На большихъ линіяхъ уже и теперь введены килограммы и километры, и даже франки пользуются правомъ гражданства. Желѣзныя дороги здѣсь послужатъ къ практическому приложенію того, что̀ существуетъ въ законѣ: положеніе 13 іюля 1849 года легализировало метръ, гектаръ и литръ, а въ 1848 году ввело десятичную систему монеты принявъ за единицу *дуро*, или такъ-называемый у насъ испанскій талеръ, цѣною въ $5\frac{1}{4}$ франка (1). Но несмотря на то, въ обращеніи до сихъ поръ еще преимущественно старая золотая монета—*онса* (320 реаловъ), которую принимаютъ не по номинальной цѣнѣ, а по вѣсу; реалъ ($6\frac{1}{2}$ коп. сер.) служитъ единицею и дѣлится весьма неудобно на 34 *мараведи* или на $8\frac{1}{2}$ *очо* (ochos). Трудно придумать болѣе странную систему, но она держится въ народѣ, который недовѣрчиво смотритъ на новые doblones de Isabel (5 дуро или 100 реаловъ) и гораздо охотнѣе беретъ хотя истертую, но старую монету; только на сѣверѣ встрѣчаются золотыя и мѣдныя деньги новаго чекана: доблоны и десимы.

Отъ желѣзныхъ дорогъ слишкомъ рѣзокъ переходъ къ безобразнымъ испанскимъ шоссе. Трудно представить себѣ что-нибудь неудобнѣе для ѣзды, чѣмъ эта масса круглыхъ камней, набросан-

---

(1) Впрочемъ едвали можно найдти теперь въ Россіи и гдѣ бы то ни было старые испанскіе піастры или дуро; они исчезли въ самой Испаніи, потому что стоили дороже своей номинальной цѣны.

ныхъ въ безпорядкѣ по дорогѣ, которую Испанцы называютъ королевскою—camino real. Матеріялъ для нея доставляютъ небольшія рѣчки, которыя, за исключеніемъ двухъ-трехъ зимнихъ мѣсяцевъ, имѣютъ сухое русло, усѣянное не очень крупнымъ камнемъ. Подъ руководствомъ peon caminero соломенныя корзины наполняются этимъ камнемъ, и его переносятъ на дорогу, за тѣмъ сверху насыпается немного земли,—и camino real готова, то-есть проѣзжимъ предоставляется на выборъ или ломать на ней экипажи или почтительно ѣхать въ сторонѣ отъ нея; разумѣется, послѣднее удобнѣе, и потому только въ крайнихъ случаяхъ можно посягнуть на неприкосновенность государственнаго пути. А между тѣмъ устройство и поддержаніе шоссе поглощаетъ ежегодно значительныя суммы, на каждой милѣ ($5\frac{1}{2}$ километровъ) есть особый смотритель — peon caminero; кажется правительство сдѣлало все возможное, и несмотря на то, дороги въ самомъ жалкомъ положеніи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ сѣверныхъ провинцій. Суммы расходуются не всегда правильно, а peon caminero съ ружьемъ за плечами, обходя свой участокъ, смотритъ не столько за исправностью дороги, сколько за безопасностью тѣхъ, кто проѣзжаетъ около нея. Вообще «учредить государственную дорогу» въ Испаніи значитъ собственно оградить ее отъ разбоевъ; техническія же работы отступаютъ на второй планъ.

Главнымъ образомъ такое огражденіе ввѣрено жандармамъ или guardia civil (1), которые днемъ и ночью постоянно берегутъ проѣзжихъ отъ любопытства бандитовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ полицейскій надзоръ въ ближайшихъ селахъ. Эти жандармы пользуются всеобщимъ уваженіемъ, единогласныя похвалы слышатся о нихъ повсюду. Guardia civil никогда не выходитъ изъ своей спеціальности и не нарушаетъ личной свободы, которая такъ глубоко вкоренена въ испанскихъ нравахъ; въ отношеніи къ народу эти хранители общественнаго спокойствія совершенно прониклись идеей невмѣшательства, и этимъ пріобрѣли свою популярность. Даже во время такъ-называемыхъ навахадъ, или народныхъ дуэлей на ножахъ, когда кровь льется съ обѣихъ сторонъ,—жандармъ рѣдко покидаетъ роль любопытнаго зрителя; онъ въ этихъ случаяхъ забываетъ свое офиціяльное значеніе,— но за то собственно-разбойникъ встрѣтитъ въ немъ всегда самаго опаснаго преслѣдователя. Мадридская полиція и севильскіе се-

---

(1) Она не имѣетъ ничего общаго съ guardia nacional, уничтоженной въ 1845 году.

рено (serenos) въ случаѣ навахады стараются держаться отъ нея какъ можно далѣе, и сострадательнымъ людямъ стóитъ большаго труда привести ихъ на мѣсто битвы. Вообще полиція въ Испаніи—вооруженная сила, готовая на помощь, но не любящая вмѣшиваться въ частныя дѣла гражданъ. Каждый жандармъ снабженъ книгою для записыванія особыхъ происшествій, и ежедневно вноситъ туда болѣе или менѣе четко-написанную фразу: «все обстоитъ благополучно».

Дѣйствительно, благодаря guardia civil, большія дороги сдѣлались менѣе опасными,—и я не безъ удовольствія смотрѣлъ ночью на темныя тѣни жандармовъ, закутанныхъ въ широкій плащъ, въ треугольной шляпѣ и съ ружьемъ за плечами. Конечно, безопасность на дорогахъ все еще относительная; robo à mano armada встрѣчается постоянно въ условіяхъ о наймѣ экипажей, и на дняхъ еще почти около воротъ Мадрида былъ ограбленъ одинъ дилижансъ; но все-таки утѣшительно думать, что два ружья всегда готовы на помощь вашему револьверу; этимъ послѣднимъ можно запастись, испросивши право носить оружіе и заплативъ за то 42 реала (около 3 руб. сер.) въ годъ.

Путешественнику по Испаніи предстоитъ выборъ между дилижансами и такъ-называемыми galeras и violinos. Несмотря на соперничество нѣсколькихъ частныхъ компаній, испанскіе дилижансы далеко неудовлетворительны; они берутъ 15 пассажировъ и потому чрезвычайно громоздки и дѣлаютъ не болѣе полутораста верстъ въ сутки (1). Что касается до мальпостовъ, или такъ-называемыхъ correos, то они гораздо удобнѣе и ѣдутъ скорѣе; но необходимо запасаться мѣстомъ въ нихъ по крайней мѣрѣ за три недѣли; испанское почтовое вѣдомство держится въ этомъ случаѣ совершенно другихъ правилъ, чѣмъ германское и швейцарское; оно имѣетъ въ виду пересылку писемъ и вещей, а на пассажировъ не обращаетъ вниманія. Galera — большая крытая кибитка о четырехъ колесахъ, изъ которыхъ переднія очень малы сравнительно съ задними; въ нее запрягаютъ отъ двѣнадцати до шестнадцати муловъ, которые идутъ шагомъ, не болѣе 35-ти верстъ въ день. Violin—на двухъ колесахъ, тащится также медленно двумя или тремя мулами. Для того, кто не очень дорого цѣнитъ свое время,

---

(1) Цѣны за большіе переѣзды слѣдующія: отъ Мадрида до Байоны и отъ Мадрида до Севильи отъ 100 до 150 франковъ, смотря по достоинству мѣста; за вещи, свыше одной арробы (около пуда), платится очень дорого. Плата въ мальпостѣ по 6 реаловъ за милю.

галеры и віолины очень удобны, потому что не вольно сближаютъ путешественника съ народомъ и даютъ возможность внимательно осмотрѣть всѣ мѣста, встрѣчающіяся по дорогѣ; но при этомъ нужно заранѣе приготовиться ко всякаго рода лишеніямъ, отказаться отъ опрятныхъ комнатъ и сносныхъ ночлеговъ. Испанцы привыкли къ этимъ неудобствамъ; они запасаются огромнымъ шерстянымъ мѣшкомъ, alfurca, который носятъ въ видѣ пледа во время холода и въ который завертываются на ночь.

Мнѣ случилось въѣхать въ Испанію со стороны Байоны и въ дилижансѣ частной компаніи — diligencias del Norte y Mediodia de España, которая считается одною изъ лучшихъ. Было еще темно, когда мы покинули скромную Байону, счастливую сосѣдствомъ блестящаго Біарица, и едва разсвѣло, мы были уже около небольшой рѣчки Бидассао, служащей границею; на другой сторонѣ моста стояли испанскіе солдаты, и развѣвалось испанское знамя. Пока французская полиція записывала наши имена, я пошелъ взглянуть на островъ Фазановъ, съ которымъ соединено дипломатическое воспоминаніе: здѣсь въ 1659 году Мазарини и де-Аро заключили такъ-называемый пиренейскій трактатъ о бракѣ Лудовика XIV съ Маріею Терезіею испанскою. Это былъ первый актъ такъ-называемыхъ mariages espagnols; около двадцати лѣтъ тому назадъ Европа встревожена была повтореніемъ пиренейскаго мира—и что осталось отъ этой тревоги? Герцогъ Монпансье, въ качествѣ вѣчнаго инфанта, ведетъ въ Севильѣ жизнь частнаго человѣка и не помышляетъ, конечно, не только о двухъ коронахъ, но даже и объ одной; Испанія подарила Францію императрицей, доставляетъ женъ маршаламъ, но всѣ спокойно смотрятъ на эти браки, будучи увѣрены, что независимость Испаніи обезпечена, и что маленькую рѣчку нельзя вычеркнуть изъ географической карты полуострова. Не много уцѣлѣло и отъ острова Фазановъ; съ каждымъ годомъ весенній разливъ воды уноситъ часть его, и новымъ уполномоченнымъ двухъ сосѣднихъ государствъ было бы трудно поставить на немъ свои палатки.

За Бидассао начинается Испанія или собственно provincias vascongadas, гдѣ съ удивительною стойкостью сохранилось племя Басковъ, съ своимъ особымъ языкомъ, нравами и даже политическимъ устройствомъ. Нельзя не замѣтить при этомъ страннаго явленія: южная Франція находится въ состояніи какого-то нравственнаго застоя, «святая и ученая» Тулуза видимо упадаетъ и живетъ только своимъ прошедшимъ; но едва вы

переступаете границу, какъ передъ вами свѣжее племя, устоявшее противъ желѣзной централизаціи Мадрида и развивающееся самостоятельно. Съ одинаковою энергіею Баски встрѣчали нападенія Римлянъ, Готовъ, Мавровъ и мадритскаго правительства; принципъ самоуправленія такъ глубоко вкоренился въ трехъ провинціяхъ Гипу́скоа, Алава и Бискайи, что на него не рѣшились посягнуть даже въ послѣднее время. А случай представлялся къ тому удобный: Гипу́скоа была послѣднимъ центромъ карлистскаго движенія, войска христиносовъ вошли въ нее при кликахъ побѣды, а между тѣмъ васконгадская область не сломилась окончательно, и отстояла свои старыя учрежденія. Здѣсь нѣтъ правительственныхъ альхальдовъ, рекрутской повинности, табачной регаліи и проч.; хунта, избираемая народомъ, управляетъ провинціями, особый судъ разбираетъ ихъ тяжбы.

На всей остальной Испаніи оставилъ глубокіе слѣды габсбургскій періодъ ея исторіи. Карлъ V, вслѣдствіе возмущенія нѣкоторыхъ коммунеро, сталъ преслѣдовать неутомимо все, въ чемъ выражалось самоуправленіе областей, истреблялъ всѣ признаки общественной самостоятельности, смѣшивая ее съ политическою независимостью. Это продолжалось нѣсколько вѣковъ и, конечно должно было отучить народъ отъ заботы о своихъ нуждахъ. И между тѣмъ едва только, послѣ войны за независимость, Испанія обратилась къ болѣе здравымъ началамъ администраціи, оказалось, что ея муниципальное устройство способно было начать новую жизнь послѣ вѣковаго гнета. Но, къ сожалѣнію, каждая новая конституція наносила ему новый ударъ; правительство старается обезопасить себя, подавляя всякую жизнь въ областяхъ,—въ 1845 году оно назначаетъ даже альхальдовъ въ городахъ, — и эти систематическія мѣры были причиною частыхъ народныхъ возстаній, которыя до послѣдняго времени сохранили характеръ провинціяльный. Это вѣрный признакъ, что государство сохранило еще свои живые члены, и что въ немъ возможна еще общественная жизнь; мы увидимъ, что нѣкоторыя политическія партіи поставили ея развитіе своимъ девизомъ. Какъ бы то ни было, провинціи васконгадскія, благодаря предоставленному имъ праву, занимаютъ передовое мѣсто въ Испаніи: повсюду видно довольство, эпидемія нищеты здѣсь почти не замѣтна, провинціи доставляютъ лучшихъ работниковъ не только на бискайскія фабрики, но и вообще для всего полуострова; европейскій слой цивилизаціи ложится здѣсь прочно. Природа

здѣсь не представляетъ особенныхъ богатствъ и мало отличается отъ обще-европейской; въ доказательство ссылаюсь на ботаника Вилькомма и зоолога Брема, по мнѣнію которыхъ только за Сіерра-Мореной и въ Валенсіи растенія и животныя получаютъ африканскій типъ (1).

Первый пограничный городъ, Ирунъ, находится тотчасъ послѣ переѣзда черезъ Бидассао. Здѣсь полиція спрашиваетъ вашъ паспортъ, но это въ первый и послѣдній разъ; внутри Испаніи нигдѣ не требуется письменнаго вида; переѣзды совершенно свободны для иностранцевъ. Туземцы обязаны имѣть особый билетъ отъ своего городскаго начальства — cédula de vecindad, но это почти никогда не соблюдается; вообще въ нравахъ испанскихъ гораздо болѣе свободы, чѣмъ въ законодательствѣ. Этимъ объясняется отчасти то неуваженіе къ закону, которое поражаетъ васъ въ Испаніи на каждомъ шагу.

Я имѣлъ случай убѣдиться въ этомъ на ирунской таможнѣ. Едва только покинули мы городъ, къ намъ въ дилижансъ вошелъ какой-то Баскъ и сталъ вынимать изъ-подъ куртки цѣлыя пачки чулокъ, галстуховъ съ ерлыками «Fenix» и другихъ французскихъ товаровъ. Кондукторъ, какъ видно, ждалъ его и привыкъ къ такого рода продѣлкамъ: онъ уложилъ вещи въ особо-приготовленный ящикъ, вынулъ изъ кармана пломбу съ штемпелемъ Ируна и очень ловко прикрѣпилъ ее, для огражденія себя отъ таможни кастильской. Мои сосѣди Испанцы съ любопытствомъ смотрѣли на эту операцію и даже выразили одобреніе ловкости и искусству контрабандиста. Впрочемъ особой ловкости при этомъ не требовалось: тайный провозъ товаровъ составляетъ въ Испаніи почти общее правило и совершается съ вѣдома таможенныхъ чиновниковъ. Послѣдніе спѣшатъ обыкновенно воспользоваться какъ можно скорѣе «выгодами» своего мѣста, которое имъ не гарантировано ничѣмъ. Съ перемѣною министерства перемѣняются всѣ чиновники въ Испаніи, — и это не представляетъ никакой трудности, при отсутствіи служебныхъ экзаменовъ или другихъ условій; навѣрное можно сказать, что въ данное время всѣ empleados — или племянники министровъ, или племянники этихъ племянниковъ, ихъ пріятели, кредиторы и т. д. Всѣ они открываютъ немедленно походъ на казну и на кошельки частныхъ лицъ, не теряя драгоцѣнныхъ минутъ, потому что завтра

---

(1) *Zeitschrift für die Erdkunde*, августъ 1858.

же можетъ придти извѣстіе о новомъ министрѣ, и нужно будетъ проститься съ должностью. Испанцы придумали для этого специяльное слово «поглощеніе бюджета» и смотрятъ на него, какъ на неизбѣжное зло. Только судебныя должности составляютъ исключеніе, которое объясняется двумя обстоятельствами: публичностью судопроизводства и тѣмъ, что должность судьи и адвоката можно занять не иначе, какъ имѣя степень доктора правъ; министерскій произволъ разбивается объ университетскій экзаменъ, и судьи на фактѣ пользуются правомъ несмѣняемости. Въ послѣднее время многаго ожидаютъ отъ учрежденія въ университетахъ особыхъ отдѣленій политическихъ наукъ; надѣются, что, съ образованіемъ достаточнаго числа администраторовъ, отъ нихъ будутъ требоваться служебные экзамены и съ этимъ вмѣстѣ прекратится безсудная смѣна должностныхъ лицъ. Можетъ-быть, прекратится и emplomania, всеобщее стремленіе къ занятію административныхъ мѣстъ, которое теперь поддерживается легкостью получить эти мѣста; отставленные отъ службы не вдругъ переходятъ къ новымъ занятіямъ и образуютъ классъ пролетаріевъ, всегда готовыхъ къ насильственному перевороту и къ низверженію существующаго правительства; съ перемѣною министерства они имѣютъ въ виду выигрышъ, надѣются на выгоды, а потому всегда готовы стать въ ряды оппозиціи. Тамъ, гдѣ нѣтъ другой гарантіи, кромѣ личнаго расположенія министра, и не можетъ быть иначе.

Каковы блюстители законовъ, таковы и ихъ исполнители. При необъятной массѣ безпрерывно измѣняющихся правительственныхъ распоряженій, Испанцы признали за лучшее не обращать на нихъ вниманія. Нѣкоторые изъ нихъ получаютъ официльную *Gaceta de Madrid* и читаютъ иногда новый законъ; при встрѣчѣ съ пріятелемъ даже заходитъ рѣчь о немъ: «А что̀, донъ-Хосе́, читали вы новый уставъ, кажется, онъ относится къ намъ?» — Правда, донъ-Антоніо, но вѣдь въ случаѣ нужды намъ поможетъ знакомый чиновникъ, и мы попадемъ подъ исключеніе! И сеньйоры успокоиваются, разрѣшивши такимъ образомъ трудную задачу исполненія закона. Когда вы спросите у Испанца о какомъ-либо постановленіи, онъ затруднится въ отвѣтѣ; надобно спеціяльно слѣдить за этимъ законодательнымъ ливнемъ, который усиливается съ каждымъ новымъ министерствомъ; университетскій уставъ 1857-го года почти во всѣхъ частяхъ измѣненъ въ 1858 году, новые законы о выборахъ являются безпрерывно, одна конституція смѣняетъ другую.

Этому горю письменной плодовитости можно бы еще помочь, еслибы въ самомъ обществѣ чувствовался интересъ къ исполненію законовъ. Журналы могли бы выставлять наружу всѣ злоупотребленія и обращаться къ контролю частныхъ лицъ. Но въ странѣ, гдѣ никто не считаетъ себя участникомъ въ общихъ дѣлахъ, подобныя обличенія возбудили бы мало сочувствія. «Что мнѣ за дѣло, говорятъ Испанцы, до того, что интересы общества страдаютъ, что вчера въ судѣ несправедливо рѣшилось дѣло, что сегодня прохожій сломалъ ногу на дурномъ тротуарѣ, — вѣдь я не могу здѣсь ничѣмъ пособить; на то есть правительство, чтобы заботиться обо всемъ.» Успокоившись на этомъ, донъ-Хосе́ требуетъ отъ журнала разказа о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе, о боѣ быковъ, объ оперѣ, какъ будто мало интереснаго въ извѣстіяхъ о злоупотребленіяхъ власти, о невѣжествѣ народа, объ отсутствіи гарантій и проч. Только въ высоко-развитомъ обществѣ нарушеніе правъ ближняго принимается каждымъ за личное дѣло, только тогда частный человѣкъ считаетъ себя виновнымъ, если не обратилъ вниманія на неисполненный законъ и не противодѣйствовалъ этому по мѣрѣ силъ своихъ.

Но возвращаюсь въ васконгадскія провинціи и къ ихъ главному городу Санъ-Себастіану.

Во время мира это очень удобный портъ, на случай войны здѣсь соединяются всѣ выгоды морской и сухопутной крѣпости; со стороны моря городъ защищенъ высокою горою, со стороны суши морскимъ заливомъ и болотами. За то во всѣхъ большихъ войнахъ Испаніи Санъ-Себастіану приходилось выдерживать долгія и упорныя осады; послѣдняя относится къ 1813 году, когда Англичанамъ и Испанцамъ предстояло выгнать изъ крѣпости Французовъ, и несмотря на то, что союзники располагали морскими и сухопутными силами, успѣхъ стоилъ имъ очень дорого. Испанцы называютъ Санъ-Себастіанъ вторымъ Гибральтаромъ и видятъ въ немъ оплотъ противъ Франціи. Это служитъ имъ утѣшеніемъ въ потерѣ Гибральтара англійскаго, къ которой они не могутъ привыкнуть въ теченіи 150 лѣтъ; еще на дняхъ толко́вали о томъ, что слѣдуетъ предложить Англіи промѣнъ и отдать ей Сеутъ. Но врядъ ли такое предложеніе будетъ имѣть успѣхъ, и, кажется, гораздо практичнѣе тѣ Испанцы, которые хотятъ воспользоваться сосѣдствомъ Англіи, чтобъ имѣть въ ней опору противъ другаго воинственнаго сосѣда.

Въ Санъ-Себастіанѣ въ нашъ дилижансъ запрягли или, правиль-

нѣе сказать, нацѣпляли попарно четырнадцать муловъ, которые съ трудомъ тащили тяжелый рыдванъ. Было что-то оригинальное и дикое въ этомъ поѣздѣ. Три человѣка спеціяльно заняты хлестаніемъ несчастныхъ животныхъ: одинъ изъ нихъ на козлахъ, другой верхомъ, третій бѣжитъ около муловъ. Крики не умолкаютъ ни на минуту, безпрерывно слышатся возгласы апда, апда! съ прибавленіемъ именъ, которыми испанскіе Селифаны называютъ своихъ муловъ — noble, beata, coronela, manchega и проч. Едва дилижансъ въѣзжаетъ въ деревню, мальчишки преслѣдуютъ бѣдныхъ муловъ прутьями, каждый встрѣчающійся по дорогѣ прохожій считаетъ своею обязанностью бросить въ нихъ нѣсколько камней, — однимъ словомъ, вамъ кажется, что вы присутствуете при охотѣ на дикихъ звѣрей; злобное нетерпѣніе Испанца доходитъ иногда до того, что онъ вынимаетъ свой ножъ (navaja) и начинаетъ имъ вымещать свой тупой гнѣвъ надъ бѣднымъ муломъ. Не вся ли Испанія въ этомъ поѣздѣ? Неуклюжій рыдванъ, движется только силою бича; измѣняются кучера, перепрягаются мулы, а дорога все та же, и все также съ одного колеса не снимается тормазъ... въ дополненіе сходства, перемѣняются не всѣ правители: форрейторъ одинъ и тотъ же отъ Байоны до Мадрида или отъ Мадрида до Севильи. Ему приходится такимъ образомъ просидѣть въ сѣдлѣ сряду 80 часовъ, и Испанцы непремѣнно укажутъ вамъ на это, чтобы вы подивились ихъ физической силѣ. Они уважаютъ ее всюду: въ лицѣ торреровъ, ловкихъ бойцовъ, въ навахадѣ и въ лицѣ этого всадника, способнаго сидѣть такъ долго.

На разсвѣтѣ втораго дня по выѣздѣ изъ Байоны мы вступили въ старую Кастилію. Она сказалась тотчасъ развалинами своихъ за̀мковъ (castillos), нищенствомъ и множествомъ благородныхъ хидальго. Здѣсь уже другая цивилизація — готская или готическая, высшимъ выраженіемъ которой въ искусствѣ служитъ соборъ въ Бу̀ргосѣ.

Старая Кастилія вполнѣ оправдываетъ свое названіе; въ ней все старо — за̀мки и люди, система хлѣбопашества и общественная жизнь. Страна словно замерла въ средневѣковой чешуѣ своей, словно живетъ только воинственными преданіями рыцарства. Эти хидальго, всегда вооруженные, не имѣютъ роли въ современномъ обществѣ: личныя права защищаются не мечомъ, женщину уважаютъ ради ея самой, общество требуетъ гражданскихъ доблестей и даже находитъ, что гораздо удобнѣе просвѣщать невѣрныхъ чѣмъ стирать ихъ съ лица земли. Хидальго

не приготовлены къ этой дѣятельности, они умѣютъ только владѣть оружіемъ и пѣть romanceros; какъ привидѣнія бродятъ они среди новаго міра, не понимая языка его: уваженіе къ труду и знанію, юридическое равенство всѣхъ, звучатъ для нихъ странно. Возлѣ живетъ бѣдный народъ, неразвитый, довольствующійся немногимъ, но за то и не имѣющій ничего сверхъ своихъ насущныхъ потребностей; терпѣливо идетъ онъ за своею сохой, передъ которой наша русская — чудо механики; запрягаетъ воловъ въ свою оригинальную телѣгу о двухъ колесахъ, безъ спицъ и съ вертяшеюся осью. Одно поколѣніе проходитъ за другимъ однообразно и холодно, не откликаясь ни на одинъ общественный вопросъ. На звучномъ кастильянскомъ языкѣ не печатается ничего въ старой Кастиліи; нѣтъ даже газеты, которая разказывала бы о тучѣ, показавшейся надъ городомъ и измѣнявшей свои оттѣнки ко всеобщему удовольствію зрителей.

А между тѣмъ этотъ народъ способенъ къ развитію, Испанія можетъ идти впередъ, лишь бы двинулись всѣ колеса общественой машины. До сихъ поръ народъ пробуждался только въ критическія минуты своей исторіи: нужно было взятіе Мадрида, осада Сарагосы, чтобы все встрепенулось и ожило. Къ спокойному, мирному труду страна не привыкла. Именно этой мѣры, какъ признака зрѣлости политической, вообще не достаетъ Испанцамъ: отъ ханжества они легко переходятъ къ безбожію, отъ крайняго абсолютизма къ крайней демократіи, отъ лихорадочной суетливости къ апатіи, отъ самохвальства къ унынію. Всюду открывается бездна, пустота, которой не допускаетъ физическая природа, но которая къ сожалѣнію можетъ существовать довольно долго въ политической сферѣ. Надъ Испаніею не тяготѣетъ всею своею силою ни папское вліяніе, ни *штандесгерры*, ни крѣпостное состояніе — однимъ словомъ у нея нѣтъ историческихъ путъ, мѣшающихъ движенію. Но за то нѣтъ и того элемента, который является вслѣдствіе долгаго общественнаго развитія у народовъ, перешедшихъ въ періодъ возмужалости: пустота между государственною властью и массой народа остается незамѣщенною; не достаетъ той живой среды, въ которой примирялись бы всѣ противоположныя стремленія, то-есть общества. Важно теперь уже сознаніе этого недостатка; передовые люди Испаніи обращаются къ Англіи, изучаютъ смыслъ ея политическихъ учрежденій и уясняютъ свои потребности; въ политической литературѣ, въ университетахъ, въ журналахъ, слышатся здравыя рѣчи, которыя не могутъ остаться безплодными. Пока еще элементы на-

ходятся въ броженіи, положительные результаты впереди; они будутъ достигнуты путемъ самовоспитанія, которое разбудитъ уснувшихъ хидальго и покажетъ имъ ихъ связь съ народомъ.

Гдѣ впервые найдутъ свое приложеніе новыя начала — трудно сказать, но во всякомъ случаѣ не въ Старой Кастиліи. Васъ поражаетъ отсутствіе всякой жизни въ Бу́ргосѣ и, еслибы не соборъ и живописныя окрестности, вамъ показались бы особенно длинными двадцать четыре часа въ столицѣ Кастиліи.

Соборъ бу́ргосскій начатъ въ первой половинѣ XIII вѣка Фердинандомъ Святымъ, покорителемъ Севильи, но въ настоящемъ своемъ видѣ существуетъ только съ половины XVI-го столѣтія. Конечно, отъ этихъ передѣлокъ и реставрацій зданіе не могло много выиграть. Во всѣхъ готическихъ соборахъ болѣе всего поражаетъ величавое сочетаніе колоннъ, которыя словно живыми руками сплетаются на высотѣ и указываютъ вамъ въ концѣ перспективы такъ называемый хоръ или алтарь, гдѣ сосредоточивается главная масса свѣта; куда вы ни обернетесь, вы чувствуете присутствіе этого хора, васъ не покидаетъ цѣлостное впечатлѣніе храма. Ничего подобнаго вы не испытываете въ испанскихъ соборахъ. Средній трансептъ отгороженъ густою рѣшеткою до самаго верху, такъ что единство храма исчезаетъ; вмѣсто нефовъ образуются корридоры, и вы остаетесь только подъ впечатлѣніемъ отдѣльныхъ частей зданія. Правда, почти каждая капелла бургосскаго собора замѣчательна, какъ произведеніе искусства, но по осмотрѣ ихъ невольно спрашиваешь: гдѣ же однако соборъ? Свѣта, простора жаждете вы, и повсюду васъ давитъ тяжелая рѣшетка Св. Игнатія и мрачный, суровый колоритъ Риберы. Кажется, будто въ эти церкви приходятъ люди не для наслажденія молитвы, а для бичеванія себя за грѣхи; эти рѣшетки какъ бы разграничиваютъ нѣсколько отдѣльныхъ католическихъ культовъ и не соотвѣтствуютъ вселенской христіанской идеѣ.

Передавая общее впечатлѣніе бу́ргосскаго собора, я не берусь описывать всѣ части зданія, — подобныя описанія, какъ бы многословны они ни были, не могутъ дать ясной идеи объ изяществѣ скульптурныхъ работъ и о достоинствѣ многихъ картинъ; но не могу не упомянуть о великолѣпномъ порталѣ изъ бѣлаго мрамора, съ двумя башнями по сторонамъ, поражающими своею легкостью и граціею. Ихъ сквозной узоръ, статуи и множество барельефовъ, все такъ изящно и граціозно, что невольно останавливаешься надолго передъ этою воплощенною мыслію ху-

дожника. Къ сожалѣнію можно любоваться наружнымъ видомъ собора только со стороны главныхъ вратъ; остальныя стѣны его застроены очень неизящными зданіями.

Въ Бу́ргосѣ сохранился еще дворецъ королей кастильскихъ и гробница Сида или Rodrigo Diaz de Vivar. Его имя — самое народное въ Кастиліи, какъ Хайме въ Каталуніи и Фердинанда Святаго въ Андалусіи; воспоминаніе о нихъ соединено съ религіознымъ уваженіемъ. Если Испанцы съ какою-то злобною ревностью истребляли всѣ памятники своего мавританскаго періода; за то они съ благоговѣніемъ сохраняютъ все, что̀ напоминаетъ имъ о Сидѣ. Его прахъ хранится въ Ратушѣ (ayuntamiento), его ящикъ въ капитулѣ собора, его домъ укажетъ вамъ всякій прохожій. Въ Бу́ргосѣ родился также Донъ Педро el Cruel, но о немъ напомнитъ намъ гораздо болѣе Севилья. На главной площади — de la Constitucion — красуется статуя короля Карла III, но напрасно станете вы искать собственно исторіи Бу́ргоса на его площадяхъ и улицахъ.

Нельзя не пожалѣть объ этомъ забвеніи «мѣстныхъ людей», и нельзя не порадоваться тому, что во Франціи въ послѣдніе годы замѣтно совершенно противное. Можетъ-быть, на первый разъ дѣло не обходится безъ увлеченій, безпрерывно воздвигаются памятники «маленькимъ великимъ людямъ», но это увлеченіе простительно. Перечитывая свою исторію, общество почерпаетъ въ ней новыя силы, растетъ и мужаетъ скорѣе, находитъ свое мѣсто въ государствѣ, спасаетъ свою личность; сказать самому себѣ: «я жилъ не даромъ» — великое право и великое утѣшеніе. Притомъ каждый памятникъ представляетъ собою судъ современниковъ надъ предками; воздвигая ихъ, народъ пишетъ свою исторію въ настоящемъ, высказываетъ свои убѣжденія и сочувствія; это — лѣтопись интересовъ, оживляющихъ общество. У каждой эпохи и у каждаго народа есть свои любимыя лица, и если среди всеобщаго безмыслія воздаются почести гражданскимъ доблестямъ, служителямъ мысли и правды, — это здоровый признакъ страны. Правда, городничій въ *Ревизорѣ* имѣетъ свой взглядъ на монументы, но испанскій муниципалитетъ могъ бы не обращать на то вниманія.

Габсбургскіе короли-императоры, конечно, не имѣли слабости къ областной жизни и къ областнымъ преданіямъ. Имъ нужна была пустыня, гдѣ ничто не тревожило бы ихъ плановъ общественной нивеллировки, имъ была по душѣ Новая Кастилія, унылая, безводная. Я увидѣлъ ее, эту обѣтованную страну, съ вер-

шины Сомосіерры, которая дѣлитъ двѣ Кастиліи и бассейны Дуэро и Эбро. Передъ вами открывается безконечный рядъ холмовъ, кое-гдѣ воздѣланныхъ, но большею частію безплодныхъ; изрѣдка попадется стадо мериносовъ или бѣдный землепашецъ съ своею первобытною сохою. При этой обстановкѣ невольно начинаешь мечтать о патріархальныхъ нравахъ, о пастушеской жизни... и вдругъ среди этихъ холмовъ, словно призракъ, выступаетъ изъ-подъ земли группа бѣлыхъ домовъ, рѣзко очерченныхъ окружающею пустыней. Вы подъѣзжаете къ Мадриду.

М. Капустинъ.

Мадридъ.
Октябрь 1858.

ОБЪ АДВОКАТАХЪ И ХОДАТАЯХЪ

ПО ГРАЖДАНСКИМЪ ДѢЛАМЪ

ВО ФРАНЦІИ

I.

«Орденъ адвокатовъ не уступаетъ въ древности магистратурѣ; онъ требуетъ отъ своихъ членовъ возвышенной добродѣтели; онъ также необходимъ какъ правосудіе». Этими словами знаменитый канцлеръ Дагессо (D'Aguesseau) начиналъ въ 1698 году, при открытіи парламента, торжественную рѣчь, въ которой, обращаясь къ адвокатамъ, онъ продолжалъ: «Вы имѣете счастіе принадлежать къ сословію, гдѣ исполненіе обязанностей всегда получаетъ заслуженную награду; гдѣ достоинства сердца и ума ведутъ къ извѣстности и славѣ; гдѣ человѣкъ, возвышаясь собственными своими силами, господствуетъ надъ прочими людьми нравственнымъ вліяніемъ своихъ способностей и познаній и пользуется уваженіемъ по мѣрѣ своихъ дарованій и трудовъ. Всѣ прочія преимущества, ласкающія тщеславіе людей обыкновенныхъ, не могутъ служить пособіемъ на поприщѣ, доставляющемъ отличіе не за подвиги предковъ, а за твердое и безкорыстное служеніе правдѣ. При вступленіи въ адвокатуру, ваше положеніе перестаетъ зависѣть отъ знатности рода, отъ богатства; оно

установляется разумомъ на той степени, которую указываетъ истина.»

Высокое мнѣніе, выраженное въ XVII-мъ вѣкѣ канцлеромъ Дагессо объ адвокатахъ, подтверждается историческими данными о тѣсной связи, всегда существовавшей во Франціи между магистратурою и адвокатурою. Письменныя свидѣтельства о парламентахъ съ XIII вѣка упоминаютъ о званіи адвокатовъ. Въ 1274 году, Филиппъ III издалъ повелѣніе о присягѣ, которою адвокаты обязывались защищать только дѣла справедливыя и отказываться отъ дѣлъ неправыхъ; вознагражденіе за ходатайство не могло превышать 30 лиръ; излишнее требованіе подвергало адвокатовъ лишенію ихъ званія.

Уже въ то время, повидимому, весьма сильно было развито въ адвокатахъ сознаніе чести и достоинства ихъ сословія: канцлеръ Пойе (Poyet), уволенный отъ должности за разныя злоупотребленія, былъ изгнанъ изъ судилища прочими адвокатами, когда онъ явился для продолженія прежнихъ своихъ адвокатскихъ занятій; когда Жанъ Монье (Jean Mosnier), подвергшись взысканію за дѣйствія свои по должности градскаго судьи Парижа, прибылъ на совѣщаніе адвокатовъ, старшій адвокатъ Жакобъ Манго (Mangot) гласно объявилъ, что не можетъ засѣдать съ человѣкомъ безчестнымъ.

Первое подробное узаконеніе объ адвокатахъ содержится въ постановленіи парламента 11 марта 1344 года: адвокаты раздѣлены на три разряда: 1) адвокаты-совѣтники (consiliarii), которые назначались особымъ опредѣленіемъ и были призываемы въ судъ для совѣщаній; 2) адвокаты-защитники (proponentes), которые предлагали суду вопросы и обстоятельства, подлежавшіе сужденію; и 3) адвокаты-слушатели (audientes) или молодые адвокаты, которые приготовлялись къ юридическимъ занятіямъ, присутствуя при судебныхъ засѣданіяхъ и выслушивая объясненія старшихъ (les anciens). Имена адвокатовъ вносились въ особый списокъ (in rotulo, le rôle); этотъ списокъ разсматривался и повѣрялся въ судѣ.

Правила, начертанныя для адвокатовъ, состояли въ томъ, что они были обязаны исполнять свой долгъ прилежно и честно; имъ строго запрещалось ходатайство по дѣламъ, явно неправымъ; убѣдившись въ неправотѣ дѣла, они должны были немедленно отъ него отказаться; по объясненіи дѣла, если событія, изложенныя въ защитѣ, были противною стороною отвергнуты, адвокатъ обязанъ былъ въ три дня представить подтвердительныя доказатель-

ства суду, отъ котораго впрочемъ зависѣло дать отсрочку; запрещалось адвокату выводить обстоятельства неосновательныя и ссылаться на обычаи (coutumes) несуществующіе; онъ подвергался отвѣтственности за умышленную проволочку и запутанность производства; принятіе вознагражденія, превышавшаго тридцать лиръ, считалось лихоимствомъ; но за дѣла маловажныя, и въ особенности отъ лицъ недостаточнаго состоянія, адвокатъ долженъ былъ довольствоваться самою ограниченною платою; сдѣлка, по коей адвокатъ предоставлялъ себѣ какія-либо выгоды отъ процесса, признавалась недѣйствительною и преступною.

Адвокаты-консультанты сверхъ того были обязаны рано являться въ судъ вмѣстѣ съ тяжущимися; не прерывать объясненій адвокатовъ, выслушиваемыхъ судомъ; не обременять судей безполезными рѣчами и не оставлять засѣданія прежде выхода судей изъ присутствія.

По эдикту Карла VIII, отъ 8 декабря 1490 года, въ списокъ адвокатовъ слѣдовало вносить только тѣхъ, которые въ теченіе пяти лѣтъ учились въ какомъ-либо университетѣ. Францискъ I въ 1519 году предписалъ, чтобъ адвокаты, до вступленія въ это званіе, получали ученую степень въ каноническомъ правѣ. Въ 1679 году, парламентъ призналъ нужнымъ подвергать адвокатовъ испытанію и въ гражданскомъ правѣ.

Принятіе новаго адвоката въ орденъ совершалось по предложенію одного изъ старшихъ въ торжественномъ засѣданіи суда (audience solennelle); президентъ приводилъ предлагаемаго въ адвокаты къ присягѣ; имя его записывалось въ списокъ, хранившійся въ парламентѣ, и актъ о принятіи, называемый матрикуломъ, выдавался удостоенному адвокатскаго званія.

Независимо отъ парламентскаго списка, особый списокъ адвокатовъ былъ составляемъ сначала старшимъ изъ нихъ по лѣтамъ. Въ послѣдствіи, а именно въ 1602 году, этого старшину стали называть тростеносцемъ (bâtonnier), потому что онъ считался начальникомъ ордена Св. Николая и носилъ трость въ знакъ своего первенства. Старшина избирался ежегодно 9 мая въ день Св. Николая, въ собраніи бывшихъ старшинъ и другихъ старшихъ адвокатовъ. Каждый годъ старшина и назначенные отъ ордена депутаты вносили въ списокъ не всѣхъ адвокатовъ, записанныхъ по парламенту, но тѣхъ изъ нихъ, которые, по свидѣтельству шести извѣстныхъ адвокатовъ, въ теченіи четырехъ лѣтъ постоянно посѣщали судебныя засѣданія, вели себя неукоризненно, и не занимались какимъ-либо ремесломъ, несовмѣ-

стнымъ съ достоинствомъ ордена. Если поступки внесеннаго въ списокъ оказывались противными не только нравственности, но самому строгому и щекотливому приличію, то, по рѣшенію присяжныхъ изъ членовъ ордена, имя виновнаго исключалось изъ списка, и изгнанный адвокатъ лишался всѣхъ премуществъ своего званія.

По старинному обычаю, подтвержденному постановленіями парламента и нынѣ строго соблюдаемому, адвокатъ не долженъ получать никакихъ расписокъ или письменныхъ актовъ въ слѣдующемъ ему вознагражденіи; еслибъ онъ даже не получилъ платежа отъ тяжущагося, онъ не можетъ начать по этому предмету иска; онъ равнымъ образомъ не въ правѣ удерживать у себя въ обезпеченіе никакихъ документовъ процесса.

Еще въ 1364 году, Карлъ V предписалъ, чтобъ адвокаты безвозмездно сочиняли прошенія (requêtes) для неимущихъ. Генрихъ IV намѣревался назначить особыхъ адвокатовъ для бѣдныхъ земледѣльцевъ, вдовъ и сиротъ; но это предположеніе не состоялось. Однако адвокаты, по собственному ихъ влеченію, въ началѣ XVIII столѣтія, стали посвящать особый день въ недѣлю безвозмездному совѣщанію съ бѣдными тяжущимися. Каждый разъ шесть адвокатовъ собирались въ библіотекѣ ордена, разсматривали акты и требованія просителей и поручали подъ своимъ наблюденіемъ молодымъ адвокатамъ изложеніе нужныхъ бумагъ и наставленій.

Другой обычай, который, по словамъ адвоката Камюса (Camus), служитъ великолѣпнымъ свидѣтельствомъ неподкупной честности, сохранился со временъ парламента: адвокаты истца и отвѣтчика постоянно сообщаютъ другъ другу всѣ документы безъ расписки. По увѣренію г. Буше Даржи (Boucher d'Argis), сочинителя исторіи адвокатскаго ордена, не было примѣра, чтобъ этотъ обычай далъ поводъ къ какому-либо злоупотребленію.

Адвокатъ Рипарфонъ (Riparfonds), въ 1708 году, завѣщалъ въ пользу ордена значительную сумму на библіотеку, въ которой, по желанію завѣщателя, каждую субботу сходились молодые адвокаты, для разсужденій подъ руководствомъ старшинъ о юридическихъ вопросахъ. Эти конференціи принесли значительную пользу не только юристамъ, но и наукѣ. Узы товарищества соединяли знаменитыхъ старцевъ съ даровитыми юношами, которымъ передавались живыя преданія главныхъ началъ ученія. Сколько ученыхъ и краснорѣчивыхъ юристовъ образовалось въ этомъ общеніи стараго съ молодымъ поколѣніемъ! Похвальное слово Дюмуленю (Dumoulin), образцовое произведеніе Генріона

де-Пансе (Henrion de Pansey), было произнесено въ первый разъ на одной изъ конференцій, въ 1772 году.

Съ упадкомъ парламента, съ уничтоженіемъ аппелляціоныхъ судовъ и съ сохраненіемъ однихъ судовъ первой степени, адвокатура также была унесена революціоннымъ вихремъ. Декретомъ 2 сентября 1790 года, орденъ и самое наименованіе адвокатовъ были упразднены; дозволено было всѣмъ *патріотамъ* защищать своихъ кліентовъ, въ качествѣ частныхъ повѣренныхъ (défenseurs officieux).

Весьма замѣчательно, что сами члены прежняго адвокатскаго, ордена требовали уничтоженія своего сословія, Предвидя, что низшіе суды, замѣнившіе парламентъ, станутъ назначать адвокатовъ безъ разбора, и что эти новые адвокаты могутъ уронить славу ордена, старшіе адвокаты предпочли совершенное разрушеніе корпораціи ея униженію; это мнѣніе, высказанное депутаціею отъ адвокатовъ, было принято единогласно въ комитетѣ о судебномъ устройствѣ.

Въ самыя ужасныя времена терроризма, старинные адвокаты въ образѣ жизни, въ привычкахъ, въ занятіяхъ, слѣдовали строго преданіямъ своего ордена. Хотя законъ провозглашалъ, что заговорщики (les conspirateurs) не достойны никакой судебной защиты; но мужественные юристы не отказывали въ своемъ содѣйствіи ни одной жертвѣ народнаго преслѣдованія. Когда всѣ покинули Лудовика XVI, при немъ остались одни его защитники.

Первый консулъ въ 1798 году возстановилъ высшіе или аппелляціонные суды, ограничивъ этою мѣрою самовластіе судовъ первой степени. Наполенъ I не любилъ адвокатовъ, но свѣтлый умъ его былъ пораженъ неудобствами судебнаго ходатайства, ввѣреннаго людямъ, не представлявшимъ никакого ручательства въ знаніи и добросовѣстности, а потому закономъ 12 октября 1798 года были возстановлены наименованіе и списки адвокатовъ. Правила, служащія и нынѣ, съ нѣкоторыми измѣненіями, основаніемъ адвокатуры, развиты въ императорскомъ декретѣ 14 декабря 1810 года. Мы считаемъ неизлишнимъ выписать существенныя статьи этого декрета:

«Списки адвокатовъ составляются при каждомъ судѣ первой и второй степени президентами судовъ, генералъ-прокурорами, прокурорами, при содѣйствіи шести или трехъ старшихъ адвокатовъ.

«Каждый адвокатъ долженъ присягнуть, что онъ останется вѣрнымъ императору и имперіи, что онъ не будетъ говорить, писать

и печатать ничего противнаго законамъ, общимъ правительственнымъ распоряженіямъ, нравственности, общественной безопасности и порядку, что онъ не дозволитъ себѣ нарушать должнаго уваженія къ властямъ судебнымъ и правительственнымъ, и что онъ не приметъ на себя защиты по дѣлу, которое будетъ противно его совѣсти и убѣжденію.

«Лица, получившія ученую степень въ законовѣдѣніи (licenciés en droit), должны, для поступленія въ списокъ адвокатовъ, предварительно посѣщать въ теченіе трехъ лѣтъ судебныя засѣданія (stage).

«Адвокаты, внесенные въ списокъ при судѣ второй степени (Cour Impériale), имѣютъ право защищать тяжущихся во всѣхъ судахъ первой и второй степени своего округа.

«Адвокаты, записанные при судѣ первой степени, могутъ защищать обвиняемыхъ въ уголовномъ судѣ и защищать тяжущихся во всѣхъ судахъ первой степени той провинціи или департамента.

«Внѣ округа или департамента, въ коихъ адвокаты записаны, они могутъ исполнять свои обязанности съ разрѣшенія министра юстиціи.

«Званіе адвоката не совмѣстно: 1) съ судебными должностями, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда адвокаты приглашаются замѣнить временно судей первой степени или коммиссаровъ отъ короны; 2) съ должностями префекта и подъ-префекта; 3) съ обязанностями протоколиста (greffier), нотаріуса и ходатая (avoué), на котораго возлагается письменное производство (инструкція) процесса; 4) съ занятіями казначеевъ и прочими занятіями, за которыя положено жалованье; 5) съ производствомъ торговли и другихъ промысловъ; и 6) съ ремесломъ агентовъ по частнымъ порученіямъ (agens d'affaires).

«Орденъ адвокатовъ въ полномъ собраніи избираетъ ежегодно по большинству голосовъ изъ среды себя двойное число кандидатовъ на мѣста членовъ совѣта управленія (conseil de discipline).

«Генералъ-прокуроръ изъ списка кандидатовъ утверждаетъ членовъ совѣта въ числѣ отъ пяти до пятнадцати, смотря по количеству адвокатовъ, состоящихъ при судахъ; онъ же назначаетъ одного изъ членовъ старшиною ордена (bâtonnier).

«Совѣтъ управленія учреждается съ цѣлію сохранить правила чести и безкорыстія въ членахъ ордена; для сего совѣтъ долженъ обращать блительное вниманіе на образъ жизни и на поведеніе молодыхъ адвокатовъ, посѣщающихъ судебныя засѣданія.

«Для пособія неимущимъ тяжущимся учреждается при совѣтѣ управленія особая контора безвозмездной консультаціи (bureau de consultation gratuite); эта контора должна быть открыта разъ въ недѣлю для разсмотрѣнія предлагаемыхъ ей дѣлъ; каждое дѣло, найденное конторою справедливымъ, передается въ совѣтъ, который поручаетъ его адвокатамъ по очереди.

«Совѣтъ управленія имѣетъ право подвергать адвокатовъ слѣдующимъ взысканіямъ: предостереженію, замѣчанію, выговору, временному лишенію преимуществъ званія и исключенію изъ списка.

«На рѣшеніе совѣта обвиненный адвокатъ можетъ жаловаться суду второй степени.

«Каждый адвокатъ, который подвергнется въ третій разъ временному лишенію преимуществъ, исключается изъ списка.

«Еслибы нѣсколько адвокатовъ сговорились, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, не выполнять своихъ обязанностей, то они исключаются изъ списка.

«Запрещается адвокатамъ подписывать относящіяся до ихъ обязанностей записки и бумаги, которыя ими не составлены или не обсужены, заключать письменныя сдѣлки съ тяжущимися о вознаграждении или требовать вознагражденія прежде выполненія своихъ обязанностей.

«Въ случаѣ отступленія со стороны адвоката отъ установленныхъ правилъ во время судебнаго засѣданія, судъ, по предложенію прокурора, можетъ немедленно подвергнуть виновнаго взысканію.

«Министръ юстиціи имѣетъ право собственною властію налагать взысканія на адвокатовъ.

«Судъ назначаетъ отъ себя адвоката такому тяжущемуся или обвиняемому, который не нашелъ бы защитника.

»Предоставляется добросовѣстности самого адвоката опредѣлять мѣру слѣдующаго ему отъ частныхъ лицъ вознагражденія; неумѣренныя требованія должны быть уменьшаемы совѣтомъ управленія; при этомъ, виновный адвокатъ подлежитъ строгому взысканію.»

При самомъ изданіи декрета 1810 года, адвокаты нашли нѣкоторыя изъ его правилъ стѣснительными; вмѣшательство генералъ-прокуроровъ въ избраніе членовъ совѣта управленія, власть министра юстиціи налагать по своему праизволу взысканія показались нововведеніями, не соотвѣтствующими вѣковымъ преданіямъ о независимости института адвокатовъ при суще-

ствованіи парламента. По возвращеніи Лудовика XVIII во Францію, адвокаты ходатайствовали о возстановленіи прежнихъ привилегій ихъ сословія. Вслѣдствіе доклада министра юстиціи Пейроне (de Peyronnet), состоялось королевское повелѣніе 20 ноября 1822 года объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей декрета 1810 года.

До 1790 года, списокъ адвокатовъ былъ раздѣленъ по числу скамей, на которыхъ сидѣли адвокаты, и отъ каждой скамьи отряжались два депутата для совѣщаній съ старшиною по дѣламъ ордена. Постановленіе 1822 г. признало полезнымъ раздѣлить списокъ адвокатовъ на нѣсколько столбцовъ (colonnes), или отдѣловъ, и образовать совѣтъ управленія изъ двухъ старшихъ адвокатовъ по каждому отдѣлу, изъ прежнихъ старшинъ ордена и новаго старшины, избираемаго ежегодно въ совѣтѣ по большинству голосовъ. Генералъ-прокурору дано право протестовать передъ судомъ противъ рѣшенія совѣта; но право министра юстиціи налагать взысканія отмѣнено.

Наконецъ, послѣ іюльской революціи обнародовано королевское повелѣніе 27 августа 1830 года, коимъ избраніе старшинъ и членовъ совѣта управленія предоставлено полному собранію ордена адвокатовъ, и каждому адвокату, внесенному въ списокъ, разрѣшено выполнять свои обязанности во всѣхъ судахъ королевства безъ ограниченія.

Въ послѣднее время, похвальныя и совокупныя усилія правительства и адвокатовъ много способствовали къ усовершенствованію того, что мы назовемъ судебною благотворительностію (assistance judiciaire). Мысль Генриха IV осуществилась: лучшіе адвокаты приняли на себя безкорыстную защиту неимущихъ. Незнаніе и бѣдность, которыя, при недостаткѣ средствъ къ выбору искусныхъ руководителей, бываютъ главными причинами продолжительныхъ и закутанныхъ процессовъ, ограждаются нынѣ отъ разоренія опытнымъ наставленіемъ и содѣйствіемъ знаменитѣйшихъ представителей адвокатскаго ордена. Неосновательныя тяжбы пресѣкаются въ самомъ ихъ зародышѣ; дѣла справедливыя ведутся правильно, и обиженная слабѣйшая сторона не страшится угнетенія.

Обстоятельства, измѣнившія внутреннее положеніе Франціи, не только не унизили, но еще возвысили значеніе адвокатуры. Политика, которая во время Лудовика-Филиппа поглощала столько дарованій и способностей, возвратила нынѣ адвокатурѣ краснорѣчивѣйшихъ и ученѣйшихъ юристовъ. Назовемъ бывшихъ ми-

нистровъ, Дюфора (Dufaure), Гебера (Hébert), бывшихъ депутатовъ, Мари (Marie), Кремье (Crémieux), не говоря о Беррье (Berrier), никогда не отвлекавшемся отъ адвокатскихъ своихъ обязанностей; эти учители науки и слова сосредоточили нынѣ всю силу своего разума и краснорѣчія въ благородномъ служеніи правосудію.

Многое было потрясено во Франціи: но ничто доселѣ не могло поколебать твердаго и независимаго характера въ двухъ лучшихъ остаткахъ древней французской жизни: въ сословіи судей и въ сословіи адвокатовъ.

II.

Отъ адвоката рѣзко отличается ходатай (avoué); на ходатая возлагается приведеніе дѣла въ такое положеніе, чтобъ оно могло быть предложено на разсмотрѣніе суда (mettre l'affaire en état); при судебномъ разсмотрѣніи дѣла, ходатай представляетъ лицо тяжущагося; по постановленіи рѣшенія, онъ содѣйствуетъ приведенію его въ исполненіе. Адвокатъ является въ судъ только для словесной защиты тяжущагося; всѣ документы, всѣ свѣдѣнія и данныя, на коихъ должна быть основана защита, собираются ходатаемъ и сообщаются имъ адвокату; за порядокъ и полноту этихъ данныхъ ходатай отвѣтствуетъ.

Въ XIII вѣкѣ ходатаи назывались прокурорами ad lites. Ученый Merlin утверждаетъ, что въ 1327 г. Филиппъ VI запретилъ соединять въ одномъ лицѣ обязанности прокурора и адвоката. При Карлѣ IV, въ 1571 г., званіе прокурора сдѣлалось оффиціяльною должностію при судахъ, и такъ какъ число прокуроровъ стало умножаться, то парламентъ былъ въ необходимости опредѣлить извѣстное количество прокуроровъ при каждомъ судѣ. Изъ актовъ парламента видно, что въ 1508 году, прокуроры составляли корпорацію, находившуюся подъ управленіемъ особаго совѣта изъ старшихъ членовъ ихъ сословія. Этотъ совѣтъ (chambre des avoués) сохранился до настоящаго времени, и подъ руководствомъ предсѣдателя, ежегодно избираемаго, разсматриваетъ преимущественно несогласія, возникающія между ходатаями при исправленіи ихъ обязанностей.

Во время первой республики, законъ третьяго брюмера II года уничтожилъ званіе ходатаевъ, предоставивъ частнымъ лицамъ

вести тяжбы черезъ частныхъ повѣренныхъ, не имѣвшихъ никакого права на вознагражденіе. Эта мѣра имѣла послѣдствіемъ такіе ощутительные безпорядки, что другимъ закономъ 27 вентоза VIII года, дѣйствующимъ и нынѣ, званіе ходатаевъ (avoués) было возстановлено. Для вступленія въ это сословіе требуются слѣдующія условія: a) свидѣтельство о способности отъ какого-либо юридическаго факультета; b) пятилѣтнее исправленіе должности помощника (clerc) въ конторѣ ходатая (étude d'avoué) и c) удостовѣреніе совѣта (chambre d'avoués) въ доброй нравственности кандидата и во взносѣ имъ денежнаго обезпеченія (cautionnement) въ казну.

Обязанности ходатаевъ такъ тѣсно связаны съ каждымъ моментомъ судопроизводства, что самое исчисленіе этихъ обязанностей представляетъ общій очеркъ установленныхъ во Франціи судебныхъ обрядовъ.

Искъ начинается черезъ объявленіе отвѣтчику посылаемаго ему отъ истца вызова къ суду. Въ вызовѣ должны быть между прочимъ означены: предметъ и главное основаніе иска и имя ходатая, которому ввѣряется хожденіе по дѣлу. Ходатай непремѣнно избирается изъ числа тѣхъ, которые записаны по суду; кассаціонный судъ, въ 1809 г., разъяснилъ, по одному процессу, что вызовъ считается ничтожнымъ, если въ немъ указанъ ходатай, записанный не по тому суду, по которому начато дѣло.

Отвѣтчикъ, по полученіи вызова, обязанъ въ установленный срокъ (для наличныхъ, восьмидневный, для отсутствующихъ, поверстный) избрать также ходатая, который объ этомъ увѣдомляетъ своего противника, то-есть ходатая истца. Когда дѣло принадлежитъ къ разряду скоротечныхъ (matières sommaires), а именно такихъ, которыя по цѣнности, по безспорности акта взысканія (titre non contesté), по испрошенію отъ суда однихъ временныхъ распоряженій (demandes provisoires), не требуютъ предварительнаго письменнаго производства (instruction par écrit), тогда это дѣло, немедленно послѣ назначенія обѣими сторонами ходатаевъ, предлагается на разсмотрѣніе суда адвокатами, и даже ходатаями, имѣющими право, по закону 27 февраля 1822 г., только въ дѣлахъ этого рода замѣнять адвокатовъ и словесно защищать тяжущихся. По дѣламъ болѣе важнымъ, предварительная инструкція производится посредствомъ сообщенія ходатаями другъ другу подъ расписку или черезъ протоколъ (greffe) доказательствъ и основаній, коими подкрѣпляются самый искъ и опроверженіе онаго. На сообщеніе отвѣта предоставляется отвѣт-

чику пятнадцатидневный, а истцу, на сообщеніе возраженій, восьмидневный срокъ. По истеченіи этихъ сроковъ, обѣ стороны могутъ продолжать между собою размѣнъ объясненій, до тѣхъ поръ, пока одна изъ нихъ не потребуетъ явки другой въ публичное засѣданіе суда. Въ день, назначенный для слушанія дѣла, обѣ стороны съ своими ходатаями и адвокатами являются въ судъ; ходатаи, представляя лица тяжущихся, могутъ находиться въ судѣ и безъ нихъ. Право защищать тяжущихся принадлежитъ однимъ адвокатамъ, но присутствіе ходатаевъ необходимо потому, что еслибы адвокатъ въ защитѣ своей увлекся и привелъ обстоятельства или основанія, не выгодныя для защищаемой имъ стороны, то ходатай можетъ немедленно отъ имени тяжущагося отвергнуть слова адвоката (désaveu), и тогда эти слова не имѣютъ силы собственнаго признанія. Сверхъ того, на исключительную обязанность ходатая возлагается объявленіе передъ судомъ окончательныхъ выводовъ или заключеній (conclusions), а именно того, что у насъ называется просительнымъ пунктомъ.

Отъ суда зависитъ, если онъ найдетъ дѣло сложнымъ, назначить письменное разбирательство (délibéré). Для сего судъ поручаетъ одному изъ своихъ членовъ разсматривать дѣло и составить изъ него докладъ. Ходатаи должны тогда всѣ свои документы и доказательства передать въ протоколъ; за умышленную медленность, ходатай повергается лично, по рѣшенію суда и вслѣдствіе жалобы протоколиста или одной изъ сторонъ, денежному взысканію и даже временному лишенію преимуществъ своего званія. Судья-докладчикъ изготовляетъ докладъ къ тому дню, который назначенъ судомъ; онъ излагаетъ сущность дѣла, не выражая своего мнѣнія. По прочтеніи доклада, защитники могутъ, если сочтутъ нужнымъ, представить президенту краткія объяснительныя записки.

Рѣшеніе по большинству голосовъ *произносится* президентомъ публично въ томъ же или въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій; оно должно содержать основанія и законы, коими подкрѣпляется убѣжденіе суда, и быть записано въ журналъ (feuille d'audience). Журнальное рѣшеніе (prononcé du jugement) отличается отъ окончательной редакціи (приговора) тѣмъ, что въ журналѣ не помѣщается изложеніе обстоятельствъ дѣла, которое составляетъ существенную часть приговора. Окончательная редакція или приговоръ допускается только тогда, когда одна изъ сторонъ, для исполненія или для аппелляціи, потребуетъ копіи съ рѣшенія; ходатай этой стороны, для составленія приговора, дол-

женъ передать протоколисту краткое изложеніе всѣхъ обстоятельствъ дѣла и всѣхъ доказательствъ и доводовъ, предъявленныхъ тяжущимися (acte des qualités). Такое изложеніе, до внесенія его въ приговоръ, сообщается ходатаю противной стороны, который въ правѣ указать на нужныя, по его соображенію, измѣненія или дополненія. Въ случаѣ возникшаго между ходатаями несогласія касательно редакціи, оно разрѣшается президентомъ суда или однимъ изъ старшихъ послѣ него судей. Сторона, недовольная изложеніемъ дѣла, можетъ на это жеховаться высшему суду.

Аппелляціонный обрядъ начинается въ высшемъ судѣ (Cour Impériale) тѣмъ же порядкомъ, какъ искъ въ судѣ первой степени. Въ теченіи трехъ мѣсяцевъ со дня объявленія окончательнаго рѣшенія (jugement définitif), та сторона, которая намѣрена жаловаться, вызываетъ противную сторону въ высшій судъ. Аппелляціонный вызовъ (acte d'appel) имѣетъ такую же форму, какъ и исковый вызовъ; здѣсь необходимо также означить избраннаго ходатая изъ числа тѣхъ, которые состоятъ при аппелляціонномъ судѣ; но аппелляторъ не обязанъ въ актѣ вызова объяснять причины, по которымъ онъ считаетъ рѣшеніе неправильнымъ; онъ сообщаетъ письменно основанія своей аппелляціи противной сторонѣ не прежде, какъ по увѣдомленіи, что сія послѣдняя избрала себѣ ходатая; аппелляторъ обязанъ въ восьмидневный срокъ сдѣлать это сообщеніе, и если пропуститъ срокъ, то по требованію противной стороны высшій судъ прямо утверждаетъ рѣшеніе низшаго суда. Но когда противная сторона извѣстится о доводахъ аппелляціи, то она можетъ также въ теченіи осьми дней объявить аппеллятору свои возраженія; впрочемъ такое объявленіе не обязательно, и по окончаніи срока, приготовительное письменное производство прекращается, и каждая сторона получаетъ тогда право вызвать противную сторону въ публичное засѣданіе суда. Правила, установленныя для слушанія и рѣшенія дѣлъ въ судахъ первой степени, распространяются и на высшіе суды: адвокаты словесно защищаютъ тяжущихся; ходатаи представляютъ окончательныя заключенія; рѣшенія произносятся президентомъ суда и обращаются въ приговоръ по редакціи, составленной ходатаями.

Исполненіе судебныхъ рѣшеній состоитъ въ выдачѣ ходатаю просителя копіи съ приговора, въ сообщеніи этой копіи ходатаю противной стороны и въ принятіи понудительныхъ мѣръ, по настоянію ходатая, въ пользу коего рѣшена тяжба.

При кассаціонномъ судѣ, который считается верховнымъ судилищемъ (cour suprême), нѣтъ особыхъ ходатаевъ; тамъ защита тяжущихся возлагается на отдѣльное сословіе адвокатовъ, имѣющее свое устройство и управленіе.

Состязательный характеръ французскаго судопроизводства выражается во всѣхъ его подробностяхъ; каждое судебное дѣйствіе должно быть вызвано требованіемъ тяжущихся сторонъ; а такъ какъ частныя лица не иначе могутъ объявлять свои требованія какъ чрезъ ходатая, то сіи послѣдніе дѣлаются главными и единственными дѣлопроизводителями. Нельзя не отдать справедливости цѣли законодателя, который имѣлъ въ виду поручить интересы просителей людямъ свѣдущимъ и практическимъ; учрежденіе ходатаевъ дало возможность судебнымъ мѣстамъ избавиться отъ всѣхъ неудобствъ бюрократіи и ограничить составъ своихъ канцелярій однимъ протоколистомъ и его помощниками. Но сложность французской процедуры, допускающей различные отводы (exceptions), различныя предварительныя (частныя) рѣшенія, обжалованіе опредѣленій, вошедшихъ въ законную силу (requête civile), и вслѣдствіе сего весьма обширное письменное производство, поставляетъ тяжущихся въ стѣснительное положеніе, потому что каждая бумага, каждая копія, каждое дѣйствіе суда приноситъ ходатаю опредѣленное въ таксѣ вознагражденіе. За каждую страницу писаннаго листа, содержащую двадцать пять строкъ, ходатай получаетъ два франка, за каждую повѣстку— одинъ франкъ, при постановленіи каждаго рѣшенія—четыре франка, за представленіе каждаго доказательства—четыре франка, за каждую копію—пятьдесятъ сантимовъ и т. д Во все время процесса, ходатай вноситъ въ свой реестръ всѣ текущія статьи своего дохода. Очевидно, что ходатай находитъ выгоду увеличивать число бумагъ и прибѣгать къ безполезнымъ обрядамъ, имѣющимъ для него положительную цѣнность. Опытнѣйшіе французскіе юристы признаютъ, что письменная дѣятельность ходатаевъ сильно препятствуетъ упрощенію судопроизводства. Привыкнувъ складывать значительные итоги изъ самыхъ мелкихъ и подробныхъ счетовъ, это сословіе не отличается примѣрнымъ безкорыстіемъ и далеко не пользуется уваженіемъ, которое внушаетъ адвокатура. Не рѣдко, проситель, не вполнѣ довольный ходатаемъ, вынуждается приносить на него жалобу въ судъ. Въ этихъ случаяхъ, судьи и прокуроры, открывъ малѣйшую вину со стороны ходатаевъ, подвергаютъ ихъ, безъ снисхожденія, строгимъ взысканіямъ. Увѣренность, что всякое уклоненіе отъ че-

стности, если оно дойдетъ до суда, не найдетъ пощады, удерживаетъ большею частію ходатаевъ отъ явно предосудительныхъ поступковъ. Но къ сожалѣнію самый законъ доставляетъ богатую жатву этимъ дѣльцамъ, которые за огромныя суммы пріобрѣтаютъ право ходатайства при судахъ. Вѣроятно правительство опасается нарушить это право, видя въ немъ собственность, наслѣдственно переходящую отъ одного поколѣнія къ другому; въ Парижѣ, контора ходатая (étude d'avoué) при судѣ первой степени весьма умѣренно цѣнится отъ 200 тыс. до 300 тыс. франковъ. Одно вѣрное средство остается правительству къ уменьшенію дани, приносимой просителемъ неумолимому ходатаю; это средство уже указывается современною наукою и общественною потребностію: настало время для внимательнаго пересмотра законовъ о гражданскомъ судопроизводствѣ и для очищенія его отъ тѣхъ ненужныхъ и излишнихъ формальностей, которыя не только не ограждаютъ, но обременяютъ тяжущихся.

К. С. У.

ДѢТСТВО И ЮНОСТЬ

Т. Н. ГРАНОВСКАГО[1]

I. Дѣтство Грановскаго.

Мѣстомъ рожденія Грановскаго былъ городъ Орелъ, дѣтство же его прошло большею частію въ Погорѣльцѣ, сельцѣ Болховскаго уѣзда Орловской губерніи. Если не ошибаемся, это сельцо было благопріобрѣтенное имѣніе дѣда Грановскаго, перешедшее потомъ къ отцу его. Фамильныя воспоминанія Грановскихъ почти не простираются назадъ далѣе перваго владѣтеля Погорѣльца изъ ихъ рода. Онъ происходилъ отъ бѣднаго семейства и всѣмъ обязанъ былъ своей предпріимчивости, дѣятельности и практическому уму. О немъ разказывали, что, рано оставшись сиротою, онъ съ 15 копѣйками денегъ пѣшкомъ пришелъ въ Орелъ и мало-по-малу умѣлъ выйдти въ люди. Въ послѣдствіи онъ пріоб-

---

(1) Дѣтство и юность Грановскаго составляютъ первыя главы неоконченнаго труда, которымъ былъ занятъ покойный другъ нашъ, П. Н. Кудрявцевъ, незадолго до своей кончины. Онъ писалъ эти страницы въ самыя тяжелыя минуты своей жизни, въ Нерви близь Генуи, вскорѣ послѣ потери своей жены. Эта біографія, прерванная смертію автора, который самъ ждетъ теперь своей біографіи, будетъ имѣть для читателя двойной интересъ, возбуждаемый столько же именемъ Грановскаго, сколько

рѣлъ извѣстность въ Орлѣ какъ отличный законникъ и искусный ходатай по дѣламъ. Одинъ выигранный имъ трудный процессъ доставилъ ему награду въ 25000 рублей, капиталъ, положившій начало его благосостоянію. Самая женитьба его была довольно оригинальна. Онъ почувствовалъ склонность къ дочери своего начальника, Лукашевича, но не могъ получить его согласіе на бракъ, и рѣшился увезти свою суженую. Отъ этого брака родился отецъ Тимоѳея Николаевича.

Старикъ былъ еще живъ, когда родился внукъ ему. Это было, какъ мы сказали, въ самомъ Орлѣ, куда родители Грановскаго пріѣзжали временемъ пожить. Замѣчаютъ, что днемъ рожденія Тимоѳея Николаевича было 9 марта, т. е. первый день весны 1813 года. Дѣдъ былъ очень радъ новорожденному и на крестинной пирушкѣ, садясь за игру, обѣщалъ въ его пользу весь выигрышъ. Ему въ самомъ дѣлѣ удалось выиграть въ этотъ вечеръ до 15000 рублей (ассигн.); но вечеръ еще не кончился, какъ деньги уже снова были проиграны. Въ жизни Грановскаго не разъ случалось потомъ, что судьба готовила противъ него измѣну въ то самое время, какъ, казалось, начинала улыбаться ему.

У самого Грановскаго уцѣлѣли нѣкоторыя очень свѣжія воспоминанія о раннемъ дѣтствѣ. Такъ онъ могъ припомнитъ себя играющимъ на коврѣ вмѣстѣ съ другими дѣтьми. Это было по всей вѣроятности еще въ Погорѣльцѣ, куда онъ перевезенъ былъ вскорѣ послѣ рожденія и отданъ на воспитаніе кормилицѣ. Но какъ только кончилось его кормленіе, дѣдъ опять потребовалъ его къ себѣ и ходилъ за нимъ какъ самая усердная нянька. Такъ велика была привязанность старика къ ребенку, что онъ не хотѣлъ разставаться съ нимъ даже на ночь, и обыкновенно спалъ съ нимъ вмѣстѣ. Въ домѣ его Грановскій принялъ самыя ран-

---

именемъ Кудрявцева. Нельзя не замѣтить, съ какимъ участіемъ біографъ пользовался всякою мелкою чертою, какую только удавалось ему найдти, для характеристики своего героя. Какъ старается онъ осмыслить каждую подробность его воспитанія и жизни и привести въ связь съ его развитіемъ! Въ этой преданности предмету, въ этой любви къ изображаемому лицу отпечатлѣвается характеръ самого автора. Его собственная благородная личность возставала передъ нами, когда мы читали эти посмертныя строки. Въ небрежности почерка, въ недописанныхъ словахъ и обмолвкахъ, такъ необыкновенныхъ въ его рукописяхъ, которыя всегда отличались тщательностію, чувствуется то тяжелое состояніе духа, въ которомъ онъ писалъ эти строки на берегу Генуэзскаго залива. *Ред.*

нія впечатлѣнія. Старикъ не получилъ въ свое время образованія и не зналъ другаго языка, кромѣ русскаго; но онъ былъ человѣкъ очень начитанный и хранилъ въ памяти большой запасъ собранныхъ опытомъ или добытыхъ чтеніемъ свѣдѣній. Бѣлыя стѣны его дома въ Орлѣ покрыты были множествомъ выписокъ изъ книгъ. Глазъ ребенка пріучался къ письменамъ прежде, чѣмъ имѣлъ ясное понятіе о нихъ. Когда потомъ онъ познакомился съ грамотою, тѣ же выписки должны были доставить ему первый матеріялъ для чтенія. Сверхъ того дѣдъ обыкновенно заставлялъ его читать Св. Писаніе, и мальчикъ уже 5 лѣтъ отъ роду зналъ наизусть много текстовъ. Такъ рано началось упражненіе его памяти.

Любимецъ дѣда, Грановскій могъ сдѣлаться его баловнемъ. Но судьба судила иначе. На закатѣ дней старику пришлось испытать сильное потрясеніе, котораго онъ не въ состояніи былъ выдержать. Послѣднее время онъ жилъ уже большею частію въ деревнѣ и только временемъ ѣздилъ въ Орелъ. Однажды отсутствіе его изъ Погорѣльца продолжалось болѣе обыкновеннаго. Наконецъ его привезли обратно изъ города — съ признаками умственнаго разстройства. Говорятъ, что причины помѣшательства были чисто семейныя. Дѣдъ Грановскаго былъ женатъ на второй женѣ (мы не знаемъ, къ какому собственно времени относится это обстоятельство его жизни). Въ супружескія отношенія этой четы къ удивленію закралась ревность, и притомъ не со стороны мужа, а со стороны жены. Мучимая страстію, она вздумала прибѣгнуть къ разнымъ приворотнымъ зельямъ. Заготовленныя ею стклянки найдены были потомъ въ самыхъ подушкахъ больнаго. Не выдержалъ ли онъ физическаго дѣйствія ихъ, или вмѣстѣ съ тѣмъ сильно потрясенъ былъ нравственно, — какъ бы то ни было, съ того времени началось его помѣшательство, такъ что въ Погорѣльцѣ должны были отвести ему отдѣльный флигель для жительства. Еще страннѣе, что за первый признакъ умственнаго разстройства старика принято было обстоятельство, которое въ то же время могло бы служить и доказательствомъ его ума. На почтѣ былъ перехваченъ большой пакетъ, содержавшій въ себѣ ни болѣе, ни менѣе, какъ цѣлый проектъ «О преобразованіи судебныхъ мѣстъ въ Россіи». Здѣсь правда, какъ постоянный рефренъ, повторялось, что такого-то секретаря надо отдать подъ судъ, а того-то высѣчь; но тѣ, которые имѣли случай читать весь проектъ, отзывались о немъ какъ о чрезвычайно умной вещи. Говорить ли, что авторомъ его былъ дѣдъ Грановскаго?

Умственное разстройство старика повлекло за собою и значительныя матеріяльныя потери, которыя не могли не почувствоваться въ цѣломъ семействѣ. Домашнимъ извѣстно было, что, сбираясь въ послѣдній разъ въ Орелъ, онъ хотѣлъ покупать тамъ новое имѣніе въ 1000 душъ, стало быть имѣлъ съ собой большой запасъ денегъ или документовъ; но во время первыхъ припадковъ помѣшательства все это было расхищено, и когда потомъ привезли его въ деревню, у него не оставалось болѣе ничего. Несмотря не свое болѣзненное состояніе, дѣдъ впрочемъ сохранилъ прежнюю привязанность къ любимому внуку; лучше сказать, у него только и осталась одна эта привязанность. Онъ охотно допускалъ къ себѣ старшаго внука и даже любилъ видѣть его около себя. Мальчику было тогда около 6 лѣтъ. Онъ также охотно льнулъ къ дѣду, который не переставалъ ласкать его, и наконецъ составилъ себѣ у него родъ азила. Напроказничавъ у себя дома, мальчикъ обыкновенно послѣ того скрывался въ отдѣльномъ флигелѣ и иногда оставался тамъ по нѣскольку дней, что̀ не мало безпокоило мать его. Когда потомъ больнаго повезли на Кавказъ для лѣченія, то взяли съ нимъ и внука. Дѣтское воображеніе его поражено было здѣсь разказами о Черкесахъ. Уже возвратившись опять подъ домашнюю кровлю, когда за столомъ заходилъ разговоръ объ ихъ нападеніяхъ, онъ не иначе рѣшался гулять послѣ обѣда, какъ вооружившись ножомъ. Конечно, впечатлѣніе не удержалось въ немъ долго, но оно важно, какъ первый толчокъ его воображенію.

Такъ прошло около трехъ лѣтъ, т.-е. до самой смерти дѣда. Послѣ того Тимоѳей Николаевичъ безраздѣльно принадлежалъ своей семьѣ, до самаго вступленія своего въ пансіонъ, т.-е. до 13-лѣтняго возраста. Объ этомъ періодѣ его жизни также сохранилось нѣсколько отрывочныхъ воспоминаній. Жили большею частію въ Погорѣльцѣ, но часто также ѣздили въ Орелъ и оставались тамъ довольно долгое время. Вообще Грановскіе жили очень открыто и первое время даже роскошно, много выѣзжали сами и много принимали у себя. Мальчикъ рано уже началъ видѣть людей и привыкъ обращаться съ ними. Между тѣмъ для него наступилъ тотъ возрастъ, когда полагаются первыя сѣмена образованія посредствомъ болѣе или менѣе правильнаго ученія. Мы далеки отъ мысли приписывать образованію болѣе, чѣмъ сколько лежитъ въ самой природѣ человѣка: оно не создаетъ ничего вновь, оно только развиваетъ данное отъ природы; въ сущности задача его ограничивается тѣмъ, чтобы дать по возможности разумную

форму уже готовому матеріалу. Но какъ много зависитъ отъ этой формы въ жизни человѣка и въ самой его дѣятельности! Матеріалъ остается одинъ и тотъ же: размѣръ душевныхъ силъ не увеличивается, и степень ихъ энергіи не прибавляется; но въ соприкосновеніи съ образованіемъ онѣ теряютъ свою природную грубость и слѣпоту и посредствомъ развитыхъ понятій приходятъ къ сознанію самихъ себя. Просвѣщенное понятіе ставитъ передъ ними цѣли, влагаетъ въ нихъ побужденія; оно наконецъ даетъ ихъ дѣятельности болѣе или менѣе разумный смыслъ. Съ этой точки зрѣнія школа, какова бы она ни была, всегда будетъ занимать важное мѣсто въ жизни современнаго человѣка. Счастливъ тотъ особенно, на чью долю выпадаетъ образованіе, наиболѣе сообразное съ его инстинктами: тогда въ результатѣ бываетъ много гармоніи. Тогда оно особенно благотворно. Но случается также, что или оно падаетъ на неблагодарную почву, или же само страдаетъ недостаткомъ жизненнаго начала: тогда и слѣдствія бываютъ весьма различны. Во всякомъ случаѣ впрочемъ ему принадлежитъ важное мѣсто въ направленіи индивидуальной дѣятельности.

Домашняя школа Грановскаго мало отступала отъ общаго обычая того времени. Первое образованіе дѣтей обыкновенно поручалось тогда иностраннымъ гувернерамъ. Катастрофа 1812 года, оставившая въ Россіи много плѣнныхъ иностранцевъ, едва ли не способствовала еще болѣе къ распространенію этого обычая. Грановскій какъ только началъ подростать, также поступилъ подъ надзоръ гувернера. Лица мѣнялись нѣсколько разъ, но ходъ занятій оставался одинъ и тотъ же до самаго поступленія мальчика въ пансіонъ. Разумѣется, главное мѣсто въ этомъ образованіи занимало изученіе иностранныхъ языковъ. По словамъ самого Грановскаго, ученіе было несвязно и недостаточно, однако и не было совершенно безуспѣшно. Еще не совсѣмъ вышедши изъ дѣтства, онъ уже довольно бѣгло говорилъ пофранцузски и поанглійски. Такимъ образомъ мало-по-малу ему открывалась возможность удовлетворить одной изъ самыхъ постоянныхъ его потребностей — потребности чтенія. Говоря объ этихъ домашнихъ классахъ, Грановскій припоминалъ также и нѣкоторыя свои шалости. Такъ разказывалъ онъ между прочимъ, какъ, желая отдѣлаться отъ классовъ, онъ придумалъ вмѣстѣ съ младшимъ братомъ (Николаемъ) пить воду съ мухами, чтобы возбудить въ себѣ тошноту. Опытъ однако почему-то не удался, и шалуны принуждены были отказаться отъ своего намѣренія.

Вмѣстѣ съ братьями училась и старшая изъ сестеръ, Варвара. Случилось однажды, что гувернеръ-учитель, вспыливъ на нее за что-то, ударилъ ее линейкою по рукѣ. Грановскій говорилъ, что этотъ случай пробудилъ въ немъ первое чувство любви къ сестрѣ, которое потомъ продолжалось до самой его смерти. Такъ впечатлительна была его природа.

Несмотря на всѣ недостатки образованія черезъ гувернеровъ, Грановскій однако сохранилъ о нихъ до конца благодарное воспоминаніе. Дѣло повидимому касалось формы, языка, но черезъ эту форму незамѣтно проникало и много облагороженныхъ понятій.

Впрочемъ идеи проникаютъ въ молодую голову не однимъ только узкимъ путемъ школы. Врожденная потребность ознакомиться съ внѣшнимъ міромъ такъ велика, что она ищетъ себѣ выхода помимо условныхъ формъ и часто въ самомъ дѣлѣ опережаетъ школьную систему. Самая легкая и самая широкая дорога къ этой цѣли есть обыкновенно чтеніе. Дайте молодому, воспріимчивому уму этотъ магическій ключъ, который называется грамотою, и онъ самъ будетъ стараться проложить себѣ дорогу къ незнакомымъ сферамъ. Такимъ путемъ молодые умы можетъ-быть иногда пріобрѣтаютъ понятія, которыя годятся лишь для извѣстнаго возраста; но за то сколько же есть умственныхъ сокровищъ, собираемыхъ молодыми умами помощью этого простаго средства, и съ которыми систематическое ученіе не собралось бы познакомить ихъ можетъ–быть еще цѣлый десятокъ лѣтъ! Въ Грановскомъ также очень рано пробудилась страсть къ чтенію. По счастію, какъ мы видѣли, грамотность далась ему весьма скоро. Задача была теперь въ томъ, какъ удовлетворить новой потребности. На первое время впрочемъ она легко могла быть удовлетворена средствами домашней библіотеки. Тутъ были книги весьма разнороднаго содержанія, начиная отъ всемірнаго путешествія аббата Делапорта и оканчивая похожденіями Жилблаза. Грановскій читалъ книги съ жадностію, глотая ихъ; часто онъ не могъ оторваться отъ шкафа, и снявши книгу съ полки, тутъ же прочитывалъ ее, стоя на колѣняхъ. Понятно: это было для молодаго ума какъ бы первое откровеніе незнакомаго міра.

При такомъ способѣ чтенія домашнія средства скоро истощились, а потребность чувствовалась все сильнѣе и сильнѣе. Гдѣ было взять новой пищи для нея, живя въ деревнѣ? Отецъ, кажется, былъ очень равнодушенъ къ возникавшей страсти сына,

но мать, нѣжно любившая его, нашла средства удовлетворить ей. По сосѣдству съ Грановскими жило нѣсколько богатыхъ помѣщиковъ, у нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно у графа Каменскаго и Пушкарева, были хорошія библіотеки. Доступъ къ нимъ былъ правда довольно труденъ; но мать нашла средство доставать изъ нихъ книги посредствомъ людей, которымъ за то платила деньги. Вѣроятно, пользуясь отсутствіемъ хозяевъ, они носили цѣлыми узлами, Грановскій, при всей своей жадности къ чтенію, долго не могъ истощить открывшагося ему богатаго запаса.

Къ сожалѣнію, мы ничего не можемъ сказать о содержаніи и составѣ этихъ библіотекъ; знаемъ только, что въ одной изъ нихъ нашлись между прочимъ нѣкоторыя сочиненія Вальтеръ-Скотта. Въ томъ возрастѣ, въ которомъ тогда находился Грановскій, нельзя было пожелать ему болѣе счастливой встрѣчи между писателями. Рано или поздно мы всѣ въ свое время знакомились съ знаменитымъ шотландскимъ романистомъ, и всѣ хранимъ благодарную память о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя выносили изъ чтенія его сочиненій. Эти впечатлѣнія происходили не отъ сложной, запутанной интриги, какою большею частію щеголяютъ сочиненія французскихъ романистовъ, а отъ тѣхъ глубокихъ чувствъ и общечеловѣческихъ идей, которыя неуловимо разлиты во всѣхъ сочиненіяхъ автора *Ламермурской невѣсты* и *Сенъ-ронансихъ водъ*. Онъ правда вездѣ переноситъ васъ въ средневѣковой бытъ, онъ повидимому всего болѣе занимаетъ васъ этимъ столько оригинальнымъ и вмѣстѣ столько вѣрнымъ исторически аппаратомъ средневѣковыхъ подробностей; всѣ лица его, кажется, отлиты въ эту средневѣковую форму: а между тѣмъ взвѣсьте дѣйствія благороднѣйшихъ его героевъ, анализируйте ихъ чувства, и вы увидите, что, несмотря на свои готическія формы, они проникнуты самымъ гуманнымъ содержаніемъ, которое бы сдѣлало честь и нашему вѣку. Но художникъ лучше хотѣлъ перенести своихъ героевъ въ давно отжившее время и заставить ихъ дѣйствовать среди фантастическихъ средневѣковыхъ формъ: что̀ жь? въ этомъ только новая тайна его прелести; особенно въ глазахъ юности эти фантастическія декораціи можетъ-быть въ десять разъ увеличиваютъ интересъ самаго предмета. Вспомните *Монастырь*, *Аббата* и пр. и пр. Диккенсъ едва ли уступитъ Вальтеръ-Скотту въ глубинѣ и широтѣ гуманнаго содержанія; однако, если не ошибаюсь, теперешнее молодое поколѣніе читаетъ его съ несрав-

венно меньшимъ интересомъ, чѣмъ въ наше время читались произведенія шотландскаго романиста, — и я думаю, немаловажная причина этому заключается въ томъ, что Диккенсъ почти не знаетъ для своего дѣйствія другой почвы, кромѣ современной, т.-е. болѣе или менѣе прозаической. Вальтеръ-Скоттъ въ свое время читался съ удивительнымъ интересомъ, и читатель незамѣтно самъ проникался тѣмъ, что̀ составляетъ душу его произведеній. У Грановскаго глубокое уваженіе къ шотландскому романисту сохранилось до конца его жизни. Онъ всегда отзывался о немъ съ большою любовію и отъ него производилъ начало многихъ лучшихъ ощущеній своей юности, между прочимъ первое живое впечатлѣніе отъ рыцарства. Это сѣмя пало на плодородную почву, и въ послѣдствіи, развитое другими добрыми вліяніями, принесло роскошный плодъ.

Изъ личныхъ вліяній, дѣйствовавшихъ на Грановскаго въ дѣтствѣ, самое значительное принадлежало его матери. Отецъ, отъ природы человѣкъ добрый и благородный, мало впрочемъ занимался своимъ семействомъ, дѣля свое время между дѣлами и разъѣздами по сосѣдямъ. За то дѣти тѣмъ болѣе привязывались къ матери, которая была почти неразлучна съ ними. Анна Васильевна, урожденная Чернышъ, была женщина рѣдкаго сердца. Дѣти имѣли въ ней не только мать, но и истиннаго друга, къ которому довѣрчиво обращались со всѣми своими вопросами и желаніями. Между нею и ими не было никакого разстоянія: ея нѣжная, заботливая, внимательная любовь къ дѣтямъ облегчала имъ доступъ къ ней во всякую минуту. Это располагало ихъ къ довѣрчивости, общительности; они не боялись подходить къ матери съ своими маленькими тайнами, потому что всегда увѣрены были въ ея участіи. Тимоѳей Николаевичъ, какъ старшій лѣтами, чувствовалъ себя болѣе другихъ подъ этимъ благодѣтельнымъ вліяніемъ. Мы уже видѣли, какъ мать старалась пособить его возраставшей жаждѣ чтенія, при недостаткѣ средствъ домашней библіотеки. Но и въ другихъ отношеніяхъ, которыя были гораздо поважнѣе, она же была первою его совѣтницею и повѣренною всѣхъ его тайнъ. Наконецъ къ ея вліянію, какъ къ первоначальному источнику, Грановскій въ послѣдствіи относилъ все, что̀ было въ немъ лучшаго. Мы легко повѣримъ этому благодѣтельному дѣйствію нѣжнаго женскаго сердца, да еще сердца матери, на молодое воспріимчивое чувство; мы повѣримъ, что много, очень много благородныхъ инстинктовъ должно было впервые развернуться въ немъ подъ кроткими лучами материнской любви. Такъ

было до самаго конца ея жизни. Въ послѣдніе свои годы, когда осношенія отца къ сыну стали измѣняться къ худшему, она же обыкновенно была примирительницею между ними, стараясь смягчать съ обѣихъ сторонъ излишнюю раздражительность. И когда наконецъ ея не стало, добрая память, оставленная ею въ дѣтяхъ, долго еще поддерживала связь и согласіе между остальными членами семейства.

Все это случилось довольно счастливо для того возраста, въ которомъ находился тогда Грановскій: онъ рано начинаетъ знакомиться съ языками, какъ средствомъ для будущаго своего образованія; посредствомъ чтенія мало-по-малу заготовляется у него первый запасъ разнородныхъ свѣдѣній; онъ растетъ подъ вліяніемъ любящаго материнскаго сердца, при чемъ нельзя не замѣтить также отсутствія другихъ вліяній, которыя бы могли дѣйствовать на него въ противоположномъ смыслѣ. Главное же, что Грановскій все свое дѣтство остается среди своей семьи, гдѣ въ отношеніяхъ къ матери, братьямъ и сестрамъ развиваются первыя его чувства. Дѣлать отсюда прямыя заключенія о будущемъ было бы слишкомъ поспѣшно; но нельзя пропустить безъ вниманія эти первыя благопріятныя условія, при намѣреніи обозрѣть послѣдовательно весь ходъ жизни лица, составляющій предметъ нашего очерка.

Говорятъ, что господствующія наклонности человѣка обнаруживаются уже въ его дѣтствѣ, и нѣкоторые заключаютъ по нимъ о самомъ его призваніи. До насъ дошли нѣкоторыя воспоминанія о тѣхъ играхъ и забавахъ, которыя занимали дѣтство Грановскаго. Какъ и другіе его сверстники, въ свободное отъ уроковъ время онъ также много возился съ птицами. Ловля ихъ, въ особенности голубей, была однимъ изъ любимыхъ его занятій. Пѣтушиные бои тоже немало доставляли ему удовольствія. Но ничему не предавался онъ съ такою охотою и увлеченіемъ, какъ тѣмъ играмъ, которыя имѣли видъ военныхъ упражненій. Набравъ толпу крестьянскихъ мальчиковъ, онъ ставилъ ихъ въ строй, предпринималъ съ ними цѣлые походы, велъ осады городовъ, давалъ сраженія. Отсюда пожалуй легко было бы сдѣлать заключеніе о военныхъ наклонностяхъ мальчика. Грановскій и самъ говаривалъ, что въ молодости у него составилось понятіе о военномъ призваніи его. Съ своей стороны мы думаемъ, что наблюденія надъ дѣтскимъ возрастомъ вовсе не даютъ права на такіе опредѣлительные выводы. Можно конечно находить, что мальчикъ былъ очень живаго нрава, что

онъ не любилъ сидѣть на одномъ мѣстѣ сложа руки, что въ немъ текла довольно горячая, подвижная кровь, и что наконецъ ему постоянно нужна была какая-нибудь дѣятельность; но намъ кажется вовсе нелогическимъ изъ этой общей посылки выводить такое частное слѣдствіе, какъ мысль о военномъ призваніи. Мы напротивъ увѣрены, что еслибы, какою-нибудь игрою случая, Грановскому и въ самомъ дѣлѣ досталось носить военный мундиръ, онъ никогда не удовлетворился бы тѣсною сферою этого званія. Инстинкты его были гораздо глубже и шире; умъ его любилъ просторъ, и постоянная потребность жить общими интересами не вытекала изъ одного только его образованія, но глубоко заложена была въ самой его природѣ.

Точно также ничего не говорятъ положительно ни въ пользу, ни противъ мальчика слѣдующія черты изъ дѣтства Грановскаго, тоже сохранившіяся въ его личныхъ воспоминаніяхъ. Мы приводимъ ихъ только какъ достовѣрные факты изъ его дѣтскаго возраста. Однажды Грановскій взялся съ нѣсколькими мальчиками-удальцами произвести нападеніе на садовую бесѣдку, въ которой засѣли другіе мальчики. Онъ былъ по обыкновенію впереди и въ жару атаки взобрался на самый верхъ подставленной лѣстницы; но въ это самое время другой мальчикъ приподнялъ лѣстницу съ другаго конца, и нашъ герой полетѣлъ головою внизъ и расшибся въ кровь. Виноватый проказникъ не зналъ послѣ того какъ загладить свою вину, и выражалъ свое раскаяніе совершенною преданностію своему зашибенному товарищу. Грановскій не хотѣлъ помнить зла, но замѣтивъ эту слабость со стороны виновника, старался обратить ее въ свою пользу. Такъ какъ тотъ ни въ чемъ не смѣлъ отказать ему, то онъ обыкновенно объявлялъ свои притязанія на его долю лакомствъ и бралъ ее, какъ по праву принадлежащую себѣ. Надъ своею воинственностію въ дѣтствѣ Грановскій самъ же смѣялся, приводя слѣдующую черту. Разъ онъ гулялъ съ сестрами, вооруженный толстою палкою. Передъ тѣмъ говорили о бѣшеной собакѣ, которая будто бы бѣгала по селенію и пугала жителей, и ему очень хотѣлось встрѣтиться съ нею, чтобы поколотить ее. Собака, та или другая, не заставила себя долго ждать: она какъ разъ выбѣжала на встрѣчу гуляющимъ. При видѣ ея нашъ маленькій храбрецъ тотчасъ же давай Богъ ноги и скрылся въ ближнемъ лѣсу, забывши о сестрахъ, которымъ обѣщалъ свою защиту. По счастію впрочемъ опасности никакой не было, и онѣ отдѣлались однимъ страхомъ. Вотъ еще одна черта

изъ его же дѣтскихъ воспоминаній. Въ домѣ находилась между прочимъ въ услуженіи одна женщина съ своею маленькою дочерью. Агатѣ, такъ звали послѣднюю, житье было очень плохое. Хоть она и не была у дѣла, но много терпѣла отъ своей матери, которая была сердитаго и крутаго нрава, и на ней вымещала всю свою злость. Грановскому не разъ приходилось быть свидѣтелемъ беззащитнаго положенія бѣдной дѣвочки. Вотъ, баринъ, сказала она ему однажды послѣ жестокихъ побоевъ, — если мать забьетъ меня до смерти, то вамъ останутся мои куклы. И онъ увѣрялъ, что съ тѣхъ поръ явилось у него тайное желаніе, чтобы съ Агатою дѣйствительно случилось то, что̀ она сама себѣ предсказывала.

Превративъ каждый отдѣльный случай въ общую посылку, сколько можно было бы вывести отсюда разныхъ заключеній о трусливости мальчика, о раннемъ развитіи въ немъ эгоизма и т. п. Но мы не будемъ торопиться выводами, которымъ здѣсь собственно и мѣста нѣтъ. Приведенные нами случаи доказываютъ только одно, что въ дѣтствѣ Грановскаго было много общаго съ другими дѣтьми. У него также были воинственные порывы, какъ у многихъ, и онъ также бѣжалъ отъ опасности, когда встрѣчался съ нею лицомъ къ лицу. Какъ и всѣ почти дѣти его возраста, онъ также не отличался великодушіемъ въ отношеніи къ своимъ сверстникамъ и старался обращать ихъ слабости въ свою пользу. Все это въ порядкѣ вещей, и едва ли кому придетъ въ голову отыскивать въ подобныхъ чертахъ что-нибудь личное или индивидуальное. Возрастъ, которымъ мы были заняты до сихъ поръ, есть время первыхъ впечатлѣній, и больше требовать отъ него нечего (1).

II. Юность Грановскаго.

Личная или индивидуальная физіономія человѣка начинаетъ обрисовываться только въ юности. Но въ то же время продолжается сборъ впечатлѣній, которыхъ первое начало принадлежитъ еще дѣтству. При сильно развитой воспріимчивости отъ внѣш-

---

(1) Подробности, составляющія содержаніе этой главы, сообщены намъ Ел. Б. Грановскою, которая слышала ихъ или отъ него самого, или отъ ближайшихъ его родственниковъ, помнившихъ его дѣтство.

няго міра, все больше и больше выступаютъ наружу внутреннія самостоятельныя наклонности человѣка.

Для Грановскаго также наступилъ этотъ столько полный жизнію возрастъ. По своему началу, онъ почти совпадаетъ у него съ первымъ выходомъ изъ родительскаго дома, и такъ какъ во всякомъ случаѣ эта первая внѣшняя перемѣна не могла остаться безъ вліянія на послѣдующее развитіе мальчика, то мы съ нея рѣшились повести нашъ разказъ объ его юности. Грановскому исполнилось 13 лѣтъ. Въ семействѣ, кажется, еще не составилось относительно его никакихъ опредѣленныхъ плановъ. Несмотря на мнимо воинственныя наклонности мальчика, никто не думалъ назначать его къ военной службѣ. Отецъ, какъ мы сказали, занятый посторонними дѣлами, мало заботился объ устройствѣ будущей судьбы сына. Мать, по чувству естественной материнской нѣжности, вѣроятно не прочь была бы удержать сына еще нѣсколько времени у себя въ домѣ. Между тѣмъ недостаточность домашняго образованія чувствовалась все болѣе и болѣе. Всякій, видѣвшій мальчика, своими разспросами о немъ долженъ былъ напоминать родителямъ, что пора подумать о дальнѣйшемъ его образованіи и приготовленіи къ жизни. Съ разныхъ сторонъ слышались разные совѣты. Между прочимъ докторъ Каспари, жившій въ Орлѣ и хорошо знавшій все семейство Грановскихъ, конечно основываясь на замѣченныхъ имъ способностяхъ мальчика, совѣтовалъ отвезти его въ Ригу, записать тамъ въ нѣмецкую школу, а дальнѣйшій ходъ предоставить на волю судьбы. Каспари не сомнѣвался, что мальчикъ самъ отыщетъ себѣ дорогу. Этотъ совѣтъ показался слишкомъ смѣлымъ, но такъ какъ время не позволяло откладывать рѣшенія, то въ семействѣ положено было отправить старшаго сына въ Москву и помѣстить его въ одномъ изъ лучшихъ тамошнихъ пансіоновъ.

Изъ частныхъ заведеній въ Москвѣ пользовался тогда хорошею репутаціею пансіонъ доктора Кистера. Сюда поступилъ Грановскій, въ первый разъ разставшись съ отеческимъ домомъ. Итакъ Москвѣ обязанъ былъ онъ первыми своими впечатлѣніями по разлученіи съ семьею. Въ Москвѣ, то-есть въ томъ самомъ городѣ, которому въ послѣдствіи принадлежала почти вся его умственная и гражданская дѣятельность, онъ впервые пробовалъ стать на свои ноги и жить отдѣльною отъ семейства и потому болѣе или менѣе не зависимою жизнію. Здѣсь же завязались для него и первыя дружескія связи, по крайней мѣрѣ первыя симпатіи, безъ которыхъ какъ извѣстно не полна никакая жизнь въ юности.

Любопытно было бы знать, каково было первое впечатлѣніе Грановскаго отъ Москвы, какъ почувствовалось ему удаленіе отъ семьи, среди которой онъ выросъ, какіе новые интересы пробуждены были въ немъ пребываніемъ въ пансіонѣ и т. п. Но къ сожалѣнію, всѣ эти вопросы должны остаться почти безъ отвѣта: такъ мало сохранилось подробностей о первомъ пребываніи Грановскаго въ Москвѣ и о жизни его въ пансіонѣ. Судя по тому, впрочемъ, что у него самого уцѣлѣло немного воспоминаній объ этомъ кратковременномъ періодѣ, можно полагать, что онъ прошелъ для него безъ большихъ внутреннихъ перемѣнъ и не оставилъ глубокихъ слѣдовъ ни въ его умѣ, ни въ сердцѣ. Вообще въ то время учились по немногу, а въ пансіонахъ особенно не налегали на занятія. Отъ воспитанниковъ нѣмецкаго учебнаго заведенія всего скорѣе можно было бы ожидать успѣховъ въ нѣмецкомъ языкѣ. Однако и эта часть повидимому не очень процвѣтала въ пансіонѣ доктора Кистера. Если Грановскій и началъ здѣсь свои занятія нѣмецкимъ языкомъ, то не ушелъ въ нихъ далеко. Тогда же вѣроятно началось для него то поэтическое вліяніе, которое онъ такъ высоко цѣнилъ до конца своей жизни: мы разумѣемъ вліяніе Пушкина. Это было время пышнаго расцвѣта его музы. Новые музыкальные тоны послышались въ русской литературѣ, поэзія вдругъ заговорила небывалыми дотолѣ образами, которыхъ главная прелесть заключалась въ ихъ необыкновенной простотѣ и изяществѣ. Пока старое поколѣніе упорно отбивалось отъ этого чарующаго вліянія и загораживалось отъ него своими предразсудками, новое охотно шло къ нему на встрѣчу и полною душою принимало въ себя его вдохновенія, угадывая въ поэтѣ своего великаго образователя. Нельзя, чтобы нѣкоторые лучи этого новаго свѣта, который тогда такъ ярко горѣлъ на горизонтѣ русской жизни, не проникъ и въ скромный пансіонъ Кистера, нельзя, чтобы воспитанники его менѣе другихъ были внимательны ко вновь восходившему свѣтилу и въ той или другой степени не ощущали на себѣ самихъ его благотворнаго дѣйствія. Но, повторяемъ, мы почти вовсе лишены положительныхъ свѣдѣній объ этомъ періодѣ въ жизни Грановскаго, и говоря о немъ, должны ограничиться одними предположеніями.

Извѣстія о личныхъ отношеніяхъ Грановскаго во время ранняго пребыванія его въ Москвѣ также недостаточны, но нѣсколько положительнѣе первыхъ. Между пансіонскими товарищами онъ нашелъ себѣ первыхъ друзей. Двое изъ нихъ, Баум-

гартъ и Соловцовъ, пользовались особеннымъ его расположеніемъ. Замѣчательно впрочемъ, что избранные друзья Грановскаго сильно расходились между собою своимъ нравомъ и своими разнородными качествами. Первый изъ нихъ былъ гордъ, недоступенъ и вообще не пользовался расположеніемъ товарищей; другой напротивъ отличался своею рѣдкою общительностію и былъ любимъ всѣми. Изъ-за нихъ бывало много шуму и ссоръ въ пансіонѣ. Но по одному достовѣрному извѣстію, тутъ лучше всего обнаружился примирительный характеръ Грановскаго. Однажды, воротившись изъ деревни, онъ нашелъ, что всѣ почти товарищи его перессорились между собою все по тому же поводу. Грановскій однако не присталъ ни къ той, ни къ другой сторонѣ, но прежде всего постарался примирить между собою своихъ друзей, а потомъ успѣлъ возстановить миръ и между остальными товарищами (1). Какъ ни рано начались эти первыя его привязанности, но онѣ не потеряли своей цѣны въ его глазахъ даже много лѣтъ спустя послѣ пансіона, и мы не разъ еще встрѣтимся потомъ съ гг. Баумгартомъ и Соловцовымъ въ нашемъ очеркѣ. Это была одна изъ постоянныхъ особенностей Грановскаго, что однажды зародившееся въ немъ чувство никогда почти не покидало его совершенно. Вообще свойствами своего нрава онъ тогда уже сильно располагалъ въ свою пользу тѣхъ, которые имѣли случай узнать его ближе. Не только товарищи, самъ содержатель пансіона былъ очень привязанъ къ нему, и черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ (въ 1836 году), встрѣтивъ его снова въ Москвѣ, плакалъ отъ радости (2). Внѣ пансіона знакомство Грановскаго, кажется, ограничивалось только домомъ Храповицкихъ, которые жили тогда въ Москвѣ. Онъ проводилъ у нихъ праздники, хотя и не видно, чтобы получалъ отъ того особенное удовольствіе (3).

---

(1) Это извѣстіе было сообщено Ел. Б. Грановской г. Миндереромъ.

(2) Изъ письма Грановскаго къ сестрѣ.

(3) Сохранилась половина одного письма Грановскаго въ деревню, писаннаго изъ пансіона. Въ ней находимъ подпись его имени и особую приписку (пофранцузски) къ сестрѣ. Помѣщаемъ здѣсь этотъ первый по времени остатокъ изъ переписки его съ родными и друзьями: «Ma chère soeur, je profite de quelques instans pour t'écrire. J'ai passé bien agréablement les fêtes chez M-me Chrapovizky: M-lle Aléxandrine te fait ses compliments. Je prie de présenter mes hommages à M-lle Fallot (гувернанткѣ) et de lui dire que je suis très reconnaissant pour son conseil de ne dépenser mon argent que pour l'agréble et l'utile et que je tache de le suivre autant que je puis. Adieu, je suis jusqu' au tombeau avec tout l'amour possible...

Говоря о недостаткахъ пансіонскаго образованія того времени, нельзя однако забывать, что Грановскій не могъ воспользоваться даже имъ какъ слѣдуетъ. Для того онъ не довольно еще отдалился отъ своего роднаго дома, отъ семьи, хотя и жилъ отъ нея на большомъ разстояніи. Благодаря нестрогой обязательности пансіонскаго ученія, у него пропадало много времени даромъ. Такъ на первую же лѣтнюю вакацію его взяли домой, въ деревню, да продержали тамъ кстати и часть слѣдующей зимы. На этотъ разъ впрочемъ онъ все-таки воротился въ пансіонъ. Но на слѣдующее лѣто вышло иначе. Когда наступила вторая лѣтняя вакація, Грановскаго по обыкновенію опять выписали домой, и частію по безпечности, частію по привычкѣ откладывать, продержали его въ деревнѣ ужь не часть только зимы, а цѣлые три года (1). Послѣ того онъ уже не возвращался въ пансіонъ, гдѣ провелъ всего около двухъ лѣтъ.

Три лучшіе года юности, когда умственныя силы пробудились и жаждутъ дѣятельности, проведенные ни въ чемъ! Это была потеря почти невознаградимая. Вмѣсто того, чтобъ укрѣпиться въ силахъ и запастись необходимымъ матеріяломъ для будущаго, молодой человѣкъ могъ потеряться, получить дурныя привычки, отъ одного только бездѣйствія. Есть пора въ жизни, когда праздность губительнѣе всякаго положительнаго зла. Грановскому, въ золотую пору его юности, именно грозила эта бѣда. По возвращеніи изъ пансіона въ деревню, онъ очутился среди совершенной пустоты на нѣсколько лѣтъ. Преждевременно прерванныя пансіонскія занятія не успѣли пустить въ немъ глубокіе корни, а дома онъ не могъ найдти для себя ничего новаго. По несчастію, отецъ его сильно вдался въ игру и занимался сыномъ еще менѣе прежняго. Онъ вовсе забылъ, что для сына его нужна та или другая школа, и взявши его изъ пансіона, не хотѣлъ ничѣмъ замѣнить этотъ столько чувствительный недостатокъ у себя дома. Грановскій все время оставался безъ учителей и безъ правильнаго ученія. Его молодость, его направленіе, отчасти наконецъ самая его будущность предоставлены были случайностямъ именно въ такую пору, когда человѣкъ всего болѣе нуждается въ искусномъ и опытномъ руководительствѣ. Все зависѣло теперь для него отъ случайныхъ встрѣчъ и отъ влеченія его собственныхъ наклонностей. Онъ былъ еще такъ молодъ, что не могъ силою

---

(1) Je suis venu passer deux mois, писалъ онъ послѣ изъ Петербурга къ сестрѣ своей Александринѣ, je suis resté trois ans.

собственнаго сужденія или воли постановить себѣ цѣль впереди и не ошибиться въ выборѣ путей и средствъ для ея достиженія.

Среди томительнаго однообразія деревенской жизни единственнымъ развлеченіемъ для молодаго человѣка были временныя поѣздки въ Орелъ и другія сосѣднія мѣста, гдѣ жили родные или знакомые семейства его. Тутъ по крайней мѣрѣ онъ видѣлъ около себя другіе предметы, встрѣчалъ новыя лица. И надобно сказать, что онъ еще былъ довольно счастливъ на свои встрѣчи. Такъ онъ не безъ удовольствія вспоминалъ въ послѣдствіи объ одномъ Французѣ, по имени г. Жоньо, съ которымъ имѣлъ случай познакомиться въ Орлѣ. Г. Жоньо былъ немножко фразеръ, но это не мѣшало ему имѣть очень образованныя понятія. Молодой человѣкъ съ удовольствіемъ слышалъ, что онъ говорилъ о чести, благородствѣ, чувствѣ собственнаго достоинства, какъ о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ въ мірѣ. Грановскій привыкъ до сихъ поръ встрѣчать подобныя понятія только въ книгахъ; его поразило рѣзкое различіе этого языка отъ того, которымъ обыкновенно говорили орловскіе помѣщики. Не удивительно, что подчасъ Грановскій обольщался громкою фразою, принимая ее за чистую монету; въ томъ возрастѣ впрочемъ, въ которомъ онъ тогда находился, это было простительно. Онъ искренно вѣрилъ тому, что̀ слышалъ, не повторялъ чужихъ фразъ и довольствовался тѣмъ, что опускалъ на дно души выражаемыя ими понятія. Къ тому же промежутку времени относится одна довольно большая поѣздка Грановскаго съ матерью къ бабкѣ, которая жила постоянно въ Малороссіи. Мы ничего не знаемъ о впечатлѣніяхъ дороги, ни о томъ, сколько времени взяла она у нашего путешественника, тяготившагося всего болѣе его излишествомъ. Сохранившіяся воспоминанія касаются лишь одного пункта. Дорогою заѣзжали въ Нѣжинъ, гдѣ жила тетка Грановскаго (родная сестра его матери) съ своимъ семействомъ. Тутъ узналъ онъ M-lle Герито́, которая была въ этомъ домѣ гувернанткою. Повидимому M-lle Герито̀ была уже дѣвушка не первой молодости, но она сохранила столько любезности, что молодой человѣкъ невольно привязался къ ней и потомъ завелъ съ нею даже переписку. Если не ошибаемся, здѣсь же подарили ему карманные часы. Первые часы, съ какою пріятностію долженъ былъ онъ почувствовать ихъ въ своемъ карманѣ! И какъ неохотно бы конечно онъ разстался съ ними даже въ случаѣ крайности! Однако у Грановскаго вышло иначе. Ему хотѣлось непремѣнно угостить свою новую знакомую и привезти что-нибудь въ подарокъ

гувернанткѣ своихъ сестеръ. Въ это время подвернулся какой то жидъ, и Грановскій продалъ ему свои часы за пятнадцать рублей (ассигн.). Такъ мало было у него завѣтнаго, какъ скоро ему хотѣлось исполнить то или другое сердечное желаніе.

Къ счастливымъ встрѣчамъ надобно также причислить знакомство его съ Колышаевичемъ. О немъ мы знаемъ, что онъ жилъ большею частію въ Орлѣ и былъ человѣкъ довольно образованный для своего времени, а главное—очень одаренный отъ природы (1). Между нимъ и Грановскимъ, по возвращеніи его изъ пансіона, завязались отношенія довольно дружественныя. Въ послѣдствіи Грановскій даже прямо называлъ Колышаевича первымъ своимъ другомъ (по времени). Что же свело ихъ между собою? Конечно не одна только случайная встрѣча и не равенство лѣтъ, потому что Колышаевичъ былъ значительно старше своего пріятеля годами. Связь между ними была совсѣмъ другаго рода. Молодость очень искренна въ своихъ выборахъ: она инстинктивно отдаетъ свои симпатіи тому, что встрѣчаетъ себѣ въ обществѣ однороднаго. Ранняя дружба Грановскаго съ Колышаевичемъ отчасти бросаетъ свѣтъ и на него самого. Колышаевича всѣ знали въ Орлѣ за человѣка пылкаго нрава и благородныхъ воззрѣній на жизнь. Отсюда объясняется и тайна того вліянія, которое онъ имѣлъ на своего молодаго друга. Обстоятельства впрочемъ не благопріятствовали ихъ связи, и она была непродолжительна. Колышаевичъ рано женился, запутался въ дѣлахъ и скоро потомъ совсѣмъ потерялся; Грановскаго же ожидало другое назначеніе.

Несмотря на частые разъѣзды и вновь заведенныя знакомства, у молодаго человѣка, не имѣвшаго никакихъ опредѣленныхъ занятій, все-таки оставалось слишкомъ много празднаго времени, которое онъ не зналъ чѣмъ наполнить. Надобно было самому изобрѣтать развлеченія. Скука томила его; онъ рвался куда-нибудь, бросался на всякій новый предметъ и ни на чемъ не могъ остановиться. То брался онъ за охоту и проводилъ за ней по нѣскольку дней; то и охота надоѣдала ему, и онъ хватался за первую попавшуюся книгу. Между прочимъ какъ-то подвернулась ему одна часть математики, алгебра или геометрія. Онъ тотчасъ присѣлъ за нее и безъ всякой посторонней помощи, просто отъ скуки, занялся изученіемъ этой почти совершенно новой для него

(1) О немъ извѣстно сверхъ того, что онъ былъ товарищемъ Гоголя по лицею.

науки,—что конечно помогло ему потомъ при экзаменѣ. Наконецъ нельзя, чтобы въ эти годы и при той живой воспріимчивости, которою рано отличался Грановскій, не нашлось мѣста если не прямо любви, то тому нѣжному чувству, которое большею частію предшествуетъ ей въ юности. Это первое, молодое чувство бываетъ обыкновенно не глубоко и не продолжительно, но тѣмъ не менѣе въ извѣстные годы оно наполняетъ всего человѣка и составляетъ лучшую его жизнь. Таково было и чувство Грановскаго къ молодой дѣвушкѣ N (въ послѣдствіи M-me S.), которую онъ встрѣчалъ часто въ орловскомъ обществѣ. Она была очень красива собою и имѣла множество поклонниковъ между тамошнею молодежью. Грановскій также не остался равнодушенъ къ ея красотѣ. Онъ нетерпѣливо искалъ встрѣчи съ ней и забывалъ часы, танцуя съ нею на балахъ. Мы не можемъ сказать, отвѣчали ли ему взаимностію; знаемъ только, что чувство его не было безраздѣльною тайною. Какъ во всемъ, такъ и въ этомъ случаѣ мать была неизмѣнною его повѣренною. Она знала, что сынъ ея неравнодушенъ къ дѣвушкѣ, и не видя никакой основательной причины противорѣчить его склонности, съ улыбкою провожала его на балъ, а потомъ дожидалась и сама встрѣчала его у себя дома, если онъ очень запаздывалъ. Такія отношенія нравятся намъ несравненно болѣе самой замысловатой системы воспитанія. Нѣтъ лучше школы для молодаго чувства, для его искренности и чистоты, какъ если развитіе его идетъ объ руку съ внушеніями нѣжнаго материнскаго сердца и не имѣетъ нужды отдѣляться отъ него ни въ одномъ своемъ движеніи. Не возбуждаемое противорѣчіями, оно въ такомъ случаѣ нейдетъ вкривь и вкось, но выростаетъ въ свой естественный ростъ и потомъ или распускается настоящимъ цвѣтомъ, или же, если у него нѣтъ глубокихъ корней, пропадаетъ само собою какъ миражъ. Такъ было и съ Грановскимъ въ отношеніяхъ его къ M lle N. Чувство его къ ней не выросло до настоящей любви, и разведенные скоро судьбою, они разошлись потомъ безъ тяжелыхъ воспоминаній.

Самою сильною и глубокою привязанностію Грановскаго въ эту пору конечно была любовь его къ матери. Чувство это тѣмъ болѣе расло и усиливалось въ немъ, что онъ самъ уже могъ хорошо оцѣнить отношенія къ ней отца, которыя далеко не могли назваться очень пріятными. Въ продолженіе трехъ лѣтъ онъ былъ свидѣтелемъ, что положеніе нѣжно-любимой имъ матери въ домѣ было вовсе незавидное. Понятно, что молодое, горячее чувство его, поставленное между двумя сторонами, все больше и больше

отбивалось отъ одной изъ нихъ и естественно наклонялось въ другую. По счастію, впрочемъ, перевѣсъ происходилъ въ такомъ направленіи, которое могло послужить только въ пользу ему.

Къ концу пребыванія Грановскаго въ Погорѣльцѣ, въ тамошнемъ домашнемъ быту произошла небольшая перемѣна. Между симпатическими знакомствами его этого времени мы назвали между прочимъ M-lle Герито. Она повидимому особенно расположила и даже привязала къ себѣ молодаго человѣка необыкновенною любезностію и веселостію своего нрава, такъ что по возвращеніи своемъ изъ Малороссіи онъ любилъ время отъ времени обмѣниваться съ нею письмами. Нѣсколько изъ нихъ дошло въ цѣлости до насъ. Всѣ они написаны пофранцузски, какъ потому, что M-lle Герито не знала русскаго языка, такъ и потому, что корреспондентъ ея рано получилъ привычку къ французскому языку. Сначала эти письма кажутся довольно странными. Чувство, въ нихъ проходящее, довольно неуловимо. Его нельзя назвать ни дружбою, ни даже просто симпатіею, а между тѣмъ видно, что корреспонденту г-жи Герито пріятно завести съ нею разговоръ по всякому поводу. Въ письмахъ своихъ къ ней, онъ почему-то называетъ себя «пасторомъ», le pasteur, а о Грановскомъ говоритъ какъ о третьемъ лицѣ, или какъ о своемъ другѣ, надъ которымъ позволяетъ себѣ слегка посмѣяться (1). Поводомъ къ такому

---

(1) Вотъ для образчика одно изъ этихъ писемъ. Mademoiselle! Comment le pauvre pasteur pourrait-il vous exprimer toute la reconnaissance pour votre charmante incomparable lettre? S'il savait même toutes les langues de l'univers, il ne trouverait pas assez d'expressions pour le faire, mais en français c'est vraiment impossible; le bon Dieu seul pourra dignement vous recompensser de ce que vous daignez encore vous souvenir parfois de son serviteur, pour moi je ne puis que continuer de prier pour vous (si toutes fois mes prières peuvent vous être utiles), surtout j'implore le Tout-Puissant de preserver la plus aimable de ses brebis de l'incredulité, car votre lettre ne m'a que trop prouvé, que vous me croyez capable de mentir en vous parlant. Malheureux que je suis! L'ai-je merité? Ma philosophie seule m'a soutenu, mais, mon amie, je vous assure, croyez-moi du moins cette fois, c'est vraiment un désespoir de la mauvaise opinion que vous avez de lui, j'ai beau lui dire qu'il n'y avait aucun mérite d'être un peu meilleur qu'à l'ordinaire là où tout est parfait, il ne m'écoute point et ne cesse de se lamenter. Au reste c'est assez de vous occuper d'un être aussi insipide, vous me permettrez de vous parler de quelque chose de plus intéressant, c'est-à-dire de mon idéal. Que fait-il? où est-il? Se souvient-il de son triste chevalier? Vous avez raison de dire, mademoiselle, que c'est une triste chose que l'amour

странному раздѣленію послужило повидимому различіе въ отношеніяхъ Грановскаго къ M-lle Герито и къ другимъ лицамъ, ею ловко подмѣченное и обращенное въ шутку. Какъ бы то ни было, отсюда выходитъ довольно милая игра разными намеками, хотя и не всегда понятными для читателя. Изъ нихъ ясно видно только то, что M-lle Герито успѣла внушить Грановскому много довѣренности къ себѣ и скоро сдѣлалась повѣренною нѣкоторыхъ маленькихъ его секретовъ. Но сверхъ того, кажется намъ, своими любезными качествами она затронула въ молодомъ человѣкѣ еще одну довольно живую струну. Это была его наклонность къ веселой шуткѣ, сохранившаяся у него до послѣдняго времени. Въ M-lle Герито онъ впервые встрѣтилъ лицо, готовое съ своей стороны поддержать въ немъ это расположеніе, и не преминулъ, какъ умѣлъ, воспользоваться даннымъ поводомъ. Воображеніе было тотчасъ приведено въ движеніе, и хотя выдумка на первый разъ вышла можетъ-быть не совсѣмъ удачна, но все же на нѣкоторое время она заняла мысль молодаго корреспондента и дала пищу пробуждавшейся фантазіи его. Скоро, впрочемъ, наступилъ конецъ фантастической перепискѣ. M-lle Герито оставила домъ тетки Грановскаго и переселилась въ самый Погорѣлецъ, также въ качествѣ гувернантки. Это было въ 1830 году. Грановскій потерялъ такимъ образомъ одного изъ своихъ исправныхъ корреспондентовъ, но за то въ домашнемъ быту жителей Погорѣльца стало одною умною собесѣдницею больше. У Грановскаго явилось новое занятіе. Онъ часто бралъ изъ библіотеки отца старые переводные романы (Дарленкура и другихъ), чтобы перечитывать ихъ вслухъ своей матери; теперь, когда M-lle Герито хотѣла быть его слушательницею, онъ долженъ былъ брать на себя трудъ передавать содержаніе книги пофранцузки и мало-по-малу привыкъ дѣлать это à livre ouvert.

---

platonique. Il me fait même oublier que ma longue épitre vous ennuie déjà depuis longtemps. Daignez donc agréer les assurances de l'estime profonde de celui qui a l'honneur de se dire,

Mademoiselle,

Votre

très humble serviteur

Le Pasteur.

Безъ даты. Писано въ Орлѣ.

Такъ проходило время въ Погорѣльцѣ до новой перемѣны въ положеніи Грановскаго (1).

Ему было уже около осьмнадцати лѣтъ. Наконецъ надобно было подумать, если не о школѣ, то хотя о томъ, чтобы такъ или иначе устроить его судьбу. Всякій видѣлъ, что въ Погорѣльцѣ ему нельзя оставаться долѣе. Еслибы въ то время выборъ предоставленъ былъ самому Грановскому, онъ не колеблясь отдалъ бы предпочтеніе военной службѣ. Такъ говорилъ онъ самъ въ послѣдствіи, вспоминая объ ошибкахъ и заблужденіяхъ своей юности. Время еще полно было свѣжей памяти о славныхъ дняхъ 12-го года. У Грановскаго не выходили изъ головы герои какъ отечественной, такъ и общеевропейской войны, веденной за независимость народовъ противъ французскаго завоевателя. Особенно любилъ онъ переноситься мыслію въ эпоху всеобщаго вооруженія Пруссіи, когда почти все мужское народонаселеніе готовилось идти на войну. Но это юношеское стремленіе Грановскаго встрѣтило себѣ сильное противорѣчіе со стороны матери; она предпочитала для любимаго сына гражданскую службу, и такъ какъ отецъ повидимому былъ довольно равнодушенъ къ выбору, то голосъ ея взялъ перевѣсъ. Въ январѣ 1831 года положено было отправить Грановскаго въ Петербургъ и тамъ опредѣлить гдѣ-нибудь на службу, поручивъ его на первое время вниманію и попеченію родственниковъ.

Рѣшеніе болѣе или менѣе случайное, но очень важное для всей будущности Грановскаго. Оно надолго, можетъ-быть даже навсегда, отдѣляло его отъ родной семьи; оно вдругъ переносило его изъ отдаленной южной губерніи на сѣверъ, изъ провинціяльной глуши въ столицу имперіи. Оно же навсегда уничтожало для него возможность попасть въ число воспитанниковъ Московскаго университета,—путь, который, казалось, ожидалъ его впереди, пока онъ находился для образованія въ одномъ изъ московскихъ пансіоновъ. Грановскому выпала сверхъ чаянія другая дорога.

Но напередъ мы должны еще разказать одно дорожное приключеніе. Грановскій отпущенъ былъ изъ дому одинъ. При немъ былъ необходимый запасъ обыкновенныхъ денегъ, полученныхъ отъ отца на дорогу, да еще небольшое собраніе старыхъ золотыхъ монетъ, подарокъ матери. Годъ былъ холерный, и такъ какъ болѣзнь казалась заразительною, то въ разныхъ мѣстахъ устроены были

(1) Большею частію подробностей объ этой части молодости Грановскаго мы также обязаны Е. Б. Грановской.

карантины. Грановскому также пришлось просидѣть въ одномъ изъ нихъ нѣсколько дней: можно вообразить себѣ его скуку и нетерпѣніе. Онъ былъ, впрочемъ, не одинъ: между товарищами его временнаго заключенія находился также и одинъ отставной военный, который взялся отыскать развлеченіе для себя и для него. Это были карты. Предложеніе показалось Грановскому такъ просто и естественно, что онъ принялъ его не колеблясь. Ему и въ голову не приходило подумать, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, тогда какъ партнеръ его, кажется, дѣйствовалъ навѣрное. Началась игра; въ короткое время Грановскій проигралъ свои дорожныя деньги. Ему стало досадно; онъ захотѣлъ непремѣнно отыграться и пустилъ въ ходъ собраніе старыхъ золотыхъ монетъ. Но онъ имѣлъ дѣло съ старымъ, опытнымъ воробьемъ: тотъ не хотѣлъ польстить ему даже маленькимъ выигрышемъ и въ нѣсколько минутъ прибралъ къ своимъ рукамъ и послѣдній запасный капиталъ, которымъ Грановскій думалъ отыграть потерянное. Урокъ былъ слишкомъ жестокъ для молодаго, неопытнаго, предоставленнаго самому себѣ человѣка, и могъ имѣть для него очень дурныя послѣдствія. Не говоря уже стыдѣ и о раскаяніи, Грановскому наконецъ не съ чѣмъ было доѣхать до Петербурга. По счастію, въ той же компаніи, изъ которой вышелъ негодяй, такъ безсовѣстно обобравшій его, нашелся и одинъ истинно добрый человѣкъ, какъ кажется купеческаго званія. Замѣтивъ смущеніе Грановскаго, онъ подошелъ къ нему съ участіемъ, разспросилъ объ его положеніи, и предупреждая всякую просьбу, самъ очень деликатно предложилъ ему денегъ на дорогу. Этому доброму участію незнакомаго проѣзжаго Грановскій обязанъ былъ тѣмъ, что могъ наконецъ добраться до Петербурга. Спустя много лѣтъ, разказывая объ этомъ своемъ «приключеніи», онъ всегда съ самою теплою признательностію вспоминалъ о своемъ неизвѣстномъ благодѣтелѣ и очень сожалѣлъ, что не могъ потомъ узнать его имени.

Непріятное положеніе Грановскаго не кончилось пріѣздомъ въ Петербургъ. Его смущала мысль о томъ, что̀ скажутъ дома, когда узнаютъ о случившемся съ нимъ дорогою. Чтобы предупредить неизбѣжные толки, онъ хотѣлъ тотчасъ же написать обо всемъ къ отцу, но отложилъ это намѣреніе по совѣту дяди (г. Бодиско), который думалъ, что такое извѣстіе могло бы очень огорчить его родителей. Повидимому г. Бодиско взялся самъ писать въ Погорѣлецъ, и чтобы сколько можно уменьшить провинность племянника въ глазахъ его семейства, показалъ лишь

четвертую часть всего проигрыша (20 руб. асс. вмѣсто 85). Но Грановскій также не утерпѣлъ: не привыкнувъ ничего скрывать отъ матери, онъ черезъ нѣсколько времени откровенно сознался ей во всемъ и, къ удивленію своему, вмѣсто ожиданнаго выговора, получилъ въ отвѣтъ очень мягкое письмо. Эта добрая и нѣжная мать была вѣрна себѣ до конца, и такъ какъ сынъ больше всего дорожилъ ея мнѣніемъ о себѣ, то весьма естественно, что послѣ ея отвѣта онъ скоро успокоился, и несчастная исторія мало-по малу стала приходить въ забвеніе (1).

Еслибы кто въ неосторожномъ поступкѣ Грановскаго, на дорогѣ его въ Петербургъ, замѣтилъ излишнее увлеченіе, мы бы съ своей стороны не стали противорѣчить. Увлеченіе безъ сомнѣнія было въ немъ, и мы скажемъ даже болѣе,—оно не было у него только выраженіемъ юности, но не рѣдко прорывалось въ немъ и въ болѣе зрѣлые года. Смѣемъ думать, что увлеченіе не порокъ само по себѣ, и что если оно можетъ быть унижено нечистымъ побужденіемъ, такъ оно же, облагороженное цѣлію, еще болѣе способно возвысить въ нашихъ глазахъ цѣну дѣйствій человѣка. Въ той маленькой исторіи, которую мы разказали, увлеченіе Грановскаго, конечно, было безотчетное и объясняется только его молодостію. Но надобно знать, какъ скоро потомъ приходилъ онъ къ сознанію своего поступка, какъ хорошо понималъ свою природу и какъ отчетливо судилъ о своихъ дѣйствіяхъ. «Depuis que je suis ici, писалъ онъ къ теткѣ изъ Петербурга по поводу той же исторіи: je n'ai pas touché les cartes, ce qui du reste ne me coûte pas beaucoup, car je les aime tout aussi peu que jadis, et si j'ai joué en quarantaine, c'est qu'ayant commencé pour passer le temps, j'ai continué pour regagner mon argent,—l'amour du jeu n'y était pour rien. D'ailleurs on ne peut ni assez perdre ni assez gagner aux cartes; peut-être il m'arrivera de jouer encore dans ma vie, mais ce sera à un gros jeu: ou j'y gagnerai quelque chose de plus beau que l'argent, ou je m'y perdrai moi-même. Mais n'allez me croire capable de rechercher le gain de quelques roubles. Jamais je ne m'avilirai jusque là» (2). Тѣ, которые знали Грановскаго въ по-

---

(1) Такъ, кажется намъ, слѣдуетъ согласить извѣстіе самого Грановскаго въ письмѣ его къ теткѣ (отъ 3 октября 1831), что дядя отсовѣтовалъ ему писать въ деревню, съ тѣмъ, что̀ сообщала мнѣ Е. Б. Грановская о письмѣ Т. Н-ча къ матери и объ ея отвѣтѣ.

(2) «Съ тѣхъ поръ какъ я нахожусь здѣсь, я не прикасался къ кар-

слѣдующіе годы, согласятся съ нами, что въ этихъ словахъ онъ сказался лучше, чѣмъ можетъ-быть думалъ самъ. Нельзя не узнать его: такимъ онъ былъ дѣйствительно въ минуты своей жизни, болѣе критическія чѣмъ послѣ карантиннаго проигрыша. Быстрота и смѣлость рѣшенія были всегда готовы у него, и никогда не задумывался онъ надъ тѣми лишеніями, которыхъ могло стоить ему благородное рѣшеніе.

Но вотъ наконецъ Грановскій въ Петербургѣ. Онъ во всѣхъ отношеніяхъ гораздо далѣе отъ своихъ, чѣмъ когда находился въ московскомъ пансіонѣ, онъ несравненно болѣе принадлежитъ теперь самому себѣ, наконецъ онъ поставленъ гораздо независимѣе для выбора себѣ дороги жизни. Куда пойдетъ онъ? кѣмъ окружитъ себя? къ чему особенно привяжетъ свои симпатіи, и какое выберетъ себѣ направленіе? Мы уже отчасти знаемъ юношу. Въ немъ много врожденной живости; кровь обращается въ немъ быстро; воображеніе его пылко, но ничѣмъ еще не поражено сильно и потому довольно спокойно; онъ собралъ посредствомъ чтенія порядочный запасъ свѣдѣній разнаго рода, но въ нихъ нѣтъ ни порядка, ни основательности: они только разшевелили въ немъ потребность знанія, нисколько не удовлетворивъ ея; наклонности его благородны; онъ почти вовсе не знаетъ еще людей, но сердце въ немъ симпатическое; одна привязанность заложена въ немъ глубже всѣхъ, но есть мѣсто и другимъ. Какъ воспользуется онъ теперь своею независимостію? останется ли онъ вѣренъ тому назначенію, которое придумали для него въ деревнѣ, или увлечется тѣмъ, что̀ до сихъ поръ самъ считалъ своимъ призваніемъ, то-есть военною службою? Въ центрѣ административной дѣятельности цѣлой имперіи пробудится ли въ немъ честолюбіе, и вмѣстѣ съ другими будетъ ли онъ усильно добиваться честей, или въ немъ заговорятъ другіе,

---

тамъ, что̀ впрочемъ было мнѣ не трудно, потому что я такъ же мало люблю ихъ теперь, какъ и въ прежнія времена; а если я игралъ въ карантинѣ, то начавъ для препровожденія времени, я продолжалъ только для того, чтобъ отыграться,—тутъ нисколько не участвовала страсть къ игрѣ. Впрочемъ въ картахъ ни выигрышъ, ни проигрышъ не имѣетъ большой цѣны, можетъ-быть прійдется мнѣ играть еще когда-нибудь въ моей жизни, но ужь если играть, то играть въ большую игру: или прійдется мнѣ выиграть что-нибудь по лучше денегъ, или распроститься съ самимъ собою. Но не вздумайте считать меня способнымъ добиваться выигрыша нѣсколькихъ рублей. Никогда я не унижусь до этого.» Изъ письма къ теткѣ, о которомъ мы уже упоминали.

мало извѣстные инстинкты, и сообразно съ ними онъ будетъ стараться проложить себѣ дорогу внѣ всѣхъ сдѣланныхъ прежде предположеній?

Все это пока только возможность, равной силы и равнаго значенія. Но пройдетъ немного времени, и та или другая изъ нихъ возьметъ перевѣсъ надъ прочими и превратится въ дѣйствительность. Будемъ же наблюдать, какъ совершалось это превращеніе.

На первое время Грановскій поселился въ домѣ своего родственника, г. Бодиско, за которымъ была его тетка (другая сестра его матери). Сначала ему было довольно дико видѣть себя въ незнакомомъ городѣ, и первые дни онъ почти никуда не выходилъ, оставаясь дома съ своимъ дядею, или проводя время за книгою (1). Но волею или неволею скоро пришлось выйдти ему изъ этого заключенія. Въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ, вѣроятно благодаря покровительству дяди, онъ былъ записанъ на службу въ департаментъ..... Началось хожденіе каждый день въ департаментъ и знакомство съ товарищами. Занятія Грановскаго, по его собственнымъ словамъ (также въ одномъ письмѣ къ теткѣ), были очень не велики и незначительны: они состояли то въ перепискѣ бумагъ, то въ небольшихъ переводахъ. Впрочемъ, такъ какъ письмоводство происходило большею частію по-французски, оно принесло ему ту несомнѣнную пользу, что онъ могъ еще лучше овладѣть французскимъ языкомъ, которымъ говорилъ уже съ дѣтства. «Я скоро стану, писалъ онъ къ сестрѣ, писать пофранцузски лучше, чѣмъ порусски, ибо въ департаментѣ все пишу французскія бумаги (2).»

Но вообще матеріалъ для ежедневныхъ департаментскихъ занятій былъ очень незначителенъ, и потому остальное время на службѣ проходило въ разговорахъ съ товарищами. Тутъ Грановскій знакомился столько же съ лицами, сколько и съ предметами для него новыми. Разговоры продолжались иногда и вечеромъ, въ квартирѣ того или другаго изъ товарищей. Такимъ образомъ Грановскій все больше и больше узнавалъ Петербургъ и привыкалъ къ нему. Мало-по-малу образуется у него и вкусъ къ нѣкоторымъ удовольствіямъ петербургской жизни. Онъ самъ упоминаетъ о нихъ въ письмахъ своихъ къ сестрѣ.

---

(1) Письмо къ теткѣ въ мартѣ 1831. Ср. также письмо къ сестрѣ (подъ № 1).

(2) Письмо къ сестрѣ 1831 (подъ № 4).

Такъ ему пріятно зайдти иногда въ кондитерскую, потому что тамъ «можно найдти всѣ журналы русскіе и много иностранныхъ»; такъ начинаетъ онъ посѣщать театры, при чемъ отдаетъ предпочтеніе французскому передъ русскимъ, прибавляя, что «послѣдній посѣщалъ бы чаще, но дорого» (1). И въ томъ и въ другомъ случаѣ выборъ очень счастливый: онъ показываетъ, что молодой, неопытный провинціялъ привезъ съ собою однако достаточный запасъ любознательн сти, и что эстетическій вкусъ былъ въ немъ врожденною способностію (2).

Первый шагъ въ новую жизнь былъ сдѣланъ. Отчего же было и не продолжать ея тѣмъ же порядкомъ? Но у нашего молодаго человѣка вдругъ является мысль—объ *университетѣ* (3). Откуда взялась она? Намъ хотятъ внушить, что эта мысль была подана ему кѣмъ-нибудь изъ его родственникомъ, рѣшившимъ про себя, что молодому человѣку не дурно бы еще поучиться. Ничего подобнаго не находимъ въ письмахъ самого Грановскаго, да и не имѣемъ никакой нужды въ подобномъ предположеніи. Онъ былъ уже не ребенокъ и не имѣлъ нужды, чтобы за него рѣшали другіе. Мысль же объ университетѣ могла встрѣтиться ему вездѣ, какъ скоро онъ былъ въ Петербургѣ. Она легко могла представиться ему въ разговорахъ съ товарищами, зародиться при встрѣчѣ съ студентами, и т. п. Съ его стороны всего важнѣе было ухватиться за нее и стараться привести ее въ исполненіе. Намѣреніе свое Грановскій спѣшилъ сообщить своему семейству. Отецъ былъ противъ, но мать поддерживала сколько могла желаніе сына, и своимъ согласіемъ, кажется, окончательно рѣшила его выборъ. Родные Грановскаго упрекали его въ непостоянствѣ, но онъ оставался твердъ въ своемъ намѣреніи. «Mais croyez-moi, писалъ онъ по этому случаю къ своей теткѣ, je ne change pas d'idées aussi souvent que peut être on le croit. Maintenant je desire étudier: c'est encore de l'inconstance, direz-vous, entrer au service, être bien et vouloir le quitter au bout de quelques jours, c'est aller vite. Mais attachant beaucoup de prix à l'opinion de ma bonne tante, je la prie d'attendre quelque temps avant de me proclamer inconséquent, et si au bout de deux ans

(1) Въ письмѣ къ сестрѣ за 1831 (подъ № 3).

(2) Г. Григорьеву вѣроятно пріятно будетъ узнать, что такъ называемыя имъ эпикурейскія наклонности Грановскаго начались гораздо ранѣе, нежели какъ онъ полагалъ въ своемъ очеркѣ.

(3) Первое упоминаніе о ней находимъ въ томъ же письмѣ подъ № 3.

je reviens à Pogoreletz aussi sot et ignorant que jadis, alors... Il est impossible de vaincre sa destinée, du moins on peut lutter avec elle, et je le ferai.» (1).

Ясно, что петербургская жизнь пробудила въ Грановскомъ сознаніе недостатковъ начальнаго его образованія и развила въ немъ живую потребность восполнить ихъ всѣми возможными средствами. За мысль, внушенную другими, не принимаются такъ горячо, какъ онъ взялся за мысль объ университетѣ.

Но въ это самое время послѣдовалъ для него неожиданный ударъ, который обратилъ мысли его совсѣмъ въ другую сторону и могъ заставить его совершенно отказаться отъ своего плана. Еще въ февралѣ 1831 года Грановскій лишился своей тетки, у которой жилъ въ Петербургѣ, такъ что хотѣлъ онъ или не хотѣлъ, а ему надобно было скоро подумать о перемѣщеніи на вольную квартиру. Это было первое испытанное имъ неудобство въ новой жизни. Но его ожидало гораздо болѣе тяжелое испытаніе. Лѣтомъ того же года, только что успѣлъ онъ подать просьбу объ отставкѣ и началъ помышлять о приготовленіи къ экзамену, изъ деревни пришло извѣстіе о смерти его матери. Грановскій менѣе всего былъ приготовленъ къ этому несчастію. Въ его годы и въ его положеніи не могло быть болѣе чувствительной потери. Въ одно время онъ лишался самой глубокой своей привязанности и самой твердой своей опоры, не говоря уже о матеріяльной помощи, которая болѣе всего зависѣла отъ матери. Нѣкоторое время горе сильно давило его, тѣмъ болѣе что не могло быть ни съ кѣмъ раздѣлено. Удаленный отъ семьи и еще не видя около себя преданныхъ друзей, онъ лишь самъ съ собою долженъ былъ пережить самыя трудныя минуты. Даже въ перепискѣ съ старшею сестрою онъ едва смѣлъ коснуться поразившаго ихъ общаго несчастія. Молодое чувство его было сильно потрясено и не находило себѣ никакого выхода. Напрасно старался онъ дать ему другое направленіе и въ минуту

(1) «Но повѣрьте мнѣ, я не такъ часто мѣняюсь въ моихъ мысляхъ, какъ думаютъ. Теперь я хочу учиться: это опять непостоянство, скажете вы, вступить въ службу, получить хорошее мѣсто и бросать его черезъ нѣсколько дней,—не слишкомъ ли все это скоро? Придавая большую цѣну мнѣнію моей доброй тетушки, я прошу ее немного подождать прежде чѣмъ упрекать меня въ непостоянствѣ, и если года черезъ два я вернусь въ Погорѣлецъ такимъ же глупцомъ или невѣждою, каковъ былъ прежде, то... Нельзя преодолѣть судьбу, но можно съ нею бороться, и я буду бороться.»

душевнаго умиленія приглашалъ и сестру перенести всю любовь, которую оба они питали къ матери, на пережившаго ее отца: «Онъ теперь намъ отецъ и мать, писалъ къ ней Грановскіи; для него должны мы жить въ ожиданіи соединенія съ нею (1).» Одно чувство не могло послужить замѣною другаго. Притомъ эти отношенія были такъ различны, что при самой доброй волѣ нельзя было восполнить недостатокъ однихъ другими. Время, одно только время, могло заживить эту больную рану, надолго лишившую молодаго человѣка свободы всѣхъ его движеній. Еще въ сентябрѣ онъ жаловался на то, что не можетъ взяться ни за какую работу. Чѣмъ больше думалъ онъ о своей потерѣ, тѣмъ больше сознавалъ ея великость. Вмѣстѣ съ нею трудъ и занятіе потеряли всякую цѣну въ его глазахъ. Но цѣлительная сила времени обнаруживалась уже въ томъ, что онъ по крайней мѣрѣ могъ привести свои печальныя мысли въ порядокъ и отыскать для себя въ нихъ самихъ новую точку отправленія. Это мѣсто письма его къ теткѣ такъ замѣчательно, что мы считаемъ за нужное привести его здѣсь вполнѣ.

« Depuis sa mort, писалъ онъ, je suis devenu un véritable paresseux. Je ne travaille, je ne me mets à un ouvrage quelque facile qu'il soit qu'avec une véritable aversion. Pourquoi travailler? Cela ne *lui fera plus de plaisir*, *mes succès ne recevraient point de recompense.* J'ai perdu en elle mon ange gardien; j'ai perdu en la perdant plus que vous ne croyez, ma bonne tante. La triste nouvelle ne m'a pas fait pleurer: le lendemain je parlais déjà bien tranquillement avec Mr. Sargensky de choses tout-à-fait *indifférentes*. Mais vous vous souviendrez peut-être un jour que ce n'était pas pour rien que je vous disais, que j'ai perdu mon ange gardien. Vous m'écrivez qu'elle trouvera là haut sa recompense pour ce qu'elle a souffert ici: je croyai cependant la rendre si heureuse dans ses vieux jours! Je m'en sentais la force. Du moins il me reste cette consolation que *son fils sera toujours digne d'Elle.*» (2)

---

(1) Письмо къ сестрѣ 1831 (подъ № 6).

(2) «Послѣ ея смерти я сталъ совершеннымъ лѣнивцемъ; за всякій трудъ, за всякое дѣло, хотя бы самое легкое, я принимаюсь съ истиннымъ отвращеніемъ. Къ чему трудиться? Это не порадуетъ ея, мои труды останутся безъ награды. Я потерялъ въ ней моего ангела хранителя; съ ея смертью я потерялъ болѣе чѣмъ вы думаете, милая тетушка. Я не плакалъ, когда пришло печальное извѣстіе: на другой день я говорилъ съ г. Сарженскимъ о разныхъ вещахъ. Но вы помянете мое слово: я не даромъ назвалъ ее моимъ ангеломъ хранителемъ. Вы мнѣ пишете, что

Можно позавидовать такому чистому чувству и вмѣстѣ такому явному сознанію своего долга въ отношеніи къ умершей. И въ томъ и въ другомъ былъ вѣрный залогъ многихъ прекрасныхъ свойствъ. Вытекавшая отсюда для него задача особенно стóитъ того, чтобы поставить ее на видъ читателю. Стараться быть достойнымъ сыномъ такой матери—въ этой мысли Грановскій нашелъ для себя лучшее утѣшеніе, и она же дала ему нравственныя силы для дѣятельности.

Охота къ занятіямъ, въ самомъ дѣлѣ, мало-по-малу возвратилась къ нему. Положеніе его было трудное. Съ смертію матери онъ лишился единственныхъ вѣрныхъ средствъ содержать себя въ Петербургѣ. Отецъ не только не обѣщалъ ему ничего, но и ничего не писалъ ему о своихъ намѣреніяхъ. Несмотря на то, Грановскій твердо оставался при своей мысли о вступленіи въ университетъ, и съ этою цѣлію началъ приготовленіе къ экзамену. Въ одно и то же время ему приходилось бороться съ многими трудностями. Прежде всего надобно было стараться устроить такъ или иначе матеріяльную жизнь. Съ тѣми скудными средствами, которыя уцѣлѣли у Грановскаго отъ прежняго времени, почти нельзя было и думать жить одному. По счастію, онъ встрѣтилъ въ Петербургѣ бывшихъ своихъ пансіонскихъ товарищей, гг. Соловцова и Баумгарта, которые тогда находились уже въ военной службѣ, и чтобы хоть немного сократить свои расходы, поселился вмѣстѣ съ первымъ изъ нихъ на одной квартирѣ. Имѣя постоянно передъ глазами своего прежняго товарища и пріятеля, теперь военнаго человѣка, Грановскій однако не соблазнился его примѣромъ. Трудность, которая предстояла ему въ этой общей жизни съ старымъ товарищемъ, была совсѣмъ другаго рода. Столъ положено было держать вмѣстѣ, но Грановскій скоро замѣтилъ, что ему вовсе не подъ силу тянуться за своимъ товарищемъ. Чтобы скрыть свое замѣшательство, онъ началъ подъ разными предлогами уклоняться отъ домашнихъ обѣдовъ. Онъ ссылался на какое-нибудь мнимое приглашеніе, уходилъ изъ дому и не разъ оставался вовсе безъ обѣда. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока случай

она тамъ найдетъ себѣ награду за все то, что она выстрадала здѣсь. А я такъ надѣялся успокоить и утѣшить ее на старости! Мнѣ казалось, что я могъ бы это сдѣлать. По крайней мѣрѣ я утѣшаю себя тѣмъ, что ея сынъ будетъ достоинъ ея.» Изъ письма къ теткѣ отъ 23 сент. 1831 года.

не свелъ его съ однимъ изъ его земляковъ, также проживавшимъ въ Петербургѣ небольшими средствами. Г. Кристофовичъ пригласилъ Грановскаго жить вмѣстѣ. Средства послѣдняго отъ того нисколько не увеличились, но тутъ по крайней мѣрѣ съ обѣихъ сторонъ было полное равенство, и одному нечего было чиниться передъ другимъ, чтобы скрыть свои недостатки. Другая трудность казалась еще непобѣдимѣе. Начавъ приготовленіе къ экзамену, Грановскій скоро почувствовалъ нужду въ чужой помощи. Кромѣ собственныхъ занятій, по нѣкоторымъ предметамъ ему необходимы были уроки. Но уроки требовали денегъ, а Грановскій и безъ того терпѣлъ въ нихъ нужду (1). Сверхъ того впереди предстояла ему значительная трата на форменное платье и на необходимый запасъ книгъ, а между тѣмъ кошелекъ его съ каждымъ днемъ истощался. Мы даже не знаемъ, какими чрезвычайными средствами, или какою особенною изворотливостію могъ онъ выбиться изъ этого крайне-затруднительнаго положенія. Вѣрно только то, что, несмотря на всѣ трудности, онъ устоялъ въ своемъ намѣреніи и почти безъ всякой помощи проложилъ себѣ дорогу къ университету.

Академическій и гражданскій годы тогда совершенно совпадали между собою. Университетскіе курсы открывались въ началѣ каждаго новаго года и закрывались къ концу его. Грановскій расположилъ свои занятія такъ, чтобы поступить въ университетъ не позже начала слѣдующаго 1832 года. Ему дорогá казалась всякая излишняя потеря времени. Но на бѣду его, въ пріемѣ студентовъ и расположеніи курсовъ произошла въ это самое время очень невыгодная для него перемѣна. Впредь положено было принимать студентовъ только послѣ лѣтнихъ вакацій. Грановскому угрожала безплодная и очень тягостная въ его положеніи потеря нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Чтобы выйдти изъ этого новаго затрудненія, молодому человѣку приходилось противъ воли искать сторонняго покровительства. Но намѣреніе его было неизмѣнно, и онъ, не имѣя никакихъ связей, рѣшился однако на искательство. Какимъ-то неизвѣстнымъ путемъ, въ самомъ дѣлѣ, удалось ему

---

(1) J'ai voulu me préparer pour l'examen tout seul, mais c'est vraiment impossible: il faut bien jeter 100 r. pour quelques leçons etc. (я хотѣлъ одинъ приготовляться къ экзамену; но это рѣшительно невозможно: придется бросить на уроки рублей сто, и т. д.), писалъ онъ къ теткѣ отъ 22 декабря 1831 года. Исчисливъ притомъ и другія свои потребности, онъ заключаетъ: le diable a inventé l'argent (чортъ выдумалъ деньги)'

достать рекомендательное письмо къ одному профессору правъ, и тотъ обѣщалъ ему свое содѣйствіе, но при всемъ своемъ добромъ желаніи могъ сдѣлать для своего protégé, кажется, только одно, что онъ былъ допущенъ къ слушанію университетскихъ лекцій безъ степени студента, съ обязательствомъ держать вступительный экзаменъ въ свое время (1).

Итакъ послѣ многихъ усилій, передъ молодымъ человѣкомъ, отворились наконецъ двери университета. Онъ началъ дѣятельно посѣщать лекціи и въ то же время продолжалъ свои занятія для приготовленія къ экзамену. Естественно, что въ это время ему уже было не до развлеченій. Выбравъ самъ себѣ цѣль впереди, онъ шелъ къ ней твердымъ и вѣрнымъ шагомъ. Лѣтомъ 1832 года начались экзамены для вступающихъ. Они начались въ августѣ и кончились не ранѣе сентября. Никогда не подвергавшись публичнымъ испытаніямъ, Грановскій мало довѣрялъ себѣ и долженъ былъ употреблять большія усилія, чтобы не отстать отъ другихъ (2). Наконецъ совѣтъ университета произнесъ свое рѣшеніе, и нашъ юноша не безъ сердечнаго трепета увидѣлъ свое имя между принятыми студентами (3). Грановскій вступилъ на юридическій факультетъ. По всѣмъ извѣстіямъ, этотъ выборъ зависѣлъ не столько отъ его воли, сколько условленъ былъ необходимостію. Къ математикѣ Грановскій не чувствовалъ особенной наклонности, а къ факультету словесныхъ наукъ онъ находилъ себя недовольно приготовленнымъ, по недостаточному знанію древнихъ языковъ. Главное, впрочемъ, состояло для него не столько въ той или другой отрасли наукъ, сколько вообще въ университетскомъ образованіи, и онъ былъ счастливъ уже и тѣмъ, что нашелъ доступъ къ нему.

---

(1) Всѣ эти подробности взяты нами изъ того же письма Грановскаго къ теткѣ. Въ слѣдующемъ (отъ 4 янв. 1832) онъ писалъ къ ней же: «Après demain j'irai déjà à l'université pour y entendre les cours, c'est-à-dire pas encore comme étudiant: il est impossible de m'admettre comme tel avant l'examen public qui doit avoir lieu au mois de mai.» (Послѣ завтра я уже отправляюсь слушать лекціи въ университетъ, но еще не студентомъ, потому что для этого нужно выдержать публичный экзаменъ, который будетъ въ маѣ).

(2) «На дняхъ держу экзаменъ, писалъ онъ сестрѣ отъ 30 іюля: шея трещитъ отъ усталости.»

(3) «Mes examens sont finis, писалъ онъ къ теткѣ уже отъ 22 сентября, bien plus heureusement que je ne l'esperais, et me voilà étudiant de droit.»

Мы не можемъ слѣдить за ходомъ всего университетскаго курса Грановскаго. Другіе, которымъ досталось быть товарищами его по университету и находиться съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, брали уже на себя трудъ пересказывать нѣкоторыя подробности, относящіяся къ тому времени. Мы съ своей стороны не располагаемъ никакимъ запасомъ личныхъ воспоминаній изъ той поры въ жизни Грановскаго. Въ нашихъ рукахъ есть лишь нѣсколько писемъ его къ сестрѣ и теткѣ, гдѣ онъ почти только мимоходомъ упоминаетъ объ университетѣ, о переходахъ съ курса на курсъ, объ экзаменахъ. Нашъ матеріалъ даетъ намъ средства только для самой краткой хроники тѣхъ перемѣнъ, какія произошли съ Грановскимъ во время пребыванія его въ университетѣ. Итакъ наше дѣло будетъ сообщить публикѣ тѣ немногія черты, которыя дошли до насъ въ его родственныхъ письмахъ, и пополнить ихъ, гдѣ необходимо, уже напечатанными воспоминаніями товарищей покойнаго.

Университетскія занятія Грановскаго шли ровно, послѣдовательно и безъ всякаго замедленія. По словамъ г. Григорьева, онъ пробылъ на первомъ курсѣ вмѣсто одного года полтора (1). По письмамъ, впрочемъ, этого не выходитъ. Грановскій началъ посѣщать лекціи въ качествѣ сторонняго слушателя; студентомъ же былъ принятъ только въ сентябрѣ 1832 года, слѣдовательно первый курсъ его кончился не ранѣе какъ въ слѣдующемъ году и былъ, какъ и у всѣхъ прочихъ, одногодичный. Лекціи читались тогда поутру и послѣ обѣда; но собственно студенты начинали работать лишь съ приближеніемъ экзаменовъ. Тутъ начиналось, какъ выражается авторъ воспоминаній, сплошное зазубриванье всего того, что̀ было прочитано съ каѳедры въ продолженіе всего учебнаго года. Студентъ только и былъ спасенъ, если могъ съ буквальною вѣрностію передать все слышанное имъ отъ преподавателя. Нѣкоторые изъ слушателей простирали свою ретивость до того, что отваживались на заучиванье наизусть цѣлыхъ печатныхъ томовъ (какъ напримѣръ *Исторіи Греціи* Арсеньева), и по ихъ же собственному увѣренію, благополучно достигали своей цѣли. Послѣ того въ быту нашихъ университетовъ произошло много внѣшнихъ и внутреннихъ перемѣнъ; но къ сожалѣнію ходъ занятій и способъ приготовленія къ отвѣтамъ, для большинства студентовъ, до сихъ поръ остается почти тотъ же. Точно

(1) *Русская Бесѣда*, 1856, кн. III. стр. 19. *Т. Н. Грановскій до его профессорства въ Москвѣ.*

такъ же и теперь студентъ большею частію довольствуется въ учебное время посѣщеніемъ и записываніемъ лекцій, чтобы собрать такимъ образомъ необходимый матеріалъ для приготовленія къ экзамену, которое и наполняетъ у него все послѣднее время курса. Тутъ онъ обремененъ занятіями, тутъ ему некогда вздохнуть свободно, между тѣмъ какъ бо́льшая часть года проходитъ для него въ ожиданіи. Это несоразмѣрное распредѣленіе студенческихъ занятій, приливающихъ обыкновенно къ одной части года, зависитъ объ обязательныхъ переходныхъ экзаменовъ. Пока будетъ существовать причина, не измѣнится и ея дѣйствіе. Студентъ всегда будетъ думать только о томъ, какъ бы отдѣлаться отъ экзамена, и къ концу года по прежнему будетъ обременять себя занятіями, имѣющими чисто-пассивный характеръ и отнимающими у знанія основательность и достоинство.

Какъ и другіе, Грановскій также долженъ былъ слѣдовать обыкновенному тогда порядку въ ходѣ университетскихъ занятій. Только ревность его никогда не доходила до безплоднаго заучиванія на память цѣлыхъ печатныхъ сочиненій. Какъ скоро приближалось время экзаменовъ, онъ тоже усаживался за тетрадки и сидѣлъ за ними съ утра до вечера. Такъ было съ нимъ напримѣръ въ маѣ 1833 года, какъ видно изъ письма къ сестрѣ. И никто конечно не поставитъ ему въ вину того, что̀ было тогда въ общемъ порядкѣ вещей. Покровителей у него не было, а положеніе требовало во что̀ бы то ни стало перейти съ перваго курса на второй. Усилія его были вознаграждены полнымъ успѣхомъ, да сверхъ того, благодаря одному случаю, онъ какъ бы получилъ еще за нихъ особую премію. Нѣкто Василій Максимовичъ (не знаемъ фамиліи этого неожиданнаго благодѣтеля), уѣзжая, какъ видно, на лѣто изъ Петербурга, оставилъ въ распоряженіе Грановскаго значительную часть своей библіотеки. 250 томовъ книгъ. «и въ томъ числѣ *весь Вальтеръ-Скоттъ*, позавидуй» (1), писалъ Грановскій сестрѣ. Это пріобрѣтеніе, хотя только временное, было для него сущій кладъ. Оно давало ему средство не только наполнить начинавшееся для него свободное время, но и запастись новымъ содержаніемъ, расширить свои понятія посредствомъ разнообразнаго чтенія. Нѣтъ нужды

---

(1) Письмо къ сестрѣ отъ 10 мая 1833 года. Въ іюлѣ онъ писалъ о томъ же теткѣ: Nos examens qui ont duré un mois et qui ont été diablement sévères cette année-ci, me faisaient travailler sans exageration jour et nuit. Grace à Dieu, m' en voilà quitte pour un an encore.

объяснять, почему Вальтеръ-Скоттъ былъ ему дорогъ особенно. Если онъ успѣлъ полюбить шотландскаго романиста еще въ деревнѣ, куда можетъ-быть заходили только какіе-нибудь плохіе переводы его съ французскаго, то теперь долженъ былъ цѣнить его еще болѣе. Это обстоятельство повидимому было причиною, что Грановскій, получивши приглашеніе ѣхать на лѣтніе мѣсяцы въ Псковскую губернію (вѣроятно для уроковъ), отказался отъ него и остался въ Петербургѣ.

Въ началѣ втораго курса однообразіе университетской жизни и занятій нѣсколько нарушено было поѣздкою Грановскаго въ Погорѣлецъ. Не надобно впрочемъ думать, чтобъ онъ предпринялъ ее для удовольствія, или для отдыха. Послѣ мы увидимъ, что она была вызвана совсѣмъ другими обстоятельствами. Какъ бы то ни было, она взяла у нашего студента часть октября и ноября 1833 года и оставила одинъ довольно глубокій слѣдъ въ его жизни (1). Потеря времени, употребленнаго на поѣздку, не могла впрочемъ имѣть большаго вліянія на успѣхи Грановскаго въ университетѣ, по тому самому, что, какъ мы сказали, главное зависѣло отъ экзаменовъ, а до нихъ оставалось еще нѣсколько мѣсяцевъ. Изъ воспоминаній г. Григорьева видно, что къ тому же году относится и сближеніе Грановскаго съ нѣкоторыми товарищами по университету, послужившее основаніемъ для пріятельскихъ связей по крайней мѣрѣ на остальное время университетскаго курса и ближайшіе къ нему годы. Во вторую половину года занятія Грановскаго повидимому ничѣмъ болѣе не были нарушены, и по обыкновенному порядку, кончились экзаменомъ и послѣдовавшимъ за тѣмъ переходомъ его на третій или заключительный курсъ университетскаго образованія.

Нельзя не пожалѣть, что, начиная отсюда, въ сохранившихся письмахъ Грановскаго къ сестрѣ, остался пробѣлъ до самаго 1835 года. До насъ не дошли также письма, писанныя имъ къ теткѣ въ промежутокъ отъ 1834 до 1838. Потому мы особенно благодарны г. Григорьеву, котораго воспоминанія даютъ намъ возможность хотя одною чертой пополнить этотъ важный пробѣлъ. Мы только просимъ у него извиненія, что, передавая сообщенный имъ фактъ, принуждены остеречься отъ его кисти, любящей употреблять нѣсколько грязноватый колоритъ даже тамъ,

---

(1) См. одно письмо Грановскаго къ сестрѣ, писанное въ концѣ ноября изъ Москвы, о дорогѣ изъ деревни. Года не означено, но сомнѣнія въ немъ, кажется, быть не можетъ.

гдѣ, кажется, самая натура предмета требуетъ свѣтлыхъ красокъ. Дѣло происходило въ началѣ учебнаго 183⁴/₅ года. Сверхъ обычнаго курса философіи, профессоръ Фишеръ объявилъ между прочимъ, что онъ будетъ читать *исторію философскихъ системъ*. Къ чести нашей университетской молодежи надобно замѣтить, что этотъ важный предметъ всегда возбуждалъ въ ней самое живое участіе. Явленіе очень понятное: для любознательнаго ума, нѣтъ ничего интереснѣе и, прибавимъ, поучительнѣе, какъ слѣдить за совершившимся уже процессомъ философической мысли и наблюдать за многообразными ея превращеніями въ различныхъ школахъ. Курсъ, объявленный профессоромъ Фишеромъ, также возбудилъ нетерпѣливыя ожиданія въ студентахъ петербургскаго университета. Но не успѣлъ еще профессоръ открыть свои лекціи, какъ послѣдовало распоряженіе университетскаго совѣта, отмѣнявшее вовсе чтеніе объявленнаго курса. Студенты, обманутые въ лучшихъ своихъ ожиданіяхъ, не могли помириться съ такимъ рѣшеніемъ. Они еще надѣялись измѣнить его по своему желанію и положили обратиться къ совѣту съ просьбою разрѣшить чтеніе обѣщаннаго имъ курса исторіи философскихъ системъ. Этотъ прекрасный юношескій порывъ происходилъ изъ весьма благороднаго источника, и конечно начальная мысль принадлежала лишь очень немногимъ, которыхъ живая любознательность наиболѣе чувствовала потребность въ здоровой пищѣ науки. Между ними намъ положительно называютъ Грановскаго, и мы легко узнаемъ въ этомъ случаѣ живую и вмѣстѣ столько искреннюю его натуру, которая какъ будто создана была для благородныхъ движеній. Тѣ, которые стояли впереди, увлекли своимъ примѣромъ и прочихъ товарищей, такъ что прошеніе совѣту написано было отъ всѣхъ студентовъ филологическаго и юридическаго факультетовъ и на другой же день подано ректору университета. Но тутъ, къ сожалѣнію, единственный источникъ, изъ котораго мы могли почерпнуть извѣстіе объ этомъ интересномъ явленіи, выходящемъ изъ уровня обыкновенной университетской жизни, измѣняетъ намъ своимъ совершеннымъ молчаніемъ. Разказавъ о дѣйствіяхъ студентовъ до представленія просьбы, авторъ воспоминаній сознается потомъ, что окончаніе дѣла вышло у него изъ памяти, называетъ его, въ заключеніе своего разказа, «выходкою», а Грановскаго честитъ именемъ «коновода» (1). Такъ двумя словами, взятыми изъ словаря

(1) См. статью г. Григорьева, стр. 23.

пошлостей, затоптаны въ грязь, однимъ разомъ, и благородный порывъ юношей и смѣлое начинаніе того, кто, вмѣстѣ съ немногими другими, увлекалъ ихъ своимъ примѣромъ. Впрочемъ мы благодарны автору и за то, что онъ, съ тѣмъ или другимъ намѣреніемъ, спасъ однако отъ забвенія довольно интересную черту въ университетской жизни своего товарища.

О ходѣ университетскихъ занятій Грановскаго въ томъ же году мы очень мало извѣщены. Самъ онъ, занятый совсѣмъ другими отношеніями, едва касается ихъ въ письмахъ къ сестрѣ. Мимоходомъ лишь упоминаетъ онъ даже о такомъ обстоятельствѣ, какъ представленіе его Пушкину, не знаемъ черезъ кого и по какому поводу (1). Надобно полагать, что Грановскій самъ искалъ этой чести, и конечно считалъ тотъ день праздникомъ для себя, когда могъ лично бесѣдовать съ знаменитымъ поэтомъ. Не менѣе интересно упоминаніе о томъ, что уже въ мартѣ 1835 года ему представлялся случай попасть въ число немногихъ избранныхъ, которые назначались къ отправленію за-границу, конечно по окончаніи университетскаго курса (2). Это назначеніе, хотя и не состоявшееся по разнымъ обстоятельствамъ, показываетъ, что Грановскій тогда уже былъ въ виду у университетскаго начальства, какъ одинъ изъ самыхъ способныхъ молодыхъ людей для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ. Между тѣмъ учебный годъ приближался къ концу. Наступило время экзаменовъ. Дѣло шло уже не о переходѣ съ одного курса на другой, а о полученіи первой ученой степени, и Грановскій утроилъ свои усилія, работалъ иногда по тридцати шести часовъ сряду, разстроилъ самое здоровье, чтобы выйдти изъ университета съ честію. Цѣль его была достигнута. Несмотря на непріятности, которыя студенты его курса имѣли съ однимъ изъ своихъ профессоровъ, онъ съ полнымъ успѣхомъ кончилъ свои экзамены и вышелъ съ степенью кандидата юридическаго факультета (3).

Такъ, среди тѣсныхъ и нерѣдко очень затруднительныхъ обстоятельствъ, Грановскій прошелъ весь курсъ университетскаго образованія. Читатель вѣроятно желалъ бы знать, въ какой

---

(1) Въ письмѣ къ сестрѣ отъ 10 февраля 1835 года. Упоминая объ этомъ, Грановскій прибавляетъ, что былъ представленъ поэту—avec une recommendation fort flattante pour moi.

(2) Также въ письмѣ къ сестрѣ отъ 25 марта 1835.

(3) Обо всемъ этомъ см. письмо къ сестрѣ отъ 23 іюня.

степени оно было полно или недостаточно, развило ли оно какіе особые вкусы въ молодомъ человѣкѣ, дало ли ему опредѣленное направленіе, и вообще какія вліянія дѣйствовали на него всего сильнѣе, пока онъ находился въ университетѣ. На эти вопросы еще прежде насъ отвѣчалъ уже отчасти авторъ воспоминаній, какъ ближайшій къ дѣлу свидѣтель. По его описанію, которому мы не имѣемъ никакой причины противорѣчить, тогдашніе наши университеты, въ томъ числѣ и петербургскій, стояли мало чѣмъ выше гимназій. Порядокъ преподаванія былъ почти школьный. Правда, что уроки не задавались, какъ въ школахъ, но за то такъ-называемыя лекціи очень часто читались по печатнымъ учебникамъ. Между профессорами были люди съ именемъ и съ заслуженнымъ авторитетомъ, но на три или на четыре такихъ человѣка приходилось иногда до тридцати преподавателей, которые смотрѣли на свое занятіе какъ на ремесло. Многіе изъ нихъ, читая свой предметъ по нѣскольку лѣтъ, не имѣли почти никакого понятія объ успѣхахъ, сдѣланныхъ наукою въ это время, и сами не двигались ни на шагъ впередъ. При такомъ состояніи преподаванія нельзя было много требовать отъ слушателей. Застой, который такъ сильно чувствовался въ большинствѣ наставниковъ, отражался и на нихъ. Такъ какъ ихъ водили большею частію на ученическихъ помочахъ, то и они вели себя учениками. Не слыша съ каѳедры живаго пониманія науки, они и сами пріучились смотрѣть на нее какъ на мертвую букву. Отъ нихъ требовали какъ высшаго совершенства, чтобъ они передавали съ буквальною вѣрностію слова преподавателя, и они думали исполнить весь свой долгъ, если успѣвали съ точностію затвердить къ экзамену заготовленныя напередъ записки. Самостоятельная дѣятельность не лежала въ требованіяхъ профессоровъ, и по тому самому оставалась почти неизвѣстною и ихъ слушателямъ.

По словамъ того же автора, было впрочемъ тогда въ Петербургскомъ университетѣ нѣсколько преподавателей европейскаго достоинства. Объ одномъ изъ нихъ онъ даже говоритъ съ такимъ энтузіазмомъ, что едва находитъ ему достойное мѣсто между первоклассными учеными всего просвѣщеннаго міра. Никто не споритъ объ обширныхъ и разнообразныхъ знаніяхъ О. И. Сенковскаго, хотя великія заслуги его наукѣ до сихъ поръ остаются недоказанною темою. Притомъ же, чтобъ оцѣнить его достоинства, какъ преподавателя, и подчиниться ихъ вліянію, надобно было занимать мѣсто между его учениками, а Грановскій,

какъ студентъ юридическаго факультета, никогда не имѣлъ чести принадлежать къ ихъ числу. Уже послѣ университетскаго курса, литературныя связи и симпатія ввели нашего молодаго кандидата въ кругъ знаменитаго оріенталиста; но тутъ онъ имѣлъ дѣло уже не съ профессоромъ, а съ издателемъ журнала, и не только не состоялъ подъ его вліяніемъ, но, кажется, даже разстался съ нимъ безъ большаго сожалѣнія. Къ другимъ достойнымъ преподавателямъ, упоминаемымъ въ спискѣ г. Григорьева, между тогдашними университетскими знаменитостями, какъ-то: Щеглову, Грефе, Бонгарду, Грановскій также не имѣлъ никакихъ отношеній, потому что они принадлежали къ другимъ факультетамъ. Были впрочемъ, по извѣстіямъ того же автора, свои «свѣтила» и въ факультетѣ правъ. Сюда причисляетъ онъ Шнейдера, профессора римскаго права, и Врангеля, занимавшаго каѳедру исторіи русскаго законодательства. Съ своей стороны мы должны замѣтить, что мы не слыхивали отъ самого Грановскаго даже именъ этихъ преподавателей: ясный знакъ, что они никогда не производили на него сильнаго впечатлѣнія, и если они принесли ему пользу, то развѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ бываетъ полезенъ исправный учитель въ школѣ. Далѣе г. Григорьевъ прибавляетъ, что университетъ, уже въ концѣ ихъ пребыванія въ немъ, освѣжился еще двумя новыми преподавателями, гг. Устряловымъ и Фишеромъ. Но первый изъ нихъ поступилъ сначала на каѳедру русской словесности, а потомъ уже перешелъ на отечественную исторію, такъ что мы не знаемъ даже, былъ ли Грановскій его слушателемъ. По крайней мѣрѣ у автора воспоминаній нѣтъ на это опредѣленнаго указанія (1). Что же касается г. Фишера, то, кромѣ свидѣтельства г. Григорьева, мы не имѣемъ почти никакихъ данныхъ, чтобы говорить о сильномъ вліяніи его на своихъ слушателей. Намъ извѣстна только его программа общаго философскаго курса, написанная имъ въ 1848 или 1849 году и разосланная во всѣ русскіе университеты, а судя по ней, мы не имѣемъ никакой причины заключать, чтобы курсъ его хорошо знакомилъ слушателей съ современнымъ состояніемъ науки и сильно дѣйствовалъ на ихъ воспріимчивую мысль. Заслуга его повидимому состояла въ томъ, что онъ знакомилъ студентовъ съ языкомъ и общими положеніями своей науки, такъ что слушатели его могли потомъ переходить къ

---

(1) Ср. стр. 22 и 23.

чтенію философическихъ сочиненій и добираться мало-по-малу до ихъ внутренняго смысла. Между прочимъ, когда Грановскій былъ уже на послѣднемъ курсѣ, Н. В. Гоголь читалъ въ Петербургскомъ университетѣ курсъ исторіи среднихъ вѣковъ. Но Грановскій едва ли былъ между его слушателями. Точно также мы не имѣемъ никакихъ причинъ искать его между студентами, которые слушали первое чтеніе г. Шульгина, поступившаго преподавателемъ въ Петербургскій университетъ около того же времени и тоже по каѳедрѣ всеобщей исторіи.

Итакъ Грановскій прошелъ трехгодичный университетскій курсъ какъ добрую, солидную школу, въ которой имѣлъ случай познакомиться вновь со многими науками и собрать хорошій запасъ фактическихъ свѣдѣній разнаго рода, но въ которой не состоялъ ни подъ какимъ особеннымъ вліяніемъ, такъ что, выходя изъ ней, не выносилъ еще никакого рѣшительнаго направленія: оно могло установиться въ немъ лишь при болѣе благопріятныхъ условіяхъ послѣдующаго развитія.

Но когда дѣло идетъ о школьномъ образованіи, хотя бы школа была самаго высшаго разряда, никогда не надобно забывать о тѣхъ вліяніяхъ, которыя въ то же самое время дѣйствуютъ на молодыхъ людей путемъ чтенія, литературы вообще. Они дѣйствуютъ скромно, малозамѣтно, а между тѣмъ дѣйствіе ихъ часто простирается гораздо дальше и идетъ глубже, чѣмъ сколько могутъ сдѣлать школьные уроки со всѣмъ своимъ неистощимымъ запасомъ разныхъ понудительныхъ мѣръ. Это зависитъ конечно отъ того, что всякая натура ищетъ пищи по себѣ и охотнѣе берется за то, что̀ сама находитъ по своему вкусу. У Грановскаго также постоянно были занятія своего собственнаго выбора, которыя шли на ряду съ университетскими и состояли главнымъ образомъ въ чтеніи. Мы уже видѣли, какое удовольствіе доставилъ ему одинъ его знакомый, предоставившій въ его распоряженіе часть своей библіотеки на время лѣтней вакаціи. Жаль, что мы не можемъ сказать, изъ какихъ еще книгъ состоялъ этотъ выборъ, въ которомъ главное мѣсто занимало полное собраніе сочиненій Вальтеръ-Скотта. Это было еще лѣтомъ 1833 года. Произвольныя занятія Грановскаго, то-есть чтеніе и знакомства съ разными литературными произведеніями, не входившими въ кругъ его университетскихъ курсовъ, неизмѣнно продолжались и въ слѣдующіе годы и нечувствительно зараждали въ немъ охоту къ самодѣятельности. Въ этомъ отношеніи мы обязаны автору воспоминаній сообщеніемъ многихъ очень

интересныхъ фактовъ. Юность довѣрчива, сообщительна; она любитъ дѣлиться какъ своими чувствами, такъ и своею неопытною дѣятельностію. Грановскій радъ былъ встрѣтить въ г. Григорьевѣ тѣ же самые порывы и вмѣстѣ съ нимъ искалъ средствъ удовлетворенія этой новой своей потребности. Сблизившись такимъ образомъ, они принялись переводить общими силами *Начертаніе Исторіи Среднихъ Вѣковъ*, соч. Демишеля. На ихъ бѣду, книга Демишеля принадлежала къ числу тѣхъ, о которыхъ можно сказать: не родись пригожъ, а родись счастливъ. Наши пріятели только что начинали свой трудъ, какъ въ Москвѣ уже перевели ее въ два или три дня посредствомъ одной сторукой машины. Дѣлать было нечего; Грановскому вмѣстѣ съ его товарищемъ пришлось бросить начатый переводъ и искать другаго занятія. Тогда имъ пришло на мысль, что переводъ съ французскаго не стóитъ труда, и что гораздо лучше и полезнѣе сдѣлать хорошій выборъ изъ англійской литературы. Увлеченные успѣхомъ *Хаджи Бабы*, Морьера, переведеннаго или, лучше сказать, передѣланнаго Сенковскимъ, они рѣшились взяться за переводъ другаго романа того же автора: *Zohrabe the hostage*, и чтобъ имѣть болѣе опоры, призвали на помощь себѣ еще одного товарища (Ковалинскаго), который былъ гораздо сильнѣе ихъ въ англійскомъ языкѣ. Часть этой общей работы, то-есть нѣсколько первыхъ главъ романа, были даже напечатаны въ *Сынѣ Отечества* 1834 года. Но почему-то и это предпріятіе не пошло въ ходъ, и наша переводная община опять распалась на свои составныя части. Каждый изъ бывшихъ членовъ ея пошелъ послѣ того своею дорогой, смотря по тому, кого куда влекли его инстинкты, или болѣе отчетливыя побужденія. О себѣ разказываетъ авторъ воспоминаній, что онъ рѣшительно поворотилъ тогда къ Востоку и взялся переводить одну персидскую рукопись; Грановскій же, наоборотъ, еще сильнѣе прилѣпился къ Западу, выбравши на этотъ разъ предметомъ своихъ частныхъ занятій англійскихъ поэтовъ, такъ называемой *Озерной школы*, Кольриджа, Соути и другихъ. Такой выборъ могъ быть и случайнымъ, но нельзя не назвать его счастливымъ. Озерная школа была во всякомъ случаѣ добрая школа. Изученіе ея произведеній не мало должно было способствовать къ поэтическому образованію Грановскаго. Оно приходилось ему очень кстати послѣ добраго знакомства съ шотландскимъ романистомъ. Оно нечувствительно переводило его мысль изъ средневѣковаго быта къ міру новыхъ ощущеній. По словамъ автора воспоминаній, Грановскій не довольствовался однимъ чтеніемъ

и изученіемъ англійскихъ поэтовъ, но пробовалъ также передавать нѣкоторыя избранныя ихъ піесы русскими стихами. Одна большая поэма изъ той же школы даже была переведена имъ сполна и притомъ, какъ замѣчаетъ тотъ же свидѣтель, *весьма недурно*. Въ этой борьбѣ съ англійскими поэтами образовывался воздержный и строгій языкъ будущаго автора *Аббата Сугерія* и *Характеристикъ*.

Тѣмъ же литературнымъ путемъ, кажется, пришло къ Грановскому и раннее расположеніе его къ историческимъ занятіямъ. Отъ Вальтеръ-Скотта не труденъ уже былъ переходъ и къ историческимъ книгамъ въ собственномъ смыслѣ. И въ самомъ дѣлѣ—мы ссылаемся опять на того же близкаго свидѣтеля его университетской жизни—изъ французской литературы того времени онъ выбиралъ себѣ для чтенія преимущественно историковъ, обходя самые знаменитые романы Евгенія Сю, Виктора Гюго и другихъ производителей той же школы. Довольно рано уже успѣлъ онъ познакомиться съ сочиненіями Баранта, Сисмонди, Тьера, Вильмена, Гизо и другихъ корифеевъ новой французской исторіографіи. Цѣня достоинство каждаго изъ нихъ, онъ впрочемъ отдавалъ рѣшительное предпочтеніе передъ всѣми прочими Огюстену Тьери, котораго рѣдкій талантъ разказа, въ высшей степени яснаго и занимательнаго, былъ ему гораздо симпатичнѣе. Въ его *Завоеваніи Англіи Норманами*, онъ видѣлъ образецъ историческаго изложенія и, по окончаніи курса, предпринималъ было даже переводить его на русскій языкъ, чтобы ближе познакомить съ нимъ русскую публику, но скоро долженъ былъ отложить и этотъ трудъ, вслѣдствіе разныхъ перемѣнъ, которыя готовились въ его собственномъ положеніи. Любознательность Грановскаго, впрочемъ, не ограничилась одними французскими историками. Между другими относящимися сюда воспоминаніями г. Григорьева для насъ особенно дорого то извѣстіе, что товарищъ его, еще находясь въ университетѣ, началъ уже читать и англійскихъ историческихъ писателей, и что Юмъ, Робертсонъ и Гиббонъ были ему знакомы прежде, чѣмъ онъ успѣлъ сойдти со студенческой скамьи. Это знакомство также стоило всякой доброй школы и не могло пройдти безплодно для образованія молодой мысли. Теперь мы лучше понимаемъ, откуда взялись у Грановскаго, въ первой же напечатанной имъ исторической статьѣ, составленной по Капфигу *(Судьбы Евреевъ)*, и такіе вѣрные

---

(1) Статья г. Григорьева стр. 32—33.

историческіе пріемы, и такая твердость воззрѣнія, и наконецъ такая воздержность и сосредоточенность въ изложеніи. Высокіе образцы замѣняли ему недостатокъ опытности. Черезъ знакомство съ ними образовался у него вѣрный историческій тактъ еще прежде, чѣмъ созрѣли въ немъ ясныя и твердыя убѣжденія.

Судя по этимъ даннымъ, тогда уже образовался у Грановскаго перевѣсъ въ пользу историческихъ занятій. Еще направленіе его не опредѣлилось съ точностію, но ясно можно было видѣть, что онъ напримѣръ не сдѣлается записнымъ юристомъ и не посвятитъ себя исключительно поэтической дѣятельности. Послѣднее замѣчаніе не значитъ впрочемъ, чтобы Грановскій считалъ поэтическую область совершенно закрытою для себя. Изучая англійскихъ поэтовъ *Озерной* школы, онъ въ то же время вступалъ въ борьбу и съ самою ихъ формой. Около того же времени, или нѣсколько раньше, была у него и такая пора, когда онъ пробовалъ излагать въ стихахъ свои собственныя мысли и чувства. Такъ можно было бы съ большою вѣроятностію предполагать, даже не имѣя въ рукахъ никакихъ положительныхъ фактовъ; но напечатанныя г. Григорьевымъ воспоминанія не оставляютъ болѣе никакого сомнѣнія въ томъ, что было время, когда Грановскій дѣйствительно нѣсколько увлекался страстію къ стихотворству. Упражненія въ русской словесности, въ томъ числѣ и стихи, были въ большомъ ходу въ Петербургскомъ университетѣ, особенно со времени вступленія въ него П. А. Плетнева, который поощрялъ такого рода занятія. Тогда Ершовъ написалъ свою столько счастливую сказку *Конекъ-Горбунокъ*, которая не только читалась, но заучивалась многими наизусть. Однажды на каѳедрѣ профессора явилась между прочимъ и тетрадка стиховъ Грановскаго. Въ ней заключались два небольшія стихотворенія, подъ названіемъ *Москва* и *Вопросъ и Отвѣтъ*, и отрывокъ изъ драматической поэмы, названной *Сценою изъ жизни Каліостро*. Неизвѣстно, какъ отозвался профессоръ объ этихъ юношескихъ опытахъ, но тетрадка, писанная въ началѣ 1834 года, по странному случаю до сихъ поръ сохранилась у одного изъ бывшихъ товарищей автора, и желающіе ближе познакомиться съ заключавшимися въ ней стихотвореніями, могутъ найдти ихъ сполна въ первой статьѣ г. Григорьва о *Грановскомъ до его профессорства* (1).

(1) См. стр. 26—31.

Мы вовсе не думаемъ останавливаться на этихъ стихотвореніяхъ съ цѣлію подробнаго ихъ анализа. Отъ того нисколько не выигрыла бы исторія нашей стихотворной литературы, и ничего не прибавилось бы къ репутаціи Грановскаго, какъ писателя. Довольно того, что напечатанные теперь юношескіе опыты его въ стихахъ, какъ своею формою, такъ и содержаніемъ, не могутъ навлечь ни малѣйшаго нареканія на него. Мы даже не совсѣмъ хорошо понимаемъ тѣ резоны, которые заставили автора воспоминаній обнародовать ихъ въ публикѣ. Насъ интересуютъ начальные стихотворные опыты тѣхъ писателей, которые въ послѣдствіи пріобрѣли заслуженную поэтическую славу: въ нихъ стараемся мы распознать первый зародышъ таланта, который потомъ распустился роскошнымъ цвѣтомъ. О Грановскомъ этого сказать нельзя. Въ природѣ его могло быть много поэтическаго, но онъ не занялъ никакого мѣста между нашими поэтическими дѣятелями. Его опыты въ стихахъ не имѣютъ никакого спеціяльнаго значенія. Въ молодости всякій считаетъ себя и, можно даже сказать, бываетъ немного поэтомъ. Грановскій писалъ стихи, слушаясь общаго побужденія многихъ, и издавать въ настоящее время его юношескіе опыты значитъ точно то же, что̀ печатать и другія *упражненія* въ русской словесности, которыя въ то время появлялись одно за другимъ на каѳедрѣ профессора. Мы рѣшительно не можемъ взять въ толкъ, кому можно было бы угодить подобнымъ изданіемъ. Можетъ-быть впрочемъ, самъ авторъ опытовъ придавалъ имъ въ свое время большое значеніе и своею излишнею навязчивостію далъ своимъ товарищамъ право думать, что онъ очень дорожитъ своею поэтическою извѣстностію. Но вопервыхъ, если онъ и въ самомъ дѣлѣ ошибался тогда о себѣ, то нѣтъ ни малѣйшей причины думать, чтобъ онъ сохранилъ то же ошибочное мнѣніе о себѣ и въ послѣдствіи. А вовторыхъ, самъ авторъ воспоминаній свидѣтельствуетъ намъ, что Грановскій, раздѣляя со многими своими сверстниками слабость къ стихотворству, менѣе всего впрочемъ подверженъ былъ искушенію распространять свои опыты между товарищами, не говоря уже о публикѣ. «Можно думать, говоритъ г. Григорьевъ, что юристъ нашъ дѣйствительно, и даже въ значительной мѣрѣ, обладалъ способностію управляться съ риѳмами, о поэтическомъ же настроеніи духа его и говорить нечего; со всѣмъ тѣмъ Т. Н. никогда не былъ причастенъ общей слабости стихотворствующихъ—сообщать вдохновенія свои публикѣ и всякому желающему или не желающему наслаждаться

ими. Ничего, сколько я знаю, не напечаталъ онъ, ни изъ собственныхъ поэтическихъ произведеній, ни изъ переводовъ своихъ стихами; никогда, сколько помнится, не вызывался онъ прочесть что-либо изъ своихъ работъ по этой части даже товарищамъ.» И потомъ нѣсколько далѣе: «Онъ, можно сказать, стыдился, что пишетъ стихи, занимается такимъ вздоромъ, тогда какъ, по собственному убѣжденію, долженъ былъ бы учиться, заниматься чѣмъ-нибудь болѣе питательнымъ для духа» (1). Г. Григорьевъ воленъ былъ, конечно, по праву близкаго товарища, прибрать къ своимъ рукамъ ту самую тетрадку, о которой идетъ у насъ рѣчь, и даже уберечь ее въ продолженіи многихъ лѣтъ въ своемъ письменномъ столѣ, какъ живое воспоминаніе о бывшихъ когда-то пріятельскихъ отношеніяхъ къ человѣку, съ которымъ потомъ такъ далеко развела его дорога жизни; но мы все не видимъ, какое нравственное право имѣлъ онъ, дождавшись смерти Грановскаго, обнародовать его юношескія упражненія въ стихотворствѣ, которыя тотъ такъ бережно пряталъ даже отъ своихъ товарищей, и потомъ, когда тетрадка случайно попалась въ руки одного нескромнаго пріятеля, нѣсколько разъ настоятельно требовалъ отъ него возвращенія «этихъ грѣховъ своей юности», какъ бы предчувствуя, что пріятель его современемъ сочтетъ для себя за особенное удовольствіе обнародовать секретъ его всей читающей русской публикѣ. «Какъ ни старался въ послѣдствіи Т. Н., говоритъ тотъ же г. Григорьевъ, достать отъ меня обратно эти грѣхи своей юности, я сохранилъ ее (тетрадку) до сихъ поръ, и теперь *очень доволенъ*, что, благодаря упорству своему, могу познакомить поздьнѣйшихъ (?) пріятелей Грановскаго съ первыми звуками его замолкшей за серіознѣйшими занятіями лиры.» Странное довольство въ томъ, что вы не возвратили автору его литературной собственности и потомъ, противъ его воли, обнародовали ее для всей публики! Повторяемъ: напечатанныя юношескія упражненія Грановскаго въ стихахъ ни въ какомъ отношеніи не роняютъ репутаціи ихъ автора, но едва ли много говорятъ въ пользу ихъ непризваннаго издателя.

Товарищескія отношенія Грановскаго, пока онъ былъ въ университетѣ, оставили въ его сверстникахъ самыя добрыя воспо-

(1) См. тамъ же, стр. 33.

минанія. Вообще онъ былъ очень любимъ своими товарищами (1). Между тѣми, которые были особенно близки къ нему, Г. Григорьевъ кромѣ себя называетъ еще гг. Бутовскаго, Злобина, Ершова, Савельева, Кутузова-Голенищева и нѣкоторыхъ другихъ. Жизнь этого пріятельскаго кружка была вообще довольно скромная. Вечеромъ нерѣдко сходились они всѣ вмѣстѣ, то у того, то у другаго изъ членовъ своего тѣснаго круга, но «обильныя возліянія Вакху», какъ выражается авторъ воспоминаній, не имѣли тутъ мѣста. Сходились безъ всякой опредѣленной цѣли, удовлетворяя лишь самой простой потребности провести нѣсколько часовъ въ непринужденной дружеской бесѣдѣ, и толковали между собою о чемъ случилось, или что̀ было ближе къ ихъ юношескимъ понятіямъ и интересамъ, при чемъ явленія фантастическаго міра, или разказы о духахъ и призракахъ занимали молодыхъ собесѣдниковъ гораздо болѣе, нежели современная дѣйствительность. Историкъ кружка повидимому вмѣняетъ ему въ особенное достоинство это отсутствіе болѣе серіозныхъ научныхъ или жизненныхъ интересовъ. Съ чувствомъ какого-то страннаго самодовольства даетъ онъ замѣтить намъ, что такіе предметы, какъ Французская палата и ея пренія, вовсе не занимали собесѣдниковъ, и что даже такія имена, какъ Гегель и Шеллингъ, едва доходили до нихъ по слуху и потому никогда не могли входить въ содержаніе ихъ пріятельскихъ разговоровъ. Мы, говоритъ онъ, толковали спроста, судя болѣе по голосу чувства, чѣмъ разсудка; не умѣли мы горячиться о гуманности, но за то были весьма гуманны въ дѣйствительности (2). Авторъ какъ будто хочетъ внушить намъ ту мысль, что путь, которымъ шелъ тогда этотъ пріятельскій кружокъ, былъ единственно разумный, и что выиграли всего болѣе тѣ изъ товарищей, которые остались вѣрны ему и въ послѣдствіи. На наши глаза однако явленіе имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ. Оно очевидно было естественнымъ плодомъ того свѣжаго и неподдѣльнаго чувства, которое такъ свойственно молодости и располагаетъ ее къ довѣрчивости и общительности. Инстинктивная потребность общенія заставила сойтись ближе между собою нѣсколько молодыхъ людей, сверстниковъ по возрасту и по самой школѣ. Нельзя не сочувствовать такому естественному сближенію, но не надобно

(1) Mes professeurs, писалъ онъ къ сестрѣ отъ 20 апрѣля 1835 года, sont tous remplis d'attention pour moi, mes camarades m'aiment.

(2) См. тамъ же, стр. 36.

также забывать, что оно, какъ самая первая и ранняя ступень въ дружественныхъ отношеніяхъ, непремѣнно предполагаетъ дальнѣйшее развитіе. На одномъ чувствѣ, за исключеніемъ любви въ собственномъ смыслѣ, нельзя основать ничего постояннаго. Для полнаго развитія дружественныхъ отношеній необходимо, чтобы сверхъ чувства сюда вошли еще и другіе элементы и скрѣпили первый случайно образовавшійся узелъ болѣе разумными и потому болѣе прочными связями.

Пріятельскій кружокъ, о которомъ разказываетъ г. Григорьевъ, былъ безспорно прекраснымъ явленіемъ по непринужденности и искренности чувства, связывавшаго всѣхъ его членовъ между собою; но было бы грубою ошибкою видѣть въ немъ идеалъ совершенства и хотѣть обратить въ похвалу ему самые его недостатки. Недоставало ему болѣе серіозныхъ и дѣльныхъ интересовъ, и потому въ немъ не было никакихъ залоговъ будущности. Онъ держался, пока пріятели сходились въ стѣнахъ университета, но какъ скоро эти внѣшнія узы распались для нихъ, отъ кружка не осталось почти никакого слѣда. Каждый потомъ пошелъ своею дорогою жизни, и прежніе пріятели современемъ разошлись дотого, что подъ конецъ не узнавали другъ друга. Это значитъ, что одни изъ нихъ все больше и больше проникались тѣми интересами, которыхъ недостатка не сознавали еще ясно, находясь внутри своего пріятельскаго кружка, а другіе между тѣмъ уходили отъ тѣхъ же интересовъ все дальше и дальше въ противоположномъ направленіи, и наконецъ достигли того, что именно въ совершенномъ отчужденіи отъ нихъ увидѣли для себя залогъ благополучія и основаніе законной гордости. Отсюда произошло, что самая среда, о которой первые вспоминали не иначе какъ съ улыбкою, въ глазахъ р угихъ получила въ послѣдствіи значеніе идеала, выше котораго они ничего не могутъ себѣ представить.

(Окончаніе до слѣдующаго №.)

ДѢТСТВО И ЮНОСТЬ

Т. Н. ГРАНОВСКАГО[1]

II.

Окончивъ съ студенческою жизнію Грановскаго, мы, впрочемъ, едва рѣшили только половину нашей задачи, относящейся къ его юности. Жизнь студента не обнимаетъ еще всѣхъ сторонъ человѣка. Сверхъ студенчества, у него были и другія столько же постоянныя отношенія, въ которыхъ личный характеръ его раскрывался можетъ-быть еще положительнѣе. Кромѣ связей по товариществу, у него были еще тѣ или другія отношенія къ обществу, къ своей семьѣ, къ родственникамъ и другимъ знакомымъ. Тутъ представлялись ему тоже своего рода задачи, для рѣшенія которыхъ требовалось кое-что поболѣе обыкновенныхъ усилій ума; тутъ нерѣдко приходилось ему не размышлять только, но и дѣйствовать въ собственномъ смыслѣ слова. Мы не можемъ перейдти къ дальнѣйшимъ успѣхамъ нашего молодаго ученаго, не коснувшись напередъ этихъ, такъ сказать, общечеловѣческихъ отношеній изъ его юности, сколько можно знать о нихъ изъ его собственныхъ писемъ и изъ воспоминаній нѣкоторыхъ ближайшихъ къ нему лицъ.

Находясь въ Петербургскомъ университетѣ, Грановскій, хотя болѣе удаленъ былъ отъ своей семьи, чѣмъ во время пребыванія своего въ московскомъ пансіонѣ, но нисколько не былъ ото-

---

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* 1858 г. № 21-й.

рванъ отъ нея, и какъ самъ находился въ постоянной зависимости отъ нея, такъ въ свою очередь имѣлъ немаловажное вліяніе по крайней мѣрѣ на младшихъ ея членовъ. Мы знаемъ уже, какое сильное замѣшательство произвела смерть матери даже въ матеріяльномъ быту Грановскаго. Первое время отецъ не только не высылалъ ему денегъ, но даже не хотѣлъ ничего отвѣчать ему. Молодой человѣкъ, оставленный безъ всякихъ средствъ, долженъ былъ биться какъ рыба объ ледъ. Переселившись на жительство къ одному изъ своихъ земляковъ, онъ избавился отъ необходимости скрывать свои недостатки, но не избавился отъ тѣснившей его нужды. Въ г. Кристофовичѣ онъ имѣлъ хорошаго товарища, потому что могъ дѣлиться съ нимъ своими недостатками. Тотъ былъ нѣсколько старше его годами, но также человѣкъ безъ состоянія и притомъ еще женатый. Единственная его выгода передъ Грановскимъ состояла въ томъ, что онъ былъ на службѣ, то-есть имѣлъ постоянное жалованье, но этого жалованья едва хватало ему на ежедневные расходы. Имѣя въ глазахъ такой примѣръ, Грановскій и самъ учился терпѣливо переносить нужду. Онъ не бѣгалъ какъ прежде изъ дому, но почасту долженъ былъ, вмѣсто обѣда, пробавляться однимъ картофелемъ, или запивать свой голодъ пустымъ чаемъ. Это вынужденное голоданье продолжалось немало времени и не могло не отозваться нѣкоторыми дурными послѣдствіями. Изъ нихъ главное было разстройство физическаго здоровья, которое давало чувствовать себя Грановскому нѣсколько лѣтъ съ ряду послѣ того и выражалось или постоянною слабостію или какимъ-нибудь мѣстнымъ болѣзненнымъ расположеніемъ, заставлявшимъ иногда опасаться за самую его жизнь (1).

У насъ нѣтъ положительныхъ извѣстій о томъ, когда Грановскій разстался съ своимъ землякомъ и добрымъ товарищемъ по жизни. Знаемъ только, что онъ жилъ съ г. Кристофовичемъ не только во время приготовленія своего къ экзамену, но и долгое время по вступленіи въ университетъ. Если они потомъ и разошлись, то память прежнихъ дружескихъ отношеній никогда не изглаживались.

Еще въ то время, когда Грановскій жилъ съ семействомъ г. Кристофовича, обстоятельства его нѣсколько измѣнились къ лучшему. Надобно полагать, что онъ получилъ наконецъ нѣкоторое вспоможеніе отъ отца. Уже и потому не могъ онъ совершенно от-

(1) Изъ воспоминаній, сообщенныхъ Ел. Б. Грановскою.

казать сыну въ необходимомъ вспоможеніи, что тому досталась часть имѣнія, составлявшаго собственность его матери. Грановскій могъ наконецъ требовать себѣ доходовъ съ имѣнія. Горькое впечатлѣніе, оставленное въ любящемъ сынѣ смертію матери, отъ времени также начинало терять свою ѣдкость. Молодость брала свое; она громко предъявляла свои требованія на жизнь и искала для нихъ хоть малаго удовлетворенія. Нельзя же было молодому человѣку постоянно сидѣть взаперти: надобно было, хоть немного, выйдти и въ свѣтъ. Счастливо оконченный вступительный экзаменъ, хотя уже послѣ четырехъ-мѣсячнаго слушанія университетскихъ лекцій, повидимому особенно способствовалъ къ тому, чтобы къ Грановскому возвратилось лучшее настроеніе духа. Въ самомъ дѣлѣ, начиная съ осени 1832 года, письма его къ сестрѣ становятся не такъ мрачны. Онъ самъ упоминаетъ о томъ, что бываетъ иногда въ обществѣ и начинаетъ *веселиться* (1). Когда потомъ наступили зимніе праздники, Грановскій съ удовольствіемъ отдавался столько любимому имъ въ молодости удовольствію танцовать. Только тяжелая болѣзнь, постигшая его въ началѣ 1833 года, опять засадила его дома и заставила отказаться и отъ тѣхъ немногихъ удовольствій, которыя онъ находилъ въ кругу своихъ знакомыхъ.

Итакъ нашъ студентъ, несмотря на свои тѣсныя обстоятельства, не хотѣлъ ограничиться однимъ университетскимъ кружкомъ. Онъ чувствовалъ также нужду въ обществѣ и не пренебрегалъ случаемъ являться въ немъ время отъ времени. Такъ было съ нимъ всегда, какъ скоро обстоятельства его нѣсколько поправлялись, и академическія занятія не мѣшали ему располагать своимъ временемъ по желанію. Тогда онъ оживалъ духомъ и любилъ проводить свободные часы въ кругу своихъ близкихъ знакомыхъ. Онъ скоро успѣлъ побѣдить провинціяльную дикость, съ которою пріѣхалъ въ Петербургъ, но надолго сохранилъ скромную застѣнчивость, которая замѣтна была даже въ обращеніи его съ товарищами (1). Само собою разумѣется, что общество еще болѣе прибавило ему развязности. Впрочемъ, кругъ его свѣтскихъ знакомыхъ въ Петербургѣ былъ очень немногочисленный. Большею частію онъ знакомился съ своими земляками и съ ними проводилъ свои досуги. При этомъ нельзя не замѣтить, что дамское

(1) Въ письмахъ къ сестрѣ отъ 1832 года (подъ № 9 и 10).
(2) Ср. г. Григорьева, ст. 1, стр. 20.

общество онъ обыкновенно предпочиталъ мужскому, да и странно было бы, еслибы молодой человѣкъ его возраста и съ его живыми наклонностями находилъ больше удовольствія въ мужской бесѣдѣ, которая главнымъ образомъ обращалась около карточнаго стола. Имена петербургскихъ знакомыхъ Грановскаго нерѣдко встрѣчаются въ его перепискѣ съ сестрою, и мы приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ, какъ болѣе или менѣе связанныя съ исторіею его юности. Такъ, въ одномъ письмѣ, Грановскій пишетъ о знакомствѣ съ г-жею Хитрово; въ другомъ говоритъ мимоходомъ, что обѣдалъ у M-me Höpfner и очарованъ ею; въ третьемъ упоминаетъ о *предолгихъ разговорахъ* съ г-жею Умецкою. Изъ одного письма 1833 года видно, что онъ проводилъ воскресенья у Можайскихъ, гдѣ *плясалъ много*. Изъ другихъ мѣстъ переписки можно заключить, что это же семейство было особенно близко къ нему, и что оно лучше другихъ было посвящено въ его семейныя отношенія (1). Сверхъ того въ письмахъ не разъ упоминается еще о какой-то г-жѣ З., имѣвшей, впрочемъ, какъ оказалось послѣ, на нашего студента виды особеннаго рода. Попадаются также имена знакомыхъ пріѣзжихъ, повидимому холостяковъ, но не всегда съ лестными эпитетами. Объ одномъ изъ нихъ Грановскій выражается такъ: il est impossible d'être plus bête que lui. Этотъ отзывъ вырвался у него въ интимной перепискѣ съ сестрою; но надобно замѣтить вообще, что Грановскій всегда былъ очень чувствителенъ къ уму и неохотно прощалъ недостатокъ его въ другихъ. Потому можетъ-быть женское общество привлекало его къ себѣ особенно: онъ находилъ въ немъ чего искалъ — любезность, грацію и умѣнье поддержать разговоръ, хотя бы онъ касался самыхъ обыкновенныхъ вещей въ мірѣ.

Но не здѣсь, не въ этомъ обществѣ, можно надѣяться узнать Грановскаго ближе какъ человѣка. Сюда онъ приходилъ время отъ времени искать себѣ развлеченія; но душою онъ принадлежалъ своей семьѣ,—и съ нѣкотораго времени даже болѣе, чѣмъ находясь среди ея въ Погорѣльцѣ. Мы знаемъ уже, какъ безутѣшная грусть о смерти нѣжной матери разрѣшилась у него сердечнымъ обѣтомъ — стараться быть всегда *достойнымъ ея сыномъ*. Но какъ и въ чемъ онъ могъ показать на дѣлѣ, что такое рѣшеніе было дѣйствительнымъ актомъ доброй его воли, что оно

---

(1) См. напр. письмо отъ 4 мая 1835.

произнесено имъ не въ минуту душевнаго умиленія, но съ полною готовностію осуществить его въ самыхъ дѣйствіяхъ? Общая формула стать *достойнымъ сыномъ матери* получала смыслъ лишь въ такомъ случаѣ, когда бы для нея нашлось ближайшее приложеніе. У Грановскаго оно дѣйствительно скоро разрѣшилось въ болѣе опредѣленную практическую цѣль. Сердце подсказало ему, куда лучше всего могъ онъ направить свою благородную рѣшимость, употребить хотя часть своихъ силъ на дѣятельное сохраненіе доброй памяти о матери. Въ ноябрѣ 1831 года онъ писалъ къ своей теткѣ: «Au reste mes plans sont si vagues, si indéfinis encore que vraiment je ne sais ce que je veux; je n'ai pour ainsi dire qu'un désir bien prononcé, c'est *d'être utile à ma famille* et Dieu m'en donnera les moyens» (1). Тутъ уже нѣтъ болѣе ничего неопредѣленнаго: молодой человѣкъ очень хорошо понималъ, что никто столько не потерпѣлъ отъ преждевременной смерти матери, какъ его младшіе сестры и братья, остававшіеся дома почти безъ всякой опоры, и потому вмѣняетъ себѣ въ святую обязанность, стараться по мѣрѣ силъ своихъ быть полезнымъ имъ. Такъ какъ самое близкое лицо къ нимъ была теперь тетка, то онъ тогда же писалъ къ ней, заклиная ее именемъ той любви и дружбы, которую она питала къ его семьѣ, не оставлять бѣдныхъ сестеръ въ ихъ сиротствѣ и одиночествѣ. «A présent permettez-moi de vous parler, такъ обращался онъ къ ней, comme à une amie, comme à une soeur, comme à un des êtres qui me font encore aimer la vie — n'abandonnez pas mes pauvres soeurs: je sais bien tout ce que cela doit vous couter, tous les desagréments, etc. Mais ce sera un bienfait dont sans doute vous ne serez point recompensée ici, mais une plus belle recompense en serait le prix» (2). Этотъ голосъ шелъ прямо отъ полнаго сердца: онъ былъ залогомъ, что рѣшеніе, принятое нашимъ юношею,

---

(1) «Впрочемъ мои планы еще такъ смутны, такъ неопредѣленны, что право я самъ не знаю чего хочу; у меня только одно такъ сказать ясное желаніе быть полезнымъ моему семейству, и Богъ поможетъ мнѣ въ этомъ.» Въ письмѣ къ теткѣ отъ 4 ноября 1831 года.

(2) Тамъ же. «Теперь позвольте мнѣ говорить вамъ какъ другу, какъ сестрѣ, какъ одному изъ тѣхъ существъ, которыя еще привязываютъ меня къ жизни, не покидайте моихъ бѣдныхъ сестеръ: знаю все, чего вамъ будетъ это стоить, всѣ непріятности и пр. Но это будетъ благодѣяніемъ, за которое вы, конечно, не получите награды здѣсь, но васъ ожидала бы за него гораздо лучшая награда.»

было вполнѣ искреннее и не могло измѣниться отъ случайныхъ обстоятельствъ.

Легко однако было сказать молодому человѣку, что онъ хочетъ быть полезенъ своимъ сестрамъ, когда онъ самъ еще ничѣмъ не былъ обезпеченъ, нерѣдко принужденъ терпѣть самую тѣсную нужду, и въ довершеніе всего отдаленъ отъ нихъ разстояніемъ болѣе чѣмъ тысячи верстъ. Что тутъ можно было сдѣлать при самой доброй волѣ и неизмѣнной рѣшимости? Какая была человѣческая возможность пособлять другимъ членамъ семьи, когда онъ самъ еще находился отъ нея въ полной зависимости, и часто нуждался въ вещахъ первой необходимости? И никто, конечно, не потребовалъ бы многаго отъ студента, зная его тѣсное личное положеніе: искреннее участіе и добрый совѣтъ — вотъ все, чего позволительно было желать отъ него въ отношеніи къ сестрамъ и братьямъ, которые были моложе его лишь нѣсколькими годами и продолжали оставаться въ домѣ своего отца, и еслибы, сверхъ чаянія, братское чувство Грановскаго нашло средство сдѣлать для нихъ что-нибудь болѣе существенное, это была бы уже его личная заслуга, которой нельзя объяснить одною силою долга или чувствомъ своей обязанности.

Благодаря сохранившимся письмамъ, мы можемъ слѣдить отношенія Грановскаго къ семьѣ во время пребыванія его въ Петербургѣ. Слово, имъ сказанное, не было пустымъ звукомъ: при первой возможности оно превращалось у него въ настоящее дѣло. Для того возраста, въ которомъ тогда находился Грановскій, это было конечно болѣе чѣмъ счастливое исключеніе изъ обыкновеннаго правила. Въ началѣ ноября 1831 года онъ писалъ къ теткѣ, что хочетъ быть полезенъ своимъ сестрамъ, а въ декабрѣ того же года, если еще не ранѣе, онъ уже рѣшилъ про себя и писалъ къ отцу о намѣреніи своемъ уступить въ пользу сестеръ имѣніе, доставшееся ему по смерти матери. Въ этомъ распоряженіи не было ничего, что̀ бы могло сколько-нибудь польстить хотя бы тщеславію, довольно извинительному въ молодомъ человѣкѣ, потому что сдѣлка была бы чисто домашняя и не предназначалась для публичности. Грановскій не сообщалъ о своемъ намѣреніи даже своимъ сестрамъ: по крайней мѣрѣ въ перепискѣ его съ ними не находимъ о томъ никакого упоминанія. Только изъ одного письма его къ теткѣ узнаемъ объ этомъ его поступкѣ. Тетка, принимавшая послѣ матери ближайшее участіе въ судьбѣ сестеръ Грановскаго, сочла своимъ долгомъ благодарить его за такое великодушное дѣло. Онъ отвѣчалъ ей

въ слѣдующихъ словахъ: «Je vous suis infiniment obligé pour ce que vous me dites de flatteur relativement à la donation du bien en Petite Russie; mais vos louanges sont éxagerés, et ce n'est pas une fausse modestie qui m'inspire ces paroles: c'est si peu de chose que ce bien qu'il ne faut pas être un modèle de frère pour le céder. D'ailleurs c'était mon intention toujours et parmi mes vices l'avarice ne se trouve point (1).» Черезъ годъ или полтора послѣ того, заботясь о томъ, чтобы сколько можно выгоднѣе устроить материнское имѣніе, также въ пользу сестеръ, Грановскій двумя словами объяснялъ причину, почему не старался удержать его за собою: «car Platon (младшій братъ) et moi nous devons nous suffir nous mêmes» (2). Этихъ немногихъ словъ достаточно, чтобы читатель могъ лучше судить о чистотѣ намѣреній молодаго человѣка, который въ пользу любимыхъ сестеръ отказывался отъ единственнаго своего достоянія.

На первое время сдѣлано было довольно. Братское чувство Грановскаго могло нѣсколько успокоиться, зная, что тетка, которая была очень любима въ семьѣ, нарочно переселилась въ Погорѣлецъ, чтобъ быть какъ можно ближе къ его сестрамъ и хотя отчасти замѣнить имъ утраченную мать. На всякій случай сверхъ того у сестеръ его былъ хотя небольшой, но вѣрный доходъ съ материнскаго имѣнія, котораго впрочемъ отецъ ихъ оставался попечителемъ. Но впереди Грановскому предстояли еще большія трудности, требовавшія отъ него бдительности и настойчивости не по лѣтамъ. Ему почти ни на минуту нельзя было совершенно успокоиться ни за себя, ни за своихъ. Читатель знаетъ, до какой степени въ его собственномъ положеніи по смерти матери не было ничего вѣрнаго. Деньги приходили случайно и никогда не могли покрыть самыхъ существенныхъ его недостатковъ. Не разъ, послѣ долгихъ и напрасныхъ ожиданій, приходилось ему прибѣгать къ родственникамъ (именно къ г. Бодиско) и брать у нихъ деньги заимообразно, чтобъ имѣть

---

(1) Въ письмѣ къ теткѣ отъ 22 декабря 1831 года. «Безконечно благодаренъ вамъ за все лестное, что вы говорите мнѣ касательно уступки имѣнія въ Малороссіи, но похвалы ваши преувеличены, и я говорю это вовсе не изъ ложной скромности: имѣніе это такъ ничтожно, что вовсе не требуется быть образцовымъ братомъ, чтобъ уступить его. Впрочемъ таково было всегда мое намѣреніе, и въ числѣ моихъ пороковъ скупости не находится.»

(2) «Потому что мы съ Платономъ должны сами о себѣ заботиться.» Къ сестрѣ, въ сентябрѣ 1833 года (подъ № 6).

возможность существовать. Школа, имѣвшая можетъ-быть для него и свою полезную сторону, но тѣмъ не менѣе трудная, тяжелая и оставлявшая въ душѣ молодаго человѣка много горькихъ ощущеній. «Заброшенный сюда, писалъ онъ около половины 1832 года къ сестрѣ, съ полнымъ сознаніемъ своего положенія, безъ знакомыхъ почти, безъ связей, я долженъ, не имѣя рѣшительно никакихъ средствъ, прокладывать себѣ дорогу и въ добавокъ питаться утомительною мыслію, что дома обо мнѣ забыли, какъ будто о гостѣ, который погостилъ и уѣхалъ навсегда» (1). Грановскому еще не было тогда и полныхъ двадцати лѣтъ: въ эту пору какъ тяжело сознать себя въ такомъ положеніи! Только что находилъ онъ средства выпутаться хотя на время изъ своихъ трудныхъ обстоятельствъ, какъ нужда угрожала ему снова. Къ большимъ недостаткамъ присоединялись еще иногда разныя мелкія непріятности, прибавлявшія горечи въ эту жизнь, и безъ того не очень богатую счастливыми минутами. Такъ между прочимъ Грановскій не мало терпѣлъ отъ крѣпостнаго мальчика, который былъ отпущенъ съ нимъ изъ деревни, или послѣ присланъ ему для услуженія. Гришка былъ малый не промахъ: очень мало безпокоясь о недостаткахъ своего барина, онъ напротивъ находилъ у него многія вещи излишними и старался освободить его отъ нихъ понемногу. Баринъ долго смотрѣлъ сквозь пальцы на проказы своего слуги, но наконецъ потерялъ всякое терпѣніе и, чтобъ избавиться отъ домашняго врага, принужденъ былъ прогнать его отъ себя. Но слѣды хищничества Гришки въ домашнемъ быту своего барина, долго еще чувствовались и послѣ его изгнанія (2).

Среди такой обстановки молодому человѣку надобно было имѣть добрый запасъ воли, чтобы въ порядкѣ вести свои собственныя дѣла; но онъ въ то же время долженъ былъ еще ни на минуту не терять изъ виду своей семьи и смотрѣть въ оба, чтобы въ положеніи ея, и безъ того не очень выгодномъ, не произошло какого новаго замѣшательства. И въ самомъ дѣлѣ, весною 1833 года до Грановскаго дошли извѣстія, что въ родительскомъ домѣ готовится перемѣна, отъ которой сестры его не могли ожидать себя ничего добраго. Нашелся одинъ интриганъ, который, вкрав-

---

(1) Въ письмѣ къ теткѣ отъ 1832 (подъ № 4).

(2) Подробности см. въ письмѣ къ сестрѣ отъ начала 1833 года (№ 1).

шись въ довѣренность ихъ отца и пользуясь его безпечностію, возымѣлъ было намѣреніе наградить ихъ маменькою своего собственнаго выбора. Однимъ словомъ, дѣло шло о второмъ бракѣ отца Грановскаго. Молодой человѣкъ пришелъ въ ужасъ. Онъ очень хорошо понималъ, что не имѣлъ никакого права вмѣшиваться въ это дѣло, и не хотѣлъ позволить себѣ ни одного замѣмѣчанія насчетъ возможной женитьбы отца вообще; но онъ не могъ не испугаться за своихъ сестеръ, видя изъ сообщенныхъ ему извѣстій, что дѣло шло вовсе не о семейномъ счастіи отца, но о томъ, чтобы ввести въ домъ новое лицо и прибрать къ однимъ рукамъ все вліяніе, ко вреду остальныхъ членовъ семейства. Повидимому Грановскій зналъ самое лицо, которое было орудіемъ этой постыдной интриги, и отъ того можетъ-быть возмущался еще болѣе. Чтò было однако дѣлать въ его положеніи? До сихъ поръ въ семейныхъ дѣлахъ онъ имѣлъ надежную опору для себя въ теткѣ, которая, живя въ домѣ отца его, могла принимать на себя посредничество; но не задолго передъ тѣмъ, неизвѣстно вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ, и она покинула Погорѣлецъ, предоставивъ племяннику же позаботиться о томъ, какъ бы можно было замѣнить ее въ домѣ (1). Грановскому не оставалось ничего болѣе, какъ стара́ться дѣйствовать черезъ старшую сестру. Онъ не могъ удержаться, чтобы не выразить ей всего своего негодованія противъ того господина, который былъ главнымъ виновникомъ всей интриги (2). «Je viendrai a Orel, пи-

---

(1) Объ этомъ мы знаемъ изъ письма Грановскаго къ теткѣ (отъ 10 мая 1833 года) по случаю выѣзда ея изъ Погорѣльца. Вотъ что писалъ онъ между прочимъ: Au reste je sais bien tout ce que perdent mes pauvres soeurs en vous perdant. Que deviendront elles seules dans ce triste Pogoreletz qui devient de plus en plus solitaire? Vous m'écrivez de chercher une dame ici; rien n'est plus facile que d'en trouver dix; mais que leur dirai-je? Mon père ne m'écrit décidément rien; pour que je puisse faire quelque chose, il faut que je connaisse les conditions qu'il peut offrir; d'ailleurs il y a une autre dificulté, c'est que je puis bien me tromper dans mon choix, et que faire alors?—«Впрочемъ, я знаю какъ много теряютъ въ васъ мои бѣдныя сестры. Что будутъ онѣ дѣлать однѣ, въ этомъ Погорѣльцѣ, который становится все пустыннѣе и пустыннѣе. Вы пишете, чтобы я поискалъ здѣсь компаньйонку; можно, пожалуй, найдти ихъ десятокъ, но что мнѣ сказать имъ? Отецъ рѣшительно мнѣ ничего не пишетъ; чтобы сдѣлать что-нибудь, надо знать какія условія онъ можетъ предложить, къ тому же, есть еще затрудненіе, я могу ошибиться въ выборѣ. Чтò тогда дѣлать?»

(2) Имя его (З—ъ) написано и потомъ зачеркнуто въ письмѣ, но

салъ онъ, exprès á pied s'il le faut, si cet infame reussit et je lui ferai payer cher le succès de ses viles intrigues. J'ai eu un accès de rage en lisant etc.» (1) Но горячность тутъ была безполезна, и Грановскій, умѣряя свой собственный жаръ, спѣшилъ помочь сестрѣ благоразумнымъ совѣтомъ—побѣдить свою недовѣрчивость и стараться сблизиться съ отцомъ, чтобы дѣйствовать на него лично.

О дальнѣйшемъ ходѣ этой интриги мы можемъ только сказать, что она не имѣла успѣха, и предположенный второй бракъ отца Грановскаго по тѣмъ или другимъ причинамъ не состоялся. Впрочемъ едва ли еще она была развязана совсѣмъ, какъ семейству грозила уже новая напасть. Однажды, перебирая газетныя объявленія, Грановскій случайно напалъ на одно изъ нихъ, которымъ извѣщалось, что Погорѣлецъ, наслѣдственное имѣніе отца его, заложенное и просроченное, назначается къ продажѣ съ публичнаго торга! Можно представить себѣ, что̀ почувствовалъ онъ при этой неожиданной новости. Его взяло отчаяніе. Онъ уже воображалъ себѣ конечное разореніе семейства. Письмо, которое онъ писалъ тогда къ сестрѣ, носитъ на себѣ ясные слѣды его безпокойства. Онъ хотѣлъ быть вполнѣ откровененъ съ нею и въ то же время боялся слишкомъ напугать ее. «Знаешь ли, что̀ я сдѣлалъ, когда пришелъ въ себя? J'ai remercié le bon Dieu d'avoir appellé á lui notre mère et de lui avoir épargné par là un terrible moment» (2). Но только-что написавъ эти слова, Грановскій почувствовалъ, что онѣ были бы слишкомъ горьки для сестры его, и спѣшилъ приправить ихъ нѣкоторыми утѣшеніями: «Esperez et priez Dieu, il peut tout faire (надѣйся и молись Богу, все въ Его власти), писалъ онъ далѣе. Все зависитъ отъ того, успѣетъ ли отецъ во время послать деньги въ Петербургъ. Можетъ-быть онъ уже и послалъ ихъ, или по крайней мѣрѣ вышлетъ въ скоромъ времени.» Не желая впрочемъ убаюкать ее ложными надеждами, Грановскій вслѣдъ за тѣмъ просилъ сестру, чтобъ она всячески старалась убѣдить отца не

такъ что можно прочесть. Все это письмо, вѣроятно для того, чтобы лучше сохранить содержаніе его въ секретѣ, писано пофранцузски.

(1) «Я готовъ, если нужно, пѣшкомъ придти въ Орелъ, если мерзавецъ этотъ успѣетъ, я заставлю его дорого поплатиться за эти подлыя интриги. Я пришелъ въ ярость, читая и т. д.»

(2) «Я благодарилъ Бога, что онъ позвалъ къ себѣнашу матушку и избавилъ ее отъ ужасной минуты.»

замедлить высылкою денегъ, потому что одинъ потерянный день можетъ испортить все. Въ заключеніе письма опять было утѣшеніе: что̀ бы ни случилось, писалъ Грановскій сестрѣ, она можетъ быть увѣрена, что всегда найдетъ въ немъ преданнаго брата, который готовъ помогать ей своими послѣдними средствами (1).

Тревога, поднятая сыномъ, повидимому не произвела большаго впечатлѣнія на отца. Срокъ, назначенный для продажи имѣнія, сокращался съ каждымъ днемъ, но владѣлецъ Погорѣльца оставался при своей прежней безпечности. Въ такихъ обстоятельствахъ Грановскому почти вовсе нельзя было ожидать, чтобъ его собственныя дѣла могли скоро поправиться. А между тѣмъ его одолѣвало безденежье. Отецъ оставлялъ его безъ всякаго отвѣта по четыре и по пяти мѣсяцевъ. Чтобы жить, существовать какъ-нибудь, надобно было прибѣгать къ займамъ. По счастію, у Грановскаго были добрые родственники въ Петербургѣ: г. Бодиско не переставалъ снабжать его деньгами для необходимыхъ расходовъ. Но этотъ неизбѣжный долгъ, увеличивавшійся съ каждымъ мѣсяцемъ и угрожавшій сдѣлаться неоплатнымъ, лежалъ тяжелымъ камнемъ на душѣ нашего студента (2). Онъ не видѣлъ впереди никакой возможности справиться съ своими долгами; его пугала мысль, что тайна ихъ можетъ разгласиться, и что, не зная его нуждъ, всѣ будутъ говорить объ его расточительности. Грановскій дорожилъ своею репутаціею: мысль, что на нее могутъ наложить незаслуженное пятно, была причиною многихъ горькихъ минутъ для него (3). Между тѣмъ у него были на душѣ и другія заботы. Тетка писала ему отъ себя, чтобы онъ подумалъ сдѣлать что̀-нибудь для младшаго брата (Платона), который оставался въ деревнѣ почти безъ всякаго призора. Надобно ли говорить, что Грановскій радъ былъ бы сдѣлать для брата всякое возможное добро? Но въ томъ положеніи, въ какомъ онъ самъ находился въ то время, подобное обращеніе къ нему только напоминало ему лишній разъ соб-

---

(1) Письмо безъ даты, но по сравненіи съ другими письмами очевидно, что оно относится къ этому времени. Ср. письмо къ сестрѣ же отъ 6 сентября 1833 года, гдѣ упоминается о томъ же.

(2) Surtout ce que je dois à Bodisco, писалъ онъ къ теткѣ отъ 12 іюня 1832 года, me pèse sur l'ame. Этотъ долгъ, простиравшійся въ концѣ 1832 до 500 руб., въ половинѣ 1833 возросъ до 700. См. тамъ же.

(3) Si Bodisco en parle à quelqu'un, s'il dit du mal de moi, je ne sais ce que je ferai. Тамъ же.

ственную безпомощность и служило для него новымъ горькимъ вызовомъ, потому что при всемъ своемъ добромъ желаніи, онъ могъ отвѣчать на него только прямымъ отказомъ.

Отъ всего этого можно было потерять голову. Потомъ дѣло дошло до того, что Грановскому часто не чѣмъ было заплатить, чтобъ отправить письмо на почту. Тяготѣвшій на немъ прежній долгъ заставлялъ его удерживаться отъ новыхъ займовъ, а между тѣмъ каждый наступавшій день приносилъ свои новыя потребности, просившія немедленнаго удовлетворенія. La tête me tourne quand j'y pense, писалъ онъ къ теткѣ въ порывѣ откровенности. Приходилось хоть вовсе бросить университетъ и пѣшкомъ идти въ Орелъ (1). Встревоженное воображеніе рисовало ему будущее самыми мрачными красками. Молодой умъ туманился, черныя мысли пробивались въ голову. Отъ сестры онъ еще скрывалъ многое, не желая привести ее въ совершенное отчаяніе, но въ перепискѣ съ теткою позволялъ себѣ высказываться вполнѣ. Мы приведемъ одно такое мѣсто, показывающее, что у Грановскаго были трудныя минуты, что онъ почти терялъ власть надъ собою. Письмо служило отвѣтомъ теткѣ на вызовъ ея сдѣлать что-нибудь для брата. «Vous me dites de faire quelque chose pour Platon. Et quoi donc? Le faire venir ici pour partager mes besoins? ce serait lui rendre un triste service; il faut avoir mon caractère pour pouvoir lutter comme je le fais contre les mille et mille desagrémens, privations etc. Et je vous dirai franchement que si cela dure longtemps, je me brulerai la cervelle. Je sais que cette phrase vous paraitra impie et Dieu sait quoi,—mais c'est de sang-froid que je vous écris, sans la moindre exaltation. J'ai bien médité ce qui me reste à faire et à moins de quelque circonstance imprévue, je dois en finir par là. Je n'ai que vingt ans, mais j'en ai assez vu. Si j'avais le moindre espoir d'être utile à ma famille,—mais non, car mon père lui-même m'en ôte les moyens. Et que serai-je alors, pensez-y, à vingt ans, sans place, sans attestat, avec quelques connaissances qui me seront plutôt nuisibles qu'utiles, car elles ne feront qu'aiguilloner mon ambition sans la satisfaire. Et d'ailleurs mes connaissances ne sont que superficielles à present. Mieux vaux rejoindre ma mère, elle priera pour moi si j'aurai commis un crime par là. (1).

---

(1) Письмо къ сестрѣ отъ 6 сент. 1833.

(2) Вы говорите, чтобъ я сдѣлалъ что-нибудь для Платона. Но что же?

Горько въ двадцать лѣтъ дожить до того, чтобы не знать куда дѣваться отъ жизни и допустить хотя на минуту мысль о неестественной смерти, какъ единственно возможный исходъ изъ трудныхъ обстоятельствъ. Грановскій имѣлъ несчастіе пережить такую минуту въ своей ранней молодости. Между тѣмъ испуганное воображеніе безъ устали било тревогу, нетвердый умъ все больше и больше склонялся на его сторону, такъ что молодой человѣкъ начиналъ терять всякое внутреннее равновѣсіе. Опасная минута для молодаго возраста. По счастію, обстоятельства, которыя произвели въ нашемъ студентѣ это нравственное потрясеніе, были еще не такъ неисправимы, чтобы для нихъ не оставалось ничего болѣе, кромѣ дурнаго исхода. Съ исправленіемъ ихъ, и въ положеніи Грановскаго тотчасъ почувствовалась значительная перемѣна къ лучшему.

Въ началѣ осени 1833 года, черезъ день или два послѣ того, какъ онъ писалъ къ сестрѣ о необходимости выдти изъ университета, пришло къ нему объявленіе о полученіи денегъ на его имя. Отецъ, не писавшій ему ни слова около пяти мѣсяцевъ, наконецъ прислалъ ему 500 р. асс. для содержанія (1). Эта высылка заставляетъ насъ предполагать, что въ то же время

Выписать его сюда, чтобъ онъ дѣлилъ со мною мои нужды? это значило бы оказать ему печальную услугу; надо имѣть мой характеръ, чтобы бороться со множествомъ непріятностей, лишеній и проч. Скажу вамъ откровенно, что если это продолжится, я готовъ буду застрѣлиться. Знаю, что эти слова возмутятъ васъ; но я пишу къ вамъ въ спокойномъ состояніи духа, безъ всякой экзальтаціи. Я много обдумывалъ, что̀ мнѣ остается дѣлать, и если не встрѣтятся какія-либо неожиданныя обстоятельства, мнѣ придется кончить этимъ. Мнѣ только двадцать лѣтъ, но я уже многаго насмотрѣлся. Еслибы у меня была хотя малѣйшая надежда быть полезнымъ моему семейству,—но нѣтъ—отецъ отнимаетъ у меня всѣ средства къ тому. Что я предприму тогда, подумайте, двадцати лѣтъ, безъ мѣста, безъ аттестата, при нѣсколькихъ знакомствахъ, которыя будутъ мнѣ болѣе вредны, чѣмъ полезны, потому что они будутъ только раздражать мое честолюбіе, не удовлетворяя его. Къ тому же мои теперешнія знакомства ограничиваются лишь самыми поверхностными отношеніями. Лучше мнѣ соединиться съ матушкой—она будетъ ходатайствовать за меня передъ Богомъ, если этимъ я совершу преступленіе.» Письмо къ теткѣ отъ 2 іюля 1833 года.

(1) Письмо къ сестрѣ писано 6 сент. 1833, а письмо къ теткѣ, съ извѣщеніемъ о полученіи денегъ, отъ 8 сент. того же года. Слѣдующее письмо къ сестрѣ отъ конца сентября показываетъ Грановскаго уже совсѣмъ въ другомъ расположеніи духа.

приняты были необходимыя мѣры и для обезпеченія имѣнія. Безпокойныя мысли Грановскаго тотчасъ разсѣялись; къ нему возвратилась прежняя его веселость. Мрачный тонъ исчезъ въ его письмахъ, и непринужденная шутка опять заняла въ нихъ свое обычное мѣсто. Съ деньгами въ карманѣ онъ почувствовалъ было страсть къ музыкѣ и думалъ уже брать уроки; но разчитавъ получше, нашелъ, что «выгоднѣе сдѣлать новый фракъ», безъ котораго нельзя показаться въ обществѣ, чѣмъ тратить деньги на прихоти.

Но отъ семейныхъ заботъ Грановскій не былъ совершенно свободенъ даже въ это, сравнительно лучшее время. Въ одномъ отношеніи извѣстія, приходившія къ нему изъ дому, были довольно успокоительны. Ему писали, что годъ былъ очень выгодный, и что доходъ, полученный съ имѣнія, превосходилъ обыкновенный сборъ. Представлялся прекрасный случай, при помощи экономіи и дѣятельности, привести въ порядокъ разстроенныя дѣла по хозяйству. Но въ это самое время владѣльцу пришла охота ѣхать въ Москву и провести тамъ всю зиму. Предполагавшаяся поѣздка не имѣла никакой особенной цѣли, но отъ нея нельзя было ожидать ничего добраго. Она должна была неминуемо истощить послѣдніе ресурсы семьи и можетъ-быть еще обременить имѣніе новыми долгами. Легко понять смущеніе и безпокойство Грановскаго, когда онъ узналъ отъ старшей своей сестры о намѣреніи отца. Вся надежда ея была на брата; но онъ съ своей стороны, вполнѣ раздѣляя ея опасенія, не видѣлъ однако никакой возможности дѣйствовать на отца. Нечего было и думать о томъ, чтобъ онъ захотѣлъ принять отъ сына хотя бы даже самыя почтительныя возраженія. Мало того: по многимъ опытамъ Грановскій имѣлъ основаніе опасаться, что совѣты его покажутся отцу только новымъ оскорбленіемъ, какъ дерзкое вмѣшательство въ его личныя дѣла, и по естественному духу противорѣчія, заставятъ его еще болѣе утвердиться въ принятомъ намѣреніи (1). Надобно было избрать другой образъ дѣйствій. Въ отвѣтъ на просьбу сестры, Грановскій совѣтовалъ ей стараться самой отклонить отца отъ предположенной поѣздки, но самъ, кажется, плохо вѣрилъ въ успѣхъ своихъ внушеній и съ каждымъ днемъ все больше и больше ут-

---

(1) См. письмо Грановскаго къ теткѣ отъ 8 сент. 1833 и къ сестрѣ отъ 6 сент. того же года.

верждался въ той мысли, что отъ письменныхъ сношеній всего менѣе можно ожидать успѣшныхъ результатовъ въ дѣлахъ подобнаго рода. Онъ понялъ необходимость самому быть на мѣстѣ, чтобы тамъ поискать средствъ сдѣлать что-нибудь въ пользу младшихъ членовъ семейства. Еще все его не оставляли опасенія за судьбу Погорѣльца; онъ желалъ потомъ устроить какъ-нибудь повыгоднѣе хотя материнское имѣніе для сестеръ. Наконецъ его озабочивала также мысль о братѣ, остававшемся дома безъ всякаго занятія, и о младшей сестрѣ, которая начинала уже подростать, но заключенная въ стѣнахъ родительскаго дома, не имѣла почти никакихъ средствъ для своего образованія.

Всѣ эти обстоятельства и добрыя заботы объ участи прочихъ членовъ семейства, какъ можно заключать по многимъ соображеніямъ, рѣшили Грановскаго, осенью 1833 года, предпринять поѣздку въ Погорѣлецъ. Она продолжалась около двухъ мѣсяцевъ (1). Предпринимая ее, Грановскій нарушалъ ходъ своихъ академическихъ занятій и потому рисковалъ поплатиться за нее цѣлымъ лишнимъ годомъ въ университетѣ. Онъ ясно понималъ всѣ невыгоды, которымъ подвергалъ себя этою безвременною отлучкою, но тѣмъ не менѣе остался твердъ въ своемъ намѣреніи и могъ потомъ въ утѣшеніе себѣ сказать, что ѣздилъ недаромъ. Въ самомъ дѣлѣ, поѣздка его въ деревню далеко не была безполезною прогулкою. Неизвѣстно навѣрное, чѣмъ кончились переговоры его съ отцомъ относительно Погорѣльца; но есть основанія думать, что настоянія сына и въ этомъ отношеніи не были безполезны. Что же касается материнскаго имѣнія въ Малороссіи, то Грановскій вполнѣ достигъ своей цѣли: онъ формально былъ признанъ его попечителемъ и съ этого времени могъ распоряжаться имъ по своему собственному усмотрѣнію (2). Тогда же онъ имѣлъ случай позаботиться о младшей

---

(1) Такъ можно заключить по письмамъ Грановскаго къ сестрѣ. Послѣднее, отправленное къ ней изъ Петербурга, писано въ концѣ сентября, а затѣмъ слѣдуетъ уже письмо съ дороги на обратномъ пути въ Петербургъ, писанное въ концѣ ноября.

(2) Какъ о томъ, такъ и о другомъ предметѣ онъ самъ говоритъ въ письмѣ къ теткѣ отъ 26 дек. 1833 года. Вотъ какъ выражается онъ о послѣднемъ: «Maintenant il (père) m'a chargé de la tutelle de ce bien; naturellement que je ne pourrai pas faire beaucoup étant ici, mais j'éspère que le changement de l'intendant et l'attention que je donnerai aux affaires ne seront pas inutiles.» (Теперь онъ возложилъ на меня попеченіе объ этомъ имѣніи. Разумѣется я не могу много сдѣлать

сестрѣ своей Александринѣ. Она пока оставалась въ Погорѣльцѣ, но отецъ повидимому не противорѣчилъ болѣе помѣщенію ея въ пансіонъ. На обратномъ пути въ Петербургъ, Грановскій нарочно останавливался въ Москвѣ, чтобы разузнать о находившихся тамъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ (1). Наконецъ онъ возвратился не одинъ, а съ младшимъ братомъ (Платономъ), котораго взялъ на свое попеченіе.

Тѣмъ однако не кончились еще заботы Грановскаго о семейныхъ дѣлахъ. Но о ходѣ ихъ въ слѣдующихъ годахъ мы не можемъ говорить съ тою же подробностію, уже и потому, что спѣшимъ перейдти къ другимъ отношеніямъ, также занимающимъ довольно видное мѣсто въ молодости Грановскаго. Къ тому же, въ письмахъ его къ роднымъ, начиная съ конца 1833 года, слѣдуетъ довольно замѣтный перерывъ. Письма къ теткѣ прекращаются вовсе, а въ перепискѣ съ сестрою за 1834 годъ оказывается значительный ущербъ. Несомнѣнно, впрочемъ, что положеніе самого Грановскаго, по возвращеніи его изъ деревни, такъ же мало было обезпечено, какъ и прежде, и онъ по прежнему долженъ былъ бороться съ разными нуждами. На рукахъ его былъ теперь младшій братъ, котораго надобно было содержать и приготовлять къ той или другой школѣ, что̀, разумѣется, также стоило денегъ, а между тѣмъ средства Грановскаго нисколько не увеличились, и онъ никогда не могъ разчитывать на полученіе денегъ въ опредѣленные сроки. Требованія его были очень умѣренны: онъ желалъ имѣть для себя и для брата 250 рублей въ мѣсяцъ (3000 руб. асс. въ годъ), но и тѣ получалъ съ большимъ трудомъ и весьма неисправно, такъ что почти не выходилъ изъ затруднительнаго положенія (2). Но разъ получивши деньги, Грановскій считалъ уже себя Крезомъ и никогда не отказывался одолжать другихъ. Случалось не разъ, что, раздавши свой собственный запасъ, онъ потомъ самъ принужденъ былъ прибѣгать къ займамъ, перебиваться съ копѣйки на копѣйку до новаго полученія.

За сестеръ своихъ онъ могъ быть нѣсколько спокойнѣе съ тѣхъ поръ, какъ дѣло о материнскомъ имѣніи устроилось по его желанію. Поѣздка въ Погорѣлецъ принесла свою пользу еще и

оставаясь здѣсь, но я надѣюсь, что смѣна управляющаго и вниманіе, какое посвящу я дѣламъ, не будутъ безполезны.)

(1) Письмо къ сестрѣ съ дороги (безъ числа).

(2) См. письмо къ сестрѣ отъ 1834 г. подъ № 1 (единственное) и отъ 1835 (подъ № 9).

въ томъ отношеніи, что младшая сестра Грановскаго, Александрина, въ концѣ 1834 года дѣйствительно была наконецъ помѣщена въ одномъ московскомъ пансіонѣ. Теперь заботы брата сосредоточивались главнымъ образомъ на старшей сестрѣ, Варварѣ. Она была моложе его только однимъ годомъ. Ихъ соединяла тѣсная дружба съ самаго дѣтства. Они вмѣстѣ расли, вмѣстѣ учились, читали, и почти въ одно и то же время начали понимать себя и все ихъ окружающее. Рано уже образовалось между ними сходство во вкусахъ и симпатіяхъ; преждевременная смерть матери, кажется, еще больше закрѣпила ихъ братскій союзъ. Можно бы сказать, что они перенесли другъ на друга ту любовь, которою оба исполнены были къ матери. Съ того времени между братомъ и сестрою не было никакой тайны. Она повѣряла ему свои нужды и свои опасенія, онъ сообщалъ ей малѣйшія подробности своего житья-бытья въ Петербургѣ. Мало-по-малу они стали совершенно необходимы другъ для друга. Свиданіе Грановскаго съ сестрою въ 1833 году придало его чувству новую свѣжесть и силу. Онъ вступилъ уже въ ту пору молодости, когда сердце мущины распускается для другихъ, еще болѣе нѣжныхъ чувствованій, которыя выводятъ его изъ тѣснаго круга семейныхъ и родственныхъ отношеній: пришло время, и онъ также почувствовалъ въ себѣ присутствіе другаго пламени; но и тогда нѣжно-любимая сестра сохранила прежнее свое мѣсто въ сердцѣ брата. Передавая ей самыя задушевныя свои тайны, онъ прибавлялъ: car enfin quoi qu'il m'arrive, vous aurez toujours la première place dans mon coeur. (Что бы ни случилось, ты всегда будешь занимать первое мѣсто въ моемъ сердцѣ.) (1)

Много успокоительнаго, отраднаго было для Грановскаго въ этомъ чувствѣ нѣжной братской любви; но оно имѣло также и свои нетерпѣливые порывы, которые иногда брали верхъ надъ его разсудительностію. Возвратившись изъ деревни, Грановскій провелъ весь слѣдующій годъ въ Петербургѣ; обстоятельства не позволяли и думать о новой поѣздкѣ въ Орелъ. Уже проходила и другая зима послѣ того, и наступало время окончательныхъ экзаменовъ. Продолжительная разлука, при сильной привязанности, произвела свое обыкновенное дѣйствіе. Чѣмъ больше Грановскій терялъ надежду скоро увидѣть сестру, тѣмъ больше накоплялось въ немъ нетерпѣнія. Вдругъ однажды пришло ему въ голову, что

(1) Письмо къ сестрѣ отъ 29 іюня 1835 года.

сестра сама могла бы пріѣхать въ Петербургъ для свиданія съ нимъ. Эта мысль представилась ему такъ живо, что онъ тотчасъ же взялся за перо, чтобы немедленно передать ее сестрѣ. Онъ началъ шуткою, сознаваясь самъ, что желаніе его безразсудно; но эта несбыточная мысль у него же подъ перомъ переродилась въ твердую увѣренность, такъ что подъ конецъ письма онъ какъ ребенокъ радовался своей мысли и вѣрилъ возможности ея исполненія (1). Надобно знать, что въ томъ же самомъ письмѣ находятся жалобы Грановскаго на безденежье, заставившее его войдти въ новые долги. Мысль о возможномъ свиданіи съ любимымъ братомъ не могла не улыбнуться и сестрѣ. Отвѣчая ему, она хотя и не обѣщала рѣшительно, но не лишала его надежды, что съ своей стороны постарается устроить поѣздку въ Петербургъ. Впрочемъ, въ ея положеніи, дѣло было такъ несбыточно, что, даже подавая брату слабую надежду, она едва ли не говорила болѣе для его утѣшенія, чѣмъ сама вѣрила своимъ словамъ. Но Грановскій находился въ такомъ настроеніи, что достаточно было малѣйшаго намека, чтобъ онъ увидѣлъ въ немъ начало осуществленія своей любимой мечты. Не болѣе какъ черезъ мѣсяцъ потомъ, онъ уже писалъ сестрѣ такимъ тономъ, какъ будто не оставалось болѣе никакого сомнѣнія, что все дѣло можетъ устроиться по его желанію, и начиналъ даже строить разные воздушные замки на счетъ будущаго пребыванія ея въ Петербургѣ (2). Письмо заключалось выразительными словами: je vous attends comme les Juifs attendent leur Messie. Не прошло послѣ того и полныхъ двухъ недѣль, какъ Грановскій, не дожидаясь отвѣта отъ сестры, снова обращался къ ней съ своими вопросами, сомнѣніями, ожиданіями. Нетерпѣніе расло въ немъ не по днямъ, а по часамъ. «Desormais mes lettres auront toutes un même refrain: venez, venez, venez» (3), говорилъ онъ въ заключеніи письма, не находя болѣе довольно сильныхъ убѣжденій, чтобы сестра поспѣшила отвѣчать его нетерпѣливому желанію.

Извѣстно, впрочемъ, что обыкновенный порядокъ вещей въ мірѣ расходится съ горячими желаніями юности. Ихъ судьба — истлѣвать мало-по-малу своимъ собственнымъ огнемъ и потомъ

---

(1) C'est qu'aussi je suis vraiment devenu enfant, писалъ онъ,—depuis que l'espoir de vous voir ici, ma bonne Barbe, m'est venu. См. письмо отъ 10 февр. 1835 года.

(2) Письмо къ сестрѣ отъ 11 марта 1835 года.

(3) Письмо отъ 25 марта того же года.

исчезать совершенно въ вихрѣ новыхъ порывовъ, или перерождаться въ болѣе зрѣлыя движенія души. Такъ было и съ нетерпѣливымъ желаніемъ Грановскаго увидѣть сестру и провести съ нею нѣсколько дней въ Петербургѣ. Всѣ обстоятельства были рѣшительно противъ ихъ общаго плана, и онъ самъ скоро началъ понимать его несостоятельность. Еще въ апрѣлѣ онъ надѣялся по крайней мѣрѣ съѣхаться съ сестрою въ Москвѣ, куда ей былъ предлогъ пріѣхать для свиданія съ Александриною; но потомъ мало-по малу погасла и эта послѣдняя надежда, и Грановскому для свиданія съ старшею сестрою, оставалось только ожидать благопріятнаго времени, чтобы предпринять новую поѣздку въ деревню. Мы впрочемъ думаемъ, что приведенный нами случай не только не лишній въ нашемъ очеркѣ, но что онъ прибавляетъ къ физіономіи лица, съ которымъ мы знакомимся, новую довольно интересную черту. Она тѣмъ важнѣе, что, въ той или другой степени, проходитъ потомъ и черезъ послѣдующую жизнь его, хотя невсегда замѣтно для постороннихъ. Живой и благородный порывъ былъ въ немъ не просто выраженіемъ юношеской пылкости. Источникъ подобныхъ движеній былъ у него болѣе постоянный: онъ находился въ самой его природѣ, и потому не могъ изсякнуть до конца. Мы знаемъ уже изъ другихъ примѣровъ впечатлительность Грановскаго. Полученное имъ сильное впечатлѣніе, происходило ли оно отъ предмета, или мысли, не остывало въ его умѣ, но и не улетучивалось въ какой-нибудь фантастическій образъ въ его воображеніи. Оно, напротивъ, захватывало въ немъ всего человѣка, собирало около себя всѣ душевныя его силы. Тамъ, гдѣ могла развиться безплодная мечтательность, у него пробуждалась живая энергія. Сила желанія сказывалась у него потребностію немедленно перевести ее въ дѣйствіе. Таковъ онъ былъ въ юности, такимъ остался и въ годахъ зрѣлаго мужества, нерѣдко опережая молодость пылкостію своихъ стремленій.

Говоря объ отношеніяхъ Грановскаго къ семьѣ, нельзя также не упомянуть о разныхъ мелкихъ заботахъ, которыя онъ бралъ на себя по тѣмъ же самымъ побужденіямъ. Сестры обыкновенно черезъ него исполняли всѣ свои порученія въ Петербургѣ. Нерѣдко Грановскому приходилось хлопотать о женскихъ нарядахъ и покупать разные матеріялы для женскаго рукодѣлія. Но самая постоянная его забота состояла въ томъ, чтобъ у сестеръ былъ хорошій запасъ для чтенія. Для того онъ самъ выбиралъ книги и отправлялъ ихъ въ деревню. Случалось, что къ книгамъ при-

соединялись и другіе подарки. Между прочимъ находимъ упоминаніе о подаркѣ, посланномъ имъ для *няни*. Все это, взятое вмѣстѣ, даетъ намъ мѣрку тѣхъ чувствъ, которыя связывали Грановскаго съ семьею во время его студенчества.

Сверхъ привязанности къ семейству и горячей любви къ сестрамъ, сердце молодаго человѣка въ то же время было открыто и другимъ нѣжнымъ ощущеніямъ. Одно изъ первыхъ мѣстъ между ними, какъ естественно предполагать по самой натурѣ Грановскаго, занимаетъ симпатическая наклонность къ женщинѣ. Нашъ разказъ объ его юности мы считали бы очень неполнымъ, еслибы по той или другой причинѣ ему не доставало этой столько важной страницы. Но по счастію, въ письмахъ Грановскаго къ сестрамъ находимъ нѣкоторыя указанія и на тѣ нѣжныя отношенія, которыя въ тѣсномъ смыслѣ слова называются «любовью». По времени эти извѣстія также относятся большею частію къ университетской порѣ въ жизни Грановскаго, и мы спѣшимъ воспользоваться ими для дополненія нашего очерка.

Нашему студенту исполнилось двадцать лѣтъ. Въ молодое сердце незамѣтно проникла та тревога, которая успокоивается только на сочувствіи любимой женщины. Расположить въ свою пользу женское сердце Грановскому было не трудно, когда онъ такъ притягательно дѣйствовалъ уже на мущинъ, своихъ товарищей. Въ пользу его много говорила самая наружность. Типъ лица его былъ нѣсколько южный. При продолговатомъ профилѣ онъ имѣлъ черные волосы и такіе же глаза, живо смотрѣвшіе изъ-подъ густыхъ бровей, которыя почти сходились между собою. Черты лица казались довольно крупными, можетъ-быть потому особенно, что верхняя часть головы развита была у него болѣе, чѣмъ нижняя. Впрочемъ онъ имѣлъ замѣчательно тонкій подбородокъ. Находясь въ Петербургѣ, Грановскій не чуждался общества, ограничиваясь впрочемъ, какъ мы уже видѣли, посѣщеніемъ лишь немногихъ знакомыхъ ему домовъ. Здѣсь уже имѣлъ онъ случай часто встрѣчать молодыхъ и красивыхъ женщинъ, но повидимому ни одна изъ нихъ не сдѣлала на него сильнаго впечатлѣнія. Скорѣе случалось даже совершенно наоборотъ. Для нѣжнаго чувства любви къ женщинѣ сердце Грановскаго впервые раскрылось тамъ же, гдѣ прошли годы его дѣтства и началась его молодость. Мы разкажемъ начало и продолженіе этихъ отношеній по тѣмъ извѣстіямъ, которыя находимъ въ его собственныхъ письмахъ.

Это было въ 1833 году. Какъ мы уже знаемъ, семейныя обстоятельства вынудили тогда Грановскаго предпринять поѣздку въ Погорѣлецъ. Живя въ деревнѣ отца, онъ имѣлъ случай познакомиться съ семействомъ *** Оно состояло изъ отца и двухъ взрослыхъ дочерей (о матери въ письмахъ по крайней мѣрѣ не упоминается). Все это были совершенно новыя лица для нашего студента. Да и самое знакомство погорѣлецкихъ жителей повидимому началось лишь не задолго передъ тѣмъ. Въ перепискѣ Грановскаго съ сестрами до того времени нѣтъ упоминанія ни о самомъ ***, ни объ его семействѣ. Можно полагать, что отецъ Тимоѳея Николаевича познакомился съ нимъ какъ съ дѣловымъ человѣкомъ, когда дѣла его по имѣнію пришли въ большое разстройство (1). Былъ ли *** въ то же время и сосѣдъ Грановскихъ по имѣнію, мы не можемъ сказать положительно; но видно, что 1833 году оба семейства находились уже въ довольно-тѣсныхъ сношеніяхъ между собою и часто видались другъ съ другомъ; *** былъ человѣкъ очень практическій и опытный въ житейскихъ дѣлахъ. Нашъ молодой человѣкъ былъ скоро обвороженъ его живымъ участіемъ въ дѣлахъ семьи и тѣми благоразумными совѣтами, которые онъ подавалъ отцу его. Онъ даже уѣхалъ въ Петербургъ съ тою мыслію, что семья его имѣетъ въ *** своего лучшаго друга, принимающаго къ сердцу всѣ ея интересы.

Двѣ дочери *** повидимому были весьма различнаго свойства. Особенно любезными свойствами отличалась младшая, дѣвушка очень живаго и искренняго нрава. Старшая была гораздо болѣе сосредоточена въ себѣ, но и болѣе способна производить глубокое впечатлѣніе. Обѣ онѣ очень нравились Грановскому, каждая тою стороною своего нрава, которая была въ ней господствующею, но онъ скоро уже началъ отдавать рѣшительное предпочтеніе старшей. Впечатлѣніе было сдѣлано; оно пало на свѣжую, нетронутую почву, и принявши его разъ, впечатлительная натура нашего молодаго человѣка не могла уже отдѣлаться отъ него по желанію. Оно или должно было вырости

---

(1) Mr *** писалъ Грановскій къ теткѣ, по возвращеніи въ Петербургъ (отъ 26 декабря 1833), voilà le seul homme qui lui (au père) fasse de temps en temps penser aux affaires. C'est vraiment le meilleur ami de notre famille; je ne saurais vous dire combien je l'aime et je ne le connais que depuis peu.

въ душѣ его до глубокаго чувства и составить его счастіе, или, при обстоятельствахъ менѣе благопріятныхъ, послужить для него источникомъ многихъ тревогъ и волненій.

Судя по наружности, впрочемъ, новая привязанность Грановскаго была чисто случайнаго свойства и не имѣла никакого залога прочности. Начавшись случайною встрѣчею юноши съ молодою дѣвушкою, среди деревенскаго уединенія и однообразія жизни, она повидимому могла держаться лишь до тѣхъ поръ, пока оба лица находились вмѣстѣ, и потомъ должна была погаснуть въ слабѣющихъ воспоминаніяхъ. Не болѣе обѣщаютъ и самыя письма Грановскаго къ сестрамъ, по отъѣздѣ его изъ деревни. Онъ очевидно находится еще подъ вліяніемъ того впечатлѣнія, которое произвела на него новая его знакомка, онъ не разъ возвращается къ мысли о ней, но онъ также охотно говоритъ объ ея сестрѣ, называя ее «ma charmante belle», и вообще поступаетъ и выражается, какъ свойственно человѣку его лѣтъ послѣ встрѣчи съ симпатическою ему женщиною, о которой пріятно продлить воспоминаніе сколько можно болѣе послѣ разлуки. Такія воспоминанія находимъ въ первомъ же письмѣ Грановскаго къ сестрѣ, писанномъ съ дороги (изъ Москвы). Онъ говоритъ, что не пишетъ къ *ней* по краткости времени, но за то, по пріѣздѣ въ Петербургъ, обѣщаетъ послать «огромное письмо» (une lettre immense). Онъ не можетъ также утерпѣть, чтобы не спросить сестру о томъ, въ какомъ состояніи находится *ея* здоровье, и жалѣетъ ли она объ его отъѣздѣ. Между тѣмъ въ Москвѣ у нашего студента также нашлись нѣкоторыя новыя знакомства; однажды онъ обѣдалъ у M-me Höpfner и былъ совершенно очарованъ. Признаваясь въ этомъ сестрѣ, онъ однако спѣшитъ оговориться, чтобы не дать повода упрекнуть себя въ непостоянствѣ. Все это въ порядкѣ вещей. Та же исторія продолжается по возвращеніи Грановскаго въ Петербургъ. Какъ и слѣдовало ожидать, въ первомъ же своемъ письмѣ къ сестрѣ онъ опять обращается къ *ней*, прося своего вѣрнаго корреспондента напомнить ей обѣщаніе, данное въ деревнѣ, писать къ нему. На «огромное» письмо его однако не стало: отъ него самого узнаемъ, что онъ между прочимъ писалъ и къ *ней* довольно большое письмо (une assez longue lettre). По мѣрѣ того, какъ онъ говоритъ о *ней*, она все живѣе представляется его воображенію, и онъ подъ конецъ начинаетъ уже выражать сожалѣніе, что не продлилъ своего пребыванія въ деревнѣ. Былъ же и хорошій предлогъ къ тому, именины отца, которыя праздно-

вались въ декабрѣ. Конечно, прибавляетъ самъ же Грановскій, отъ того у меня убавилось бы еще болѣе шансовъ для полученія степени при выходѣ изъ университета, но за то у меня было бы болѣе и нѣсколькими днями счастія (1).

Все это очень искренно, но мы до сихъ поръ видимъ только обыкновенныя отношенія между молодымъ человѣкомъ и молодою дѣвушкою, которые, встрѣтившись разъ, почувствовали симпатію другъ къ другу. Самая переписка ихъ между собою нисколько не измѣняетъ сущности дѣла. Она также легко могла прекратиться, какъ и началась. На томъ же самомъ основаніи дѣло оставалось и въ слѣдующемъ году. Грановскій продолжалъ писать прямо къ *ней* и къ *ней* же возвращался въ переписке своей съ сестрою (2). Легко понять, что письма эти служили для изліянія взаимнаго чувства, но какъ они не дошли до насъ, то трудно судить, высказывались ли въ нихъ и какія положительныя намѣренія. По нѣкоторымъ признакамъ впрочемъ видно, что между нашими влюбленными временемъ возникали неудовольствія, происходили маленькія ссоры. Такъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ сестрѣ Грановскій явно намекаетъ на то, что имъ недовольны въ Орлѣ, и старается объяснить себѣ, откуда бы происходила эта непріятная ему перемѣна. Можетъ-быть, думаетъ онъ, ей показываютъ письма, которыя не адресованы къ *ней*, можетъ-быть она оскорбляется нѣкоторыми выраженными въ нихъ сомнѣніями... Въ 1835 году видъ дѣла однако значительно измѣняется. Вопервыхъ переписка продолжается и слѣдственно связь, по началу своему столько простая и невинная, затягивается все болѣе и болѣе, а между тѣмъ являются вновь нѣкоторыя обстоятельства, ослабляющія взаимное довѣріе и частію даже уваженіе съ обѣихъ сторонъ.

Если прежде были недовольны Грановскимъ, то теперь онъ въ свою очередь имѣетъ причины быть недовольнымъ другими. До него доходитъ слухъ о какомъ-то поступкѣ *ея* съ нѣкото-

---

(1) Собственно: mais du moins j'aurais eu encore une semaine de bonheur.

(2) См. письмо къ сестрѣ 1834 года. Къ сожалѣнію, это единственно дошедшее до насъ отъ означеннаго года. Что впрочемъ обмѣнъ письмами между Грановскимъ и новою его знакомкою происходилъ не часто, можемъ видѣть изъ перваго письма его къ сестрѣ отъ 1835 года, гдѣ онъ между прочимъ упоминаетъ, что къ *ней* отправилъ всего пять писемъ и столько же получилъ отъ нея.

рымъ господиномъ, и онъ находитъ, что она не могла себя болѣе компрометировать. При этомъ случаѣ впервые для насъ сказывается въ молодомъ человѣкѣ серіозное чувство. Чѣмъ больше онъ любитъ дѣвушку, тѣмъ больше оскорбляется за нее каждымъ неосторожнымъ ея шагомъ и словомъ. Было ли между ними по этому поводу какое объясненіе, или нѣтъ, изъ уцѣлѣвшей переписки не видно, но мы знаемъ, что Грановскому на его неудовольствіе отвѣчали холодностью и даже упорнымъ молчаніемъ, которое продолжалось болѣе двухъ мѣсяцевъ. Неудивительно, что въ этомъ молчаніи былъ своего рода разчетъ, хоть можетъ-быть и не зависѣвшій прямо отъ лица, находившагося въ перепискѣ съ Грановскимъ: но онъ не иначе объяснялъ себѣ безотвѣтность со стороны любимой имъ дѣвушки, какъ совершеннымъ охлажденіемъ съ ея стороны, и однажды, въ припадкѣ досады и негодованія, сжегъ прежнія ея письма, въ той мысли, что между нимъ и *ею* все кончено. «Корабли были сожжены», но нетерпѣливое желаніе возвратиться назадъ отъ того можетъ-быть выросло еще болѣе. Вовторыхъ—и это конечно было самое дурное, въ отношенія между нашими молодыми людьми замѣшалось вовсе не кстати третье лицо, которому всего лучше было бы оставаться до времени въ сторонѣ. Это былъ отецъ молодой дѣвушки. Вмѣшательство его вовсе не имѣло цѣлію положить конецъ перепискѣ и обмѣну чувствъ между его дочерью и лицомъ, заинтересованнымъ ею: напротивъ, онъ, съ своей стороны, приносилъ въ это дѣло много неожиданной благосклонности и не только не мѣшалъ сношеніямъ молодыхъ людей, но, повидимому, готовъ былъ даже способствовать сближенію ихъ между собою. Но какъ бы ни было благосклонно это участіе, оно давало совершенно другой оборотъ, именно потому, что происходило отъ отца молодой дѣвушки, который естественно долженъ былъ имѣть свои разчеты тамъ, гдѣ рѣчь была о чувствѣ. Зная, какими благородными чувствами всегда воодушевленъ былъ нашъ юноша, мы не сомнѣваемся, что чѣмъ болѣе затягивалась переписка между нимъ и симпатичною ему дѣвушкою, тѣмъ болѣе утверждалась въ немъ мысль—рано или поздно заключить свои отношенія къ ней прочнымъ и неизмѣннымъ союзомъ. Подобное рѣшеніе было конечно не зрѣло и не довольно благоразумно, но оно по крайней мѣрѣ было вполнѣ искренно и совершенно свободно. Но какъ скоро впутался сюда отецъ, Грановскій не могъ болѣе смотрѣть прежними глазами на свои отношенія къ его дочери. Дѣло, по существу своему столько чистое, начинало

терять въ его глазахъ свой прежній безкорыстный характеръ. Не честнымъ заискиваньемъ казался ему всякій шагъ третьяго лица, обращенный прямо къ нему. Связь, основанная на такомъ независимомъ чувствѣ, какъ взаимная симпатія, все больше и больше принимала видъ несвободнаго, даже прямо вынужденнаго дѣйствія. Тѣнь, брошенная на дѣло непризваннымъ вмѣшательствомъ отца, падала отчасти и на лицо его дочери. Связанный съ одной стороны своимъ чувствомъ и можетъ-быть даже словомъ, Грановскій то и дѣло встрѣчалъ съ другой новые поводы къ тому, чтобы раскаяться въ своемъ рѣшеніи, или по крайней мѣрѣ, не считать его счастливымъ для себя. Тутъ было много безпокойнаго раздраженія, которое не разъ выразилось и въ самыхъ его письмахъ.

Это безъ сомнѣнія одна изъ весьма интересныхъ страницъ въ жизни молодаго человѣка. Грановскій былъ поставленъ какъ бы между двумя огнями. Въ одно и то же время онъ увлекался чувствомъ своей привязанности и не могъ не оскорбляться недостаткомъ искренности съ другой стороны. Когда онъ, съ свойственною ему пылкостію, готовъ былъ всего себя принести въ жертву любви, онъ видѣлъ, что его искали какъ выгодной партіи, и старались сдѣлать его предметомъ очень тонкаго разчета. Переписка, которую Грановскій считалъ уже конченною, скоро возобновилась противъ его ожиданія. Въ одно время онъ получилъ письма, отъ нея самой и отъ ея отца. То и другое содержало въ себѣ одну просьбу, лучше сказать, выраженіе одного желанія. Дѣло въ томъ, что Грановскому оставалось лишь какихъ-нибудь два-три мѣсяца до окончанія университетскаго курса, а между тѣмъ онъ писалъ къ своимъ, что по обстоятельствамъ не надѣется слѣдующее лѣто быть въ деревнѣ. Повидимому это извѣстіе разстроивало нѣкоторые планы, напередъ составленные тамъ на случай ожидаемаго его пріѣзда. Поэтому между ними сочтено было за нужное стараться вынудить у него рѣшеніе, которое онъ не соглашался произнести добровольно. Очень удивленъ былъ Грановскій, получивъ отъ г-на *** приглашеніе пріѣхать на лѣто къ нему въ деревню, на что̀ напередъ уже испрошено было и согласіе его отца. Такъ по крайней мѣрѣ писали Грановскому. Но онъ былъ еще непріятнѣе пораженъ, встрѣтивъ въ письмѣ молодой дѣвушки, писанномъ послѣ продолжительнаго молчанія, ту же самую просьбу. Такое совпаденіе очевидно не могло быть случайно: оно заставляло подозрѣвать цѣлую

тактику. Кромѣ того, что извѣстныя уже обстоятельства Грановскаго не позволяли ему въ то время думать о скорой поѣздкѣ въ деревню, довольно уже было одного этого подозрѣнія, чтобы еще больше утвердить его въ прежнемъ намѣреніи. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, отвѣчалъ *ей* повтореніемъ своего отказа. Но это новое рѣшеніе досталось ему довольно тяжело. Оно произвело въ немъ внутреннее раздвоеніе, раздоръ съ самимъ собою. Чувства свои по сему случаю онъ выразилъ въ письмѣ къ своей сестрѣ. Отказываясь формально, онъ таилъ въ сердцѣ желаніе отправиться въ Орелъ, при первой возможности. Каково бы ни было выраженное *ею* желаніе, отказываясь исполнить его, Грановскій не могъ однако освободиться отъ чувства вины своей передъ нею. Чувство, въ немъ жившее, было искренно и успѣло уже пустить въ немъ довольно глубокіе корни. Теперь, писалъ онъ сестрѣ, послѣ своего рѣшенія, я не знаю, что̀ дѣлать съ собою и куда дѣвать себя. Можетъ-быть они не довѣряютъ мнѣ и считаютъ меня способнымъ на обманъ? Въ такомъ случаѣ мнѣ нечего отвѣчать имъ. Я не хочу унизиться до увѣреній передъ ними въ томъ, что они имѣютъ дѣло съ честнымъ человѣкомъ (1). Передъ нимъ только что открывается будущность: долженъ же онъ подумать прежде всего о томъ, чтобы какъ-нибудь устроить свое положеніе въ свѣтѣ. Но онъ признается въ то же время, что передъ *ея* несомнѣнною волею не устояли бы никакіе его разчеты. Еслибъ она рѣшительно того потребовала, онъ готовъ пріѣхать въ деревню въ назначенное ею время, хотя бы это стоило ему всей будущности (2). Между прочимъ ему теперь уже представляется случай быть отправленнымъ въ Германію (вѣроятно по окончаніи курса): но онъ не можетъ принять предложенія, потому что это слишкомъ увеличило бы срокъ его разлуки съ нею. Все это приводитъ Грановскаго къ тому общему признанію, что *она*, или даже самая мысль о ней, имѣетъ надъ нимъ великую силу, даже гораздо больше чѣмъ бы слѣдовало быть. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ писемъ отъ нея и въ то же время боится ихъ получить. Одна мысль сдѣлать ей не-

---

(1) Je ne veux point m'abaisser au point de les assurer que je suis honnête homme. Письмо къ сестрѣ отъ 25 марта 1835.

(2) Qu'il m'arrive ce qu'il pourra, mais je ferai mon *devoir* dût-il me coûter tout mon avenir. *Ibid.*

пріятность заставляетъ молчать въ немъ голосъ разсудка и лишаетъ его всякой твердости (1).

Въ Орлѣ, между тѣмъ, неуклонно продолжали слѣдовать прежней тактикѣ, вовсе не заботясь о томъ, что надобно сколько-нибудь пощадить деликатность чувствъ молодаго человѣка. Въ апрѣлѣ Грановскій получилъ отъ *** новое письмо и при немъ двѣсти рублей денегъ — ему на праздники. Нельзя было неделикатнѣе поступить съ человѣкомъ, для котораго честное слово и даже одно честное намѣреніе были выше всѣхъ внѣшнихъ обязательствъ. Этою, слишкомъ уже родственною любезностію со стороны лица, которое не имѣло на то никакихъ правъ, Грановскій поставленъ былъ въ довольно затруднительное положеніе. Я очень ему благодаренъ, писалъ онъ между прочимъ къ сестрѣ, но долженъ признаться, что мнѣ крайне не нравится эта излишняя обязательность съ его стороны (2). Отказаться отъ непріятнаго подарка, у него не достало духа, или не позволила та же самая деликатность его чувствъ, но онъ не спѣшилъ также и благодарностію за него, самъ еще не зная, какъ лучше рѣшить свои сомнѣнія. Между тѣмъ изъ Орла получено было отъ того же лица новое письмо, въ которомъ, несмотря на дружескій тонъ, давали однако почувствовать Грановскому, что тамъ съ неудовольствіемъ смотрятъ на упорный отказъ его пріѣхать въ деревню. Упрекъ могъ быть смягченъ развѣ только письмомъ отъ другаго лица, которое прямо замѣшано было въ эту исторію. Но отъ него, несмотря на свои нетерпѣливыя ожиданія, Грановскій цѣлый мѣсяцъ не получалъ ни строки. Молчаніе любимой дѣвушки въ этомъ случаѣ было для него тѣмъ болѣе тяжело, что самъ онъ писалъ къ ней по извѣстному поводу три раза, и наконецъ даже просилъ у нея прощенія въ томъ, что позволилъ себѣ быть *благоразумнымъ*. Она, очевидно, не хотѣла принимать отъ него никакого оправданія и какъ будто даже вовсе передала свое дѣло въ другія руки. Положеніе Грановскаго было тѣмъ непріятнѣе, что въ Петербургъ, Богъ знаетъ какимъ путемъ, проникли уже слухи объ отношеніяхъ его къ одному орловскому семейству

---

(1) L'idée de lui faire de la peine me fait enfant, je n'ose point être raisonable, être ferme. *Ibid.*

(2) Je lui suis fort reconnaissant pour ses bontés, mais je vous avoue que cela me fait de la peine. Отъ 20 апрѣля 1835.

съ особенными видами. Однажды, когда онъ былъ вечеромъ у однихъ своихъ знакомыхъ, съ нимъ даже прямо завели разговоръ о M-lle *** какъ о невѣстѣ. Можно себѣ представить смущеніе молодаго человѣка, который вовсе не ожидалъ такого сюрприза! Онъ краснѣлъ во время разговора, но, воротившись домой, еще больше утвердился въ нѣкоторыхъ своихъ рѣшеніяхъ. Отцу «невѣсты» онъ не откладывалъ болѣе своего отвѣта, и благодаря его за присланныя деньги, заключалъ впрочемъ просьбою—уволить его впредь отъ подобныхъ приношеній. Мысль, что не хотѣли вѣрить честности его намѣреній, была ему особенно оскорбительна. Ужь не думаетъ ли онъ, повторялъ Грановскій въ новомъ письмѣ къ сестрѣ, что я могу его *обмануть?* Въ такомъ случаѣ онъ очень ошибается. Я останусь честнымъ человѣкомъ, хотя бы даже это мнѣ стоило моего счастія (1). Что же касается до *нея*, то на молчаніе Грановскій также рѣшился отвѣчать молчаніемъ. Положивъ руку на сердце, онъ находилъ, что не можетъ ни въ чемъ упрекнуть себя передъ нею, и что она сама виновна во всемъ. Ея упорное молчаніе, когда за нее писали другіе, было ему болѣе всего обидно. Въ другихъ случаяхъ онъ могъ обвинять себя въ излишней раздражительности и запальчивости: теперь онъ не могъ сдѣлать себѣ упрека ни въ томъ, ни въ другомъ, и тѣмъ тверже оставался при своемъ намѣреніи не только не ѣхать въ деревню, но и не прерывать своего молчанія. Послѣдняго рѣшенія онъ не думалъ измѣнить даже въ будущемъ (2).

Не надобно говорить, какъ много въ этихъ отношеніяхъ было непріятнаго, и какъ много они способствовали ко взаимному охлажденію съ обѣихъ сторонъ. Чувство Грановскаго не погасло отъ того, но оно не было болѣе такъ прямо и искренно. Vous croirez peut-être, писалъ онъ къ сестрѣ—que je l'aime moins? malheureusement non, ma chère Barbe, je l'aime toujours. (Ты думаешь можетъ-быть, что я менѣе люблю ее? къ несчастію нѣтъ, милая Варенька, я все еще люблю ее.) Неизмѣнно оставаясь при своихъ прежнихъ намѣреніяхъ, Грановскій однако начиналъ больше вникать въ характеръ лица, съ которымъ думалъ соединить свою судьбу, и въ немъ невольно зарождалось

(1) Письмо отъ 4 мая 1835.
(2) *Ibid.*

подозрѣніе, что между ними не можетъ быть полной гармоніи. Перебирая въ памяти свою послѣднюю поѣздку въ Погорѣлецъ, онъ сознавался самъ себѣ, что во все это время они развѣ только два дня были вполнѣ согласны между собою. Чѣмъ больше подъ непріятными впечатлѣніями послѣдней переписки тускнѣлъ въ его воображеніи одинъ образъ, тѣмъ больше вставалъ въ немъ другой, съ которымъ первое знакомство относилось ко времени той же самой поѣздки. Это была Полина, младшая дочь *** замѣтно отличавшаяся отъ сестры своимъ характеромъ. Сколько одна была сосредоточена въ себѣ, столько другая жива и сообщительна. Первая очевидно болѣе способна была къ глубокому внутреннему чувству, и по тому самому должна была гораздо сильнѣе подѣйствовать на нашего молодаго человѣка. Но сестра ея также оставила въ немъ пріятное впечатлѣніе, хотя совсѣмъ иными свойствами, и какъ скоро въ отношеніяхъ Грановскаго къ старшей сестрѣ произошло нѣкоторое охлажденіе, онъ тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ вспоминалъ о младшей, о которой мысль возбуждала въ немъ болѣе отрадныя представленія. Часто получая отъ нея письма и никогда не имѣвши съ нею нималѣйшей размолвки, Грановскій находилъ, что она въ высшей степени милая дѣвушка (vraiment adorable). Въ истинномъ ли припадкѣ на самого себя, или можетъ-быть думая тѣмъ сильнѣе возбудить ревность въ старшей сестрѣ, онъ нарочно старался возвышать достоинства Полины, называлъ ее ангеломъ доброты и благоразумія и даже прибавлялъ, что конечно былъ слѣпъ, когда не на ней остановилъ свой выборъ въ Орлѣ (1).

Между тѣмъ, съ другой стороны, вовсе не хотѣли окончательнаго разрыва. Ничего не выигравъ молчаніемъ, старшая сестра рѣшилась первая возобновить прерванную переписку. Въ концѣ мая Грановскій опять имѣлъ отъ нея два письма. Но тонъ ихъ кажется былъ вовсе не таковъ, чтобы корреспондентъ ея снова могъ расположиться въ ея пользу. Упомянувъ о полученныхъ письмахъ, Грановскій между прочимъ, писалъ къ сестрѣ, что намѣренъ писать прямо къ отцу молодой дѣвушки, и думаетъ прибавить нѣсколько словъ къ ея сестрѣ, которая также прислала ему письмо, а къ *ней* напишетъ развѣ съ слѣдующею почтою.

---

(1) Въ письмѣ къ сестрѣ отъ 24 мая 1835. Ange de bonté et de sagesse. Où diable avais je les yeux quand j'étais à Orel?

Это было въ то самое время, какъ онъ оканчивалъ свой курсъ въ университетѣ и слѣдовательно могъ уже мечтать о самостоятельности. Слухи, уже и прежде ходившіе между петербургскими знакомыми Грановскаго о скорой его женитьбѣ, укрѣпились теперь еще болѣе. Его даже поздравляли формально съ невѣстою. Понятно, что эти поздравленія могли быть только непріятны ему. Чувство его именно въ то время перестало быть тайною, когда оно много потеряло своей цѣны въ его собственныхъ глазахъ. Непріятно также казалось ему, что чѣмъ больше разглашалась его тайна, тѣмъ больше терялъ онъ уваженія со стороны тѣхъ, которые считали его до сихъ поръ за разсудительнаго молодаго человѣка (1). . . . .
. . . . (2)

П. Кудрявцевъ.

(1) Въ письмѣ къ сестрѣ отъ 29 іюня: Jusqu'ici j'ai toujours été regardé comme un jeune homme raisonable, j'ose dire qu'on m'estimait même, actuellement on me regarde avec d'autres yeux.

(2) Здѣсь оканчивается рукопись, оставшаяся по смерти автора. Разказъ прерывается тамъ, гдѣ сосредоточивается столько интереса, возбуждается столько ожиданій въ читателѣ, но за то прерывается такъ, что эта неоконченная біографія остается какъ бы особымъ цѣлымъ. Авторъ оставилъ насъ на первомъ разсвѣтѣ жизни своего героя; но какъ хорошо, съ какою полнотою, съ какимъ изяществомъ изображенъ этотъ разсвѣтъ! Какъ на сильно возбуждено въ насъ желаніе идти далѣе за мастерскимъ разказомъ, исполненнымъ живой правды и художественной прелести, чувство наше сохраняетъ цѣльное впечатлѣніе этого юношескаго образа, который уже успѣлъ обрисоваться передъ нами такъ явственно и въ такихъ привлекательныхъ чертахъ. Найдется ли другая рука, которая могла бы возобновить прерванную нить и продолжать ее съ такою же любовію, входящею во всѣ подробности, и съ такимъ же мастерствомъ, умѣющимъ изъ каждой мелочи извлечь живую исполненную смысла черту? *Ред.*

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ РАДИЩЕВЪ[1]

Нѣсколько предварительныхъ словъ.

Въ Таганрогѣ, въ августѣ 1852 года, я встрѣтилъ одну замѣчательную личность. Это былъ, какъ мнѣ сказали, *учитель*. По физіономіи, манерѣ и по рѣчи, онъ былъ настоящій Французъ. Такъ какъ мы съ нимъ квартировали въ одномъ домѣ, то и видѣлись часто. Наконецъ, я, къ удивленію, узналъ, что этотъ «учитель»—русскій человѣкъ, да еще чиновный, коллежскій ассессоръ Павелъ Александровичъ Радищевъ. Это имя побудило меня покороче узнать моего сосѣда. Мы познакомились. Павелъ Александровичъ, съ дочерью невѣстою, занимался ученіемъ дѣвочекъ. Дѣла его, повидимому, шли порядочно. У него въ домѣ на стѣнѣ я видѣлъ только одну картину: портретъ его отца, Александра Николаевича Радищева, съ стихами Пнина. Тихая, рабочая жизнь этихъ добрыхъ людей, портретъ извѣстнаго человѣка, нѣсколько хорошихъ и рѣдкихъ книгъ, умная бесѣда Павла Александровича, все это привлекало и располагало меня душевно къ моему знакомому.

Минувшею зимою, въ Петербургѣ, я вспомнилъ о немъ въ одной литературной бесѣдѣ при чтеніи статьи Пушкина *Радищевъ*. Тогда

---

(1) Многія біографическія и библіографическія дополненія и поправки въ статьѣ этой и подстрочныя примѣчанія сдѣланы М. Н. Лонгиновымъ.

же я далъ себѣ слово собрать о покойномъ Радищевѣ достовѣрныя свѣдѣнія и напечатать ихъ. Исполняю слово.

Но считаю также не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ авторѣ и источникѣ настоящей статьи, о его сынѣ.

Павелъ Александровичъ Радищевъ родился въ Петербургѣ 27 іюля 1783 года. Онъ былъ третій сынъ отъ перваго брака. Въ 1791 году отвезла его съ сестрою воспитывавшая ихъ тетка (на которой потомъ женился Александръ Николаевичъ) къ ихъ отцу, въ Сибирь. Она нашла его въ Тобольскѣ, и вмѣстѣ съ нимъ пріѣхала въ Илимскъ 4-го января 1792 года. Изъ Илимска ровно черезъ пять лѣтъ, въ январѣ 1797 года, они выѣхали, и, въ іюнѣ того же года, пріѣхали въ деревню Радищева, сельцо Нѣмцово, Калужской губерніи.

Въ сентябрѣ 1799 года, молодой Радищевъ поступилъ въ морской кадетскій корпусъ, гдѣ учился вмѣстѣ съ знаменитымъ нашимъ художникомъ, графомъ Ѳедоромъ Петровичемъ Толстымъ, и съ нимъ же выпущенъ мичманомъ въ маѣ 1802 года. Лучшимъ временемъ жизни своей П. А. считаетъ первую морскую кампанію, которую онъ дѣлалъ на гребномъ фрегатѣ *Богоявленіе*. При кадетахъ были корпусные офицеры: майоръ Перфильевъ (потомъ губернаторъ въ Архангельскѣ) и поручикъ Апухтинъ. Они, по пути въ Стокгольмъ, заходили въ городъ Nordköping. Здѣсь они, съ графомъ Ѳедоромъ Петровичемъ Толстымъ, любовались вмѣстѣ водопадомъ на рѣкѣ Монталѣ: Радищевъ описывалъ, а графъ срисовывалъ. Въ Стокгольмѣ кадетъ угощали въ королевскомъ дворцѣ столомъ. Нашъ посланникъ, баронъ Будбергъ, возилъ ихъ въ театръ, гдѣ они видѣли королеву, родную сестру императрицы Елисаветы Алексѣевны, въ морской кадетскій корпусъ и. т. д.

Прямо изъ корпуса мичманъ Радищевъ опредѣленъ былъ въ ученый комитетъ морскаго министерства. Комитетъ этотъ помѣщался въ зданіи адмиралтейства и находился подъ предсѣдательствомъ вице-адмирала Александра Семеновича Шишкова, бывшаго въ 1812 году государственнымъ секретаремъ, а потомъ министромъ народнаго просвѣщенія.

Elephantiasis, которою онъ заразился еще въ корпусѣ, заставила его перемѣнить родъ службы, и онъ перешелъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія, гдѣ получилъ, при опредѣленіи, чинъ титулярнаго совѣтника. Въ 1806 году П. А. вышелъ въ отставку коллежскимъ ассессоромъ и уѣхалъ въ сельцо Нѣмцово.

Въ 1808 году, получивъ по раздѣлу 80 душъ крестьянъ при 800 десятинахъ земли, онъ былъ намѣренъ отпустить крестьянъ на волю, а землю оставить себѣ. Проектъ былъ очень простой: крестьяне могли оставаться на землѣ и жить по прежнему; но желающій могъ выйдти изъ деревни и приписаться въ другое общество, по желанію. Этотъ проектъ не состоялся, потому что имѣніе было заложено, и другіе наслѣдники могли, не платя въ установленные сроки, довести имѣніе до продажи. Молодой помѣщикъ имѣлъ удовольствіе отпустить на волю толь-

но два семейства дворовыхъ, которыя однакожъ оставались при немъ до 1829 года, когда онъ продалъ все свое имѣніе для уплаты долговъ.

Въ 1812 году Радищевъ поступилъ въ московское ополченіе поручикомъ. Въ аттестатѣ, данномъ ему при отставкѣ въ 1813 году, сказано, что онъ въ сраженіи при Бородинѣ находился, хотя онъ былъ 26 августа только въ главной квартирѣ: черта времени, знакъ уваженія къ имени и лицу.

Имѣніе П. А. Радищева, находившееся въ двухъ верстахъ отъ Малоярославца, на большой калужской дорогѣ, было разорено: домъ и деревня сожжены казаками; вслѣдствіе чего онъ и вошелъ въ неоплатные долги. Продавши деревню, Радищевъ жилъ въ Москвѣ, въ своемъ домѣ, на Мѣщанской противъ Набилкинскихъ палатъ; Набилкинъ былъ вольноотпущенный графа Шереметева.

Въ 1835 году Павелъ Александровичъ выдержалъ экзаменъ въ Московскомъ университетѣ на званіе домашняго наставника.

Съ 1844 года онъ живетъ въ Таганрогѣ, гдѣ даетъ частные уроки французскаго языка молодымъ Грекамъ: это единственный источникъ его существованія.

Все, что онъ скопилъ было въ свою долгую, гореобильную жизнь, растратилось въ 1855 году, такъ памятномъ Таганрогу; а тяжкая и продолжительная болѣзнь, въ 1857 году, совершенно раззорила его.

Теперь Павлу Александровичу Радищеву 75 лѣтъ: надолго ли станетъ его силъ? Чѣмъ будетъ жить онъ? Гдѣ онъ умретъ?... Вотъ вопросы, на которые тяжело отвѣчать!

Этою статьей передается читателямъ все, что Павелъ Алексанoровичъ вспомнилъ изъ своего грустнаго давно-минувшаго и записалъ самъ: такимъ образомъ, она имѣетъ значеніе и колоритъ *современныхъ мемуаровъ*.

А. Корсуновъ.

31 августа, 1858 г.
Деревня Богдановская-Антиповка.

Александръ Николаевичъ Радищевъ родился 20 августа 1749, умеръ 11 сентября 1802 года.

Родоначальники Радищевыхъ[*] были два татарскіе князька, Кунай и Нагай, родные братья. Послѣ покоренія Казани царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, Кунай и Нагай заперлись съ своею дружиной въ Арскомъ городкѣ, въ 30 верстахъ отъ Казани, съ тѣмъ, чтобы защищаться до послѣдней капли крови. Царь послалъ имъ сказать, что такъ какъ Казань взята и царство ихъ пало, то сопротивленіе ихъ будетъ безполезно; а если они захотятъ окреститься, онъ ихъ приметъ въ свое подданство и дастъ имъ земли. Мурзы согласились. Кунай при крещеніи названъ былъ Константиномъ, а Нагай—Василіемъ. Царь пожаловалъ имъ

по сорока пяти тысячъ четвертей земли въ нынѣшнихъ Борисоглѣбскомъ, Малоярославецкомъ и другихъ уѣздахъ. Александръ Николаевичъ Радищевъ произошелъ отъ Куная.

Дѣдъ Радищева Аѳанасій Прокофьевичъ началъ службу солдатомъ и дослужился до бригадирскаго чина. Въ чинѣ полковника, онъ былъ посыланъ въ стародубскія волости для усмиренія раскольниковъ. Мать его такъ была бѣдна, что, отправляя его на службу, дала ему только шесть копѣекъ на дорогу и кафтанъ шерсти своихъ овецъ. Въ чинѣ полковника, Аѳанасій Прокофьевичъ, находясь въ Саратовской губерніи, проходилъ съ своимъ полкомъ чрезъ имѣніе богатаго помѣщика Григорія Облязова, у котораго была единственная дочь. За эту-то дочь Аѳанасій Прокофьевичъ принялъ одну хорошенькую дворовую дѣвушку, и она такъ ему понравилась, что Облязовъ предложилъ ему на ней жениться. Полковникъ согласился. Невѣста, Настасья Григорьевна, была очень мала ростомъ и такъ дурна, что ее не рѣшились показать жениху до самаго вѣнца. На дѣвичникѣ вмѣсто нея посадили подлѣ полковника эту хорошенькую дворовую дѣвушку, разряженную, и когда стали пить водку, и гости начали ломаться, женихъ и невѣста должны были цѣловаться, чтобъ ее подсластить. Вышедши замужъ, Настасья Григорьевна не могла простить своей дѣвушкѣ того, что она цѣловалась съ ея женихомъ, часто ей попрекала этимъ и даже била ее. Аѳанасій Прокофьевичъ построилъ въ Малоярославцѣ соборную церковь и въ ней похороненъ. Въ 1812 году, по занятіи Малоярославца Французами, послѣ сраженія 13 октября, эта церковь обращена была ими въ конюшню и надъ входомъ написано мѣломъ: «Ecurie du général Guilleminot».

Сынъ Аѳанасія Прокофьевича, Николай Аѳанасьевичъ, коллежскій ассесоръ, имѣлъ 2000 душъ и большое семейство—7 сыновей и 4 дочери. Онъ былъ довольно образованъ для своего времени, зналъ языки: французскій, латинскій и польскій. Онъ былъ нрава крутаго и вспыльчивъ, очень суевѣренъ, но добрый помѣщикъ, любимый своими крестьянами. Во время пугачевскаго бунта, онъ укрывался въ лѣсу, въ пяти верстахъ отъ своего села Преображенскаго, съ семействомъ и зятемъ Облязовымъ. Взявъ съ собою дворовыхъ, хорошо вооруженныхъ людей, онъ намѣренъ былъ съ ними, въ случаѣ нападенія, защищаться до послѣдней крайности. Самыхъ малыхъ дѣтей, двухъ сыновей и двухъ дочерей, онъ роздалъ мужикамъ. Мужики такъ любили Николая Аѳанасьевича, что не выдали его, и ни одинъ изъ ты-

сячи душъ не подумалъ донести на него, между тѣмъ какъ близкаго сосѣда и родственника его Дубенскаго собственные мужики привели къ начальнику бунтовщиковъ. Въ господскомъ домѣ села Преображенскаго, мятежники, не нашедъ помѣщика, стрѣляли въ его портретъ. Александръ Николаевичъ, родившійся 20 августа 1749 г., былъ старшій изъ дѣтей у своего отца; онъ былъ любимецъ матери Ѳеклы Степановны, урожденной Аргамаковой, съ которою сходствовалъ кротостію нрава. Его опредѣлили въ пажескій корпусъ. Онъ видѣлъ дворъ Екатерины, гдѣ бывалъ часто по должности: тогда пажи служили за царскимъ столомъ—обычай, отмѣненный Александромъ I. Чрезъ нѣсколько лѣтъ по вступленіи Радищева въ корпусъ, при дворѣ явился молодой графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ (ум. 1832), братъ князя Григорья. Пробывъ три года въ чужихъ краяхъ, графъ Владиміръ возвратился человѣкомъ образованнымъ, съ свѣдѣніями и европейскимъ взглядомъ на вещи, что̀ очень понравилось Екатеринѣ и подало ей мысль отправить молодыхъ людей учиться въ какой-нибудь нѣмецкій университетъ. Тогда славился университетъ Лейпцигскій. Двѣнадцать молодыхъ дворянъ, изъ которыхъ было шесть пажей, въ томъ числѣ Радищевъ, были выбраны и отправлены, въ 1766 году, на три года, на казенный счетъ, подъ надзоромъ гофмейстера, по имени Бокума, и духовника, монаха Павла, въ этотъ университетъ. Радищевъ учился предпочтительно юриспруденціи, литературѣ, медицинѣ и химіи, и, вѣроятно, былъ отличнѣйшій изъ всѣхъ этихъ юношей (1), потому что ни одинъ изъ нихъ не сдѣлался извѣстнымъ ни въ литературѣ, ни въ наукахъ. На окончательномъ экзаменѣ, онъ не блеснулъ или не старался блеснуть, но профессора его утверждали, что онъ свѣдущъ гораздо болѣе тѣхъ, которые умѣли лучше выказать себя. Послѣдствія оправдали это. Онъ былъ почти универсальный человѣкъ. При глубокомъ знаніи законовъ, онъ имѣлъ особенныя познанія въ литературѣ. Всѣ классическіе авторы: латинскіе, французскіе, нѣмецкіе, англійскіе и итальянскіе, были ему совершенно знакомы, равно и все, что̀ тогда было написано по-русски. Онъ былъ порядочный медикъ и лѣчилъ удачно, наиболѣе въ Сибири. Химія была одно время его любимымъ упражненіемъ,

---

(1) Знаменитый профессоръ Платнеръ, у котораго они слушали философію, вспоминалъ о нихъ, особенно о Кутузовѣ и Радищевѣ, черезъ двадцать лѣтъ разговаривая съ Карамзинымъ. (*Письма русск. пут.* Письмо изъ Дрездена отъ 16 іюля 1789.) *М. Л.*

и въ домѣ его химическая печь была всегда въ дѣлѣ. У него гнали водку, спиртъ, купоросное масло, гофманскія капли, всякаго рода духи, воду земляничную и черемушную. Онъ зналъ музыку, игралъ на скрипкѣ, былъ ловкій танцоръ, искусный фехтовальщикъ, хорошій ѣздокъ и счастливый охотникъ съ ружьемъ.

Въ Лейпцигѣ онъ подружился особенно съ своими товарищами. Упомянемъ *Ушакова*, котораго жизнь была издана имъ подъ названіемъ: *Житіе Ѳедора Васильевича Ушакова* (2 ч. Спб. 1789). Ушаковъ служилъ уже въ чинѣ коллежскаго ассессора и служилъ при статсъ-секретарѣ Григоріѣ Николаевичѣ Тепловѣ (род. 1725, ум. 1779), но оставилъ службу для наукъ и былъ съ другими отправленъ въ университетъ. Онъ умеръ чрезъ два года, не кончивъ курса (1). Другой товарищъ, Алексѣй Михайловичъ *Кутузовъ*, былъ мартинистъ, переводчикъ *Мессіады* Клопштока (2 ч. М., въ тип. Комп. Тип., 1785—1787) и Юнговыхъ *Размышленій* (2 ч. М., въ тип. Лопухина, 1785); онъ былъ другомъ Новикова и вмѣстѣ съ тѣмъ Радищева (ум. въ Берлинѣ 1795); онъ даже писалъ къ нему въ мѣсто ссылки (2). Между товарищами были также: Сергѣй Адамовичъ Олсуфьевъ, товарищъ дѣтства императора Павла I, сынъ сенатора, любителя литературы, занимавшаго важную должность при Екатеринѣ, человѣкъ умный, но не литераторъ; и Осипъ Петровичъ Козодавлевъ, авторъ комедій *Перстень* (Спб. 1780), *Нашла коса на камень* (Спб., 1781) и другихъ піесъ, бывшій при Александрѣ I министромъ внутреннихъ дѣлъ и, временно, народнаго просвѣщенія. Съ нимъ Радищевъ не былъ въ короткой связи, и Козодавлевъ считался у товарищей бездарнымъ и даже безъ основательныхъ познаній. Товарищи его увѣряли, что всѣ свѣдѣнія Козодавлева ограничивались изученіемъ каталоговъ. Объ немъ поэтъ Хвостовъ (не графъ) написалъ: «О. К. (Онъ—Кака), другъ Крамзы» (то-есть Державина, мурзы),

но только другъ нахальный,
Кѣмъ изуродованъ, какъ бабкой повивальной,
Малербъ россійскихъ странъ, пресладостный пѣвецъ.

---

(1) Ушаковъ, страдая на смертномъ одрѣ отъ антонова огня, и зная, что ему нѣтъ спасенія, просилъ своего товарища дать ему яду, но ему въ томъ отказали. (*Соч. Рад.* ч. V, стр. 82 и 83.) *М. Л.*

(2) Объ этомъ переводѣ *Мессіады* разказывалъ Карамзинъ на ужинѣ дрезденскихъ профессоровъ. (*Письма русск. пут.* Письмо изъ Дрездена отъ 16 іюля 1789.) Карамзинъ много говоритъ кромѣ того о Кутузовѣ, котораго называетъ А... въ письмѣ изъ Берлина отъ 30 іюля 1789. *М. Л.*

Для объясненія этого надобно сказать, что Осипъ Петровичъ, сотрудникъ издававшагося при Академіи *Собесѣдника любителей россійскаго слова* (16 ч. Спб. 1783—1784), по указанію княгини Дашковой, президента Россійской Академіи, трудился надъ новымъ изданіемъ Ломоносова (6 томовъ in-4°. Спб. 1784—1787). Взявъ на себя необходимыя поправки, онъ вздумалъ исправлять и ошибки противъ языка и грамматики, встрѣчающіяся у Ломоносова; но не имѣя вкуса, часто искажалъ автора. Наконецъ къ числу друзей Радищева принадлежалъ Матвей Кириловичъ Рубановскій (на племянницѣ котораго женился въ послѣдствіи Радищевъ), необыкновенно прилежный, посвящавшій каждый день четырнадцать часовъ на ученіе, но отъ того ни мало не успѣвавшій въ наукахъ. Его товарищи, узнавъ, что одна молодая дѣвушка была въ интересномъ положеніи, имѣя связь съ Рубановскимъ, шутя удивлялись, какъ онъ могъ улучить время для любовной интриги (1).

Всѣ эти молодые люди были недовольны своимъ гофмейстеромъ и его женою, которые, между прочимъ, слишкомъ экономизировали въ свою пользу казенныя деньги; они часто съ нимъ ссорились и жаловались на него, но безъ успѣха. Гофмейстеръ Бокумъ имѣлъ странности. Онъ считалъ себя силачемъ, что̀ замѣтили молодые люди и начали надъ нимъ подшучивать, думая этимъ выжить его. Призовутъ, бывало, лакея длиннаго, сильнаго, бороться съ гофмейстеромъ, наказавъ лакею, чтобъ онъ поддавался послѣ упорной схватки. Эта сцена повременамъ возобновлялась къ совершенному удовольствію наставника и учениковъ. Гофмейстеръ любилъ также пускаться въ философическія пренія. Когда возникалъ какой-нибудь вопросъ, съ начала онъ его разбиралъ и опредѣлялъ съ большою ясностью. Но когда дѣло доходило до доводовъ и послѣдствій, онъ терялся и говорилъ вздоръ. Такого рода наставникъ не могъ быть по вкусу молодыхъ людей, ищущихъ просвѣщенія, ни быть уважаемымъ ими (1).

---

(1) Имена нѣкоторыхъ другихъ товарищей ихъ обозначены Радищевымъ въ *Житіи Ѳ. В. Ушакова* слѣдующими буквами: 1) К. Т., 2) М. У. 3) Н. и 4) Я. Пятый обозначенъ буквою Р.; это должно-быть Рубановскій. Пожелаемъ, чтобы четыре приведенные здѣсь шифра были разгаданы. Затѣмъ о трехъ остальныхъ студентахъ мы не имѣемъ даже и такихъ загадочныхъ указаній. *М. Л.*

(1) Русскіе студенты, выведенные изъ терпѣнія поступками Бокума,

Года черезъ четыре, настало время возвратиться на родину. Въ восхищеніи и не помня себя отъ радости, они приближались къ границѣ, и наконецъ увидѣли себя на своей сторонѣ. Радищевъ вступилъ (1770) въ гражданскую службу протоколистомъ сената въ чинѣ титулярнаго совѣтника, а потомъ перешелъ, въ должности аудитора, къ графу Брюсу, временно начальствовавшему въ Петербургѣ въ 1771 году для охраненія его отъ чумы, и бывшему въ послѣдствіи (съ 1786 г.) с.-петербургскимъ главнокомандующимъ. Въ 1775 году, Радищевъ вышелъ въ отставку и женился, а въ 1776 году опять поступилъ на службу ассессоромъ въ коммерцъ-коллегію, президентомъ которой былъ графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ (род. 1742, ум. 1805 г.; былъ государственнымъ канцлеромъ). Въ 1780 году Радищевъ былъ назначенъ въ помощники совѣтнику казенной палаты Далю, на котораго, по новому учрежденію, возлагалось управленіе дѣлами с.-петербургской таможни. Далю препоручено было составленіе новаго тарифа, которое онъ возложилъ на Радищева, потому что самъ плохо зналъ русскій языкъ и притомъ былъ старъ и болѣзненъ, такъ что Радищевъ одинъ, почти безъ участія Даля, занимался не только тарифомъ, но и управлялъ таможенными дѣлами. Для составленія тарифа, Радищеву нужно было знать англійскій языкъ, потому что Россія производила торговлю преимущественно съ Англіей. Будучи уже почти сорока лѣтъ, Радищевъ выучился по-англійски, такъ что могъ понимать Мильтона и Шекспира. Даль былъ награжденъ, а весь трудъ совершенъ былъ Радищевымъ, получившимъ только 1000 рублей награжденія. Но онъ не искалъ багатства. Однажды княгиня Дашкова сказала ему: «Александръ Николаевичъ, я знаю, что ты часто претерпѣваешь нужду. Что тебѣ надобно? Теперь я очень сильна при

который лишалъ ихъ даже необходимаго, удерживая въ свою пользу деньги, отпускавшіяся на ихъ содержаніе (по 800 р. въ годъ на каждаго), возстали на него, были посажены начальствомъ подъ строгій арестъ и хотѣли оттуда бѣжать черезъ Англію въ Америку, не надѣясь на успѣхъ жалобъ своихъ, которыя имъ удалось отправить къ нашему посланнику въ Дрезденѣ князю Бѣлосельскому и даже въ Россію. Наконецъ князь Бѣлосельскій успокоилъ ихъ и прекратилъ злоупотребленія Бокума, освободивъ ихъ отъ его притѣсненій. *М. Л.*

дворѣ и могу много для тебя сдѣлать.» Радищевъ отвѣчалъ: «мнѣ ничего не надобно» (1).

Свадьба Радищева происходила слѣдующимъ образомъ: Рубановскій, о которомъ выше упомянуто, познакомилъ Радищева съ семействомъ своего брата, Василья Кириловича, имѣвшаго трехъ дочерей. Старшая, Анна Васильевна, была уже взрослая дѣвица; двѣ меньшія воспитывались въ Смольномъ Монастырѣ. Радищевъ влюбился въ Анну Васильевну, и она отвѣчала его страсти, но мать ея долго противилась ихъ союзу, надѣясь породниться съ придворною знатью. Однако видя, что ихъ любовь не ослабѣваетъ, но еще усиливается отъ препятствій, родители, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ожиданія, согласились ихъ соединить. Всѣ отправились въ Москву для свадьбы, которая должна была происходить въ домѣ родителей Радищева. Это было въ 1775 году, вскорѣ послѣ чумы. Рубановскій тамъ умеръ. Смерть его была большою потерей для его семейства, потому что онъ имѣлъ очень выгодное мѣсто въ придворной конторѣ, и, по обычаю того времени, могъ составить своимъ дѣтямъ хорошее состояніе.

Въ ту минуту, какъ женихъ съ невѣстою поѣхали къ вѣнчанію, лошади понесли, что̀ сочтено было за дурное предзнаменованіе. Дѣйствительно, счастливые супруги прожили вмѣстѣ только восемь лѣтъ. Анна Васильевна, даровавъ своему мужу трехъ сыновей и дочь, скончалась въ августѣ 1783 года, вскорѣ послѣ рожденія третьяго сына, того именно, отъ котораго получены сообщаемыя подробности. Радищевъ былъ въ отчаяніи. Его свояченицы, вышедши изъ Смольнаго Монастыря, взялись воспитывать его дѣтей. Вотъ эпитафія, сочиненная Радищевымъ своей женѣ:

О, если то не ложно,
Что мы по смерти будемъ жить;
Коль будемъ жить, то чувствовать намъ должно,
А если чувствовать—нельзя и не любить.

---

(1) Есть извѣстіе, что Радищевъ, пріобрѣтшій столько познаній, въ молодости, но будучи уже на службѣ при графѣ Брюсѣ, плохо зналъ русскій языкъ и упражнялся въ немъ подъ руководствомъ извѣстнаго Александра Васильевича Храповицкаго, подъ его руководствомъ перевелъ разсужденіе Монтескье *О величіи и упадкѣ Римлянъ*, и будто этотъ переводъ изданъ Новиковымъ; но такой книги мы не могли нигдѣ отыскать. *М. Л.*

Надеждой сей себя питая,
И дни въ тоскѣ препровождая,
Я смерти жду, какъ брачна дня;
Умру и горести забуду,
Въ объятіяхъ твоихъ я паки счастливъ буду.
Но если то мечта, что̀ сердцу льститъ, маня,
И ненавистный рокъ отъялъ тебя на вѣки,—
Тогда отрады нѣтъ, да льются слезны рѣки.
. . . .
Тронись, любезная, стенаніями друга,
Се предстоитъ тебѣ въ объятьяхъ твоихъ чадъ;
Не можешь коль прейти свирѣпыхъ смерти вратъ,—
Явись хотя въ мечтѣ, утѣши тѣмъ супруга (1).

Александръ Николаевичъ полагалъ, что самый счастливый въ мірѣ тотъ, кто имѣетъ хорошую жену.

А. В. Радищева похоронена въ Невскомъ монастырѣ, гдѣ супругъ ея хотѣлъ поставить памятникъ съ этою эпитафіей, но ему не позволили, потому что въ ней выражается недостаточная увѣренность въ безсмертіи души. Памятникъ поставленъ былъ въ лабиринтѣ, на концѣ сада, принадлежавшаго дому Радищева.

По смерти Даля, Радищеву окончательно было поручено управленіе с.-петербургскою таможней. На это мѣсто было много искателей, имѣвшихъ сильную протекцію, но Екатерина всѣмъ отказала, говоря: «У меня есть человѣкъ, достойный этого мѣста», и назначила Радищева, который получилъ чинъ коллежскаго совѣтника и крестъ Св. Владиміра 4-й степени. Онъ былъ приверженцемъ свободной торговли, и, сколько можно, способствовалъ ходу коммерціи. Онъ отличался неусыпною дѣятельностію и совершеннымъ безкорыстіемъ—добродѣтелью рѣдкою, особенно въ то время. Служа такъ долго при таможнѣ, онъ могъ бы нажить большое состояніе, но всегда этимъ гнушался. Однажды попался русскій купецъ съ контрабандой: она состояла изъ дорогихъ матерій, парчи и тому подобнаго. Купецъ является въ кабинетъ Радищева, проситъ, чтобы пропустили его товаръ и подаетъ ему большой пакетъ съ ассигнаціями. Его велѣли вытолкать. На другой или на третій день пріѣзжаетъ жена этого купца къ женѣ Радищева, бывшей въ постели послѣ родовъ, и, по обычаю, кладетъ золотой *на зубокъ*. Поговоривъ о своемъ дѣлѣ, она отправляется домой. По уходѣ ея замѣтили, что въ углу другой

---

(1) Эпитафія эта напечатана въ *Сочиненіяхъ Радищева*, ч. I, стр. 199. *М. Л.*

комнаты оставленъ большой кулекъ, набитый дорогими матеріями, парчами и проч. Тотчасъ посылаютъ верхомъ лакея догнать купчиху и бросить ей кулекъ на дрожки. Однакожь купецъ нашелъ протекцію у князя Потемкина, и ему велѣли возвратить товаръ. Подобные случаи довольно часто встрѣчались въ таможнѣ. Радищевъ разказывалъ, что, служа въ таможнѣ, онъ имѣлъ однажды случай положить въ карманъ вдругъ полтора милліона, изъ какихъ-то забытыхъ или пропущенныхъ суммъ, не значившихся по счетамъ, только взявъ въ часть двухъ или трехъ товарищей. Однакожь демонъ корысти не соблазнилъ его.

Но и честные люди не избѣгаютъ злорѣчія и подозрѣній. Въ то самое время, какъ Радищевъ назначенъ былъ управляющимъ таможней, его отецъ, имѣвшій конскій заводъ, прислалъ ему четверку прекрасныхъ лошадей. Одна знатная дама, Нарышкина, увидѣвши его экипажъ, вскричала: «Вотъ Радищевъ не успѣлъ попасть въ директоры таможни, сейчасъ и явилась новая четверка!» Многіе его осуждали за то, что онъ не наживается и не пользуется удобнымъ случаемъ сдѣлать себѣ хорошее состояніе, но онъ былъ философъ XVIII вѣка, и презиралъ подобные взгляды и мнѣнія.

Слѣдующій случай показываетъ, что Радищевъ имѣлъ юридическій тактъ и зналъ законы даже практически. Въ Петербургѣ былъ нѣкто Степанъ Андреевичъ, чиновникъ не изъ дворянъ, нажившій себѣ въ службѣ порядочное состояніе; онъ имѣлъ домъ, жилъ очень хорошо, что̀ возбуждало зависть его сосѣдей, знавшихъ его прежнюю бѣдность. Впрочемъ, онъ былъ человѣкъ добрый. Въ домѣ его находились комнаты, отдававшіяся въ наймы. Одну изъ нихъ, подлѣ хозяйской, нанималъ уже нѣсколько мѣсяцевъ какой-то губернскій секретарь. Пріѣзжаетъ богатый купецъ и нанимаетъ комнату, также подлѣ хозяйской, но съ другой стороны, такъ что хозяева жили между двумя квартирующими. Въ одинъ большой праздникъ, Степанъ Андреевичъ съ женою уходятъ къ заутрени и запираютъ свою комнату. Возвратясь, они очень спокойно занимаются домашними дѣлами. Пріѣзжій купецъ долго не показывается. Думали, что онъ спитъ, наконецъ рѣшаются къ нему войдти, и находятъ его лежащимъ на полу, убитымъ и плавающимъ въ крови; деньги его были похищены. Первое подозрѣніе пало на Степана Андреевича, въ его комнатѣ нашли даже кровавые слѣды. Напрасно онъ оправдывался небытіемъ дома (alibi), нахожденіемъ въ церкви: никто изъ завистливыхъ сосѣдей не подтвердилъ его показаній и ничего не говорилъ въ одо-

бреніе его. Всѣ улики были противъ него. Члены суда, въ которомъ это дѣло производилось, единогласно приговорили его къ лишенію чина, тѣлесному наказанію, какъ недворянина, и ссылкѣ въ Сибирь на каторгу. Одинъ только изъ присутствовавшихъ былъ противнаго мнѣнія. Радищевъ, находя, что улики недостаточны, и, по разнымъ домекамъ, полагая Степана Андреевича невинно подозрѣваемымъ, не подписалъ приговора и подалъ свое мнѣніе. Но за всѣмъ тѣмъ, Степанъ Андреевичъ былъ лишенъ правъ состоянія, наказанъ и сосланъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого происшествія, когда уже Радищевъ былъ въ Сибири, передъ восшествіемъ на престолъ императора Павла I, губернскій секретарь, квартировашій у Степана Андреевича, учинилъ въ Казани смертоубійство и, бывъ приговоренъ къ каторгѣ, признался въ другихъ преступленіяхъ, между прочимъ и въ убійствѣ богатаго купца въ домѣ Степана Андреевича. Степанъ Андреевичъ былъ возвращенъ и, когда Радищевъ опять служилъ въ С.-Петербургѣ, въ должности члена коммиссіи составленія законовъ, Степанъ Андреевичъ явился къ нему и благодарилъ его за заступничество, хотя и безполезное.

Въ 1789 году, въ то время, когда начиналась французская революція, Радищевъ управлялъ еще таможней. Онъ былъ въ короткой дружеской связи съ графомъ Александромъ Романовичемъ Воронцовымъ. Графъ съ нѣкотораго времени не имѣлъ прежняго значенія при дворѣ, чему было причиною благопріятное донесеніе, сдѣланное имъ о Рязанской и Тамбовской губерніяхъ, которыя онъ ревизовалъ вмѣстѣ съ другимъ сенаторомъ, Нарышкинымъ, что̀ не соотвѣтствовало видамъ императрицы. Въ это время Радищевъ написалъ свое *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву* (С.-Петерб. 1790 in-8, стр. 458), какъ увѣряютъ нѣкоторые, по внушенію графа; оно было причиной его несчастія. Относительно графа, это обстоятельство сомнительно и основано на однихъ догадкахъ (1). Путешествіе это посвящено Алексѣю

---

(1) Въ сомнительности этой догадки подтверждаетъ больше всего *Отрывокъ изъ путешествія въ *** И*** Т****» напечатанный въ концѣ II части *Живописца* Новикова (изд. 3, вновь пересмотрѣнное, исправленное и умноженное). По окончаніи отрывка издатель говоритъ: «продолженіе сего путешествія напечатано будетъ при новомъ изданіи сей книги». Третіе изданіе *Живописца*, дополненное, появилось за пятнадцать лѣтъ до изданія книги Радищева.

«Сіе сатирическое сочиненіе подъ названіемъ: *Путешествіе въ****, получилъ я отъ Г. И. Т. съ прошеніемъ, чтобъ оно помѣщено было въ

Михайловичу Кутузову. Оно раздѣлено на 23 главы, изъ которыхъ первая называется «Выѣздъ», а прочія озаглавлены именами станцій между обѣими столицами. Въ этомъ *Путешествіи* авторъ разказываетъ злоупотребленія и несправедливости, поражавшія его въ дорогѣ. Онъ говоритъ о плачевной участи крѣпостныхъ людей съ сожалѣніемъ. Во снѣ онъ видитъ монарха, котораго министры обманываютъ, льстецы превозносятъ до небесъ, представляютъ ему, что золотой вѣкъ насталъ въ его владѣніяхъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности горькая противоположность достигла ужасныхъ размѣровъ.

Этого было достаточно, чтобы раздражить и встревожить императрицу. Она предположила, что есть злой умыселъ противъ нея, а потому Радищева велѣла посадить въ крѣпость (іюль 1790 г.). Полицейскій офицеръ является, беретъ его подъ арестъ и ведетъ къ главнокомандующему въ С.-Петербургѣ, графу Якову Александровичу Брюсу. Едва они вошли въ переднюю, является человѣкъ, у котораго спросили: «отъ кого онъ?»—Отъ Шишковскаго, былъ отвѣтъ. Радищевъ при этомъ имени падаетъ въ обморокъ. Его ведутъ въ крѣпость, налагаютъ на него оковы и отдаютъ въ распоряженіе Шишковскаго. Впрочемъ, императрица въ рескриптѣ графу Брюсу (*Соч. Екат.*, изд. Смирд. т. III, стр. 392) предписала судить Радищева въ уголовной палатѣ и потомъ перенести дѣло въ сенатъ.

Степанъ Ивановичъ Шишковскій былъ человѣкъ очень набожный. Каждый день, въ обѣдню, для него вынимали три просфоры. Неизвѣстно, какъ происходили допросы, но вѣрно то, что каждый день изъ дому Радищева посылался вѣрный служитель, его камердинеръ, Петръ Ивановичъ Козловъ, съ гостинцами къ гроз-

---

моихъ листахъ. Еслибъ это было въ то время, когда умы и сердца наши заражены были французскимъ народомъ, то не осмѣлился бы я читателя моего потчивать съ этого блюда потому что оно приготовлено очень солоно и для нѣжныхъ вкусовъ благородныхъ невѣждъ горьковато. Но нынѣ премудрость, сѣдящая на престолѣ, истину покровительствуетъ во всѣхъ дѣяніяхъ. Итакъ я надѣюсь, что сіе сочиненьице заслужитъ вниманіе людей, истину любящихъ. Впрочемъ, я увѣряю моего читателя, что продолженіе сего путешествія удовольствуетъ его любопытство.» *А. К.*

Отрывокъ изъ путешествія, напечатанный въ 1775 году въ 3 изд. *Живописца* Новикова, можетъ-быть и писанъ Радищевымъ и относится къ первоначальной редакціи его, но въ изданномъ въ 1790 году *Путешествіи изъ С.-Петербурга въ Москву* нѣтъ даже обстоятельства, похожаго на описанное въ этомъ отрывкѣ. *М. Л.*

ному Шишковскому отъ имени старшей свояченицы, Елизаветы Васильевны, за которые она получала всегда отвѣтъ успокоительный: «Степанъ Ивановичъ приказалъ кланяться; все, слава Богу, благополучно; не извольте безпокоиться». Даже одинъ разъ Елизаветѣ Васильевнѣ позволено было увидѣться въ крѣпости съ Александромъ Николаевичемъ. Она и сестра ея жили тогда на Петровскомъ островѣ, на дачѣ (купленной у Фридрихса Радищевымъ на имя Елизаветы Васильевны). Елизавета Васильевна наняла шлюпку и, взявши съ собою четырнадцати-лѣтняго старшаго сына Радищева, съѣздила въ крѣпость.

Наконецъ, въ августѣ, по возвращеніи ихъ съ дачи въ петербургскій домъ (Московской части, въ Грязной улицѣ, въ приходѣ Знаменія, не далеко отъ Владимірской церкви, въ 1837 г. принадлежавшій купцу Мамонтову), въ одно утро является полицейскій офицеръ, тотъ самый, который взялъ Радищева подъ арестъ, и объявляетъ его семейству, что Радищевъ былъ осужденъ на смерть и окончательно приговоренъ къ ссылкѣ въ Сибирь на десять лѣтъ (1) (сентября 1790). Ссылка на десять лѣтъ, въ то время, значила—на всю жизнь. Елизавета Васильевна зарыдала. Полицейскій офицеръ, также плакавшій, старался ее утѣшить, увѣряя, что Сибирь хорошая земля. Книгу свою Радищевъ напечаталъ въ своемъ домѣ, въ собственной типографіи, и хотя цензура вымарала очень много страницъ, почти половину книги, но онъ напечаталъ ее вполнѣ въ той же типографіи и подалъ на разсмотрѣніе оберъ-полицеймейстеру Рылѣеву. Рылѣевъ, по извѣстному всѣмъ совершенному своему невѣжеству, допустилъ ее къ продажѣ и въ книгѣ было выставлено: «Съ дозволенія управы благочинія». Это нарушеніе правилъ было поставлено въ вину Радищеву при его осужденіи. Рылѣевъ, узнавъ свою ошибку и сдѣланный имъ промахъ, явился къ императрицѣ и, бросясь на колѣни, просилъ прощенія. Ему простили, и дѣйствительно онъ былъ не виноватъ, что попалъ въ оберъ-полицеймейстеры, несмотря на свою глупость. Рескриптомъ 13 іюля 1790 на имя графа Брюса, предписано наблюдать, чтобы книга Радищева не продавалась и не перепечатывалась. Ее истребляли такъ, что уцѣлѣло не болѣе 50 экземпляровъ.

---

(1) А. В. Храповицкій въ своихъ запискахъ говоритъ, что императрица называла Радищева «мартинистомъ» и сама писала примѣчанія на его книгу, а дѣло изъ сената велѣла передать въ свой совѣтъ, *чтобы не быть пристрастною*, и объявить, *чтобы не уважали до нея касающееся, понеже она презираетъ*. **М. Л.**

Державинъ поднесъ государынѣ экземпляръ *Путешествія*, гдѣ всѣ важныя мѣста отмѣчены были карандашомъ (1). Императрица, узнавъ обстоятельнѣе объ этой книгѣ, сказала: «Вѣрно сочинитель какой-нибудь вздорный и неугомонный человѣкъ?» Когда ей отвѣчали, что онъ, напротивъ, самый кроткій, хорошихъ правилъ человѣкъ, «О! тѣмъ хуже!» вскричала она. О Радищевѣ всѣ сожалѣли. Купцы на биржѣ, узнавъ о его несчастіи, были въ отчаяніи, плакали, какъ говорилъ сенаторъ Борисъ Яковлевичъ Княжнинъ, слышавшій это отъ своего отца, извѣстнаго трагика Бориса Яковлевича.

Радищева сослали въ Илимскій острогъ, прежде бывшій городомъ, гдѣ имѣлъ пребываніе воевода, въ 500 верстахъ къ сѣверу отъ Иркутска, при рѣкѣ Илимѣ, впадающей въ Ангару, отъ устья его принимающей названіе Верхней Тунгуски. Графъ А. Р. Воронцовъ написалъ ко всѣмъ губернаторамъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ долженъ былъ проѣхать сосланный, чтобы съ нимъ обходились снисходительнѣе. Тогда генералъ-губернаторомъ пермскимъ и тобольскимъ былъ Кашкинъ, а иркутскимъ и колыванскимъ генералъ-поручикъ Иванъ Алферьевичъ Пиль. Графъ объявилъ семейству Радищева, что онъ беретъ на себя все его содержаніе, какъ въ дорогѣ, такъ и на мѣстѣ его заточенія, и разослалъ деньги во всѣ города, гдѣ ему должно было останавливаться. Въ Москвѣ Радищевъ пробылъ нѣсколько дней въ семействѣ своего отца, гдѣ его снабдили на дорогу всѣмъ нужнымъ. Онъ ходилъ молиться къ Иверской Божіей Матери, и на колѣняхъ долго и усердно молился со слезами. Еще въ бытность свою въ крѣпости, онъ велѣлъ написать себѣ образъ одного святаго, вверженнаго въ темницу за слишкомъ смѣло говоренную истину, съ надписью: *Блажени изгнани правды ради.* Но портретный живописецъ, Михайло, крѣпостной его человѣкъ, котораго кисть (по выраженію И. И. Дмитріева) «всегда надъ смертными играла: Архипа Сидоромъ, Козьму Лукой писала», не умѣлъ исполнить мысли, и написалъ четыре фигуры святыхъ, просто стоящихъ рядомъ.

Въ Казани Радищевъ пробылъ одинъ день у Кисловыхъ, даль-

---

(1) Державинъ написалъ по этому случаю слѣдующее четверостишіе:

Ѣзда твоя въ Москву со истиною сходна,
Не кстати лишь смѣла, дерзка и сумазбродна,
Я слышу, на коней ямщикъ кричитъ: «вирь, вирь!»
Знать, русскій Мирабо, поѣхалъ ты въ Сибирь. *М. Л.*

нихъ своихъ родственниковъ. Въ Тобольскѣ онъ пробылъ семь мѣсяцевъ. Туда свояченица его Елизавета Васильевна Рубановская привезла его двухъ меньшихъ дѣтей, дочь девяти и сына Павла восьми лѣтъ. Два старшихъ сына, пятнадцати и тринадцати лѣтъ, были отправлены на воспитаніе въ Архангельскъ, къ родному ихъ дядѣ, Моисею Николаевичу Радищеву, служившему тамъ директоромъ таможни, такому же безсребреннику, какъ и его старшій братъ.

Въ Тобольскѣ Радищевъ, какъ и всѣ сосланные, пользовался совершенною свободой. Онъ бывалъ на всѣхъ обѣдахъ, праздникахъ, спектакляхъ. Лучшій актеръ былъ тогда какой-то Доримедонтъ, замѣнявшій, по нуждѣ, и Гаррика и Вестриса. Половина Тобольска расположена на крутой горѣ, другая, и лучшая, внизу. Гулять многіе ходили на Панинъ Бугорокъ. Въ то время въ Тобольскѣ издавался сосланнымъ туда Панкратіемъ Сумароковымъ литературный журналъ: *Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену* (6 част., Тобольскъ, 1790—1791). Одинъ изъ главныхъ его сотрудниковъ былъ тамошній прокуроръ Иванъ Ивановичъ Бахтинъ, издавшій въ послѣдствіи свою драму *Ревнивый* (Спб. 1816) и собраніе своихъ стихотвореній подъ названіемъ: *И я авторъ* (Спб. 1816). Радищева въ особенности хорошо принимали у губернатора Александра Васильевича Алябьева, человѣка нрава кроткаго и всѣми любимаго (который даже получилъ выговоръ за то, что позволилъ Радищеву такое долгое пребываніе въ Тобольскѣ), у вице-губернатора Ивана Осиповича Селифонтова, бывшаго, въ послѣдствіи, генералъ-губернаторомъ всей Сибири, у генеральши Черкашиной, у Рѣзановыхъ. Въ Тобольскѣ было тогда еще очень памятно управленіе губернатора генералъ-поручика Дениса Ивановича Чичерина, человѣка энергическаго, любившаго порядокъ, бывшаго въ большой довѣренности у императрицы, которая дала ему почти неограниченныя полномочія (1).

Изъ ссыльныхъ замѣчательны были: Михайло Алексѣевичъ Пушкинъ, сосланный съ меньшимъ своимъ братомъ и еще однимъ товарищемъ за дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій. Пушкинъ меньшой ѣздилъ за границу дѣлать формы, и когда съ ними воз-

---

(1) Чичеринъ управлялъ этимъ краемъ съ 1762 по 1780 годъ (род. 1723, ум. 1785). Онъ былъ извѣстенъ своею пышностію, имѣлъ огромную прислугу, давалъ великолѣпные пиры, дѣлалъ въ праздники выходы въ соборъ, одѣтый въ мантію Александровскаго ордена, и т. п. Народъ его боялся, но любилъ и называлъ: «батюшка, Денисъ Ивановичъ». *М. Л.*

вращался въ Россію, на границѣ, таможенный чиновникъ, осматривая его вещи, увидѣлъ одну изъ этихъ формъ, долго разсматривалъ ее и не могъ понять, на что она можетъ годиться. Пушкинъ меньшой, видя, что дѣло плохо, думалъ поправиться, далъ ему 25-рублевую ассигнацію. Чиновникъ взялъ ее, но формы не отдалъ, и понесъ ее домой. Въ это время его жена пекла пироги. Онъ приложилъ форму къ тѣсту, и двадцати-пяти рублевая ассигнація выпечаталась. Пушкина задержали. Михайло Алексѣевичъ былъ человѣкъ остроумный, свѣтскій и съ познаніями. Другой сосланный, Варлашевъ, Москвичъ, былъ человѣкъ оборотливый, сдѣлалъ себѣ и тамъ небольшое состояніе. Онъ сосланъ за какой-то фальшивый актъ. Съ нимъ прокуроръ Бахтинъ часто игралъ въ шахматы, а иногда сажалъ его въ острогъ. Съ 1795 года проживалъ въ Тобольскѣ какой-то Смирновъ, чиновникъ, сосланный при Екатеринѣ за сдѣланный имъ фальшивый вексель въ 20.000 рублей. Онъ былъ отпущенникъ князя Голицына, воспитанъ съ его сыномъ, зналъ прекрасно французскій языкъ, занимался литературой и посылалъ статьи въ журналъ Сохацкаго и Подшивалова *Пріятное и полезное препровожденіе времени* (20 ч. М. 1794—1798), гдѣ подписывался псевдонимомъ: *Даурецъ Монохонъ*. Между прочими одна статья, *Къ смерти*, написанная въ Устькаменогорской крѣпости въ 1795 году, начиналась такимъ образомъ: «Пріиди, желанная, пріиди, и въ объятіяхъ твоихъ да обрѣту спокойствіе, доселѣ отъ меня бѣгавшее.» (*Пріятное и полезное препровожденіе времени* 1796, т. XI, стр. 279.) Смирновъ умѣлъ написать, что угодно, напримѣръ, письмо навыворотъ, начиная съ конца, съ послѣдней буквы послѣдней строки, до самаго начала безъ малѣйшей ошибки. Императрица Екатерина, сославъ его въ Сибирь, писала къ Чичерину: «Посылаю тебѣ птицу, держи его въ ежовыхъ рукавицахъ». Отъ Тобольска до Иркутска безъ малаго 3.000 верстъ. Это путешествіе Радищевъ, съ Елисаветою Васильевною и двумя дѣтьми, совершилъ лѣтомъ, на почтовыхъ, въ коляскѣ. Въ Томскѣ, тогда областномъ городѣ Томской области, принадлежавшей къ Тобольской губерніи, онъ пробылъ двѣ недѣли за болѣзнію Елисаветы Васильевны, страдавшей мучительною зубною болью. По причинѣ чрезмѣрныхъ жаровъ къ коляскѣ спереди придѣлали другой верхъ; работалъ его ссыльный Италіянецъ. Радищевъ былъ принятъ ласково комендантомъ Томска, Томасомъ Томасовичемъ де-Вильнёвъ, Французомъ, бригадиромъ русской службы. Онъ пускалъ

на дворѣ его монгольфьеровъ шаръ, сдѣланный имъ изъ тонкой бумаги—зрѣлище, тогда еще не виданное въ Сибири.

Въ Иркутскѣ Радищевъ провелъ два мѣсяца. Тамъ онъ былъ принятъ въ домѣ генералъ-губернатора Пиля, познакомился съ преосвященнымъ Веніаминомъ, епископомъ иркутскимъ и нерчинскимъ, природнымъ дворяниномъ; былъ также принятъ радушно въ домѣ губернатора Ларіона Тимоѳеевича Нагеля, человѣка отличныхъ свойствъ, какъ и жена его. Дочь ихъ Беата Ларіоновна вышла замужъ потомъ, шестнадцати лѣтъ, за Грека, бывшаго учителемъ въ ихъ домѣ, но очень несчастливо, и вскорѣ умерла, какъ подозрѣвали, отравленная своимъ мужемъ. Радищевъ бывалъ также у вице-губернатора Андрея Сидоровича N N, и посѣщалъ съ семействомъ театръ. Труппа актеровъ въ Иркутскѣ была очень хороша. Во время пребыванія Радищева въ Иркутскѣ, генералъ-губернаторъ велѣлъ приготовить для него въ Илимскѣ воеводскій домъ, за который съ него взяли десять рублей. Радищевъ пріѣхалъ въ Илимскъ 4-го января 1792 года.

Острогъ Илимскъ находится на правомъ берегу Илима, у подошвы горъ, покрытыхъ лѣсомъ. Острогами тогда называли въ Сибири укрѣпленныя мѣста. Илимскъ, при воеводахъ, былъ укрѣпленъ отъ нашествія Тунгусовъ, возмущавшихся за излишнее требованіе ясака. Стѣны острога состояли изъ высокаго палисада съ башнями по угламъ и по срединѣ каждаго бока образуемаго ими параллелограмма. Домъ воеводскій былъ въ центрѣ острога, а внѣ его церковь; съ обѣихъ сторонъ домы жителей тянулись вдоль берега Илима и около горы. Жителей тогда, какъ и нынѣ, считалось около 500. Радищевъ увидѣлъ себя тамъ совершенно свободнымъ. Два унтеръ-офицера, сопровождавшіе его въ дорогѣ, оставлены были при немъ, чтобъ воспрепятствовать ему уѣхать изъ Илимска. Одинъ изъ нихъ жилъ постоянно на квартирѣ, далеко отъ его дома, и рѣдко его навѣщалъ; другой часто отлучался, и наконецъ совсѣмъ уѣхалъ. Въ Илимскѣ Радищевъ нашелъ приготовленный для него домъ, гдѣ было пять комнатъ, при немъ множество службъ, кухня, людская, сараи, погреба, огромная кладовая въ два этажа, хлѣва, садъ, обширный дворъ и большое мѣсто по берегу Илима, къ которому онъ въ послѣдствіи прикупилъ еще два огорода за двадцать рублей. Онъ тотчасъ старался завестись всѣмъ, что̀ нужно для хозяйства, какъ-то: нѣсколькими коровами, двумя лошадьми, всякаю птицею, огородными овощами. Фруктоваго сада не могло быть: тамъ не родятся ни яблоки, ни вишни; въ лѣсахъ много земляники, смородины и бру-

сники. Людей при немъ было два лакея, женатые, горничная дѣвушка, поваръ и два молодые мужика, всего восемь человѣкъ.

Съ перваго года своего пребыванія въ Илимскѣ, онъ нашелъ необходимымъ заняться постройкою болѣе удобнаго и прочнаго дома, оттого что воеводскій домъ былъ очень ветхъ. Ему прислалъ генералъ-губернаторъ плотниковъ и столяра, выбранныхъ между ссыльными. Новый домъ имѣлъ восемь комнатъ, то-есть большую спальню съ нишами, чайную комнату или буфетъ, большой кабинетъ, гдѣ помѣщалась библіотека, кладовую, маленькую гостиную, маленькую залу и двѣ комнаты, гдѣ жили женатые лакеи. Длинный корридоръ начинался отъ спальни, проходилъ до столовой, отдѣляя, такимъ образомъ, кабинетъ и кладовую отъ двухъ людскихъ комнатъ. Къ дому были пристроены: съ одной стороны баня, а съ другой кухня. Домъ былъ тепелъ, печи огромныя, иначе ихъ устроить и нельзя, потому что зимою въ декабрѣ и январѣ морозы доходили до 30 градусовъ и болѣе, а ртуть по двѣ недѣли лежала замерзшею въ термометрѣ.

Радищевъ вставалъ очень рано; писалъ и читалъ. Онъ получалъ *Московскія Вѣдомости, Политическій Журналъ* Сохацкаго, *Пріятное и полезное препровожденіе времени* Сохацкаго и Подшивалова; гамбургскія газеты ему присылали изъ Иркутска, съ оказіей, знакомые Нѣмцы. Онъ дѣлалъ химическіе опыты; одно время занимался много дѣланіемъ и обжиганіемъ горшковъ, для чего ему служила плавильная печь, устроенная въ столовой. По утру приносили ему большой мѣдный чайникъ съ кипяткомъ, и онъ самъ варилъ себѣ кофе. Дѣти вставали, и онъ ихъ училъ каждый день, поутру, исторіи, географіи и по нѣмецки, послѣ обѣда заставлялъ ихъ читать и переводить съ французскаго. Лѣтомъ онъ ходилъ съ ружьемъ по лѣсамъ и горамъ, окружающимъ Илимскъ, ѣздилъ на лодкѣ вверхъ и внизъ по Илиму, а зимою на саняхъ въ разныя стороны, и даже до устья Илима, верстъ за сто, въ селеніе Коробчанку, гдѣ ловится множество осетровъ.

Жители Илимска прибѣгали къ Радищеву въ случаѣ болѣзни. Онъ лѣчилъ иногда удачно; такъ, между прочими, вылѣчилъ онъ молодаго крестьянина Ѳому. Ѳома былъ изъ другой деревни; молодой человѣкъ высокаго роста, не дуренъ лицомъ, благонравный и любезный человѣкъ. Занимаясь звѣроловствомъ, какъ и большая часть жителей Илимска и другихъ селеній, онъ ставилъ ловушки на бѣлокъ и, однажды, пошедши ихъ осматривать, былъ

застигнутъ сильнымъ морозомъ, и не могъ скоро добраться ни до жилья, ни до зимовья. Всѣ члены были у него отморожены. Онъ сдѣлался не способенъ къ домашней работѣ. Отецъ его, вдовый, имѣлъ нужду въ хозяйкѣ, но Ѳомѣ уже нельзя было и помышлять о женитьбѣ, такъ что старикъ, не взирая на свои преклонныя лѣта, самъ хотѣлъ жениться. Они пріѣзжаютъ къ Радищеву, который сначала усомнился его лѣчить, но однакоже принялся, и мало-по-малу послѣ долгаго лѣченія ему удалось поставить Ѳому на ноги. Онъ самъ прививалъ оспу своимъ дѣтямъ, рожденнымъ въ Сибири, и дѣтямъ илимскихъ жителей. Тогда еще докторъ Дженнеръ не изобрѣлъ прививанія коровьей оспы. Виннаго пристава, мужа одной слишкомъ бойкой особы, Авдотьи Купріяновны, человѣка слабаго характера, и помѣшавшагося въ умѣ, онъ также лѣчилъ, старался развлекать, игралъ съ нимъ въ шахматы, поддавался ему иногда, но тотъ скоро умеръ.

По смерти илимскаго священника, сынъ его велъ себя не хорошо и, потому, не могъ заступить его мѣсто. Священникъ Семенъ, изъ другаго прихода, желавшій имѣть этотъ приходъ, прибѣгнулъ къ Радищеву. Александръ Николаевичъ написалъ о немъ къ преосвященному Веніамину, и архіерей, знавшій Радищева въ Иркутскѣ, по встрѣчамъ съ нимъ у генералъ-губернатора съ удовольствіемъ исполнилъ его просьбу.

Однажды въ концѣ зимы, именно въ мартѣ 1794 года, прикочевали къ Илимску Тунгусы, живущіе зимою въ юртахъ изъ древесной коры, прикрѣпляемой къ тонкимъ жердямъ и плотно окрученной кожами отъ вѣтра, съ отверстіемъ на верху для дыма, такъ какъ посреди юрты бываетъ разведенъ огонь, горящій день и ночь. Тунгусы, мущины и женщины, спятъ вокругъ огня на оленьихъ шкурахъ, покрываясь также шкурами, вмѣсто одѣялъ. Когда у нихъ ночью спина озябнетъ, они оборачиваются спиною къ огню, и такъ лежатъ до тѣхъ поръ, пока спереди озябнутъ, тогда опять ложатся по прежнему, и, такимъ образомъ, проводятъ ночь. Радищевъ любопытствовалъ посмотрѣть на ихъ религіозные обряды, и, въ удовольствіе ему, шаманка, прибывшая съ своимъ племенемъ, согласилась дать представленіе. Онъ пришелъ къ нимъ вечеромъ въ юрты, расположенныя въ лѣсу, и его посадили на оленью шкуру передъ огнемъ. Старая шаманка, слѣпая, столѣтняя, какъ говорили, надѣла на себя жреческую одежду, увѣшенную разными фигурками, побрякушками, изображеніями животныхъ, сдѣланными изъ желѣза, всего вѣсу, по-крайней-мѣрѣ, до полупуда, взяла въ руки бубенъ или барабанчикъ, била по

немъ, и припѣвая, говорила молитвы. Изрѣдка три старшіе Тунгуса припѣвали: «Егегеа и Егегеа!» до трехъ разъ. Это значитъ: Господи помилуй. Шаманка ни на минуту не умолкала и не садилась, пѣла, ударяла въ бубенъ, и бодро приплясывала, топала ногою въ продолженіи двухъ или трехъ часовъ, пока, наконецъ, выбившись изъ силъ, упала почти безъ чувствъ. Тѣмъ кончилась молитва. Жители Илимска, приходившіе, изъ любопытства, посмотрѣть на священнодѣйствіе шаманки, глядѣли на нее съ ужасомъ, полагая, что она призываетъ нечистыхъ духовъ. Шаманка имѣла даръ предвѣдѣнія и лѣчила болѣзни. Радищевъ лѣчилъ также и Тунгусовъ, и покупалъ у нихъ бѣлокъ. У каждаго ихъ семейства есть олени. Они ихъ доятъ, ѣдятъ, запрягаютъ въ салазки, одѣваются и обуваются ихъ шкурами. Это кроткое, полезное животное полярныхъ странъ питается зимою древесною корой и мхомъ.

Ни путешественниковъ, ни проѣзжихъ никогда не было въ Илимскѣ; только, однажды, проѣзжали принадлежавшіе къ Биллинковой экспедиціи натуралистъ и рисовальщикъ.

Они ѣхали отъ Чукотскаго Носа чрезъ Якутскъ, и плыли по Илиму на лодкѣ. Натуралистъ везъ чучелы птицъ и животныхъ, а рисовальщикъ виды полярныхъ странъ. Реляція Биллинковой экспедиціи представлена была въ ученый комитетъ адмиралтейства. Путешественники говорили, что много терпѣли лишеній.

Въ Илимскъ пріѣзжали изрѣдка члены киренскаго земскаго суда (уѣздный городъ Киренскъ въ 500 верстахъ отъ Илимска), исправникъ Ковалевскій и засѣдатель Дѣевъ. Николай Андреевичъ Ковалевскій, добрый, честный человѣкъ, былъ всегда принятъ у Радищева какъ другъ дома и просилъ, наконецъ, чтобъ его сына Сашу Александръ Николаевичъ взялъ на воспитаніе съ своими дѣтьми; этотъ мальчикъ провелъ почти годъ у Радищева, но оказалъ мало успѣховъ.

Засѣдателя Дѣева угощали какъ можно больше. Онъ однажды, охмѣлѣвъ, сказалъ Радищеву: «Ну-ка! починай кубышку.» Ему хотѣлось подарка, и онъ полагалъ, что тотъ скупится. Всѣ эти господа, мѣряя людей на свой аршинъ, воображали, что Радищевъ сосланъ за взятки.

Въ 1795 году исправникъ Ковалевскій занемогъ и умеръ, какъ говорили, оттого, что пилъ запоемъ. На мѣсто его прислали другаго, совсѣмъ иныхъ свойствъ. Полагая такъ же какъ засѣдатель Дѣевъ, что Радищевъ скупится и не хочетъ «починать кубышку», онъ началъ грозить, напоминалъ ему, что онъ ссыльный, и что

отъ него, исправника, зависитъ поступить съ нимъ какъ ему вздумается. Елизавета Васильевна тотчасъ отправилась въ Иркутскъ жаловаться губернатору. Ларіонъ Тимоѳеевичъ Нагель (генерала-губернатора Пиля уже не было) уважалъ Радищева и принималъ его въ своемъ домѣ. Онъ написалъ строгій выговоръ исправнику, который съ тѣхъ поръ сдѣлался учтивѣе. Но когда Радищевъ былъ прощенъ, онъ пріѣхалъ его проводить, и былъ такъ испуганъ, что кланялся ему въ ноги, просилъ прощенія и умолялъ не погубить его, полагая, что Радищевъ ѣдетъ прямо въ министры.

Радищевъ женился въ Сибири на Елизаветѣ Васильевнѣ. Въ апрѣлѣ 1792 года родилась у него дочь; въ январѣ 1795 года другая дочь, а 3 сентября 1796 года—сынъ. Уже было почти пять лѣтъ, какъ онъ жилъ въ Илимскѣ; вдругъ, въ декабрѣ 1796 года пришло извѣстіе о кончинѣ императрицы Екатерины Второй: Елизавета Васильевна тотчасъ начала собираться въ Петербургъ, чтобы, съ просьбою отъ Радищева, упасть къ ногамъ императора, прося его о возвращеніи ея мужа. Въ Смольномъ Монастырѣ она была отличною ученицей, при выпускѣ получила вензель и была извѣстна Павлу Петровичу, бывшему тогда великимъ княземъ. Она нѣсколько разъ играла въ присутствіи двора въ комедіяхъ, Екатерина не любила трагедій, представляемыхъ воспитанницами въ Смольномъ Монастырѣ, особливо *Семирамиду* Вольтера при ней никогда не играли. Особенно Елизавета Васильевна смѣшила государыню въ роли госпожи Крупильякъ въ *Расточительномъ сынѣ* Вольтера. Итакъ, Елизавета Васильевна готова была ѣхать въ Петербургъ, но 18 декабря 1796 года Радищевъ получилъ изъ Иркутска увѣдомленіе, что онъ изъ ссылки возвращенъ, и «его императорское величество, всемилостивѣйшій государь, позволяетъ ему жить въ своихъ деревняхъ».

Онъ вбѣгаетъ въ восхищеніи въ спальню: «Ну, маменька, поѣзжай въ Россію!» воскликнулъ онъ. Все его семейство падаетъ на колѣни и со слезами благодаритъ Бога.

Часъ преблаженный!
День вожделѣнный!
Мы оставляемъ,
Мы покидаемъ,
Илимски горы,
Берлоги, норы.

О возвращеніи Радищева ходатайствовалъ, по просьбѣ графа А. Р. Воронцова, князь Александръ Андреевичъ Безбородко,

(род. 1746, ум. 6 апрѣля 1799), бывшій тогда въ большой силѣ.

Прошло нѣсколько времени въ приготовленіяхъ къ дорогѣ. Между тѣмъ Радищевъ ѣздилъ въ Иркутскъ, явиться къ губернатору и за экипажами. Наконецъ, въ январѣ 1797 года, послѣ пятилѣтняго пребыванія, онъ оставилъ Илимскъ съ женою и пятью дѣтьми.

Морозы были ужасные, выше 30 градусовъ. Елизавета Васильевна простудилась дорогой и занемогла. Остановились въ Тарѣ, за 575 верстъ отъ Тобольска; тамъ ее соборовали масломъ; болѣзнь усиливалась. Радищевъ поспѣшилъ ѣхать въ Тобольскъ до вскрытія рѣкъ, тѣмъ болѣе, что въ этомъ городѣ можно больше найдти медицинскихъ пособій. Но всѣ усилія науки были тщетны. Елизавета Васильевна умерла вскорѣ послѣ пріѣзда въ Тобольскъ, и Радищевъ въ другой разъ овдовѣлъ. Онъ оплакивалъ ее, но не столько, какъ первую свою жену. Она была не хороша лицомъ и ряба, но умная женщина. Онъ былъ много обязанъ ей во время своей ссылки. Она его поддерживала и не давала ему упадать духомъ; привезла къ нему дѣтей, прилежно занималась хозяйствомъ, и дѣлала его жизнь по возможности пріятною. За то онъ всегда говорилъ о ней, что это была женщина съ геройскимъ духомъ.

Изъ Тобольска онъ отправился уже на колесахъ. Въ Екатеринбургѣ онъ былъ у управляющаго заводомъ, Ярцова, и осматривалъ монетный дворъ. Въ Перми Радищевъ провелъ нѣсколько времени въ домѣ Ивана Даниловича Прянишникова, предсѣдателя гражданской палаты, бывшаго потомъ его товарищемъ въ коммиссіи составленія законовъ. Домъ у него былъ прекрасный, и онъ жилъ богато. Прянишниковъ увѣрялъ, что ему не нужно было брать взятокъ, чтобы разбогатѣть, оттого что спорныя имѣнія обыкновенно такъ значительны и такихъ огромныхъ цѣнъ, что выигравшая по праву сторона всегда за удовольствіе считала приносить ему добровольно весьма значительные подарки. Изъ Перми, по совѣту Прянишникова, Радищевъ отправился на баркѣ внизъ по Камѣ. Барка эта, или коломенка, нагруженная полоснымъ желѣзомъ (3500 пудовъ), была флагманскимъ кораблемъ цѣлой флотиліи изъ 50 судовъ, нагруженныхъ желѣзомъ: они принадлежали Яковлеву (Собакину), старшему изъ трехъ братьевъ и шли съ заводовъ, находящихся около Чусовой. На флагманской баркѣ ѣхалъ прикащикъ, и было шесть человѣкъ вооруженныхъ (косные) для охраненія отъ волжскихъ разбойниковъ, нападавшихъ преимущественно на

прикащицкія барки, потому что тамъ была всегда казна. Нападая на барку, они кричали: *«сарынъ на кичку!»* то-есть, *бурлаки внизъ!* Бурлаки или работники могли бы защищать барку, но они знали, что, когда станутъ возвращаться домой по берегамъ Волги и Камы, разбойники имъ отмстятъ и убьютъ за сопротивленіе, и потому они сходили съ подмостка внизъ, а съ шестью человѣками вооруженными разбойникамъ легко было справиться.

Въ это время судоходство по Волгѣ было опасно: между разбойниками славился Иванъ Ѳаддеичъ, изъ дьячковъ, отданный въ рекруты, бѣглый солдатъ. Онъ не убивалъ, а только обиралъ богатыхъ проѣзжихъ, особливо купцовъ. Узнавъ, что какой-нибудь богатый купецъ ѣдетъ съ большими деньгами, онъ подстерегалъ его въ удобномъ мѣстѣ, и, остановивъ, требовалъ выдачи всѣхъ денегъ, изъ которыхъ всегда отдѣлялъ часть проѣзжему на дорогу, и отпускалъ его, не дѣлая ему никакого зла. Бѣднымъ проѣзжимъ онъ даже помогалъ. Онъ однажды посѣтилъ одного помѣщика, дурно обращавшагося съ своими мужиками, и совѣтовалъ ему быть человѣколюбивѣе, а въ противномъ случаѣ угрожалъ ему строгимъ наказаніемъ. Какой-то опекунъ притѣснялъ свою питомицу: онъ является къ нему, дѣлаетъ ему строгій выговоръ и обѣщаетъ, если онъ не исправится, показать надъ нимъ примѣръ и отмстить за бѣдную сироту. Одного исправника, большаго взяточника, онъ высѣкъ. Надѣвъ фракъ и назвавшись помѣщикомъ, онъ былъ на балѣ у ярославскаго губернатора. Преслѣдуемый земскою полиціей, онъ долго умѣлъ укрываться. Наконецъ, исправникъ, узнавши, что Иванъ Ѳаддеичъ ночуетъ у одного мужика, собралъ до пяти сотъ понятыхъ, и съ казаками ночью окружилъ избу, гдѣ ночевали разбойники. Видя себя въ невозможности скрыться, Иванъ Ѳаддеичъ принялъ тотчасъ рѣшительную мѣру. Онъ призвалъ хозяина избы: «вотъ тебѣ 500 рублей, говоритъ онъ,—зажигай избу.» Пятьсотъ рублей тогда для мужика были больше чѣмъ нынче 2000, а его дворъ не стоилъ и ста рублей. Въ самое короткое время дворъ извнутри и изба были обложены кучами соломы; ее зажгли, и весь дворъ запылалъ. Народъ разступился и разбѣжался. Вдругъ ворота растворяются, двѣ тройки пускаются вскачь сквозь разрѣдѣвшія толпы и летятъ съ быстротою молніи изъ деревни вонъ. Послѣ перваго изумленія посылаютъ за разбойниками въ погоню. Казаки скоро начали настигать бѣгущихъ. Иванъ Ѳаддеичъ бросаетъ ассигнаціи синенькія, красненькія,

казаки подбираютъ. Другіе наскакиваютъ ближе; Иванъ Ѳаддеичъ бросаетъ бѣленькія ассигнаціи... Какъ съ ними разстаться? Надобно подобрать. Между тѣмъ двѣ тройки удалыя скрываются изъ глазъ, и уже догонять ихъ было поздно. И на этотъ разъ Иванъ Ѳаддеичъ ускользнулъ отъ преслѣдованій. Но «сколько вору ни ликовать, а палачевыхъ рукъ не миновать». Легенда о Иванѣ Ѳаддеичѣ оканчивается какъ и всѣ исторіи разбойниковъ: онъ былъ пойманъ, наказанъ и сосланъ.

Въ городѣ Лаишевѣ на Камѣ, въ 30 верстахъ отъ впаденія ея въ Волгу, барки останавливаются. На нихъ ставятъ мачту съ огромнымъ рогожнымъ парусомъ для плаванія вверхъ по Волгѣ, при попутномъ вѣтрѣ. Обыкновенно же барки тянутъ бичевою. Тамъ, гдѣ невозможно рабочимъ идти по берегу, завозятъ верпъ и притягиваются къ нему веревкою. Плаваніе отъ Перми до Нижняго продолжается нѣсколько недѣль. Останавливались два дни въ Услонѣ, большой деревнѣ на правомъ берегу Волги, въ виду Казани, почти противъ того мѣста, гдѣ рѣчка Казанка, въ 7-ми верстахъ отъ этого города, впадаетъ въ Волгу. Также останавливались у села Лыскова, противъ города Макарьева, знаменитаго тогда своею ярмаркою. Въ Лысковѣ, принадлежавшемъ князьямъ Грузинскому и Голицыну, бывала конная, предшествовавшая ярмаркѣ въ Макарьевѣ, построенномъ на низменномъ берегу Волги; домы были высокіе, отъ разлитія воды весною.

На Волгѣ очень много живописныхъ мѣстъ, но нѣтъ ни одного, которое могло бы сравниться съ Нижнимъ-Новгородомъ. Нижній построенъ на высокой горѣ, при слитіи Оки съ Волгой. Вода Оки бѣловатѣе волжской. Видъ на Заволжье восхитителенъ. Село Боръ, многія деревни и вся окрестность видны слишкомъ на 20 верстъ. Въ Нижнемъ былъ тогда губернаторомъ Андрей Лаврентьевичъ Львовъ, извѣстный своимъ безкорыстіемъ, свѣдущій, энергическій, гроза взяточниковъ и ненавидимый подъячими, у которыхъ отъ одного его имени вытягивались лица на аршинъ.

Пробывъ нѣсколько дней въ Нижнемъ, Радищевъ отправился въ Москву на почтовыхъ. Дорогой выѣхалъ къ нему навстрѣчу братъ его Моисей Николаевичъ, недавно вышедшій въ отставку изъ директоровъ архангельской таможни, у котораго воспитывались два старшіе сына Александра Николаевича, во время его ссылки. Радищевъ съ братомъ поѣхали въ сторону съ дороги къ графу Александру Романовичу Воронцову, оставившему службу

въ послѣдніе годы царствованія Екатерины и удалившемуся въ свое село Андреевское, Владимірской губерніи (1). Императоръ Павелъ Петровичъ приглашалъ графа Воронцова опять вступить въ службу, но онъ отказался. При Александрѣ I-мъ онъ былъ тотчасъ сдѣланъ канцлеромъ, и до 1805 года управлялъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, но видя усилившійся кредитъ своего товарища, князя Чарторыжскаго, одного изъ первыхъ съ Чичаговымъ, Строгоновымъ, Новосильцовымъ и Голицынымъ въ кругу молодаго императора, онъ окончательно удалился въ село Андреевское, гдѣ вскорѣ скончался отъ сильныхъ припадковъ геморроя.

Въ Москвѣ Радищевъ провелъ нѣсколько дней у своихъ дальнихъ родственниковъ Аммосовыхъ, обрадованныхъ, какъ и всѣ его знакомые, возвращеніемъ Александра Николаевича изъ Сибири, и наконецъ, послѣ шестимѣсячнаго путешествія, прибылъ въ іюнѣ 1797 года въ свое сельцо Нѣмцо̀во, отстоящее 116 верстъ отъ Москвы, и 2 версты отъ Малоярославца, на большой калужской дорогѣ.

Сельцо Нѣмцо̀во съ деревнями имѣло 180 душъ и около 1500 десятинъ земли. Оно было скуплено дѣдомъ Радищева, Аѳанасіемъ Прокофьевичемъ, у однофамильцевъ, и было богато сѣнными покосами и рощами въ отхожихъ пустошахъ. Кряжъ земли глинистый и только посредствомъ сильнаго удобренія могъ производить хлѣбъ. Крестьяне, послѣ покоса и жатвы, уходили по паспортамъ въ Малороссію, въ пильщики и для выдѣлыванія овчинъ. Радищевъ занялся экономіею, и думалъ ввести у себя улучшенное земледѣліе на манеръ англійскаго, травосѣяніе и пр., но прежде онъ хотѣлъ исполнить долгъ свой къ родителямъ. Онъ послалъ прошеніе къ императору Павлу Петровичу, прося у него позволенія *ѣздить* къ нимъ въ Саратовскую губернію. Вскорѣ онъ получилъ отношеніе отъ генералъ-прокурора, князя Алексѣя Борисовича Куракина, извѣщавшаго его, что государь позволяетъ ему *съѣздить* къ своимъ родителямъ одинъ только разъ.

Зимою, въ началѣ 1798 года, Радищевъ отправился со всѣмъ своимъ семействомъ—четырьмя сыновьями и тремя дочерьми, въ Саратовскую губернію. Онъ нашелъ отца своего Николая Аѳа-

---

(1) Это село принадлежало потомъ племяннику его, князю Михаилу Семеновичу. Въ 1812 году помѣщикъ, раненый при Бородинѣ, жилъ тамъ вмѣстѣ со множествомъ другихъ раненыхъ генераловъ, офицеровъ и солдатъ, содержавшихся на его счетъ. *М. Л.*

насьевича слѣпымъ, отпустившимъ бороду, въ простомъ кафтанѣ, подпоясанномъ ремнемъ. Онъ жилъ тогда на пчельникѣ, въ лѣсу, въ пяти верстахъ отъ своего села Преображенскаго, которое онъ отдалъ своимъ дѣтямъ, а самъ проводилъ время въ молитвѣ, по большей части, въ обществѣ какого-нибудь монаха, а чаще съ отцемъ Палладіемъ изъ Саровской пустыни, отпущенникомъ зятя его, Облязова. Въ послѣдствіи Николай Аѳанасьевичъ отправился совсѣмъ на житье въ Саровскую пустынь, наиболѣе всѣхъ монастырей имъ облагодѣтельствованную, но не могъ ужиться съ монахами, вступаясь въ дѣла управленія монастыремъ, и потому возвратился на свой пчельникъ, гдѣ и жилъ до своей кончины.

Мать Радищева, Ѳекла Степановна, лежала въ параличѣ съ того времени, какъ любимаго ея сына сослали въ Сибирь. Онъ привезъ къ ней своихъ дѣтей отъ Елизаветы Васильевны. Она приняла ихъ очень благосклонно. Но не такъ разсудилъ Николай Аѳанасьевичъ. «Или ты Татаринъ?» вскричалъ онъ, когда возвратившійся изъ ссылки сынъ объявилъ ему о трехъ новыхъ дѣтяхъ, привезенныхъ изъ Сибири. —«Или ты Татаринъ, что женился на свояченицѣ?... Женись ты тамъ на крестьянской дѣвкѣ, я бы ее принялъ какъ дочь.» Все семейство, кромѣ Ѳеклы Степановны, пристало къ мнѣнію старика. Въ послѣдствіи, узнавъ, что по смерти его сына, императоръ Александръ Павловичъ велѣлъ помѣстить двухъ малолѣтнихъ дочерей его въ Смольный Монастырь, а шестилѣтняго сына во 2-й кадетскій корпусъ, съ фамиліею Радищевыхъ,—этотъ несговорчивый дѣдъ хотѣлъ ѣхать въ Петербургъ, просить государя снять съ нихъ эту фамилію, и съ трудомъ дѣти могли удержать его увѣреніемъ, что поѣздка его будетъ напрасна.

Въ селѣ Преображенскомъ (иначе Верхнее Облязово) Радищевъ прожилъ цѣлый годъ. Въ десяти верстахъ, въ селѣ Нижнемъ Облязовѣ, жила его сестра Марья Николаевна, вдова Облязова, богатаго помѣщика, имѣвшаго 5000 душъ. Она имѣла двухъ сыновей и трехъ дочерей. Сыновья, по совѣту Александра Николаевича, были отправлены въ чужіе краи, съ гувернеромъ Трейтораномъ, для усовершенствованія въ наукахъ. Они учились въ Лейденѣ и Лозаннѣ и не задолго передъ тѣмъ возвратились. Въ трехъ верстахъ отъ села Преображенскаго жилъ старикъ Дубенскій, женатый на сестрѣ Николая Аѳанасьевича: у него было два сына и четыре дочери. Всѣ эти родные собира-

лись часто въ село Преображенское, и время проводили довольно весело.

Черезъ годъ, въ 1799 году, Радищевъ возвратился въ свое сельцо Нѣмцово. Онъ занимался экономіею, написалъ поэму: *Бова,* въ 16-ти пѣсняхъ, взятую имъ изъ старинной сказки, и другія стихотворенія и статьи въ прозѣ. Онъ жилъ безвыѣздно въ деревнѣ до восшествія на престолъ Александра I-го (мартъ 1801), который разрѣшилъ ему пріѣздъ въ столицу, возвратилъ чинъ коллежскаго совѣтника, Владимірскій крестъ 4-й степени, и помѣстилъ его въ коммиссію составленія законовъ.

Радищевъ, помѣщенный въ коммиссію составленія законовъ съ 1,500 руб. жалованья (хотя его товарищи, Пшеничный, Прянишниковъ и др., получали 2000), занялся сочиненіемъ уложенія и уже составилъ проектъ Гражданскаго Уложенія, полагая представить его графу Петру Васильевичу Завадовскому, предсѣдателю коммиссіи, бывшему съ 1802 года первымъ министромъ народнаго просвѣщенія (род. 1738, ум. 10 января 1812). Для составленія Уголовнаго Уложенія, онъ имѣлъ намѣреніе отправиться въ Англію, въ видахъ изученія тамошнихъ уголовныхъ законовъ и изслѣдовать на мѣстѣ публичное судопроизводство и учрежденіе присяжныхъ (jury), для чего надѣялся получить вспоможеніе отъ казны на путевыя издержки. Въ разговорахъ своихъ съ графомъ Завадовскимъ, онъ, не стѣсняясь, обнаруживалъ свой свободный образъ мыслей, графъ Воронцовъ привѣтствовалъ его при другихъ словами: «Bonjour, monsieur le démocrate». Такое направленіе не соотвѣтствовало мнѣніямъ и взгляду Завадовскаго. Графъ замѣтилъ ему однажды, что этотъ слишкомъ восторженный образъ мыслей уже разъ навлекъ на него несчастіе, и далъ ему почувствовать, что онъ въ другой разъ можетъ подвергнуться подобной бѣдѣ, и даже произнесъ слово: *Сибирь.* Пораженный ли такою угрозою, или по другой какой причинѣ, онъ вдругъ сдѣлался задумчивъ, сталъ безпрестанно тревожиться. Онъ былъ всѣмъ недоволенъ. Напрасно старались успокоить его, онъ твердилъ безпрестанно, что до него добираются. Однажды, въ припадкѣ ипохондріи, онъ сказалъ собравшимся своимъ дѣтямъ: «Ну, что̀, дѣтушки, если меня опять сошлютъ въ Сибирь?..» Его безпокойство и волненіе ежедневно усиливались. Онъ призывалъ полковаго лѣкаря, принималъ лѣкарства, но облегченія не получилъ. Душевная болѣзнь развивалась все болѣе и болѣе.

11 сентября 1802 года, въ 9 или 10 часовъ утра, Радищевъ, принявъ лѣкарство, вдругъ схватываетъ большой стаканъ съ

крѣпкою водкой, приготовленною для вытравленія мишуры поношенныхъ эполетъ старшаго его сына, и выпиваетъ разомъ. Въ ту же минуту схватилъ бритву и пытался зарѣзаться. Старшій сынъ замѣтилъ это, бросился къ нему и вырвалъ у него бритву. «Я буду долго мучиться», сказалъ Радищевъ. Онъ потребовалъ священника; священникъ случайно встрѣтился у воротъ и исповѣдывалъ его. «Господи! помилуй мою душу», повторилъ онъ нѣсколько разъ. Привели лѣкаря, но ядъ дѣйствовалъ уже ужаснымъ образомъ и производилъ безпрестанную рвоту. Черезъ часъ пріѣзжаетъ Виллье, императорскій лейбъ-медикъ, присланный императоромъ Александромъ I, такъ какъ извѣстіе объ этомъ несчастномъ происшествіи разнеслось по городу. Виллье кричитъ: «воды, воды!» прописываетъ микстуру, долженствовавшую, по его словамъ, остановить дѣйствіе крѣпкой водки. Онъ отправляется, спросивъ у Радищева, что̀ могло побудить его лишить себя жизни. Отвѣтъ былъ продолжительный, несвязный. Виллье сказалъ: «видно, этотъ человѣкъ былъ несчастливъ». Пріѣхалъ другой придворный медикъ, но уже было мало надежды, и въ первомъ часу пополуночи Радищевъ скончался.

Императоръ Александръ I принялъ участіе въ положеніи его семейства. На заплату его долговъ, простиравшихся до 40,000 руб., выдано 4,000 рублей. Старшей его дочери назначена пенсія въ 500 рублей. Двѣ малолѣтнія были отданы въ Смольный Монастырь, а меньшій шестилѣтній сынъ опредѣленъ во 2-й кадетскій корпусъ. Эти трое малолѣтнихъ дѣтей, отъ втораго брака, родились въ Сибири. Жена сенатора Матвея Петровича Ржевскаго, Глафира Ивановна, воспитывавшаяся съ ихъ матерью въ Смольномъ Монастырѣ, и искренняя ея пріятельница, бывшая съ Елизаветой Васильевной въ постоянной перепискѣ во время пребыванія послѣдней въ Илимскѣ, наиболѣе ходатайствовала, вмѣстѣ съ графомъ А. Р. Воронцовымъ, объ этихъ трехъ сиротахъ. Графъ, во все время ссылки Радищева, присылалъ ему ежегодно пенсію, сначала 500, потомъ 800, а наконецъ 1000 рублей. Англійская факторія, памятуя покровительство, всегда оказываемое торговлѣ, Радищевымъ, великимъ приверженцемъ свободной торговли, вызвалась заплатить всѣ его долги: предложеніе, неизвѣстно почему, оставшееся безъ послѣдствія.

Радищевъ, прежде своей ссылки, издалъ: *Житіе Θедора Васильевича Ушакова* (съ приложеніемъ нѣкоторыхъ его сочиненій), своего товарища въ Лейпцигскомъ университетѣ, посвященное А. М. Кутузову, *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву,*

причинившее ему остракизмъ. Въ Илимскѣ написалъ онъ трактатъ о безсмертіи души: *О человѣкѣ, о его смертности и безсмертіи* (въ 4 частяхъ 1792); *Письмо о китайскомъ торгѣ въ Кіахтѣ* (1792 г.), отрывокъ изъ *Сокращеннаго повѣствованія о пріобрѣтеніи Сибири,* гдѣ, между прочимъ, онъ говоритъ, что еслибъ отъ него зависѣло, то не было бъ ни таможень, ни пошлинъ, ни всего, что̀ затрудняетъ коммерцію. Въ своемъ сельцѣ Нѣмцо́вѣ, онъ написалъ 11 пѣсень изъ поэмы въ бѣлыхъ стихахъ, взятой изъ народной сказки: *Бова-Королевичъ.* Всѣ эти сочиненія, также нѣкоторыя стихотворенія и первая пѣснь *Бовы* (ибо прочія онъ самъ истребилъ передъ смертью), были послѣ его смерти напечатаны въ Москвѣ (6 ч., М., въ тип. Бекетова. 1807—1811) (1). *Путешествіе* не могло быть перепечатано. Проектъ *Гражданскаго Уложенія,* сочиненный въ Петербургѣ, переписанный набѣло его рукою, былъ ввѣренъ Василію Назарьевичу Каразину, удержанъ имъ и потерянъ. Мнѣнія Радищева вообще таковы: онъ расходился въ убѣжденіяхъ со Сперанскимъ, написавшимъ, при изданіи *Свода Законовъ,* что Россія не имѣетъ нужды въ новыхъ законахъ, а только нужно привести старые въ систематическій порядокъ, и что даже невозможно Россіи дать новое уложеніе. Радищевъ, напротивъ, допускалъ реформу законодательства, говоря, что невозможно знать, какъ современемъ люди будутъ управляемы. Вотъ его мнѣнія: 1) Всѣ состоянія должны быть равны передъ закономъ, а потому и тѣлесное наказаніе должно отмѣнить 2) Табель о рангахъ уничтожить. 3) Въ уголовныхъ дѣлахъ—отмѣнить пристрастные допросы, ввести публичное судопроизводство и судъ присяжныхъ, иначе не можетъ быть правосудія. 4) Вѣротерпимость должна быть совершенная и устранено все то, что̀ стѣсняетъ свободу совѣсти. 5) Ввести свободу книгопечатанія, съ ограниченіями и ясными постановленіями о степени отвѣтственности 6) Освободить крѣпостныхъ господскихъ крестьянъ, а съ тѣмъ и прекратить продажу людей въ рекруты. 7) Поземельную подать ввести вмѣсто подушной.

---

(1) Кромѣ названныхъ уже сочиненій въ этомъ изданіи, помѣщены: 1) Мелкія стихотворенія, 2) *Отрывокъ изъ поэмы въ прозѣ Ермакъ,* 3) *Дневникъ одной недѣли,* 4) *Памятникъ дактилохореическому витязю,* и 5) *Описаніе моего владѣнія.* Второй сынъ Радищева, Николай, былъ также писатель; онъ издалъ свою поэму: *Алеша Поповичъ и Чурило Пленковичъ,* богатырское стихотвореніе (М. 1801), и напечаталъ переводы нѣсколькихъ романовъ и повѣстей Августа Лафонтена.

М. Л.

8) Установить свободу торговли. 9) Отмѣнить строгіе законы противъ ростовщиковъ и несостоятельныхъ должниковъ: нѣчто въ родѣ Habeas corpus. Послѣ Радищева, нѣкоторыя его идеи осуществились, по его ли указанію, или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ, велика и та честь, что онъ первый и такъ рано провозгласилъ ихъ.

Радищевъ говорилъ, что еслибъ онъ выдалъ свое *Путешествіе* за 10 или 15 лѣтъ до французской революціи, то онъ, вмѣсто ссылки, скорѣе былъ бы награжденъ, на томъ основаніи, что въ его книгѣ есть очень полезныя указанія на многія злоупотребленія, неизвѣстныя правительству, и императоръ Александръ, какъ говорили, принялъ къ свѣдѣнію изъ нея много идей и признавалъ ея достоинство. Доказательствомъ тому то, что онъ не только совершенно простилъ автора, возвративъ ему чинъ и крестъ, но опредѣлилъ въ коммиссію составленія законовъ, что̀ тогда почли чертою мудрости молодаго императора.

Радищевъ умеръ 53 лѣтъ отъ роду. Онъ былъ средняго роста и въ молодости очень хорошъ лицомъ, имѣлъ прекрасные каріе глаза, очень выразительные; былъ пристрастенъ къ женскому полу(1).

Онъ ненавидѣлъ ложь, обманъ, пьянство и карточную игру (l'avarice en plaisir déguisée), хотя игралъ во всѣ игры и даже съ удовольствіемъ въ небольшую игру. Онъ ходилъ на охоту съ ружьемъ, но не одобрялъ псовую охоту, дѣлающуюся исключительною страстію и требующую разорительныхъ издержекъ. Дуэль была, по его мнѣнію, смертоубійство и сумашествіе: «за то, что тебя оселъ лягнулъ, говоритъ онъ въ своемъ *Путешествіи,* вынимай шпагу и дерись.» Однажды, однакоже, онъ и самъ готовился выйдти на дуэль. Одинъ игрокъ, какъ-то играя въ карты, ошибся и проигралъ игру. Радищевъ улыбнулся. Тотъ подходитъ къ нему, начинаетъ ссору, требуетъ удовлетворенія и вызываетъ его. Общіе знакомые вступились и прекратили дѣло. Онъ допускалъ самоубійство:

«Quand on a tout perdu, quand on n'a plus d'espoir,
La vie est un opprobre et la mort un devoir.»

---

(1) При сочиненіяхъ Радищева, изданныхъ въ 6 частяхъ послѣ его смерти и теперь очень рѣдкихъ, приложенъ портретъ его, гравированный художникомъ Вендрамини. Судя по этому портрету, наружность Радищева точно была увлекательна. *М. Л.*

Онъ былъ исполненъ чувства человѣческаго достоинства и не любилъ унижаться.

Радищевъ оставилъ дѣла свои въ самомъ разстроенномъ положеніи. Онъ имѣлъ случай поправить ихъ. Одинъ разъ княгиня Дашкова предлагала ему выпросить имѣніе, состоящее изъ крестьянъ, тогда щедро раздаваемыхъ, или единовременное пособіе: онъ отказался. По возвращеніи изъ Сибири, родные его, племянники Облязовы, люди богатые, хотѣли уступить ему 20,000 долгу; но онъ отдалъ имъ за долгъ прекрасное имѣніе, въ Клинскомъ уѣздѣ, данное ему его отцомъ на заплату долговъ.

Лица, посѣщавшія его во время послѣдняго его пребыванія въ Петербургѣ, были: Каразинъ, о которомъ выше сказано, что онъ взялъ для прочтенія рукопись *Проекта Гражданскаго Уложенія*, сочиненнаго для коммиссіи составленія законовъ, и не возвратилъ ея, говоря, что кому-то препоручилъ для доставленія, а тотъ, вѣроятно, потерялъ; Василій Назарьевичъ Каразинъ увѣрялъ, что онъ имѣетъ нѣкоторое вліяніе при дворѣ и доступъ къ одной высокой особѣ, много обѣщалъ Радищеву, но это были одни слова;—Бородовицинъ, Брежинскій, Пнинъ—молодые люди, слушавшіе его съ большимъ любопытствомъ и вниманіемъ. Хотя онъ былъ не совсѣмъ краснорѣчивъ, но все, что̀ онъ говорилъ, было хорошо обдумано и всегда оставалось въ памяти.

Иванъ Петровичъ Пнинъ въ 1802 году былъ молодой человѣкъ тридцати лѣтъ, даровитый, дѣятельный и то, что̀ тогда принято было называть вольнодумцемъ. Онъ умеръ 17 сентября 1805 года отъ чахотки. Онъ писалъ стихи, издавалъ въ 1798 году *Санктпетербургскій журналъ* (4 ч.) и написалъ небольшое сочиненіе, сдѣлавшееся очень рѣдкимъ: *Опытъ о просвѣщеніи относительно къ Россіи* (Спб. 1804), которое проникнуто философическими идеями тогдашняго времени. На эту книгу сдѣланъ былъ доносъ какъ на опасную. Книгу запретили. Донощикъ былъ Гераковъ, учитель русскаго языка при кадетскомъ корпусѣ. Маринъ, адьютантъ Преображенскаго полка, написалъ на него слѣдующую эпиграмму (Гераковъ родомъ Грекъ, и малъ былъ ростомъ):

Будешь, будешь сочинитель,
И читателей тиранъ.
Будешь корпусный учитель,
Будешь вѣчный капитанъ.
Будешь — такъ судьбы гласили, —
Ростомъ двухъ аршинъ съ вершкомъ,
Будешь, Греки подтвердили,
Будешь ввѣкъ ходить пѣшкомъ.

Одинъ изъ величайшихъ приверженцевъ Радищева былъ Сергѣй Николаевичъ Глинка. Онъ всегда сожалѣлъ, что не зналъ его лично, и говорилъ всегда о немъ съ восторгомъ(1).

Пнинъ написалъ стихи на смерть Радищева:

Итакъ, Радищева не стало!
Мой другъ, уже во гробѣ онъ!
То сердце, что̀ добромъ дышало,
Постигъ ничтожества законъ;
Уста, что̀ истину вѣщали,
Увы на вѣки замолчали,
И пламенникъ ума погасъ;
Кто къ счастью велъ путемъ свободы,
На вѣкъ, на вѣкъ оставилъ насъ!

*
* *

Оставилъ и прешелъ къ покою.
Благословимъ его мы прахъ!
Кто столько жертвовалъ собою
Не для своихъ, но общихъ благъ,
Кто былъ отечеству сынъ вѣрный,
Былъ гражданинъ, отецъ примѣрный
И смѣло правду говорилъ,
Кто ни предъ кѣмъ не изгибался,
До гроба лестію гнушался,
Я чаю, тотъ — довольно жилъ.

Петербургское Общество любителей искусствъ, наукъ и художествъ, въ которомъ Пнинъ былъ президентомъ, въ изданной въ 1803 году 2-й части сборника, *Свитокъ Музъ* (стр. 116—144) напечатало стихи и статью въ прозѣ, Борна: ***На смерть Радищева,*** гдѣ восхваляются умъ, знанія и добродѣтели покойнаго.

Біографія Радищева была написана его сыномъ и хранится въ рукописи у князя Петра Андреевича Вяземскаго.

Кромѣ того о Радищевѣ написали особыя статьи слѣдующія лица:

1) Д. Н. Бантышъ Каменскій. Въ *Словарь достопамятныхъ людей Русской земли.* М. 1836. Ч. IV, стр. 258—264.

---

(1) С. Н. Глинка на стр. VII предисловія своего къ книгѣ: *Были и Небылицы и гражданское начальное ученіе Екатерины II* (М. 1832.) говоритъ, что ссылка Радищева послѣдовала не по собственному побужденію императрицы, а *отъ настоятельства вельможъ того времени.* Впрочемъ Глинка оправдываетъ въ этомъ дѣлѣ и Потемкина, бывшаго тогда въ Яссахъ. *М. Л.*

2) М. Н. Лонгиновъ. Въ *Современникѣ* 1856 года, № 8, смѣсь, стр. 147—152.

3) А. С. Пушкинъ. *Сочиненія Пушкина*, изд. Анненкова, т. VII, стр. 50—64. Въ приложеніи къ этой статьѣ помѣщена глава изъ *Путешествія изъ С. Петербурга въ Москву*, подъ заглавіемъ: *Клинъ*, которая уже была перепечатана въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ* Мартынова (ч. V январь 1805, смѣсь, стр. 61—67) подъ заглавіемъ: *Отрывковъ изъ бумагъ одного Россіянина.*

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ЗАМѢЧАНІЯ

на статью Пушкина: *Александръ Радищевъ* (VII, дополнительный томъ *Сочиненія Алекс. Пушкина*, изданіе П. В. Анненкова. п б. 1857 г. — стр. 50—64.)

Пушкинъ говоритъ: «*Радищевъ родился около 1750 года*».

Онъ родился въ 1749 году.

Университетская жизнь принесла ему мало пользы... Ученье пошло не въ прокъ.»

Онъ возвратился изъ университета юрисконсультомъ, литераторомъ, медикомъ и химикомъ. Онъ не могъ въ Пажескомъ корпусѣ учиться ничему этому, или состоя на гражданской службѣ, по возвращеніи изъ Лейпцига. Занимаясь шалостями, по увѣренію Пушкина, можно ли бы было пріобрѣсть столько разнообразныхъ познаній въ такое короткое время, бывъ еще нѣсколько мѣсяцевъ одержимымъ тяжкою болѣзнію (отъ которой пользовалъ его профессоръ медицины Ридигеръ)? Ушаковъ, молодой человѣкъ, имѣвшій свѣтскую опытность, оставившій службу и важную должность изъ любви къ наукамъ, вѣроятно, переселился изъ столицы въ маленькій нѣмецкій городъ не для шалостей.

«*Ушакову и Радищеву попался въ руки Гельвецій. Они жадно изучили начала его пошлой и безплодной метафизики... не понятно, какимъ образомъ сухой и холодный Гельвецій могъ сдѣлаться любимцемъ молодыхъ людей, пылкихъ и чувствительныхъ.*» Радищевъ не увлекался софизмами Гельвеція, хотя и уважалъ его. Онъ находилъ, какъ тогда и вся просвѣщенная Европа, что книга *О Разумѣ* написана умно (1).

---

(1) Радищевъ самъ разказываетъ, что молодой Русскій Ѳ..., проѣздомъ черезъ Лейпцигъ, далъ случай нашимъ студентамъ узнать книгу Гельвеція. въ которой они *мыслить научилися,* и въ этомъ отношеніи книга эта всегда немалую можетъ приносить пользу. Гриммъ, будучи въ Лейпцигѣ, узналъ объ этомъ торжествѣ своего друга Гельвеція, которому и разказалъ это по возвращеніи въ Парижъ. *Соч. Рад.* Ч. V, стр. 60 и 61) *М. Л.*

Все, что̀ Пушкинъ въ своей статьѣ написалъ о Радищевѣ доказываетъ, что онъ не имѣлъ вѣрныхъ о немъ свѣдѣній, а писалъ по собственнымъ своимъ соображеніямъ, или по наслышкѣ.

Гельвецій былъ атеистъ, какъ видно изъ его поэмы о Богѣ — *Poëme moral sur Dieu.*

Ничего подобнаго не видно и не встрѣчается въ сочиненіяхъ Радищева. Онъ уважалъ Спинозу и Гельвеція, какъ людей глубоко мыслящихъ, но самъ никогда не былъ атеистомъ. Сомнѣніе не есть еще атеизмъ.

«*Ушаковъ, осужденный врачами на смерть, отъ нестерпимыхъ мукъ потребовалъ яду. Радищевъ этому воспротивился, но съ тѣхъ поръ самоубійство сдѣлалось однимъ изъ любимыхъ предметовъ его размышленій*». Изъ какихъ свѣдѣній это почерпнуто? Одинъ только разъ въ *Путешествіи* сказано, что если человѣкъ не можетъ жить съ честію, то можетъ прибѣгнуть къ самоубійству (1).

«*Государыня знала его лично и опредѣлила въ собственную канцелярію*». — Никогда Радищевъ не былъ принятъ Екатериною; и никто отъ него никогда не слыхалъ, чтобъ онъ былъ опредѣленъ въ ея собственную канцелярію. Для рѣшенія этого надобно бы имѣть его послужной списокъ.

«*Радищевъ попалъ въ одщество франкмасоновъ. Таинственность ихъ бесѣдъ воспламенила его воображеніе.*» Въ франкмасоны записывались тогда всѣ порядочные люди, и самъ Потемкинъ былъ членъ масонской ложи. Радищевъ часто сказывалъ объ обрядахъ ихъ пріема и смѣялся надъ ними, какъ и всѣ. «*Онъ написалъ, воспламенясь (?!) этими бесѣдами, свое «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», сатирическое возваніе къ возмущенію, напечаталъ въ домашней типографіи и спокойно пустилъ въ продажу.*» Чисто-практическое содержаніе и направленіе этой книги и характеръ ея автора не подаютъ повода къ подобнымъ выводамъ.

«*Поступокъ его всегда казался преступленіемъ, ничѣмъ неизвиняемымъ, а «Путешествіе въ Москву» весьма посредственною книгою.*» Въ *Путешествіи* одна только *ода* можетъ почесться неумѣстною въ извѣстномъ отношеніи, а все остальное было не болѣе, какъ собранные факты изъ дѣйствительности, свѣдѣніе о которыхъ, приведенное въ сознаніе, могло бы быть полезно, какъ матеріялъ для административныхъ и политическихъ дѣйствій.

Другія статьи *Путешествія* были напечатаны въ *Живописцѣ* Новикова въ 1776 году и въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ* Мартынова Ч. V, Январь 1805, стр. 61. Смѣсь): *Отрывокъ изъ бумагъ одного крестьянина.* Это глава изъ *Путешествія* подъ заглавіемъ «Клинъ», которую привелъ и Пушкинъ въ приложеніи къ своей статьѣ о Радищевѣ.

---

(1) Пушкинъ имѣлъ право полагать, что самоубійство было предметомъ размышленій Радищева. Описывая смерть Ушакова, онъ говоритъ Кутузову, которому посвящена его книга: «Если еще услышишь гласъ стенящаго твоего друга, если гибель ему предстоять будетъ необходимая и воззову къ тебѣ на спасеніе мое, не медли, о любезнѣйшій мой; ты жизнь несносную скончаешь и дашь отраду жизнію гнушающемуся и ее возненавидѣвшему.» *Соч. Рад.* Ч. V, стр. 84.) *М. Л.*

Заключеніе его въ крѣпости, въ оковахъ, было бы достаточнымъ наказаніемъ заговорщицу, но въ послѣдствіи оказалось, что заговора никакого не было: Радищевъ былъ *одинъ*, какъ говоритъ Пушкинъ. Итакъ, можно бы было только книгу запретить, а временное заключеніе вмѣнить въ штрафъ за нарушеніе правилъ цензуры. И современники не симпатизировали этой мѣрѣ наказанія, тѣмъ болѣе, что она была не нужна.

Всѣ знавшіе Радищева уважали его, какъ человѣка умнаго, ученаго, честнаго, безкорыстнаго, о чемъ Пушкинъ умалчиваетъ. Всѣ честные люди сожалѣли, и нѣкоторые даже плакали о немъ.

«*Какъ объяснить его странную мысль разослать свою книгу всѣмъ знакомымъ, между прочимъ къ Державину, котораго поставилъ онъ въ затруднительное положеніе?*» Державинъ, какъ эгоистически-умный человѣкъ умѣлъ выпутаться изъ затруднительнаго положенія. Экземпляръ, ему присланный, онъ поднесъ императрицѣ, отмѣтивъ карандашомъ всѣ важнѣйшія мѣста. Это разказывалъ самъ Радищевъ.

«*Екатерина сказала Храповицкому: «Онъ мартинистъ, онъ хуже Пугачева, онъ хвалитъ Франклина.» Слово глубоко замѣчательное. Монархиня, стремившаяся къ соединенію воедино всѣхъ разнородныхъ частей государства, не могла равнодушно видѣть отторженіе колоній отъ владычества Англіи.* Что́ за разнородныя части государства? Императрица не равнодушна была, но очень рада, видя затрудненія Англіи. Она придумала вооруженный нейтралитетъ для ограниченія владычества Англіи на моряхъ, а отторженіе колоній натурально есть первый шагъ къ уменьшенію силъ метрополіи. Какъ глубокій политикъ, она только обѣщала послать войска въ Америку противъ Вашингтоновыхъ «лохмотниковъ», но между тѣмъ пользовалась раздорами Франціи съ Англіею, чтобъ унизить Турцію, завоевать Крымъ и раздѣлить Польшу. Divide et impera. Такъ поступалъ Римъ. — Екатерина не могла любить Франклина и Вашингтона, основателей республики, имѣя подъ бокомъ неугомонную республику, и притомъ еще Поляки, напр. Костюшко, служили въ рядахъ американскихъ инсургентовъ. Безпрепятственное распространеніе революціонныхъ идей въ Польшѣ могло быть вреднымъ для Россіи. Вотъ, вѣроятно, истинная причина ея строгости противъ Радищева, Новикова, Лопухина и Княжнина. Новиковъ былъ болѣе пяти лѣтъ въ заключеніи и подъ надзоромъ. Княжнинъ, за свою трагедію *Вадимъ*, былъ посаженъ въ крѣпость, и отданъ на руки Шишковскому (1791). Степанъ Ивановичъ Шишковскій такъ его обласкалъ, что Княжнинъ, возвратившись домой, слегъ въ постель и умеръ. (Это разказывалъ сенаторъ И. А. Тейльсъ, бывшій въ Москвѣ еще въ 1785 году губернскимъ прокуроромъ.)

Говоря о пребываніи въ Илимскѣ Радищева, Пушкинъ умалчиваетъ о его второй женитьбѣ въ Сибири. Живя въ Петербургѣ, онъ могъ знать очень хорошо объ этомъ, тѣмъ болѣе, что въ послѣдній годъ своей жизни доискивался свѣдѣній о немъ, намѣреваясь писать его жизнь

«*Императоръ Павелъ Первый, взошедъ на престолъ, вызвалъ Радищева изъ ссылки, возвратилъ ему чины и дворянство, обошелся съ нимъ милостиво и взялъ съ него обѣщаніе ничего не писать противнаго духу*

правительства.» Удивительно, откуда Пушкинъ набралъ подобной небывальщины. Радищевъ никогда не былъ принятъ императоромъ. Изъ Илимска онъ пріѣхалъ прямо въ свое сельцо Нѣмцово, въ двухъ верстахъ отъ Малоярославца. Ему запрещенъ былъ не только въѣздъ въ столицы, но даже выѣзжать изъ деревни онъ не могъ. Когда онъ захотѣлъ повидаться съ родителями, то принужденъ былъ обратиться съ просьбою на Высочайшее имя, и генералъ-прокуроръ князь Куракинъ увѣдомилъ его, что онъ можетъ съѣздить въ Саратовскую губернію къ родителямъ одинъ только разъ. Чиновъ и дворянства ему не возвратилъ Павелъ I, и когда, по раздѣлѣ имѣнія его между сыновьями, надобно было вводить во владѣніе сельцомъ Нѣмцовымъ, ему доставшимся, то во владѣніе вводили его трехъ сыновей и дочь, родившихся въ С.-Петербургѣ до его ссылки, отъ перваго его брака съ Анною Васильевной, а не его самого. Не имѣя чина и лишенный дворянства, онъ, по закону, не могъ владѣть крестьянами. Можетъ-быть съ него и взяли подписку, чтобъ онъ ничего не писалъ въ Иркутскѣ или еще гдѣ-нибудь, но онъ объ этомъ никогда не говорилъ.

«*Онъ во все время царствованія императора Павла I не написалъ ни одной строчки.*»

Возвратившись изъ Саратовской губерніи, онъ занялся опять химіею, медициною, лѣчилъ своихъ крестьянъ и чужихъ, помѣщицу Дурнову, страдавшую какою-то застарѣлою болѣзнію, и написалъ поэму въ 12 пѣсняхъ — описаніе своей деревни и другія сочиненія.

«*Онъ жилъ въ Петербургѣ, удаленный отъ дѣлъ и занимался воспитаніемъ своихъ дѣтей.*»

Несправедливо. Онъ не могъ быть въ Петербургѣ при государѣ Павлѣ I. Воспитаніемъ дѣтей, привезенныхъ изъ Сибири, онъ никогда не занимался, а отдалъ ихъ въ Москвѣ въ пансіонъ одной Француженки (Гро или Легро). а въ Петербургѣ въ пансіонъ Вицмана, добраго и честнаго Нѣмца, стариннаго своего знакомца, гдѣ они и оставались до поступленія ихъ въ казенныя заведенія.

«*Смиренный опытностію и годами, онъ даже перемѣнилъ образъ мыслей, ознаменовавшій его бурную и кичливую молодость.*»

Радищевъ никогда не отступалъ отъ своихъ мнѣній

«*Императоръ Александръ вспомнилъ о Радищевѣ . . . . . . опредѣлилъ его въ коммиссію составленія законовъ и приказалъ ему изложить свои мысли касательно нѣкоторыхъ гражданскихъ постановленій. Бѣдный Радищевъ вспомнилъ старину и пр.*»

Отчего препоручили бы это не предсѣдателю коммиссіи, не кому-либо изъ членовъ, а бѣднаго Радищева взяли изъ деревни, — еслибъ Радищевъ не имѣлъ ни обширнаго ума, ни познаній, какъ утверждаетъ Пушкинъ?

О смерти Радищева Пушкинъ пишетъ совсѣмъ не то, не знавши достовѣрно, какъ она происходила. Проектъ Уложенія, будто бы поданный графу Завадовскому, вѣрно могъ найдти Пушкинъ въ архивѣ коммиссіи, еслибы онъ дѣйствительно былъ представленъ, но Пушкинъ, какъ видно, мало заботился о достовѣрности своего разказа, а хотѣлъ округлить статью половче, хотя бы насчетъ истины.

Не имѣя предъ глазами трактата *О безсмертіи души,* нельзя ни-

чего сказать, но по всему вышеприведенному должно полагать, что взглядъ на него Пушкина не совсѣмъ справедливъ (1).

«*Замѣчательно его сужденіе о Телемахидѣ, о Тредьяковскомъ, котораго онъ любилъ*». Радищевъ, написавшій *Памятникъ Дактилохореическому витязю*, гдѣ есть глава: «Апологія Тилемахиды и шестистоповъ», говоритъ, что въ *Телемахидѣ* находится нѣсколько стиховъ превосходныхъ, нѣсколько хорошихъ, много посредственныхъ и слабыхъ, а нелѣпыхъ столько, что счесть хотя и можно, но никто не возьмется оное сдѣлать. (*Соч. Рад.* ч. IV. стр. 93.) Радищевъ взялъ изъ Телемахиды эпиграфъ для своей книги *Путешествіе*, именно, описаніе Цербера: *Чудище обло, огромно, озорно, стозѣвно и лаяй* (*Тилемахида*, кн. 18, ст. 514.) Вотъ въ чемъ заключалась любовь къ Тредьяковскому, котораго онъ называетъ «человѣкомъ ученымъ въ стихотворствѣ, но не имѣвшимъ о вкусѣ ни малаго понятія». Размѣръ, принятый Тредьяковскимъ онъ находилъ свойственнымъ русскому стиху, и дѣйствительно русскіе поэты стали писать этимъ размѣромъ.

«*Онъ бранитъ Ломоносова*». — Надобно бы было привесть за что и въ какихъ именно терминахъ онъ его бранитъ (2).

«*Алеша Поповичъ*», *другая его поэма, не знаю почему, исключенная въ собраніи его сочиненій....*» *Алеша Поповичъ* и *Чурило Пленковичъ*, двѣ поэмы, напечатанныя 1801 году, о которыхъ отозвался съ похвалою И. И. Дмитріевъ, сочинены вторымъ сыномъ Радищева, умершимъ въ 1829 году, издавшимъ переводъ Байронова *Гяура*. Александръ Николаевичъ для этихъ поэмъ выбралъ только эпиграфъ изъ Энеиды: «Arma Uirumque cano».

Слогъ книги Радищева дѣйствительно устарѣлъ, и замѣчанія о немъ Пушкина одни только и справедливы, но такимъ языкомъ тогда писали всѣ. Сто́итъ только взглянуть на сочиненія въ прозѣ того времени. Во всемъ же остальномъ, видно незнаніе фактовъ или извращеніе ихъ, и особенно поражаетъ ложный свѣтъ и странный, трудно-объяснимый взглядъ, брошенный на личность Радищева нашимъ великимъ поэтомъ.

Павелъ Радищевъ.

Таганрогъ 1858.

---

(1) Вотъ главныя положенія Радищева въ сочиненіи его: *О человѣкѣ, его смертности и безсмертіи:* «человѣкъ по смерти своей пребудетъ живъ; тѣло его разрушится, но душа разрушиться не можетъ: ибо не сложная есть; цѣль его на земли есть совершенствованіе, та же пребудетъ цѣлію и по смерти; а изъ того слѣдуетъ, какъ средство совершенствованія его была его организація, то должно полагать, что онъ имѣть будетъ другую совершеннѣйшую и усовершенствованному его состоянію соразмѣрную. (*Соч. Рад.* ч. III, стр. 149.) *М. Л.*

(2) Радищевъ высоко цѣнилъ Ломоносова, что̀ можно видѣть въ его *Апологіи Телемахиды* (*Соч. Рад.* ч. IV, стр. 82 и 86) и въ его *Путешествіи*, гдѣ въ главѣ «Черная Грязь» есть цѣлое слово о Ломоносовѣ. Радищевъ сожалѣетъ только о томъ, что поэтъ иногда льстилъ недостойнымъ кумирамъ, а въ другомъ мѣстѣ *Путешествія* (въ главѣ «Тверь») упрекаетъ его въ однообразіи стихотворныхъ размѣровъ, которымъ всѣ стали подражать, и желаетъ, чтобы Русскіе привыкли къ стихамъ безъ риѳмы. *М. Л.*

ственной и общественной жизни. Крѣпостное состояніе оставалось самымъ существеннымъ препятствіемъ тому, чтобы нашъ высшій классъ могъ занять въ обществѣ мѣсто, принадлежащее ему сообразно съ новыми условіями народнаго хозяйства и идей современной образованности. Съ отмѣною обязательной службы, дворянство должно было образовать изъ своей среды классъ образованныхъ независимыхъ землевладѣльцевъ. Помѣстья сдѣлались полною собственностью помѣщиковъ, которые должны были уже получать вѣсъ и значеніе, не въ силу только служебныхъ обязанностей и служебныхъ преимуществъ, но въ силу нравственнаго и экономическаго вліянія, принадлежащаго образованному землевладѣльческому классу въ обществѣ. Это значеніе было совершенно невозможно для помѣщиковъ, пока оставалась въ ихъ хозяйствѣ заноза изъ прежняго ихъ быта, одно изъ условій прежняго ихъ положенія, одно изъ послѣдствій ихъ *служиваго* характера. Потому, хотя отмѣна обязательной службы и движеніе мыслей въ кругу самаго дворянства, вошедшаго съ конца XVIII столѣтія въ ближайшее общеніе съ западно-европейскимъ образованнымъ міромъ, прокладывали путь къ иному порядку вещей, давали возможность возникнуть инымъ элементамъ въ высшемъ сословіи, мы видимъ, какъ эти элементы до сихъ поръ слабы и незрѣлы, подъ гнетомъ крѣпостнаго права. Сознаніе этого положенія было живо въ средѣ образованнѣйшихъ членовъ дворянства, и постоянно въ теченіи всего XIX столѣтія заявлялось ими.

Въ слѣдующей статьѣ нашей, мы постараемся взглянуть на значеніе и смыслъ аристократическаго начала вообще и на отношеніе къ нему дворянства въ томъ видѣ, какъ оно представляется въ настоящее время. Это поведетъ насъ къ нѣкоторымъ общимъ выводамъ, относительно интересовъ помѣщиковъ въ совершающейся реформѣ.

В. Безобразовъ.

ЗАПИСКИ

ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДТА

Предисловіе.

Авторъ этихъ записокъ, отставной генералъ-майоръ Левъ Николаевичъ Энгельгардтъ, при жизни своей читалъ ихъ семейству своему и нѣкоторымъ короткимъ пріятелямъ. Онъ скончался 4-го ноября 1836 г. въ Москвѣ. Въ первое время послѣ его смерти не хватились его записокъ, и онѣ потомъ какимъ-то образомъ затерялись. Должно полагать, что записки Льва Николаевича оставались въ имѣніи его, сельцѣ Мурановѣ, Московской губерніи, въ Дмитровскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ обыкновенно проводилъ часть года. Тамъ, вѣроятно, убрали ихъ съ кипами разныхъ ненужныхъ бумагъ и газетъ, а какъ въ послѣдствіи и старый домъ, въ которомъ онъ жилъ, былъ сломанъ, то, казалось, исчезли и послѣдніе ихъ слѣды. А. Я. Булгаковъ, знакомый съ этими любопытными, по словамъ его, записками, неоднократно спрашивалъ меня о нихъ и тѣмъ поддерживалъ во мнѣ желаніе отыскать ихъ, хотя всѣ прежніе разспросы мои объ этомъ были тщетны. Нынѣшнею осенью, я находился въ помянутомъ сельцѣ Мурановѣ. Оно досталось по наслѣдству женѣ моей, младшей дочери Л. Н. Энгельгардта, котораго старшая дочь—вдова извѣстнаго нашего поэта Е. А. Баратынскаго. Наконецъ одинъ изъ мурановскихъ дворовыхъ старожиловъ, по

разспросамъ моимъ, указалъ мнѣ въ амбарѣ, возлѣ конюшни, большой сундукъ, наполненный разнымъ хламомъ; тутъ-то, между грудами полу-истлѣвшихъ бумагъ съ домашними счетами и вѣдомостями, отрылъ я тетрадки записокъ Л. Н. Энгельгардта, вложенныя въ толстой рукописи переведенной имъ книги: Triomphes de l'Evangile. Я съ жадностію бросился на записки и, бѣгло прочитавъ ихъ, привезъ сюда. Здѣсь я предложилъ чтеніе ихъ небольшому кружку людей способныхъ быть вѣрными цѣнителями моей находки. Простота, ясность и чистосердечіе разказа, занимательныя подробности о старинѣ, историческое значеніе нѣкоторыхъ событій, коихъ авторъ былъ свидѣтелемъ, и вообще какой-то характеръ правдивости возбудили самый живой интересъ къ этимъ запискамъ во всѣхъ, ознакомившихся съ ними въ рукописи. Убѣдясь въ этомъ, я рѣшился напечатать ихъ, не касаясь почти ихъ слога. Извѣстный своими критическими и библіографическими статьями М. Н. Лонгиновъ, по благосклонности своей и по страсти къ письменнымъ памятникамъ прошлыхъ временъ, обогатилъ записки Л. Н. Энгельгардта, большимъ числомъ примѣчаній, касающихся до лицъ и происшествій, упоминаемыхъ въ нихъ, и до хронологіи событій (*). Пользуюсь случаемъ изъявить ему искреннюю благодарность за услугу, оказанную имъ такимъ образомъ памяти моего покойнаго тестя. Конечно, читатели записокъ будутъ ему также благодарны съ своей стороны.

Н. Путята.

26-го ноября 1858 г.
Москва.

I. Вступленіе.

Записки каждаго частнаго лица о томъ, что̀ случилось видѣть, слышать или чего быть свидѣтелемъ въ жизни, какъ бы оно ни было малозначуще въ свѣтѣ, всегда могутъ быть интересны для будущихъ временъ, касательно нравовъ того вѣка, людей, образа жизни, обычаевъ, политическихъ и военныхъ происшествій и описанія знаменитыхъ лицъ.

Я сожалѣю, что занялся симъ уже поздно, когда мнѣ минуло

(*) Подстрочныя примѣчанія къ этимъ запискамъ двухъ родовъ: обозначенныя буквами сдѣланы самимъ авторомъ, а обозначенныя цифрами сдѣланы М. Н. Лонгиновымъ. *Н. П.*

шестьдесятъ лѣтъ; многое интересное забыто, а что̀ и вспомнилъ, то уже не такъ вѣрно, какъ должно бы было быть въ связи съ теченіемъ времени. Занятіе это доставило мнѣ удовольствіе вспоминать счастливое время юности; разказывать же о прошедшемъ, какъ говоритъ г. Сегюръ, есть единственное удовольствіе для стариковъ. Эти записки я началъ писать въ 1826 году, слѣдственно все случившееся послѣ, дошедшее до моего свѣдѣнія, будетъ подробнѣе.

Отецъ мой былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ Св. Владиміра 2-й степени, Николай Богдановичъ; мать моя была изъ рода Бутурлиныхъ, Надежда Петровна; замѣчательно, что онъ изъ смоленскихъ дворянъ былъ въ числѣ первыхъ, женившихся на Великороссіянкѣ, ибо со временъ завоеванія царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Смоленска (1), они, по привязанности къ Польшѣ, брачились вначалѣ съ Польками, но какъ въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны были запрещены всякія связи и сношенія съ Поляками, даже ежели у кого находили польскія книги, того ссылали въ Сибирь; то, сперва по ненависти къ Русскимъ, а потомъ уже по обычаю, всѣ Смольяне женились на Смольянкахъ. По этому, можно сказать, всѣ смоленскіе дворяне между собою сдѣлались въ родствѣ. Первый женился на Русской Яковъ Степановичъ Аршеневскій, второй—отецъ свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина.

1766. Я родился въ 1766 году февраля 10 числа въ Смоленской губерніи, Духовскаго уѣзда, въ деревнѣ Зайцовѣ, родовомъ имѣніи отца моего, которое дано было королемъ польскимъ Сигизмундомъ (2) по взятіи Смоленска предку нашему, генералъ-лейтенанту Вернеру Энгельгардту, Курляндцу, служившему у него въ войскѣ, какъ сказано въ жалованной грамотѣ: za krwawe zasługi przeciwko Moskwy, dajemy dobra, то-есть: «за кровавые заслуги противъ Москвы, жалуемъ имѣнія и проч.» Назвали меня Харлампіемъ; но когда привезенъ я былъ родителями моими въ Нижегородскую губернію, Арзамасскаго уѣзда въ село Кирманы, къ бабкѣ моей Натальѣ Ѳедоровнѣ, то она, въ память сына ея Льва, убитаго въ Семилѣтнюю войну,

---

(1) Смоленскъ взятъ Русскими 20 сентября 1654 года и остался за Россіею по Андрусовскому перемирію, заключенному съ Польшей 30 января 1667 г.

(2) Сигизмундъ III царствовалъ съ 1587 по 1632 годъ.

назвала меня его именемъ; я воспитывался у нея до пяти лѣтъ, то-есть до самой ея смерти.

1771—1773. Бабка моя отдала свое имѣніе, 1.200 душъ, своимъ дочерямъ, то-есть моей матери и теткѣ моей, бывшей замужемъ за Стремоуховымъ, оставя себѣ на прожитіе 100 душъ; по дешевизнѣ въ то время сельскихъ произведеній и по несуществованію водяной коммуникаціи, доходъ ея едва простирался до ста рублей. Однакожь она довольствовалась симъ доходомъ, не бывъ въ тягость своимъ дѣтямъ и невходя въ долги.

Физическое мое воспитаніе сходствовало съ системою Руссо, хотя бабка моя не только не читала сего автора, но едва ли знала хорошо россійскую грамоту. Зимою иногда я выбѣгалъ босикомъ и въ одной рубашкѣ на дворъ, рѣзвиться съ ребятишками, и закоченѣвъ весь отъ стужи, приходилъ въ ея комнату отогрѣваться на лежанкѣ; еженедѣльно меня мыли и парили въ банѣ въ самомъ жаркомъ пару и оттуда въ открытыхъ саняхъ возили домой съ версту. Кормился я самою грубою пищей и отъ того сдѣлался самаго крѣпкаго сложенія, перенося безъ вреда моему здоровью жаръ, холодъ и всякую пищу; вовсе не учился, и можно сказать былъ самый избалованный внучекъ.

1774. По смерти бабки, отецъ мой, бывъ полковникомъ въ отставкѣ, опредѣленъ воеводою въ отобранную отъ Польши Бѣлоруссію (3), въ городъ Витебскъ, и взялъ меня съ собою. Оставить военную службу заставило его крайне разстроенное его состояніе; онъ задолжалъ теткѣ своей бригадиршѣ Витковичевой, жившей въ Малороссіи, въ мѣстечкѣ Сарочинцахъ, три тысячи рублей; по тогдашнему, сей долгъ былъ неоплатный, ибо доходы въ низовыхъ губерніяхъ почти ничего не значили, рожь продавалась тамъ по двадцати пяти копѣекъ четверть, да и ту не куда было сбывать; водяной коммуникаціи вовсе не было, винокуренныхъ заводовъ было мало; сказанная Витковичева столь была не снисходительна, что принуждала отца моего ежегодно пріѣзжать для переписки векселя изъ Выборга,

---

(3) Бѣлорусскій край съ 1.800.000 жителей окончательно присоединенъ къ Россіи по первому раздѣлу Польши на основаніи договора, 7 сентября 1773 года, заключеннаго Россіею, Австріею и Пруссіею съ Польшей.

гдѣ полкъ, въ которомъ онъ служилъ, былъ на непремѣнныхъ квартирахъ; таковая поѣздка чрезвычайно его разстроила. Какъ доходы были малы и отецъ съ семействомъ жилъ почти однимъ жалованьемъ, то не прежде могъ онъ долгъ сей заплатить, какъ когда пожаловано было ему три тысячи рублей за разореніе имѣнія матери моей партіею бунтовщика Пугачева (а).

(а Емелька, по прозванію Пугачъ, былъ бѣглый донской казакъ, выдававшій себя за императора Петра III, разглашая, что будто онъ спасся и скрывалъ себя въ разныхъ мѣстахъ отъ супруги своей императрицы Екатерины, распространившей слухъ о его смерти, что наконецъ рѣшился онъ прибыть и ввѣрить себя яицкимъ казакамъ, напоминалъ присягу и требовалъ отъ нихъ пособія взойдти опять на прародительскій престолъ. Сіи казаки, бывъ въ совершенномъ невѣжествѣ, повѣрили и поклялись ему быть вѣрными; вскорѣ пристали къ нему Башкирцы и другая сволочь, а особливо господскіе крестьяне и дворовые люди; онъ обѣщалъ имъ вольность, не брать съ нихъ ни податей, ни рекрутъ, а соль давать безденежно. Дворянъ, которые ему попадались, вѣшалъ, а женъ и дочерей ихъ, наругавшись ими, раздавалъ своимъ сообщникамъ. Начало сего бунта возникло при окончаніи турецкой войны 1771 года и продолжался оный около двухъ лѣтъ, доколѣ собрались войска подъ главнымъ предводительствомъ генерала графа Петра Ивановича Панина (4). Во всей Россіи народъ былъ въ чрезвычайномъ волненіи; ежели бы Пугачевъ пошелъ къ Москвѣ, а не занимался бы долго въ Уфимской и близь лежащихъ губерніяхъ, то много бы золъ Россія претерпѣла; но онъ не имѣлъ ни ума, ни твердости пользоваться своимъ дерзкимъ предпріятіемъ; онъ подходилъ къ Казани и выжегъ всю, кромѣ крѣпости, которой требовалъ сдачи, но майоръ Иванъ Ивановичъ Михельсонъ (5) съ небольшимъ отрядомъ подоспѣлъ и разбилъ его на Арскомъ полѣ. У Пугачева было тогда болѣе 20.000, и онъ имѣлъ артиллерію. Послѣ этого онъ бѣжалъ къ Симбирску, а потомъ на Яикъ, гдѣ тѣми же казаками, бывшими его первыми сообщниками, былъ схваченъ и выданъ командующему въ тѣхъ предѣлахъ именитому герою, тогда бывшему генералъ-майоромъ Суворову (6).

(4) Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, генералъ-аншефъ, родоначальникъ нынѣшнихъ графовъ Паниныхъ, родился 1721 г., ум. въ Москвѣ 15 апрѣля 1789.

(5) Иванъ Ивановичъ Михельсонъ, генералъ отъ кавалеріи, началъ службу еще во время Семилѣтней войны. Ум. въ Бухарестѣ 19 августа 1807 г. Битва на Арскомъ полѣ происходила 12 и 13 августа 1774 г.

(6) Свѣтлѣйшій князь Александръ Васильевичь Италійскій, графъ Суворовъ Рымникскій, генералиссимусъ, родился въ Москвѣ 13 ноября 1729, умеръ въ С.-Петербургѣ 6 мая 1800 года. Пугачевъ представленъ былъ къ нему въ началѣ октября 1774 года.

1775. По пріѣздѣ въ Витебскъ, началъ меня учить грамотѣ уніятской церкви дьячокъ, и какъ я былъ избалованный внучекъ, то едва въ два года выучился порядочно читать.

1776. Тогда приставили ко мнѣ учителя, отставнаго поручика Петра Михайловича Брауншвейга, учить меня писать по-русски, первымъ правиламъ ариѳметики и по-нѣмецки, за шестьдесятъ рублей въ годъ, а учиться по-французски ходилъ я въ іезуитскій монастырь къ іезуиту Вольфорту; но можно сказать, что отъ таковыхъ учителей мало показывалъ успѣха по тупоумію и лѣности.

1777. Въ послѣдствіи къ старшей моей сестрѣ Варварѣ Николаевнѣ (а) выписана была изъ Вильны madame Leneveu за 500 рублей; вмѣстѣ съ нею я учился цѣлый годъ и уже говорилъ по-французски изрядно; тогда же по-нѣмецки училъ меня іезуитъ Кацаврикъ, который исправно всякую недѣлю наказывалъ меня дисциплиною, отчего я получилъ такое омерзѣніе къ нѣмецкому языку, что никогда не могъ порядочно знать по-нѣмецки и разумѣть, что̀ читаю.

Тогда же записанъ я былъ въ гарнизонъ сержантомъ. Полковнику Древичу, за заслуги его противъ польскихъ конфедератовъ, пожалованы были, въ Витебской провинціи, деревни и кромѣ того онъ чрезвычайно обогатился во время своихъ дѣй-

---

Императрица указала рѣку Яикъ переименовать въ Уралъ, а казаковъ именовать Уральскимъ войскомъ. Пугачевъ былъ привезенъ въ Москву въ цѣпяхъ и въ желѣзной клѣткѣ съ тремя его главными сообщниками, прочіе же всѣ были прощены.

Императрица предала самозванца судить синоду, сенату и военному генералитету; такъ какъ въ Россіи смертная казнь была отмѣнена, а злодѣйство, имъ учиненное, требовало особливаго постановленія,—синодальные члены въ опредѣленіи своемъ сказали, что Пугачевъ и сообщники его заслуживаютъ смертную казнь, но по духу христіянскому и духовному своему званію, они, синодальные члены, нѐ могутъ подписать приговора. Прочіе члены суда опредѣлили: Пугачева четвертовать и потомъ отрубить ему голову, главному его наперснику также отрубить голову въ Москвѣ (7), что и исполнено; одного изъ его сообщниковъ повѣсить въ Уфѣ, а другаго въ Уралѣ.

(а) Вторая моя сестра, Александра Николаевна отдана была въ Смольный монастырь.

(7) Пугачевъ казненъ въ Москвѣ на Болотѣ 10 января 1775 года.

ствій въ Польшѣ. Отецъ мой оказывалъ ему разныя услуги по сему имѣнію, почему, по прибытіи его въ Витебскъ, опредѣлилъ меня въ гусарскій вербованный Бѣлорусскій полкъ кадетомъ. Я по ребячеству моему, помню, въ какомъ я былъ восхищеніи, когда одѣли меня въ гусарскій мундиръ, а всего болѣе забавляла меня сабля съ ташкою.

Я былъ самыхъ дурныхъ склонностей, ничего не могъ сказать, чтобы не солгать; какъ скоро изъ-за стола вставали, тотчасъ обѣгалъ столъ и все, что̀ оставалось въ рюмкахъ, выпивалъ съ жадностію, кралъ всякія лакомства и все украденное клалъ въ ташку; нерѣдко приводили меня съ поличнымъ къ матери моей, которая со слезами говаривала: «одинъ у меня сынъ, но какого ожидать отъ него утѣшенія при таковыхъ порочныхъ склонностяхъ;» ни наказанія, ни увѣщанія, ничто меня не исправляло, сверхъ того я былъ неловокъ, неопрятенъ, и станъ мой былъ кривъ и сутуловатъ; вотъ какую я обѣщалъ моимъ родителямъ радость.

1778. Такимъ я былъ до 1778 года. Тогда открылись намѣстничества, и отецъ мой помѣщенъ былъ въ Полоцкъ предсѣдателемъ гражданской палаты, а меня отвезли въ Смоленскъ, въ пансіонъ къ содержателю Эллерту, гдѣ пробылъ я годъ. Правду сказать, хотя онъ касательно наукъ былъ малосвѣдущъ, и вся учебная дѣятельность его состояла въ сокращенномъ преподаваніи всѣхъ наукъ, то-есть катихизиса, грамматики, исторіи, географіи, миѳологіи безъ малѣйшаго толкованія и въ принужденіи учениковъ затверживать на изусть французскія фразы; но за то строгостію содержалъ пансіонъ въ порядкѣ, на совершенно военной дисциплинѣ, билъ безъ всякой пощады за малѣйшія вины ферулами изъ подошвенной кожи и деревянными лопатками по рукамъ, сѣкалъ розгами и плетью, ставилъ на колѣни на три и четыре часа; словомъ, совершенный былъ тиранъ. Но, кажется, для меня таковой и былъ нуженъ, чтобы перемѣнить злую мою нравственность; какъ я имѣлъ дурную память, то не проходило дня, въ который не былъ я наказанъ, но успѣвалъ я очень хорошо въ ариѳметикѣ и геометріи, которымъ училъ насъ отставной артиллерійскій сержантъ, Осипъ Ивановичъ Овсянниковъ, отличавшій меня передъ всѣми прочими; также успѣвалъ я въ танцованіи и фехтованіи, чему училъ самъ Эллертъ. Французскій языкъ тоже шелъ хорошо по навыку, ибо никто не

смѣлъ ни одного слова сказать по-русски, для чего учреждены были между учениками начальники: младшіе означались краснымъ бантомъ въ петлицѣ и надзирали надъ четырьмя учениками, а старшіе чиновники отличались голубымъ бантомъ и надзирали надъ двумя младшими чиновниками; всѣ они должны были смотрѣть, чтобы никто не говорилъ порусски, не шалилъ, и училъ бы наизусть уроки, заданные для другаго дня. Младшіе имѣли право наказывать, если кто скажетъ слово порусски, однимъ ударомъ по рукѣ ферулою, а старшіе чиновники — по два удара. Если Эллертъ узнавалъ, что сіи чиновники худо исполняли свою должность, или во зло употребляли власть, имъ данную, то наказывалъ ихъ ужаснымъ образомъ, а иногда лишалъ бантовъ. Чтобы заслужить такой знакъ отличія, надобно было вести себя хорошо и прилежно учиться: я почитаю, что поощреніе это много способствовало къ нравственности, но впрочемъ все было основано на побояхъ. Изъ учениковъ отъ таковаго славнаго воспитанія много было изуродовано, однакожь пансіонъ былъ всегда полонъ. За таковое воспитаніе платили сто рублей въ годъ, на всемъ содержаніи Эллерта, кромѣ платья. Танцъ-ботдекъ былъ два раза въ недѣлю; много было дѣвицъ, которыя пріѣзжали учиться танцовать и за выучку платили по тридцати рублей, даже и взрослыя, однакожь и имъ не было спуску; одна была дѣвица Лебедева, очень непонятная, одинъ разъ онъ отбилъ ей руки о спинку стула при многолюдномъ собраніи; но до совершеннаго обученія менуэта и контратанцовъ никто не бралъ своихъ дѣтей обратно. Сравните теперь воспитаніе того времени съ нынѣшнимъ, и вѣрно мало тому повѣрите. Однакожь касательно мальчиковъ умѣренная строгость не лучше ли неупотребленія тѣлеснаго наказанія? Нужно, чтобы они съ юности попривыкли даже и къ несправедливостямъ.

Черезъ годъ взяли меня изъ пансіона и привезли въ Полоцкъ. Въ какомъ восхищеніи были мои родители, увидя меня выправленнаго, исправившагося отъ пороковъ, танцующаго на балахъ, говорящаго изрядно по-французски и о всѣхъ наукахъ, хотя я говорилъ какъ попугай, ничего не понимая, и потому вскорѣ все забылъ!

Между тѣмъ Древичъ представилъ меня въ аудиторы, хотя мнѣ было только тринадцать лѣтъ; но какъ ему досталось въ генералъ-майоры, а полкъ принялъ мой внучатный дядя, Васи-

лій Васильевичъ Энгельгардтъ, племянникъ свѣтлѣйшаго князя Потемкина, то вмѣсто аудитора перевелъ меня въ гвардію въ Преображенскій полкъ сержантомъ, въ число служащихъ, а не недорослей (а).

Отецъ мой былъ пожалованъ вице-губернаторомъ въ Могилевъ. Генералъ-майоръ Зоричъ (8) выбылъ изъ случая, при чемъ пожаловано было ему мѣстечко Шкловъ въ тринадцатью тысячами душъ. Первое употребленіе монаршей милости было то, что онъ завелъ училище, выписалъ хорошихъ учителей; въ ономъ я учился еще одинъ годъ. Въ послѣдствіи сіе училище названо кадетскимъ корпусомъ, и въ немъ было до трехъ сотъ кадетовъ. Государыня дала привилегію этому Зоричевскому корпусу, чтобы по экзамену принимать кадетовъ въ армію офицерами, и многіе изъ нихъ были съ большими свѣдѣніями, а особливо въ математикѣ. По смерти Зорича казна приняла корпусъ на свой коштъ, помѣстила сперва въ Смоленскѣ, потомъ въ Гродно, а въ 1812 году оный переведенъ въ Кострому; нынѣ состоитъ въ Москвѣ (9).

По окончаніи года взятъ я былъ изъ онаго училища и, для обученія практической геометріи и геодезіи, отданъ оберъ-квартирмейстеру Матвею Михайловичу Щелину, который по дружбѣ къ моему отцу училъ меня, какъ своего сына, въ Оршѣ; жилъ же я тамъ у генералъ-майора Б.....; изъ благодарности умолчу о немъ, но пребываніе мое у него въ домѣ много сдѣлало мнѣ вреда касательно нравственности.

Симъ заключилось мое воспитаніе.

(а) Большею частію всѣ дворяне записывали своихъ дѣтей въ гвардію, смотря по связямъ ихъ, капралами, унтеръ-офицерами и сержантами; не имѣвшіе же случая, записавъ малолѣтнихъ своихъ дѣтей недорослями, брали ихъ къ себѣ для воспитанія до возраста; старшинство ихъ считалось по вступленіи въ настоящую службу, а случайные вносились въ списокъ служащихъ; тогда давали имъ паспорты до окончанія наукъ. Въ одномъ Преображенскомъ полку считалось болѣе тысячи сержантовъ, а недорослямъ не было и счету.

(8) Семенъ Гавриловичъ Зоричъ, флигель-адъютантъ и генералъ-майоръ. Онъ былъ родомъ Сербъ. Успѣхи его при дворѣ продолжались не болѣе года; онъ уѣхалъ въ Шкловъ въ іюнѣ 1778 и вскорѣ основалъ тамъ училище. Умеръ въ 1799 году генералъ-лейтенантомъ, чинъ котораго получилъ при Павлѣ I.

(9) Нынѣ 1-й московской кадетскій корпусъ, помѣщенный въ Головинскомъ дворцѣ.

II. Время до прибытія моего на службу въ Преображенскій полкъ и нѣкоторые анекдоты.

Еще во время пребыванія моего въ Шкловскомъ училищѣ, вышелъ изъ случая Иванъ Николаевичъ Корсаковъ (1). При дворѣ сталъ имѣть большое вліяніе Александръ Дмитріевичъ Ланской (2). Корсакову пожаловано было въ Могилевской губерніи 6000 душъ, 200.000 рублей для путешествія въ чужіе краи, брилліянтовъ и жемчуговъ было у него, какъ цѣнили тогда, болѣе нежели на 400.000 рублей; судя по нынѣшнему курсу, имѣлъ онъ денегъ и вещей на 2.400.000 руб. Какъ въ жалованныхъ ему деревняхъ еще не было построеннаго дома, то выпросилъ онъ у тамошняго помѣщика Іезофовича деревню Желивль, верстахъ въ тридцати отъ Могилева, куда и пріѣзжали къ нему всѣ родственники его изъ Смоленской губерніи; не рѣдко и отецъ мой съ семействомъ своимъ ѣзжалъ туда же и меня бралъ съ собою. Какъ ни огроменъ былъ въ Желивлѣ домъ, и какъ ни много было при немъ службъ, но тѣснота бывала ужасная; въ одной комнатѣ помѣщалось фамилій по двѣ; ежедневно одни пріѣзжали, другіе уѣзжали, но менѣе осьмидесяти человѣкъ никогда не бывало; при таковомъ множествѣ господъ, сколько перебывало людей и лошадей? Болѣе шести мѣсяцевъ жилъ онъ таковымъ образомъ; все, что̀ можно придумать къ увеселенію и роскоши, все было придумано: посему, а еще болѣе по безпорядку (а), онъ въ короткое время прожилъ много изъ данныхъ ему на путешествіе денегъ. Я для того написалъ сіе въ

---

(1) Иванъ Николаевичъ Корсаковъ, также не долго пользовавшійся значеніемъ при дворѣ. Въ іюнѣ 1778 назначенъ онъ флигель-адъютантомъ и пожалованъ генералъ-майоромъ, а въ октябрѣ 1779 оставилъ Петербургъ. Онъ родился въ 1754 г., ум. въ 1831 году.

(2) Александръ Дмитріевичъ Ланской, генералъ-адъютантъ и генералъ-поручикъ. Род. 8 марта 1758, ум. 25 іюня 1784. Онъ пожалованъ былъ флигель-адъютантомъ въ свѣтлое воскресенье 1780, и придворные успѣхи его продолжались до самой его смерти.

(а) Не только его слуги, но и люди гостей пивали шампанское.

началѣ главы, что впервые тогда началъ пользоваться обществомъ, помышлять нравиться обоего пола людямъ и заслуживать къ себѣ вниманіе.

1779. Въ 1779 году, отецъ мой призыванъ былъ вообще со всѣми вице-губернаторами къ императрицѣ Екатеринѣ Великой. Она хотѣла узнать отъ самыхъ лицъ, коимъ ввѣрены казенныя имущества, о доходахъ каждой губерніи и отчетахъ и обстоятельствахъ пространной своей имперіи; видѣть и узнать каждаго, кому поручены ея финансы.

Я слышалъ отъ отца моего, въ какую подробность и тонкость она входила, разспрашивая каждаго глазъ на глазъ; многіе лишены были своихъ мѣстъ, многихъ при первыхъ открывшихся мѣстахъ пожаловала она въ губернаторы и иныя государственныя должности, по способности каждаго, нѣкоторыхъ оставила при себѣ и помнила каждаго изъ нихъ, такъ что безъ всякаго посторонняго покровительства жаловала въ свое время; въ числѣ таковыхъ въ послѣдствіи и отецъ мой удостоенъ пожалованіемъ губернаторомъ въ Могилевъ, на мѣсто бывшаго губернатора, Петра Богдановича Пассека (3).

Вотъ какъ былъ представленъ отецъ мой тогда ея величеству. Наканунѣ генералъ-прокуроръ, князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій (4), повѣстилъ, чтобы батюшка на другой день въ шесть часовъ явился предъ кабинетъ государыни и чтобы сказалъ ея камердинеру доложить ей о немъ.

Въ первомъ часу отецъ мой позванъ былъ въ кабинетъ государыни. Государыня, пожаловавъ ему поцѣловать ручку, спрашивала о его службѣ, и когда онъ сказалъ, что былъ капитаномъ въ полку Мельгунова (5), то она сказала: «такъ мы съ вами знакомы,

---

(3) Петръ Богдановичъ Пассекъ, генералъ-аншефъ, род. 18 февраля 1736, ум. въ Петербургѣ 22 марта 1804 года, въ отставкѣ. Будучи капитаномъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, способствовалъ онъ много восшествію на престолъ Екатерины II, по освобожденіи изъ-подъ ареста, подъ который посаженъ наканунѣ этого дня чрезъ свою неосторожность.

(4) Князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій род. 3 августа 1727 г. Онъ былъ генералъ-прокуроромъ съ 1764 года до самой смерти своей, послѣдовавшей 8 января 1793. Должность генералъ-прокурора соединяла въ себѣ должности начальника тайной экспедиціи и нынѣшнихъ министровъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ.

(5) Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ былъ адъютантомъ императора Петра III, когда онъ былъ еще великимъ княземъ. При Екатеринѣ II

вы были караульнымъ капитаномъ въ Петергофѣ, когда я вступила на престолъ, я васъ помню». Дѣйствительно это было такъ, но отецъ мой хотя былъ въ короткомъ знакомствѣ съ Орловыми, особенно съ княземъ Григорьемъ Григорьевичемъ (4), съ которымъ былъ въ одно время адъютантомъ у графа Петра Ивановича Шувалова (5), но по его твердымъ правиламъ ему не открывали заговора; начальствовавшими же въ Петергофѣ при императорѣ Петрѣ III, державшими уже сторону императрицы, никакого особаго наставленія караульнымъ дано не было, а потому ему вовсе заговоръ не былъ извѣстенъ. Потомъ государыня разспрашивалала о доходахъ Могилевской губерніи; отецъ мой на многія подробности государынѣ донесъ, что не имѣетъ вѣрной памяти и, чтобы не сказать ложно, то проситъ позволенія справиться съ своею памятною книжкою, которая для сего нарочно была заготовлена и, которую вынувъ изъ кармана, тотчасъ далъ отчетъ на спросы государыни со всѣми подробностями. Императрица сказала: «позвольте взглянуть на вашу память, которая гораздо лучше, нежели бы вы мнѣ отвѣчали словами»; долго разсматривала книжку, въ которой были помѣщены всѣ вѣдомости и отчеты, со всѣми обстоятельствами и съ замѣчаніями, сдѣланными собственною рукою моего отца, потомъ сказала: «можете ли вы меня ею подарить? я каждому вице-губернатору прикажу имѣть таковую.» Между прочимъ говорила еще: «Отчего ваша губернія въ прошломъ году такую претерпѣвала въ соли нужду, что жители принуждены были вымачивать сельди и тѣмъ солить свою пищу?» (а)—Государыня, отвѣчалъ мой отецъ,—сіе донесено вамъ было ложно, свидѣтель этому сія же

онъ былъ генералъ-губернаторомъ въ намѣстничествахъ: Ярославскомъ, Костромскомъ, Архангелогородскомъ и Вологодскомъ. Ум. въ 1788 году.

(4) Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ, старшій изъ знаменитыхъ братьевъ Орловыхъ, род. 6 октября 1734 г., ум. въ Москвѣ 13 апрѣля 1783 г. Въ 1762 году онъ былъ не болѣе какъ цейхмейстеромъ артиллеріи до самаго восшествія на престолъ Екатерины II. Князь Орловъ особенно памятенъ своими дѣйствіями при прекращеніи въ Москвѣ чумы въ 1771 году; черезъ годъ послѣ того оставилъ онъ дворъ, путешествовалъ за границей и постоянное пребываніе свое основалъ въ Москвѣ.

(5) Графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ, фельдмаршалъ, род. 1771 г.- ум. 4 января 1762 г., родоначальникъ всѣхъ нынѣшнихъ графовъ Шуваловыхъ.

(а) Сіе было выдумано непріятелями бывшаго тогда намѣстника, графа Захара Григорьевича Чернышева.

книжка, въ которой изволите вы усмотрѣть, что великое количество соли отъ каждаго года оставалось во всѣхъ магазинахъ. Она, увидѣвъ вѣдомость о соли и увѣрившись въ справедливости словъ моего отца, сказала: «Я скажу вашему намѣстнику (6), что онъ имѣетъ въ васъ человѣка, который справедливымъ удостовѣрительнымъ образомъ отстаиваетъ его,» что̀ на другой же день и исполнила, сказавъ о томъ брату его, графу Ивану Григорьевичу Чернышеву (а) (7). Еще спросила: «Отчего въ Бешенковской таможнѣ такъ мало сбирается пошлинъ? Я знаю, что всѣ эти сборщики таможень очень дѣлятся со мною доходами и вовсе ихъ унять нѣтъ средствъ, однакожь надобно знать и совѣсть, а бешенковскіе таможенные, кажется, вовсе ея не имѣютъ.» —Государыня, отвѣчалъ мой отецъ:—за честность ихъ не ручаюсь, и она впрочемъ не подлежитъ моему вѣдѣнію, такъ какъ сія таможня состоитъ въ Полоцкой губерніи, но отговорки ихъ отчасти служатъ къ ихъ оправданію (б), а именно Евреи, въ рукахъ которыхъ въ Бѣлоруссіи почти весь торгъ, ѣздятъ въ Ригу не для покупки товаровъ, хотя отчасти и покупаютъ тамъ товары, привозимые чрезъ Балтійское море, какъ-то: сахаръ, кофе, пряности, вины, англійское пиво и прочія, но главнѣйшій товаръ покупаютъ на ярмаркахъ, лейпцигской, франкфуртской и кенигсбергской;—они ѣздятъ въ Ригу для покупки абштуховъ отъ разныхъ тамошнихъ купцовъ. Дѣло вотъ въ чемъ: закономъ постановлено, что если товаръ купленъ въ

---

(6) Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, фельдмаршалъ и съ 1782 по 1784 годъ главнокомандующій въ Москвѣ, род. 18 марта 1722 года, ум. 29 августа 1784 г. Онъ былъ третій сынъ деньщика и любимца Петра I, Григорія Петровича Чернышева, отъ брака его съ Авдотьей Ивановной Ржевской.

(а) При этомъ отецъ мой доложилъ, что какъ въ Польшѣ соль была гораздо дороже, и жители къ тому привыкли, то казна имѣла бы великое приращеніе въ доходахъ, еслибы пустить соль въ продажу по прежнимъ цѣнамъ: жители бы повинность сію приняли безъ ропота и отягощенія. Императрица сказала: «Нѣтъ, я съ вами не согласна, пусть соль, столь необходимая для жизни и сохраненія здоровья, будетъ даже съ убыткомъ казнѣ, нежели наложить подать на народъ!»

(7) Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, братъ предыдущаго, былъ пожалованъ, при восшествіи на престолъ Павла I, генералъ-фельдмаршаломъ по флоту и президентомъ адмиралтействъ-коллегіи. Род. 24 ноября 1726 г., ум. 12 февраля 1797 г.

(б) Когда Бѣлоруссія взята была отъ Польши, то отъ Риги граница была по Двинѣ до Островны, ниже Бешенковичъ верстъ съ пятьдесятъ.

Ригѣ, за который уже пошлины заплачены, то, за подписью свидѣтельства или абштуховъ рижскихъ купцовъ, съ тѣхъ товаровъ пошлинъ въ таможняхъ не брать. Еврей, пріѣхавъ въ Ригу, ожидаетъ отъ своихъ прикащиковъ извѣщенія, сколько какого товара ими закуплено, а потомъ стакнувшись съ извѣстнымъ ему рижскимъ купцомъ и получивъ за подписаніемъ абштухъ, ѣдетъ почти съ пустою баркою по Двинѣ, и ночью причаливъ къ польскому берегу, гдѣ ожидаетъ его купленный на упомянутыхъ ярмаркахъ товаръ, нагружаетъ оную и ѣдетъ мимо Бешенковской таможни, подъ видомъ, что везетъ товаръ изъ Риги; показываетъ абштухъ, таможенные свидѣтельствуютъ и видя, что весь товаръ описанъ точно, не имѣютъ права останавливать и пропускаютъ. «Вотъ большіе искусники ваши бешенковскіе таможенные, сказала императрица:—они не уступаютъ тонкости жидовъ, и я не вижу средства пресѣчь такое злоупотребленіе». Продержавъ же отца моего наединѣ болѣе двухъ часовъ, пожаловала ручку и сказала: «Я бы желала, чтобы всѣхъ нашла таковыхъ вице-губернаторовъ, хотя память ваша и хуже моей; доказательство тому, что я васъ вспомнила, и будьте увѣрены и впредь о васъ буду помнить.»

1780. Въ слѣдующій 1780 годъ императрица предприняла путешествіе въ новопріобрѣтенный край, въ Бѣлорусскія губерніи, и въ Могилевѣ назначено было свиданіе съ римскимъ императоромъ Іосифомъ II (8). Для принятія высокихъ путешественниковъ дѣлали большія приготовленія; намѣстникъ, фельдмаршалъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, не щадилъ трудовъ, чтобы представить ввѣренныя ему Полоцкую и Могилевскую губерніи въ лучшемъ устройствѣ, и дѣйствительно онѣ были въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, какъ по наружности, такъ и по внутренности, какъ по исполнительной, такъ и по судебной и хозяйственной части. Люди, имъ собранные, были отличной нравственности, свѣдущіе въ дѣлахъ и дѣятельные; словомъ, сіи губерніи могли быть образцомъ для всей Россіи.

Вначалѣ жители не могли быть довольны новымъ правительствомъ, и, правду сказать, графъ принялся круто, въ томъ краѣ, гдѣ была совершенная анархія: паны поступали съ сво-

---

(8) Іосифъ II, императоръ германскій, сынъ императора Франциска I и Маріи Терезіи, род. 2 (13) марта 1741 г., царствовалъ съ 7 (18) августа 1765 г. умеръ 9 (20) февраля 1790 г.

ими крестьянами по произволу, даже и въ жизни ихъ были властны; который изъ нихъ былъ богаче, тотъ утѣснялъ бѣдныхъ, какъ хотѣлъ; итакъ могло ли имъ быть пріятно, когда на всякомъ шагу останавливали ихъ въ буйныхъ дерзостяхъ? дѣланіе же дорогъ произвело общій ропотъ. За то дороги были, не только отъ столицъ, но и ко всѣмъ смежнымъ губерніямъ и уѣздамъ таковы, какимъ во всей Имперіи не было подобныхъ; широкія, прямыя дороги ведены были чрезъ лѣса, горы и буераки, по обѣимъ сторонамъ вырыты были каналы и обсажены въ два ряда березками, горы были скопаны, гати были сдѣланы по непроходимымъ зыбямъ и болотамъ; мосты прочные, переправы черезъ рѣки безопасныя; на почтовыхъ станціяхъ выстроены были домики и снабжены простыми, но достаточными мебелями, такъ что каждый проѣзжающій находилъ не только спокойный ночлегъ, но и все нужное. Графъ склонилъ помѣщиковъ тѣхъ селеній, гдѣ станціи были учреждены, взять въ свое смотрѣніе не только сіи домики, но и почтовыхъ лошадей и почтальйоновъ, одѣтыхъ пристойно по образцу, какъ въ Пруссіи; казна по сходнымъ цѣнамъ платила за то содержателямъ, такъ, что они имѣли небольшой доходъ.

Въ городахъ, какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ, присутственныя мѣста выстроены были каменныя въ два этажа, съ приличнымъ расположеніемъ и архитектурою. Дома для государева намѣстника съ большою залою, въ коей былъ поставленъ тронъ и все дворянство вмѣщалось для выборовъ; дома для губернатора, вице-губернатора и предсѣдателей палатъ, а въ уѣздахъ для городничихъ. Въ послѣдствіи, когда все сіе учредилось, сей государственный человѣкъ всѣми былъ обожаемъ.

Какъ императрица назначила для своего пребыванія въ Могилевѣ семь дней, то чтобы со стороны увеселеній было чѣмъ занять ее и дворъ, графъ выписалъ изъ Петербурга придворную италіянскую оперу, а для концертовъ придворную музыку и лучшихъ артистовъ, въ числѣ которыхъ по тогдашнему времени славилась извѣстная пѣвица Бонафина; для праздниковъ же построилъ на свое иждивеніе театръ и пространную залу, по плану и содѣйствіямъ славнаго архитектора Бригонція.

Собранъ былъ корпусъ войскъ изъ лучшихъ полковъ: перваго кирасирскаго, двухъ гусарскихъ, одного драгунскаго, пяти пѣхотныхъ, пятидесяти орудій полевой артиллеріи и двухъ полковъ донскихъ казаковъ, подъ командою генералъ-поручика

Степана Матвеевича Ржевскаго (9), извѣстнаго по тактическимъ познаніямъ и нѣкоторымъ военнымъ сочиненіямъ, которыхъ, однакожь, въ печать не выдалъ; имъ приготовлены были для императора маневры.

За мѣсяцъ до прибытія государыни, съѣхались иностранные министры, часть двора, множество иностранцевъ, а особливо знатныхъ и богатыхъ польскихъ вельможныхъ пановъ; тогда Могилевъ уподоблялся болѣе многолюдному, столичному, нежели губернскому городу. Безпрестанные были праздники, балы и карточная игра, каковой, конечно, прежде въ Россіи не бывало, да и сомнительно, было ли и послѣ; графъ Сапѣга (10) проигралъ тогда все свое знатное имѣніе (а).

---

(9) Степанъ Матвеевичъ Ржевскій, генералъ-поручикъ, род. 17 декабря 1732 г.) ум 1782 г.

(10) Полагаемъ, что здѣсь говорится о сынѣ графа Петра Ивановича Сапѣги, бывшемъ женихомъ княжны Меншиковой, до назначенія ея невѣстой императора Петра II. Графъ Петръ Ивановичъ Сапѣга женился потомъ на графинѣ Софьѣ Карловнѣ Скавронской, родной племянницѣ Екатерины I, и былъ камергеромъ русскаго двора.

(а) Случилось въ то время странное видѣніе бывшему тогда губернатору Петру Богдановичу Пассеку; онъ былъ страстный игрокъ: въ одну ночь проигравъ тысячъ съ десять, сидѣлъ около трехъ часовъ у карточнаго стола и вздремнулъ, какъ вдругъ, очнувшись, сказалъ: attendez; приснился мнѣ сѣдой старикъ съ бородою, который говоритъ: «Пассекъ, пользуйся, ставь на тройку 3000, она тебѣ выиграетъ соника, загни пароли, она опять тебѣ выиграетъ соника, загни сетелева, и еще она выиграетъ соника.» Ба, да вотъ и тройка лежитъ на полу; идетъ 3000». И точно она сряду выиграла три раза. Но сіе видѣніе тѣмъ и кончилось. Пассекъ былъ лѣнивый человѣкъ. Графъ Захаръ Григорьевичъ требовалъ дѣятельности, а потому Пассекъ безпрестанно получалъ отъ него выговоры и взысканія; въ одинъ день получаетъ онъ изъ Полоцка отъ графа строгій выговоръ; на тотъ разъ былъ у него мой отецъ и многіе другіе его пріятели изъ тамошнихъ чиновниковъ. «Нѣтъ, братцы, говоритъ онъ, я рѣшился идти въ отставку, долго ли терпѣть такія неудовольствія, да и старикъ мой, который заставилъ меня выиграть 21.000, сегодня приснился мнѣ и сказалъ: «Полно, Пассекъ, грустить, поди въ отставку, тебя отставятъ, но не пройдетъ трехъ мѣсяцевъ, какъ пожалуютъ тебя сенаторомъ, а ровно чрезъ годъ отъ сего дня главнокомандующій въ Москвѣ князь В. М. Долгорукій умретъ (11), на его мѣсто будетъ графъ Захаръ Григорьевичъ, тебя же пожалуютъ

(11) Князь Василій Михайловичъ Долгорукій-Крымскій, генералъ-аншефъ и съ 1780 по 1782 годъ, главнокомандующій въ Москвѣ. Родился 1 іюля 1722 г., умеръ 30 января 1782 года.

Наконецъ государыня, чрезъ Псковскую и Полоцкую губерніи, прибыла къ границѣ Могилевской, гдѣ отецъ мой встрѣтилъ ее, а губернаторъ посланъ былъ встрѣчать императора Іосифа II, подъ именемъ графа Фалкенштейна ѣхавшаго со стороны Галиціи. Императрица пожаловала отцу моему поцѣловать ручку и сказала: «Еслибы я сама не видѣла таковаго устройства въ Бѣлоруссіи, то никому бы не повѣрила, а дороги ваши какъ сады». Передъ въѣздомъ въ Могилевъ императрица ночевала въ Шкловѣ, гдѣ была угощаема Зоричемъ, а на обратномъ пути обѣщала пробыть въ Шкловѣ однѣ сутки.

Встрѣча въ Могилевѣ была самая великолѣпная (12); въ трехъ верстахъ, построены были тріумфальныя ворота, прекраснѣйшей архитектуры, между ними и городомъ поставлены были войска, а по другой сторонѣ народъ и мѣщанство съ ихъ цеховыми значками. У самыхъ тріумфальныхъ воротъ встрѣтилъ государыню намѣстникъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, съ чиновниками губерніи, и дворянствомъ съ ихъ предводителями, верхами; у городскихъ воротъ—прибывшій наканунѣ фельдмаршалъ, графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій (13), свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ и всѣ бывшіе тутъ генералы; передъ каретою императрицы ѣхалъ эскадронъ кирасиръ. Въ сопровожденіи всѣхъ вышеупомянутыхъ особъ, при громѣ пушекъ и звонѣ кололоковъ, императрица прибыла прямо къ собору, гдѣ встрѣчена была съ крестомъ и св. водою преосвященнымъ Георгіемъ, архіепископомъ могилевскимъ (14); приложась къ образамъ и отслуживъ благодарный молебенъ, она отправилась

на мѣсто послѣдняго.» Отецъ мой записалъ сей день, и онъ точь-въ-точь въ годъ сбылся. Нужно замѣтить, что князь Долгорукій лѣтами былъ гораздо моложе графа Чернышева и былъ здоровъ.

(12) Въѣздъ Екатерины въ Могилевъ происходилъ 24 мая 1780 г., она оставась тамъ до 30 мая.

(13) Графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ–Задунайскій, фельдмаршалъ, родился 1725 г., ум. 8 декабря 1796 г. Онъ былъ сынъ любимца и деньщика Петра I, Александра Ивановича, отъ брака его съ графинею Марьею Андревною Матвеевою, внукою знаменитаго боярина Матвеева, на смерть которой (4 мая 1788 г.) Державинъ написалъ одну изъ превосходнѣйщихъ своихъ одъ.

(14) Георгій Кониссій, архіепископъ бѣлорусскій, родился въ Нѣжинѣ 20 ноября 1717 г., умеръ въ Могилевѣ 13 февраля 1795 г. Сочиненія его изданы въ двухъ частяхъ (Спб. 1835 г.) и разборъ ихъ написанъ Пушкинымъ (*Соч. Пушкина.* Изд. Анненкова, Т. V. стр. 554).

въ домъ намѣстника, гдѣ имѣла свое пребываніе. Тамъ встрѣчена была римско-католическимъ архіепископомъ Сестренцевичемъ (15) съ духовенствомъ, и супругою намѣстника, статсъ-дамою, графинею Анною Родіоновною Чернышевою, съ дамами (16).

На другой день императрица осматривала присутственныя мѣста, и послѣ представлялись ей чиновники губерніи и дворянство. Въ тотъ же день къ обѣду прибылъ и императоръ, въ сопровожденіи своего генералъ-адъютанта и фаворита Когцейна (а). Вечеромъ представлялись всѣ дамы; послѣ чего при дворѣ былъ балъ.

Не знаю, справедливо ли, но распространился слухъ, что императрица позвала къ себѣ фельдмаршала, графа Петра Александровича, и говорила ему о планѣ союза съ Австріею; надобно знать, что съ самаго вступленія на престолъ императрицы дворы россійскій и прусскій связаны были тѣснымъ союзомъ; фельдмаршалъ страстно былъ приверженъ къ Пруссіи; въ Семилѣтнюю войну онъ уже извѣстенъ былъ взятіемъ Кольберга (17), а потомъ былъ съ вспомогательнымъ корпусомъ въ концѣ царствованія Петра III, при королѣ прусскомъ Фридрихѣ II, противъ Австрійцевъ; при восшествіи же на престолъ Екатерины II, оставался зрителемъ побѣдъ Фридриха Великаго. Съ того времени фельдмаршалъ былъ обвороженъ его воинскимъ и государственнымъ геніемъ; въ послѣдствіи два раза былъ въ Пруссіи съ наслѣдникомъ, для женитьбы его, сперва на прежней великой княгинѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, урожденной принцессѣ дармштадтской (18), а потомъ на нынѣшней импера-

---

(15) Сестренцевичъ-Богушъ былъ потомъ митрополитомъ римско-католическихъ церквей въ Россіи.

(16) Графиня Анна Родіоновна Чернышева, урожденная Ведель, род. 1744 г., ум. 9 іюля 1830 г. Сестра ея Марія Родіоновна была замужемъ за графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ (см. прим. 4. къ 1 главѣ). Обѣ сестры остались сиротами послѣ отца своего, заслуженнаго генерала, и взяты были во фрейлины императрицей Елисавстой.

(а) Оный Когцейнъ на третій день пріѣзда въ Могилевъ, ночью хотѣвъ утолить жажду, схватилъ графинъ воды, который лопнулъ; мелкіе части стекла врѣзались въ руку его, отъ чего сдѣлался антоновъ огонь, и на другой день онъ умеръ. Погребли его уже по отъѣздѣ двора съ подобающею по чину его военною почестію.

(17) Кольбергъ былъ занятъ Русскими 5 декабря 1761 г.

(18) Великая княгиня Наталья Алексѣевна, первая супруга цесаре-

трицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, принцессѣ виртембергской; да и сама императрица Екатерина Алексѣевна была принцесса цербстская, родственница короля прусскаго Фридриха II. Король чрезвычайно уважалъ фельдмаршала, и онъ со всѣми славными прусскими генералами былъ въ короткомъ знакомствѣ, восхищался прусскою арміею, конечно тогда лучшею въ свѣтѣ, и съ тѣхъ самыхъ поръ постоянно твердо оба двора хранили союзъ; новый же союзъ съ Австріею, по природѣ враждебною Пруссіи, предложенъ былъ княземъ Потемкинымъ, личнымъ непріятелемъ, по нѣкоторымъ причинамъ, съ фельдмаршаломъ (19). Натурально, что онъ опровергалъ этотъ союзъ, но государыня утверждала, «что союзъ сей касательно турецкой войны выгоденъ, и князь Потемкинъ то совѣтуетъ»; фельдмаршалъ сказалъ: «Государыня, вамъ не нужно ни отъ кого принимать совѣты: свой умъ царь въ головѣ.» Императрица отвѣчала: «Правда, но есть и другая русская пословица, не менѣе справедливая: одинъ умъ хорошъ, а два лучше.» Несмотря на представленіе фельдмаршала, союзъ съ Австріею былъ заключенъ лично между двумя монархами (а).

Въ теченіи нѣсколькихъ дней, по утрамъ производились маневры въ присутствіи императора, а по вечерамъ продолжались праздники. На четвертый день пребыванія двора, бывши во дворцѣ, графъ Захаръ Григорьевичъ говорилъ князю Потемкину, чрезъ котораго текли всѣ милости, и съ которымъ онъ былъ тогда въ пріятномъ обхожденіи, что очень бы ему желалось,

---

вича Павла Петровича, род. 14 іюня 1755 г., вышла замужъ 29 сентября 1773, ум. 16 апрѣля 1776 г. Она была родная тетка императрицы Елисаветы Алексѣевны.

(19) Графъ Румянцевъ не мало способствовалъ возвышенію Потемкина въ первую турецкую войну, но потомъ испыталъ его неблагодарность.

(а) Императоръ, узнавъ, что фельдмаршалъ не былъ къ нему въ добромъ расположеніи, разговаривая съ нимъ однажды, сказалъ: «надобно удивляться блистательнымъ вашимъ успѣхамъ въ турецкой войнѣ, что вы всегда продовольствовали армію въ такъ худо населенной землѣ, какъ Молдавія и Валахія, но что вы били Турковъ, то это сволочь (c'est de la canaille).» Графъ такъ былъ недоволенъ таковымъ комплиментомъ, что въ послѣдующей турецкой войнѣ, никакой диверсіи не дѣлалъ въ пользу Австрійцевъ, и когда получалъ извѣстія, что Австрійцы были разбиты, то съ удовольствіемъ говаривалъ: «C'est de la canaille qui bat les troupes belles et regulières de sa Majesté l'Empereur Romain!»

еслибы государыня наградила достойнаго пастыря преосвященнаго Георгія панагіею; князь съ удовольствіемъ взялся доложить объ этомъ императрицѣ и тогда же пошелъ въ кабинетъ ея величества, откуда вышедъ чрезъ короткое время и отдавая графу панагію, сказалъ: «извольте отвезти сами желаемое вами награжденіе архіепископу.» Графъ тѣмъ обидѣлся и сказалъ: «у васъ есть на то адъютанты, а я уже старъ для разсылокъ.» Явно, что князь хотѣлъ тѣмъ услужить графу, но видя его гордый отвѣтъ, приказалъ при немъ своему адъютанту отвезти панагію къ архіерею, а самъ пошелъ къ государынѣ и пожаловался за сдѣланную ему при всѣхъ грубость. Императрица разгнѣвалась и съ тѣхъ поръ уже обращалась съ графомъ холодно. Щедрыя награжденія орденами, чинами и подарками, какія были приготовлены чиновникамъ въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, остались безъ дѣйствія. Свѣтлѣйшій князь въ тотъ же день отправился. Кажется, что графъ напрасно погорячился и тѣмъ самымъ лишилъ себя и подчиненныхъ своихъ многихъ ожидаемыхъ милостей.

Въ пятый день заложена была церковь во имя Іосифа, для зданія которой императрица и императоръ назначили значительныя суммы; при этомъ императрица послѣ колѣнопреклоненной молитвы, вмѣсто того, чтобы позволить себя приподнять графу, обернулась къ губернатору Пассеку и, подавъ ему руку, сказала: «Петръ Богдановичъ, пособите мнѣ встать.» Послѣ того ея величество уже не была, какъ до сего, ни на какомъ угощеніи.

Въ седьмой день по утру императрица отправилась съ императоромъ Іосифомъ въ Шкловъ. Зоричъ къ пріѣзду ея построилъ преогромный домъ, богато-убранный, выписалъ изъ Саксоніи фарфоровый сервизъ, стоившій болѣе шестидесяти тысячъ рублей (а). Благородные представили пантомиму на театрѣ, бывшемъ въ томъ же домѣ съ чрезвычайными декораціями, которыхъ

(а) Шкловскій купецъ, Еврей Нотка, былъ посланъ отъ Зорича въ Дрезденъ для покупки того фарфора. За провозъ онаго чрезъ Пруссію у въѣзда въ границы сего королевства взята съ него пошлина, а потомъ также и при выѣздѣ. Нотка письменно жаловался королю, что несправедливо съ него взята вдвойнѣ пошлина за провозимый имъ товаръ, при въѣздѣ и при выѣздѣ изъ его королевства. Король далъ отвѣтъ на его жалобу, въ такихъ выраженіяхъ: «Господинъ шкловскій купецъ Нотка! Справедливо взята съ васъ за товаръ пошлина, положенная законами; также справедливо и то, что при выѣздѣ взята таковая же; ибо еслибы вы не захотѣли платить пошлину два раза, то могли бы купить фарфоръ на моей берлинской фабрикѣ.»

было до семидесяти; сочинилъ оную, а также и музыку, костюмы и декораціи баронъ Ванджурье, отставной ротмистръ австрійской службы; императоръ его тотчасъ узналъ и объявилъ ему сожалѣніе, что онъ оставилъ его службу. Послѣ ужина былъ сожженъ фейерверкъ, дѣланный нѣсколько мѣсяцевъ артиллеріи генералъ-майоромъ Петромъ Ивановичемъ Мелиссино (20); павильйонъ изъ 50.000 ракетъ былъ достоинъ своего мастера и стоилъ чрезвычайно дорого.

На другой день императрица отправилась въ С.-Петербургъ, чрезъ Смоленскъ и Новгородъ, а императоръ чрезъ Москву.

По отбытіи императрицы былъ обѣдъ у архіерея Георгія, гдѣ графъ Захаръ Григорьевичъ изъявилъ свое огорченіе; послѣ нѣсколькихъ рюмокъ вина, онъ сказалъ: «Ну, друзья мои, я виноватъ, что никто изъ васъ не награжденъ; признаюсь, не кстати разгорячился; ну вотъ по крайней мѣрѣ жалованье государыни женѣ моей раздѣлю съ вами». За тѣмъ онъ порвалъ ожерелье жемчужное у сидѣвшей возлѣ его графини, которое разсыпалось и которое послѣ подобрали.

Чрезъ нѣсколько дней Могилевъ изъ многолюднаго города сдѣлался пустой и принялъ свой видъ. Въ исходѣ сего года Пассекъ вышелъ въ отставку, а отецъ мой на его мѣсто пожалованъ губернаторомъ.

1781. Въ 1781 году наслѣдникъ престола, великій князь Павелъ Петровичъ съ великою княгинею проѣзжалъ чрезъ Могилевъ въ чужіе краи (21). Отецъ мой провожалъ его чрезъ всю губернію. Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ въ Чесерскѣ, мѣстечкѣ, принадлежавшемъ ему, угостилъ великаго князя великолѣпно былъ благородный театръ; были даны опера: ***Новое Семейство*** (22), для сего случая сочиненная бывшимъ тогда полковникомъ С. К. Вязмитиновымъ, а музыка оной—графскимъ адъютантомъ г. Фрейли-

---

(20) Петръ Ивановичъ Мелиссино, генералъ отъ артиллеріи, родился 1726 г., ум. 26 декабря 1797 года. Старшій братъ его Иванъ Ивановичъ (род. 1718 г., ум. 23 марта 1795 г.) былъ съ 1771 года до смерти своей кураторомъ Московскаго университета. Отецъ ихъ былъ лѣкарь, пріѣхавшій въ Россію при Петрѣ Великомъ.

(21) Путешествіе великаго князя съ супругой за границу продолжалось 14 мѣсяцевъ. Они выѣхали изъ Царскаго Села 19 сентября 1781 г. и посѣтили Вѣну, Венецію, Римъ, Неаполь, Швейцарію, Парижъ, Голландію.

(22) Опера эта напечатана тогда же (М. въ Универ. тип. 1781 г.). Сюжетъ ея взятъ изъ русской простонародной жизни.

хомъ; потомъ французская комедія *Anglomanie*; спектакль кончился прологомъ, играннымъ дѣтьми и сочиненнымъ графскимъ секретаремъ Ѳедоромъ Петровичемъ Ключаревымъ (23). Я и старшая сестра моя играли въ оперѣ. По окончаніи театра, актеры представлены были ихъ высочествамъ. Великій князь спросилъ отца моего, записанъ ли я въ службу? Какъ онъ отвѣчалъ, что записанъ въ Преображенскомъ полку сержантомъ,—великій князь сказалъ: «пожалуста не спѣши отправлять его на службу, если не хочешь, чтобъ онъ развратился». Послѣ ужина сожженъ фейерверкъ. На другой день ихъ высочества отправились въ Гомель, мѣстечко, принадлежавшее фельдмаршалу графу Петру Александровичу Румянцову-Задунайскому, гдѣ были имъ угощаемы, и продолжали далѣе путь свой.

Въ семъ году графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ пожалованъ былъ главнокомандующимъ въ Москвѣ, а Петръ Богдановичъ Пассекъ на мѣсто его въ Могилевъ (24).

1782. Въ 1782 году свѣтлѣйшій князь Потемкинъ, проѣзжая чрезъ Могилевъ, обѣщалъ отцу моему взять меня къ себѣ въ адъютанты, и въ семъ году пріобрѣлъ онъ полуостровъ Крымъ, который названъ Таврическою губерніею (25). Свѣтлѣйшій князь пожалованъ генералъ-губернаторомъ, какъ въ оной губерніи, такъ въ Новороссійской и Херсонской.

Вотъ происшествіе, случившееся во время проѣзда его свѣтлости. Со времени случая Зорича они между собою были непріятели; хотя князь и не имѣлъ къ Зоричу ненависти, но тотъ всегда думалъ, что онъ къ нему не благоволитъ; чтобы доказать противное, свѣтлѣйшій князь остается въ Шкловѣ на цѣлый день. Одинъ Еврей просилъ позволенія переговорить съ

---

(23) Ѳедоръ Петровичъ Ключаревъ былъ послѣдователь мистической школы Новикова. Онъ былъ въ послѣдствіи московскимъ почтъ-директоромъ. Изъ сочиненій его напечатана отдѣльно трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ: *Владиміръ Великій* (М. въ Унив. тип. 1779 г.). При графѣ Захарѣ Григорьевичѣ Чернышевѣ служилъ также въ Бѣлоруссіи, а потомъ въ Москвѣ, извѣстный мистикъ Семенъ Ивановичъ Гамалѣя, и покровительствомъ графа пользовались служившіе въ Москвѣ послѣдователи Новикова Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ и Иванъ Петровичъ Тургеневъ.

(24) Тутъ есть небольшая неточность; это происходило въ февралѣ 1782 года.

(25) Крымъ присоединенъ къ Россіи 8 апрѣля 1783. Авторъ записокъ нѣсколько ошибается въ этомъ мѣстѣ, относя это событіе къ 1782 г., ибо писалъ на память, которая впрочемъ рѣдко ему измѣняла.

княземъ наединѣ, князь, не ожидая ничего важнаго, не хотѣлъ было его къ себѣ допустить, но какъ тотъ Еврей безотвязно просилъ о томъ, то князь и велѣлъ ввести его къ себѣ въ особливую комнату. Еврей показываетъ сторублевую ассигнацію: «видите ли, ваша свѣтлость, что она фальшивая?» Князь долго разсматривалъ, и не находилъ ничего, такъ она хорошо была поддѣлана, подпись сенаторовъ и разными чернилами, казалось, не могла быть подвергнута ни малѣйшему сомнѣнію. «Ну что же тутъ, покажи», сказалъ князь; тогда жидъ показываетъ, что вмѣсто ассигнаціи напечатано ассигнація.—«Гдѣ ты ее взялъ?» —Если вашей свѣтлости угодно, я вамъ чрезъ полчаса принесу нѣсколько тысячъ. «Кто же ихъ дѣлаетъ или выпускаетъ?» спросилъ князь.—«Камердинеръ графа Зановича и карлы Зоричевы.» Князь далъ Еврею тысячу рублей и приказалъ, чтобъ онъ промѣнялъ ихъ на фальшивыя ассигнаціи и привезъ бы ему на другой день въ мѣстечко его Дубровну, недавно имъ купленное, отъ Шклова по Смоленской дорогѣ вертахъ въ семидесяти.

Отпустивъ Еврея, князь притворился нездоровымъ и въ тотъ же день, до выздоровленія, возвратился въ Дубровну и послалъ за отцомъ моимъ, чтобъ онъ туда къ нему пріѣхалъ; на другой день, какъ скоро батюшка мой къ нему явился, князь, полученный уже тогда пукъ ассигнацій показавъ ему, сказалъ: «Видишь, Николай Богдановичъ, у тебя въ губерніи дѣлаютъ фальшивыя ассигнаціи, а ты не знаешь? Какъ скоро я проѣду Могилевъ, то ту же минуту поручи уголовной палаты предсѣдателю Малѣеву произвести слѣдствіе, не щадя ни самого Зорича, ежели будетъ въ подозрѣніи; я для того не хочу, чтобы ты самъ слѣдовалъ, чтобы въ изысканіи вины Зорича и его друзей-плутовъ не былъ употребленъ Энгельгардтъ, мой родственникъ.»

Теперь я дѣлаю отступленіе и скажу о жизни Зорича и о Шкловѣ. Ни одного не было барина въ Россіи, который бы такъ жилъ, какъ Зоричъ. Шкловъ былъ наполненъ живущими людьми всякаго рода, званія и націй; многіе были родственники и прежніе сослуживцы Зорича, когда онъ служилъ майоромъ въ гусарскомъ полку, и жили на его совершенномъ иждивеніи; затѣмъ отставные штабъ и оберъ-офицеры, не имѣющіе пріюта, игроки, авантюристы всякаго рода, иностранцы, Французы, Итальянцы, Нѣмцы, Сербы, Греки, Молдаване, Турки, словомъ, всякій сбродъ и побродяги; всѣхъ онъ ласково принималъ, столъ былъ для всѣхъ открытъ; единственно для веселья съѣзжалось даже изъ Петербурга, Москвы и разныхъ губерній, лучшее

дворянство къ 1 сентября, дню его именинъ, на ярмарки два раза въ годъ, и тогда праздновали недѣли по двѣ и болѣе; въ одинъ разъ было три рода благородныхъ спектаклей, между прочимъ французскія оперы играли княгиня Катерина Александровна Долгорукая (26), генералъ-поручица графиня Мелина (27) и прочія соотвѣтствующія симъ двумъ особамъ дамы и кавалеры; по-русски трагедіи и комедіи—князь Прокофій Васильевичъ Мещерскій (28) съ женою и прочіе; балетъ танцовалъ Д. И. Хорватъ съ кадетами и другими, польская труппа была у него собственная. Тутъ бывали балы, маскарады, карусели, фейерверки, иногда его кадеты дѣлали военныя эволюціи, предпринимали катанія въ шлюпкахъ на водѣ. Словомъ, нѣтъ забавъ, которыми бы къ себѣ хозяинъ не приманивалъ гостей и много отъ него наживались игрою. Хотя его доходы были и велики, но таковаго рода жизнь ввела его въ неоплатные долги.

Въ числѣ живущихъ у него былъ турецкій князь Иванъ-Бей, второй сынъ сестры царствовавшаго султана; когда Зоричъ былъ въ плѣну, онъ съ нимъ былъ знакомъ и пользовался его благодѣяніями. Сей князь былъ воспитанъ тайно подъ чужимъ именемъ, ибо по турецкимъ законамъ, сестра султана одного только можетъ имѣть въ живыхъ сына, а послѣдующихъ должна при рожденіи задушать. По материнской природной нѣжности мать сберегла его, когда же начали догадываться, что онъ близкій человѣкъ султану, тогда мать его отправила въ чужіе краи, и онъ, бывъ во Франціи, данныя ему деньги всѣ прожилъ, а болѣе ему не присылали. Вспомнивъ свое знакомство съ Зоричемъ, пріѣхалъ въ Шкловъ просить взаимной помощи, въ чемъ ему и не было отказано. Онъ былъ прекрасивый и любезный человѣкъ, говорилъ хорошо по-французски и скоро выучился изрядно говорить по-русски; въ послѣдствіи старшій братъ его умеръ, и султанъ, узнавъ о немъ, позволилъ ему возвратиться въ Константинополь. Многіе Русскіе потомъ его тамъ видѣли и сказывали, что данъ ему чинъ подавать султану умываться. Я для того сказалъ о немъ, что можно ли было подозрѣвать кого-либо, съ какимъ намѣреніемъ кто тамъ жилъ? Тѣмъ

---

(26) Княгиня Катерина Александровна Долгорукая (ум. 1811 г.) жена извѣстнаго князя Юрія Владиміровича (род. 1740, ум. 1830 г.). Она была дочь фельдмаршала графа Александра Борисовича Бутурлина (род. 1694 ум. 1767 г.)

(27) Супруга графа Бориса Петровича Мелина, генералъ-поручика род. 1740, ум. 1793); она была рожденная Грабовская.

(28) Князь Прокофій Васильевичъ Мещерскій былъ при Павлѣ I.

болѣе Зановичи могли быть безъ малѣйшаго замѣчанія, ибо они пріѣхали какъ путешественники, познакомившись въ Парижѣ съ Неранчичемъ (29), роднымъ братомъ Зорича, котораго и ссудили не малымъ числомъ денегъ, пріѣхали же имѣя паспорты, жили роскошно и вели большую банковую игру.

По слѣдствію открылось, что какъ Зоричъ былъ много долженъ, то Зановичи хотѣли заплатить за него долги, а Шкловъ съ принадлежавшимъ имѣніемъ взять въ свое управленіе на столько лѣтъ, пока не получатъ своей суммы съ процентами, Зоричу же давать въ годъ по сту тысячъ рублей, по тогдашнему времени большую сумму; для сего просиживали они съ нимъ, запершись, ночи, уговаривая его по сему предмету, и употребленъ въ посредство учитель, бывшій въ корпусѣ Сальморанъ. Зоричъ говаривалъ, что скоро заплатитъ свои долги и будетъ опять богатъ, что̀ и подало подозрѣніе, что онъ участвовалъ въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій. Тоже послужило къ таковому невыгодному для него мнѣнію, что два карла мѣняли фальшивыя ассигнаціи; это случилось отъ того, что они держали карты, а на большихъ играхъ, особливо когда Зановичи метали банкъ, за карты давали по сту рублей и болѣе.

Графы Зановичи родомъ изъ Далмаціи; меньшой изъ нихъ былъ іезуитомъ; по уничтоженіи сего ордена монаховъ, возвратился къ брату, который, проживъ имѣніе, сталъ жить на счетъ ближнихъ разными оборотами; оба получили хорошее воспитаніе, при большомъ умѣ обогащены были познаніями; во многихъ были государствахъ и вездѣ находили простячковъ, пользовались то игрою, то другими хитрыми выдумками; сказывали даже, что ихъ портреты въ Венеціи были повѣшены, а они, сдѣлавъ какое-то криминальное дѣло, успѣли ускользнуть; такимъ образомъ встрѣтились съ Неранчичемъ въ Парижѣ, какъ сказано прежде, и видно, что планъ ихъ тогда же имѣлъ основаніе.

Когда уговорили Зорича (30) на ихъ предложеніе, то

---

(29) Неранчичъ былъ братъ Зорича по своей матери. Фонъ-Визинъ въ письмѣ своемъ отъ 18/29 сентября 1778 г., писанномъ изъ Ахена къ графу П. Н. Панину, говоритъ о пребываніи его въ Парижѣ, называя его полковникъ Н—ъ, при чемъ фонъ-Визинъ удостовѣряетъ, будто бы Даламберъ, Мармонтель и другіе писатели низко льстили невѣжественному Неранчичу, надѣясь получить черезъ него подарки отъ русскаго двора.

(30) Зановичи были въ связяхъ съ знаменитымъ искателемъ при-

старшій остался въ Шкловѣ, а меньшой уѣхалъ за границу, подъ видомъ тамъ продать свое имѣніе и пріѣхать съ деньгами для заплаты долговъ Зорича, но истинный предметъ былъ, чтобы тамъ надѣлать фальшивыхъ ассигнацій и уже пріѣхать съ готовыми въ Россію, и для дѣланія оныхъ привезти инструменты; онъ былъ за границею нѣсколько мѣсяцевъ, а по возвращеніи проживалъ съ полгода въ Шкловѣ до пріѣзда свѣтлѣйшаго князя. Съ отъѣздомъ его свѣтлости въ Дубровну, меньшой Зановичъ съ Салмораномъ отправились въ Москву.

Отецъ мой послалъ одного курьера обогнать его и извѣстить главнокомандующаго въ Москвѣ, а другаго вслѣдъ для надзиранія за Зановичемъ.

Предсѣдатель Малѣевъ, получивъ наставленія, съ земскою полиціею и губернскими драгунами отправился въ Шкловъ, ночью засталъ старшаго графа Зановича въ постели, отправилъ его за карауломъ въ Могилевъ, прямо въ губернское правленіе; квартиру его окружили карауломъ; также взяты Зоричевы карлы, а съ самого Зорича взята подписка не выѣзжать изъ дома, пока не сдѣлаетъ отвѣта на запросные пункты. На квартирѣ Зановича, по осмотрѣ, ничего подозрительнаго не оказалось; найдено тысячи двѣ рублей золотомъ, нѣсколько сотенъ фальшивыхъ ассигнацій и нѣсколько вещей изъ дорогихъ каменьевъ. Камердинеръ его оказался его любовницею Италіянкою, но она ничего не знала, ибо она только ночевала на квартирѣ, а въ прочее все время была въ домѣ у Зорича. Князь Иванъ-Бей былъ великій непріятель сихъ побродягъ, безпрестанно съ ними ссорился и неоднократно уговаривалъ Зорича, чтобы ихъ прогналъ.

Въ допросѣ губернскаго правленія Зановичъ показалъ, что братъ его поѣхалъ чрезъ Москву въ С. Петербургъ явить правительству вымѣненныя ассигнаціи за границею отъ Жидовъ за

ключеній Казановой (род. около 1725 г., ум. 1803 г.). который говоритъ о нихъ въ своихъ запискахъ. Трудолюбивый Нѣмецъ Бартольдъ издалъ два тома розысканій о лицахъ, упоминаемыхъ въ запискахъ Казановы. (*Die geschichtlichen Persönlichkeiten in Jacob Casanowa's Memoiren.* Berlin 1846.) Бартольдъ сообщаетъ слѣдующія извѣстія о Зановичахъ: Стефанъ и Предиславъ Зановичи были родомъ Далматы; эти искатели приключеній начали подвиги свои въ Венеціи, а оттуда отправились путешествовать по Европѣ. Стефанъ, посѣтивши многія столицы, вошелъ въ сношенія съ разными знаменитостями, и находился между прочимъ въ перепискѣ съ Вольтеромъ и Даламберомъ. Въ апрѣлѣ 1776 г. явился

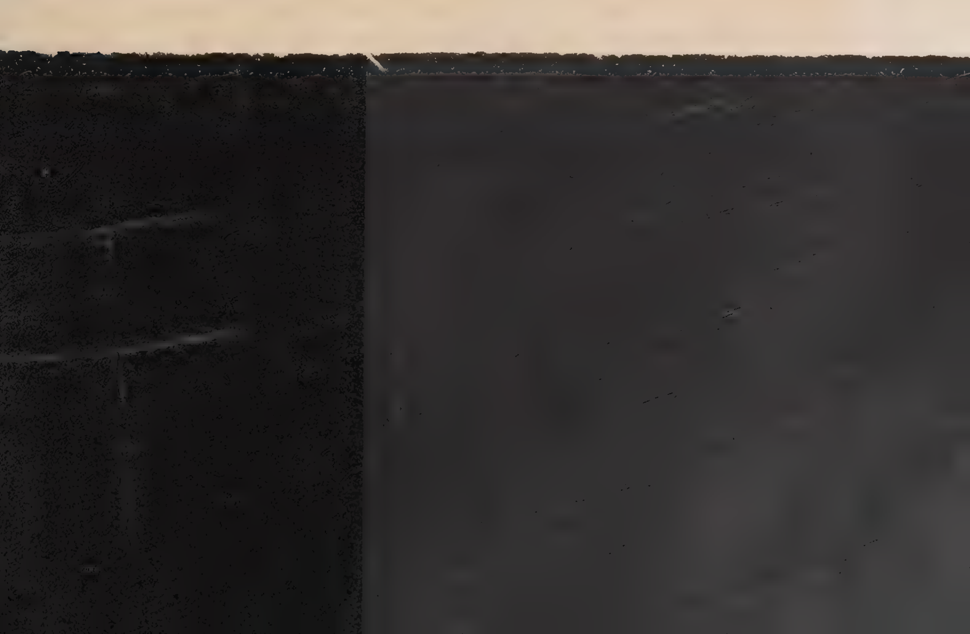
дешевую цѣну; но послѣ нашли въ его квартирѣ подъ поломъ всѣ инструменты для дѣланія ассигнацій; по открытіи чего онъ и отправленъ былъ въ С.-Петербургъ. Зорича же совершенно оправилъ въ незнаніи фальшивыхъ ассигнацій.

Меньшой Зановичъ схваченъ былъ въ Москвѣ у самой заставы; найдено съ нимъ слишкомъ 700,000 фальшивыхъ ассигнацій, все сторублевыхъ. Стакнувшись съ братомъ, онъ показывалъ то же; потомъ, по признаніи ихъ вины, заключены они были въ крѣпость Балтійскій портъ. Во время нападенія на оный портъ Шведовъ въ 1789 году, по малочисленному гарнизону, арестанты были выпущены для защиты онаго; Зановичи оказали особливую ревность и разумными совѣтами нѣкоторыя услуги, за что по освобожденіи порта высланы за границу.

Въ Шкловѣ было множество бродягъ, такъ что ежели случалась нужда отыскивать какого-нибудь сорванца, то государыня приказывала посмотрѣть, нѣтъ ли его въ Шкловѣ, и

онъ въ Потсдамѣ и успѣлъ втереться въ общество принца прусскаго и его супруги. Стефанъ выдавалъ себя за албанскаго господаря, увѣрялъ, что у него 300.000 червонцевъ годоваго дохода, и что онъ располагаетъ тридцатитысячнымъ войскомъ. Но вскорѣ изъ газетъ узнали его прежнія нечистыя продѣлки, и въ январѣ 1778 года его выслали изъ Берлина. 28 января 1778, Фридрихъ II писалъ къ одному изъ своихъ генераловъ въ Бреславль, что туда прибылъ графъ Зановичъ, посѣщавшій разные европейскіе дворы, промышляя обманомъ, а потому его нужно задержать въ Бреславлѣ, подъ предлогомъ взыскиваемыхъ съ него долговъ. Но Зановичъ успѣлъ бѣжать въ Голландію, куда имѣлъ рекомендательныя письма отъ кавалера Кавалли, венеціянскаго посланника въ Неаполѣ. Онъ такъ умѣлъ воспользоваться этими письмами, что успѣлъ занять у голландскихъ банкировъ 300.000 гульденовъ, которые скоро исчезли. Голландское правительство хотѣло взыскать эту сумму съ Кавалли, который отказался платить, говоря, что рекомендательныя письма не суть кредитивы. Тогда штаты обратились къ венеціянскому правительству за уплатой, но и оно отъ ней отказалось. По этому случаю дѣло чуть не дошло до войны между Голландіею и Венеціей, но императоръ Іосифъ II предложилъ свое посредство, помирилъ противниковъ, и Голландія отступила отъ своего требованія въ 1779 году. Предиславъ Зановичъ за разныя плутни былъ изгнанъ изъ Флоренціи (*Die geschichtl. Persönl. in J. Casan. Memoir.* II Band, S 324—327). Бартольдъ имѣлъ ошибочныя свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ Зановичей, онъ говоритъ, что Стефанъ умеръ въ амстердамской долговой тюрьмѣ. Записки Н. Л. Энгельгардта открываютъ истину. Вѣроятно, Стефанъ успѣлъ убѣжать въ Парижъ, гдѣ нашелъ своего брата; тамъ познакомились они съ Неранчичемъ и отправились въ Шкловъ къ Зоричу.

иногда точно его тамъ находили. Между прочими, во время французской революціи въ 1792 году, графъ де-Монтегю, бывшій капитанъ корабля во французскомъ флотѣ королевской службы, подъ видомъ эмигранта, императрицею принятъ былъ въ черноморскій флотъ; онъ, проѣзжая Шкловъ, притворился больнымъ и оставался тамъ не малое время. Почтмейстеру казался онъ подозрителенъ, тѣмъ болѣе, что не успѣлъ туда пріѣхать, какъ черезъ Ригу адресованы были на его имя иностранныя газеты. Одинъ разъ почтмейстеръ рѣшился распечатать и, осматривая съ прилежаніемъ, замѣтилъ, что на одномъ листкѣ между строкъ шероховато, а когда поднесъ къ огню, оказалось написанное и открылось, что Монтегю былъ Якобинецъ, и ему было поручено сжечь нашъ черноморскій флотъ. Сего Монтегю отправили за карауломъ въ С.-Петербургъ; въ послѣдствіи на эшафотѣ изломали надъ нимъ шпагу, и сосланъ онъ былъ въ Сибирь въ работу 1783. Въ іюлѣ 1783 года, мать моя по болѣзни отправилась въ Нарву (и меня съ собою взяла) пользоваться тамъ отъ главнаго доктора г. Сандерса; гдѣ пробывъ до сентября и не получа облегченія въ своей болѣзни, отправилась въ С. Петербургъ. По прибытіи туда, явился я на службу въ Преображенскій полкъ; майоромъ тогда былъ генералъ-майоръ Николай Алексѣевичъ Татищевъ (31) пріятель моего отца. Отыскалъ, что я написанъ въ спискѣ служащихъ, и уже состою въ третьей сотнѣ и числюсь въ 1-й мушкатерской ротѣ.



МАЙОРЪ

МАЛОРОССІЙСКАЯ ПОВѢСТЬ.

(Посвящается Николаю Васильевичу Бѣлозерскому.)

Но грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана,
Что измѣняли ей всечасно,
Что обманула насъ она!
Пушкинъ.

ЗАПИСКИ

ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДТА [1]

III. Вступленіе мое въ службу до открывшейся турецкой войны въ 1788 году.

Служба моя въ гвардіи ничтожна и кратковременна; нѣкоторое время я былъ при ротѣ и раза два дежурилъ, потомъ записанъ былъ въ уборные. Такъ назывались сержанты, избираемые по высокому росту: одѣты они были въ обыкновенные тогдашніе мундиры; шишаки въ родѣ римскихъ съ богатою серебряною арматурою и панашемъ изъ страусовыхъ перьевъ, украшали ихъ головы; сума для патроновъ тожь съ серебряною арматурою. Сіи уборные сержанты стояли по два на часахъ передъ кавалергардскою залой, куда только впускались до капитана; но въ дворянскомъ мундирѣ всякій имѣлъ право туда входить; я хаживалъ, бывъ сержантомъ гвардіи, какъ и прочіе мои товарищи, не въ службѣ, въ дворянскомъ мундирѣ, который во всякомъ чинѣ дворянинъ имѣлъ право носить. За сею залою была тронная, у дверей которой стояли по два кавалергарда; не всѣ генералъ-поручики и тайные совѣтники имѣли туда входъ, но тѣ только, которые имѣли на то позволеніе. Кавалергарды были

---

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 1.

не то, что теперь; ихъ было всего шестьдесятъ человѣкъ; выбирались по желанію каждаго; высокаго росту, изъ дворянъ; они всѣ считались поручиками въ арміи; капралы были штабъ-офицеры, вахтмейстеръ—полковникъ, корнетъ—генералъ-майоръ, поручикъ былъ свѣтлѣйшій князь Потемкинъ; ротмейстеръ—сама императрица; должность ихъ была стоять подвое на часахъ у тронной, а когда императрица хаживала пѣшкомъ въ Александро-Невскій монастырь, 30 августа, въ день сего святаго, то они всѣ ходили по сторонамъ ея (а); мундиръ ихъ парадный былъ синій бархатный, обложенъ въ видѣ латъ кованымъ серебромъ и шишакъ тожь изъ серебра и очень тяжелый.

По пріѣздѣ свѣтлѣйшаго князя изъ Херсонской губерніи, опредѣленъ я былъ къ нему съ четырьмя другими сержантами на ординарцы; симъ заключилась служба моя въ гвардіи. 1783 года въ декабрѣ, его свѣтлость взялъ меня къ себѣ въ адъютанты; онъ тогда еще былъ генералъ-аншефомъ и вице-президентомъ военной коллегіи (1). По чину имѣлъ одного генералъ-адъютанта, преміеръ-майорскаго чина, двухъ флигель-адъютантовъ капитанскаго чина, да такое же число адъютантовъ по званію шефа екатеринославской конницы. Адъютанты его, какъ онъ былъ вице-президентомъ военной коллегіи, имѣли право носить всѣ армейскіе мундиры, кромѣ артиллерійскаго; и вообще у всего генералитета, адъютанты носили мундиры тѣхъ войскъ, какія у нихъ были въ командѣ; общій знакъ адъютантовъ былъ аксельбантъ на правомъ плечѣ.

Князь жилъ во дворцѣ; хотя особливый былъ корпусъ, но на аркахъ была сдѣлана галлерея для проходу во дворецъ черезъ церковь, мимо самыхъ покоевъ императрицы.

Лишь только я вступилъ въ свое лестное, по тогдашнему времени, званіе, какъ по разнымъ причинамъ, государыня оказала къ князю немилость, и уже онъ сбирался путешество-

---

(а) Въ послѣдній разъ сія процессія была въ 1782 году, а послѣ того уже она отмѣнена.

(1) Князь Потемкинъ за присоединеніе Крыма въ 1783 году пожалованъ генералъ-фельдмаршаломъ и назначенъ президентомъ военной коллегіи 2 февраля 1784 г. Въ то же время назначенъ онъ шефомъ кавалергардовъ и генералъ-губернаторомъ екатеринославскимъ и таврическимъ. Мы уже сказали (глава II, прим. 25), что авторъ не точно относитъ присоединеніе Крыма и награды Потемкину къ 1782 году.

вать въ чужіе край, и экипажи уже приготовлялись. Князь пересталъ ходить къ императрицѣ и не показывался во дворцѣ; почему, какъ изъ придворныхъ, такъ и прочихъ знатныхъ людей, никто у него не бывалъ; а сему слѣдуя, и другіе всякаго званія люди его оставили; близъ его дома ни одной кареты не бывало; а до того вся Милліонная была заперта экипажами, такъ что трудно было и проѣзжать. Княгиня Дашкова, бывшая въ милости и довѣренности у императрицы, довела до свѣдѣнія ея, черезъ сына своего, бывшаго при князѣ дежурнымъ полковникомъ, о разныхъ неустройствахъ въ войскѣ: что слабымъ его управленіемъ вкралась чума въ Херсонскую губернію, что выписанные имъ Италіянцы и другіе иностранцы, для населенія тамъ пустопорожнихъ земель, за неприуготовленіемъ имъ жилищъ и всего нужнаго, почти всѣ померли, что раздача земель была безъ всякаго порядка, и окружающіе его дѣлали много злоупотребленія и тому подобное; къ княгинѣ Дашковой присоединился А. Д. Ланской.

Императрица не совсѣмъ повѣрила доносу на свѣтлѣйшаго князя, и черезъ особыхъ вѣрныхъ ей людей тайно узнала, что непріятели ложно обнесли уважаемаго ею свѣтлѣйшаго князя, какъ человѣка, способствовавшаго къ управленію государствомъ; лишила милости княгиню Дашкову, отставила ее отъ званія директора Академіи (2), а на мѣсто ея пожаловала г. Домашнева (3); князю возвратила довѣренность.

Свѣтлѣйшій князь, въ одинъ день проснувшись, на столѣ близъ кровати видитъ пакетъ, положенный его камердинеромъ, изъ Грековъ, Захаромъ Константиновымъ, и который присланъ былъ отъ императрицы, съ тѣмъ чтобы для сего князя не будить; онъ, проснувшись и прочитавъ оный, закричалъ: Попова! (такъ звали правителя его канцеляріи.) (4) Я, бывши

---

(2) Тутъ авторъ также ошибается: графиня Екатерина Романовна Дашкова (род. 17 марта 1744, ум. 4 янв. 1810) нѣсколько разъ подвергалась неудовольствію императрицы, но не въ это время. Она оставила дворъ въ 1794 году, сохранивъ всѣ свои должности, отъ которыхъ отставлена только въ ноябрѣ 1796 года императоромъ Павломъ I.

(3) Сергѣй Герасимовичъ Домашневъ, камергеръ, ум. 1796. Онъ былъ директоромъ Академіи наукъ съ 1775 по 1782 годъ, слѣдовательно прежде, а не послѣ княгини Дашковой, которая на его мѣсто и была назначена.

(4) Василій Степановичъ Поповъ род. 1745 г. Служилъ въ Москвѣ при главнокомандующемъ князѣ В. М. Долгоруковѣ-Крымскомъ (1780—1782), а потомъ перешелъ къ Потемкину. Умеръ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и членомъ государственнаго совѣта въ ноябрѣ 1822 г.

тогда дежурнымъ, позвалъ его; князь подалъ ему бумагу и сказалъ: «читай». То былъ указъ о пожалованіи князя президентомъ военной коллегіи, то-есть фельдмаршаломъ. Василій Степановичъ Поповъ, тогда бывшій подполковникомъ, выбѣжалъ въ комнату передъ спальнею и съ восторгомъ сказалъ: «идите поздравлять князя фельдмаршаломъ». Я на тотъ разъ одинъ только и былъ; вошелъ въ спальню, поздравилъ его свѣтлость; онъ всталъ съ постели, надѣлъ мундирную шинель, повязалъ на шею шелковый розовый платокъ и пошелъ къ императрицѣ. Не прошло еще двухъ часовъ, какъ уже всѣ комнаты его были наполнены, и Милліонная снова заперлась экипажами; тѣ самые, которые болѣе ему оказывали холодности, тѣ самые болѣе передъ нимъ пресмыкались; двое, однакожь, во время его невзгодья показали къ нему приверженность, а именно камергеры: Евграфъ Александровичъ Чертковъ и Александръ Ѳедоровичъ Талызинъ.

Штатъ по чину его увеличился двумя генералъ-адъютантами въ чинѣ подполковниковъ, и еще двумя флигель-адъютантами въ прежнихъ чинахъ. Остался прежній его генералъ-адъютантъ Рибопьеръ (5), а другаго взялъ меньшаго сына фельдмаршала графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго (6), по Екатеринославской конницѣ изъ его флигель адъютантовъ въ генералъ-адъютанты Мамонова (7), который въ послѣдствіи сталъ значительнымъ лицомъ при дворѣ.

Теперь почитаю приличнымъ сказать вкратцѣ о происхожденіи и исторіи моего генерала, игравшаго роль, какую никто никогда въ Россіи не представлялъ и такъ не былъ силенъ.

Родъ свѣтлѣйшаго князя Потемкина былъ польскій; съ завоеваніемъ Смоленска предки его остались въ Россіи; были дворяне, но ни одного не было, который бы занималъ высокія

---

(5) Иванъ Александровичъ Рибопьеръ, отецъ нынѣшняго оберъ-камергера графа Александра Ивановича.

(6) Графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, фельдмаршалъ, род. 18 марта 1728 г., ум. 9 января 1803. Сынъ его, о которомъ здѣсь говорится, назывался графомъ Львомъ Кирилловичемъ.

(7) Графъ Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, генералъ-адъютантъ и генералъ-лейтенантъ, родился 19 сентября 1758, ум. 29 сентября 1803. Вліяніе его при дворѣ началось въ 1786 году; въ іюнѣ 1789 онъ женился на фрейлинѣ княжнѣ Дарьѣ Ѳедоровнѣ Щербатовой (род. 1762 г. ум. 1801 г.) и удалившись отъ двора, поселился въ Москвѣ.

государственныя должности. Петръ Великій употреблялъ одного Потемкина для посольства въ Англію (8); но по возвращеніи ничѣмъ его не почтилъ. Отецъ знаменитаго сего человѣка, оконча службу въ гарнизонѣ капитаномъ, жилъ въ помѣстьѣ своемъ, не далеко отъ Смоленска. Князь Григорій Александровичъ родился въ 1736 году (9), въ деревнѣ Чижевѣ, которая досталась по праву наслѣдства отъ сестры его, бывшей за Василіемъ Андреевичемъ Энгельгардтомъ, племяннику его Василію Васильевичу Энгельгардту (10); другая сестра его была за Самойловымъ (11), а третія за Высоцкимъ. До двѣнадцати лѣтъ онъ воспитывался при своихъ родителяхъ. За недостаткомъ учебныхъ заведеній отецъ записалъ его въ Смоленскую семинарію; но замѣтя въ немъ пылкой умъ, отправилъ въ гимназію Московскаго университета. Въ характерѣ Потемкина оказывалось въ то время много странности. «Хочу непремѣнно быть архіереемъ или министромъ», часто твердилъ онъ своимъ товарищамъ. Поэзія, философія, богословіе и языки латинскій и греческій были его любимыми предметами; онъ чрезвычайно любилъ состязаться, и сіе пристрастіе осталось у него навсегда; во время своей силы онъ держалъ у себя ученыхъ раввиновъ, раскольниковъ и всякаго званія ученыхъ людей; любимое его было упражненіе: когда всѣ разъѣзжались, призывать ихъ къ

---

(8) Петръ Ивановичъ Потемкинъ, окольничій; былъ два раза посыланъ за границу: въ 1667 году въ Испанію и Францію для объявленія Андрусовскаго перемирія России и Польши; въ 1680 году во Францію, Испанію и Англію для объявленія о смерти царя Алексѣя Михайловича и постановленія торговаго договора съ Франціей. Онъ умеръ около 1690 года.

(9) Извѣстный знатокъ нашей старины П. Ѳ. Карабановъ, бывшій въ родствѣ съ Потемкинымъ, нашелъ, что время его рожденія не 1736 годъ, какъ обыкновенно полагаютъ, а 1739 годъ. Авторъ предлагаемыхъ Записокъ, говоря ниже о смерти Потемкина въ 1791 году, также говоритъ, что князю былъ тогда 52 годъ; слѣдовательно сходится съ Карабановымъ. Надобно думать, что авторъ былъ введенъ въ заблужденіе, наводя справки по ошибочнымъ указаніямъ. Теперь нельзя сомнѣваться, что Потемкинъ родился въ 1739 году, именно въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

(10) Василій Васильевичъ Энгельгардтъ, любимецъ Потемкина; о немъ часто будетъ говорено въ этихъ Запискахъ, авторъ которыхъ былъ ему дальнимъ родственникомъ. Сестры В. В. Энгельгардта были: графиня Скавронская и Браницкая, княгиня Голицына и г-жа Шепелева.

(11) Отецъ графа Александра Николаевича Самойлова, бывшаго генералъ-прокуроромъ и умершаго въ 1812 году.

себѣ и стравливать ихъ, такъ сказать, а между тѣмъ самъ изощрялъ себя въ познаніяхъ.

Родители его почли, что военная служба будетъ ему выгоднѣе; по ходатайству нѣкоторыхъ господъ, записали его въ конную гвардію унтеръ-офицеромъ и отправили на службу; по дошедшей до него очереди сдѣланъ онъ вахмистромъ. Въ семъ чинѣ былъ онъ, когда въ 1762 году взошла на престолъ Екатерина II. Образъ его жизни доставилъ ему знакомство съ важнѣйшими особами (12), участвовавшими въ сей государственной перемѣнѣ. Во весь день 28 іюня, находился онъ вблизи государыни; былъ въ ея свитѣ, когда она поѣхала въ Петергофъ.

Екатерина II, вступивъ на престолъ, пожаловала Потемкина офицеромъ гвардіи и потомъ камеръ-юнкеромъ; онъ посланъ былъ въ Стокгольмъ курьеромъ, къ находившемуся тамъ россійскому посланнику, графу Остерману (13) съ извѣстіемъ о ея воцареніи.

Возвратившись изъ Швеціи, онъ умѣлъ войдти въ тѣснѣйшую связь съ особами, всегда окружавшими императрицу, и сдѣлался болѣе извѣстнымъ Екатеринѣ, принятъ бывъ въ ея общество, состоявшее изъ небольшаго числа извѣстныхъ людей. Потемкинъ былъ прекрасный мущина; имѣлъ привлекательную наружность, пріятную и острую физіономію, былъ пылокъ и въ обществѣ любезенъ (14).

Потемкинъ встрѣтилъ при дворѣ нѣкоторыя непріятности; въ 1769 г. война съ Турціею подала ему случай удалиться на нѣсколько времени изъ столицы; пожалованный камергеромъ, отправился онъ въ армію волонтеромъ, гдѣ участвовалъ во многихъ военныхъ дѣйствіяхъ, въ продолженіи сей войны. Фельдмаршалъ Румянцовъ о славныхъ побѣдахъ послалъ его съ донесеніемъ къ государынѣ. Государыня пожаловала его генералъ-поручикомъ и генералъ-адъютантомъ (15), и онъ снова

---

(12) Потемкинъ былъ тогда въ близкихъ связяхъ съ Орловыми.

(13) Графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ, въ послѣдствіи канцлеръ, сынъ знаменитаго дипломата и любимца Петра I. Онъ род. 1723 г., умеръ 18 апрѣля 1811.

(14) Потемкинъ окривѣлъ въ 1766 году во время ссоры съ однимъ придворнымъ, который шпагой выкололъ ему глазъ.

(15) Потемкинъ получилъ чинъ генералъ-майора за взятіе 2 іюля 1769 года укрѣпленій подъ Хотиномъ.

принятъ былъ въ число приближенныхъ къ императрицѣ. Черезъ нѣсколько времени сдѣлался пасмурнымъ, задумчивымъ, наконецъ оставилъ совсѣмъ дворъ; переѣхалъ въ монастырь Александра Невскаго, объявилъ, что желаетъ тамъ постричься, отростилъ бороду и носилъ монашеское платье. Великая монархиня, видя въ немъ отмѣнное дарованіе государственнаго человѣка (16), вызвала его изъ сего уединенія, пожаловала генералъ-аншефомъ, подполковникомъ Преображенскаго полка, осыпала всѣми щедротами и почестями, а при заключеніи мира съ Турками почтила графскимъ достоинствомъ, какъ непосредственно способствовавшаго своими совѣтами. Въ 1776 году римскій императоръ Іосифъ II прислалъ ему дипломъ на императорско-княжеское достоинство съ титломъ свѣтлѣйшаго. Имѣлъ всѣ россійскіе ордена, кромѣ Св. Георгія (который получилъ послѣ), ордена всѣхъ европейскихъ державъ, кромѣ Золотаго Руна, Св. Духа и Подвязки. Въ послѣдствіи и въ свое время сказана будетъ окончательная его исторія.

Принцъ де-Линь (17) такъ его портретъ изобразилъ: «Показывая видъ лѣнивца, трудится безпрестанно; не имѣетъ стола, кромѣ своихъ колѣней; другаго гребня, кромѣ своихъ ногтей; всегда лежитъ, но не предается сну ни днемъ, ни ночью; безпокоится прежде наступленія опасности и веселится, когда она настала, унываетъ въ удовольствіяхъ; несчастенъ отъ того, что счастливъ; нетерпѣливо желаетъ и скоро всѣмъ наскучиваетъ; философъ глубокомысленный, искусный министръ, тонкій политикъ и вмѣстѣ избалованный девятилѣтній ребенокъ; любитъ Бога, боится сатаны, котораго почитаетъ гораздо болѣе и сильнѣе нежели самого себя; одною рукою крестится, а другою привѣтствуетъ женщинъ; принимаетъ безчисленныя награжденія и тотчасъ ихъ раздаетъ; лучше любитъ давать, чѣмъ платить долги;

---

(16) Потемкину особенно покровительствовала, при началѣ его придворнаго поприща, графиня Прасковья Александровна Брюсъ, сестра фельдмаршала Румянцова, пользовавшаяся неограниченнымъ довѣріемъ императрицы. Честолюбіе Потемкина вскорѣ получило почти полное удовлетвореніе, но онъ непремѣнно хотѣлъ имѣть Георгіевскую ленту, которую получилъ только за штурмъ Очакова, 6 декабря 1788 года.

(17) Принцъ де-Линь, фельдмаршалъ, род. 18 (29) мая 1735 года, ум. 1 декабря 1814 года. Онъ долгое время былъ австрійскимъ посломъ въ Петербургѣ и участвовалъ въ войнѣ съ Турками. Умъ его прославился повсюду, а императрица оказывала ему постоянно знаки уваженія и дружбы. Записки его получили давно общую извѣстность.

чрезвычайно богатъ, но никогда не имѣетъ денегъ; говоритъ о богословіи съ генералами, а о военныхъ дѣлахъ съ архіереями; по очереди имѣетъ видъ восточнаго сатрапа или любезнаго придворнаго вѣка Лудовика XIV и вмѣстѣ показываетъ изнѣженнаго сибарита. Какая же его магія? Геній, потомъ геній—и еще геній; природный умъ, превосходная память, возвышенность души, коварство безъ злобы, хитрость безъ лукавства, счастливая смѣсь причудъ, великая щедрость въ раздаяніи наградъ, чрезвычайная тонкость, даръ угадывать то, чего онъ самъ не знаетъ, и величайшее познаніе людей; это настоящій портретъ Алкивіада.»

По моей молодости и неопытности почти вовсе не доходило до моего свѣдѣнія ничего, касательно дворскихъ интригъ, но скажу: какимъ образомъ дворъ по наружности всѣмъ былъ извѣстенъ. Въ каждое воскресеніе и большой праздникъ былъ выходъ ея величества въ придворную церковь; всѣ, какъ должностные, такъ и праздные, собирались въ тѣ дни во дворецъ; тѣ, которые имѣли входъ въ тронную залу, ожидали ея величества тамъ; имѣющіе входъ въ кавалергардскую залу, въ сей залѣ—и тутъ болѣе всѣхъ толпились; а прочіе собирались въ залѣ, гдѣ стояли на часахъ уборные гвардіи сержанты. Военные должны были быть въ мундирахъ и шарфахъ, статскіе во французскихъ кафтанахъ или губернскихъ мундирахъ и башмакахъ; всѣ должны были быть причесаны съ буклями и съ пудрою; оберъ-гофмаршалъ и гофмаршалы, заранѣе до выхода императрицы, ходили по кавалергардской залѣ и, ежели усматривали кого неприлично одѣтымъ, то просили таковаго вѣжливо выйдти. За нѣсколько времени наслѣдникъ, великій князь, съ великою княгинею изъ своей половины проходили во внутреннія комнаты государыни, которая въ половинѣ одиннадцатаго часа выходила въ тронную, гдѣ чужестранные министры, знатные чиновники и придворные ея ожидали. Тамъ представлялись пріѣзжіе, или по инымъ какимъ причинамъ имѣющіе входъ за кавалергардовъ; тамъ она удостоивала со многими разговарить. Въ одиннадцать часовъ отворялись двери; первый выходилъ оберъ-гофмаршалъ съ жезломъ, за нимъ пажи, камеръ-пажи, камеръ-юнкеры, камергеры и кавалеры, по два въ рядъ; предъ самою императрицею свѣтлѣйшій князь. Государыня всегда имѣла милый, привлекательный и веселый, небесный взглядъ. Ежели были пріѣзжіе или отъѣзжающіе, или благодарить за какую милость, но не имѣющіе входа въ тронную, то представляемы были тутъ

оберъ-камергеромъ, и государыня жаловала цѣловать имъ ручку; за императрицею шелъ великій князь, рядомъ съ великою княгинею; за ними статсъ-дамы, камеръ-фрейлины и фрейлины, по двѣ въ рядъ. Тѣмъ же порядкомъ государыня возвращалась во внутреннія комнаты. Императрица кушала въ часъ. Ежели кто хотѣлъ быть представленъ великому князю и великой княгинѣ, то представлялся на ихъ половинѣ въ день, когда ихъ высочества сами назначатъ.

Каждое воскресенье былъ при дворѣ балъ или куртагъ. На балъ императрица выходила въ такомъ же порядкѣ, какъ и въ церковь; передъ залою представлялись дамы и цѣловали ея ручку. Балъ всегда открывалъ великій князь съ великою княгинею минуэтомъ; послѣ ихъ танцовали придворные и гвардіи офицеры; изъ армейскихъ ниже полковниковъ не имѣли позволенія; танцы продолжались: минуэты, польскіе и контрдансы. Дамы должны были быть въ русскихъ платьяхъ, то-есть особливаго покроя парадныхъ платьяхъ, а для уменьшенія роскоши былъ родъ женскихъ мундировъ по цвѣтамъ, назначеннымъ для губерній. Кавалеры всѣ должны быть въ башмакахъ; все дворянство имѣло право быть на оныхъ балахъ, не исключая унтеръ-офицеровъ гвардіи,—только въ дворянскихъ мундирахъ.

Императрица игрывала въ карты съ чужестранными министрами или кому прикажетъ; для чего карты подавали тѣмъ по назначенію камеръ-пажи; великій князь тоже игралъ за особливымъ столикомъ. Часа черезъ два музыка переставала играть; государыня откланивалась и тѣмъ же порядкомъ отходила во внутреннія комнаты. Послѣ нея спѣшили всѣ разъѣзжаться.

Въ новый годъ и еще до великаго поста бывало нѣсколько придворныхъ маскарадовъ. Всякій имѣлъ право получить билетъ для входа, въ придворной конторѣ. Купечество имѣло свою залу, но обѣ залы имѣли между собою сообщеніе, и не запрещалось переходить изъ одной въ другую. По желанію могли быть въ маскахъ, но всѣ должны были быть въ маскарадныхъ платьяхъ: доминахъ, венеціянахъ, капуцинахъ и проч. Императрица сама выходила маскированная одна безъ свиты. Въ буфетахъ было всякаго рода прохладительное питье и чай; ужинъ былъ только по приглашенію оберъ-гофмаршала, человѣкъ на сорокъ въ кавалерской залѣ. Гвардіи офицеръ наряжался для принятія билетовъ; ежели кто пріѣзжалъ въ маскѣ, долженъ былъ предъ офицеромъ маску снимать. Кто первый пріѣзжалъ и кто послѣдній уѣзжалъ, подавали государынѣ записку: она была любопытна знать весельча-

ковъ. Какъ балы, такъ и маскарады начинались въ шесть часовъ, а маскарадъ оканчивался за полночь.[1]

Одинъ разъ въ недѣлю было собраніе въ эрмитажѣ, гдѣ иногда бывалъ и спектакль; туда приглашаемы были люди только извѣстные; всякая церемонія была изгнана; императрица, забывъ, такъ сказать, свое величество, обходилась со всѣми просто; были сдѣланы правила противъ этикета; кто забывалъ ихъ, то долженъ былъ въ наказаніе прочесть нѣсколько стиховъ изъ *Телемахиды*, поэмы стариннаго сочиненія Тредьяковскаго.

У великаго князя по понедѣльникамъ были балы, а по субботамъ на Каменномъ островѣ, по особому его приглашенію лично каждаго чрезъ придворнаго его половины лакея; а сверхъ того наряжались по два гвардіи офицера отъ каждаго полка.

Въ Европѣ славилась тогда пѣвица г-жа Тоди (18) и пѣвецъ Маркези (19); никогда они вмѣстѣ не съѣзжались, но императрица убѣдила ихъ обоихъ прибыть въ Петербургъ. Г. Сарти (20), извѣстный сочинитель музыки, сочинилъ оперу: *Армида* и *Рено;* всѣ аріи согласовались съ желаніемъ сихъ двухъ именитыхъ артистовъ. Во время представленія, одинъ надъ другимъ стараясь одержать поверхность, пѣніемъ своимъ они удивляли и восхищали знатоковъ и любителей музыки.

Образъ жизни вельможъ былъ гостепріимный, по мѣрѣ богатства и званія занимаемаго; почти у всѣхъ были обѣденные столы для ихъ знакомыхъ и подчиненныхъ; люди праздные, ведущіе холостую жизнь, затруднялись только избраніемъ, у кого обѣдать или проводить съ пріятностію вечеръ. Въ семъ случаѣ фельдмаршалъ, графъ Кирилла Григорьевичъ Разумовскій (а), отличался отъ прочихъ. У него ежедневно былъ открытый столъ для пятидесяти человѣкъ; много бывало у него за столомъ такихъ гостей, которыхъ онъ никогда не знавалъ. Разказывали, что графъ любилъ играть послѣ обѣда въ шашки, безъ денегъ,

---

(18) Пѣвица Тоди ненавидѣла знаменитаго Сарти (см. примѣч. 20) и успѣла повредить ему на нѣкоторое время при дворѣ.

(19) Луиджи Маркези, одинъ изъ славнѣйшихъ пѣвцовъ-кастратовъ, родомъ Миланецъ, род. 1755 г., ум. 3 (15) декабря 1829 г.

(20) Іосифъ Сарти род. 1730, ум. 1802. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1785 г. Лучшею его оперой считается *Армида*.

(а) Который никогда и ротой не командовалъ.

а какъ оная игра мало приносила удовольствія, то мало было и охотниковъ. Случилось, что какой-то штабъ-офицеръ въ одинъ день у него обѣдалъ; по предложенію, кому угодно играть въ шашки съ его сіятельствомъ, сей штабъ-офицеръ радъ былъ таковой чести, и уже всякій день, недѣль съ шесть, продолжалъ сію игру. Вдругъ сего майора не стало; по привычкѣ графъ его спрашивалъ, но никто въ домѣ не зналъ, кто этотъ былъ господинъ майоръ, откуда онъ пріѣхалъ и куда дѣвался.

По воскресеніямъ у вице-канцлера графа Остермана (21) бывали балы; вообще много было открытыхъ домовъ, гдѣ весело провожали время, а особливо у оберъ-гофъ-штальмейстера Льва Александровича Нарышкина (22).

Публичныя увеселенія были: два театра, на которыхъ играли русскіе актеры трагедіи, комедіи и оперы; въ трагедіи отличался своимъ неподражаемымъ талантомъ г. Дмитревскій (23). Французская была прекрасная труппа для трагедіи и комедіи, италіянская опера буфэ, которую императрица (а) изъ всѣхъ театральныхъ позорищъ болѣе всего жаловала. Въ балетѣ тогда отличался Розетти, какъ прыгунъ, а Пикъ для характеристическихъ танцевъ. Въ Большомъ каменномъ театрѣ каждый четвергъ г. Морсаньи давалъ маскарады: платили за входъ по одному рублю и посѣщали оные какъ всѣ знатные обоего пола, такъ и вся публика, маскированные и безъ масокъ. Императрица не однократно инкогнито бывала замаскировавшись, въ сопровожденіи А. Д. Ланскаго, статсъ-дамы графини Браницкой (24) и камеръ-фрейлины Протасовой (25).

---

(21) Объ Остерманѣ см. примѣч. 57.

(22) Левъ Александровичъ Нарышкинъ оберъ-штальмейстеръ, род. 23 февраля 1733 г., ум. 9 ноября 1799 г. Онъ былъ извѣстенъ роскошною жизнію, остротой ума и неистощимою веселостію.

(23) Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій (Нарыковъ), род. 23 февраля 1736, ум. 27 октября 1821 г.

(а) Увѣдомилась она, что графъ Безбородко далъ 40.000 актрисѣ Давіи, и какъ сіе знала вся публика, что государственный тотъ человѣкъ употребилъ таковую знатную сумму, повелѣла актрису Давію выслать въ 24 часа за границу, а потомъ и всю оную труппу выслать.

(24) Графиня Александра Васильевна Браницкая, урожденная Энгельгардтъ, род. 1754, ум. 15 августа 1838 г. Она была замужемъ за короннымъ великимъ гетманомъ польскимъ, графомъ Ксаверіемъ Петровичемъ, бывшимъ потомъ русскимъ генераломъ. Князь Потемкинъ любилъ ее, болѣе всѣхъ своихъ племянницъ (см. примѣч. 54).

(25) Анна Степановна Протасова, камеръ-фрейлина, получила графское

Былъ музыкальный клубъ, гдѣ каждую недѣлю по понедѣльникамъ были концерты и многія другія вольныя для увеселенія заведенія. Игры азартныя, хотя закономъ были запрещены, но правительство на то смотрѣло сквозь пальцы. Словомъ, всѣ, жившіе въ Петербургѣ, жили вольно и пріятно безъ всякаго принужденія, однакожь благопристойность строго соблюдалась, ибо старались быть принятыми въ хорошемъ обществѣ, а для того надобно было имѣть репутацію безъ малѣйшаго пятна и тонъ хорошаго воспитанія.

Образъ жизни моего генерала былъ единообразенъ; всякое утро домъ его наполнялся вельможами, особливо военными, но его рѣдкіе кто видали. Онъ всегда былъ въ своей спальнѣ и въ шлафоркѣ; кромѣ самознатныхъ людей и короткихъ его знакомыхъ, никто не входилъ туда безъ доклада. Въ часъ онъ обѣдалъ; его собственный столъ былъ на осьмнадцать приборовъ, да для штата его, въ другой залѣ, на двадцать четыре прибора; какъ столъ, такъ и все прочее было на счетъ двора, равно и услуга. Любилъ играть въ коммерческія игры, а иногда и въ банкъ. Любилъ лакомиться самыми грубыми вещами, для чего старались ему доставлять по его вкусу, не только изъ Петербурга, какъ-то: хорошіе соленые огурцы, капусту и тому подобное, но изъ губерній; съ нарочными курьерами доставляли изъ Урала икру, изъ Астрахани рыбу, изъ Нижняго Новгорода подновскіе огурцы, изъ Калуги—калужское тѣсто. Иногда князь выѣзжалъ на вечера и балы, а особливо ко Льву Александровичу Нарышкину; обѣдать иногда ѣзжалъ къ Матвею Ѳедоровичу Кашталинскому (26), у котораго почитался самый лакомый столъ, и собирались знатнѣйшіе карточные игроки. На балы великаго князя и на Каменный Островъ ни одного раза не миновалъ. Любилъ смотрѣть на искусныхъ игроковъ въ билліардъ, почему всѣхъ лучшихъ искусниковъ отыскивали и къ нему привозили; тоже любилъ смотрѣть игру шахматъ, для чего изъ Тулы выписали одного купца—и онъ возилъ его съ собою даже и въ армію. Многіе, чтобы быть извѣстными его свѣтлости, старались имѣть къ нему входъ и его забавлять.

1784. Въ началѣ 1784 года свѣтлѣйшій князь преобразилъ

достоинство въ 1801 году, сентября 17, ум. 12 апрѣля 1826. Она пользовалась особеннымъ благоволеніемъ Екатерины II.

(26) Матвѣй Ѳедоровичъ Кашталинскій былъ долгое время оберъ-церемонимейстеромъ при Екатеринѣ II.

армію въ новую одежду. Передъ симъ гренадеры имѣли старинныя гренадерскія шапки; мушкатеры, кавалерія и артиллерія носили шляпы; вся армія причесана была съ буклями, длинными косами и пудрою, что особливо было тягостно для нижнихъ чиновъ; зимою одѣты были въ длинные мундиры, а лѣтомъ въ красные камзолы съ рукавами. По введенной же свѣтлѣйшимъ княземъ реформѣ у всей арміи волосы были обстрижены въ кружокъ, какъ можно ниже; вмѣсто шляпъ и гренадерскихъ шапокъ, даны легкія каски съ плюмажемъ изъ шерсти; у гренадеровъ и кирасиръ плюмажи бѣлые, спереди латунь съ вензеловымъ именемъ императрицы; у прочихъ войскъ плюмажи желтые съ простою полосою латуни. Вмѣсто долгополыхъ мундировъ сдѣланы были куртки; вмѣсто короткихъ штановъ, чикчиры сверхъ сапогъ, внизу обшитые черною кожею и застегивавшіеся шестью мѣдными пуговицами; на лѣто всѣ нижніе чины имѣли кители изъ фламскаго полотна съ широкими шароварами. Слободскіе гусарскіе полки уничтожены, а вмѣсто оныхъ сформировано десять легко-конныхъ полковъ, по шести эскадроновъ каждый. Гвардія сохранила прежніе свои мундиры и прическу. Генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры остались также въ прежнемъ видѣ. Когда его свѣтлость представилъ на утвержденіе императрицѣ докладъ, то надписалъ: «Солдатскій нарядъ долженъ быть таковъ: что всталъ, то готовъ».

Въ исходѣ зимы, князь отправился въ свои губерніи, какъ для осмотра оныхъ, такъ и для того, чтобъ увидѣть преобразованіе арміи въ новой одеждѣ; еще болѣе ему нужно было быть тамъ, чтобы выманить хана Шагинъ-Гирея (27) изъ горъ, гдѣ онъ съ приверженными себѣ крымскими Татарами укрывался увидя, что былъ обманутъ обѣщаніями, данными ему за добровольное его подчиненіе россійской державѣ, не исполненными въ послѣдствіи. Безъ того спокойствіе въ Крыму было непрочно. Но князь не хотѣлъ прибѣгнуть къ силѣ. Внезапная смерть А. Д. Ланскаго, коего государыня жаловала болѣе прочихъ, заставила его безъ медленія отправиться въ Петербургъ. Начальство надъ войсками поручилъ онъ генералъ,

(27) Шагинъ-Гирей, ханъ крымскій, былъ покорнымъ орудіемъ русской политики въ Крыму, гдѣ Россія поддерживала его права съ 1775 года, когда правившій тамъ братъ его Сагибъ-Гирей, покровительствуемый Турціей, былъ вынужденъ бѣжать изъ Крыма въ Константинополь, и сильная партія избрала въ ханы Девлетъ-Гирея.

поручику Игельстрому (28); равно поручилъ ему и уговорить хана, а потомъ отправить его въ Воронежъ. Игельстромъ, въ отсутствіе князя, приступилъ къ исполненію сего такимъ образомъ:

До его командованія войска очень дурно обходились съ Крымцами, и несмотря на ихъ жалобы, никогда не давали имъ должнаго удовлетворенія; тожь неоднократно и просьбы хана въ заступленіи обидъ и притѣсненій его бывшихъ подданныхъ, оставались безъ вниманія. Игельстромъ сталъ строго наказывать по просьбамъ Татаръ, праваго и неправаго; сталъ имъ всячески поблажать. Ханъ вошелъ съ нимъ въ переписку, благодаря, что онъ его бывшихъ подданныхъ покровительствуетъ и защищаетъ отъ страшныхъ угнетеній. Наконецъ они сдѣлались по письмамъ друзьями, и ханъ такъ расположенъ былъ къ нему, что просилъ его къ себѣ пріѣхать въ горы. Черезъ нѣсколько времени Игельстромъ получилъ курьера съ малозначащими бумагами; онъ сдѣлался задумчивъ, пасмуренъ; запершись въ своемъ кабинетѣ, что-то писалъ; изъ сего заключили, что вѣрно получилъ онъ какую-либо непріятность, и не приказано ли уже ему сдать войска старшему по себѣ, а самому отъѣхать для командованія въ другомъ мѣстѣ? Какъ онъ былъ ненавидимъ, то вскорѣ молва эта разнеслась и дошла до хана.

Ханъ какъ скоро то услышалъ, то съ большимъ соболѣзнованіемъ спрашивалъ его письмомъ: справедлива ли эта молва? Игельстромъ отвѣчалъ, что ему велѣно ѣхать командовать кавказскимъ корпусомъ, и онъ болѣе всего сожалѣетъ, что отъѣзжаетъ, съ нимъ не видавшись. Ханъ пишетъ, что онъ въ отчаяніи, видя Крымцевъ своихъ, лишенныхъ таковаго покровителя, и предлагаетъ ему, что объѣздъ на Кавказъ очень далекъ, а ежели онъ поѣдетъ чрезъ его станъ, въ горахъ находящійся, то ему несравненно будетъ ближе и покойнѣе; что это есть средство лично запечатлѣть его съ нимъ дружбу. То было только и нужно Игельстрому. Онъ отвѣчалъ хану, что очень благодаренъ за таковое его приглашеніе, и что какъ скоро онъ сдастъ команду, то, извѣстя его заранѣе, воспользуется симъ случаемъ имѣть давно-желанное съ нимъ свиданіе.

Игельстромъ нарядилъ одинъ батальонъ съ четырьмя пушками, выбралъ къ тому способнаго штабъ-офицера, далъ ему мар-

---

(28) Графъ Осипъ Андреевичъ Игельстромъ, генералъ отъ инфантеріи, умеръ въ 1817 году.

шрутъ какъ бы для безопаснаго его проѣзда и, особливое наставленіе, чтобъ онъ, показывая, будто сбился съ дороги, въ назначенное до пріѣзда Игельстрома число, очутился близь ханскаго стана и бросился бы къ хану просить его защиты въ ошибкѣ, имъ сдѣланной; ибо-де Игельстромъ безъ того сдѣлаетъ его несчастнымъ, а потомъ выпросилъ бы позволеніе для чести поставить въ караулъ роту близь ханской ставки; инако-де Игельстромъ его не проститъ.

Игельстромъ, учредивъ сіе, съ большимъ конвоемъ кавалеріи, подъ видомъ провода, съ нѣкоторыми генералами и множествомъ штабъ и оберъ-офицеровъ, отправился въ станъ хана. По прибытіи же туда, какъ скоро увидѣлъ того штабъ-офицера, то и напустился на него, хотѣлъ разжаловать его въ солдаты; ханъ насилу могъ испросить ему прощеніе. Послѣ сей комедіи вошли они къ хану въ палатку; тутъ Игельстромъ сбросилъ съ себя личину, сталъ уговаривать хана отдаться и предать себя справедливой монаршей милости. Хотя тогда ханъ и увидѣлъ себя обманутымъ, но уже нечего было дѣлать; окруженъ будучи батальйономъ съ пушками и болѣе нежели тысячью человѣкъ россійской конницы, онъ долженъ былъ согласиться. Въ тотъ же день хана вывезли, и вскорѣ былъ онъ отправленъ на житье въ Воронежъ.

1785. Императрица очень обрадована была пріѣздомъ князя; она была въ то время очень огорчена; на нѣкоторое время при дворѣ остановлены были всѣ увеселенія.

. . . .

Вскорѣ въ штатѣ свѣтлѣйшаго князя появился гвардіи офицеръ Александръ Петровичъ Ермоловъ (29); касательно его наружности, онъ не былъ отлично хорошъ, былъ женоподобенъ, умомъ же не слишкомъ дальновиденъ.

. . . .

Я недѣли двѣ былъ нездоровъ и не выѣзжалъ изъ дому; получивши облегченіе, пріѣхалъ къ князю и увѣдомился, что Мамоновъ пожалованъ былъ капитанъ-поручикомъ гвардіи, а на мѣсто его взятъ въ адъютанты Ермоловъ и живетъ во дворцѣ, въ отдѣленіи его свѣтлости. Я тотчасъ пошелъ къ нему зна-

(29) Александръ Петровичъ Ермоловъ, генералъ-поручикъ род. 1754, ум. 1836 г. Вліяніе его при дворѣ начинаетъ быть замѣтно съ начала 1785 года. Въ іюнѣ 1786 года онъ удалился отъ двора и долго путешествовалъ по Европѣ.

комиться. У комнаты его стоялъ придворный камеръ-лакей; я хотѣлъ войдти прямо къ Ермолову, но камеръ-лакей остановилъ меня и спросилъ: «какъ прикажете о себѣ доложить?» Я спросилъ: «что это за странность, что безъ доклада войдти не можно?» Однакожь далъ время о себѣ доложить. Ермоловъ принялъ меня очень вѣжливо, но свысока; я простодушно рекомендовалъ себя въ его знакомство; онъ былъ знакомъ съ моею матерью въ Москвѣ и считалъ за милость, что она его хорошо принимала, почему обошелся со мною ласково и обѣщалъ при случаѣ оказывать мнѣ свои услуги.

Свѣтлѣйшій князь приготовилъ большой праздникъ въ Аничковскомъ своемъ домѣ, или, лучше сказать, павильйонѣ. Въ день сего великолѣпнаго маскарада, приказано было всему его свѣтлости штату быть въ мундирахъ легкой конницы и въ шарфахъ. Собравшись еще до пріѣзда князя, увидѣлъ я Ермолова въ драгунскомъ мундирѣ и въ башмакахъ; по добродушію своему, подошедъ къ нему, сказалъ: «Александръ Петровичъ, развѣ вы не знаете, что велѣно всѣмъ намъ быть въ мундирахъ легкой конницы, въ сапогахъ и въ шарфахъ?—Я знаю, отвѣчалъ онъ мнѣ, но думаю, что̀ его свѣтлость на мнѣ не взыщетъ.—Остерегитесь, лучше поѣзжайте домой и переодѣньтесь.—Не безпокойтесь, сказалъ онъ, однакожь не менѣе я вамъ благодаренъ за ваше ко мнѣ доброе расположеніе.» Вскорѣ его свѣтлость пріѣхалъ, взялъ Ермолова подъ руку и сталъ ходить съ нимъ по залѣ, чего онъ и самыхъ знатныхъ бояръ не удостоивалъ.

Когда всѣ съѣхались, прибыла императрица съ великими князьями, и сѣла играть въ карты. Ермоловъ стоялъ отъ нея шагахъ въ четырехъ, впереди всѣхъ вельможъ, стоявшихъ вокругъ государыни.

Маскарадъ былъ чрезвычайно великолѣпенъ; болѣе двухъ тысячъ человѣкъ было въ богатыхъ костюма́хъ и доминахъ. Большая длинная овальная галлерея къ одной сторонѣ огорожена была занавѣсомъ, а въ другомъ концѣ сдѣланъ былъ оркестръ пирамидою, убранный съ великимъ вкусомъ; болѣе было ста музыкантовъ съ инструментальною, духовою, роговою и вокальною музыкою, управляемою майоромъ Росетти, всегда находившимся при князѣ; на самомъ верху пирамиды былъ поставленъ въ богатой одеждѣ литаврщикъ Арапъ. Вся галлерея освѣщена была висящими гирляндами вдоль и поперекъ, на которыхъ поставлены были свѣчи.

Двѣ пары танцовали кадриль: князь Дашковъ (30) съ княжною Барятинскою, въ первый разъ показавшеюся въ публикѣ и удивившею всѣхъ своею красотою, а особливо ловкостью и гибкостью своего стана (которая послѣ была замужемъ за княземъ В. В. Долгоруковымъ) (31). Она одѣта была просто въ бѣломъ платьѣ, а кавалеръ ея сверхъ мундира въ бѣломъ домино. Вторая пара была графиня Матюшкина (которая послѣ была замужемъ за графомъ Віельгорскимъ) (32), кавалеръ ея былъ графъ Г. И. Чернышевъ (33), обѣ пары танцовали такъ, что я въ жизни моей лучшихъ танцовщиковъ не видалъ.

Когда настало время ужина, хозяинъ доложилъ о томъ императрицѣ; лишь только она подошла къ занавѣсѣ, какъ она была поднята, и явился столъ, богато-убранный, какъ бы нѣкоторымъ волшебствомъ. Императрица кушала за особымъ круглымъ столомъ съ великими князьями, статсъ-дамами, камеръ-фрейлинами, чужестранными министрами и нѣкоторыми самыхъ первыхъ степеней кавалерами; вокругъ сего былъ поставленъ въ полциркуля другой большой столъ, такъ что сидящіе за онымъ обращены были къ ней лицомъ; въ то же время, въ одно мгновеніе, внесено было до сорока малыхъ столовъ, каждый о двѣнадцати кувертахъ, убранныхъ и освѣщенныхъ. Передъ тѣмъ, какъ императрицѣ встать изъ-за стола, всѣ они были вынесены и въ одинъ мигъ исчезли, равно и завѣса опустилась. По нѣкоторомъ времени, императрица съ великими князьями изволила отбыть. Маскарадъ продолжался до трехъ часовъ.

---

(30) Князь Михаилъ Михайловичъ Дашковъ сынъ знаменитой Екатерины Романовны Дашковой, рожденной Воронцовой. Онъ род. 1761 года, умеръ 1807 г.

(31) Княгиня Екатерина Ѳедоровна Долгорукова, статсъ-дама, супруга князя Василія Васильевича (сына Долгорукова Крымскаго) и мать нынѣшняго оберъ-шенка. Она родилась 29 октября 1769 года, умерла 30 октября 1849 года.

(32) Графиня Софья Дмитріевна Віельгорская ум. 1796. Она была мать извѣстнаго композитора графа Михаила Юрьевича, недавно умершаго оберъ-шенкомъ высочайшаго двора.

(33) Изъ всѣхъ четырехъ графовъ Чернышевыхъ, Петра, Григорія, Захара и Ивана Григорьевичей, только у послѣдняго былъ одинъ сынъ графъ Григорій Ивановичъ, о которомъ здѣсь говорится. Онъ умеръ въ 1830 году въ званіи оберъ-шенка; фамилія и титулъ его были переданы мужу его дочери, Ивану Гавриловичу Кругликову, вмѣстѣ съ извѣстнымъ чернышевскимъ майоратомъ, учрежденнымъ въ 1774 году графомъ Захаромъ Григорьевичемъ Чернышевымъ.

На другой день А. П. Ермоловъ пожалованъ былъ флигель-адъютантомъ ея величества (а) и станиславскимъ кавалеромъ; чрезъ нѣсколько дней генералъ-майоромъ и кавалеромъ Бѣлаго Орла.

Въ исходѣ сего года мать моя скончалась, а сестра моя Александра Николаевна выпущена была изъ Смольнаго Монастыря; мнѣ поручено было ее принять и привезть къ отцу моему въ Могилевъ, для чего князь отпустилъ меня безсрочно въ отпускъ. Послѣ уже я по должности въ Петербургѣ не бывалъ; ибо въ 1785 году пожалованъ я былъ секундъ-майоромъ къ иррегулярнымъ войскамъ (б).

(а) Флигель-адъютанты ея величества были полковники, но они сохраняли свое званіе, даже бывъ въ генералъ-майорскомъ чинѣ. У нихъ былъ особливый мундиръ съ шитьемъ и аксельбантомъ, съ вензеловымъ именемъ императрицы: впрочемъ они могли носить мундиры всей арміи. Чтобы быть флигель-адъютантомъ надобно было имѣть великій фаверъ; право ихъ было по желанію оставлять свои полки или бригады, во всякое время, даже и въ военное, объявя только начальнику, командующему тою частію войскъ, въ которой состоятъ подъ командою, что ѣдутъ къ своей должности ко двору. По службѣ это было большое злоупотребленіе: при малѣйшемъ неудовольствіи всегда сіи флигель-адъютанты пользовались сею несправедливою привилегіею.

(b) Въ теченіи сего времени случилось слѣдующее происшествіе: Фрейлина Э....., г-жа Дивова, братъ ея, флигель-адъютантъ князя Потемкина, графъ Бутурлинъ и нѣкоторые другіе, сдѣлали на многихъ знатныхъ людей сатиру въ рисункахъ, съ острыми язвительными и оскорбительными надписями для многихъ лицъ, въ которой не пощажена и сама императрица. Долго не находили сочинителей сего пасквиля, а въ удовлетвореніе болѣе потерпѣвшихъ безславія оный сожженъ былъ на эшафотѣ палачомъ. Но по нѣкоторомъ времени парикмахеръ, убирая фрейлину Э..... и имѣя надобность въ бумагахъ на папильйоты, взглянулъ въ уголъ и видя разорванные лоскутки бумаги, хотѣлъ оные употребить, но взявши ихъ увидѣлъ рисунки лицъ, подобралъ всѣ и представилъ оберъ-гофмаршалу, который узналъ ту сатиру, надписанную рукою фрейлины Э....., донесъ императрицѣ, почему и открылись всѣ авторы. Фрейлину Э....., какъ говорили, оберъ-гофъ-мейстерина высѣкла розгами, и отправлена она была къ ея отцу въ Лифляндію. Дивова съ мужемъ удалены изъ столицы; графъ Бутурлинъ отставленъ съ запрещеніемъ въѣзжать въ мѣстопребываніе государыни. Всѣхъ острѣе изображенъ былъ Безбородко недавно пожалованный графомъ: онъ держалъ книгу съ надписью: Le comte nouveau relié en veau. Еслибы подобныя сему были всѣ насмѣшки и не касались обруганныхъ въ нравственности лицъ, то конечно поступлено бы было болѣе нежели снисходительно. *Авт.*

(Фрейлина Э..... — дочь графа Ивана Карловича Э....., умершаго

1786. Въ іюнѣ 1786 года Ермоловъ удалился отъ двора; дано ему было въ Могилевской губерніи шесть тысячъ душъ. Особеннымъ значеніемъ послѣ того сталъ при дворѣ пользоваться Александръ Матвѣевичъ Мамоновъ, бывшій мой товарищъ.

Въ 1786 году С. К. Вязмитиновъ (34), бывшій тогда бригадиромъ въ Вологодскомъ пѣхотномъ полку и квартировавшій въ Могилевѣ, женился на моей сестрѣ Александрѣ Николаевнѣ; зять мой представилъ мнѣ, какое несчастіе быть майоромъ и не знать службы, что, когда я буду опредѣленъ въ полкъ, то начальниками не буду уваженъ, а еще того хуже, подчиненными презираемъ, почему предложилъ мнѣ учиться у него въ полку службѣ; на что̀ я съ большимъ удовольствіемъ согласился. Въ мирное время полки входили въ лагерь 15 мая, а въ квартиры выходили 15 августа. Я перешелъ жить въ лагерь и въ первой ротѣ считался за прапорщика сверхъ комплекта; несъ всю службу простаго офицера, ходилъ въ караулы; дежурилъ, и капитанъ Дрейеръ, командовавшій первою ротою въ угодность зятя моего, поступалъ со мною такъ строго въ ученіи, что я вскорѣ узналъ фронтовую службу; подъ исходъ лагеря, я при полку исправлялъ майорскую должность и могъ уже безъ стыда быть опредѣленъ въ полкъ и съ честію удержать свое званіе.

Въ 1786 году отобраны были отъ малороссійскихъ монастырей деревни; изъ оныхъ набраны были рекруты и сформированы десять гренадерскихъ полковъ четырехъ-батальйонныхъ. Сибирскій гренадерскій порученъ былъ зятю моему, и я въ оный былъ опредѣленъ. Въ Бѣлоруссіи полки были подъ

въ 1802 году. Она оставила послѣ себя записки — Елисавета Петровна Дивова жена тайнаго совѣтника Андріяна Ивановича. — Графъ Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ, сенаторъ, род. 1763, ум. 19 ноября 1829 года. Онъ собралъ знаменитую библіотеку, сгорѣвшую въ московскомъ пожарѣ 1812 года. — Свѣтлѣйшій князь Александръ Андреевичъ Безбородко, государственный канцлеръ, род. 8 марта 1747 года, умеръ 6 апрѣля 1796. Онъ былъ пожалованъ графомъ Римской Имперіи въ 1784 году. *М. Л.*)

(34) Сергѣй Козмичъ Вязмитиновъ былъ при Александрѣ I с.-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ и въ 1818 году получилъ графское достоинство. Умеръ 15 октября 1819 года. Девизъ его герба былъ: *путемъ правды и усердія.*

начальствомъ князя В. В. Долгорукаго (35), котораго команда была очень для молодыхъ людей пріятна, ибо вмѣсто строгихъ смотровъ, онъ желалъ только въ лагерѣ праздниковъ, забавляя тѣмъ свою жену, на которой тогда только-что женился. Всегда заранѣе извѣщалъ, когда который полкъ будетъ смотрѣть, и для того полковники приготовляли праздники, иллюминаціи и фейерверки, одинъ другаго хотѣли перещеголять. Но болѣе всѣхъ въ томъ успѣлъ Кинбурнскаго драгунскаго полка полковникъ Юшковъ: онъ построилъ галлерею, въ которой было около четырехъ тысячъ восковыхъ шкаликовъ. Каковъ же полкъ былъ въ ученіи, умолчу; ибо, употребя лагерное время на устроеніе такой галлереи, мало оставалось на ученіе.

1787. Въ 1787 году императрица предприняла путешествіе въ новобріобрѣтенныя свои области, въ которыхъ начальствовалъ князь Г. А. Потемкинъ. Государыня отправилась изъ Петербурга въ 1 день января. Свиту ея величества составляли: часть ея двора, ея канцелярія, дипломатическій корпусъ и много ученыхъ по разнымъ частямъ; ѣхали съ нею въ каретѣ: камеръ-фрейлина Протасова, Мамоновъ, австрійскій посланникъ графъ Кобенцель (36), Л. А. Нарышкинъ, оберъ-камергеръ Шуваловъ (37); въ послѣдующей за нею каретѣ были: англійскій министръ Фицъ-Гербертъ, французскій графъ Сегюръ (38), генералъ-адъютантъ графъ Ангальтъ (39) и графъ Н. Г. Чернышевъ. Потомъ чрезъ день мѣнялись въ карету императрицы: Фицъ-Гербертъ и графъ Сегюръ съ Нарышкинымъ и Шуваловымъ.

Путешествіе ея было чрезъ губерніи Новгородскую, Смоленскую, Могилевскую, Черниговскую до Кіева. Генералъ-гу-

---

(35) Князь Василій Васильевичъ Долгорукой род. 1752 года, умеръ 1812, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ. Онъ былъ сынъ князя Долгорукова Крымскаго. О женѣ его смотри прим. 31 къ этой главѣ.

(36) Графъ Лудвигъ Кобенцель род. $^{21}/_{10}$ ноября 1753, ум. $^{22}/_{10}$ февраля 1809. Онъ былъ посломъ съ Россіи съ 1779 по 1797 годъ.

(37) Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, основатель Московскаго университета, род. 1727 г. ум. 1797 г.

(38) Графъ Лудвигъ Филиппъ Сегюръ, извѣстный писатель, род. 11 декабря (30 ноября) 1753, ум. $^{27}/_{15}$ августа 1830 г.

(39) Графъ Ѳедоръ Евстафьевичъ Ангальтъ, генералъ-поручикъ, род. 10 мая 1732 г., ум. 2 мая 1794 года. Онъ вступилъ въ русскую службу въ 1783 году, прослуживши до того въ Пруссіи и Саксоніи. Онъ извѣстенъ особенно отличнымъ управленіемъ съ 1786 года сухопутнаго Шляхетскаго (нынѣ перваго) кадетскаго корпуса.

бернаторы, губернаторы съ предводителями и почетными дворянами на границѣ каждой губерніи встрѣчали и провожали до слѣдующей. Въ Мстиславѣ могилевскій преосвященный Георгій привѣтствовалъ ее рѣчью, по превосходству которой здѣсь поставляю ее въ подлинникѣ (а).

Я былъ наряженъ отвести роту въ Кричевъ для караула ея величества; какъ скоро государыня изволила прибыть (40), я явился къ генералъ-адъютанту генералъ-поручику графу Ангальту. Нельзя умолчать о семъ оригиналѣ; думая, по моему прозванію, что я Нѣмецъ, сталъ онъ-было говорить со мною понѣмецки, но узнавъ, что я не говорю, то спросилъ по-французски, гдѣ караульная, и приказалъ, чтобы я его въ оную проводилъ. Пришедъ туда, началъ онъ съ каждымъ гренадеромъ здороваться; самымъ смѣшнымъ нѣмецкимъ выговоромъ затвердилъ онъ наизусть нѣсколько вопросовъ по порядку, какъто: «здорово, мои други, какъ вы называетесь? кой городъ? женаты ли вы? имѣете ли дѣти? много ли сыновей? много ли дочерей?» и несмотря на отвѣтъ, что холостъ, все продолжалъ отъ начала до конца свои разспросы; потомъ бралъ каждаго руку; одинъ гренадеръ, думая, что хочетъ пробовать его силу, такъ ему сжалъ его руку, что бѣдный графъ почти со слезами, съ трудомъ отнялъ у него.

(а) Пресвѣтлѣйшая императрица! Оставимъ астрономамъ доказывать, что земля вкругъ солнца обращается или солнце обращается вокругъ земли. Наше солнце вкругъ насъ ходитъ и ходитъ для того, да мы въ благополучіи почиваемъ.

Исходиши, милосердная монархиня, яко женихъ отъ чертога своего, радуешися, яко исполинъ, тещи путь. Отъ края моря Балтійскаго до края Евксинскаго шествіе твое: да тако ни единъ изъ подданныхъ твоихъ укрыется благодѣтельныя теплоты твоея, хотя же мы и покоимся твоимъ безпокойствіемъ, и негорькими хожденіями твоими сидимъ сладко всякъ подъ виноградомъ своимъ и подъ смоковницею своею, яко же Израиль во время Соломона: однако солнечному цвѣту подобясь, туда и очи и сердца наши обращаемъ, аможе теченіе твое

Тецы убо, о солнце наше! спѣшно тецы исполинскими стопами во всѣхъ твоихъ благонамѣреніяхъ: къ западу только жизни твоея не спѣши. Въ семъ бо случаѣ, яко же Іисусъ Навинъ, и руки и сердца наши простирая къ Небу, возопіемъ: стой, солнце, и не движись, дондеже вся великимъ твоимъ намѣреніямъ противныя торжественно побѣдиши.

(40) Кричевъ принадлежалъ князю Потемкину. Государыня прибыла туда 19 января.

Ввечеру приказалъ мнѣ спросить отца моего: есть ли тутъ пожарныя трубы и прочія пожарныя орудія? Я, по приказанію его, спросилъ батюшку; на что̀ онъ мнѣ отвѣчалъ: «доложи графу, что это партикулярное мѣстечко, и никакой полиціи нѣтъ; но я приказалъ капитану-исправнику изготовить нѣсколько бочекъ съ водою, собрать народъ и поставить близь кухни.» Что̀ я его сіятельству и донесъ.—«Ведите меня туда». Я, зная гдѣ кухня, повелъ его въ сопровожденіи караульнаго капитана Рештейна. Какъ у кухни всего того не было, то я побѣжалъ отыскивать; лишь только я нѣсколько шаговъ отойду, онъ тотчасъ посылалъ за мною Рештейна; лишь только я къ нему появлялся, онъ спрашивалъ: «où sont les pompes?»—Тотчасъ, ваше сіятельство. Наконецъ, по многомъ тщетномъ бѣганіи, принужденъ былъ сказать, что ничего не нашелъ. Тутъ онъ мнѣ сдѣлалъ добрый окрикъ, для чего я въ точности не исполнилъ его приказаніе, и взялъ меня за руку. «Пойдемъ, сказалъ онъ,—я васъ поведу къ императрицѣ и покажу ей, какихъ она исправныхъ имѣетъ въ своей арміи штабъ-офицеровъ.» Я насилу могъ его упросить, чтобъ онъ меня простилъ; тутъ новая бѣда: онъ потребовалъ мою записную книжку, и своею рукою хотѣлъ вписать мою неисправность для урока; но какъ у меня на тотъ разъ книжки не случилось, то снова обременилъ меня выговорами; наконецъ, приказалъ мнѣ, чтобъ я не прежде легъ спать, пока не приведу все въ порядокъ.

Однакожь я въ томъ не почитаю себя виновнымъ; мнѣ приказано было спросить, гдѣ пожарные инструменты, что̀ я и исполнилъ. Увидя, что бывшій прусской службы графъ шутокъ не любилъ, отыскалъ я собранныхъ исправникомъ людей и множество бочекъ съ водою; все то было готово только не въ назначенномъ мѣстѣ. Часа за три до свѣта, его сіятельство просилъ меня къ себѣ, и я съ большимъ торжествомъ повелъ его и показалъ мою исправность.

Послѣ чего онъ былъ ко мнѣ милостивъ, и, по моей просьбѣ, выпросилъ у оберъ-каммергера И. И. Шувалова, чтобы меня съ караульными офицерами представилъ государынѣ прежде другихъ, дабы офицеры успѣли выйдти къ ружью, когда императрица отправится; ибо многіе, квартировавшіе въ Могилевской губерніи военные чиновники прибыли въ Кричевъ представиться ея величеству. Между прочими былъ тутъ Рижскаго карабинернаго полка бригадиръ Х......, съ его полка штабъ-офицерами. Оберъ-камергеръ поставилъ меня съ моими офице-

рами у самыхъ дверей, въ которыя государынѣ надобно было выйдти, такъ чтобъ я первый могъ быть ей представленъ. Но бригадиръ Х....., какъ скоро двери отворились, выступилъ передо мною; государыня, по названіи его оберъ-камергеромъ, подала ему ручку, и отворотясь отъ него, довольно громко спросила: «Не тотъ ли это Х......., который, бывши еще унтеръ-офицеромъ конной гвардіи, провозилъ потаенно товары мимо таможни?» Дѣйствительно онъ былъ самый. Тѣмъ моя суетность была вознаграждена, что онъ перебилъ меня быть первымъ представленнымъ.

Вотъ гдѣ мое самолюбіе претерпѣло униженіе: въ день пріѣзда государыни увидѣлъ меня камердинеръ ея, Захаръ Константиновичъ Зотовъ, который былъ уже въ полковничьемъ чинѣ; а когда я былъ адъютантомъ у свѣтлѣйшаго князя, тогда онъ былъ камердинеромъ при немъ. Онъ спросилъ меня, былъ ли я у Мамонова, бывшаго моего товарища? Но какъ я сказалъ, что не былъ, то совѣтовалъ мнѣ къ нему явиться. Я послѣдовалъ его доброжелательству; ежели пользы никакой не получу, то по крайней мѣрѣ при многолюдствѣ покажу, что я знакомъ сильному при дворѣ человѣку. Я выступилъ съ гордымъ и самонадѣяннымъ видомъ впередъ и поклонился ему; но вмѣсто того, чтобъ обратить на меня благосклонное вниманіе, онъ взглянулъ на меня съ презрѣніемъ и отвратился. Это было низкое мщеніе за мою съ нимъ бывшую ссору; но признаться, очень мнѣ было больно предо всѣми быть такъ унижену (41).

Императрица продолжала путь до Кіева, гдѣ пребывала до вскрытія отъ льда Днѣпра. Когда наступила весна и свободное по Днѣпру открылось плаваніе, ея величество отправилась водою, на построенной для сего флотиліи, до Днѣпровскихъ пороговъ со всѣмъ дворомъ и министрами. Путемъ симъ управлялъ свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ. Король польскій Станиславъ Августъ (42) имѣлъ съ императрицею,

---

(41) Къ сожалѣнію авторъ ничего не сообщаетъ въ своихъ запискахъ о причинахъ и обстоятельствахъ ссоры своей съ Мамоновымъ.

(42) Станиславъ Августъ Понятовскій, послѣдній король польскій, род. 7 января 1732 г., избранъ королемъ въ сентябрѣ 1764, отрекся отъ престола въ Гроднѣ, въ ноябрѣ 1795 года, умеръ въ Петербургѣ 31 января 1798. При императрицѣ Елисаветѣ онъ былъ въ Россіи въ 1750 годахъ сперва кавалеромъ англійскаго посольства, а потомъ посланникомъ польскимъ и съ тѣхъ поръ пользовался особымъ благоволеніемъ Екатерины, которой обязанъ былъ потомъ престоломъ.

доставившей ему корону, свиданіе въ мѣстечкѣ Каневѣ, въ польскомъ владѣніи, гдѣ готовилъ большой праздникъ. Императрица не разсудила съѣзжать на берегъ съ своей яхты, но дворъ ея былъ великолѣпно угощаемъ.

У порога Кайдаки императоръ Іосифъ II встрѣтилъ императрицу и, вмѣстѣ съ нею, сухимъ путемъ отправился на полуостровъ Крымъ. Въ Севастополѣ былъ построенъ великолѣпный дворецъ, изъ оконъ котораго была видна вся гавань; по прибытіи ея, сожженъ былъ огромный фейерверкъ, и весь большой флотъ былъ иллюминованъ. Императрица наименовала свѣтлѣйшаго князя *Таврическимъ*.

На возвратномъ пути въ Полтавѣ собранъ былъ корпусъ войскъ, гдѣ производились маневры, тѣ самые, которыми вѣчно достойный памяти потомства императоръ, Петръ Великій, побѣдилъ Карла XII и возвелъ Россію на ту степень величія, въ каковой она нынѣ. Іосифъ II получилъ извѣстіе о возмущеніи Нидерландцевъ, почему и отправился восвояси, а императрица продолжала путь свой чрезъ Москву (а).

Важнѣйшая польза отъ путешествія Екатерины II въ южныя области Россіи состояла въ заключенномъ съ императоромъ Іосифомъ II наступательномъ союзѣ противу Турокъ, послѣдствіе котораго прославило россійское оружіе, изнурило Австрію и пагубно было для Турецкой имперіи.

(а) Государыня не очень жаловала Москву, называя ее къ себѣ недоброжелательною, потому что всѣ вельможи и знатное дворянство, получа по службѣ какое неудовольствіе и взявъ отставку, основывали жительство свое въ древней столицѣ, и случалось между ними пересуживать дворъ, политическія происшествія и вольно говорить. Какъ Москва старинный городъ, то улицы ея не прямы, строеніе старое, не по новому вкусу архитектуры: близь огромнаго дома бывали хижины. Государыня спросила, на другой день своего прибытія, англійскаго министра Фицъ-Герберта съ насмѣшливымъ видомъ:—Comment avez vous trouvé ma bonne ville de Moscou? — Votre Majesté, отвѣчалъ тотъ, il n'y a pas une seul le ville au monde qui puisse être comparée a Moscou en beauté.— C'est une ironie? — Non, ` V. M., c'est la pure vérité, il n'y a nulle part ce que j'ai vu a Moscou; j'ai vu des palais qui n'ecrasent pas des chaumières auprès d'eux.

Принцъ де-Линь спросилъ императрицу: «Отчего, В. В., въ проѣздъ мы видѣли, что нѣкоторыми губернаторами вы были довольны, а потому изъявляли имъ ваше благоволеніе, а нѣкоторыми были недовольны, и вы имъ ничего оскорбительнаго не сказали?» — «Потому что, отвѣчала императрица, *я хвалю вслухъ, а браню наединѣ.*»

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЗАПИСКИ

ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДТА [1*]

IV. Турецкая война.

Булгакову (1), нашему министру при Оттоманской Портѣ, приказано было подать ноту, въ которой между прочимъ требовано: чтобы Турція позволила имѣть консула въ Варнѣ; чтобы признала Ираклія русскимъ вассаломъ; чтобъ обуздала Татаръ закубанскихъ, безпокоившихъ набѣгами границы Россійской Имперіи; чтобъ объяснила о военныхъ своихъ приготовленіяхъ, и чтобъ отвѣтъ на все это данъ былъ безъ замедленія (а).

(1*) См. *Русскій Вѣстникъ* № 1 и 2.

(1) Яковъ Ивановичъ Булгаковъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, ум. 7 іюля 1809. Онъ извѣстенъ какъ дипломатъ и писатель. Сынъ его Александръ Яковлевичъ находится теперь въ Москвѣ сенаторомъ.

(а) Вскорѣ, по прибытіи двора въ Петербургъ, по случаю войны было сдѣлано распоряженіе всему генералитету, кому въ которой арміи быть и какими частями командовать. Сей списокъ, сочиненный свѣтлѣйшимъ княземъ, императрица утвердила, А. В. Суворовъ не былъ внесенъ въ него, ибо свѣтлѣйшій князь по странностямъ его, почиталъ его человѣкомъ ничтожнымъ; а по чину его должно было дать ему преимущество передъ многими, по службѣ считавшимися ниже. Суворовъ, узнавъ о томъ, пріѣхалъ въ Петербургъ, прямо явился къ императрицѣ, и съ плачевнымъ видомъ сказалъ: «Государыня, я прописной.»—Какъ это? спросила императрица. «Меня нигдѣ не помѣстили съ прочими генера-

Диванъ вмѣсто отвѣта объявилъ войну Россіи, 5 августа, и заключилъ нашего посланника Булгакова въ Семибашенный за̀мокъ. По полученіи сего извѣстія, императрица выдала манифестъ о войнѣ противу Турокъ. Равно, какъ скоро дошло извѣстіе до императора Іосифа, такъ и онъ объявилъ войну Оттоманской Портѣ.

Составлены были двѣ арміи: украинская, подъ командою фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго, которая должна была вступить въ Польшу и приблизиться къ Днѣстру; правый флангъ оной арміи составлялъ корпусъ подъ командою генералъ-аншефа графа Ивана Петровича Салтыкова (2), центръ арміи составлялъ корпусъ генералъ-аншефа Эльмта, лѣвый флангъ составлялъ корпусъ генералъ-аншефа Михаила Өедотовича Каменскаго (3). Вторая армія екатеринославская, состояла подъ командою фельдмаршала свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго, которому назначено было съ наступающею кампаніею атаковать Очаковъ. Генералъ-аншефъ Александръ Васильевичъ Суворовъ тогда командовалъ въ Кинбурнѣ.

лами и ни одного капральства не дали мнѣ въ команду.» Императрица оскорбилась на князя Потемкина и тотчасъ послала за нимъ. Посланный разсказалъ князю, по какому случаю за нимъ былъ посланъ, почему, бывъ предваренъ, онъ съ готовымъ отвѣтомъ пошелъ. Какъ скоро онъ вошелъ, государыня недовольнымъ голосомъ сказала: «Какъ, князь, вы извѣстнаго, отличнаго, заслуженнаго генерала въ поднесенномъ вами мнѣ спискѣ пропустили?» — Отъ того-то, отвѣчалъ князь, что вашему величеству онъ такъ извѣстенъ, я и не вписалъ его съ прочими, чтобы вы сами изволили назначить, гдѣ и какъ вамъ будетъ угодно. — Въ сіе же время и М. Ө. Каменскій пріѣхалъ. Государыня черезъ нѣсколько дней по его прибытіи послала ему 5,000 рублей золотомъ; онъ счелъ то за маловажный подарокъ, въ и Лѣтнемъ Саду каждодневно дѣлалъ завтракъ, ловя встрѣчнаго и поперечнаго, пока не истратилъ всѣ жалованныя деньги и уѣхалъ. А Суворовъ поступилъ иначе; когда камеръ-лакей привезъ ему такой же подарокъ, онъ вынулъ одинъ имперіялъ и отдавъ его камеръ-лакею, сказалъ: «доложи государынѣ, что Суворовъ по ея милости очень богатъ, и на что мнѣ такая груда золота, а осмѣлился одинъ имперіялъ вынуть, чтобы дать тебѣ.» —Послѣ того поѣхалъ изъ Петербурга. Императрица вслѣдъ за нимъ послала ему 30,000 р.; эту сумму онъ принялъ безотговорочно.

(2) Графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ, фельдмаршалъ и главнокомандующій въ Москвѣ, род. 1730, ум. 14 ноября 1805 г.

(3) Графъ Михаилъ Өедотовичъ Каменскій, фельдмаршалъ, род 1738, убитъ въ своей деревнѣ 12 августа 1809 года.

Зять мой С. К. Вязмитиновъ пожалованъ былъ генералъ-майоромъ, приказано ему было принять Бѣлорусскій егерскій корпусъ, изъ четырехъ батальйоновъ состоящій, на мѣсто заболѣвшаго шефа того корпуса генералъ-майора Фаминцына; Сибирскій полкъ велѣно было принять полковнику князю М. М. Дашкову, который предъ симъ командовалъ Днѣпровскимъ мушкатерскимъ полкомъ; но большею частію люди сего полка посажены были на флотилію для путешествія императрицы къ Херсону, и тамъ размѣщены по другимъ полкамъ. Князь Дашковъ принялъ полкъ на походѣ въ Кіевѣ, откуда полкъ пошелъ въ Польшу, въ корпусъ графа Салтыкова, котораго квартира была въ мѣстечкѣ Яновѣ.

Когда полкъ получилъ повелѣніе идти въ походъ, почтенный мой отецъ, благословя меня, сказалъ: «увѣренъ, что ты не обезчестишь родъ нашъ своимъ недостойнымъ поступкомъ, и лучше я хочу услышать, чтобы ты былъ убитъ, нежели бы себя осрамилъ, а притомъ приказываю тебѣ, ни на что̀ не напрашиваться, а чего требовать будетъ долгъ службы, исполняй ревностно, усердно, точно и храбро». Тутъ мы оба прослезились; поцѣловавъ его руку съ восхищеніемъ, сѣлъ я на коня и съ полкомъ выступилъ, дѣлая планы отличиться геройски и строилъ воздушные замки.

1-го октября Турки атаковали Кинбурнъ. Суворовъ не приказалъ противиться высадкѣ, далъ имъ время сдѣлать нѣсколько ложементовъ, и какъ уже увидѣлъ ихъ приблизившихся шаговъ на двѣсти, для штурма крѣпости, тогда напалъ онъ на нихъ съ своими войсками. Турки безпрестанно съ флота получали новыя подкрѣпленія, положеніе нашихъ войскъ было весьма опасно; сраженіе сдѣлалось общее, и такъ обѣ стороны перемѣшались, что артиллерія принуждена была остановить свое дѣйствіе; храбрость нашихъ поколебалась, уже было начали отступать, наконецъ пришло къ Русскимъ подкрѣпленіе около трехъ сотъ человѣкъ, и сіе малое число рѣшило сраженіе,— Турки прогнаны, въ 10 часовъ ночи побѣда была одержана. Большая часть Турокъ убита, а еще болѣе потонуло; малое только число спаслось на суда.

Еще въ сумерки Суворовъ былъ раненъ въ лѣвое плечо; онъ потерялъ много крови, и не было лѣкаря перевязать рану. Козачій старшина Кутейниковъ привелъ его къ морю, вымылъ рану морскою водою и, снявъ свой платокъ съ шеи, перевязалъ имъ рану. Суворовъ сѣлъ на коня и опять возвратился коман-

довать. Тогда же генералъ-майоръ Рекъ былъ раненъ; наша потеря была очень значительна.

Эта первая побѣда въ сію войну тѣмъ была важнѣе, что оною уничтожены намѣренія Турокъ—взять Кинбурнъ, привесть себя въ состояніе напасть выгодно на Херсонъ и Крымъ и истребить нашу флотилію. За сію побѣду Суворовъ награжденъ былъ андреевскимъ орденомъ.

Свѣтлѣйшій князь, опасаясь вторичнаго нападенія несобравшуюся еще его армію, просилъ императрицу, чтобы на случай могъ онъ употребить одинъ корпусъ украинской арміи. Государыня приказала фельдмаршалу графу Румянцову, чтобы, по способности, одинъ корпусъ его арміи состоялъ подъ ордеромъ свѣтлѣйшаго князя до открытія кампаніи, почему фельдмаршалъ и приказалъ генералу Каменскому явиться къ князю.

Каменскій поѣхалъ въ Елисаветградъ, гдѣ тогда была главная квартира его свѣтлости; но какъ онъ предвидѣлъ, что больше будетъ выгодъ въ арміи свѣтлѣйшаго князя, чѣмъ подъ командою устарѣлаго фельдмаршала, то и просилъ князя, чтобъ онъ его корпусъ взялъ совсѣмъ въ свою армію, сказавъ: «ибо съ тѣхъ поръ, какъ я состою подъ ордеромъ вашей свѣтлости, корпусъ мой претерпѣваетъ во всемъ недостатки, какъ-то: въ свое время не получаю ни аммуниціи, ни жалованья, ни провіанта». Князь отвѣчалъ: «очень хорошо; отправьтесь въ свой корпусъ (который расположенъ былъ въ Уманѣ), гдѣ узнаете о вашемъ желаніи». Какъ скоро Каменскій отправился, князь вслѣдъ за нимъ отправилъ курьера, требуя отъ него изъясненія письменнаго о томъ, что̀ онъ докладывалъ ему о претерпѣваніи нуждъ его корпуса. Каменскій, нехотя, долженъ былъ сіе исполнить, хотя съ нѣкоторыми увертками. Князь, получа отъ него требуемое, отправилъ къ фельдмаршалу рапортъ Каменскаго въ предосторожность отъ сего коварнаго человѣка. Князь не любилъ подлыхъ людей, и съ тѣхъ поръ онъ никогда его не употреблялъ, да и графъ Петръ Александровичъ поступалъ съ нимъ не лучше. Вотъ что̀ выигралъ Каменскій своею интригою (а).

(а) Еще былъ случай, въ которомъ князь Г. А. Потемкинъ показалъ что не любилъ льстецовъ и подлецовъ. Извѣстный по сочиненіямъ своимъ, Денисъ Ивановичъ Фонъ-Визинъ былъ облагодѣтельствованъ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ; но увидя свои пользы быть въ ми-

До открытія кампаніи, войска въ занимаемыхъ квартирахъ были покойны; тутъ я увидѣлъ разницу между бывшимъ и новымъ моими начальниками. Зять мой велъ службу, какъ должно бы наблюдать каждому; вопервыхъ, военная дисциплина строго хранилась, чинъ чина почиталъ, но благородная связь была между корпусомъ офицеровъ; порядокъ канцеляріи въ отчетахъ суммъ, жалованья, аммуниціи, провіянта и фуража приведенъ былъ въ точность; обозъ былъ исправный; полковыя лошади были добрыя, полкъ учился превосходно, въ эволюціяхъ офицеры были наметаны, солдаты безъ изнуренія выправлены, одѣты безъ излишней вытяжки, хорошо. Во время похода въ Россіи и Польшѣ ни одной подводы ни подъ какимъ видомъ никто не смѣлъ взять, солдаты несли на себѣ всѣ тягости и даже шанцевый инструментъ (а). Словомъ, полкъ могъ быть во всѣхъ частяхъ образцовымъ въ арміи. При командованіи же полкомъ княземъ Дашковымъ, солдаты во многомъ претерпѣвали нужды, для продовольствія провіянта и фуража онъ принималъ деньгами и задерживалъ ихъ; то же случалось и съ жалованьемъ; хотя чрезъ нѣкоторое время оно и отдавалось, но не въ свое время; лошади были худо накормлены, отчего въ переходахъ въ Польшѣ бралось множество подводъ, почему безпрестанно на полкъ были жалобы, а во время кампаніи къ полковому

лости у свѣтлѣйшаго, не взирая на недавнюю большую непріязнь съ Шуваловымъ, перекинулся къ князю, и въ удовольствіе его много остраго и смѣшнаго говаривалъ насчетъ бывшаго своего благодѣтеля. Въ одно время, князь былъ въ досадѣ и сказалъ насчетъ нѣкоторыхъ лицъ: «какъ мнѣ надоѣли эти подлые люди». — «Да на что же вы ихъ къ себѣ пускаете, отвѣчалъ Фонъ-Визинъ, велите имъ отказывать.» «Правда, сказалъ князь, завтра же я это сдѣлаю.» — На другой день Фонъ-Визинъ пріѣзжаетъ къ князю; швейцаръ ему докладываетъ, что князь не приказалъ его принимать. «Ты вѣрно ошибся, сказалъ Фонъ-Визинъ, ты меня принялъ за другаго.»—«Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ, я васъ знаю и, именно, его свѣтлость приказалъ одного васъ только не пускать, по вашему же вчера совѣту.»

(Денисъ Ивановичъ Фонъ-Визинъ род. 3 апрѣля 1745, ум. 1 декабря 1792 г.)

(а) Многіе полки, проходя по Россіи и Польшѣ, брали подводы для облегченія солдатъ, такъ что кромѣ ружья они ничего не носили. Мы всѣ роптали, для чего бы казалось и намъ изнурять своихъ; но пользу уже я увидѣлъ во время кампаніи, когда должно было носить на себѣ всѣ тягости; не привыкшіе къ тому уставали до того, что пришедъ въ лагерь, въ другихъ полкахъ сотнями отставали, а въ Сибирскомъ полку по навыку къ трудамъ ни одного отсталаго не случалось.

обозу наряжались солдаты, чтобы въ трудныхъ мѣстахъ пособлять взвозить на горы. Чтобы нижніе чины не роптали, князь далъ попозновеніе къ воровству, чѣмъ по времени Сибирскій полкъ получилъ дурную молву; полковникъ имѣлъ пристрастіе къ нѣкоторымъ офицерамъ, за то другіе были въ загонѣ и претерпѣвали разныя несправедливости.

1788. Въ 1788 году, въ апрѣлѣ, зять мой Вязмитиновъ съ 4 батальйонами, 4 эскадронами и двумя стами козаковъ посыланъ былъ въ соединеніе съ Австрійцами для закрытія Буковины, угрожаемой Турками; но вскорѣ возвратился, не имѣвъ никакого дѣла.

Украинская армія образовалась такимъ образомъ: корпусъ, состоящій изъ 12 батальйоновъ, 12 эскадроновъ, 30 орудій полевой артиллеріи и одного козачьяго Донскаго полка, подъ командою генерала графа Салтыкова, въ соединеніи съ австрійскимъ корпусомъ, подъ командою принца Кобургскаго, долженъ былъ осадить Хотинъ.

Главному корпусу назначено было рандеву Подольской губерніи при мѣстечкѣ Мурахвѣ (въ сей корпусъ Сибирскій полкъ былъ назначенъ). Оный корпусъ состоялъ изъ 17 батальйоновъ, 10 эскадроновъ кирасиръ, 18 карабинеръ, одного Донскаго козачьяго полка и 30 орудій полевой артиллеріи.

Корпусъ генерала Эльмта, состоявшій изъ 12 батальйоновъ, 12 эскадроновъ, двухъ Донскихъ козачьихъ полковъ и 30 орудій полевой артиллеріи, долженъ былъ перейдти черезъ Днѣстръ и дѣлать поиски надъ непріятелемъ.

Резервный корпусъ, подъ командою генерала Каменскаго, состоялъ изъ 12 батальйоновъ, 12 эскадроновъ, одного полка Донскихъ козаковъ и 20 орудій полевой артиллеріи.

Вся армія, ежели была бы въ комплектѣ, состояла бы изъ 50.000; но на лицо, конечно, не превосходила 30.000 человѣкъ.

Какъ въ украинской арміи не было регулярныхъ легкихъ войскъ, то фельдмаршалъ испросилъ позволеніе у императрицы преобразовать четыре полка карабинеръ и назвалъ ихъ легкоѣздными. У фельдмаршала съ княземъ Потемкинымъ былъ споръ въ наименованіи войскъ: сперва именовали ихъ легкою кавалеріею, а свѣтлѣйшій князь назвалъ легкою конницею; графъ назвалъ своихъ легкоѣздными. Когда свѣтлѣйшій князь въ послѣдствіи принялъ въ командованіе обѣ арміи, назвалъ ихъ конными егерями, хотя лошади и вооруженіе оставались тѣ же самыя.

Екатеринославская армія числомъ гораздо была превосходнѣе и двинулась къ Очакову. Притомъ подъ непосредственнымъ распоряженіемъ свѣтлѣйшаго князя состоялъ черноморскій флотъ и гребная флотилія. Всѣми морскими силами управлялъ вице-адмиралъ Н. С. Мордвиновъ (4), флотомъ начальствовалъ контръ-адмиралъ Ушаковъ (5), имѣя подъ собою извѣстнаго Поль-Джонса (6), прославившагося въ американской войнѣ. Флотиліею командовалъ принцъ Нассау (7).

Собравшейся украинской арміи главный корпусъ получилъ повелѣніе идти къ Могилеву, что̀ на Днѣстрѣ. По прибытіи туда, на другой день и фельдмаршалъ прибылъ съ главною квартирою. Генералъ-поручикъ кн. Г. С. Волконскій (8) вступилъ въ командованіе корпусомъ. Всею артиллеріею арміи командовалъ артиллеріи генералъ-майоръ И. М. Толстой (9); инженерами бригадиръ Б. Ѳ. Кнорингъ (10). Генералъ-квартермистромъ былъ Н. М. Бердяевъ, при немъ генералъ-квартермистры-лейтенанты: бригадиръ Медеръ и полковникъ Филиппи. Дежурнымъ генераломъ фельдмаршалъ избралъ генералъ-майора А. Я. Леонидова. Въ корпусѣ командовали: кавалеріею генералъ-майоръ В. В. Энгельгардтъ; пѣхотою генералъ-майоры

---

(4) Графъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ, адмиралъ, род. 17 апрѣля 1754, ум. 30 марта 1845 года. Онъ прославился умомъ и непоколебимою твердостью характера.

(5) Ѳедоръ Ѳедоровичъ Ушаковъ, адмиралъ, родился 1743, умеръ 1817. Онъ особенно прославился взятіемъ Корфу въ 1799 году.

(6) Поль-Джонсъ, контръ-адмиралъ, род. въ Шотландіи 6 іюля 1747 г. ум. въ Парижѣ 18 іюля 1792. Онъ былъ въ русской службѣ только одинъ годъ, прославившись до того въ войнѣ за американскую независимость.

7) Принцъ Нассау-Зигенъ, адмиралъ, родился 1745, ум. 10 апрѣля 1808. Онъ вступилъ въ русскую службу въ 1788 году, служивши прежде Франціи.

(8) Князь Григорій Семеновичъ Волконскій, генералъ отъ кавалеріи, род. 30 января 1742 года, умеръ 17 іюля 1824 г. Онъ былъ женатъ на дочери послѣдняго князя Рѣпнина (извѣстнаго фельдмаршала Николая Васильевича), почему сынъ ея князь Николай Григорьевичъ Волконскій названъ въ 1801 году княземъ Рѣпнинымъ-Волконскимъ.

(9) Иванъ Матвѣевичъ Толстой, генералъ-поручикъ, род. 1746 г., умеръ 15 іюля 1808. Сынъ его былъ знаменитый генералъ графъ Остерманъ-Толстой, недавно умершій.

(10) Богданъ Ѳедоровичъ Кнорингъ, генералъ отъ инфантеріи, род. 1741, умеръ 1836 года.

гр. Мелинъ и Мельгуновъ; авангардомъ генералъ-майоръ Ласси (11).

На другой день по прибытіи, фельдмаршалъ приказалъ войскамъ быть во фрунтѣ безъ ружья, и самъ со всѣми генералами прибылъ къ корпусу; всѣ были при появленіи его въ восхищеніи; ни одного не оставилъ онъ штабъ-офицера, которому бы не сказалъ что-нибудь пріятное. Какъ скоро сказалъ солдатамъ: «здравствуйте, ребята!» всѣ почти въ голосъ закричали: «здравствуй нашъ батюшка, графъ Петръ Александровичъ!» Старые солдаты говорили: «насилу мы тебя, нашего отца, увидѣли». Посѣдѣлый унтеръ-офицеръ, обвѣшанный медалями, сказалъ фельдмаршалу: «вотъ уже, батюшка, въ третью войну иду съ тобою». — «Ну, другъ мой, отвѣчалъ графъ; въ четвертый разъ мы вмѣстѣ съ тобой уже воевать не будемъ.» — Объѣхавъ всѣ полки, исполненные радостію его присуствіемъ, отъѣхалъ онъ въ главную свою квартиру, въ Могилевъ.

Анвангардъ (а), состоящій изъ пяти батальйоновъ, шести эскадроновъ и Донскаго полка Грекова, переправился чрезъ Днѣстръ, а въ то время наводили понтонный мостъ,

Какъ скоро мостъ былъ готовъ, весь корпусъ переправился и занялъ высоты; пѣхота въ двѣ линіи, кавалерія въ третьей, а главная квартира за оною. Гренадерскіе полки, какъ-то: Сибирскій на правомъ флангѣ, 1-й и 2-й батальйоны въ первой линіи, а 3 и 4-й во второй: на лѣвомъ флангѣ былъ Малороссійскій гренадерскій, въ которомъ фельдмаршалъ былъ шефомъ. Первыми двумя батальйонами въ лагерѣ начальствовалъ самъ полковникъ, а какъ подполковникъ откомандированъ былъ для комадованія сводным гренадерскимъ батальйономъ въ авангардъ, то, какъ старшій по немъ въ лагерѣ, 3-мъ и 4-мъ батальйонами полка командовалъ я; какъ же скоро корпусъ двигался, то полкъ соединялся вмѣстѣ.

На другой день выступилъ корпусъ въ походъ. Предъ выступленіемъ, когда лагерь былъ снятъ, полки выстроились, знамена были развернуты. Фельдмаршалъ проѣзжалъ мимо фланга командуемыхъ мною батальйоновъ; я сдѣлалъ ему на караулъ и поскакалъ къ нему на встрѣчу. Но представьте мой ужасъ! Фельдмаршалъ на меня кричалъ самымъ страшнымъ голосомъ; видъ

(11) Морицъ Петровичъ Ласси, генералъ отъ инфантеріи, ум. 1820 г.
(а) Не пишу чиселъ, когда что̀ происходило, потому что не помню.

его представлялъ, чего вообразить невозможно: ноздри рздувались, глаза яростно сверкали. Какъ скоро я услышалъ этотъ голосъ и увидѣлъ страшный его видъ, то такъ оробѣлъ, что не слыхалъ ни одного его слова. Дежурный Генералъ, подскакавъ ко мнѣ, приказалъ командовать: на плечо! Я едва могъ выговорить. Послѣ чего опять подъѣхалъ онъ ко мнѣ и спрашивалъ отъ имени фельдмаршала: «какъ я осмѣлился отдать ему честь!» Я отвѣчалъ, что считалъ то долгомъ. Но онъ мнѣ сказалъ: «вчера былъ отданъ приказъ, что когда фельдмаршалъ будетъ проѣзжать мимо полковъ или карауловъ, никогда бы не отдавали ему чести.» — Я отвѣчалъ, что приказа сего не слыхалъ. Когда дежурный генералъ донесъ о сказанномъ мною, фельдмаршалъ поѣхалъ къ 1-й линіи, гдѣ мой полковникъ тоже сдѣлалъ ему на караулъ. Фельдмаршалъ дѣлалъ таковое же взысканіе, но какъ полковникъ отвѣчалъ, что приказа того не слыхалъ, то фельдмаршалъ, обратясь къ князю Волконскому, сказалъ: «Князь Григорій Семеновичъ, я вамъ приказалъ?» На что тотъ отвѣчалъ, что и онъ приказалъ. Но полковникъ утвердительно донесъ графу, что въ Сибирскомъ полку сей приказъ не объявленъ. Фельдмаршалъ приказалъ дежурному генералу объѣхать всѣ полки и спросить, въ которыхъ полкахъ объявлено сіе приказаніе? Между тѣмъ весь корпусъ стоялъ въ ружьѣ. Дежурный генералъ, справясь, донесъ, что ни въ одномъ полку не было того объявлено. Тогда фельдмаршалъ съ великимъ гнѣвомъ сказалъ Волконскому: «господинъ генералъ! ежели вы впередъ забудете исполнить мое приказаніе, я васъ поставлю передъ взводъ гренадеръ съ заряженными ружьями; а теперь поѣзжайте къ господину майору Энгельгардту и скажите ему, что онъ исполнилъ свою должность, что я его благодарю, и что выговоръ, сдѣланный ему, къ вамъ относится.» Хотя его сіятельство и подъѣзжалъ ко мнѣ, но приказанное фельдмаршаломъ мнѣ сказать не объявилъ; однакожь мое удовлетвореніе всѣмъ стало извѣстно, ибо главнокомандующій былъ окруженъ всѣми генералами и всѣмъ штабомъ, къ главной квартирѣ принадлежащимъ.

Порядокъ марша каждаго перехода былъ таковъ: за авангардомъ, шли всегда наряженные на завтрашній день въ караулъ, т. е. всѣ пѣхотные пикеты съ шанцовымъ инструментомъ; всѣ отъѣзжіе пикеты кавалерійскіе съ дежурными штабъ-офицерами, съ генералъ-квартермистромъ и квартермистрами, отправлялись занимать лагерь; и когда корпусъ вступалъ въ оный, то всѣ

уже караулы были на своихъ мѣстахъ, и цѣпь разставлена. Во время похода артиллерія составляла среднюю колонну, по сторонамъ ея двѣ пѣхотныя колонны; передъ каждой командировано было по одному эскадрону кавалеріи для утоптанія травы; по сторонамъ пѣхотныхъ колоннъ были двѣ кавалерійскія, съ фланговъ которыхъ шла кавалерійская цѣпь. Обозъ тянулся въ двѣ веревки, а иногда и въ четыре, ежели позволяло мѣсто; за онымъ вагенбургъ.

Бывшіе того дня полевые пѣхотные пикеты съ отъѣзжими караулами оставались на своихъ мѣстахъ по выступленіи корпуса; дежурные штабъ-офицеры формировали оные въ батальйоны и эскадроны, и составляли арьергардъ.

Когда вступали въ лагерь, то каждый батальйонъ подходилъ къ лѣвому флангу своего лагеря, а кавалерійскіе полки къ лѣвому флангу своихъ полковъ; тогда вдругъ дѣланъ былъ отбой, и пѣхота церемоніальнымъ маршемъ повзводно, а кавалерія поэскадронно, входили въ линію.

Въ походѣ наряжалось два эскадрона въ конвой къ фельдмаршалу, и онъ, несмотря ни на какую погоду, верхомъ, въ одномъ мундирѣ до половины марша ѣхалъ при корпусѣ. На половинѣ приказывалъ дѣлать отбой на часъ времени, а самъ съ главнымъ штабомъ уѣзжалъ впередъ осмотрѣть занятіе лагеря, — иногда приказывалъ, по положенію мѣста, перемѣнить лагерь, потомъ ѣздилъ въ авангардъ, осматривалъ отъѣзжіе пикеты, и приказывалъ, куда посылать партіи. Случалось, что мы, пришедъ въ лагерь, уже отдохнули, а онъ только что пріѣзжалъ.

Во время марша, фельдмаршалъ подъѣзжалъ къ полкамъ и не дозволялъ, чтобъ офицеры сходили съ лошадей; ибо по тогдашнему обряду службы, когда выходили войска въ походъ то, кромѣ дежурныхъ при полку одного капитана и при каждомъ батальйонѣ по одному офицеру, всѣ прочіе офицеры могли ѣхать верхомъ подлѣ своего взвода. Солдаты, по желанію, пѣли пѣсни, и когда графъ подъѣзжалъ, обыкновенно старались пѣть какую-нибудь военную въ честь ему, какъ то: «Ахъ ты нашъ батюшка, графъ Румянцовъ генералъ» и проч. Иногда давалъ онъ симъ пѣсельникамъ червонца по два, говорилъ имъ нѣсколько ласковыхъ словъ, тоже удостоивалъ разговаривать съ нѣкоторыми штабъ и оберъ-офицарами, словомъ привѣтливостію своею привлекалъ къ себѣ всѣхъ души и сердца.

Лагерь всегда былъ въ двѣ линіи; на флангахъ кавалерія, артиллерія батареями между полками, а главная квартира между

двухъ линій. Караулъ фельдмаршала состоялъ изъ 24 человѣкъ при одномъ офицерѣ, съ хоромъ музыки и конвойной команды къ литаврамъ, съ двумя трубачами; для сигналовъ была вѣстовая пушка, изъ которой стрѣляли къ вечерней зорѣ.

Пароль и приказъ отдавалъ дежурный генералъ, для принятія котораго должны были быть: дежурный по корпусу полковникъ, подполковникъ и секундъ-майоръ, отъ каждаго полка штабъ-офицеръ и генеральскіе адъютанты.

Къ разводу фельдмаршалъ никогда не выходилъ.

Когда корпусъ не былъ въ походѣ, обыкновенно графъ выходилъ изъ своей ставки или домика, въ большой еринной наметъ, гдѣ уже столъ былъ накрытъ, и гдѣ генералы и штабъ-офицеры и нѣкоторые изъ оберъ-офицеровъ были. Всегда выходилъ онъ въ мундирѣ, съ тростью и шляпою въ рукѣ. Обходилъ всѣхъ тутъ бывшихъ, и ежели съ кѣмъ не говорилъ, то по крайней мѣрѣ дѣлалъ ему пріятную мину. Наконецъ пилъ водку и закусывалъ, и всѣ кто тутъ были—тоже. Въ первомъ часу онъ обѣдалъ; столъ накрываемъ былъ на 40 кувертовъ; другой столъ въ особливомъ наметѣ для штата его и ординарцовъ, отъ каждаго полка наряжаемыхъ по одному офицеру.

Послѣ стола фельдмаршалъ тотчасъ откланивался, по вечерамъ собирались къ нему генералы и полковники, иногда играли въ коммерческія игры.

Второй лагерь былъ при деревнѣ Плопахъ, въ 30 верстахъ отъ Днѣстра; тутъ пробыли болѣе мѣсяца, въ ожиданіи дѣйствія осады Очакова и Хотина. Корпусъ генерала Эльмта дошелъ до Яссъ, не встрѣчая нигдѣ непріятеля; фельдмаршалъ былъ недоволенъ медленнымъ и тактическимъ нѣмецкимъ движеніемъ сего корпуса; почему сей генералъ, когда главный корпусъ подошелъ къ Цыцорѣ (на Прутѣ въ 20 верстахъ отъ Яссъ), отправился въ отпускъ и болѣе уже въ армію не пріѣзжалъ.

По долгомъ пребываніи въ лагерѣ при Плопахъ, отпросился я къ Хотину на короткое время, посмотрѣть осаду и видѣться съ моимъ зятемъ С. К. Вязмитиновымъ, тогда бывшимъ въ томъ корпусѣ. Онъ съ позволенія графа Салтыкова далъ мнѣ своего адъютанта, чтобъ осмотрѣлъ я всѣ батареи и траншеи, которыя только вели Цесарцы, а наши, пользуясь рвами около Хотина, закрывались оными отъ канонады.

Тогда я увидѣлъ, какъ недостаточно знать одну только фрунтовую службу; чтобы значить болѣе, надобно знать фортификацію и артиллерію; и тогда же принялъ намѣреніе въ зимовы

квартиры заняться сими науками, необходимыми для генерала, а какъ я держался правила, что худой тотъ солдатъ, который не надѣется быть фельдмаршаломъ, то и думалъ, что необходимо нужно имѣть познанія, сопряженныя съ симъ званіемъ. Былъ я въ лагерѣ у Австрійцевъ, составлявшихъ лѣвый флангъ.

Ни у Австрійцевъ, ни у Русскихъ осадной артиллеріи не было; батареи были въ такомъ отдаленіи, что едва двѣнадцати-фунтовыя ядра доносило до бруствера, а гранаты изъ полумартирныхъ единороговъ никакого дѣйствія не производили; ночью подвигали батареи безъ всякаго закрытія, а безъ цѣли выстрѣлы не дѣлали ни малѣйшаго вреда.

Я чуть было не попался въ плѣнъ и особливымъ чуднымъ образомъ избавился; у Днѣстра былъ во рву егерскій постъ, не допускавшій Турокъ пользоваться хорошею ключевою водою. Осмотрѣвъ оный, адъютантъ Сергѣя Кузмича узналъ, что ночью, перейдя ровъ, заложена была батарея, которая и была намъ видна, но не зналъ, что проѣздъ къ оной по сю сторону рва шелъ очень близко непріятельскаго ретраншамента, а ровъ былъ такъ крутъ, что едва съ трудомъ можно сойдти пѣшкомъ. Лишь только мы нѣсколько проѣхали, какъ егеря стали намъ кричать: «остерегитесь, Турки васъ видятъ и намѣреваются выйдти изъ ретраншамента, чтобы васъ схватить,» — а мы уже такъ заѣхали, что возвратиться къ егерскому посту значило быть еще ближе къ ретраншаменту, а до батареи еще было далеко; отдаться въ плѣнъ охоты не было, а равно даромъ и убиту быть; потому я рѣшился, несмотря на крутизну рва, спуститься и рвомъ добраться до егерскаго поста, что̀ благодареніе Богу удалось. Можно сказать, у страха глаза велики; въ обыкновенное время конечно никто не осмѣлится спуститься на лошади въ сей буеракъ. Долженъ я еще признаться въ моей храбрости: съ польской стороны по правой сторонѣ Днѣстра, заложена была сею же ночью батарея, которую я желалъ видѣть; Турки, для воспрепятствованія работы, стрѣляли ядрами; первое, которое я услышалъ, заставило меня съ такою торопливостію нагнуться, что обѣ шлифныя пряжки у меня лопнули.

Пробывъ при Хотинѣ дня два, возвратился я въ главный корпусъ.

Во время пребыванія моего при главномъ корпусѣ, получено извѣстіе, что шведскій король Густавъ III (12) внезапно объявилъ

---

(12) Густавъ III король шведскій, род. $^{13}/_{24}$ января 1746, царствовалъ съ 1771, убитъ Анкарштремомъ $^{5}/_{16}$ марта 1792 г.

войну и вступилъ въ россійскую Финляндію, а флотъ его, подъ командою герцога Зюдерманландскаго (13), атаковалъ Балтійскій Портъ и требовалъ отъ коменданта сдачи; комендантъ былъ майоръ Кузминъ, старый инвалидъ, у котораго въ прежнюю войну была оторвана рука; онъ отвѣчалъ: «я радъ бы отворить ворота, но у меня одна рука, да и та занята шпагою». По нѣсколькодневной храброй оборонѣ, герцогъ принужденъ былъ отойдти на супротивъ русскаго флота, вышедшаго изъ Кронштата подъ командою вице-адмирала Грейга (14). Произошла у Красной Горки морская баталія; всѣ выстрѣлы въ Петербургѣ были слышны; дворъ готовился выѣзжать. Но Грейгъ одержалъ славную побѣду и взялъ вице-адмиральскій корабль съ начальникомъ онаго гр. Вахмейстеромъ (15). Вѣтеръ способствовалъ шведскому флоту укрыться въ своихъ гаваняхъ, но Грейгъ былъ опасно раненъ и вскорѣ отъ раны умеръ (16).

Въ Финляндіи собрана наскоро армія которая поручена была въ команду генералъ-аншефу графу Валентину Платоновичу Пушкину (17).

---

(13) Герцогъ Зюдерманландскій, братъ Густава III, бывшій въ послѣдствіи королемъ шведскимъ (1809—1818) подъ именемъ Карла XIII; род. 1848, ум. 1818 г.

(14) Самуилъ Карловичъ Грейгъ, адмиралъ, род. 1736, перешелъ изъ англійской службы въ русскую въ 1764 году, умеръ 15 октября 1788.

(15) Плѣнный Вахтмейстеръ былъ отправленъ въ Москву, гдѣ присутствіе его возбуждало самое нескромное любопытство на гуляньяхъ и проч.; за нимъ бѣгали толпами, особенно женщины, на что́ и была написана сатирическая пѣсня.

(16) Тутъ авторъ ошибается: Грейгъ умеръ не отъ ранъ, а отъ кратковременной, но тяжкой болѣзни, которой, какъ говорятъ, не мало способствовала горесть, причиненная ему еще въ іюлѣ, послѣ сраженія при Готландѣ, взятіемъ въ плѣнъ нашего корабля Шведами. Горесть эту не могли утѣшить ни дальнѣйшіе успѣхи, ни благоволеніе императрицы, пожаловавшей Грейгу андреевскую ленту.

(17) Графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ, фельдмаршалъ, род. 6 декабря 1735, ум. 8 іюля 1804. Отецъ его, графъ Платонъ Ивановичъ, сосланъ по дѣлу Волынскаго, а сынъ, графъ Василій Валентиновичъ, оберъ-шенкъ, (род. 1775, ум. 5 апрѣля 1836) женился на дочери послѣдняго графа Брюса (Якова Александровича) и въ 1796 году къ фамиліи его присоединена фамилія Брюса, съ нимъ угасшая. Въ царствованіе Александра I, графъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ былъ великимъ мастеромъ великой масонской ложи *Астрея*, существовавшей въ Петербургѣ и бывшей центральною для 18 соединенныхъ ложъ, изъ которыхъ семь было въ Петербургѣ, двѣ въ Ревелѣ, а остальныя: въ Крон-

Тамъ же получено извѣстіе отъ свѣтлѣйшаго князя, что посланъ былъ флота капитанъ Сакенъ на дубль-шлюбкѣ, для развѣдыванія о непріятельскомъ флотѣ и содержанія брандвахты близь Кинбурнской косы. Онъ, усмотрѣвъ передовыя суда капитанъ-паши, идущія на всѣхъ парусахъ, почелъ за благоразуміе идти на глубокую пристань, для извѣщенія принца Нассау-Зигена о появленіи непріятеля, или присоединиться къ русской эскадрѣ, стоявшей выше устья рѣки Буга предъ Станиславовою косою. Турки устремились за дубль-шлюбкою; Сакенъ, чувствуя несоразмѣрность силъ, поспѣшалъ удалиться, но четыре турецкія галеры, очень легкія на ходу, настигали его и кричали, чтобъ онъ сдался. Сакенъ, войдя въ устье Буга, высадилъ всѣхъ бывшихъ людей и чтобы не дать завладѣть судномъ Туркамъ, самъ съ зажженнымъ фитилемъ спустился въ крюйтъ-камеру. Вскорѣ дубль-шлюбка была окружена преслѣдовавшими ее галерами; экипажъ ихъ, видя русское судно оставленное, смѣло присталъ къ борту и толпы взошли на палубу, какъ вдругъ съ трескомъ дубль-шлюбка поднялась на воздухъ и вмѣстѣ съ нею турецкія галеры со всѣми на нихъ бывшими людьми. Такимъ геройскимъ подвигомъ капитанъ Сакенъ кончилъ жизнь свою, увѣковѣчивъ ее вѣчною славою.

Очаковская осада продолжалась медленно, которую называлъ фельдмаршалъ осадою Трои; однакожь были успѣхи на водахъ, какъ то: наша флотилія одержала побѣду надъ флотиліею турецкою, равно и большой нашъ флотъ заставилъ турецкій оставить Очаковъ.

Въ теченіи очаковской осады, Александръ Васильевичъ Суворовъ въ одинъ день при вылазкѣ завязалъ большое дѣло, посылая безпрестанно по нѣскольку батальйоновъ занять сады, прилежавшіе къ крѣпости, такъ что весь лѣвый флангъ вступилъ въ сраженіе, и наши войска много претерпѣвали отъ усилившихся подкрѣпленій Турокъ въ выгодной для нихъ позиціи. Кажется, намѣреніе его было, видя медленную осаду, заставить свѣтлѣйшаго князя симъ средствомъ рѣшиться на штурмъ или самому съ своимъ корпусомъ на плечахъ Турокъ ворваться въ крѣпость; и ежели бы князь Рѣпнинъ (18) не выручилъ съ своимъ

штадтѣ, въ Ѳеодосіи, въ Житомірѣ, Москвѣ, Митавѣ, Симбирскѣ, Полтавѣ, Кіевѣ и Мобежѣ (во Франціи) при главной квартирѣ нашихъ войскъ, остававшихся во Франціи до 1818 года.

(18) Князь Николай Васильевичъ (послѣдній князь Рѣпнинъ), фельд-

корпусомъ, то наши бы войска претерпѣли значительный уронъ. Александръ Васильевичъ раненъ былъ въ руку легко. Свѣтлѣйшій князь послалъ его спросить дежурнаго генерала: «какъ онъ осмѣлился безъ повелѣнія завязать столь важное дѣло?» Суворовъ отвѣчалъ: «на камушкѣ сижу и на Очаковъ гляжу.»

Фельдмаршалъ получилъ донесеніе отъ графа Салтыкова, что Хотинъ Турки сдаютъ на капитуляцію, но требовали сроку на три дня; фельдмаршалъ къ тому времени приказалъ, чтобы на батареяхъ были пушки заряжены стрѣлять викторію о сдачѣ Хотина, когда курьеръ пріѣдетъ; но онъ пріѣхалъ съ тѣмъ, что отстрочено еще Туркамъ на три дня, и потомъ еще на три дня (а); фельмаршалъ былъ очень недоволенъ и, не ожидая уже взятія Хотина, выступилъ съ главнымъ корпусомъ впередъ. Всѣ мы, молодые служивые, обрадовались, что наконецъ увидимъ непріятеля, и ревностно хотѣли съ нимъ сразиться; но дошедъ въ нѣсколько маршей, остановились до окончанія кампаніи при урочищѣ Цицорахъ на лѣвой сторонѣ Прута въ 20 верстахъ отъ Яссъ.

Корпусъ генерала Эльмта занялъ Яссы и поступилъ, по отпускѣ его, въ командованіе генералъ-поручика князя Бориса Григорьевича Шаховскаго (19); черезъ день резервный корпусъ генерала Каменскаго присоединился къ главному. На маршѣ получено донесеніе графа Салтыкова о занятіи Хотина и сдачѣ онаго Цесарцамъ. Графу Салтыкову поручено занять Кишеневъ и наблюдать Бендеры.

Непріятельскій лагерь открытъ былъ, въ сорока верстахъ на лѣвой сторонѣ Прута противъ Рябой могилы, въ большихъ силахъ.

За малоимѣніемъ легкихъ войскъ, фельдмаршалъ приказалъ

маршалъ, род. 11 марта 1734 г., умеръ 12 мая 1801. Онъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ мартинистовъ. Новиковъ, Лопухинъ и другіе были его искренними друзьями.

(а) Сказывали, что медленной осадѣ Хотина и еще болѣе девяти-дневной отстрочкѣ была причиною жена каменецъ-подольскаго польскаго коменданта Витта (которая послѣ была за графомъ Потоцкимъ), въ которую графъ Салтыковъ былъ влюбленъ, и которая часто пріѣзжала въ лагерь; она была Гречанка, сестра ея была замужемъ, за хотинскимъ пашею, почему графъ, по просьбѣ ея, посылывалъ парламентера съ письмами отъ г-жи Виттъ къ сестрѣ, а отъ той получала она на оныя отвѣты.

(19) Князь Борисъ Григорьевичъ Шаховской, генералъ-лейтенантъ, ум. 1813 г.

отставному полковнику Сиверсу, бывшему волонтеромъ, набрать три тысячи Арнаутовъ (а); ему поручены отъ трехъ корпусовъ Донскаго войска козачьи полки и повелѣно быть въ десяти верстахъ отъ арміи, имѣть свой станъ, охранять оную и посылать партіи для развѣдыванія. Рѣдко очень козаки встрѣчались съ Турками, а еще менѣе было небольшихъ схватокъ; Турки такъ боялись Русскихъ, а еще болѣе имени Румянцова, что какъ скоро завидятъ козака, то бывало и бѣгутъ; однакожь во все то время нахватали человѣкъ до пятидесяти плѣнныхъ.

Армія имѣла всегда съ собою провіянтъ, люди на себѣ въ ранцахъ на четыре дня, въ фурахъ полковыхъ на шесть, да въ каждый полкъ даны были возы на волахъ, и на оныхъ было провіянта на 22 дня. Транспорты съ провіянтомъ еженедѣльно приходили изъ Польши; заготовленіе онаго поручено было генералъ-майору Шамшеву и генералъ провіянтмейстеру, бригадиру Новицкому; для прикрытія магазиновъ въ Польшѣ, подъ командою сказаннаго Шамшева, оставался Днѣпровскій мушкетерскій полкъ, отъ нѣкоторыхъ мушкетерскихъ полковъ двухъ-ротныя команды; въ мѣстечкѣ Сорокѣ, Молдавскаго княжества, построенъ былъ ретраншаментъ, въ который свозили покупаемый въ Польшѣ провіянтъ и фуражъ.

Въ Польшѣ сдѣлалась революція, и 3 мая сеймъ утвердилъ новую конституцію; Поляки оказывали непріязненное къ намъ расположеніе; посолъ нашъ гр. Штакельбергъ (20) лишился прежняго своего вліянія, а довѣренность Поляковъ получилъ прусскій министръ Луккезини (21).

Цесарскія войска непрестанно, хотя и не было генеральной баталіи, но во многихъ сраженіяхъ Турками были поражаемы. Императоръ неоднократно просилъ фельдмаршала сдѣлать движеніе для диверсіи въ пользу Австрійцевъ, но графъ и съ мѣ-

---

(а) Арнаутами звались тутъ Молдоване или Волохи, добровольно вступавшіе въ службу на своемъ конѣ и вооруженіи, за что получали по червонцу въ мѣсяцъ жалованья, провьянтъ и фуражъ; они худо служили, однакожь нѣкоторые были изрядные наѣздники, а особливо славился ихъ начальникъ майоръ Іордаки.

(20) Графъ Отто Магнусъ Стакельбергъ, род. 7 февраля 1736 г., умеръ 1799.

(21) Авторъ въ этомъ мѣстѣ упоминаетъ по ошибкѣ о произшествіяхъ позднѣйшихъ; эти событія относятся къ 1791 году, въ которомъ состоялась конституція 3 мая. Съ слѣдующей за тѣмъ фразы начинается опять связный разказъ.

ста не тронулся, подъ видомъ, чтобы при его движеніи не открыть мѣста, чрезъ которое Турки могли подать секурсъ Очакову (22). Неоднократно для сего пріѣзжали въ лагерь австрійскіе генералы: Іордышъ, Сплени и Карачай; а сверхъ того, для наблюденія нашихъ дѣйствій, при нашей арміи былъ полковникъ Гербертъ. Подъ исходъ уже кампаніи изъ-подъ Очакова пріѣзжалъ въ Яссы принцъ де-Линь, откуда часто пріѣзживалъ для сего же въ лагерь. Несмотря однакожь на его краснорѣчивыя убѣжденія, фельдмаршалъ и шагу не дѣлалъ.

Главнокомандующій былъ очень недоволенъ генералъ-квартермистромъ Бердяевымъ, который дѣйствительно не имѣлъ особливыхъ дарованій, ни природныхъ, ни пріобрѣтенныхъ свѣдѣніями. Къ генералъ-квартермистру лейтенанту Медеру онъ по особливымъ причинамъ не благоволилъ и хотѣлъ испытать товарища его полковника Филиппи: способенъ ли онъ, еслибы нужда потребовалась, на какое важное предпріятіе? Фельдмаршалъ далъ ему повелѣніе съ сотнею казаковъ ѣхать по правую сторону Прута и рекогносцировать: можно ли, поставя батарею на Рябой Могилѣ, анфилировать непріятельскій лагерь? Прутъ въ то время былъ такъ мелокъ, что было только лошади по колѣно; фельдмаршалъ, давъ ему приказъ, не объявилъ, что полковнику Сиверсу дано уже повелѣніе,—что Филиппи поѣдетъ рекогносцировать; а потому чтобы Сиверсъ заранѣе со всѣми своими легкими войсками отправился впередъ и его бы прикрывалъ, и ежели не только опасно будетъ Филиппи, но даже можно опасаться потери одного человѣка его команды, то чтобы самъ возвратился и далъ бы Филиппи запечатанное повелѣніе, въ которомъ ему приказано было возвратиться безъ исполненія порученнаго. Филиппи, получивъ приказаніе отъ фельдмаршала, думалъ, что посылается на неизбѣжную смерть. Отъѣхавъ верстъ десять, спросилъ онъ Молдаванъ: есть ли Турки на той сторонѣ? И какъ они ему сказали, что много, то онъ и отправился назадъ. Вошедъ къ фельдмаршалу въ ставку, когда уже было большое собраніе, и какъ на тотъ разъ хотинскій

---

(22) О причинахъ этого бездѣйствія Румянцова, въ отношеніи Австрійцевъ, авторъ уже говорилъ въ I главѣ своихъ *Записокъ*. Квартермистръ Бердяевъ, о коемъ говорится ниже, былъ екатеринославскимъ военнымъ губернаторомъ при императорѣ Павлѣ I, который имѣлъ къ нему большое довѣріе. (См. письма е. в. къ Бердяеву, въ *Чтеніяхъ Императ. Общ. Исторіи и Древн. Росс.* 1858 г. кн. I. отд. 5, стр. 105.)

гарнизонъ не въ дальнемъ разстояніи отъ лагеря проходилъ подъ прикрытіемъ австрійскихъ войскъ, то командующій онымъ конвоемъ генералъ и многіе австрійскіе штабъ-офицеры тутъ были. Фельдмаршалъ, какъ скоро увидѣлъ вошедшаго Филиппи, подошелъ къ нему и спросилъ на ухо: Sind Sie da gewesen? Были ли вы тамъ? — Nein, Ihre Erlaucht. Нѣтъ, ваше сіятельство. — Warum? Для чего? — Ich fürchtete. Я побоялся. — Тогда вдругъ вскричалъ фельдмаршалъ громко: «Счастливъ ты, что сказалъ не порусски, а ихъ языкомъ (показавъ на Австрійцевъ), а то бы тотчасъ велѣлъ тебя разстрѣлять.» — И послѣ сего не только никогда его не употреблялъ, но даже съ нимъ никогда уже не говорилъ.

Тогда фельдмаршалъ вздумалъ испытать дивизіоннаго квартермистра Лена. Когда хотинскій гарнизонъ вышелъ въ турецкій лагерь, то сераскиръ присылалъ парламентера благодарить за исполненіе въ точности капитуляціи. Фельдмаршалъ воспользовался симъ, послалъ Лена съ пустымъ комплиментомъ, но, отправляя его, сказалъ ему: «непремѣнно привези ты мнѣ планъ позиціи непріятельскаго лагеря». Ленъ вотъ какъ исполнилъ сіе порученіе: какъ скоро пріѣхалъ къ аванпостамъ съ трубачемъ, то далъ себѣ по обыкновенію завязать глаза, но когда онъ почувствовалъ, что уже въ непріятельскомъ лагерѣ, по шуму его окружавшихъ, тогда вдругъ сдернулъ повязку; нѣкоторые Турки было бросились на него, но онъ, выхвативъ пистолетъ, угрожалъ выстрѣломъ. Онъ приведенъ былъ въ палатку, обгороженную тростникомъ, но уже успѣлъ увидѣть все положеніе турецкаго лагеря. При возвращеніи своемъ, начертилъ планъ и представилъ его фельдмаршалу, который спросилъ: «какъ, батюшка, вы это сдѣлали?» И когда онъ ему отвѣчалъ, то графъ его обнялъ и сказалъ: *будемъ друзьями, господинъ Ленъ.*

Скажу вамъ, что впалъ было я въ гнусный порокъ, но благодареніе Богу, добрый мой пріятель отъ того меня избавилъ. Полковникъ мой, слѣдуя англійскому обыкновенію (23), подпивалъ; послѣ обѣда ставили чашу пунша пріятели его, а мои товарищи стали на мой счетъ подшучивать, что похожъ ли я на гренадерскаго офицера, водки и пунша не пью и трубки не курю. Желая быть въ числѣ короткихъ пріятелей своего пол-

---

(23) Князь Дашковъ былъ воспитанъ въ Англіи.

ковника и быть настоящимъ гренадерскимъ офицеромъ, сперва пилъ я въ угожденіе, потомъ это вошло въ привычку и наконецъ не только у полковника, но уже я искалъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ бы подпить; словомъ сказать, ни одного дня не проходило, чтобъ я не былъ пьянъ. Роштейнъ произведенъ былъ недавно секундъ-майоромъ, онъ не успѣлъ еще завестись своею палаткой и жилъ у меня. Въ одинъ день послѣ обѣда, соснувъ, я одѣлся и хотѣлъ идти, какъ онъ вдругъ сказалъ мнѣ: «Послушай, Л. Н., за благосклонность твоего ко мнѣ зятя, бывшаго нашего командира, и по дружбѣ моей къ тебѣ, я долженъ сказать, что уже наконецъ я выхожу изъ терпѣнія, и мнѣ стыдно жить въ одной палаткѣ съ пьяницею; представь, что вотъ уже около мѣсяца, какъ ты всякій день пьянъ и теперь, я вижу, спѣшишь искать пуншъ; ежели не исправишься, я тотчасъ съ тобой разстанусь». Чувствительна мнѣ была такая укоризна; сначала я было на него разсердился, но какъ скоро одумался, то дѣйствительно увидѣлъ, что страсть сія во мнѣ сильно укоренилась. Я далъ себѣ слово болѣе не пить, и могу сказать, что съ тѣхъ поръ во всю мою жизнь былъ трезвой и воздержной жизни; счастливая минута, въ которую другъ мой своимъ словомъ излѣчилъ меня!

Въ началѣ ноября сдѣлались большіе морозы, выпалъ снѣгъ, и стала зима, какой въ Молдавіи никто не помнилъ; рѣки замерзли и даже Лиманъ подъ Очаковымъ.

15-го числа полковникъ Сиверсъ донесъ, что Турки лагерь свой оставили; генералъ Каменскій получилъ повелѣніе преслѣдовать непріятеля, а по другой сторонѣ Прута генералъ-поручику князю Шаховскому приказано идти впередъ до Васлуи и начальствовать передовымъ корпусомъ.

Войска 22 числа вошли въ зимовыя квартиры; въ Цыцорахъ сдѣлано было нѣсколько редутовъ, и оставлено три батальйона для прикрытія Яссъ и сбереженія замерзшихъ понтонныхъ мостовъ. Корпусъ кишеневскій порученъ былъ генералу Каменскому, на мѣсто графа Салтыкова, который отпросился въ Петербургъ. Главная квартира заняла Яссы.

При выходѣ изъ лагеря, наканунѣ того дня, говорилъ я полковнику, что мнѣ хочется побывать къ батюшкѣ; онъ мнѣ сказалъ, что о томъ скажетъ фельдмаршалу, который, какъ скоро о томъ услышалъ, съ гнѣвомъ сказалъ: «Мы еще не вошли въ зимовыя квартиры, а молодые люди уже скучаютъ службой». Хотя всѣ знали, что уже и приказъ написанъ, только еще не

былъ объявленъ, но чрезъ нѣсколько часовъ оный и отданъ былъ при паролѣ.

Штабы всѣхъ полковъ, составлявшихъ главный корпусъ, остались въ Яссахъ, а полки были расположены въ окружностяхъ. Я уже лишился было надежды быть въ отпуску, а проситься боялся и подумать.

25-го обѣдалъ я у фельдмаршала, какъ вдругъ онъ сказалъ мнѣ:—Какъ, господинъ майоръ, я слышалъ, что вы хотите въ отпускъ? Я ему отвѣчалъ: «Если ваше сіятельство позволите». — Для чего же нѣтъ, сказалъ онъ. Вставши изъ-за стола и подошедъ ко мнѣ, онъ спросилъ:—Скоро ли вы хотите ѣхать? «Какъ вашему сіятельству угодно».—Однакожь, еслибъ отъ васъ зависило? «Я бы уѣхалъ сего же дня».—Вы очень скоры, однакожь я васъ прошу остаться только до шести часовъ утра завтрашняго дня, а притомъ я васъ буду просить взять на себя нѣкоторыя порученія, и завтра въ шесть часовъ прошу ко мнѣ. Я думалъ, что, какъ мнѣ должно было проѣзжать Гомель, его мѣстечко въ Бѣлоруссіи, то вѣрно что-нибудь прикажетъ къ его тамъ управляющему. Не успѣлъ я въ шесть часовъ поутру явиться, какъ уже дежурный генералъ сказалъ, что фельдмаршалъ меня ожидаетъ. Я вошелъ въ кабинетъ: графъ далъ мнѣ паспортъ на двадцать девять дней, подорожную и письмо къ моему отцу, сказавъ: «Вотъ въ чемъ состоитъ мое порученіе, доставьте удовольствіе вашему батюшкѣ видѣть добраго сына» (а).

Лестное сіе письмо я почитаю лучшимъ себѣ атестатомъ въ мою службу. Съ какою деликатностію сей великій человѣкъ

(а) Вотъ содержаніе сего письма:

Милостивый Государь мой Николай Богдановичъ!

Податель сего будетъ вамъ лучшимъ свидѣтелемъ моего къ вамъ усердія, но я не могу однакожь отказать себѣ того удовольствія, чтобы не представить его тоже съ моей стороны, свидѣтельствовать о его лучшемъ поведеніи и прилежности къ службѣ и вамъ не пожелать всякаго самомысленнѣйшаго добра, и что я въ особливое себѣ удовольствіе вмѣняю всякій случай, который мнѣ подастъ способы вамъ и вашему достойному сыну мои услуги оказать. И съ сими чувствами и искреннѣйшимъ почтеніемъ что я имѣю честь быть

Яссы 26 ноября 1788 года.

Вашего Превосходительства
всепокорнѣйшій и всегдашнѣйшій слуга
Гр. Румянцовъ-Задунайскій.

дѣлалъ свои благодѣянія, и вотъ какимъ очарованіемъ привязывалъ къ себѣ! Хотя чины и кресты во время его командованія трудно доставались, но за то они были имъ раздаваемы справедливо и за настоящее дѣло, кто чего заслуживалъ; за то всякая награда принималась съ величайшимъ уваженіемъ.

Можете себѣ представить, съ какимъ удовольствіемъ отецъ мой меня увидѣлъ съ графскою рекомендаціею. Уже въ бытность мою въ Могилевѣ, узналъ я о взятіи штурмомъ Очакова шестаго декабря (а).

Свѣтлѣйшій князь награжденъ орденомъ Св. Георгія 1-го класса; по его рекомендаціи всѣ щедро награждены орденами и крестами; по нѣкоторомъ времени отправился онъ въ С.-Петербургъ, гдѣ его съ тріумфомъ встрѣтили, и по пути, гдѣ онъ проѣзжалъ, встрѣчали какъ побѣдителя; весь его проѣздъ уподоблялся празднику. Штабъ и оберъ-офицеры всѣ получили золотые кресты на георгіевской лентѣ съ надписью: «За службу и храбрость», а на другой сторонѣ: «Очаковъ взятъ 6 декабря 1788 года». Нижнимъ чинамъ даны серебряныя медали.

1789. Въ 1789 году явился я изъ отпуска къ фельдмаршалу, нѣсколько дней просрочивъ, и боялся его выговора; но вмѣсто того, увидя меня, онъ сказалъ: «Какъ, вы уже возвратились? — Я и такъ, ваше сіятельство, просрочилъ; причиною тому большія метели, отвѣчалъ я. И дѣйствительно, подъѣзжая къ Могилеву, подводчикъ мой потерялъ дорогу, всю ночь проплуталъ и почти къ свѣту, заѣхавъ въ сторону, наткнулся на одну деревню, гдѣ дождался свѣту; въ ту крутую зиму многіе отъ вьюгъ пострадали. «Напрасно вы спѣшили, дѣла теперь нѣтъ, вы бы могли еще пробыть столько же у вашего батюшки; однакожь это не худо: впередъ будете имѣть кредитъ».

Во время моего отсутствія, генералу Каменскому повелѣно

(а) Взятіе Очакова стоило очень дорого; потеря людей чрезвычайно значительна не убитыми, но отъ продолжительной кампаніи; зима, наставшая въ томъ краю ранѣе и холоднѣе обыкновеннаго, изнурила людей до того, что едва четвертая часть осталась отъ многочисленной арміи, а кавалерія потеряла всѣхъ почти лошадей. Свѣтлѣйшій князь, жалѣя людей, рѣшился на штурмъ по необходимости поздно; еслибы штурмъ данъ былъ тотчасъ по отбытіи турецкаго флота, то потеря была бы въ половину менѣе; разчетъ самый невѣрный для сбереженія людей — поздняя кампанія, а особливо въ мѣстахъ, гдѣ продовольствіе такъ затруднительно, и есть лишеніе всѣхъ нужныхъ потребностей. Филантропія не всегда бываетъ кстати.

было выгнать Татаръ изъ занимаемыхъ ими квартиръ, селеній Гангуръ и Салкуцъ, къ сторонѣ Бендеръ. Каменскій, напавъ на нихъ нечаянно, почти всѣхъ ихъ истребилъ; въ томъ числѣ былъ убитъ сынъ хана, командовавшаго оными; малое число изъ нихъ спаслось. Этимъ зимовыя наши квартиры стали безопасны и во всю зиму не были непріятелями обезпокоиваемы; почему три батальйона, подъ командою полковника Владычина, оставленные при Цыцорахъ въ землянкахъ, для прикрытія укрѣпленія, отпущены, а на мѣсто ихъ для караула понтонныхъ мостовъ оставлено двѣ роты.

Князь Г. С. Волконскій, на другой же день моего прибытія, командировалъ меня къ онымъ двумъ ротамъ. Фельдмаршалъ того же дня спросилъ нашего полка премьеръ-майора Клугина, «гдѣ же вашъ пріѣзжій майоръ Энгельгардтъ?»—а какъ тотъ отвѣчалъ, что командированъ въ Цыцоры для караула мостовъ княземъ Волконскимъ, тутъ бывшимъ, фельдмаршалъ съ гнѣвомъ сказалъ ему: «Для чего штабъ-офицера нарядили въ караулъ? Тотчасъ пошлите ордеръ господину майору, чтобы сдалъ онъ команду старшему по себѣ капитану, и завтра явился бы ко мнѣ. Господинъ генералъ, примолвилъ онъ, молодыхъ, хорошихъ офицеровъ надобно поощрять, а не унижать». Получа сіе повелѣніе, я очень обрадовался, тѣмъ болѣе когда узналъ о пріятномъ отзывѣ обо мнѣ фельдмаршала.

По прибытіи въ Яссы, занялся я, какъ прежде уже себѣ предположилъ: досталъ я книгу *Le parfait ingénieur Français,* гдѣ всѣ до того времени извѣстныя системы всѣхъ авторовъ о крѣпостяхъ подробно описаны, и могу сказать, что прилежаніемъ своимъ всѣ три манера укрѣпленій Вобана и регулярныя крѣпости его и Когорна твердо самъ собою выучилъ, равно какъ атаку, такъ и защиту; также къ оному присовокупилъ *De l'attaque et de la défense des places, par Blondel.* Изъ библіотеки князя Дашкова много читалъ тактическихъ книгъ; словомъ, зимовыя квартиры провелъ я съ пользою, а въ слѣдующій годъ прошелъ я и курсъ артиллеріи, готовясь служить съ замѣчаніемъ и быть годнымъ къ употребленію, когда какой случай предстанетъ.

Образъ жизни фельдмаршала въ Яссахъ былъ таковъ: онъ вставалъ всегда въ пять часовъ; въ шесть приходилъ къ нему съ рапортомъ дежурный генералъ, потомъ секретари его разныхъ экспедицій по очереди подносили дѣла, которыя онъ приказывалъ къ тому дню приготовить; въ десять въ кабинетъ

были допускаемы генералы и нѣкоторые полковники; въ одиннадцать выходилъ онъ въ пріемную комнату и изъ бывшихъ тутъ съ каждымъ почти говорилъ. Наконецъ отворялись двери, и допускаемы были къ нему люди всякаго званія съ просьбами: солдаты, Молдаване, Жиды, словомъ кто только имѣлъ до него дѣло; словесныя просьбы выслушивалъ онъ съ терпѣніемъ и тогда же дѣлалъ удовлетвореніе, отсылая ихъ куда слѣдуетъ, или чрезъ своихъ адъютантовъ или ординарцевъ; писанныя же просьбы принималъ и клалъ въ карманъ. Обѣдалъ въ первомъ часу въ половинѣ; столъ его, такъ же какъ и въ лагерѣ, былъ на сорокъ приборовъ; послѣ обѣда чрезъ полчаса откланивался и уходилъ въ кабинетъ; тамъ нѣсколько отдыхалъ, а проснувшись разсматривалъ просьбы, на всякой своею рукой надписывалъ резолюцію и къ которому числу долженъ ее секретарь исполнить, записывая у себя въ особливую тетрадь и въ слѣдующее утро справлялся съ нею: какія дѣла и который секретарь долженъ былъ ему доложить. Въ шесть часовъ вечера приходили секретари, и каждому изъ нихъ по экспедиціи онъ отдавалъ тѣ просьбы; ежели какая поступала просьба недѣльная, то онъ наддиралъ у оной уголокъ: то было знакомъ, чтобы просителю отказать. Потомъ выходилъ въ пріемную, гдѣ собирались генералы и штабъ-офицеры и дѣлали партіи, а въ девять часовъ онъ откланивался, и всѣ разъѣзжались. Во все время той зимы въ Яссахъ было тихо; у нѣкоторыхъ бояръ бывали балы, какъ-то у князя Кантакузена, у Стурдзы и нѣкоторыхъ другихъ. На оныхъ балахъ танцовали Молдаване свой танецъ, называемый жоко: становились въ кружокъ мущины и женщины, держась рука за руку, и, важно подвигая ноги то въ сторону, то впередъ, обходили кругомъ по ихъ музыкѣ, составляющейся изъ цыганъ (инструменты: кобза, родъ гитары, свирѣль и двѣ скрипки), съ припѣваніемъ гнусящихъ сихъ самыхъ музыкантовъ. Сіи же танцы и въ простомъ народѣ употребляются. На сихъ балахъ въ другихъ комнатахъ игрывали въ карты, и многіе бояре страстно играли большею частію въ рокамболъ и азартныя игры. Между тѣмъ разносили варенье, фрукты, шербетъ, и желающіе курили трубки.

Въ мартѣ, князь Шаховской донесъ, что онъ атакованъ превосходными силами, и требовалъ скораго подкрѣпленія. На зиму всѣ почти полковники отправились въ отпускъ, одни штабъ-офицеры командовали полками. Фельдмаршалъ приказалъ наря

дить два батальйона Сибирскаго и два батальйона Малороссійскаго полковъ съ ихъ полковыми орудіями и отъ каждаго полка штабъ-офицера; старшему изъ нихъ приказалъ поручить всѣ четыре батальйона. Старшимъ случилось быть мнѣ, и на другой день долженъ я былъ явиться къ фельдмаршалу для полученія приказанія и тотчасъ выступить. Я былъ въ восхищеніи, всю ночь занятъ былъ распоряженіями, былъ у генералъ-квартермистра для полученія маршрута, скопировалъ карту окружности Васлуи. Мечталась въ моихъ мысляхъ слава, которую пріобрѣту я моими дарованіями и храбростію, но мечта сія на другой же день рано исчезла.

Князь Шаховской донесъ, что вмѣсто большихъ непріятельскихъ силъ, которыхъ онъ самъ не видалъ, только передовые посты его были атакованы сильною партіею, которая вскорѣ, не сдѣлавъ ни малѣйшаго вреда, отступила къ своимъ квартирамъ къ Галацу. При томъ схваченные Турки сказывали, что тамъ дѣлаютъ нѣсколько отдѣльныхъ укрѣпленій, полагать должно редутовъ.

Въ исходѣ же марта, главнокомандующій сдѣлалъ производства на вакансіи; мнѣ досталось преміеръ-майоромъ въ Днѣпровскій полкъ, пребывавшій для прикрытія магазиновъ въ Польшѣ.

Фельдмаршалъ, вскорѣ послѣ взятія Очакова, просилъ у императрицы, по преклоннымъ лѣтамъ и болѣзнямъ, увольненія отъ командованія арміею, на что государыня соизволила указать при милостивомъ рескриптѣ. Послѣ того обѣ арміи соединились подъ команду свѣтлѣйшаго князя Потемкина, но до пріѣзда его назначено принять оную генералъ-аншефу князю Николаю Васильевичу Рѣпнину; авангардный корпусъ—генералъ-аншефу Александру Васильевичу Суворову. Фельдмаршалъ не хотѣлъ дожидаться князя Рѣпнина, который тогда еще былъ въ Россіи, и до прибытія его сдалъ армію генералу Каменскому.

Суворовъ скоро прибылъ и явился къ фельдмаршалу въ курткѣ и каскѣ, когда былъ тамъ и Каменскій, который всегда былъ по недугу своему въ длинномъ мундирномъ сюртукѣ, бѣлою портупеей подвязанномъ. Суворовъ до выхода еще фельдмаршала изъ кабинета сказалъ Каменскому: «Признаться, мы съ тобой великіе оригиналы: оба мы у фельдмаршала, котораго чтимъ душею, только ты очень долго, а я очень коротко». Не замедлилъ прибыть и князь Николай Васильевичъ Рѣпнинъ и вступилъ въ командованіе арміею. Тогда фельдмаршалъ пересе-

лился на рѣчку Жижу, въ деревню одного молдаванскаго боярина, въ десяти верстахъ отъ Яссъ, гдѣ и пробылъ почти до заключенія мира.

Въ апрѣлѣ князь Рѣпнинъ приказалъ генералъ-поручику Дерфельдену атаковать непріятеля въ укрѣпленіяхъ его при Галацѣ, что тотъ и исполнилъ, взялъ въ плѣнъ человѣкъ шестьсотъ и двадцать пушекъ; прочія непріятельскія войска прогнаны за Серетъ къ Браилову, а самъ Дерфельденъ возвратился въ Берлатъ, гдѣ Суворовъ учредилъ авангардный свой постъ.

Прибылъ я въ полкъ Днѣпровскій, расположенный въ Ямполѣ. Полковникъ сего полка Гавріилъ Михайловичъ Рахмановъ былъ мнѣ очень радъ, ибо полкъ былъ очень разстроенъ и снабженъ офицерами новыми и неопытными; нижнихъ чиновъ почти не было, и всѣ солдаты были изъ рекрутъ. Итакъ, занялся я по своему званію новою своею должностію. По тогдашней службѣ на преміеръ-майорѣ почти, такъ сказать, лежалъ весь полкъ: онъ настоящій былъ хозяинъ; полковникъ занимался пріятнымъ начальствомъ, а все трудное и непріятное по службѣ было участью премьеръ-майора; за то скоро могъ исправный майоръ сдѣлать свою репутацію и быть на замѣчаніи у главнаго начальства.

Во время пребыванія полка въ Ямполѣ, генералъ Каменскій, ѣхавшій въ отпускъ, пробылъ въ Сорокѣ недѣли съ двѣ; а какъ разстояніе отъ Ямполя по лѣвой сторонѣ Днѣпра не болѣе трехъ верстъ, то все то время мы пробыли съ нимъ вмѣстѣ. Какъ скоро не касалось Московскаго полка, въ которомъ онъ былъ шефъ, и гдѣ офицерамъ по чрезвычайной его строгости почти служить было невозможно, какъ корпусный командиръ былъ онъ любимъ, а не по службѣ былъ очень любезенъ. Онъ ожидалъ скотъ и табуновъ своихъ, отогнанныхъ имъ во время экспедиціи на Гангуру и Салнакуцъ.

Наконецъ Поляки настояли, чтобы наши войска выведены были изъ Польши, а сами сформировали свои войска и обучали на прусскій манеръ, почему полкъ Днѣпровскій получилъ повелѣніе идти въ кишеневскій корпусъ, подъ команду генерала Кречетникова. Главный корпусъ бывшей Украинской арміи былъ въ Гинчештяхъ; передовой подъ непосредственнымъ начальствомъ генерала Суворова въ Берлатѣ.

Въ іюнѣ Суворовъ, соединясь съ принцемъ Кобургскимъ, разбилъ непріятеля при Фокшанахъ и прислалъ реляцію князю Н. В. Рѣпнину, слѣдующаго содержанія: «Рѣчка Путна отъ

дождей широка, Турокъ тысячъ пять-шесть спорили, мы ее перешли, при Фокшанахъ разбили непріятеля; на возвратномъ пути въ монастырѣ засѣли пятьдесятъ Турокъ съ Баиракторомъ; я ими учтивствовалъ принцу Кобургскому, который послалъ команду съ пушками, и они сдались.»

Вскорѣ послѣ того полкъ нашъ былъ командированъ для обезпеченія переправы на Днѣстрѣ идущему бывшей Екатеринославской арміи передовому корпусу, подъ командою генералъ-поручика Павла Сергѣевича Потемкина (24), состоящему изъ четырехъ батальйоновъ Бугскаго егерскаго корпуса, котораго шефомъ былъ незабвенный Михаилъ Ларіоновичъ Кутузовъ (25), и изъ четырехъ батальйоновъ Екатеринославскаго егерскагокорпуса, котораго былъ шефъ зять мой Сергѣй Козьмичъ Вязмитиновъ, а также изъ двухъ гусарскихъ полковъ. За онымъ и вся Екатеринославская армія слѣдовала (которая потомъ заняла позицію подъ Фокшанами, до блокады Бендеръ). Какъ скоро переправился тотъ авангардный корпусъ, полкъ нашъ возвратился въ лагерь подъ Кишиневъ.

Свѣтлѣйшій князьприбылъ къ арміи; осмотрѣвъ нашъ корпусъ, ѣздилъ для осмотра главнаго корпуса, бывшей Украинской арміи, при Гинчештяхъ; потомъ отправился уже къ собравшейся при Фокшанахъ арміи.

По полученнымъ извѣстіямъ, что визирь съ большою арміею идетъ на австрійскій корпусъ принца Кобургскаго, расположенный отъ Берлата болѣе ста верстъ, Суворову предписано соединиться съ принцемъ и разбить визиря; а князю Рѣпнину, присоедивъ ивкъ себѣ корпусъ генерала Кречетникова, разбить Гассанъ-Пашу, расположеннаго въ Табакѣ. Гассанъ-Паша въ прошлую кампанію былъ капитанъ-пашею и въ наказаніе, что не способствовалъ защитѣ Очакова, былъ разжалованъ, сдѣланъ комендантомъ Измаила, и приказано было ему отъ султана съ сильнымъ корпусомъ занять Табакъ и препятствовать нашей арміи подать помощь Австрійцамъ.

Соединенные наши два корпуса составляли болѣе двадцати тысячъ регулярнаго войска и три тысячи козаковъ. На рѣчкѣ Ларгѣ было авангардное сраженіе, и узнали, что Гассанъ-Паша

---

(24) Графъ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, генералъ-аншефъ, ум. 29 марта 1795 г. Онъ былъ внучатный братъ князя Таврическаго.

(25) Свѣтлѣйшій князь Михаилъ Ларіоновичъ Кутузовъ-Смоленскій род. 5 сентября 1745, ум. 16 апрѣля 1813 года.

занимаетъ крѣпкую позицію въ укрѣпленномъ лагерѣ при рѣкѣ Сальчѣ, недалеко отъ извѣстнаго урочища Кагулъ, славнаго по побѣдѣ, одержанной фельдмаршаломъ графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцовымъ-Задунайскимъ въ прошлую войну; и что, по причинѣ нѣсколькихъ крутыхъ горъ предъ самою непріятельскою позиціею, затруднительно было его атаковать.

Генералъ-квартермистръ лейтенантъ Медеръ рекогносцировалъ и открылъ, что между двухъ хребтовъ горъ, сдѣлавъ двадцать верстъ лишнихъ, скрытно можно было обойдти сіи горы и придти во флангъ, гдѣ непріятель не имѣлъ никакого укрѣпленія и никакъ насъ съ той стороны не ожидалъ. Почему съ вечера выступили боковымъ маршемъ лощиною между тѣхъ горъ; авангардъ составленъ былъ подъ командою генералъ-майора Ласси изъ полковъ пѣхотныхъ: Днѣпровскаго, Угличскаго и Витебскаго, Кіевскаго карабинернаго, трехъ эскадроновъ кирасиръ и трехъ тысячъ Донскаго войска козаковъ, подъ командою наказнаго атамана В. П. Орлова (26).

Дѣйствительно, непріятель былъ изумленъ нечаяннымъ нашимъ появленіемъ, когда онъ думалъ, что мы еще изъ занимаемаго нами наканунѣ лагеря не тронулись. Авангардъ занялъ два оканчивающихся хребта горъ въ двухъ кареяхъ, между которыхъ мы прошли верстахъ въ десяти отъ турецкаго лагеря; между сихъ двухъ кареевъ въ лощинѣ поставлены были три эскадрона кирасиръ, за ними Кіевскій карабинерный полкъ, а впереди ихъ въ полуверстѣ козаки въ двѣ шеренги (по термину ихъ *лавою*) на равнинѣ, простирающейся не только до турецкаго лагеря, но и до самаго Табаку верстъ на сорокъ. Весь корпусъ за авангардомъ расположился въ двухъ верстахъ, въ двухъ линіяхъ.

Непріятель выслалъ свою конницу противъ насъ, а прочія его войска стали приготовляться къ отступленію. Картина представилась намъ превосходная: Турки разсыпались по полю въ разнообразномъ цвѣтномъ своемъ одѣяніи, наѣздники подъѣзжали къ козакамъ и стрѣляли въ нихъ изъ пистолетовъ, наконецъ собравшись въ одну толпу, бросились съ обыкновеннымъ ихъ кри-

---

(26) Василій Петровичъ Орловъ, атаманъ войска Донскаго, былъ женатъ на дочери наказнаго же атамана донскаго, графа Өедора Петровича Денисова. У нихъ былъ сынъ Василій Васильевичъ Орловъ, къ фамиліи котораго присоединены въ 1801 году имя Денисова и графскій титулъ.

комъ *алла*, при приближеніи которой, атаманъ, приподнявшись на стременахъ, снялъ шапку, перекрестился, что̀ и всѣ козаки сдѣлали; они встрѣтили непріятеля на дротикахъ и гикнули съ такимъ стремленіемъ, что обратили его въ бѣгство; крикъ смѣшавшихся козаковъ и Турокъ произвелъ ужасную гармонію. Кіевскій карабинерный полкъ посланъ генералъ-поручикомъ княземъ Г. С. Волконскимъ для подкрѣпленія козаковъ. Вдругъ убитые Турки раздѣты были донага, и у насъ въ пѣхотномъ авангардѣ сдѣлалась ярмарка: оружіе разнаго рода, конскіе богатые уборы и лошади продавались за ничто. Козаки гнали Турокъ версты три; Кіевскій полкъ, подъ командою секундъ-майора Гельвига, за отсутствіемъ полковника и прочихъ старшихъ штабъ-офицеровъ, проскакавъ мимо козаковъ и оставя ихъ за собою, поражалъ непріятелей, не доѣзжая версты за двѣ до ихъ лагеря. Турки, увидя, что гналъ ихъ одинъ только карабинерный полкъ, остановились, и въ свою очередь атаковали нашихъ; храбрый секундъ-майоръ Гельвигъ, видя, что козаки далеко отъ него отстали, принужденъ былъ ретироваться, по временамъ останавливаясь, когда Турки сильно на него напирали, и такимъ образомъ соединился съ козаками съ небольшою потерею. Турки отступили въ свой лагерь, и нашей авангардной конницѣ тоже приказано отступить. Еслибы вслѣдъ сей нашей кавалеріи весь корпусъ двинулся, то вся бы артиллерія, весь лагерь достались бы намъ, и корпусъ непріятельскій вовсе былъ бы уничтоженъ. Но князь Рѣпнинъ, человѣкъ надъ-мѣру осторожный, думалъ, что войска утомились, тогда какъ всѣ жадничали сраженія и одушевлены были духомъ храбрости, безотлучной у русскихъ воиновъ. Поле укрыто было убитыми Турками, которыхъ, конечно, было болѣе тысячи, а князь Рѣпнинъ показалъ въ реляціи только пятьсотъ. Секундъ-майоръ Гельвигъ, узнавъ, что въ донесеніи свѣтлѣйшему князю сказано: «что Кіевскій полкъ только подкрѣплялъ козаковъ», сказалъ князю Рѣпнину: «Ваше сіятельство, вы не отдали должной справедливости Кіевскому полку, ибо я гналъ непріятеля до самаго его лагеря, а козаки отъ меня отстали около четырехъ верстъ, въ чемъ они сами сознаются, и подвигъ мой былъ въ виду всего авангарда». Князь съ досадою выговаривалъ ему за дерзость и сказалъ, что онъ хотѣлъ было представить его къ повышенію чиномъ; Гельвигъ отвѣчалъ, что не себя считалъ обиженнымъ, но полкъ, и увѣренъ, что главнокомандующій не откажетъ сдѣ-

лать дѣло сіе гласнымъ въ арміи; что касается до него, то онъ при отставкѣ безъ всякой рекомендаціи получитъ чинъ (а).

Корпусъ оставался въ тотъ день на занятой имъ позиціи. Въ 10 часовъ вечера мы слышали еще обыкновенные турецкіе сигналы, три пушечные выстрѣла; но то было только для нашего усыпленія, а Турки съ самаго вечера отступили поспѣшно къ Измаилу.

Сдѣлана была диспозиція атаковать непріятеля на разсвѣтѣ, но уже и слѣдъ его простылъ; послана была кавалерія для преслѣдованія, и отнято было нѣсколько обозовъ.

Въ два марша достигли мы Лимана въ двѣнадцати верстахъ отъ Измаила. Князь Рѣпнинъ думалъ, что крѣпость была въ такомъ положеніи, какъ въ прошлую войну, и хотѣлъ взять оную штурмомъ; но увидѣлъ, что Измаилъ былъ уже чрезвычайно укрѣпленъ по правиламъ новѣйшей фортификаціи съ каменною одеждою, почему безъ формальной осады штурмовать его невозможно; однакожь мечталъ, что устрашенный Гассанъ-Паша сдастся, какъ скоро мы къ Измаилу подступимъ. На другой день по утру подошли мы къ крѣпости и канонировали до трехъ часовъ пополудни, въ такомъ разстояніи, что наши полевыя орудія не могли сдѣлать ни малѣйшаго вреда; выпустили до двухъ тысячъ ядеръ и гранатъ, на что и намъ изъ крѣпости безвредно отвѣчали. Послѣ чего мы отступили сорокъ верстъ назадъ, съ такою поспѣшностію, какъ будто непріятель насъ гналъ превосходными силами.

Свѣтлѣйшій князь такъ былъ недоволенъ сею экспедиціею, что князя Рѣпнина послалъ командовать въ Очаковъ. При Фальчѣ (б) оставленъ былъ корпусъ подъ командою генералъ-поручика Михельсона изъ трехъ полковъ пѣхоты, двухъ полковъ кавалеріи, одного полка донскихъ козаковъ и десяти орудій артиллеріи. Прочія войска пошли присоединиться къ главному корпусу подъ Бендеры.

Въ то время, какъ мы дѣлали сію пустую экспедицію, Суворовъ однимъ переходомъ соединился съ принцемъ Кобургскимъ и принудилъ его тотчасъ идти атаковать визиря съ своимъ корпусомъ, и стать въ авангардѣ. Корпусъ принца Кобургскаго былъ около 15.000, Суворова около 6.000, а непріятеля по-

---

(а) За сіе дѣло Гельвигъ получилъ орденъ св. Георгія 4 класса по представленію свѣтлѣйшаго князя.

(б) Днѣпровскій полкъ поступилъ въ сей корпусъ.

лагали въ 80.000. Подъ Рымникомъ союзники одержали совершенную побѣду; непріятель потерялъ много убитыми, а еще болѣе утонувшими въ рѣкѣ Рымникѣ, также и плѣнными; взята вся артиллерія и лагерь. За сію славную побѣду Суворовъ былъ пожалованъ графомъ Рымникскимъ.

Въ теченіи сей кампаніи, взята крѣпость Аккерманъ на устьѣ Днѣстра, а въ исходѣ оной Бендеры сдались на капитуляцію.

Войска вступили въ зимовыя квартиры; главная квартира расположилась въ Яссахъ; корпусъ графа А. В. Суворова-Рымникскаго въ Фокшанахъ; корпусъ Михельсона въ городѣ Фальчѣ и окружности онаго.

Главная квартира пышностію отличалась противъ бывшей подъ командою графа Петра Александровича. Множество пріѣхало женъ русскихъ генераловъ и полковниковъ, изъ числа знатнѣйшихъ были П. А. Потемкина (27), которой его свѣтлость великое оказывалъ вниманіе, гр. Самойлова (28), кн. Долгорукая (29), гр. Головина (30), кн. Гагарина (31), польскаго генерала жена, славившаяся красотою де-Витъ, потомъ бывшая замужемъ за графомъ Потоцкимъ (32); безпрестанно были праздники, балы, театръ, балеты. Хоръ музыки инструментальной, роговой и вокальной былъ до трехсотъ человѣкъ; извѣстный сочинитель музыки г. Сарти всегда былъ при князѣ. Онъ положилъ на музыку побѣдную пѣснь: *Тебѣ Бога хвалимъ*, и къ оной музыкѣ прилажена была батарея изъ десяти пушекъ, которая по знакамъ стрѣляла въ тактъ, когда же пѣли: «святъ! святъ!» тогда производилась изъ оныхъ орудій скорострѣльная пальба.

---

(27) Прасковья Андреевна, супруга Павла Сергѣевича, рожденная Закревская.

(28) Супруга племянника князя Потемкина.

(29) Княгиня Катерина Θедоровна, рожденная Барятинская.

(30) Если не ошибаемся, здѣсь говорится о графинѣ Варварѣ Николаевнѣ Головиной, рожденной княжнѣ Голицыной, супругѣ оберъ-шенка графа Николая Николаевича Головина, которому принадлежало славное имѣніе Воротынецъ, разыгранное послѣ его смерти въ лотерею въ 1823 году.

(31) Княгиня Прасковья Юрьевна Гагарина, рожденная княжна Трубецкая, жена генералъ-майора князя Θедора Сергѣевича. Она родилась 1762, ум. 1848; она вышла замужъ по смерти перваго мужа за Петра Александровича Кологривова. Извѣстный нашъ писатель князь Петръ Андреевичъ Вяземскій женатъ на ея дочери.

(32) Графъ Феликсъ Францовичъ Потоцкій, генералъ отъ инфантеріи, ум. 1805. Эта вторая жена его носила имя Софіи и была Гречанка.

Его свѣтлость одѣвался нерѣдко въ гетманское платье, которое сшито было щегольски и фасона, который онъ выдумалъ, бывъ пожалованъ гетманомъ Екатеринославскихъ и Черноморскихъ козаковъ. Въ самое то время, когда онъ такъ щегольски одѣвался и такъ нарядомъ своимъ занимался, приказалъ сдѣлать себѣ и мундиръ изъ солдатскаго сукна, дабы своимъ примѣромъ подать недостаточнымъ офицерамъ средства не издерживать изъ малаго своего жалованья на покупку тонкаго сукна, которое за отдаленіемъ торгующихъ купцовъ онымъ товаромъ было дорого. Почему въ угожденіе его всѣ генералы сдѣлали таковые мундиры. Итакъ, хотя приказа и не было, но почти всѣ штабъ-и и оберъ-офицеры съ удовольствіемъ во всю войну одѣвались въ куртки толстаго сукна какъ солдаты; но однакожь не запрещалось по желанію носить мундиры изъ тонкаго сукна.

По прибытіи свѣтлѣйшаго князя въ Яссы, одинъ разъ онъ только былъ у фельдмаршала графа Румянцова въ Жижѣ и изрѣдка посылалъ дежурнаго генерала, племянника своего В. В. Энгельгардта, съ привѣтствіемъ. Остальные генералы изъ подлости и раболѣпства рѣдко посѣщали графа, да и то самое малое число. Одинъ только графъ Алекс. Вас. Суворовъ оказывалъ ему уваженіе; послѣ всякаго своего дѣла и движенія, посылая курьера съ донесеніемъ главнокомандующему, особеннаго курьера посылалъ съ донесеніемъ и къ престарѣлому фельдмаршалу, такъ какъ бы онъ еще командовалъ арміей.

Въ теченіе зимы бендерская крѣпость взорвана.

1790. Въ 1790 году императоръ Іосифъ II умеръ; императоръ Леопольдъ (33), вступя на престолъ, заключилъ миръ, для Австріи вовсе невыгодный. Французская революція тогда была въ самой ужасной анархіи.

Шведскій флотъ, на которомъ былъ самъ король, и который состоялъ въ 26 корабляхъ и фрегатахъ, атаковалъ ревельскій нашъ флотъ, въ которомъ не болѣе было десяти кораблей при самомъ ревельскомъ рейдѣ, подъ командою адмирала Чичагова (34); онъ

---

(33) Императоръ Леопольдъ II братъ Іосифа II, род. 5 мая 1747; съ 1765 былъ великимъ герцогомъ тосканскимъ, а императоромъ римскимъ съ 1790 года. Въ августѣ 1790 года онъ заключилъ съ Турками перемиріе, а черезъ годъ миръ въ Чистовѣ. Онъ умеръ 1 марта 1792 года.

(34) Василій Яковлевичъ Чичаговъ, адмиралъ, род. 28 октября 1726, ум. 4 апрѣля 1809. Сынъ его Василій Васильевичъ былъ морскимъ министромъ.

не только былъ отраженъ, но потерялъ одинъ фрегатъ. Оставя оный, король пошелъ противъ Кронштадта, подъ командою адмирала Крузе (35), имѣлъ большую поверхность, но когда оба наши флоты соединились, то шведскій флотъ и съ гребною флотиліею загнанъ былъ между острововъ и былъ въ такомъ положеніи, что ожидали, или что флотъ долженъ былъ сдаться, или быть сожженъ. Въ такомъ положеніи онъ былъ болѣе двухъ недѣль; наконецъ вѣтеръ сильный ему поблагопріятствовалъ; пустивъ передъ собою брандеръ, онъ открылъ себѣ выходъ, но хотя онъ и вышелъ, но собственный его брандеръ сжегъ у него два корабля, и отъ нашего флота повреждено еще два; множество изъ гребнаго его флота потеряно судовъ и людей. За тѣмъ принцъ Нассау съ нашею флотиліею одержалъ большую побѣду надъ флотиліею шведскою. Сухопутная наша армія дѣйствовала неудачно, почему отъ командованія арміею въ Финляндіи генералъ Пушкинъ отозванъ, а вмѣсто его поручено главное начальство генералу барону Игельстрому.

Когда шведскій флотъ былъ запертъ, генералъ Кречетниковъ (36), управлявшій тогда малороссійскими губерніями, услышалъ отъ какого-то проѣзжаго изъ Петербурга, что будто шведскій флотъ сдался. Съ симъ пріятнымъ извѣстіемъ къ свѣтлѣйшему князю прислалъ Кречетниковъ курьера. Не только во всей арміи стрѣляли викторію, но свѣтлѣйшій князь о сей мнимой побѣдѣ отправилъ курьера къ австрійскому императору. Чрезъ нѣсколько дней Кречетниковъ прислалъ извиненіе, что по слухамъ донесъ онъ о томъ ложно. Курьеръ съ симъ извѣстіемъ прибылъ во время обѣда; князю чрезвычайно было прискорбно, что долженъ былъ послать курьера къ императору о таковой скоро-поспѣшной неосмотрительности. Князь сталъ бранить Кречетникова; князь Д., сидѣвшій подля самого князя, сталъ его защищать. Свѣтлѣйшій князь до того разсердился, что вышелъ изъ себя, схватилъ Д. за георгіевскій крестъ, сталъ его дергать и сказалъ: «Какъ ты смѣешь защищать его, ты, которому я изъ милости далъ сей орденъ, когда ты во время штурма очаковскаго струсилъ»? Вставши изъ-за стола, подошелъ князь къ австрійскимъ генераламъ, на тотъ разъ тутъ

---

(35) Александръ Ивановичъ Крузе, адмиралъ, род. 26 октября 1727, ум. 5 мая 1798. Онъ особенно отличился въ Чесменской битвѣ (1770).

(36) Михаилъ Никитичъ Кречетниковъ, генералъ-аншефъ, ум. 9 мая 1793 г.

бывшимъ, и сказалъ: «pardon, messieurs, je me suis oublié; je connois ma nation et je l'ai traité comme il mérite». Сіе случилось въ Яссахъ при самомъ отбытіи въ Бендеры.

Въ половинѣ іюля свѣтлѣйшій князь перенесъ главную свою квартиру въ Бендеры, гдѣ собрано было большое число войскъ (a). Графъ Суворовъ занималъ Фокшаны; генералъ-поручикъ Потемкинъ получилъ въ командованіе корпусъ, состоявшій при Фальчѣ, который значительно былъ усиленъ.

Во время сихъ происшествій Мамоновъ женился (37). При дворѣ первымъ лицомъ сдѣлался П. А. Зубовъ (38), который потомъ пожалованъ былъ свѣтлѣйшимъ княземъ а братья его графами. По кончинѣ князя Г. А. Потемкина, былъ онъ столько же, какъ онъ, силенъ, не имѣвъ его генія.

Въ исходѣ сентября посланъ былъ большой корпусъ подъ командою артиллеріи генералъ-аншефа И. И. Меллера-Закомельскаго (39) къ Киліи. Какъ Днѣпровскій полкъ получилъ въ укомплектованіе рекрутъ, заразившихся кровавымъ поносомъ, а потому въ походъ идти былъ не въ состояніи, то перешелъ я во вновь сформированный изъ Санктпетербургскаго полка Свято-Николаевскій полкъ, поступившій въ корпусъ генерала Меллера.

Корпусъ, не доходя упомянутой крѣпости верстъ за десять, имѣлъ роздыхъ. Въ ночь командированъ былъ генералъ-поручикъ Самойловъ (41) для занятія ретраншамента, около сей крѣпости расположеннаго. Самойловъ раздѣлилъ свои войска на три колонны: правою колонною командовалъ бригадиръ (Конно-гренадерскаго полка, что̀ былъ Малороссійскій гренадерскій, но еще не снабженный лошадьми) Василій Сергѣевичъ Шереметевъ. Среднюю колонну велъ самъ Самойловъ. Лѣвою командовалъ храбрый генералъ-майоръ Мекнобъ. Передъ выступленіемъ, Самойловъ созвалъ колонныхъ командировъ и полковниковъ и

(a) Днѣпровскій полкъ поступилъ въ сіе число.

(37) На фрейлинѣ, княжнѣ Дарьѣ Өедоровнѣ Щербатовой, род. 1762, ум. 1807.

(38) Свѣтлѣйшій князь Платонъ Александровичъ Зубовъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ, род. 1767., ум. 1820.

(39) Баронъ Иванъ Ивановичъ Меллеръ-Закомельскій, генералъ отъ артиллеріи, ум. 10 октября 1790.

(40) Графъ Александръ Николаевичъ Самойловъ, въ послѣдствіи генералъ-прокуроръ, былъ по своей матери роднымъ племянникомъ князя Потемкина.

объявилъ имъ, что какъ по вѣрнымъ извѣстіямъ весь гарнизонъ и съ жителями въ Киліи не болѣе былъ пяти тысячъ Турокъ, то ежели они выгнаны будутъ изъ ретраншамента, нужно стараться на плечахъ Турокъ войдти въ крѣпость; это легко могло бы быть, еслибы Турки и занимали ретраншаментъ.

Всѣ, будучи заняты таковою мыслію и таковымъ предпріятіемъ, шли съ рѣшительною бодростію. Ночь была самая темная; къ несчастію, ретраншаментъ былъ очень обширенъ для малочисленнаго гарнизона, а потому какъ оный, такъ и форштатъ Турками были оставлены.

Средняя колонна прежде другихъ дошла къ ретраншаменту, и какъ Самойловъ не нашелъ тутъ непріятеля, то и приказалъ войску, голову колонны составлявшему, закричать: ура! Прочіе, бывшіе въ хвостѣ, принявъ сигналъ ура, думали, что непріятель побѣжалъ, опрокинули голову колонны и бросились къ крѣпости, не слушая ни генерала, ни прочихъ своихъ командировъ. Правая колонна, услыша «ура» средней, бросилась также къ крѣпости. Лѣвая колонна одна удержала порядокъ, заняла ретраншаментъ и расположилась въономъ.

Килія построена на клинѣ Дуная, и сія великая рѣка какъ бы составляла ея фланги, которые прикрыты были по обѣимъ сторонамъ флотиліею. Наше войско, бывшее въ разстройствѣ, встрѣчено было изъ крѣпости пушечными картечными выстрѣлами и ружейнымъ огнемъ, а съ флотиліи ядрами. Въ такомъ несчастномъ отпорѣ, претерпѣвая сильныя пораженія, бросились наши войска къ лѣвой части ретраншамента, занятаго колонною генералъ-майора Мекноба, которая приняла своихъ за Турокъ и открыла по нимъ ружейный огонь. Тогда безпорядокъ сдѣлался общій; солдаты вышли изъ повиновенія, разбрелись по форштату, бывшему между крѣпостью и ретраншаментомъ, предались всякимъ неистовствамъ, перекололи всѣхъ Армянъ и Грековъ и ворвались въ армянскій монастырь, истребляя и опустошая все, что̀ ни попадалось.

Между тѣмъ весь корпусъ подошелъ и занялъ лагерь верстахъ въ четырехъ отъ крѣпости.

Командующій генералъ съ прочими генералами взошли на случившійся передъ лагеремъ курганъ: вѣтеръ былъ ужасно сильный со стороны лагеря; ни одного выстрѣла не было слышно, но мельканія огня наподобіе фейерверка представляли видъ удивительный. Генералъ безпрестанно посылалъ къ Самойлову узнать о причинѣ видѣннаго, но Самойловъ, думая привести въ

порядокъ войска, посланныхъ удерживалъ при себѣ. Наконецъ начало свѣтать; полковникъ принцъ Филипштальскій (а) прибылъ отъ Самойлова съ донесеніемъ о случившемся и о томъ, что онъ не можетъ привести въ порядокъ разстроенныя войска.

Иванъ Ивановичъ Миллеръ отправился самъ, приказавъ нарядить свѣжія войска. Когда онъ прибылъ въ форштатъ, встрѣтили его солдаты въ разбродѣ: «батюшка, вели поставить пушки, выломить ворота, мы тотчасъ крѣпостію овладѣемъ». «Хорошо, ребята, говорилъ онъ, подите назадъ въ ретраншаментъ, а то вы мѣшаете стрѣлять изъ пушекъ». Итакъ мало-по-малу войска приходили въ должное повиновеніе; но лишь только генералъ показался на площадь противъ крѣпости, какъ роковая пуля попала ему въ звѣзду и прошла на вылетъ наискось черезъ весь его корпусъ; отнесли его въ лагерь, гдѣ чрезъ нѣсколько часо́въ онъ и умеръ.

Новыя войска заняли ретраншаментъ, а прежнія выведены въ лагерь. Много было убито и ранено офицеровъ; нижнихъ чиновъ убито слишкомъ пятьсотъ человѣкъ, а ранено еще болѣе; въ числѣ раненыхъ былъ бригадиръ Шереметевъ легко въ ногу; однакожь во все время осады Киліи не могъ служить. Начальство надъ корпусомъ принялъ генералъ-поручикъ И. В. Гудовичъ (41).

На другой день занятъ былъ отчасти выжженный форштатъ, гдѣ во время канонады укрывались отъ ядеръ. Сдѣланы были батареи, одна для отдаленія флотиліи отъ крѣпости, а другая противъ самой крѣпости и кетель-батарея. Канонады были ужасно сильныя съ крѣпости и съ обѣихъ флотилій, такъ что, признаюсь, съ первой, мною вытерплѣнной канонады, я только и думалъ, какъ бы сказаться больнымъ, а послѣ выйдти въ отставку. Однако стыдно было показать себя трусомъ: я рѣшился продолжать ходить въ форштатъ, но объ отставкѣ все еще не отлагалъ намѣренія; въ третью канонаду уже и то отдумалъ, и такъ привыкъ къ свисту ядеръ и бомбъ, какъ бы бывалъ на простомъ артиллерійскомъ ученьи. Ко всему можно привык-

---

(а) Тотъ самый, который столь славно защищалъ крѣпость Гаэту въ Неаполитанскомъ королевствѣ отъ Французовъ.

(41) Графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, фельдмаршалъ и главнокомандующій въ Москвѣ (1809 — 1812), род. 1741, ум. 1820 г.; сынъ его графъ Андрей Ивановичъ теперь оберъ-егермейстеръ.

нуть, и храбрость также опытомъ пріобрѣтается, какъ и всѣ другія добродѣтели.

Чрезъ шесть дней сдѣлана была брешъ-батарея въ 60 саженяхъ отъ крѣпости, на которой поставлено было десять 24-хъ-фунтовыхъ пушекъ, два картаульные единорога, пять мортиръ разныхъ калибровъ и 48 кугарновыхъ. До открытія сей батареи ожидали прибытія свѣтлѣйшаго князя, но чрезъ пять дней, какъ онъ отказался самъ быть, произведена была изъ оной пальба залпами. Командовалъ оною батареею артиллеріи капитанъ Секеринъ. Въ двое сутокъ брешъ была сдѣлана; цѣлая башня до фундамента была опровергнута; паденіемъ оной ровъ совершенно былъ засыпанъ; уже назначенъ былъ штурмъ, какъ въ ту же ночь Турки выслали парламентера, и крѣпость сдалась на капитуляцію. Гарнизону позволено на своей флотиліи отбыть къ Измаилу, также и всѣмъ жителямъ Туркамъ съ ихъ женами, семействами и имуществомъ, но всѣхъ невольниковъ-христіянъ должны они были оставить. Поутру четыре батальйона вступили въ крѣпость; комендантомъ сдѣланъ былъ генералъ-майоръ Мекнобъ; и такъ, чрезъ двѣ недѣли отъ несчастнаго занятія ретраншамента, Килія взята 18 октября. По занятіи ея, наша Черноморская флотилія прибыла съ Запорожцами (а); ею командо-

---

(а) Запорожскіе козаки именовались такъ потому, что жили за Днѣпровскими порогами. Съ давнихъ временъ они зависили отъ малороссійскихъ гетмановъ, но по отдаленности часто передавались въ покровительство Польши, иногда крымскимъ Татарамъ, а иногда Туркамъ. Во время измѣны Мазепы съ нимъ многіе ушли въ Турцію. Въ послѣднее время они принадлежали Россіи. Сѣчь ихъ была при устьѣ Самары, впадающей въ Днѣпръ. Сѣчь происходитъ отъ слова *засѣка*, ибо они всегда оною укрѣплялись. Всякой націи люди и всякаго званія ими принимались; управлялись они своимъ кошевымъ (отъ слова кошъ), письменныхъ законовъ они не имѣли, но по преданію порядокъ, учрежденный твердо, хранили; подобно мальтійскимъ кавалерамъ, всѣ были холосты; хотя многіе изъ нихъ были женаты, но жены ихъ были въ отдаленіи отъ Сѣчи, и не смѣли ихъ туда привозить; сіи поселенія внѣ Сѣчи назывались зимовьемъ. Вѣра ихъ была греко-россійская. Церкви ихъ были богато украшены; жили они промысломъ рыбнымъ, а болѣе грабежомъ въ польской Украйнѣ, а потому изъ польскихъ господъ въ томъ краю мало живали. Но когда послѣ турецкой войны 1773 года Днѣпръ до самаго устья сталъ принадлежать Россіи, то Сѣчь уничтожена. Запорожцы употреблялись на службу наравнѣ съ малороссійскими козаками, но ихъ флотиліи много сдѣлали пользы, а сухопутные Запорожцы были самое худое войско, безъ малѣйшей дисцип-

валъ походный войсковой кошевой Головатый, котораго Запорожцы не любили за то, что онъ зналъ грамотѣ и называли его *письменнымъ*.

По занятіи Киліи, полкамъ Екатеринославскому, котораго свѣтлѣйшій князь былъ шефомъ, Конно-гренадерскому и Свято-Николаевскому съ осадною артиллеріею, велѣно было идти къ Бендерамъ, а прочимъ войскамъ къ Измаилу, подъ начальство графа Суворова, шедшаго къ оному съ большимъ корпусомъ (а).

Его свѣтлость большія тогда дѣлалъ угожденія кн. К. Ѳ. Долгорукой. Между прочими увеселеніями сдѣлана была землянка противу Бендеръ за Днѣстромъ. Внутренность сей землянки поддерживаема была нѣсколькими колоннами и убрана была бархатными диванами и всѣмъ тѣмъ, что̀ только роскошь можетъ выдумать. Изъ великолѣпной сей подземельной залы, особый былъ будуаръ, въ который только входили тѣ, кого князь самъ приглашалъ. Вокругъ землянки кареемъ поставлены были полки: Екатеринославскій и Конно-гренадерскій, имѣя ружья, заряженныя холостыми патронами, и въ сумахъ по 40 патроновъ на каждаго человѣка; близь онаго карея поставлена была батарея изъ ста пушекъ; обѣихъ полковъ барабанщики собраны были къ землянкѣ. Однажды, князь вышелъ изъ землянки съ кубкомъ вина и приказалъ ударить тревогу по знаку, по которому, какъ полками, такъ и изъ батареи произведенъ былъ батальйонный огонь; тѣмъ и кончился праздникъ въ землянкѣ.

Однажды княгиня сказала, что любитъ цыганскую пляску. Князь Григорій Александровичъ узналъ, что бывшіе въ конно-

---

лины. Императрица пожаловала имъ поокончаніи сей войны на Черномъ морѣ островъ Тамань; названы они уже черноморскими козаками и причислены къ Таврической области, но управляются своимъ кошевымъ, состоя подъ вѣдомствомъ военнаго министерства. Главный городъ назвали они Екатеринодаромъ.

(а) Туда же свѣтлѣйшій князь отправилъ трехъ гвардіи офицеровъ Ч., Ц., У., присланныхъ императрицею въ армію, чтобъ они заслужили и омыли своею кровію оказанную ими трусость во время сраженія нашей флотиліи противъ Шведовъ подъ начальствомъ принца Нассау. Они, командуя однимъ судномъ, въ самое жаркое сраженіе вышли на островъ; а сержантъ гвардіи Руничъ, бывшій на ономъ, оказалъ большую храбрость. Принцъ Нассау, замѣтя оное, спросилъ: кто начальникъ сего судна, и не мало удивился, что то былъ сержантъ. Спросилъ: гдѣ же офицеры? и когда узналъ о ихъ подломъ поступкѣ, донесъ государынѣ. Послѣ штурма они всѣ трое получили георгіевскіе кресты.

гвардіи вахмистры два брата Кузмины, выпущенные ротмистрами въ кавказскій корпусъ, мастера плясать по-цыгански, приказалъ за ними послать, и когда ихъ привезли, одѣли одного изъ нихъ цыганкою, а другаго цыганомъ. На одномъ балѣ сдѣланъ былъ для княгини сюпризъ, и должно отдать справедливость мастерству гг. Кузминыхъ. Я лучшей пляски въ жизнь мою не видывалъ. Такъ поплясали они недѣли съ двѣ и отпущены были въ свои полки на Кавказъ, съ тою только для нихъ пользою, что проѣздъ имъ ничего не стоилъ (а).

(а) Много таковаго своенравнаго его обычая случалось въ его жизни: такъ напримѣръ, бывши въ Петербургѣ узналъ онъ, что въ Херсонѣ какой-то чиновникъ хорошо передразнивалъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ лицъ; тотчасъ отправилъ онъ за нимъ курьера; какъ скоро тотъ пріѣхалъ, то и приказалъ ему передразнивать всѣхъ, кого онъ умѣлъ, потомъ и самого себя. Его свѣтлость, позабавившись таковымъ дарованіемъ, приказалъ ему отправиться въ свое мѣсто. Бывши подъ Очаковымъ, услышалъ онъ, что нѣкто г. Спечинскій, жившій въ Москвѣ въ отставкѣ, знаетъ наизусть всѣ святцы, то-есть какого святаго каждаго мѣсяца и числа. Тотчасъ онъ послалъ за нимъ; тотъ, получивши отъ свѣтлѣйшаго князя приглашеніе, думалъ, что какъ безъ Ахиллеса не могла взята быть Троя, такъ и безъ него не можетъ быть взятъ Очаковъ. Съ восторгомъ принялъ онъ тотъ зовъ, и при отъѣздѣ изъ Москвы обѣщалъ многимъ свою протекцію и разныя милости. Когда онъ явился къ его свѣтлости, то князь его спросилъ: правда ли, что вы знаете наизусть всѣ святцы? И по утвердительномъ отвѣтѣ спросилъ: 13 января какого святаго? Тотъ ему отвѣчалъ. Князь справился съ святцами. А 10 февраля? Потомъ спросилъ по одному числу въ каждомъ мѣсяцѣ. «Какая счастливая у васъ память: благодарю, что вы потрудились пріѣхать, можете отправиться въ Москву, когда вамъ угодно.»

Въ бытность мою у него адъютантомъ, въ одинъ день спросилъ онъ кофею; изъ бывшихъ тутъ одинъ вышелъ приказать; вскорѣ спросилъ опять кофею, и еще одинъ поспѣшилъ выйдти приказать о томъ; наконецъ безпрестанно просилъ кофею; почти всѣ по одному спѣшили приказать по его нетерпѣливому желанію; но какъ скоро принесли кофей, то князь сказалъ: «не надобно, я только хотѣлъ чего-нибудь ожидать, но и тутъ лишили меня сего удовольствія.»

Въ одинъ день князь сѣлъ за ужинъ, былъ очень веселъ, любезенъ, говорилъ и шутилъ безпрестанно, но къ концу ужина сталъ задумываться, началъ грызть ногти, что̀ всегда было знакомъ неудовольствія, и наконецъ сказалъ: «Можетъ ли человѣкъ быть счастливѣе меня? Все, чего я ни желалъ, всѣ прихоти мои исполнялись, какъ будто какимъ очарованіемъ: хотѣлъ чиновъ — имѣю, орденовъ — имѣю; любилъ играть— проигрывалъ суммы несчетныя; любилъ давать праздники—давалъ великолѣпные; любилъ покупать имѣнія — имѣю; любилъ строить дома—построилъ дворцы; любилъ дорогія вещи—имѣю столько, что ни одинъ ча-

Въ то время, когда въ Бендерахъ занимались разными праздниками и веселостями, графъ Суворовъ атаковалъ Измаилъ, требовалъ сдачи, а по отказѣ на третій день взялъ его штурмомъ (42). Крѣпость важная обороняема была тридцати-тысячнымъ гарнизономъ; русскихъ же воиновъ, конечно, было менѣе сего числа. Съ нашей стороны потеря была велика: убитыхъ было около 10.000 человѣкъ, въ числѣ которыхъ былъ генералъ-майоръ Мекнобъ, много штабъ- и оберъ-офицеровъ. При штурмѣ отличилъ себя Полоцкаго полка священникъ; подполковникъ Яцунскій, командиръ сего полка, былъ убитъ, полкъ побѣжалъ, тогда тотъ попъ съ крестомъ въ рукахъ закричалъ: «Стой, ребята! Вотъ вашъ командиръ» (указывая на крестъ), и самъ бросился передъ полкомъ къ крѣпости; полкъ пошелъ за нимъ, и священникъ, изъ числа первыхъ, взошелъ на стѣну, за что награжденъ былъ наперстнымъ золотымъ крестомъ на георгіевской лентѣ. Комендантомъ Измаила сдѣланъ былъ Михаилъ Ларіоновичъ Кутузовъ, пожалованъ былъ генералъ-поручикомъ, и поручены были ему всѣ войска, занимавшія мѣстность отъ Киліи до Берлата. Графъ А. В. Суворовъ отправился въ Петербургъ, по желанію императрицы видѣть сего героя.

По взятіи Измаила, войска введены были въ зимовыя квартиры уже 23 декабря. Время было прекрасное. Слѣдуя съ полкомъ въ Ботушаны 24-го, при захожденіи солнца сидѣлъ я на дворѣ въ одномъ мундирѣ, распахнувши камзолъ.

Подъ исходъ кампаніи, принцъ Нассау былъ разбитъ шведскою флотиліею; на сухомъ пути тоже не было удачи, и, къ общему сожалѣнію, былъ убитъ отличныхъ дарованій генералъ-поручикъ принцъ Ангальтъ-Бернбургъ, родственникъ императрицы. Въ теченіи зимы со Шведами заключенъ миръ; обѣ воюющія державы остались въ границахъ своихъ государствъ въ такомъ положеніи, въ какомъ были до начатія войны.

Въ началѣ кампаніи, кавказскій корпусъ, подъ командою генералъ-поручика Бибикова (43), безъ повелѣнія, и не имѣя по-

---

стный человѣкъ не имѣетъ такъ много и такихъ рѣдкихъ; словомъ, всѣ страсти мои въ полной мѣрѣ выполнялись». Съ симъ словомъ ударилъ фарфоровою тарелкою объ полъ, разбилъ ее въ дребезги, ушелъ въ спальню и заперся. Если записывать всѣ его таковыя странности, то можно бы наполнить огромный томъ.

(42) Измаилъ взятъ 11 декабря 1790.

(43) Юрій Богдановичъ Бибиковъ генералъ-поручикъ.

будительной причины, сдѣлалъ экспедицію подъ Анапу и съ большимъ урономъ возвратился. Начальство отъ Бибикова отнято, а корпусъ порученъ генералъ-майору Герману (44), который разбилъ Баталъ-пашу, вредившаго намъ, склоняя Черкесъ къ нападенію на наши границы. Послѣ взятія Киліи, посланъ туда главнымъ командиромъ И. В. Гудовичъ.

1791. Въ наступившій 1791 годъ, въ исходѣ января, его свѣтлость отправился въ С.-Петербургъ, поруча армію за отсутствіемъ своимъ князю Николаю Васильевичу Рѣпнину.

Въ началѣ весны дѣланы были двѣ экспедиціи за Дунай: генералъ-поручикъ М. Л. Кутузовъ подъ Исакчу и Бабадай, а генералъ-поручикъ князь С. Ф. Голицынъ (45) подъ Мачинъ; оба возвратились, имѣвъ всюду поверхность надъ непріятелемъ.

Командующій арміею князь Рѣпнинъ стянулъ всѣ войска къ Дунаю и расположилъ въ лагеряхъ по Серету. Главный корпусъ стоялъ при Галацѣ; отъ онаго въ 10 верстахъ корпусъ князя Голицына; отъ онаго большой отрядъ генералъ-майора Милашевича, тоже въ 10 верстахъ; отъ онаго въ такомъ же разстояніи при Сербаняштяхъ корпусъ генералъ-поручика князя Г. С. Волконскаго.

Визирь собралъ большую армію и расположился въ крѣпкой позиціи и укрѣпленномъ лагерѣ при Мачинѣ.

Князь Рѣпнинъ рѣшился атаковать его; въ ночь 23 іюня, главный курпусъ сталъ переправляться чрезъ Дунай, не снимая лагеря и оставя въ ономъ всѣ тягости: по переправѣ главнаго корпуса, переправился корпусъ князя Голицына, потомъ отрядъ Милашевича, а 26-го корпусъ князя Волконскаго. Переправа всегда была дѣлана ночью на флотиліи, которою начальствовалъ генералъ-майоръ О. М. де-Рибасъ (46). Днемъ за Дунаемъ войска скрывались въ камышахъ, и во все время нашего пребыва-

---

(44) Баронъ Иванъ Ивановичъ Германъ Фонъ-Ферзенъ, генералъ отъ инфантеріи. Онъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ Французами въ Голландіи въ 1799 году.

(45) Князь Сергѣй Ѳедоровичъ Голицынъ, ген. отъ инфантеріи, род. 20 августа 1748, ум. 20 января 1810. Онъ былъ женатъ на Варварѣ Васильевнѣ Энгельгардтъ, родной племянницѣ князя Потемкина. Къ ней написана Державинымъ знаменитая ода: *Осень во время осады Очакова.*

(46) Осипъ Михайловичъ де-Рибасъ, адмиралъ, ум. 1800. Онъ поступилъ въ русскую службу въ 1772 году, познакомившись тогда съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ въ Ливорно. Рибасъ покорилъ городъ Хаджибей и построилъ на его мѣстѣ Одессу.

нія не позволено было имѣть огня, чтобъ оставить Турокъ въ невѣдѣніи о нашей переправѣ. Лагери оставались неснятыми на своихъ мѣстахъ съ своими тягостями, небольшимъ числомъ офицеровъ и слабыми людьми, которые не могли слѣдовать за арміею, также оставлено было нѣкоторое число барабанщиковъ и въ каждомъ лагерѣ по одной пушкѣ для выстрѣловъ къ вечерней зорѣ.

Переправившаяся армія состояла изъ 33.000 человѣкъ, кромѣ иррегулярныхъ войскъ, съ шести-дневнымъ провіянтомъ; таковаго числа войскъ вмѣстѣ, во время турецкой войны, никогда не бывало.

27 числа, генералъ-квартермистръ лейтенантъ Медеръ, съ легкими войсками посыланъ былъ рекогносцировать непріятельскій лагерь. По открытіи имъ непріятельской позиціи, положено было атаковать турецкую армію слѣдующею диспозиціею. Того же дня, въ 7 часовъ по-полудни, генералъ-поручику Кутузову съ 13.000, составлявшими лѣвый флангъ, должно было выступить и обойдти цѣпь горъ, простирающихся верстъ на пять параллельно по Дунаю и примыкающихъ къ непріятельскому лагерю съ лѣвой его стороны. Въ 9 часовъ приказано было выступить двумя колоннами: правая колонна, подъ командою генерала князя С. Ф. Голицына, должна была идти близь Дуная; средняя колонна, подъ командою генералъ - поручика князя Волконскаго, взять лѣвѣе; слѣдовало выдти на равнину обѣимъ колоннамъ между Дунаемъ и сказанною цѣпью горъ и выстроиться въ двѣ линіи кареями, но не прежде показаться изъ-за камышей, какъ когда уже корпусъ Кутузова покажется на горѣ и на флангѣ турецкаго лагеря.

Ночь была чрезвычайно темная, что̀ способствовало нашему скрытному маршу; разстояніе отъ переправы до Мачина было около 30 верстъ (а).

Только лишь начало разсвѣтать, мы приблизились къ мѣсту, гдѣ оканчивается цѣпь горъ, при подошвѣ которой протекаетъ болотистая рѣчка, впадающая въ Дунай; брошены были по оной портативные мосты, по которымъ безпрепятственно переправились. Камыши этой рѣчки такъ часты и высоки, что человѣкъ человѣка едва могъ видѣть.

а) Во время нашего марша на флотиліи сдѣланъ былъ мостъ отъ Галаца на островъ Концефану, а отъ онаго на противолежащій берегъ.

Корпусъ князя Голицына едва показался изъ камышей, какъ былъ атакованъ большимъ числомъ янычаръ, съ ихъ обыкновеннымъ страшнымъ крикомъ *алла! алла!* Вовремя открытою картечною пальбою были они отражены; тогда они бросились на гору и заняли оную, такъ что мы отъ корпуса Кутузова были отдѣлены, а онъ на горахъ не показывался. Нашъ корпусъ выстроился версты за три отъ непріятельскаго лагеря, откуда изъ большихъ орудій стрѣляли въ насъ ядрами; съ горы анфилированы были наши войска, а съ правой стороны была турецкая флотилія; въ такомъ непріятномъ положеніи мы были три часа.

За горою слышна была сильная канонада. Князь Рѣпнинъ послалъ своего адъютанта къ Кутузову узнать, что тамъ происходитъ, и для чего онъ не всходитъ на гору? Должно было объѣхать всю эту цѣпь горъ, на что требовалось много времени; а какъ вѣтеръ усилился и дулъ отъ насъ, то казалось, что канонада отдалялась. Князь Рѣпнинъ былъ въ большомъ безпокойствѣ, тѣмъ болѣе что перешелъ Дунай вопреки желанію свѣтлѣйшаго князя, взявъ это на свою собственную отвѣтственность. Многіе генералы, зная то, желали сдѣлать ему угодное; одинъ изъ нихъ говорилъ князю, что ежели Кутузовъ принужденъ будетъ отступить и будетъ разбитъ, тогда могутъ отрѣзать насъ отъ нашихъ мостовъ, и имѣя съ собою провіянта только на три дня, армія будетъ въ худшемъ положеніи, нежели Петръ Великій былъ при Рябой Могилѣ. Уже князь и самъ о томъ помышлялъ, онъ, который былъ всегда болѣе нежели остороженъ.

Наконецъ возвратился посланный отъ Кутузова, который приказалъ сказать, что онъ имѣетъ предъ собою великія силы, препятствующія ему взойдти на гору. Князь хотѣлъ было уже ретироваться, какъ князь Г. С. Волконскій, его зять, уговорилъ его, чтобы намъ самимъ взойти на гору. Счастливая была минута сего совѣта. Генералъ подъѣхалъ къ Свято-Николаевскому полку, бывшему у самой горы: «Господинъ полковникъ! сказалъ онъ, прикажите своимъ резервамъ атаковать гору». Я подскакалъ и сказалъ: «Ваше сіятельство, удостойте приказать мнѣ сію честь исполнить.» «Съ Богомъ, другъ мой», сказалъ онъ мнѣ. Тогда я вывелъ изъ каре резервы нашего полка, спѣшился и закричалъ: «ребята на штыки! ура!» Съ большою храбростію за мной они бросились; вслѣдъ за мною Свято-Николаевскій полкъ, а за нимъ Малороссійскій гренадарскій. Гора очень была

крутая, обросшая терновникомъ, однакожь ничто насъ не остановило. Взошедъ на гору, взяли тутъ брошенную непріятелями пушку; непріятели увидя, что наши войска были уже на горѣ, взошли всѣ въ свое укрѣпленіе; но артиллерію трудно было ввезти. Меня командировали за пушками, и кое-какъ людьми втащилъ я нѣсколько, пока нашли удобное мѣсто взвезти батарейную артиллерію. Тогда и Кутузовъ со всѣмъ своимъ корпусомъ къ намъ присоединился (а). Учредя батарею, стали стрѣлять въ турецкій ретраншаментъ. Къ счастію, гранатою зажженъ былъ большой пороховой на непріятельскихъ батареяхъ магазинъ, котораго взрывъ такъ устрашилъ Турокъ, что они побѣжали, тѣмъ и баталія сія выиграна. Князь Волконскій послалъ меня къ князю Рѣпнину поздравить съ побѣдою.

Мы взяли весь лагерь, сорокъ пушекъ, множество съѣстныхъ припасовъ, даже находили во многихъ мѣстахъ варившееся кушанье и кофе. На другой день принесенъ былъ благодарственный молебенъ на мѣстѣ побѣды, и мы возвратились за Дунай, въ прежнія свои лагери.

Всѣ знакомые мои меня поздравляли, что мнѣ удалось въ виду всей арміи показать готовность къ службѣ, и увѣрены были, что такъ какъ я первый, такъ сказать, способствовалъ къ одержанію побѣды, то и буду отлично награжденъ. По обыкновенію, всѣ ходили въ канцелярію князя Рѣпнина къ управляющему оною подполковнику Панкратьеву (47) справляться и искать помощію его быть хорошо рекомендовану; я никогда не любилъ таскаться по канцеляріямъ и находить себѣ покровительство отъ управляющихъ оными. Зналъ, что главнокомандующій былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, зналъ, что командующій центромъ, рекомендуя своего дежуръ-майора и при немъ находящихся, свидѣтельствовалъ въ справедливомъ представленіи къ награжденію гг. карейныхъ командировъ, и тотъ о мнѣ

(а) М. Л. Кутузовъ могъ взойдти на гору безъ труда и показалъ ложно, что противъ его большія были силы; даже генералъ квартермистръ Пистеръ, бывшій въ его корпусѣ, при многихъ дерзко его въ томъ уличалъ. Думать надобно, что Кутузовъ зналъ коротко свойство князя Рѣпнина, что онъ безъ него по извѣстной его осторожности въ крѣпкой непріятельской позиціи атаковать не осмѣлится, и что вѣроятно сталъ бы ретироваться; тогда Кутузовъ взошелъ бы на гору, ударилъ бы непріятелю во флангъ и одинъ разбилъ бы визиря.

(47) Петръ Прокофьевичь Панкратьевъ, тайный совѣтникъ и кіевскій губернаторъ, род. 1757, ум. 19 марта 1810 года.

сказалъ, что̀ и какъ я поступалъ; потому я и не хотѣлъ болѣе о семъ заботиться, думая, что ежели мнѣ что слѣдуетъ, то и безъ того получу, а просить о себѣ почиталъ низостью.

По возвращеніи нашемъ за Дунай, прибылъ принцъ Виртембергскій, меньшой братъ тогда бывшей великой княгини Марьи Ѳедоровны; отъ того ли, что спѣшилъ и очень обезпокоился, или отъ того, что не успѣлъ пріѣхать къ баталіи, онъ огорчился, опасно занемогъ и вскорѣ умеръ (а).

Визирь, узнавши, что мы опять перешли за Дунай, возвратился въ прежній свой лагерь подъ Мачинъ. Турецкая флотилія приблизилась было къ нашей. Де-Рибасъ послалъ къ начальнику оной сказать, чтобъ онъ тотъ же часъ отошелъ назадъ, или онъ его къ тому принудитъ. Паша вмѣсто отвѣта прислалъ къ нему нѣсколько арбузовъ и кусокъ льду. Де-Рибасъ тотчасъ подалъ сигналъ сняться съ якоря, построиться въ боевой порядокъ и выступить. Однакожь паша, не взирая на гордый, затѣйливый отвѣтъ, не дождался приближенія нашей флотиліи и отплылъ къ Браилову; вскорѣ визирь прислалъ къ князю Рѣпнину, съ предложеніемъ открыть переговоры о мирѣ. Князь былъ уполномоченъ отъ императрицы, почему, ни мало не медля, повѣренные съ обѣихъ сторонъ въ Галацахъ съѣхались, сдѣланы были предварительныя условія и подписаны визиремъ и княземъ Рѣпнинымъ; для утвержденія ихъ назначенъ конгрессъ въ Яссахъ.

Свѣтлѣйшій князь пріѣхалъ послѣ сего черезъ три дня, и очень ему было досадно, что князь Рѣпнинъ поспѣшилъ заключить миръ; онъ выговаривалъ ему при многихъ, сказавъ: «вамъ должно было бы узнать, въ какомъ положеніи нашъ черноморскій флотъ, и о экспедиціи генерала Гудовича; дождавшись донесенія ихъ, и узнавъ отъ оныхъ, что вице-адміралъ Ушаковъ разбилъ непріятельскій флотъ, и уже его выстрѣлы были слышны въ самомъ Константинополѣ, а генералъ Гудовичъ взялъ Анапу, тогда бы вы могли сдѣлать несравненно выгоднѣйшія условія». Это дѣйствительно было справедливо. Хотя князь Рѣпнинъ слылъ за государственнаго человѣка и лю-

---

(а) Въ сіе время извѣстились, что нашъ посолъ Я. И. Булгаковъ освобожденъ изъ Семи-башеннаго Замка, по просьбѣ французскаго министра; но Булгаковъ не иначе хотѣлъ своего освобожденія, какъ по уваженію къ россійскому двору: на что Порта принуждена была согласиться.

бящаго свое отечество, но въ семъ случаѣ предпочелъ личное свое любочестіе пользѣ государственной, не имѣвъ иной побудительной причины поспѣшить заключить миръ, кромѣ того, чтобъ его окончить до пріѣзда свѣтлѣйшаго князя.

Въ то время принцъ Виртембергскій умеръ; свѣтлѣйшій князь былъ на похоронахъ, и, какъ по окончаніи отпѣванія князь вышелъ изъ церкви, и приказано было подать его карету, вмѣсто того подвезли гробовыя дроги; князь съ ужасомъ отступилъ; онъ былъ чрезвычайно мнителенъ. Послѣ сего онъ вскорѣ занемогъ, и повезли его больнаго въ Яссы.

Армія для лучшаго продовольствія раздѣлена была на небольшіе лагери; нашему полку назначено было стоять вмѣстѣ съ Екатеринославскимъ и Московскимъ гренадерскимъ при Рябой Могилѣ. Тамъ получили повелѣніе, что всѣ сіи три полка составляютъ одинъ 10-й баталіонный полкъ подъ названіемъ Екатеринославскаго; четыре кирасирскіе полка составляютъ одинъ полкъ подъ названіемъ Лейбъ-кирасирскаго; изъ 3000 козаковъ Донскаго войска составленъ одинъ полкъ подъ названіемъ Великой Гетманской Булавы. По тогдашнему положенію, въ каждомъ батальйонѣ было по два орудія артиллеріи, въ мушкетерскихъ полкахъ трехъ-фунтовыя пушки, въ гренадерскихъ осьми-фунтовые единороги; въ бывшемъ же Екатеринославскомъ полку были двѣнадцати-фунтовые единороги. Итакъ, полкъ сей, будучи въ комплектѣ, состоялъ изъ 11.000 человѣкъ и 20 орудій артиллеріи; присоединя къ оному кирасирскій 24-хъ эскадронный полкъ и полкъ Великой Булавы, все вмѣстѣ составляло значительный корпусъ. На сей счетъ разныя дѣлали догадки, прямой цѣли никто не постигалъ, ибо не возможно было, чтобъ одинъ только капризъ князя Потемкина былъ тому причиною. Одни полагали, что онъ хотѣлъ быть господаремъ Молдавіи и Валахіи; другіе—что онъ хотѣлъ себя объявить независимымъ гетманомъ; иные думали, что онъ хотѣлъ быть королемъ польскимъ: а болѣе всего полагать должно было, что по окончаніи войны онъ потребуетъ отъ Польши пройдти чрезъ оную только тремъ полкамъ, которые бы составляли авангардъ арміи, дабы разрушить сдѣланную въ Польшѣ конституцію, наказать ее за сдѣланное неудовольствіе русскому послу, господину Штакельбергу, и за то, что принудили изъ Польши вывести наши магазины и охраняющія оные войска. Поводомъ къ оному мнѣнію служитъ, что свѣтлѣйшій князь послалъ подполковника Бакунина въ Вѣну къ удалившимся туда польскимъ

вельможамъ, недовольнымъ тою конституціею: по приглашенію его прибыли въ Яссы знатнѣйшіе паны, какъ-то: гетманъ Браницкій (съ его супругою, племянницею князя Потемкина), Ржевуссіи и многіе другіе; тамъ сдѣлано было положеніе тарговицкой конфедераціи подъ покровительствомъ Россіи.

Болѣзнь свѣтлѣйшаго князя стала усиливаться, но онъ не хотѣлъ принимать никакихъ лѣкарствъ, вопреки медиковъ Тимона и Массота; и, будучи въ жару, мочилъ себѣ голову холодною водою (а).

Генералъ М. Ѳ. Каменскій, видя, что его на службу не требуютъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, просилъ императрицу о позволеніи ѣхать въ армію, для свиданія съ своимъ сыномъ, служившимъ тогда подполковникомъ въ Московскомъ полку, котораго самъ онъ былъ шефомъ. Государыня ему сказала: «это отъ васъ зависитъ». Каменскій пріѣхавъ въ Яссы чрезъ нѣсколько дней, просилъ свѣтлѣйшаго князя позволить ему ѣхать смотрѣть свой полкъ; князь его удержалъ одинъ день, но въ самое то время, не сказавъ ему ни слова, послалъ курьера, съ приказаніемъ о сформированіи большаго Екатеринославскаго полка, какъ было сказано. Каменскій пріѣзжаетъ въ лагерь подъ Рябую Могилу, но полкъ его Московскій не существуетъ. Все сіе служитъ доказательствомъ, что служба его императрицѣ была не угодна, и какое неуваженіе имѣлъ къ нему свѣтлѣйшій князь.

Въ исходѣ августа армія вступила въ зимовыя квартиры. 4-го баталіоннаго стараго Екатеринославскаго полка штабсъ-квартира расположена была въ Яссахъ, а вновь присоединен-

---

(а) Свѣтлѣйшій князь, будучи въ Петербургѣ, далъ въ присутствіи императрицы великолѣпный праздникъ въ Таврическомъ своемъ домѣ, который послѣ его смерти взятъ въ казну и названъ Таврическимъ дворцомъ. Очаровательный сей праздникъ описанъ нашимъ славнымъ поэтомъ Гавріиломъ Романовичемъ Державинымъ. Наконецъ издерживаемыя имъ суммы и роскошная его жизнь привели императрицу въ неудовольствіе; къ тому же Зубовъ такъ усилился, что началъ съ нимъ совмѣстничать; наконецъ государыня потребовала, чтобы князь ѣхалъ въ армію, чего онъ такъ скоро исполнить не желалъ; приближеннымъ своимъ тогда онъ говаривалъ: «зубъ болитъ; надобно его сперва выдернуть.» Думать надобно, что сіе была истинная причина его болѣзни, и напрасно думали, что ему былъ данъ ядъ; для честолюбиваго человѣка и то настоящая отрава. Замѣтили, что въ пути своемъ въ армію сталъ онъ задумчивъ и временами жаловался на боль головы.

(Праздникъ этотъ былъ данъ 28 апрѣля 1791.)

ныхъ 6 батальйоновъ въ Ботушанахъ. Отъ новаго моего полковника Булгакова, при оныхъ батальйонахъ опредѣленъ я былъ преміеръ-майоромъ и для продовольствія своего полка артиллерійскихъ и подъемныхъ лошадей, которыхъ было болѣе тысячи; хотя и были при оныхъ баталіонахъ два подполковника Мягкой и С. М. Каменскій (48), но они въ командованіе полка и мои распоряженія не вмѣшивались.

Въ сентябрѣ прибыли полномочные турецкіе министры, трактовать о мирѣ; но открытіе конгресса отложено было до октября. Нашими министрами назначены были: генералъ-поручикъ Самойловъ генералъ-майоръ де-Рибасъ и бригадиръ Лашкаревъ.

Между тѣмъ болѣзнь свѣтлѣйшаго князя болѣе и болѣе усиливалась; чувствуя изнуреніе своихъ силъ, онъ послалъ курьера съ повелѣніемъ къ командующему войсками въ Крыму, генералу Каховскому (49), чтобъ онъ прибылъ принять въ завѣдываніе его армію, во время его отлучки, намѣреваясь отъѣхать въ Николаевъ. Пятаго октября, въ сопровожденіи графини Браницкой, отправился онъ въ путь. Проѣхавъ отъ Яссъ 30 верстъ, князь почувствовалъ приближеніе смерти, велѣлъ остановиться и вынесть себя изъ кареты; легъ на разостланный на дорогѣ плащъ и въ объятіяхъ своей любимой племянницы графини Браницкой испустилъ духъ. Тѣло его перевезли въ Херсонъ.

Кабинетъ-секретарь императрицы генералъ-майоръ Василій Степановичъ Поповъ, управлявшій всѣми дѣлами при свѣтлѣйшемъ князѣ, пріѣхавъ въ Яссы, явился у Каменскаго, объявилъ ему о смерти главнокомандующаго, какъ старшему, или лучше сказать одному и бывшему тогда генералъ-аншефу, и требовалъ отъ него приказанія. Каменскій, удивясь скорой кончинѣ свѣтлѣйшаго князя, потребовалъ тотчасъ отъ Попова отчеты въ дѣлахъ и экстраординарныхъ суммахъ. Тотъ отвѣчалъ, что онъ кабинетъ-секретарь ея величества и былъ не при арміи, а един-

---

(48) Графъ Сергѣй Михайловичъ Каменскій, генералъ отъ инфантеріи, род. 3 іюня 1772, ум. 8 декабря 1834; онъ родоначальникъ нынѣшнихъ графовъ Каменскихъ. Меньшой братъ его, графъ Николай Михайловичъ, знаменитый полководецъ ум. 4 мая 1811 г. генераломъ отъ инфантеріи и кавалеромъ св. Андрея и св. Георгія 2 класса, имѣя не болѣе 34 лѣтъ отъ роду. Онъ род. 27 декабря 1776 года.

(49) Графъ Михаилъ Васильевичъ Каховскій, генералъ отъ инфантеріи, род. 1734, ум. 1800.

ственно при особѣ свѣтлѣйшаго князя, почему отчета никакого и дать не можетъ.

Каменскій вышелъ изъ себя, побѣжалъ къ дежурному генералу В. В. Энгельгардту, страдавшему тогда злою лихорадкою, а смертью дяди и благодѣтеля своего сраженному. Въ той же комнатѣ лежала въ безпамятствѣ сестра его графиня Браницкая. Каменскій требовалъ отъ него по дежурству дѣлъ, но тотъ отвѣчалъ: «видите, ваше высокопревосходительство, въ какомъ я положеніи, и прикажите явиться къ себѣ при дежурствѣ находящимся штабъ-офицерамъ; я не въ силахъ головы поднять». Каменскій бросился въ дежурство, билъ всякаго, кто съ нимъ только встрѣчался: солдатъ, Молдаванъ и жидовъ, какъ будто сумасшедшій. Онъ отдалъ приказъ по арміи, что вступаетъ въ командованіе оною, и тотчасъ отправилъ въ Ботушаны курьера за сыномъ, чтобъ послать его къ императрицѣ съ извѣстіемъ о смерти свѣтлѣйшаго князя. Но Поповъ отправилъ о томъ того же дня отъ себя донесеніе (а).

Какъ всѣ генералы тогда были въ Яссахъ, не имѣя никакого начальства, а полками распоряжалось главное дежурство, то Каменскій потребовалъ, чтобы генералы дали о себѣ свѣдѣніе, кто чѣмъ командуетъ. Многіе изъ нихъ желали имѣть его начальникомъ, полагая, что Каховскій не имѣлъ большихъ дарованій, и тѣ къ нему и явились. А другіе, зная его нравъ, предпочитали болѣе Каховскаго; тѣ отозвались подъ разными предлогами, что не состоятъ при арміи; какъ-то: Самойловъ и де-Рибасъ объявили, что они при конгрессѣ, а многіе нашли другія отговорки.

Послѣ смерти свѣтлѣйшаго князя, чрезъ два дня пріѣхалъ и Каховскій, и отдалъ приказъ, что по ордеру покойнаго главнокомандующаго вступаетъ въ командованіе арміей. Тутъ началась у нихъ съ Каменскимъ брань; оба дѣлали приказанія и распоряженія, противныя одно другому.

Каменскій, видя, что большею частію склонялись болѣе къ Каховскому, созвалъ на совѣтъ всѣхъ генераловъ и предложилъ имъ: кому изъ нихъ двухъ командовать арміею? Артиллеріи генералъ-майоръ И. М. Толстой (50) сказалъ: «ежели бы

(а) Каменскаго сынъ чрезъ сутки явился къ отцу; за медленное его прибытіе онъ при всѣхъ далъ сыну двадцать ударовъ арапникомъ и съ таковымъ пашпортомъ его отправилъ.

(50) Иванъ Матвѣевичь Толстой, генералъ-поручикъ, род. 1746, ум.

они знали, что они созваны для избранія себѣ командира, то конечно бы изъ нихъ никто не пріѣхалъ; ибо при самодержавномъ правительствѣ должно повиноваться властямъ, поставленнымъ отъ императрицы, а не выбирать себѣ начальника». Князь Г. С. Волконскій сказалъ: «что онъ повинуется повелѣнію покойнаго свѣтлѣйшаго князя, которому извѣстна была воля государыни, ибо какъ ваше высокопревосходительство были лично въ Яссахъ, то князь и могъ бы поручить вамъ командованіе арміею, и не было надобности для того посылать за М. В. Каховскимъ». Всѣ почти приняли сторону Волконскаго. «Итакъ, сказалъ Каменскій, вы отрекаетесь мнѣ повиноваться,—быть по сему.»

Послѣ сего Каховскій уже безспорно сдѣлался главнокомандующимъ. Ежели бы Каменскій обошелся хорошо съ Поповымъ, то навѣрно бы остался командиромъ арміи.

Между тѣмъ приготовляли похороны свѣтлѣйшему князю. Я потребованъ былъ для оной церемоніи. Проѣзжая квартиры стараго Екатеринославскаго полка, заѣхалъ на квартиру унтеръ-офицера, чтобъ онъ нарядилъ мнѣ для перемѣны лошадей; я нашелъ у него нѣсколько старыхъ гренадеръ, которые хотѣли-было выйдти, я ихъ остановилъ и началъ съ ними разговаривать. Между прочимъ я спросилъ: «скажите, ребята, вы были 3-го гренадерскаго полка, всегда были при главной квартирѣ славнаго нашего фельдмаршала Румянцова и были его любимымъ полкомъ; потомъ также былъ полкъ сей всегда былъ при покойномъ свѣтлѣйшемъ князѣ и также его любимымъ полкомъ, въ которомъ онъ былъ и шефъ; одинъ изъ нихъ уже умеръ, а другой такъ старъ, что конечно никогда уже не будетъ командовать арміею; кого изъ нихъ вы болѣе любили?» Одинъ гренадеръ отвѣчалъ: «Покойный его свѣтлость былъ намъ отецъ, облегчилъ нашу службу, довольствовалъ насъ всѣми потребностями; словомъ сказать, мы были избалованыя его дѣти; не будемъ уже мы имѣть подобнаго ему командира; дай Богъ ему вѣчную память!» Тутъ онъ прослезился и отеръ свои глаза; но вдругъ глаза его оживились, онъ пріосамился и сказалъ: «а при батюшкѣ нашемъ графѣ Петрѣ Александровичѣ хотя и жутко намъ было, но служба веселая; молодецъ онъ былъ, и какъ онъ бы-

---

15 іюля 1808; единственный сынъ его, недавно умершій генералъ отъ инфантеріи графъ Александръ Ивановичь Остерманъ-Толстой, знаменитый воинъ, прославившійся особенно въ 1812 — 1814 годахъ.

вало взглянетъ, то какъ рублемъ подаритъ, и оживлялъ насъ особымъ духомъ храбрости.»

Погребеніе тѣла князя происходило 13 октября слѣдующимъ порядкомъ. По совершеніи духовныхъ обрядовъ, приготовлена была пространная зала, гдѣ долженствовало быть поставлено тѣло усопшаго, вся обитая черным крепомъ съ флеровыми перевязями по бортамъ.

Впереди для катафалка сдѣлано отдѣленіе шелковою черною занавѣсою, обложенною по бортамъ серебрянымъ позументомъ, съ большими по срединѣ висящими серебряными кистями, и подтянутою серебрянымъ шнуркомъ; нѣсколько подалѣе поставлена была балюстрада, обитая чернымъ сукномъ и обложенная сверху по краямъ широкимъ серебрянымъ позументомъ.

Потолокъ сего отдѣленія одѣтъ былъ наподобіе павильйона чернымъ сукномъ и увитъ крестообразно по краямъ бѣлыми и креповыми перевязями.

Посрединѣ отдѣленія поставленъ былъ амвонъ, обитый краснымъ сукномъ, съ тремя ступенями, обложенными по краямъ серебрянымъ позументомъ.

На срединѣ амвона сдѣлано было возвышеніе, покрытое богатою парчею, на коемъ поставленъ былъ гробъ, обитый розовымъ бархатомъ, выложенный богатымъ золотымъ позументомъ, съ серебряными скобами, на серебряныхъ подножіяхъ и покрытый богатымъ парчевымъ покрываломъ.

Надъ гробомъ сдѣланъ былъ великолѣпный балдахинъ изъ розоваго бархата, обложенный по краямъ чернымъ бархатомъ, съ богатымъ золотымъ позументомъ. Спуски онаго были изъ розоваго бархата, обложенные золотымъ позументомъ съ бахрамою и подтянутые шнурами съ небольшими золотыми кистями. Балдахинъ поставленъ былъ на 10 древкахъ, обтянутыхъ розовымъ бархатомъ и перевитыхъ серебрянымъ позументомъ, и укрѣпленъ къ землѣ восемью золотыми шнурами, на коихъ повѣшены большія золотыя кисти. Наверху балдахина, по угламъ и посрединѣ, укрѣплены страусовыя черныя и бѣлыя перья; внутри оный былъ обложенъ бѣлымъ атласомъ.

Въ головахъ, на сдѣланномъ возвышеніи, положена была на парчевой золотой подушкѣ княжеская корона, обведенная лаврами.

На первыхъ отъ гроба ступеняхъ, у головы съ обѣихъ сторонъ стояли табуреты, покрытые краснымъ сукномъ съ золотымъ по краямъ позументомъ, на коихъ положены были по-

душки изъ малиноваго бархата, обложенные золотымъ позументомъ съ бахрамою и съ золотыми по угламъ висящими кистями; на оныхъ съ правой стороны положенъ фельдмаршальскій жезлъ, а съ лѣвой вѣнецъ лавровый (51); съ сей же стороны, пониже, лежала крышка отъ гроба, на коей находились шпага, шляпа и шарфъ. На послѣдней ступени расположены были на таковыхъ же бархатныхъ подушкахъ всѣ ордена покойника по старшинству ихъ, всѣ знаки власти, полученные имъ въ награжденіе заслугъ отъ милостей монаршихъ.

По сторонамъ катафалка поставлены были двѣ пирамиды изъ бѣлаго атласа, увѣшанныя чернаго и бѣлаго крепа перевязями. На пирамидѣ, стоявшей съ правой стороны, виденъ былъ гербъ его свѣтлости, по сторонамъ поставлены два знамени великаго гетмана, а на черной доскѣ изображена была бѣлыми буквами слѣдующая надпись:

«Въ Бозѣ почивающій свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій и проч. и проч., усерднѣйшій сынъ отечества, присоединитель къ Россійской Имперіи Крыма, Тамани, Кубани, основатель и соорудитель побѣдоносныхъ флотовъ на южныхъ моряхъ; побѣдитель силъ турецкихъ на сушѣ и морѣ, завоеватель Бессарабіи, Очакова, Бендеръ, Аккермана, Киліи, Измаила, Анапы, Сучукъ-Кале, Сунніи, Тульчи, Исакчи, острова Березанскаго, Хаджибея (а) и Паланки; прославившій оружіе Россійской Имперіи въ Европѣ и Азіи, приведшій въ трепетъ столицу и потрясшій сердце Оттоманской Имперіи побѣдами на моряхъ и положившій основаніе къ преславному миру съ оною; основатель и соорудитель многихъ градовъ; покровитель наукъ, художествъ и торговли; мужъ, украшенный всѣми добродѣтелями общественными и благочестіемъ. Скончалъ преславное теченіе жизни своей въ княжествѣ Молдавскомъ, въ 34 верстахъ отъ столичнаго города Яссъ, 1791 года октября въ 5-й день, на 52 году отъ рожденія, повергнувъ въ бездну горести не только облагодѣтельствованныхъ, но и едва вѣдающихъ его.»

На пирамидѣ, съ лѣвой стороны стоявшей, виденъ былъ гербъ во всемъ подобный первому, а по сторонамъ поставлены были: справа—кейзеръ-флагъ, а съ лѣвой—гетманское знамя.

---

(52) Екатерина пожаловала этотъ вѣнокъ Потемкину по окончаніи кампаніи 1786 г. Вѣнокъ этотъ былъ золотой и усыпанный изумрудами и бриліантами и стоилъ 150,000 рублей.

(а) Одесса.

Девятнадцать большихъ свѣчъ, въ высокихъ подсвѣчникахъ, обложенныхъ золотою парчею, и множество меньшихъ свѣчъ, поставленныхъ кругомъ гроба, освѣщая катафалкъ, представляли весьма важное и великолѣпное зрѣлище, внушающее благоговѣніе и горесть. 11-го числа по совершеніи всѣхъ вышеписанныхъ приготовленій, тѣло поставлено было на катафалкъ и учреждено при гробѣ дежурство изъ одного генералъ-майора, двухъ полковниковъ, четырехъ штабъ-офицеровъ, и восьми оберъ-офицеровъ, одного генералъ-адъютанта и одного флигель-адъютанта. Тогда объявлено было въ городѣ, что хотящіе отдать послѣдній долгъ покойному фельдмаршалу допускаемы будутъ къ тому безъ изъятія.

Народъ стекался толпами; горесть написана была на всѣхъ лицахъ, наипаче воины и молдавскіе бояре проливали слезы о потерѣ своего благодѣтеля и друга; въ сіе время поставленный у дверей офицеръ раздавалъ убогимъ мелкія серебряныя деньги. Поклоненіе тѣлу происходило сего числа пополудни отъ 3 до 6 часовъ. Въ часы прихода для поклона тѣлу, стояли у головъ по обѣимъ сторонамъ штаба покойнаго фельдмаршала два генералъ-адъютанта, у средины гроба по два гвардіи офицера, два флигель-адъютанта, а нѣсколько подалѣе по два офицера Екатеринославскаго гренадерскаго полка; внутри съ правой стороны лейбъ-гвардіи отъ бомбардирской роты, съ лѣвой кирасирскаго полка князя Потемкина, а у балюстрада того же полка по два офицера въ супервестахъ.

12-го числа двери отворены были отъ 10 часовъ пополуночи до 2-хъ часовъ пополудни, потомъ отъ 3-хъ до 8 часовъ вечера, въ которое время по прежнему была раздача убогимъ серебряныхъ мелкихъ денегъ. Между тѣмъ одинъ генералъ-адъютантъ, два флигель-адъютанта на лошадяхъ въ сопровожденіи одного эскадрона полка князя Потемкина, въ траурномъ видѣ съ литаврами, покрытыми чернымъ сукномъ, возвѣстили городу о времени выноса тѣла, которое имѣло быть на другой день въ 8 часовъ пополуночи.

13-го числа полки Екатеринославскій и Малороссійскій гренадерскіе и Днѣпровскій мушкетерскій стали по обѣимъ сторонамъ улицъ, гдѣ долженствовало происходить шествіе. Когда духовенство собралось, и все было готово, время выноса возвѣщено было 11-ю пушечными выстрѣлами и унылымъ колокольнымъ звономъ, пальба продолжалась чрезъ каждую минуту

до самаго внесенія тѣла въ монастырь Голлій, назначенный къ совершенію сего печальнаго обряда.

Тѣло выносили изъ особливаго усердія генералы, также штатъ его свѣтлости и назначенные къ тому штабъ-офицеры; балдахинъ несли гвардейскіе офицеры, кисти поддерживали полковники.

Шествіе происходило слѣдующимъ порядкомъ:

Открывалъ оное эскадронъ конвойныхъ гусаръ покойнаго Фельдмаршала.

За нимъ кирасирскій полкъ князя Потемкина.

Домъ покойнаго въ трaурѣ.

Верховыя лошади въ богатыхъ уборахъ; каждую вели два конюха въ богатой ливреѣ, въ черныхъ эпанчахъ и шляпахъ.

120 человѣкъ солдатъ съ факелами въ черныхъ эпанчахъ и въ распущенныхъ шляпахъ, съ чернымъ флеромъ.

24 оберъ-офицера въ траурномъ видѣ со свѣчами.

12 штабъ-офицеровъ въ траурномъ видѣ со свѣчами.

Бояре княжества молдавскаго, князья и посланники черкесскіе.

За симъ долженъ былъ слѣдовать генералитетъ: но генералы, какъ выше сказано, выносили гробъ и шли подлѣ онаго до самой церкви.

Духовенство.

Знаки отличія, изъ которыхъ каждый несли штабъ-офицеръ имѣя двухъ оберъ-офицеровъ ассистентами:

1. Орденъ Св. Андрея.
2. — — Александра Невскаго.
3. — — Георгія 1-го класса.
4. — — Владиміра 1-го класса.
5. — Бѣлаго орла.
6. — Св. Станислава.
7. — Прусскаго чернаго орла.
8. — Датскаго Слона.
9. — Шведскаго Серафима.
10. — Св. Анны.
11. Камергерскій ключъ.
12. Гетманская булава.
13. Гетманская сабля.
14. Жалованная шпага.
15. Вѣнецъ.
16. Бантъ отъ портрета императрицы.

17. Фельдмаршальскій жезлъ.
18. Гетманское знамя.
19. Кейзеръ-флагъ.
20. Другое знамя.
21. Княжеская корона.

Гробъ на черныхъ дрогахъ, запряженныхъ 8-ю лошадьми въ черныхъ попонахъ, изъ которыхъ каждую велъ одинъ конюхъ въ черной эпанчѣ и шляпѣ.

Парадная карета, покрытая чернымъ сукномъ, запряженная 8-ю лошадьми подъ черными покрывалами; при ней конюхи въ парадной ливреѣ и черныхъ эпанчахъ.

За гробомъ шли родственники князя.

Шествіе замыкали: эскадронъ конвойныхъ гусаръ, козачій полкъ Булавы великаго гетмана, донской козачій полкъ князя Потемкина.

По совершеніи литургіи преосвященный епископъ Херсонскій Амвросій (52) вышелъ было сказать надгробное слово, но за рыданіемъ не могъ выговорить ни слова и вошелъ обратно въ алтарь. По окончаніи отпѣванія, когда запѣли вѣчную память, сдѣлано было 11 пушечныхъ выстрѣловъ, а войско произвело троекратно ружейный бѣглый огонь. Рыданіе родственниковъ, ближнихъ и воиновъ раздалось со всѣхъ сторонъ.

Тѣло омыто горячими слезами облагодѣтельствованныхъ покойникомъ (а).

По окончаніи всего, опредѣлены были при гробѣ къ дежурству одинъ адъютантъ, четыре офицера и караулъ.

Смерть свѣтлѣйшаго князя дала новый ходъ политическимъ

(52) Амвросій Серебренниковъ, архіепископъ екатеринославскій и мѣстоблюститель экзархіи молдо-влахійской ум. 13 сентября 1792. Надгробное слово его Потемкину, о которомъ здѣсь говорися, было напечатано въ 1791 въ Яссахъ и въ 1792 въ Москвѣ.

(а) Можно безъ всякой лести сказать, что свѣтлѣйшій князь имѣлъ исполненную доброты душу. Во все время его безпримѣрнаго могущества ни одного человѣка не сдѣлалъ несчастнымъ. Много было примѣровъ, гдѣ онъ оказалъ сострадательное сердце, напримѣръ: поручикъ артиллеріи баронъ Плото посланъ былъ въ Воронежъ для покупки подъ артиллерію лошадей; онъ всю сумму, данную ему для сей казенной надобности проигралъ, почему военнымъ судомъ приговоренъ былъ къ разжалованію навсегда въ солдаты. Когда же поднесена была князю на подписаніе конфирмація, онъ написалъ: «разжаловать въ солдаты на три мѣсяца со дня подписанія,» но Попову приказалъ къ исполненію не прежде отослать, какъ по истеченіи и сего срока.

сношеніямъ между Петербургомъ и Константинополемъ. Графъ Безбородко прибылъ способствовать къ скорѣйшему окончанію мирныхъ переговоровъ. Долго турецкіе министры не соглашались на требованіе Россіи о вознагражденіи 24 милліоновъ піастровъ; но когда объявили имъ, что ежели они на сію статью не согласятся, то и конгрессъ разрушенъ, то они и подписали. Въ ту минуту Безбородко вошелъ и сіе положеніе разорвалъ, сказавъ: «Государыня императрица не имѣетъ нужды въ турецкихъ деньгахъ.» Таковой поступокъ изумилъ Мусульманъ. «Сіе великодушіе, воскликнулъ Рейсъ-эфенди, спасаетъ жизнь верховнаго визиря.» Миръ между Россіею и Портою подписанъ 25 декабря (9 января) 1792 г. въ Яссахъ.

Главнѣйшія онаго статьи были: Порта признаетъ острова Крымъ и Тамань россійскимъ стяжаніемъ: рѣка Днѣстръ составляетъ границу между обѣими имперіями; флоты россійскій парусный и гребной должны оставить владѣнія турецкія, какъ скоро получатъ повелѣніе, и не позже трехъ недѣль послѣ подписанія мира. Войска сухопутныя оставятъ занятыя владѣнія турецкія въ маѣ, возвратя завоеванныя крѣпости въ такомъ положеніи, въ каковомъ оныя при подписаніи мира состоятъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

КЛИМАТЪ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ[1]

II.

Вездѣ и всегда, даже надъ пустынями Сагары, есть вода въ воздухѣ; если иногда мы и не имѣетъ средствъ открыть ея присутствіе, то и тогда нельзя утверждать, чтобы ея не было. Это повсемѣстное и всегдашнее распространеніе воды ускользаетъ отъ нашихъ чувствъ, особенно отъ зрѣнія, потому что самое обыкновенное состояніе воды въ атмосферѣ есть паръ, невидимый, неосязаемый, изобличаемый только *гигрометромъ;* и чѣмъ теплѣе воздухъ, тѣмъ болѣе онъ содержитъ пара; это очевидно уже изъ того, что вода испаряется тѣмъ быстрѣе, чѣмъ сильнѣе нагрѣваютъ ее. Однакоже, для каждой степени воздушной теплоты есть предѣлъ количеству пара, за который онъ переходить не можетъ; этотъ предѣлъ называется предѣломъ насыщенія воздуха водяными парами; поэтому одинъ и тотъ же объемъ воздуха, при каждомъ количествѣ теплоты, имѣетъ и свое наибольшее количество пара, свою точку насыщенія. Лишь только воздухъ, по какой бы ни было причинѣ, охладится, количество насыщающаго его пара становится меньшимъ, и часть его дѣлается видимою. Если пониженіе теплоты

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 3.

ЗАПИСКИ

ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДТА[1]

V. Польская война.

1792. Вскорѣ по объявленіи и торжествѣ мира взялъ я отпускъ и отправился въ Могилевскую губернію къ отцу моему, получившему отставку, при чемъ пожаловано было ему по смерть восемьсотъ душъ въ Бѣлоруссіи, куда онъ на житье и переѣхалъ.

Отецъ мой меня встрѣтилъ нѣкоторымъ для меня прискорбнымъ выговоромъ: «Хорошо ты пишешь реляціи (ибо я ему писалъ о происшедшемъ со мною въ мачинской баталіи). Но въ реляціи, припечатанной въ газетахъ, того нѣтъ; каждый кто отличился, всякій именованъ, но ты съ прочими помѣщенъ въ спискѣ, что былъ примѣромъ храбрости и мужества; рекомендованные награждены орденами, золотыми шпагами съ надписью: *за храбрость*, а тебѣ съ прочими назначенъ одобрительный листъ за подписаніемъ князя Н. В. Репнина.» Больно мнѣ было услышать таковый выговоръ и несправедливость, отъ начальства мнѣ оказанную; но къ счастію моему, князь Г. С. Волконскій, при отъѣздѣ моемъ въ отпускъ, какъ онъ былъ

---

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 1-й, 2-й и 4-й.

корпусный мой командиръ, далъ мнѣ аттестатъ, съ прописаніемъ всего до меня касающаго во время мачинской баталіи. Показавъ оный отцу моему, я достаточно его удостовѣрилъ, что писалъ я неложно и не былъ самохвалъ.

Полкъ десяти-батальйонный Екатеринославскій былъ раскасированъ и остался по прежнему изъ четырехъ батальйоновъ, какъ и всѣ прочіе гренадерскіе полки; офицеровъ и нижнихъ чиновъ размѣстили по другимъ полкамъ, а штабъ-офицерамъ велѣно прислать въ военную коллегію прошенія о томъ, кто въ какой полкъ пожелаетъ быть помѣщенъ. Для чего я и отправился въ С.-Петербургъ, и такъ какъ князь Репнинъ былъ тамъ, то и хотѣлъ просить его утвердить своимъ подписомъ аттестатъ, данный мнѣ княземъ Волконскимъ, по которому могъ бы я требовать награжденія.

Прибывъ въ С.-Петербургъ, увидѣлся я съ служившимъ тогда при банкѣ И. С. Захаровымъ (1), по сосѣдству деревень отца моего сдѣлавшимся ему короткимъ знакомымъ. Когда сказалъ я ему о причинѣ моего пріѣзда, то онъ говорилъ мнѣ, что онъ хорошій пріятель Панкратьеву, управлявшему канцеляріею князя Репнина, и просилъ ввѣрить ему мой аттестатъ для показанія и требованія отъ него совѣта, какъ съ нимъ поступить. Я не разчелъ, что Панкратьевъ, писавъ реляцію, не захочетъ признать свою ошибку, и аттестатъ Захарову отдалъ.

На другой день пріѣхалъ я къ Захарову, который мнѣ сказалъ, что Панкратьевъ удивляется аттестату, данному мнѣ княземъ Волконскимъ, ибо-де онъ меня не рекомендовалъ. Несмотря на то, рѣшился я ѣхать къ князю Репнину и съ самимъ имъ объясниться, что̀ на другой день и исполнилъ. Пріѣхалъ я поутру къ князю часовъ въ десять; передъ кабинетомъ его Панкратьевъ меня встрѣтилъ и спросилъ, что мнѣ угодно. Я сказалъ ему о моей претензіи; но онъ, какъ и Захарову, говорилъ мнѣ, что̀ княземъ Волконскимъ я не рекомендованъ, и просилъ идти съ нимъ въ канцелярію. Пришедъ туда, показываетъ онъ мнѣ рапортъ князя Волконскаго, въ которомъ онъ рекомендовалъ лично только при немъ бывшихъ, но что онъ утверждаетъ въ донесеніи справедливую рекомендацію карейныхъ командировъ. Тогда я сказалъ: «посмотрите рапортъ карейнаго моего командира». Въ немъ Панкратьевъ увидѣлъ, что

---

(1) Иванъ Семеновичъ Захаровъ, сенаторъ, занимавшійся литературой, и членъ Шишковской «Бесѣды любителей русскаго слова».

рекомендація моя во всемъ согласна съ полученнымъ мною аттестатомъ. На это Панкратьевъ сказалъ, что дѣлали представленія къ награжденію только тѣхъ, кого корпусные командиры рекомендовали лично (а). «А затѣмъ вы получить не можете болѣе ничего», прибавилъ онъ. «Какъ бы то ни было, сказалъ я, прошу о мнѣ доложить его сіятельству; по извѣстной его справедливости, онъ не откажетъ удовлетворить въ моемъ требованіи.»

Панкратьевъ вошелъ въ кабинетъ къ князю и, пробывъ тамъ съ четверть часа, позвалъ меня къ нему. Какъ скоро я вошелъ, то князь, не давъ мнѣ вымолвить ни слова, сказалъ: «Здравствуйте, мой другъ; это вы, который мною въ мачинской баталіи посыланы были атаковать гору? вы то исполнили какъ храбрый офицеръ и добрый слуга ея величества (и выхвалялъ меня минутъ съ пять). Да вы, другъ мой, и награждены».— Ваше сіятельство, я видѣлъ себя въ спискѣ награжденнымъ одобрительнымъ листомъ. «Какъ, другъ мой, вы этимъ недовольны? развѣ не все равно, ордена, шпаги?—все то не что иное, какъ благоволеніе монаршее, то же что̀ и листы, а вы хотите быть вывѣскою вашей храбрости. Благоразумному человѣку довольно, когда уже знаетъ, что его имя и служба извѣстны государынѣ; вамъ болѣе ничего не надобно, и нѣтъ надобности ни въ какомъ аттестатѣ. Простите, мой другъ, я не имѣю болѣе времени быть съ вами; спѣшу во дворецъ; а когда случай приведетъ насъ быть вмѣстѣ на ратномъ полѣ, зная вашу способность, мужество и ревность къ службѣ, не премину васъ употребить какъ отличнаго штабъ-офицера.»

Вотъ чѣмъ кончилось мое объясненіе съ человѣкомъ, слывшимъ такъ справедливымъ, какъ древній Аристидъ. Итакъ не оставалось мнѣ ничего болѣе дѣлать въ Петербургѣ. Я опредѣлился въ Козловскій мушкетерскій полкъ, которымъ командовалъ

(а) Между нѣкоторыми я замѣтилъ, что отлично рекомендованъ ротмистръ Хорватъ и награжденъ орденомъ Св. Георгія IV класса, котораго съ двумя эскадронами гнали Турокъ съ двадцать, и что̀ самъ князь Репнинъ видя, сказалъ, что ихъ надобно одѣть въ сѣрые кафтаны. Показавъ ему сіе, я сказалъ: «не натурально, чтобы корпусный командиръ, будучи занятъ распоряженіемъ, могъ видѣть дѣйствія всѣхъ, а въ пѣхотѣ невозможно никому особливо отличиться, ибо изъ фронта выскочить невозможно, развѣ только въ такомъ случаѣ, каковъ мнѣ представился, что̀ случается чрезвычайно рѣдко, тѣмъ болѣе, что то было въ глазахъ самого главнокомандующаго.»

ко мнѣ хорошо расположенный полковникъ И. Н. Рокасовскій, давно просившій меня перейдти къ нему въ полкъ. Я спѣшилъ уѣхать, ибо съ Польшею начиналась война (а), и Козловскій полкъ уже пошелъ къ границѣ въ отрядъ генералъ-поручика графа Мелина.

Возвратясь къ отцу моему, снабдившему меня всѣмъ потребнымъ, отправился я въ полкъ, который уже нашелъ въ Новогрудкѣ Виленской губерніи, и, къ сожалѣнію моему, не поспѣлъ къ неважному дѣлу, бывшему при мѣстечкѣ Мирѣ.

Войска вступили въ Польшу разными отрядами: генералъ-поручикъ Ферзенъ со стороны Рогачева; генералъ-поручикъ графъ Мелинъ со стороны Толочина (б). Со стороны Лифляндіи и Полоцкой губерніи вступили два отряда; всѣ они были подъ главнымъ начальствомъ М. Н. Кречетникова.

Вся молдавская армія, подъ главнымъ начальствомъ генералъ-аншефа М. В. Каховскаго, переправясь черезъ Днѣстръ въ Могилевѣ, вступила въ Польшу; авангардомъ оной командовалъ графъ Ираклій Ив. Марковъ (2), а подъ нимъ флигель-адъютантъ императрицы, графъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ (3). Такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ тѣснили Поляковъ.

Авангардъ молдавской арміи отдѣлился на большое разстояніе отъ главнаго корпуса; о Полякахъ всѣ думали, что при появленіи нашихъ войскъ они тотчасъ побѣгутъ. Но извѣстный польскій генералъ Костюшко (4), служившій волонтеромъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, когда они отложились отъ Англіи, былъ мужественъ и опытомъ наученъ въ военномъ искусствѣ. Узнавъ, что русскій авангардъ далеко

(а) Претекстъ сей войны подали нѣкоторые польскіе вельможи, недовольные новою конституціей, просившіе императрицу уничтожить оную, ибо она противна ихъ вольности и прежнимъ уставамъ, и потому что малая только часть ихъ участвовала въ утвержденіи оной. Почему и составили они конфедерацію въ Тарговицахъ.

(б) Деташементъ его состоялъ изъ полковъ Муромскаго и Козловскаго мушкетерскихъ, Смоленскаго драгунскаго и одного полка донскихъ козаковъ съ десятью орудіями полевой артиллеріи.

(2) Графъ Ираклій Ивановичъ Марковъ, генералъ отъ инфантеріи, родился 2 ноября 1753 года, умеръ 26 марта 1829 года.

(3) Графъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ, генералъ отъ инфантеріи, род. 28 ноября 1771 г., ум. 21 іюня 1804 г.

(4) Тадеушъ Костюшко, род. 1753 г., ум. 3/15 октября 1817 г.

отдѣлился отъ арміи, съ значительными силами остановился онъ у Мурахвы. Графъ Марковъ, не имѣя достаточнаго свѣдѣнія о силѣ непріятеля, атаковалъ его; сраженіе сдѣлалось упорно, и уже наши стали ослабѣвать, потеряли много людей и были въ опасности быть разбитыми, какъ, къ счастію, обозъ авангарда сталъ показываться изъ-за горы въ пыли. Костюшко, думая, что то идетъ вся армія, и не бывъ въ силахъ съ оною сразиться, отступилъ. За сію мнимую побѣду графъ Марковъ и всѣ съ нимъ бывшіе осыпаны награжденіями, вмѣсто того чтобы за самовольное отдаленіе на большое разстояніе отъ арміи, чѣмъ подвергали весь авангардъ опасности истребленія, быть отданными подъ военный судъ. Но тутъ былъ братъ фаворита, молодой человѣкъ съ пылкимъ желаніемъ отличиться: вотъ и вся побѣда. Послѣднее было дѣло той арміи подъ Дубенкой, гдѣ Костюшко взялъ хорошую позицію между болотистыми дефилеями, укрѣпивъ оные флешами. Поляки защищались храбро; рѣшилъ дѣло полковникъ Паленбахъ съ Елисаветградскимъ конно-егерскимъ полкомъ; онъ овладѣлъ сими укрѣпленіями, но самъ былъ убитъ. Послѣ сего вся армія безостановочно шла къ Варшавѣ. Съ другой стороны графъ Мелинъ и Ферзенъ, имѣвъ небольшое дѣло подъ Мстивовомъ, дошли до Буга, гдѣ получили извѣстіе отъ Каховскаго, что съ Поляками война кончилась, и чтобы Кречетниковъ съ своими отрядами остановился. Вскорѣ наши войска заняли Варшаву, и конституція уничтожена.

Дѣйствительный тайный совѣтникъ Яковъ Ефимовичъ Сиверсъ (5) сдѣланъ чрезвычайнымъ посломъ въ Польшѣ на мѣсто Штакельберга. Каховскій былъ оставленъ начальникомъ всѣхъ войскъ въ Польшѣ и пожалованъ графомъ за успѣшное окончаніе сей кампаніи.

Войска заняли всю Польшу и расположились по квартирамъ. Козловскій полкъ поступилъ въ виленскій отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-майора Н. Д. Арсеньева (6); зима протекла покойно, хотя Поляки и показывали намъ свое недоброжелательство.

1793. Въ 1793 году въ январѣ прибылъ командовать войсками генералъ-аншефъ баронъ Игельстромъ, на мѣсто графа

---

(5) Графъ Яковъ Ефимовичъ Сиверсъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, род. 1730 г., ум. 1808 г. Любопытныя записки его изданы теперь въ Германіи.

(6) Николай Дмитріевичъ Арсеньевъ, генералъ-майоръ, ум. 1796 г.

Каховскаго. Новый нашъ командиръ не оставилъ насъ ни одного мѣсяца на однѣхъ квартирахъ; всѣ войска избили Польшу въ шахматы. Въ апрѣлѣ взяты были кантониръ-квартиры около Варшавы, Гродно и Вильны, не далѣе одной мили отъ сихъ городовъ. Въ маѣ вступили въ лагерь, гдѣ и простояли до іюля, во время котораго близь Варшавы производились маневры.

На одни изъ маневровъ Игельстромъ пригласилъ всѣхъ дворовъ министровъ, всѣхъ знатныхъ чужестранцевъ и польскихъ магнатовъ. Маневры состояли въ слѣдующемъ: артиллеріи генералъ-майоръ Тищевъ съ артиллеріею поставленъ былъ на горѣ, которую самъ главнокомандующій атаковалъ съ остальными войсками; Тищевъ по нѣкоторомъ времени ретировался; тогда войска заняли его позицію, на которой поставлены были палатки, и приготовленъ былъ обѣденный столъ, которымъ Игельстромъ угощалъ всѣхъ, имъ приглашенныхъ, генераловъ и штабъ-офицеровъ. Подъ кувертомъ самого хозяина и у многихъ другихъ нашлись стихи, слѣдующаго содержанія: «Знаете ли, отчего генералъ Игельстромъ такъ веселъ? оттого, что онъ въ своей жизни первую выигралъ баталію». (И въ самомъ дѣлѣ, онъ не имѣлъ никогда случая не только дать баталію, но и никакого сраженія подъ личнымъ своимъ предводительствомъ.) Какое онъ ни прилагалъ стараніе отыскать сочинителя сего пасквиля, но не могъ; сіе показываетъ, какъ онъ всегда былъ нелюбимъ войскомъ.

При Гродно лагерь былъ усиленъ, куда и Козловскій полкъ былъ потребованъ.

Въ Гродно открытъ былъ сеймъ; Сиверсъ потребовалъ за понесенныя Россіею убытки въ уничтоженіи конституціи, за разрушеніе анархіи, подобной французскимъ якобинамъ, губерніи: Минскую, Подольскую и Волынскую. Долго Поляки сопротивлялись, но когда увидѣли, что ревностнѣйшіе изъ ихъ патріотовъ изъ Гродно пропадали, то по продолжительномъ преніи согласились сказанный край уступить императрицѣ. Но такъ какъ въ Гродно былъ и прусскій министръ Бухгольцъ и дворы наши были въ тѣсной связи, то Поляки справедливо опасались, чтобы король прусскій не сталъ требовать нѣкоторыхъ областей, смежныхъ съ его королевствомъ; потому что его министръ Лукезини способствовалъ сдѣлать имъ конституцію 3-го мая (а). По утвержденіи на сеймѣ, какъ сказано, усту-

(а) Одинъ монархъ имѣлъ требованіе за то, что сдѣлалъ конституцію, а другой за то, что разрушилъ ее; и оба правы, по праву сильнаго.

пить край Россіи, тогда же сдѣлали постановленіе, что ежели кто предложитъ трактовать съ Пруссіею въ уступкѣ земель отъ Польши, того тутъ же на сеймѣ изрубить.

Обрядъ сейма такъ происходилъ. Близъ трона, на которомъ король всякое собраніе бывалъ, вкругъ его сидѣли министры. По сторонамъ сенаторы. Вдоль стѣны сдѣланы были мѣста амфитеатромъ для депутатовъ, или, какъ они называли, пословъ, отъ каждаго повѣта по два человѣка. За ними находились зрители, какъ Поляки, такъ и иностранцы, но послѣднимъ не дозволялось быть въ мундирахъ и съ оружіемъ. Избираемъ былъ сеймовый маршалъ, отъ котораго зависѣло, если многіе требовали голоса, говорить кому онъ позволитъ. На сей сеймъ былъ выбранъ маршаломъ графъ Бѣлинскій; собраніе сейма всегда начиналось въ 3 часа по полудни; какъ скоро король садился на тронъ, то сеймовый маршалъ объявлялъ: *сесія загосна*, то-есть засѣданіе открыто. На что депутаты отвѣчали: *загосна*. Ежели сего не скажутъ, то засѣданіе не почиталось открытымъ. Послѣ сего маршалъ предлагалъ что̀ въ прошломъ сеймѣ заслушано и не окончено, или о чемъ слѣдуетъ трактовать. Тогда депутаты требовали голоса; сеймовый маршалъ говорилъ: *ма глосъ посолъ* напримѣръ *слонимскій*. Получа позволеніе, тотъ начиналъ предлагать въ чемъ имѣлъ нужду. Ежели его голосъ былъ принятъ собраніемъ, то всѣ закричатъ: *згода*. И уже то почитано утвержденнымъ и не могло ничѣмъ быть нарушено; если предлагаемое противно, то закричатъ: *не позволямъ*. Ежели же иные кричатъ: *згода*, а другіе: *не позволямъ*, то собирали голоса подписаніемъ депутатовъ на листѣ бумаги, который носили для сего особо избранные, и тогда рѣшилось дѣло по большинству голосовъ. Иногда случалось, что дѣлали возраженія на произнесенную рѣчь, по дозволенію сеймоваго маршала, и должно сказать, что ораторы объяснялись съ большимъ краснорѣчіемъ; иные говорили противъ короля въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, на которыя и король отвѣчалъ всегда съ особливымъ снисхожденіемъ и краснорѣчивымъ убѣжденіемъ. Когда же король хотѣлъ говорить, то канцлеръ произносилъ: *яснѣйшій панъ кроль мовѣ*. Король Станиславъ Августъ былъ прекрасный мущина, высокаго роста и важной осанки; на сеймѣ онъ всегда былъ въ мундирѣ *народовой* кавалеріи.

Графъ Бѣлинскій былъ близорукъ; когда многіе депутаты требовали позволенія говорить, то онъ долго разсматривалъ въ лорнетъ, дабы позволить говорить тому, который согласовался

съ интересами дворовъ россійскаго и прусскаго. Случалось, что ошибкою позволялъ говорить противнымъ пользамъ оныхъ, и они тогда же были выводимы бывшими тутъ русскими офицерами во фракахъ, для сего нарочно наряжаемыми. Одинъ закупленный депутатъ Сухуржевскій хотѣлъ было предложить трактовать съ прусскимъ министромъ; тогда многіе депутаты, обнаживъ сабли, бросились на него и нанесли ему нѣсколько ударовъ такъ, что упомянутые офицеры насилу могли его спасти и вывесть изъ сеймовой залы; а слуги, бывшіе въ сѣняхъ, кричали: *здрайца* (измѣнникъ), и забросали его шапками.

Во все время шумливаго сего сейма безпрестанные были праздники, балы, фейерверки; какъ нашъ посолъ, такъ и прусскій, угощали и веселили Поляковъ, а равно и они угощали Русскихъ. Множество было польскихъ самознатнѣйшихъ дамъ, красотою и любезностію одушевлявшихъ сіи праздники; но красотою затмѣвала всѣхъ прочихъ четырнадцати-лѣтняя княжна Четвертинская (а) (7).

Нѣсколько было засѣданій, но трактовать съ прусскимъ министромъ никто болѣе предлагать не осмѣливался. Наконецъ въ одно таковое засѣданіе сеймъ былъ окруженъ 4 батальйонами съ пушками. Генералъ-майоръ Раутенфельдъ въ мундирѣ введенъ былъ въ сеймовую залу; близь трона поставлены ему кресла; четыре человѣка офицеровъ въ мундирахъ также введены были въ залу и размѣщены въ разныхъ мѣстахъ, чтобъ исполнять повелѣнія его превосходительства.

Когда король вошелъ и сѣлъ на тронъ, то сеймовый маршалъ объявилъ по обыкновенію: *Сессія загосна. Не загосна, не загосна*, со всѣхъ сторонъ раздался крикъ. И сколько разъ маршалъ ни начиналъ объявлять, то таковымъ же крикомъ отвѣтствовали, что̀ происходило до трехъ часовъ утра. Къ дверямъ залы поставленъ былъ караулъ, чтобы никого не выпускать; король изнемогъ, и ему приносили нѣсколько разъ бульйону и вина.

Наконецъ въ три часа утра, безъ обыкновеннаго предложенія, что *сессія загосна*, Бѣлинскій, подошедъ къ трону, доложилъ, что получена отъ россійскаго посла нота. Король приказалъ ее про-

---

(а) Которая была послѣ замужемъ за Д. Л. Нарышкинымъ и была въ фаворѣ у императора Александра.

(7) Марья Антоновна Нарышкина, ум. 1854 г. Она была супруга оберъ-егермейстера Дмитрія Львовича Нарышкина.

честь. Въ нотѣ требовалось сдѣлать легацію или отдѣлить нѣсколько депутатовъ трактовать съ прусскимъ министромъ. Когда требовалось, чтобы каждый подписалъ, согласенъ на то, или нѣтъ, то никто не осмѣливался подать противный голосъ, страшась быть отправленнымъ въ Сибирь. Почему выбраны были уполномоченными тѣ, которые уже были напередъ назначены и готовы подписать все, что̀ будетъ имъ приказано. Тѣмъ кончилось сіе насильственное засѣданіе (8).

Уполномоченные уступили Пруссіи великое герцогство Познаньское, что̀ утверждено сеймомъ, и сеймъ въ сентябрѣ распущенъ. Король и всѣ министры возвратились въ Варшаву, а полки вступили въ квартиры. Козловскій полкъ расположился въ Слонимѣ.

Поляки, которые были забираемы на сеймѣ, какъ было сказано, и о которыхъ думали, что отправлены въ Сибирь, на другой же день по окончаніи сейма явились въ Гродно, гдѣ они содержались хорошо, но тайно.

1794. Такъ какъ я сдѣлалъ нѣкоторый долгъ, о которомъ нужно мнѣ было объясниться лично съ моимъ отцомъ, то и хотѣлъ проситься въ отпускъ, но полковникъ упросилъ меня остаться до его возвращенія—ибо дѣла требовали его самого въ Лифляндію,—обѣщавъ мнѣ непремѣнно пріѣхать въ январѣ. Вмѣсто того онъ возвратился уже въ мартѣ, когда получено было повелѣніе ни въ отставку, ни въ отпускъ не принимать прошеній. Чтобы меня удовлетворить, полковникъ позволилъ мнѣ сказаться больнымъ и ѣхать въ Могилевскую губернію подъ именемъ капрала Семенова, котораго далъ мнѣ въ сопровожденіе, съ тѣмъ, чтобы я пріѣхалъ передъ выступленіемъ въ лагерь, то-есть въ первыхъ числахъ мая.

Во время зимнихъ квартиръ видно было броженіе польскихъ умовъ. Я, будучи въ короткомъ обхожденіи со многими слонимскими жителями и въ окружности города, гдѣ квартировалъ полкъ, видѣлъ, что между ними происходили какіе-то непріязненные къ намъ замыслы, но не имѣвъ никакого предписанія, оставилъ безъ большаго вниманія всѣ ихъ рѣчи, которыхъ я былъ свидѣтель, почитая ихъ пустымъ самохвальствомъ и думая, ежели бы что̀ между ними затѣвалось, то конечно генералъ Игельстромъ, сдѣлавшись на мѣсто Сиверса чрезвычай-

(8) Засѣданіе это происходило 22 сентября 1793 г.

нымъ посломъ, былъ бы о ихъ расположеніи извѣстенъ и сдѣлалъ бы по сему случаю начальникамъ войскъ предписаніе. Но онъ былъ усыпленъ новою Далилою, его любовницею, графинею Залуцкою, какъ и многіе генералы, подражавшіе въ этомъ главному начальнику. Онъ пренебрегъ тогдашнія обстоятельства, а иначе заговоръ, Поляками сдѣланный, заранѣе былъ бы открытъ военными чиновниками, квартировавшими въ Польшѣ.

Пробывъ у отца моего до 20-го апрѣля, я отправился въ полкъ на своихъ лошадяхъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о происходившемъ въ Польшѣ. Пріѣхавъ въ Минскъ и остановясь въ корчмѣ, пошелъ я къ вице-губернатору Михайлову, который былъ женатъ на сестрѣ сверхъ-комплектнаго майора Козловскаго полка Арсеньева; я увидѣлъ хозяйку и всѣхъ, съ нею живущихъ, въ слезахъ; отъ нихъ узналъ я, что въ Польшѣ сдѣлалась революція (9); что въ Вильнѣ генералъ-майоръ Арсеньевъ захваченъ Поляками въ полонъ, что войска наши истреблены, и что Поляки въ большихъ силахъ идутъ къ Минску. Притомъ я узналъ, что полковникъ Рокасовскій подалъ просьбу въ отставку, отпущенъ въ отпускъ и проѣхалъ уже чрезъ Минскъ, а что полкъ Козловскій выступилъ изъ Слонима къ Бресту-Литовскому, и что мнѣ въ полкъ проѣхать никакъ невозможно, ибо всѣхъ Русскихъ Поляки на пути рѣжутъ. Чрезвычайное увѣдомленіе сіе меня изумило и привело въ большое затрудненіе; не бывъ отпущенъ начальствомъ, а только партикулярно полковникомъ, подвергалъ я себя военному суду, или объявя, что получилъ отъ полковника позволеніе, подвергалъ его той же отвѣтственности, чѣмъ оказалъ бы ему неблагодарность, почему я рѣшился, несмотря ни на какую опасность, ѣхать въ полкъ. Едва только возвратился я въ корчму, гдѣ оставилъ свой экипажъ, какъ отъ губернатора Н. И. Неплюева (10) ординарецъ пришелъ требовать меня къ нему, ибо онъ былъ извѣщенъ о моемъ пріѣздѣ отъ г. Михайлова. Нечего было дѣлать; я долженъ былъ надѣть мундиръ и къ нему явиться. Послѣ очень вѣжливаго мнѣ пріема, Неплюевъ

---

(9) Здѣсь говорится о революціи 6 апрѣля 1794 г., подробности которой разказываются ниже.

(10) Здѣсь должно-быть говорится о Николаѣ Ивановичѣ Неплюевѣ, сынѣ извѣстнаго Ивана Ивановича, служившаго еще при Петрѣ Великомъ и умершаго въ 1773 году. Онъ прославился особенно дѣйствіями своими въ Оренбургскомъ краѣ съ 1742 по 1760 годъ.

сказалъ: «Я очень радъ вашему прибытію; мое здѣсь самое критическое положеніе: увѣдомился я, что Поляки съ нѣсколькими войсками и большимъ числомъ посполитаго рушенья идутъ къ Минску; здѣшніе жители также не надежны. Здѣсь оставлено: двѣ роты Смоленскаго пѣхотнаго полка, нѣсколько выздоровѣвшихъ изъ гошпиталя, двѣ полковыя пушки и пришедшихъ три партіи рекрутъ, каждая по сту человѣкъ, но ни одного нѣтъ штабъ-офицера; почему извольте принять все то въ свою команду, сдѣлать свое распоряженіе и изготовиться дѣлать отпоръ.» Я ему представилъ мое положеніе, что я не подъ своимъ именемъ, что подвергаю себя военному суду, и столько убѣдилъ его моими резонами и просьбою, что онъ согласился меня отпустить, но съ тѣмъ, чтобы я не въ Слонимъ ѣхалъ, ибо проѣзду никакого тутъ не было, но въ Несвижъ, гдѣ находятся генералъ-губернаторъ новозабраннаго отъ Польши края, Тимоѳей Ивановичъ Тутолминъ (11), и военный начальникъ той части, генералъ-майоръ Б. Ѳ. Кноррингъ (12), прибавивши, что имъ извѣстно, гдѣ Козловскій полкъ, и тамъ я узнаю, гдѣ безопаснѣе къ нему проѣхать.

Получа сіе позволеніе, я безъ малѣйшаго медленія отправился и на другой день подъ вечеръ пріѣхалъ въ Несвижъ. Оставя свой экипажъ въ корчмѣ, пошелъ я къ артиллеріи майору Н. И. Богданову; онъ удивился, меня увидѣвъ, и спросилъ: какъ я сюда попалъ? Какъ я разсказалъ ему о моихъ обстоятельствахъ: «Братецъ», сказалъ онъ мнѣ, «уѣзжай какъ можно скорѣй отсюда; нашъ генералъ Кноррингъ самый грубый человѣкъ; онъ тебѣ сдѣлаетъ тму непріятностей; поѣзжай въ Пинскъ: эта дорога безопасна, потому что по ней идетъ сюда три батальйона егерей, а въ Пинскѣ начальникомъ Н. С. Ланской; ты знаешь, онъ самый добродушный человѣкъ; Брестъ оттуда не далеко, и тебѣ можно будетъ свободно доѣхать въ полкъ».

Я, простясь съ нимъ, тотчасъ пошелъ въ корчму, чтобы въ ту же минуту уѣхать; но капралъ мой, встрѣтивъ меня съ печальнымъ видомъ, сказалъ, что онъ только что пришелъ отъ генерала, который, потребовавъ его къ себѣ, спросилъ: съ кѣмъ

(11) Тимоѳей Ивановичъ Тутолминъ, генералъ отъ инфантеріи, род. 3 января 1740 г., ум. 1 ноября 1809 г. Онъ былъ въ 1806—1809 годахъ главнокомандующимъ въ Москвѣ.

(12) Богданъ Ѳедоровичъ Кноррингъ, генералъ отъ инфантеріи, род. 1741 г., ум. 1826 г.

онъ ѣдетъ? А какъ онъ донесъ, что съ экипажемъ и людьми Козловскаго полка майора Энгельгардта, то и приказалъ ему пожитки и повозки отдать подъ сохраненіе въ коммиссаріатскій цейхгаузъ, лошадей въ козачій табунъ, а самому съ людьми явиться къ подполковнику Сакену (13) (что̀ нынѣ фельдмаршалъ), принять на всѣхъ солдатскую аммуницію и ружья и состоять у него въ командѣ. Услышавъ сіе огорчительное повѣствованіе, пошелъ я опять къ Богданову, который, погоревавъ со мною, сказалъ, чтобы я къ Кноррингу на другой день не прежде явился, пока онъ съ нимъ обо мнѣ не переговоритъ, ибо-де онъ съ нимъ только однимъ по-пріятельски обходится; въ противномъ случаѣ онъ мнѣ наговоритъ столько грубостей, что я потеряю терпѣніе.

На другой день, пока не извѣстилъ меня Богдановъ, видѣлъ я большую суматоху, ибо и въ Несвижѣ получено извѣстіе, что Поляки идутъ атаковать городъ. Въ за́мкѣ поправляли брустверы, ставили пушки. Тамъ было тогда три роты артиллеріи, три эскадрона Украинскаго легкоконнаго полка, двѣ сотни козаковъ; кромѣ того пришло пять партій рекрутъ, и изъ Пинска шло три батальйона егерей. Генералъ долго занимался отправленіемъ курьеровъ и партій въ разныя направленія, уже около полудня Богдановъ могъ переговорить съ нимъ обо мнѣ; «ну, сказалъ онъ мнѣ: ступай теперь; я упредилъ его о тебѣ, и хотя нѣсколько умягчилъ его угрюмость, но не вовсе уломалъ сего медвѣдя».

Я явился къ генералу въ кабинетъ, и вотъ нашъ разговоръ. Онъ спросилъ меня самымъ худымъ выговоромъ по-русски: «Кто вы таковъ?»—Козловскаго полка преміеръ-майоръ Энгельгардтъ. «Когда пріѣхалъ?»,—Вчера. «Неправда, я не имѣлъ о васъ записка, а пріѣхалъ съ экипажемъ майора Энгельгардта капралъ Семеновъ.—»Это я, ваше превосходительство; я отпущенъ былъ отъ полковника партикулярно. «А, это другой дѣлъ, явитесь въ команду къ подполковнику Сакену; я велю ему вамъ дать сотни двѣ рекрутъ, и мы будемъ вмѣстѣ драться съ Поляками.»—Ваше превосходительство, я бы за честь поставилъ себѣ во всякое другое время быть въ вашей командѣ, но судите о моихъ обстоятельствахъ: я долженъ отвѣтствовать передъ военнымъ судомъ за самовольную отлучку или показать

(13) Графъ Фабіанъ Вильгельмовичъ Остенъ-Сакенъ, генералъ фельдмаршалъ, род. 20 октября 1752 г., ум. 7 апрѣля 1837 г.

себя неблагодарнымъ моему полковнику, сдѣлавшему мнѣ одолженіе; а притомъ его въ полку нѣтъ, и я не знаю, какъ о мнѣ полкъ показываетъ. «А, вы не кочите быть зо мной; вамъ въ вашъ полкъ не можно доѣхать.»—Я рѣшусь на всякую опасность, только чтобы быть въ полку. «Нѣтъ, г майоръ, вы не кочите зъ нами умиралъ и вы боитесь Поляковъ.»—Я никогда не имѣлъ чести служить съ В. П., и вы меня не знаете; но ото всѣхъ моихъ командировъ я имѣлъ счастіе заслужить лучшее о себѣ мнѣніе, а бывъ такъ дурно предупрежденъ вашимъ превосходительствомъ, почту за несчастіе остаться здѣсь, почему сдѣлайте милость, отпустите меня. «Вы тумалъ, что безъ васъ обойтисъ не можно, изволь ѣхать хоть къ шорту.» Я не ожидалъ ничего болѣе, будучи очень доволенъ любезнымъ его пріемомъ, а еще болѣе милостивымъ его отпускомъ; вышелъ, запрегъ лошадей и, погоняя не оглядываясь, прибылъ благополучно въ Пинскъ.

Николай Сергѣевичъ Ланской принялъ меня самымъ добродушнымъ образомъ, увѣдомилъ меня, что Козловскій полкъ давно выступилъ изъ Бреста и пошелъ за Вислу въ Сендомирское воеводство присоединиться къ войскамъ, вышедшимъ изъ Варшавы, и что къ полку мнѣ проѣхать невозможно. Онъ совѣтовалъ мнѣ, чтобъ я свой экипажъ оставилъ у него, а самъ бы отправился въ Лабунь курьеромъ къ графу И. П. Солтыкову, командующему всѣми войсками въ новозабранномъ краю, откуда уже можно будетъ чрезъ австрійскую Галицію пробраться въ Сендомирское воеводство, гдѣ расположены наши войска; но чтобъ я дождался отряда полковника Чесменскаго (14) изъ Бреста и узналъ отъ него про тогдашнія обстоятельства. Оный отрядъ посланъ былъ въ Брестъ останавливать идущія разныя малыя къ полкамъ команды остававшихся за болѣзнію въ зимовыхъ квартирахъ и препроводить ихъ въ Пинскъ. Почему и я имѣлъ случай показывать себя за болѣзнію остававшимся въ Слонимѣ. Итакъ, дождавшись черезъ день того деташемента, отправился я Волынской губерніи въ мѣстечко Лабунь, съ нѣсколькими тысячами червонцевъ, которые долженъ былъ Ланской переслать къ графу Солтыкову.

При пріѣздѣ въ Лабунь, у въѣзда заставили меня подписать реверсъ, чтобы ни подъ какимъ видомъ я не сказывалъ никому,

---

(14) Александръ Алексѣевичъ Чесменскій, сынъ графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго.

откуда пріѣхалъ, и ничего бы не говорилъ, что мнѣ извѣстно о польскихъ обстоятельствахъ.

Явясь къ его сіятельству и отдавъ казначею привезенную мною сумму, исправно лгалъ я о моемъ приключеніи. Графъ еще повторилъ мнѣ строгое приказаніе, объявленное мнѣ при въѣздѣ, и обѣщалъ по просьбѣ моей при случаѣ отправить меня къ полку.

Смѣшно было, что на вопросъ многихъ моихъ знакомыхъ: «откуда?» я отвѣчалъ: «не знаю.»—«Зачѣмъ пріѣхалъ?» «Не знаю.» *Тщетная предосторожность* тогда, когда уже всѣ знали о случившейся въ Польшѣ революціи! Поляки распустили о ней слухи, съ прибавленіемъ о своихъ геройскихъ подвигахъ.

Черезъ нѣсколько дней прибылъ изъ корпуса генералъ-поручика Ферзена (получившаго начальство вмѣсто барона Игельстрома) Углицкаго полка поручикъ Трейденъ, съ которымъ я былъ знакомъ и зналъ, что Углицкій полкъ былъ въ томъ корпусѣ. Я атаковалъ его, но и ему велѣно было говорить: «не знаю». Однакожь онъ объявилъ мнѣ, что корпусъ въ Сендомирскомъ воеводствѣ, и что всѣ бывшія наши войска тамъ собрались и ожидаютъ соединенія прусскаго корпуса, подъ личнымъ начальствомъ самого короля Фридриха-Вильгельма, для наступательнаго дѣйствія противъ Поляковъ. Я далъ ему слово говорить, что онъ мнѣ ничего не разказывалъ. Но зная и Трейдена лично и то, что онъ служитъ въ Углицкомъ полку, который былъ въ томъ корпусѣ, я просилъ графа Солтыкова съ нимъ меня отправить. Его сіятельство разгнѣвался и сказалъ мнѣ: чтобъ я впередъ не осмѣлился проситься, дабы тѣмъ не подать поводъ отгадать о происшедшемъ въ Польшѣ (а).

Нѣкогда его сіятельство сказалъ при всѣхъ, что генералъ-поручикъ Загряжскій съ корпусомъ двинулся къ Владиміру Волынской губерніи. Я, вопреки запрещенія, просилъ графа, чтобъ отправилъ меня въ оный корпусъ, что онъ мнѣ и позволилъ, предписавъ тому генералу употребить меня на службу до соединенія моего съ Козловскимъ полкомъ.

Я уже нашелъ корпусъ генералъ-поручика Загряжскаго при Бугѣ; авангардъ его, подъ командою полковника Рарока, на-

---

(а) Такими скрытными мелочами познается человѣкъ, и служитъ сему доказательствомъ, что когда нужно было благоразумное распоряженіе, то онъ отозванъ, а на мѣсто его поступилъ кн. Н. В. Репнинъ.

ходился у самаго мѣстечка Дубенки. Его превосходительство принялъ меня благосклонно, оставя при себѣ, а по нѣкоторомъ времени я былъ имъ употребленъ за оберъ-квартермистра. Полковникъ Рарокъ, какъ Смольянинъ, снабдилъ меня для рыцарскихъ подвиговъ подъемною лошадью изъ-подъ казеннаго ящика и далъ мнѣ въ услуги одного солдата.

До начатія описанія военныхъ дѣйствій, увѣдомлю о революціи, въ Польшѣ воспослѣдовавшей.

Генералъ баронъ Игельстромъ, видя буйство въ Польшѣ, требовалъ приведенія въ то положеніе польскихъ войскъ, которое должно быть по силѣ послѣдняго сейма. Полкъ Дзелинскаго, расположенный въ Варшавѣ, прислалъ только 16 человѣкъ для опредѣленія въ русскіе полки, представя, что затѣмъ осталось у него въ полку комплектное число. Бригада Мадалинскаго, расположенная между Бугомъ и Наревомъ, собравъ свои эскадроны у Остроленки, явно отреклась распустить свои войска.

Баронъ Игельстромъ послалъ противъ сихъ мятежниковъ, съ полкомъ карабинеръ, бригадира Багрѣева, при приближеніи котораго Мадалинскій пошелъ къ прусской границѣ, а оттуда въ Сендомирское воеводство, съ такою поспѣшностію, что Багрѣевъ не могъ его настичь.

Игельстромъ собралъ въ Варшаву весь корпусъ, расположенный по квартирамъ около оной; полки: Сибирскій и Кіевскій, гренадерскіе, Харьковскій и Ахтырскій, легкоконные, полкъ Донскихъ козаковъ и 20 орудій полевой артиллеріи.

Онъ приказалъ изъ Бреста отрядить генералъ-майора Хрущова, съ 6-ю батальйонами, 10-ю эскадронами, 6-ю орудіями полевой артиллеріи, однимъ полкомъ козаковъ; генералъ-майору Рахманову, изъ Дублина, съ отрядомъ 3-хъ батальйоновъ, 4-хъ эскадроновъ, полкомъ Донскихъ козаковъ и 10-ю орудіями, перейдти Вислу противъ Пулавы. Присоединиться же къ симъ отрядамъ велѣно генералъ-майору Денисову (15) съ 10-ю эскадронами, 2-мя ротами пѣхоты, полкомъ Донскихъ козаковъ и 5-ю орудіями полевой артиллеріи. Тоже присоединиться къ онымъ приказано изъ Кракова изъ разныхъ полковъ небольшимъ

(15) Графъ Ѳедоръ Петровичъ Денисовъ, донской атаманъ, ум. 1811 г. Титулъ и фамилія его были переданы внуку его по дочери Василію Васильевичу Орлову, отцу теперешнихъ графовъ Орловыхъ-Денисовыхъ.

отрядамъ, коихъ было около тысячи человѣкъ пѣхоты и конницы.

Генералъ-майору Тормасову Игельстромъ приказалъ съ однимъ батальйономъ, двумя ротами егерей, 6-ю эскадронами, полкомъ Донскихъ козаковъ и 4-мя орудіями полевой артиллеріи преслѣдовать Мадалинскаго.

Какъ скоро Мадалинскій вошелъ въ Сендомирское воеводство, всѣ польскія войска, расположенныя тамъ, съ нимъ соединились.

18 марта, перешедшіе Вислу отряды соединились у Апотова, и принялъ надъ всѣми сими войсками команду, какъ старшій, генералъ-майоръ Денисовъ.

Денисовъ продолжалъ путь къ Кракову и прибылъ 22 марта въ Скальмирцъ, гдѣ Тормасовъ, преслѣдуя Мадалинскаго, остановился.

Костюшко тогда уже прибылъ въ Краковъ, подписалъ актъ возстанія и издалъ свою прокламацію, учредивъ революціонное правительство, и выступилъ противъ корпуса генералъ-майора Денисова. Къ войскамъ, собраннымъ имъ въ Краковѣ и бывшимъ въ Сендомирскомъ воеводствѣ, присоединились Мадалинскій съ 5-ю или до 6-ю тысячами регулярныхъ войскъ и нѣсколько горныхъ крестьянъ, называемыхъ Гарабсъ и Мазуровъ.

Денисовъ, увѣдомившись 23 марта, что непріятель шелъ къ Сломнику, въ 3-хъ миляхъ отъ Скальмирца, отрядилъ туда того же вечера Тормасова съ двумя батальйонами, двумя ротами, 6-ю эскадронами, однимъ полкомъ козаковъ и 8-ю полевыми орудіями.

Въ ночи съ 23-го на 24-е число Денисовъ узналъ, что непріятельская колонна тянется вдоль Вислы къ Костюшкѣ, въ 3-хъ миляхъ отъ Скальмирца, гдѣ стоялъ подполковникъ Фризель съ 4-мя эскадронами гусаръ, почему и отрядилъ туда подполковника Лыкошина съ однимъ батальйономъ.

На другой день генералъ-майоръ Тормасовъ встрѣтилъ непріятеля при деревнѣ Раславичи, въ двухъ миляхъ отъ Скальмирца. Крутой и глубокій оврагъ раздѣлялъ нашихъ отъ непріятеля. Тормасовъ донесъ тотчасъ о томъ Денисову, который далъ ему знать, что вскорѣ съ нимъ соединится, и тотчасъ отправилъ своихъ козаковъ, но самъ остался прохлаждаться. Генералъ-майоры Рахмановъ и Хрущовъ не очень охотно повиновались донскому генералу, уговаривали его пообѣдать, потомъ напиться кофею, и такъ проволочили время,

что уже почти прибыли къ Тормасову къ вечеру, но тогда уже было поздно.

Тормасовъ, увидя изъ-за лѣсу козаковъ, думалъ, что весь корпусъ за оными слѣдуетъ, почему рѣшился, не дождавшись, атаковать непріятеля въ превосходныхъ силахъ и пошелъ вдоль буерака искать мѣста для удобнѣйшаго перехода черезъ оный. Непріятель тоже пошелъ по другой сторонѣ оврага. Какъ скоро можно было перейдти оный, Тормасовъ атаковалъ Костюшку; начало обѣщало успѣхъ; кавалерія непріятельская не могла выдержать дѣйствія нашей артиллеріи и отступила за пѣхоту. Тормасовъ бросился на оную, но, по превосходству силъ непріятеля и крѣпкой его позиціи, Тормасовъ совершенно былъ разбитъ, потерялъ всѣ пушки, и съ малымъ числомъ едва самъ спасся.

Денисовъ, видя, что послѣ разбитія Тормасова весь его отрядъ сталъ уже слабѣе непріятельскаго, ретировался къ Казимиру. На другой день, то-есть 26, прибылъ къ Денисову полковникъ Чичеринъ съ 5-ю эскадронами, 2-мя ротами егерей, однимъ козачьимъ полкомъ и 5-ю орудіями. Получивъ сіе подкрѣпленіе, Денисовъ пошелъ опять къ Скальмирцу.

Какъ скоро Поляки въ Варшавѣ узнали о одержанной Костюшкою побѣдѣ, и объявлена была его прокламація, то оная въ ту же ночь прибита была ко всѣмъ домамъ, и революція вспыхнула.

Съ давняго времени въ варшавскомъ арсеналѣ работали день и ночь, заготовляли снаряды и патроны. Барону Игельстрому не приходило и на мысль узнать, что̀ тамъ дѣлается. Поляки увѣрили генерала, что войска польскія готовы вмѣстѣ съ русскими защищать городъ отъ революціи; Игельстромъ слѣпо имъ повѣрилъ. Польскія войска въ Варшавѣ были слѣдующія: 2 батальйона коронной гвардіи; 2 батальйона полка Дзелинскаго; рота венгерской гвардіи; 3 роты канонеровъ; 2 роты артиллерійскихъ фузилеровъ; 80 человѣкъ минеровъ и саперовъ; 3 роты охранной казны; 4 эскадрона конной гвардіи; 2 эскадрона *народовой* кавалеріи; 3 эскадрона королевскихъ уланъ.

Расположеніе польскихъ войскъ, сдѣланное ихъ генераломъ Чиховскимъ, по согласію генералъ-майора Апраксина (16), занимав-

---

(16) Степанъ Степановичъ Апраксинъ, генералъ отъ кавалеріи, род. 1756 г., ум. 1827 г.

шаго должность дежурнаго генерала, было таково: въ арсеналѣ 1 батальйонъ гвардіи, 2 роты артиллерійскихъ фузилеровъ и одна рота канонеръ; у пороховаго магазина 1 батальйонъ гвардіи, 2 роты канонеръ, полкъ королевскихъ уланъ. Прочія польскія войска должны были оставаться въ своихъ казармахъ. Сіе расположеніе было измѣнническое, подъ видомъ, чтобы сіи пункты защищать отъ черни народной, но настоящая была цѣль, чтобъ удобнѣе противу насъ дѣйствовать.

За откомандированіемъ въ разныя мѣста русскихъ войскъ, въ самомъ городѣ было ихъ 9 батальйоновъ, 6 эскадроновъ, 300 козаковъ и 18 орудій полевой артиллеріи, кромѣ полковыхъ пушекъ. Расположеніе войскъ было таково: кромѣ караула при главной квартирѣ, двѣ роты расположены на квартирахъ близь оной; прочія войска поставлены были на квартирахъ, въ разныхъ частяхъ города по одному батальйону съ 2 орудіями; между ними, небольшими частями, кавалерія, для совокупнаго сношенія и поданія помощи одной части войскъ съ другою. Поляки, чтобъ узнать сіе расположеніе, неоднократно дѣлали фальшивыя тревоги, а потому взяли свои мѣры, чтобы прервать сіе сцѣпленіе. Егерскій батальйонъ Клугена поставленъ былъ на мѣстѣ, называемомъ *Три кроля*, чтобы не пропускать Дзелинскаго изъ казармъ. Бригада генералъ-майора Милашевича расположена была близь онаго.

Баронъ Игельстромъ созвалъ военный совѣтъ и требовалъ мнѣнія: остаться ли въ Варшавѣ, или со всѣми войсками идти разбить Костюшку и тѣмъ при самомъ началѣ задушить революцію?

Причины не оставлять Варшаву были слѣдующія:

1) Единственно изъ варшавскаго арсенала могутъ польскія войска быть снабжаемы, безъ чего Костюшко, не имѣя потребныхъ снарядовъ, долженъ вскорѣ разными русскими и прусскими отрядами быть истребленъ. 2) Ежели оставить Варшаву, всѣ польскія войска, соединясь, присовокупя къ тому вольницу варшавской буйной черни, составятъ значительный корпусъ. 3) Въ Варшавѣ есть главное мѣсто непремѣннаго правленія, преклоннаго къ намъ, которое, какъ и всѣ приверженные къ Россіи, подвергнутся опасности, преданные въ руки непріязненной партіи. 4) Король не можетъ остаться безъ насъ въ Варшавѣ, а пожелаетъ ли онъ выѣхать съ нашими войсками? Если же онъ поѣдетъ, то какая будетъ тягость за собою возить и оберегать его?

Совѣтъ, внявъ сіи обстоятельства, рѣшительно положилъ: остаться въ Варшавѣ.

За нѣсколько дней до 6 апрѣля, казалось, все успокоилось. Однакожь была молва, что, наканунѣ вечеромъ, изъ арсенала въ окошки выброшено было для черни до 50.000 патроновъ.

6-го апрѣля 1794 г., въ четыре часа утра, небольшой отрядъ конной польской гвардіи выступилъ изъ казармъ и напалъ на нашъ караулъ, поставленный между сими казармами и желѣзными воротами Саксонскаго сада. Караулъ выстрѣлилъ два раза изъ пушекъ, принужденъ оставить ихъ и отступить, а польскій тотъ отрядъ, подрубивъ у лафетовъ колеса, возвратился въ казармы. Послѣ сего вся конная гвардія выступила; часть отправилась къ арсеналу, а другая къ пороховому магазину. Сею атакою началось непріятельское дѣйствіе. Вскорѣ сигнальными пушечными выстрѣлами изъ арсенала дали знать: польскимъ войскамъ быть на назначенныхъ мѣстахъ, а черни собираться.

Изъ арсенала выдавали черни ружья и сабли; во всемъ городѣ было слышно: *до брани! ратуйте отчизну!*

Народъ занялъ дома, близь которыхъ расположены были наши войска; изъ окошекъ стали по нимъ стрѣлять, бросать каменья и все чѣмъ ни попало. Многіе офицеры не могли прибыть къ своимъ командамъ; сношеніе нашихъ войскъ было прервано; рѣдкія генеральскія приказанія доходили къ кому посланы. Полкъ Дзелинскаго обошелъ постъ батальйона Клугена другою улицей и атаковалъ генералъ-майора Милашевича, который при самомъ началѣ былъ раненъ. Полковникъ князь Гагаринъ (17) былъ раненъ и потомъ народомъ убитъ. Войска наши не скоро собрались на назначенныя мѣста и разстройство сдѣлалось общее. Квартира барона Игельстрома была атакована со всѣхъ сторонъ. Хотя неоднократно возмутители были отражаемы, но число ихъ безпрестанно умножалось. Одинъ только батальйонъ майора Вимпфена прибылъ къ генералу, да подъ вечеръ пробился съ батальйономъ майоръ Титовъ. При главной квартирѣ находились: генералъ-поручикъ Апраксинъ, генералъ-майоръ Гр. Н. Зубовъ (18), генералъ-квартирмейстеръ Пистеръ.

---

(17) Князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Гагаринъ, генералъ-майоръ, род. 23 декабря 1757 г. Дочь его княжна Вѣра Ѳедоровна вышла замужъ за извѣстнаго поэта князя П. А. Вяземскаго.

(18) Графъ Николай Александровичъ Зубовъ, оберъ-шталмейстеръ.

Въ началѣ сраженіе происходило на Сенаторской улицѣ и у дома, занимаемаго главнокомандующимъ; по многимъ атакамъ и отраженіямъ, наши войска заняли дома коммиссіи. Отъ короля присланъ былъ генералъ Бишевскій, съ предложеніемъ, что въ Варшавѣ будетъ усмирено, ежели Игельстромъ съ войскомъ выступитъ. Съ отвѣтомъ генералъ послалъ своего племянника, подполковника Игельстрома, который и поѣхалъ вмѣстѣ съ Бишевскимъ, но народъ его умертвилъ. Послѣ чего король опять прислалъ сказать, что ежели Игельстромъ желаетъ выступить изъ Варшавы, то онъ безъ оружія можетъ выйдти, и назначено ему будетъ по какимъ улицамъ проходить; на сіе предложеніе не дано было отвѣта. Весь тотъ день сраженіе продолжалось.

На другой день поутру сраженіе опять возобновилось, но непріятель вездѣ былъ отраженъ. Послѣ полудня снова начались нападенія; безпрепятственно, съ небольшою потерей, можно было бы, оставя Варшаву, соединиться со всѣми войсками, но Игельстромъ никакъ не хотѣлъ оставить ни города, ни дома, въ которомъ онъ жилъ. Прочія наши войска въ разныхъ частяхъ города, не получая никакого приказанія, претерпѣвали пораженіе. Генералъ-майоръ Новицкій вывелъ нѣкоторые батальйоны въ Іерусалимскія ворота къ парку нашей артиллеріи, стоявшей у Воли; многіе батальйоны сами собою къ оной присоединились, оставя генерала въ самомъ критическомъ положеніи. Генералъ-артиллеріи Тищевъ былъ убитъ. Прусскій генералъ Волки, начальствовавшій войсками близь Варшавы, прибылъ къ оной, имѣя съ собою не болѣе тысячи человѣкъ, и расположился у кладбища, по правую сторону пороховаго магазина.

Въ ночи на 8-е число сожгли всѣ бумаги, находившіяся въ канцеляріяхъ генерала. Лишь только стало разсвѣтать, Поляки начали атаку. По сему наши принуждены были, оставя домъ генерала, занять дворъ коммиссіи. Всѣ окружныя улицы наполнены были непріятельскою артиллеріей, войсками и чернію. Макрановскій прислалъ парламентера и требовалъ, чтобы генералъ, положа оружіе, сдался на дискрецію. Оставалось

род. 24 апрѣля 1763 г., ум. 9 августа 1805 г. Онъ былъ женатъ на дочери Суворова Натальѣ Александровнѣ, род. 1775 г., ум. 30 марта 1844 г.

нашихъ войскъ не болѣе четырехъсотъ человѣкъ и при оныхъ четыре полковыя пушки. Итакъ рѣшились пробиваться.

Майоръ Батуринъ, видя еще нѣкоторое въ рѣшимости колебаніе, сказалъ: «извольте идти за мной.» Пустя двѣ пушки впередъ, пошли по улицамъ: Свентоярской, Сакротинской и Фавориткѣ, къ заставѣ Повонской. Пушки впереди очищали нашимъ путь, а заднія двѣ пушки прикрывали отступленіе; но на всякомъ шагу должны были выдерживать сильный пушечный и ружейный огонь, особливо изъ домовъ; итакъ наконецъ соединились съ прусскими войсками. Отдохнувъ въ деревнѣ Бабичѣ до четырехъ часовъ пополудни, наши отошли въ Модзинъ къ Вислѣ, милю отъ Варшавы, гдѣ и ночевали. Сабурову, прикрывавшему госпиталь, приказано было идти къ Новигроду, на устье Наревы, гдѣ ему и переправиться. Туда прибыли еще три роты Петербургскаго полка. 9-го числа наши прибыли въ деревню Счерскъ; тамъ только Игельстромъ узналъ, что съ Новицкимъ вышедшія войска чрезъ Карчевъ въ Ловичахъ (Сендомирскаго воеводства) присоединились къ прочимъ нашимъ войскамъ.

Баронъ Игельстромъ получилъ повелѣніе ѣхать въ свои деревни въ Лифляндію, а войска поручены въ командованіе генералъ-поручику Ивану Астафьевичу Ферзену.

Въ самый день революціи въ Варшавѣ, Поляки отправили прокламацію Костюшки во всю Польшу и Литву, а равно увѣдомленіе о происшедшихъ обстоятельствахъ.

Въ Вильнѣ заранѣе гетманъ Косаковскій предувѣдомлялъ генералъ-майора Арсеньева, что готовится революція, чтобъ онъ былъ остороженъ и взялъ свои мѣры; но тотъ былъ въ интригѣ съ паньею Володковичевою, какъ къ ней, такъ и ко всѣмъ Полякамъ имѣлъ слѣпую довѣренность, смѣялся со всѣми ими о страхѣ Косаковскаго, который наконецъ писалъ къ нему: «что 5-й и 7-й Литовскіе полки идутъ въ Вильну, и что онъ насилу могъ отъ нихъ уѣхать и будетъ самъ съ приверженными въ Вильну часа черезъ два». Случилось сіе вечеромъ, когда у Арсеньева были всѣ мнимые его друзья Поляки. Онъ показалъ имъ записку Косаковскаго; тѣ увѣрили его, что то была совершенная ложь, но когда разъѣхались, Косаковскій пріѣхалъ ночью въ Вильно и тотчасъ послалъ за Арсеньевымъ, но уже было поздно. Ударили въ набатъ; Поляки бросились на гауптвахту и на сонныя квартировавшія наши войска. Полки Нарвскій и Псковскій большею частію были захвачены

въ плѣнъ, а сопротивлявшихся умерщвляли безъ всякой пощады. Самого генерала Арсеньева взяли на чердакѣ, спрятавшагося за трубу; въ числѣ плѣнныхъ взятъ былъ и полковникъ Языковъ. Косаковскаго взяли на квартирѣ, но онъ защищался храбро до тѣхъ поръ, пока выстрѣлилъ всѣ бывшіе съ нимъ заряженные пистолеты и многихъ нападавшихъ на него убилъ и ранилъ. На другой день его повѣсили (а).

Артиллеріи капитанъ Сергѣй Алексѣевичъ Тучковъ, къ счастію, по первому удару въ набатъ, вскорѣ ушелъ къ своимъ двумъ ротамъ артиллеріи, стоявшимъ на Погулянкѣ, и нашелъ всю свою команду готовую у орудій. Къ нему мало-по-малу стали прибѣгать отъ сказанныхъ полковъ нѣкоторые офицеры и нижніе чины, и собралось ихъ до 700 человѣкъ. Онъ подступилъ къ городу и сталъ оный канонировать; Поляки хотѣли было его атаковать, но видя устройство его войскъ, опасались. Поляки потребовали отъ Арсеньева, чтобъ онъ приказалъ Тучкову остановить кононаду, но тотъ отказался, а принудили полковника Языкова, чтобъ онъ отъ имени генерала послалъ таковое приказаніе. Тучковъ, получа сіе предписаніе, отвѣчалъ, что пока генерала лично не увидитъ, то приказа не послушаетъ, и требовалъ, чтобы его ему выдали. Но какъ начало разсвѣтать, и онъ увидѣлъ, что польскіе полки собрались и вывезли изъ своего арсенала артиллерію, то, по малому числу своихъ войскъ, ретировался онъ къ Гродно и прибылъ туда благополучно безъ малѣйшей потери, хотя при началѣ жарко былъ преслѣдуемъ.

Въ Гродно командовалъ генералъ-майоръ князь Пав. Дмитр. Циціяновъ (19). Какъ человѣкъ разумный и съ воинскими особливыми дарованіями, онъ былъ остороженъ и содержалъ войска въ должномъ порядкѣ, и потому тотчасъ по дошедшей молвѣ принялъ свои мѣры; дождавшись Тучкова, взялъ съ Гродно

(а) Когда Косаковскій поспѣшалъ къ Вильнѣ, на небольшой рѣчкѣ подломился подъ нимъ ледъ, и онъ едва не утонулъ. По сему случаю надписали на висилицѣ его: *co ma wisieć nie utonie*, то-есть: «кому быть повѣшену, тотъ не утонетъ». Должно сказать, что Поляки имѣли справедливую причину его ненавидѣть; дѣйствительно, онъ былъ измѣнникъ своему отечеству, а притомъ ни одинъ человѣкъ изъ Русскихъ не сдѣлалъ столь много озлобленія Полякамъ, какъ онъ.

(19) Князь Павелъ Дмитріевичъ Циціяновъ, генералъ отъ инфантеріи и главнокомандующій въ Грузіи, род. 1754 г. Этотъ знаменитый полководецъ былъ измѣннически убитъ старшинами города Баку, 8 февраля 1806 г.

контрибуцію, занялъ крѣпкую позицію и оставался тамъ до времени.

Между тѣмъ Поляки предались совершенно духу французской революціи; многіе знатные Поляки были перевѣшаны, въ числѣ которыхъ: князь Масальскій, бискупъ Виленскій, Ожаровскій и Четвертинскій. Колонтай игралъ роль Робеспьера; хотѣлъ было всѣхъ Русскихъ перерѣзать, но Костюшко, завременно прибывъ въ Варшаву, до злодѣйства сего не допустилъ. Послѣ, когда уже Прага, предмѣстіе Варшавы, Русскими была взята и передъ занятіемъ самой Варшавы, Колонтай ушелъ съ большою суммой денегъ.

Костюшко наименованъ былъ главнымъ начальникомъ съ неограниченною властью. Наскоро формировалъ онъ войска, умноживъ регулярные полки вольницею, такъ что въ каждомъ полку былъ тройной комплектъ. Кавалерію паны снабдили хорошими лошадьми, отдали всѣхъ своихъ охотниковъ, которые были искусные стрѣлки, войска усилили «посполитымъ рушеніемъ», то-есть: всѣ шляхтичи, живущіе наподобіе однодворцевъ,—а въ Польшѣ ихъ многое множество,—должны были вооружиться; сверхъ того набраны были крестьяне: не имѣвшіе достаточнаго оружія, они вооружены были косами наподобіе пикъ. Съ главнѣйшими силами Костюшко пошелъ противъ Ферзена, къ которому король прусскій присоединился съ значительнымъ корпусомъ. Зайончекъ назначенъ былъ противиться со стороны Красной Россіи. Въ Литвѣ начальствовали: Вавржецкій, Гедройчъ и Бѣлякъ, командовавшій татарскими полками; сіи Татары поселены были въ Виленскомъ воеводствѣ и отчасти въ Гродненскомъ, и снабдили 16 эскадроновъ. Но всѣ сіи польскіе генералы, ни теорической, ни практической войны не знали; послѣ Костюшки считался у нихъ лучшимъ Домбровскій, служившій въ саксонской службѣ полковникомъ.

Описавъ польскую революцію, приступаю къ описанію военныхъ дѣйствій.

Полковникъ Рарокъ, командующій авангардомъ отряда Г. П. Загряжскаго, донесъ, что Поляки поутру въ 4 часа, въ числѣ тысячъ восьми и болѣе, заняли, отъ Дубенки верстахъ въ двухъ, ту самую позицію, которую занималъ Костюшко противъ арміи Каховскаго, и что уже съ его козаками начали перестрѣлку. Весь нашъ отрядъ состоялъ изъ 10 батальйоновъ, 12-ти эскадроновъ, 1 полка донскихъ козаковъ и 10-ти орудій полевой артиллеріи.

Не снимая лагеря, весь отрядъ выступилъ къ Дубенкѣ; пока оный приближался, Поляки выслали эскадрона четыре на шармицель, но какъ скоро усмотрѣли, что два батальйона обходятъ ихъ позицію, а отрядъ шелъ прямо къ нимъ въ лицо, то они и ретировались къ лѣсу, а потомъ и совсѣмъ ушли къ Хелму. Плѣнные показали, что то была рекогносцировка, но польскія войска у Хелма были въ большомъ числѣ подъ командою генерала Зайончека.

Черезъ день послѣ незначащаго сего дѣла, прибылъ съ корпусомъ генералъ-поручикъ Дерфельденъ (20). Такъ какъ онъ былъ старѣе въ чинѣ Загряжскаго, то онъ и поступилъ къ нему въ команду. Авангардъ порученъ генералъ-майору гр. Валеріяну Зубову; онъ составленъ былъ изъ 4-хъ батальйоновъ, 6-ти эскадроновъ, 1 полка донскихъ козаковъ и 4-хъ орудій полевой артиллеріи; весь корпусъ состоялъ болѣе чѣмъ изъ 15 тысячъ человѣкъ.

На другой день пошли атаковать Зайончека, бывшаго при Хелмѣ, разстояніемъ отъ насъ верстахъ въ тридцати, двумя колоннами, а для облегченія марша—разными дорогами. Я командовалъ авангардомъ колонны генерала Загряжскаго; дорога черезъ лѣсъ была чрезвычайно дурна и разстояніемъ далѣе той, по которой пошелъ Дерфельденъ. Мы пришли спустя часъ, когда началось дѣло. Лишь только вступили мы въ линію и открыли канонаду противъ построеннаго редута съ артиллеріею и прикрытаго косіонерами, Поляки, оставя редутъ, побѣжали, но орудія успѣли увезти; одно только увязло въ болотѣ, которое взялъ нечаянно Низовскаго полка адъютантъ Гололобовъ. Стоящимъ на правомъ флангѣ легкоконнымъ двумъ полкамъ велѣно было атаковать *народовую* кавалерію, прикрывавшую бѣжавшихъ косіонеровъ. Положеніе мѣста было болотистое, къ намъ клиномъ сузившееся, а къ непріятелямъ шире; за симъ болотомъ былъ ложементъ, въ которомъ помѣщенъ былъ непріятельскій батальйонъ. Лишь только полки наши пошли въ атаку, какъ болото заставило ихъ тѣсниться къ флангамъ, почему и разстроились; изъ ложемента открытъ былъ по нихъ ружейный огонь, *народовая* кавалерія ударила на оба фланга и обратила нашихъ въ бѣгство; Дерфельденъ велѣлъ сдѣлать нѣ-

---

(20) Вильгельмъ Христофоровичъ Дерфельденъ, генералъ отъ кавалеріи, родомъ Эстляндецъ; род. 1735 г., ум. 3 сентября 1819 г. Онъ былъ любимецъ Суворова.

сколько выстрѣловъ ядрами по непріятелямъ и своимъ, что заставило нашихъ остановиться, а непріятелей ретироваться. Тѣмъ и дѣло кончилось, съ небольшею нашею потерей. У непріятеля убито было болѣе трехъ сотъ человѣкъ, въ томъ числѣ одинъ полковникъ, занимавшій редутъ; много взято въ плѣнъ косіонеровъ, которые, какъ неохотно сражавшіеся, отпущены по домамъ.

Случилось мнѣ съ подполковникомъ Мейеромъ проѣзжать мимо базиліянскаго монастыря въ Хелмѣ, отъ мѣста сраженія верстахъ въ трехъ. У сего монастыря поставлены были маленькія чугунныя 4 пушки, изъ которыхъ стрѣляли во время церковныхъ праздниковъ, и каковыя у всѣхъ почти польскихъ костеловъ бываютъ, и которыя послѣ положены были на мужицкую телѣгу и съ лафетами. Мейеръ сказалъ мнѣ: «поѣдемъ поскорѣе, чтобы не подумали, что мы хотимъ присвоить себѣ честь взятія сей страшной батареи». Но представьте мое удивленіе, когда я увидѣлъ въ реляціи, что сію батарею взялъ майоръ Шепелевъ, за что данъ ему былъ георгіевскій крестъ. Какъ поносно начальству дѣлать таковое злоупотребленіе и безчестить сей почтенный орденъ! Но къ несчастію, не одинъ сей былъ таковой примѣръ; люди достойные и дѣйствительно заслужившіе бывали безъ всякаго награжденія, потому что не хотѣли подличать, а самохвалы и подлые льстецы были осыпаемы почестями.

На другой день пошли вслѣдъ Зайончека въ Красный Ставъ, но онъ такъ скоро бѣжалъ, что не могли его настичь, и онъ переправился черезъ Вислу при Пулавѣ, имѣніи князя Чарторижскаго, который много способствовалъ къ поощренію революціи, снабжая Костюшку деньгами. Не доходя до оной десять верстъ, корпусъ остановился. Дерфельденъ имѣлъ повелѣніе имѣній Чарторижскихъ не щадить, для чего Пулава была разграблена до основанія; сады и парки не уступали расположеніемъ и красотою Царскому Селу; богато украшенный огромный домъ разоренъ, картины изорваны, библіотека, состоявшая изъ 40 тысячъ волюмовъ, вся истреблена, такъ что никто ни однимъ полнымъ сочиненіемъ не воспользовался, кромѣ подполковника С. Н. Щербачева, которому удалось приготовленные, видно, для отправленія два ящика съ лучшими изданіями французскихъ книгъ себѣ присвоить. Натуральный кабинетъ весь былъ разбитъ, а превосходное собраніе окаменѣлостей все раздроблено.

Тутъ получили отъ прусскаго короля увѣдомленіе, что онъ, соединивъ свою армію, состоявшую изъ 30 тысячъ человѣкъ, съ корпусомъ Ферзена, разбилъ Костюшку подъ Песочнымъ, преслѣдуетъ его и приглашаетъ Дерфельдена перейдти Вислу и преградить отступленіе Костюшкѣ къ Варшавѣ. Мы съ восхищеніемъ были уже готовы сіе исполнить, какъ получили повелѣніе отъ князя Репнина, коему поручено главное начальство надъ войсками: поспѣшить къ Несвижу, несмотря ни на какія обстоятельства, ибо граница Россіи угрожается сильными мятежными войсками. Почему Дерфельденъ, ко всеобщему огорченію, принужденъ былъ, во исполненіе того ордера, на другой день выступить.

Не доходя до мѣстечка Брестовичъ, узнали, что генералъ Макрановскій расположенъ былъ съ корпусомъ въ 10-ти миляхъ отъ нашего пути. По сему извѣстію, графъ Зубовъ выпросилъ позволеніе съ своимъ авангардомъ атаковать его, но приближась къ нему мили за четыре, узналъ, что онъ нарочито силенъ, и просилъ подкрѣпленія,—для чего Загряжскій съ своимъ отрядомъ былъ посланъ. Какъ графъ Зубовъ былъ генералъ-майоръ, то и хотѣлъ, чтобы Загряжскій принялъ начальство, а тотъ отъ того отговаривался тѣмъ, что посланъ только его подкрѣпить. Итакъ, не согласясь въ томъ между собою, оба возвратились въ корпусъ и продолжали маршъ до Слонима.

Пробывъ тамъ нѣсколько дней, князь Репнинъ приказалъ оставить для прикрытія россійскихъ границъ генерала-майора Лассія съ 4-мя батальйонами и 6-ю эскадронами, а всему корпусу идти къ Вильнѣ, ибо генералъ-майоръ Кноррингъ безуспѣшно атаковалъ оную и Поляки сильно ему противились. Но едва дошли къ рѣкѣ Нѣману, при мѣстечкѣ Бѣлицѣ, получили донесеніе отъ Лассія, что онъ атакованъ Сираковскимъ, съ коронньмъ войскомъ, татарскими полками Бѣляка и посполитымъ рушеніемъ, всего до 18 т. человѣкъ. Почему генералъ-поручикъ Загряжскій командированъ съ своимъ отрядомъ идти форсированнымъ маршемъ на сикурсъ. Отъ Бѣлицъ до Слонима около 12 нѣмецкихъ миль; мы шли почти безъ роздыху, и черезъ 22 часа подъ Слонимомъ соединились съ Лассіемъ. Поляки хотѣли переправиться черезъ рѣку Щару по плотинѣ, простирающейся на версту и на которой устроена была большая мельница, нашими тогда сожженная. Не взирая на несоразмѣрныя силы и храбрый напоръ Поляковъ въ продолженіе 8-ми часовъ, храбрая

защита плотины полковникомъ Коновницынымъ (а) съ его Старооскольскимъ полкомъ сдѣлала покушенія ихъ тщетными. Съ другой стороны Щары, непріятельскою батареей, устроенною изъ 20 орудій, много убито у насъ людей, однихъ канонеровъ въ Старооскольскомъ полку убито три комплекта. Непріятель, видя безуспѣшное усиліе переправиться, къ вечеру уже прекратилъ канонаду и отступилъ версты на двѣ отъ рѣки. Лассій тоже отступилъ на недальнее разстояніе къ опушкѣ лѣса и посылалъ своихъ людей небольшими частями показываться въ разныхъ мѣстахъ изъ-за лѣса, чѣмъ заставилъ Поляковъ думать, что онъ получилъ подкрѣпленіе.

По соединеніи корпуса, положено было въ совѣтѣ, чтобы въ ту же ночь перейдти Щару у Жировицкаго Базиліянскаго монастыря, вверхъ отъ Слонима въ 5-ти верстахъ, и зайдти непріятелю въ тылъ; для чего, какъ я былъ за оберъ-квартирмейстера, позвали меня для сдѣланія должнаго распоряженія и чтобы приготовить проводниковъ. Я, квартируя въ Слонимѣ зиму и будучи псовый охотникъ, всѣ мѣстоположенія зналъ, зналъ и то, что отъ Слонима по правой сторонѣ къ Журавичамъ были непроходимыя зыби, и, чтобъ оныя обойдти, надобно было окружить по крайней мѣрѣ верстъ 40. Генералы усомнились; приказано было, по обыкновенію, представить Жидовъ, чтобъ отъ нихъ о томъ развѣдать. Жиды мое показаніе утвердили, почему планъ сей былъ оставленъ. Мнѣ приказано было построить портативный мостъ; Щара тутъ была шириною саженей четырнадцать, глубиною аршинъ около трехъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и глубже. Черезъ два дня мостъ былъ готовъ, положенъ на воловыя фуры и опредѣленъ къ оному Херсонскаго полка корнетъ, казалось, человѣкъ исправный.

Дерфельденъ и самъ съ корпусомъ возвратился и увѣдомилъ, что онъ намѣренъ сдѣлать обходъ, зайдти непріятелю съ тыла, и что когда дастъ знать, тогда Загряжскій, переправясь по приготовленному мосту, атаковалъ бы его въ лицо, въ ожиданіи же того предупредительнаго повелѣнія корпусъ былъ бы въ ежеминутной готовности.

Вмѣсто того чтобы зайдти съ тылу и заранѣе дать намъ знать, Дерфельденъ шелъ по другой сторонѣ Щары отъ Деретчина, и мы, не бывъ извѣщены, увидѣли уже его аванпостъ козаковъ,

---

(а) Который былъ потомъ генераломъ отъ инфантеріи и дежурнымъ генераломъ главнаго штаба императора и въ томъ званіи умеръ.

вступившихъ съ непріятелемъ въ перестрѣлку. Корпусъ выстроился, но мостъ замедлилъ двинуться къ назначенному мѣсту переправы. Я приказалъ сказанному опредѣленному къ мосту офицеру, чтобы повозчиковъ никуда не отпускалъ и воловъ кормилъ бы у самыхъ фуръ, но онъ въ точности того не исполнилъ, въ чемъ, безъ всякаго оправданія, была моя оплошность, ибо, положась на подчиненнаго, я самъ надъ нимъ не надсматривалъ. Однакожь наконецъ мостъ былъ поставленъ; я первый съ двумя гренадерскими ротами и двумя орудіями по оному переправился, а за мной и весь отрядъ; но Дерфельдена корпусъ насъ опередилъ. Впрочемъ, ежелибы моею оплошностію мы и не промѣшкали, все бы не успѣли атаковать непріятеля прежде Дерфельдена и помѣшать ретирадѣ Сираковскаго, который, видя превосходящія его силы, наступающія на его флангъ, ретировался за дефилеи къ Кобрину.

Дерфельденъ жаловался князю Репнину на Загряжскаго, что онъ причиною того, что непріятеля упустили, а какъ тотъ расположенъ былъ лучше къ Дерфельдену, нежели къ Загряжскому, то, не разобравъ обстоятельства, дѣлалъ послѣднему строгіе и несправедливые выговоры, почему Загряжскій отпросился и поѣхалъ въ Россію. По короткому обхожденію бывшаго моего командира съ графомъ Зубовымъ, онъ упросилъ его, чтобы позволилъ мнѣ быть при немъ волонтеромъ, на что̀ онъ съ большою ко мнѣ благосклонностію согласился. Итакъ я сталъ волонтеръ противъ воли.

При графѣ Зубовѣ было насъ волонтеровъ однихъ штабъ-офицеровъ человѣкъ съ сорокъ; мнѣ было тогда двадцать семь лѣтъ, а лѣтами я былъ всѣхъ старѣе. Въ числѣ оныхъ былъ графъ П. Х. Витгенштейнъ (21) и А. П. Ермоловъ (22). Мнѣ было пріятно то, что я жилъ во все продолженіе кампаніи у полковника Рарока, бывшаго съ полкомъ въ авангардѣ у графа. Такъ какъ я не имѣлъ своего экипажа, то до сего во всемъ нуждался, а тогда я уже былъ какъ бы у себя и во всемъ имѣлъ изобиліе.

Князь Репнинъ предписалъ Дерфельдену, чтобъ онъ остался въ Слонимѣ и находящагося за дефилеями, расположеннаго при Кобринѣ Сираковскаго атаковать не осмѣливался. Тутъ пред-

---

(21) Князь Петръ Христіановичъ Витгенштейнъ, генералъ-фельдмаршалъ, род. 25 декабря 1768 г., ум. 30 мая 1843 г.

(22) Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, одинъ изъ героевъ отечественной войны и знаменитый своими подвигами на Кавказѣ, нынѣ здравствующій.

сталъ случай, чрезъ который князь Багратіонъ пріобрѣлъ славу, искавъ смерти. Какъ заслуги его были столь велики и столь извѣстны, то я о семъ умолчу, но въ послѣдствіи кампаніи онъ съ эскадрономъ бросался въ преслѣдованіе Гедройча и Вавржецкаго съ такою отчаянною храбростію, что одинъ разъ въ преслѣдованіи непріятельскаго арьергарда подъ вечеръ заѣхалъ въ непріятельскій лагерь и навелъ ужасъ; нѣсколько разъ бросался на пѣхотныя колонны, за что̀ въ одну сію кампанію справедливо получилъ владимірскій орденъ и чинъ (23).

Между тѣмъ какъ князь Николай Васильевичъ Репнинъ, будучи въ Несвижѣ, боялся, чтобы Поляки не вторглись въ россійскія границы, Грабовскій съ небольшою партіей прокрался чрезъ Минскую губернію къ Бѣлоруссіи, думая, что тамъ недовольные россійскимъ правительствомъ возмутятся, а какъ войска оттолѣ всѣ были выведены, то симъ отважнымъ предпріятіемъ отвлечетъ русскія силы изъ Польши, въ чемъ онъ очень ошибся. Князь Циціяновъ, свѣдавъ о томъ, съ своимъ небольшимъ отрядомъ истребилъ его, не допустивъ до Рогачева.

Графъ Суворовъ, по порученію фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева, увидѣвшаго худые успѣхи Русскихъ въ Польшѣ, собравъ корпусъ тысячъ въ двѣнадцать близь Варковичъ, внезапно при Кобринѣ разбилъ Сираковскаго, который отступилъ къ Крупчицамъ на крѣпкую позицію и получилъ сильное подкрѣпленіе, но и тамъ вторительно былъ истребленъ. Послѣ сего, не давая ни мало отдыха, Суворовъ истребилъ сильный корпусъ, бывшій у Бреста-Литовскаго подъ командою Макрановскаго. Во всѣхъ оныхъ дѣлахъ 25 тысячъ человѣкъ Поляковъ съ ихъ артиллеріею какъ будто не бывало (а). Онъ прошелъ въ три недѣли около пяти сотъ верстъ.

О всѣхъ сихъ дѣйствіяхъ мы узнали вдругъ. Костюшко, увѣдомившись о сильномъ пораженіи его войскъ графомъ Суворовымъ, предписалъ всѣмъ бывшимъ польскимъ войскамъ въ Ли-

---

(23) Князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ, генералъ отъ инфантеріи. род. 1765 г., ум. 7 сентября 1812 г. отъ раны, полученной подъ Бородинымъ.

(а) При Брестѣ польскія войска стояли за рѣкою и городомъ, ожидая непріятеля съ большой дороги, но Суворовъ, оставя пѣхоту съ артиллеріею въ виду Поляковъ, самъ съ конницею ночью переправившись черезъ Бугъ, обошелъ и ударилъ на непріятеля въ тылъ; Поляки, изумленные, всѣ были истреблены.

твѣ, оставя оную, соединиться съ нимъ. Князь Николай Васильевичъ пересталъ страшиться и приказалъ Дерфельдену тѣснить отступающія литовскія войска. Скоро мы настигли оныя, и до самаго Бѣлостока ежедневно происходили аррьергардныя дѣла, подавшія случай къ счастію, какъ я выше сказалъ, князя Багратіона.

Въ продолженіи нашихъ дѣйствій, король прусскій съ соединенною арміей, безуспѣшно державъ Варшаву въ блокадѣ, отступилъ къ своимъ границамъ. Польскій генералъ Дембровскій преслѣдовалъ прусскія войска съ постоянными выгодами. Ферзенъ (24) потянулся вверхъ по Вислѣ.

Князь Репнинъ хотѣлъ тѣмъ окончить кампанію, и мы получили отъ него повелѣніе вступить въ квартиры. Но вдругъ графъ Суворовъ прислалъ ордеръ къ Дерфельдену, извѣщая, что Ферзенъ, переправясь черезъ Вислу, подъ Мацевичами, разбилъ Костюшку и взялъ его самого въ плѣнъ, и что хотя Дерфельденъ съ корпусомъ и не состоитъ у него въ командѣ, но чтобы симъ воспользоваться и однимъ ударомъ поразить гидру мятежа, Суворовъ именемъ ея величества повелѣваетъ форсированнымъ маршемъ гнать ретирующіяся литовскія войска и съ нимъ соединиться, а князю Репнину о томъ сообщить. Дерфельденъ колебался въ томъ повиноваться, но графъ Зубовъ настоялъ, и мы тотчасъ выступили. На пути прибыли въ корпусъ 700 козаковъ Черноморцевъ, которые поступили въ авангардъ; кошевой Чапега съ своимъ полковникомъ, обвѣшаннымъ крестами, явился въ команду къ графу и, проходя одно мѣстечко, увидѣвъ поросятъ, сказалъ своему полковнику: «Алексѣй Семеновичъ, видишь, какіе гладкіе поросята, чего глядишь?» Тотъ сейчасъ соскочилъ съ лошади, нѣсколько ихъ поймалъ, закололъ и положилъ къ себѣ въ торбу. Вотъ какія войска!

Мы уже настигли аррьергардъ Гедройча при переправѣ его черезъ Бугъ, близь деревни Поповки, какъ Черноморцы донесли, что Поляки, переправившись, ломаютъ мостъ, а по той сторонѣ въ лѣсу засѣли ихъ егери съ пушкою и не допускаютъ Черноморцевъ тому воспрепятствовать. Графъ Валеріанъ Александровичъ былъ съ Софійскимъ карабинернымъ полкомъ и всѣми при немъ бывшими волонтерами; полковникъ Рарокъ, посадивъ своего

---

(24) Графъ Иванъ Евстаѳьевичъ Ферзенъ, генералъ отъ инфантеріи, ум. 1799 г.

полка гренадеръ на лошадей изъ фрунтоваго обоза, прискакалъ къ графу. Подъѣхавъ къ берегу, чтобъ узнать, въ которомъ мѣстѣ былъ тотъ мостъ, Рарокъ сказалъ: «Господа, разъѣзжайтесь, непріятель, увидя генерала, окруженнаго столь многочисленною свитой, будетъ по немъ стрѣлять». Мы только-что отъ него отъѣхали, и я былъ отъ графа шагахъ въ десяти, какъ вдругъ роковое ядро, фунта въ полтора, оторвало у графа лѣвую ногу, а у Рарока правую, и то былъ отъ нихъ послѣдній выстрѣлъ. Графа отнесли въ лощину; со всѣхъ сторонъ собрались медики и занялись отнятіемъ его ноги, а Рарокъ оставался безъ малѣйшей помощи. Я велѣлъ его полка гренадерамъ положить его на плащъ и отнесъ его въ Поповку, въ господскій домъ, тутъ находившійся, куда послѣ операціи и графа перенесли. Такъ какъ не скоро сдѣлана была операція и много вытекло крови, то Рарокъ на другой день и умеръ.

При графѣ оставленъ былъ батальйонъ егерей, а войска и всѣ волонтеры выступили, и на другой же день подъ Кобылкою присоединились къ арміи графа Суворова, въ соединеніи и бывшаго корпуса Ферзена, гдѣ я имѣлъ чрезвычайное удовольствіе прибыть къ своему полку, который былъ подъ начальствомъ прикомандированнаго подполковника Бибикова (25).

Нельзя умолчать случая, который послужить можетъ примѣромъ не бояться смерти, и что она находитъ свою жертву не тамъ, гдѣ ея ожидаютъ. Одинъ лифляндскій 4-й егерскій батальйонъ командуемъ былъ подполковникомъ Шпарманомъ, человѣкомъ пожилымъ, небогатымъ, женатымъ и обремененнымъ большою семьей. Во время нашего похода онъ говорилъ, что такъ какъ онъ пойдетъ послѣ кампаніи въ отставку, то и не желаетъ рисковать своею жизнію, что ежелибы кто захотѣлъ принять его батальйонъ снисходительно, то онъ радъ бы его былъ сдать, чтобы самому выпроситься въ отпускъ, впредь до отставки. Графъ Зубовъ былъ ко мнѣ благосклоненъ и обѣщалъ мнѣ доставить тотъ батальйонъ, и у насъ съ Шпарманомъ почти сдѣлано было условіе. Но такъ какъ онъ съ симъ батальйономъ оставался при графѣ и не подвергался опасности,

---

(25) Александръ Александровичъ Бибиковъ, сенаторъ, род. 1765 г., ум. 1829 г., второй сынъ знаменитаго дѣйствіями противъ Пугачева Александра Ильича Бибикова, командовавшій въ 1812 году с.-петербургскимъ ополченіемъ.

то онъ мнѣ и отказалъ въ сдачѣ. Я былъ на прагскомъ штурмѣ, остался здоровъ, а онъ занемогъ горячкою и черезъ нѣсколько дней умеръ.

22-го октября подошли мы къ предмѣстію Праги, укрѣпленному крѣпкимъ ретраншаментомъ, занятымъ 30 тысячами человѣкъ польскаго войска; но онъ былъ такъ обширенъ, что, чтобы хорошо оный защитить, по крайней мѣрѣ надобно было быть сильнѣе втрое. Въ ту же ночь заложено было нѣсколько батарей, и для прикрытія оныхъ ложементъ. 23-го числа канонировали ретраншаментъ, на что и намъ отвѣчали,—безъ большаго вреда съ обѣихъ сторонъ.

Слабая сторона ретраншамента праваго фланга была со стороны Вислы, для чего между сею рѣкой и болотомъ, поросшимъ мелкимъ лѣсомъ, былъ отдѣльный, крѣпко укрѣпленный ретраншаментъ верстахъ въ двухъ отъ главнаго, подъ начальствомъ полковника Яблоновскаго. Къ вечеру того дня, генералъ-майоръ Денисовъ съ 7-ю колонной, назначенною для штурма, получилъ повелѣніе обойдти то болото и остановиться далѣе пушечнаго выстрѣла, и чтобъ онъ, по общимъ сигналамъ для прочихъ 6-ти колоннъ, штурмовалъ отдѣльное то укрѣпленіе.

Мы подошли въ сумерки и остановились въ колоннѣ. Во время нашего марша, съ другой стороны Вислы по насъ стрѣляли изъ пушекъ безъ малѣйшаго вреда.

Со мною былъ странный случай, подавшій поводъ къ разнымъ догадкамъ. Ночь была холодная и небольшой морозъ; легли мы нѣсколько соснуть и прикрылись соломою, которую нашли въ близь-находившемся хуторѣ. Поляки, усмотря насъ, во всю ночь стрѣляли свѣтлыми ядрами, чтобы не быть въ расплохъ атакованными. Лишь только я задремалъ, какъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то меня ударилъ по ляшкѣ; я думалъ, что со мною хотѣлъ пошутить майоръ Арсеньевъ, и я ему сказалъ: «полно, братъ, шалить, я было заснулъ.» Онъ говоритъ: «лежи смирно, возлѣ тебя упала бомба.» А какъ нѣсколько времени прошло, бомба не разразилась и отъ трубки солома не загорѣлась, то я къ ляшкѣ протянулъ руку и ощупалъ каркасъ. Надобно было думать, что уже онъ, вовсе потерявъ силу, подкатился ко мнѣ и остановился; но вѣроятнѣе, что глыба земли, въ которую онъ ударился, отбрызгнула и ударила меня.

По сдѣланной диспозиціи, по первой сигнальной ракетѣ

войска должны были сформироваться въ колонны, по второй идти къ назначеннымъ пунктамъ и остановиться на пушечный выстрѣлъ, по третьей штурмовать. Первый сигналъ, видно, мы, просмотрѣли; по второму встали, а по третьему тронулись, но уже услышали крикъ штурма и открывшійся огонь; почему въ ретраншаментѣ противу насъ Поляки, будучи предупреждены, встрѣтили насъ изъ всѣхъ дефензій сильнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, такъ что голова колонны остановилась на нѣсколько минутъ. Но Денисовъ велѣлъ принять влѣво по болоту, и мы по поясъ въ водѣ вошли въ ретраншаментъ, поражая бѣгущихъ къ Прагѣ, куда мы вошли уже въ порядкѣ. Тамъ мы нашли всѣхъ въ разбродѣ и на грабежѣ. Вскорѣ поставлены были батареи по берегу Вислы и открыли канонаду по Варшавѣ; мостъ Поляки успѣли разобрать.

Чтобы вообразить картину ужаса штурма по окончаніи онаго, надобно быть очевиднымъ свидѣтелемъ. До самой Вислы на всякомъ шагу видны были всякаго званія умерщвленные, а на берегу оной навалены были груды тѣлъ, убитыхъ и умирающихъ: воиновъ, жителей, Жидовъ, монаховъ, женщинъ и ребятъ. При видѣ всего того сердце человѣка замираетъ, а взоры мерзятся таковымъ позорищемъ. Во время сраженія, человѣкъ не только не приходитъ въ сожалѣніе, но остервеняется, а послѣ убійство дѣлается отвратительно.

Ввечеру, оставя часть войска охранять Прагу, мы возвратились въ лагерь. Поляки потеряли на валахъ 13 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ третья часть была цвѣтъ юношества варшавскаго; болѣе двухъ тысячъ утонуло въ Вислѣ; около 800 человѣкъ изъ гарнизона уцѣлѣло, перешедши на другую сторону; 14.680 человѣкъ взято въ плѣнъ, изъ числа которыхъ восемь тысячъ на другой день отпущены въ домы; умерщвленныхъ жителей было несчетно. Русскіе потеряли 580 человѣкъ убитыми и 960 раненыхъ; пушекъ и мортиръ взято въ ретраншаментѣ 104.

25-го октября присланы были изъ Варшавы депутаты съ письмомъ отъ короля, которые представлены были графу Суворову. Побѣдитель сидѣлъ въ палаткѣ, разбитой на опроверженномъ ретраншаментѣ; деревянный отрубокъ былъ вмѣсто стула, а другой, повыше, вмѣсто стола. Графъ, какъ скоро увидѣлъ ихъ, бросилъ свою саблю и сказалъ: «миръ, тишина и спокойствіе.» Обнялъ пословъ, послы обнимали его колѣна и спрашивали: на какихъ угодно будетъ пунктахъ графу предписать

капитуляцію польской столицѣ, повергающейся къ освященнымъ стопамъ россійской монархини? Побѣдитель отвѣчалъ: «жизнь, собственность, забвеніе прошедшаго, и моя государыня даруетъ миръ и спокойствіе.» Послы, изумившись, возвратились въ Варшаву, ожидавшую ихъ съ трепетомъ. Они, еще не доѣзжая берега, кричали: «Покой! Покой!» Народъ въ восхищеніи бросился въ воду и вынесъ ихъ на рукахъ; въ радостныхъ крикахъ провожали ихъ въ Раду. «Виватъ императрица, виватъ Суворовъ!»— по всей Варшавѣ слышны были такіе клики.

Въ сію ночь въ Варшавѣ произошло волненіе; мятежники намѣревались вслѣдъ выступившимъ войскамъ насильно увезти короля и всѣхъ россійскихъ военно-плѣнныхъ; но народъ до того не допустилъ. Колонтай, похитя казну, въ ту же ночь скрылся.

Графъ Суворовъ, извѣстясь, что польскія войска не хотѣли сдаться и выступили къ Кракову, велѣлъ Денисову съ его колонною идти вверхъ по Вислѣ, переправиться черезъ оную у Гуры въ бродъ и преслѣдовать оныя. О походѣ ономъ сказано будетъ послѣ, а теперь скажу о вступленіи нашихъ войскъ въ Варшаву.

Генералъ-майору Буксгевдену (26) приказано починить мостъ.

27-го октября прибылъ польскій подполковникъ Гофманъ, съ прошеніемъ осьмидневнаго срока на размышленіе. Суворовъ отвѣчалъ: «ни минуты!» Черезъ часъ присланы Потоцкій и графъ Мостовскій съ письмомъ отъ короля, уполномочивавшаго начать переговоры о мирѣ. Побѣдитель сказалъ: «съ Польшею у насъ войны нѣтъ, я не министръ, но военачальникъ: сокрушаю толпы мятежниковъ.» Того же дня съ донесеніемъ императрицѣ о взятіи Варшавы посланъ былъ подполковникъ Бибиковъ.

29-го, въ девять часовъ утра, войска наши вступили въ Варшаву съ распущенными знаменами, барабаннымъ боемъ и музыкою; графъ Суворовъ ѣхалъ въ простомъ мундирѣ. Какъ скоро побѣдитель съѣхалъ съ мосту, на самомъ берегу встрѣченъ былъ магистратомъ, купечествомъ и мѣщанами, съ хлѣбомъ и солью, и ему поднесли городскіе ключи. Графъ Суворовъ принялъ ихъ, поцѣловалъ и сказалъ: «хорошо, что они

---

(26) Графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Буксгевденъ, генералъ отъ инфантеріи, род. 3 сентября 1750 г., ум. 11 августа 1811 г.

дешевле достались, нежели тѣ», показавъ на Прагу. Улицы, по которымъ проходили побѣдители, усыпаны были народомъ, восклицавшимъ: «Виватъ Екатерина!» «Виватъ Суворовъ!»

У назначенной для графа Суворова квартиры ожидали его россійскіе плѣнные, генералъ-майоръ Милашевичъ и генералъ-майоръ Арсеньевъ (котораго потомъ наименовалъ онъ дежурнымъ генераломъ); 1376 человѣкъ нижнихъ чиновъ, 500 Прусаковъ и 80 Австрійцевъ.

На другой день графъ Суворовъ посѣтилъ короля, а черезъ два дня польское величество назначилъ, что пріѣдетъ къ нему. Графъ приказалъ дежурному генералу написать церемоніялъ, какъ принимать короля, въ которомъ сказано было: «Графскіе адъютанты встрѣтятъ его у кареты, дежурный генералъ у лѣстницы, а графу должно встрѣтить его передъ пріемною комнатой.» Но лишь только сказали, что король ѣдетъ, графъ Суворовъ безъ шпаги и шляпы бросился встрѣчать къ каретѣ и сталъ было короля принимать подъ руки; но, остановясь, сказалъ: «погодите, погодите; вѣдь, Николай Дмитричъ, по церемоніялу не тутъ я долженъ принять его величество; простите меня; я такъ почитаю освященную особу вашего величества, что и забылся.» Оставя короля, онъ побѣжалъ въ домъ и принялъ его уже передъ пріемною.

Преслѣдованіе Поляковъ, ушедшихъ изъ Варшавы, болѣе похоже было на тріумфальное шествіе, чѣмъ на походъ; войска были во всемъ изобиліи; въ началѣ они встрѣчали толпами Поляковъ, не хотѣвшихъ слѣдовать ихъ главному начальнику Вавржецкому; потомъ цѣлые эскадроны и батальйоны клали оружіе, и находили оставленныя пушки. Въ мѣстечкѣ Опочнѣ козаки нашли 22 пушки, съ ихъ зарядными фурами и около трехъ тысячъ ружей, и донеся о томъ генералу, отправились преслѣдовать далѣе. Какъ былъ прямѣйшій трактъ догнать бѣгущихъ, то Денисовъ отправился по оному, а взять сказанную артиллерію въ мѣстечкѣ Опочнѣ Денисовъ отрядилъ полковника Вольфа съ Елисаветградскимъ конно-егерскимъ и Козловскимъ пѣхотнымъ полками и батальйономъ егерей. Пришедъ туда, нашли тамъ прусскаго майора Кроха, съ отрядомъ въ 800 человѣкъ, приставившаго караулъ къ сказаннымъ орудіямъ. Онъ, бывши въ недальнемъ разстояніи, узналъ черезъ своихъ лазутчиковъ, что Поляки оставили въ Опочнѣ упомянутыя орудія и, пришедъ туда, когда козаковъ тамъ уже не было, оныя присвоилъ себѣ. Полковникъ Вольфъ, прибывъ съ сво-

имъ отрядомъ въ Опочню, требовалъ отъ прусскаго майора, чтобъ онъ тѣ орудія отдалъ намъ, какъ взятыя нашими козаками. Майоръ Крохъ отвѣчалъ, что, «когда онъ прибылъ въ Опочню, ни одного козака тамъ не нашелъ и, по военному праву, взявъ оныя орудія въ свое вѣдѣніе, рапортовалъ о томъ королю, а затѣмъ отдать ихъ уже не можетъ.» Вольфъ донесъ о томъ Денисову, который прислалъ ордеръ: «взять». Вольфъ показываетъ своего генерала ордеръ майору Кроху, но тотъ сказалъ, что «отрядъ его малосиленъ, а Русскихъ болѣе вчетверо, слѣдственно вы можете взять, но только вооруженною рукой и какъ непріятель, но добровольно я вамъ пушекъ не отдамъ.» Вольфъ опять донесъ о семъ отвѣтѣ, и что онъ взять силою не осмѣливается, безъ точнаго на то повелѣнія. Денисовъ, думая, что Каменскій, подполковникъ егерскаго баталь-йона, скорѣе исполнитъ его волю, поручилъ ему исполнить то, а Вольфа съ конно-егерскимъ полкомъ потребовалъ къ себѣ. Крохъ къ Каменскому идти не захотѣлъ, а тотъ употребилъ меня, чтобъ уговорить упрямаго прусскаго майора. Хотя я на свое краснорѣчіе не надѣялся, но долженъ былъ исполнить приказаніе. Крохъ мнѣ сказалъ: «посудите сами: еслибы вы были на моемъ мѣстѣ и отрапортовали своему начальству, то могли ли бы отдать безъ повелѣнія онаго?» Возразить было нечего, и тогда онъ мнѣ показалъ письмо, полученное имъ отъ Денисова, сочиненное по-французски извѣстнымъ Копьевымъ (27), такимъ вздоромъ наполненное, что мнѣ было стыдно, которое онъ въ оригиналѣ отправилъ къ королю, между прочимъ было въ ономъ написано, что «видно Прусакамъ диковинка брать пушки, а Русскимъ не въ диковинку, даже ими и не уважаютъ,» и проч... Споръ о сихъ пушкахъ доходилъ до короля и графа Суворова, и уже гораздо послѣ о томъ рѣшено. Когда сія распря о пушкахъ происходила, въ мѣстечкѣ Вартахъ Вавржецкій былъ окруженъ и принужденъ былъ сдаться со всѣми генералами и войсками, которыхъ тотчасъ обезоружили. Послѣ чего вся армія заняла зимовыя квартиры; Козловскому полку назначены онѣ были за 18 миль отъ Варшавы по правую сторону Вислы.

За взятіе Варшавы, графъ Суворовъ пожалованъ фельдмар-

---

(27) Алексѣй Даниловичъ Копьевъ, авторъ извѣстной комедіи *Лебедянская ярмарка.* (Спб. 1794 г.)

шаломъ, и присланъ былъ ему повелительный жезлъ (28); многіе награждены были орденами и золотыми шпагами за храбрость, въ числѣ которыхъ и я удостоился получить шпагу; многіе произведены въ слѣдующіе чины, въ томъ числѣ и я, по рекомендаціи, за многія дѣла, въ которыхъ я былъ во время польской экспедиціи, пожалованъ подполковникомъ, послѣ семилѣтней моей службы въ премьеръ-майорскомъ чинѣ; всѣ штабъ и оберъ-офицеры награждены золотыми крестами на георгіевской лентѣ въ петлицу, съ надписью, съ одной стороны: *за труды и храбрость,* а съ другой: *Прага взята 1794 года 24 октября;* солдаты получили медали.

Козловскій полкъ получилъ повелѣніе придти въ Варшаву и помѣщенъ былъ въ казармахъ близь Лазенокъ, загороднаго королевскаго дворца.

Впервые мнѣ случилось быть подъ начальствомъ великаго полководца, графа Суворова. Онъ былъ тонкій политикъ и подъ видомъ добродушія былъ придворный человѣкъ; передъ всѣми показывалъ себя страннымъ, оригиналомъ, чтобы не имѣть завистниковъ; когда съ кѣмъ надобно было объясниться наединѣ, то сказывали, что онъ говорилъ съ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ; сужденія его были основательны, а предпріятія чрезвычайно дальновидны, что̀ опытъ доказалъ. Вырвались у него сказанныя моему пріятелю слова, показывающія правило, котораго онъ держался: «Pour parvenir, mon ami, il faut avoir la patience d'un cocu.» *(Чтобы достигнуть, надобно быть терпѣливу, какъ рогоносецъ.)* Но какъ скоро онъ былъ втроемъ, то и принималъ на себя блажь. Совершенно зналъ языки: французскій, нѣмецкій, латинскій, греческій и турецкій. Въ угожденіе ему надобно было къ его странностямъ привыкнуть, не говорить: «не могу знать», «не могу доложить», даже и «не знаю».

---

(28) Суворовъ донесъ Екатеринѣ о взятіи Варшавы тремя словами: «Ура! Варшава наша!» Екатерина отвѣчала 19 ноября двумя словами: «Ура! фельдмаршалъ!» Кромѣ жезла съ бриллiантами, Екатерина пожаловала ему 7000 душъ, императоръ австрійскій свой портретъ, а король прусскій ленты чернаго и краснаго орла. Екатерина написала ему: «Вы знаете, что я не произвожу никого черезъ очередь... но вы, завоевавъ Польшу, сами себя сдѣлали фельдмаршаломъ». Действительно Суворовъ обошелъ девять генералъ-аншефовъ: графа И. П. Солтыкова, графа Н. И. Солтыкова, князя Н. В. Репнина, князя Ю. В. Долгорукова, графа И. К. Эльмта, князя А. А. Прозоровскаго, графа В. П. Мусина-Пушкина, М. Ѳ. Каменскаго и М. В. Каховскаго.

О всѣхъ таковыхъ онъ говаривалъ: «Боже упаси отъ немогузнаекъ; отъ нихъ бѣда; надобно все знать.» Напримѣръ, вдругъ спроситъ кого: «чтò султанъ дѣлаетъ?» надобно соврать чтò хочешь, только не говорить: «не знаю»; или напримѣръ: «далеко ли отъ Варшавы до Праги?» скажи: «250 верстъ 13 саженъ и 1 аршинъ», то онъ и доволенъ и говоритъ: «вотъ настоящій человѣкъ: все знаетъ».

Военныя его дѣйствія всегда располагаемы были такъ, чтобы дѣйствовали на мораль людей, какъ на своихъ, такъ и на непріятелей. Визирь шелъ атаковать принца Кобургскаго и вѣрныя имѣлъ извѣстія, что Суворовъ былъ еще наканунѣ въ Берлатѣ, верстахъ около ста отъ принца. Какъ вдругъ вмѣсто Цесарцевъ увидѣлъ онъ себя атакуемаго Русскими; изумленіе было болѣе причиною побѣды, чѣмъ самая храбрость. Равно и разбитіе трехъ польскихъ корпусовъ; Поляки о самомалѣйшихъ нашихъ движеніяхъ имѣли скорыя и вѣрныя извѣстія; о Суворовѣ же и эхо не касалось до ихъ слуха; ожидали отъ Русскихъ нападенія съ лица, вдругъ Суворовъ, какъ съ неба упалъ, поразилъ ихъ при Кобринѣ и, не давъ имъ образумиться, при Брестѣ и Крупицѣ. Хотя много оставлялъ онъ за собою усталыхъ, которые приходили на другой день или на третій, даже и позднѣе, но скорыми своими маршами и внезапностію всегда побѣждалъ. Генералы и военные съ дарованіемъ люди долго думали и приписывали всѣ дѣла его счастію; но уже въ италіянскую кампанію увидѣли въ немъ генія въ военномъ искусствѣ, и что всѣ баталіи, имъ выигранныя и ни одна не проигранная, были обдуманы человѣкомъ, котораго никто постигнуть не могъ.

Суворовъ окружалъ себя людьми простыми, которые бы менѣе всѣхъ могли отгадать его; однакожь отъ нихъ зависѣла участь служащихъ подъ начальствомъ графа Суворова. Чтобы получить какое награжденіе за настоящую службу, надобно было съ низостію искать тѣхъ покровительства; таковы были при немъ Курисъ, Мандрыкинъ, и прочіе... Кто въ нихъ не снискалъ, не только не успѣвалъ по службѣ, но иногда обращалъ на себя неудовольствіе графа, и самъ онъ своею странностію иногда унижалъ людей достойныхъ. Во время прагскаго штурма онъ закричалъ: «И я возьму ружье со штыкомъ.» «Нѣтъ, ваше сіятельство, не пустимъ васъ», говорили знавшіе его; кто хваталъ за узду его лошади, кто хваталъ его за руку и полы платья, когда онъ и шагу не намѣренъ былъ сдѣлать;

но онъ дѣлалъ видъ будто вырывался, и кричалъ: «трусы, трусы, пустите меня!» Только что выпущенный изъ кадетскаго корпуса поручикъ Оленинъ какъ-то попался къ нему въ свиту, и по простотѣ своей, думая сдѣлать ему угодное, сказалъ: «Извольте, ваше сіятельство, я васъ проведу на возвышенное мѣсто, откуда вы изволите усмотрѣть весь штурмъ.» Графъ его расцѣловалъ: «вотъ одинъ только герой, а вы всѣ трусы», сказанъ онъ. Однакожь и затѣмъ тѣ его не пустили. Что же? Всѣ тѣ, которые его не пускали, были награждены, а Оленинъ остался безъ ничего и отпущенъ въ полкъ. Во время сраженія Суворовъ всегда бывалъ на козачьей лошади и на козачьемъ сѣдлѣ, дѣлалъ видъ, что скакалъ въ пылъ сраженія, но какъ скоро замѣчалъ, что никто его не удерживаетъ, останавливался, слѣзалъ съ лошади и переправлялъ свою обувь, говоря: «Охъ, онуча жметъ ногу.» (Онъ, вмѣсто чулокъ, обертывалъ ноги тонкимъ полотномъ, на подобіе онучъ.)

Спалъ онъ всегда на сѣнѣ, покрытомъ простынею; другой постели во всю жизнь не имѣлъ; всякій день обливался холодною водой, несмотря ни на какую погоду; столъ его былъ простой, но сытный; въ постные дни никогда не ѣлъ онъ скоромнаго; никогда не заботился, что будетъ ѣсть; этимъ занимался Курисъ. Часъ обѣда Суворова, когда захотѣлъ; иногда въ 8 часовъ утра, но не позже 11. Говорили, что онъ любитъ пить, но это неправда: передъ обѣдомъ онъ выпивалъ большую рюмку водки, а за столомъ рюмки двѣ вина; если же иногда наливалъ третью, то Тимченко, его камердинеръ, ему запрещалъ, равно еслибы сверхъ обыкновеннаго хотѣлъ съѣсть лишнее; «ну, Тимченко не велитъ, говорилъ онъ, надобно слушаться».

По прибытіи моемъ въ Варшаву, я долженъ былъ явиться къ нему съ рапортомъ. Чтобы сдѣлать ему угодное, понаслышкѣ, изготовился я отвѣчать на всѣ его странныя требованія, но вмѣсто того обратилъ на себя его негодованіе, за что, не знаю, и получилъ за столомъ чувствительный афронтъ. Думаю, что подалъ къ тому поводъ слѣдующій случай: сержантъ гвардіи передъ обѣдомъ разносилъ водку по старшинству чиновъ; ежели кто были въ однихъ чинахъ, то тотъ сержантъ спрашивалъ, съ котораго года и мѣсяца состоятъ въ оныхъ; почему и меня спросилъ, какъ человѣка новаго и впервые бывшаго у графа. Я сказалъ, что уже 6 лѣтъ 3 мѣсяца и 12 дней въ семъ чинѣ, и усмѣхнулся. Казалось, что графъ сего не могъ при-

мѣтить, но другой причины къ его неудовольствію не было. Сѣли за столъ; мнѣ пришлось сѣсть наискось противъ графа. Вдругъ онъ вскочилъ и закричалъ: «воняетъ!» и ушелъ въ другую комнату. Адъютанты его начали открывать окошки и сказали ему, что «дурной запахъ прошелъ». «Нѣтъ, кричалъ онъ, за столомъ вонючка». Они стали обходить всѣхъ сидящихъ и начали обнюхивать; одинъ ко мнѣ подошелъ, сказалъ: «вѣрно у васъ сапоги не чисты, извольте выйдти, графъ не войдетъ, пока вы не встанете и не прикажете себѣ сапоги вычистить; тогда опять можете сѣсть за столъ.» Представьте мое смущеніе; однакожь дѣлать было нечего. Я всталъ, сказалъ тому адъютанту: «доложите графу: я вижу, что моя физіономія ему не понравилась; какъ бы мнѣ пріятно ни было обратить на себя благосклонное его вниманіе, но я къ нему болѣе не явлюсь»—и вышелъ. Посудите, пріятно ли было служить при немъ человѣку съ благороднымъ чувствомъ; признаюсь, что, несмотря на его великій геній, и служа подъ нимъ въ его славныхъ побѣдахъ, пріобрѣтая чины и ордена, трудно перенесть подобныя оскорбленія, которыя не съ однимъ со мною случались, но и съ нѣкоторыми генералами.

Варшава для меня была фатальна. Прибылъ я съ полкомъ 15 декабря, и привезъ съ собою экономическаго провіянта почти на цѣлый мѣсяцъ, но отъ казны удовольствованъ былъ по 17-е число. Тогда случилось, что подполковникъ Ржевскій, командиръ одного егерскаго батальйона, не имѣлъ болѣе провіянта, да и въ магазинахъ также его не было. Для сего батальйона отъ разныхъ полковъ собирали провіянтъ для ежедневнаго продовольствія. Генералъ-поручикъ Ферзенъ, командующій войсками, расположенными въ Варшавѣ, отдалъ приказъ: что ежели полковые и батальйонные командиры узнаютъ, что въ магазинахъ провіянта нѣтъ, то заранѣе бы доносили, по которое время провіянтъ у нихъ кончится, въ противномъ случаѣ таковые нерадивые начальники будутъ отвѣчать передъ военнымъ судомъ. И какъ тотъ день уже было 17-е число, то я и рапортовалъ, что Козловскій полкъ провіянта не имѣетъ, да и въ магазинѣ, по справкѣ моей, не имѣется. Рапортъ, отправленный мною того же дня къ бригадному командиру, генералъ-майору Буксгевдену, пролежалъ у него въ канцеляріи болѣе сутокъ, почему Ферзенъ получилъ оный уже чрезъ два дня. Онъ тотчасъ поѣхалъ къ фельдмаршалу графу Суворову доложить, что оберъ-провіянтмейстеръ Слѣпушкинъ ложно увѣрилъ графа, что всѣ

полки удовольствованы по 22-е число, а полкъ Козловскій уже два дни безъ провіянта. Графъ сказалъ: «Помилуй Богъ, не хорошо, Слѣпушкинъ за ложь будетъ солдатъ». Все сіе происшествіе узналъ я уже послѣ.

Я легъ спать, какъ вдругъ ночью слышу, что меня будятъ; просыпаюсь и вижу у моей постели на колѣняхъ стоящаго штабъ-офицера. Я удивился, и спрашиваю: кто онъ и чего отъ меня хочетъ? «Я оберъ-провіянтмейстеръ Слѣпушкинъ; отъ васъ зависитъ, чтобъ я завтра же былъ солдатъ, или остался въ своемъ званіи.»—Какъ это? «Вы рапортовали, что полкъ снабженъ провіянтомъ только по 17-е число, и фельдмаршалъ мнѣ объявилъ, что ежели я ему отъ полка не представлю промеморію, что онъ удовольствованъ по 22-е число, то поклялся, что онъ никогда еще никого не сдѣлалъ несчастнымъ, но меня разжалуетъ въ солдаты.»—Что̀ жь мнѣ дѣлать? «Я привезъ провіянтъ; прикажите принять и дать мнѣ въ пріемѣ квитанцію.» Какъ долженъ я былъ поступить? Если я ему въ томъ откажу, я буду причиной несчастія человѣка; ежели исполню его просьбу, то сдѣлаю чувствительнѣйшее неудовольствіе генералу Ферзену, всѣми уважаемому, и котораго я душевно почиталъ. Однакожь я рѣшился огорчить Ферзена и не сдѣлать несчастнымъ человѣка, мнѣ незнакомаго, и котораго по репутаціи зналъ даже за человѣка, не имѣющаго честныхъ правилъ.

Я велѣлъ разбудить квартермистра и ротныхъ пріемщиковъ, приказалъ принять провіянтъ по 22-е число и раздать въ роты, что̀ и было исполнено. Написалъ рапортъ, что послѣ поданнаго отъ 17-го числа моего рапорта полкъ удовольствованъ провіянтомъ по 22-е число, поставя на рапортѣ 19-е число, и отправилъ тотъ же часъ въ бригадное дежурство, а тѣмъ же числомъ Слѣпушкину далъ въ пріемѣ квитанцію; на спросъ же его бумагою: по которое число удовольствованъ полкъ провіянтомъ? далъ промеморію уже 20 числомъ.

Слѣпушкинъ какъ скоро былъ допущенъ къ фельдмаршалу, то и представилъ данную мною ему промеморію. Графъ послалъ дежурнаго генерала Арсеньева показать оную Ферзену и сказать: «не хорошо обижать Нѣмцамъ Русскихъ». Ферзенъ, до котораго послѣдній мой рапортъ еще не дошелъ, чрезвычайно много былъ раздраженъ; тотчасъ написалъ онъ къ фельдмаршалу рапортъ съ требованіемъ, чтобъ я былъ преданъ военному суду за ложное донесеніе.

Къ счастію моему, того же числа наряженъ я былъ считать

экстраординарную сумму съ двумя другими штабъ-офицерами. Я явился въ канцелярію въ 11 часовъ; правитель канцеляріи, г. Мандрыкинъ, вручая мнѣ книгу и ордера, сказалъ: «извольте поспѣшить счетомъ и представить сегодня въ 9 часовъ вечера; графу нужно сего же дня отчетъ отправить». Сумма была слишкомъ 50 тысячъ червонцевъ; я говорилъ, что въ такое короткое время счесть невозможно, но Мандрыкинъ съ грознымъ видомъ сказалъ: «Я не знаю, можно ли или не можно, но я вамъ объявляю графское приказаніе, впрочемъ это ваше дѣло; какъ вы хотите, только знайте, что уже и курьеръ къ отправленію готовъ, а графъ отговорокъ не любитъ.»

Нечего было дѣлать; съ собравшимися моими товарищами принялись мы считать; суммы выдаваемы были большимъ числомъ, большею частію шпіонамъ; два ордера были не подписаны, на 150 червонцевъ; я показалъ ихъ Мандрыкину, сказавъ, что счетная коммиссія принять ихъ не можетъ. Мандрыкинъ сказалъ: «Графъ ихъ послѣ подпишетъ, извольте считать.» Я предложилъ своимъ товарищамъ, которые не хотѣли брать на свою отвѣтственность, но я ихъ увѣрилъ, что ежелибудетъ взысканіе, то я за сію сумму отвѣчаю, на что они и согласились. Итакъ мы успѣли кончить счеты, подвести итоги и сдѣлать счетную выписку, которую, при рапортѣ графу, принесъ я къ Мандрыкину въ назначенный срокъ. Онъ просилъ меня подождать, пошелъ къ его сіятельству, и вынеся отъ него, показалъ мнѣ подписанные тѣ ордера, которые даны были мнѣ безъ подписи.

Мандрыкинъ предложилъ мнѣ свои услуги, а какъ я благодарилъ за его ко мнѣ доброхотство, сказавъ, что на сей разъ я не имѣю никакой нужды, онъ возразилъ: «Полно, не могу ли теперь же я вамъ услужить?» И тогда показалъ мнѣ рапортъ Ферзена, требовавшаго меня судить военнымъ судомъ. Хотя я передъ судомъ и былъ бы оправданъ, ибо дѣйствительно полкъ удовольствованъ былъ по 22-е число, и рапортъ мой о томъ посланъ былъ еще 19-го числа, дошедши до рукъ Ферзена чрезъ два дня послѣ, но не менѣе того больно бы было быть подъ судомъ, что̀, по обыкновенію, вносилось въ послужной списокъ. Итакъ я чрезвычайно симъ огорчился. Мандрыкинъ, видя мое смущеніе, сказалъ: «Не безпокойтесь, графъ никогда этотъ рапортъ не увидитъ, и мы его *ускрамимъ*» (слово, употребляемое графомъ), и тогда же его разодралъ.

Ежели съ такимъ извѣстнымъ и заслуженнымъ генераломъ

могли такъ поступать управляющіе канцеляріею, то какой справедливости должны были ожидать низшіе классы подчиненныхъ? Потомъ Мандрыкинъ спросилъ меня: «Кажется, вы просились въ отпускъ? Скоро ли вы хотите ѣхать?»—Я бы тотъ же часъ уѣхалъ, какъ скоро получу паспортъ. «Погодите немного». Онъ пошелъ въ кабинетъ фельдмаршала и вынесъ отъ него мой отпускъ. Получа оный, пріѣхалъ я въ казармы (сдавать мнѣ было нечего, ибо полкомъ командовалъ я по наружности, потому что полковникъ мой, за отсутствіемъ моимъ, сдалъ полкъ по полковничьей инструкціи майору Арсеньеву), и собравшись, уѣхалъ.

Дорогою объѣхалъ я короля Станислава-Августа, котораго везли въ Гродно, гдѣ ожидалъ его князь Н. В. Репнинъ. Итакъ императрица возвела его на престолъ польскій, и она же лишила его короны.

Послѣ сего Польша была раздѣлена: Россія получила всю Литву по Нѣманъ и западный Бугъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Курляндское герцогство поддалось добровольно. Пруссія присвоила Варшаву и всѣ земли, смежныя съ ея владѣніемъ, съ крѣпостями Данцигомъ и Торунью. Австрія получила земли, смежныя съ ея Галиціею, по западный Бугъ, съ Величкою, до Кракова, который сдѣланъ вольнымъ городомъ.

Прибывъ къ отцу моему, узналъ я, что зять мой, С. К. Вязмитиновъ, сдѣланъ былъ генералъ-губернаторомъ Уфимской и Симбирской губерній и командиромъ Оренбургскаго корпуса. Онъ уговорилъ меня перейдти подъ его начальство, чтобы быть вмѣстѣ съ моею сестрой. Почему въ 1795 году данъ мнѣ былъ третій Оренбургскій полевой батальйонъ, и такъ я перемѣстился въ столь-отдаленный край.

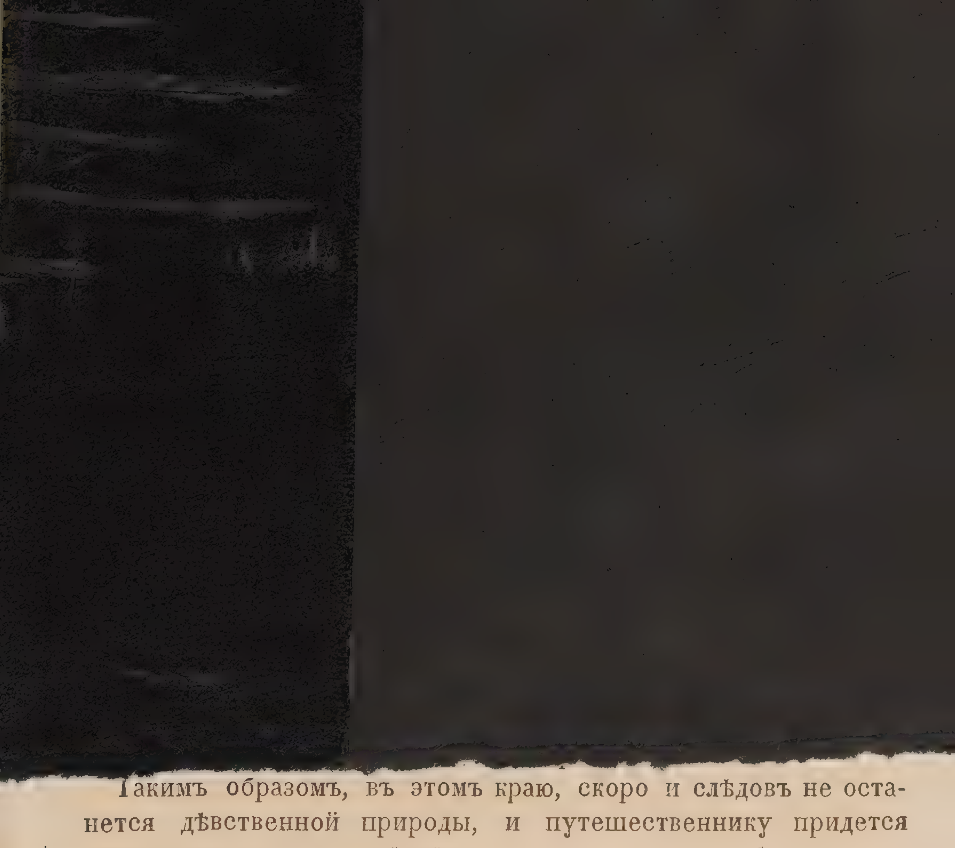
Въ семъ году открылась персидская война, продолжавшаяся до восшествія на престолъ государя императора Павла I, подъ главнымъ начальствомъ генералъ-поручика графа В. А. Зубова. Успѣхомъ сей войны было взятіе Дербента.

1796. Въ 1796 году въ августѣ было избраніе и утвержденіе, вмѣсто умершаго, новаго киргизскаго меньшой орды хана. Обрядъ сей происходилъ слѣдующимъ образомъ: между Оренбурга и мѣноваго двора, за Ураломъ, построеннаго въ трехъ верстахъ отъ крѣпости, Киргизы собрались въ нѣсколько тысячъ кибитокъ, разныхъ ихъ родовъ, управляемыхъ своими султанами. Когда за Ураломъ поставлены были собранныя войска Оренбургскаго корпуса, тогда генералъ-губернаторъ послалъ тому

народу сказать, чтобъ онъ приступилъ, по обычаю своему, къ избранію хана, уже заблаговременно назначеннаго нашимъ правительствомъ. По нѣкоторомъ преніи, избраніе кончилось. Хана нарядили въ богатую парчевую, чернобурыхъ лисицъ, шубу и такую же шапку, присланную въ даръ отъ двора; Киргизы, посадя его на кошму, подняли на руки и начали качать съ превеликимъ крикомъ, на что отвѣтствовано было въ честь хана пальбою изъ крѣпости и состоявшей при полкахъ артиллеріи, и ружейнымъ бѣглымъ огнемъ. Послѣ чего ханъ былъ угощаемъ съ султанами обѣденнымъ столомъ у генералъ-губернатора, а всѣ прочіе Киргизы—на степи близь нашихъ войскъ, которыхъ угощеніе состояло во множествѣ изготовленнаго ихъ кушанья, или по ихнему бишъ-бармака, то-есть, изрубленной мелко баранины съ лукомъ и бараньимъ саломъ, пловомъ и кумысомъ. Киргизы хватали кушанье, какъ голодные волки; у каждаго былъ приготовленъ кожаный мѣшокъ, висѣвшій на шеѣ; одни, выжавъ рукою жиръ и жижу въ ротъ, оставшееся въ рукѣ въ запасъ клали въ сіи кожаные мѣшки. Тѣмъ кончился весь праздникъ; на другой же день Киргизы откочевали во внутрь степи (1).

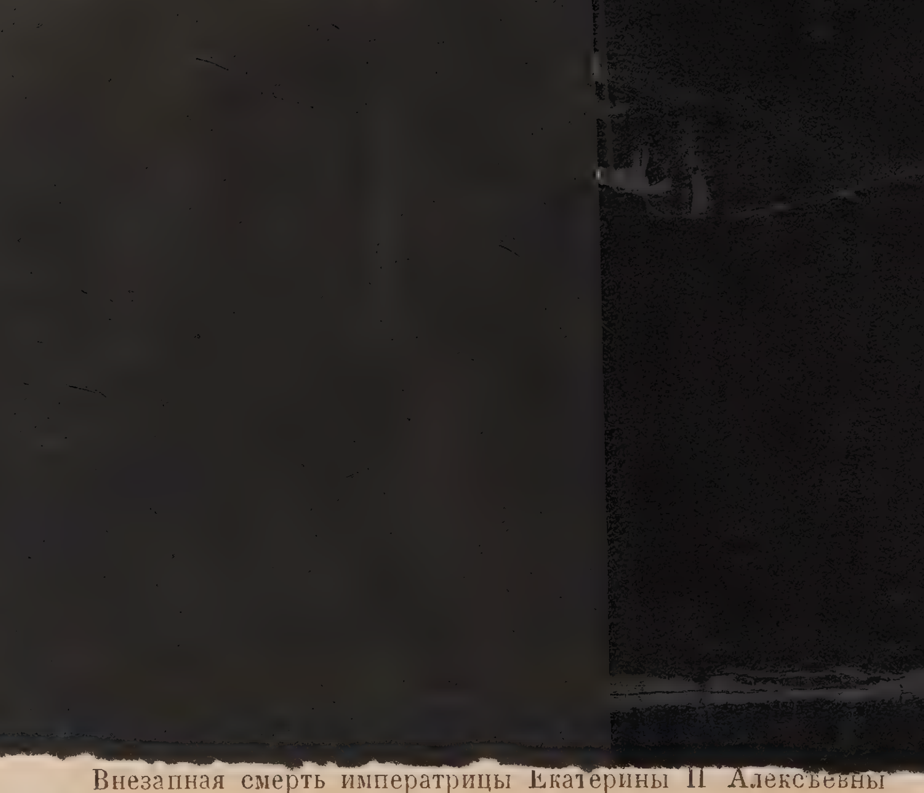
---

(1) Глава эта напечатана нами съ нѣкоторыми, впрочемъ, не большими пропусками. *Ред.*



Такимъ образомъ, въ этомъ краю, скоро и слѣдовъ не останется дѣвственной природы, и путешественнику придется искать далеко на западѣ мѣста, еще не тронутыя быстро расширяющеюся цивилизаціей. Насъ влекло въ эти, пока еще дѣвственныя мѣста, и послѣдніе дни мы были заняты сборами въ дальній путь.

Э. Циммерманъ.



Внезапная смерть императрицы Екатерины II Алексѣевны облекла Россію въ сердечный трауръ. Она воспослѣдовала въ 1796 году 6 ноября, на шестьдесятъ седьмомъ году, шестомъ мѣсяцѣ и четвертомъ днѣ ея рожденія; царствованія же ея тридцать четыре года, три мѣсяца и двадцать семь дней. Смерть ея поразила вообще всѣхъ, и каждый думалъ, что лишился въ ней нѣжной матери.

Въ ея царствованіе Россія была славна и счастлива, подданные ея наслаждались спокойствіемъ, каждый гражданинъ увѣренъ былъ въ безопасности личной и обладаніи своей собственности. Она отказалась отъ наименованія, поднесеннаго ей сенатомъ: *Великой и премудрой матери отечества.* Но все то помня, сыны отечества сохранятъ навсегда въ сердцахъ своихъ сію дань справедливаго титла. Она сдѣлала многія учрежденія къ управленію Россіи, способствовавшія къ утвержденію благоустройства и скорому теченію дѣлъ. Она основала и пріобрѣла до 250 городовъ, торговля въ ея царствованіе распространилась по всѣмъ мо-

---

(1) См. ***Русскій Вѣстникъ*** №№ 1-й, 2-й, 4-й и 14-й. Примѣчанія, означенныя буквами, принадлежатъ автору; примѣчанія, означенныя арабскими цифрами,—М. Н. Лонгинову.

рямъ, доходы государства, прежде бывшіе не свыше 35 милліоновъ рублей, безъ наложенія новыхъ податей, знатно умножены; морская и сухопутная сила Россіи въ ея время приводили въ ужасъ всю Европу. Въ награжденіе за военные подвиги она учредила орденъ Св. Георгія, а для гражданскихъ чиновъ орденъ Св. Владиміра. Покровительствовала науки и художества, и привела къ концу то, что̀ Великій Петръ предпринималъ. О всѣхъ ея дѣлахъ вкратцѣ сказать нѣтъ Возможности. Конецъ ея царствія былъ слабѣе; она дала много воли графамъ Зубовымъ. Сколь ни славно царствованіе Екатерины Великой, но спокойствіе не разъ было нарушаемо: 1) Возмущеніе Мировича, желавшаго освободить императора Іоанна Антоновича (а), содержимаго въ Шлиссельбургской крѣпости, подъ крѣпкою стражей, со времени вступленія на престолъ блаженной памяти Елисаветы Петровны. Къ нему приставлены были заслуженные два штабъ-офицера, которымъ дано повелѣніе: ни въ какомъ случаѣ живаго его не выдавать. Сказанный поручикъ Мировичъ, во время путешествія императрицы въ Ригу, подговорилъ солдатъ своей роты и съ оными вломился въ темницу несчастнаго Іоанна. Упомянутые два штабъ-офицера, видя, что уже не осталось имъ никакого средства сберечь своего узника, закололи его. Такимъ образомъ Іоаннъ, двадцати четырехъ лѣтъ, окончилъ несчастную свою жизнь (1). Мировичъ вошедъ въ ту камеру, гдѣ онъ содержался и увидя его мертвымъ, самъ представилъ себя правительству какъ мятежника. Сенатъ и первенствующіе государственные чины присудили на эшафотѣ отрубить ему голову, что̀ и исполнено. 2) О бунтѣ Пугачева сказано было въ I главѣ. 3) Смертоносная язва во время турецкой войны вкралась въ государство, сильно свирѣпствовала, а особливо въ Москвѣ (2); съ жестокою зимой и предохранительными средствами она прекратилась. Во время оной, архіепископъ московскій Амвросій, увидя, что народъ прикладывался къ образу Боголюбской Богоматери, что̀ у Варварскихъ воротъ, и отъ того чернь заражалась, приказалъ тотъ образъ снять. Народъ взволновался, вломился въ Кремль,

---

(а) Сынъ принцессы мекленбургской, племянницы имератрицы Анны Іоанновны и Антона Ульриха, по завѣщанію которой провозглашенъ былъ императоромъ, а по малолѣтству его правительницей мать его.

(1) Это происходило 5 іюля 1764, а Мировичъ казненъ 15 сентября.

(2) Моровая язва свирѣпствовала въ Москвѣ съ марта по октябрь 1771 года.

ударилъ въ набатъ въ новогородскій вечевой колоколъ; архіерей оттоль уѣхалъ въ Донской монастырь и тамъ спрятался въ алтарѣ; его вытащили и убили (1). Главнокомандующій въ Москвѣ фельдмаршалъ, графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ, видя мятежъ, уѣхалъ изъ города и съ нимъ вмѣстѣ бывшій тогда оберъ-полицеймейстеръ Н. И. Бахметьевъ. Но отставной генералъ-поручикъ Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ (2) усмирилъ чернь и прекратилъ возмущеніе (3). Сказанный колоколъ государыня приказала снять, въ который до того при пробитіи вечерней зари ударяли три раза.

Смерть императрицы приключилась на 5 число ноября; занимаясь дѣлами въ своемъ кабинетѣ, она пошла въ потаенную комнату, и тамъ роковой ударъ поразилъ ее; прибѣжавшія ея камеръ-фрау и камеръ-медхены нашли ее лежащею на полу безъ чувствъ; на другой день она скончалась (а).

---

(1) Амвросій убитъ 15 сентября 1771.

(2) Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ, генералъ-аншефъ, былъ потомъ съ 1786 по 1790 годъ главнокомандующимъ въ Москвѣ. Онъ род. 1723, ум. 7 февраля 1805.

(3) Помощниками Еропкина въ этомъ дѣлѣ были тайные совѣтники Собакинъ и Похвисневъ.

(а) Многіе полагаютъ, и вѣроятно, что уже въ здоровьи императрицы сдѣлалась чувствительная перемѣна по случаю неудачнаго ея предпріятія. Ей хотѣлось внуку свою великую княжну Александру Павловну выдать замужъ за шведскаго короля Густава Адольфа: почему поручила министру своему при стокгольскомъ дворѣ вступить по сему предмету въ переговоры. Король и его дворъ, казалось, съ восхищеніемъ къ тому приступили; въ іюлѣ король въ сопровожденіи дяди своего, принца зюдерманландскаго, прибылъ въ Петербургъ. Великолѣпные праздники по сему происшествію слѣдовали одинъ за другимъ; король, сдавалось, былъ влюбленъ въ прекрасную великую княжну; онъ былъ красивый мущина; съ великимъ удовольствіемъ смотрѣли на сію будущую чету. Наконецъ переговоры доведены были до конца; во всемъ было соглашено. Назначенъ уже былъ день помолвки и при дворѣ балъ; всѣ знатныя особы обоего пола были повѣщены; императрица со всѣмъ своимъ августѣйшимъ домомъ прибыла въ залу, ожидали только жениха, чтобы объявить всенародно о радостной для обоихъ дворовъ помолвкѣ. Прошло много времени, а король не ѣхалъ; между тѣмъ балъ не открывался, послано было узнать о причинѣ; посланный возвратился и доложилъ государынѣ что-то тайно. Она послала по дипломатической части находившагося при ней въ довѣренности графа Аркадія Ивановича Маркова. Наконецъ, по долгомъ ожиданіи, онъ возвратился съ отвѣтомъ, что король не можетъ согласиться, чтобы королева, супруга его, осталась въ православной греко-каѳолической вѣрѣ, на что уже было изъ-

Съ печальнымъ, симъ извѣстіемъ отправленъ графъ Николай Александровичъ Зубовъ къ императору Павлу I, законному наслѣднику россійскаго престола, находившемуся тогда въ Гатчинѣ. Государь надѣлъ на него Андреевскій орденъ и поѣхалъ тотчасъ же въ Петербургъ, приказавъ за собою слѣдовать гатчинскимъ своимъ войскамъ. Весь дворъ, сенатъ и генералитетъ въ Зимнемъ дворцѣ его ожидали, гдѣ тотчасъ ему и присягнули.

Говорятъ, что императрица сдѣлала духовную, чтобы наслѣдникъ былъ отчужденъ отъ престола, а по ней бы принялъ скипетръ внукъ ея Александръ, и что она хранилась у графа Безбородки. По пріѣздѣ государя въ С.-Петербургъ, онъ отдалъ ему оную лично; правда ли то, не извѣстно, но многіе бывшіе тогда при дворѣ меня въ томъ увѣряли.

Императоръ приказалъ приготовить печальную церемонію; самъ перенесъ прахъ родителя своего императора Петра III изъ Александро-Невскаго монастыря, гдѣ, подъ предлогомъ, что онъ былъ не коронованъ, былъ погребенъ. Онъ былъ поставленъ на одномъ катафалкѣ съ покойною императрицей, и вмѣстѣ погребены въ соборной церкви Петра и Павла, гдѣ прахъ покоится всѣхъ императоровъ и императрицъ.

На другой же день онъ указалъ, чтобъ отдаваемые имъ при паролѣ приказы признаваемы были за именныя повелѣнія, и того же дня пожаловалъ въ фельдмаршалы князя Н. В. Репнина, графомъ и фельдмаршаломъ М. Ф. Каменскаго, графа В. П. Мусина-Пушкина, графа И. П. Салтыкова (2).

явлено его согласіе. Императрица такъ была симъ поражена, что приближенные ея замѣтили, что едвали не имѣла она легкаго удара, и съ тѣхъ поръ стала въ духѣ и тѣломъ ослабѣвать. Съ чрезвычайнымъ усиліемъ приняла она на себя видъ твердый. Объявлено было, что король занемогъ и для того на балъ не будетъ. Можно судить, каково самолюбію ея было, когда всѣ чужестранные министры подъ рукой были предварены, и вдругъ король отказался отъ женитьбы. Балъ былъ открытъ на короткое время, и вскорѣ императрица отбыла во внутренніе покои (1).

(1) Густавъ IV Адольфъ род. 1 ноября 1778, вступилъ на престолъ въ 1792 году и отказался отъ него въ 1810. Онъ женился въ концѣ 90-хъ годовъ на принцессѣ Баденской. Онъ жилъ послѣ 1810 года въ Германіи, Швеціи, Голландіи и пр. подъ именемъ полковника Густафсона и умеръ 7 февраля 1837.

(2) Авторъ ошибается на счетъ графа Мусина-Пушкина и Каменскаго: они пожалованы фельдмаршалами въ Москвѣ 5 апрѣля 1797, въ день коро

Зять мой, Сергѣй Кузьмичъ Вязмитиновъ, пожалованъ военнымъ губернаторомъ въ Каменецъ-Польскій. На другой день прибылъ новой курьеръ съ извѣстіемъ, что вмѣсто того онъ назначенъ въ Черниговъ, куда онъ и отправился въ самой скорости; и только что тамъ пробылъ дня два, пожалованъ былъ коммендатомъ въ Петропавловскую крѣпость.

Гатчинскія войска и всѣхъ ихъ офицеровъ государь сравнялъ въ чинахъ съ старою гвардіей, многимъ изъ нихъ далъ государственныя мѣста, какъ-то: Обольянинова (1) пожаловалъ провіянтмейстеромъ, а потомъ генералъ-прокуроромъ; Аракчеева (2) коммендантомъ петербургскимъ; по времени Кутайсова (3), своего брадобрѣя, изъ полоненныхъ Турокъ, графомъ и оберъ-гофъ-шталмейстеромъ двора (то былъ его первый любимецъ), давъ имъ великія имѣнія. Дико было видѣть гатчинскихъ офицеровъ вмѣстѣ съ старыми гвардейскими; эти были изъ лучшаго русскаго дворянства, болѣе придворные, нежели фрунтовые офицеры; а тѣ кромѣ фрунта ничего не знали, безъ малѣйшаго воспитанія, и были почти оборышъ изъ арміи; ибо какъ они не могли быть употреблены въ войнѣ, и кромѣ переходовъ изъ Гатчины въ Павловскъ и изъ Павловска въ Гатчину ни куда не перемѣщались, потому мало и было охотниковъ служить въ гатчинскихъ войскахъ. Однакожь нѣсколько было изъ нихъ и благонравныхъ людей, хотя безъ особливаго воспитанія, но имѣющихъ здравый разсудокъ и къ добру склонное расположеніе, а потомъ, пріобыкши къ важнѣйшимъ должностямъ, они служили съ пользой государству.

Всѣ генералы, начиная отъ фельдмаршала, сдѣланы были

націи Павла I, вмѣстѣ съ Эльмтомъ. При восшествіи на престолъ Павла, этого званія были удостоены: графъ И. П. Солтыковъ, графъ Н. И. Солтыковъ, князь Н. В. Репнинъ и графъ И. Г. Чернышевъ. Такимъ образомъ въ пять мѣсяцевъ, въ мирное время, пожаловано было семь новыхъ фельдмаршаловъ.

(1) Михаилъ Михайловичъ Обольяниновъ былъ долгое время впослѣдствіи московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства и умеръ въ сороковыхъ годахъ.

(2) Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ, генералъ отъ артиллеріи, род. 1769, ум. 1834. Онъ особенно прославился учрежденіемъ военныхъ поселеній при Александрѣ I, и едва ли былъ кто-нибудь не популярнѣе Аракчеева.

(3) Графъ Иванъ Павловичъ Кутайсовъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, ум. 9 января 1834.

шефами полковъ, а въ недостающіе полки произведены полковники въ генералъ-майоры. Такое вдругъ множество явилось генераловъ, и такое скорое производство потеряло уваженіе къ онымъ, равно какъ и къ орденамъ, ибо императоръ не раздавалъ, а разметывалъ ихъ.

Онъ перемѣнилъ мундиры, одѣлъ всю армію на манеръ прусскій прошлаго вѣка, тоже и самый прусскій, старый военный уставъ издалъ къ исполненію, введя совсѣмъ новый родъ службы, такъ что старые генералы не болѣе знали новую службу какъ и вновь-произведенные прапорщики; старымъ людямъ, сдѣлавшимъ навыкъ къ прежнему обряду, трудно не только было отправлять ее, но даже и понять. За то ежедневно одни отставлялись, другіе исключались, многіе генералы съ дарованіями принуждены были оставить службу; но тѣмъ не менѣе производство шло съ непостижимою скоростію, такъ что, едва получа одинъ чинъ, какъ уже и въ другой производились. Служащимъ въ отдаленныхъ корпусахъ еще нѣсколько было полегче, а тѣмъ, которые были ближе, несравненно было труднѣе. Самъ графъ А. В. Суворовъ пострадалъ; сказывали, что онъ передъ разводомъ показывалъ свою блажность, говоря: *пукли не пушка, коса не тесакъ, а я не Прусакъ, я фельдмаршалъ въ полѣ, а не при паролѣ.* Удивительно, что сей тонкій человѣкъ говорилъ такія рѣчи, которыя не сходствовали съ его умомъ. Государю о томъ донесли, и онъ послалъ за нимъ фельдъегеря, съ которымъ онъ пріѣхалъ и явился на другой день на вахтъ-парадѣ.

Вскорѣ онъ сосланъ былъ въ свои деревни, въ Новогородской губерніи находящіяся, гдѣ и проживалъ подъ присмотромъ земской полиціи, до назначенія его командовать россійско-австрійскою арміей въ Италіи противъ Французовъ.

Строгость касательно военныхъ была черезмѣрна. За бездѣлицу исключались изъ службы, заточались въ крѣпость и ссылались въ Сибирь; аресты считались за ничто; бывало по нѣскольку генераловъ вдругъ арестованныхъ на гауптвахтѣ. Гражданскимъ чиновникамъ и частнымъ лицамъ было не легче. Вмѣстѣ же съ симъ изливались великія милости. Если гнѣвъ государя сколько-нибудь замедлитъ наказаніемъ, то тѣ же самые люди не только приходили въ милость, но и осыпались благодѣяніями. Можно сказать, что онъ совсѣмъ былъ не злопамятенъ; бывали времена, и не рѣдко онъ показывалъ благородную душу и къ добру расположенное сердце. Думать надобно,

что ежелибы онъ не претерпѣлъ столько неудовольствій въ продолжительное царствованіе Екатерины II, характеръ его не былъ бы такъ раздраженъ, и царствованіе его было бы счастливо для Россіи, ибо онъ помышлялъ о благѣ оной. Но или онъ не имѣлъ способности къ тому, или не могъ переломить крутой свой нравъ и принять благоразумнѣйшія мѣры. Словомъ, царствованіе его для всѣхъ было чрезвычайно тяжело, особливо для привыкшихъ благоденствовать подъ кроткимъ правленіемъ обожаемой монархини. Конечно, и при ней были несправедливости, но онѣ были чрезвычайно рѣдки и претерпѣвали ихъ частныя лица, но не все цѣлое; совершенства во всемъ мірѣ нѣтъ.

По вступленіи на престолъ, государь тотчасъ прекратилъ персидскую войну, приказавъ полкамъ выступить изъ персидскихъ предѣловъ каждому по себѣ и съ шахомъ утвердилъ миръ.

Чтобы привязать къ себѣ духовенство, сталъ жаловать оное орденами.

1797. Въ концѣ марта 1797 года государь прибылъ въ Москву, а въ апрѣлѣ короновался. Щедроты свои, по обыкновенію, расточалъ, жаловалъ чинами, орденами и раздавалъ казенное имущество и деревни. Послѣ чего черезъ Смоленскъ отправился въ Петербургъ.

Бывшіе шесть оренбургскихъ полевыхъ батальйоновъ, соединя по два, государь назвалъ полками; третій батальйонъ, которымъ я командовалъ, поступилъ со вторымъ въ Уфимскій полкъ, шефомъ коего сдѣланъ генералъ-майоръ графъ А. Ф. Ланжеронъ (1). Инспекторомъ войскъ, находившихся въ Уфимской, Казанской и Пермской губерніяхъ, тожь оренбургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ и шефомъ Рыльскаго пѣхотнаго полка генералъ отъ инфантеріи (а) Игельстромъ, котораго изъ деревень его государь вызвалъ, но скоро уже къ нему оказалъ неблаговоленіе. Причиной сего было слѣдующее: черезъ

---

(1) Графъ Александръ Ѳедоровичъ Ланжеронъ, генералъ отъ инфантеріи, род. 13 января 1763, ум. 4 іюля 1831. Онъ былъ родомъ Французъ, сражался съ Лафайетомъ за американскую независимость и эмигрировалъ въ Россію въ 1790 году. Онъ прославился какъ боевой генералъ, и какъ новороссійскій генералъ-губернаторъ (1816—1823), сдѣлалъ много пользы.

(а) Генералъ-аншефы названы генералами отъ инфантеріи и генералами отъ кавалеріи; генералъ-поручики генералъ-лейтенантами.

нѣсколько времени по назначеніи его на сіе мѣсто спросилъ его императоръ, много ли ему лѣтъ? тотъ ему отвѣчалъ, что ему сто лѣтъ. «Какъ?» спросилъ государь. Игельстромъ отвѣчалъ: «шестьдесятъ лѣтъ отъ роду и сорокъ лѣтъ службы.» Императоръ счелъ, что сей нѣмецкій каламбуръ означалъ, что онъ не хочетъ служить, и, обернувшись, сказалъ тутъ бывшимъ: «я его вытащилъ изъ навозной кучи, а онъ уже отговаривается дряхлостію.»

Игельстромъ чуть было меня не сдѣлалъ несчастливымъ, и вотъ въ какомъ случаѣ: былъ полковникъ князь П. В. Мещерскій (а), сверхъ комплекта, въ Оренбургскомъ драгунскомъ полку; онъ выпросилъ отъ корпуснаго своего командира С. К. Вязмитинова ордеръ, чтобы пребывать въ Москвѣ, какъ не имѣющему никакого дѣла въ полку. Зять мой, по его просьбѣ, далъ ему повелѣніе, чтобы собиралъ изъ всѣхъ нижнихъ чиновъ, бывшихъ при коммиссаріатѣ Оренбургскаго корпуса, какъ скоро въ нихъ не будетъ надобности, для отправленія ихъ къ своимъ полкамъ и батальйонамъ. Такимъ образомъ, онъ отправилъ шесть человѣкъ въ мой батальйонъ при своемъ сообщеніи; но ко мнѣ явились только пятеро, а одного Мещерскій оставилъ при себѣ. На трехлѣтнее избираніе новыхъ предводителей и судей въ Симбирскѣ, зять мой поѣхалъ туда и меня взялъ съ собою, куда и Мещерскій изъ Москвы прибылъ, и просилъ меня, чтобъ имъ оставленнаго моего солдата оставилъ при немъ. Но какъ я самъ собою сего сдѣлать не осмѣлился, то и спросилъ на то повелѣнія моего зятя, на что̀ онъ словесно и приказалъ. Мещерскій изъ Симбирска отправился опять въ Москву, и съ тѣхъ поръ я не имѣлъ никакого извѣстія, гдѣ онъ. Игельстромъ, разсмотрѣвъ отлучную вѣдомость бывшаго моего батальйона, замѣтилъ, что сказанный солдатъ числится при полковникѣ

(а) Онъ былъ потомъ генералъ-майоромъ и шефомъ С.-Петербургскаго драгунскаго полка. Вошелъ въ доносъ, что будто дѣлается противъ императора заговоръ въ его полку дворянствомъ Смоленской губерніи, гдѣ тотъ полкъ квартировалъ; поводомъ сего было: нѣсколько молодыхъ шалуновъ шутили насчетъ странныхъ мундировъ и многаго бывшаго смѣшнаго, что̀, конечно, предосудительно, но о заговорѣ никакого помышленія не было; однакожь многіе пострадали. Симъ доносомъ Мещерскій вошелъ въ милость императора, былъ гофмаршаломъ двора, по самый конецъ жизни государя, и директоромъ театра (1).

(1) Князь Прокофій Васильевичъ Мещерскій славился своимъ остроуміемъ и свѣтскими талантами.

князѣ Мещерскомъ, и требовалъ отъ меня, по какому повелѣнію онъ у него находится. Я донесъ, что по словесному повелѣнію бывшаго корпуснаго командира Вязмитинова; на это онъ приказалъ мнѣ сказать, что словеснаго приказанія онъ не принимаетъ, и даетъ мнѣ сроку двѣ недѣли отыскать того солдата, а по истеченіи того срока, если тотъ солдатъ не будетъ отысканъ, представитъ государю императору. Гдѣ былъ тогда князь Мещерскій, и какъ отыскать его въ такое короткое время? Ожидалъ я понести строгое наказаніе и можетъ-быть даже быть разжалованнымъ. Но къ счастію моему, получено отношеніе отъ смоленскаго военнаго губернатора Философова, что сказанный солдатъ по болѣзни опредѣленъ имъ въ смоленскій гарнизонный полкъ, чѣмъ это и кончилось. Однакожь Игельстромъ долго былъ ко мнѣ худо расположенъ, что̀ можно будетъ увидѣть въ послѣдствіи.

Шефъ нашъ графъ Ланжеронъ прибылъ въ полкъ, и мы съ нимъ сдѣлались друзьями, каковыми остались навсегда. Графъ хотѣлъ видѣться съ своимъ инспекторомъ и просилъ его позволенія пріѣхать къ нему въ Оренбургъ; но какъ отъ своего мѣста никому, безъ особливаго позволенія государя, отлучаться не позволялось, то Игельстромъ увѣдомилъ его, что онъ самъ хочетъ его видѣть, но позволить пріѣхать въ Оренбургъ не смѣетъ, а чтобы Ланжеронъ выѣхалъ къ нему инкогнито въ Бугульму, когда онъ поѣдетъ по инспекціи. Графъ, будучи имъ извѣщенъ, туда ѣздилъ, и по возвращеніи своемъ спросилъ меня: не сдѣлалъ ли я какого неудовольствія Игельстрому? Я почти ему былъ не извѣстенъ и никогда не было къ тому случая. Графъ мнѣ признался, что Игельстромъ предостерегалъ его, чтобы былъ со мною осторожнымъ, какъ съ человѣкомъ безпокойнымъ и большимъ интриганомъ, но графъ меня довольно коротко узналъ и послѣ въ дружбѣ своей ко мнѣ не раскаивался.

Императоръ послалъ во всѣ инспекціи гатчинскихъ генераловъ и штабъ-офицеровъ, учить обряду, порядку и фрунтовой службѣ. Въ нашу инспекцію и сибирскую, посланъ былъ майоръ Эртель (1). Онъ пріѣхалъ въ Оренбургъ въ то время, когда Игельстромъ объѣзжалъ инспекцію; штабъ-офицеры Рыль-

---

(1) Ѳедоръ Ѳедоровичъ Эртель особенно сдѣлался извѣстенъ своею распорядительностію какъ с.-петербургскій оберъ-полицеймейстеръ, должность котораго занималъ съ 1802 по 1808 годъ.

скаго полка были состарѣвшіеся въ прежней службѣ, а по тому, что̀ онъ имъ показывалъ и толковалъ, они ничего не поняли. Оттуда Эртель поѣхалъ по линіи и въ Сибирь. Уже на возвратномъ пути пріѣхалъ онъ въ Уфу, гдѣ квартировалъ нашъ полкъ. Мы не удовольствовались его словесными толкованіями, а сформировавъ батальйонъ, потребовали, чтобъ онъ показалъ все сказанное въ уставѣ, что̀ долженъ замѣчать батальйонный командиръ во всякомъ оборотѣ, то же и офицеры. Похвалюсь, что я былъ хорошій фрунтовой офицеръ; эволюціи были просты, требовались только одна точность и мелочи удобопонятныя, почему Уфимскій полкъ былъ выученъ какъ нельзя лучше по новому уставу, но Рыльскій полкъ учился по старому обряду.

За отдаленіемъ, кромѣ общихъ анекдотовъ, касающихся двора и всего происходившаго, мало доходило до моего свѣдѣнія.

Въ концѣ сего года скончался знаменитый нашъ полководецъ, графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ-Задунайскій; государь на всю армію наложилъ трехдневный трауръ (1).

1798. Императоръ принялъ титулъ магистра державнаго ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго (2); почему хотѣлъ имѣть островъ Мальту въ своемъ владѣніи; уже назначены были туда военный губернаторъ и коммендантъ. Съ Турками и Англичанами заключилъ союзъ противъ Французовъ; послана была эскадра въ Средиземное море и вмѣстѣ съ турецкою дѣйствовали; капитанъ флота 2-го ранга Белли съ небольшимъ числомъ войска занялъ Неаполь; государь, получа о томъ донесеніе, сказалъ: «онъ меня удивилъ, да и я его удивлю». Послалъ ему орденъ Св. Анны 1-й степени. Кромѣ Белли, въ полковничьемъ чинѣ никогда никто таковаго не имѣлъ.

Въ 1798 году я пожалованъ въ полковники, а въ февралѣ полкъ получилъ повелѣніе идти на *ревю* въ Казань, гдѣ всѣ

---

(1) Тутъ авторъ ошибается: Румянцовъ умеръ 8 декабря 1796 года.

(2) Орденъ Святаго Іоанна Іерусалимскаго учрежденъ былъ во время крестовыхъ походовъ, въ XII вѣкѣ. Первымъ великимъ магистромъ его былъ Раймондъ Подіо, умершій въ 1160 году. Пребываніе ордена на островѣ Мальтѣ обезпечено ордену (до того времени находившемуся на Родосѣ) жалованною грамотой императора Карла V, въ 1530 году. При великомъ магистрѣ Фердинандѣ Гомпешѣ, Французы прогнали орденъ съ острова Мальты. Орденъ прибѣгнулъ подъ защиту императора Павла, который сдѣлался 71-мъ великимъ его магистромъ, принявъ это званіе 29 ноября 1798 года.

пѣхотные полки той инспекціи должны быть собраны, куда и государь намѣревался прибыть.

Игельстромъ предписалъ, чтобы полки, идя на ревю, сообразжались съ уставомъ. Какъ еще въ томъ краю, въ сіе время, бываетъ сильная зима, по дорогѣ же селенія разнаго рода Татаръ малыя и рѣдкія, то онъ и приказалъ Уфимскому полку, чтобы за шефскимъ батальйономъ чрезъ день слѣдовалъ полковничій батальйонъ, а за онымъ чрезъ день гренадерскія роты съ артиллеріей, при полку находившеюся, и гошпиталь.

Взошедъ я съ батальйономъ на большую оренбургскую дорогу, остановился на ночлегъ, Казанской губерніи, въ деревнѣ Ерыклы, принадлежавшей помѣщику Рыбушкину, гдѣ онъ самъ и проживалъ. Адъютантъ Игельстрома, проѣхавъ, сказалъ мнѣ, что генералъ проситъ меня приказать приготовить ему квартиру въ сей деревнѣ для ночлега. Я выпросилъ у помѣщика для генерала въ его домѣ двѣ комнаты, а мнѣ занята была квардира не подалеку: изба, которая одна и была только съ трубой, а прочія всѣ избы были черныя; я поставилъ въ квартирѣ его высокопревосходительства двухъ часовыхъ, какъ сказано въ уставѣ, кромѣ знаменнаго караула при въѣздѣ и выѣздѣ при ефрейторѣ, по три человѣка. Изготовя рапортъ, со всѣми офицерами въ шарфахъ, ожидалъ я инспектора.

Чтобы видѣть проходящія войска, съѣхались изъ окольныхъ деревень родные и знакомые помѣщика Рыбушкина, и въ числѣ ихъ много было дамъ, которыя съ хозяйкой вышли встрѣтить украшеннаго сѣдинами генерала.

Какъ скоро вышелъ онъ изъ кареты, я подалъ ему рапортъ; вдругъ спросилъ онъ меня, указывая на дамъ: — Это кто? «Это хозяйки дома, сказалъ я, въ которомъ приготовлена квартира для вашего высокопревосходительства.« — Какъ, вы хотите надо мною, надъ старикомъ, шутить, г-нъ полковникъ? Время мое волочиться уже прошло; я вамъ это уступаю; вы можете занять мою квартиру, а я пойду въ вашу. «Моя квартира очень дурна и даже очень не опрятна.»—Я солдатъ; въ теченіи моей службы имѣлъ всякія квартиры, ведите меня туда. Только что вошли мы въ оную, какъ онъ меня спросилъ: —Гдѣ ваша гауптвахта и ваши пикеты? «Въ главахъ устава, когда идутъ полки на ревю, сказано имѣть только одинъ знаменный караулъ.» — Какъ, г-нъ полковникъ, вы хотите меня учить? «Я докладываю вашему высокопревосходительству свое оправданіе.»—Нѣтъ, г-нъ полковникъ, въ уставѣ сказано: на-

добно имѣть гауптвахту изъ цѣлой роты и пикеты на каждомъ въѣздѣ, при двухъ офицерахъ и по шестидесяти рядовыхъ. «Ваше высокопревосходительство, то сказано о кантониръ-квартирахъ.» — А это развѣ не кантониръ-квартиры? «Я думалъ, что кантониръ-квартиры бываютъ въ военное время и когда непріятель угрожаетъ нападеніемъ, или для иныхъ политическихъ видовъ, гдѣ надобно брать предосторожности.» — Вы меня опять начали учить? «Какъ мнѣ осмѣлиться?» — Для чего же вы не исполняете, по уставу и моему предписанію? «Я докладывалъ, что исполнялъ какъ сказано въ главѣ, когда полки идутъ на ревю.» — Вы меня учить хотите, такъ какъ и вашего шефа, и вѣрно, по наученію вашему, онъ идетъ тѣмъ же порядкомъ. «Я соображался и исполнялъ его приказанія.» Этотъ разговоръ или, лучше сказать, его выговоры продолжались часа два; наконецъ онъ насилу меня отпустилъ и на другой день поутру рано уѣхалъ.

Я помѣстилъ сію ничтожную сцену, единственно чтобы показать, къ чему я долженъ былъ готовиться, когда мы предстанемъ передъ императоромъ Павломъ, передъ которымъ все трепетало. Дурное расположеніе ко мнѣ инспектора, который, почти не зная меня, готовъ былъ при малѣйшемъ случаѣ меня погубить, я не могу понять. Какой злой духъ могъ такъ вооружить его противъ меня?

Наконецъ весь нашъ полкъ соединился въ селѣ Алексѣевскомъ, отстоящемъ отъ Казани во ста верстахъ, по лѣвой сторонѣ Камы, принадлежавшемъ помѣщику Сахарову, и въ которомъ считается около трехъ тысячъ душъ. Туда черезъ нѣсколько времени и Рыльскій полкъ прибылъ; тутъ мы простояли всю весну, отдыхали и учились, чтобы предстать во всей исправности передъ императора.

На другой день прибытія моего въ Алексѣевское, мой батальйонъ наряженъ былъ въ караулъ, и при вахтъ-парадѣ смѣшное случилось происшествіе. Командовалъ вахтъ-парадомъ майоръ Зенкевичъ, хорошо знающій фрунтъ прежней и новой службы. Игельстромъ приказалъ формировать изъ средины полъ-дивизіонную колонну, чего въ Павловскомъ уставѣ не было, почему офицеры и забыли. Майоръ спросилъ: какъ прикажете? По старому?—Какъ по старому? велите формировать колонну. Майоръ опять спросилъ: какъ прикажете? Тутъ Игельстромъ вышелъ изъ себя, сталъ самъ командовать старымъ и охриплымъ голосомъ; никто его не понималъ; онъ вы-

водилъ взводы и наконецъ, приведя все въ безпорядокъ, кричалъ: «Я несчастный! Государь исключитъ меня изъ службы, и этимъ буду я обязанъ этому полку.» Подходилъ къ Ланжерону и сказывалъ, какъ было въ саксонской службѣ, гдѣ онъ былъ капитаномъ до вступленія его въ россійскую службу, а тотъ отвѣчалъ, какъ бывало во французской службѣ. Кончилось на мнѣ, что всему я виноватъ.

Послѣ несчастнаго сего вахтъ-парада, пошли мы къ нему на квартиру; тутъ меня онъ атаковалъ: чему мы учились? Я отвѣчалъ: «Всему тому, что̀ сказано въ уставѣ и какъ намъ показалъ Эртель.» — Эртель ничему не училъ, сказалъ онъ, кромѣ порядка вахтъ-парада. Я ему объяснилъ, что когда Эртель пріѣхалъ къ намъ въ Уфу, то, по требованію нашему, онъ намъ показалъ всѣ эволюціи батальйоннаго ученія. Тогда Игельстромъ увидѣлъ, что его полкъ не имѣетъ понятія по новому уставу, а мы напротивъ хорошо приготовлены. Онъ просилъ меня, что, когда полкъ его придетъ, я бы показалъ его штабъ-офицерамъ, и уже я, можно сказать, сдѣлался его любимцемъ, и онъ говорилъ графу Ланжерону, что сожалѣетъ, что имѣлъ обо мнѣ невыгодное мнѣніе, но теперь, узнавъ свою ошибку, почитаетъ себя предо мною виновнымъ.

За то онъ измучилъ безпрестаннымъ ученьемъ свой полкъ, равно какъ и парикмахеровъ, ибо, чтобы болѣе угодить государю, полкъ его былъ причесанъ въ двѣ букли. Онъ безпрестанно твердилъ Ланжерону: «Боюсь за васъ; накладныя букли изъ шляпъ государь не любитъ, и вы увидите, что за то вамъ будетъ бѣда.» Но еслибъ было и такъ, выучить въ три недѣли парикмахеровъ было невозможно, да и безъ того полки были въ страхѣ, знавъ, что когда государь бывалъ въ дурномъ расположеніи (что̀ случалось не рѣдко), какъ бы который полкъ ни былъ исправенъ, все было не въ угоду.

Въ исходѣ мая мы выступили изъ Алексѣевскаго, и расположилась вся инспекція въ десяти верстахъ около Казани, по разнымъ дорогамъ.

Государь прибылъ въ Казань съ великими князьями Александромъ и Константиномъ Павловичами, 3-го іюня, и прогнѣвался на Игельстрома, что войска до прибытія его еще не вступили, приказавъ ему распорядить, чтобы каждый полкъ вступилъ на другой день поутру въ разные часы, такъ чтобъ онъ каждый могъ видѣть особо.

Въ семь часовъ утра вошелъ Екатеринбургскій полкъ въ Си-

бирскую заставу; шефъ онаго былъ изъ гатчинскихъ, генералъ-майоръ Пѣвцовъ. Въ восемь часовъ долженъ былъ войдти Уфимскій полкъ. Всѣ шли съ трепетомъ; я болѣе ужасался, чѣмъ идя на штурмъ Праги.

Государь былъ у самой заставы. Передо мною шелъ батальйонъ шефскій, который перемѣнилъ ногу; я тотчасъ перемѣнилъ также свою, чтобы маршировать согласно съ предыдущимъ батальйономъ. За мною шелъ сверхъ-комплектный подполковникъ кн. Ураковъ, который пооробѣлъ, и не замѣтивъ, что я перемѣнилъ ногу, шелъ по прежнему, какою ногой шелъ весь мой батальйонъ. Государь сказалъ: «Господа штабъ-офицеры, не въ ногу идете.» Я, видя, что иду въ ногу шефскаго батальйона вѣрно, тѣмъ же шагомъ продолжалъ. Тогда государь гнѣвно закричалъ: «Полковникъ Энгельгардтъ не въ ногу идетъ.» Увидѣвши ошибку моего подполковника, оправдываться было не время. Когда весь полкъ прошелъ, ударили подъ знамена; я скомандовалъ: *съ поля*. Надобно объяснить, что дѣлалось это на маршѣ по тремъ флигельманамъ въ четырнадцать пріемовъ, и оканчивалось тѣмъ, что ружья обертывались внизъ дуломъ, а прикладами вверхъ, что̀ было чрезвычайно трудно. Императоръ увидѣлъ, что батальйонъ исправно сіе сдѣлалъ.

Послѣ сего императоръ поѣхалъ смотрѣть Рыльскій полкъ, но онъ уже вошелъ, и полковника того полка Барыкова за болѣзнію не было; все сіе причтено въ вину Игельстрому. Надобно было войдти сперва полку Рыльскому, потомъ Игельстрому быть при государѣ при входѣ всѣхъ полковъ его инспекцій. Въ приказѣ государь объявилъ спасибо, за входъ, Екатеринбургскому и Уфимскому полкамъ.

Ввечеру того дня дворянство давало балъ, который удостоилъ своимъ присутствіемъ императоръ съ великими князьями; также дворянство пригласило на сей балъ пришедшихъ полковъ штабъ-офицеровъ. Государь танцовалъ польской со многими дамами. Увидя военнаго губернатора Лассія въ башмакахъ съ тростью, онъ подошелъ къ нему и сказалъ: «Какъ? Лассій въ башмакахъ и съ тростью?» Тотъ ему отвѣчалъ:—А какъ же? «Ты бы спросилъ у петербургскихъ.»—Я ихъ не знаю. «Видно ты не любишь петербургскихъ; такъ я тебѣ скажу: когда ты въ сапогахъ, знакъ, что готовъ къ должности, и тогда надобно имѣть трость; а когда въ башмакахъ—знакъ, что хочешь куртизировать дамъ, тогда трость не нужна. «Comment, votre majesté, voulez vous qu'à mon âge je sache toutes ces misères? (Какъ

вы хотите, ваше величество, чтобы въ мои лѣта я могъ знать всѣ эти мелочи?) Государь разсмѣялся сему ирландскому отвѣту, ибо Лассій былъ Ирландецъ. Государь, пробывъ часа съ два, отправился въ домъ отставнаго генералъ-майора Лецкаго, гдѣ онъ имѣлъ свое пребываніе.

5-го числа былъ специяльный смотръ на Арскомъ полѣ (на томъ самомъ, гдѣ Михельсонъ разбилъ Пугачова). Когда полки выстроились по уставу, то подскакалъ ко мнѣ бывшій при государѣ бригадъ-майоръ Н. И. Лавровъ, съ которымъ мы были коротко знакомы во время турецкой войны въ Молдавіи, и сказалъ мнѣ: «Не такъ у тебя стоятъ подпрапорщики» (ибо, за нѣкоторое время до вступленія полковъ въ Казань, перемѣнены штаты, и подпрапорщики названы уже были вторыми послѣ фельдфебелей). Видя, что это уже исправлено въ шефскомъ батальйонѣ, который за суетой меня не увѣдомилъ, я перемѣнилъ въ первыхъ двухъ ротахъ, а въ трехъ ротахъ еще не успѣлъ, какъ уже государь подъѣзжалъ къ моему батальйону на флангъ. Я побѣжалъ стать на свое мѣсто; онъ проѣхалъ мимо меня съ суровымъ видомъ. Теперь-то я пропалъ, думалъ я; однакожь, видно, императоръ сего не замѣтилъ. Послѣ мы проходили мимо его церемоніяльномъ маршемъ. Въ приказѣ объявлена была всѣмъ полкамъ благодарность.

6-го числа было ученье, гдѣ мы стрѣляли, на мѣстѣ и маршируя, плутонгами, полудивизіонами и дивизіонами. Когда стали стрѣлять батальйонами, какъ въ первой линіи было пять батальйоновъ и мой батальйонъ былъ на лѣвомъ флангѣ, то мнѣ должно было, изготовясь, не прежде выстрѣлить, какъ когда 2-й батальйонъ Рыльскаго полка, выстрѣливъ, возьметъ ружья на плечо, а какъ сей батальйонъ очень мѣшкалъ, то великій князь Александръ Павловичъ, подъѣхавъ ко мнѣ, сказалъ: «Стрѣляй!» Но я доложилъ ему, что батальйонъ, послѣ котораго мнѣ должно стрѣлять, еще не зарядилъ ружья; хотя онъ мнѣ повторилъ сіе приказаніе раза четыре, но я не спѣшилъ, выждалъ и выстрѣлилъ въ свое время, когда было должно; залпъ былъ удачный. Государь замѣтилъ, что я не торопился исполнить приказаніе его высочества наслѣдника, ибо онъ былъ почти у моего батальйона на флангѣ, и остался доволенъ моею исправностью.

По окончаніи ученья, въ комнатѣ государя и при немъ военный губернаторъ Лассій отдавалъ пароль и приказъ; я тотъ день былъ дежурнымъ и былъ въ кругу съ прочими, принимавшими приказаніе. Государь подошелъ ко мнѣ сзади, поло-

жилъ руку на мое плечо, и пожимая, спросилъ: «Скажи, гдѣ ты выпекся? Только ты мастеръ своего дѣла.» Я руку его, лежавшую у меня на плечѣ, цѣловалъ какъ у любовницы, ибо въ первые два дня я потерялъ бодрость и ожидалъ уже не того, чтобъ обратить на себя его вниманіе, а быть исключеннымъ изъ службы.

Тотъ день приказано было мнѣ быть къ столу. Какъ скоро государь вышелъ изъ внутреннихъ комнатъ, то прямо подошелъ ко мнѣ и спросилъ: «Изъ какихъ ты Энгельгардтовъ, лифляндскихъ или смоленскихъ?»—Смоленскихъ, ваше величество. «Знаю ли я кого изъ твоихъ родныхъ?» — Когда ваше величество въ 1781 году изволили проѣзжать черезъ Могилевъ, отецъ мой тогда былъ тамъ губернаторомъ. «А, помню; у тебя, кажется, была сестра Варвара; гдѣ она теперь?» — Она замужемъ за Наврозовымъ. «Давно ли она вышла замужъ?» —Въ нынѣшнемъ году (тогда ей было тридцать три года). «Не молодою же она вышла отроковицей; а ты гдѣ началъ служить?» — Въ гвардіи. «То-есть по обыкновенію всѣхъ васъ, тунеядцевъ дворянъ; а тамъ какъ?» Я было хотѣлъ пропустить, что былъ адъютантомъ у свѣтлѣйшаго князя, и сказалъ: — А потомъ въ арміи. «Да какъ?» — Взятъ былъ въ адъютанты къ князю Потемкину. «Тьфу, въ какіе ты попалъ знатные люди; да какъ ты не сдѣлался негодяемъ, какъ всѣ при немъ бывшіе? Видно много въ тебѣ добраго, что ты уцѣлѣлъ и сдѣлался мнѣ хорошимъ слугой.» Вскорѣ послѣ того пошли за столъ.

7-е. Были маневры; государь разгнѣвался на Рыльскій полкъ за худую стрѣльбу, а Уфимскимъ былъ доволенъ, особливо моимъ батальйономъ. Когда я прошелъ мимо его церемоніяльнымъ маршемъ и, отсалютовавъ, взялъ эспантонъ въ правую руку и подошелъ къ нему, императоръ сказалъ мнѣ: «Становись на колѣни; видишь какъ ты выросъ; великъ, иначе не могу тебя обнять.» Когда я сталъ на колѣни, онъ поцѣловалъ меня въ обѣ щеки.

8-е. Тоже былъ маневръ, по окончаніи котораго и послѣ отданія приказа, государь пожаловалъ орденъ Св. Анны 2-й степени гр. Ланжерону, который ему сказалъ: «Государь, доставляютъ мнѣ вашу милость труды моего полковника; смѣю увѣрить ваше императорское величество, что ежели полкъ мой имѣлъ счастіе вамъ быть угоденъ, онъ имъ до того доведенъ.» — Знаю, сказалъ государь, у меня и для него есть подарокъ,

а послѣ дамъ ему и болѣе. Послѣ того, подозвавъ меня къ себѣ, приказалъ стать на колѣно, вынулъ изъ ноженъ шпагу, далъ мнѣ три удара по плечамъ и пожаловалъ шпагу съ аннинскимъ крестомъ.

Во все время пребыванія государя въ Казани, всякій день, въ шесть часовъ пополудни, государь выходилъ въ садъ дома Лецкаго, и было объявлено, что онъ желаетъ видѣть въ ономъ саду ежедневно казанскихъ жителей. Со многими дамами и тамошними дворянами онъ говорилъ. Когда встрѣчался онъ съ офицерами Уфимскаго полка, то говорилъ имъ: «Спасибо, господа; вы меня забавляли; я вами очень доволенъ.» Во всякомъ приказѣ Уфимскому полку была похвала.

Послѣ обѣда, передъ выходомъ государя въ садъ, передъ спальней былъ военный губернаторъ Лассій, генералъ-адъютантъ Нелидовъ и графъ Ланжеронъ. Государь, вышедъ изъ спальни, подошелъ къ графу Ланжерону и сказалъ: «Ланжеронъ, ты долженъ принять инспекцію отъ сумасброднаго старика Игельстрома.» — Государь, сказалъ графъ, я не могу. «Какъ! ты отказываешься отъ моей милости?» — Тысяча резоновъ заставляютъ меня отказаться отъ оной; первое, я еще не силенъ въ русскомъ языкѣ. Государь съ большимъ гнѣвомъ отошелъ отъ него на другой конецъ комнаты, и, подозвавъ Нелидова, сказалъ ему: «Поди спроси Ланжерона, какіе остальные резоны заставляютъ его отказаться отъ инспекціи?» Графъ Ланжеронъ отвѣчалъ:—Первый и послѣдній: Игельстромъ мнѣ благодѣтельствовалъ, и я не хочу, чтобы моимъ лицомъ человѣку состарѣвшемуся въ службѣ его императорскому величеству, было сдѣлано таковое чувствительное огорченіе. Не успѣлъ онъ вымолвить, какъ государь подбѣжалъ къ нему съ фуріей, топнулъ ногой, пыхнулъ и скорыми большими шагами ушелъ въ спальню.

Бывшіе тутъ не смѣли тронуться съ мѣста; Лассій сказалъ: «Ланжеронъ, что̀ ты сдѣлалъ? Ты пропалъ.»—Что̀ дѣлать! Слова воротить не можно; ожидаю всякаго несчастія, но не раскаиваюсь; я Игельстрома чрезвычайно почитаю, онъ не разъ мнѣ дѣлалъ добро.

Черезъ полчаса времени, государь вышедъ изъ спальни, подошелъ къ графу и, ударя его по плечу, сказалъ: «Langeron, vous êtes un bon enfant, toujours je me souviendrai de votre généreux procédé». (Ланжеронъ, вы добрый малый; всегда я буду помнить вашъ благородный поступокъ.) Я всегда за удовольствіе

поставлялъ себѣ это разказывать. Сколько приноситъ сіе чести графу Ланжерону, столько, и еще болѣе, императору Павлу I; оно показываетъ, что онъ умѣлъ иногда себя переработать и чувствовать благородство души. Еслибъ онъ окруженъ былъ лучше, говорили бы ему правду и не льстили бы ему изъ подлой корысти, приводя его на гнѣвъ, онъ былъ бы добрый государь. Но когда истина была, есть и будетъ при дворѣ?

Въ тотъ день многіе получили ордена, въ томъ числѣ и гражданскій губернаторъ Козинскій, ближній родственникъ князя Зубова.

9-е. Въ день своего отъѣзда, государь, отдавая приказъ Лассію, сказалъ: «Ты знаешь, что пока при паролѣ приказъ не будетъ отданъ, то никто не долженъ его знать; а этотъ долженъ быть отданъ послѣ моего отъѣзда.» Погодя немного, онъ присовокупилъ: «Ну, Лассій, скажи правду, радъ ты, что я ѣду?»—Очень. «Какъ?»—До сихъ поръ вы думаете, что у насъ очень хорошо, а мы и очень не совершенны; такъ я хочу, чтобы вы уѣхали, будучи въ такомъ о насъ лестномъ мнѣніи; а ежелибы остались долѣе, тогда бы увидѣли больше наши недостатки. «Правда, правда твоя,» сказалъ государь.

Въ девять часовъ государь поѣхалъ въ казанскій дѣвичій монастырь, отслушалъ литургію, которую совершалъ казанскій архіепископъ Амвросій (1), по окончаніи оной, приложившись къ чудотворному образу Казанской Богоматери, онъ заложилъ соборную церковь въ ономъ монастырѣ, на которую пожаловалъ двадцать пять тысячъ рублей; заходилъ въ келью къ игуменьѣ (бывшей изъ дому князей Волховскихъ, казанскихъ дворянъ), и отправился въ путь.

По отъѣздѣ государя былъ вахтъ-парадъ, на которомъ Игельстромъ, съ торжествующимъ видомъ строгаго инспектора, дѣлалъ нѣкоторыя взысканія и замѣчанія; но послѣ, когда отданъ былъ при паролѣ приказъ (адъютантъ его ему оный принесъ), что вмѣсто его инспекторомъ, военнымъ оренбургскимъ губернаторомъ и шефомъ Рыльскаго полка назначенъ пожалованный изъ полковниковъ въ генералъ-майоры, Н. Н. Бахметьевъ, а ему вѣдать только пограничную часть, то онъ, прочтя сей приказъ, такъ измѣнился въ лицѣ, что я думалъ, сдѣлался ему

---

(1) Амвросій Подобѣдовъ, впослѣдствіи митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій, род. 30 ноября 1742, ум. 21 мая 1818.

ударъ. Полкамъ, бывшимъ на ревю, на другой день приказано выступить въ свои квартиры.

По прибытіи императора въ С.-Петербургъ, П. В. Лопухинъ (1) пожалованъ свѣтлѣйшимъ княземъ, а дочь его камеръ-фрейлиной: она пользовалась особливою милостію государя (2), а потомъ выдана была замужъ за князя Гагарина (3).

Въ исходѣ сего года императоръ рѣшился послать свои войска противу Французовъ, для чего генералъ Розенбергъ выступилъ изъ Россіи съ корпусомъ войскъ къ соединенію съ Австрійцами въ Италію; генералъ Корсаковъ (4) въ Швейцарію; генералъ-лейтенантъ Германъ въ слѣдующую весну назначенъ былъ со флотомъ сдѣлать высадку въ Голландію, съ Англичанами, подъ командой герцога Йоркскаго.

1799. Я отпросился въ отпускъ, и въ наступившемъ 1799 году Богъ благословилъ меня супружествомъ, блаженство коего продолжалось двадцать два года и шесть мѣсяцевъ. Въ семъ же году пожалованъ я генералъ-майоромъ и шефомъ того же Уфимскаго полка, а графу Ланжерону данъ полкъ Ряжскій. Въ маѣ государь пожаловалъ мнѣ командорство ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, съ тысячью рублями годоваго дохода. Служа въ турецкую войну и противу Поляковъ усердно и ревностно, былъ я въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, лица отъ непріятеля не отворачивалъ и почти ничего не получилъ. А за марширование на Арскомъ полѣ и удачные батальйонные выстрѣлы получилъ два ордена. Сего же года, въ исходѣ ноября, по просьбѣ моей я отставленъ съ мундиромъ, что̀ при государѣ императорѣ Павлѣ считалось большою милостію (5).

---

(1) Князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ 1 класса и предсѣдатель государственнаго совѣта, род. 1753, ум. 6 апрѣля 1827.

(2) Княжна Анна Петровна род. 8 ноября 1777, ум. 25 апрѣля 1805.

(3) Князь Павелъ Гавриловичъ Гагаринъ, генералъ-адъютантъ, род. 8 января 1777, ум. 2 апрѣля 1850.

(4) Александръ Михайловичъ Римскій-Корсаковъ, генералъ отъ инфантеріи, род. 13 августа 1753, ум. 13 мая 1840. Войско выступило въ походъ за границу въ 1799 году.

(5) Мы имѣемъ въ *Дѣтскихъ годахъ Багрова-внука* любопытный портретъ автора этихъ записокъ во время пребыванія его въ Уфѣ, въ 1795 году, когда онъ былъ полковникомъ. Читатели найдутъ сами въ книгѣ С. Т. Аксакова этотъ портретъ, начинающійся словами: «Изъ

Императоръ, въ минуту своего гнѣва, былъ ужасенъ, но былъ не злопамятенъ. Чувствуя уваженіе къ герою, графу Суворову, бывшему въ опалѣ, и зная какую славу россійское оружіе имъ можетъ пріобрѣсть, начальствуя австро-россійскою арміей противу всюду торжествующихъ Французовъ, онъ вызвалъ славолюбиваго старца изъ ссылки, и столь убѣдительнымъ рескриптомъ, что тотъ забылъ всѣ огорченія и черезъ часъ по полученіи того рескрипта выѣхалъ изъ своего заточенія. Когда онъ явился къ императору, государь въ ту же минуту надѣлъ на него орденъ Св. Іоанна Іерусалимскаго; онъ палъ къ ногамъ его, сказавъ: «Господи, спаси царя». А Павелъ, обнявъ его, сказалъ: «А ты поѣзжай спасать царей.»

Суворовъ, вскорѣ пожалованный въ званіе генералиссимуса, отправился къ арміи, а вслѣдъ за нимъ и великій князь Константинъ Павловичъ. Исторія наполнена его побѣдами; всѣ иностранные писатели и самые Французы не умолчали объ оныхъ. Я довольствуюсь сказать, что онъ лучшихъ французскихъ генераловъ во всѣхъ мѣстахъ въ нарядныхъ баталіяхъ разбилъ; всѣ крѣпости, занимаемыя Французами, взялъ, и очистилъ менѣе нежели въ одну кампанію всю Италію, которую Французы завоевали въ три. Король сардинскій, получивъ обратно Піемонтъ, наименовалъ его своимъ cousin, *родственникомъ*, а государь императоръ Павелъ пожаловалъ его княземъ Италійскимъ. Уже намѣревался онъ перенести оружіе свое внутрь Франціи, но, по интригамъ Австрійцевъ, принужденъ былъ идти въ Швейцарію для соединенія съ Корсаковымъ, но тотъ уже былъ разбитъ Массеною (1). Лишенный всѣхъ способовъ, которыми обѣщали Австрійцы снабдить его, проходилъ онъ съ своею арміей, поражая Французовъ, черезъ тѣ горы, гдѣ путешественники съ опасностію въ маломъ числѣ проѣзжаютъ. Государь, по справедливомъ негодованіи на Австрійцевъ, отозвалъ свои войска въ Россію.

Германъ въ Голландіи, не дождавшись высадки великобританскихъ войскъ, отъ безразсудной запальчивости былъ совершенно разбитъ.

Генералиссимъ князь Италійскій, cousin короля сардинскаго графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій, прибывъ

военныхъ гостей я больше всѣхъ любилъ сначала Льва Николаевича Энгельгардта.» (Стр. 120.)

(1) Здѣсь говорится о битвѣ при Цюрихѣ 14 и 15 сентября 1799 года.

въ С.-Петербургъ, занемогъ, и чрезъ нѣсколько времени смерть прервала преславную жизнь его; государь почтилъ память его трехдневнымъ трауромъ всей арміи.

Бонапарте, прибывъ изъ Египта и сдѣлавшись консуломъ, собралъ русскихъ плѣнныхъ, обмундировалъ въ русскіе мундиры и препроводилъ ихъ къ императору Павлу. Императоръ тѣмъ былъ такъ восхищенъ, что съ Франціей сдѣлалъ миръ. Подъ конецъ своего бурнаго царствованія, сдѣлалъ онъ съ Наполеономъ союзъ, объявилъ войну Англіи и намѣревался черезъ Киргизскую степь и Бухарію послать войска въ Индію. (Но цѣль была заевовать Хиву.) Уже корпусъ войскъ назначенъ былъ выступить изъ Оренбурга, двадцать тысячъ донскихъ козаковъ были уже близь Волги, какъ внезапная смерть Павла I-го прекратила таковое гибельное предпріятіе.

Смерть приключилась государю въ Михайловскомъ замкѣ, 11-го марта 1801 года около полуночи. Царствованіе его продолжалось четыре года и четыре мѣсяца, отъ роду же ему было сорокъ семь лѣтъ и одиннадцать дней (а).

VII. Царствованіе Александра I.

1801 года 12-го марта императоръ Александръ I-й Павловичъ вступилъ на престолъ. Болѣе всего обрадовало Россію, что въ манифестѣ о восшествіи своемъ онъ возвѣстилъ, что будетъ царствовать по сердцу бабки своей великой Екатерины.

(а) Въ Соловецкомъ монастырѣ былъ монахъ Авель, предсказавшій смерть императрицѣ Екатеринѣ и потомъ императору Павлу, со всѣми обстоятельствами краткаго его царствованія. За годъ до смерти императрицы, сей Авель, пришедъ къ настоятелю того монастыря, требовалъ, чтобы довести до свѣдѣнія ея, что онъ слышалъ вдохновенно гласъ, который долженъ онъ былъ ей объявить лично. По многимъ отлагательствамъ и затрудненіямъ, наконецъ донесено было ей, и приказано было его представить: тогда онъ ей объявилъ, что слышалъ онъ гласъ, повелѣвшій ему объявить ей скорую кончину. Государыня приказала его заключить въ Петропавловскую крѣпость. По кончинѣ государыни, императоръ повелѣлъ, освободя его, представить къ нему; тогда онъ ему предсказалъ, сколько продолжится его царствіе государь

Я съ женой въ началѣ сего мѣсяца поѣхалъ изъ Москвы въ приданыя ея казанскія деревни, но за разпутицей принужденъ былъ завесновать въ Нижнемъ-Новгородѣ. Случилось мнѣ быть у князя Грузинскаго, какъ ввечеру, часовъ въ девять, вдругъ вбѣгаетъ почтмейстеръ въ разстроенномъ видѣ, вызываетъ хозяина въ кабинетъ; пробывъ тамъ съ минуту, онъ съ поспѣшностію отправился обратно. Князь отвелъ меня къ сторонѣ и сказалъ: «что проѣхалъ курьеръ, въ казанскую адмиральтейскую контору, съ манифестомъ императора Александра о вступленіи его на престолъ, что подорожная у того курьера печатная по указу Александра I. Время было критическое. «Отчего же нѣтъ съ манифестомъ курьера въ Нижній?» сказалъ я князю. — Пожалуста, никому не говорите; изъ того могутъ произойдти ужасныя послѣдствія. На другой день поутру, нижегородскій купецъ Костроминъ, пришедъ ко мнѣ, сказалъ, что онъ уже дня три ожидалъ сего интереснаго и пріятнаго извѣстія. Несмотря на скрытность, весь городъ зналъ о проѣздѣ того курьера, и всѣ были въ ужасномъ недоумѣніи. Уже на третій день, въ полночь, услышанъ былъ заунывный звонъ соборнаго колокола. Губернаторъ прислалъ ко мнѣ объявить о полученіи манифеста, предлагая мнѣ прибыть въ соборъ къ присягѣ: тогда только отлегло на сердцѣ. Причина замедленія сенатскаго курьера была та, что онъ съ симъ манифестомъ посланъ былъ по пути, сперва въ Ярославль и Кострому, а потомъ уже прибылъ въ Нижній, и отправился въ дальнѣйшія губерніи.

Радость на другой день была общая: другъ друга поздравляли

въ ту же минуту приказалъ его опять заточить въ крѣпость. Смерть однакожь исполнилась въ назначенный срокъ. При вступленіи на престолъ Александра I, онъ былъ освобожденъ. За годъ до нападенія Французовъ, Авель предсталъ передъ императоромъ и предсказалъ, что Французы вступятъ въ Россію, возьмутъ Москву и сожгутъ. Государь приказалъ его опять посадить въ крѣпость. По изгнаніи непріятелей онъ былъ выпущенъ. Сей Авель послѣ того былъ долго въ Троицко-Сергіевой Лаврѣ и Москвѣ; многіе изъ моихъ знакомыхъ его видѣли и съ нимъ говорили: онъ былъ человѣкъ простой, безъ малѣйшаго свѣдѣнія и угрюмый; многія барыни, почитая его святымъ, ѣздили къ нему, спрашивали о женихахъ ихъ дочерей, онъ имъ отвѣчалъ, что онъ не провидецъ, и что онъ тогда только предсказывалъ, когда вдохновенно было велѣно ему, что̀ говорить. Съ 1820 года уже болѣе никто не видалъ его, и не извѣстно куда онъ дѣвался.

и обнимали, какъ будто Россія была угрожаема нашествіемъ варваровъ и освободилась.

Императоръ Александръ I началъ тѣмъ, что тотчасъ заключилъ миръ съ Англіей, которой флотъ подъ командой Нельсона подступилъ къ Ревелю. Послалъ повелѣніе донскимъ козакамъ, слѣдовавшимъ къ Волгѣ, въ Симбирской губерніи, возвратиться на Донъ; въ прошломъ царствіи всѣхъ сосланныхъ въ Сибирь и содержащихся въ крѣпостяхъ повелѣлъ освободить; возобновилъ совѣстные суды, уничтоженные Павломъ.

Вотъ что̀ разказывалъ мнѣ Александръ Дмитріевичъ Балашевъ (въ сіе время былъ онъ генералъ-майоромъ, въ Ревелѣ военнымъ губернаторомъ и командующимъ сорока-тысячнымъ корпусомъ прибрежнаго войска). Когда англійскій флотъ подошелъ къ Ревелю, а нашъ флотъ за льдомъ не могъ выйдти на рейдъ, то произошла такая тревога, что не знали, что̀ и дѣлать. Адмиралъ Нельсонъ прислалъ къ Балашеву просить позволенія наливаться водой. На это Балашевъ отвѣчалъ, что не только онъ не можетъ то позволить, но ежелибы можно было, онъ бы лишилъ его и той воды, которую его флотъ имѣетъ. Нельсонъ прислалъ вторительно сказать, что онъ удивляется таковому отказу, когда миръ заключенъ между обѣими державами, въ удостовѣреніе чего онъ пріѣдетъ къ нему въ крѣпость безъ оружія со всѣми флагманами и капитанами кораблей. Балашевъ просилъ сдѣлать ему сію честь, а самъ съ донесеніемъ отправилъ къ императору курьера, который разъѣхался съ посланнымъ отъ государя къ Балашеву съ извѣстіемъ о заключеніи мира.

Нельсонъ на шлюпкахъ, со всѣми имъ объявленными, прибылъ въ Ревель, и Балашеву рекомендовалъ своихъ подчиненныхъ: такой-то—первый атаковалъ при Абукирѣ французскій флотъ, такой-то—первый прошелъ черезъ Зундъ, и т. д. Балашевъ угостилъ гостей какъ можно лучше, послѣ чего отправились они на свой флотъ, и какъ скоро оный налился водою, то и отправился обратно съ положенною съ обѣихъ сторонъ пушечною салютаціей.

Въ августѣ государь императоръ прибылъ въ Москву короноваться. Народъ встрѣтилъ его съ превеличайшимъ восхищеніемъ.

Торжество коронаціи было великолѣпно: Александръ, молодой, прекрасный мущина, въ коронѣ и мантіи, былъ идеалъ мо-

нарха, обѣщавшаго быть образцомъ всѣхъ государей и отцомъ своихъ подданныхъ.

1806. Государь издалъ манифестъ о войнѣ, учредилъ милицію, раздѣля Россію на семь областей; далъ власть главнокомандующимъ оными наравнѣ съ главнокомандующимъ за границею. Я былъ избранъ казанскимъ дворянствомъ въ губернскіе начальники. Конечно, милиція сама собой не могла дѣйствовать: 1-е, не было оружія, хотя дворянство и всякаго званія люди жертвовали ружья и сабли (а при томъ знатныя суммы денегъ); но онаго было столь мало, что въ казанской милиціи на восемь тысячъ человѣкъ ружей не было и 500. При томъ еще они были разнокалиберныя, охотничьи, безъ штыковъ, для чего вооружены были пиками, наподобіе штыковъ. 2-е, дворянство, вступившее въ милицію поголовно, давно уже отстало отъ военной службы; иные состарѣлись, другіе облѣнились, и много было такихъ, которые почти никогда не служили въ военной службѣ, а только въ гражданской. Однакоже ратники отчасти научены были строиться безъ вытяжки, маршируя равняться; собранныя ружья розданы были по частямъ, и люди научены были заряжать и стрѣлять въ цѣль. Ежелибы милицію подвигали частями къ дѣйствующей арміи и замѣщали ратниками убыль, въ сраженіяхъ послѣдовавшую, вмѣстѣ съ прочими размѣщенными по полкамъ, то армія всегда была бы въ комплектѣ. Въ таковомъ видѣ, милиція большую могла бы принести пользу, а особливо въ своихъ границахъ.

Когда уѣздные начальники принимали ратниковъ, то я предписалъ, чтобъ они отмѣчали въ спискахъ тѣхъ, которые были по промыслу стрѣлки, то-есть: въ Казанской губерніи, въ Царевококшайскомъ и Козьмодемьянскомъ уѣздахъ, Черемисы промышляютъ стрѣляніемъ дичи, и закупщики изъ Москвы по заморозамъ покупаютъ оную въ большомъ числѣ. Также сіи Черемисы бьютъ дробовиками бѣлокъ, и чтобы не испортить шкуру, мѣтятъ ее въ носъ; охотники сіи ходятъ по одиначкѣ на медвѣдей съ однимъ ружьемъ и рогатиною. Когда я представилъ списки набраннымъ ратникамъ, объѣзжавшему VII-ю область главнокомандующему князю Юрію Владиміровичу Долгорукому, то онъ, увидя отмѣтку: «по промыслу стрѣлокъ», спросилъ меня, что̀ это значитъ? Когда я ему пояснилъ, то онъ сказалъ: это будутъ егеря лучше тѣхъ, которые въ арміи. По поводу чего онъ представилъ императору, чтобъ изъ каждой

губерніи его области сформировáть изъ таковыхъ по батальйону стрѣлковъ и отправить въ армію, на чтò государь и изволилъ указать. Я сформировалъ тотъ батальйонъ стрѣлковъ и отправилъ въ Смоленскъ; тамъ его обмундировали, дали негодныя ружья и начали учить стрѣлять, прикладываясь по принятому образу регулярныхъ войскъ, вмѣсто того чтобъ оставить сихъ стрѣлковъ цѣлить, какъ они привыкли, и стрѣлять безъ промаха; а потому они не могли уже оказать ту пользу, какой я отъ нихъ ожидалъ.

Милицію велѣно распустить, съ позволеніемъ помѣщикамъ и казеннымъ поселянамъ взять обратно тѣхъ ратниковъ, коихъ пожелаютъ, а которыхъ пожелаютъ оставить на службѣ, тѣмъ дать зачетныя рекрутскія квитанціи, оставшимся на службѣ сдѣлать разборъ: рослыхъ и лучшихъ людей въ гвардію, потомъ въ армію, потомъ въ гарнизоны, потомъ въ крѣпостную работу, а уже совсѣмъ неспособныхъ—въ пожарную команду. Всѣмъ служившимъ въ милиціи дворянамъ даны золотыя медали на владимірской лентѣ, и позволено имъ носить милиціонные мундиры съ отличіемъ, какія мѣста они занимали; многіе награждены орденами, въ числѣ которыхъ и я получилъ орденъ Св. Анны 2-й степени, украшенный алмазами.

Изъ казанской милиціи поступило въ гвардію, армію и гарнизоны болѣе 4 тысячъ человѣкъ, на оружейный Ижевскій заводъ Вятской губерніи, учреждавшійся г-мъ Дерябинымъ, 2 тысячи человѣкъ. Назначенныхъ въ армію и гарнизоны приказано было отправить на подводахъ въ кавказскій корпусъ, раздѣля по 500 человѣкъ въ партію, и каждую при двухъ начальникахъ изъ дворянъ, служившихъ въ милиціи, и съ обѣщаніемъ, которые доведутъ исправно, наградить ихъ слѣдующими чинами.

По сдачѣ отчета въ людяхъ, суммахъ и провіантѣ, отправился я въ Москву. Отправленныя мною команды на Кавказъ не скоро доставили мнѣ квитанціи въ доставленіи ратниковъ, ибо задержаны были, при возвращеніи, въ карантинахъ, по случаю бывшей тамъ заразы; между тѣмъ военный министръ, графъ Аракчеевъ, въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ объявилъ благодарность чиновникамъ, отводившимъ ратниковъ, что они исправно доставили ихъ, почти всѣхъ здоровыхъ, и ни одного изъ нихъ не бѣжало.

1812. Я былъ въ Казани, какъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* увидѣлъ о взятіи Смоленска. Отецъ мой былъ тамъ въ своихъ

деревняхъ. Неизвѣстность, что съ нимъ случилось, чрезвычайно меня тревожила. Между тѣмъ поѣхалъ я съ моимъ семействомъ въ Симбирскую губернію къ свояченицѣ моей Л. П. Чирковой, жившей отъ Симбирска во ста верстахъ. Тутъ получены были вѣдомости о славной бородинской баталіи, одержанной М. Л. Кутузовымъ, посланнымъ принять начальство надъ всею арміей, настояніемъ императрицы Маріи, матери государя, и всѣхъ тамъ бывшихъ преданныхъ любезному нашему отечеству (а). Удачная его баталія, а болѣе еще, что онъ командовалъ арміей, оживила всѣхъ Русскихъ. Ожидали, что Наполеонъ, принужденъ будучи въ первый разъ своей жизни отступить къ прежней своей позиціи, оставя поле сраженія, будетъ ретироваться. Тѣмъ болѣе обнадежены были, что Кутузовъ въ реляціи сказалъ, что на другой день пойдетъ атаковать Французовъ.

Посланъ былъ отъ насъ за почтою въ Симбирскъ нарочный, котораго ожидали съ нетерпѣніемъ; но цѣлыя сутки человѣкъ не пріѣзжалъ, и пріѣхалъ уже черезъ день, сказавъ, что почта не приходила. Тогда поняли мы, что случилось важное несчастіе. Я уговорилъ свояченицу ѣхать съ нами въ Казань, гдѣ скорѣе можно получать извѣстія и по онымъ предпринять нужныя вообще мѣры. Надобно было проѣзжать деревню на большой Московской дорогѣ, бывшую Р. Е. Татищева, у котораго мы имѣли ночлегъ. Тутъ мы увѣдомились, что сенатъ и многія мѣста правленія изъ Москвы выпровождены, частные люди, которые могли, выѣхали, и тутъ же увидѣли изъ Москвы проѣзжающую въ свои деревни графиню Орлову со многими съ нею бывшими.

На другой день хозяинъ нашъ получилъ письмо отъ Волкова, бывшаго въ Москвѣ полицеймейстеромъ, повергшее насъ въ неизъяснимую горесть: онъ въ ономъ увѣдомлялъ, что наша армія ретировалась черезъ Москву, и Наполеонъ въ тотъ же день въ нее вступилъ, предалъ пламени древнюю нашу столицу, и кромѣ стѣнъ каменныхъ домовъ и груды кирпичей въ Москвѣ ничего не осталось.

Прибывъ въ Казань, мы уже тамъ нашли сенатъ московскихъ

(а) Иные увѣряютъ, что генералы, видя несогласіе главнокомандующихъ двухъ армій, послали просить государя прислать для командованія оными Кутузова, какъ старшаго генерала во всей арміи.

департаментовъ, институты Екатерининскій и Александровскій, чиновниковъ и воспитанниковъ воспитательнаго дома, ломбардъ онаго съ вещами и суммами опекунскаго совѣта, и множество всякаго званія жителей московскихъ. Нѣкоторые изъ нихъ выбрались въ самый день сдачи Москвы; разказывали они разные анекдоты, одинъ другаго печальнѣе, и что до самаго Владиміра дорога была покрыта экипажами, ѣдущимъ и идущимъ народомъ. Всѣ были мрачны, унылы и горевали по отчизнѣ, забывъ о потерѣ своей собственности, оставленныхъ въ Москвѣ домахъ съ имуществомъ, въ числѣ которыхъ и я того же лишился.

1813. Пріятныя извѣстія о побѣдахъ узналъ я въ Москвѣ, въ проѣздъ мой къ отцу моему, въ Смоленскую губернію. Нельзя было увидѣть Москву безъ сердечнаго сокрушенія; уцѣлѣли только въ Кремлѣ нѣкоторыя зданія, Китай-городъ (но не Гостиный дворъ), улицы: Тверская, Дмитровка, Петровка, часть Лубянки, Покровка, Мясницкая, Кузнецкій мостъ, Большая Мѣщанская и Запасный дворецъ. Остальное все было выжжено, и кое-гдѣ оставались небольшіе домики.

По смоленской дорогѣ, только что начали выстраиваться нѣкоторыя деревни. Въ Московской губерніи всѣ убитыя тѣла были сожжены, а въ Смоленской до самаго города не надобно было спрашивать о дорогѣ, а слѣдовать по большимъ могиламъ, бывшимъ по обѣимъ сторонамъ, въ самомъ близкомъ разстояніи одна отъ другой. Города: Гжатскъ, Вязьма, Дорогобужъ и самый Смоленскъ представляли печальное зрѣлище; стѣна въ Смоленскѣ во многихъ мѣстахъ была подорвана.

Отца моего, въ его деревнѣ Рославльскаго уѣзда, нашелъ, благодареніе Богу, здороваго; во время нашествія непріятелей онъ укрывался въ Бѣльскомъ уѣздѣ, на границѣ Псковской губерніи. Смоленское дворянство почти все на то время выѣхало въ ближнія губерніи. Оставались: родственникъ мой Павелъ Ивановичъ Энгельгардтъ и Шубинъ, изъ побужденія, чтобы вредить непріятелю. Когда они были Французами схвачены и принуждаемы присягнуть Наполеону, то за отрицаніе отъ сего были разстрѣляны; жены ихъ, за вѣрность мужей, государемъ были щедро награждены.

1814. Я былъ въ Москвѣ, когда получено офиціяльное извѣстіе о взятіи Парижа, отреченіи Наполеона и вступленіи на престолъ Лудовика XVIII. Торжество въ опаленной столицѣ

было восхитительно; безъ всякаго приказанія, вся Москва нѣсколько дней была иллюминована; одинъ передъ другимъ выдумывали эмблематическія прозрачныя картины. Дворянство сдѣлало особый праздникъ въ домѣ Полторацкаго, у Калужскихъ воротъ, отъ пожара уцѣлѣвшемъ. А. М. Пушкинъ сочинилъ прологъ, соотвѣтствующій сему торжеству; княгиня Вяземская со многими дамами и дѣвицами представляли оный; бюстъ государя императора былъ поставленъ на пьедесталѣ, богато и искусно украшенномъ, охраняемый и увѣнчанный геніями, и къ нему хоръ относился. Надпись на пьедесталѣ сочинена была княземъ Вяземскимъ:

Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель!
Какой вѣнецъ ему? Какой ему алтарь? —
Вселенная! пади предъ нимъ: онъ твой спаситель;
Россія! имъ гордись: онъ сынъ твой, онъ твой царь!

Для народа поставлены были амфитеатры съ балансерами и разными фокусниками; иллюминація съ эмблематическою картиной была превосходна; по окончаніи пролога сожженъ былъ фейерверкъ, а потомъ балъ продолжался до пяти часовъ утра.

1820. По случаю смерти моего зятя Вязмитинова, за нѣсколько передъ оною мѣсяцевъ пожалованнаго графомъ, пріѣхалъ я въ Петербургъ навѣстить овдовѣвшую сестру мою и записать сына моего въ гвардію. Графъ Сергѣй Кузьмичъ Вязмитиновъ былъ изъ незнатнаго и небогатаго дворянства Курской губерніи, Рыльскаго уѣзда; записанъ былъ на службу почти ребенкомъ въ армейскій полкъ, тамъ квартировавшій, сержантомъ; вскорѣ тотъ полкъ для содержанія караула назначенъ былъ въ Петербургъ. По прибытіи туда, потребованъ былъ отъ сего полка въ канцелярію президента военной коллегіи графа З. Г. Чернышевъ, унтеръ-офицеръ, знающій хорошо писать; Вязмитиновъ былъ для сего наряженъ. Остротой, прилежаніемъ и поведеніемъ своимъ снискалъ онъ благосклонность правителя канцеляріи, который, видя его дарованія, отличалъ его и обращался съ нимъ ласково; по поводу сего онъ ознакомился и съ графскими адъютантами. Праздное время отъ должности употребилъ онъ на изученіе французскаго языка, въ которомъ по времени былъ очень силенъ, занялся чтеніемъ касательно разныхъ наукъ. Умъ его, трудолюбивый и острый,

доставилъ ему то, чему рѣдкіе могли выучиться, получа рачительное воспитаніе. Онъ пристрастился къ музыкѣ, и какъ въ штатѣ графа нѣкоторые были музыканты, то по охотѣ своей скоро выучился на віолончели, и игралъ на ономъ инструментѣ не какъ артистъ, но какъ охотникъ и знатокъ, очень хорошо. Вскорѣ и графъ Чернышевъ его узналъ, сдѣлалъ его своимъ флигель, а потомъ и генеральсъ-адъютантомъ. Онъ былъ при немъ пятнадцать лѣтъ и управлялъ уже его канцеляріей и всѣми дѣлами. За учрежденіе бѣлорусскихъ губерній особенно онъ былъ графомъ рекомендованъ, за что̀ императрица пожаловала ему въ Бѣлоруссіи 800 душъ. По истеченіи шести лѣтъ въ званіи генеральсъ-адъютанта при фельдмаршалѣ, пожалованъ онъ полковникомъ и данъ ему Вологодскій мушкетерскій полкъ, который онъ довелъ до того, что полкъ этотъ служилъ образцомъ въ арміи. Потомъ сформировалъ онъ Сибирскій гренадерскій полкъ, также доведенный имъ до совершенства. Обратилъ на себя вниманіе фельдмаршаловъ: графа Румянцева и свѣтлѣйшаго князя Потемкина, и сталъ извѣстенъ самой императрицѣ. По старшинству пожалованъ онъ былъ генералъ-майоромъ; по болѣзни же глазъ и худому зрѣнію принужденъ былъ оставить военную службу; пожалованъ былъ губернаторомъ въ Могилевъ, а потомъ сенаторомъ. Императрица, почитая постъ генералъ-губернатора Уфимской губерніи важнымъ, касательно Башкирцевъ и оренбургской линіи, возвела его въ сіе достоинство, при которомъ онъ и оставался до вступленія на престолъ Павла I, который, оттуда его вызвавъ, сдѣлалъ коммендантомъ Петропавловской крѣпости и генералъ-кригсъ-коммиссаромъ и пожаловалъ тысячу душъ въ Минской губерніи. Въ концѣ царствія его онъ былъ въ опалѣ. Императоръ Александръ пожаловалъ его генераломъ отъ инфантеріи, вице-президентомъ военной коллегіи; при учрежденіи министерствъ, военнымъ министромъ и главнокомандующимъ с.-петербургскимъ, но послѣ аустерлицкой баталіи на него прогнѣвался и отставилъ даже безъ мундира. Мѣсто его заступилъ графъ Аракчеевъ, который, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, былъ личнымъ его непріятелемъ. Но къ чести графа Аракчеева, и, можно сказать, *въ одномъ только семъ случаѣ* онъ показалъ себя незлобивымъ; черезъ двѣ недѣли по пріемѣ сей должности онъ подалъ государю просьбу объ увольненіи его отъ службы. Государь удивился, и спросилъ своего любимца, какая тому причина? Тотъ ему отвѣчалъ: «Когда ваше величество отставили съ такимъ

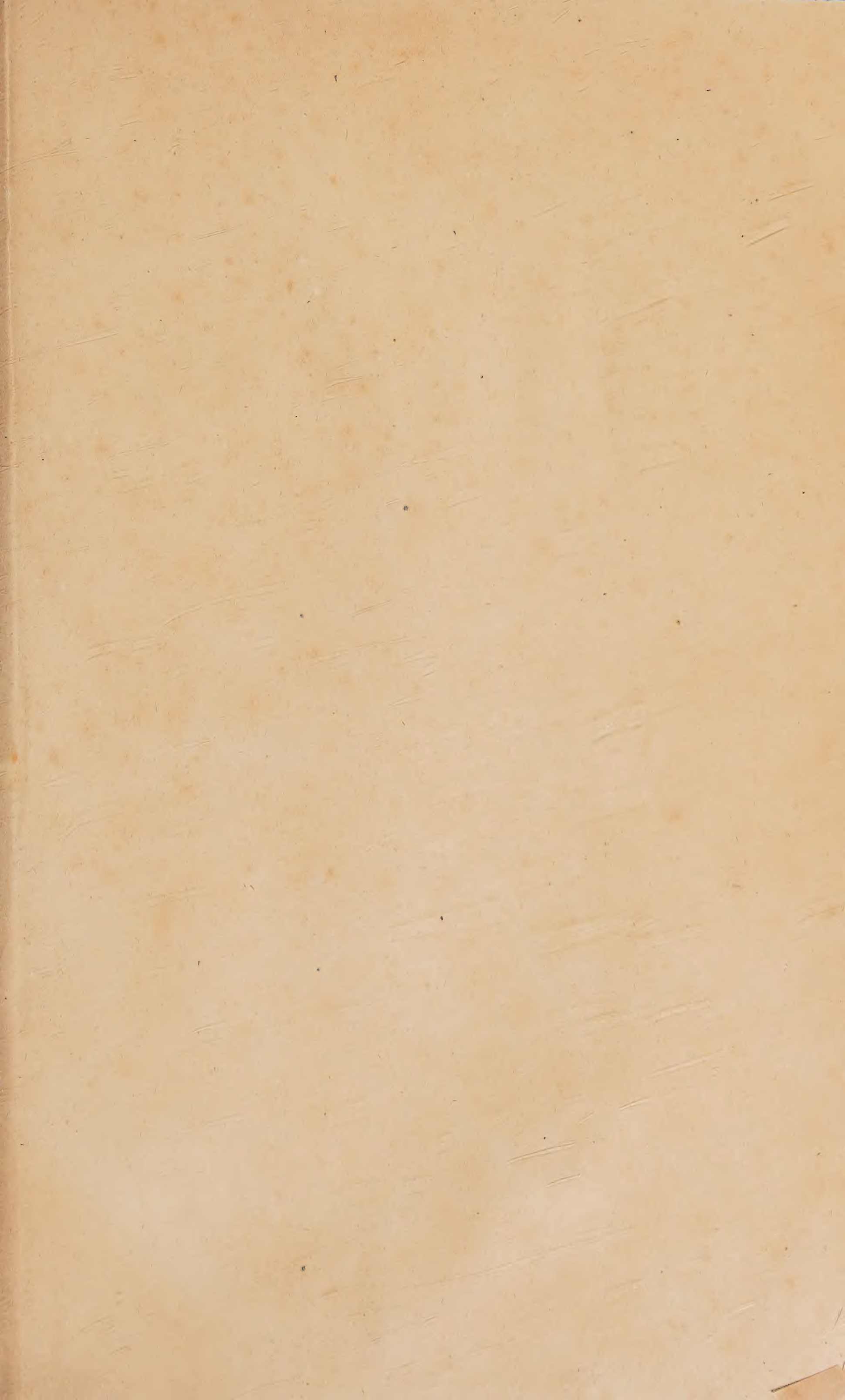
позоромъ Вязмитинова, то всѣ думали, равно какъ и я, что онъ найденъ вами въ нерачении, изобличенъ въ злоупотреблении и разстройствѣ въ дѣлахъ; но когда я принялъ его должность и вошелъ въ подробность дѣлъ, то увидѣлъ, что коллегія и департаментъ, равно и канцелярія главнокомандующаго, все было въ совершенномъ порядкѣ, не только не замѣтилъ злоупотребленія, но напротивъ я увидѣлъ рѣдкое его безкорыстіе, а потому судя, что ежели такой человѣкъ, каковъ Вязмитиновъ, служа всегда съ такою честью столь долгое время императрицѣ, бабкѣ вашей, императору родителю вашему и вашему величеству, отставленъ такъ позорно, то я и всякій другой долженъ ожидать такой же участи, безъ всякой причины, по одному только *вашему капризу*. Для чего и прошу меня отставить, и я иначе не соглашусь служить, если не отдадутъ должной справедливости Вязмитинову.» По поводу сего государь въ приказѣ объявилъ, что Вязмитиновъ отставленъ, по просьбѣ его, съ мундиромъ и всѣмъ получаемымъ имъ трактаментомъ, притомъ препроводилъ къ нему лестный рескриптъ. По нѣкоторомъ времени помѣстилъ государь его въ государственный совѣтъ, возвратилъ къ нему свою довѣренность; въ началѣ 1812 года опять сдѣлалъ его главнокомандующимъ въ С.-Петербургѣ и министромъ полиціи, пожаловавъ ему аренду на двѣнадцать лѣтъ, приносящую болѣе сорока тысячъ рублей ежегоднаго доходу. Возвратясь, по взятіи Парижа, онъ пожаловалъ ему орденъ Св. Андрея, а сестру мою кавалерственною дамой ордена Св. Екатерины 2 класса, не однократно жаловалъ онъ его деньгами и одинъ разъ сто тысячъ рублей подъ видомъ на экстра-ординарные расходы, безъ отданія въ оныхъ отчета, не задолго передъ его кончиной и графскимъ достоинствомъ. Онъ во всю свою жизнь и службу не имѣлъ и не искалъ ни у кого протекціи, пріобрѣтая чины и все единственно своею ревностною службой. Какъ онъ сверхъ родства былъ мнѣ благодѣтель и дружески ко мнѣ расположенъ, то я за долгъ почелъ изложить его біографію. Скончался онъ семидесяти восьми лѣтъ послѣ пятидесяти лѣтъ службы. Похороны его были великолѣпны, сопровождали его гробъ весь сенатъ и войска до Александро-Невскаго монастыря, гдѣ онъ и погребенъ. Государь посѣтилъ два раза вдовствующую его супругу, мою сестру, и пожаловалъ ей по жизнь все, что̀ получалъ покойный Сергѣй Кузьмичъ.

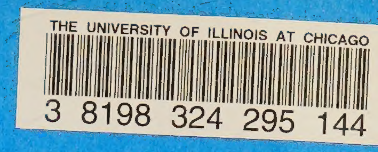
Въ іюлѣ сгорѣла часть дворца въ царскомъ селѣ и лицея. Императоръ былъ чрезвычайно огорченъ, сказавъ: «что до сихъ поръ онъ былъ такъ избалованъ счастіемъ, что отъ сего времени страшится противнаго себѣ.» На сей случай А. Л. Нарышкинъ сказалъ, что дворецъ царскосельскій сгорѣлъ отъ того: «Que la cour n'a pas de pompe.» Ибо тамъ не было пожарныхъ инструментовъ.

. . . .
. . . . (1).

---

(1) Записки Л. Н. Энгельгардта доведены до времени кончины императора Александра I, но уже не представляютъ того интереса, которымъ отличаются первыя ихъ главы. Съ 1801 года авторъ рѣдко является въ нихъ дѣйствующимъ лицомъ, а потому записки его лишены по большй части жизни, которая такъ ярко выражается въ описаніяхъ событій, гдѣ Л. Н. Энгельгардтъ является участникомъ или свидѣтелемъ. Записки его о временахъ царствованія Александра I преимущественно состоятъ изъ сухихъ перечней сраженій и тому подобныхъ обстоятельствъ, изложенныхъ по реляціямъ и разказамъ. Эти соображенія побудили насъ выбрать только немногое изъ записокъ 1801—1825 годовъ и напечатать то, что̀ можетъ быть публиковано изъ разказовъ о малоизвѣстныхъ обстоятельствахъ, а также изъ случаевъ частной жизни Л. Н. Энгельгардта, гдѣ выступаетъ его оригинальная, правдивая личность, которую уже успѣли узнать и безъ сомнѣнія полюбить читатели ***Русскаго Вѣстника. Ред.***




THE UNIVERSITY OF ILLINOIS AT CHICAGO
3 8198 324 295 144